ИСТОРИЯ ВОСТОКА

II

Восток в средние века

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

в шести томах

Главная редколлегия

Р.Б.Рыбаков (председатель),
Л.Б.Алаев, К.З.Ашрафян (заместители председателя),
В.Я.Белокреницкий, Д.Д.Васильев, Г.Г.Котовский,
Р.Г.Ланда, В.В.Наумкин, О.Е.Непомнин,
Ю.А.Петросян, К.О.Саркисов, И.М.Смилянская,
Г.К.Широков, В.А.Якобсон

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2000

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

II

Восток в средние века

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2000

УДК 94/99+94/99(100-87)
ББК 63.3(0)4
И90

Ответственные редакторы
Л.Б.АЛАЕВ, К.З.АШРАФЯН

Редактор издательства
Л.В.НЕГРЯ

История Востока. Т. 2: Восток в средние века. — М.: Издательская фир-
И90 ма «Восточная литература» РАН, 2000. — 716 с.: карты.

ISBN 5-02-018102-1
ISBN 5-02-017711-3

Второй том многотомного труда «История Востока» (первый — «Восток в древности» — вышел в свет в 1997 г., третий — «Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI—XVIII вв.» — в 1999 г.) хронологически охватывает VI—XV века, когда сложились и достигли своего расцвета средневековые феодальные общества стран Азии и Северной Африки. Помимо истории отдельных стран и регионов в том включены общие главы: в одной из них трактуются теоретические проблемы истории феодализма, в другой — подводятся итоги исторического процесса на средневековом Востоке к концу XV в. Том снабжен картами и указателями

ББК 63.3(0)4

ISBN 5-02-018102-1
ISBN 5-02-017711-3

© Институт востоковедения РАН, 1995
© Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 1995

ВВЕДЕНИЕ

Данная книга посвящается средневековой истории Востока — Азии и Северной Африки. Понятие «средние века», возникшее в западноевропейской историографии нового времени в контексте европейской истории, используется в мировой ориенталистике для определения многовекового периода и в истории восточных стран. Важнейшие события европейской истории, знаменовавшие конец античности, — мощные волны великого переселения народов, варварские завоевания и падение Римской империи — были факторами мировой истории, включая историю Востока. Первые столетия нашей эры на Востоке — время крушения древних социально-экономических и политических структур, возникновения переходных форм, которые в своем развитии привели к складыванию средневекового общества. Сложный и многоплановый процесс развития характерных для средневековья структур происходил асинхронно в различных регионах с некоторым опережением или отставанием. Поэтому начало восточного средневековья, его нижние рубежи, — VI—VII вв. — могут быть приняты условно, поскольку в это время произошло становление средневековых обществ лишь в отдельных странах Ближнего и Среднего Востока, в Индии, в Китае, в то время как в других странах и у других народов аналогичный процесс должен быть отнесен к значительно более позднему времени.

Генезис капитализма и буржуазные революции в Европе знаменовали конец европейского средневековья. В отечественной историографии верхним рубежом средневековья принята английская буржуазная революция середины XVII в. Однако уже концом XV — началом XVI в. открывается период драматической «встречи» Востока и Запада, имевшей важные последствия для всего хода мировой истории, для судеб народов и стран обоих макрорегионов. С XVI в. Восток становится объектом торговой экспансии и колониальных захватов вырвавшихся вперед в своей эволюции европейских держав. Придав дополнительный импульс динамичному развитию Европы, торговая и колониальная экспансия XVI—XVIII вв. прервала нормальный исторический процесс на Востоке, обусловила деформированное развитие азиатских и североафриканских стран. Имея в виду это обстоятельство, авторы «Истории Востока» сочли уместным посвятить истории этих столетий специальный том (т.III). Это позволит глубже понять процесс возникновения колониальной системы, оценить значение в этом процессе эндогенных и экзогенных факторов.

Известно, что средневековые формы на Востоке продолжали существовать, даже развиваться и после XV в., т.е. за хронологическими рамками данного тома, в котором нашла отражение история лишь раннего восточного средневековья и обществ периода его расцвета.

Том охватывает все основные государства и общества, существовавшие в Азии и Северной Африке в означенный период, включая территории Закавказья и Средней Азии постольку, поскольку последние составляли единое историческое пространство с государствами и обществами Ближнего и Среднего Востока, и, конечно, Византию. По-видимому, без учета византийского материала нельзя глубоко изложить проблематику

социально-экономической истории Османской империи, проблему культурных контактов Востока и Запада и ряд других вопросов.

Пространственные рамки средневековых восточных обществ значительно расширяются по сравнению с периодом древности. Ряд дописьменных народов эпохи древности, находившихся на стадии первобытнообщинных отношений, в средние века активно включаются в исторический процесс, становятся объектами не только этнографии и археологии, но и исторической науки.

Познакомившись с содержанием второго тома «Истории Востока», читатель сможет составить представление о том, в каких условиях, какими путями, в каких конкретных формах происходили генезис средневековых обществ Востока и их дальнейшее развитие, каковы были внутренние и внешние факторы этого развития, чем общества раннего средневековья отличались от таковых периода расцвета, что представляло собой восточное государство, как протекали процессы экономической и социальной эволюции, процессы расселения и становления различных этносов, как эти явления отражались в сознании людей.

Центральной проблемой истории обществ восточного средневековья, как и любой другой эпохи, является проблема характера их социально-экономической и политической структуры.

В этой связи в историографии выдвигалось и выдвигается несколько концепций. До настоящего времени не утратила для ряда ученых притягательную силу концепция «азиатского способа производства», трактуемого, впрочем, далеко не однозначно. Выдвигая ее, ученые стремятся подчеркнуть ту специфику развития, которая была свойственна докапиталистическим восточным обществам по сравнению с западноевропейскими. Понятие «азиатского способа производства», введенное в свое время К.Марксом, интерпретируется иногда как адекватное понятию «государственного способа производства». При этом подчеркиваются особые функции азиатских государств в сфере производства и распределения прибавочного продукта при слабом развитии (или даже отсутствии) частной собственности на основное в докапиталистических аграрных обществах средство производства — землю.

Из прямо противоположного положения о доминировании частной земельной собственности во всех докапиталистических обществах мира, в том числе Востока, исходят сторонники так называемого рентного способа производства.

Для ряда ученых средневековые общества Востока, не вставшие в доколониальный период на путь «индустриального» (капиталистического) развития, являются «традиционными». Присущие им «традиционные» формы прослеживаются во многих восточных странах вплоть до наших дней.

«Феодальная концепция» развития Востока выдвигается многими учеными, как отечественными, так и зарубежными. Однако в качестве доказательства феодализма на Востоке приводятся разные доводы — от черт политической организации общества, а именно аморфности государственной структуры и выраженности центробежных тенденций, до условного землевладения феодалов.

Немало сторонников имеет концепция «большой феодальной формации», сторонники которой настаивают на типологической адекватности древних и средневековых обществ.

Понимая под феодализмом особую формацию, т.е. стадию в развитии общества и в смене прогрессивных эпох, обусловленную определенным

уровнем развития и характером материального производства, социально-экономических форм, культуры, авторы данного труда средневековые общества Востока признают феодальными, допуская вместе с тем возникновение отдельных элементов феодальной структуры еще в эпоху древности, главным образом поздней древности. Таким образом, феодализм предстает как вторая антагонистическая формация на Востоке, пришедшая на смену антагонистической же многоукладной структуре древних обществ. В данном издании, как и во многих других трудах востоковедов, феодализм рассматривается как строй, обусловленный господством мелкого натурального производства, когда экономической целью является производство потребительных стоимостей. Однако авторы далеки от абсолютизации этого тезиса, характерного для сторонников «натурально-хозяйственной теории» феодализма, и отмечают наличие в средневековых обществах также и товарно-денежных отношений, торговли и мелкотоварного ремесла. Основу феодальной формации на Востоке, как и в других регионах мира, представлял феодальный способ производства (социально-экономический базис), которому соответствовали определенные, присущие феодальной эпохе, государственно-политические и юридические институты и формы общественного сознания, активно воздействовавшие на базисные отношения, во многом — детерминировавшие их.

Исходя из того, что основу экономического строя феодализма образует феодальная земельная собственность, а глубинную суть ее — рентные отношения, в данной работе уделяется пристальное внимание этим аспектам. Показано, что на Востоке, как и в других феодальных обществах, большую роль играли внеэкономическое принуждение, обусловленное специфически феодальными характером и способом соединения производителя со средствами производства (производитель — собственник, наследственный владелец, арендатор), и военно-административная власть, которой обладал феодальный собственник, являвшийся не только агентом производства и получателем прибавочного продукта, но и господином. В результате экономическая суть феодальных отношений скрыта личностными отношениями, т.е. отношениями личной зависимости, господства и подчинения.

«Феодальная концепция» развивалась многими исследователями на конкретном историческом материале по отдельным странам и регионам Востока, что, как нам представляется, практически еще не сделано в отношении концепций, альтернативных феодальной. Однако авторы считают, что эта концепция нуждается не только в дальнейшем подкреплении ее фактами, но и в совершенствовании ее теоретических посылок. В связи с этим в предлагаемой вниманию читателей книге специальная глава посвящается теоретическим аспектам этой формации.

Развивая концепцию феодализма на Востоке в средние века, авторы ставили целью показать единство мирового исторического процесса, частью которого была история азиатских и североафриканских стран. Не менее важная задача заключалась в том, чтобы раскрыть то специфическое в экономической, социальной, политической структуре этих стран, в их культуре, что формировало на средневековом Востоке особый формационный регион — «восточный феодализм» и что во многом предопределило различные итоги исторического процесса на Востоке и Западе по крайней мере уже к концу XV в.

Читатель, однако, будет иметь возможность убедиться в том, что восточный формационный регион, отличаясь в целом ряде аспектов, и прежде всего по темпам развития (меньший динамизм), от западноевропейского фе-

одализма, не был един: отдельные страны или группы стран образовывали субрегионы, различаясь и достигнутой на данный момент степенью зрелости феодальных форм, и по внутренним и внешним условиям, в которых происходили генезис и эволюция этих форм, по их конкретному воплощению, т.е. институционализации.

Восток являл картину многообразия также и в цивилизационном аспекте, что отличало его от средневековой Европы. Цивилизационные регионы на Востоке, возникавшие на различных религиозно-культурных традициях, не совпадали с формационными субрегионами. Некоторые из них были «старше», чем сам феодализм, и сложились еще в древности (буддийская и индусская цивилизации на Индийском субконтиненте, конфуцианская цивилизация в Китае), другие были продуктом исторических процессов в средние века (мусульманская цивилизация на Ближнем и Среднем Востоке, индо-мусульманская цивилизация в Индии, индусская и мусульманская цивилизации в странах Юго-Восточной Азии, буддийская цивилизация в Японии и Юго-Восточной Азии, конфуцианская цивилизация в Японии и Корее). В различных разделах книги читатель найдет сведения о явлениях культурной жизни, религиях и религиозных учениях, имевших распространение в средние века. Эти сведения помогут оценить огромный вклад восточных цивилизаций в сокровищницу мировой культуры. Важным аспектом проблемы цивилизационного развития восточных обществ является проблема контактов и взаимовлияний, а в отдельных случаях и синтеза культур как отдельных народов Востока, так и культур Востока и Запада.

Пользуясь при анализе материала такими обобщающими категориями, как феодализм и цивилизация, базис и надстройка и т.д., авторы издания вовсе не сводят историю к эволюции категорий. Они понимают, что история — это прежде всего история людей. Поэтому они с максимально возможной в рамках данного труда полнотой постарались осветить важнейшие события политической истории — возникновение и крушение государств, разорительные для народов завоевания, междоусобные войны, сотрясавшие общества народные восстания, роль в этих событиях людей из различных социальных слоев, их судьбы.

Том включает ряд конкретно-исторических и проблемных глав.

Глава I — «Азия на рубеже древности и средневековья» — посвящена переходной эпохе, когда в недрах приходивших в упадок древневосточных обществ появились элементы новых феодальных структур в рамках сохранившихся от древности государств (государство Сасанидов, Византия, империя Гупта и др.) или во вновь создававшихся политических образованиях.

Раннесредневековому обществу Востока VII—IX вв. посвящается глава II; в это время феодальные отношения уже стали господствующими, однако все еще хранили «родимые пятна» более ранних дофеодальных форм — первобытнообщинных и рабовладельческих.

X—XIII века в истории подавляющего большинства стран Азии и Северной Африки были временем торжества феодальных отношений, вступивших в этап своей зрелости, что ознаменовалось развитием средневекового города и средневековой культуры. Этим проблемам посвящается глава III — «Азия и Северная Африка в X—XIII вв.».

Монгольские завоевания оказались тяжелым испытанием для многих народов Востока, так как сопровождались невиданными дотоле по масштабам разрушением городов, ирригационных систем, истреблением сотен тысяч

людей, нарушением сложившихся торговых и культурных коммуникаций между отдельными странами.

Последствия монгольских завоеваний трактовались в литературе неоднозначно. Рядом историков высказывалось положение о том, что упомянутые выше явления носили временный характер и завоеванные монголами страны спустя несколько десятилетий вступили в нормальное русло развития. Согласно другой точке зрения, монгольские завоевания затормозили эволюцию многих народов и даже обусловили попятные движения. Учитывая важность проблемы истории монголов, монгольским завоеваниям и государствам, созданным монгольской кочевой знатью в ряде восточных стран, а также борьбе с монголами посвящается специально глава IV.

Глава V — «Между монголами и португальцами» — посвящается истории XIV—XV вв., когда происходило медленное возрождение земледельческих районов и питавших их ирригационных систем, когда восстали из пепелищ некоторые из разрушенных городов, появились новые города, а феодальные институты получили свое наиболее полное развитие. Однако именно в это время обнаружили себя симптомы замедления темпов развития, связанные немало с продолжавшимися разорительными усобицами и феодальными войнами, новыми вспышками агрессивности кочевой периферии развитых феодальных обществ.

Из двух проблемных глав второго тома одна (глава VI) посвящается теории феодализма как комплексной системы и его восточной модели («восточному феодализму»). Другая (глава VII) подводит итоги исторического процесса в странах Востока до начала эпохи европейских колониальных захватов, начавшейся с образования «точечной» морской империи — Португалии.

Для написания истории восточного средневековья были использованы источники на языках народов Азии и на западноевропейских языках. Это эпиграфика, официальные документы, хроники и художественные произведения, записки путешественников и др. Авторы издания учли практически всю доступную им научную литературу, результаты исследований отечественных и зарубежных коллег.

Тем не менее далеко не все проблемы истории восточного средневековья нашли одинаково подробное, адекватное освещение. Это объясняется как относительно небольшим объемом издания, так и современным уровнем научных знаний. Неисследованность ряда вопросов конкретной истории отдельных стран, неунифицированность и несовершенность используемых дефиниций, едва лишь обозначившийся интерес в науке к сравнительному анализу и типологизации исторического процесса в отдельных субрегионах Востока обусловили гипотетичность ряда положений и выводов, подчас — генерализацию некоторых наблюдений, сделанных на материале отдельных стран.

Не претендуя на окончательность многих своих суждений и выводов, редакторы и авторы надеются, что их труд даст толчок дальнейшим исследованиям, как конкретным, так и научно-теоретическим.

Над вторым томом «Истории Востока» работали ученые Института востоковедения РАН, Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, Института всеобщей истории РАН, Института отечественной истории РАН, Московского государственного университета. Разделы и главы тома написаны: С.Г.Агаджановым («Сельджукское завоевание и государства Сельджукидов», «Чингис-хан и Чингисиды в Средней Азии» в гл.III и IV), Л.Б.Алаевым (введения к гл.I и V, «Раннесредневековая Индия», «Южная

Азия в XI—XII вв.», «Виджаянагар» в гл.II—V; глава VI «Восток в мировой типологии феодализма. Восточный феодализм»), И.В.Артемовым («Средняя Азия в III—XIII вв.» в гл.III), К.З.Ашрафян (Введение, «Делийский султанат в XIII в.», «Делийский султанат в XIV в.», «Делийский, Бахманидский и Гуджаратский султанаты в XV в.», «Тимур и Тимуриды в Средней Азии» в гл.IV и V, глава VII — об итогах исторического развития Востока к началу XVI в.), А.А.Бокщаниным (все разделы по Китаю в гл.I—V), О.Г.Большаковым («Ранний ислам» и «Арабские завоевания. Халифаты Умайядов и Аббасидов. Распространение ислама» в гл.II, «Ближний Восток в эпоху крестовых походов» в гл.III), Ю.В.Ваниным («Корея в XIV—XV вв.» в гл.V), А.А.Вигасиным («Индия в гуптский период» в гл.I), С.В.Волковым (разделы по истории Кореи в гл.I—III), М.В.Воробьевым («Япония в III—VI вв.» в гл.I), Д.В.Деопиком («Распространение буддизма в Юго-Восточной Азии» в гл.I, разделы по Индокитаю в гл.II—V), П.И.Жаворонковым (разделы по истории Византии в гл.I,II,V), Н.А.Ивановым («Магриб в IX—XI вв. Альморавиды и Альмохады» в гл.III), С.Г.Кляшторным («Первый Тюркский каганат», «Второй Тюркский каганат», «Уйгурский каганат» в гл.I и II), М.Г.Козловой («Первые государства на территории Мьянмы» в гл.II, раздел по истории Мьянмы в XIV—XV вв. в гл.V.), С.В.Волковым, М.Г.Козловой, Н.В.Ребриковой, А.Л.Рябининым («Борьба народов Кореи, Вьетнама, Бирмы и Индонезии против монгольских захватов» в гл.IV), С.В.Кулландой («Генезис государственности у народов Западной Индонезии. Шривиджайя», «Матара́м», «Государства Кадири и Сингхасари», «Государство Маджапахит» в гл.II,III,V), Е.И.Кычановым («Тангутское государство Си Ся» в гл.III, разделы о Монголии в XII—XIII вв., о возвышении Чингисхана, создании единого монгольского государства и завоевательных войнах Чингис-хана в гл.IV), М.С.Мейером («Османская империя в XIV—XV вв.» в гл.V), И.Б.Михайловой («Распад Аббасидского халифата» и часть раздела «Сельджукское завоевание и государства Сельджукидов» в гл.III), И.В.Можейко («Государство Паган» в гл.III), А.П.Новосельцевым («Государство Сасанидов» в гл.I, «Государства Саманидов и Газневидов» в гл.III, «Держава Хулагуидов» в гл.IV, «Иран в XIV — начале XV в.» и «Иран в XV в.» в гл.V, разделы по Закавказью в гл.I и V), Н.В.Ребриковой («Индокитай. Государство Фунань», «Дваравати и Ченла», «Сукхотаи и Аютия» в гл.I,II,V), А.Л.Сафроновой (разделы по Ланке в гл.I—III,V), Л.А.Семеновой («Государства Фатимидов и Аййубидов», «Государство Мамлюков в Египте» в гл.III и V), А.А.Толстогузовым (разделы по истории Японии в гл.II,III,V), В.Л.Успенским («Государство Даян-хана в Монголии» в гл.V). Библиография составлена А.В.Нагорной и Т.Ф.Юрловой, указатели — А.В.Нагорной, С.С.Соболевой, Т.Ф.Юрловой. Ответственный секретарь тома — Р.В.Хабаева.

Глава I

АЗИЯ НА РУБЕЖЕ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Период с первых веков нашей эры до VII в., рассматриваемый в этой главе, является для многих территорий Азии переходным. Речь, понятно, идет о тех территориях, которые имели до этого богатую древнюю историю, — Ближнем Востоке, Индии, Китае. Северная Африка в главе I не фигурирует, так как в этот период она не стала еще частью «Востока». Конечно, любой период в каком-то смысле переходный, в нем всегда можно обнаружить черты прежнего и черты нового, но в данном случае мы явно наблюдаем начало новой эпохи.

На Ближнем Востоке период характеризуется неустанной и, как вскоре стало ясно, бессмысленной борьбой за пограничную полосу — от Аравии до Закавказья — между Римом, а потом Византией, с одной стороны, и сасанидским Ираном — с другой. Аравия, Сирия, Месопотамия, Армения, Грузия были, с точки зрения политики двух великих империй, просто объектами захвата, причем не столько даже для экономической эксплуатации, сколько из соображений престижа. Во всяком случае, на практике эти войны оказывались неизменно убыточными, приводили к истощению обеих империй. Каждая победа несла в себе зародыш будущего поражения.

Интересно, что сасанидский Иран в этих войнах не искал союзников против Византии на западе. Можно ли считать, что там просто не было сил, на которые можно было бы опереться? Или это материальное, явственное выражение разрыва между Западом и Востоком, невидимой границы, которая пролегала в сознании восточных политиков где-то по Балканам? В отличие от Ирана Византия, страна в подлинном смысле пограничная между Западом и Востоком, не чуралась любых союзников, лишь бы они были врагами Ирана. Отсюда попытки установления связей с Кушанами, а потом с эфталитами, тюрками, хазарами — восточными и северными соседями. И это несмотря на то, что Византия была христианской страной и имела определенные миссионерские устремления.

Система международных отношений не знала абсолютных границ, и все же где-то в Средней Азии и по Инду проходила еще одна граница, отделяя регион Ближнего и Среднего Востока от Южной и Восточной Азии.

Южная Азия представляла собой в это время прежде всего империю Гупта и ряд более мелких, слабее известных и, видимо, еще незрелых государственных образований в Южной Индии. Империя Гупта существовала как бы изолированно. Для нее главным были войны внутри Индии, а внешнего мира, за Гиндукушем, как бы совсем не существовало. Тем интереснее, что в ее устройстве мы можем наблюдать определенное иранское влияние — хотя бы в титулатуре гуптских императоров. Знаменательно также, что эта империя заняла как бы временной промежуток между решительными вмешательствами в южноазиатские дела кушанов и эфталитов. И те и

другие пришли в Индию с северо-запада, но и те и другие демонстрируют именно общеазиатскую связь — кушаны передали индийскую культуру, прежде всего в буддийской форме, в Центральную, затем и в Восточную Азию, а эфталиты, наоборот, передали Южной Азии импульс, зародившийся в Центральной Азии. Таким образом, говоря о границе Ближне- и Средневосточной и Южноиндийской цивилизаций, нельзя ее абсолютизировать. Граница не размывалась, но и не служила непреодолимым препятствием для обмена и вооруженными ударами, и культурными ценностями.

Восточноазиатская цивилизация в этот период развивалась под определяющим влиянием китайской. Китай всего рассматриваемого периода — это Китай раздробленный. Древняя империя Хань распалась к началу этого периода, когда другие древние империи, сопоставимые с Хань по их значению в становлении соответствующих цивилизаций, еще процветали. В этом можно видеть некое опережение Китаем общего процесса развития Азии, если, конечно, считать процесс становления средневекового общества в Азии единым процессом.

Безусловно, данный период является периодом становления и оформления византийской культуры, впитавшей в себя элементы римской, греческой и, конечно, сирийской культур. Несмотря на то что поздняя византийская культура захирела и была сметена исламом, все же она оказала значительное влияние на весь Ближний и Средний Восток. Возможно, что специфика Османской империи внутри мира ислама объясняется не только этническими особенностями турок-османов, но и наследием Византии, полученным ими на соответствующих территориях.

Историки Ирана отмечают в тот же период созревание иранской зороастрийской культуры и становление иранского этноса. И после исламизации иранский народ сохранил свою специфику и идентичность.

В Индии, в империи Гупта, завершилось складывание древнеиндийской культуры, что роднит ее историческую роль с империей Сасанидов. Окончательно вырабатывается классический санскрит, и на нем фиксируются великие устные произведения древности — «Махабхарата», «Рамаяна», дхармашастры и т.д. В отличие от Ирана в гуптской Индии совершенствовался именно древний, классический, оторванный от народа язык. Если в Иране язык дари стал распространяться как язык народа и произошла языковая, а с нею и этническая консолидация, то в Индии процессы развития народных языков были еще впереди. Если империя Сасанидов в полной мере переходна — она явственно наследует Парфии и в то же время предвосхищает многое из позднейшего Халифата, то Гупты — это только завершение древнего периода. Правда, происходит становление индуизма — той религии, которая и стала средневековой. Однако надо помнить, что в религиозном развитии Индия была впереди издавна — первая религия, оказавшаяся способной стать мировой (буддизм), возникла именно здесь, намного опередив средневековый общественный строй. Так что становление индуизма выглядит как вытеснение буддизма из Индии, т.е. как возврат от мировой религии к языческой, этноориентированной, типологически сходной с древними верованиями.

В Китае в тот же период складывается китайский этнос, ассимилировавший многих пришельцев, начинает возникать новый язык, среднекитайский, древний уходит в прошлое. В религиозной жизни создается столь характерный для последующих периодов синкретизм на основе частичного вытеснения конфуцианства буддизмом и даосизмом. Таким образом, в Ки-

тае происходят процессы, очень похожие на иранские, но не в условиях очередной империи, а в обстановке политической раздробленности и нестабильности.

Восточная Азия представляла собой довольно замкнутый мир, как и Южная. Основные политические проблемы китайских государств — оборона против кочевников с севера, завоевания на Корейском полуострове и в южных районах. Но, так же как и граница Южной Азии, граница Восточной не была «на замке». Кочевые народы Центральной Азии «объединяли» Китай и Индию общностью судеб. Как в Индии в I—III вв. правили Кушаны — кочевники по происхождению, постепенно индианизировавшиеся, так и в Китае после падения Хань на севере возникали государства во главе с династиями из кочевников, правящие группы которых претерпевали процесс ассимиляции.

Сложно протекал процесс становления национальной государственности на Корейском полуострове и во Вьетнаме. Междоусобная борьба накладывалась на национально-освободительную против китайских завоевателей. В целом здесь отмечаются процессы генезиса средневекового общества, аналогичные тем, которые происходили в Китае и других более продвинутых в своем развитии странах, но с определенным опозданием.

Похожие явления характерны и для Японии, с той разницей, что политически Япония была еще более изолирована, чем Китай. Она могла пользоваться достижениями китайской цивилизации, не будучи озабочена опасностью потерять независимость.

В странах Юго-Восточной Азии также идет процесс становления классового общества и государства, но внутренние процессы получают здесь особое оформление в связи с влиянием двух цивилизаций — индийской и китайской. Хотя это влияние не было первопричиной наблюдавшихся общественных и культурных процессов, но его убыстряющее значение тоже не надо сбрасывать со счетов. Развитие под влиянием внешнего фактора обычно выдает себя тем, что идет неравномерно, с резкими разрывами между различными сферами общественной жизни и различными районами страны. Очаговость возникновения классов и государства весьма заметна на географически разобщенных территориях Юго-Восточной Азии, и эта очаговость сохраняется во многом до нового времени. Вместе с тем речь не может идти просто о переносе индийских или китайских социальных институтов в эти районы вместе с прибывавшим будто бы индийским или китайским населением. Заимствовались лишь идеи, понятия, термины, которые были необходимы для оформления возникавших на местах отношений.

Социально-экономическая история стран Азии в данный период позволяет сделать примерно те же обобщения, что и история политическая и культурная. Имеется значительный пласт общих процессов, но при этом возникает впечатление неодновременности, запаздывания некоторых стран на общем пути. Наиболее фундаментальным и в то же время ярким и интересным процессом является волна натурализации хозяйства, шедшая с запада на восток. Упадок Римской империи в III в., возможно, сыграл роль спускового механизма, вызвавшего эту волну, хотя в каждом случае могли быть и внутренние причины. На территории Византии постепенный упадок товарно-денежных отношений и городов продолжается до VII—VIII вв. Сасанидский Иран демонстрирует некую неуязвимость — в нем городская жизнь расцветает. Упадок Римской империи сильнее сказался на Южной Азии — там происходят натурализация экономики, упадок городов, исчезновение денег. Нарушение связей с Римом сильнее сказалось на Южной

Индии, так как она была теснее связана со Средиземноморьем, чем Северная. Но для последней столь же роковую роль сыграл распад державы Кушанов, связывавший Индию с Центральной Азией, а через нее — с Китаем. В Китае распад империи Хань также привел к натурализации, переносу основной жизни в деревню.

Большую роль в становлении феодализма по всей Евразии сыграло великое переселение народов. Но интересно отметить, что не нашествие кочевников натурализовало экономику, а, наоборот, они появляются на арене, когда процесс натурализации в разгаре, и не только пользуются его результатами (ослаблением государств оседлых), но и придают ему организационные рамки — вводят систему кормлений, которая обеспечивает эффективную военную организацию даже в условиях натуральной экономики.

Элементы феодализма появляются и «снизу». Наиболее явственно в данный период — в Китае. Растет землевладение «сильных домов», феодальное по всем показателям. Но в то же время формируется надельная система, задуманная как противовес развитию частного землевладения. Как эти две тенденции уживались в жизни Китая III—VI вв. — довольно трудно установить, ясно лишь, что как частное землевладение, так и государственное регулирование землепользования не одержали победы одно над другим. Могущество «сильных домов» постоянно сдерживалось государственным аппаратом, но тот же аппарат не был способен полностью осуществить по всей стране изобретенную им идеальную модель единообразного землепользования под неусыпным контролем властей.

Есть точка зрения, что на Востоке постоянно шла борьба между тенденциями частнохозяйственного и государственного феодализма (или между феодализмом и «азиатским способом производства»). Ситуация в Китае III—VI вв., видимо, пример первой по времени атаки частнофеодальной системы на имперскую. Атаки, которая захлебнулась. Частный феодал не смог захватить власть. Она осталась в руках чиновника.

В Индии процесс созревания частнофеодального уклада уже начался, но развернулся позже. Хотя Индии неизвестны законы, вводящие надельную систему, борьба между частным и государственным землевладением, видимо, тоже была. Она отразилась, может быть, в том, что в первые века нашей эры была окончательно оформлена «Артхашастра» — трактат, разрабатывавший концепцию государственной организации всей жизни, в том числе и экономики. В частности, в нем нашли отражение идеи наделения крестьян землей, организации царских хозяйств и т.п. И в то же время шел процесс развития частных поместий, получивший вскоре довольно заметное развитие. Впрочем, он тоже не стал преобладающим. В Индии, как и в Китае, власть оказалась не в руках тех, кто в основном владел землей.

И здесь сыграли свою роль кочевники. Они принесли принципы военной организации племени и применили их к формам владения землей. Создалась иерархическая структура землевладения, напоминающая европейскую феодальную.

Проблема возникновения феодализма заставляет поднять теоретический вопрос о соотношении конкретной истории и закономерности в истории. Абстрактно-социологический подход разводит на разные уровни исследования процессы и события. Между тем такое событие вселенского масштаба, как великое переселение народов, видимо, не может рассматриваться лишь как событие, т.е. как более или менее случайное явление. Степень закономерности такого события, а следовательно, и степень учета его при изучении

законов истории должна быть высока. Видимо, наступление эры феодализма повсюду связано с вмешательством или влиянием кочевников, которые выполнили разрушительную, революционную роль по отношению к древним, чаще всего очаговым цивилизациям и дали иной опыт построения власти и общества. Конечно, кочевое общество содержит в себе две тенденции: централизации, которая может развиться в государственный феодализм, и децентрализации, которая питает частноэксплуататорские отношения и может развиться в частновладельческий феодализм. Какой из путей получал преобладание, зависело не от кочевников самих по себе, а от контекста, в который они попадали. В Европе управленческие функции стали придатком частной собственности, а на Востоке, как правило, частное владение землей стало атрибутом власти над населением.

Но характерно, что единство мирового исторического процесса подчеркивается не только тем, что в разных местах возникают независимо друг от друга одинаковые институты, но и тем, что процессы эти нередко связаны даже событийно.

Значение внутренних факторов для становления феодализма показывают Корея, Япония, многие страны Юго-Восточной Азии, где возникновение классовых отношений шло во многом похожим путем. Образовывались владетельные кланы, собиравшие вокруг себя зависимых, внутри этих кланов созревала частная крупная собственность. Конгломерат кланов сплачивался в государство (или протогосударство). Это, в частности, противоречит идее, что на Востоке возникновение государства до созревания частной собственности на землю объясняет преобладание государственных форм эксплуатации на всем протяжении дальнейшей истории Востока. Сравнительная сила частных и государственных форм эксплуатации и динамика этих сил определялись, видимо, более глубокими причинами.

ВИЗАНТИЯ В IV—VII вв.

Огромная Римская империя, простиравшаяся от Атлантики до Евфрата, включала регионы с различным социальным и экономическим развитием. Наиболее высоким уровнем экономики отличались восточные области империи, менее пострадавшие от нашествий варваров и внутренних междоусобиц. Эти обстоятельства заставили императора Константина (324—337) перенести столицу из Рима на берега Босфора. В течение шести лет (324—330) на месте мегарской колонии Византий вырос огромный город, защищенный с моря и суши неприступными стенами. Немаловажную роль в решении о переносе столицы сыграло и принятие Константином христианства, колыбелью которого были восточные провинции Империи. В 395 г. произошло официальное разделение единой Римской империи на Западную и Восточную (Византийскую). Правда, сами византийцы называли себя ромеями, свое государство — ромейской державой, а Константинополь — «Новым Римом».

Византийская империя, раскинувшаяся на трех континентах — в Европе, Азии и Африке, — включала Балканский полуостров, Малую Азию, Сирию, Палестину, Египет, часть Месопотамии и Армении, острова Восточного Средиземноморья, владения в Крыму и на Кавказе. Общая площадь ее составляла около 1 млн.кв. км с населением 30—35 млн. жите-

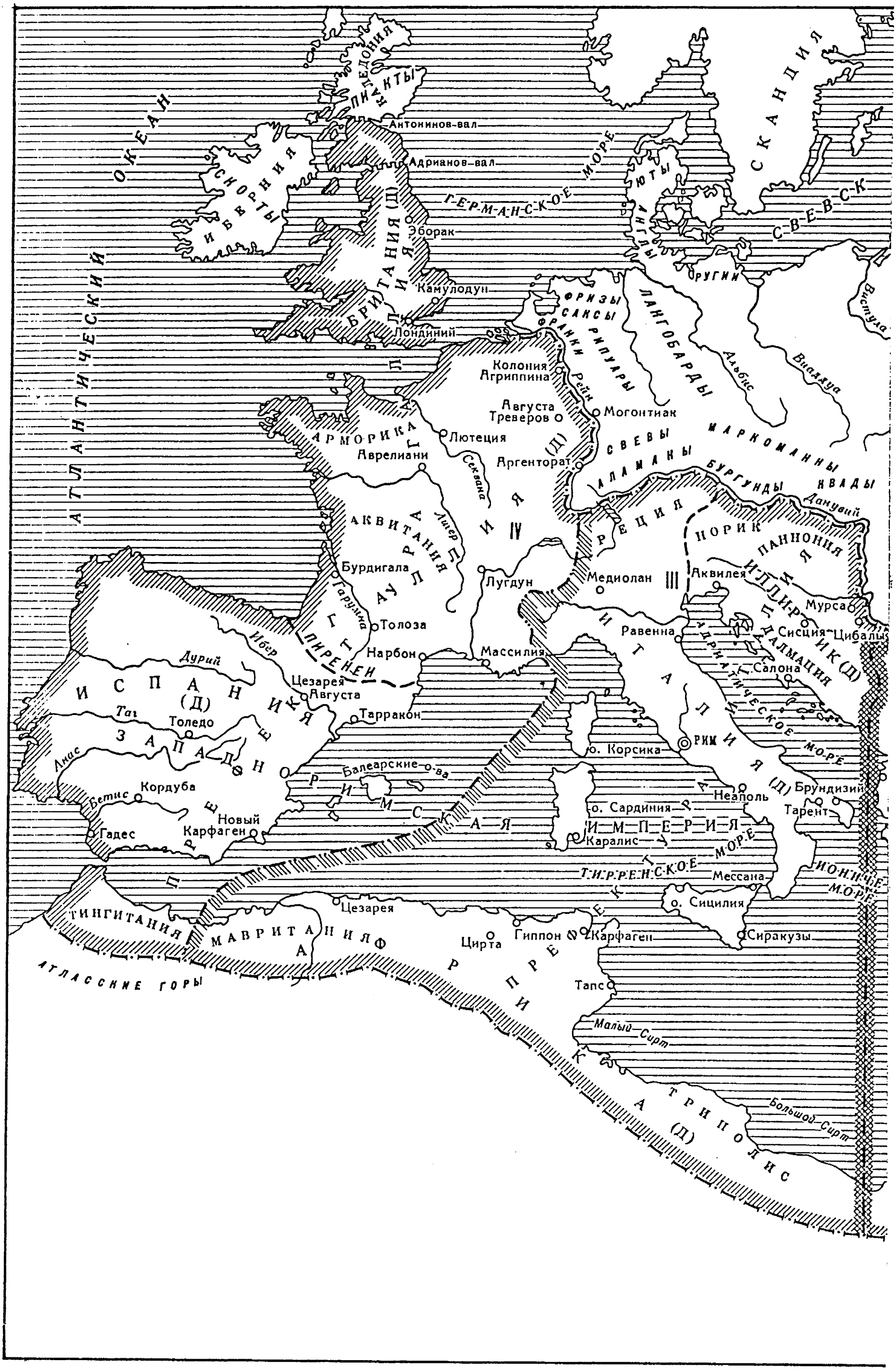
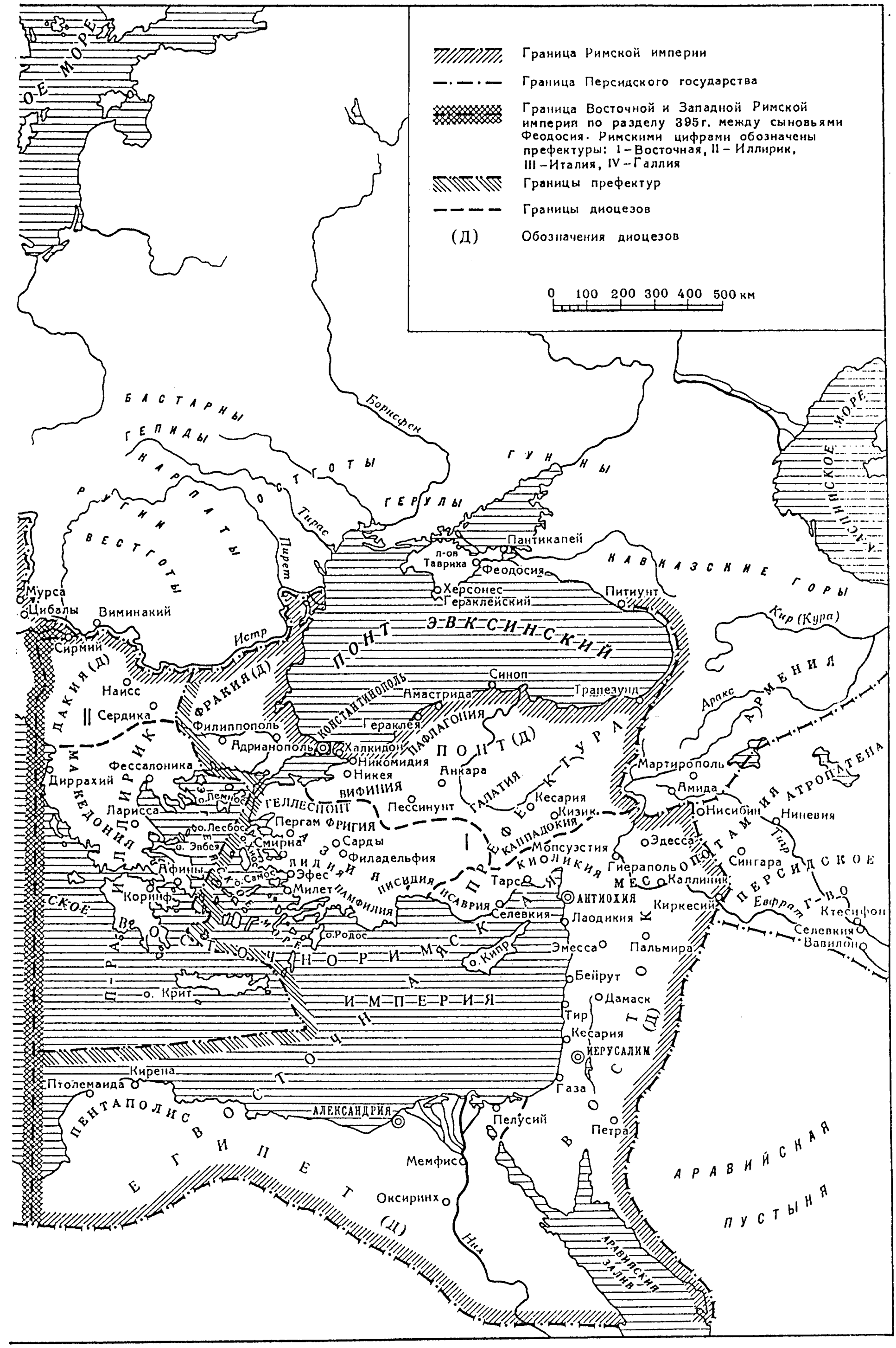


Рис. 1 Позднеримская


Граница Римской империи
Граница Персидского государства
Граница Восточной и Западной Римской империи по разделу 395г. между сыновьями Феодосия. Римскими цифрами обозначены префектуры: I – Восточная, II – Иллирик, III – Италия, IV – Галлия
Границы префектур
Границы диоцезов
(Д) Обозначения диоцезов
0 100 200 300 400 500 км
БАСТАРНЫ
ГЕПИДЫ
КАРПАТЫ
РУГИИ
ВЕСТГОТЫ
ОСТГОТЫ
ГЕРУЛЫ
ГУННЫ
Борисфен
Тирас
Пирет
Истр
Пантикапей
п-ов Таврика
Феодосия
Херсонес Гераклейский
НАВКАЗСКИЕ ГОРЫ
Питиунт
Кир (Кура)
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
ПОНТ ЭВКСИНСКИЙ
Синоп
Трапезунд
Амастрида
Гераклея
ПАФЛАГОНИЯ
ПОНТ (Д)
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
Халкидон
Никомидия
Никея
Анкара
ВИФИНИЯ
ГАЛАТИЯ
Кесария
Пессинунт
ГЕЛЛЕСПОНТ
ФРИГИЯ
КАППАДОКИЯ
Мопсуэстия
Кизик
КИЛИКИЯ
Тарс
АНТИОХИЯ
Селевкия
Лаодикия
Эмесса
Пальмира
Бейрут
Дамаск
Тир
Кесария
ИЕРУСАЛИМ
Газа
Петра
Пелусий
АЛЕКСАНДРИЯ
Мемфис
Оксиринх
Нил
Кирена
Птолемаида
ПЕНТАПОЛИС
ЕГИПЕТ (Д)
АРАВИЙСКИЙ ЗАЛИВ
АРАВИЙСКАЯ ПУСТЫНЯ
АРМЕНИЯ
Аракс
Мартирополь
Амида
Нисибин
Ниневия
АТРОПАТЕНА
МЕСОПОТАМИЯ
Эдесса
Сингара
Гиераполь
Каллиник
Киркесий
ПЕРСИДСКОЕ ГОСУДАРСТВО
Евфрат
Тигр
Ктесифон
Селевкия
Вавилон
ВОСТОК (Д)
ПРЕФЕКТУРА
ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ
Мурса
Цибалы
Виминакий
Сирмий
ДАКИЯ (Д)
Наисс
II Сердика
ФРАКИЯ (Д)
Филиппополь
Адрианополь
ИЛЛИРИК
МАКЕДОНИЯ
Фессалоника
Диррахий
Лариса
о. Лемнос
о. Лесбос
о. Эвбея
Пергам
Смирна
Сарды
Филадельфия
АЗИЯ
ЛИДИЯ
Эфес
о. Самос
Милет
Афины
Коринф
ПИСИДИЯ
ИСАВРИЯ
ПАМФИЛИЯ
о. Родос
о. Кипр
о. Крит
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ

империя

лей. Империя, являясь мостом между Востоком и Западом, испытала на себе в разные периоды как европейские, так и азиатские влияния, которые наложили отпечаток на общественную жизнь, государственность, религиозно-философские идеи и культуру. Но в целом исторический путь Византии был во многом иным, чем развитие государств на Востоке и Западе.

Территория империи, на большей части которой преобладал мягкий средиземноморский климат, состояла в основном из областей с высокой земледельческой культурой. Земледелие почти повсеместно требовало полива и орошения. Житницами империи в этот период были Египет и Фракия, поставлявшие основные виды зерна — пшеницу и ячмень. Садоводство и оливководство были наиболее развиты в Малой Азии, Греции, Сирии, Палестине. Балканы и многие районы Малой Азии являлись центрами развитого скотоводства и коневодства.

Византийская империя была богата и природными ресурсами. Во многих районах имелся строительный лес, шедший на судостроение, мрамор и другой строительный камень. Балканы, Малая Азия, Понт и Армения являлись основными поставщиками железа, меди, олова, золота, серебра, квасцов. Из Египта поступал массовый писчий материал — папирус. В целом империя неплохо была обеспечена необходимыми сырьевыми ресурсами и сельскохозяйственными продуктами.

В IV—VII вв. состав населения империи отличался большой пестротой. Наиболее многочисленную часть составляли греки. Но на территории Византии проживало много эллинизированных сирийцев, коптов, фракийцев, иллирийцев, даков, а также грузин, армян и арабов. В крупных городах имелись иудейские общины. Латинское население было немногочисленным, за исключением Балкан, хотя латинский язык оставался государственным вплоть до VII в.

Византийская империя, в отличие от Запада, не знала завоеваний страны варварами, которые постоянно угрожали с севера. Умелой политикой императоры сумели направить поток готских племен на Запад. Поселенные на ее территории (Балканы, Малая Азия) в качестве федератов готы, славяне, герулы и другие племена лишь изменили этнический состав населения империи, не поколебав ее политического устройства. Основная угроза империи исходила от могущественного сасанидского Ирана, войны с которым в IV-VI вв. за владение Арменией, Лазикой, Южной Аравией составляли стержень восточной политики государства вплоть до заключения «вечного мира» в 532 г. По мирному договору границы между Византией и Ираном оставались прежними, но империя добилась включения в сферу своего влияния Лазики, Армении, Крыма и Аравии, где утверждалось господство христианства.

Одновременно с войной с Ираном император Юстиниан (527—565) приступил к осуществлению своих крупномасштабных планов на Западе: восстановлению единой Римской империи. Были завоеваны Государство вандалов в Северной Африке (533—534), Остготское королевство в Италии (535—555), юго-восточные области Испании (554 г.). Но господство византийцев в завоеванных областях оказалось непрочным. Реставрация рабовладения и римской налоговой системы вызвала восстания населения. Империя, увеличившись к концу правления Юстиниана почти вдвое, уже при его преемниках вступила в полосу упадка. На рубеже VI—VII вв. она потеряла почти все свои владения на Западе. Вскоре с востока на Византию обрушился новый враг — арабы. В течение нескольких лет (636—642)

империя потеряла Сирию, Палестину, Верхнюю Месопотамию, Египет, а впоследствии и владения в Северной Африке. Балканские провинции Мезия, Далмация, Истрия, Македония, Фракия, Пелопоннес к середине VII в. почти полностью заняли славяне, отдельные группы которых проникли даже в Малую Азию.

Таким образом, в результате утраты областей в Италии (за Византией сохранились лишь Равеннский экзархат, часть Южной Италии и о-в Сицилия), в Испании, а также в ходе арабских завоеваний и славянских вторжений Византия как огромная империя перестала существовать. Она включала теперь Малую Азию, области Греции и Пелопоннеса, о-в Крит и острова Эгейского моря. Но государство не погибло, и причину этого следует искать прежде всего в своеобразии его общественного развития, аграрном строе, роли городов и начавшемся к концу этого периода генезисе феодализма.

В ранней Византии существовало три формы земельной собственности: безусловная частная собственность, государственная поземельная собственность и собственность крестьян-общинников. Первая форма являла собой крупное землевладение, основанное на эксплуатации посаженных на землю рабов и зависимых колонов. В отличие от Римской империи в ранней Византии бóльшая часть рабов, которых как в сельском хозяйстве, так и в ремесле было довольно много, наделялась землей, получала пекулий и вела самостоятельное хозяйство. Такая форма применения рабского труда была более рентабельной, но вместе с тем она способствовала длительному сохранению рабства в Византии. Бóльшая часть колонов до IV в. была юридически свободной. Это были держатели чужой земли по договору. С IV в. начался процесс прикрепления их к земле и превращения в приписных колонов (*энапографов*), не имеющих права покинуть землю господина. Массы колонов пополнялись за счет мелких земельных собственников, потерявших по той или иной причине землю. Прикрепление к земле свидетельствовало о разложении рабовладельческого хозяйства.

Государственная поземельная собственность состояла из владений фиска и императорских доменов. Византийский император не имел права собственности на все земли подданных. Но в ранней Византии размеры владений казны и императора были настолько большими (до $^1/_3$ территории), что обработать эти земли трудом рабов и колонов было трудно, и они обычно сдавались в долгосрочную аренду (*эмфитевсис*), превращавшуюся со временем в наследственную. Арендатор платил строго фиксированную ренту и мог свободно распоряжаться землей, в том числе и продавать свои права на нее.

Третья форма собственности — крестьянская. На территории, вошедшей затем в состав Византии, еще с эллинистического времени существовали общины разных типов до родовой включительно. Но основной была свободная соседская община — *митрокомия*. Крестьянин такой общины имел право собственности (владения) на свой земельный участок, хотя его право отчуждения было несколько ограничено. Община располагала также общественной землей, которая являлась коллективной собственностью деревни. Несмотря на то что среди крестьян в митрокомии наблюдалась значительная имущественная дифференциация, община характеризовалась высокой сплоченностью ее членов. Она являлась одновременно и низшей административно-фискальной единицей, неся коллективную ответственность перед государством за поступление налогов. Для раскладки и сбора податей, выполнения повинностей и совместных работ соседская община имела выбор-

ных должностных лиц, избираемых на собрании-сходке — высшем органе самоуправления.

В отличие от поздней Римской империи в ранней Византии муниципальная городская собственность начинает приходить в упадок. Наблюдается значительный рост земельных владений у монастырей и церквей. Церковные земли обычно сдавались в аренду светским собственникам. Монастыри чаще всего сами организовывали обработку земли.

Более мягкие формы эксплуатации колонов, рабов на пекулии в поместьях крупных светских и церковных собственников, широкое распространение (по сравнению с Западом) долгосрочной аренды, использование системы патроната закладывали основы для отношений раннефеодального типа.

Несмотря на постепенный упадок товарно-денежных отношений, расцвет византийских городов приходится именно на IV—VI вв. В империи еще сохранялся значительный уровень развития ремесла и торговли, большую роль играли крупные города. Крупнейшими (свыше 100 тыс. жителей) являлись Александрия, Антиохия, Константинополь, Эфес, Смирна, Никея, Фессалоника. Город продолжал еще оставаться античным полисом. Городская община владела помимо общественных территорий и построек значительной коллективной земельной собственностью вокруг города и получала треть сборов с торговли. На территории ранней Византии насчитывалось до 1200 городских общин. Город был окружен поселениями куриалов, ремесленников и торговцев, обеспечивающих нужды города в продовольствии. Существовала тесная связь — через городские рынки — и с близлежащими деревнями, колоны и свободные общинники которых реализовали продукты своего труда для уплаты податей землевладельцу и государству.

Ремесленники города работали и жили в своих мастерских (*эргастериях*). Там же и продавали чаще всего свой товар. Большинство их было объединено в торгово-ремесленные корпорации — по профессиям. Корпорации пекарей, кузнецов, золотых и серебряных дел мастеров, строителей, оружейников и других принадлежали к богатой верхушке городского населения наряду с купцами и людьми умственного труда. Представители же самых массовых профессий — портные, сапожники, плотники, ткачи — наряду с наемными рабочими составляли бедноту. Ремесленная мастерская была небольшой. Помимо хозяина в ней трудились члены его семьи, иногда наемный работник, раб или ученик. В Константинополе и других крупных городах существовали государственные и императорские мастерские (оружейные, ткацкие, монетный двор), ремесленники которых — нередко рабы — были пожизненно прикреплены к своему ремеслу.

Византия с момента своего рождения была не только страной городов, но и великой морской и торговой державой. Ее купцы проникали в самые отдаленные уголки известного тогда мира: в Индию, Китай, на Цейлон, в Эфиопию, Британию, Скандинавию. Наиболее оживленные торговые пути пролегали по Средиземному морю в Неаполь, Равенну, Барселону, по Черному морю — в прилегающие области и на Кавказ. Византийский золотой солид играл роль международной валюты, а слой купечества занимал довольно высокое место в социальной структуре ранневизантийского города и общества.

Социальная структура византийского общества IV—VII вв. была довольно пестрой. На высшей ступени находились аристократы-сенаторы, в большинстве своем ведущие род от древних римских фамилий и владеющие крупной земельной собственностью. Вторым привилегированным сословием

империи являлось сословие средних городских земельных собственников-куриалов, власть и имущественное положение которых в VI—VII вв. резко падает и ухудшается. Затем шел слой торгово-ремесленного населения, верхушка которого играла значительную роль в общественном развитии города. Две другие ступени занимали люди свободных профессий (врачи, юристы, преподаватели и т.д.) и духовенство. На нижних ступенях общественной структуры ранней Византии находились соответственно крестьяне-общинники, колоны, городской плебс и рабы. Характерной особенностью византийского общества на всем протяжении его истории являлась вертикальная мобильность, незамкнутость и незащищенность социальных групп и классов. Простой воин, даже из варваров, или крестьянин благодаря ловкости и личным способностям нередко мог занять высокий пост в государстве или даже стать императором. История полна таких примеров.

Ни в чем другом Византия не сближалась так со странами Востока, прежде всего с Ираном и Арабским халифатом, как в организации государственной власти. По своей политической структуре Византия была самодержавной монархией, учение о которой окончательно сложилось именно в Византии. Вся полнота власти находилась в руках императора (*василевса*). Он был высшим судьей, руководил внешней политикой, издавал законы, командовал армией и т.д. Власть его считалась божественной. Но теоретически неограниченная власть императора фактически оказывалась ограниченной, так как не являлась привилегией того или иного аристократического рода и не считалась наследственной. Это приводило к частым узурпациям и делало престол непрочным. В ранний период при императоре был совещательный орган — сенат или синклит, — который вместе с войском (верхушкой армии) и «народом» (представителями знати и торгово-ростовщических слоев) избирал нового василевса, коронуемого затем патриархом.

Наибольшего расцвета централизованная монархия достигла именно в ранней Византии, когда она выступала в качестве единственной законной наследницы великого Рима и претендовала на то, чтобы быть повелительницей всей цивилизованной ойкумены и всемирной монархией с центром в Константинополе. И при Юстиниане она превратилась в могущественное государство Средиземноморья, верховную власть которого до создания империи Карла Великого, пусть и номинально, признавали европейские королевства.

Страна управлялась из императорской канцелярии, откуда контролировалась вся жизнь населения вплоть до уплаты податей, деятельности ремесленных корпораций и т.д. Централизация управления империей достигалась путем административного деления государства на две префектуры (Восток и Иллирик), которые. в свою очередь, делились в V в. на диоцезы (7) и провинции (50). Во главе префектур стояли два префекта претория — заместители императора по делам гражданского управления. Они ведали всеми гражданскими делами в префектуре, назначали и смещали правителей диоцезов (*викариев*) и провинций, управляли городами, занимались снабжением армии, распоряжались финансами, следили за поступлением налогов и т.д. В ведомстве префекта претория Востока находилось до 10 тыс. чиновников, а у правителя провинции — около 100. Штат чиновников в империи был очень велик. Гражданская власть была отделена от военной.

В Византийской империи существовало три вида государственной службы: военная, гражданская и придворная. Но судьба государства реша-

лась гражданской знатью, а не военной. Византийская армия, насчитывавшая в V в. полмиллиона человек, делилась на пограничные войска, мобильные части и гвардию, находившуюся в Константинополе. Во главе армии стояли пять магистров. Постепенно значение рекрутского набора крестьян падало и армия все более становилась наемной.

Иерархичность, строгое соотношение чинов и должностей в ранней Византии шло от Рима, а не от Востока. Не было наследственного занятия должностей. Бюрократия восточного типа в империи не могла сложиться потому, что государственная служба рассматривалась византийцами как общественная обязанность, долг в отличие от «личной» службы, понимаемой как зависимость.

Отличия в развитии ранневизантийского общества от западного и восточного заключались и в гипертрофированной роли Константинополя в управлении, торговле, ремесле, культуре и в месте столичной знати и высшего чиновничества в структуре господствующего класса империи. Это определило относительную слабость земледельческой провинциальной знати. Другим отличием являлось сохранение в ранней Византии социальных и идейных традиций античного полиса, выразившееся в существовании в столице и других крупных городах цирковых партий-димов. Цирковые партии были не просто пережитком античной демократии, но типично ранневизантийским явлением. Они приобрели большое общественно-политическое значение, и их влияние на политику правительства нередко было определяющим. Из четырех партий наибольший вес и влияние имели две — венеты и прасины («голубые» и «зеленые»). Первая отражала интересы земледельческого населения города, вторая — торгово-ремесленного населения. Было между ними и различие религиозного порядка: венеты были приверженцами официального православия, прасины — монофизитства. Иногда низы обоих димов объединялись против притеснений властей и налогового гнета. Наиболее мощным их выступлением явилось восстание «Ника» в 532 г. в Константинополе, потопленное в крови. После этого поражения их значение уменьшилось, и в VII в. они сошли с политической арены.

Своеобразие общественной и идейной жизни в Византии придавало и восточное христианство (православие), ставшее в IV в. господствующей религией. Но на Востоке в отличие от Запада, где сложилась централизованная церковная организация под главенством римского папы, не было единства между патриархами Константинополя, Антиохии, Иерусалима и Александрии. Не было единства и в самом православии. Отказ от демократических традиций ранней церкви вызвал протест низов, принимавший форму еретических движений — арианства, несторианства, монофизитства и др. Но ересь, став «церковью», быстро теряла демократический характер, а против еретиков правительство применяло репрессии и ограничения в правах. Ведь византийская церковь не имела экономической и политической самостоятельности, в значительной степени зависела от государства и была тесно связана с его системой.

В отличие от всех королевств Западной Европы, где господствовало обычное право «Варварских правд», ранняя Византия жила на основе единого кодифицированного и обязательного для всего населения действующего права. Созданный при Юстиниане «Свод гражданского права» — вершина византийской юридической мысли. Он состоял из четырех частей (Кодекс Юстиниана, Дигесты, Институции, Новеллы). В «Своде» нашли отражение те изменения, которые произошли в экономической и социальной жизни

империи, прежде всего в области публичного и семейного права: улучшение правового положения женщины, отпуск рабов на волю и др. Впервые законодательно была признана теория естественного права, согласно которой все люди от природы равны, а рабство несовместимо с человеческой природой. Благодаря тщательнейшей разработке таких институтов римско-византийского законодательства, как принцип частной собственности, права наследования, семейное право, регулирование торгово-ростовщических операций, «Свод» Юстиниана не утратил своего значения даже для юристов нового времени.

Византийская империя в течение всего своего существования, и в первую очередь в IV—VII вв., была центром своеобразной и блестящей культуры, внесшей, как и право, немало ценного в мировую сокровищницу. По сравнению с жителями Западной Европы византийцы были более образованными. Школу посещали дети не только знати, но и ремесленников, крестьян. В столице существовал «Университет». Обучение в школах и «Университете» мало чем отличалось от эпохи эллинизма, хотя и начинается уже проникновение христианства в процесс преподавания: ученики заучивали стихи из Псалтири. Полный курс школьного преподавания включал изучение орфографии, грамматики, риторики, математических и философских дисциплин. К концу этого периода античные традиции в естественных науках, литературе, риторике, космогонии и космографии все более окрашиваются христианским мировоззрением. Идет взаимопроникновение античной и христианской культур, рождение раннефеодальной идеологии и новых жанров: библейской космографии, всемирной хроники, патристической литературы и христианской агиографии. Формирующаяся христианская идеология и культура заимствуют все лучшее из античного наследия.

В течение трех с половиной столетий Византийская империя знала победы и поражения, прошла через вершину своего политического и военного могущества и, растеряв почти все завоеванное Юстинианом, превратилась в VII в. в рядовое государство, правда продолжающее претендовать на роль центра цивилизованного мира. Кризис рабовладельческого хозяйства и экономики, начавшийся еще в момент рождения государства, протекал очень медленно, и лишь к концу периода появились элементы феодализма в недрах разлагающегося рабовладельческого общества, наметился упадок городов. Социально-экономическое и политическое развитие государства протекало в условиях сближения и слияния позднеантичной культуры и образованности с христианским мировоззрением.

ГОСУДАРСТВО САСАНИДОВ

Парфянская держава не являлась централизованным государством. Не только на окраинах, но и в коренных иранских областях сидели полунезависимые, а порой и полностью самостоятельные правители, которых поздняя среднеперсидская традиция именует катак-хватаями (букв. «домовладыками»). В официальной титулатуре они назывались шахами (царями), тогда как парфянский государь носил титул шаханшаха (т.е. царя царей). Одним из таких шахов был правитель Парса (Персиды), откуда некогда вышла династия Ахеменидов. Местные шахи (басилеи) Персиды упоминаются Страбоном, о них говорит и нумизматический материал.

В 20-х годах III в., когда Парфянское государство было истощено борьбой с Римом и внутренними смутами, тогдашний правитель Парса Арташир (Артаксеркс римских источников), сын Папака и внук Сасана, поднял восстание и в течение нескольких лет победил и лишил власти последнего парфянского владыку — Артабана V. Произошло это в 227—229 гг.

Борьба Арташира с Артабаном была трудной, поскольку не все местные правители поддержали восстание. На стороне парфянского царя, в частности, остался армянский царь, принадлежавший к династии Аршакидов. Есть основания полагать, что сходную позицию занял и ряд других окраинных правителей, и процесс формирования Сасанидского государства в его основных границах растянулся на несколько десятилетий и завершился уже в правление сына и наследника Арташира — Шапура I (241—272).

Именно при нем в состав Сасанидской державы были включены Армения, очевидно, основная часть Хорасана, ряд районов Месопотамии, центра Парфянского государства, которая стала и главной областью державы Сасанидов. Именно Шапур принял официальный титул «царя царей (шаханшаха) Ирана и не-Ирана», тогда как Арташир именовался просто шаханшахом.

Приход к власти Сасанидов первоначально означал не более как смену одной правящей иранской династии другой. И Парфия и Парс относились к Ирану, и никаких существенных этнических отличий между ними не было. В течение довольно долгого времени не происходило и никаких серьезных изменений в структуре государства; по-прежнему сохраняли свое значение знатнейшие иранские роды (Суренов, Каренов, Михранидов и т.д.), которые известны в парфянское время.

В Сасанидском государстве официально существовало различие между Ираном (Эраншахр) и не-Ираном (Ан-Иран). Первоначально это подразумевало этнорелигиозное различие между иранцами (персами, парфянами, мидийцами и т.д.), исповедовавшими зороастризм, и неиранскими народами и племенами, придерживавшимися иных культов. Однако затем (неясно когда) такое разграничение было нарушено, и к «Ирану» стали относить все страны и области, входившие в состав державы Сасанидов, включая и ее центр Месопотамию, где персы не составляли большинства населения.

Неверно было бы приписывать Сасанидам «персидский» патриотизм, противостоящий прочим иранским областям. В ту пору различия между отдельными иранскими языками (мидийским, персидским, парфянским и т.д.), конечно, существовали, но они не были слишком велики, и сами эти языки, возможно, следует рассматривать как наречия (диалекты).

На протяжении эпохи Сасанидов шел процесс языковой консолидации иранских этносов, проявившийся в распространении персидского наречия (парсик), которое, став государственным языком, получило название дари (т.е. придворный язык) и вытеснило значительную часть местных говоров, а также греческий и арамейский, использовавшиеся прежде в администрации и сфере культуры.

Тем не менее держава Сасанидов оставалась полиэтническим государством. Иноэтнические массивы кроме арамейского (в Месопотамии) существовали на северо-западе (Закавказье) и на западе, где обитали арабские племена. В древнем Эламе (совр. Хузистан) население говорило и в сасанидское время, и позже, по крайней мере до XI в., на особом языке, который именовался хузистанским (ал-хузийе, хужик). Наконец, в разных районах Сасанидского государства, особенно в Месопотамии, а также в Исфа-

гане и некоторых других городах, существовало еврейское население, пользовавшееся определенной административной автономией.

Как отмечено, границы Сасанидской державы сложились в основных чертах при втором шаханшахе — Шапуре I. В последующем они претерпевали изменения, однако незначительные и временные. На западе и северо-западе изменения пределов Сасанидского государства были связаны главным образом с римско(византийско)-иранскими отношениями, сущность и характер которых Сасаниды унаследовали от парфянских Аршакидов. Кроме того, на ситуацию в Закавказье определенным образом влияли кочевые союзы юго-востока Восточной Европы. На юго-западе, в непосредственной близости от политического центра державы, ирано-римская (византийская) граница была довольно стабильна и проходила неподалеку от нижнего и среднего Евфрата, где начинались кочевья арабских племен. Из двух небольших арабских государств Сирийской пустыни (Гассанидов и Лахмидов) первое было связано с Византией, второе — с Ираном.

Сложнее вопрос о восточных пределах Сасанидского государства. Здесь в нашем распоряжении нет источников, подобных византийским. Для III—IV вв. в распоряжении ученых имеются сасанидские надписи, которые достаточно рельефно обрисовывают восточные владения Сасанидов, но можно ли им вполне доверять? Известно, например, что в надписи Шапура I даже Рим называется данником Ирана, а ведь этого никогда не было. Поэтому утверждения надписей сасанидских шахов относительно их владений на востоке должны восприниматься критически и по мере возможности проверяться по другим источникам. Последние, однако, еще более ненадежны. Это относится к сведениям ранних арабских историков, почерпнутым из сасанидских исторических сочинений («Хвадай-намак»). В их трудах также есть данные о захвате Сасанидами территорий современного Афганистана (ранее входивших в состав Кушанской империи), а также областей за Амударьей (Мавераннахр арабского времени). Пишут об этом и армянские писатели. Но эти сведения далеко не во всем достоверны. Видимо, окончательное завоевание Кушанского царства произошло в IV в. при Шапуре II, и это привело к включению в состав Ирана кушанских владений на территории современных Афганистана и Пакистана. Однако позже, в V в., здесь шли постоянные войны с эфталитами, а затем, в VI в., с тюрками, что приводило и к дестабилизации границы, в деталях не улавливаемой. Прочно вошел в состав Сасанидской державы уже при Шапуре I Мерв с округой. Области же за Амударьей, по-видимому, на сколько-нибудь длительный срок Сасанидами не захватывались, хотя порой шахи совершали туда походы.

Таким образом, Сасанидская держава представляла собой обширную империю, населенную разными народами, находившимися на неодинаковом уровне социального и экономического развития.

Как ни парадоксально, экономика сасанидского Ирана не изучена, очевидно, из-за отсутствия источников для этого времени. Однако, исходя из сообщений арабских географов IX—X вв., которые порой затрагивали и ситуацию доисламской эпохи, а также учитывая определенную стабильность экономических форм для древности и средневековья, можно в основных чертах дать общую картину экономики, по крайней мере для позднесасанидского времени.

В Иране той поры существовали два основных сектора экономики — земледельческий и кочевой, включая и многочисленные переходные формы.

Распространенность того и другого зависела в ту пору исключительно от специфики природных условий, которые в пределах Сасанидской державы были весьма различны. Оседлое население (занимавшееся, разумеется, и скотоводством в качестве подсобной отрасли хозяйства) преобладало в политическом и экономическом центре государства — Саваде (совр. Ирак). В этом районе, орошаемом Евфратом и Тигром, а также их притоками, издавна существовала хорошо налаженная сеть водоснабжения, на которой и базировалось сельское хозяйство. На обширных пространствах Ирана (исключая Хузистан, где условия для ведения хозяйства были в принципе идентичны тем, что существовали в Саваде) земледелие сосуществовало с различными формами кочевого и полукочевого скотоводства, преобладая в оазисных зонах Хорасана, Мидии, Фарса, Азербайджана и некоторых других областей. Возделывались различные зерновые культуры, прежде всего ячмень и пшеница, а также (в Саваде) рис. В Саваде и Южном Иране большое значение имела финиковая пальма. Садоводство и виноградарство были распространены повсеместно. В Хузистане, Саваде, Кермане, Фарсе возделывался сахарный тростник.

Кочевое и полукочевое население обитало во всех областях Ирана. Отличие от более позднего времени состояло не в формах хозяйства, а в том, что кочевники сасанидского времени, исключая западные окраины державы, были этнически иранцы. Называли их в ту пору, да и позже курдами. По-видимому, кочевники при Сасанидах, как и во времена парфян, оставались полунезависимыми от центральной власти. Впрочем, такое положение в Иране сохранялось вплоть до 30-х годов XX в.

Важнейшей сферой экономической, политической и культурной жизни сасанидского Ирана были города. В предшествующие эпохи (селевкидскую и парфянскую) города Ирана, особенно его западной части, были самоуправляющимися организмами типа античного полиса. В сасанидское время городами управляли представители центральной власти — и старыми, которые утратили самоуправление, и новыми, основанными сасанидскими шахами. Последние особенно интенсивно строили города в III—IV вв. как на западе, так и на востоке державы. Крупнейшим городом была столица, Тизбон (или Ктезифон), унаследованная от парфянского времени. Расположенная по обоим берегам Тигра (Диджлы), она получила у арабов наименование ал-Мадаин («города»). Собственно Ктезифоном была восточная часть города, тогда как западная (деревня Селевкия) носила название Вех-Арташир. Сасанидская столица, исследование которой затруднено тем, что позже, при арабах, материалы ее сооружений были использованы для постройки Багдада, была большим, населенным городом, с рынками, ремесленными кварталами, царскими дворцами и строениями знати. Знамениты были царские парки. Свидетельством строительной техники эпохи являются развалины Так-е кисра — дворца Сасанидов. При Шапуре II возник город Нейшапур в Хорасане, позже ставший центром восточной части Сасанидской империи.

В целом для сасанидского времени характерен расцвет городов и городской жизни, что представляет резкий контраст с ситуацией на территориях, граничивших с Ираном с запада.

Не все города сасанидского Ирана были одного типа. Термин *шахристан* («город») в среднеперсидском языке означал центр страны, области (*шахр*); как таковой город мог возникнуть и существовать главным образом волею шаханшахов Ирана. На деле здесь были и настоящие города, со значительным торговым и ремесленным населением (преимущественно на важных

транзитных торговых путях), и административные центры-крепости с небольшими посадами, население которых практически не отличалось от жителей соседних деревень.

Относительно общественного строя сасанидского Ирана в современной историографии существуют разные точки зрения. До недавнего времени в советской историографии преобладало мнение о периоде Сасанидов как о времени сложения феодального общества в Иране. В зарубежной историографии также господствует точка зрения о существовании в Иране уже с эпохи Ахеменидов феодализма (правда, в несколько ином понимании).

Все эти точки зрения возникли еще до обстоятельного научного изучения оригинальных сасанидских памятников, прежде всего правовых. Проведенное в последнее время такое исследование (А.Г.Периханян) показало, что иранское общество раннесасанидской эпохи немногим отличалось от парфянского. И то и другое можно считать вариантами древнего общества в широком его понимании как предшественника средневекового (феодального) общества.

Однако представляется, что позднесасанидское время, наступившее после событий V—VI вв. (маздакитское движение и реформы Хосрова I, см. ниже), характеризуется уже появлением раннефеодальных отношений и ломкой древнеиранских социальных институтов, связанных с архаичными сословиями и агнатическими группами. Но здесь многое подлежит дополнительному изучению.

По нормам права, существовавшим в Иране парфянской и сасанидской эпох, все население делилось на две основные категории: полноправные члены общин («граждане») и неполноправные лица, не принадлежавшие к общине («не-граждане»). Среди последних были и рабы. Община (*наф*) была, по сути дела, агнатической группой. А.Г.Периханян переводит этот термин как «гражданская группа», «гражданская община». Агнатические группы (общины) были весьма различными по своему юридическому и тем более реальному социальному положению. «Рядовые» представители нафов были азатами, т.е. занимали привилегированное положение в государстве, однако все «граждане» именовались *шаханшах бандак* (букв. «рабы шаханшаха»).

Важной спецификой общественной структуры Ирана той поры были так называемые сословия (*пешак*). Как показывает и этимология этого термина (букв. «профессия»), речь идет об общественных структурах, возникших и развившихся из общественного разделения труда. В западной литературе их склонны считать специфически индоевропейским явлением, хотя похожие институты обнаруживаются и у древних грузин, египтян, инков и других неиндоевропейских народов. Эти иранские сословия в принципе идентичны древнеиндийским варнам. Первоначально сословий в Иране было четыре: жрецы, воины, земледельцы и ремесленники. Позже, по-видимому, шел процесс дробления этих сословий, нашедший отражение в позднесасанидских источниках. Существовали главы сословий (*пешак-е сардаран*), но их роль для сасанидского периода не во всем ясна, хотя такие главы сословий, как мобедан мобед (глава зороастрийского духовенства), вастриошан салар (глава сословия земледельцев), известны достаточно хорошо. Первый занимал важное положение в государственной иерархии до крушения Сасанидского государства, тогда как второй, кажется, утратил влияние в период социальных реформ VI в.

Роль рабства в сасанидском Иране установить трудно, но нет оснований утверждать, что раб являлся основным производителем материальных благ.

Таковыми были общинники, первоначально члены нафов, оформившиеся позднее (очевидно, в VI в.) в особую категорию — *рам* (простонародье). Позже арабы, по сути дела, переняли это понятие, передавая его арабским *райат*.

Процесс превращения членов нафов в категорию *рам* был чрезвычайно сложным и происходил при сохранении в официальном праве старых сословных форм. В то же время выделяется общинная верхушка, которую называли *дехкане* (букв. тоже «общинники», «жители деревни»). В период маздакитского движения конца V — первой трети VI в. они подорвали значение древних знатных родов Ирана, ранее господствовавших в державе, и постепенно заняли их место.

Из скудных и противоречивых показаний источников можно заключить, что Иран на рубеже V—VI вв. переживал острейший социальный кризис. Господство родовой знати и зороастрийского духовенства, выражавшееся в существовании упомянутой выше сословной системы, вызывало все большее недовольство среди самых широких слоев населения. Все это и вылилось в мощное социальное движение, которое по имени его главы (Маздака) принято называть маздакитским. Маздак был иранцем (отец его также носил иранское имя — Бамдад). По-видимому, он принадлежал к жреческому сословию, но именно с последним он в первую очередь вступил в конфронтацию.

По своим движущим силам маздакитское движение было сложным; в него включились самые широкие слои населения Ирана (и не только иранцы, но и преобладавшие в центре державы арамейцы, а также евреи). Не случайно поздние источники, например Фирдоуси, особо подчеркивают, что среди приверженцев Маздака были бедняки, надеявшиеся улучшить свое положение. Выражая интересы этой части населения, Маздак выдвинул лозунг имущественного и социального равенства, возвращения на практике к почти исчезнувшим в Иране древним общинным порядкам.

Однако создается впечатление, что ведущую роль в движении играли дехкане, стремившиеся выйти на более широкую общественную арену и потеснить родовую знать. Сам Маздак, по-видимому, чем дальше, тем больше подпадал под влияние радикального крыла движения, но на первом этапе роль последнего, кажется, еще не была ведущей. Именно поэтому шаханшах Кобад принял учение Маздака. Родовая знать (*азимы* арабских источников) и духовенство ответили дворцовым переворотом. Однако Кобад через два года с помощью эфталитов, а также своих сторонников, прежде всего дехкан Ирана, вернул престол. Последовали репрессии, что, очевидно, способствовало усилению радикального крыла движения, а это уже не устраивало Кобада. Сам он, по-видимому, настолько запутался в своих взаимоотношениях с разными группами маздакитов, что инициативу перехватил его сын Хосров. Он пользовался поддержкой дехкан (его мать была из их среды), а также сумел привлечь на свою сторону зороастрийское духовенство, которое предпочло союз с дехканами. В конце концов Хосров задушил восстание, точнее, разгромил его радикальное крыло во главе с самим Маздаком. Последний и его сторонники подверглись жестоким гонениям и репрессиям (их зарывали живыми в землю). Все это происходило еще при жизни Кобада (в 528—529 гг.).

В итоге в выигрыше оказались дехкане, которые получили равные права со старой родовой знатью. Пройдет сто лет, и именно дехкане в период арабского завоевания окажутся основным слоем крупных и средних землевладельцев в Иране. Именно дехкан того времени можно рассматривать как

феодалов и, более того, как носителей начавшейся в VII в. феодальной раздробленности, позволившей арабам легко сокрушить и завоевать Иран.

Зороастрийское духовенство сохранило свою силу. Старые сословия формально уцелели, хотя в реальной действительности только духовное сословие во главе с мобедан мобедом продолжало функционировать. Практически было уничтожено военное сословие, оплот родовой знати. Военная и административная реформы Хосрова I укрепили это законодательным путем. Главой военного ведомства стал сам шаханшах, и ему была подчинена вся военная машина государства. Для службы в армии стали усиленно привлекать представителей дехкан. Реформы Хосрова I укрепили власть главы державы, но на практике она абсолютной не стала, что доказывается и восстанием Бахрама Чубина (начало 90-х годов VI в.), и особенно событиями 20—30-х годов VII в. Если в первом случае мы встречаемся с попыткой переворота, во главе которого стоял представитель одного из старых знатных родов, то в событиях после убийства Хосрова II Парвиза (628 г.) видна роль и новых условий, формировавшихся в Иране в процессе выдвижения дехканства.

Еще в начальный период Сасанидов (III—IV вв.) было ликвидировано большинство вассальных государств, столь типичных для парфянского периода. Завершающий период государственной централизации приходится опять-таки на правление Хосрова I. При нем государство было разделено на четыре большие части (*куст*): западную, восточную, северную и южную. Носили они и другие названия; например, северный куст именовался также куст-е Капкох (Кавказский) и куст-е Атурпатакан (по названию ведущей северной области государства). Кусты делились на марзпанства (в пограничных районах) и на останы, которые, в свою очередь, состояли из тасуджей. Объединение всей власти в руках правителя куста, непосредственно подчиненного шаханшаху и назначаемого из особо доверенных лиц, должно было укрепить центральную власть. Удалось это лишь на время, и уже с конца VI в. начала проявляться тенденция к обособлению останов и марзпанств.

Важное значение имела налоговая реформа Хосрова I, обеспечившая постоянные ставки земельных податей в деньгах (*хараг*) независимо от урожая, но в зависимости от обрабатываемой площади и возделываемых культур. Кроме того, была установлена регулярная подушная подать (*гезит*) для всего податного населения (*рам*). Размер ее зависел от имущественного состояния.

В результате политики шаханшахов, рассчитанной на укрепление центральной власти, возросла роль *дабиров* — чиновничества, которое порой стало рассматриваться как особое сословие.

Эти и другие реформы временно укрепили государство, но не могли сдержать центробежных тенденций, возникших в новых условиях феодализации иранского общества, которые и стали основной причиной ослабления государства Сасанидов.

Внешняя политика Сасанидского государства строилась на отношениях с непосредственными соседями. Поэтому нам неизвестны факты сношений Сасанидов с европейскими государствами, хотя основной враг Ирана Рим (Византия) проводил активную политику в этой части света. В то же время римско(византийско)-иранские отношения всегда так или иначе увязывались с политикой обеих сторон в отношении арабских княжеств и племен, Эфиопии, небольших государств Кавказа и восточных соседей Ирана (Кушанского государства, эфталитов, тюрок).

Сасаниды унаследовали основные аспекты внешней политики от парфян, и главным здесь была борьба с Римом за сирийские области и Закавказье и с Кушанами — за области Восточного Ирана и Средней Азии. Война с Римом началась уже при основателе династии, и ее первый этап завершился в 244 г. признанием двойного (Риму и Ирану) подчинения Армении. Затем Шапур I вел войны с Кушанами на востоке. В итоге следующей войны Шапура в 260 г. римский император Валериан потерпел поражение и попал в плен. Менее успешно складывались отношения Шапура с арабами. Правитель Пальмиры Оденат, союзник Рима, нанес персам ряд поражений. Позже успехи Пальмиры встревожили Рим, и император Аврелиан в 272 г. уничтожил это государство. Преемники Шапура I продолжали его политику, но поражения персов в войнах с императорами Карром и Галерием (283, 298 гг.) привели к потере части Месопотамии и (по договору 298 г.) прав на Армению, где под эгидой Рима закрепился Аршакид Трдат III.

Особую активность внешняя политика Ирана приобрела при Шапуре II (309—379), который вел упорные войны с Римом и Кушанами, фактическими союзниками Рима. На стороне последнего были Армения и некоторые арабские правители, персов поддерживали Албания и хиониты. Вопрос о последних остается спорным, но, кажется, есть основания отождествить их с эфталитами — соседями и соперниками Кушан. Войны на западе шли с переменным успехом и привели к разорению Армении и Месопотамии. Уже после смерти Шапура II, в 387 г., между Римом и Ираном был заключен договор о разделе Армянского царства, а на востоке Шапур к концу своего правления сокрушил Кушанское государство, западные владения которого перешли к Сасанидам. Это привело, однако, к конфронтации Сасанидов с их недавними союзниками — эфталитами, которые надолго стали главным противником Ирана на востоке.

После раздела Армении римско-иранские отношения некоторое время оставались мирными и даже дружескими. Прокопий Кесарийский отмечает, что император Аркадий, правивший Восточной Римской империей, сделал шаха Йаздигерда I (399—421) эпитропосом (опекуном) своего сына. Положение изменилось при Бахраме V Гуре (421—438), которому пришлось воевать и с Византией, и с эфталитами. Бахрам V в этой ситуации проводил политику утеснения христиан в Сирии и Закавказье, что привело уже при его преемнике Йаздигерде II к мощному восстанию в Армении (451 г.).

Для Ирана и Византии Закавказье имело важное значение и как барьер против гуннских племен Восточной Европы. Общая опасность со стороны последних иногда приводила к единым действиям обеих держав на Кавказе, например к соглашениям о совместной охране Дербентского и Дарьяльского проходов. Но такие отношения не были стабильными, военные действия между Ираном и Византией в Месопотамии — частое явление на протяжении всего V века. Однако во второй половине V в. основное внимание Сасанидов было сосредоточено на востоке, где Йаздигерд II и его преемник Пероз вели упорную борьбу с эфталитами. Пероз даже попал к ним в плен (482 г.). Этим воспользовались в Закавказье, где восстание, поднятое в Армении в 483—484 гг., было поддержано грузинским царем Вахтангом и албанцами. Восстание удалось подавить обычным методом — привлечением на сторону Ирана части местной знати, но военные поражения на востоке и другие внешнеполитические осложнения способствовали углублению социального кризиса в Иране, проявившегося в движении Маздака. Сын Пероза,

Кобад, долгие годы провел в качестве заложника у эфталитов; позднее в войнах с Византией этот шах (488—531) пользовался их поддержкой.

Война Ирана с Византией велась с перерывами более тридцати лет, с переменным успехом для обеих сторон. Хосров пытался захватить византийскую Сирию и Западную Грузию, но в конечном счете успеха не добился, и мир 561 г. сохранил прежние границы между державами. После этого Империя и Иран занимались своими проблемами, но на деле готовили новую войну.

Хосров в 563—567 гг. разгромил эфталитов, которые вели борьбу с возникшим Тюркским каганатом. Византия, со своей стороны, пыталась заключить союз с тюрками, для чего на Алтай в 568 г. отправилось посольство Земарха. Известно, что на обратном пути персы в районе Прикубанья устроили послам засаду, но им удалось ее избежать с помощью местных союзников Византии.

Крупнейшим успехом Сасанидов был захват Йемена и вытеснение оттуда эфиопов, союзников Византии. А затем началась новая война с Империей (572 г.), не закончившаяся до смерти Хосрова I. При преемниках Хосрова византийское правительство заключило союз с тюрками на востоке и северокавказскими кочевниками в Предкавказье. В итоге после ряда поражений персидских войск был заключен мир 591 г., невыгодный для Ирана. Внук Хосрова I, Хосров II Парвиз, смог удержаться на престоле при поддержке Византии, тогда как его противник Бахрам Чубин пользовался помощью тюрок. Такие мирные промежутки в византийско-иранских отношениях были, однако, исключениями, вызванными чрезвычайными обстоятельствами, и оба государства оставались непримиримыми конкурентами в борьбе за гегемонию в Передней Азии. Хосров II использовал убийство императора Маврикия Фокой в 602 г. как предлог для начала новой большой войны с Империей. Эта война продолжалась до убийства Хосрова в результате придворного заговора в 628 г. Первоначально персы одержали ряд побед, захватили Сирию, Финикию, Палестину, центральную часть Малой Азии, дважды подходили к Константинополю и даже овладели Египтом. Однако силы шаханшаха были истощены, и закрепить эти успехи он не смог. Император Ираклий заключил союз с северокавказскими хазарами (согласно ал-Масуди) и другими северокавказскими племенами, нанес ряд поражений персам, разорил вместе с хазарами Закавказье и угрожал центру Ирана, ее столице Ктезифону. Преемник Хосрова, его старший сын Кобад Шируйе, участник заговора против отца, вынужден был просить мира. Обе державы в результате продолжавшейся более четверти века войны были доведены до крайнего истощения и не могли противостоять молодому арабскому государству, главным объектом завоеваний со стороны которого они стали.

Государственной религией сасанидского Ирана был зороастризм, и это также показывает преемственность между Сасанидским и Парфянским государствами. Именно при Сасанидах была кодифицирована Авеста — сложный комплекс зороастрийских текстов разного времени. Произошло это, очевидно, в III—IV вв. (в основном стараниями мобеда Тансара).

В пределах Ирана еще в парфянский период появились христианские общины. При Сасанидах число христиан, особенно в областях с арамейским населением и в Хузистане, росло, несмотря на отдельные периоды гонений. После осуждения ереси Нестора на Эфесском соборе 431 г. несториане бегут в пределы Сасанидского государства, а сама несторианская церковь, как го-

нимая в Византии, пользуется известным покровительством со стороны шаханшахов.

Месопотамия издавна стала пристанищем для иудейских общин. Здесь был разработан «Вавилонский талмуд» — один из двух вариантов этого свода комментариев иудаизма.

В восточных же областях Ирана получил распространение буддизм. Таким образом, в пределах Ирана встретились крупнейшие религии той эпохи.

Следствием взаимодействия зороастризма и христианства (с некоторым влиянием других религий) явилось манихейство, связанное с деятельностью Мани (III в.), по преданию — отпрыска династии Аршакидов. Шапур I сначала допустил проповедь Мани, однако позднее он был схвачен и замучен. Однако последователи Мани распространились по всему Ирану, а оттуда в Среднюю и Центральную Азию. Манихейство оказало влияние на Маздака и его последователей.

Помимо текстов Авесты при Сасанидах возникла значительная религиозная зороастрийская литература на среднеперсидском языке. Этот язык сложился на основе говоров Парса, но под влиянием наречий Мидии и парфянского и, как уже сказано, впервые в истории иранских языков стал по-настоящему литературным языком. Однако активное употребление его несколько затруднялось тем обстоятельством, что при использовании графического письма (на основе арамейского шрифта) в среднеперсидском языке (парсик, пехлеви, дари) часть слов писалась в форме арамейских идеограмм, которые люди, знавшие письмо, как полагают, должны были произносить по-ирански. Число таких идеограмм достаточно велико, и, что самое главное, ими обозначались наиболее употребительные глаголы, союзы и т.д. Такая сложность письма, естественно, затрудняла его распространение, и знание письма было в сасанидском Иране уделом образованных лиц — духовенства и писцов.

Тем не менее к концу сасанидского времени сложилась значительная литература на среднеперсидском языке, которая включала не только Авесту и другие зороастрийские тексты (Денкарт, Бундахишн), но и настоящую светскую литературу разного содержания и происхождения. Впрочем, и содержание Денкарт и Бундахишн было не только религиозным. В Бундахишн, например, вошли древнеиранские мифы о легендарных царях Ирана (Пишдадидах, Кайанидах и др.), о сотворении мира и т.д.

В последний период правления Сасанидов возникли и исторические сочинения, которые назывались «Хвадай-намак» («Книги владык»). В оригинале они не дошли, но их содержание пересказывали ранние арабские историки (Табари, Хамза ал-Исфагани и др.), в свою очередь пользовавшиеся арабским переводом Ибн Мукаффы. Стихотворное изложение некоторых образцов «Хвадай-намак» имеется у Фирдоуси. Эти сочинения в основном содержали историю сасанидских шахов, и изложение велось по годам их правления. В качестве большой преамбулы давалась и предшествующая история иранцев, легендарная и полулегендарная (в том числе сведения об Ахеменидах и Аршакидах). Наиболее ценными являются последние «Хвадай-намак», посвященные Сасанидам V — начала VII в.

Существовали и другие исторические произведения, прежде всего типа биографий (Арташира I, Маздака, Бахрама Чубина и т.д.). Из них сохранилась первая — «Карнамак-е Артахшир-е Папакан» («Книга деяний Арташира, сына Папака»), написанная около начала VII в. Эта книга излагает легендарную биографию основателя династии Сасанидов. Исторически до-

стоверного в ней немного, но сочинение ценно как памятник языка и данного жанра литературы.

При Сасанидах возникла и художественная литература как таковая. Она питалась богатейшим иранским эпосом, который включался в исторические труды и мог предоставить сюжеты для самостоятельных произведений. Цикл сеистанских сказаний о Рустаме бытовал в Иране в разных вариантах. Один из них впоследствии вошел как составная часть своеобразной антологии иранского эпоса в упомянутые «Хвадай-намак» и сохранился в пересказе Фирдоуси и других новоперсидских поэтов. Другой вариант сказания (возможно, северо-западного происхождения) известен нам из пересказа «отца армянской истории» Мовсеса Хоренаци. Дошли и отрывки среднеазиатских версий.

На иранской почве перерабатывались произведения, пришедшие из Индии и других стран. Пример — книга «Хазар афсане» («Тысяча сказок»), переложенная с одного из индийских языков на среднеперсидский. Позже ее арабский перевод стал основой знаменитой «Тысячи и одной ночи».

При дворе сасанидских правителей находились исполнители древних сказаний (воспроизводились в музыкальном сопровождении). Известны их имена — Барбуд, Саркаш и др. (по традиции — современники Хосрова I). В сасанидский период появились ранние варианты таких популярных уже при арабах книг, как «Синдбад-наме», «Калила и Димна» и др.

В Иране той поры высокого уровня достигли переписка и оформление рукописей. Многие образцы сохранялись в некоторых областях (например, в Фарсе) еще в X в., и их видели арабские ученые. По описаниям последних, такие рукописи содержали не только тексты, но и богатые иллюстрации, в том числе портреты сасанидских владык.

Значительное развитие получило право. Существовали специальные школы правоведов, комментировавшие юридические акты с учетом мнений юристов разных эпох. Сохранился один памятник такого рода — «Матагдан-е хазар датастан» («Книга тысячи решений»), составленный в последние годы существования Сасанидского государства.

Возникла и научная литература (медицинская, географическая и т.д.). При Хосрове I в Иране нашли убежище сирийские и греческие врачи, основавшие в г.Гундешапуре медицинскую школу. На персидскую медицину большое влияние оказывала и индийская медицинская наука.

От богатой географической литературы сасанидского времени в оригинале сохранился небольшой осколок — трактат «Шахрастаниха-йе Эран» («Города Ирана»). Следы влияния последней видны на примере «Армянской географии» VII в., а также в трудах арабских географов IX—X вв. Среднеперсидские географы знали античные и индийские труды, использовали их, но имели свою систему географического понимания мира, который они делили на четыре части: *хорбран* — запад, *хорасан* — восток, *бахтар* — север и *нимруз* — юг, в отличие от греков, у которых сложилось представление о трех частях света (Европе, Азии и Ливии). Но среднеперсидские географы заимствовали у греков деление на климаты, позже использованное и арабскими географами.

С сасанидским Ираном связано совершенствование индийской игры в шахматы и изобретение новой, ставшей затем популярной на Востоке, — нардов.

Высокого уровня достигли в Иране строительная техника и архитектура. Об этом свидетельствуют развалины столицы, Ктезифона, ряд памятников в Фарсе и других областях Ирана. Один из самых величественных памятни-

ков Сасанидов находится на нашей территории — это крепостные сооружения Дербента, построенные в основном в VI в.

Сасанидские шахи запечатлели свои военные деяния в рельефах, часть которых дошла до наших дней. Мы находим изображения владык Ирана часто вкупе с персонажами иранского эпоса. Показательно знаменитое изображение пленного императора Валериана перед Шапуром I, сидящим на коне. На других рельефах имеются изображения приближенных шахов (глав зороастрийского духовенства, вазиров и т.д.). Высокого искусства достигла в сасанидском Иране чеканка по серебру, образцы которой в виде чаш и других предметов имеются в собрании Государственного Эрмитажа и других музеев. Сохранились высокохудожественные образцы чеканки золотой и серебряной монет практически всех сасанидских шахов. На лицевой стороне изображается шаханшах Ирана с надписью типа «поклоняющийся (Ахура) Мазде, владыке, царь царей Ирана, происходящий от богов». На монетах изображались и шахские короны (согласно письменным источникам, у каждого правителя корона была особая).

Культура сасанидского Ирана значительна тем, что она оказала огромное влияние на формирование арабской культуры. В то же время сама сасанидская цивилизация представляла из себя сложный синтез культуры иранских народов с элементами индийской, арамейской, греческой культур. Это и позволило ей занять высокую ступень на лестнице общечеловеческой цивилизации.

ЗАКАВКАЗЬЕ В IV—XI вв.

История стран Закавказья первых столетий нашей эры крайне слабо и неравномерно освещена в источниках. Современные событиям информаторы — греко-римские писатели — сообщали о них мало и лишь в связи с римско-парфянскими отношениями, а поздние местные хроники черпали сведения об этом времени преимущественно из эпоса и преданий.

Мы даже не знаем точно, сколько государственных образований существовало в Закавказье в III—IV вв. Несомненно, было Армянское царство, а также Картли (Восточная Грузия). По-видимому, на западе Грузии сохранялось Колхидское царство, или Лазика (груз. Эгриси). Северо-восточная часть Азербайджана с некоторыми районами Дагестана и нынешней Восточной Грузии составляли Албанское государство. В степных районах Восточного Закавказья где-то в IV в. возникло так называемое царство маскутов — иранских кочевников, близкородственных аланам. В каких отношениях это царство пребывало с албанскими правителями — точно неизвестно.

Достоверно одно: страны Закавказья в III—IV вв. были ареной борьбы между Римом и Парфией, и от исхода этой борьбы во многом зависела и политическая карта региона. Другим важным фактором были северокавказские кочевники — сначала иранцы, а с конца IV в. гунны.

В ходе римско-парфянских войн Армения чаще всего была союзником Рима, а после сасанидского переворота 20-х годов III в. в Иране армянские Аршакиды полностью опирались на Рим. Восточная Грузия (Картли), по-видимому, меняла свою ориентацию. Порой ее (как в середине IV в.) делили между Римом и Ираном. Лазика, очевидно, находилась под римской опекой. Что касается Албании, то это царство обычно находилось в сфере влияния Ирана.

В 297 г. сасанидский шах Нерсе потерпел сокрушительное поражение в войне с Римом. По римско-иранскому договору 298 г. (в г. Нисибине) в Армению вернулся аршакидский принц Трдат (III), в качестве вассала Рима. Это означало резкое укрепление римского влияния в Закавказье.

В пределах Римской империи все большую силу набирало христианство. Последние резкие гонения на него, предпринятые императором Диоклетианом, не дали результатов, и в 313 г. император Константин разрешил исповедание христианства в пределах империи. Вскоре после этого Трдат III официально стал христианином, что было подготовлено распространением новой религии особенно в Западной Армении еще в III в. (прежде всего через посредство сирийцев). Через два десятка лет крестился и царь Картли Мириан, а затем и албанский правитель Урнайр. Все это в определенной степени было результатом усиления римского влияния в Закавказье. Иран с этим мириться не желал, и началась очередная серия римско-иранских войн, одной из арен которых были закавказские страны. Завершились эти войны разделом Армянского царства в 80-х годах IV в. Большая часть последнего подпала под верховную власть Ирана, меньшая — Рима. В обеих частях страны остались цари из армянского рода Аршакуни. В римской части царская власть была вскоре (391 г.) упразднена, в иранской она была ликвидирована по просьбе армянской знати в 428 г. По условиям римско-иранского договора некоторые восточные области Армянского царства (приблизительно территория нынешней Республики Азербайджан к юго-западу от Куры) были переданы албанским царям, очевидно, за их услуги шахам.

Чтобы лучше понять политическую историю Закавказья этого времени, надо попытаться выяснить социально-экономическую ситуацию в странах региона. Почти общепризнанным является мнение о формировании именно в первые века нашей эры раннефеодальных отношений в Закавказье. Точно установлено появление там крупных знатных родов, в руки которых постепенно перешел основной земельный фонд. Эти знатные роды в Армении и Албании именовались (источниками) *нахарарскими*. В Грузии им, очевидно, соответствовали *эристави* и *мтавари*. Наряду с такими знатными родами оформился достаточно широкий слой свободного населения, что-то вроде мелких феодалов. В Армении и Албании это *азаты*, в Грузии — *азнауры*. Этот слой был как бы промежуточным между знатными родами и основной массой населения, все больше попадавшей в зависимость сначала от государства, а затем от нахараров/мтаваров. Масса податного населения именовалась в Армении и Албании *рамики* или *шинаканы*, а в Грузии, очевидно, *глехи*. Азаты/азнауры не представляли из себя единого, монолитного сословия. Часть из них имела землю (как и некоторые шинаканы/глехи), другие жили службой и жалованьем (*ротчик*). Из азатов/азнауров формировалось конное войско, составлявшее главную военную силу. С переходом большей части земель к знатным родам росла прослойка азатов/азнауров, являвшихся вассалами нахараров/мтаваров.

С принятием христианства церковь получила основные богатства старых языческих храмов и превратилась в крупного землевладельца. Постепенно между царской властью и церковью возникли противоречия. Армянский царь Пап в 60—70-х годах IV в. попытался урезать права церкви, но потерпел поражение и погиб. Церковные иерархи в Армении и Грузии все больше набирали силу, приобретали автокефалию от византийских иерархов. В Армении это случилось во второй половине IV в., в Картли — во второй половине V в. Главы армянской и грузинской церквей получили ти-

тул *католикоса* (патриарха). По-иному сложилась ситуация в Албании. В стране были очень сильны позиции зороастризма и местных языческих культов. Укреплению зороастризма способствовали шахи Ирана. В Армении и Грузии эта их политика не была успешной, и благодаря народным восстаниям 451 г. и 80-х годов V в. христианство отстояло там свои позиции. В Албании же преемники Урнайра отреклись от христианства, и вновь оно стало государственной религией лишь в 80-х годах V в. при царе Вачагане III (очевидно, это связано с общезакавказским восстанием против Ирана в это время).

Христианизация закавказских стран имела важные последствия и для развития местной культуры. На рубеже IV—V вв. появилась армянская письменность, созданная Месропом Маштоцем. Не без его помощи были изобретены и национальные алфавиты в Грузии и Албании. Но если в Армении и Грузии почти сразу возникла богатая местная переводная и оригинальная литература разных жанров, то в Албании этого не случилось. На албанский язык были переведены Евангелие и некоторые другие книги, но просуществовала эта литература недолго. Причина в том, что так называемый албанский язык — это был язык населения небольшой, в ту пору центральной области Албанского царства (вокруг столицы — Партава). В остальной части страны функционировали иные языки и наречия. В Албании в отличие от Армении и Грузии не сложилось единой народности, и последующие политические изменения привели к исчезновению и едва народившейся албанской культуры.

VI век стал столетием особенно упорной борьбы между Ираном и Византией за Закавказье. Успех попеременно сопутствовал то одной, то другой стороне. Порой иранские отряды проникали в пределы Абхазии, иногда византийские войска занимали территории, «принадлежащие» сопернику.

Почти столетний конфликт завершился договором 591 г., выгодным Византии — она получила часть «иранского» Закавказья. Случилось это благодаря смутам в Иране, которые и использовала империя.

К тому же она могла опереться и на христианскую церковь в странах региона. В среде последней, однако, не было единства. Еще в 451 г. Халкидонский собор осудил так называемых монофизитов, которые имели много сторонников в Закавказье. Началась борьба между ними и православными, которых поддерживал Константинополь. За спиной монофизитов так или иначе стоял Иран. И когда в начале VII в. началась новая ирано-византийская война, в закавказских церквах произошел раскол. Армянская и албанская церкви отложились от Константинополя, тогда как грузинская сохранила связь с ним.

Ирано-византийская война продолжалась более четверти века. Сначала успех был на стороне персов, и войска шаха Хосрова II заняли Палестину и ряд других подвластных империи стран, осаждали сам Константинополь. Умный и талантливый византийский наместник Египта Ираклий, став императором, сумел добиться перелома в войне. Ему удалось это сделать путем привлечения на свою сторону значительной части закавказских феодалов, а также посредством союза с северокавказскими хазарами, которые опустошали Восточное Закавказье.

В конечном счете обе державы, растратив все свои силы в длительной борьбе, оказались жертвами новой политической силы — возникшего в пустынях Аравийского полуострова Мусульманского, или Арабского, халифата.

Разгромив византийцев при Ярмуке, а персов при Кадисии и Нехавенде, преемники пророка Мухаммеда довольно быстро уничтожили Сасанидское государство, а у Византии отняли бо́льшую часть ее азиатских и африканские владения. Началась новая эпоха в истории раннего средневековья Западной Евразии. Создание новой монотеистической религии и распространение власти ее носителей на огромные территории — от Инда до Пиреней, от Кавказских гор до южной границы Сахары — резко изменило расстановку сил. В то время как Европа еще никак не могла оправиться от тяжких последствий, связанных с крахом Римской империи, а «варварские» государства на ее территории переживали период утробного развития, новая империя на востоке, подкрепляемая воинственной религией, грозила поглотить почти весь послеримский и сасанидский мир. Одной из первых жертв стало Закавказье. Арабы появились там сразу после сражения при Нехавенде (642 г.), дошли до Дербента, где проходила граница с хазарами, и довольно быстро заняли почти все Закавказье. Правители закавказских стран вели себя по-разному. Теодорос Рштуни, правивший Арменией, естественно, пытался прибегнуть к помощи Византии. Албанский князь Джеваншир лавировал между Византией, арабами и хазарами, одно время платя дань всем троим.

Но тут начались смуты в Халифате. Борьба между сторонниками зятя пророка Али и Омейадами на время отвлекла внимание халифских властей от Закавказья. Этим воспользовались усилившиеся хазары, которые пытались закрепиться в Албании и частично в Армении.

Но постепенно Халифат оправился от последствий междоусобной войны и, вновь набрав силу, стал наверстывать упущенное. С последних лет VII в. началось покорение Армении, затем наступила очередь других стран Закавказья. Арабские власти действовали в зависимости от обстоятельств то методом кнута, то методом пряника. В 705 г. по приказу халифа его наместник в Закавказье обманом заманил знатнейших армянских нахараров с семьями в церкви в Нахичеване и Храми и сжег их там живьем. В это же время албанский князь Шеро был увезен в Дамаск и там окончил свои дни.

Главным врагом мусульманской власти в Закавказье оставались хазары. Борьба с ними продолжалась с переменным успехом вплоть до 737 г. Накануне наместником Закавказья был назначен представитель дома Омейадов, а позже последний халиф из этой династии — Мерван ибн Мухаммед. Нуждаясь в армянской коннице, он стал покровительствовать армянским князьям, обещав даже платить им деньги из халифской казны. Это было нечто новое, ибо до той поры политика арабов в Армении была репрессивной. Один из халифов, ревнителей ислама, запретил было даже разведение свиней, но позже этот декрет был отменен.

Зато в отношении Грузии политика Мервана была иной. Он прошел ее с востока на запад огнем и мечом, заслужив мрачное прозвище Кру («глухой [к жалобам о пощаде]»). Однако не усмирение Грузии было главной целью Мервана. Он затеял большую войну с хазарами, а для этого ему был необходим умиротворенный тыл. Подавив Грузию и обласкав армянских и албанских князей, Мерван начал поход против хазар, который закончился разгромом хазарского хакана и его войск. Поражение было столь страшным, что, по некоторым известиям, побежденный хакан согласился даже принять ислам, а столица его государства была перенесена с территории приморского Дагестана в устье Волги. Ислам хакан, по-видимому, не принял, но обещание, данное с перепугу, имело для него тяжкие последствия: он был постепенно лишен реальной власти, а *шад* — второе в государстве

лицо — принял иудаизм. Претензии на Закавказье сохранились, но реально удовлетворить их хазары уже не могли, хотя во второй половине VIII в. и совершили туда два больших набега.

Под властью арабов все Закавказье было разделено на два больших наместничества. Главное из них именовалось Арминия, ибо в его составе доминировали армянские земли, хотя в это наместничество входила и Восточная Грузия, а порой и бывшая Албания, чаще именовавшаяся с той поры Аран (другая форма этого названия). В Закавказье периодически поднимались восстания, жестко подавлявшиеся. В ходе таких восстаний был уничтожен один из известнейших нахарарских родов Армении — Мамиконяны. Зато выдвинулся другой нахарарский род — Багратиды, с которым связана в дальнейшем история и Армении и Грузии. Поздние предания приписывали Багратидам происхождение от еврейских царей Давида и Соломона. На самом деле они происходили из исторической области Спер, расположенной на армяно-картвельской границе.

В Армянском царстве III-V вв. они занимали видные должности. В VIII-IX вв. выделились две ветви этого рода, положившие начало царским — армянской и грузинской — династиям.

Арабский халифат, подобно всем политическим объединениям этого рода, неизбежно был обречен на распад. Смена Омейадов Аббасидами задержала этот процесс, поскольку последние расширили свою социальную опору за счет иранской знати, но остановить распад было невозможно. И в IX в. он пошел полным ходом, естественно затронув и Закавказье. Впрочем, возникновение первых независимых государств здесь было связано не с Халифатом, а с Византией. Последней временно удалось закрепиться на восточном побережье Черного моря, но в 70-х годах местный правитель — *эристав* Абхазии — с помощь хазар добился независимости от империи.

Его преемники стали претендовать и на Западную Грузию, постепенно ее подчинив. Это случилось позже, в IX—X вв., а возникшее первоначально Абхазское государство, распространив свою власть на этнически картвельские земли, куда затем был перенесен и центр государства (в Кутаиси), постепенно превратилось в грузинское политическое объединение, в котором прежняя метрополия — Абхазия — стала окраиной. Такое, кстати, не раз имело место в истории.

Между тем в пределах Халифата ситуация осложнялась и накалялась. Причины освобождения стран Закавказья от арабов не следует искать в экономике, как это часто делают. Экономика той поры была крайне инертной и медленно эволюционизирующей. Правда, один фактор следует иметь в виду, но он появился как раз благодаря существованию Халифата, а не вопреки ему. Речь идет о росте городов и торговли. В Закавказье города античного типа пережили кризис, а порой и упадок в IV-V вв. В таком же централизованном государстве, как Халифат, они возродились. Более того, такие города, как Тбилиси, Бердаа, Двин и др., имели значение, выходящее за пределы своих стран и даже региона. Вокруг этих городов стали даже возникать небольшие местные рынки, а само купечество этих городов принимало активное участие в международной торговле той поры. Еще более примечательно появление в городах Халифата IX—X вв. элементов самоуправления. Правда, в отличие от более поздних европейских городов это самоуправление не было связано с экономической и полной политической их самостоятельностью. Городская верхушка Тбилиси, Бердаа, Дербента и т.д. была смешанного состава. В нее входили и главы торгово-ремесленных кор-

пораций, и местные феодалы. Тем не менее роль городов в политической истории той поры была велика, хотя она еще в полной мере не изучена.

Следует принимать во внимание еще одно обстоятельство. В странах Халифата шел процесс нивелировки социально-экономических отношений, каковые в разных областях державы не были идентичными. В частности, на Азербайджан и области Северо-Западного Ирана (Мазендеран, Гилян и др.), а также Албанию все более распространялись формы социального гнета, уже давно утвердившиеся в таких более развитых районах, как Ирак, Фарс и т.д. К тому же в IX в. имело место усиление исламизации населения окраин державы. Правда, теперь принятие ислама уже не давало таких привилегий, как в первые десятилетия существования исламской общины. Тем не менее мусульмане находились в более выгодном положении, нежели христиане, евреи, зороастрийцы, не говоря уже о язычниках, которые по канонам Корана просто подлежали истреблению. Для укрепления своей власти и ускорения процесса исламизации халифы заселяли покоренные земли арабскими племенами. Довольно много их появилось в Армении, на Мугани, в Дербенте и т.д. Все это создавало новые противоречия и коллизии. Местное население оказывало сопротивление, иногда в весьма своеобразных формах. В этой связи необходимо коснуться движения хуррамитов во главе с Бабеком. Не останавливаясь специально на сущности этого движения, главные центры которого были вне пределов Закавказья (Северо-Западный Иран), необходимо сказать несколько слов о его связи с Закавказьем, прежде всего албанскими и армянскими землями. Расположенные в непосредственной близости от резиденции Бабека, эти земли были связаны с хуррамитским движением, но большой роли в нем не играли. Скорее всего христианское армянское и албанское население рассчитывало использовать борьбу хуррамитов в своих интересах, а когда Бабек потерпел поражение, именно один из христианских албанских князей выдал его халифскому полководцу.

Впрочем, о терминах «албанский», «Албания» для IX—X вв. следует сказать особо. В эту пору они уже были, скорее, историческими. Значительная часть албанского (разноязычного) населения на правобережье Куры была арменизирована (процесс этот начался еще в древности, но особенно активным был, по-видимому, именно в VII—IX вв.). Источники еще фиксируют албанский (аранский) язык в округе Бердаа в X в., но затем упоминания о нем исчезают. Пестрое в этническом плане население левобережной Албании в это время все больше переходит на персидский язык. Главным образом это относится к городам Арана и Ширвана, как стали в IX—X вв. именоваться два главные области на территории Азербайджана. Что касается сельского населения, то оно, по-видимому, в основном сохраняло еще долгое время свои старые языки, родственные современным дагестанским, прежде всего лезгинскому.

Из двух областей лишь одна, западная, сохранила старое название Аран (т.е. Албания), но она не была идентична прежнему Албанскому царству.

Поражение Бабека и хуррамитов не остановило борьбы против Халифата в Закавказье. Но центрами ее стали Армения и Грузия. Впрочем, в последней древняя столица Тбилиси, где обитало много мусульман (персов и арабов), слишком тесно была связана с Халифатом и не была включена в эту борьбу.

На большей части Армении и Грузии освободительные тенденции под идеологическим знаменем христианства все более проявляли себя. Этому

способствовало усиление Византии, начавшееся именно в IX в., особенно с воцарением Македонской династии (армянского происхождения).

В Армении подъем Багратидов начался во второй половине IX в., вскоре после очередной карательной экспедиции халифа в Закавказье в 851—852 гг., возглавленной Бугой Старшим. Буга разорил Армению, Грузию и Аран, но к укреплению арабского владычества это не привело. В 875 г. армянская знать выдвинула князя Ашота Багратуни претендентом на трон Армении, и десять лет спустя халиф вынужден был его признать. Правда, при преемнике Ашота Смбате I положение изменилось. Халиф, опираясь на своего наместника Азербайджана Юсуфа ибн Абул-саджа, повел планомерную борьбу за подчинение Армении. В противовес Смбату царский титул был дарован владетелю Васпуракана (область от оз. Ван до Нахичеванского края) Гагику Арцруни. Смбат установил союз с Византией, но в конце концов потерпел поражение, попал в руки Юсуфа и был казнен. Однако его преемники добились самостоятельности.

В грузинских землях сложилось два центра. Наряду с Абхазским царством ведущую роль играло княжество Тао-Кларджети, правители которого, тесно связанные с Византией, получили от империи титул *куропалата*. К рубежу X—XI вв. правитель Тао Давид стал сильнейшим владетелем Закавказья. Однако, умирая, он завещал часть своих земель Византии. Вопрос о достоверности «Завещания Давида» до сих пор не решен. Но на него опирались византийские императоры в своих стремлениях подчинить Закавказье.

Армянское царство Багратидов во второй половине X в. распалось на несколько царств, из которых сильнейшим было Анийское, с главным городом Ани.

В Восточном Закавказье в IX—X вв. существовал ряд феодальных владений, сильнейшими из которых были Ширван и Аран. Властвовали в них мусульманские династии, под эгидой которых достаточно интенсивно проходил процесс исламизации местного населения. Однако вплоть до XI—XII вв. бóльшая часть населения Ширвана и Арана ислам не приняла.

Усиление Византии во второй половине X в. сказалось и на судьбах Закавказья. Поражение киевского князя Святослава, а затем и болгар позволило империи сосредоточить внимание на восточных рубежах. Опираясь на «Завещание Давида», Василий II занял часть его владений, а затем византийцы на протяжении первой половины XI в. захватили и значительную часть армянских земель. Это создало сильную антивизантийскую партию в Армении и Грузии, тогда как прежде в этих странах существовала ориентация на христианскую Византию.

Между тем далеко на востоке, в пустынях и степях Средней Азии, возникла новая мощная сила — сельджуки. На протяжении первой половины XI в. они покорили весь Иран, и в 1071 г. при Манцикерте (Маназкерте) византийский император Роман Диоген потерпел сокрушительное поражение и сам попал в плен к сельджукам. Византия окончательно потеряла не только Закавказье, но и восточную Малую Азию. Наступил новый этап истории стран Переднего Востока.

ИНДИЯ В ГУПТСКИЙ ПЕРИОД

Политическая карта Индии в III в. — до возвышения династии Гуптов — выглядела следующим образом. Кушанская держава после Васудевы I находилась в состоянии глубокого упадка и окончательно потеряла контроль над долиной Ганга. Почти в то же время перестала существовать и другая крупнейшая держава — к югу от гор Виндхья — царство Сатавахана. В Северной Индии возникло множество мелких государственных образований, стоявших на различных ступенях социального и политического развития — монархических и олигархических; немаловажную роль играли также племенные союзы.

В центральном районе — в районе р. Чарманвати — наиболее влиятельными были царства, во главе которых стояли представители нескольких ветвей династии Нагов. На Западе — от низовьев Инда до Нармады — правили шакские кшатрапы, принявшие традиционную индийскую царскую титулатуру. В северо-западном регионе господствовали олигархические кланы: яудхеи между Ямуной и Сатледжем, мадры вокруг г.Сагалы (Сиалкота), арджунаяны в районе современного г.Джайпура, малавы на юге Раджастхана и многие другие. На северо-востоке наиболее значительным был древний клан личчхавов (их столица находилась в г.Вайшали).

В последней трети III в. происходит подъем династии Вакатаков в Западном Декане (Махараштра и северо-запад Андхры). Праварасена I Вакатака принял титул «верховного правителя» (*самрадж*). На Коромандельском берегу к северу от р.Кавери господствовали Паллавы, южнее этой реки располагалось государство Пандья.

В каком районе Северной Индии находились первоначальные владения Гуптов, пока неясно. В период расцвета державы ее ядро — Бихар, восточная часть Уттар-Прадеша и запад Бенгалии. Первого представителя династии источники называют просто Гупта (или Шри Гупта — «высокочтимый Гупта»), но о нем практически ничего не известно. Первым махараджей в роду Гуптов считался его сын Гхатоткача. Однако и при нем государство не было сколько-нибудь значительным.

Подлинным основателем державы стал сын Гхатоткачи, Чандрагупта I. Видимо, с его коронации в 319 г. (дата условна — возможны варианты от конца 318 до 320 г.) начинается отсчет гуптской эры, по которой датировались документы во многих государствах Северной Индии. Чандрагупта I принял новый титул — *махараджадхираджа* (букв. «великий царь, царь царей»), очевидно, под влиянием иранской титулатуры, частично использовавшейся и правителями индо-греческих государств (*басилевс басилеон*). Имперские притязания имели определенные основания — во всяком случае, именно ко времени Чандрагупты I относится чеканка золотых монет — динаров.

Главной женой царя была Кумарадэви из старинного рода личчхавов. Этому браку придавалось важное политическое значение. Сын их Самудрагупта с гордостью указывает на свою родословную по материнской линии, что весьма необычно для царских надписей древней Индии. Выпущена была и специальная золотая монета с изображением царя и царицы Кумарадэви. Надпись на ее реверсе — «личчхавы», — вероятно, говорит о том, что монета чеканилась от имени не только гуптского царя, но и конфедерации личчхавов. Союз с этим могущественным кланом и дал Гуптам возможность играть политическую роль в общеиндийском масштабе.

Уже упомянутый Самудрагупта еще более укрепил власть династии и расширил территорию государства. Значительную информацию о времени его правления содержит знаменитый панегирик, высеченный на колонне, находящейся ныне в Аллахабаде. Судя по Аллахабадской надписи, Самудрагупта достиг славы как царь-воитель, «участвовавший в сотне разнообразных битв» и «покрытый сотней ран, нанесенных стрелами, копьями, боевыми топорами» и многими другими видами оружия. Он претендовал на роль «владыки всей земли» — конечно, в пределах Индостана и прилегающих территорий. Панегирист делит все области этого региона на четыре категории. Первую составляют государства, расположенные в центре Северной Индии, в так называемой Арьяварте. Самудрагупта «искоренил» здесь власть двух Нагов — Нагасены (в районе Падмавати/Гвалиура) и Ганапати (район Матхуры или Видиши), а также Ачьюты (судя по монетным находкам, он правил в районе Ахиччхатры). Далее войска успешно продвинулись к области современного Дели, где было сокрушено государство, именуемое Кота.

Совершенно иной политики царю приходилось придерживаться в отношении воинственных кланов малавов и арджунаянов, мадров и абхиров, а также в областях Непала и Камарупы (Ассама). Гуптский царь называет их вождей своими «слугами», обязанными приносить ему всяческую дань, выполнять его волю и являться ко двору для выражения преданности. Государства эти рассматриваются не как органическая часть Гуптской державы, а как «соседние» с ней.

Третью категорию составляют области Дакшинапатхи (Декана), куда совершались походы, возможно, даже вплоть до столицы Паллавов г.Канчипурама. Самудрагупта утверждает, что он захватывал местных царей, а затем освобождал их, даруя милость.

Наконец, более отдаленные и достаточно крупные государства признаются зависимыми лишь на том основании, что их правители присылают посольства ко двору гуптского царя, отдают дочерей за него замуж и обращаются к нему с просьбами о земельных владениях. В эту последнюю категорию попали «Сын неба, шах шахиншах» (вероятно, кушанский правитель), шакамурунда (видимо, Западные кшатрапы), а также цари Ланки (Синхалы) и «островов» (Юго-Восточной Азии?).

Основанием для претензий на Ланку, например, могло служить то, что царь Мегхаварна просил Самудрагупту выделить место для постройки буддийского монастыря на священной земле Бодх-Гаи. Очевидно, едва ли не всякая дипломатическая миссия использовалась при гуптском дворе для обоснования имперских притязаний. Появление великодержавной идеологии, впрочем, предполагает наличие могущественного государства.

Складывается настоящий культ царя как живого божества и воплощения Индры, Варуны, Куберы и Ямы (т.е. *локапалов* — хранителей мира). Правитель наделяется всеми возможными личными достоинствами — умом он превосходит легендарных мудрецов древности, своими стихами заслужил титул «царя поэтов», не знает себе равных в игре на музыкальных инструментах и т.д. и т.п. Монеты с изображением Самудрагупты как музыканта и некоторые другие данные свидетельствуют о том, что неумеренность восхвалений не может быть объяснена лишь жанровыми особенностями Аллахабадской надписи или подобострастием придворного поэта. Речь, скорее, должна идти о формировании круга идей, призванных оправдать сильную единоличную власть.

В то же время имперские притязания Самудрагупты и несомненное стремление его к укреплению монархии не могут скрыть того факта, что само государство не было ни единым, ни централизованным. Не случайно панегирист отмечает как особую заслугу своего героя то, что он «восстанавливал многочисленные царские династии, лишенные престола». Создание обширной державы отнюдь не означало уничтожения мелких владений, они просто вошли в ее состав. Вполне возможно, что именно административная рыхлость государства и вызывала необходимость всячески подчеркивать идеологический аспект власти «царя царей».

Сын и преемник Самудрагупты, Чандрагупта II, вступил на престол в 376 г. и царствовал более 30 лет (возможно, до 414 г.). Позднейшее предание повествует о том, что первоначально государством правил его старший брат, Рамагупта, который потерпел сокрушительное поражение от «царя шаков» (может быть, имеются в виду кушаны) и подчинился унизительному требованию противника отдать ему свою жену Дхрувадэви. Однако Чандрагупта проник в ставку шакского правителя, убил его и стал владыкой Гуптской державы, женившись на Дхрувадэви. Эта история долго рассматривалась как романтическая выдумка, однако сейчас известно не только более 20 медных монет Рамагупты, но и надпись, где он назван «царем царей». Таким образом, вполне вероятно, что до Чандрагупты II действительно правил его старший брат, Рамагупта (по меньшей мере, в районе Видиши, где найдены его монеты, сходные с монетами Нагов). Историческим лицом является и Дхрувадэви, супруга Чандрагупты II и мать его преемника Кумарагупты I. Если доверять полулегендарному сообщению о разгроме гуптского царя шаками, следует думать, что даже в период высшего расцвета государство было весьма непрочным в своей основе.

На знаменитой нержавеющей железной колонне, стоящей ныне около Кутуб-минара на окраине Дели, помещен панегирик царю Чандре — по всей видимости, Чандрагупте II. Он начинается с описания того, как царь отразил нападение коалиции своих противников в стране вангов (Восточная Бенгалия). Но основными направлениями внешней политики — о чем и говорится далее — были западное и северо-западное. Именно в это время окончательно уничтожена власть Западных кшатрапов в районах Катхиавара, Гуджарата и Мальвы — на этой территории стали чеканить серебряную монету наместники гуптского царя. Следует отметить, впрочем, как типичное явление, что эта монета почти полностью имитировала привычные образцы местного чекана.

Надпись на колонне повествует о том, что царь покорил Пенджаб, «переправившись через семь потоков Инда», и победил вахликов. Слово *вахлика* (*бахлика*) в санскритских текстах обычно означает жителей Балха, однако вовсе не обязательно предполагать, что завоевания Чандрагупты распространились на всю Бактрию. Речь, видимо, идет о столкновении в Гандхаре с кушанами-кидаритами, центральные области государства которых находились в районе Балха. Нумизматические материалы показывают, что собственной администрации Гуптов на завоеванных территориях не было и «царь царей» довольствовался данью и общим признанием зависимости со стороны местных правителей.

Как бы то ни было, на рубеже IV—V вв. сложилась обширная держава Гупта, простиравшаяся от Аравийского моря до Бенгальского залива. После победы над Западными кшатрапами и захвата богатых областей Гуджарата и Катхиавара Чандрагупта II принял титул Викрамадитья («Солнце доблести») в подражание легендарному правителю Уджаина, успешно боровше-

муся с шаками и основавшему так называемую эру Викрама (58 г. до н.э.). Это породило впоследствии множество недоразумений из-за смешения двух правителей в исторических и полуисторических повествованиях.

Влияние гуптского царя распространялось и далеко к югу от гор Виндхья. Был заключен династический союз с Вакатаками.

Правление Чандрагупты II рассматривается как время расцвета гуптской культуры. Предание связывает с его двором жизнь и деятельность крупнейших поэтов и ученых (именуемых по традиции «девять драгоценностей»). Некоторые из них действительно могли быть его современниками.

Наследовал Чандрагупте II его сын Кумарагупта I. Царствовал он долго, вероятно с 415 до начала 450-х годов, однако события его правления известны недостаточно. Если справедливо отождествление Кумарагупты I с Махендрой, упоминаемым в пуранах, то можно говорить о захвате Гуптами Калинги с прилегающими областями (совр. Орисса, Восточная Индия). В Гуджарате и Саураштре им была свергнута династия Шарвов, выпускавших свои монеты в период правления Самудрагупты и Чандрагупты II. Вероятно, потеряны были для Гуптов северо-западные территории, по крайней мере монеты с именем Кумарагупты I там уже не имели хождения. Выпуск двух разных типов серебряных монет — для западных и для центральных областей державы — свидетельствует об автономии отдельных ее частей. Последняя надпись Кумарагупты I называет царя просто махараджей, а не царем над царями. Это иногда интерпретируется как свидетельство упадка верховной власти, связанного, возможно, и с иноземным нашествием (гуннов-эфталитов?).

Несколько надписей сына Кумарагупты I, Скандагупты (455—467), позволяют представить дальнейшие события. Царь настойчиво повторяет, что после смерти отца ему удалось разгромить врагов и «восстановить пошатнувшееся счастье династии». Вероятно, и получение власти было для него сопряжено со значительными трудностями. В отличие от общей практики Скандагупта не приводит имени своей матери — вполне возможно, она не была главной царицей, а следовательно, сын ее не должен был наследовать престол. Таким же образом допустимо интерпретировать и слова, что сама богиня Лакшми избрала его на царство, отвергнув других царских сыновей. Есть и другие основания считать, что Скандагупта не был единственным претендентом на трон. Надписи и монеты говорят о кратковременном правлении некоего Гхатоткачи Гупты, очевидно старшего сына Кумарагупты I, бывшего наместником Восточной Мальвы в последние годы жизни отца.

Скандагупта перечисляет свои военные подвиги, особо отмечая победы над чужеземцами и варварами-млеччхами. По всей видимости, ему удалось добиться успеха в борьбе с поздними Кушанами и отразить натиск эфталитов в Гандхаре. В надписи на колонне в Бхитари панегирист говорит: царь «всю землю потряс двумя руками, когда сошелся в битве с гуннами». Гуннское нашествие действительно было остановлено на десятилетия.

Правителей гуптской династии после Скандагупты трудно расположить в генеалогической и хронологической последовательности. По-видимому, власть их ограничивалась только территорией долины Ганга. Упадок государственной казны иллюстрируется постепенным ухудшением качества монет. Содержание золота в динарах Самудрагупты и Чандрагупты II составляло более 80%, а при поздних Гуптах едва достигало половины.

Царь Пуругупта приходился Скандагупте братом, но в надписях никогда не упоминал своего предшественника на престоле. Не упоминали друг друга и оба сына Пуругупты — цари Будхагупта и Нарасинхагупта. Возможно,

они правили одновременно в разных частях державы. Известны также имена Кумарагупты II и III, Вайньягупты и Вишнугупты, правивших относительно недолго и бесславно. Согласно джайнской исторической традиции, конец династии приходится на 231 г. гуптской эры. Впрочем, в нескольких областях (например, в Ориссе) Гупты правили и позже 550 г. — и те же джайнские тексты предлагают в качестве варианта 255 г. гуптской эры. Еще в середине VIII в. в Магадхе засвидетельствованы цари, имена которых оканчивались на -гупта, но были ли они связаны родством с имперскими Гуптами, совершенно неизвестно.

Последние десятилетия гуптской эпохи ознаменованы вторжениями гуннов-эфталитов. Гуннские завоевания были частью интенсивного передвижения племен Центральной Азии. Эфталиты представляли собой военный союз полукочевых племен. Китайский путешественник Сунь Юн, наблюдавший эфталитов в Индии в 520 г., описывал их как народ, обитающий в шатрах, носящий одежды из кожи и не знающий грамоты. После успешной борьбы с Сасанидами эфталиты в конце V в. подчинили себе Гандхару. Их вождь Торамана около 500 г. совершил опустошительный поход через Пенджаб вплоть до Каушамби, Варанаси и самого центра Магадхи. Судя по надписи из Гвалиура, в 515 г. его сын Михиракула владел всей Индией. Столица Михиракулы, по словам Сунь Юна, находилась в Гандхаре, а по сведениям Сюань Цзана — в г.Сагала. Местные индийские правители признали верховную власть эфталитов, о чем свидетельствуют, например, надписи Матридасы и его сына, найденные в Гуджарате. Источники — индийские, китайские, византийские — с удивительным единодушием указывают на страшные жестокости, которыми отличался Михиракула. Возможно, именно он послужил главным прототипом царя Калки, «бича божьего» в джайнской эсхатологии. Археология также свидетельствует о разорении Северной Индии в первой трети VI в.

Эфталиты не были способны создать обширное, прочное государство, и вскоре их оттеснили на территорию Кашмира. Однако ведущая роль в этих событиях принадлежала уже не Гуптам. В Саураштре династия Майтраков (Валабхи) лишь номинально признавала верховную власть Гуптов. В Бундельканде (Мадхья-Прадеш) махараджи Паривраджаки после Скандагупты в своих надписях не указывали имен гуптских царей, независимыми стали также правители Южной Кошалы. С упадком влияния Гуптов даже в центре их государства возвышаются новые династии, например Маукхари, чуть позже принявшие имперский титул «великий царь, царь царей».

В изгнании гуннов-эфталитов особая роль принадлежала правителям Дашапуры (г.Мандасор, в 75 км к северу от Уджаина). Местный царь Яшодхарман из династии Ауликаров (происходившей из старинного клана малавов) в 530 г. приказал воздвигнуть две мощные колонны в честь своих побед. В надписи сообщалось, что власть Яшодхармана простирается над землями от Брахмапутры и Гималаев до Западного океана, охватывая более обширные пространства, чем принадлежавшие Гуптам и гуннам. Впрочем, могущество Яшодхармана оказалось эфемерным — в VI в. так и не возникло достаточно прочного объединения североиндийских государств. Наступил длительный период раздробленности.

Общий очерк основных событий IV—VI вв. и сведения, содержащиеся в эпиграфике, позволяют судить о социально-политической структуре Гуптской державы. В надписях упоминаются термины *упарика*, *вишаяпати*, *аюктака*, которые обычно трактуются как глава обширной провинции, руководитель более мелкой области и отдельного района. Было бы, однако,

опрометчиво на этом основании делать вывод, что в Гуптском государстве сложился единый и централизованный бюрократический аппарат.

Сохранялись различные формы самоуправления — деревенские общинные советы, кастовые и профессиональные объединения и т.д. Та же гуптская эпиграфика показывает, что в городах всеми муниципальными делами ведали купеческие гильдии и ремесленные корпорации. Они упоминаются, например, в надписях на глиняных печатях из г.Видиши: корпорация ремесленников (*куликанигама*), гильдия купцов и банкиров-менял (*шрештхинигама*), объединение торговцев-караванщиков (*сартхавахапигама*) и т.д.

Уже было отмечено, что империя Гупта отнюдь не имела единообразной структуры. Лишь ее центральный регион непосредственно подчинялся верховному правителю — далее располагались обширные зависимые и полузависимые территории. Военная политика гуптских царей в общем имела вполне традиционный характер, и результатом ее чаще являлось перемещение местной знати, нежели ее истребление или полное устранение от власти. Речь при этом идет не только о тех областях, подчинение которых было более или менее номинальным. Даже на территории самой Арьяварты Наги, например, были лишены своих наследственных владений, но мы то и дело встречаемся с потомками царей этих династий в качестве придворных или представителей гуптской администрации. Трудно понять все неожиданные повороты в судьбах огромного государства, если не признать, что в каждой из его областей политическая элита в основном сохраняла свои позиции, несмотря на любые военные действия и перемены границ.

С увеличением количества источников по региональной истории гуптского периода появляется все больше сведений о неизвестных ранее знатных родах. Несмотря на создание обширной державы (а может быть, именно благодаря этому), характерной чертой периода является бурный рост местной аристократии. По именам видно, что в большинстве районов государства власть передавалась по наследству и наименование владетельных князей титулами царского военачальника, министра или главы провинции (*упарика*) носило порой формальный характер. На обширных территориях, подвластных Гуптам, складывалось новое «кшатрийство».

Пути образования мелких монархических государств могли быть различны. Втянутые в орбиту влияния великой державы, быстро менялись «племенные» княжения. Вожди и «лесные цари», как их называет Аллахабадская надпись Самудрагупты, превращались в настоящих властителей государств. Джунгли еще простирались на обширных землях между оазисами городской цивилизации даже в самой долине Ганга, и процесс ассимиляции этой внутренней периферии имел чрезвычайно важное значение в социальной истории Индии на рубеже древности и средневековья.

После Гуптов исчезают «древнеиндийские республики», или олигархические кланы, игравшие прежде весьма значительную роль в политической борьбе. И дело, очевидно, не в том, что они не сумели бороться против экспансии крупного государства и были уничтожены последним. Скорее, можно говорить о завершении процесса эволюции их политического строя — выборный «президент» (*пураскрита*) или военачальник становился наследным монархом, махараджей.

Административные должности в Гуптской державе зачастую занимали представители местных династий. Могло происходить и иное — сама должность, становясь наследственной, служила основой образования династии. В среду аристократии попадало немало выходцев из незнатных родов,

вплоть до деревенских старост и других представителей общинной верхушки. Сама структура государства имела как бы «семейный» характер, ибо провинциальными наместниками нередко становились царские сыновья или другие родичи. Это постоянно приводило к сепаратистским движениям.

Следует заметить, что Гуптскую державу серьезно ослабляло отсутствие четкого порядка престолонаследия. Как показывают известные факты династийной истории, почти каждая смена правителя вызывала междоусобную борьбу между его сыновьями.

Терминология источников такова, что не чувствуется отчетливой грани между наследственным владыкой, признавшим над собой верховную власть, и чиновником, назначенным на должность. Все местные правители, подчинившиеся гуптскому царю, именуются его «слугами», а их земли рассматриваются в качестве «кормления» (*бхукти*), полученного за службу. В то же время характеристики власти и личности, которые даются, скажем, наместнику Саураштры в Джунагадхской надписи, почти ничем не отличаются от царских панегириков.

Общим обозначением зависимых правителей постепенно становится слово *саманта* (букв. «сосед»). Наиболее могущественные из них именуются титулом «великий саманта», и этот термин, практически отождествляемый с *махараджа* („великий царь»), может применяться к таким представителям высшей администрации, как упарика, махаданданаяка или кумараматья. Выстраивается своего рода иерархия терминов политической власти.

В процессе распада Гуптской державы все больше стирается грань между верховным владыкой и его наместниками. Последние принимают имперские титулы и, номинально признавая власть Гуптов, в своих надписях либо не называют по имени правящего монарха, либо не выказывают ему особых знаков почтения. Датировка документов по эре Гуптов перестает быть свидетельством признания зависимости от самой династии. В конце концов этот сложившийся обширный социальный слой чувствует себя достаточно уверенно, чтобы вовсе отказаться от центральной власти — в своих, хотя бы небольших владениях каждый махараджа в состоянии управиться собственными силами.

О многих аспектах социально-экономических отношений времени Гуптов приходится судить по литературным источникам, относящимся к более обширной эпохе. При этом необходимо выделить лишь наиболее существенные аспекты, в особенности такие, которые находят подтверждение в материале, твердо датируемом серединой I тысячелетия.

Основу социального уклада индийской деревни IV—VI вв. составляла соседская община. Хозяйство велось силами отдельных семей, владевших основными средствами производства. Есть основания полагать, что в наиболее экономически развитых районах частнособственнические отношения приводили к дроблению больших семей и имущественному расслоению. Источники говорят о разделе семейного добра, о закладе и продаже земли. Впрочем, следует учитывать, что раздел наследства, как правило, происходил после смерти главы семьи, зачастую делилось только движимое имущество и то, что было приобретено наследодателем лично, земля же считалась нераздельной собственностью, доставшейся от предков. Раздел мог быть и только счетным актом, после которого вновь происходило объединение имущества большой семьи. При продаже земельных участков преимущественное право на покупку предоставлялось сородичам. Вообще, натуральный, в своей основе, тип хозяйства и прочность общинных и

родственных уз в индийской деревне вряд ли позволяют предполагать активный процесс социального расслоения в результате экономической конкуренции. Социальная дифференциация чаще основывалась на иных принципах — таких, как принадлежность к господствующей в регионе касте, отношения традиционного господства и подчинения, обладание властью, начиная с должности сельского старосты, и т.д.

Земледельцы чаще отдавали в долговую кабалу себя или своих домочадцев, нежели продавали свои земельные участки. Для индийской деревни характерно длительное существование патриархальных и полурабских форм эксплуатации. Широко использовался труд батраков и издольщиков. Последние именовались обычно *ардхика* («испольщик»), но в действительности они получали не половину, а меньшую часть урожая. Характер источников по гуптской эпохе не дает возможности оценить степень применения чисто рабского труда в сельском хозяйстве, хотя использование покупных рабов в домашнем быту состоятельных семейств и в городе, и в деревне засвидетельствовано достаточно надежно. Отсутствие крупных хозяйств и наличие в деревне массы безземельных или малоземельных работников, очевидно, препятствовали широкому распространению рабского труда в древней Индии.

Деревенское население отличалось сложностью социального состава, поэтому невозможно говорить о единой массе крестьянства. Наиболее существенные различия были между полноправными общинниками и наследственными арендаторами чужой земли. Кроме того, довольно значительным было неземледельческое население сельской местности. Ткачи, красильщики и другие ремесленники поставляли товары на рынок. Междеревенские ярмарки и торги неоднократно упоминаются в источниках поздней древности. Гуптские надписи говорят и о налоговом обложении «передаваемого и измеряемого» в деревнях — видимо, имеются в виду торговые пошлины с деревенских рынков. Есть сведения о мелких торговцах, постоянно живших в сельской местности.

Отношения земледельцев с ремесленниками некоторых профессий — таких, как кузнец, гончар, плотник, кожевник, — складывались в особую систему взаимообеспечения, регулируемого не рыночной конъюнктурой, а традиционной сетью прав и обязанностей. Функционирование этой системы, получившей в современной социологической литературе название *джаджмани*, тесно связано с оформлением кастового строя. Среди исследователей нет полного единодушия в оценке степени развитости каст в предшествующий период, но существование их в более или менее классической форме в гуптскую эпоху не вызывает особых сомнений. Речь идет о фиксации таких признаков касты, как социальная замкнутость, и прежде всего эндогамия — запрет межкастовых браков, сложные правила общения между представителями разных каст, кастовые профессии или занятия и связанные с этим внешние атрибуты облика и поведения членов одной и той же касты. Касты имели местный характер (в отличие от общеиндийских сословий — *варн*), это позволяло им сохранять четкую внутреннюю организацию. Делами касты, а порой и общим имущественным фондом ведал специальный совет, по наиболее существенным вопросам могла быть собрана сходка. Наиболее радикальной мерой против любых отступников являлось изгнание человека из касты, что реально означало превращение его в изгоя, лишенного всякой поддержки родных и близких.

Существенной чертой кастового строя является его иерархичность (что не исключает изменения места отдельных элементов в системе, т.е. соци-

альной мобильности групп). В сельской местности особенно очевидна связь между статусом касты и социальным положением, традиционными правами на те или иные привилегии. Полноправные землевладельцы деревни обычно принадлежали к одной, господствующей в данном районе касте. Работа на них основной массы арендаторов и безземельных батраков из других каст была не только экономической необходимостью, она рассматривалась как извечный кастовый долг. Материальное обеспечение ремесленников и общинных слуг, так же как деревенского брахмана или астролога, определялось тем же неписаным обычаем, что и исполнение последними своих профессиональных и ритуальных обязанностей. Таким образом, кастовый строй создавал организационную структуру сельской общины и гарантировал ее устойчивость и консерватизм.

Одним из важнейших результатов социально-экономического развития первых веков нашей эры явилось сокращение первобытной периферии классовых обществ и интенсивный процесс колонизации (речь идет об освоении как Центральной и Восточной Индии, так и покрытых лесами районов, расположенных между очагами древней цивилизации Индо-Гангской равнины). Заселение новых областей отчасти было следствием государственной политики, отчасти происходило стихийно вследствие бегства населения из районов, опустошаемых войнами, наводнениями и голодом, усиливающимся социальным гнетом. В любом случае распространение производственного, социального, культурного опыта передовых областей Северной Индии плодотворно сказывалось на развитии всего Индостана, а рост населения создавал новую не только демографическую, но и политическую и социальную ситуацию.

Ассимиляция так называемых племен джунглей происходила в условиях кастового строя таким образом, что отсталые этнические группы включались в классовое общество в качестве самых низших, отверженных, даже неприкасаемых каст. В тех же случаях, когда местные народности были достаточно многочисленны и достигли известной степени социальной дифференциации, происходило оформление складывавшихся в их среде отношений по образцу общеиндийского сословно-кастового строя: местная знать приобщалась к кшатриям, основная масса земледельческого населения рассматривалась как шудры. Брахманы даже на территории Южной Индии были преимущественно выходцами с Севера, захватившими, приобретшими или получившими в дар земельные владения.

Свидетельством распространения брахманского землевладения в гуптский период являются дарственные грамоты. Земля дарилась преимущественно отдельным представителям жреческой варны, но иногда и целым религиозным учреждениям — индуистским храмам, а также буддийским и джайнским монашеским общинам. Важно отметить, что в состав дарения одному лицу могли входить поля, расположенные не только в разных деревнях, но и в разных районах и даже административных округах. Это свидетельствует о том, что трудилось на таких землях местное население, очевидно те же издольщики и батраки. Порой объектом дарения служит целое поселение либо его часть — в этом случае речь идет о «кормлении», праве на сбор налогов.

В дарственных грамотах содержатся указания на разнообразные иммунитеты обладателей «кормлений», прежде всего податной. Население обязано было исполнять в пользу нового владельца трудовую повинность (*вишти*), но еще большее значение имели различные натуральные и денежные платежи. Традиционно величина основного сельскохозяйственного налога опре-

делялась в размере $^1/_6$ доходов, однако многое зависело от конкретных условий места и времени. В наиболее подробных перечнях указывалось до 30 видов поборов, и даже такие списки не претендуют на полноту, заканчиваясь словами «и прочее». Бывают оговорки и относительно прав на использование природных богатств.

Население деревень, подаренных правителем, призывается к повиновению новому хозяину, обладавшему административной властью. В то же время оно отнюдь не рассматривается как его частная собственность и прав переселить крестьян или согнать их с принадлежавшей им земли получатель дарения не имел. Административный иммунитет сопровождался обычно запретом вступать на данную территорию «царским слугам», деревня освобождалась от постоя военных отрядов. На вверенной ему территории владелец ее сам творил суд и расправу по тем делам, которые прежде принадлежали обычно общине (речь идет о так называемых десяти проступках, включающих словесное оскорбление, мелкие хищения, прелюбодеяние и некоторые другие). Следствие и наказание по таким серьезным преступлениям, как разбой или государственная измена, даритель сохранял за собой.

Брахманам и религиозным учреждениям принадлежала значительная часть земельного фонда, и она расширялась за счет активной политики колонизации и дарений пустующих земель. Однако следует принимать во внимание, что имеющиеся эпиграфические источники дают одностороннее представление о процессах социально-экономического развития. Дело в том, что обычные дарственные документы, выполненные на таких непрочных материалах, как ткань, береста или пальмовые листья, не сохранились. В нашем распоряжении находятся лишь отдельные копии на медных пластинках (или надписи на камне), а они составлялись главным образом с той целью, чтобы вечно свидетельствовать о благочестии дарителя, и, следовательно, связаны только с религиозными мотивами.

Несмотря на то что крупное землевладение светских лиц значительно хуже засвидетельствовано источниками, можно говорить о нем с достаточной уверенностью. В санскритской юридической литературе именно в период поздней древности оживленно обсуждались проблемы земельной собственности и владения. Ссылки при этом на письменные документы о покупке земель или на царские пожалования заставляют предполагать, что имеются в виду скорее крупные владения, нежели мелкие крестьянские наделы.

В Индии и до Гуптов была распространена практика служебных пожалований, пожизненных или временных «кормлений». Факты политической истории, как и наставления, содержащиеся в политической литературе, свидетельствуют о том, что местная знать нередко теряла принадлежавшие ей земли, но сохраняла само право на получение доходов, которое могло быть реализовано на другой территории. Как уже говорилось, грань между местным правителем — землевладельцем и государственным чиновником оказывалась довольно неопределенной, значительная часть господствующего класса как бы сливалась с государственным аппаратом.

К рассматриваемому времени, по всей видимости, деревенский староста стал не столько представителем общинного самоуправления, сколько низшим деятелем администрации. Располагая своей должностью по наследству, он имел возможность и пользоваться небольшим «кормлением», и привлекать деревенское население к работам в свою пользу. Из подобных

«господ деревни», очевидно, выходили многие основатели знатных родов раннего средневековья.

Яркими свидетельствами высокого уровня городского ремесла служат огромная бронзовая статуя Будды из Султанганджа, знаменитая железная колонна Чандрагупты II в Дели и другие археологические находки. Достижения металлургов получили признание далеко за пределами Индии — в «Дигестах» речь идет об импорте «нержавеющего индийского железа». Гуптский период был золотым веком индийской нумизматики. Тогда же начали складываться основные типы монументальных сооружений, получившие распространение уже в период средневековья.

Литературные источники помогают представить организацию городского ремесла, основной фигурой которого был самостоятельный мастер, имевший учеников. Ученик, прошедший испытание на выполнение «шедевра», мог открыть собственную мастерскую или работать за плату в качестве подмастерья. На подсобных работах, возможно, использовался и рабский труд. Представители отдельных профессий составляли артели, работавшие по найму. Основные специальности в городском ремесле были, видимо, монополизированы влиятельными корпорациями (*шрени*, *нигама*). Сохранились надписи гуптского времени, составленные, например, в память о строительстве храма на средства богатой гильдии шелкоткачей, переселившейся из Гуджарата в Дашапуру. Городское ремесло преимущественно ориентировалось на заказ. Существование крупных царских мастерских предполагают лишь на основании косвенных данных (например, исходя из сложности работы по изготовлению упоминавшейся железной колонны).

Существование крупной державы обеспечивало возможность развития торговли, как внутренней, так и внешней. Наметилась некоторая специализация отдельных районов Индии — славился сахар, привозимый из Гандхары, рис из Каушамби и т.д. Торговые караваны шли через Кабул и Балх к берегам Амударьи, через Кандагар — в Иран. По морю поддерживались активные связи с Византией. Китайский паломник Фа Сянь, посетивший Индию при Чандрагупте II, рассказывает о том, что двухмачтовые корабли, вмещавшие 150—200 человек, регулярно плавали из Тамралипти на Ланку. Активно развивались отношения с Юго-Восточной Азией, с островами Ява, Суматра, Бали. Известно о многочисленных индийских миссиях в Китай (не меньше десяти датируются V в.). В связи с распространением буддизма в Китае паломники приезжали в Индию за священными книгами.

Находки почти двух десятков кладов золотых монет в различных районах Индии говорят о размахе и регулярности денежного обращения. В надписях гуптского времени сообщается о том, что ремесленные и торговые гильдии принимали денежные вклады и осуществляли банковские операции. Не следует, впрочем, и преувеличивать степень развитости товарно-денежных отношений в основных отраслях экономики. Бросается в глаза немногочисленность находок медных монет, необходимых для розничной торговли. В записках Фа Сяня говорится о том, что даже в столице империи Чандрагупты II в качестве менового средства использовались раковины каури.

Процветающие гуптские города были и важными культурными центрами. Городские власти и руководители купеческих гильдий устраивали празднества, театральные представления, приглашали бродячие труппы актеров. Пьеса Шудраки «Глиняная повозка» служит образцом чисто городского жанра «купеческой драмы». Городская новелла этого времени широко вошла в средневековые сборники так называемой обрамленной повести. Как

свидетельствует «Камасутра» Ватсьяяны, город считался воплощением изысканной культуры в противоположность простой и грубой деревне.

Наряду с городом центром культуры являлся и царский двор, где создавалась искусная поэзия *кавья*. Можно указать на гуптские панегирики, написанные в высоком стиле и изобилующие сложными образами, поэтическими намеками, аллитерациями и нарочитой многоплановостью. Для придворного театра предназначались драмы Калидасы, написанные на героические и легендарные сюжеты. Традиция связывает знаменитого поэта с Чандрагуптой II Викрамадитьей, и, возможно, в данном случае она достоверна. В поэме «Родословие Рагху» находят прямые намеки на военные успехи его царственного патрона. Примерно к тому же времени относится творчество ученого врача Сушруты и лексикографа Амарасинхи, на рубеже V—VI вв. жил астроном и математик Арьябхата, а несколькими десятилетиями позже — Варахамихира. Литературные и научные сочинения этой эпохи, несмотря на верность традициям, имеют отчетливо выраженный авторский характер.

Первая половина I тысячеления — время сложения классического индуизма. Священными книгами его стали великие эпические поэмы и пураны. «Махабхарата» была записана, по-видимому, незадолго до Гуптов. Она служила неисчерпаемой сокровищницей сюжетов для Калидасы и других поэтов и драматургов. «Рамаяна» рассматривается как прямая литературная предшественница поэзии кавья. Эпос явился своего рода кодексом морали и философии, обширным сборником наставлений и живых примеров. В этом качестве «Махабхарата» весьма близка поздним книгам о *дхарме* — религиозном долге и добродетельном поведении. Наиболее известные из них также оформились в начале нашей эры, но к гуптской эпохе приобрели большую популярность. В послегуптское время практически не появлялось новых сочинений этого жанра — древнее священное предание (*смрити*) окончательно канонизируется, и начинается активное его комментирование.

К середине I тысячелетия оформляются основные книги *пуран* — обширных сводов мифов и преданий индуизма. В отличие от текстов ведийской религии эпос и пураны не являлись сочинениями, чтение и слушание которых ограничено кругом жрецов и «дваждырожденных», — они доступны и близки основной массе населения (*шудрам* в индийской терминологии). Гуптские надписи говорят о широком распространении почитания таких индуистских богов, как Вишну и Шива, Ганапати (Ганеша) и Сканда, Кумара, Картикея, женские божества Дурга и Лакшми. Представление об *аватарах* — воплощениях богов — способствовало отождествлению культов различного происхождения и ассимиляции религиозных верований многочисленных народов Индии. В то же время для классического (пуранического) индуизма характерно изменение отношения к божеству — популярной становится идея бесконечной преданности ему, личного служения. После Гуптов активно развиваются храмовое строительство и религиозное паломничество.

Записки Фа Сяня говорят о том, что на рубеже IV—V вв. буддизм отнюдь не потерял еще своих позиций в Северной Индии. Его процветающими центрами были Гандхара и Матхура, Магадха вплоть до Тамралипти. Примерно этим временем датируется творчество крупнейшего буддийского философа Васубандху. Как уже говорилось, буддизм широко распространялся за пределами Индии — на северо-запад, а затем в Китай, на юго-восток — на острова Индонезии. В Западной Индии устойчиво

держалось влияние джайнизма, на рубеже V—VI вв. в Валабхи собрался важнейший собор, оформивший канон школы шветамбаров.

Гуптские цари покровительствовали всем религиям, но наибольшую роль играл индуизм. Сами Гупты обычно называли себя почитателями Вишну (*парамабхагавата*), но на монетах, особенно поздних, помещается и шиваитская символика. Анализ эпиграфики этого времени показывает, что вишнуитские и шиваитские имена встречаются в пять раз чаще, чем буддийские и джайнские. Основная часть дарений также предназначалась брахманам и индуистским храмам. Именно индуизму в его сложившейся к концу древности форме суждено было стать основной религией страны. В религии этого времени был достигнут некий синтез верований и традиций многочисленных народов Индии. Уже на основе достигнутого единства могли развиваться региональные культуры средневековья.

ЛАНКА В ПЕРВЫЕ ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

Территория о-ва Ланка была заселена уже несколько тысячелетий тому назад. В различных районах страны обнаружены стоянки каменного века и памятники более поздних археологических периодов, свидетельствующие о протодравидской миграции из Южной Индии. В VI--III вв. до н.э. происходило последовательное заселение острова индоарийскими пришельцами из областей Северной Индии. Основным занятием индоарийских поселенцев было земледелие, а важнейшей культурой — рис. Первоначально были преимущественно освоены северо-западные и юго-восточные районы, так называемая сухая зона, и создана система искусственного орошения, состоящая из сети каналов, водохранилищ, дамб и водосливных плотин. Первое упоминание в хрониках о строительстве ирригационных сооружений относится к IV в. до н.э.

Первым единовластным правителем Ланки стал царь Деванампиятисса (III в. до н.э.) из династии Мория. С его правлением палийские хроники связывают прибытие на остров из Индии буддийского проповедника Махинды, посланца императора Ашоки, и утверждение буддийской религии. Преемники Деванампиятиссы на сингальском престоле продолжали политику покровительства буддизму и всячески способствовали его распространению. В I в. н.э. династия Мория была свергнута, и власть захватил Васабха (67—111), положивший начало новой сингальской династии — Ламбакарна, правившей страной следующие два столетия.

Первые века нашей эры ознаменовались религиозными распрями между крупнейшими буддийскими монастырями — Махавихарой, центром хинаянистского буддизма, и Абхаягиривихарой, главным противником Махавихары, поддерживавшим постоянные контакты с неортодоксальными сектами Индии и воспринявшим многие идеи махаяны. Раздоры религиозного характера, связанные с возникновением многочисленных школ и сект в ланкийском буддизме и достигшие своего апогея в конце III в. в царствование Махасены, нередко приобретали политический оттенок. В непрерывной борьбе буддийских монастырей принимали самое активное участие сингальские правители и двор. Последним царем династии Ламбакарна стал Маханама (406—428). Сингальский престол был захвачен тамилами из Южной Индии, изгнанными затем с острова взошедшим на трон Дхатусеной из династии Мория.

В правление Дхатусены (455—473) было построено значительное число ирригационных сооружений, в том числе знаменитое водохранилище Калавэва, оросившее огромные площади в междуречье Кала-ойи и Малвату-ойи. Дхатусена был живым замурован в стену плотины своим сыном Кассапой, захватившим престол и перенесшим столицу сингальского государства из Анурадхапуры в Сигирию. Там была построена неприступная скальная крепость, до сих пор поражающая своими неповторимыми архитектурными памятниками и великолепными фресками, сохранившимися на стенах грота. Кассапа царствовал в Сигирии 18 лет (473—491), пока не был побежден своим братом Моггаллaной, приведшим на остров войска из Южной Индии и разгромившим армию царя-отцеубийцы в 491 г.

Моггаллана и его потомки (Кумарадхатусена и Киттисена) правили страной до 517 г., когда в результате дворцовых интриг династия Мория была низложена и престол вновь перешел в руки клана Ламбакарнов. На престол взошел ставленник Ламбакарнов Упатисса II (517—518), продержавшийся у власти всего один год. Полтора века (VI — первая половина VII в.) были периодом непрекращающейся смуты, ожесточенной междоусобной борьбы претендентов Мориев и Ламбакарнов. Непрерывные гражданские войны, отсутствие сильной власти пагубно сказывались на экономическом развитии страны, истощали ее ресурсы. Среди 21 правителя, сменившегося за это время на престоле, выделяются фигуры лишь трех царей — Моггалланы II (531—551), Аггабодхи I (571—604) и Аггабодхи II (604—614), правление которых было отмечено относительной внутренней стабильностью, широким ирригационным строительством и реформами управления.

Хотя формально столицей острова считалась Анурадхапура, на ранних этапах сингальской государственности единая централизованная система создана не была.

Теоретически верховный правитель был облечен всей полнотой власти, но сохранение патриархально-общинных обычаев и традиций с глубокой древности существенно ограничивало его единовластие: местные князьки, признавая правителя Анурадхапуры своим сюзереном, на деле осуществляли самостоятельное управление.

В IV—V вв. происходит усиление царской власти и последовательное разрастание государственно-административного аппарата. Огромное влияние на решения царя оказывал царский совет — *раджагана*, осуществлявший контроль над всей системой управления и выполнением приказов царя. Он включал в себя военачальника (*сенапати*), хранителя царской сокровищницы (*бадакарика*), царских министров и высших сановников. Большую политическую роль при дворе играли представители высшего буддийского духовенства. Сингальский двор отличала сложность иерархии и этикета.

Территория страны была разделена на три части (отсюда и одно из названий острова — Три-Синхала): центральными провинциями государства — Раджаратой — управлял царь; южными провинциями «сухой зоны» — Майаратой — престолонаследник (*махапа*); юг страны — Рухуна — находился в ведении второго претендента на престол (*апа*). Области, непосредственно управлявшиеся царем, делились на четыре провинции, и во главе их стояли чиновники царской службы. Провинции состояли из районов, каждый из которых включал в себя около десятка деревень, представлявших собой административные, фискальные и юридические единицы.

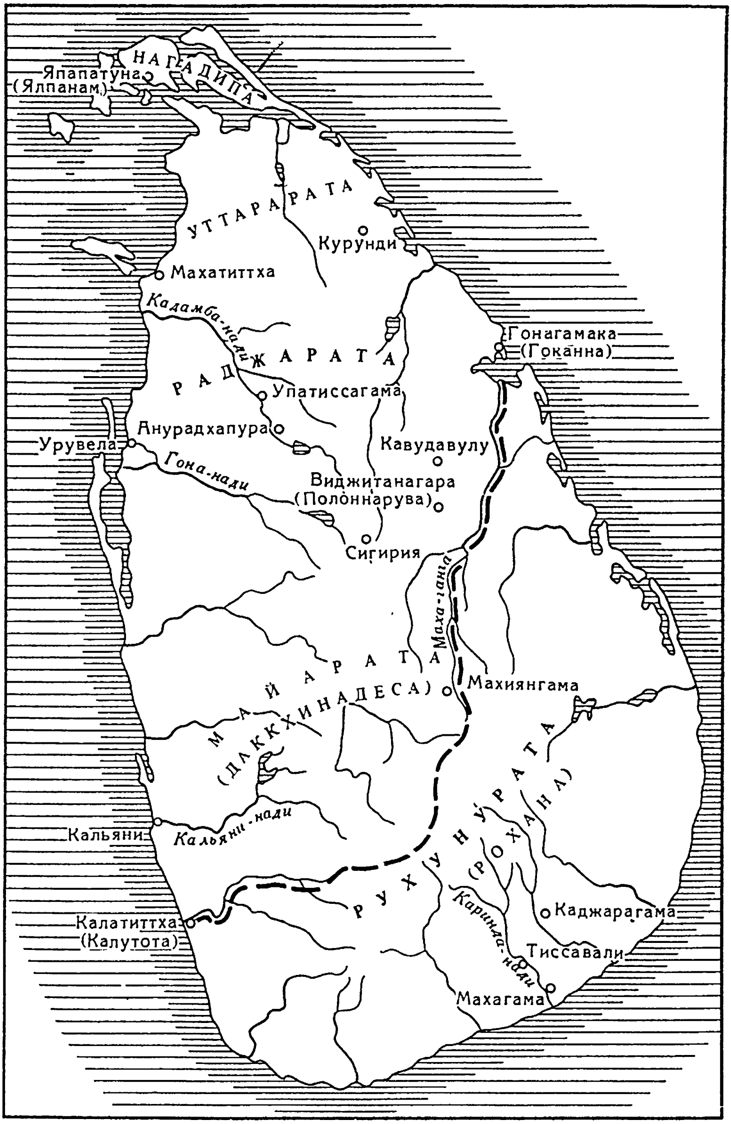


Рис. 2. Шри-Ланка в период раннего средневековья

Индоарии принесли на остров варновую систему, которая на местной почве претерпела существенные изменения. Варны были менее замкнуты, чем в Индии. Брахманы были малочисленны и, несмотря на несомненно высокий социальный статус, не занимали ведущего положения в обществе. По-видимому, господствующей варной раннеклассового сингальского общества были потомки древних кшатрийских родов Мория, Ламбакарна, Кулинга, Тарачча и Балибходжака; два первых из них были самыми знатными и в различные периоды сингальской истории попеременно выдвигали из своей среды царствующие династии.

В первые века нашей эры сингалы достигли заметного прогресса в технике и масштабах ирригационного строительства. Остатки древних ирригационных сооружений позволяют судить о глубине познаний в области гидравлики и тригонометрии. Сингальские мастера древности достигли высочайшей точности при нивелировании, создали систему водоснабжения водохранилищ в Анурадхапуре не только через каналы на поверхности, но и через подземные трубы, научились сооружать постоянные каменные дамбы на реках (вместо ранее использовавшихся временных глиняных). Дамбы имели широкое основание, способное выдерживать сильный напор воды, в нижней их части были расположены выходные отверстия для спуска воды, снабженные клапанами. Сведения о том, какими инструментами пользовались древние мастера и какие делались расчеты при сооружении плотин, не дошли до наших дней. Известно лишь, что все необходимые формулы были сведены в специальное руководство, но все эти записи ныне утеряны.

Искусственные водоемы, обслуживающие не одну деревню, как ранее, а целую округу, впервые начали строиться при царе Васабхе. Палийские хроники приписывают ему строительство 11 водохранилищ, самое крупное из которых достигало в периметре около 5 км, и 12 каналов. Среди них особо выделяется знаменитый канал Алисара длиной порядка 50 км. В III в. началось строительство резервуаров-колоссов. Царь Махасена (274—301) построил 16 гигантских водоемов, самым крупным из которых стало водохранилище Миннери.

Широкомасштабные ирригационные работы проводились в начале нашей эры, при использовании воды из Махавели-ганги и других рек, берущих начало во влажной зоне. К началу IV в. на острове существовало два крупных комплекса ирригационных сооружений — на базе Махавели-ганги и ее притоков и на базе рек Малвату-ойа и Кала-ойа. Совершенствование этих комплексов делало возможным дальнейшее расширение площадей под рисом.

К VII в. на острове существовали 4 крупные системы отводных каналов и 6 резервуарных систем для сбора сезонных осадков. Общая протяженность искусственных каналов в VII в. превысила 400 км. Созданная на острове система ирригации обеспечивала водой три крупнейших очага орошаемого земледелия «сухой зоны» — районы Анурадхапуры и Полоннарувы на севере и Махагамы на юге.

Основной хозяйственной единицей на острове была сельская община, представлявшая собой единый экономический организм. Сингальская «водоземельная» община несла коллективную ответственность за поддержание в порядке деревенского водоема, дамб, шлюзов, водоотводных каналов и являлась организатором землепользования и водоснабжения. Во главе ее стоял деревенский староста, избираемый членами общины, и деревенский совет — *гансабха*. Деревенский совет осуществлял все управленческие функции на местах: хозяйственные, административные и судебные. Сингальская сельская община в древности была в значительной степени самостоятельна в своих внутренних делах. Общины были изолированы друг от друга и являлись самодовлеющими институтами. Общинная замкнутость основывалась на соединении земледелия и ремесла, приводившем к системе натурального взаимного обслуживания. Изолированность общин друг от друга обусловливалась также существовавшей в древности практикой ирригационного строительства, в соответствии с которой, как указывалось выше, каждой общине вменялось в обязанность сооружение и поддержание в рабочем состоянии водоема и отводных каналов, обеспечивающих влагой

общинные земли. Строительство гигантских ирригационных сооружений постепенно вело к укрупнению общинных образований.

На острове утвердилась практика наделения и регулирования пользования землей, максимально уравнивавшая возможности всех членов общины. Поскольку земельные наделы, расположенные ближе к водоему, обеспечивались водой лучше, вся орошаемая земля делилась на несколько категорий в зависимости от удаленности от водоема. Каждая семья получала в личное пользование из каждого массива по участку. Во избежание потерь воды весь цикл сельскохозяйственных работ — сроки вспашки, сева, сбора — были строго регламентированы. Существовавшая система землепользования и организации работ обеспечивала в целом стабильно высокие урожаи риса.

Строительство крупных ирригационных сооружений, обеспечивающих водой целые районы и округа, сделало необходимым координацию хозяйственной деятельности отдельных общин, а также детальную разработку правил пользования водой для орошения и введение пропорциональной платы за воду. Было создано специальное ведомство 12 великих водоемов («Долос маха вэтэн»), состоявшее из штата чиновников, инспекторов ирригационных сооружений, обладавших полномочиями по привлечению общинников к ремонтным ирригационным работам и надзору за их выполнением, а также по распределению воды на участки и соблюдению правил пользования водой из искусственных каналов и водоемов. Общинники, нарушившие общий распорядок, подвергались штрафу.

Во избежание перепроизводства одних культур и недопроизводства других сельскохозяйственные работы осуществлялись в соответствии с планом, координирующим хозяйственную деятельность одной или нескольких соседних общин.

Поначалу избираемый общим собранием общинников, староста деревни стал со временем утверждаться государственной властью, превращаясь постепенно в представителя царской администрации. С усилением феодализации крупные общины начали терять автономию и преобразовываться в административные единицы, подпадавшие под контроль чиновников центрального аппарата.

В первые века нашей эры вся земля практически находилась в наследственном владении у обрабатывавших ее свободных крестьян-общинников. Царь за пределами принадлежащих ему земель не выступал их собственником, но в качестве суверена всей территории мог осуществлять государственные функции. В случае, когда ему требовались для дарения земли, находившиеся во владении частных лиц, он вынужден был платить за них выкуп.

Однако процесс имущественной дифференциации начал проникать в сингальскую общину, и наряду с общинниками, собственным трудом обрабатывавшими свои участки, выделилась общинная верхушка, эксплуатировавшая наемный и рабский труд. Некоторые общинники разорялись и вынуждены были работать в качестве арендаторов. На основании данных, приводимых в ланкийской историографии, можно утверждать, что в I— III вв. происходил процесс накопления земельной собственности и постепенного подчинения мелких производителей представителями общинной верхушки и родовой знати.

На раннем этапе развития сингальского государства земельные дарения осуществлялись царем или членами царской семьи из числа пустующих или собственно царских земель в пользу буддийских монастырей. Дарения земельных угодий частным лицам до IV—V вв. широкого распространения не

получали. Частные лица, однако, имели право на самостоятельное освоение новых земель в неограниченных размерах и строительство на них ирригационных сооружений при условии выплаты ими налогов в казну соответственно площади владений.

Наиболее ранним типом пожалований собственности стало дарение пещер под жилье монахам и монастырских строений — сангхе. В первые века нашей эры получило распространение пожалование источников дохода. Сангхе дарились земли под посевы риса и других зерновых, сады, огороды, скот. В хрониках особо отмечаются каналы и водоемы, вырытые по указанию царей и пожалованные монастырям. Им передавалось также право на сбор налогов за пользование водой из этих водоемов. Сангха была наделена правом присвоения штрафов, которыми облагались обвинявшиеся в нарушениях закона жители приписанных к монастырям деревень. Собственность монастырей, как правило, полностью освобождалась от налогообложения в пользу царя. Никто, даже сам царь, не имел права посягать на земли монастырей и присваивать их. Хроники зафиксировали лишь один случай такого посягательства за всю историю страны — со стороны Махасены, который всю свою последующую жизнь бесчисленными дарами старался замолить свою провинность перед сангхой. Дарение земель монастырям сопровождалось особыми церемониями, а для определения границ собственности устанавливались пограничные камни.

Приобретение монастырями огромных земельных владений превратило их уже к V в. в крупнейших землевладельцев после царя, сделало не только самостоятельной экономической силой, но и дало основания непосредственно вмешиваться в дела мирских правителей и самым решительным образом влиять на ход событий в государстве. К материальной помощи монастырей нередко прибегали даже цари.

Данные источников позволяют говорить о существовании на Ланке в раннесредневековый период значительного числа укрепленных поселений городского типа. Наиболее крупными были такие города, как Анурадхапура и Полоннарува на севере «сухой зоны», Махагама на юге и порты Махатиттха и Помпариппу на северо-западном побережье. Управление городом осуществлял муниципальный совет во главе с *нагарагуттикой*, в распоряжении которого имелся штат служащих, отвечавших за поддержание порядка и чистоты. Нагарагуттика являлся членом царского совета. Большая роль в системе городского управления отводилась *сеттхам* — главам городских торговых и ремесленных корпораций. Жители города расселялись по кварталам в зависимости от социального и профессионального статуса.

Рост городов сопровождался развитием ремесел и внутренней торговли. Источники указывают на обязательное наличие в городах помимо базаров также постоянных торговых точек у городских стен. В хрониках упоминаются купцы, странствующие по стране в повозках, запряженных буйволами, и осуществляющие торговлю между горными районами и прибрежными.

Значительного развития достигла и внешняя торговля.

Близость Ланки к Индии способствовала установлению между двумя странами самых разнообразных связей с глубокой древности, в том числе и тесных торговых контактов. Постоянный обмен товарами между цейлонскими портами Махатиттха и Помпариппу и Арикамеду на юге Индостана существовал, видимо, с I в. до н.э.

Остров еще на заре океанского судоходства привлекал мореплавателей как транзитная опорная база в центре Индийского океана, где можно было

пополнить запасы воды и продовольствия, сделать перерыв в долгом путешествии. С незапамятных времен остров посещали не только индийцы, но и греки, римляне, китайцы, арабы, что способствовало раннему развитию торговли. Карта ветров и карта течений Индийского океана показывают, что порождаемые юго-западным и северо-восточным муссонами мощные течения проходят через южную оконечность острова. Корабли всех направлений (следующие от берегов Аравии и Передней Азии в страны Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока и наоборот) неизбежно огибали юг острова, служившего своеобразным перевалочным пунктом, рынком, где купцы всех стран и народов обменивались товарами.

Он был не только центром оживленной торговли между иноземными купцами, чьи пути пересекались в портах острова, но и сам активно участвовал в торговых операциях. В индийских источниках остров выступает под названиями Ланка, Тамбапанни, Сиелидиб, в греческих — Тапробан, в арабских — Сарандиб. Мореплаватели и путешественники древнего мира наделяли его различными эпитетами, символизировавшими богатство и процветание: «остров, не знающий печали», «райский сад», «остров пряностей», «жемчужный остров» и т.п. Первое упоминание Ланки в европейских источниках принадлежит греческому послу в Индии Мегасфену, писавшему о слонах, золоте и драгоценностях, в изобилии имеющихся на острове. Другими предметами ланкийского экспорта были жемчуг, пряности, благовония. Имеются сведения и о поставках на внешний рынок риса. Ранние тамильские источники упоминают ланкийский рис в числе продуктов, привозимых кораблями в Каверипаттинам. При раскопках древних портов острова было найдено немало римских монет; о расцвете торговли Ланки с Римом в первые века нашей эры свидетельствуют находки монет в глубинных районах страны. Комментарий к «Махавамсе» упоминает торговую миссию, посланную в Рим царем Бхатика Абхайей (22 г. до н.э. — 7 г. н.э.). «Расавахини» также содержит прямые указания на то, что ланкийские купцы плавали через море. В ранних надписях на брахми среди дарителей часто фигурируют купцы (*ваниджа*) с именами, составной частью которых является *самуда/самудра* (море, океан).

Хотя первые сведения о буддизме проникли на остров задолго до миссии Махинды, массовое принятие местными жителями новой религии и основание буддийской сангхи относятся именно к III в. до н.э. Официальной религией на острове стало учение тхеравадинов — *хинаяна*, — в наибольшей чистоте сохранившее идеи и представления первоначального буддизма.

Первыми буддийскими святынями Ланки стали привезенные из Индии ветвь дерева Бодхи, под которым Будда достиг просветления, правая ключица Будды и чаша для сбора подаяний, которую традиция связывала с Буддой. Посадка дерева Бодхи в Анурадхапуре имела символический смысл учреждения буддизма на острове. Чаша для сбора подаяний, местом хранения которой был царский дворец, со временем стала считаться символом защиты государства (как в более поздние времена реликвия — зуб Будды). Мощи Будды были заключены в раку специально построенной дагобы Тхупарама (первой на острове) и рассматривались буддистами как подтверждение пребывания его на земле Ланки.

Число буддийских монастырей и монахов быстро росло. Представители высшего буддийского духовенства являлись членами царского совета. Монахи были учителями, воспитателями и наставниками царских сыновей, продолжая держать их в сфере своего влияния и после восшествия на трон. Данные палийских хроник и эпиграфики свидетельствуют о процессе огосу-

дарствления буддизма, с одной стороны, и приобретения государством целого ряда теократических черт — с другой. Только освященная буддийской религией власть считалась законной. Цари несингальского (чаще всего тамильского) происхождения, властвовавшие временами на острове, обычно вынуждены были если не сами принимать буддизм, то править страной согласно дхарме и местным законам.

ПЕРВЫЙ ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ

В I тысячелетии н.э. началось постепенное изменение этнической среды в евразийских степях, в горах Средней и Центральной Азии. Преобладание здесь все более переходило к тюркоязычным племенам. Ускорение процессов социального развития и территориально-политической консолидации привело во второй половине I тысячелетия к созданию тюркоязычными племенами нескольких крупных государственных образований (каганатов) на территории Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. В рамках созданных ими объединений завершается процесс становления классов и классового общества у кочевников.

Тюркская легенда и китайские хроники связывают происхождение тюрок с Восточным Туркестаном. Согласно китайским хроникам, группа позднегуннских племен, в конце III — начале IV в. переселившаяся в Северо-Западный Китай, была вытеснена в конце IV в. в район Турфана (Восточный Туркестан), где продержалась до 460 г. В том году на них напали жужане (авары), уничтожили созданное ими владение и переселили покорившихся гуннов на Алтай. В числе переселенцев было и племя ашина. В Восточном Туркестане они приняли в свой состав новый этнический компонент, смешались с местными жителями. На территории, где жило племя ашина с конца III в. до 460 г., преобладало иранское и тохарское население, обогатившее язык и культурные традиции ашина. Именно здесь было положено начало тесным тюрко-согдийским связям, оказавшим огромное влияние на всю культуру и государственность древних тюрок.

На Алтае ашина, вынужденные выплачивать аварам дань железом, создали крупное объединение племен, принявшее самоназвание *тюрк*. Уже в 545 г. тюрки установили дипломатические отношения с одним из северокитайских государств.

Однако наиболее крупным объединением племен, говоривших на языках, впоследствии названных тюркскими, был огузский племенной союз, носивший в китайских средневековых источниках название теле. Уже в IV—V вв. многочисленные племена, входившие в это объединение, появились в западной части евразийских степей; их главной территорией оставались Джунгария и Северная Монголия. Тюрки-ашина сумели подчинить некоторые огузские племена и, усилившись за их счет, восстали против своих аварских правителей. Последний аварский каган, Анахуань, разгромленный в битве, покончил жизнь самоубийством. Вождь тюрок Бумын в 551 г. принял титул кагана. В 552 г. он умер; ему наследовали Кара-каган (552—553) и Муган-каган (553—572), которые довершили разгром аваров. Бо́льшая часть аварских племен бежала в Корею и Северный Китай, другие — на запад. Включив в состав своих орд многочисленные позднегуннские племена Поволжья, Приазовья и Северного Кавказа, авары в 558—568 гг. прорва-

лись к границам Византии, создали в долине Дуная свое государство и не раз опустошали страны Центральной Европы.

Во второй половине VI в. термин *тюрк* впервые фиксируется источниками и получает широкое распространение. Согдийцы передавали его как *турк* (мн.ч. *туркут*) — «тюрки». Последнюю форму заимствовали китайцы (*туцзюе-тюркют*), так как первоначально дипломатические и письменные сношения между тюрками и Китаем осуществлялись при посредстве согдийцев и согдийского письма. Затем термин *тюрк* фиксируется византийцами, арабами, сирийцами, попадает в санскрит, в различные иранские языки, в тибетский. До создания каганата термин *тюрк* означал лишь союз десяти (позднее двенадцати) племен, сложившийся вскоре после 460 г. на Алтае. Это значение сохранялось термином и позднее. Государство, созданное собственно тюркским племенным союзом, обозначалось как *Тюрк эль*. Оба эти значения термина *тюрк* (союз племен и государство) отражены в древнетюркских эпиграфических памятниках и китайских источниках. Наряду с этим термин стал обозначать также и принадлежность различных кочевых племен к державе, созданной тюрками. В этом смысле его употребляли византийцы и иранцы, но не сами тюрки.

У арабских историков и географов IX—XI вв. слово *тюрк* применялось к группе народов и языков. Именно в арабской научной литературе появилось общее понятие о генетическом родстве языков, на которых говорили тюркские племена, и генеалогическом родстве этих племен. Среди самих тюркоязычных племен, несмотря на древнее языковое родство, никакого «тюркского» этнического самосознания не было, как не было и общности их исторических судеб. Как конкретный этнополитический термин слово *тюрк* возродилось в среде огузских племен Передней Азии и позднее стало этническим самоназванием турецкого народа.

Муган-каган окончательно утвердил господство тюркского эля в Центральной Азии и Южной Сибири, покорив монгольские племена киданей в Юго-Западной Маньчжурии и тюркоязычных кыргызов на Енисее (в Туве и Хакасско-Минусинской котловине). Северокитайские государства — Северное Ци и Северное Чжоу — стали фактически данниками кагана. Особенно усилилась эта зависимость при наследнике Муган-кагана, Таспар-кагане (572—581). Успешными для тюрок были и их западные походы. В результате к концу 60-х годов VI в. Тюркский каганат включается в систему политических и экономических отношений крупнейших государств того времени — Византии, сасанидского Ирана, Китая — и ведет борьбу за контроль на торговом пути, связывающем Дальний Восток со странами Средиземноморья.

В момент своей наибольшей территориальной экспансии (576 г.) Тюркский каганат простирался от Маньчжурии до Боспора Киммерийского (Керченского пролива), от верховьев Енисея до верховьев Амударьи. Таким образом, тюркские каганы стали создателями первой евразийской империи, политическое и культурное наследие которой оказало существенное влияние на историю Средней Азии и Юго-Восточной Европы.

Непрерывные завоевательные войны на время приглушили острые противоречия, возникшие в ходе социальной перестройки тюркского общества, но первые же неудачи быстро изменили обстановку. В 581—588 гг. раздробленный до того Китай объединился под властью династии Суй (581—618); осуществленные там реформы привели к быстрому росту экономической и военной мощи империи. Это совпало с началом распрей внутри правящей группировки тюрок, прежде всего в самом династийном племени ашина, и

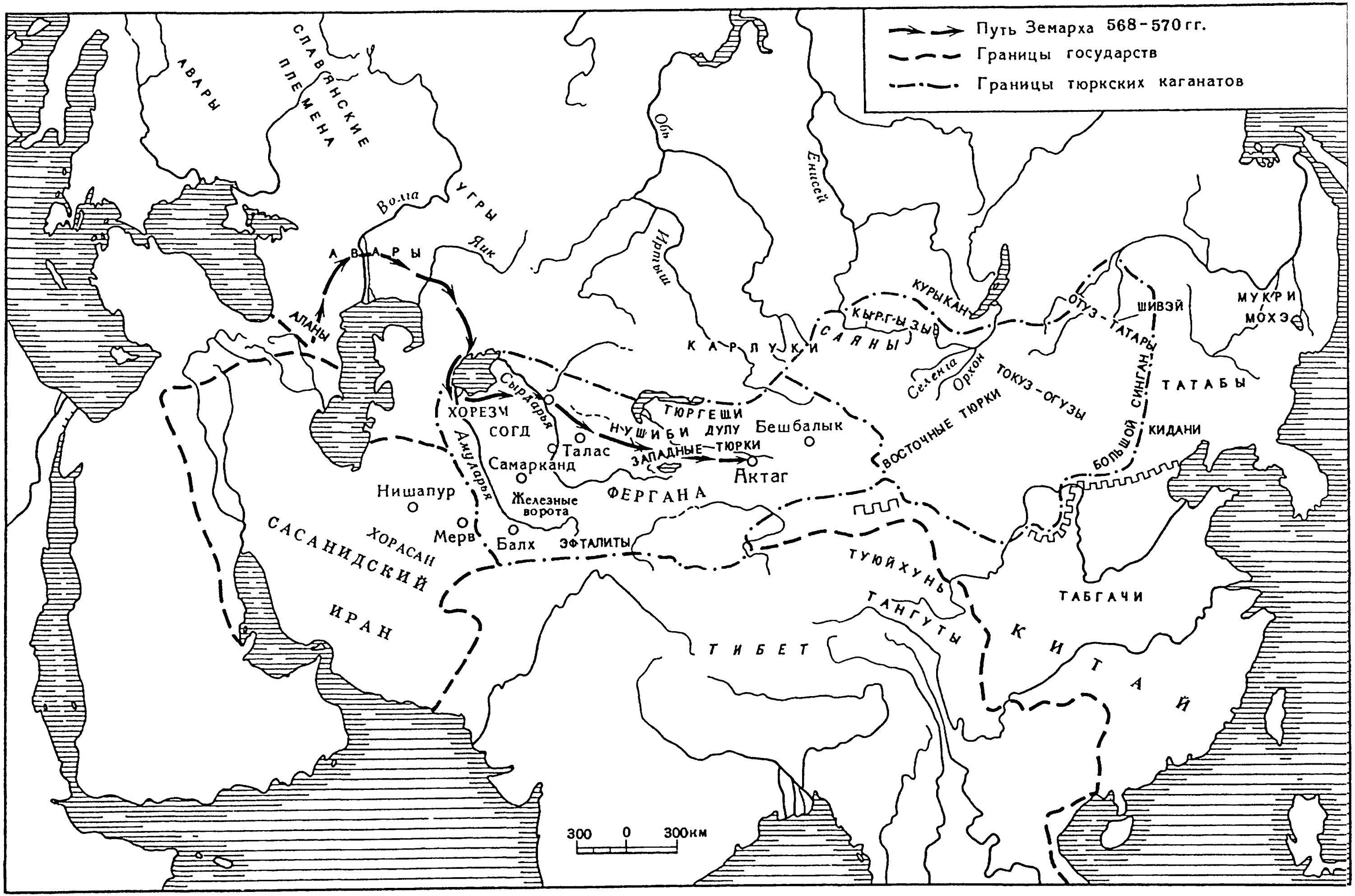


Рис. 3. Первый Тюркский каганат

со страшным голодом в степи. Усиление тюркской аристократии, стремившейся к автономному управлению захваченными территориями, обеднение массы рядовых кочевников, вынесших на своих плечах все тяготы непрерывных войн, новая политическая обстановка, не дававшая тюркским каганам возможности искать выход в набегах, — все это привело каганат к острейшему социально-политическому кризису. Междоусобная война в Тюркском каганате, начавшаяся в 582 г. и завершившаяся в 603 г., привела к окончательному распаду империи на два государства — Восточнотюркский каганат -в Монголии и Западнотюркский каганат в Средней Азии и Джунгарии.

При Шиби-кагане (609—619) Восточнотюркский каганат на короткое время вышел из состояния кризиса; наметился новый подъем его политического могущества. Гражданская война в Китае (613—618) и падение династии Суй, которую сменил дом Тан (618 г.), позволили Шиби и его младшему брату Эль-кагану (620—630) возобновить войны на южной границе.

Однако к этому времени обстановка в каганате существенно изменилась. Давно минули времена, когда весь племенной союз тюрк видел в грабительских походах нормальный и доходный промысел. Весьмидесятилетний путь исторического развития созданного тюрками государства привел к глубоким качественным изменениям общества. Всевластный каган руководствовался в политике интересами аристократической верхушки, в значительной мере оторвавшейся от своих корней в роду и племени. Война становилась выгодной только для правящего класса каганата, которому доставалась львиная доля добычи и дани. Основная масса населения жила доходами скотоводческого хозяйства, часть продукции которого обменивалась на продукты земледелия и ремесла. Рядовые кочевники были заинтересованы не в походах за рабами и драгоценностями, не в дани шелком, а в мирной меновой торговле. Иногда тюркские каганы, считаясь с насущными нуждами своих подданных, обращались к императорскому правительству Китая с просьбой разрешить меновой торг. Но на протяжении чуть ли не двух тысячелетий пограничная торговля рассматривалась в Китае лишь как средство политического контроля над «варварами», монополизировалась императорским двором и предельно ограничивалась. За двести лет существования в Центральной Азии тюркских каганатов имеется только несколько сообщений об открытии меновых рынков на китайской границе. Поэтому на определенном этапе истории тюркской аристократии удавалось получать широкую поддержку рядовых общинников в ее военных предприятиях на южной границе.

В течение 620—629 гг. Эль-каган и его военачальники организовали 67 нападений на границах. Непрерывные войны требовали бесперебойного снабжения огромной армии кагана и больших затрат. В результате Эль-каган, не довольствуясь данью и добычей, усилил обложение податями и сборами собственного народа. Подати оказались особенно тяжелыми в годы джута, падежа скота и голода (627—629). Противоречия между народными массами и правящей верхушкой ярко выразились в изменении управления. Не полагаясь на старые органы управления, представители которых были в какой-то степени связаны родо-племенными традициями, каган заместил должностных лиц, занимавших ключевые посты гражданского управления, китайцами и согдийцами.

В глазах народа обострение социального неравенства и классового угнетения было непосредственно связано с переходом реальной власти в руки

чужаков. Внутренние противоречия в каганате казались столь очевидными, что стали темой докладных записок китайских пограничных чиновников.

Последствия не замедлили сказаться. В 629 г. Эль-каган потерпел поражение в Шаньси. Немедленно против Эль-кагана восстали огузские племена (токуз-огузы). Воспользовавшись обстановкой, китайская армия вторглась на территорию каганата, и, покинутый всеми, Эль-каган попал в плен (630 г.). Так завершилась история Восточнотюркского каганата.

Западнотюркский каганат имел, по существу, свою историю. Первым правителем западных территорий каганата стал Истеми (Сильзибул или Дизавул византийских и Синджибу арабских исторических сочинений), брат Бумын-кагана. Он носил титул ябгу-кагана, в дальнейшем традиционный для западной ветви тюркской династии Ашина. Именно при Истеми, который умер в 575 г., тюрки достигли на западе пределов своего военного могущества.

Движение тюрок на запад было не просто завоеванием, а крупной миграцией центральноазиатских тюркоязычных племен и заселением ими обширных горно-степных районов на севере и востоке Средней Азии. Местные кочевые племена, по языку родственные тюркам, были либо включены в военно-административную систему, созданную тюрками, либо бежали вместе с аварами в степи Юго-Восточной Европы, приняв то же этническое имя и значительно усилив военный потенциал авар.

Нет никаких сведений об изменении тюрками в завоеванных ими землях с городским и оседло-земледельческим населением существовавшей там социальной, экономической или политической систем. По всей вероятности, тюркский каган ограничивался утверждением своего сюзеренитета и получением дани. Кочевое же население было организовано в «десятистрельный племенной союз» (*он ок бодун*), в то время вполне аналогичный военно-административной системе, существовавшей у восточных тюрок.

Освоение новых владений сделало тюрок соседями могущественного государства эфталитов, восточные владения которого (Хотан и вассальные княжества в Семиречье) были ими захвачены. Связанные войной в Индии и опасностью, угрожавшей из Ирана, эфталиты не решались на поход в степь. Тюркские же вожди своей главной целью считали разгром авар, которые ушли за Волгу. К 558 г. тюрки завершили покорение Поволжья и Приуралья. В том же году император Юстиниан принял в Константинополе послов аварского кагана Баяна, овладевшего обширными землями к западу от Волги и Северным Кавказом. Вскоре к аварам прибыло ответное византийское посольство. Все это не могло не встревожить Истеми, тем более что набеги авар на новые тюркские владения создавали на западной границе каганата напряженное положение.

В конце 50-х годов VI в. перед Истеми открылась перспектива успешных военных действий против эфталитов. Шах Ирана Хосров I (531—579), прекративший выплату дани эфталитам и готовившийся к войне с ними, предложил тюркам военный союз против эфталитов. Союз был скреплен брачным договором — дочь Истеми стала женой Хосрова и впоследствии матерью наследника престола Хормизда. В 563 г. тюркские армии, поддержанные ударом иранских войск на Балх, вторглись в эфталитские земли. По «Шах-наме», решающая битва произошла под Бухарой. Войско эфталитского царя Гатифара было разгромлено. Лишь небольшое эфталитское владение в Тохаристане сохраняло некоторое время независимость, но и оно вскоре оказалось под властью Хосрова, который распространил свое влияние на все бывшие эфталитские земли южнее Амударьи.

Трения между Хосровом и тюркским каганом, начавшиеся из-за раздела эфталитского наследства, вскоре переросли в открытый конфликт, причиной которого явились различные экономические интересы обеих держав.

После завоевания Средней Азии тюрки стали хозяевами значительной части торгового пути из Китая в страны Средиземноморья — так называемого Шелкового пути. Главными посредниками в торговле шелком были согдийцы (на центральноазиатском и среднеазиатском участках пути) и персы, контролировавшие путь от Пайканда до Сирии. Основным покупателем шелковых тканей была Византия. Торговля шелком приносила согдийским купцам и тюркским ханам огромные доходы. Тюрки получали возможность сбывать через согдийцев военную добычу и дань, выплачиваемую им китайскими царствами. Согдийцы сосредоточили в своих руках небывалое количество драгоценных шелковых тканей. Уже с конца IV в. в Согде существовало свое шелкоткацкое производство на местном сырье. Согдийские шелка высоко ценились не только на западе, их ввозили даже в Восточный Туркестан и Китай. Сбыт этих тканей в VI в. стал важной проблемой для согдийских городов. В Иране и Византийской империи, особенно в Сирии и Египте, также существовало развитое шелкоткацкое производство; сырьем для него был шелк-сырец, ввозимый из Восточного Туркестана и Средней Азии. Однако в VI в. в Иране и Византии появляется свой шелк-сырец.

Первая попытка сбыть накопившийся у них шелк и договориться о регулярной торговле была предпринята согдийцами в Иране. Согдийский посол Маниах прибыл туда в 566 или 567 г. как представитель тюркского кагана. Хосров, не заинтересованный в увеличении количества шелка на иранском рынке, купил привезенный Маниахом шелк и тут же сжег чужеземный товар. Тогда Маниах сделал попытку найти путь к более выгодному покупателю — Византии. В 567 г. он возглавил посольство тюркского кагана в Константинополь. Византия, как и Иран, не испытывала острой нужды в согдийском шелке, но была заинтересована в союзе с тюрками против персов. Тюркское посольство было с почетом принято при императорском дворе, и между тюрками и Византией заключено военное соглашение против Ирана. Вместе с Маниахом в ставку кагана выехал византийский посол Земарх. Каган принял Земарха в своей ставке близ «Золотой горы», на Тянь-Шане. И сразу же предложил византийскому послу сопровождать тюркское войско в походе на Иран. Попытка шаха дипломатическим путем остановить тюркское наступление не удалась, и тюрки захватили в Гургане несколько богатых городов. Впрочем, уже в 569 г. тюркское войско вернулось в Согд.

Вслед за тем Истеми перенес военные действия за Волгу и к 571 г. завоевал Северный Кавказ и вышел на Боспор, подчинив аланов и утигуров. Тем самым каган расчищал трудный обходный путь в Византию, путь через Хорезм, Поволжье и Кавказ или Крым. Византийский историк Менандр упоминает семь византийских посольств к тюркам в конце 60-х — начале 70-х годов. В 575—576 гг. на короткий срок тюрко-византийские отношения внезапно обострились.

Второй поход тюрок в Иран относится к 588—589 гг. Согласно ирано-арабской традиции, тюркское войско, возглавленное «царем тюрок» Савэ (или Шаба), вторглось в Хорасан. Возле Герата его встретили иранские войска, которыми командовал прославленный полководец Бахрам Чобин. Он разгромил тюркское войско и застрелил из лука «царя тюрок». Попытка реванша оказалась безуспешной, и между тюрками и персами был

заключен мир. В 616—617 гг. иранский полководец Смбат Багратуни сделал попытку повторить подвиг Бахрама, но его поход не имел политического результата.

Вплоть до разгрома Сасанидов арабами граница между тюркскими владениями в Средней Азии и Ираном оставалась неизменной. Все эти годы, с большей или меньшей регулярностью, караваны с шелком и другими товарами шли на запад и через Иран, и через Хорезм и Поволжье.

Кратковременный период подъема Западнотюркского каганата приходится на время правления каганов Шегуя (610—618) и Тон-ябгу (618—630). Их власть распространилась на территории от Алтая и бассейна Тарима до верховьев Амударьи и Гиндукуша. Столицей каганата стал Суяб — крупный город в долине р.Чу (ныне городище Ак-Бешим близ г.Токмак, Кыргызстан). Реализуя договорные отношения с Византией, Тон-ябгу-каган принял личное участие в войне императора Ираклия против Сасанидов и вторгся в Закавказье (627—628). Тюрки захватили огромную добычу во взятых ими Чоре (Дербенте) и Тбилиси. Апофеозом успехов кагана стала его встреча с Ираклием под стенами Тбилиси. Византийский император возложил на голову кагана свою корону и обещал выдать за него дочь, принцессу Евдокию.

При Тон-ябгу был установлен более строгий политический контроль каганата в практически независимых среднеазиатских государствах, чей вассалитет всегда ограничивался лишь уплатой дани. В Кундузе (Тохаристан) была учреждена ставка сына кагана, Тарду-шада, в центры других государств были посланы уполномоченные кагана, *тудуны*, которым вменялся в обязанность контроль за сбором податей и посылкой дани в каганскую ставку. Местным владетелям были «пожалованы» тюркские титулы, как бы включавшие их в административную иерархию каганата. Подводя итоги правления Тон-ябгу, китайский историограф отмечает: «Никогда еще западные варвары не были столь могущественны».

Деспотический характер власти Тон-ябгу, который, по формулировке китайской хроники, «полагаясь на свое могущество и богатство, стал немилостив к подданным», скоро оказался в противоречии с нарастающими сепаратистскими устремлениями племенной знати, усилившейся в ходе победоносных войн. Пытаясь предотвратить междоусобицу, дядя кагана, Кюль-багатур, убил племянника и провозгласил себя каганом. Однако часть племен поддержала другого претендента на трон, и межплеменная война началась.

Уже к 634 г. каганат утратил все свои владения к западу от Сырдарьи. Государство вступило в полосу затяжного кризиса, главной причиной которого была борьба за власть между знатью двух племенных конфедераций, составлявших западнотюркский союз, — дулу и нушиби.

В 634 г. к власти пришел Ышбара Эльтериш Шир-каган, опиравшийся на нушиби. Он сделал попытку возродить действенность военно-административной системы «десяти стрел». Новые реформы превращали племенных вождей, *иркинов* и *чоров*, в назначенных или утвержденных каганом управляющих, лично-зависимых от него. В каждую «стрелу» был направлен уполномоченный центральной власти, член каганского рода. Однако военно-политические ресурсы каганской власти оказались недостаточны для удержания племен в повиновении. Уже в 638 г. племена дулу провозгласили каганом одного из присланных к ним принцев. После кровопролитной и тяжелой войны между дулу и нушиби каганат распался на две части с границей по р.Или. Ышбара-каган был низложен и бежал в Фергану.

Межплеменная война продолжалась еще 17 лет и привела к вторжению в Семиречье китайских войск (657 г.), нанесших поражение ополчению «десяти стрел» и взявших Суяб. Последний независимый правитель «десяти стрел», Нивар Ышбара-ябгу-каган (Ашина Хэлу китайских источников), был захвачен в плен и через два года умер.

КИТАЙ В III — VI вв.

Падение империи Хань на рубеже II—III вв. повлекло за собой глубокие перемены. Рушился имперский порядок — устоявшийся за предшествующие четыре столетия тип государственного и социального устройства, который отождествлялся с понятием цивилизации как таковой.

В политической сфере вехами процесса распада были: утрата императором к последним годам II в. реальной власти, установление контроля местных лидеров и полководцев над отдельными районами страны, постоянные междоусобицы. Современники воспринимали это как наступление хаоса, «смутного века», начало «всеобщей ненависти и вражды». С падением дома Хань было утрачено и номинальное единство. На просторах прежней империи образовались три противостоявших друг другу государства: Вэй (иначе — Цао Вэй, 220—265), охватывавшее бóльшую часть Северного Китая от Дуньхуана на западе до Ляодуна на востоке и междуречья Хуайхэ и Янцзы на юге; Шу (иначе — Шу-Хань, 221—263), охватывавшее Сычуань, южные районы Ганьсу и Шэньси, бóльшую часть Юньнани и Гуйчжоу, а также запад Гуанси; У (222—280) в юго-восточных районах бывшей империи. Основатели этих государств пытались организовать управление по имперским образцам: поддерживать представление о сакральности правителя, сохранять названия имперских правительственных учреждений, соответствующий ритуал и т.д. Но их власть приближалась скорее к военной диктатуре, чем к прежним нормативам. Режим жесткой личной власти опирался прежде всего на армии. Причем армии, подчиненные непосредственно правителям. Появление такого рода «личных» армий — характерное явление описываемой эпохи перемен.

Ко времени Троецарствия (220—280) произошли глубокие структурные изменения и на уровне местной власти. Длительные внутренние войны привели к тому, что вместо имперской чиновной администрации преобладающее положение на местах захватили военные и политические вожаки из провинциальной элиты. Сохранившие же позиции главы областей и округов также обзавелись «собственными войсками» и часто присваивали все собираемые с населения налоги. Центральная власть в Вэй (а позже и в других царствах) попыталась изменить такое положение с помощью новой системы отбора чиновников на государственную службу — присвоения «деревенских категорий». Специальные уполномоченные должны были оценивать достоинства кандидатов на местах по особым «категориям», что заменило бы прежнюю практику рекомендаций. Однако эта система не была эффективной и быстро переродилась в чистую формальность, используемую местной элитой для выдвижения своих представителей на чиновные должности.

Опора на армию, на группировку связанных с правителем личными узами людей вкупе с ростом регионализма на местах порождали характерную для всех трех царств непрочность режимов. Внутренняя нестабильность трех царств усугублялась постоянными войнами между ними.

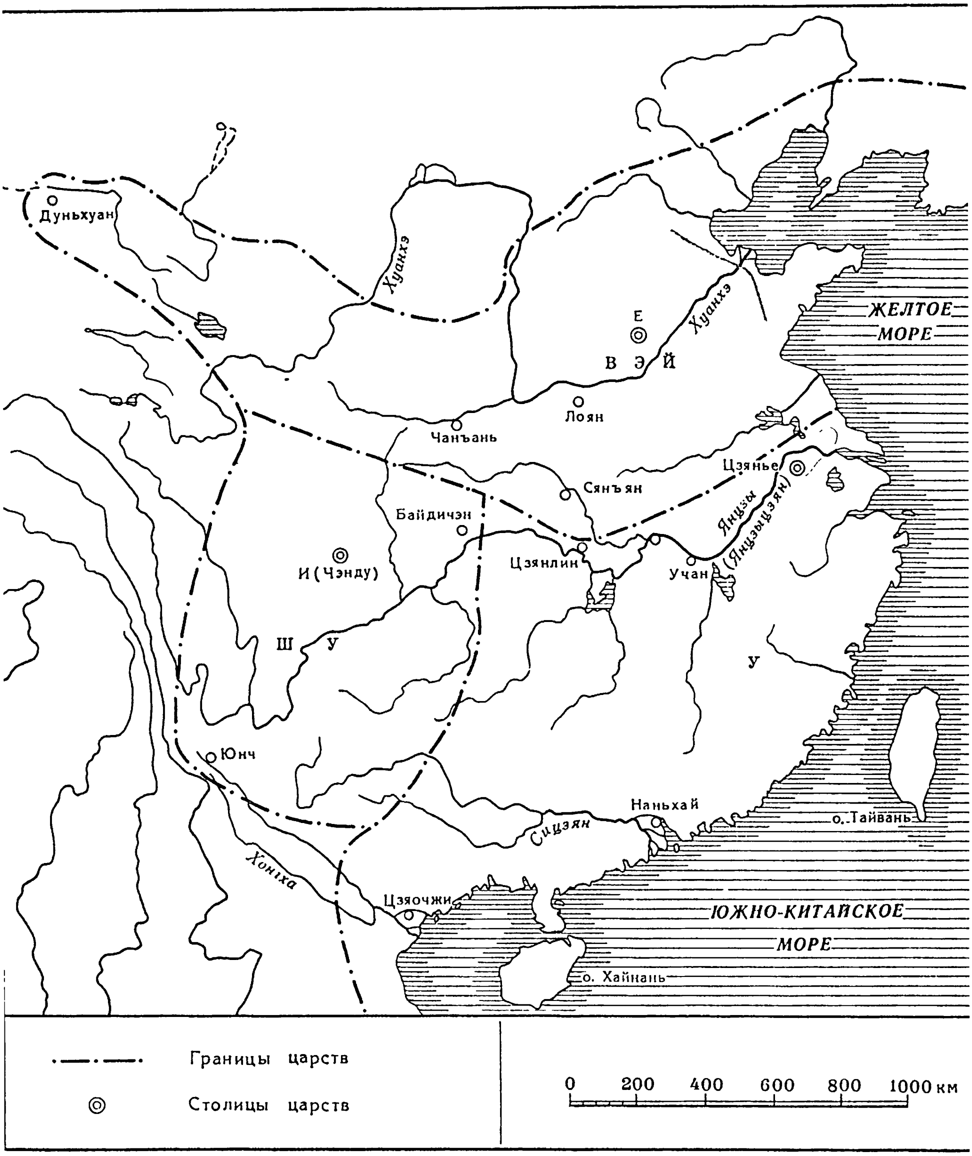


Рис. 4. Троецарствие (ок. 250 г.)

В конечном счете победа оказалась за преемницей Вэй — империей Цзинь. В 263 г. было присоединено царство Шу, а в 280 г. пало У. Страна объединилась, и, казалось бы, вновь возобладал имперский порядок. Но власть захвативших престол полководцев из рода Сыма мало отличалась от прежнего: опорой ее были армия и отдельные группировки знати. Пытаясь расширить опору своей власти, Сыма Янь роздал в уделы родичам более 20 областей. Эти местные властители быстро усилились и после смерти Сыма Яня (290 г.) начали междоусобную войну, получившую название «мятежа

восьми князей». Единство и относительная стабильность в государстве спустя всего 10 лет были вновь утрачены. Распри и перевороты продолжались до 306 г. Они изнурили и ослабили страну, сделав ее легкой добычей кочевых и полукочевых племен, в начале IV в. хлынувших в северные и западные районы Китая.

Это «затопление» страны иноземцами нельзя рассматривать как случайность. Оно было связано с описываемым разложением и падением здесь имперского порядка. К 316 г. цзиньские войска были разгромлены шаньюем (вождем) сюнну Лю Юанем, столица пала, император попал в плен к сюнну. Власть Цзинь на севере страны перестала существовать. Она сохранилась лишь в центральных и юго-восточных районах, где один из отпрысков правящего дома был провозглашен императором, по сути, новой империи — Восточной Цзинь (317 г.). С этого момента политическая история страны в течение двух с половиной веков протекает в условиях разделения страны на северную и южную части. Это обособление становится одним из стержневых моментов истории Китая в IV—VI вв. Оно продолжало сказываться на всем последующем развитии страны.

В политическом плане отмеченное разделение проявилось наиболее ярко. Север страны, т.е. пространства от Дуньхуана до Шаньдуна, превращается в арену вражды быстро сменяющих друг друга царств и мини-империй, основывавшихся, как правило, некитайскими племенами и народами. В начале IV в. их насчитывалось семь. Апогей раздробленности наступает в 384—409 гг., когда здесь возникло 12 различных государств.

Основатели этих царств в большей или меньшей степени копировали в своих владениях китайский государственный аппарат и опирались в организации управления на китайских советников. Но в то же время эти правители пытались сохранить для своего племени или подчиненного им кочевого народа особое положение, регулируемое трансформирующейся родовой традицией. Отсюда часто возникала двухслойность управления. Эти властители, по сути, оставались, несмотря на все перенимаемые ими китайские аксессуары (от титулов до одежды, утвари дворцов и быта), военными предводителями или вождями племен. Состояние, близкое к политическому хаосу, сохранялось на севере до 30-х годов V в.

Положение на юге страны в IV — начале V в. было не столь драматично. Но следует учитывать, что Восточная Цзинь первоначально охватывала треть территории прежней Цзинь, причем именно окраинные области. Борьба северных аристократов, бежавших на юг из-за постоянных войн, и представителей местных китайских влиятельных кланов пронизывает всю историю Восточной Цзинь. Эта распря ослабляла двор и государство, опять-таки вела к милитаризации страны, к усилению роли армии во внутриполитической жизни. У влиятельных кланов были свои вооруженные отряды. Распри и междоусобицы, восстания и смены придворных клик шли почти беспрерывно.

Таким образом, и здесь преемственность классических имперских политических традиций просматривается довольно относительно. Только с 20-х годов V в. на юге, после основания Лю Юем новой империи — Сун (Южной Сун), и с 30-х годов того же столетия на севере, где усиливается основанная табгачами (одной из ветвей сяньбийских племен) империя Северная Вэй, можно проследить постепенное нарастание тенденции к укреплению централизации. Но эта тенденция пробивала дорогу медленно, проходя через различные коллизии и обратные движения. Причем она несколько по-разному проявлялась на Севере и на Юге.

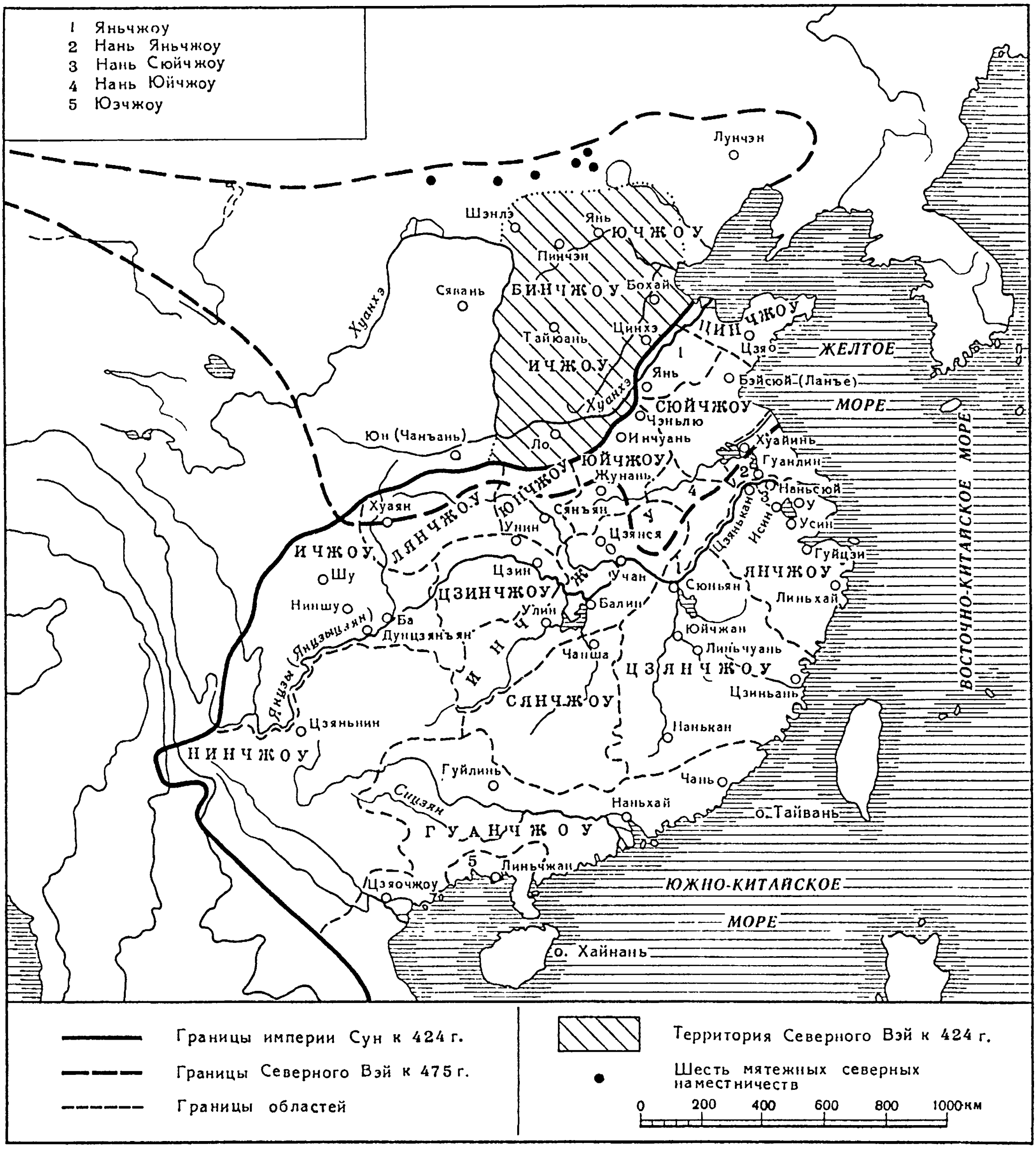


Рис. 5. Противостояние Сун и Северного Вэй

В 479 г. один из полководцев — Сяо Даочэн — свергает династию Сун и основывает государство Ци (Южное Ци). Подобные же перевороты, сопровождавшиеся провозглашением новых империй (Лян и Чэнь), происходят в 501 и 557 гг. При этом с середины VI в. вновь ослабевают позиции двора, усиливаются междоусобицы, вспыхивают восстания. Но все же это не привело к политическому распаду Южного Китая: здесь можно наблюдать лишь смену династий. На Севере тенденция к единству проявляется в возобладании табгачей над всеми прочими политическими силами. Уже к

439 г. бо́льшая часть территории оказалась здесь под властью империи Северная Вэй (386—534). Одновременно происходят сближение табгачского и китайского слоев в правящей верхушке, китаизация созданной иноплеменниками империи. Вводятся система деления страны на области и уезды, китайская шкала чиновных должностей. Чиновники постепенно переводятся на твердо установленное жалованье, упорядочивается система налогов. Число китайцев при дворе и в столичной администрации с 2% на рубеже IV—V вв. к 423—452 гг. возрастает до 25%, а в местной администрации — до 40%. К концу V в. указами двора фамилии знатных табгачских родов были заменены на китайские (сам император сменил фамилию Тоба на Юань), запрещено ношение некитайской одежды, столица империи перенесена с севера (из Пинчэна) в древний китайский столичный город Лоян, китайские аристократические кланы почти уравнены с табгачскими.

Однако полностью различия не стерлись. Рядовые табгачи-воины были разделены на 8 аймаков, располагавших особой территорией. Доля табгачской аристократии в управлении, несмотря на постепенное сокращение, оставалась значительной. Шедшая китаизация вызывала недовольство у теснимых табгачских верхов и их рядовых соплеменников, которые теряли свои привилегии, становились в положение налогоплательщиков. В результате в 523 г. восстали войска, дислоцированные на северных окраинах Вэй. Начавшиеся вслед за тем междоусобицы привели к ослаблению центральной власти и в конечном счете к расколу империи на Западную (535—557) и Восточную Вэй (534—550). Однако окрепшая за время достаточно продолжительного существования Северной Вэй тенденция к регенерации китайской государственности оказалась сильнее. Дворцовые перевороты, приведшие к образованию Северного Ци (550—577) вместо Восточного Вэй и Северного Чжоу (557—581) вместо Западного Вэй, мало что изменили. Но после разгрома Ци в 577 г. под контролем Чжоу оказался весь Северный и Западный Китай. В 581 г. здесь произошел еще один переворот: полководец Ян Цзянь отстранил от власти императора, переменив название империи на Суй. В 589 г. Ян Цзянь подчинил южное государство Чэнь и впервые после почти четырехсотлетнего периода раздробленности восстановил единство страны.

Бурные политические перемены не могли не отразиться на экономической жизни страны.

Первое, что бросается в глаза, — это разруха, непосредственное разрушение производительных сил. Оно началось еще во время междоусобиц конца II — начала III в. Следует учитывать, что во время войн и междоусобиц III—VI вв. более всего пострадали наиболее процветавшие прежде центральные районы империи Хань. Эти войны сопровождались уничтожением городов, разграблением накопленных запасов, угоном и пленением населения и гибелью людей. Побоища влекли за собой голод и эпидемии. Уцелевшие, но разоренные жители массами бежали с насиженных мест в поисках спасения и средств к существованию, что усугубляло запустение, вело к сокращению ареала хозяйственной деятельности на севере и в центральных районах страны.

Разрушение хозяйства сопровождалось заметной натурализацией. В III—IV вв. на севере страны пустеют и приходят в упадок города. И это было не только результатом их разорения во время войн, но и проявлением характерной для того времени тенденции к перемещению средоточия китайской цивилизации из города в «деревенскую глушь». Последнее получило отражение в самых различных сферах общественной жизни и

сознания той эпохи. Натуральным в своей основе осталось не только мелкокрестьянское производство, но и получившее широкое распространение в III—VI вв. хозяйство средних и крупных землевладельцев. Свидетельством натурализации является заметное сокращение денежного обращения. Мерилом стоимости стали выступать зерно и шелк. Иногда, как, например, в царстве Вэй в 221 г., хождение монеты вообще прекращалось на некоторое время.

Однако вряд ли можно однозначно говорить об экономическом упадке в III—VI вв. Приходившие к власти правительства в целях налаживания поступления средств в казну в большей или меньшей степени занимались организацией хозяйства. Трудные, смутные времена, переживаемые страной, понуждали их искать наиболее отвечавшие нуждам момента формы такой организации. В этом плане можно рассматривать широкое насаждение в царстве Вэй государственных поселений (*тунь тянь*). Такие «особого рода» поселения (*тунь* в отличие от обычных — *цунь*) создавались из сажаемых на землю солдат и использовались для обеспечения армии провиантом в отдаленных районах страны еще во времена Хань. С III в. наряду с солдатами стали «вербовать» поселенцев и из гражданского люда и сажать их на свободные или же запустелые земли. Поселенцам предоставлялись земля, орудия труда, а иногда и рабочий скот. В среднем им давалось от 10 до 25 му земли (1 му тогда — ок. 4,6 а). Они должны были отдавать от 50 до 60% урожая, а также нести караульную службу и сражаться во время войны.

Государственные поселения в сменившей царство Вэй империи Цзинь к 269 г. охватывали около 80% податного населения. Поступления от них стали основным доходом казны. Широко практиковались они и в царстве У. Такая форма организации хозяйства была довольно тяжелой для рядовых работников. При организации поселений их принудительно переселяли, привязывали к земле, окружали строгим надзором. Доля отбираемой продукции была очень высока. К тому же администрация, военное начальство поселенцев эксплуатировало их в свою пользу. Попадавшие в поселения «не радовались этому» и часто бежали, система постепенно разлагалась. Это побуждало власти искать иные методы налаживания хозяйства. В результате появляется и расширяется так называемая надельная система землепользования (*чжань тянь, цзюнь тянь*).

Ее существо состояло в закреплении за каждым работником прав на получение участка земли определенных размеров, установлении фиксированных (по размеру и в натуральном выражении) налогов, а также в фиксации норм владения землей и подневольными работниками для привилегированного, чиновного сословия.

Первые проекты введения подобного порядка выдвигались еще в царстве Вэй в начале III в. Однако декретирована была надельная система в 280 г. в империи Цзинь. Согласно законоустановлениям, все взрослое население от 16 до 60 лет, относимое к сословию лично-свободных простолюдинов, имело право получать наделы земли в собственное пользование: мужчины — 70 му, женщины — 30 му. Кроме того, мужчина получал еще 50 му, а женщина — 20 му урочной, облагаемой налогами земли. На подростков и пожилых людей выделяли наделы в половинном размере. Таким образом, семья могла получить, в зависимости от своего состава, от 170 до нескольких сот му земли. С хозяина брали натуральный налог, составлявший 4 ху зерна (1 ху тогда — 20,23 л) с 50 му земли (средняя урожайность составляла около 3 ху зерна с 1 му хорошей земли), промысловую подворную по-

дать (тканями домашнего производства в размере 3 отрезов, по 9,2 м, тонкого шелка и 3 цзиней — 1 цзинь тогда — ок. 223 г — шелка-сырца с каждого двора), а также заставляли отрабатывать на государство определенное число дней в году.

Чиновники в зависимости от ранга (их тогда было 9) могли получать от 50 до 10 цин земли (1 цин — 100 му) и держать от 53 до 2 дворов освобожденных от обложения работников. От налогов освобождались также родичи чиновников и прямые потомки людей служилого (ученого) сословия.

Вопрос, насколько пунктуально соблюдались эти нормы и правила, остается открытым. Наделы отмеченных размеров могли быть выделены далеко не везде. Но вместе с тем вряд ли можно думать, что описываемая система свелась к переименованию той земли, которая и до этого была в распоряжении крестьян, из их собственной в «надельную». Какие-то границы землепользования, несомненно, были установлены, но нельзя точно сказать, сколь широкое распространение получила данная система в конце III в. Наиболее вероятно, что она практиковалась в районах, окружавших столицу, а также на многих землях бывших государственных поселений. В южные же районы страны она проникла тогда еще очень слабо.

И тем не менее опыт введения надельного землепользования в империи Цзинь не пропал даром. В ряде указов императоров Восточной Цзинь надельная система (*чжань тянь*) упоминается как нечто реальное.

Преемственность идеи надельного землепользования подтверждается введением данной системы в государстве Северное Вэй в 485 г. Порядок наделения получает здесь гораздо большую, чем ранее, детализацию. Каждому взрослому мужчине (от 15 до 70 лет) полагался надел пахотной земли в 40 му, женщине — в 20 му. Кроме того, давались пахотные участки на имевшихся в хозяйстве рабов, волов (не более чем на 4 головы). Предусматривалось выделение дополнительных площадей под пар там, где существовал двухпольный или трехпольный севооборот. Наряду с пахотными площадями каждому взрослому мужчине (ровно как и каждому рабу) полагалось иметь 20 му земли под посадки тутовых деревьев, жужубов и вязов и 10 му под коноплю, а женщине — соответственно по 10 и 5 му. Подросткам земли не полагалось, но желающим — старше 11 лет — могли предоставляться наделы в половинном от общепринятой нормы размере.

Законом предусматривался регулярный передел пахотных участков в связи с изменением количества и возраста работников в каждом хозяйстве. Такое перераспределение должно было проводиться ежегодно в первом месяце по лунно-солнечному календарю (т.е. с наступлением весны). Эту процедуру полагалось осуществлять местной (общинной) администрации — старостам конституированных в 486 г. объединений в 5 (*линь*), 25 (*ли*), 125 (*дан*) дворов (хозяйств), которые должны были вести учет дворов и работников, а контролировать — специальным уездным чиновникам. Наделы под тутовник и коноплю переделу не подлежали. Землеустройство 485 г., подобно прежней системе, предусматривало предоставление чиновникам должностной, или служебной, земли. Размеры ее были меньше, чем раньше, — от 15 до 6 цин. Но зато не ограничивалось число привлекаемых для ее обработки работников.

Более точно, чем при Цзинь, были определены налоги и повинности получивших наделы. Каждая семейная пара платила поземельный налог в 4,9 ши зерна (ши — синоним ху, во времена Северной Вэй равнялся 39,63 л) и промысловую подать в 8,5 отреза ткани, 2 цзиня шелковых охлопков и 1 цзинь шелковой нити (есть данные, что после 486 г. зерновой налог был

снижен до 2 ши, а промысловый — до 6 отрезов). Неженатые (старше 15 лет) платили $^1/_4$ ставки налога с семейной пары, с раба брали $^1/_8$ ставки, с вола — $^1/_{20}$. Кроме того, как и прежде, крестьяне-надельники несли трудовую повинность, т.е. привлекались на государственные работы (строительство, мелиорация, перевозка, оборонные мероприятия).

Достаточно широкое распространение надельной системы в Северной Вэй не вызывает сомнений. Что же касается пунктуальности исполнения всех предписаний декретированного порядка, то здесь не было единообразия. В самих установлениях допускались разные подходы к нормам наделов в зависимости от плотности населения того или иного района, наличия фонда свободных земель, климатических условий, потребностей севооборота. Допускались продажа и покупка «излишков» земли (хотя сами наделы продавать не позволялось). Переделы земли могли успешно осуществляться лишь при сбалансированности выбывания старых и появления новых работников или же при постоянном расширении земельного фонда, чего на практике вряд ли можно было достичь. И тем не менее в общих чертах указанная система распространилась не только в Северной Вэй, но и в империях Северная Ци и Северная Чжоу. Здесь наблюдаются некоторые отличия от прежних установлений — увеличивается размер нормативного надела, ограничивается число рабов, наделяемых землей, варьируются налоговые ставки и возраст совершеннолетнего налогоплательщика, — но суть порядка землепользования остается прежней.

Введение надельной системы представляется одним из центральных моментов социально-экономического плана в жизни страны в III—VI вв. Она не только упрочила материальную, финансовую базу государства, но и сказалась на социальной организации общества, механизме управления им. Ее можно с полным основанием назвать порождением описываемого времени. Хотя отдельные элементы данного порядка землепользования можно проследить и ранее, но превращение его в целенаправленную аграрную программу стало возможно лишь в условиях III—VI вв., когда появились большие массивы опустевшей, необрабатываемой земли, резко сократилось число рабочих рук, упали доходы государства и возобладала тенденция к натурализации хозяйства.

Было бы, однако, неверно думать, что появление надельной системы автоматически вытеснило все существовавшие ранее в аграрном строе Китая отношения. Наряду с ней продолжали существовать иные хозяйственные формы и уклады.

Оставались, например, военные поселения. В 488 г. северовэйский двор утвердил проект, согласно которому в такие поселения должно было быть выделено $^1/_{10}$ всех крестьянских хозяйств в стране. Однако главным противостоящим надельной системе явлением в поземельных отношениях в Китае в III—VI вв. был рост крупного землевладения. При этом имеются в виду не столько должностные земли, отводимые чиновникам в рамках уложений о наделах, и не территории, даруемые, как и в древности, представителям титулованной знати вместе с находившимися на них крестьянами (вернее — с доходами от этих крестьян), — ибо и та и другая из названных прослоек были узки, — сколько заметный рост частных владений так называемых сильных домов, приходящийся более всего именно на III—IV вв.

«Сильные», или «большие», дома (*да цзя, да син, хао цзу*), обладавшие значительными земельными владениями, богатством и социальным престижем в своих местах, появляются еще во времена Хань. Основой их могущества были многоотраслевые хозяйства, охватывавшие иногда несколько сот

цин земли, не уступая по размерам пожалованиям титулованной знати. Состояние таких семейств могло исчисляться сотнями миллионов монет. В III—VI вв. растет их число, кроме того, они приобретают некоторые новые, присущие данному периоду черты.

Если первоначально «сильный дом» представлял собой объединение родственных семейств — клановую организацию патронимического типа (*цзунцзу*), то к описываемому периоду стоявшее во главе его семейство, как правило, обросло побочными родственными или же вообще не родственными кланами, а также различного рода зависимым людом, отдавшимся под «покровительство», арендаторами, челядью и рабами. Эти псевдородственные структуры перерастали рамки отдельных деревень, становились квазиобщинными. Наиболее крупные из них могли объединять до нескольких тысяч человек. В условиях политической нестабильности и натурализации экономики «сильные дома» все более становились самообеспечивающимися (вплоть до мелочей) хозяйственными комплексами, а также обзаводились вооруженными отрядами, которые позволяли им не только обороняться от возможных посягательств, но и поддерживать и расширять свой «авторитет» в близлежащей округе. Характерной чертой времени явилось превращение усадьбы «сильного дома» в небольшую крепость, куда в случае опасности собирались подопечные. Укрепление самостоятельности «сильных домов» можно усмотреть и в том, что некоторые их главы создавали для своих подопечных собственные правила и нормы поведения, т.е. локальные законы. Сами же они, равно как и прочие «старшие» члены семьи и их дружины, могли чинить произвол над окрестными «низкими семьями».

В целом в III—V вв. «сильные дома» окрепли в хозяйственном и военном отношении, упрочили свою власть над подопечным населением и, как считают некоторые исследователи, взяли на себя организующую роль в обществе. Это явление представляется одной из очень важных и характерных черт отмеченного периода.

Рост крупного землевладения, происходивший главным образом снизу, посредством увеличения числа «сильных домов» и расширения их владений, сопровождался захватом имущества «низших дворов», вытеснением, разорением и закабалением крестьянства. Подпадавшие под покровительство «сильных домов» не несли повинностей перед казной, что, естественно, сокращало доходы государства. В связи с этим введение надельной системы можно рассматривать как стремление последнего поставить определенную преграду дальнейшему росту крупного частного землевладения, как отражение борьбы между частным землевладением и государственной собственностью, которая в дальнейшем шла на всем протяжении истории Китая и сформировала его уникальный аграрный и весь общественный строй.

В городской жизни в III—VI вв. не произошло больших перемен. Города по-прежнему оставались главным образом административными или же военными центрами. На севере страны во многих из них закрепилась пришлая знать кочевых народов. Мелкие же городки, как и прежде, мало отличались от сельских поселений. Войны приводили к крушению многих городов, натурализация хозяйства — к их упадку. Постепенный выход городов из упадка наблюдается лишь с рубежа IV—V вв., что проявилось в оживлении городского строительства. Всего в III—VI вв. было построено 419 городов, из них наибольшее количество в районе современных провинций Шаньси (70), Шэньси (52), Хэнань (46), Аньхуэй (34), Шаньдун (31) и Цзянсу (30). Столицы китайских государств того времени — Лоян, Е, Чанъань и др. — вновь становятся крупными торговыми и культурными

центрами. В V в. складывается развитой центр керамического производства в районе Цзиндэчжэня в Цзянсу. В городах существовали рынки. Но в целом говорить о подъеме городской экономики в отмеченный период не приходится.

Политические и экономические сдвиги в III—VI вв. сопровождались глубокими переменами в социальной структуре. Разложение имперского порядка, а также вторжение кочевых народов приводили к определенной архаизации общественной организации и углублению распада социума на обособленные местные сообщества. Находясь на более низкой, чем Китай, стадии общественного развития, многие приходившие сюда кочевые и полукочевые народы приносили с собой и более примитивные общественные институты, более жесткие методы управления и эксплуатации китайского населения. Целые районы или части страны становились своего рода добычей, военным трофеем различных полководцев и группировок кочевой знати. В III—V вв. наблюдается заметное возрождение института рабовладения.

Укрепление замкнутости местных сообществ явилось прямым следствием ослабления централизации власти, натурализации хозяйства и военизации внутриполитической жизни страны. Более четко, чем ранее, выкристаллизовывается местная элита, заметно возрастает ее социальная и политическая роль.

Характерной чертой общественной жизни в Китае в III—VI вв. являлось глубокое социальное неравенство. С одной стороны, резко возрастает роль родовитости, принадлежности к высшим кругам, с другой — усиливается зависимое положение трудящегося населения, появляются новые формы и категории зависимости. Не вдаваясь в остающийся дискуссионным вопрос о характере зависимости получателя надела в рамках надельной системы, можно с уверенностью сказать, что его статус оказывался ниже, чем тех, кто фактически (хотя и несколько ограниченно) обладал хозяйскими правами на свои участки. Сам акт наделения, обязывающий работников трудиться, производить определенного вида продукцию, платить установленные налоги и нести повинности, а также запрещавший ему переуступать или покидать надел, оборачивался своего рода прикреплением его к земле и частичной утратой личной свободы.

Еще более ярко проступает усиление зависимого положения работников в хозяйствах крупных частных землевладельцев. Те, кто во множестве шел под покровительство власть имущих и глав «сильных домов», не только были вынуждены отдавать «патрону» еще большую часть урожая, чем раньше платили в виде налогов, но и попадали в личную кабалу к нему. Внутри самих кровнородственных кланов, составлявших костяк «сильных домов», существовала строжайшая иерархия — деление семей и их членов на «старших» и «младших». Примыкавшие же к объединению неродственные кланы оказывались в еще более приниженном положении, попадали часто в разряд так называемых гостей (*кэ*). Эта прослойка включала работников и находящихся в услужении людей весьма различного положения, что отразилось в множественности обозначавших их терминов: *бинькэ*, *ишикэ*, *дянькэ*, *мэнкэ*, *цзякэ*, *тункэ*, *тянькэ*, *сыкэ*. Все они были лично-зависимыми от хозяина, хотя зависимость эта могла быть неодинаковой.

Существовали и другие категории зависимости населения, например *буцюй* — люди, служившие в отрядах местных лидеров, которые в описываемый период все больше используются в качестве подневольных работников и слуг. Печать кабальности носили в то время и арендные отношения, о

чем свидетельствует причисление одной из категорий арендаторов — людей, «обрабатывавших не свою землю», — к разряду «гостей» (*дянькэ*). В крупных хозяйствах «сильных домов» и знати продолжали использоваться и рабы, хотя долю их участия в земледелии по имеющимся данным установить невозможно. Весьма примечателен и тот факт, что в появляющихся в описываемое время внутри «сильных домов» «семейных заповедях» — правилах и нормах поведения членов этих объединений — закреплялись сложившиеся здесь отношения господства и подчинения.

Отмеченные неполноправные слои населения все чаще обобщенно именуются современниками «подлым людом» (*цзяньжэнь*) и противопоставляются остальному «доброму народу» (*лянминь*). Причем в описываемое время слой первых резко увеличивается за счет вторых. Естественно, что подобный процесс, равно как и противостоявшее ему выделение влиятельной и богатой верхушки «сильных домов», шел на основе дальнейшего разложения и перерождения издавна существовавшей в Китае сельской общины. Это явление, фиксируемое историками еще со времени империи Хань, нашло отражение в понижении с конца III в. статуса деревенских старейшин (*фулао*), а также в упомянутой выше попытке заменить общинные институты насаждавшейся сверху «фискальной общиной» в виде пятидворок, двадцатипятидворок и т.д.

Одним из наиболее ярких проявлений социальных сдвигов в верхах китайского общества в III—VI вв. представляется повышение роли аристократии и аристократизма как такового. Несмотря на то что в Китае не сложилось юридически оформленного благородного сословия, жизнь и деятельность значительного социального слоя здесь характеризовалась целым рядом типично аристократических черт. Знатность людей стала четко определяться по праву рождения, т.е. принадлежностью к определенным «первостатейным», или «старым», кланам. Родовитость клана, в свою очередь, закреплялась в соответствующих генеалогиях и списках знатных фамилий. Такие списки распространились в III в. и к концу столетия были сведены в первый общий реестр. Формально аристократический статус приобретался с присуждением одной из «деревенских категорий». Но они тоже превратились в наследственный атрибут. В частности, появилась особая прослойка семейств, выходцы из которых постоянно обладали «второй категорией», открывавшей доступ к высоким постам на государственной службе и связанным с этим привилегиям в фискальной и юридической областях.

В среде аристократии развивалась тенденция к сословной отгороженности от «худородных», своего рода кастовость, особенно заметная на юге страны. Это выражалось в избирательности брачных связей, выработке и поддержании определенного стиля жизни (*шифэн*), отличной от простонародья речи.

Служилые должности были подразделены на «чистые» и «грязные». Первые могли занимать лишь выходцы из аристократических семей (и притом в юном возрасте и без всяких испытаний), вторые оставлялись незнатным, или «холодным», представителям служилого сословия. Служебная карьера в описываемое время оказалась в значительной степени обусловленной родовитостью происхождения. Аристократы занимали виднейшие государственные посты, составляя высший слой чиновничества. Противопоставление знатных и безродных стало одной из основополагающих граней социального размежевания. Углубление социального неравенства сопровождалось усиле-

нием сословных перегородок, иерархичности всей структуры общества. Наиболее явственно это ощущалось на Юге.

Еще одной характерной чертой социальной жизни III—VI вв. было усиление личностных отношений в самых различных проявлениях. Здесь следует вспомнить о появлении «личных» армий, где на передний план выступала преданность только своему вождю. Значительная роль чисто личностного начала наблюдается и в укладе «сильных домов», где отношения господства и подчинения сопровождались патриархальными связями «старших» и «младших» родичей, «хозяина» и «гостей». Чиновники и служащие, согласно принятым тогда представлениям (*гу ли*), считали себя обязанными какому-либо вышестоящему лицу, причем даже после выхода в отставку или перевода на иное место. Личную преданность патрону хранили и «ученики», превращавшиеся в клевретов своего влиятельного «учителя». Принцип личного долга занял одно из первостепенных мест среди моральных ценностей, став существенным фактором всей общественной жизни.

В III—VI вв. Китай переживает кардинальные, имевшие далеко идущие последствия перемены в своем этническом развитии, тесно связанные с политическими изменениями. Войны и вторжения иноземных племсн вызывали шедший своеобразными волнами отток и перемещение населения, смешение и противоборство этнических групп и культур. Масштабы отмеченного перемещения и смешения в указанный период были столь значительны, что могут быть сопоставлены с происходившим тогда же великим переселением народов.

На Севере иноплеменники начали проникать в страну еще задолго до массовых вторжений IV в. В результате здесь, не только на окраинах прежней империи, но и на Центральной равнине, образовался смешанный, мозаичный состав населения. Наряду с китайцами здесь расселились сюнну, сяньбийцы, цяны, цзе, ди, динлины и другие племена и народности. Последовавшие войны и вторжения вызывали бегство китайского населения на юг и юго-восток. В целом, по приблизительным подсчетам, туда переселилось около 1 млн. человек. Число пришлого некитайского населения на Севере определить довольно трудно, тем более что расселялось оно неравномерно. Но за весь означенный период оно не превышало (опять-таки приблизительно) 5 млн. человек. Китайский субстрат численно оставался превалирующим, хотя это и не снимало подчас остроты этнических противоречий.

При всей конфликтности ситуации преобладающей оставалась тенденция к постепенной ассимиляции некитайского населения. Она шла порой медленно и неоднолинейно, но систематично, примером чему может служить китаизация табгачской империи Северная Вэй. Однако ассимиляционный процесс не был односторонним. Китайское население в ходе него также органически впитывало приносимые пришельцами обычаи и культуру, приобретая отличное от прежнего этническое качество.

На Юге в противоположность Северу китайцы выступали как господствующий над коренным некитайским населением (юэ, мяо, ли, и, мань, яо и другими народностями) этнос. Ассимиляция здесь шла быстрее и менее драматично, чем на Севере. Но и здесь наблюдаются восстания на этнической почве, карательные походы, насильственное переселение и т.п. При этом следует учитывать, что значительные пространства современного Южного Китая в III—VI вв. оставались еще не колонизованными или в очень малой степени колонизованными китайцами (Гуйчжоу, Гуанси, Фуцзянь).

Политическое разграничение и длительные войны между Севером и Югом способствовали сложению и закреплению существенных различий в жизни населения той и другой части страны, что усугублялось и разностью природно-хозяйственных условий. Для Севера были характерны бо́льшая роль общинных институтов, в том числе патриархальной семьи, бо́льшая свобода в положении женщины. Характерным типом сельского поселения в III—VI вв. здесь становится деревня (*цунь*) — как правило, обнесенная стеной и подчиненная какому-либо «сильному дому». Для Юга характерны малая семья, раздел имущества при жизни семейного патриарха, а также рассеянное поселение в сельской местности (*ло*). В описываемое время складываются и два основных диалекта китайского языка — северный и южный. Существовали и различия в пище. Все это приводило к закреплению в сознании обеих сторон взаимной обособленности. Знаменательно, что северяне называли жителями Срединного государства (т.е. китайцами) лишь себя, а южан именовали «людьми У» (по традиции, берущей начало в эпоху Троецарствия).

В целом можно сказать, что в отмеченный период произошли качественные изменения внутренней структуры прежнего китайского этноса. Они сопровождались изменениями и в языке. Заканчивается эволюция древнекитайского языка, и начинает складываться среднекитайский.

Несмотря на политическую нестабильность и разорение, в III—VI вв. в Китае продолжает развиваться материальная и духовная культура. Широко распространяется по стране возникший еще во II в. новый метод глубокой вспашки тяжелым плугом. На юге в полеводстве хорошо осваивается ирригация. В III в. усовершенствуются водоподъемные устройства. Увеличивается урожайность. В V в. на юге с полей стали собирать по два урожая в год. В описываемый период появляется трактат Цзя Сысе «Ци минь яо шу» («Необходимое искусство для простого народа»), подытоживший весь накопленный к тому времени опыт в сельском хозяйстве, особенно в выращивании зерновых культур. В III в. усовершенствуется также ткацкий станок.

В V—VI вв. закладываются основы новой — осевой, симметричной — планировки города, нашедшей применение в строительстве городов Е и Лояна. При постройке жилищ шире распространяются кирпич и кровельная черепица. В быт на севере страны входят «варварские сиденья» (складные кресла), практика верховой езды на лошади, появляются стремена. На юге же среди состоятельных слоев населения начинают широко пользоваться посудой из так называемого серого фарфора. В III—VI вв. изменяются формы и типы повозок, отдельные элементы костюма (новые головные уборы, сапоги, сандалии на деревянной подошве). В пищевом рационе наиболее примечательным является распространение чая в III—IV вв. как обыденного напитка.

Продолжалось накопление научных знаний. В конце V в. южнокитайский ученый Цзу Чунчжи с большой точностью вычислил значение числа π. На рубеже III—IV вв. Пэй Сю усовершенствовал китайские картографические принципы. Трактат «Шуй цзин чжу» («Комментарии к списку водных потоков»), принадлежащий кисти северовэйского ученого Ли Даоюаня, значительно пополнил историко-географические сведения о стране. Расширялись представления и об окружающем мире, в частности о странах Юго-Восточной Азии. Историческая наука в III—VI вв. пополнилась пятью новыми династийными (официальными) историями. Совершенствуется право. В III в. появляются первые труды по теории литературного творчества — сочинения Цао Пи и Лу Цзи. В V в. Шэнь Юэ

создает теорию тонизированного стихосложения. Составляются новые иероглифические словари («Цзылинь» и «Юйнянь»). Люди науки того времени были энциклопедистами. Ярким примером тому может служить известный ученый Го Пу (276—324), который в комментариях к различным трактатам проявил себя как знаток древних текстов, астроном, математик, ботаник, зоолог, географ и геолог.

Значительные сдвиги происходят в мироощущении. Несколько переосмысливается столь непреодолимая прежде грань между китайцами — жителями Срединного государства — и окружавшими его «варварами». Большим престижем начинают пользоваться отшельничество, бегство от суетности политической жизни, медитация. В аристократической и интеллектуальной среде получает распространение особый стиль жизни «ветра и потока» (*фэн лю*), характеризующийся демонстративной отрешенностью от политических дел и повседневных забот, нарочитым равнодушием к богатству и почестям. Это новое ви́дение мира неотделимо от тех кардинальных изменений в идеологии, которые произошли в отмеченный период, а именно оттеснения позиций прежнего, ставшего ортодоксальным при Хань, конфуцианства религиозным даосизмом и буддизмом.

Становление даосизма как достаточно широкого религиозного течения происходит во II—V вв. Даосская религиозная практика зиждилась на поисках бессмертия и выливалась в поиски соответствующего эликсира с помощью алхимии, в медитацию, общие моления и мистерии, гадания и прорицания, гигиену питания и совершенствование половой жизни. Разработка и обобщение даосских догматов нашли яркое проявление в трактате «Баопу-цзы» Гэ Хуна (284—363) и трудах Тао Хунцзина (452—536). В царстве Чэн-Хань в Сычуани в первой половине IV в. даосизм стал государственной идеологией. Он пользовался немалым влиянием и при дворе Восточной Цзинь. В 444 г. благодаря стараниям проповедника Коу Цяньчжи даосизм был провозглашен государственной религией в империи Северная Вэй. Но его преобладание оказалось непродолжительным, и он был потеснен буддизмом.

Буддийское учение начало, как известно, проникать в Китай с середины I в. из Центральной Азии. Но до конца II в. его влияние в стране было еще слабым. В III в. буддизм все более проникает в южные районы Китая. Резкий подъем его влияния наблюдается с IV в. Растет количество монастырей и монахов, при храмах появляются общины мирян, переводится на китайский язык обширный буддийский канон, появляются оригинальные китайские буддийские сочинения. В этом плане особенно многое сделали известные проповедники Дао-ань (312—385) и Хуэй-юань (334—417), стараниями которых был разработан образцовый монастырский устав, введен культ Майтрейи и Амитабхи.

«Завоевание» Китая буддизмом продолжалось и в течение V—VI вв. К середине V в. только в империи Северная Вэй насчитывалось около 6500 храмов и 77 000 монахов, а к 530 г. — более 30 000 храмов и 2 млн. монахов. С первых лет V в. навстречу потоку зарубежных буддийских миссионеров в Индию и Центральную Азию устремляются китайские паломники, наиболее известными из которых были Фа-сянь, Чжи-мэн, Фа-юнь и Сун-юнь.

С рубежа IV—V вв. почти все правители китайских государств покровительствовали буддизму. В Северной Вэй он фактически завоевал положение государственной религии со второй половины V в., в южной империи Лян — с начала VI в. Монастыри, пользуясь покровительством властей, не

только превращаются в центры образования, но и приобретают значительные земельные владения, накапливают богатство.

Попадая на китайскую почву, новое учение впитывало многие черты китайской идеологии и культуры. Происходила «китаизация» буддизма, становление здесь особого, самостоятельного очага его развития. Все это способствовало тому, что буддизм здесь не только быстро занял преобладающие позиции в идеологии, но и органически вошел в сам образ жизни широких масс населения.

Однако распространение буддизма встречало и сопротивление в стране, прежде всего со стороны адептов господствовавшего ранее и продолжавшего сохранять очень сильные позиции в идеологии конфуцианства, а позже и даосов. Критика «варварского» учения велась довольно активно, выливаясь в полемику с его приверженцами. Наиболее остро эта борьба проявилась в середине V в., когда северовэйский император Тоба запретил буддизм и приказал закрыть все монастыри. Но эти гонения продолжались всего несколько лет. Так же как и аналогичные шаги, предпринятые в 557 г. в империи Северная Чжоу, они не могли остановить дальнейшего распространения буддизма в стране.

Перемены, происходившие в III—VI вв., охватывают также искусство и литературу. Здесь прослеживаются большая утонченность, аристократизация, мощное влияние буддийской идеологии и активное проникновение иноземных культурных достижений. В китайской архитектуре появляется такой новый тип сооружений, как пагода. Вырабатываются и закрепляются новые эстетические представления в живописи. Около 500 г. Се Хэ был написан трактат «Категории древней живописи». В IV в. возникает утонченная пейзажная лирика, совершенствуется портрет, разнообразятся его типы. Прославились своим мастерством такие художники, как Гу Кайчжи, Лу Таньвэнь, Цзун Бин и др. Буддийское влияние четко прослеживается и в сюжетах, и в живописных приемах. Это ярко отразилось в знаменитых пещерных фресках Дуньхуана. Под сильным и непосредственным воздействием буддийской традиции происходит становление китайской скульптуры как самостоятельного вида искусства. В Китай проникает индийская (буддийская) музыка.

Изменение мировоззренческих ориентиров и жизненных ценностей ярко отразилось на литературном творчестве. Внимание к индивидуальным чертам и проявлениям, утонченность, пессимизм, душевная потерянность, отрешенность, одиночество — характерные мотивы того времени. Их можно проследить в сборнике «Новое изложение рассказов, в свете ходящих» и переживавшей взлет лирической поэзии. Наибольшей известностью пользовались стихи Цао Чжи (194—232), Жуань Цзи (210—263), Тао Юаньмина (365—427), Се Линъюаня (385—433).

Несмотря на всю сложность политической ситуации III—VI вв., не прекращались дипломатические связи и культурные контакты Китая с отдаленными странами. Продолжали, хотя и не так интенсивно, как ранее, использоваться обе ветви Великого Шелкового пути, ведшего из Китая в Среднюю Азию, Иран и далее вплоть до восточных провинций Римской империи. Сильный толчок развитию связей с отмеченными районами, а также с Северной Индией дало проникновение в Китай буддизма, сопровождавшееся встречным движением миссионеров и паломников.

Итак, в III—IV вв. в Китае происходят глубокие и в ряде аспектов радикальные перемены, затронувшие все важнейшие сферы жизни общества. Их истоки уходят корнями к кризису древней империи. Иноземные вторжения,

будучи сами обусловлены изменением положения в стране, лишь ускорили и усугубили отмеченные перемены, а не явились их первопричиной. Изживание старого порядка было результатом внутреннего процесса развития, а не случайным или же привнесенным извне. Значимость и всесторонность обрисованных перемен позволяет назвать время, когда они совершались, переходным периодом. Появившиеся тогда новые черты в организации и структуре социума сделали его весьма отличным от того, который существовал в эпоху древней империи. Они знаменуют переход от китайской древности к последующему, традиционно называемому средневековым этапу развития. Вопрос, насколько данный процесс сопровождался изменениями формационного плана, остается дискуссионным.

Ряд характерных для указанного времени процессов: разложение имперского порядка, усугубленное вторжением находившихся на более низкой ступени общественного развития иноземных племен и народов, милитаризация общества, распад его на локальные ячейки, натурализация хозяйства, появление новых категорий полузависимых работников, с одной стороны, и выделение аристократической верхушки — с другой, усиление иерархичности социальной структуры и личностных взаимоотношений — можно рассматривать как признаки феодализации. Радикальность произошедшего тогда сдвига подтверждается и эпохальными переменами в идеологии и мировоззрении китайцев. Вместе с тем в III—VI вв. в стране наблюдаются явления, не характерные для считающихся классическими феодальных нормативов.

Несмотря на резкое повышение роли и влияния военных кругов, их преобладание не было юридически закреплено соответствующими привилегиями. Военно-феодальное сословие не сложилось. Равным образом не получила реального доступа к власти верхушка «сильных домов». Ее ведущая на местном уровне роль так и осталась неформальной, что препятствовало превращению уклада «сильных домов» в господствующий и появлению соответствующей государственной надстройки. Не оформилась как самостоятельное сословие, отличное от чиновного, и выросшая на базе отмеченного уклада аристократия. Большинство крестьянства, как охваченного, так и не охваченного надельной системой, юридически не утратило личной свободы. Определенной расплывчатостью отмечалось и положение неполноправных слоев. Существовавшие внутри «сильных домов» эксплуататорские отношения затушевывались сильным налетом неизжитой патриархальности. Сохранялось применение рабского труда. При всем отмеченном укреплении сословных перегородок сословное деление оставалось нечетким: официальная практика продолжала исходить из деления всего населения на чиновников и народ, который, в свою очередь, подразделялся на ученых (*ши*), земледельцев (*нун*), ремесленников (*гун*) и торговцев (*шан*). Реальные сословные различия, таким образом, не совпадали с формально провозглашенными, что и не позволило сложиться завершенному сословному строю.

Резюмируя, можно сказать, что наряду со всеми переменами в Китае продолжали сохраняться многие институты имперского и даже доимперского порядка и традиционной идеологии. Тенденция к изменениям соседствовала с инерцией устойчивости. Таким образом, китайское общество III—VI вв. представляет неоднородную и весьма сложную картину. Однако эта пестрота и является показателем переходности периода. Существо же переходных процессов можно уяснить лишь на основе анализа сложившихся в последующий период общественных структур.

КОРЕЯ В ПЕРИОД ТРЕХ ГОСУДАРСТВ

В первые века нашей эры на Корейском полуострове и прилегающих к нему с севера территориях существовал ряд политических объединений, возникавших на племенной основе. На самом севере (в районе совр. Чанчуня) располагалось Пуё, занимая довольно значительную территорию, к югу от него — родственное Когурё, к востоку от Когурё, вдоль побережья Японского моря, — Восточное Окчо и Восточное Е. Севернее двух последних находилось Северное Окчо. К югу от р.Ханган существовали еще три племенных объединения, занимая всю остальную часть Корейского полуострова: Махан (западное побережье), Чинхан (восточное побережье, до государства Е на севере) и Пёнхан, или Пёнджин (к югу от Чинхана); в китайских источниках они называются государствами. Однако государственная организация в них в это время находилась еще в стадии своего возникновения.

Упомянутые объединения возглавлялись *ванами*, в недалеком прошлом — военными вождями. Однако власть вана не обязательно передавалась по наследству; более того, он мог быть смещен, например, если случались тяжелые стихийные хронические неурожаи и т.п., за которые он, как считалось, нес личную ответственность. Ван выполнял, вероятно, и функции верховного жреца. В структуре власти имелись еще заметные пережитки родового строя, в частности существовало народное собрание (в Пуё — *ёнго*, в Когурё — *тонмэн*), в ведении которого находились некоторые судебные дела. Однако оно функционировало обычно в дни больших праздников и в непосредственном управлении не играло существенной роли. Власть вана как верховного правителя была непререкаемой и полной. Ван выдвигался верхушкой аристократии того рода (общины, племенной группы), которому принадлежала в данный момент ведущая роль в политическом образовании. Степень централизации была в ряде случаев невелика (в частности, в Пуё).

Высший слой общества составляла аристократия (у пуёсцев и когурёсцев аристократы обозначались термином *га* с добавлением названий различных домашних животных). Аристократия представляла собой членов правящего рода либо вождей и старейшин других родов и общин, входящих в данное объединение. Аристократы выполняли и все функции управления отдельными районами (территориями расселения входящих в союз племенных групп); среди аристократии существовала иерархия по служебному принципу.

Простой народ назывался *хахо*. По отношению к аристократии его положение было подневольным. Хахо обеспечивали правящий класс продовольствием и предметами обихода; их имущественное положение было неодинаковым. Ниже хахо стояли рабы; в рабство обращали обычно семьи казненных преступников, а возможно, и военнопленных.

Положение Окчо и Е было специфичным в том плане, что эти племенные объединения, во-первых, не имели единого верховного правителя, а во-вторых, находились в зависимости от Когурё. Старейшины и вожди окчоских и еских общин носили китайские титулы *ху* и в ряде случаев самостоятельно сносились с Китаем. Общественно-политическое устройство Окчо и Е было более примитивным, чем Пуё и Когурё. Форма их эксплуатации когурёсцами была даннической.

Существовавшие в южной части полуострова Махан, Чинхан и Пёнхан включали в себя соответственно 54, 12 и 12 родо-племенных единиц, или

общин (от нескольких тысяч до более 10 тыс. дворов в каждой). По сообщениям китайских летописей, в древности все они составляли «государство Чин». Возможно, в свое время правитель этого «государства», носивший титул вана, и имел какую-то реальную власть, но к III в. его титул стал чисто номинальным (если вообще сохранялся). Махан, Чинхан и Пёнхан были, возможно, не столько политическими единицами, сколько общими названиями для более или менее родственных по происхождению общин. В Махане китайские авторы отмечают отсутствие укрепленных городов, тогда как в Чинхане и Пёнхане таковые имелись. Те из общин «трех хан», которые имели более тесные связи с Китаем, быстрее шли по пути создания государственности; во всяком случае, прослойка лиц, причастных к управлению и стремящаяся приобщиться к китайской культуре, была уже заметной. Эти люди носили соответствующие одеяния и пользовались в быту различными предметами, произведенными в китайских округах, в том числе и печатями.

В области семейно-брачных отношений пережитки первобытных форм были, видимо, наиболее сильны. Даже у когурёсцев существовали какие-то пережитки группового брака. Существовал и обычай левирата.

На рубеже и в первые века нашей эры в наиболее развитых из существовавших на Корейском полуострове политических образований шло формирование государственности. По традиционной версии, основание государства Силла относится к 57 г. до н.э., Когурё — к 37 г. до н.э. и Пэкче — к 18 г. до н.э. Даты эти связаны с реальными политическими событиями в жизни древних корейских общин, но о существовании в то время государственности говорить еще нельзя — происходил процесс становления этих государств, причем в Силла он завершился несколько позднее, чем в Когурё и Пэкче.

Общей чертой в образовании трех корейских государств было то, что все они сложились на общинной основе, т.е. путем объединения родственных общин-*бу*, одна из которых имела или постепенно приобретала господствующее положение. Такая община присваивала себе право выдвигать из своей среды ванов. Когурё, в частности, образовалось на основе пяти бу, из которых главенство сначала принадлежало Ённобу, в затем перешло к Керубу (традиционная дата основания Когурё связана, видимо, именно с этим событием). Силла первоначально тоже состояло из шести бу, одно из которых постепенно заняло главенствующее положение. Пэкче сначала представляло собой одну из небольших общин Махана, со временем усилившуюся и подчинившую себе ближайших соседей.

Становление ранних корейских государств происходило в постоянной борьбе с соседними политическими образованиями, а также с властями китайских округов, образовавшихся на территории древнего Чосона после разгрома его китайцами в 108 г. до н.э. Уже в I в. Когурё подчинило себе Пирю, Хэнин, Янмэк, Кальса, Кэма, Куда, Северное и Восточное Окчо (56 г.), а в начале II в. — племена е (емэк). Еще в 12 г. Когурё полностью вышло из подчинения Китаю, и I—II века отмечены его активной борьбой против китайских округов. В 28 г. в страну вторглось огромное китайское войско, в 49 и 55 гг. Когурё, в свою очередь, совершило крупные походы на китайские владения к западу от р.Ляохэ.

Государство Силла в это время было занято в основном борьбой с соседними политическими образованиями, и в первую очередь с Кая, борьба с которым шла с переменным успехом. В отношении других мелких государственных образований во II в. Силла вело довольно интенсивную агрессию.

Оно посылало свои войска на Ымджипполь, были завоеваны Пиджи, Таболь и Чхонхаль, были подавлены восстания Сильджика и Аптока, жертвой Силла стал Сомун. В 209 г. уже по просьбе вана Кая (с которым к тому времени установились дружественные отношения) силлаские войска совершили поход против Пхосанпхаля, а в 231 г. был разгромлен и присоединен Каммун. Силла приходилось отражать и нападения японских пиратов, ибо обмен посольствами и установление дружественных отношений с Японией вовсе не гарантировали от набегов полунезависимых прибрежных японских правителей.

Со второй половины I в. начинаются столкновения между Силла и Пэкче, причем нападающей стороной неизменно выступает последнее.

В III в. в ситуацию на Корейском полуострове был внесен новый фактор. В Китае пала династия Хань, и на севере образовалось государство Вэй. Сначала отношения его с Когурё не были враждебными, судя по тому, что когурёские войска оказывали помощь в усмирении мятежа ляодунского наместника. Но после нападения Когурё на Сианьпин последовали китайские вторжения; особенно тяжелый урон был нанесен Когурё в 254 г., когда вэйские войска прошли через всю страну. В конце III в. на севере Китая образовалось сяньбийское государство Муюнов, и Когурё пришлось вести борьбу с ним. В 342 г. в результате ряда опустошительных нашествий Муюнов побежденный ван Когурё был вынужден признать себя их вассалом. Лишь через 40 лет, в 385 г., Когурё смогло нанести поражение Муюнам, временно захватив даже округа Ляодун и Сюаньту.

Силла в III в. продолжало бороться с японцами, которые девять раз на протяжении этого столетия нападали на Силла, и с Пэкче — за тот же период было зафиксировано двенадцать пэкческих нападений. В 214 г. в ответ на очередное нападение силласцы разрушили пэкческую крепость Сахён. В 245 г. произошло первое столкновение Силла с Когурё, а в 395 г. на северные границы Силла напали мохэ, но были разбиты.

Пэкче в III в. систематически осуществляло захват маханских общин. Эти общины, очевидно, находились в постоянном противостоянии с Вэй, судя по тому, что в ответ на нападение одного из их вождей на крепость Цзилин (в округе Дайфан) китайцы предприняли в 246 г. крупный поход против Махана, захватив несколько десятков общин. Присоединение маханских общин к Пэкче завершилось около 369 г. Около 371 г. Пэкче подчинило всю территорию бывшего китайского округа Дайфан. Примерно в это же время Пэкче установило отношения с китайской династией Цзинь. (Силла установило отношения с Китаем также во второй половине IV в.; первое посольство в Восточное Цзинь было отправлено в 381 г.)

Во второй половине IV в. в своем продвижении на север Пэкче столкнулось с Когурё. В первом столкновении в 369 г. Когурё потерпело поражение. Спустя два года в ответ на поход когурёсцев пэкчесцы осадили столицу Когурё, в 377 г. столица Когурё подверглась новой осаде. Но затем инициатива перешла к Когурё, которое после вступления на престол вана Квангэтхо осуществило успешные походы в 392 и 395 гг. против Пэкче.

Между Когурё и Силла союзные отношения были установлены, когда в Силла прибыл первый когурёский посол (392 г.), а в Когурё отправился силлаский заложник. В 399 г., когда японцы и Кая напали на Силла, последнее запросило у Когурё помощи, и в последующем году когурёские войска изгнали японцев и принудили Кая к капитуляции. В 404 и 407 гг. японцы пытались помочь Пэкче против Когурё, но были разбиты когурёским ваном Квангэтхо.

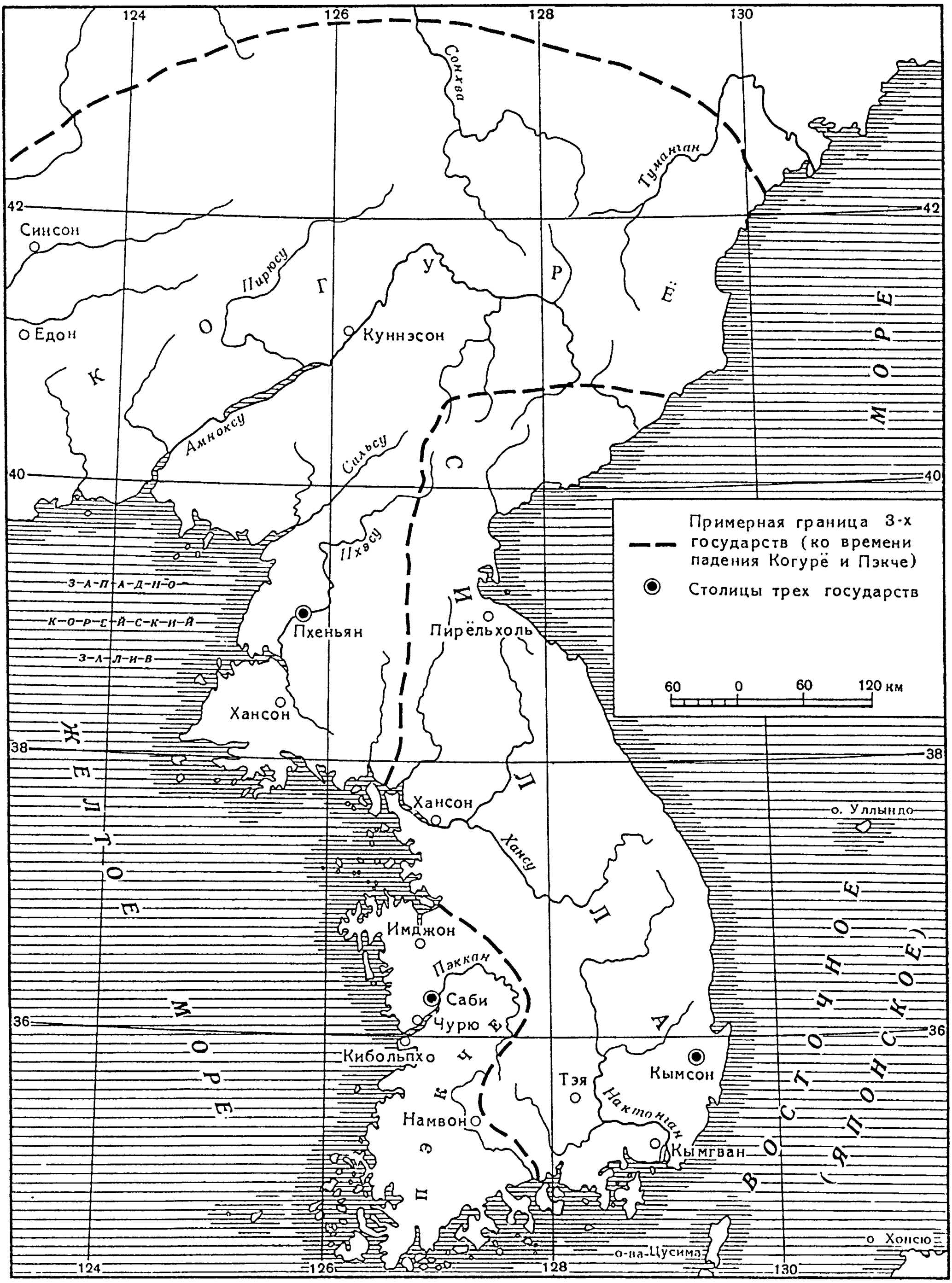


Рис. 6. Корея в VII в.

В IV в. в основном завершились войны Когурё, Пэкче и Силла с окружавшими их более мелкими политическими образованиями; началась борьба между тремя государствами за гегемонию на полуострове. В конце IV — начале V в. сложились как бы две группировки: Когурё и Силла против Пэкче, японцев и Кая. Однако вскоре, к середине V в., Пэкче и Силла объединились против угрозы с севера со стороны Когурё, усилившего свою экспансию на юг. Во второй половине V в. пэкческие и силлаские войска часто совместно сражались с когурёсцами, неоднократно вторгавшимися во владения своих противников. В 475 г. когурёсцами была взята столица Пэкче — Хансон.

В середине VI в. Силла, окрепнув, впервые перешло к завоевательным действиям, причем против обоих государств — и Пэкче и Когурё, воспользовавшись их ослаблением в результате предшествующих войн. В 551 г. силласцы захватили десять когурёских округов; в том же году Когурё подверглось нападению Пэкче. Начав завоевательную политику, Силла пыталось заручиться поддержкой китайских династий, отправляя к их дворам послов «для подношения местных предметов».

Вторая половина VI в. характеризуется борьбой Силла, опирающегося на Китай, против Когурё и Пэкче, которые все чаще выступают против Силла как союзники, особенно с середины VII в. Пэкче при этом пытается опереться на Японию против Силла, а Когурё в одиночестве противостоит суйскому и танскому Китаю.

На протяжении первой половины VII в. борьба Силла с Когурё и Пэкче шла с переменным успехом. Во многих случаях действия силласких войск были согласованы с китайцами и представляли, по существу, совместные военные мероприятия. В результате совместной войны Китая и Силла в 660 г. после тяжелых и ожесточенных сражений государство Пэкче перестало существовать. Однако потребовалось еще четыре года, чтобы подавить постоянно вспыхивавшие восстания с целью восстановления этого государства.

На севере Корейского полуострова весь конец VI и начало VII в. прошли в борьбе Когурё с экспансией суйского Китая, который неоднократно пытался сокрушить Когурё, посылая против него армии в несколько сот тысяч человек. Пришедшая к власти в 618 г. в Китае танская династия также осуществляла экспансию на восток, но и ее первые три похода (644—645, 647 и 648 гг.), хотя и повлекли за собой большие жертвы с обеих сторон, окончились так же безуспешно, как и суйские. Однако в 668 г. танские и союзные с ними силлаские войска, развернув военные действия против Когурё, захватили после упорного сопротивления его столицу Пхеньян.

Тем временем интенсивно развивались силласко-китайские отношения. В период особенно частых контактов (640—670) посольства посылались практически ежегодно, причем иногда по 2—3 раза в год.

Бывшая территория Пэкче перешла под власть китайского ставленника Пуё Юна (сына бывшего пэкческого вана), с которым китайцы принудили Силла заключить мирный договор в 665 г., с тем чтобы положить конец притязаниям Силла на эти земли. Что же касается территории Когурё, то она была превращена в китайское наместничество. Так завершился период Трех государств на Корейском полуострове.

В процессе формирования государственности корейское общество первых веков нашей эры разделилось на простых общинников и аристократию. Последняя формировалась двумя путями: либо это был весь состав главенствующей общины в качестве родственников правителя, либо наряду с ко-

стяком, образовавшимся из родичей первых правителей, аристократия включала в более или менее равной пропорции верхушку и других общин, составлявших первоначальное политическое образование, и даже глав общин, присоединенных впоследствии.

Пока число административных должностей было небольшим, все они замещались представителями родовой аристократии и понятия «аристократия» и «чиновничество» совпадали. Однако по мере усложнения административного аппарата возникло чиновничество как самостоятельный социальный слой, частично инкорпорировавший в себя родовую аристократию.

В каждом из трех государств существовала система рангов, или разрядов. В Когурё их было от 12 до 17, в Пэкче — 16, в Силла — 17 (плюс особый и исключительный). Каждому рангу соответствовало особое название, т.е. чин, который мог быть разным в зависимости от места службы чиновника (столица или провинция). В общей сложности (вместе с вариантами) в Когурё известно 68 чинов, в Пэкче — 27, в Силла — 60. Чиновники занимали определенные по штату должности и подразделялись на столичных, провинциальных и военных.

Лучше всего известна социальная структура Силла, столица которого Кымсон (совр. Кёнджу) превратилась в крупный город. Благодаря службе почтовых станций на дорогах и пристаней на водных путях осуществлялась регулярная связь с различными частями страны. Силлаская аристократия состояла из родственников правителей (на престоле Силла сменяли друг друга представители трех родов: Пак, Сок и Ким) и охватывалась понятием *чинголь* («истинная кость»). Ниже ее стояли три разряда *тупхум* (шести-, пяти и четырехглавая степень). Однако эти разряды включали практически всех, кто стоял выше рядового крестьянства (к ним, в частности, приравнивались вожди присоединенных общин). Принадлежность к сословным группам тупхум была наследственной. Были тщательно регламентированы одежда, жилище, повозки, утварь и т.п. для всех социальных слоев. Привилегированное положение чинголь было официально закреплено: только ее представители могли иметь 5 высших рангов. Таким образом, принципиальная грань имелась, во-первых, между аристократией и сословными группами тупхум, во-вторых, между всеми ними и простонародьем. Аристократия и чиновничество (которое в основном состояло из представителей групп тупхум, но широко пополнялось и из простонародья путем дарования чинов за различные заслуги) составляли в совокупности господствующий класс страны.

Класс непосредственных производителей был представлен в основном крестьянами-общинниками, т.е. податным населением деревень, входивших в определенные округа и уезды. Они были лично-свободными, и их социальный статус был, в общем, достаточно высок. Именовались свободные крестьяне термином *янъин* («добрые люди»), что подчеркивало их социальный статус в отличие от *чхонинов* («подлых»). Все янъины трудоспособного возраста были военнообязанными и составляли рядовой и младший командный состав армии. Будучи держателями наделов, крестьяне-янъины платили государству поземельный и подушный налог и несли повинности (кроме военной также и трудовые: строительство крепостей, дорог, дворцов и т.д.).

Другую часть непосредственных производителей составляли неполноправные члены общества, известные под общим названием *чхонинов*. Их высшим слоем можно считать население деревенских общин типа *пугок*, *хян* или *со*, приниженное в сословном отношении. Как и остальные, они

несли триаду повинностей, занимаясь земледелием (пугок и хян) или ремеслом (со). Низший слой чхонинов составляли *ноби* (рабы), выполнявшие в целом роль домашних слуг, но использовавшиеся также в сельском хозяйстве и ремесле. Существовали как частные, так и государственные ноби. В VI в. н.э. в государстве Силла отмечаются факты, когда пленников не превращали в рабов, а отпускали «на волю» в качестве обычных земледельцев; еще в начале этого столетия был отменен обычай умерщвления рабов при похоронах вана. Это свидетельствует о серьезном изменении правового положения ноби.

Та база, на которой происходило в начале нашей эры формирование трех ранних корейских государств, определила и характер общественных отношений в этих государствах. На основе общинной собственности возникла собственность государственная, которая и заняла господствующее положение. Эта собственность определяла экономические отношения между господствующим классом и непосредственными производителями: господствующий класс, организованный в государственный аппарат, эксплуатировал сидящее на государственной земле и зависимое от государства крестьянство. В результате утверждения государственной собственности на землю возникли две формы докапиталистической ренты: продуктовая (поземельный и подворный налог зерном, тканями и другими предметами), перераспределяемая государством среди господствующего класса (этими продуктами выдавалось жалованье чиновникам), и отработочная (всеобщая воинская повинность, которая позволяла мобилизовать военнообязанных на государственные работы). Допускалось в порядке исключения и частное землевладение для отдельных представителей аристократии, однако крупные земельные пожалования практиковались крайне редко.

Государственная власть в лице вана отражала интересы всего господствующего класса — как аристократии, так и более низких привилегированных групп, т.е. всех лиц, составлявших госаппарат, — и стремилась сохранить господство государственной земельной собственности, и ей это вполне удавалось.

В Корее первых веков нашей эры древнейший религиозный пласт был переплетением таких древних верований, как тотемизм, анимизм, фетишизм, шаманизм, культ природы, демонизм, культ предков. Большое значение имел культ Неба, поклонение звездам и Луне, духам гор и пещер. Особо следует отметить культ предков — основателей государства, имевший официальный характер и государственное значение. В первые века нашей эры в Корею вместе с китайской письменностью проникает конфуцианство. Уже в 372 г. в Когурё была основана государственная школа Тхэхак, где изучались конфуцианские произведения. Даосизм проник на Корейский полуостров сравнительно поздно, к началу VII в. число его сторонников было еще очень незначительно.

Буддизм появился в Корее во второй половине IV в. В 372 г. он проник в Когурё, в 384 г. — в Пэкче, в начале V в. — в Силла. Проникая из Китая, он распространялся до начала VI в. довольно медленно, но затем началось непрерывное и быстрое его усиление, причиной которого послужило принятие буддизма в Силла в 527 г. ваном Попхыном в качестве официальной религии. В Когурё в середине VII в. буддизм был вытеснен даосизмом, который с 40-х годов VII в. усиленно распространялся в стране усилиями вана Поджана и фактического правителя страны Ён Кэсомуна. В Силла не отмечено открытых конфликтов между конфуцианством, буддизмом

и даосизмом, которые постепенно вошли в качестве составных частей в государственную идеологию этого государства.

ЯПОНИЯ В III—VI вв.

Представители айноидной, или индокитайской, ветви южной расы населяли Японские острова еще с эпохи палеолита и мезолита. Но уже с XVIII тысячелетия до н.э. можно говорить о проникновении восточноазиатской расы. Этнорасовая основа праяпонцев в общих чертах сложилась в неолите. В конце неолита мигранты с материка, принадлежавшие к восточной ветви монголоидов, стали заселять архипелаг: более густо — Южную и Юго-Западную Японию и менее густо — ее центральную часть, что привело к созданию в период бронзы (или культуры яёи, IV в. до н.э. — IV в. н.э.) двух этнических центров при сохранении изолятов (хаято и кумасо на юге, айны на севере).

Дальнейшая этническая история страны связана с носителями курганной культуры раннего железного века и с режимом Ямато (IV—VII вв.). Примерно в V в., возможно, на островах появились кочующие скифо-сарматы (ху китайских летописей). Прямых подтверждений этой гипотезе письменные источники не содержат. Зато они фиксируют неоднократные переселения в IV—VII вв. китайцев и корейцев, выделяя династийную или государственную принадлежность иммигрантов. По «Синсэн сёдзи року» («Новому реестру кланов и фамилий»), в 815 г. из 1182 кланов столицы и пристоличных провинций 327 (29%) считались иноземного происхождения: из Китая — 14%, из Пэкче — 9, из Когурё — 4,5, из Силла — 0,75, из Кая — 0,75%. В конце периода население достигло 5—6 млн. человек.

Процесс формирования первичной японской народности достиг поворотного пункта в VII в. и выразился в создании относительно однородного массива населения архипелага, за исключением северо-востока о-ва Хонсю. Китайско-корейская иммиграция связала японскую народность узами крови с населением материкового Дальнего Востока и Корейского полуострова уже на стадии формирования государственности.

В последние века до нашей эры и первые века нашей эры произошли знаменательные перемены в земледелии (распространение рисосеяния), ремесле (внедрение бронзы), самом обществе (появление союзов племен). Поливное рисосеяние возникло на Северном Кюсю и за два века распространилось до равнины Канто (III—II вв. до н.э.). Под рис обрабатывались затопляемые земли, искусственно орошаемые с помощью каналов и прудов поля, в конце периода яёи — террасы; сухие участки шли под просо, коноплю, тутовник. Земледельческие орудия изготавливали из дерева, камня, в конце периода — из железа. Жители научились добывать медную руду, выплавлять бронзу, но охотнее переплавляли старые импортированные вещи или просто использовали готовое вооружение и предметы ритуала (II—I вв. до н.э.). Люди жили в крупных земледельческих поселениях (до сотни землянок); они не порывали полностью с известными прежде формами хозяйства, развивали ткачество и обработку металлов. Из рядовых селян выделилась знать, выполнявшая организаторские функции. По китайским источникам, в I в. до н.э. на о-ве Кюсю насчитывалась сотня «владений», в конце II — середине III в. их число сократилось, появилось главное владение федерации — «владение

царицы» (Яматай или Ематай), поддерживавшее довольно регулярные связи с китайскими властями на Корейском полуострове.

В V—VII вв. японцы повсеместно освоили поливное рисосеяние, оросительную систему, железные земледельческие орудия, разведение крупного рогатого скота, коней. На раннем этапе земля принадлежала общине, или клану (*удзи*), в целом, а пахота оставалась в распоряжении сельских дворов. Лес, луга, неудобные земли находились в общественном пользовании очень долго. Постепенно лучшие пахотные земли стали подпадать под контроль сильных кланов (включая царский) и отдельных глав кланов. Эту пахоту, в сущности частную, обрабатывали общины, или корпорации (*бэ*), несвободных. Первые корпорации комплектовались из местных земледельцев, рыболовов, охотников, утративших связи со своими кланами, последующие — из заморских переселенцев — ремесленников, грамотных людей и т.п. Исходные ресурсы: земля и особенно люди — стали объектами конкурентной борьбы между кланами, рядовыми и царскими. Перехватить инициативу частного присвоения, заменить ее государственной и предстояло реформам Тайка, о которых речь пойдет в следующей главе.

Патриархально-родовая структура общества раннего железного века предполагала существование больших и малых кланов. Кланы возводили свое происхождение к одному предку, признавали общего духа-покровителя; его члены были связаны узами кровного родства. Иерархия кланов — более или менее влиятельных — основывалась на их должностных функциях и выражалась в клановых званиях (*кабанэ*). Первым по значению в этой иерархии стоял царский клан (*тэнно*). Типичный клан состоял из его главы, жрецов, группы лиц с низшими организаторскими функциями и рядовых свободных. Последние носили имя клана, пользовались общеклановыми (общинными) землями, распоряжались имуществом своего двора-семьи (пашней, орудиями труда, скотом, урожаем). Кланам принадлежали группы полусвободных (*бэминов*) и рабы (*яцуко*), членами клана не считавшиеся. Среди закабаленных корпораций различались собственно клановые (*каки-бэ*) и царские (*томо-бэ*). В эти группы попадали члены покоренных, а также распавшихся исконных японских кланов, изгнанные или отпавшие от этих кланов, переселенцы с материка, военнопленные, представители неяпонских народностей архипелага. Для них такая корпорация в условиях родо-племенного строя была единственной формой социальной организации-защиты, каковой не было, например, у рабов. Внутри таких корпораций могли завязаться новые кровные связи. Члены зависимой группы имели участки земли для пропитания, семьи, но обязаны были работать на кланы или на глав кланов. Рабы составляли очень тонкую прослойку в обществе. Это были иноземцы-военнопленные, люди из низших слоев переселенцев; использовались рабы в домашнем хозяйстве. К концу периода расслоение между кланами дополнилось внутриклановым. Наиболее мощные кланы во главе с царским подмяли под себя более слабые. Внутри кланов выделились семьи глав кланов — уже в них концентрировались могущество и богатство кланов.

Организация управления в таком обществе строилась вначале на полупатриархальной основе. Каждый клан существовал довольно независимо на своей территории («земле»). Выделение клана правителя (царского) стало поворотом к политической власти (около III в.). Клан правителя-царя правил при помощи «советников» — лидеров сильных, разветвленных кланов. В ходе процесса сложения государственности появились «владыки округов» (*агата-нуси*) и «управляющие областями» (*куни-но мияцуко*) — обычно те

же вожди местных кланов, но уже уполномоченные царем на управление несколькими «землями» или несколькими округами. Воцарение очередного претендента на пост правителя зависело от воли наиболее могущественного клана в царском окружении: такой клан поставлял царской фамилии жен и наложниц, назначал наследника. С 536 по 645 г. такую роль играл клан Сога. Правитель являлся прежде всего сакральным вождем, возводившим свою родословную к главной богине синто Аматэрасу, символом единства режима Ямато (старинное наименование Японии). Резиденции царей Ямато располагались с середины VI в. в Асука (пров. Ямато), поэтому вторая половина VI и VII век получили название «периода Асука».

Цари Ямато использовали власть для частичного объединения страны, идеологической подготовки единовластия («Законоположения из 17-ти статей», 604 г.), для походов против айнов на севере (589 г.) и на Корейском полуострове (601 г.), для введения новой религии — буддизма (552 г.). Сношения со странами на Корейском полуострове в это время своей интенсивностью и многосторонностью значительно превосходили японо-китайские. Участие Ямато в делах полуострова оказалось разнообразным, как и эффект от такого участия. Присутствие Китая на Корейском полуострове до начала IV в., формирование местных государств и интерес их к Ямато поразному оценивались на островах. Соперничавшие между собой корейские государства обращались к Ямато за помощью, заключали с Ямато договоры и воевали в союзе в ним против соседей. Сама Япония воевала неоднократно с этими государствами. В 366—562 гг. она активно боролась за влияние во владении Кая (яп. Мимана) на крайнем юге Корейского полуострова.

Начало сношений Ямато с Китаем относится к 265—275 гг., после чего нет сведений о посольствах до 413 г. Сношения снова продолжались с разными династиями Китая и оставались более или менее регулярными до 502 г., затем снова прекратились на столетие, с тем чтобы возобновиться в 600 г. с новой династией Суй, и с той поры продолжались регулярно, с 630 г. — с династией Тан. Японская летопись «Нихонги», 720 г., не скрывает цели посольств: первоначально — получение почетных званий, подарков, позднее — ознакомление с ситуацией на континенте и заимствование любых подходящих новшеств. Бесспорно, объединение Китая династией Тан в 618 г. и создание стройной теории и практики управления государством послужили образцом для реформ Тайка в Японии.

Исконные верования японцев сложились еще на родо-племенной стадии. В их основе находилось обожествление и почитание духов (*ками*), сочетавшееся с культом предков и мифологическими представлениями (*синто*). Духи считались невидимой ипостасью всего реально существующего, что заметно повысило сакрализацию общественной и духовной жизни. Ранние верования не имели ни письменного канона, ни твердой иерархии духов, ни настоящих храмов и жрецов. Моления (*норито*), обряд очищения (*хараи*), празднества (*мацури*) почти исчерпывали набор форм поклонения. Буддизм нанес мощный удар по представлениям, замкнутым в пределах каждого клана, унифицировал религиозные, моральные, эстетические идеи, проникнув во все разделы общественной, культурной и художественной жизни, духовно связал японцев с их единоверцами на материке и на Корейском полуострове (с середины VI в.).

Китайская письменность появилась на островах, по-видимому, в V в., а в VI в. распространилась — не без помощи буддийских сочинений. Письменность давала ключ к овладению духовными богатствами, накопленными на

материке, позволяла фиксировать собственные научные и культурные достижения, исторические события (последние — с первой четверти VII в.). При всем этом фундаментальные науки (математика, астрономия) развивались на островах медленнее, прикладные (медицина, горное дело, строительство) — быстрее. Сложилась нерасчлененная естественно-фармакологическая наука, или лекарствоведение (*хондзо*).

Инженерно-строительное дело имело уже давние традиции в Японии. Строились водохранилища, каналы, плотины, гавани (в Нанива в начале IV в.), дороги (от Асука до Нанива в 613 г.), суда, царские резиденции (для Юряку — Асукура-но мия, середина V в.), дворцы-храмы (Исэ дзингу, III в.), курганы (царю Нинтоку, начало IV в., длина насыпи — 475 м, высота — 30 м). Впервые сложился прообраз настоящего города — комплекс царских резиденций в Асука. Появился комплекс буддийских построек (храм, пагода) и скульптурных изображений.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ БУДДИЗМА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Восприятие буддизма как религиозно-философской системы было следствием внутренних потребностей ранних обществ Аустразии (древней Юго-Восточной Азии) в более детализированной, чем существовавшая у них ранее, системе миропонимания. В этих обществах уже существовали достаточно развитые религиозные системы, основанные на культе предков, поэтому восприятие буддизма стало не заполнением вакуума, не заменой одной системы другой, а дополнением. Буддизм тхеравады со временем победил в ряде стран, но при этом претерпел серьезные изменения в сфере социальной практики.

В результате складывания в начале нашей эры великого межконтинентального морского пути, связывавшего Европу и Ближний Восток с Дальним Востоком, устанавливаются тесные связи между Индией и Юго-Восточной Азией. К этому времени здесь возникло значительное число государств (Бапном, Линьи, или Чампа, Лангкасука, Каттаха и др.), которые испытали значительное культурное влияние Индии. Все эти государства восприняли в той или иной форме индийские религиозные системы, и в каждом случае — буддизм. Последнее относится и к вьетским государствам, империи Хань, а позднее — государству У и др.

Внешние религиозные, эстетические, языковые и иные феномены культуры других народов никогда не воспринимались в Юго-Восточной Азии целиком. Общественный строй здесь отверг систему индийских варн и многие другие институты и понятия. Одновременно с отбором нужного шло смешение различных элементов индо-дравидской традиции с местной. Воспринятые религиозные системы подверглись существенным изменениям и отбору, были приспособлены для новых форм традиционнного здесь культа предков, и прежде всего — культа обожествленного предка монарха. Мон-кхмеры выработали наиболее законченную форму этих синкретических верований — культ бога-царя (*девараджа* или *буддараджа*).

Кроме контактов, опосредованных соседними государствами Индокитайского полуострова и Архипелага, существовали прямые морские связи, даже между вьетскими землями и Индией. Таким образом, буддизм проникал сюда как прямо из Индии, так и в результате контактов с южными сосе-

дями. В Зяо нет буддийских памятников этого периода, но зато есть свидетельства источников об этих контактах и о распространении буддизма.

В связи с распространением буддизма в первые века нашей эры в Юго-Восточной Азии следует отметить еще одно важное обстоятельство. Первые государства в южной части Индокитая и в Индонезии фиксируются только с первых веков нашей эры. Вьетские же районы (от дельты Хонгха в Северном Вьетнаме до устья Янцзы) к началу нашей эры обладали как минимум 400-летним опытом государственного развития.

В первые века нашей эры в Юго-Восточной Азии были восприняты и ранний, элитарный буддизм, и, видимо, несколько позже — формирующийся на основе брахманизма индуизм. Последний тем самым стал на полтора тысячелетия тоже «мировой религией». Но очень важно то, что в это время сам буддизм еще не завершил своего формирования как массовое учение, а индуизм также еще не принял окончательных форм. Это, безусловно, облегчало их адаптацию в новой среде; для буддизма это была уже вторая адаптация, после его распространения в дравидской среде Южного Индостана. Это очень важно, поскольку с более северными, арийскими областями, где побеждал индуизм, контакты народов Юго-Восточной Азии были гораздо слабее. В значительной части ЮВА обе религии сосуществовали, впоследствии победил буддизм, но везде и всегда, как уже говорилось, основой религиозной практики большинства населения оставался культ предков.

Восприятие буддизма шло без сколько-нибудь заметного физического присутствия иноземцев. В I—V вв. воспринимался еще в значительной степени «монашеский» буддизм, т.е. элитарный. И воспринимался он прежде всего верхушкой господствующего класса и интеллектуальной элитой. Преобладала махаяна, раньше ставшая на путь приспособления к более профанному уровню восприятия, более удобная для относительно широкой, хотя пока еще и не массовой, пропаганды. С V—VI вв. среди вьетов распространяется тхиен (дхьяна), на островах и на западе Индокитайского полуострова — тантрические верования и т.д.

Можно подытожить эти процессы следующим образом: первый период — восприятие буддизма на элитарном уровне в I—V вв., второй период — восприятие его широкими слоями управленцев и, в небольшой степени, крестьянством — VI—XII вв.

В связи с этим целесообразно рассмотреть некоторые параллельные проблемы, в частности проблему миграции носителей интересующей нас идеологии.

Индийцы мигрировали со своего полуострова в течение всей истории и направлялись не только в Юго-Восточную Азию, но и на запад — на Ближний и Средний Восток и в Африку. Но лишь в Юго-Восточной Азии влияние индийской культуры столь заметно, что говорит о решающем значении внутренних факторов. Миграция не была значительной количественно, представления о многочисленных «индийских колониях» на островах и побережье скорее всего не отражают реальности, во всяком случае пока не найдено каких-либо свидетельств этого. Видимо, речь может идти лишь о проникновении отдельных лиц поодиночке в чужеродную среду, которая их почему-то принимала. Только живая заинтересованность яванцев, менее — вьетов, кхмеров, монов и иных народов в восприятии буддийской религии могла гарантировать жизнь носителю этой идеологии. Буддизм здесь прошел обычный путь от религиозной философии для немногих образованных людей к несколько упрощенному, уже доступному верхушеч-

ным слоям общества учению, а затем — к доступной широким массам еще более упрощенной массовой религиозной философии. Таким образом, дата восприятия буддизма определялась и временем возникновения «спроса» (в Юго-Восточной Азии), и временем превращения буддизма в легкоусвояемое учение (на территории Южного Индостана).

Обратимся к наиболее известным фактам, свидетельствующим о путях и формах восприятия буддизма в Юго-Восточной Азии.

Археологические и письменные данные свидетельствуют о восприятии буддизма здесь со II в. по крайней мере на юго-западе и на юго-востоке Индокитайского полуострова; последнее предполагает знакомство с ним и на Малаккском полуострове. С этого времени число сведений о буддийских храмах, статуях, проповедниках, текстах растет. Наиболее известные ранние поселения со следами присутствия буддизма — Пейтано и Пьи (Пром) в Южной Бирме, Понгтук на берегах Сиамского залива (все — у монов), Окео в дельте Меконга (у кхмеров), Донгзыонг на восточном побережье Индокитайского полуострова (у чамов), Луйлоу в дельте Красной реки (у лаквьетов). Это — раскопанные поселения городского типа. Кроме того, статуи Будды первых веков нашей эры, также стоявшие в достаточно крупных храмах и, видимо, связанных с крупными поселениями, есть на Яве, Суматре и Сулавеси.

Буддисты этого времени были ориентированы на дравидский мир юга Индостана, о чем свидетельствует широкое распространение изображений Будды в южном стиле Амаравати (III—IV вв.). Они найдены практически везде в Юго-Восточной Азии, причем и в центрах прибрежных рисовых долин, и порой в глубине континента, у всех древних народов региона. Там, где проводились раскопки, есть остатки кирпичных ступ и монастырей. Ряд городов, где есть материальные следы восприятия буддизма середины I тысячелетия н.э., упоминаются в источниках со II в. н.э. Примечательно, что в большинстве случаев археологические и письменные свидетельства о распространении индуизма — более поздние. О покровительстве буддизму со стороны правителей свидетельствует и древнейшая в Юго-Восточной Азии надпись из Вокань в Чампе III в. н.э. У вьетов уже для конца II в. н.э. засвидетельствованы традицией многочисленные монастыри, где велся перевод буддийских текстов. При этом везде, где можно установить источник восприятия буддизма, — это дравидский юг Индостана; правда, тексты — санскритоязычные, но санскрит был распространен на юге Индостана в эти века.

Покровительство буддизму в это и более позднее время со стороны правителей не было связано с их этнической чужеродностью; реальных данных об «индийских» династиях в это время нет, а более поздние династические «привязки» носят откровенно мифологический характер. Влияние на социальную структуру также было верхушечным. Например, нет реальных признаков варнового деления в Юго-Восточной Азии. Под варновыми терминами, которые порой употреблялись, выступали самые различные организации без четких границ, ритуалов, брачных ограничений и т.п. Именно буддизм, который не делал социальных различий между верующими, был воспринят в Юго-Восточной Азии прежде, чем индуизм. О том, что путь индийскому влиянию открыл буддизм, а не индуизм, писал уже Ж.Седес. Чтобы завершить сравнение степени распространенности двух религий, отметим, что индуизм стал преобладающим лишь у кхмеров, чамов и яванцев с балийцами. Но и здесь или зафиксировано раннее преобладание буддизма, или соотношение культов на раннем этапе неясно; что же касается

дальнейшего, то буддизм везде сохранял заметные позиции, а потом и победил — и у кхмеров, и у яванцев.

С VI в. н.э. мы видим гораздо более широкое и глубокое влияние буддизма на жизнь народов. Он стал господствующей религией в западной и центральной частях Индокитайского полуострова (у монов), у вьетов, у малайцев. У последних уже в VII в. отмечено существование буддийских «университетов», обучение в которых позволяло не ездить в Индию; здесь учились известные буддийские мыслители из отдаленных стран. Буддийские тексты на пали найдены археологами у монов, Будда и герои буддийской литературы регулярно упоминаются в эпиграфике всех народов Юго-Восточной Азии, остатки буддийских храмов встречены повсеместно, в том числе у чамов, у которых позднее возобладал шиваизм, а тогда в основных святынях стояли статуи Будды. Даже «священная земля» чамов получила буддийское название Амаравати. С IV в. мы видим многочисленные изображения Будды уже в стиле Гуптов, что говорит о продолжающихся регулярных культовых контактах с Индостаном; впоследствии развитие культовой скульптуры и искусства пойдет здесь своим путем. Многочисленны буддийские надписи этого времени с Малаккского полуострова (в частности, знаменитая стихотворная надпись судовладельца Буддхагупты), есть изображения ступ и развалины ступ. По-прежнему известны индийские проповедники, порой даже из Кашмира. Источники описывают местные школы буддизма со своими обрядами, но известно о них мало. Однако некоторые, пока малочисленные, области в это время уже практикуют по преимуществу шиваизм (Западная Ява, Еподи и др.).

В рамках следующего этапа, условно с IX в., начинает чувствоваться влияние, с одной стороны, тантризма, с другой — местных культов. Растет число местных школ, дальнейшее распространение буддизма вширь из прежних элитарных центров сопровождается естественным усилением мистицизма, обряда в ущерб «чистоте» учения. В X—XI вв. такие явления мы видим и у монов, и у бирманцев, и на Архипелаге, и у вьетов в Дайвьете, т.е. почти у всех народов, практиковавших в то время буддизм как господствующую идеологию. Но к этому времени восприятие буддизма уже завершилось, шло его развитие уже на местной почве. Последнее ни в коей мере не означало прекращения контактов с западным центром, но надо помнить, что им была в это время уже только Шри-Ланка, периферийный для индийского мира центр. В рамках этого «контакта вторичных центров» оттуда была воспринята массовая модификация «монашеского» буддизма — тхеравада, быстро вытеснившая другие направления буддизма везде, где ей не противостояла дхьяна. Ее тхеравада почему-то одолеть не смогла ни у вьетов, ни на юге китайских империй (чань), что говорит о способности модифицированной дхьяны в не меньшей степени выполнять роль настоящей «массовой религии», хотя и, в отличие от тхеравады, в симбиозе с культом предков и конфуцианством.

Таким образом, не влияние с севера или с запада было первопричиной становления классов и государственности в Юго-Восточной Азии. Но чтобы не разрывать изложения, мы перенесем разделы о многих возникших в то время государствах в главу II, поскольку расцвет этих образований относится к периоду после VII в. Здесь же остановимся лишь на государстве, сыгравшем важную роль в жизни Аустразии, время существования которого в основном укладывается в хронологические рамки данной главы.

ИНДОКИТАЙ.
ГОСУДАРСТВО ФУНАНЬ (БАПНОМ)

Для обработки легких почв болотистых низин Индокитая не требовалось каменных или металлических орудий: земледельцы обходились деревянным инвентарем собственного изготовления. Это тормозило развитие ремесла внутри общины. Единичные устойчивые зоны земледелия и редкие очаги индустрии камня и металла в Юго-Восточной Азии не создавали общественной базы расширенного воспроизводства, как это происходило в более развитых регионах Азии.

К началу нашей эры наблюдается дифференциация региона — по темпам экономического развития прибрежные области Индокитая вырываются вперед. Складываются два хозяйственно-культурных комплекса — земледельческий в глубине полуострова и промыслово-посреднический на побережье. Население побережья отличалось также и этнически, оно принадлежало к народам аустронезийской группы языков. Заселявшие глубинные районы мон-кхмеры говорили на языках аустроазийской группы. Малаккский полуостров получил особую хозяйственную специфику как центр добычи золота и олова и назывался Суваннабхуми — «страна золота».

Под воздействием торгового обмена с промысловыми районами земледельческое население глубинных районов переходило к более продуктивным формам земледелия, осваивая новые сорта риса и более сложные и совершенные системы «управления водой». Сооружались такие системы общинами и контролировались общинной властью. Коллективные формы хозяйствования, предопределяя уравнительность в распределении, сдерживали процесс индивидуализации личности. Место человека в мире было неотделимо от рода и общины. Соответственно и в общественных связях упор делался на моральные обязательства, предполагавшие взаимопомощь и взаимоподдержку. Земля рассматривалась как естественное условие существования коллектива. Преимущественные права владения участком земли закреплялись за первопоселенцами и их потомками, права на землю чужаков ограничивались.

Экономическая деятельность общин была тесно увязана с морально-этическими целями. «Богатство» осмысливалось очень широко, понималось как плодородие земли, многочисленность социального коллектива, добропорядочность людей.

В первые века нашей эры социально-экономические и политические процессы в прибрежных обществах Индокитая были стимулированы усилением миграций. В результате подчинения одного народа другим происходит включение в состав победителей групп иноэтнического происхождения в качестве зависимых и рабов. Родо-племенную геронтократию оттесняют выросшие из ее среды аристократические роды (кланы). Идет разделение родов на царские, аристократические, незнатные. Первые стали занимать в производственной, социальной, идеологической сферах особое место, извлекая для себя выгоды материального и престижного характера из новых и древних институтов. Идеологически закрепляется положение в иерархии низших слоев: в соответствии с логикой аристократии они наделялись «темной» душой. Обладатели «темной» души – это *даса*. Их земной удел – услужение «благородным», а посмертный – прозябание в преисподней. К этому времени относится крушение материнского права и укрепление

отцовского рода, в котором, правда, собственность и права на землю не переходили от отца к сыну, а сохранялись в пределах рода.

Указанные перемены коснулись населения побережья Сиамского залива, а также территорий вдоль побережья Андаманского моря.

I—II века в Индокитае — это время возникновения государственности. Ранние надобщинные политические структуры строились по типу общины. Политическая власть принималась общинами в силу традиции: ей приписывались связь с Космосом, магические способности противостоять Хаосу. Поэтому оказался логичным союз возникавшей монархической деспотической власти с брахманизмом, проникавшим из Индии. С начала нашей эры в обществах Индокитая начался растянувшийся на тысячелетие процесс «брахманизации» — синтеза брахманизма и местных культов. Аристократические роды, монополизировавшие политическую власть и отправление культа, принявшие брахманизм, не отказались и от шаманизма. Правители первых политических образований именовались *варманами* (от инд. *брахман*), им приписывалась магическая способность обеспечивать благополучие коллектива. Они сосредоточивали в своих руках светскую — управление — и духовную власть.

Правящая аристократия первых городов-государств, возникших в северной части Малаккского полуострова, захватила землю и недра, включилась в дальнюю торговлю, ставшую важным источником ее обогащения. Население городов прибрежных государств этнически было неоднородным: значительную его часть составляли торговцы из стран, лежавших к западу и востоку от Индокитая, а также выходцы из Индии. Это способствовало распространению буддизма, выступавшего против кастовых ограничений.

Во II в. н.э. морские коммуникации протянулись от Александрии в Египте далеко на восток, включив и порты Южной Индии и Юго-Восточной Азии: составленная около 150 г. Птолемеем «География» называла ряд государств этого отдаленного региона. Открытие в это время механизма использования муссонов, совершенствование судостроения — появление значительных по грузоподъемности морских судов — стабилизировали морские торговые связи государств Малаккского полуострова с портами Бенгальского залива.

Известно, что в 166 г. морским путем в Китай проследовало посольство из Римской империи, сделавшее остановку в одной из местных столиц, с чем исследователи связывают распространение в торговых и ремесленных поселениях этой части Индокитая светильников «римского стиля».

Города-государства Малаккского полуострова во II в. были известны китайцам, которые поражались высокой плотности местных агломераций. Сведения о государствах Малаккского полуострова фиксировались в китайских хрониках. По словам китайского хрониста III в., в городах-портах Малаккского полуострова «встречались Запад и Восток», совершался обмен товаров, привозимых из Китая, на товары, поступающие из Индии и стран Передней Азии.

В привилегированных общинных центрах появляются крепостные сооружения, культовые здания. Социальная эволюция местных обществ вызвала потребность в новой социально-политической терминологии, которая заимствуется из Индии. Укрепленный центр общины — город — в санскритской эпиграфике стал называться *нагара*; он противостоит деревне — *граме*, заселенной матрилинейными — *матракула* — семьями; глава домовой общины, старейшина, именуется домохозяином — *пати*. Борьба аристократических родов за ресурсы повела к формированию профессионального во-

инства — *кшатриев.* Камни духов стали восприниматься как *линги* (фаллический символ), хотя и сохранили свою прежнюю функцию символов власти и собственности городов-государств на территорию. Духи, оберегавшие территорию племени, трансформировались в *локапалов* — божеств-хранителей четырех сторон света в культуре индоиранских народов.

Укреплению политической власти аристократии помогал социально-политический опыт обществ Южной Индии: у последних была перенята идея обожествления власти правителей, что на местной почве поддерживалось культом священных гор, на вершинах которых обитали души предков. Главы царских родов становятся девараджами, их власть освящали брахманы. Идея девараджи помогла местным патриархам встать над подданными.

Формируется аппарат управления: варманам подчинялись вожди-раджи, а последним — *кулапати,* главы патронимий, которыми они управляли авторитарно; включение в надобщинный аппарат управления превращало кулапати в ненаследственное должностное лицо, получившее ранг и регалии власти. Связь с общинами давала возможность общинной верхушке ограничивать деспотизм варманов и играть значительную социально-политическую роль в составе правящего слоя. Обычай регистрируется законоведческой литературой — дхармашастрами, племенное собрание теряет ряд своих функций и превращается в судебный орган по образцу индийской сабхи.

Варман с приближенными, советниками и управителями переходит в укрепленный центр — нагару. Хижина вождя превращается во дворец девараджи, охраняет его «гвардия» из даяков (одно из племен Борнео). Здесь же находятся казна — *коша,* амбары для хранения резервного фонда риса. Термин *нагара* постепенно получает широкое толкование — страна, земля, государство. Символом суверенитета был знак Солнца, восходивший к зороастризму и понятный разноязыкому городскому населению. Местные династии именовались Солнечными — Сурьявамса (власть правители наследовали по женской линии). В местных обществах знак Солнца был соединен со знаком буйвола: как символ суверенитета, он основывался на фонде древних аграрных верований. Распространявшийся в нагара брахманизм толковал местные верования как допустимые модификации единых религиозных установок — так стал формироваться местный индуизм, трансформировавший культ Солнца в почитание индуистского божества Вишну.

Брахманизм, не ограничиваясь культовой сферой, закреплял формы социальной стратификации через понятия дхармы и кармы, стабилизируя функциональное разделение труда. Это позволило через мораль и религию сформировать новую модель социально-экономических отношений в ранних классовых обществах Индокитая. Она строилась на государственной эксплуатации и централизованном распределении доходов: государство пополняло казну за счет налогов и даней, используя для их взимания кшатриев.

Правящая аристократия усвоила представления об особом положении высших индийских варн, но наследование социального статуса «брахмана» и «кшатрия» не стало непреложным принципом. Наследование власти в агнатной группе по женской линии подрывалось восходившими к племенным традициям принципами меритократии, что приводило к смене династий, обновлению состава правящего слоя. Формировавшиеся военные вожди, оттесняя правителей — варманов, в ряде случаев захватывают власть. Это особенно заметно в ранней истории государства Фунань (Бапном).

Со II в. н.э. в прибрежных государствах Индокитая распространилась письменность — санскрит, появились немногочисленные надписи. Сильно

разрушенная надпись с территории Камбоджи донесла до нас наименование правящего рода — Бапном; в нем отражена древняя кхмерская традиция. В архаическом прошлом *ба* было апеллятивом к имени героя, а во II—III вв. означало «господин, владыка, царь». В исторические времена апеллятив *ба* получают священные горы. Столица правящего рода — Вьядхапура — была расположена у подножия священных холмов, которые назывались Бапном («Царь-гора»). Название столицы — «Город охотников» — связано с тем, что боевую подготовку молодые воины получали на охоте за слонами, составлявшими ударную силу войска государства. Это государство китайские источники именовали Фунань. Центром Фунани была территория правящего рода, его глава имел титул *курунг пном.* Он заботился о хозяйственном освоении территории и ее защите, а также контролировал данников — как царства, так и территории, общества которых не достигли стадии классообразования.

В III в. один из военачальников государства Фунань — Фанман — подчинил власти Бапнома прибрежные царства на западе вплоть до Малаккского полуострова. Фанман, согласно преданию, «вышел из народа» и за свои военные заслуги был избран населением править страной. При нем Фунань превратилась в значительную торговую империю: до нее еще не дошла волна натурализации экономики, охватившая в это время Римскую империю, Ближний Восток и Индию после распада Кушанской империи. В прибрежных обществах Индокитая распространяются технические достижения обществ, расположенных к западу. Это сказалось как в земледелии (улучшение дренажа, сооружение судоходных каналов), так и в ремеслах. Вместо безликих ремесленных изделий, характерных для городов-государств (нагара), появляются произведения искусства, рассчитанные на индивидуального заказчика.

Портом Фунани был Окео. Археологические данные говорят о значительном развитии внешней торговли, увеличении богатства аристократических родов. Но богатство не удерживалось в сфере обращения, а сразу же потреблялось в престижных тратах и войнах.

В истории Фунани заметным рубежом был IV век. Развернулась «сельскохозяйственная колонизация» принудительным трудом населения: организованные государством по общинному принципу отряды-*варги* сооружали каналы, проводили дренажные работы в болотистой дельте Меконга. Освоенные земли были посвящены богам и признаны царскими. За работами наблюдал принц Гунаварман.

Аналогичным способом были освоены земли на восточном побережье Малаккского полуострова. Расширилось земледельческое производство. Были созданы важные предпосылки для дальнейшего развития социально-экономической системы, рассчитанной на регулярное производство прибавочного продукта.

Развитие экономики дало новый толчок урбанизации. Область застройки Окео составила 450 га, а его влияние проникало на 200—300 км в глубь материка. Судя по данным археологии, ремесленники составляли значительную часть его населения. Вероятно, возникли профессиональные ремесленно-торговые корпорации по образцу индийских. На сравнительно высокой технологической базе металлургии бронзы и железа совершенствуется производство оружия; развиваются судостроение, ювелирное дело, гончарное производство. Это же время отмечено расцветом городской культуры и усилением аристократических и олигархических семейств, связанных с городом.

Связи порта Окео на западе доходили до Переднего Востока и Северной Индии, что приводило к проникновению в Фунань западного влияния. Исследователи отмечают, например, наличие в глиптике IV в. иранских мотивов. Появление в Фунани Лунной династии (Сомавамса), в которой власть передавалась по мужской линии, также связывают с появлением на троне правителя иранского происхождения. Индийское влияние ярче всего проявилось в период правления Каудиньи II (начало V в.). Согласно китайским источникам, он был выходцем из торгового центра государства Панпан на Малаккском полуострове. Ему приписывается изменение местных законов, приведение их «в соответствие с индийскими». Именно в это время появляются статуэтки богов индийского пантеона — Шивы, Индры, Агни, Дурги, — но не привозные, а местного производства.

Памятники материальной культуры, обнаруженные в порту Окео и датируемые V в., — свидетельство роста интереса знати к денежным доходам. В местную лексику входят санскритские слова со значением «имущество» (*дханикам*), «хозяин имущества», «даритель имущества». Известны санскритские надписи на печатях, кольцах, пломбах — «часть, идущая правителю»; «часть, идущая на жертвоприношение богам»; «дар — знак щедрости дарителя». На некоторых предметах поставлены имена в родительном падеже, т.е. имена владельцев. Найдены амулеты с надписями-предупреждениями, амулеты-пломбы. К концу V — началу VI в. относится наибольшее число найденных надписей и амулетов, а также предметов, имевших отношение к связанному с городской средой буддизму (правда, сильно вульгаризированному).

Ареал политических и торговых контактов Фунани на востоке охватывал не только Чампу, но доходил и до китайских государств. При преемнике Каудиньи II Шри Индравармане (до 434 — после 438) торговые связи прослеживаются до китайских портов Жяоти и Панюй (совр. Кантон). При Джаявармане (до 480—514) поддерживались регулярные торговые и дипломатические контакты с китайским государством Южное Ци. Туда поставлялись изделия из золота, редкого в азиатских странах, слоновой кости, стекла.

Империя Фунань оказала заметное стимулирующее воздействие на социальные процессы в глубинных районах Индокитая. Здесь наблюдается возвышение провинциальной знати — верхнего слоя общин, вовлеченных в процесс классообразования. С V в. отмечено почитание бога Вишну, вобравшее в себя элементы местных земледельческих культов. В V—VII вв. возникает ряд государств также и в глубине материка. Правившие там роды, причислявшие себя к Солнечным династиям, постепенно через браки устанавливают родственные узы с представителями Лунной династии Фунани: Солнечный клан — Сурьявамса — стал упоминаться в генеалогии ее правителей. Слияние Лунной династии Фунани и Солнечных династий глубинных районов Индокитая произошло в конце VI — начале VII в. Одновременно наблюдается усиление палеокхмерского влияния в материальной культуре Индокитая. В VII в. империя Фунань, процветавшая в течение ряда столетий благодаря внешней торговле, была поглощена новыми государственными образованиями, возникшими преимущественно в земледельческих районах полуострова.

Глава II

УСТАНОВЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ВОСТОКЕ

РАННИЙ ИСЛАМ

В начале VII в. политическая и культурная ситуация в Западной Азии и Северной Африке резко изменилась: на авансцену истории вышло новое действующее лицо — мусульманское государство, сложившееся в недрах Аравии, которая до той поры оставалась в стороне от главных событий мировой истории. Оно в течение нескольких десятилетий распространилось на огромном пространстве от Атлантического океана до границ Индии, поглотив сасанидский Иран и нанеся сокрушительный удар могуществу Византии.

Аравия в силу климатических условий всегда делилась на две неравные части: примерно $^7/_8$ ее территории занимают саванно-степные пространства и пустыни, пригодные лишь для кочевого или полукочевого скотоводства и охоты, и лишь на южной оконечности полуострова, в гористом Йемене и Хадрамауте, где обильные муссонные дожди позволяют вести интенсивное земледелие, с древности существовала развитая земледельческая цивилизация и концентрировалось не менее половины всего населения Аравии.

В V—VI вв. политическое первенство постепенно переходит к бедуинским племенам, медленно и неуклонно давившим с севера на Южную Аравию, проникавшим все глубже на ее территорию. В социально-экономической структуре оседлого общества Южной Аравии, как и в Византии, в это время происходило разложение городской самоуправляющейся общины и появление крупного землевладения, не связанного с принадлежностью к этой общине. Старая структура, обеспечивавшая стабильность и солидарность общины (включавшей, естественно, и сельскую округу), слабела и оказывалась уже не в состоянии противостоять давлению кочевников.

Специфика существования кочевого общества Аравии заключалась в том, что оно не было периферийным по отношению к развитым обществам, как кочевой мир великого евразийского степного пояса, а существовало в окружении древних земледельческих цивилизаций Египта, Передней Азии и Месопотамии. Торговые пути, издревле связывавшие эти развитые страны, в разных направлениях пересекали степную Аравию. Вдоль побережья Персидского залива, Красного моря и на торговых путях из Южной Аравии в Нижнюю Месопотамию существовали многочисленные города и торговые фактории. Кочевое население вольно или невольно оказывалось втянутым в торгово-денежные отношения.

Йемен, оказавшийся в конце VI в. под властью Сасанидов, распадался по крайней мере на восемь владений, возглавлявшихся царьками-*кайлями*,

которые лишь номинально подчинялись власти сасанидского наместника. Его реальная власть не выходила далеко за пределы столицы — Саны, Адена и нескольких крупных городов. О распространении влияния на Центральную Аравию не могло быть и речи, приходилось думать только о том, как сдержать движение на Йемен бедуинских племен с севера.

Вассальное по отношению к Сасанидам арабское княжество Лахмидов, контролировавшее во второй половине VI в. значительную часть Северной Аравии, в самом начале VII в. прекратило существование после того, как Сасаниды уничтожили его последнего владетеля, ан-Нумана, начавшего, по их мнению, проявлять слишком большую независимость. Его место в столице, Хире, занял сасанидский наместник, власть которого, однако, не простиралась в степь дальше цепи пограничных крепостей вдоль границы культурных земель по Евфрату. На северо-западе Аравии влияние Византии также не выходило за пределы полосы римских пограничных укреплений. Таким образом, по крайней мере 80% Аравии в это время было вне пределов крупных государственных образований.

Возникновение политического вакуума в Центральной и Северной Аравии способствовало возвышению в начале VII в. крупного торгового и религиозного центра Западной Аравии — Мекки. Этот город сложился вокруг древнего святилища, Каабы, четырехугольной постройки, в углы которой были вмурованы два священных камня, а внутри стоял наиболее почитаемый идол (в трудных ситуациях у него испрашивали совет). Неподалеку от Каабы находился священный колодец Замзам, несколько поодаль — два холма с идолами на вершинах, а в 5—6 км восточнее Мекки — долина Мина и еще дальше — Арафат, где также имелись объекты поклонения.

В Мекке, как и во всей языческой Аравии, наряду с верховным божеством Илахом, или Аллахом, и триадой женских божеств: ал-Лат, ал-Узза и Манат — почитались Солнце, Луна и звезды и множество земных объектов: деревья, скалы, камни. В них видели воплощение упомянутых богинь или обиталища особых духов. Кроме того, существовали племенные и семейные идолы-хранители. О системе религиозно-мифологических представлений языческих арабов никаких сведений не сохранилось; по косвенным данным можно установить, что представлений о загробной жизни, воздаянии за дурные и добрые дела у них не существовало.

Вокруг наиболее почитаемых объектов складывалась сложная обрядность посещения и поклонения с жертвоприношениями, территория вокруг них объявлялась неприкосновенной, все деревья и животные на ней признавались находящимися под покровительством данной святыни и потому неприкосновенными, время паломничества — священным перемирием.

Мекка, представлявшая собой целый комплекс святынь, должна была пользоваться особым почетом. В сезоны паломничества (*хаджжа*) сюда стекались десятки тысяч арабов из разных племен Западной Аравии. Обойдя Каабу и прикоснувшись к ее священным камням, они посещали затем оба священных холма (если дело было в двенадцатом месяце, то совершали еще паломничество в Мину), а возвратившись, совершали жертвоприношение.

Положение Мекки как комплекса святынь большого круга племен, защищенного статусом неприкосновенной территории, стечение массы людей во время паломничества — все это создавало особо благоприятные условия для занятия мекканцев торговлей. Начало ее расцвета приходится на середину VI в., когда господствующим родам племени курайш,

населявшего Мекку, удавалось подкрепить свой религиозный авторитет системой договоров с бедуинскими племенами, которые получали долю доходов от участия в торговле курайшитов и за это обеспечивали безопасность их караванов.

Обогащение мекканской верхушки, усиление имущественных контрастов и ослабление уз внутриплеменной взаимопомощи создали неведомую прежде остроту социальных конфликтов и должны были вести к поискам путей восстановления гармонии в обществе. А такие поиски в ту пору могли идти только в сфере религии.

Старые языческие верования уже не помогали в этих исканиях, а более развитая готовая система христианства, объяснявшая неизбежность страданий в земной жизни, но обещавшая компенсацию их в другой жизни, по-видимому, была сложна для восприятия. Во всяком случае, сколько-нибудь заметного влияния ее на степную Аравию за пределами византийских владений и узкой полосы вдоль Евфрата не удается обнаружить. Но отдельные представления, несомненно, проникали и в глубь Аравии, рождая проповедническую и пророческую деятельность. Мекка, само существование которой было связано с отправлением культа (а быстрые социальные изменения давали ее жителям — людям с широким кругозором — богатую пищу для религиозных размышлений), оказалась идеальным местом для рождения проповедника новой жизни.

Примерно в 610 г. сорокалетнему курайшиту из аристократического рода хашим, в котором наследовался ряд почетных функций, связанных с культом Каабы, стали являться какие-то неясные видения, которые он сначала принимал за козни злых духов — шайтанов, а потом под влиянием соплеменников, знакомых с христианством, расценил как откровение. Многое в жизни Мухаммада подготовило его к трагическому восприятию обстановки в Мекке. Несмотря на принадлежность по рождению к мекканской верхушке, он, с раннего детства оставшись сиротой, испытал, видимо, немало обид и затруднений. Только женитьба на состоятельной вдове изменила его положение в лучшую сторону, но и она не дала возможности стать вровень со своими дядьями, двоюродными и троюродными братьями из богатых семей.

Осознав вдруг себя глашатаем высшей силы, он словно ужаснулся слепоте своих соплеменников — мир идет к гибели, а они, вместо того чтобы думать о спасении души, занимаются накоплением богатств, обирают сирот и бедняков, обмеривают и обвешивают покупателей, берут огромные проценты за деньги, данные в долг.

Воскрешение мертвых и Страшный суд, адские муки в огне, грозящие нераскаявшимся притеснителям-грешникам, и щедрое райское вознаграждение богобоязненным — главная тема ранних проповедей Мухаммада. Общая идея, несомненно, родилась под каким-то косвенным влиянием апокалиптических идей христианства, но они послужили лишь первотолчком для формирования и дальнейшего развития собственных очень ярких и конкретных представлений о грядущих ужасах. И он повествовал о них своим слушателям горячо и убежденно. Вселяя в них страх, он указывал и выход — раскаяние, праведный образ жизни, помощь беднякам, сиротам и вдовам, вера в милосердие единственного и всемогущего бога, которого он называл в этих проповедях эпитетом ар-Рахман («Милостивый»), как во многих областях Аравии именовали верховное божество.

Проповедь Мухаммада сначала не имела успеха у его соплеменников. Его признали только семья и несколько близких людей, собиравшихся у него в доме слушать проповеди и вместе молиться. Его последователи стали называться «вручившими себя богу» (*муслимуна*, мусульмане). Около 614 г., когда число мусульман достигло 40-50 человек, Мухаммад решил начать публичную проповедь. Она несколько увеличила число последователей, но и навлекла на мусульман преследования. Мухаммад подвергался различным оскорблениям, его замужние дочери были изгнаны мужьями, родители не останавливались перед заточением своих детей, чтобы они отреклись от новой веры. Зависимых людей избивали, морили голодом, выставляли связанными на солнце. Особенное возмущение вызывали слова Мухаммада, что все языческие предки, отцы и деды будут гореть в адском огне.

В проповеди Мухаммада не содержалось уравнительных идей, призывов к разделу имущества богачей, освобождению рабов — он лишь осуждал явные злоупотребления и жестокосердие, но, видимо, многие места в его выступлениях, выглядящие для нас совершенно абстрактно, были для его современников вполне прозрачными намеками на конкретных людей и их поступки, что, конечно, не могло не вызвать ненависть к обличителю.

Он обличал, а над ним насмехались и требовали доказательства правоты его слов, требовали продемонстрировать воскрешение родителей, явить хоть какое-то чудо для подтверждения пророческого достоинства. В ответ на это Мухаммад повторял, что он всего лишь посланник, обычный человек, через которого передается откровение, а если они ему не верят, пусть задумаются при виде хорошо известных им развалин городов, которые разрушены Аллахом за то, что их жители не поверили посланным к ним пророкам. В рассказах об этих городах смешиваются местные арабские легенды о пророках и какие-то апокрифические или фольклоризированные библейские сюжеты (например, о гибели Содома и Гоморры и спасении праведного Лота).

Наконец, преследования достигли такой остроты, что значительная часть мусульман переселилась из Мекки в Эфиопию, с которой курайшиты поддерживали тесные торговые связи. Сам Мухаммад, несмотря ни на что, с частью верных последователей остался в Мекке.

В спорах с противниками постепенно вырабатывалась все более четкая система взглядов: Аллах сотворил весь мир на благо людей, но люди неблагодарны и постоянно в гордыне забывают об этом; Аллах открыл истинную религию Ибрахиму (Аврааму), затем Мусе (Моисею), но люди каждый раз отклонялись от истинной веры, их приходилось наказывать и снова посылать пророков. Последним был Иса (Иисус), а теперь с увещанием к арабам послан он, Мухаммад, призванный отвратить людей от скверны многобожия и идолопоклонства.

Успех борьбы с идолопоклонством, как хорошо понимала курайшитская верхушка, грозил Мекке утратой привилегированного положения и большими экономическими потерями. Попытки склонить Мухаммада к отказу от пропаганды монотеизма оказались безуспешными, а преследования не достигали цели, так как род Мухаммада, потомки его прадеда Хашима (Хашимиты), не последовав в большинстве его учению, все же поддерживал его морально и готов был защитить в критической ситуации. Наконец, в конце 616 или начале 617 г. главы курайшитских родов договорились объявить бойкот Хашимитам: не иметь с ними деловых контактов, не торговать и не заключать браки. Несмотря на это, Хашимиты (за редким

исключением) не лишили Мухаммада родственной поддержки, хотя им пришлось сселиться в один квартал на краю города и жить в очень тяжелых условиях, иногда буквально голодая. Изоляция продолжалась до июня 619 г., когда более умеренная часть курайшитов сумела убедить остальных в бессмысленности такого шага. Отмена бойкота совпала для Мухаммада с тяжелым ударом: умерли поддерживавший его Абу Талиб, глава Хашимитов, и любимая жена Хадиджа. Мухаммад попытался искать убежища в Таифе, соседнем городе, тесно связанном с мекканцами торговыми отношениями, но и там потерпел фиаско.

В ближайший сезон хаджжа Мухаммад стал вербовать последователей среди паломников, но и здесь не имел успеха. Лишь на следующий год его проповедь была услышана — на нее откликнулись паломники из оазиса Йасриб (Медина), измученного постоянными междоусобицами между населявшими его арабскими и иудейскими племенами. В Мухаммаде они увидели того мессию, который, как они слышали от иудеев, скоро должен появиться. Новообращенные, вернувшись на родину, так подготовили почву, что через год во время паломничества несколько десятков представителей разных родов от имени всех арабов Йасриба заключили с Мухаммадом устное соглашение, по которому признавали его духовный авторитет и гарантировали убежище в Йасрибе.

Весной 622 г. началось постепенное переселение мусульман из Мекки в Йасриб, завершившееся тайным переездом Мухаммада в сопровождении его ближайшего друга Абу Бакра. День 24 сентября 622 г. (12-го числа месяца раби, третьего по мусульманскому летосчислению), когда они прибыли в Йасриб, стал поворотным пунктом в истории ислама, а год переезда, *хиджры* (т.е. разрыва связей со своим племенем и укрытия у другого), стал впоследствии отправной точкой мусульманского летосчисления.

С Мухаммадом переехало немногим больше 70—80 взрослых мужчин-курайшитов, которых стали называть *мухаджирами* (совершившими хиджру), большинство из них, бросив в Мекке дома и расставшись с торговлей, оказались без средств к существованию; кров и поддержку они получили у местных мусульман, которых стали называть *ансарами* (помощниками). Взаимоотношения между мухаджирами, ансарами и иудейскими племенами были определены несколькими договорами, главное содержание которых кроме признания авторитета Мухаммада как верховного арбитра в спорах между различными группами заключалось в обязательстве ненападения друг на друга, взаимной поддержке в борьбе с внешними врагами и солидарного выступления против нарушителей договора.

Оказавшись в Йасрибе, Мухаммад превратился из проповедника в политического деятеля: от него требовалось решение таких вопросов, которые не возникали ранее, когда он был частным лицом, или не могли быть им решены. Первой задачей оказалось решение проблемы коллективных молений большой массы людей и организации нового храма или молитвенного дома — *масджида* (мечети). Первая мечеть, выстроенная в Йасрибе за полгода, представляла собой огороженное стеной пространство с навесами на столбах по внутреннему периметру, куда четырежды в день собирались мусульмане на общую молитву (впоследствии прибавилось пятое моление).

Утвердившись на новом месте, Мухаммад начал борьбу с мекканцами, пытаясь набегами на караваны расстроить их торговлю, но первые попытки оказались неудачными. На исходе зимы 624 г. он решил лично возглавить

нападение на огромный богатый караван, который вел из Сирии тогдашний глава мекканцев Абу Суфйан, из рода Умаййи. Мекканцы на выручку ему собрали отряд в 950 человек и пошли навстречу. И когда Мухаммад с тремя сотнями мусульман 15 марта 624 г. подошел к колодцам Бадр, то перед ним оказался во много раз лучше вооруженный и более многочисленный противник.

Мусульмане стойко выдержали конную атаку мекканцев и так отчаянно сражались, что мекканцы, потеряв около полусотни убитыми, обратились в бегство, мусульмане их преследовали и захватили еще несколько десятков пленных и богатую добычу. Эта неожиданная блистательная победа сразу подняла авторитет Мухаммада. То чудо, которого так требовали от него скептики, свершилось, доказав верующим, что им вспомоществует Аллах.

Победа при Бадре имела далеко идущие последствия. Воодушевившись ею, Мухаммад потребовал от иудейского племени кайнука принять ислам, те отказались, и после небольшого конфликта, расцененного как повод к войне, мусульмане осадили кайнука в их квартале, и те вскоре вынуждены были сдаться на милость победителя, который изгнал их из Йасриба, разрешив взять только то, что они могли унести с собой. Все недвижимое имущество, оружие, утварь, оставшиеся после них, Мухаммад разделил между мухаджирами.

В марте 625 г. мекканцы совершили нападение на Медину (Мадинат ан-наби, «Город пророка», новое мусульманское название Йасриба). Численность их войска вместе с отрядами союзников достигала примерно 3000 человек. Мухаммад смог противопоставить им только около 1000. Встреча произошла севернее Медины, на склонах горы Ухуд, которая прикрывала тыл мусульман.

Битва началась успешно для мусульман, но когда они, преследуя бегущих, ворвались в лагерь, то фланговое охранение оставило свою позицию, чтобы принять участие в грабеже. Это решило исход битвы: конница курайшитов под командованием Халида ибн ал-Валида ударила с тыла и обратила мусульман в бегство. Мухаммад был оглушен ударом по голове и некоторое время лежал без сознания. Мусульмане потеряли от 70 до 74 человек убитыми, сотни были ранены. Удовлетворившись этим, мекканцы покинули оазис.

Поражение тем не менее не поколебало авторитет Мухаммада, он сумел убедить, что вина лежит не на нем, а на тех, кто его ослушался. Он ощущал себя достаточно уверенно, чтобы в сентябре того же года расправиться со вторым иудейским племенем Медины, ан-надир, обвиненным в попытке покушения на пророка. Оно было также изгнано, а его земли были разделены между мухаджирами.

Поражение под Ухудом не остановило распространение влияния Мухаммада на племена, обитавшие между Меккой и Мединой. Ясно понимая грозящую опасность, мекканцы использовали все свое влияние, чтобы сколотить мощную коалицию против Мухаммада. В конце марта 627 г. к Медине двинулось десятитысячное войско курайшитов и их союзников. Мухаммад укрепил подступы к Медине шестикилометровым рвом, который сделал беспомощной основную ударную силу мекканцев — кавалерию. Вместо короткого решительного удара пришлось вести стычки у рва. Мекканцы повели тайные переговоры с последним крупным иудейским племенем, оставшимся в Медине, курайза, а Мухаммад в то же время склонял некоторых из союзников мекканцев уйти в родные кочевья.

Безрезультатное двухнедельное стояние перед рвом вызвало брожение в стане мекканцев, и им пришлось уйти из-под Медины. Тотчас после этого Мухаммад отомстил курайза за готовность помочь его врагам в нарушение давнего договора. На сей раз дело не ограничилось изгнанием: все мужчины были казнены, а женщины и дети обращены в рабство. Так были уничтожены последние потенциальные противники ислама в Медине.

В ходе шестилетних явных и скрытых споров о вере с иудаистами Мухаммад все определеннее и отчетливее формулировал положения своего учения, ислама, и отрабатывал обрядность. Вначале он не видел существенной разницы между своим учением и другими монотеистическими религиями, но затем стал все более противопоставлять им ислам как последнее и наиболее правильное откровение, которое христиане и иудеи исказили.

В доказательство этого он по-своему интерпретировал многие библейские сюжеты, создавая свою концепцию истории человеческих заблуждений и искажения слова божьего. Обособление происходило и в обрядности: первоначальная ориентация при молитве на Иерусалим была заменена ориентацией на Каабу, праздничным днем стала пятница, был установлен новый месяц поста, рамадан, в течении которого в светлое время суток предписывалось воздерживаться от еды и питья.

Вместе с окончательным установлением обряда молитвы, требований ритуальной чистоты, ограничений в употреблении некоторых видов пищи, запрещением вина в эти годы вырабатывались основы мусульманского права: порядок раздела добычи, права наследования, семейные отношения, уголовное право. Поскольку большинство этих установлений декларировалось в проповедях, произносившихся в экстатическом состоянии, т.е. как божественное откровение, то эти правовые установления стали частью всего учения, остальные приобретали тот же статус благодаря авторитету Мухаммада как пророка.

Таким образом, ислам все более приобретал специфические черты особой монотеистической религии. Характерной чертой ее было сочетание строгого монотеизма, связанного в своей мифологии с иудаизмом и христианством, с культом Каабы, объявленной храмом, основанным Ибрахимом. Священный черный камень, вмурованный в его восточный угол, оказался причудливым образом слитым с поклонением Аллаху.

Естественно поэтому стремление Мухаммада при первой же возможности совершить поклонение Каабе. Реализовать его Мухаммад решил в 628 г. Появление в марте того года в Худайбии, на границе священной территории, полутoратысячного отряда мусульман-паломников вызвало переполох среди мекканцев. Они не решились дать бой паломникам, а Мухаммад всячески подчеркивал мирный характер своих намерений. Мекканцы пошли на переговоры, в результате которых был заключен договор о ненападении, признавший право Мухаммада совершить паломничество на следующий год и определивший порядок выдачи перебежчиков. Сам факт заключения договора, независимо от его условий, был большой политической победой Мухаммада — мекканцы признали его равной стороной.

Год после договора в Худайбии Мухаммад успешно использовал для расширения сферы своего влияния на севере и востоке от Медины. Важнейшим успехом было завоевание оазиса Хайбар, земли которого перешли в собственность мусульман. Мухаммад разделил ее между теми, кто принес ему клятву верности в Худайбии.

В марте 629 г. Мухаммад с 2000 мусульман осуществил свое право хаджжа в Мекку. Организованность и безусловное повиновение такой большой группы людей произвели большое впечатление на мекканцев. Наиболее дальновидным из них стало ясно, что будущее за Мухаммадом. Под впечатлением этого принял ислам лучший военачальник курайшитов Халид ибн ал-Валид. Видимо, и сам Мухаммад по-новому ощутил свою значимость, так как к этому году мусульманские биографы относят отправку его посланий византийскому императору, сасанидскому царю, негусу и некоторым другим правителям. Тексты посланий, приводимые историками, содержат призыв принять ислам, чему трудно поверить, но в самом факте отправки каких-то посланий (скорее всего не самим государям, а наместникам пограничных областей) вряд ли приходится сомневаться. Во всяком случае, поводом для направления в Заиорданье трехтысячного отряда во главе с Зайдом ибн Харисой, приемным сыном Мухаммада, было убийство посланца Мухаммада, возвращавшегося из Сирии. В сражении около селения Мута отряд был разгромлен, в битве пали Зайд ибн Хариса и Джафар, двоюродный брат Мухаммада.

Перемирие с курайшитами оказалось недолгим. В декабре 629 г. союзное курайшитам племя при участии нескольких мекканцев напало около Мекки на союзников Мухаммада. В ответ он собрал к началу января 630 г. десятитысячную армию, которая двинулась на Мекку. Попытка Абу Суфйана уладить конфликт мирным путем была отвергнута. Стало ясно, что судьба Мекки решена. Дядя Мухаммада, ал-Аббас, поспешил навстречу племяннику, чтобы принять ислам, другие мекканцы оставались в растерянности. Абу Суфйан с помощью ал-Аббаса тайком прибыл в лагерь Мухаммада и вступил в переговоры об условиях сдачи, а затем принял ислам. Мекканцам была гарантирована личная безопасность, если они не покинут своих домов.

12 января мусульманская армия вступила в Мекку. Лишь небольшая группа курайшитов с оружием в руках встретила мусульман. В тот же день Мухаммад распорядился уничтожить всех идолов в Каабе и вокруг нее, а затем обратился к присутствующим с речью, в которой изложил основные положения мусульманского права и этики. Одним из важнейших положений, заявленных им мекканцам, была идея превосходства веры над родовитостью: «Аллах покончил с родовой гордостью: вы все происходите от Адама, а Адама Аллах сотворил из праха. Кто из вас благочестивее, тот и благороднее».

Мухаммад обошелся с побежденными соплеменниками очень милостиво: никто (кроме нескольких участников вооруженного сопротивления) не был казнен, все привилегии, связанные с обслуживанием Каабы, были оставлены за теми же родами, которым они принадлежали прежде. Приняв присягу от всех мекканцев, Мухаммад разослал отряды для уничтожения языческих святилищ в окрестностях Мекки.

Тем временем могущественные соседи Мекки, арабские племена хавазин и сакиф, собирали свои силы в горах северо-восточнее Мекки, чтобы обезопасить свои земли от нападения мусульман. В конце января двенадцатитысячная армия мусульман (в которую вошли и мекканцы) сошлась с тридцатитысячным войском хавазин и сакиф примерно в 100 км северо-восточнее Мекки. Битва была ожесточенной, и мусульманам с большим трудом удалось одолеть противника, но зато добыча, доставшаяся победителям, была огромной: 6000 пленных женщин и детей, 24 000 верблюдов, множество овец и всякой домашней утвари.

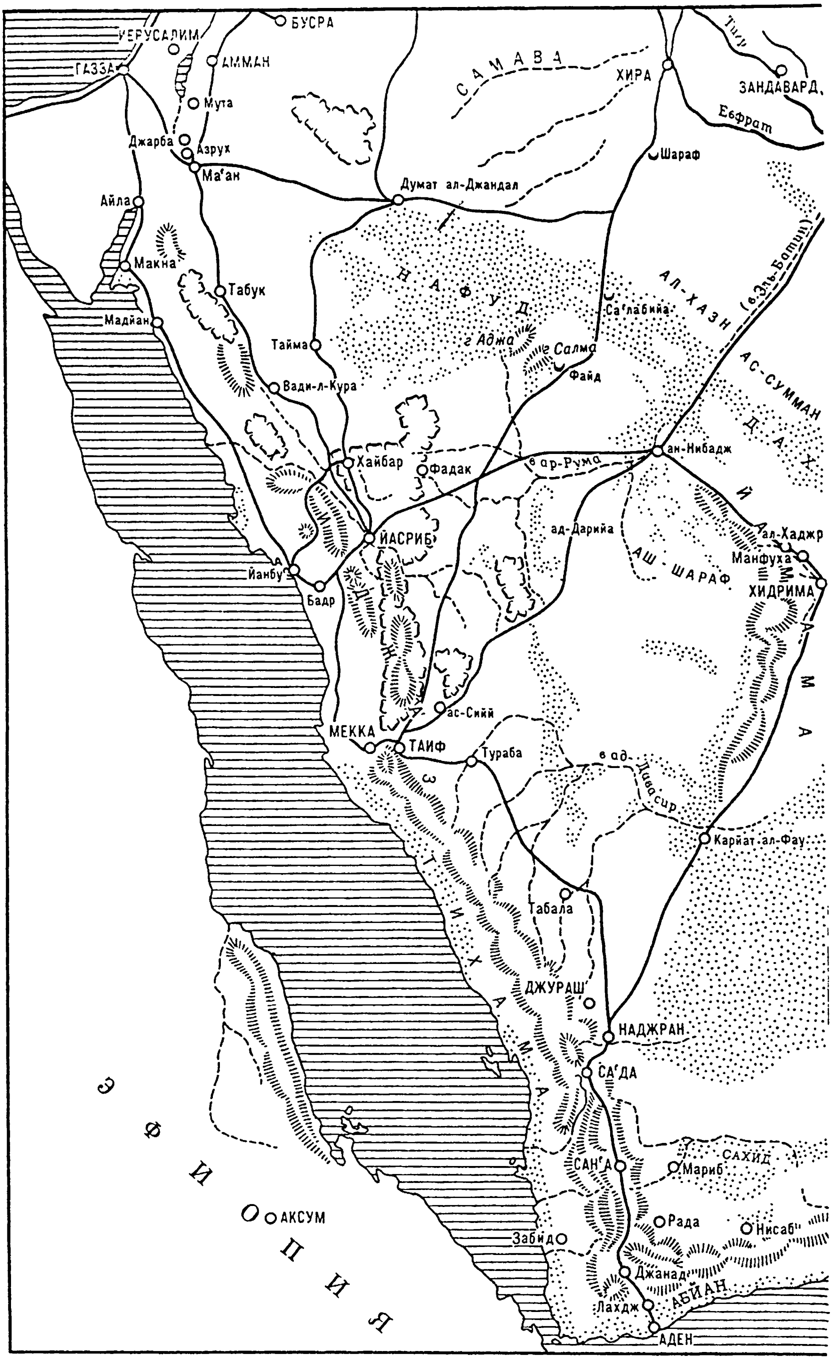
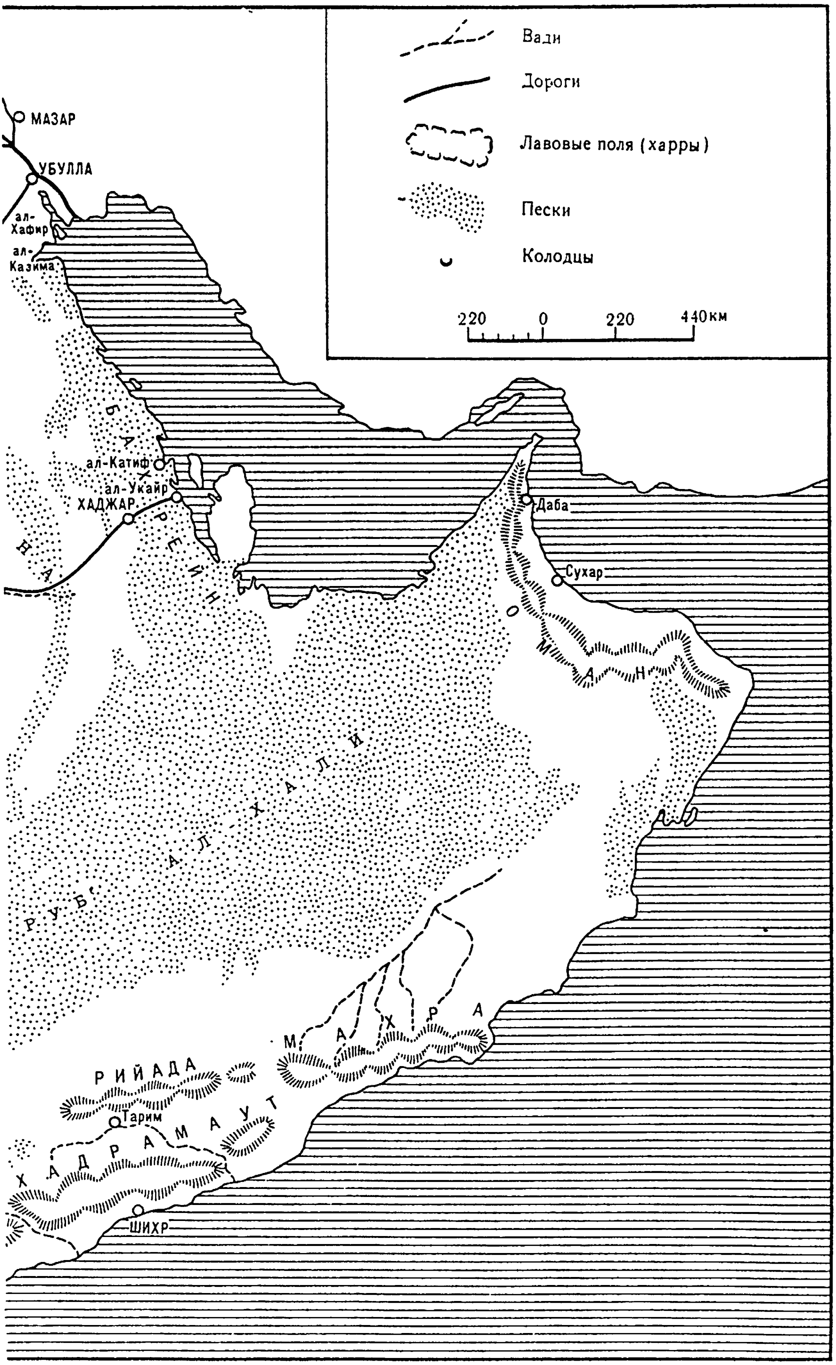

БУСРА
ИЕРУСАЛИМ
ГАЗЗА
АММАН
Мута
Джарба
Азрух
Ма'ан
Айла
Макна
Табук
Мадйан
Тайма
Вади-л-Кура
Хайбар
Фадак
ЙАСРИБ
Йанбу'
Бадр
МЕККА
ТАИФ
ас-Сийй
Тураба
Табала
ДЖУРАШ
НАДЖРАН
СА'ДА
САН'А
Мариб
САХИД
Рада
Нисаб
Забид
Джанад
Лахдж
АБЙАН
АДЕН
АКСУМ
ЭФИОПИЯ
САМАВА
ХИРА
ЗАНДАВАРД
Тигр
Евфрат
Шараф
Думат ал-Джандал
НАФУД
г. Аджа
Салма
Са'лабийа
Файд
АЛ-ХАЗН (в. Эль-Батин)
АС-СУММАН
ан-Нибадж
в. ар-Рума
ад-Дарийа
АШ-ШАРАФ
ал-Хаджр
Манфуха
ХИДРИМА
ЙАМАМА
в. ад-Давасир
Карйат ал-Фау
ХИДЖАЗ
ТИХАМА

Рис. 7. Аравия



в начале VII в.

Мухаммад сразу двинулся на Таиф, но хорошо укрепленный город с ходу взять не удалось, а длительная осада не сулила ничего хорошего. Поэтому он снял осаду и вернулся для раздела добычи. При этом он снова проявил необычную щедрость по отношению к своим прежним врагам: Абу Суфйан и его сыновья Йазид и Муавия получили по 100 верблюдов и значительную сумму серебром, такие же или чуть меньшие дары получили еще 13 курайшитов. Это вызвало недовольство ансаров, которые справедливо считали, что все успехи Мухаммада стали возможны только благодаря их помощи в самую трудную пору его жизни. Мухаммаду пришлось задать им каверзный вопрос: что они предпочли бы иметь в Медине — этот скот или посланника Аллаха? Ансары ответили, что предпочитают пророка.

По возвращении в Медину Мухаммад продолжил усилия по расширению своего влияния в Центральной и Северной Аравии. Важнейшим мероприятием стал его поход на оазис Табук, жители которого при виде огромной армии сдались без боя и заключили соглашение о сохранении их собственности и веры при условии уплаты подушной подати, *джизьи*. Их примеру последовали жители некоторых других селений севера Аравии.

631 год ознаменовался триумфальным шествием ислама по Аравии. Он начался принятием ислама жителями Таифа, затем прибыли послы от различных племен Йемена, из Центральной Аравии, Бахрейна. Это свидетельствовало о превращении Мухаммада и проповедуемого им учения в крупнейшую политическую силу, с которой все вынуждены были считаться. Важнейшим этапом на пути борьбы с язычеством и утверждением ислама в Аравии стал хаджж девятого года хиджры (март 631 г.). Предводителем паломников был назначен Абу Бакр, получивший от Мухаммада подробные наставления о новых обрядах хаджжа. Затем к нему присоединился двоюродный брат Мухаммада, Али, которому было поручено огласить новое откровение.

Суть этого откровения заключалась в том, что многобожники последний раз допускаются в Мекку, договоры, заключенные с ними мусульманами, действительны на весь оговоренный срок, а всем остальным язычникам дается четыре месяца на размышление, после чего им объявляется беспощадная война. Ислам решительно размежевывался с «людьми Писания», т.е. иудеями и христианами: с ними предписывалось вести войну, пока они не покорятся и не станут платить подушную подать — джизью, так как они отступили от единобожия и сделали своими божествами раввинов, монахов и «Мессию, сына Марии».

Вторая половина года ознаменовалась постепенным присоединением Йемена к мусульманскому государству. Оно началось с заключения договора с христианскими жителями Наджрана, важнейшего торгового центра севера Йемена, за этим последовало принятие ислама сасанидским наместником Саны и рядом племен Северного Йемена. К концу года почти вся Аравия, за исключением северо-восточной части между Йамамой и устьем Тигра и Евфрата, хотя бы формально приняла ислам.

Этому успеху способствовали три главные причины. Во-первых, в 20-х годах VII в. в Аравии установился вакуум власти: на севере Византия и Иран четверть века были заняты войной друг с другом и не обращали внимания на аравийские дела, на юге Йемен был разорван на множество мелких владений и не имел сил для вмешательства в дела Центральной Аравии. Во-вторых, в Западной Аравии усилиями курайшитов была создана система союзов, обеспечившая единство интересов значительной группы

племен; завоевав Мекку, Мухаммад стал наследником этой системы. В-третьих, и это, быть может, самое важное, власть пророка, вознесенного над остальными людьми божеством, принималась свободолюбивыми бедуинами легче, чем завоевание вождем другого племени или иноземным царем; принимая ислам, они подчинялись не власти чужаков, а высшей, надплеменной и надчеловеческой власти.

Заключительным актом религиозной и политической деятельности Мухаммада стали паломничество в Мекку в начале марта 632 г., окончательно утвердившее новый, мусульманский обряд хаджжа, и рассылка в следующем месяце сборщиков благотворительного налога (*закат* или *садака*, взимавшийся в размере $^1/_{50}$ поголовья скота или $^1/_{10}$ продукции земледелия).

Появление сборщиков садаки во всех вновь присоединившихся районах было встречено с недовольством, в ряде мест перешедшим в открытые восстания. В большинстве случаев их возглавили пророки, подобно Мухаммаду прорицавшие от имени ар-Рахмана. В Северном Йемене восставшие под предводительством прорицателя Абхалы не только изгнали сборщиков, но и захватили Сану, убив наместника-перса. В Центральной Аравии восстание возглавил Тулайха.

В разгар этих событий Мухаммад внезапно тяжело заболел и через две недели, 8 июня 632 г., в муках скончался в возрасте около 63 лет. Смерть пророка потрясла общину, некоторые не хотели верить и ожидали воскресения. Наиболее трезво мыслящие напоминали слова Мухаммада, что он самый обычный человек, лишь отмеченный благодатью откровения. Смятение усугублялось отсутствием преемника. Наследника-сына у Мухаммада не было, как не было и постоянного заместителя или помощника. В момент смерти только одно лицо по прямому указанию Мухаммада исполняло важнейшую обязанность руководителя молитвы (*имама*) — его ближайший друг и тесть Абу Бакр. Для большинства мухаджиров он представлялся естественным преемником. Однако этому воспротивились мединцы-ансары, требовавшие выбрать заместителем (*халифом*) пророка человека из ансаров. Только воспоминания о прежних распрях не позволили ансарам выступить единым фронтом, и в конце концов под энергичным напором одного из ближайших сподвижников Мухаммада, Омара ибн ал-Хаттаба, халифом был избран Абу Бакр. По некоторым сведениям, только двоюродный брат и зять Мухаммада, Али, полгода отказывался присягнуть ему, считая себя обойденным.

АРАБСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ. ХАЛИФАТЫ УМАЙЯДОВ И АББАСИДОВ. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА

Едва весть о смерти пророка распространилась по Аравии, как отовсюду стали изгонять сборщиков садаки и отвергать власть Медины, так как, по мнению большинства, договоры были заключены лично с пророком, а с его смертью прежние обязательства утратили силу. Некоторые племена соглашались исповедовать ислам, но без уплаты садаки. Только племена вокруг Медины, первые союзники Мухаммада, сохранили безусловную верность исламу, да Мекка замерла в ожидании исхода событий.

Большинство мусульманской верхушки склонялось к тому, чтобы ради сохранения политической власти отказаться от садаки, лишь Абу Бакр

стоял на том, что садака — один из столпов ислама и без нее, как и без молитвы, ислама нет. В первый же месяц правления ему пришлось отбивать наступление на Медину бедуинов Центральной Аравии во главе с Тулайхой. Затем для их усмирения был послан Халид ибн ал-Валид, который огнем и мечом прошелся по землям вероотступников, восстанавливая ислам с большой жестокостью. Одновременно другие военачальники и наместники Абу Бакра усмирили далекий Оман и восстановили порядок в Йемене. Весной 633 г. войска направились для борьбы с мятежниками Хадрамаута, возглавленными вождями из рода Кинда. После ряда жестоких сражений, в которых успех выпадал то одной стороне, то другой, глава киндитов был взят в плен и приведен в Медину, где Абу Бакр не только помиловал его, но и дал ему в жены свою дочь.

В начале марта 633 г. Халид ибн ал-Валид вступил в борьбу с наиболее опасным противником, Мусайлимой, утверждавшим, что он получает откровения от ар-Рахмана. В северо-западной части Йамамы (примерно в 50—60 км северо-западнее нынешней столицы Саудовской Аравии Эр-Рияда) произошло сражение, в котором с обеих сторон участвовало примерно по 4000 воинов. Только к концу дня мусульманам удалось сломить противника, наиболее преданные сторонники Мусайлимы укрылись за стеной большого сада, где разыгралась последняя кровавая схватка. Все сторонники Мусайлимы вместе с ним полегли на месте, но и мусульмане понесли ощутимые потери. Недаром этот сад был прозван потом «садом смерти». Потери остановили дальнейшее продвижение Халида, и он удовлетворился заключением мира с жителями Йамамы на достаточно мягких условиях.

Таким образом, только через год после смерти Мухаммада удалось восстановить в полном объеме его государство и даже несколько расширить за счет Йамамы и части Бахрейна, находившейся под непосредственным управлением сасанидского марзбана.

Новое государство было очень рыхлым образованием, по существу без органов управления и постоянной армии. Его ядром была мусульманская община Медины, едва ли насчитывавшая более 2,5—3 тыс. боеспособных мужчин; они и составляли ту гвардию, вокруг которой концентрировались более многочисленные бедуинские отряды. В известной мере к этому ядру можно причислить и курайшитов Мекки, которые понимали, что новое государство, провозгласившее Каабу главным храмом мусульман, является их государством, хотя на первых порах им отводилась в нем второстепенная роль.

Большинство ансаров и мухаджиров имело к этому времени собственные земли и торговое дело, к доходу от которых добавлялась одна пятая добычи, доставлявшаяся в Медину и в значительной части так или иначе распределявшаяся между ними. Садака рассматривалась как добровольное пожертвование на благотворительные цели. Значительная часть ее расходовалась на месте сбора для помощи неимущим мусульманам. Только налоги с немусульман были подлинными налогами, поступавшими в распоряжение главы государства. Никакого казначейства или казнохранилища не существовало: добыча, поступавшая в Медину, тотчас делилась халифом поровну между мусульманами. Халиф получал равную долю со всеми. Мусульмане за пределами Медины никакого жалованья или доли в добыче не получали.

Единственной силой, скреплявшей непрочное единение разнородных элементов Аравии, была непоколебимая вера сподвижников пророка в

правоту его учения, остальные верили Мухаммаду в той мере, в какой ему сопутствовала военная удача. Могло ли такое государство долго существовать и противостоять нападениям извне, трудно сказать. Постепенное усложнение государственного механизма за счет внутреннего развития было невозможно для громадной по территории малонаселенной Аравии. Огромная мусульманская община-государство, дабы избежать распада, должна была перейти к экспансии, которая поставляла бы средства для ее существования без обременительных для населения налогов.

Ослабление Ирана в длительных войнах с Византией и калейдоскопическая смена шахов позволили бедуинам усилить давление на Приевфратье. Вожди некоторых племен, приезжавшие в Медину, чтобы принятием ислама закрепить свои позиции в борьбе с соперниками, просили им помочь против персов. После завоевания Йамамы Абу Бакр приказал Халиду идти на завоевание Хиры, чтобы подчинить власти ислама тамошних арабов. Выдержав несколько сражений с иранскими и арабскими отрядами, Халид вышел к Хире, жители которой сдались, согласившись уплачивать джизью. В ходе дальнейших военных действий Халид подчинил своему контролю все степное Приевфратье.

В начале 634 г. Абу Бакр отправил несколько тысяч воинов для покорения арабских земель в византийских владениях. Начало военных действий в Южной Палестине и Заиорданье выявило отсутствие полководческих талантов у благочестивого и близкого к Мухаммаду Абу Убайды, и Абу Бакр назначил вместо него командующим войсками в Сирии Халида ибн ал-Валида.

Халид совершил неожиданный марш-бросок через безводную пустыню и с несколькими сотнями воинов оказался около Бусры. Против разрозненных отрядов мусульман, разбросанных на значительной территории, византийцы двинули крупные силы, однако Халиду удалось соединить мусульман и нанести византийцам серьезное поражение под Аджнадайном (30 июля 634 г.).

Абу Бакр, видимо, не узнал эту радостную весть, потому что 9 августа скончался от изнурительной лихорадки, успев назначить себе преемника в лице Омара ибн ал-Хаттаба; это назначение было одобрено узким кругом ближайших сподвижников Мухаммада. Между тем мусульманские войска постепенно расширяли свои набеги, а основные силы подошли к Дамаску и осадили его. После полугодовой осады жители Дамаска сдали город, подписав договор, по которому им гарантировались безопасность жизни и сохранение имущества и церквей при условии выплаты подушного налога (джизьи) и обязательства не помогать врагам мусульман (3 сентября 635 г.).

Успехи мусульман в Сирии всерьез обеспокоили императора Ираклия. Он лично взялся за подготовку большой армии для их разгрома. При ее приближении арабы оставили захваченную ими Эмессу (Химс), затем Дамаск и отступили до р.Йармук (по которой ныне идет граница Сирии с Иорданией). За два месяца стояния на Йармуке произошло какое-то изменение в соотношении сил (возможно, на сторону мусульман перешла часть арабов-христиан), и мусульмане решились выйти на бой в открытой местности. Битва длилась три дня (20—22 августа 636 г.), наконец арабской кавалерии удалось сломить византийцев. Эта битва решила судьбу Сирии и Палестины — больше византийцы не смогли дать ни одного значительного сражения: арабам противостояли только местные гарнизоны и провинциальные войска.

В конце того же года южнее Хиры, под Кадисией, Саад ибн Абу Ваккас нанес такое же решительное поражение сасанидской армии, выставившей против мусульман 40 000 воинов и 30 боевых слонов. Сами мусульмане оставили на поле битвы треть армии, но, едва приведя себя в порядок, решительно двинулись в глубь Месопотамии, не встречая серьезного сопротивления. В марте была занята столица Сасанидов Ктесифон (ал-Мадаин), а в конце декабря арабы дошли до гор на севере Месопотамии.

Так через четыре года после начала завоеваний арабы оказались хозяевами трех богатейших стран: Месопотамии, Сирии и Палестины. Добыча и дань, поступавшие в Аравию, превосходили воображение ее жителей, но этот поток богатств быстро растекался по кошелькам, а в казне оставались сравнительно небольшие средства. Многие требовали даже делить не только добычу и дань, но и завоеванные земли и обрабатывающих их крестьян. Чтобы разобраться в ситуации, которой не соответствовали прежние установления, выработанные когда-то для общины верующих в несколько десятков тысяч человек, халиф выехал в сирийскую армию, стоявшую в зимнем лагере южнее Дамаска. Услышав о его прибытии, жители осажденного арабами Иерусалима выразили желание сдаться, если договор с ними подпишет сам халиф. В начале 638 г. договор был подписан. Завоевание Иерусалима было большой моральной победой мусульман — они становились хозяевами священного города иудеев и христиан.

Ознакомившись с ситуацией на месте, Омар принял решение: вся завоеванная земля иноверцев становится коллективной собственностью мусульман (*фай*) и налог с нее поступает в распоряжение халифа. Воины и все заслуженные мусульмане получают твердое жалованье и пайки. Разрыв в размерах жалованья был огромным: вдовы Мухаммада получали 6–12 тыс. дирхемов в год, а рядовые воины от 300 до 500 дирхемов (для сравнения скажем, что баран стоил 5—10 дирхемов, а корова — 30–40). Для учета воинов учреждались реестры-*диваны*. Это и некоторые другие установления, наконец, превратили гипертрофированно разросшуюся религиозную общину в настоящее государство.

Следующим шагом военно-административной реформы была проверка земельных кадастров в Месопотамии с целью упорядочения взимания поземельной подати — *хараджа*. Ставки налога с различных культур, видимо, были те же, что и при Сасанидах. В Сирии и Палестине основой для исчисления налога служили суммы, предусмотренные договорами, сбором их ведали местные власти. Все немусульмане-мужчины с 15 лет обязаны были платить джизью в 12, 24 или 48 дирхемов в зависимости от состоятельности. Для рядовых ремесленников это равнялось примерно месячному заработку.

В конце 639 г. Амр ибн ал-Ас, командовавший арабской армией в Палестине, вторгся на территорию Египта. В его распоряжении было не более 4000 воинов. Захватив после осады хорошо укрепленный городок Бабилйун (южная часть совр. Каира), арабское войско двинулось на столицу Египта, Александрию. Византийцы несколько раз пытались преградить ему путь, последнее сражение перед самой Александрией длилось 10 дней, и арабы понесли тяжелые потери.

В самой Александрии шла ожесточенная борьба между различными группировками горожан, усугублявшаяся преследованием коптов-монофизитов со стороны официальной византийской церкви. Ситуация, видимо, была настолько сложной, что александрийский патриарх Кир, именуемый

арабскими историками ал-Мукаукис, сам явился к Амру в Бабилйун для переговоров о сдаче Александрии, которой в этот момент никто не угрожал. 8 ноября 641 г. было подписано соглашение о сдаче Александрии с гарантией неприкосновенности церквей при уплате 13 тыс. динаров дани, желающие могли беспрепятственно уехать. Получив оговоренную дань, арабы покинули город. Договор с Александрией подвигнул и другие города Египта на заключение таких же соглашений. Через год, когда истек срок действия договора с Александрией, арабы вступили в нее. Этим завершилось завоевание Египта.

Амр не остался в Александрии, а заложил новый город на месте своего лагеря под Бабилйуном, получившим название Фустат («лагерь»); основным населением его стали арабские переселенцы.

На востоке из основанного арабами-мусульманами в устье Тигра и Евфрата города Басры началось наступление на Юго-Западный Иран. А весной 642 г. на главной дороге из Ктесифона в Иран около Нехавенда арабы разгромили армию иранского шаханшаха Йездигерда III и вторглись в Западный Иран.

В разгар этих успехов мусульманская община лишилась своего главы: Омар был смертельно ранен рабом, которому он отказал в благоприятном решении его жалобы. Перед смертью он успел назначить совет (*шура*) из ближайших сподвижников Мухаммада, которые должны были выбрать из своей среды нового халифа.

Из двух кандидатур — Али и Усмана ибн Аффана — был избран второй, не отличившийся особыми заслугами перед исламом. Али, считавший себя более достойным быть главой мусульман из-за родства с пророком, затаил глубокую обиду.

При Усмане волна завоеваний продвинулась еще дальше на восток и запад. К 652 г. были завоеваны остатки Сасанидской империи: последний Сасанид, Йездигерд III, бесславно погиб под Мервом, и арабы вышли к Амударье, а в Закавказье захватили город-крепость Дербент. На Западе им удалось продвинуться до Карфагена, столицы провинции Африка. В завоеванных странах арабы оставили нетронутыми существовавшие в них отношения собственности.

Однако, несмотря на военные успехи, внутреннее положение мусульманского государства не было устойчивым. До сих пор оно держалось на солидарности верхушки мусульманской общины — сподвижников пророка — и азарте завоеваний, приносивших добычу. При жизни Омара, пользовавшегося неоспоримым авторитетом, не было ни одного мятежа. Иначе стало при Усмане, когда возрос сепаратизм крупных арабских колоний за пределами Аравии. В это время Аравия и Медина перестали быть источником военной силы ислама, основные воинские контингенты черпались уже из гарнизонных городов Ирака — Куфы и Басры, египетского Фустата. Реальная сила находилась в руках наместников этих областей. Одного авторитета халифа было недостаточно для поддержания послушания его аппарата в отдаленных областях. Начались волнения, которые с трудом удавалось подавить. Усман стал назначать наместниками своих родичей, щедро одаряя их земельными пожалованиями и деньгами в ущерб старой гвардии ислама, которая все еще оставалась костяком мусульманского государства. Это создало кризисную ситуацию.

В начале мая 656 г. группа недовольных из Египта и Ирака осадила дом халифа в Медине, требуя его отречения. Большинство мединской верхушки заняло выжидательную позицию. 17 июня осаждающие ворвались в дом и

убили Усмана. Возглавил это нападение Абдаллах, сын Абу Бакра. Убийство Усмана положило конец патриархальному периоду единства ядра мусульманской общины и послужило началом длительного периода междоусобной войны.

Гибелью Усмана воспользовался Али, чтобы добиться избрания халифом. Формально он имел на это большие права, как двоюродный брат Мухаммада, женатый к тому же на его дочери и воспитывавшийся в его доме. Но его избрание было сразу же оспорено. Наместник Сирии, Муавия, родственник Усмана, обвинил Али в попустительстве убийству халифа (что не совсем соответствовало действительности). Против нового халифа выступили и старые сподвижники Мухаммада, Талха и аз-Зубайр, поддержанные любимой женой Мухаммада Аишей.

9 декабря 656 г. Али разгромил своих противников под Басрой, Талха и аз-Зубайр пали в бою, а Аишу с почетом отправили в Медину, навсегда отбив у нее охоту заниматься большой политикой.

В июле следующего года в степи около Ракки в урочище Сиффин сошлись войска Муавии и Али. В решающий момент битвы, когда победа Али была близка, его противники подняли на копьях свитки Корана, призывая таким образом решить спор путем переговоров. После переговоров решение о том, кто достоин быть халифом, было возложено на двух почтенных сподвижников. На встрече, состоявшейся через полгода, они оба отвергли Али, но и за Муавию высказался только его представитель. Однако не этот запоздалый третейский суд решил судьбу Али, а то, что сразу после заключения перемирия наиболее решительные противники Муавии осудили Али за компромисс, покинули его и стали его врагами. Они получили название *хариджитов* («ушедших»).

Хариджиты отражали взгляды главным образом рядовых мусульман, в значительной части новообращенных из числа жителей Ирака, недовольных усилением социальной несправедливости в мусульманской общине. В исламе они находили призывы к равенству и справедливости, которые в реальной жизни давно были забыты. Хариджиты впоследствии стали считать, что халифом может стать любой мусульманин, которого изберет община. По всему Халифату шла борьба между сторонниками и противниками Али, последние постепенно концентрировались вокруг Муавии. Али попытался прежде всего навести порядок в своем тылу. Ему удалось разгромить в Ираке хариджитов, но торжество было недолгим: 22 января 661 г. один из хариджитов нанес ему в мечети смертельную рану, и через два дня он скончался. Единая прежде община раскололась на партию Али (*шиа Али*), шиитов, и остальных мусульман, суннитов.

Естественный наследник Али, его старший сын Хасан, сибарит и сластолюбец, легко отказался от претензий на халифат за огромную сумму отступного и большой пожизненный пенсион. Устранив таким образом наиболее опасного соперника, Муавия простил всех боровшихся против него, задарил наиболее влиятельных из них и обеспечил мир и единство Халифата. Главной опорой Муавии оставались арабы Сирии и Палестины, с которыми он обходился как милостивый и щедрый вождь. Арабы других областей, особенно иракские сторонники Али, для которых Муавия оставался узурпатором, чувствовали себя обойденными, но его гибкая политика и твердая рука не давали этой враждебности вылиться в открытое вооруженное выступление.

Христианские церковные историки, жившие на территории Халифата, также считают Муавию справедливым государем, при котором не было

религиозных гонений и незаконных поборов. В значительной мере это объяснялось тем, что арабские наместники не вмешивались в дело сбора налогов и учета налогоплательщиков — вся канцелярия налогового ведомства находилась в руках местных чиновников.

Наиболее опасным внутриполитическим противоречием Халифата был все более углублявшийся раскол внутри мусульманской общины. Кроме политического раскола, выразившегося в образовании партии сторонников Али, все более обострялись социальные противоречия между рядовыми мусульманами и элитой, получавшей большие жалованья и превращавшейся в крупных землевладельцев. Первыми среди них были сам халиф и его родственники. Внутри мусульманской элиты также не было единства. Старые сподвижники Мухаммада и их дети, жившие в Медине, были ущемлены переносом столицы сначала в Куфу, а затем в Дамаск. Их недовольство усугублялось тем, что Муавия и его родичи Умайяды завладели значительной частью земель Мединского оазиса, распределяя в свою пользу скудные ресурсы воды для орошения. К тому же сподвижники пророка не считали сына Абу Суфйана, врага Мухаммада, более достойным власти, чем они сами. Наконец, к этому времени сложилась значительная прослойка новообращенных мусульман-неарабов из вольноотпущенных (*мавали*) и свободных людей, наиболее многочисленная в Ираке. Эта категория мусульман особенно ратовала за возвращение к демократии первоначального ислама и представляла благодатную почву для разного рода религиозно-демократических учений и ересей, в частности для распространения шиизма и хариджитства.

Правление Муавии закрепило многие изменения в структуре Халифата: перенос политического центра из Аравии в Сирию, расслоение общины и превращение ее в империю с господством народа-завоевателя. Для окончательного ее оформления не хватало только введения принципа наследования власти внутри одной семьи и создания собственного административно-фискального аппарата и собственной денежной системы. Муавия сделал многое в этом направлении: он закрепил власть в своем роду, объявив преемником своего сына Йазида, и начал пересмотр налоговых списков в Северной Месопотамии и некоторые реформы в Египте.

Стабилизация внутреннего положения позволила начать завоевания в Индии, за Амударьей и на западе Северной Африки; с новой силой возобновились походы на Византию. Был создан большой арабский военный флот на Средиземном море, что поставило Византию в еще более сложное положение. В 674-680 гг. армия под командованием Йазида обложила Константинополь с суши, а флот блокировал Дарданеллы; только применение новоизобретенного «греческого огня», уничтожившего арабский флот, спасло город от падения.

Со смертью Муавии (апрель 680 г.) Алиды вновь заявили претензии на халифат. Второй сын Али от дочери пророка Фатимы, Хусейн, отказавшись присягнуть Йазиду, двинулся со всей семьей из Медины через Мекку (куда он прибыл якобы для паломничества) на Куфу, где его сторонники готовы были поднять восстание. Однако их выступление было предотвращено, прямой путь на Куфу закрыт, и Хусейн с ближайшими родственниками и горсткой приверженцев оказался окружен войсками халифа в безводной степи около Кербелы. Он отказался сдаться, но долго никто не решался поднять руку на внука пророка. Наконец, воины толпой набросились на него, чтобы не нести единоличной ответственности за убийство, и изрубили мечами; с ним погибло полтора десятка других потомков Али.

Мученическая смерть Хусейна стала поворотным пунктом в истории шиизма. Теперь он, обретя легенду о праведнике-мученике, погибшем от руки тиранов, стал быстро превращаться из политического движения в религиозное. День гибели Хусейна, 10 мухаррама (по мусульманскому календарю), навсегда стал днем величайшего траура для шиитов.

Одновременно с Хусейном отказался присягнуть Йазиду Абдаллах, сын аз-Зубайра, бывшего соперника Али в борьбе за халифат. Он ушел в Мекку, дожидаясь своего часа. В то же время мединцы подняли восстание против умайядского наместника. 26 августа в жестоком сражении мединцы

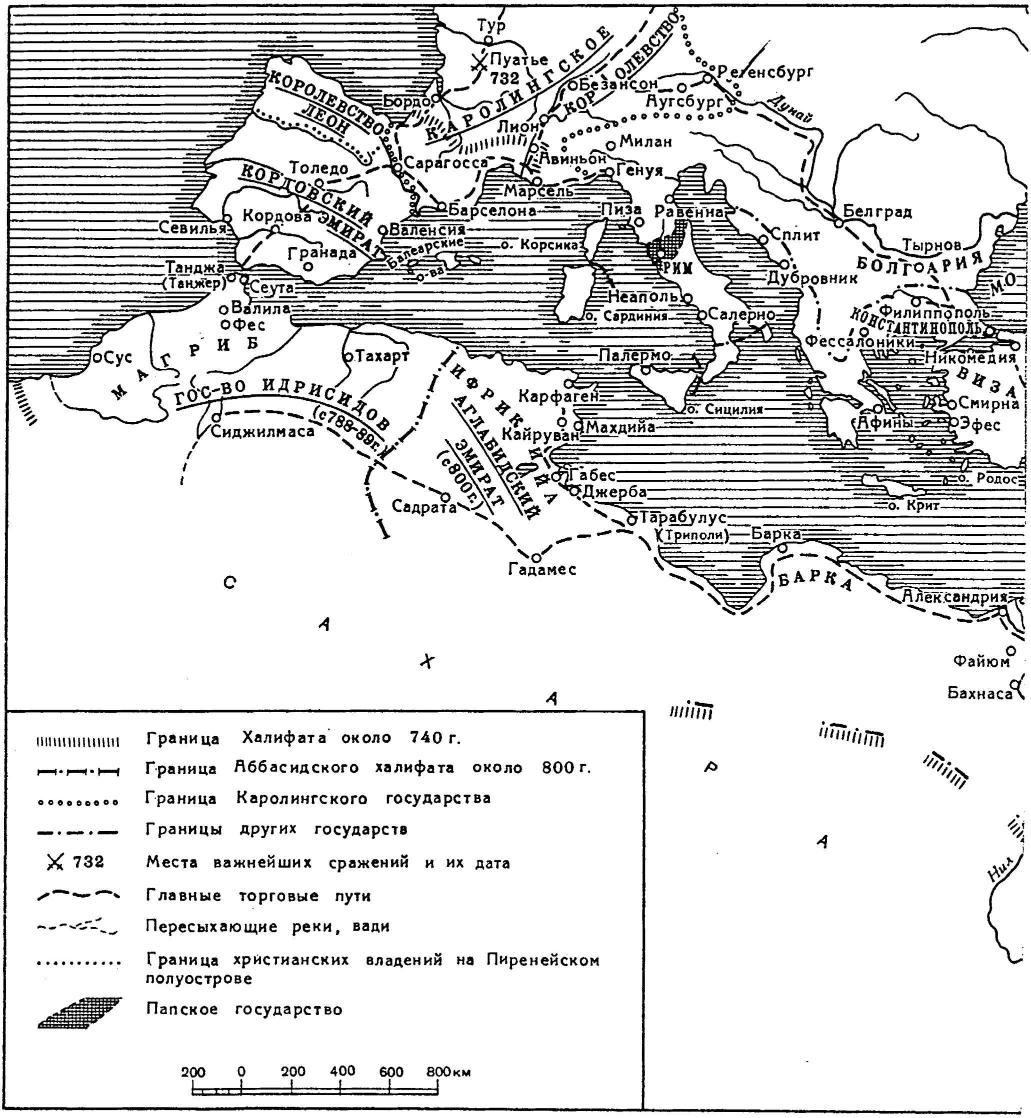
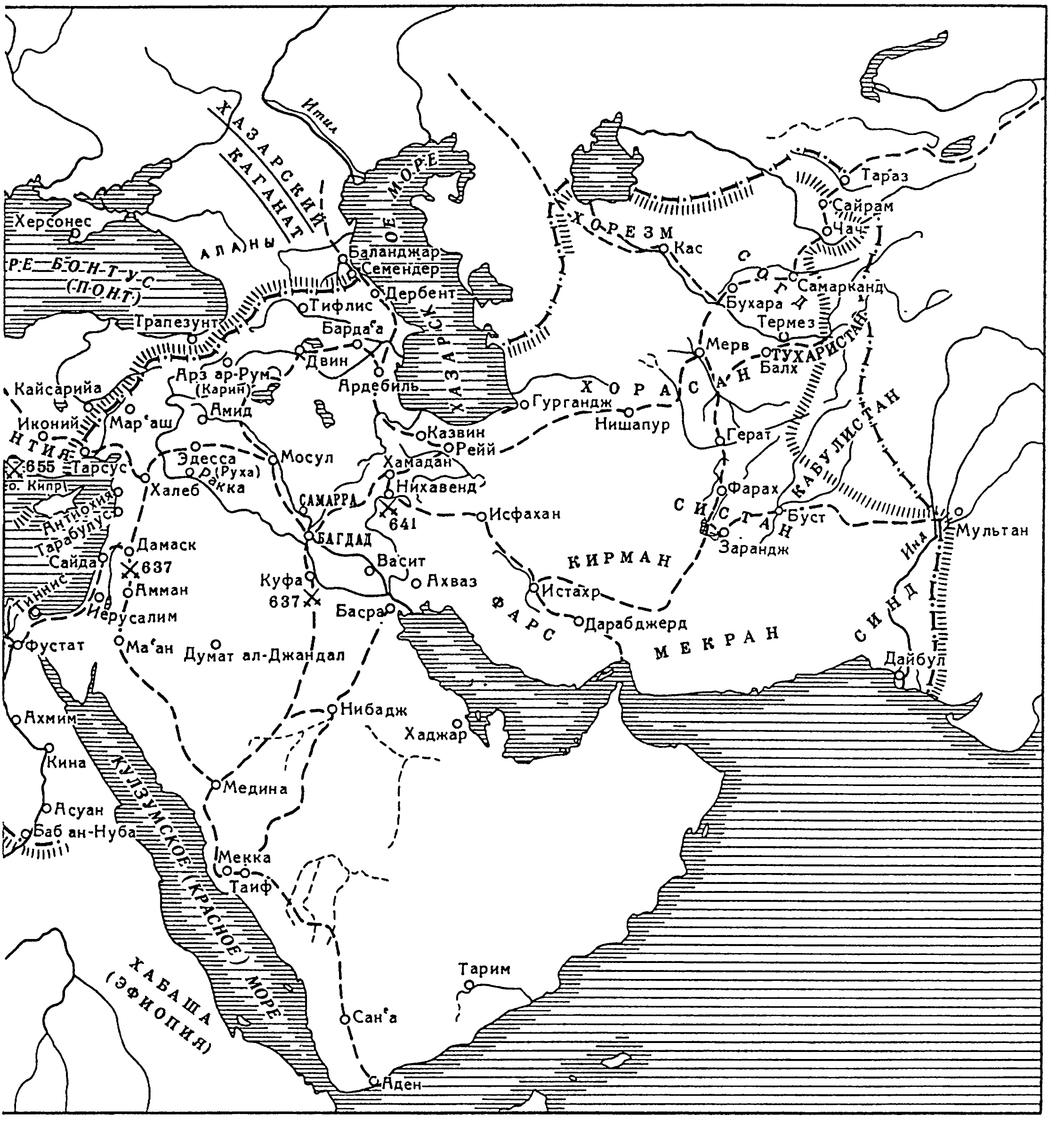


Рис. 8. Халифат

были разгромлены войсками Йазида, на поле битвы полегли 80 сподвижников пророка и около 600 их потомков. Усмирив Медину, халифское войско двинулось на Мекку, но смерть Йазида (10 ноября 683 г.) заставила снять осаду с города.

После кратковременного правления сына Йазида Халифат оказался без общепризнанного главы. Ибн аз-Зубайр пытался созвать совет для избрания халифа, а когда это не удалось, объявил халифом себя, и его признало большинство провинций. Но ему пришлось выдержать жестокую борьбу: сначала с восставшими в Ираке шиитами во главе с ал-Мухтаром (684 г.), а



в VII—IX вв.

затем с хариджитом ал-Азраком в Ахвазе; другие группы хариджитов захватили Бахрейн.

В руках Умайядов оставались лишь Иордания и часть Палестины, и они даже стали думать о признании Ибн аз-Зубайра. Все же Марван ибн ал-Хакам, троюродный брат Муавии, решился отстоять права своего рода. В июле 684 г. его войска, состоявшие из североарабских племен группы кайс, под Дамаском разгромили южноарабские племена группы калб, присягнувшие Ибн аз-Зубайру. Преклонный возраст не позволил Марвану, овладевшему Сирией и Египтом, развить наметившийся успех: в мае 685 г. он скончался и халифом стал его сын Абд ал-Малик.

Восемь лет понадобилось Абд ал-Малику, чтобы восстановить единство Халифата. Исход борьбы был предрешен захватом Ирака (691 г.). Ибн аз-Зубайр оказался изолированным в Западной Аравии. В начале 692 г. халифские войска под командой неизвестного до того ал-Хаджжаджа осадили Мекку. Ибн аз-Зубайра покинуло большинство сторонников, даже сыновья, и он нашел смерть в отчаянной вылазке с горсткой последних приверженцев.

Единство Халифата было восстановлено, после этого нетрудно было справиться с азракитами (последователями ал-Азрака) в Фарсе и Кермане (697 г.) и подавить хариджитов в Аравии. Победитель Ибн аз-Зубайра, ал-Хаджжадж, был назначен наместником всего востока Халифата.

Стабилизация внутреннего положения позволила Абд ал-Малику провести реформы, наметившиеся при Муавии. В 691 г. в Ираке и Сирии налоговые кадастры были переведены со среднеперсидского и греческого на арабский язык, а во главе финансового ведомства встали арабы. Одновременно была проведена денежная реформа. Вместо византийской золотой номисмы и драхмы сасанидского типа стали чеканить единообразную золотую и серебряную монету без изображений, с одними только арабскими надписями, содержащими мусульманский символ веры, цитату из Корана и выходные данные. Медная монета была менее стандартна, но также несла только арабские надписи.

В это же время возобновляются завоевательные походы. При сыне Абд ал-Малика, ал-Валиде (705–715), были завоеваны земли между Амударьей и Сырдарьей, Фергана и Ташкентский оазис, Белуджистан и Синд. На Западе мусульманские войска (состоявшие в основном из берберов) под командованием мавлы Мусы ибн Нусайра в 711 г. переправились через пролив на Пиренейский полуостров. Армия вестготов была разгромлена в первом же сражении (19 июля 711 г.), дальнейшее сопротивление мусульмане встретили лишь у стен некоторых крупных городов. Через два с половиной года огромный полуостров (за исключением Галисии и Астурии) был присоединен к Халифату. В 715 г. сын Абд ал-Малика, Маслама, начал осаду Константинополя, длившуюся до 717 г. В 717–718 гг. мусульманские войска перевалили через Пиренеи и заняли Нарбонн, но далее военное счастье изменило мусульманам. В 732 г. под Пуатье франкское ополчение под командованием Карла Мартелла нанесло удар, положивший конец дальнейшим попыткам мусульман проникнуть глубоко на север, а через два-три десятилетия мусульмане отступили назад, за Пиренеи.

Второе десятилетие VIII в. было апогеем политического могущества Халифата. Он достиг максимальных размеров, на его территории насчитывалось 70–80 млн. жителей, гигантские суммы стекались в казну халифов, позволяя не только содержать огромную армию и флот, но и вести монументальное строительство. В это время восстанавливаются

прибрежные города Сирии и Палестины, пострадавшие в предыдущем столетии, разрастаются новые военно-политические центры: Куфа, Басра, Фустат, Кайруван; в начале VIII в. к ним присоединяется новая столица Ирака, Васит. В городах возводятся монументальные мечети и дворцы наместников, отделанные мрамором и мозаиками, появляются такие замечательные архитектурные сооружения, как мечеть в Дамаске и «Купол скалы» в Иерусалиме. Скромные мечети Мекки и Медины заменяются богато отделанными зданиями, для строительства которых приглашали византийских мастеров. Каждый из халифов старается обзавестись собственным дворцом-поместьем на границе Сирийской пустыни и культурных земель.

Вместе с тем было подорвано единство арабов, существовавшее в первые десятилетия эпохи завоеваний. В первой четверти VIII в. в Хорасане, Египте и Северной Африке появляется поколение арабов, для которых эти страны были родиной, ощущение единства ослабляется, усиливаются местные интересы, складывается местная элита. К тому же усиливается вражда между различными группировками арабских племен, особенно между южноарабскими и североарабскими. Растет также недовольство все более увеличивающейся прослойки завоеванных, принявших ислам. Теоретически они должны были становиться полноправными членами мусульманского общества, но в большинстве случаев продолжали платить тяжелые налоги и повседневно испытывали пренебрежительное отношение к себе чистокровных арабов.

Перевод фискальной документации при Абд ал-Малике на арабский язык и непосредственное вмешательство арабских уполномоченных в сбор налогов привели к ухудшению положения податного населения. Тяжелым бременем на население Египта и Ближнего Востока легла трудовая повинность для участия в строительстве халифских дворцов и мечетей.

Омар II (717–720) попытался избежать крайностей и найти выход в буквальном следовании предписаниям ислама. Он отменил обложение церквей и монастырей и освободил новообращенных мусульман от уплаты подушной подати. Однако в ряде областей это вызвало такую недостачу в финансах, что пришлось восстановить старый порядок. Его преемник Йазид II (720–724), не только взимал налоги с монастырей и церквей, но и впервые в истории ислама начал преследования христиан. В Египте был составлен новый земельный кадастр, при этом общая сумма налогов увеличилась примерно вдвое. Это привело к восстанию, которое с трудом удалось подавить.

В те же годы вспыхивает восстание согдийцев, которые, приняв ислам, не получили обещанного освобождения от подушной подати. Восставшие опирались на поддержку тюрок-тюргешей. Только после разгрома тюргешского кагана Сулука под Балхом (737 г.) и его последующей гибели арабы смогли постепенно восстановить свою власть в среднеазиатском междуречье (Мавераннахр).

Недовольство усилившимся налоговым гнетом, неравноправие мусульман-неарабов были прекрасной питательной средой для распространения шиитской пропаганды, обещавшей установление справедливости при праведном халифе из потомков пророка. Под влиянием мусульман-неарабов в учение о праведном имаме-халифе вплетаются различные представления о воплощении и передаче божественной эманации от имама к имаму и мессианистские верования. Особенные надежды на перемены возлагались на сотый год хиджры, который будто бы должен стать

последним годом неправедной власти: одни ждали конца власти Умайядов, другие — власти арабов вообще. Этим надеждам не дано было сбыться, но власть Умайядов все более расшатывалась.

Слабостью шиитского движения был раскол его на несколько направлений в зависимости от того, кому из многочисленных внуков Али оказывалась честь считаться имамом. В 20-х годах VIII в. у них появился сильный соперник в лице Аббасидов, потомков Аббаса, дяди Мухаммада и Али. В конце правления ал-Валида I внук третьего сына Али, Абдаллах ибн Мухаммад, умирая, будто бы передал сокровенное знание, заключавшееся в некоем «желтом свитке», правнуку Аббаса, Мухаммаду, а вместе с тем завещал и тайную организацию своих сторонников, с центром в Куфе. Она была тщательно законспирирована, рядовые участники организации не знали даже имени имама, так как пропаганда велась за «угодного [Аллаху]» (*ар-рида*)[1] имама из рода Мухаммада. В течение четверти века шла тайная вербовка сторонников, разветвлялась сеть проповедников, не проявляясь, однако, ни в каких враждебных Умайядам действиях.

Все подспудно копившиеся противоречия вышли наружу в середине 40-х годов, когда после двадцатилетнего правления Хишама (724–743) началась борьба за престол. За полтора года сменилось три претендента, опиравшихся на различные группировки арабских племен, и это вызвало крайнее обострение межплеменной борьбы от Палестины до Средней Азии, облегчившей успех антиумайядским движениям.

Марвану II, пришедшему к власти в конце 744 г., пришлось одновременно подавлять мятежи его арабских противников в Сирии и бороться с серьезным восстанием хариджитов в Северной Месопотамии. Лишь к концу 745 г. после ряда жестоких сражений их удалось изгнать из Ирака. В период междуцарствия обострилась борьба между северными и южными арабами в Хорасане. Халиф, занятый наведением порядка в центре Халифата, не мог оказать помощи своему наместнику. Воспользовавшись этим, аббасидский имам Ибрахим ибн Мухаммад послал в Хорасан в марте 747 г. своего личного представителя Абу Муслима (бывшего раба одного из деятелей аббасидского движения) для организации восстания. Прибыв в Мервский оазис, он стал вести пропаганду в пользу анонимного «имама из семьи пророка», «угодного [Аллаху]» (*ар-рида*), который будет «следовать „Книге Аллаха" и обычаю пророка». Этот расплывчатый лозунг привлек к нему и шиитов, и хариджитов, и всех недовольных правлением Умайядов. 15 июня, когда началось восстание, у Абу Муслима было около 2000 сторонников. Умайядский наместник Хорасана Наср ибн Саййар недооценил опасность и не подавил восстания, пока оно не набрало силу. Это позволило Абу Муслиму, лавируя между противоборствующими группировками, изгнать его из Мерва.

Халиф в это время был больше озабочен борьбой с хариджитами, занявшими Йемен, Мекку и Медину. Только после того как сторонники Аббасидов заняли весь Хорасан и вступили в Рей, Марван II понял, откуда грозит наибольшая опасность. Ему удалось найти главу движения, имама Ибрахима ибн Мухаммада; он был арестован, а после поражения халифских войск при Нехавенде (26 июня 749 г.) — отравлен. Но это уже не могло спасти положения. 29 августа аббасидская армия вступила в Куфу.

В январе 750 г. Марван II с двенадцатитысячным войском встретил аббасидскую армию на р.Большой Заб, потерпел поражение и отступил в

---

[1] Не исключено, что первоначально подразумевалось «угодный [общине]».

Сирию. Сирийцы не оказали ему поддержки. Даже Дамаск сдался Аббасидам после нескольких дней осады. Марван тщетно пытался организовать сопротивление в Египте, его настигли там и убили. Овладение остальными провинциями не составило особого труда, только мусульмане далекой Андалусии, отделенной морем от остального Халифата, не признали власти новой династии и приняли в качестве эмира внука халифа Хишама (755 г.), да на крайнем северо-востоке после подавления восстания согдийцев войскам Абу Муслима пришлось утверждать власть ислама за Сырдарьей в тяжелом столкновении с объединенной армией китайцев и тюрок (751 г.).

Начало правления Аббасидов разочаровало многих участников движения, которые привели их к власти: шииты и хариджиты быстро поняли, что их лозунги были использованы Аббасидами лишь для маскировки, ожидавшееся всеобщее благоденствие не наступило, а обещанная справедливость обернулась казнями и преследованиями. Сначала были уничтожены все Умайяды, и даже прах умерших халифов был выброшен из могил. Затем пришла очередь людей, благодаря которым Аббасиды стали халифами. По приказанию халифа ал-Мансура (754–775) прямо у него на глазах был убит сам Абу Муслим (755 г.). Не сбылось и обещание нестяжательства. Аббасиды еще интенсивнее, чем прежняя династия, принялись за строительство дворцов и огромных городов-резиденций. Самым гигантским предприятием стало строительство новой столицы, Багдада (762–763), в котором приняло участие около ста тысяч строителей. Аббасиды завели многочисленный двор, пышные дворцовые церемонии и приемы. Все это требовало изыскания новых источников доходов, совершенствования налоговой системы.

Важнейшим следствием аббасидского переворота была утрата арабами привилегированного положения и монополии на власть. Мусульмане, арабы и неарабы, реально сравнялись в правах, и это способствовало быстрой исламизации восточной половины Халифата (христиане Сирии и Египта упорнее держались за свою веру, чем зороастрийцы). Халифат из арабской империи превратился в исламское государство. Вероисповедание реально стало важнее для определения статуса человека, чем его этническая принадлежность. Наибольший выигрыш в новых условиях получили иранские и среднеазиатские феодалы, ставшие опорой новой династии.

Иранцы, вошедшие в ближайшее окружение халифов, принесли с собой многие традиции сасанидской государственности и возродили некоторые ее институты. Так, рядом с халифом появляется фигура *вазира* — главы административного аппарата государства, — аналог сасанидского *вузург фрамандара*. Первыми вазирами Аббасидов становятся Бармакиды, потомки Бармака, верховного жреца храма в Балхе. Обособление гражданской администрации повлекло за собой создание специализированных канцелярий, *диванов*, с многочисленным штатом, занятым перепиской с провинциями и между собой, регистрацией, составлением отчетов. Складывается влиятельный слой чиновничества, считающего себя главной опорой государства и успешно соперничающего с военной знатью.

Слияние ирано-среднеазиатской и арабской верхушки свело на нет антиарабские движения, возглавлявшиеся прежде местной знатью. Восстания второй половины VIII в. в Халифате приобретают более определенный социальный характер, затемняемый для нас различными оттенками религиозных учений, под знаменами которых они проходили. Поверхностная исламизация широких масс Ирана и Средней Азии породила

в умах правдоискателей смесь демократических идей раннего ислама, в духе хариджитских взглядов, с мессианизмом и маздакизмом. Совершенно несвойственная исламу и даже прямо противоречащая учению Мухаммада идея о последовательной передаче божественной эманации по воле бога или ее носителя от одного избранника к другому (у «крайних» шиитов — внутри рода Али), о спасителе ал-Махди, который должен очистить мир от скверны, получила значительное распространение. Многие вожди народных восстаний объявляли себя носителями божественного духа, призванными устранить несправедливость. Убитый Аббасидами Абу Муслим становится в памяти народа одним из таких воплощений, возникает секта его почитателей, абумуслимия, появляются вероучители, утверждавшие, что в них переселился дух Абу Муслима.

В 776 г. один из почитателей Абу Муслима, Хашим ибн Хаким, по прозвищу Муканна («закрытый покрывалом»), утверждавший, что в нем воплотился дух божий, который до того был в Мухаммаде и Абу Муслиме, поднял восстание в Согде и даже захватил Самарканд. Основную массу восставших составляли крестьяне, лишь формально принявшие ислам. Горожане, среди которых было много арабов, не поддержали Муканну. Однако местные гарнизоны не могли справиться с восставшими, а подкрепления из центра не поступали, так как Хорасан также был охвачен восстанием (Юсуфа ал-Барма, 777 г.). Только в 778 г., после подавления восстания ал-Барма и прибытия подкреплений, правительственным войскам удалось овладеть Согдом. Муканна укрылся в горной крепости около Кеша (совр. Шахрисабз), где продержался еще полтора года, пока его сторонники не вступили в сговор с осаждавшими. Тогда Муканна покончил с собой.

Неоднократные восстания Алидов не имели такого размаха, но были опасны тем, что претензии потомков пророка на халифат в глазах многих мусульман были правомерными. Наиболее энергичными борцами за передачу власти потомкам Али были исмаилиты, сторонники наследования имамата по линии Исмаила ибн Джафара, образовавшие после смерти его сына, Мухаммада ибн Исмаила, тщательно законспирированную организацию.

Аббасидский халифат в конце VIII–IX в. представлял собой мощное централизованное феодально-бюрократическое государство. Крупнейшим землевладельцем был сам халиф, за ним следовали потомки бывших феодальных владетелей Ирана и Средней Азии, которых постепенно вытесняли высшие чиновники, сколачивавшие огромные состояния не столько благодаря большим жалованьям, сколько с помощью злоупотреблений.

Основной статьей доходов Аббасидского халифата были поступления от поземельного налога. Земля облагалась двумя видами налога: привилегированной десятиной — *ушром* и обычным — *хараджем*. Ушр, как явствует из названия («десятая часть»), теоретически составлял $^1/_{10}$ продукции земледелия и рассматривался мусульманскими юристами не как государственный налог, а как благотворительный сбор (закат). Ушр взимался с земель в Аравии, вновь освоенных земель или дарованных халифом. Харадж, которым облагалось подавляющее большинство земель в завоеванных странах, составлял при самотечном орошении от $^1/_3$ до $^2/_5$ урожая или его стоимости; при применении водоподъемных устройств размер хараджа уменьшался в соответствии со степенью трудоемкости применяемого способа орошения. С неполивных земель обычно платили $^1/_{10}$ урожая, но эта ставка могла быть повышена в зависимости от урожайности. Харадж рассматривался мусульманскими юристами как плата

за пользование землей, принадлежащей мусульманской общине по праву завоевания. Но после исламизации подавляющей части населения налоговый статус земель перестал зависеть от религиозной принадлежности налогоплательщика — он был навечно закреплен, хотя халиф мог в виде особой милости владельцу превратить хараджную землю в ушровую.

Существовало три способа исчисления хараджа: в твердой ставке с единицы площади (*харадж мисаха, муфадана*), в виде неизменной в течение длительного срока суммы с податной единицы (*харадж мукатаа*) и в виде доли урожая (*харадж мукасама*). Последний способ получил широкое распространение в Ираке при ал-Мансуре. Харадж мог взиматься деньгами, натурой или в смешанной форме. Сбор его сопровождался различными злоупотреблениями сборщиков, недоимки буквально выколачивались из налогоплательщиков.

Государство, нуждаясь в срочном поступлении денег, часто отдавало сбор налогов на откуп. Откупщиками обычно становились высшие чины государства из ближайшего окружения халифа. Система откупов (*даман* или *кабала*) была особенно тяжка для налогоплательщиков.

То, что хараджные земли находятся лишь в пользовании побежденных, было своего рода идеологической условностью, а не юридическим фактом. И ушровые, и определенные категории хараджных земель могли отчуждаться. Понятие *милк* — «собственность» — прилагалось в равной мере к обеим категориям земель.

Общий объем поступлений в конце VIII — начале IX в. колебался от 350 до 400 млн. дирхемов (включая стоимость натуральных поставок). Из этой суммы около 35–40 млн. шло на содержание двора (вместе с гвардией). Кроме того, в личную казну халифа поступали значительные суммы доходов от собственных поместий, торговых заведений и мастерских. В первое столетие правления Аббасидов поступления превышали расходы, и в личной сокровищнице халифов накапливались сотни миллионов дирхемов наличными и огромные запасы оружия, драгоценных одежд, золотой и серебряной утвари.

Ненамного отставали от них вазиры, жалованье которых исчислялось сотнями тысяч дирхемов в год. Богатейшими из вазиров были, видимо, Бармакиды, у которых халиф ар-Рашид конфисковал только наличными более 30 млн. дирхемов. Миллионные состояния многих высших чинов Халифата не были редкостью.

Сотни тысяч килограммов серебра и десятки тысяч килограммов золота, стекавшиеся ежегодно в столицу Халифата, создавали огромный спрос на всевозможную ремесленную продукцию, который привлекал отовсюду в столицу торговцев и ремесленников, строителей и поденщиков. Через несколько десятилетий после основания Багдад превратился в один из крупнейших городов мира с населением по крайней мере в четверть миллиона.

Концентрация средств способствовала развитию производства предметов роскоши внутри Халифата, прогрессу строительной техники, внедрению новых привозных культур, например продвижению цитрусовых с Дальнего Востока на Ближний Восток и в Северную Африку (а оттуда — в Южную Европу). Вовлечение в единую политическую и экономическую систему ряда стран вызвало рост городов в Хорасане, Средней Азии и Закавказье.

Кроме того, избыток средств стимулировал дальнюю торговлю с Дальним Востоком и Индией, Северной Европой и Тропической Африкой. Баланс внешней торговли был пассивным: правящая верхушка Халифата за все

расплачивалась серебром и золотом. Поток серебра, шедшего в Восточную Европу в обмен на меха и рабов, до сих пор напоминает о себе находимыми там большими кладами. До X в. включительно отток серебра компенсировался добычей на многочисленных рудниках Халифата.

При Аббасидах Халифат не раздвинул своих границ, происходило лишь окончательное включение в состав мусульманского государства некоторых труднодоступных областей, находившихся прежде лишь в формальной зависимости (Табаристан, Усрушана, Кабулистан). В Малой Азии почти каждое лето мусульманские войска с большим или меньшим успехом вторгались в византийские владения, брали пленных, угоняли скот и к зиме возвращались обратно.

В конце IX в. появились первые признаки распадения Халифата. В 172/788-89 г. праправнук Али, Идрис, бежавший после разгрома его восстания в Мекке на крайний запад Халифата, образовал независимое государство на территории нынешнего Марокко, положив начало династии Идрисидов. Следующей вышла из-под непосредственного контроля Аббасидов провинция Африка (Ифрикийа), ее наместник Ибрахим ибн Аглаб (с 800 г.), наделенный большими полномочиями, сразу же стал фактически независимым.

Еще опаснее для целостности Халифата оказались события на востоке, который был опорой Аббасидов. В 806 г. в Самарканде поднял мятеж Рафи ибн Лайс, внук умайядского наместника Хорасана Насра ибн Саййара. Его поддержали широкие слои населения Мавераннахра, недовольные притеснениями и вымогательствами аббасидского наместника Хорасана Али ибн Исы. Войска, посланные на подавление мятежа, были разгромлены. В Хорасан отправился сам халиф Харун ар-Рашид (786—809). В пути он заболел и вынужден был остановиться около Туса. Тем временем его новый наместник, Харсама, сменивший Али ибн Ису, нанес поражение Рафи ибн Лайсу под Бухарой. Взятый в плен брат Рафи был доставлен к халифу. Умирающий Харун ар-Рашид приказал мясникам разрезать его на куски.

После смерти Харуна ар-Рашида халифом, с резиденцией в Багдаде, стал его сын ал-Амин, а соправителем восточной части Халифата и преемником ал-Амина — сын от другой жены, ал-Мамун. Энергичными действиями Харсамы Рафи был блокирован в районе Самарканда, он обратился к ал-Мамуну с просьбой о помиловании и получил его, так как ал-Мамун был заинтересован в укреплении тыла перед началом борьбы с братом, который нарушил завещание отца и объявил наследником своего малолетнего сына.

Весной 810 г. ал-Мамун объявил себя халифом. В течение 810–812 гг. ал-Амин терял область за областью, и в конце 812 г. войска ал-Мамуна окружили Багдад. После годичной осады ал-Амин, оставленный большинством сторонников, был убит. Однако ал-Мамун пять лет не решался возвратиться в Багдад.

В 814—815 гг. в Куфе, Басре, Медине, Мекке произошли шиитские восстания. В этой сложной ситуации ал-Мамун, в окружении которого было много шиитов, провозгласил своим наследником восьмого шиитского имама Али ибн Мусу (ар-Рида, или Риза) (март 817 г.), отчеканил монету с его именем, заменил официальный черный цвет одежд и знамен Аббасидов на зеленый шиитский и выдал за Али одну из своих дочерей. В ответ в Багдаде дядя ал-Мамуна, Ибрахим ибн ал-Махди, провозгласил себя халифом. Ал-Мамун, уже направившийся в Багдад, вынужден был в пути

задержаться, и тут внезапно (и, как считали шииты, не без помощи ал-Мамуна) скончался Али ар-Рида. Ал-Мамун похоронил его с царскими почестями рядом с Харуном ар-Рашидом, но не стал возобновлять завещание в пользу кого-либо из Алидов. В Багдад ал-Мамун вступил только в июле 819 г., после свержения Ибрахима, вместе с ним в его окружении прибыли многие знатные хорасанцы и мавераннахрцы, занявшие командные посты в Халифате.

С первых лет правления ал-Мамуну пришлось вести трудную борьбу с хуррамитским неомаздакитским движением в Азербайджане[2], возглавленным Бабеком (Бабак, Папак), которое имело антиисламскую направленность. Видимо, идеалом Бабека, как и Муканны, было восстановление общинной демократии на базе доисламских верований.

Ал-Мамун был, несомненно, самым просвещенным и, вероятно, одним из наиболее талантливых политиков среди аббасидских халифов. Но и он не мог остановить начавшегося процесса распадения Халифата, проходившего путем превращения несменяемых наместников в основателей вассальных династий. Так, в Мавераннахре внуки местного феодала (дехкана) Самана — Нух, Ахмад, Йахйа и Илйас, — принимавшие участие в борьбе против Рафи ибн Лайса, получили в 819 г. во владение Самаркандский Согд, Фергану, Шаш и Усрушану, Герат. Правая рука ал-Мамуна, Тахир ибн Хусайн, став в 821 г. наместником восточной части Халифата, отказался признавать власть халифа. Его отравили агенты ал-Мамуна, который все же оставил управление этим наместничеством за сыном Тахира, а тот, в свою очередь, передал власть своему брату. Будучи формально наместниками и пересылая часть налоговых поступлений, Тахириды правили подвластными областями совершенно независимо, не давая отчета центральным властям.

Ситуация на территории, непосредственно подчиненной халифу, была неспокойной. Приходилось вести постоянные военные действия против Бабека, подавлять восстания в различных областях. Ал-Мамун решил добиться идейного единомыслия мусульман — впервые сформулировать официальный догмат веры, который удовлетворил бы и суннитов и шиитов. В 827 г. был официально принят шиитский лозунг: «Али — лучший из людей» — с оговоркой «после Мухаммада», Муавия был подвергнут осуждению, а единственно верным учением признан мутазилитский догмат о сотворенности Корана. В 833 г. ал-Мамун потребовал проверить убеждения всех судей и знатоков мусульманского предания и отстранить противников этого догмата.

В 830 г. византийский император, пользуясь занятостью значительной части мусульманских войск борьбой с Бабеком, напал на пограничные крепости мусульман. Ал-Мамун ежегодно возглавлял летние кампании против византийцев и добился некоторого успеха, но во время четвертого похода в 833 г. скончался. Его преемник, ал-Мутасим, отозвал войска из похода и прекратил строительство крепостей, начатое при ал-Мамуне, обратив основное внимание на борьбу с Бабеком.

С 835 г. борьба с Бабеком была поручена Хайдару, сыну владетеля Усрушаны, который начал с подготовки театра военных действий: прокладки дорог, строительства крепостей и складов. В 837 г. Бабек оказался блокированным в своей столице-крепости Базз, которая была

[2] В средние века так называлась территория к югу от Аракса.

взята штурмом 26 августа. Все ее защитники были перебиты. Бабек с семьей и горсткой сторонников бежал, но был схвачен, доставлен в Самарру и после четвертования сожжен.

Пестрая в этническом и религиозном отношении империя Аббасидов сохраняла свое единство в основном благодаря силе оружия, огромной армии, на содержание которой уходила бо́льшая часть бюджета. При них однородное арабское войско, непосредственно осуществлявшее власть народа-завоевателя, заменила наемная армия, ядром которой долго были дружины хорасанских и среднеазиатских феодалов, постепенно вытеснившие арабские ополчения, привлекавшиеся потом только во время больших походов. Не имея опоры на какую-то этническую или социальную группу, халифы вынуждены были искать такую вооруженную силу, которая позволила бы не быть зависимыми от хорасанских отрядов. Ею стала гвардия из профессиональных воинов-рабов (*гулямов*). Рабы в качестве личной охраны имелись уже при первых халифах, но только в конце правления ал-Мамуна они стали ядром халифского войска, когда наследник ал-Мамуна, ал-Мутасим, закупил 3000 гулямов-тюрок. Став халифом, он еще более увеличил численность гулямской гвардии и основал новую столицу, Самарру, чтобы жить в полной безопасности под охраной верных рабов. Но именно здесь, в окружении нескольких десятков тысяч гулямов, халифы стали игрушкой в их руках. Командующие гвардией начали по своему произволу сменять халифов и возводить на престол угодных им претендентов.

Иранскую знать на высших государственных постах постепенно сменяют выходцы из гулямов. Один из них, Ахмад ибн Тулун, назначенный в 868 г. наместником Египта, добился присоединения к своему наместничеству Сирии и стал основателем династии Тулунидов. Если учесть, что Йемен с середины IX в. находился под властью зайдитских (шиитских) имамов, то окажется, что от некогда огромной империи в реальной власти Аббасидов остались Месопотамия, Северная Аравия, Закавказье и часть Юго-Западного Ирана.

Сокращаются и доходы Халифата при неизменном уровне расходов на пышный двор, огромную гвардию. Нуждаясь в средствах, ал-Мутадид (892–902) отдал на откуп половину Ирака с условием, что откупщики гарантируют ежедневное поступление 7000 динаров. И все же, хотя откупщики оставляли себе часть собранных денег, к концу правления ал-Мутадида в личной казне халифа имелось около 9 млн. динаров.

В 869 г. в районе Басры вспыхнуло восстание черных рабов (зинджей), нанесшее сильный удар Халифату. Рабство было распространенным явлением, но большинство рабов, занятых в домашнем хозяйстве и обслуживании, было разъединено. Лишь в болотистых низовьях Тигра и Евфрата рабский труд применялся в классической форме: большие группы рабов, в основном негров из Восточной Африки — зинджей, живших в казарменном режиме, занимались изнурительным трудом по расчистке солончаков.

Вождь повстанцев Али ибн Мухаммад, выдававший себя за потомка Али, не был ни рабом, ни чернокожим. Подобно многим вождям антихалифских восстаний, он претендовал на обладание сокровенным знанием и объявил себя Махди, имамом-спасителем. Он обещал рабам свободу, богатство и собственных рабов. Это дало ему тысячи горячих, готовых на все приверженцев. К 876–878 гг. в их руках оказался весь Южный Ирак.

В те же годы на востоке, в Систане (ныне Юго-Западный Афганистан), медник (ас-Саффар) Йакуб, собрав вокруг себя добровольцев-*гази* («борцов за веру»), захватил восточную часть владений Тахиридов, а затем и весь Хорасан, изгнав Тахирида Мухаммада из Нишапура (873 г.). Халифу оставалось лишь утвердить права Йакуба на захваченные области. В 876 г. Йакуб, недовольный поддержкой, оказываемой халифом Тахиридам, двинулся на Ирак. Сложилась критическая ситуация; халиф сам возглавил поход против Йакуба и одержал победу, Йакуб отступил в Южный Иран, а Хорасан и Западный Иран снова оказались во власти Тахиридов.

Насколько низко в это время стоял авторитет халифа и официального ислама, свидетельствует ограбление бедуинами в 880 г. Каабы в Мекке. Вероятно, это было связано с усилением деятельности исмаилитов-карматов в Северной Аравии. Впервые карматы заявили о себе участием в восстании зинджей. К концу века карматы превратились в мощную оппозиционную группировку с тщательно законспирированной организацией. В 890 г. началось открытое восстание, центр которого находился около Куфы. В 894 г. оно распространилось на Бахрейн. Карматы проповедовали установление имущественного равенства и перераспределение богатств, чем привлекли к себе массу сторонников из низших слоев населения.

Таким образом, к концу IX в. непосредственная власть халифов распространялась лишь на Ирак и Юго-Западный Иран. Но халифы оставались духовными сюзеренами всего суннитского мира, законными мусульманскими правителями считались только те, кто получил инвеституру от халифа.

ВИЗАНТИЯ В VIII–XII вв.
ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

По этническому составу Византийская империя в VIII—X вв. в основном греческое, а в XI—XII вв., после завоевания Болгарии и части Сербии, греко-славянское государство. Создание фемного строя (см. ниже) позволило укрепить военный потенциал империи. Императоры Лев III (717—741) и Константин V (741—775) смогли добиться значительных успехов в борьбе с арабами и болгарами. Однако иконоборческое движение (см. ниже) ослабило империю. Арабы к началу X в. овладели Кипром, почти всей Сицилией. Только с середины X в. вследствие распада Аббасидского (Багдадского) халифата и ослабления Болгарии положение империи улучшилось. В состав Византии вновь вошли Верхняя Месопотамия, области Сирии, Крит и Кипр. Стабилизация положения на восточной границе дала возможность Василию II (976—1025) разгромить и присоединить в 1018 г. Болгарию к Византии.

С середины XI в. Византию охватили феодальные междоусобицы, позволившие туркам-сельджукам в 1071 г. разгромить византийскую армию при Манцикерте. Сельджуки заняли Армению и почти всю Малую Азию. Лишь приход к власти представителя провинциальной служилой земледельческой знати Алексея I Комнина (1081—1118) положил конец кризису в государстве. В 1085 г. с Балканского полуострова были изгнаны норманны, захватившие перед этим Эпир, Македонию и Фессалию, в 1091 г. вытеснены за Дунай печенеги, возвращены Никея, северо-запад

Малой Азии и южное побережье Черного моря. С приходом к власти Иоанна II (1118–1143) империя основное внимание уделяла отражению нападений сицилийских норманнов на Адриатическое побережье, Южную Грецию и острова Эгейского моря. Последний успех и некоторый взлет могущества Византии связан с императором Мануилом I (1143–1180), при котором империя утвердила свою власть в Сербии, вернула Далмацию и сделала вассалом Венгрию. Но силы были на пределе, и в 1176 г. при Мариокефале Мануил потерпел сокрушительное поражение от Конийского султаната.

Последние два десятилетия XII в., когда у власти стояла династия Ангелов (1185–1204), отмечены феодальными смутами, отделением одной за другой областей империи, захватом их соседними государствами. В 1183 г. Далмация была захвачена Венгрией, отделился Кипр (1184 г.), освободились и получили независимость Болгария (1187 г.) и Сербия (1190 г.), отделился Трапезунд. В Малой Азии и на Балканах появилось много мелких независимых правителей. Ослабленная борьбой, Византия стала легкой добычей рыцарей 4-го крестового похода, направленных Венецией, Германской империей и папством к стенам Константинополя, который и пал 13 апреля 1204 г.

На протяжении пяти веков этого периода внутренняя жизнь империи коренным образом изменилась. Старые диоцезы и провинции были заменены новыми военно-административными округами — *фемами*. Из свободных крестьян разных национальных групп (греков, славян, армян и др.) было создано в VIII в. особое сословие *стратиотов*. Стратиоты получали от государства в наследственное владение земельные наделы, освобождались от всех налогов, кроме поземельного. За это они должны были нести военную службу в фемном войске. Во главе фем были поставлены *стратиги*, в руках которых находилась вся военная и гражданская власть в фемах.

Создание фемного строя не привело, однако, к децентрализации государственного управления. Напротив, в VIII–IX вв. происходит укрепление императорской власти. В этот период за византийскими императорами окончательно утверждается титул «василевса ромеев». Культ императорской власти принимает фантастические размеры: пышное одеяние, земные поклоны присутствующих на приеме, изображение василевса на общественных зданиях. Императоры распространяют свою власть на церковь и оставляют за собой последнее слово в богословских спорах.

Огромную роль в жизни византийского общества играл централизованный бюрократический аппарат. В X–XI вв. сложилась громоздкая иерархия должностей, узаконенная табелью о рангах. Количество ведомств возросло до 60. Каждое должностное лицо имело титул и *ругу* — денежное и натуральное довольствие. Императорский совет (*синклит*), в котором преобладала чиновная аристократия, продолжал оказывать влияние на политику правительства.

В византийской деревне в VIII — первой половине IX в. преобладала свободная сельская община, получившая новую жизнь благодаря влиянию славянских поселений на территории империи в VII в. Крупное землевладение, основанное на труде зависимых и рабов, сократилось.

Свободная сельская община была верховным собственником земли. Пахотные земли находились в частном владении, луга и леса — в общем пользовании. Но в общине уже шел процесс имущественной диффе-

ренциации. В среде свободных общинников (*георгов*) появляются неимущие (*апоры*), сдающие свои участки зажиточным соседям, наемные работники (*мистии*) и рабы. Землю нельзя было продать, а только обменять или сдать в аренду своим односельчанам.

В VIII в. начинается процесс феодализации, выражавшийся прежде всего в стремлении крупных светских феодалов подчинить общину своей власти. Но данный процесс был длительным, и завершился он только в XI в. Параллельно развивались и централизованные формы эксплуатации. Крестьяне кроме *димосия* — основной поземельной подати — платили и подымный сбор (*капникон*), привлекались к строительству укреплений, дорог. На общину была возложена коллективная податная ответственность.

Первые императоры Македонской династии (867—1056), беспокоясь, что разорение свободного крестьянства подорвет основы финансового и военного могущества империи — разорившийся крестьянин не мог платить налоги, а обедневший стратиот состоять в воинских списках, — издали ряд законов в поддержку крестьянской собственности. Член общины получал предпочтительное право на покупку земли своих односельчан. Но законы не соблюдались, и в середине X в. под давлением динатов они были отменены. В общине усилилась прослойка богачей, которые, используя право предпочтения, превращали целые деревни в свои поместья и становились динатами.

Подчинение общины государством выразилось и в изменении терминологии. Вместо *георгов* крестьяне-общинники все чаще начинают именоваться *димосиариями*, а позднее и *париками*. Возникают три категории государственных крестьян: *димосиарии*, *экскуссаты* и *стратиоты*. Различались они по характеру повинностей, выполняемых в пользу государства. Димосиарии должны были платить денежный налог (*канон*) и выполнять барщину (*ангарий*), экскуссаты — обслуживать ведомства и хозяйство императорского двора, а стратиоты — нести воинскую службу.

Некоторая часть общинных земель была переведена в разряд воинских, а их владельцы стали стратиотами. В середине X в. их участки были объявлены неотчуждаемыми, но процесс расслоения продолжался. Поэтому с зажиточного хозяйства выставлялся воин-всадник, а с более бедного — пехотинец. Владелец первого участка постепенно становился мелким вотчинником, наподобие западноевропейского рыцаря.

Формирующееся в IX—X вв. крупное землевладение было феодальным. Раба, колона и свободного арендатора сменил *парик* — зависимый наследственный держатель земли феодала-землевладельца, императора или казны. Различные пути генезиса феодализма обусловили появление разных типов динатских поместий (*икос*): компактное, обособленное от общины; состоящее из многих земельных участков в различных селах; сама община, подчиненная динату.

В X в. получает широкое распространение практика дарения церкви и монастырям пустующих земель, поместий с государственными париками, а также пожертвований и вкладов окрестных землевладельцев, дарений мелких монастырей с их землями более крупным монастырям. К концу века складывается характерный тип монастырской феодальной вотчины: поселение с центральным строением и комплекс подчиненных владений — *метохов* (отдельных деревень и земельных участков).

Параллельно с захватом крестьянской земли шло феодальное подчинение самих крестьян. Они оставались на своем наделе в общине.

Связь их с участком не прерывалась и в случае прекарного держания. Общинник передавал свою землю в собственность феодала, а тот возвращал ее прежнему владельцу, ставшему зависимым, на правах пожизненного держания за определенную ренту. К феодальной зависимости вела и передача земли феодалу во временное пользование, когда крестьянин не имел возможности вернуть долг. Временное пользование на практике превращалось в постоянное. Были и другие пути: обезземеливание, отрыв от общины, аренда у феодала.

Таким образом, к концу X — началу XI в. в Византии в условиях централизованного государства и благодаря его помощи в основном сложилась феодальная вотчина с зависимым крестьянством.

Византийское государство помимо пожалований земель феодалам широко практиковало в X–XI вв. и условные дарения ряда невещных прав. К ним относились такие византийские институты, как *солемний* (право на сбор точно установленной суммы государственного канона с крестьян, не подчиненных феодалу или церкви), *арифмос* (право на приобретение и владение строго определенным количеством париков), *харистикий* (пожизненная передача светскому или духовному феодалу монастыря). К условным пожалованиям относились и податные привилегии (*экскуссии*) крупным феодалам. Они схожи с западноевропейским иммунитетом. В начальный период развития этого института (X в.) освобождение от «вмешательства» сборщика налогов относилось только к крестьянам феодала, но не касалось всех объектов его собственности. В процессе развития экскуссии податные привилегии включали уже все владения феодала. Таким образом, условные пожалования были действенным средством процесса феодализации, так как экономически полностью подчиняли крестьян феодальным собственникам.

В конце XI — начале XII в. в Византии завершился процесс формирования основных институтов и двух классов феодального общества. Солемний превратился в *пронию* — пожалование не только права сбора налогов, но и самой земли (вначале на срок жизни) на условиях несения службы (чаще военной) в пользу государства. Прония была схожа с западноевропейским бенефицием. Уже в конце XII в. обнаруживается тенденция к превращению ее в наследственное владение. В вотчинах феодалов не только процветает податной иммунитет (налоги собирает сам феодал в свою пользу), но и возникает судебный иммунитет: сбор судебных пошлин и право суда принадлежат феодалу. Вотчинники и прониары имели собственные военные отряды, телохранителей, тюрьмы; наделяли землей верных слуг. Все эти процессы, наиболее четко проявившиеся в последние десятилетия XII в., вели к созданию феодальной иерархии и к раздроблению страны.

Византийский город после упадка в VIII — первой половине IX в. вступил в полосу подъема. Возрождались старые города, возникали новые городские центры. Константинополь по-прежнему оставался самым крупным городом средневекового мира. В торговле с Западом и Востоком наряду со столицей играли важную роль Фессалоника, Трапезунд, Адрианополь, Эфес. Возросла не только торговля, но и производство ремесленных изделий. Бóльшая часть ремесленников и торговцев была объединена по роду деятельности в производственные корпорации. Наиболее привилегированными и состоятельными были корпорации торговцев. Хозяин ремесленной мастерской, как и ранее, применял труд рабов и наемных работников. Главное отличие константинопольских

корпораций от западноевропейских цехов состояло в том, что корпорация находилась в полной зависимости от центральной власти, которая давала заказы на изготовление изделий для нужд армии и двора, контролировала производство, поставку и качество сырья, торговлю и снабжение населения столицы.

Государство регулировало также норму прибыли, а с нею и нормы подоходного обложения городского населения (8,33% от прибыли). Часть ремесленников и торговцев не входила в корпорации. В основном это были представители «низших», массовых профессий и ремесел.

В конце XII в. вновь начинается упадок города, прежде всего крупного. Этому, помимо прочих причин, немало содействовала система мелочного контроля и консервативного управления корпорациями, сдерживающая рост городского ремесла и торговли. Другой причиной было предоставление государством итальянским республикам (Венеции, Генуе, Пизе) права беспошлинной торговли во многих крупных городах империи. Многочисленные более дешевые привозные товары вытесняли византийские. В городах усилились экономические позиции феодалов, скупавших дома и суда. Они вступали в прямые торговые сделки с итальянскими купцами.

Начало данного периода ознаменовалось мощным социально-идеологическим движением внутри господствующего класса, известным как иконоборчество. Военно-служилая фемная знать, поддерживаемая императорами Исаврийской династии (717–802), требовала передачи ей монастырских и церковных земель, ограничения прав духовенства и связанной с ним сановной знати. В идеологическом плане иконоборцы выступали против почитания икон, называя это идолопоклонством. Идеи иконоборцев нашли поддержку и среди широких народных масс. Но здесь они приняли более радикальный характер, поддержанные сектой павликиан. Это народно-еретическое движение, возникшее в Армении, получило широкое распространение в VIII–IX вв. в Малой Азии. Учение павликиан носило дуалистический характер: мир им представлялся разделенным на царство бога и царство сатаны. Исходя из требования восстановить обычаи раннехристианской церкви и равенство раннехристианских общин, павликиане выступали за уничтожение церковной иерархии и почитания икон, ликвидацию монашества и упрощение богослужения. Современную им церковь с ее богатствами они относили к царству сатаны и боролись против нее.

Преодолев сопротивление городской сановной знати, верхушки торгово-ремесленных кругов и части населения, иконоборцы к середине VIII в. одержали победу. На церковном соборе, созванном императором Константином V в 754 г., иконопочитание было осуждено. Его сторонников сместили с церковных должностей, провели конфискацию церковных сокровищ и секуляризацию монастырских земель. Однако победа иконоборцев была непрочной. Военно-политические неудачи иконоборческих императоров в конце VIII — начале IX в., усиление государственной эксплуатации крестьян и рост их недовольства, ухудшение отношений с папством толкали группировки господствующего класса к примирению.

Толчком стало восстание Фомы Славянина в 820–823 гг. против центральной власти, первое массовое выступление византийского крестьянства. Восставшие, ядро которых составляли закрепощенные крестьяне, стратиоты, городская беднота, рабы, славянское население империи, павликиане, в течение года держали Константинополь в осаде. Лишь помощь болгарского царя позволила правительству в 823 г. разгромить

повстанцев. 11 марта 843 г. на соборе было торжественно восстановлено иконопочитание, хотя значительная часть конфискованных у монастырей земель осталась в руках военно-служилой знати. На соборе все ереси были преданы анафеме, павликиане подверглись жестокому преследованию. На это они ответили новым восстанием и создали свою республику с центром в Тефрике в Малой Азии. Несмотря на ряд побед над императорскими войсками, в 872 г. крепость Тефрика пала, а павликианское движение пошло на убыль. Проникнув позднее на Балканы, учение павликиан стало одной из частей богомильства.

Богомилы также не признавали догматов официального православия, церковной иерархии и обрядов. Они считали весь материальный мир творением дьявола, призывали не повиноваться властям и не работать на господ. Правительство жестоко преследовало богомилов, а их глава ересиарх Василий был публично сожжен в 1111 г. в Константинополе. Одновременно с богомилами на Балканах активно действовали и павликиане. Дважды в конце XI — начале XII в. они поднимались против центральной власти, одерживали победы, но в конце концов были разбиты.

Рост закрепощения крестьян в X–XII вв. вызывал протест народных масс, который часто выливался в восстания. Правда, чаще всего они носили местный, локальный характер. Таковы были восстания Василия по прозвищу Медная Рука в 932 г. в феме Опсикий, Петра Деляна в 1040—1041 гг. в западных славянских фемах, восстания малоазийских крестьян в XII в. Налоговый гнет и произвол чиновников побуждали и городское население к протестам. Восстание в Константинополе в 1042 г. завершилось свержением Михаила V. Последовавшие одно за другим восстания в столице в 80-х годах XII в. закончились, однако, поражением.

В течение VIII–XII вв. Византия пережила два культурных подъема: так называемые Македонское и Комниновское возрождения. В эпоху Македонской династии возникает интерес к позднеантичному наследию, возрождаются после периода VII–VIII вв. светская литература и светское образование, падает значение агиографической литературы. В эту эпоху сложились основные принципы и формы византийской культуры, которые в Комниновскую эпоху получили дальнейшее развитие. Интерес к античности стал еще более глубоким, хотя и аристократическим, в науке появляется больше рационализма, возрастает самосознание византийской народности как греческой. Широкое распространение получают конные состязания, игры в поло, ярмарочные зрелища. Семейная замкнутость предшествующих столетий сменяется в XI–XII вв. открытым образом жизни, процветанием меценатства, созданием «ученых кружков» при дворах знати. Невежество и неграмотность становятся предметом насмешек.

К концу рассматриваемого периода Византия стала феодальным государством. Но процесс феодализации в отличие от Запада протекал в условиях длительного сохранения рабовладельческого уклада, устойчивости свободной крестьянской общины, крупных городов как центров ремесла и торговли, сильного централизованного государства. Это и обусловило типологические особенности византийского феодализма: наличие развитой частной собственности на землю; существование государственной поземельной собственности; длительное существование сельской общины свободных крестьян; медленное складывание феодальной вотчины; сохранение централизованной ренты. Типологические особенности византийского феодализма проявились и в структуре феодально-зависимого

крестьянства: значительном количестве категорий зависимого населения; наличии государственных крестьян-париков; более длительном сохранении в империи категорий свободных крестьян. Политический кризис конца XII в. совпал с расцветом феодальных отношений в империи.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ИНДИЯ (VII–X вв.)

Падение империи Гупта в начале VI в. ознаменовало существенные изменения в общем облике североиндийской цивилизации, хотя этот перелом и не был резко выражен. Политическое крушение блестящей империи, оставившей величественные воспоминания, лишь подчеркнуло процесс, шедший с первых веков нашей эры. Но все же именно эти события — падение империи, нашествие варваров, борьба с ними и восстановление суверенитета местных правителей — кладут конец «классическому» периоду и открывают иной — «феодальный», «раджпутский», «раннесредневековый», как его обозначают в разных исторических школах.

Основой этого перелома, возможно, явились изменения в способе производства, переход к использованию более свободного труда в сельском хозяйстве. Однако при данном уровне наших знаний доказать это на фактическом материале нельзя. Мы можем лишь проследить ряд других изменений, лежащих ближе к поверхности, и по ним судить о глубинных процессах.

Начать надо с натурализации экономики и упадка городов. Этот факт, бросающийся в глаза даже при беглом знакомстве с источниками, долгое время не был общепризнан. После опубликования монографии Р.Ш.Шармы «Упадок городов в Индии» (см. библиографию) дискуссию по этому вопросу можно считать закрытой. Индийский ученый проанализировал археологические данные по более чем сотне городов и пришел к бесспорным выводам. Они заключаются в том, что пик развития городов как центров ремесла и торговли приходится на II в. до н.э. — III в. н.э. К этому же периоду относится наибольшее количество найденных многообразных монет. После III в. начался упадок прежде всего в западных областях (нынешние Пенджаб, Харьяна, западная часть Уттар-Прадеша). Играло свою роль общее положение в Евразии — упадок Рима, Парфии, исчезновение империй Кушанов и Хань и т.д. Но были, видимо, и внутренние причины.

Волна упадка распространялась на восток и юг, замедлившись на некоторое время с возникновением державы Гупта и возобновлением трансазиатской торговли с Византией. Но серьезного нового импульса город в этот период не получил.

Вторая фаза упадка начинается после VI в. Она охватывает прежде всего города среднего течения Ганга. Торговля, видимо, в значительной мере замирает. Металлические деньги почти выходят из употребления — от династий VII в. мы не имеем эмиссии; находки монет других стран и периодов в слоях, относящихся к этому времени, крайне редки.

Возрождение городской жизни началось в части страны в XI в., и только к XIV в. вторая урбанизация стала несомненным фактом.

Понятно, что дезурбанизация, несомненно, вызвала, в свою очередь, серьезнейшие изменения и в социальной структуре общества, и в

экономике, и в политическом строе. Аграризация хозяйственной жизни была связана не только с абсолютным хозяйственным упадком. Именно в этот период распространяется земледелие, а вместе с ним и государственность на недавно еще дикие территории. Вслед за земледельцами на новые территории шли брахманы, а также ремесленники и торговцы, а затем и чиновники.

Практика дарения деревень и земель, существовавшая с древности, в первые века нашей эры становится массовой и документально фиксированной. Дарственные грамоты стали выбивать на медных табличках и на камне. Само появление эпиграфики такого содержания свидетельствует о желании дарителя и получателя закрепить этот дар «навечно». Получателю грамоты даровались права, которые с полной уверенностью можно назвать феодальными, — право распоряжаться землей, право фискального, административного и частичного судебного иммунитета, право требовать подчинения со стороны населения и т.п. Сомнения в значимости этого института земельных дарений возникают иногда в связи с тем, что земельные дарения, зафиксированные в надписях, — это почти исключительно дарения брахманам, группам брахманов, храмам с единственной целью приобретения дарителем «религиозной заслуги», иногда сопровождаемые обязательством со стороны получателя давать религиозное благословение семье дарителя. Однако многие исследователи указывают, что несколько надписей о дарениях светским лицам все же найдено, что предоставления земель вассалам за военную службу не фиксировались на «вечном» материале и потому до нас не дошли, что они должны были быть, как о том свидетельствует фиксируемая теми же надписями сложившаяся землевладельческо-управленческая структура.

Надписи попутно с основным дарением упоминают неких землевладельцев (*бхогиков*), имевших по одной или по нескольку деревень и ту или иную власть над их населением. С IX в. появляется термин *тхаккура*, означавший землевладельца из любой касты, имевшего тот или иной титул (*раи, рана, рават* и т.д.).

Соответственно слабел, сокращался и терял значение собственно государственный, управленческий аппарат. Создается впечатление, что государства VII–X вв., впрочем как и последующие, были устроены весьма просто. Двор был сведен к минимуму, основным институтом государства была армия, которая передвигалась по стране, обеспечивая лояльность населения разных территорий как бы по очереди.

Армия состояла из отрядов вассалов. Наемная армия была неизвестна. Основным родом войск была пехота, конница составляла незначительную часть армии. Использовались, как и прежде, слоны.

В V–VII вв. на территории Индии отмечено около 50 государств, существующих рядом друг с другом или сменяющих друг друга. Даже возникавшие время от времени крупные государственные образования были, по существу, конфедерациями мелких княжеств.

После распада империи Гупта сохранились государства ее прежних вассалов, из которых наиболее известным стало государство Майтрака из Валлабхи (Гуджарат). Последний правитель Валлабхи упоминается в 766/67 г. Это государство сошло со сцены как-то незаметно, вытесненное, видимо, Чаулукьями из Анхильвады.

Нашествие эфталитов сыграло определенную роль в разгроме остатков «классической» Индии. Эфталиты принесли кочевнические представления о

государственном устройстве, которые повсюду придали феодализму похожие формы. Эфталиты и пришедшие с ними гурджары слились с местными племенами, населявшими нынешние Синд, Раджастхан, Северный Гуджарат и Малву, и образовали общность, получившую позднее наименование раджпутов и сыгравшую большую роль в оформлении «индусского феодализма».

К концу VI в. крупными государствами в долине Ганга можно счесть Гауда (Бенгалия), государство Маукхари и государство Пушпабхути. Расцвет Гауды связан с именем Шашанки (конец VI — 30-е годы VII в.). Его государство простиралось на запад до Праяги и охватывало часть Ориссы. Маукхари из Канауджа и Пушпабхути из Стханешвара стали союзниками, но потерпели поражение в борьбе с Шашанкой. Харшавардхана (Харша) Пушпабхути (616–646) объединил оба княжества и приступил к завоеваниям. Он сумел объединить под своей властью долину Ганга, Бенгалию (после смерти Шашанки), Ориссу, Малву. Однако продвинуться к югу от гор Виндхья ему не удалось. В 620 г. он потерпел поражение от государства Чалукья на р.Нарбада и больше походов на юг не предпринимал. После смерти Харши его государство распалось. Индийские историки последних десятилетий склонны считать Харшу лишь одним из удачливых завоевателей своего времени, подобных его основным противникам Шашанке из Бенгалии и Яшодхарману Чанделла из Малвы или завоевателям VIII в. Яшоварману из Канауджа и Лалитадитье из Кашмира, устанавливавшим на короткое время власть над долиной Ганга. Все эти империи рассеялись по смерти их основателей.

В этот же период существовали государства Чалукья на Декане и Паллава на крайнем юге, устойчивость которых была значительной. Именно с этого периода создается система постоянных центров политической жизни, борющихся друг с другом под флагами разных династий, — Бенгалия, Северная Индия, Декан и крайний юг.

Княжество Чалукья из Ватапи возникло в начале VI в. при Пулакешине I и достигло расцвета при Пулакешине II (609–642). Оно охватывало Махараштру и северную часть Карнатаки. Именно Пулакешин II отбил нападение Харши. В Лате (Гуджарат) и в Андхре правили братья Пулакешина, признававшие его главенство.

Княжество Паллава существовало еще с III в. Пулакешин II Чалукья нанес Паллавам тяжелые поражения, но Нарасимхаварман I сумел восстановить мощь государства Паллава, разгромил Пулакешина, захватил Ватапи. Пулакешин погиб в битве, и на 13 лет государство Чалукья прекратило существование. Однако затем оно возникает снова и борьба Паллавов и Чалукьев возобновляется.

В середине VIII в. политическая обстановка в Северной Индии изменилась. Началась экспансия кланов раджпутов из Раджпутаны и завоевание ими Северной и части Центральной Индии. Раджпуты возводили свои родословные к кшатрийским Солнечной и Лунной династиям. Еще одна группа кланов создала легенду о своем происхождении от Огненной династии. Раджпуты стали претендовать на право политической власти по всей Индии. Наибольшую известность среди них приобрел клан Гурджара-Пратихаров, образовавший государство в Малве и части Гуджарата. Кланы Чахаманов (Чауханов), Чаулукьев (Соланки), Парамаров были реально или фиктивно родственны Пратихарам, что и позволило последним долгое время господствовать в Центральной и Северной Индии.

Примерно в это же время Декан был в руках Раштракутов, сменивших Чалукьев на два века (742–973), а Бенгалия — в руках Палов. Противоборство Пратихаров, Раштракутов и Палов, их борьба за Доаб (территорию Джамна-Гангского двуречья) стали основной канвой политических событий VIII–X вв. Канаудж по традиции продолжал считаться столицей всей Индии. Ватсараджа Гурджара-Пратихара (ок. 778–784) нанес поражения Дхармапале (ок. 770–810), но в 785 г. Гурджара-Пратихары были разбиты Дхрувой Раштракутой (ок. 780–793). Дхрува принял титул императора, но в 790 г. он уже не владел Доабом, там распоряжались Палы. В начале IX в. Нагабхата II Гурджара-Пратихара (ок. 805–833) вновь нанес поражение Палам, но снова раштракутский правитель, на этот раз Говинда III (ок. 793–814), сын Дхрувы, лишил его плодов победы и подчинил себе Канаудж. В 810–850 гг. Палы вновь вытеснили другие державы из Доаба, но во второй половине IX в. гегемония перешла к Гурджара-Пратихарам. В начале X в. произошло очередное и последнее усиление Раштракутов. Кришна II (ок. 880–914) из этой династии подчинил Восточный Декан (государство Восточных Чалукьев) и Гуджарат. При его преемнике Индре III (ок. 914–928) Раштракуты овладели Канауджем и дошли до Аллахабада и Варанаси.

В X в. пришли в упадок все три державы, боровшиеся до этого за Северную Индию. Чалукьи вернули себе власть на Декане. Они сделали своей столицей г.Кальяни. На землях империи Гурджара-Пратихара возникли независимые княжества Парамара, Чанделла, Калачури, Гухилот, Чаухан (Чахамана) и Чаулукья (Соланки). Государство Пала с середины X в. уже не вмешивалось в политическую борьбу за Северную Индию, но продолжало существовать до XII в., когда распалось на несколько владений, среди которых наиболее известно государство Сена.

На крайнем юге в IX в. исчезло государство Паллава, и весь Тамилнад в X в. был объединен Чолами, столица которых была в Танджуре. Расцвет государства Чола приходится уже на XI в.

К этому периоду относится появление ислама на земле Южной Азии. Первые попытки арабов напасть на Индию морским путем — снаряжая экспедиции на Тхану, Броч, Дебал — были отбиты. Предпринятая затем попытка пройти через Хайберский проход была отражена индианизованными княжествами на территории современного Афганистана. Наконец, в 712 г. армия под руководством Мухаммеда бин Касима прошла к устью Инда по побережью Макрана и подчинила несколько княжеств на территории современного Синда. Арабы попытались развить успех, но это им не удалось. Пратихары и Чаулукьи из Анхильвады в Гуджарате отбили нападения. Синд остался мусульманским, но на остальную территорию Южной Азии это обстоятельство влияло мало.

Раджпутские государства Северной Индии в основном унаследовали предшествовавший им политический и социальный строй. Но значительно большее значение в структуре господствующего класса приобрело родство. Вассальные отношения обеспечивались большей частью родственными и клановыми узами. Раджпутские кланы, тесня друг друга, двигались по равнинам Северной Индии, и это движение в дальнейшем, вплоть до колониального завоевания, не останавливалось. При завоевании новой территории подразделения клана получали округа, состоявшие из нескольких сот деревень, более мелким подразделениям выделяли доли, называвшиеся обычно *чаураси*, т.е. «восемьдесят четыре», хотя реальное

число деревень в них могло быть различным. Глава подразделения клана, военачальник, раздавал территорию своим офицерам. Так появлялись объединения в 48, 24, 18, 12, 10 деревень. Рядовой член клана, глава патронимии, получал одну-две деревни, с которых он должен был содержать отряд в помощь главе подразделения. В одном из документов такой отряд насчитывает 100 пехотинцев и 20 кавалеристов. Создался своеобразный кодекс взаимных обязательств вассала и сюзерена. Вассалы были обязаны уплатой дани, выражением покорности, присутствием и службой при дворе, помощью государю во время войны. Совокупность этих обязанностей носила наименование *авалагана*. Этот термин впервые встречается в надписи VIII в. из Раджпутаны. Таким образом, можно говорить о возникновении феодальной структуры господствующего класса. Окончательно она была оформлена в последующий период.

Что касается процессов на уровне хозяйства и сельской общины, то о них известно очень мало. Резко сокращается количество сведений о рабах и прочих зависимых, лишенных средств производства слоях населения, об аренде земли.

Судя по надписям, сельские общины в целом, включая их землевладельческую верхушку, попадали в зависимость от бхогиков (тхаккуров), начинали платить им ренту и выполнять для них отработки (*вишти*), которые ранее возлагались лишь на самые низкие, шудрянские слои. Надписи сообщают единичные факты, поэтому по ним нельзя представить себе размах этого процесса, но возможно, что именно этот процесс привел в первые века нашей эры к изменению взгляда на труд земледельца. В древности и по традиции земледелие считалось одной из основных (вместе со скотоводством и торговлей) обязанностей вайшьев, т.е. входило в круг довольно уважаемых, не унижающих занятий. Однако в рассматриваемый период варновым занятием вайшьев считалась уже только торговля, а земледелие и скотоводство стали уделом шудр. Это можно интерпретировать так, что сельские хозяева, члены сельской общины, стали в это время восприниматься как шудры, т.е. что их социальных статус понизился. Возможно, что это понижение объясняется общим обеднением слоя общинников и их феодальным подчинением.

В VII–X вв. завершается становление современной кастовой системы — возникновение многих новых каст в результате разделения более крупных прежних социальных единиц, возникновения сект и религиозных течений, арианизация племен и включение их в кастовую систему. Иерархичность, характерная для индийского взгляда на мир, получает в этот период значительное подкрепление в процессе мультипликации каст и социальных градаций.

В религиозной сфере Индия в этот период вернулась от буддизма к индуизму. Буддизм в Индии, видимо, так и не стал массовой религией, хотя ему покровительствовали Ашока, кушанские правители, а в рассматриваемый период — Харша и бенгальские Палы. Вытеснение буддизма из Индии, безусловно, связано с особенностями индийского социального строя периода средневековья — именно с тем, что развились кастовый строй и кастовое мышление, для которых идеальную объясняющую и закрепляющую схему представлял индуизм.

Силой индуизма, способствовавшей его победе над буддизмом, а впоследствии и его успешному сопротивлению исламу и христианству, были его «слабости» — аморфность, раздробленность, отсутствие канона, церкви, догматики. Индуизм целиком состоит из сект и направлений, отличаю-

щихся друг от друга почитаемым богом, способами его почитания и т.п. Общими для всех индуистских сект были лишь несколько положений.

Наиболее важное из них — учение о *дхарме*, *карме* и *ахимсе*. Каждый человек, по учению индуизма, должен был исполнять свои обязанности, свой долг (дхарму), различный для разных каст. В зависимости от того, насколько неукоснительно человек исполняет свои обязанности, в зависимости от его поступков (карма) его душа после смерти возрождается в более высокой или в более низкой касте; для особенно безнравственных предусматривалось рождение в виде самых отвратительных животных. Таким образом, рождение брахманом являлось наградой за прошлую добродетельную жизнь, а рождение неприкасаемым — наказанием за совершенные в прежних рождениях дурные поступки. Связь этого учения с кастовой системой очевидна.

Принцип ахимсы был связан с учением о переселении душ: нельзя приносить вред живым существам, поскольку в них могут быть души умерших людей.

Конечной целью индуиста является не рождение в высшей варне, а освобождение из цепи рождений (*мокша*). К этой цели ведут три пути: путь благочестия (*дхарма* — здесь этот термин употребляется в ином значении, чем указано выше), путь погони за материальной выгодой (*артха*) и путь погони за наслаждениями (*кама*); они равно возможны, хотя каждый предыдущий прямее, а потому и предпочтительнее, чем последующий. В некоторых текстах сущность путей формулируется по-иному: *джняна-марга* («путь знаний»), *карма-марга* («путь деятельности») и *бхакти-марга* («путь любви»). В этой триаде наиболее прямым и лучшим считается третий путь, поскольку он предполагает личную любовь адепта к богу. Учение об этих трех путях, выраженное впервые в «Бхагаватгите», стало идеологической основой религиозного движения бхакти, имевшего позже большое значение.

Определенным признаком общности всех индуистских культов было поклонение ряду животных, прежде всего корове.

Наиболее широко почитаемыми богами в индуизме были Шива и Вишну.

Культ третьего основного бога, создателя мира Брахмы, не стал сколько-нибудь массовым. Таким образом, с целью классификации и описания все индуистские культы удобно разбить на два основных направления — вишнуизм и шиваизм.

Группу божеств, связанных с Вишну, составляют прежде всего его аватары (воплощения при «нисхождениях» на землю). Различные системы перечисления насчитывают 10, или 12, или 24 таких «нисхождения». По представлениям индуистов, Вишну нисходил время от времени на землю, чтобы восстановить справедливость. Последняя аватара Вишну — всадник Калки на белом коне — еще придет в мир, чтобы установить окончательную справедливость. В качестве аватар Вишну осмыслялись местные божества различных племен и народностей и включались таким образом в индуизм. Даже Будда был объявлен подобным образом одной из аватар Вишну, посланным якобы в мир для защиты животных от убоя.

Наиболее почитаемыми аватарами Вишну стали Рама и Кришна. Рама стал олицетворением справедливого царя, истинного кшатрия. Его деяния были воспеты в «Рамаяне». Объектами поклонения стали кроме него самого его жена Сита, его брат Лакшмана, предводитель обезьян Хануман и другие мифологические образы этой поэмы. Кришна почитался чаще всего в образе

молодого пастушка. Другой его облик — воина, колесничего Арджуны из «Махабхараты», — не стал популярным в народе.

Шиваизм тоже был собранием ряда различных верований. В него входили культы самого Шивы в образе аскета, погруженного в медитацию на горе Кайласа, в образах повелителя грозы Рудры, защитника скота Пашупати, космического танцора Натараджи, культы его жены, выступавшей под разными именами (Парвати, Кали, Ума, Шакти), его сыновей Ганеши и Картикеи, а также поклонение различным символам, в частности линге.

Шиваизм сыграл особенно значительную роль в возрождении индуизма. Шиваитами стали вождь эфталитов Михиракула, многие члены семьи Харши. Шиве поклонялись также Майтраки из Валлабхи и многие правители Южной Индии. Махендраварман Паллава обратился в шиваизм и превратил свою столицу Канчипурам в крупнейший центр этой религии. Для успеха именно шиваитской пропаганды большое значение имела деятельность Шанкарачарьи (788–820) — философа и религиозного деятеля, попытавшегося придать шиваизму некое организационное единство при помощи основания шиваитских монастырей в разных концах Индии.

Но возникло также большое количество сект, промежуточных между шиваизмом и вишнуизмом, а также полуиндуистских-полубуддистских. Этот процесс условно называется возрождением индуизма, потому что большинство новых культов провозглашало свою связь с ведами и ведантой, восстанавливало роль брахманов и т.п. Несмотря на явную преемственность индуизма и ведизма, в период поздней древности и раннего средневековья возникала и возникла по существу новая религия, отличавшаяся от ведизма по ряду существенных черт.

Был заменен основной обряд, символизировавший связь этого мира с миром богов. Развитие религиозных представлений шло от абстрактного к конкретному. Место жертвоприношений (*яджня*) невидимым ведическим богам заняло церемониальное подношение цветов и плодов статуям (*пуджа*). Эта тенденция захватила и другие индийские религии. Буддизм и джайнизм также стали концентрировать свое внимание вокруг поклонения статуям Будды и Махавиры, бодхисатв и тиртханкаров. Эволюция индийских религий шла как бы в противоположную сторону по сравнению с процессом становления мировых религий. Если для народов Ближнего и Среднего Востока, а также Европы характерен переход от локальных культов к вселенским представлениям и от конкретного к абстрактному в осмыслении потустороннего мира, то индийцы предпочли конкретность и фрагментарность своей религиозной жизни.

Принятие вед было сугубо декларативным. Основной религиозной литературой средних веков стали пураны. Эпос, «Махабхарата» и «Рамаяна», почитались как лучшее наставление в религии, «пятая веда».

Обрядовость заняла ведущее положение среди других выражений религиозности. Ритуализированы были все стороны жизни — производственная, культурная деятельность, быт.

Мертвящая обрядовость, засилье брахманов, кастеизм неоднократно вызывали к жизни движения, иногда характеризуемые как протестантские. Чаще всего знаменем таких движений было бхакти — идея любви к богу, которая способна сделать ненужными все обряды и жрецов и дать адепту возможность прямого эмоционального контакта с богом. Чаще всего объектом бхакти было одно из божеств группы Вишну — Рама или Кришна. Кришнаитский культ, связанный с песнопениями, пронизанными чувст-

венностью и воспевающими плотскую любовь (которая символизировала возвышенную любовь к богу), получил значительную самостоятельность, выработал свои обряды. Он возник в районе Матхуры, где Кришна, по преданию, жил, и распространялся в основном в Северной Индии.

В Южной Индии с VI в. развивается течение бхакти внутри шиваизма, а с VII в. — и среди вишнуитов. Идеи бхакти в условиях, когда брахманы занимали ключевые позиции не только в духовной сфере, но и в экономике и в администрации, могли приобретать характер социального протеста.

Но, как и буддизм, являвшийся первым движением, пытавшимся подорвать влияние брахманов, бхакти не имело перспектив. Иерархическому сознанию индийцев мысль о равенстве всех людей перед богом была чужда, и, как результат, членство в бхактийских сектах было всегда незначительным. Основателя такой секты очень почитали — как святого, но следовать его учению не торопились.

Рассматриваемый период завершает так называемый классический или золотой век в истории Индии. С VI в. уже заметны признаки упадка. Число выдающихся поэтов, ученых сокращается. Развивается практика комментирования древних сочинений, причем комментаторы стремятся не вносить в свои комментарии ничего нового. Достойными комментария признаются в основном произведения *дхармашастры*, «науки о благочестии». *Артхашастра*, «наука о пользе», более практичная по своим установкам, забывается. В VIII в. Камандака составил трактат «Нитисара», который стал одним из последних произведений этой традиции. Буддийская мудрость, еще имевшая государственную поддержку в лице Палов, получает средство для своего выражения в виде университета в Наланде.

Возникает культура средневековой Индии, не порывавшая идейной связи с предшествовавшей, но во многом новая. Философия превращается в самостоятельную отрасль знаний со своими методами исследования, хотя иррациональность, мистицизм, йогическая медитация продолжают характеризовать некоторые ее школы.

В раннем средневековье окончательно оформляются шесть классических систем индийской философии: *ньяя, вайшешика, санкхья, йога, миманса и веданта.*

Эти системы признавали авторитет вед и поэтому считались ортодоксальными. Философы этих школ считали, что мир, душа, бог существуют реально. В учениях санкхьи и вайшешики современные ученые иногда прослеживают даже некие материалистические тенденции. Логика, созданная представителями ньяи в V–X вв., явилась вкладом в индийскую философию в целом. Она использовалась также и другими школами.

Ортодоксальным школам противостояли, с одной стороны, буддийские школы *мадхъямиков* и *виджнянавады*, отрицавшие существование бога, души, а также всего внешнего мира, а с другой стороны — материалистические школы *локаятиков.*

Возникает своеобразная история философии в виде *даршан* — обзоров существовавших ранее и продолжающихся философских систем. Господствующее положение в философской мысли постепенно заняла система *адвайта-веданты*, создание которой приписывают Гаудападе (род. ок. 780 г.) и Шанкарачарье. Эти мыслители выступали защитниками «чистоты» учения упанишад против неортодоксальных течений. Все сущее, по словам Шанкары, — результат деятельности мирового духа, Брахмана. Мир можно мыслить как реально существующий, но лишь с точки зрения простых, не

умудренных знаниями людей. Только святые и «просветленные» способны понять иллюзорность мира и реальность одного Брахмана.

Значительные достижения индийской математики относятся к древности. В раннесредневековый период математические знания лишь применялись, в частности в астрономии. Варахамихира (VI в.) и Брахмагупта (VII в.) были видными астрономами этого периода.

В медицине создалась национальная школа (*аюрведа*), оригинальная по методам, до сих пор практикуемая в Индии и за ее пределами. Очень подробно была разработана диагностика; в лечении болезней большое место отводилось гигиене и диете. Но наиболее разработанной областью индийской медицины являлась хирургия. Индийские врачи умели делать очень сложные по тем временам операции, например кесарево сечение, трепанацию черепа и т.п.

Раннее средневековье — период возникновения в большинстве районов Индии литературной традиции на местных языках, хотя литература на санскрите продолжала развиваться. Основным жанром литературы оставалась поэзия. Даже научные и философско-религиозные трактаты излагались стихом. Некоторые произведения того периода рассматриваются как части индийского классического наследия. Это поэма Баны «Харшачарита», произведения Бхавабхути, Бхарави и ряда других. Из прозаических произведений к «классике» относятся «Дашакумарачарита» Дандина и «Кадабмари» того же Баны. Получает дальнейшее развитие возникший еще в древности жанр «обрамленной повести». Из поэтов, писавших на пракритах, наиболее известен Вакпати (поэма «Гаудавахо»), живший при дворе Яшовармана.

Самой обширной и развитой из литератур на местных языках была тамильская. Она появилась раньше других — еще в первые века нашей эры. В III–IV вв. в Тамилнаде создалась *сангха* — что-то вроде поэтической академии. От того времени сохранились сборники «Эттутохей» («Восемь антологий») и «Паттунатту» («Десять лирических поэм»). Примерно к VII в. относятся «Тирукурал», составленный Тируваллуваром, и «Наладияр» — сборники нравоучительных изречений по вопросам этики и политики. Дидактичны, пронизаны идеологией кармы тамильские эпические поэмы «Шилаппадигарам» и «Манимехалей». В то же время они отличаются большой лиричностью и реальным изображением быта и человеческих страданий. Распространение на Юге идей бхакти вызвало к жизни обширную поэзию *найянаров* (шиваитских бхактов) и *алваров* (вишнуитских), расцвет которой относится к VIII–IX вв. Гимны найянаров и алваров, как и вся литература бхакти, отличаются исключительной лиричностью, воспеванием любви к богу, изображаемой в виде земной любви.

Среди изобразительных искусств издревле развивалась архитектура, с первых веков нашей эры — также скульптура и фрески. Фрески в основном покрывали стены пещерных буддийских храмов. Традиция фресковой живописи прекратилась с закатом буддизма. Скульптура же заняла ведущее положение в изобразительных искусствах благодаря ее функциональности — необходимости изготавливать в большом количестве изображения тысяч божеств. Вместе с тем связь скульптуры с религией рано предопределила установление канона, консервацию изобразительных приемов и норм. Изображения богов должны были быть традиционными — и поза и атрибутика — и практически не давали простора для проявления

индивидуальности художника. Не случайно вся скульптура средневековья не имеет автора, безымянна.

К X в. замирает как художественная, так и религиозная жизнь в буддийских центрах Аджанты и Эллоры, оставив лишь следы в виде пещерных храмов. К этому времени заканчивается сооружение пещерного храма Шивы на о-ве Элефанта. Возникает, но тоже быстро сходит на нет техника изготовления изображений и целых храмов из одного куска, одной скалы (Эллора, Махабалипурам). Исчезает монументальность в скульптуре. Она сливается с архитектурой, становится архитектурной деталью, но одновременно архитектура становится нагромождением деталей.

В V–VIII вв. начинается строительство общественных сооружений из каменных блоков, возникает несколько стилей, но они окончательно оформляются в более поздний период, и об этом пойдет речь в следующей главе.

К IX в. исчезает театр, имевший в гуптское время определенное распространение, по крайней мере при дворах, и связанный с именами Калидасы, Шудраки и др. Конечно, продолжалось развитие народного театра — фарса, пантомимы, — но о нем мы имеем слишком незначительные сведения. Центрами классического танца и пения сделались храмы.

ЛАНКА В VII—X вв.

К VI–VII вв. Ланка оказалась вовлеченной во внутриполитическую борьбу на континенте между индийскими правителями из династий Пандьев и Паллавов. Более слабая в политическом отношении, она попеременно подпадала под влияние тех из них, которые в определенный период времени одерживали верх. Многочисленные претенденты на сингальский трон обычно обращались за помощью к южноиндийским соседям при разрешении большинства внутридинастийных распрей. Впервые за военной помощью к тамилам обратился в V в. Моггаллана для свержения своего брата, Кассапы. Впоследствии на остров приводили тамильские войска Аггабодхи III, Датхопатисса, Аттхадатта (середина VII в.).

В конце VII в. сингальский принц Манавамма (684–718) захватил трон с помощью Паллавов, что привело к усилению влияния последних на внутреннюю жизнь Ланки, которое продолжало сохраняться и после смерти Манаваммы при его преемниках — Аггабодхи V, Кассапе III, Махинде I. В течение всего VIII века островом правили прямые потомки Манаваммы, сменявшие друг друга на престоле при строгом соблюдении порядка наследования. На рубеже VIII–IX вв. на острове вспыхнула междоусобица приближенной ко двору сингальской знати Анурадхапуры, с одной стороны, и феодальной верхушки Рухуны, отстраненной от политической власти, — с другой. Внутренние распри были прерваны в первой половине IX в. вторжением на остров войск Пандьев, захвативших и разграбивших столицу сингальского государства Анурадхапуру. Вскоре сингальский правитель Сена II (853–887), собрав большую армию, нанес ответный удар по столице Пандьев — Мадураи, объединив свои силы с войсками Паллавов.

С целью противостоять натиску южноиндийских держав и найти союзников на континенте Махинда IV (956–972) заключил династийный брак между своим наследником, будущим царем Сеной V, и принцессой из

Калинги. Это дало ему возможность успешно отразить первое нападение Чолов и долгое время противостоять их мощному давлению. Ланка оказалась непосредственно втянутой в фарватер сложной политики южноиндийских держав и не раз посылала свою армию на континент в поддержку Пандьев в их борьбе с Чолами.

В X в. на остров вслед за бежавшим сюда побежденным правителем Пандьев вторглись войска Чолов. В течение 75 лет страна была включенной в состав империи Чолов как провинция. Анурадхапура была разрушена и пришла в запустение, а столица Ланки перенесена в Полоннаруву, на северо-восток «сухой зоны», в район р.Махавели-ганга, где издавна существовал один из крупнейших центров орошаемого земледелия на острове. Лишь в 1073 г. потомку сингальских царей, принявшему имя Виджаябаху, удалось окончательно изгнать Чолов с территории страны.

В VIII—XI вв. наблюдался спад в ирригационном строительстве. Система орошения, созданная в предыдущие века, продолжала удовлетворять нужды сельского хозяйства страны. Кроме того, осуществлению крупномасштабного ирригационного строительства мешали частые опустошительные набеги из Южной Индии и внутренняя политическая нестабильность.

Хроники содержат многочисленные и подробные описания сильных разрушений, наносимых ирригационным постройкам острова в результате нашествий извне, и восстановительных работ, ведшихся сингальскими царями после изгнания вражеских армий. Крупные восстановительные работы проводили Махинда II (VIII в.), Сена II (IX в.), Удайа II (IX в.), Сена III (X в.). Новый этап мощного ирригационного строительства начался лишь в середине XII в. с воцарением на престоле Паракрамабаху I.

В период раннего средневековья неуклонно продолжала возрастать политическая роль буддизма. Высшее буддийское духовенство не только всецело определяло направление деятельности сингальских царей, но и возводило на престол своих непосредственных ставленников — выходцев из сангхи. Буддийскими монахами до восшествия на престол были Маханама (406–428), Дхатусена (455–473), Силакала (518–531).

Начиная с сына Махасены, Сиримегхаванны, практически все цари Ланки оказывали покровительство буддийскому монастырю Махавихара и искали его поддержки. Одновременно они стали стремиться к примирению враждующих буддийских центров острова и восстановлению единой общины. Царствования всех могущественных правителей острова — Моггалланы I, Кумарадхатусены, Аггабодхи I (VI в.), Силамегхаванны, Моггалланы III (VII в.), Виджаябаху I (XI в.) — были отмечены реформами сангхи, направленными либо на объединение монашеских братств, либо на очищение общины от еретических учений.

Однако, несмотря на все усилия сингальских царей, сангха продолжала оставаться раздробленной, и из нее выделялись все новые школы и секты, преимущественно махаянистского направления. В VII в. вновь расцвела секта *ветульявадинов*. В IX в. из Индии на Ланку проникли секта *ваджрапарвата*, члены которой были сторонниками эзотерических форм буддизма, и тантристская секта *нилапатадаршана*. Находки медных табличек с записями махаянистских текстов свидетельствуют о росте соответствующих буддийских ответвлений. Махаянистские секты находили покровительство у отдельных сингальских правителей. Силакала был ревностным последователем ветульявады, а Сена I и его придворные — приверженцами эзотерического буддизма.

Некоторые сингальские цари оказывали поддержку различным реформаторским движениям внутри сангхи, прежде всего влиятельной секте *памсукулика* («носящие лохмотья»), призывавшей монахов вернуться к первоначальной простоте жизни, к аскетизму. Постоянная борьба за реформу буддийского учения отражала не только доктринальные разногласия в общине, но и стремление государства утвердить свое влияние в сангхе, приостановить рост материального и политического могущества верхушки буддийского духовенства. Сингальская история знает немало примеров, когда правители (например, Сена II в IX в.) сами способствовали началу реформаторских движений и оказывали покровительство их руководителям, чтобы вернуть себе часть ими же ранее пожертвованных общине земельных угодий и имущества.

Махаянизм и пуранический брахманизм имели многочисленных сторонников на острове, и махаянистские и индуистские культы постепенно сливались, став неотъемлемой частью ланкийского буддизма. В буддийских святилищах совершались приношения цветов и фруктов индуистским богам, статуи которых стали устанавливаться наряду со скульптурными изображениями Будды.

С ростом индуизма на Ланке строится все большее количество индуистских храмов. В VII в. шиваитские храмы существовали в Махатиттхе, Гоканне, Канталаи, Анурадхапуре. Многие из них были возведены по приказу сингальских буддийских царей. При Аггабодхи VI (VIII в.) была сооружена статуя бога Вишну. Махинда II (VIII в.) и Сена II (IX в.) восстановили множество разрушенных индуистских святилищ и щедро одаривали придворных брахманов.

Найденные на острове надписи и бронзовые статуэтки свидетельствуют, что в VIII–IX вв. почитались как буддийские, так и индуистские боги и бодхисаттвы.

С конца X в. — времени вхождения Ланки в состав империи Чолов — влияние индуизма (особенно культа Шивы и его шакти Умы и Парвати) еще более возросло. Однако и в правление тамильских царей на острове сангха не подвергалась гонениям. Многочисленные эпиграфические данные свидетельствуют о богатых подношениях этих правителей различным буддийским монастырям, а в дарственной надписи царя Кудда Париндры (V в.) он сам называется *буддхадаса* (слуга, раб Будды). Некоторые представители тамильской знати, занимавшие высокие посты при дворе, были буддистами. Об этом говорят тамильские надписи IX—X вв., фиксирующие акты дарения земель или подношения даров буддийским монастырям от лиц тамильского происхождения.

В ходе непрекращавшихся боевых действий в X–XI вв. многие монастыри и вихары, служившие опорными пунктами сингальских войск в борьбе против господства Чолов на острове, сильно пострадали и были разрушены отступающими тамильскими войсками. Однако разгром буддийских монастырей Чолами не был акцией религиозной борьбы с враждебным вероучением, как представляется во многих исторических исследованиях современных сингальских авторов, пытающихся возвести корни сингало-тамильской розни к средним векам, а имел политическое и военно-стратегическое значение.

После освобождения страны сингальский царь Виджаябаху I восстановил разграбленные монастырские хозяйства и обновил состав буддийской сангхи, но погасить доктринальные разногласия внутри ее ему не удалось. Буддийская община острова состояла из трех самостоятельных и

враждовавших братств — с центрами в Махавихаре, Абхаягиривихаре и Джетаванарамавихаре.

В основе социальной организации ланкийского общества лежал кастовый строй. Варновая система, принесенная на остров в глубокой древности индоариями, претерпела существенные изменения на местной почве. В период раннего средневековья изменилось также само содержание терминов, обозначавших варны. Так, все большее число брахманов и кшатриев стало утрачивать свой, предначертанный род занятий и переходить к земледелию и государственной службе.

Самые ранние сведения о кастовой системе сингалов относятся к VIII в., хотя отдельные профессиональные ремесленные группы появились гораздо раньше. Так, известно о существовании еще до V в. 18 подразделений ремесленников, на базе которых впоследствии стали возникать профессионально-кастовые объединения. Отдельные низкостатусные касты образовали доарийские племена острова, за которыми были закреплены непрестижные трудовые или социальные функции. Примером может служить каста *чандалов* — уборщиков мусора, упоминаемых впервые в III в. до н.э. Существенную роль в процессе кастообразования играли переселенцы из Южной Индии, обычаи и верования которых выделяли их из местного населения и которым правители Ланки вменяли в обязанность исполнение той или иной повинности за право проживания на территории сингальского государства. В настоящее время считается доказанным факт южноиндийского происхождения таких сингальских каст, как *велли-дурая* (хранители священного дерева Бо), *карава* (рыбаки), *салагама* (первоначально ткачи, впоследствии сборщики корицы), и целого ряда мелких ремесленных каст и подкаст.

Последовательное разрастание административного аппарата сингальского государства и увеличение количества лиц, занятых при царском дворе, привели к расширению практики дарения царем как земельных участков, так и населенных территорий государственным чиновникам и придворным в качестве вознаграждения за несение службы и к увеличению удельного веса частной феодальной земельной собственности.

В VII—X вв. на острове сложились различные типы земельных владений, характерные для раннефеодальных обществ. Самой распространенной формой следует считать *дивелу*, источником которой было пожалование земли государством в кормление как светским лицам, так и монастырям. Получатели ее не считались наследственными владетелями. С прекращением службы или со смертью последних пожалованная земля возвращалась в государственную казну. Дивела предоставлялась также крестьянам и ремесленникам сельской общины, лицам, находившимся в услужении у монастырей. Размер дивелы зависел от характера службы и положения получателя в социально-кастовой иерархии сингальского общества. Дивела (за исключением редких случаев) налогом не облагалась.

Земли *памуну*, которыми царь жаловал своих приближенных, не подлежали изъятию и передавались по наследству вне зависимости от того, какую службу несли их владельцы и несли ли ее вообще. В дарственных надписях часто встречаются выражения *хира санда памуну*, т.е. дарение *памуну*, существующее, пока светят солнце и луна, и *памуну парапуру*, т.е. *памуну*, передающееся из поколения в поколение. Земли памуну, пожалованные монастырям, освобождались от всякого налогообложения. Светские владельцы памуну обязывались выплачивать государству налог,

размер которого устанавливался в каждом конкретном случае. Обычно он был невелик.

С VIII в. монастыри и светские лица начинают награждаться иммунными правами (*парахара*). Иммунитеты утверждались царским советом — *раджасабхой*. Царский приказ об иммунитетах высекался на стелах, специально устанавливаемых в местах дарения, в присутствии членов Совета, сопровождаемых главным писцом (*махале*) и личной охраной царя (*мекаппар*). В X—XII вв. иммунные акты стали записываться на медных и золотых табличках и составлялись по определенной формуле. Сначала это были краткие записи, содержащие дату дарения, имя царя, перечисление иммунитетов и предостережение тем, кто вздумает покуситься на неприкосновенность данных владений, но со временем они развились в замысловатые и пространные юридические документы.

Иммунные права должны были ограждать владения от возможных злоупотреблений различных представителей власти: чиновников центрального правительства, совершавших раз в год объезды страны для сбора налогов; чиновников местной администрации, таких, как главы районов и хранители районных книг отчетности; судебных чиновников, воинов. Административный, податной и юридический иммунитеты давали право лицам, обладавшим ими, осуществлять на своей территории часть государственных функций. Всем перечисленным категориям административных лиц запрещалось появляться в границах иммунных владений, получать от их обитателей приношения в виде риса и других продуктов (как это было заведено при объездах деревень, не обладающих иммунными правами), вмешиваться во внутренние дела этих территорий. Иммунные эдикты нередко кроме освобождения от налогов, обязанности приема царских чиновников на постой, исполнения трудовой повинности в пользу государства предоставляли право на разработку недр. Иммунные поместья, в первую очередь те, которые принадлежали религиозным институтам, обладали также правом убежища: царская стража не могла войти в эти владения даже для ареста опасного государственного преступника, а вынуждена была вступать в переговоры с владельцем земель о его выдаче.

Устранение царской администрации от непосредственного общения с общинниками и управления ими вследствие дарения иммунных прав в конце концов ставило все большее их число в зависимость от получателя дарения. Однако, поскольку передача царем права на сбор налогов с жителей определенных деревень могла быть не только полной, но и частичной, нередко возникали ситуации, когда одна и та же деревня эксплуатировалась сразу несколькими собственниками.

В сингальской деревне были в наличии элементы общинного самоуправления. Сельская община повсеместно продолжала нести коллективную ответственность за своих членов. Кроме мелких крестьянских собственников в деревне имелись арендаторы. Они обладали правом на землю, которую обрабатывали, в том числе правом продажи, и не могли быть согнаны в случае выполнения ими условий аренды, которая являлась, как правило, наследственной и передавалась от отца к сыну. Обработкой земли и другими связанными с сельским хозяйством операциями занимались также наемные работники, называвшиеся в сингальских надписях *кули*, а в санскритских — *кармакара*.

Применялся и рабский труд. В сингальских надписях VI–XII вв. часто встречаются упоминания рабов, занятых обработкой земли в монастырских

хозяйствах. Рабы получали на содержание небольшие наделы земли под посевы риса. В социальной иерархии они занимали самое низкое положение. Однако небольшое имущество, которым они владели, считалось неприкосновенным и не могло быть произвольно у них отобрано. Рабами на острове становились военнопленные, а также лица, принимавшие участие в мятежах против царя. Возникавшая таким образом рабская зависимость была наследственной, и рабы этой категории подлежали купле-продаже. Существовали и временные формы рабства, когда человек, задолжавший определенную сумму денег, становился рабом кредитора до тех пор, пока своим трудом не возвращал долг. Источники содержат свидетельства наличия не только принудительных, но и «добровольных» форм рабства: эту категорию составляли лица, ставшие рабами по собственному желанию ради приобретения средств существования или защиты.

Рабский труд был довольно широко распространен на Ланке в средние века, и каждая богатая семья имела, как правило, одного-двух рабов в услужении. Однако наличие рабства не могло оказать существенного воздействия на способ производства, так как большинство рабов было включено в непроизводственную сферу в качестве слуг, а в производстве использовалось в большинстве случаев на неосновных, подсобных работах.

ВТОРОЙ ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ

В 630 г. Восточнотюркский каганат потерпел поражение в войне с китайским императором Тайцзуном. Тюркские племена были расселены императором в Ордосе и Шаньси и превращены в федератов империи. Часть тюркской аристократии поступила на имперскую службу. Но для основной массы кочевников, принудительно поселенных в строго ограниченных районах, условия существования были трудными. Наиболее тяжелой повинностью была «дань кровью» — обязанность участвовать в войнах империи.

Восстание тюрок в 679–681 гг., вначале потерпевшее неудачу, привело в 682 г. к уходу в Гоби одного из тюркских вождей из каганского рода Ашина, Кутлуг-чора. Закрепившись в горах Иньшань, Кутлуг-чор и его сподвижники сумели привлечь на свою сторону бóльшую часть тюрок и вести успешные военные действия против императорских войск в Шаньси (682–687). Кутлуг объявил себя Ильтериш-каганом и этим актом провозгласил возрождение империи тюрок.

В 687 г. он покинул Иньшань и двинул свою сплотившуюся и закаленную в боях армию в Центральную и Северную Монголию. Между 687–691 гг. занимавшие эти территории племена токуз-огузов во главе с уйгурами были разгромлены и подчинены. Центр государства тюрок переместился в Отюкенские горы, на берега Орхона, Селенги и Толы. Объединив под своей властью два могущественных племенных союза — тюрок и токуз-огузов, Ильтериш-каган сделался грозным противником Танской империи.

Возродилась традиционная структура Тюркского государства. Империя, созданная Ильтеришем и его наследниками, была территориальным объединением этнически родственных и иерархически соподчиненных племен и племенных союзов; идеологически связь их определялась общими верованиями и признанными генеалогиями, а политическое единство — общей военно-административной организацией и общими правовыми

нормами (*тёрю*). Племенная организация (*бодун*) и политическая структура (*эль*) взаимно дополняли друг друга, определяя плотность и прочность социальных связей; по терминологии тюркских надписей, *хан* (*каган*) «держал власть над государством и был главой племенного союза».

Первенствовал в империи двенадцатиплеменный союз тюрок, возглавленный династийным племенем ашина. Вторым по политическому значению в империи был племенной союз токуз-огузов, «девяти огузских (племен)». Количественно токуз-огузы были более многочисленны, чем собственно тюркские племена, но политически менее консолидированы; их объединение, возникшее в начале VII в., возглавляли уйгуры. Активную роль в политической жизни империи играли еще две конфедерации племен — карлуки и басмылы. Во главе отдельных племен стояли их вожди — *иркины*, а во главе племенных объединений — *эльтеберы*.

Во главе управления империей стояли каган и его ближайшие сородичи, носившие титулы *шад* и *ябгу*. Кагана окружали советники (*буюруки*), исполнявшие военно-административные, дипломатические и судебные функции и носившие титулы *таркан*, *чор*, *тудун*. Племена для удобства административного управления были организованы в две территориальные группы — *тардуш* (западная) и *тёлис* (восточная). Ополчение обеих этих групп составляло соответственно правое и левое «крыло» воинского боевого порядка, а во главе их стояли близкие родичи кагана и наиболее влиятельные племенные вожди каждого «крыла».

Административное устройство империи с присущим ему дуализмом племенного и политического принципов было естественным отражением социальной структуры древнетюркской общины. Высшим ее сословием были *беги*, аристократия по крови, по праву происхождения из рода, особый статус которого в руководстве делами племени считался неоспоримым, освященным традицией. Элитой аристократии по крови были династийные роды и племена, противостоявшие простому народу. Каган олицетворял единство общины. Известные каганские надписи-манифесты содержали призывы к единству бегов и народа и их покорности кагану.

Полноправные члены рода и племени носили наименование *эр* — «муж-воин». «Мужем-воином» становился по праву рождения любой юноша, достигший определенного возраста, прошедший обряд инициации (совершение воинского или охотничьего подвига) и получивший «мужское (геройское) имя», независимо от того, был ли он одним из сотен рядовых воинов или принцем крови. Однако фактическое положение «мужа-воина» в племени и в государстве зависело от его знатности и его богатства.

Имущественная дифференциация внутри древнетюркских племен, как это показывают эпиграфические и археологические памятники, была весьма значительной. Богатство стало предметом гордости и похвальбы тюркской аристократии. Богатым противопоставлены в тюркской эпиграфике бедняки, которые названы «жалким, ничтожным, низким людом». Бедность не встречала сочувствия, более того, была презираема. Малоимущие свободные «мужи-воины» неизбежно попадали в личную зависимость от бегов, из них формировались дружина бега и его челядь. Но какими бы конфликтами ни отягощались отношения между бедными и богатыми «мужами», бегами и «простым народом», община в целом противостояла другой группе населения древнетюркского эля — полностью зависимым от «мужей-воинов» невольникам. Именно *кулы*-невольники и были бесправной социальной периферией древнетюркского общества.

В 691 г. Ильтериш-каган умер. Ему наследовал его младший брат, принявший титул Капаган-кагана, «Кагана-Завоевателя». Время его правления (692–716) отмечено наивысшим подъемом военно-политического могущества Второго Тюркского каганата и началом его распада.

В 693–706 гг. армия Капагана шесть раз форсировала Хуанхэ и глубоко проникала на территорию Северного Китая. Китайские войска не смогли оказать эффективного противодействия тюркам. Императрица У выплачивала Капагану огромные контрибуции и посылала дары, которые, скорее, были плохо замаскированной данью. В 696–697 гг. Капаган подчинил киданей, приостановив тем самым продвижение китайских армий на северо-восток, в предгорья Хингана, и обезопасив восточный фланг каганата. Северная и западная границы государства Капагана проходили в 699–708 гг. по Танну-Ола, Алтаю и Тарбагатаю. В 706–707 гг., подчинив племя байырку, тюрки заняли земли от верховья Керулена до Байкала. В 709–710 гг. тюркское войско заняло Туву и, перевалив Саяны, нанесло тяжелое поражение енисейским кыргызам.

В 711 г. тюркское войско одержало победу над тюргешами и заняло Семиречье. Преследуя отступающих тюргешей, армия тюрок форсировала Сырдарью и дошла до границ Тохаристана. Однако в битвах с арабами под Самаркандом тюркское войско, оторвавшееся от своих тылов, понесло значительные потери и с трудом сумело вернуться на Алтай (713–714).

Военные неудачи резко изменили обстановку — они послужили сигналом к восстанию ранее покорных племен. Восстание токуз-огузов было особенно грозным для империи тюрок. В пяти сражениях токуз-огузы были разбиты (715 г.), но восстание не было подавлено. В 716 г. великий иркин племени байырку напал на ставку Капагана на берегах Толы. Нападение было отбито, но сам Капаган попал в засаду и погиб. В том же году, после непродолжительной, но напряженной борьбы за престол, каганом стал его племянник, правивший под именем Бильге-кагана, «Мудрого кагана» (716–734).

Бильге-каган вступил на престол, когда империя, созданная его отцом, Ильтеришем, находилась на краю гибели. Западные владения отпали окончательно — сразу после смерти Капагана тюргешский вождь Сулук объявил себя каганом. Отказались от уплаты дани кидани. Продолжалось восстание огузов. Смута охватила и собственно тюркские племена. Бильге решился на энергичные действия. Кюль-тегин, брат Бильге, был поставлен во главе войска, а семидесятилетний Тоньюкук, сподвижник Ильтериша и Капагана, пользовавшийся в племенах огромным авторитетом, сделан ближайшим советником кагана. Бильге и Кюль-тегин напали на уйгуров. Разгром уйгуров подорвал сопротивление племенного союза токуз-огузов, а богатая добыча воодушевила тюркское войско. Летом 718 г. Бильге разгромил киданей и вновь овладел Хинганом. Отряд Тудун Ямтара, одного из полководцев Бильге, напал на карлуков, принудил их к подчинению и завладел огромными табунами коней, которые были розданы в племенах, верных Бильге. Ему удалось вернуть под свою власть тюркские и другие племена, отпавшие во время междоусобиц. Война с Китаем 720–721 гг. была последней войной каганата с империей. Китайский император Сюаньцзун щедро платил за установившийся мир на северной границе. Только в 727 г. император послал «в дар» Бильге-кагану 100 тыс. кип шелка в ответ на символическую «дань» — тридцать коней.

При наследовавших Бильге сыновьях Инань-кагане (734–739) и Тенгри-кагане (740–741) начался распад каганата. Все меньше с центральной

властью считались удельные правители из каганского рода Ашина. Малолетний Тенгри-каган был убит своим дядей, Кутлугом-ябгу, захватившим каганский престол. Началась война с племенными союзами уйгуров, басмылов и карлуков, в которой погибли Кутлуг-ябгу и его наследники. В 745 г. Второй Тюркский каганат окончил свое существование. Тюркские племена, сохранившие часть земель, не играли уже сколько-нибудь заметной роли в событиях последующих лет. Последнее сообщение о них в китайских источниках относится к 941 г.

В конце VII в. вождь тюргешских племен Западного Тянь-Шаня, Уч-элиг, изгнал из Семиречья ставленника танского двора Хосрова Бёри-шада и установил свою власть на территории от Чача (Ташкента) до Джунгарии. В г.Невакете на р.Чу и в г.Кюнгюте на р.Или были учреждены «большая» и «малая» каганские ставки, страна разделена на 20 округов во главе с каганскими управителями (*тутуками*), каждый из которых был в состоянии выставить 5–7 тыс. воинов. Уч-элиг (699–706) принял традиционный титул западнотюркских государей: «каган народа десяти стрел» — и новый титул: *тюргеш-каган*; в Невакете началась отливка медных монет с согдийскими надписями «тюргеш-каган».

Наследник Уч-элига, Сакал-каган (706–711), столкнулся с оппозицией части племенных вождей, поддерживавших претензии на трон его младшего брата. В междоусобицу вмешался восточнотюркский Капаган-каган, и после поражения тюргешских войск в битве с тюрками при р.Болучу (711 г.) оба брата были убиты по его приказу. Остатки тюргешских войск, собранные полководцем Чабыш-чор Сулуком, отступили за Сырдарью и ушли в Тохаристан. Лишь в 715 г. Сулук, провозгласивший себя тюргеш-каганом, смог вернуться и восстановить независимость своего государства.

Сулук Чабыш-чор-каган (715–738) все годы своего правления вел борьбу на два фронта. Из Восточного Туркестана ему угрожали претенденты на престол из рода западнотюркских каганов, поддерживаемые китайскими войсками. Дипломатическими мерами (женитьбой на дочери одного из претендентов) и военной активностью (осада столицы танского наместника в Восточном Туркестане, Кучи, в 726–727 гг.) Сулук снял эту опасность. Женитьбой на дочерях восточнотюркского Бильге-кагана и правителя Тибета тюргеш-каган окончательно укрепил свой восточный фланг.

На западе тюргешам угрожали победоносные арабские армии, не раз переходившие Сырдарью в 714–715 гг. Это заставило Сулука включиться в борьбу с арабами, которую вели стремившиеся сохранить независимость государства Средней Азии. В 720–721 гг. полководец Сулука, Кули-чор, вел успешные боевые действия против арабов в Согде. В 728–729 гг. Сулук поддержал антиарабское восстание жителей Самарканда и Бухары и изгнал арабов из Согда. Лишь в 732 г. арабский наместник разбил тюргешей под Тавависом и вошел в Бухару. В 737 г. тюргеши разбили арабов в Тохаристане, но вслед за тем потерпели поражение. По возвращении в Невакет Сулук был убит своим приближенным (737 г.), а в 739 г. арабы схватили и казнили полководца Сулука, Кули-чора (Курсуля арабских источников).

Гибель Сулука и недолгое правление его сына, Тухварсен Кут-чор-кагана (738–739), положили начало двадцатилетней борьбе за власть между знатью «желтых» и «черных» племен, на которые делился тюргешский племенной союз. Междоусобица привела к вторжению в Семиречье войск танского наместника в Куче, которые в 748 г. захватили один из

крупнейших городов Семиречья, Суяб. Однако в 751 г. китайские и тюркские войска были разбиты арабами и карлуками близ р.Талас и бежали из Семиречья. Власть в государстве захватили ханы «черных» тюргешей (Йыпар Кутлуг-каган, 749–753), однако междоусобицы не прекратились. Усилившиеся в Семиречье карлуки, вытесненные сюда в 746–747 гг. из Монголии уйгурами, к 766 г. покончили с враждующими между собой тюргешскими ханами, и карлукский ябгу стал создателем нового государства на Тянь-Шане.

УЙГУРСКИЙ КАГАНАТ

Уйгуры были одним из древнейших тюркоязычных племенных союзов Центральной Азии. Как и тюрки, они генетически связаны с позднегуннскими государствами. В III–IV вв. уйгуры входили в племенное объединение, которое в китайских династийных хрониках носило название *гаогюй* (букв. «высокие телеги»). В конце V — начале VI в. один из уйгурских вождей, Афучжило, и его наследники успешно соперничали с аварами (жужанами) за власть над оазисами Таримского бассейна.

В V в. в китайских источниках появляется новое название племенного союза, куда входили и уйгурские племена, — теле (тегрег — «тележники»). Их самоназвание было *огузы* (диалектальная форма — *огуры*). Значительная группа этих племен мигрировала на запад, в степи Юго-Восточной Европы и на Северный Кавказ, но бóльшая часть осталась в Центральной Азии. После сложения Тюркского каганата племена огузов вошли в его состав, но примерно с 600 г. и до падения Первого каганата (630 г.) огузы находились в состоянии почти непрерывного мятежа против своих сюзеренов. В 605 г., после предательского избиения западнотюркским каганом нескольких сот вождей огузов, уйгурский вождь, принявший титул *иркин*, увел часть племен в Северную Монголию, где они создали обособленную группу огузов, получившую в китайских источниках название «девять племен». В орхонских надписях они известны как токуз-огузы (в мусульманских источниках — токузгузы), буквально — «девять огузов». С 630 г. токуз-огузы выступают в китайских династийных историях как заметная политическая и военная сила. В 40-х годах VII в. лидерство внутри объединения токуз-огузов окончательно утвердилось за уйгурами, точнее, за группой из десяти уйгурских племен во главе с племенем яглакар.

Вождь токуз-огузов уйгурский эльтебер Тумиду около 647 г. создал свое государство на севере Монголии, со ставкой на р.Тола. Китайские хроники сообщают: «Тумиду все же самовольно именовал себя каганом, учредил должности чиновников, одинаковые с тюркскими (должностями)». Танское правительство не признало вновь созданное государство. Более того, в 660–663 гг. между токуз-огузами и Танской империей шла война, в которой китайские войска не смогли одержать победы. Конфликт был урегулирован мирными средствами.

В конце 80-х годов VII в. токуз-огузы потерпели поражение в боях с восточными тюрками, возродившими свое государство. Часть токуз-огузских племен, не желая примириться с господством тюрок, ушла в низовья Эцзин-гола и поселилась, признав танский протекторат, в Ганьчжоу и Ланьчжоу (Ганьсу). Эта группа уйгурских племен после 843 г. составила ядро Уйгурского государства в Ганьчжоу. В 727 г. часть токуз-огузов,

спровоцированная на мятеж действиями китайского наместника, вынуждена была бежать в Монголию, под власть тюрок. Именно из этой группы племен выдвинулись впоследствии вожди Уйгурского каганата.

В 744–745 гг. объединенные силы уйгуров, басмылов и карлуков, как говорилось выше, сокрушили Второй тюркский каганат. В 746–747 гг. уйгуры нанесли военное поражение своим союзникам и подчинили басмылов. Карлуки по большей части бежали в Семиречье и Джунгарию, где впоследствии (766 г.) они заняли первенствующее положение среди западнотюркских племен.

Образовавшийся Уйгурский каганат стал важной политической силой в Центральной Азии. В 50–60-х годах VIII в. конница уйгуров сыграла решающую роль в разгроме мятежных китайских военачальников Ань Лушаня и Ши Сы-Мина, поднявших восстание против танского императора Сюаньцзуна. Однако это восстание стало началом конца Танской империи.

Вместе с военной добычей и императорскими дарами уйгурский Бёгю-каган увез в Ордубалык, свою столицу на Орхоне, проповедников нового учения — согдийских миссионеров-манихеев, чью веру он принял в Лояне. Забегая вперед, следует сказать, что уйгурское манихейство пережило Уйгурский каганат и создало в оазисах Восточного Туркестана свою культуру и искусство, свою письменную традицию на тюркском и согдийском языках. В этой рукописной литературе сохранилась память о Бёгю-кагане как учредителе уйгурской манихейской общины. В одном из тюркских манихейских фрагментов, найденных в Турфанском оазисе, Бёгю-каган именуется «великим каганом», «мудрым уйгурским каганом», «эманацией Мани». При Бёгю-кагане уйгурское влияние распространилось на северную часть Восточного Туркестана, что не исключало, впрочем, ни китайского присутствия, ни автономии местного самоуправления оазисных государств и кочевых племен.

В 80-х годах VIII в. отношения между уйгурской династией в Монголии и населением Восточного Туркестана резко ухудшились. В ставке кагана Ордубалыке произошел антиманихейский переворот, который был организован влиятельным сановником, отдаленным родственником кагана Тон бага-тарканом, возглавлявшим прокитайскую партию при уйгурском дворе. Бёгю-каган, два его сына, ближайшие советники и множество согдийцев, в том числе и манихейские вероучители из окружения кагана, были убиты. Мятежный вельможа был провозглашен Алп Кутлуг-бильге-каганом (780–789). К власти пришла боковая ветвь династии Яглакаров.

Договорные принципы союза и протектората, благодаря которым Бёгю-кагану удалось утвердиться в Таримском бассейне, были нарушены. Выгодам торговли новые уйгурские каганы предпочли прямое налоговое ограбление согдийских и тюркских общин в таримских оазисах, где манихейство было тогда едва ли не господствующей религией. Именно согдийские и тюркские манихейские конгрегации были главными координаторами торговых операций на трассе от Семиречья до Внутреннего Китая, частью этой трассы был путь через Ордубалык, закрытый Алп Кутлугом. Последствия не заставили себя ждать — и горожане, и племена карлуков, поддержавшие их, восстали против уйгуров. Уйгурское войско потерпело поражение, а в 790 г. при поддержке местного населения тибетцы, давнишние соперники уйгуров, овладели Бешбалыком, последним оплотом уйгуров. Новая уйгурская армия в 50—60 тыс. человек попыталась изменить неблагоприятное развитие событий, но также потерпела неудачу (791 г.).

В 795 г. к власти в Ордубалыке пришла новая династия из племени эдизов. Ее основателем был каган Алп Кутлуг (795–805). В Ордубалыке была восстановлена «религия света», и манихейский пресвитер вновь сделал своей резиденцией столицу каганата. Для легитимизации своей власти каган из племени эдизов принял прозвание «Яглакар», отождествив себя тем самым с прежней династией.

Союзные и договорные отношения с главой манихейской церкви на Востоке после 15 лет перерыва были возобновлены. Уйгурская власть над оазисами Тарима вновь обрела опору и действенность. Вероятно, были урегулированы споры о налогах и поборах, и, согласно Карабалгасунской надписи (806 г.), каган повелел подданным «заниматься (своими обычными) делами». Тюркские манихейские общины Восточного Туркестана вновь приняли покровительство и власть ордубалыкских каганов. В городах Таримского бассейна воцарились близкие родичи уйгурского кагана.

В первом десятилетии IX в. главным врагом Уйгурского каганата стали енисейские кыргызы. Долгое время война шла за Туву, где уйгуры создали передовую линию укреплений. После 820 г. кыргызский правитель, именуемый китайскими источниками Ажо, начал войну с уйгурскими каганами за власть в Монголии. Междоусобицы в Ордубалыке способствовали его успехам. В 840 г., объединив усилия с мятежным уйгурским полководцем Кюлюг бага-тарканом, Ажо взял уйгурскую столицу Ордубалык. Уйгурский каган пал в сражении.

Теряя по пути отставших и отчаявшихся, остатки токуз-огузских племен во главе с Яглакаром Панле-тегином (будущим Менглик-каганом), оставив родину енисейским кыргызам, пришли в Восточное Притяньшанье, на свои прежние пограничные земли. Другая уйгурская группа укрепилась в Бешбалыке. Вождь ее, Буку Чин, в 866 г. овладел Турфаном. Разгромив тибетцев, Буку Чин стал господином положения во всем Таримском бассейне. Так было положено начало восточнотуркестанскому уйгурскому государству Кочо.

КИТАЙ В КОНЦЕ VI — НАЧАЛЕ X в.

(Империи Суй и Тан)

Тенденцию к стабилизации политического и экономического положения в Китае можно проследить приблизительно с рубежа V—VI вв. Постепенно стихают междоусобицы, не наблюдается новых разрушительных вторжений кочевых соседей. Как на севере, так и на юге страны становится прочнее власть правящих кругов, растет население, на основе расширения надельной системы землепользования налаживается хозяйство, пополняется государственная казна.

Возрождение имперского порядка проявилось не только в политическом объединении страны, но и в изменении самого характера верховной власти, придании ей большей, чем ранее, централизации. Ян Цзянь (589–604), захватив престол с помощью армии, со временем стал все более опираться на чиновно-бюрократический аппарат, утвердил гражданские формы правления. Методы правления сына и преемника Ян Цзяня — Ян Гуана (604–617) — приближались к деспотическим. Чрезмерная роскошь и расточительность двора, размах дворцово-паркового, городского, военного и транспортно-ирригационного строительства, агрессивная внешняя политика истощили финансы государства. Обострившиеся социальные противоречия

привели к вспышке народных восстаний и мятежей. В результате династия Суй (589–617) была низвергнута, империя вновь стала распадаться на части. Но отмеченная тенденция к единству и консолидации оказалась сильнее. Бывшему наместнику суйского двора в г.Тайюань Ли Юаню, провозгласившему себя в 618 г. основателем династии Тан, и его сыну Ли Шиминю удалось стабилизировать положение и к 628 г. полностью подавить восстания и мятежи. Именно при этой династии (618–907) складывается тот тип имперского управления, который вплоть до нового времени оказывал большое влияние на всю политическую систему Китая.

Власть стоявшего во главе государства монарха, официально именовавшегося Сыном Неба (*тянь цзы*) и императором (*хуанди*), была наследственной и юридически неограниченной. Особа императора сакрализировалась; он считался повелителем не только всех людей, но и посредником между верховным божеством (Небом) и земной вселенной, призванным поддерживать весь порядок мироустроения. Практически же власть сдерживалась существующей политической традицией, требовавшей не выходить за рамки нормативных образцов поведения государя.

Управление осуществлялось через разветвленный чиновно-бюрократический аппарат, состоявший из центральных (столичных) и местных органов. Сановники из высших правительственных учреждений — Императорского секретариата (Чжуншушэн) и Императорской канцелярии (Мэнсяшэн) — допускались к обсуждению императорских указов. Высшим правительственным учреждением было также Управление ведомств (Шаншушэн). Оно возглавляло Шесть Ведомств (*лю бу*) центральных органов исполнительной власти: ведомства Чинов, Налогов, Ритуалов, Военное, Судебное и Общественных работ. Принципы их организации и деятельности были кодифицированы в составленном в первой половине VIII в. своде «Тан лю дянь» («Законоустановления Шести Ведомств династии Тан»). В столице, г.Чанъань, была также Палата цензоров (Юйшитай), уполномоченная проверять работу чиновников во всех центральных и местных учреждениях, кроме Императорского секретариата и канцелярии.

На местах управление осуществлялось в соответствии с системой административного деления империи. Страна была разделена на 10 провинций. Но провинциальных органов власти еще не было. Высшим звеном местной власти было Управление округом (*чжоу*), возглавляемое начальником округа (*цыши*). Округа делились на 3 разряда в соответствии с количеством населения. Всего в империи Тан первоначально было 358 округов. Ниже стояли уездные правления. Уездов насчитывалось от 1551 до 1573, и они также делились на 3 разряда.

Изменились и принципы отбора чиновников на службу. Если в древней империи местные чиновники могли сами подбирать себе подчиненных, то теперь назначение всех служащих должно было осуществляться ведомством Чинов. Еще при Ян Цзяне были отменены прежние «деревенские категории», определявшие служебную карьеру. Вместо них после 587 г. все большее значение стало придаваться экзаменационным испытаниям. В 604 г. устанавливаются экзамены на степень *цзиньши* («продвинувшийся» или же «выдающийся» муж). В начале периода Тан существовало уже 8 различных по значимости экзаменационных степеней. В конце VII в. подобные испытания были введены для тех, кто претендовал не только на гражданский чин, но и на военную должность. Кандидаты писали письменные сочинения на заданные темы, где должны были раскрыть свое

владение обширным классическим историко-философским литературным наследием, показать знание канонизированных сочинений. Однако получение «ученой» степени давало лишь возможность быть назначенным на служебный пост.

Теоретически к экзаменам могли допускаться все, кто не принадлежал к «подлому люду». Однако существовавшие социальные условия и неформальная сословная иерархия сводили круг кандидатов на служебную карьеру к выходцам из состоятельных и влиятельных кланов. Тем не менее система экзаменов расширяла базу правящего слоя, нарушая сложившуюся прежде монополию достаточно узкого круга аристократических семейств на государственную службу.

Государственное устройство империи закреплялось детально разработанным законодательством. Письменные законы в Китае в конце VI–VIII в. подразделялись на *люй* — уголовные кодексы, *лин* — административные статуты, *гэ* — сборники указов, дополняющие кодексы и статуты, и *ши* — нормативные правила поведения. При династии Тан было составлено несколько сводов законов. В 651 г. выработали кодекс «Тан лин», в котором фиксировались штаты всех центральных и местных учреждений, порядок делопроизводства, а также повинности и обязанности простого люда. В составленном к 653 г. кодексе «Тан люй шу и» нашла отражение строжайшая регламентация, которую государственная власть пыталась распространить на все стороны общественной и личной жизни населения и тем обеспечить стабильность порядка и эффективность управления. Свод «Тан лю дянь», как уже говорилось, кодифицировал принципы организации и деятельности Шести Ведомств.

В империях Суй и Тан была создана довольно совершенная для своего времени военная система, получившая наименование *фу бин* («система военных округов»), имевшая истоки в военной организации империи табгачей. Не нарушая обычного административного деления, в стране учреждались своеобразные военные округа. Они могли быть трех разрядов: высшие, поставлявшие до 1200 солдат, средние — 1000 и низшие — 800 солдат. Количество военных округов в империи Тан колебалось от 600 до 800, что означало практически постоянную готовность армии в 400–800 тыс. человек. Преимущества такой организации заключались в том, что она не требовала от государства заметных расходов на содержание армии, ибо в мирное время рекруты занимались земледелием, а во время походов должны были обеспечивать себя своими средствами; не позволяла усилиться высшей военной верхушке, которая в мирное время не имела войск в своем распоряжении; делала армию также и удобным средством подавления беспорядков на местах; наконец, эта военная организация хорошо вписалась в надельную систему землепользования.

Объединение страны, систематизация управления, расширение и укрепление надельного землепользования обеспечили укрепление экономического положения, что позволило в конце VI — начале VII в. активизировать внешнюю политику. Были присоединены к империи земли племен туюйхунь (в Восточном Цинхае). Властители Тюркского каганата признали «старшинство» Китая. В 602–603 гг. было восстановлено прерванное восстаниями китайское господство в Цзяочжоу (Северный Вьетнам), затем предприняты поход на юг Индокитайского полуострова и завоевательная экспедиция на Тайвань и о-ва Рюкю. Многократно предпринимались походы против северокорейского государства Когурё, первоначально не принесшие успеха. К концу 60-х годов VII в. китайским

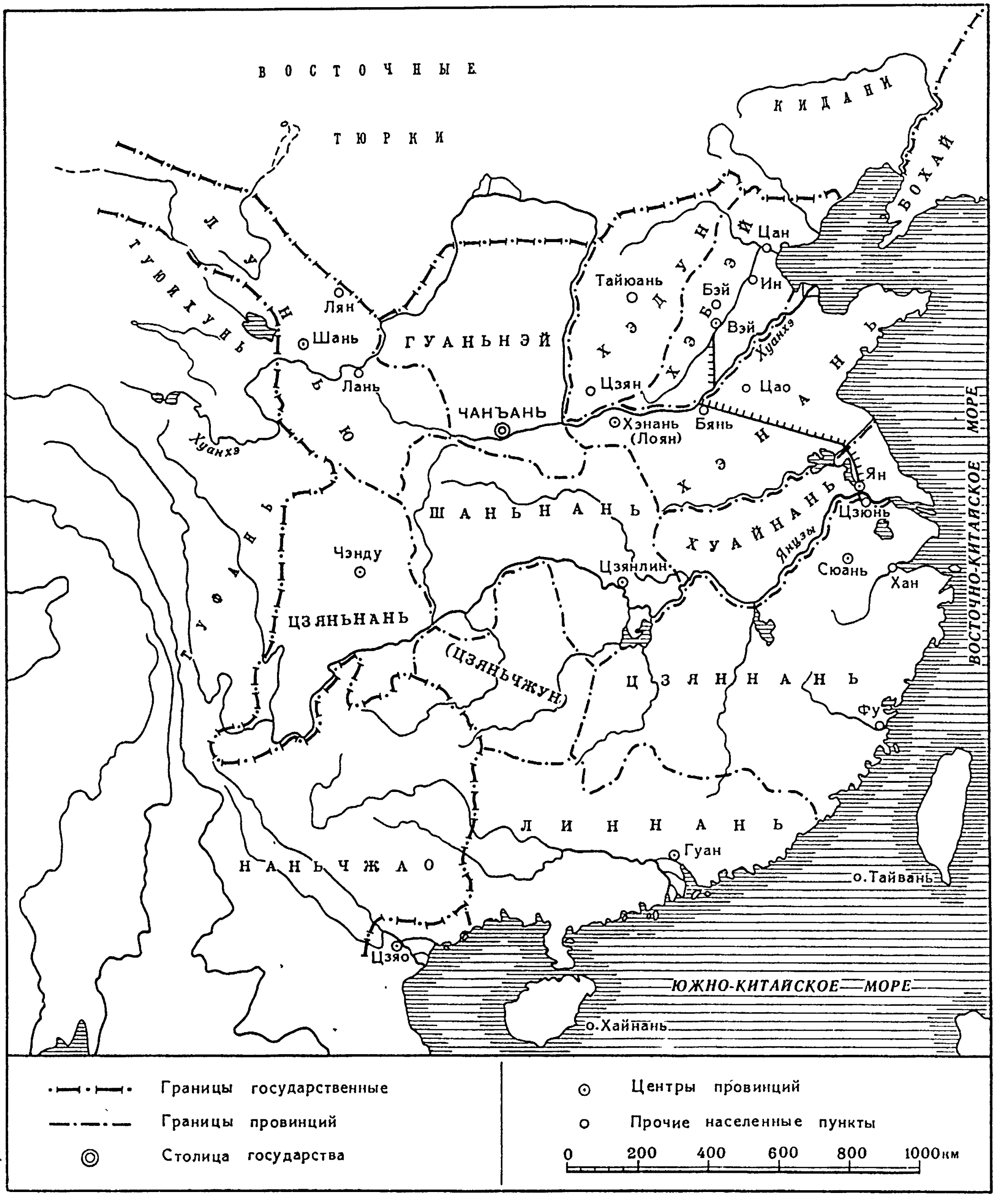


Рис. 9. Империя Тан около 750 г.

войскам удалось разгромить Когурё, а еще раньше, в начале 60-х годов, его союзника — государство Пэкче (на юге Корейского полуострова).

Еще в 629–630 гг. китайские войска разгромили Восточный тюркский каганат, в результате чего империя утвердила свое преобладание на

Великом Шелковом пути — торговой артерии, ведшей в Центральную и далее в Переднюю Азию. Китайские армии дошли до Кучара и в 657 г. в союзе с уйгурами разгромили Западный тюркский каганат.

В крупных населенных пунктах вдоль Великого Шелкового пути размещаются китайские гарнизоны. В 751 г. китайская армия под начальством Гао Сяньчжи даже перешла через Тянь-Шань в Среднюю Азию, но здесь была остановлена арабами в битве на р.Талас.

Широкое распространение в период Тан получают дипломатические связи с зарубежными странами в виде обмена посольскими миссиями. В соответствии с возникшей еще в древности доктриной универсальности власти китайских государей как посредников между обожествляемыми Небесами и Землей все иноземные правители рассматривались как имеющие более низкий ранг, которые могут рассчитывать лишь на роль слуг китайского императора. Прибытие к китайскому двору иноземных посланцев официально трактовалось как выражение и подтверждение вассальной покорности, а доставляемые ими дары — как «дань» (*гун*). Китайские же посольства за рубеж везли «указы» иноземным властителям, «жаловали» им китайские титулы, номинально вводившие их в принятую в империи иерархию.

Со второй половины VIII в. наблюдается закат военно-политического могущества Танской державы. На западе она теряет свои позиции в длительной борьбе с тибетцами, уйгурами, а позже кыргызами и тангутами; на севере, где еще к концу VII в. был утрачен контроль на Кореей, ее теснят племена киданей, на юге — усилившееся государство Наньчжао.

Потеря внешнеполитических позиций отражала постепенное нарастание кризисных явлений в империи, которые были обусловлены разложением и крушением в конце VIII в. ее экономической основы — надельной системы землепользования. Бюрократический аппарат разрастался, что снижало его эффективность и умножало государственные расходы. Правительство пыталось его сократить, но это давало лишь временный успех. Введение экзаменов не могло искоренить процветавшие в чиновничьей среде протекционизм, взяточничество, злоупотребления властью. Не прекращалась борьба аристократических группировок за преобладающее влияние при дворе.

Разлагалась и военная система *фу бин*. Сменных солдат надолго задерживали в столице. Начальство всячески обирало их, использовало как подневольных работников. Усилилось дезертирство. Возрастающий нажим извне вынудил в начале VIII в. перейти к вербовке и найму солдат для пограничных гарнизонов вне рамок фу бин. Командование этими гарнизонами попало в руки местных военных губернаторов — *цзедуши*. Опираясь на военную силу, они прибирали к рукам административную власть на местах. Логическим завершением этого процесса явился вспыхнувший в 755 г. мятеж одного из них — Ань Лушаня.

Мятежники овладели обеими столицами — Чанъанью и Лояном. Император бежал. Подавить мятеж удалось лишь к 763 г. ценой больших усилий. Но сила цзедуши в провинции осталась прежней. В начале IX в. их насчитывалось 48 и под их контролем находилось 295 округов и областей страны. Они вели войны между собой и с центральным двором. Императорская власть все больше ослабевала.

Внутриполитическая борьба и внешние войны тяжелым бременем ложились на население. С рубежа 50–60-х годов IX в. нарастает волна

крестьянских восстаний, которая в 874 г. переросла в одну из самых грандиозных крестьянских войн в истории страны. Движение возглавили Хуан Чао и Ван Саньчжи. Восстание началось в Хэнани, северной части Цзянсу и Южном Шаньдуне, затем распространилось на весь Центрально-Южный Китай. Острие восстания было направлено против властей — несправедливости и алчности чиновников, тяжести налогов. В 881 г. армия Хуан Чао овладела столицей. Танский двор бежал в Сычуань. Хуан Чао объявил себя императором. Пришедшие к власти повстанческие вожди оказались не в состоянии предложить что-либо принципиально новое. Они лишь заменили императорских родичей и высших чиновников своими ставленниками. Силы старой аристократии, призвав на помощь иноземные войска, в 883 г. вытеснили Хуан Чао из столицы. В следующем году основные очаги сопротивления повстанцев были подавлены. Династия Тан восстановилась, но власть ее была чисто номинальной. Удар, нанесенный крестьянской войной, оказался смертельным. Агония режима, сопровождавшаяся борьбой клик и группировок, продолжалась до 907 г., когда последний танский император был свергнут Чжу Вэнем, бывшим сподвижником Хуан Чао, перешедшим в правительственный лагерь.

Экономика возродившейся в конце VI в. империи базировалась на аграрном производстве. Состояние же последнего зависело помимо достигнутого к описываемому времени уровня возделывания земли от принятой системы землепользования и политики регулирования сельского хозяйства со стороны властей. Официально признанной и поддерживаемой нормой землепользования в конце VI–VIII в. стала зародившаяся в III–V вв. надельная система. В описываемый период она была распространена на всю страну. Всем взрослым простолюдинам от 18 до 60 лет полагалось по 80 му пахотной земли («надельное поле», *коу тянь*) и 20 му земли для «вечного пользования» (*юн е тянь*) под тутовник, вязы и жужубы. Правда, теперь не давалось, как раньше, наделов на замужних женщин, рабов и волов. Вдовам полагалось по 30 му земли, старым (свыше 60 лет) и больным — по 40 му. Кроме того, для постройки дома и под огород выделялась земля из расчета 1 му на трех человек. Во времена Тан главе семьи полагалось давать дополнительно 20 му. Декретировался, как и прежде, периодический передел надельных полей.

В период Тан наделы получали и городские жители, причем, если поблизости от города земли не хватало, ее можно было получить в соседних уездах. Особо оговаривалось право ремесленников и торговцев иметь наделы в половинном (против крестьянского) размере, но только в тех районах, где было достаточно свободной земли. Наделы полагались также буддийским и даосским монахам. В рамках надельной системы несравнимо большие по размерам наделы предусматривались для знати и чиновничества.

Таковы были нормативные установки. На практике все складывалось значительно сложнее. Все волости (*сян*) были поделены на «просторные» (т.е. сравнительно мало заселенные) и «тесные» (где ощущалась нехватка возделываемой земли). В последних предусматривались наделы вдвое меньше обычной нормы. Фактический размер надела определялся также качеством земли и потребностями севооборота и в той или иной мере тем количеством земли, которым обладало хозяйство раньше. При всем многообразии средний крестьянский надел в период Тан составлял, по одному из вычислений, приблизительно 36 му.

Стабильность нормативов подрывалась допущением (хотя и в известных пределах) купли-продажи земли. Запрет же держать земли больше, чем полагалось при наделении, касался лишь «тесных» волостей.

Таким образом, осуществление надельной системы отнюдь не выливалось в уравнительное землепользование. Картина получилась достаточно пестрой.

Эта характерная для докапиталистических порядков пестрота становится еще рельефнее, если учесть, что наряду с мелкими наделами, считавшимися «общественными полями» (*гун тянь*), в стране существовали также казенные земли (*гуань тянь*) и крупные земельные владения отдельных лиц (*сы тянь*). Казенными землями считались поля государственных поселений (*тунь тянь*), должностные земли (*чжи тянь*) и земли различных учреждений (*гун цзэ тянь*), пастбища, лесные и горные урочища, речные поймы. Основной массив пахотных казенных земель составляли поля государственных (преимущественно военных) поселений. В 737 г. только военных поселений было 1147. Площадь обрабатываемых земель в каждом из них колебалась от 20 до 50 цин (1 цин = 100 му). Обработка земли велась главным образом силами солдат, преступников и вербуемых переселенцев. В казну отбиралось около 50% урожая.

Со времени Тан появляются императорские поместья (*хуан чжуан*), вырастающие на базе угодий, придаваемых строящимся в разных местах императорским дворцам. Остальные представители правящего дома получали на кормление определенное количество податных дворов, что заменяло земельные владения. Кроме того, родичам императора наряду с титулованной аристократией более низких разрядов и чиновниками полагались предусмотренные рамками надельной системы поля «вечного пользования». Размеры их в зависимости от иерархии званий и рангов колебались от 100 до 1 цин. Эти земли не облагались налогами и переходили по наследству. Помимо этого всем находящимся на службе, а также всем столичным чиновникам давались должностные поля (*чжи тянь*) размером от 12 до 2 цин. Они обрабатывались податными дворами, отдававшими владельцу часть урожая.

Большинство аристократов и чиновников имело также свои частные земли. Такими землями обладали и «богатые и влиятельные дома» — официально непривилегированная часть землевладельцев. И те и другие стремились расширить свои владения путем распашки пустошей, захватов чужих земель, всевозможных подлогов: превращения надельных полей в участки «вечного пользования», незаконной покупки, изменения реестровых списков и т.д.

В «богатых и влиятельных» легко узнать возвысившуюся еще в III–IV вв. местную элиту — «сильные дома». Но с воссозданием прочного имперского порядка в VII в. и укреплением надельной системы их экономическая значимость — как замкнутых самообеспечивающихся хозяйств — несколько снижается (параллельно с уменьшением их социальной роли). Преимущественные условия для роста, по крайней мере в первой половине периода Тан, получает землевладение привилегированных слоев.

Порядок налогообложения был тесно связан с данной системой и представлял собой зародившуюся в предшествующие столетия триаду повинностей: зерновой налог, промысловую подать, отработки. Для учета налогоплательщиков составлялись подворные реестры. Через каждые 3 года они уточнялись. К рубежу 30–40-х годов VII в. в реестры было занесено

2 992 779 дворов налогоплательщиков, в середине VIII в. — около 8 200 000 дворов.

Налоговые ставки не были высоки. Например, зерновой налог составлял приблизительно $^1/_{40}$ часть среднего урожая. Промысловая подать состояла в куске шелка или пеньковой ткани и некотором количестве шелка-сырца или конопли. Трудовая повинность составляла 20 дней в году. Но помимо установленных налогов практиковались различные дополнительные поборы: отчисления на создание запасов зерна на случай голода, на обеспечение чиновников жалованьем, на нужды дворцового строительства, налог сеном, обязательная дань двору от каждой области и уезда и так называемые принудительные закупки, по сути являвшиеся реквизицией, поборы с обеспеченных дворов, на содержание солдат, на вспомоществование монахам и т.п. Все это усугублялось произволом причастных к сбору налогов чиновников. В результате к 30-м годам VIII в. создалось положение, при котором, по словам одного из высших сановников, Ли Линьфу, налоги «не имели установленных норм».

Разложение надельной системы и растущая неупорядоченность налогов вызвали финансовый кризис государства. Казна была вынуждена искать новые средства пополнения, пробуя с 60-х годов VIII в. новые способы сбора налогов. В 780 г. по предложению Ян Яня был введен новый порядок налогообложения. Триада повинностей была заменена налогом, собираемым дважды в год (*лян шуй*). Налог устанавливался с учетом не только размеров земли, но и общего достатка хозяйства. Сумма налогов исчислялась в деньгах, но все податные вносили налог зерном и тканями (и лишь частично и не повсеместно — монетой). Введение нового порядка налогообложения (широкое распространение которого по всей стране относится к 786 г.) знаменовало отказ от надельной системы. Государство теперь заботилось лишь о гарантированном поступлении налогов, но отстранялось от регулирования землепользования. Реформы 60–80-х годов VIII в. открывали дорогу принципиально иному типу земельных отношений, характеризовавшемуся неуклонным ростом крупного частного землевладения и более быстрым, чем прежде, развитием арендных отношений. Однако отдельные элементы надельной системы продолжали существовать еще довольно долго.

Хотя реформы конца VIII в. первоначально вызвали существенное увеличение налоговых поступлений, сколько-нибудь заметного улучшения положения основной массы населения не произошло. Расширение арендных отношений вело к развитию новых форм эксплуатации. Землевладельцы всячески пытались избежать налогообложения, перекладывали его тяжесть на арендаторов. В условиях ослабления центральной власти нарастал произвол местных властей при сборе налогов. В результате менее чем через сто лет после декретирования новых порядков положение крестьянства стало настолько тяжелым, что создало благоприятную почву для широкого его вовлечения в крестьянскую войну.

Борясь с убылью налогоплательщиков, правительство прибегало к ревизии списков податных, выявляло укрывавшихся от обложения. Продолжала поддерживаться так называемая фискальная община — принудительная организация хозяйств по пятидворкам, двадцатипятидворкам, стодворкам, во главе которых ставились старшины и старосты, ответственные прежде всего за выплату налогов. Для предотвращения бегства работников с земли практиковалась круговая порука в налогообложении. Беглецов не только наказывали, но и привлекали

обратно, обещая налоговые льготы. Практиковались отмена или сокращение налогов на определенный срок в случае стихийных бедствий и неурожаев в отдельных районах.

Пытаясь решить проблему нехватки пахотной земли, правительство поощряло или же само осуществляло переселение народа из «тесных» районов в «просторные», чаще всего окраинные, для освоения целины и пустошей. Делались попытки конфисковать землю, «поглощенную» частными землевладельцами. Уделялось внимание ирригационному строительству.

Однако отмена и снижение налогов оставались эпизодическими мерами; круговая порука усугубляла нелегкое положение крестьян, попытки ограничить рост крупной земельной собственности не удавались, на ирригационное строительство сгонялись десятки тысяч крестьян, отрываемых от своей работы.

Объединение страны и налаживание хозяйства привели к постепенному повышению экономической и культурной роли городов. При Суй были отстроены обе столицы — Чанъань и Лоян. Крупными центрами оставались Тайюань, Бяньлян (Кайфэн), Чэнду, Даньян (Нанкин) и другие города. Особенно интенсивно развивались города в центральной и юго-восточной части страны — Янчжоу, Сучжоу, Ханчжоу, Цюаньчжоу, Наньхай (Гуанчжоу) и др. В VIII в. в Китае было 25 городов с населением приблизительно 500 тыс. человек. Однако если учитывать масштабы страны, то говорить о процессе урбанизации в VII—IX вв. еще рано. Города, как и раньше, исполняли прежде всего военно-административные функции: служили крепостями и резиденциями местных властей. Но все же они служили и рыночными центрами, а среди их населения было немало ремесленников и торговцев.

Экономическая роль городов усиливается со второй половины правления династии Тан. Но данный процесс сдерживался различными ограничениями и жестким контролем со стороны властей. Это проявлялось прежде всего в настойчивом стремлении обеспечить максимум потребностей в изделиях ремесла и промыслов за счет казенного, непосредственно регулируемого государственной администрацией производства. Казенное ремесло основывалось на труде официально признанного сословия ремесленников (*гун*). Они принадлежали к податному люду, но не входили в уездные списки населения и подчинялись специально созданным еще в начале VII в. центральным управлениям. В обязанности ремесленников входила ежегодная поочередная работа в казенных мастерских. Кроме сменных работников в казенных мастерских постоянно (или же до окончания срока наказания) работали государственные рабы, зависимые и преступники. Некоторые квалифицированные мастера могли наниматься или же вербоваться казной. Но в целом как подневольные, так и наемные работники использовались в гораздо меньшем числе, чем тяглые ремесленники-очередники. На местах существовали также податные дворы, приписанные к разработкам соли, полезных ископаемых, выплавке железа, меди, постройке лодок и т.д., которые находились в распоряжении окружных и уездных властей.

Особого развития достигли казенные шелкоткачество, горноразработки, выплавка металлов, керамическое производство, судостроение, строительство, деревообработка, выделка бумаги, крашение.

К концу VIII в. в организации казенного ремесла намечается определенный сдвиг: принудительный поочередный труд ремесленников все

более заменяется рекрутированием работников по найму. Большую роль здесь сыграло юридическое закрепление в 773 г. права ремесленников откупаться от своей повинности, уплачивая 2 тыс. монет за месяц отработки.

Казенное ремесло обслуживало главным образом нужды императорского двора и аппарата управления, включая обеспечение государственных поселенцев орудиями труда, солдат — вооружением, доставку налогов по воде — судами и т.п. Часть его весьма разнообразной продукции, несомненно, попадала в продажу, но удовлетворить нужды населения оно не могло. Поэтому закономерно, что наряду с казенным существовало частное ремесло. Значительная его доля приходилась на домашнее ремесло (изготовление тканей, одежды, утвари, примитивных орудий труда). Параллельно с домашним существовало и профессиональное (слободское и городское) ремесло, не менявшее своего характера от того, что «ремесленный двор» мог иметь земельный участок. Ремеслом добывали основные средства к существованию отбывшие свою «очередь» на казенных работах мастера.

В описываемый период появляются и отдельные частные предприятия, использовавшие кооперированный труд (ткацкие мастерские со многими станками, работа по заказу типа рассеянной мануфактуры). Но подобные предприятия были редки. Преимущественной формой частного ремесла была индивидуальная (семейная) мастерская, служившая одновременно и лавкой. Лавки-мастерские располагались на рыночных площадях по профессиональному принципу, образуя ряды (*хан*, *сы*). Во главе этих территориально-профессиональных объединений стояли назначаемые властями старшины. Они отвечали за соблюдение установленного порядка торговли и сбор соответствующих пошлин. Входящие в хан ремесленники совершали совместные ритуальные обряды и так или иначе должны были учитывать общие интересы. Но названные объединения еще не были цеховой организацией, так как не обладали основными ее функциями (самоуправлением, монополией производства, возможностью устанавливать цены и т.д.). Их можно считать лишь первым шагом на пути к образованию цехов.

Тот факт, что частное ремесло существовало параллельно с казенным и в известной мере с ним переплеталось, сдерживало естественный ход его развития. Мешал и скрупулезный контроль со стороны властей. Тем не менее общий уровень, достигнутый как частным, так и казенным ремесленным производством в VII–IX вв., оставался для своего времени весьма высоким.

Наличие мастерских-лавок и торгово-ремесленных рядов говорит о недостаточно четком расчленении в описываемый период производственной и торговой сфер в экономике города.

Владельцами мастерских, горных и соляных разработок или же скупщиками продукции у надомников выступали чаще всего богатые торговцы. Оптовая торговля сочеталась с мелкой, лавочной. Появились торговые компании и дома (*дидянь*), осуществлявшие скупку и перевозку товаров.

Развитию торговли способствовало само образование в конце VI в. единой империи, охватывавшей огромные пространства, весьма разнящиеся по структуре и уровню экономического развития. Благоустраивались торговые пути, обрастая складами, постоялыми дворами и т.п. Широко использовались перевозки товаров по воде, в частности по

отреставрированному и усовершенствованному в начале VII в. Великому каналу.

Развитию торговли способствовало введение в конце VI в. эталонов мер и весов и выпуск единообразной, установленного веса монеты из меди с небольшими добавлениями олова и свинца. В 621 г. начали отливать новую унифицированную медную монету. Ежегодно отливалось около 327 млн. монет. Но потребность в средствах обращения и платежа не была полностью удовлетворена. К VIII–IX вв. относится появление так называемых летучих денег (*фэй цянь*) — своеобразных векселей, или кредитных чеков, позволявших сдавать деньги в определенные конторы и получать их в иных городах.

Имперская администрация старалась удержать торговую деятельность под строгим контролем. Рынки разрешались лишь в областных и уездных центрах. Существовал строгий надзор за временем их открытия и закрытия и соблюдением порядка торговли. Торговцы должны были получать письменные разрешения на продажу товаров и перевозку грузов. Власти оставляли за собой право устанавливать цены.

На торговых путях располагались таможни, отбиравшие с некоторых видов товаров до 10% их стоимости. Купцы и их имущество облагались регулярными и дополнительными налогами, принудительными займами. Все это отражало официально поддерживаемое негативное отношение к частной торговой деятельности, которая порицалась как непроизводительная и могущая нарушить стабильность существующих порядков.

Активизация внешней политики и расширение зарубежных связей в VII–VIII вв. повлекли за собой интенсификацию торговли с другими странами. Предоставление иноземными послами «дани из местных товаров» и ее отдаривание двором превращалось в специфическую форму торгового обмена. Вместе с посольствами или вслед за ними в Китай прибывали многочисленные зарубежные купцы. На Великом Шелковом пути были устроены караван-сараи. Развивалась и заморская торговля. Крупнейшим китайским портом с VII в. становится Гуанчжоу. В городе был отдельно расположенный иноземный квартал. Специальные чиновники контролировали здесь торговлю иностранных купцов, отбирая в казну до $^1/_3$ их товаров. Выезд же китайских торговцев за рубеж всячески ограничивался.

Значительная централизация внешней торговли, а также бо́льшая доля предметов роскоши в китайском импорте свидетельствуют, что в описываемый период эта торговля преимущественно служила потребительским интересам верхушки общества и еще не оказывала существенного влияния на экономическое развитие страны в целом.

Изучение сословно-классовой структуры китайского общества конца VI–IX вв. затрудняется тем, что официально принятое тогда социальное деление («чиновники» и «народ», состоявший, в свою очередь, из четырех категорий — ученые, земледельцы, ремесленники и торговцы) далеко не адекватно отражает реальность. Кроме того, ни родовитость, ни обладание богатством не давали закрепленного законом особого статуса и поэтому недостаточно фиксировались в источниках. Китайское общество того времени представляло собой довольно жесткую иерархическую структуру. Социальные барьеры разделяли аристократов и неаристократов, служилое сословие и простолюдинов, свободных и зависимых.

Верхушку господствующего класса составляла аристократия. К ней относились столичная знать — родичи императора, придворные и титуло-

ванные сановники, а также представители местной провинциальной элиты, объединявшиеся в несколько могущественных группировок. Их родовитость удостоверялась сводами-перечнями, первый из которых в описываемый период появился в 637 г. и включал 293 фамилии и 1654 семьи. Своды периодически уточнялись и пополнялись.

Обозначившаяся кастовость аристократии не находила, однако, адекватного отражения в официальной политико-административной доктрине. Политическое преобладание знати реализовалось прежде всего ее участием в управленческом аппарате, что приводило к ее слиянию с верхами чиновно-бюрократического сословия. Тем не менее аристократическое начало, столь ярко проявившееся в социальных порядках предшествующего периода, в конце VI–IX в. продолжало сохранять значительную роль.

Важной составляющей господствующего класса являлось учено-служилое сословие, чиновничество. Вместе с семьями чиновники составляли от 1,5 до 2% населения. На их родичей распространялись различные привилегии, отбрасываемые «тенью» носителя служебного ранга. Эти привилегии сохранялись и за родственниками отставных, не имевших конкретной должности и умерших чиновников. Были также многочисленные обладатели почетных и наградных званий. Рядом материальных преимуществ и социальным весом пользовались получившие на государственных экзаменах ученые степени, а также готовившиеся к государственной службе учащиеся.

Социальный престиж чиновничества всемерно поддерживался правительством и официальной традицией и признавался населением. Даже в случае разжалования чиновник оставался по своему статусу выше простолюдина. Карьера чиновника была весьма притягательной, ибо открывала дорогу к обогащению. Юридическое допущение к этой карьере простолюдинов не мешало тому, что чиновное сословие в большой степени ограничивалось выходцами из аристократической и чиновничьей среды. Этому способствовал целый ряд дополнительных условий: для сдачи экзаменов требовалась рекомендация влиятельного лица, для получения должности — специальный «допуск» и т.д. На высокие же посты выходцы из «простых» не могли попасть даже теоретически. К концу Тан $^{3}/_{4}$ кандидатов на экзаменах были выходцами из знати и чиновников.

Служебная пирамида состояла из 9 рангов (где высшим был первый) и 30 ступеней (внутриранговых делений). Заметная социальная грань пролегала между 5-м и более низкими рангами. Выше этого рубежа можно было попасть лишь с разрешения императора. Еще одна грань отделяла обладателей первых трех рангов. Они пользовались наибольшими привилегиями.

Связь с государственной службой, отсутствие принципа прямого наследования, строгая иерархичность внутренней структуры и открытость (допущение представителей простолюдинов к служебной карьере) — все это делало китайское чиновничество слоем, весьма отличным от благородных сословий западноевропейских средневековых государств, хотя и те и другие играли сходную социальную роль — служили оформлению господствующего класса.

Аристократы, чиновники и родственные последним кланы чаще всего были и наиболее крупными землевладельцами. Однако наряду с ними земля концентрировалась и в руках незнатных и нечиновных богатых людей, что стало особенно заметно со второй половины VIII в. Эти люди не

выделяются источниками из широкой категории налогообязанных простолюдинов (*лянминь*, *байсин*). Но их можно относить к экономически господствующему классу, так как они эксплуатировали обрабатывавших их землю крестьян и приобретали доминирующее положение в местном обществе. Выходцам из этого зажиточного слоя было легче, чем остальным простолюдинам, пробиться в учено-служилое сословие.

К экономически господствующему классу следует отнести также крупных купцов и ростовщиков. При этом надо учитывать, что крупными торговыми операциями имели возможность заниматься прежде всего выходцы из семей тех же богатых землевладельцев, а также знати и чиновничества, которые делали это через посредников.

Основное ядро юридически не пораженных в правах простолюдинов составляли крестьяне (по приблизительным подсчетам, около 60% населения). Однако в соответствии с неодинаковыми методами эксплуатации среди них выделяются различные слои. В VII—VIII вв. количественно преобладали крестьяне — пользователи наделов. Юридически они сохраняли определенные права на землю (наследовали ее, получали добавки на новых членов семьи), но не могли ею свободно распоряжаться (передавать, продавать), а также оставлять ее необработанной или же бросать. Практически они были в известной мере прикреплены к земле (учтены в списках без права ее покидать) и, кроме того, связаны круговой порукой при выплате налогов и несении повинностей.

Еще более жестким было прикрепление крестьян, работавших в военных поселениях, на должностных землях чиновников и во владениях императорских родичей.

Часть крестьян брала землю в аренду у частных хозяев. Арендные отношения подразумевали не только частную эксплуатацию, но и своего рода патронаж хозяина над работником, закрепляемый в терминах патриархального главенства над «младшими».

Хотя традиционное сословное деление обособляло ремесленников и торговцев от земледельцев, не было никаких официально зафиксированных различий между сельскими и городскими жителями. Социальная организация города с ее замкнутыми, поднадзорными со стороны властей кварталами строилась опять-таки по принципу сельских общин, механически собранных в одном месте (т.е. в пределах городских стен). Например, Чанъань делилась на два уезда, каждый из которых включал не только городские кварталы, но и прилегающую сельскую местность. Социальный статус ремесленников и торговцев был ниже земледельцев, ибо эти занятия расценивались как «второстепенные» по сравнению с сельским хозяйством.

Наибольшей эксплуатации подвергались люди неполноправных категорий, противопоставлявшиеся лично-свободному «доброму народу» (*лянжэнь*) как «подлые» или же «низкие» (*цзяньжэнь*). Грань между ними четко прослеживается в законодательстве. Строго запрещались браки между свободными и зависимыми. Последние различались по степени личной зависимости, могли быть казенными или же иметь частных хозяев.

На самой низкой ступени в иерархии зависимости стояли рабы (*нуби*). Казенные рабы состояли главным образом из родственников лиц, совершивших преступления. Они не вносились в списки податного населения, а приписывались к учреждениям, распоряжавшимся ими. Обрабатываемые рабами угодья могли жаловаться чиновникам и знати.

Казенные рабы составляли одну из самых многочисленных групп неполноправных. С 605 г. частным рабам не полагалось давать земельные наделы. Как и казенные рабы, они не несли повинностей перед казной и не включались в списки населения, фигурируя лишь в подворных списках семьи хозяина.

Рабов презирали, приравнивали к имуществу и скоту, продавали. Им не полагалось фамилий, а только клички. В брак они могли вступать только между собой. Дети рабов оставались рабами. Но, с другой стороны, практически почти все рабы имели свои семьи и некоторое имущество. Хозяин не мог их убить. Сохранялась возможность выкупа из рабства. Казенные рабы в 60 лет переводились на положение полурабов (*фаньху*), а в 70 лет получали свободу. Частные рабы благодаря сохранявшейся патриархальной традиции рассматривались как младшие члены семьи хозяина. Таким образом, рабство в Китае отличалось сравнительной мягкостью.

В несколько меньшей степени зависимости находились *гуаньху* (казенные дворы), положение которых было близко к государственным крепостным. Как лично-несвободные рассматривались казенные ремесленники (*гун*) и музыканты (*юэ*). Наибольшей независимостью среди казенных категорий работников пользовались *цзаху* («дворы различных занятий») — далекие потомки семей обращенных в рабство преступников. Они имели право на полный земельный надел, несли равные со свободными наказания за проступки и отпускались на волю в 60 лет. К особой категории казенных зависимых можно отнести работников, жаловавшихся властями буддийским монастырям (*чанчжу*).

Среди частных зависимых помимо рабов были известные еще с предшествующих времен *буцюй*. Они не имели надела и работали главным образом на земле хозяина. Их могли посылать на общественные работы вместо хозяина и членов его семьи. Хозяин не мог продать их и за их убийство нес более строгое наказание, чем за раба. В кабальную зависимость от хозяина попадали также лица, нанимаемые им в услужение по контракту, — *суйшэнь*.

Промежуточными слоями тогдашнего общества можно считать монахов и не имевших ранга служащих бюрократического аппарата (так называемых под-чиновников). Монахи получали удостоверения от властей и не включались в списки податных. Их общины при монастырях рассматривались как особого рода большие семьи с общим имуществом. Монахи использовались администрацией как глашатаи, смотрители за работами, осведомители и т.п. В распоряжении монастырей были земельные владения, зависимые и рабы. Под-чиновники относились к простым людям (*шужэнь*) и квалифицировались как «дети от наложниц» в сравнении с «законными» чиновниками. Юридически у них не было привилегий, но причастность к власти давала им некоторые практические преимущества перед прочими простолюдинами.

С объединением Китая в VII–VIII вв. наблюдается процесс этнической консолидации. Это прервало намечавшиеся в IV–VI вв. тенденции, которые в перспективе могли привести к распаду китайского этноса. Однако различие между Севером и Югом страны не было преодолено и в рассматриваемый период. Оно проявлялось в разности диалектов, обычаев, пищи и т.д. Северяне впитали в себя путем ассимиляции многие некитайские племена и народы, в частности сыгравших немалую роль в истории IV–VI вв. сяньбийцев. Тенденции к консолидации проявились в

дальнейшем проникновении китайцев на юг и постепенном выравнивании количества населения в обеих частях страны, насчитывавшей от 46 до 54 млн. человек. Единым было и самоназвание китайцев — хуа или же ханьжэнь.

Восстановление имперского порядка открыло дорогу ощутимому взлету культуры страны. Расширяются посевные площади, на севере страны распространение получает овощеводство, на юге осваиваются ранний и поздний сорта риса, метод возделывания пшеницы после уборки риса. Широко распространяется возделывание и употребление чая, на который в 30-х годах IX в. вводится государственная монополия. Начинается производство сахара из сахарного тростника. Совершенствуется сельскохозяйственная техника. Было, например, 11 различных типов железных и деревянных плугов. Широко использовалась ирригация. Появилось поливное колесо с кувшинами, приводимое в движение рабочим скотом. Распространились водяные мельницы.

Заметным был прогресс в строительной технике, что отразилось в усовершенствовании Великого канала, восстановлении и достройке Великой стены, возведении столиц и загородных дворцово-парковых комплексов, многоярусных пагод, каменных мостов, храмов и т.д. К концу периода Тан завершается складывание огороженного и состоящего из нескольких построек жилого и служебного назначения двора-усадьбы — типичного китайского жилища, дошедшего до XX в.

Мастерство и изящество отличают изделия ремесла VII–IX вв.: ткани, ювелирные украшения, зеркала и т.д. Появляются первые образцы фарфоровых изделий. Пробуются корабли на колесном ходу.

Благодаря развитию внешних связей в обыденной жизни зажиточных слоев сказывается культурное влияние соседних народов. Входят в употребление иноземные косметические средства, лекарства, продукты питания (в частности, перец, виноград и виноградное вино), различное минеральное сырье, редкости и экзотические вещи. В свою очередь, многие достижения материальной культуры китайцев (например, в строительстве, изготовлении бумаги, монет и т.д.) заимствовались в зарубежных краях.

Но наиболее прославлен период VII–IX вв. достижениями духовной культуры. Ориентированность на служебное и социальное продвижение путем сдачи экзаменов привела к расширению системы образования. В столице имелось 8 различных училищ. Училища и школы были открыты также в областных, окружных и уездных центрах. И хотя в них изучалось в основном классическое этико-политическое и философское наследие, прослойка овладевших определенной суммой знаний людей значительно увеличилась. Заметен сдвиг в книжной культуре, появляются крупные библиотеки, во второй половине IX в. начинается книгопечатание с резных досок (методом ксилографии).

Прогресс научного знания наблюдается в географии, астрономии и математике, истории, филологии. Совершивший в 629–645 гг. путешествие в Индию через страны Центральной Азии монах-паломник Сюань-цзан оставил описание виденного в книге «Описание Западного края в период Великой Тан». Подробное описание морского пути от Гуанчжоу до Персидского залива и далее в Багдад дал Цзя Дань (730–805). Ли Чуньфэн в конце VII в. уточнил календарные исчисления и писал комментарий к математическим трактатам. В начале того же века появился сводный перевод индийских трудов по математике, а в 718 г. — индийских календарных методов. В VII в. было написано 8 официальных «дина-

стийных» историй (из существующих двадцати пяти). В первой половине VII в. Янь Шигу дал новую редакцию канонического «Пятикнижия», а Кун Инда написал ставший впоследствии также классическим комментарий к нему. Система образования, имевшая широкую гуманитарную направленность, способствовала развитию энциклопедичности китайских ученых, владевших и литературными навыками, и политическими, историческими и философскими знаниями. В этом плане характерна деятельность таких литераторов и мыслителей, как Ду Ю (735–812), Хань Юй (768–824) и Лю Цзунюань (773–819). В 601 г. появился словарь литературного языка «Це юнь», составленный Лу Фанем и включавший 12 158 иероглифов. Не прекращался и перевод санскритских текстов на китайский язык.

Буддизм в конце VI–IX в. продолжал оказывать огромное влияние на идеологию и культуру Китая. Императорское правительство до середины IX в. поддерживало буддизм, пытаясь использовать его для укрепления своего престижа. Обрядовая практика буддизма вошла в повседневную жизнь широких слоев. Продолжалось паломничество в Индию. Помимо Сюань-цзана и И-цзина там только в конце VII в. побывало 37 паломников, а вслед за И-цзином отправилось 56 его учеников. Однако даже в период своего расцвета буддизм в Китае не смог стать безраздельно господствующей идеологией. Здесь сыграли роль и стойкость конфуцианской традиции, и сопротивление даосизма. Увеличение числа монахов, земельных владений и богатств буддийских монастырей сокращало доходы казны и толкало власти на ограничение деятельности буддистов. Переход в монахи контролировался и сдерживался, делались попытки сократить количество деревенских храмов и кумирен. В 845 г. было конфисковано имущество около 45 тыс. монастырей и храмов, расстрижено много монахов. Несмотря на гонения, позиции буддизма оставались достаточно прочными.

Влияние даосизма было менее значительно. Правительство поощряло даосизм: монахам давались почетные звания, в 666 г. была официально признана святость Лао-цзы, в первой половине VIII в. была учреждена даосская Академия. Но даосов было гораздо меньше, чем буддистов.

В VII–IX вв. в Китай проникают «три варварских учения» — манихейство (*инь-ян цзяо*) от уйгуров, зороастризм (*тянь*) от персов и несторианское христианство (*цзин цзяо*) из восточных районов Византийской империи. Но сколько-нибудь глубокого воздействия на религиозную и идеологическую жизнь в стране они не оказали.

Эпоха Тан по праву считается золотым веком китайской поэзии. Именно тогда жили и творили великие китайские поэты Мэн Хаожань (689–740), Ван Вэй (699–759), Ли Бо (701–762), Ду Фу (712–770), Бо Цзюйи (772–846) и многие другие. В творчестве некоторых из них ярко отразились социальные мотивы: бедность и страдания простого народа, произвол власть имущих, ужасы войны и т.п.

К концу VI — началу VII в. формируется как особый литературный жанр прозаическая новелла, в которой также рельефно проступают многие бытовые, социальные и идеологические черты эпохи.

В изобразительном искусстве того времени прослеживается ощутимое влияние буддизма и в то же время сохраняются и развиваются традиционные, чисто китайские начала. Здесь следует упомянуть скальные рельефы в Лунмэне, ритуальную буддийскую скульптуру в храмах Бинлисы и Майцзишань. Изяществом отмечены поливная керамическая бытовая

скульптура малых форм, а также народная скульптура, сохранившаяся в погребениях. Прекрасные образцы фресковой живописи представлены в пещерных храмах Дуньхуана. В пейзажной живописи прославились Ли Сысюнь, У Даоцзы и знаменитый поэт Ван Вэй. К VIII в. складывается как особый жанр живопись «цветов и птиц», получившая впоследствии всеобщее признание. Появляются трактаты о живописи, ее истории и художниках.

В целом китайское общество конца VI–IX в. представляло собой ярко выраженную иерархическую структуру с монархической, централизованной формой правления, преобладанием аристократических начал в социальной и политической жизни и весьма дробным сословным делением, отражавшим различную степень относительной личной свободы или зависимости. Экономической основой этого иерархического строя по-прежнему оставалось сельское хозяйство, и прежде всего земледелие. Хозяйство по преимуществу носило натуральный характер, хотя изымаемая и перераспределяемая в господствующих слоях общества масса продукции была довольно значительна. Система эксплуатации не отличалась единообразием, но во всех формах содержала существенный элемент внеэкономического принуждения. Ярче всего это прослеживается на примере различных категорий лично-зависимого люда. Юридически не ущемленное в личной свободе население непривилегированных сословий эксплуатировалось главным образом с помощью ренты-налога и системы государственных повинностей. Вопрос о характере государственной эксплуатации в странах Востока вообще и в Китае в частности остается дискуссионным. Автор данного раздела считает, что государственный поземельный налог приобретал характер ренты не в силу верховных собственнических прав государя и олицетворяемого им государства на закрепляемые за производителем наделы и не в силу государственного суверенитета над территорией страны, но благодаря социальному статусу (сословной приниженности) эксплуатируемого. Фиксируемые налоги и повинности дополнялись неписаными, но общепризнанными обязанностями простолюдинов перед носителями власти и аристократией, проистекавшими из сословно-классовой приниженности одних и доминирования других. Жесткий контроль, сопровождавший систему централизованной эксплуатации, приводил к практическому (но не юридическому) прикреплению производителя к земле, наследственному закреплению его профессиональной деятельности. Существовавшая параллельно с этим частнособственническая эксплуатация посредством сдачи землевладельцем участков в аренду также сопровождалась внеэкономическим принуждением, ибо условия аренды носили кабальный характер и арендатор практически утрачивал часть личной полноправности.

Сказанное позволяет охарактеризовать китайское общество эпохи Тан по его основным параметрам как разновидность феодального. Однако в нем можно обнаружить ряд архаических черт. Несмотря на всю его иерархичность и значимость сословных перегородок, оформление сословного деления по-прежнему оставалось расплывчатым и нечетким. Это обусловило несовпадение сословного и классового деления, что ярче всего проявилось в растворении значительного слоя экономически господствующего класса землевладельцев в непривилегированном сословии простолюдинов. Вместе с тем отсутствие четких понятий о правах собственности на землю, проявившееся в нерасчлененности (двойственности) собственнических прав (например, на наделы и целый ряд категорий жалуемых земель), приводило

к сложному переплетению централизованных (государственных) и частных начал в методах эксплуатации. Архаичность проявлялась также в сохранении патриархальности в отношениях личной зависимости, в неразвитости города и городской экономики и, наконец, в жесткости всего социального порядка и системы эксплуатации в целом. Наличие указанных архаических черт дает возможность относить рассматриваемое общество к раннефеодальным.

Сделанное заключение не подразумевает типологической идентичности Китая конца VI–IX в. раннефеодальным европейским странам. Среди отличий, характерных для китайского общества рассматриваемого периода, помимо того, что оно формировалось в специфических исторических условиях (длительность и непрерывность китайской цивилизации, масштабность страны, внешнее окружение), следует выделить повышенную регулирующую роль государственных властей в экономической и социальной жизни, сохранение большинством эксплуатируемых юридической свободы, а также слияние высокого социального статуса с политическим, что сказывалось на самой структуре господствующего класса. Все это делает китайский образец раннефеодального общества весьма специфическим.

ГОСУДАРСТВО ОБЪЕДИНЕННОЕ СИЛЛА

Государство Силла к середине I тысячелетия было самым слабым из трех ранних корейских государств, но с середины VI в. началось его быстрое усиление, и оно вступило в борьбу за гегемонию на Корейском полуострове. В 654 г. на престол Силла вступил ван Тхэджон-Мурёль, сторонник активной внешней политики и укрепления союза с Танской империей. В 660 г. под ударами силласких и китайских войск пало Пэкче и его столица Саби. Но еще несколько лет союзникам пришлось подавлять восстания, руководимые военной знатью и буддийским духовенством и направленные на возрождение этого государства. В 668 г. пало и Когурё, которое было превращено в наместничество Танов.

Однако сразу же после разгрома Пэкче и Когурё между союзниками выявились непримиримые противоречия. Силла претендовало на власть над всем полуостровом, что совершенно не устраивало Танов.

Силла располагало к тому времени сильной армией, имевшей большой боевой опыт и руководимой выдающимся полководцем Ким Юсином. Ван Мунму, сменивший в 661 г. на престоле умершего отца, — правитель способный и твердый — не склонен был уступать китайцам и решил довести до конца дело объединения страны. В 670 г. между Силла и Китаем началась война. Силла признало Ансына, выходца из когурёского правящего рода, который возглавлял борьбу против китайских завоевателей (начавшуюся сразу после падения Когурё), ваном Когурё. Тогда же Силла начало военные действия против созданного Танами в Пэкче марионеточного государства во главе с отпрыском местной династии ванов. В следующем году Силла одержало решающие победы над ним. Однако борьба с китайскими армиями растянулась на семь лет (670–676), в течение которых почти непрерывно шли военные действия. Китайцам пришлось признать силлаские успехи и прекратить войну, хотя официально граница по р.Тэдонган была признана Танами только через 60 лет (735 г.). Ансын в 683 г. официально перешел на силласкую службу; ему была дарована фамилия правящего рода Ким и дана в жены сестра вана Мунму.

Так начался период Объединенного Силла. В состав этого государства была включена вся территория Корейского полуострова к югу от р.Тэдонган. Танский Китай признал силлаское государство в его новых границах, однако лишь в качестве своего вассала. В начале VIII в. участились дипломатические контакты с Китаем, прежде всего обмен посольствами. Контакты с Японией были, как и раньше, незначительны. Японские посольства посещали Силла в 698 и 703 гг. Затем государственные связи надолго прервались, что, видимо, было вызвано нападением японцев в 731 г. на восточные границы Силла. Известно, что в 742 г. прибывшему японскому послу было отказано в приеме, это же случилось в 753 г.

Весь период Объединенного Силла прошел без внешних войн, если не считать упомянутого выше нападения японцев и двух случаев, когда по требованию китайского императора Силла посылало свои войска на помощь китайским: в 733 г. против государства Бохай и мохэских племен и в 819 г. для подавления мятежа Ли Шидао в Юньчжоу (впрочем, в обоих случаях до боев дело не доходило).

Внутриполитическая история Силла в огромной мере связана с эволюцией характера политической власти в государстве, роли аристократии в ее структуре. До VI в. аристократия играла решающую роль в вопросах престолонаследия; в первой половине VII в., когда были созданы разветвленный государственный аппарат и постоянная армия и окончательно установился порядок престолонаследия, влияние аристократии сильно упало. Период 654–681 гг. (правление ванов Тхэджон-Мурёля и Мунму) был временем резкого усиления единоличной власти вана, установления ванской автократии. Эти ваны при поддержке ближайшего окружения, таких деятелей, как Ким Юсин, сосредоточили в своих руках всю полноту власти; в политике объединения страны они опирались на армию и на перешедших на силласкую службу представителей бывшей когурёской и пэкческой знати. Эти перемены вызывали острое недовольство аристократии, выливавшееся в заговоры и мятежи.

Период правления вана Синмуна (сына Мунму) и его прямых потомков (681–780) был временем дальнейшего укрепления централизованного государства и его наибольшего расцвета и могущества. После убийства в результате мятежа 780 г. вана Хегона престол перешел к боковым ветвям рода Ким, и до 861 г. в борьбе за власть соперничали две линии потомков вана Вонсона, борясь и с другими претендентами. Результатом стало общее ослабление государственной власти.

Вторая половина IX в. была временем полного упадка государства, когда оно, потрясаемое мятежами и заговорами, теряло все новые территории.

В 861 г. силласким ваном стал Кёнмун. Он и его потомки правили до 912 г. Заговоры и мятежи потрясали государство. Наиболее тяжелым было для страны правление женщины-вана Чинсон (887–897). Государственное управление находилось в руках ее фаворитов, преследовавших лишь собственные выгоды. Налоги практически перестали поступать, и казна опустела. В 889 г. в области Саболь ряд сановников подняли мятеж, который, видимо, так и не удалось окончательно подавить: в это время распад государства стал свершившимся фактом.

С усилением внутренней нестабильности внешние связи Силла резко ослабли. Реже стали отправляться посольства в Китай. С конца 80-х годов IX в. дипломатические связи с Китаем почти совсем прекратились. С Бохаем Силла практически не имело дипломатических отношений. Известны лишь два случая отправки посольств в это государство — в 790 и 812 гг. В

IX в. несколько участились контакты с Японией. В 803 г. между Силла и Японией состоялся обмен посольствами и были установлены дружеские отношения. В течение IX в. японские посольства несколько раз посещали Силла, им неизменно оказывали радушный прием. Однако силлаские посольства в Японию не отправлялись.

В 891 г. некто Янгиль подчинил себе более десяти округов и уездов области Ёнджу.

В 892 г. обосновавшийся в Вансане Кёнхвон распространил свою власть на юго-восточную часть области Муджу и провозгласил создание собственного государства Хубэкче («Позднее Пэкче»). Кёнхвон был сыном некоего Аджагэ, выходца из крестьян, ставшего затем военачальником и самостоятельным правителем. Кёнхвон создал боеспособную армию и стал угрожать самому существованию государства Силла.

В середине 90-х годов усилился Кунъе (побочный сын одного из силласких ванов, бывший монах). В 891 г. он служил у Янгиля, затем захватил ряд окружных и уездных центров и объявил себя независимым правителем. В 899 г. Янгиль сделал попытку уничтожить Кунъе, но был разбит и погиб. В 901 г. Кунъе провозгласил себя ваном, в 904 г. его государство получило название Маджин (с 911 г. — Тхэбон), была учреждена собственная бюрократическая система. Таким образом, в конце IX в. страна представляла собой арену борьбы между отколовшимися от центральной власти правителями.

В 918 г. Кунъе был свергнут и убит одним из своих полководцев, Ван Гоном, провозгласившим новое государство — Корё. Ван Гон поддерживал с Силла неизменно дружественные отношения (хотя правители силласких округов и уездов постоянно перебегали к нему), в то время как Кёнхвон был настроен чрезвычайно враждебно. В 927 г. он внезапным штурмом взял силласкую столицу Кымсон, разграбил ее и перебил родственников силлаского вана, принудив последнего к самоубийству. Уничтожить Силла совсем Кёнхвон, однако, не решился, поставив у власти одного из сановников — представителя рода Ким Пу (ван Кёнсун). Территория Силла к тому времени сократилась до ничтожных размеров, и последний, 56-й ван Кёнсун счел за лучшее отречься от престола и перейти под власть Ван Гона. Остальные силлаские аристократы также перешли на службу в Корё. Так в 935 г. завершило свое существование государство Силла.

В период Объединенного Силла земельные отношения в Корее продолжали базироваться на государственной собственности на землю. Часть земель могла выделяться для содержания государственных учреждений, выплаты жалованья чиновникам, в виде «кормовых округов»; существовали специальные дворцовые земли. Бóльшую часть земельного фонда составляли мелкие наделы-держания крестьян, также являвшиеся государственной собственностью. Надельная система способствовала прикреплению крестьян к земле. Со временем, по мере ослабления централизованного государства, стала проявляться тенденция со стороны крупных чиновников к превращению служебных условных держаний в крупные частные и наследственные владения и к захвату крестьянских земель, что существенно подрывало надельную систему. Разновидностью негосударственного, частного земельного владения была собственность буддийских монастырей.

Система учреждений центрального отраслевого управления начала формироваться в Силла с VI в.; в основном система государственного аппарата была создана во второй половине VII в. Высшим государственным учрежде-

нием Силла был *чипсасон*. Этот орган занимался общими вопросами управления, а его начальник — *чунси* (*сиджун*) — был фактически главой государственной администрации. Другой важнейшей должностью была должность *сандэдына* — главы аристократического совета при ване. Существовали отраслевые управления (*бу*), ведавшие военными делами, финансами, государственными запасами, церемониями, строительством, сухопутным транспортом, флотом, ревизией и контролем, внешними связями, кадрами чиновников, правосудием и наказаниями, общественными работами. Более мелкими вопросами занимались управления (*со*), которые могли подчиняться некоторым отраслевым управлениям. Особые ведомства — *сонджоны* (всего 7) — ведали делами крупнейших буддийских монастырей. Кроме того, имелась система дворцовых учреждений и более 100 мелких учреждений, обслуживавших ванскую семью. Всего в центральном аппарате насчитывалось 160 различных учреждений. В середине VIII в. ваном Кёндоком была проведена реформа госаппарата с целью приблизить его к китайскому образцу, в результате чего были изменены названия почти всех учреждений и должностей, однако уже через 20 лет была восстановлена прежняя система.

Все чиновники разделялись на 17 рангов (каждому рангу соответствовал чин; чины были столичные и провинциальные). Для каждой должности (известно 127 должностей центрального аппарата) предусматривался определенный чин (а следовательно, и ранг) занимающего ее чиновника.

В административном отношении страна делилась на 9 областей (*чу*), 5 малых столиц (*согён*), 116 округов и 293 уезда. Для каждой административной единицы предусматривался штат чиновников (известно 16 провинциальных должностей).

Формирование военного аппарата в целом совпадало по времени с формированием центрального гражданского и даже несколько опережало его, а окончательно завершилось раньше — к концу VII в. Постоянная армия сложилась на основе общинно-родовой организации: все мужское население трудоспособного возраста считалось военнообязанным. Первоначально существовали только территориальные войска, подразделявшиеся по областям, округам и уездам (их организация восходила ко временам народного ополчения). Столичные войска появились позже. Однако уже с начала VI в. в армии стали вводиться единые должности. В армии Объединенного Силла их насчитывалось 35 (основных). Главными соединениями были так называемые Шесть чонов, Девять соданов, Десять танов и Пять чусо, состоявшие из частей (*тан*, букв. «знамя»), именовавшихся, как правило, по названиям областей и населенных пунктов. Военные чиновники различались по цвету *кыма* (нашивка в форме полумесяца на воротнике форменной одежды); имелись и другие знаки различия в виде элементов шкур хищных животных, перьев птиц, колокольчиков и т.п.

В общей сложности в Объединенном Силла насчитывалось 5,7 тыс. чиновников, из которых в центральном аппарате — 1350, военных — 3,8 тыс. Жалованье чиновникам выплачивалось в различных видах: либо это были участки земли, налоги с которых (их платили крестьяне, сидевшие на этих землях и являвшиеся держателями государственных наделов) поступали в распоряжение чиновника, либо зерно, либо другие материальные ценности (например, ткани). В 687 г. чиновникам были розданы земельные участки, но уже в 689 г. земельное жалованье (*ногып*) было отменено и вводилось жалованье зерном; в 757 г. помесячное жалованье вновь было заменено на ногып.

В столице Силла, как сообщают корейские хроники, насчитывалось до 170 тыс. дворов. Своим убранством выделялись дома крупных сановников. В городе проживали и ремесленники, занятые в основном в государственных мастерских и службах.

В период Объединенного Силла больших успехов достиг буддизм. Известны названия более двухсот буддийских монастырей. Основу их земельной собственности составляли пожертвования со стороны ванов (а впоследствии, с появлением частных земель у отдельных аристократов, — и с их стороны). Монастыри освобождались от налогов. Земли, принадлежащие им, обрабатывались зависимыми от монастыря людьми: это могли быть как *ноби*, так и члены зависимых (неполноправных) общин, сидящие на землях, переданных ваном монастырю. Территориальная буддийская администрация (осуществлявшая управление сангхой в масштабе всей страны, области, округа, уезда), укомплектованная монахами во главе с *куктхоном*, существовала параллельно с государственными учреждениями, ведавшими делами сангхи и укомплектованными государственными чиновниками.

Благодаря признанию буддизмом приоритета государственной власти взаимоотношения буддистов с последней были по преимуществу доброжелательными. Буддисты использовались для выполнения различных функций в сфере управления, в первую очередь для совершения культовых обрядов в пользу государства. Однако буддийская община как социально-политическая сила представляла собой потенциальную угрозу для политической стабильности государства, а ее землевладение — для тех принципов земельной системы, которые обеспечивали существование централизованного государства. Поэтому ваны не были заинтересованы в чрезмерном усилении экономической базы монастырей (в VII–VIII вв. принимались законы, призванные ограничить монастырскую собственность), и сангха была поставлена под контроль государства. Когда в IX в. централизованное государство ослабло, буддизм вышел из-под контроля, в результате чего распад государства пошел еще быстрее.

В Корее распространялся буддизм махаянистского толка. Несколько сект, на которые разделялись его последователи, были в основном аналогами китайских. В IX—X вв. в стране возникло девять дзэн-буддийских сект; соперничество их с традиционными велось по линии борьбы за популярность и не выражалось в каких-либо политических акциях.

Идеология Объединенного Силла представляла собой сочетание местных религиозных верований, конфуцианства, буддизма и даосизма. Сплав этих религиозно-этических учений нашел воплощение в идеологии *хваранов* — организации молодежи, готовящей своих членов для службы государству. Эта организация подразделялась на небольшие отряды, представлявшие собой свиту их предводителей. В их составе молодые люди совершали тренировочные походы, охотились, проходили военную выучку, получали духовную и физическую закалку. Институт хваранов — явление чрезвычайно самобытное, не находящее аналогов в соседних странах. Из рядов хваранов вышли многие полководцы и государственные деятели Силла VI—VIII вв.

Конфликтов на идеологической почве в Объединенном Силла практически не наблюдается. Конфуцианство и буддизм в целом воспринимались как два учения, имеющие каждое свою сферу действия, и поэтому вопрос об их соперничестве и тем более борьбе не стоял. Конфуцианство преобладало в сфере государственного управления и политики (с 682 г. имелась высшая конфуцианская школа для подготовки чиновников — Кукхак или

Тэхаккам), а буддизм — в сфере непосредственного духовного воздействия на массы. Хотя некоторые ваны, подчеркивая уважение к буддизму, приказывали хоронить себя по буддийскому обряду, а многие аристократы принимали монашество, в целом господствующий класс отдавал предпочтение конфуцианству. Вместе с конфуцианством в стране получала распространение китайская культура. В Кукхаке основными предметами изучения были классические конфуцианские сочинения — «Лунь юй», «Сяо цзин» и др. В 788 г. были введены экзамены на чин, заключавшиеся в проверке знаний китайской классической литературы. В стране пользовались китайской письменностью. Видным ученым Соль Чхоном было создано письмо *иду*, в котором корейские слова записывались с помощью китайских иероглифов. Корейскими конфуцианскими учеными были созданы значительные произведения (на китайском языке) биографического и исторического характера, как, например, «Биографии высших священников», «История хваранов», «Разные керимские биографии» Ким Тэмуна, «Хронология ванов» Чхве Чхивона (858–951).

Развивались и естественные науки, особенно математика и астрономия. Одно из столичных учреждений (Нугакчон) специально занималось вопросами астрономических наблюдений и составлением календаря. Развитию географических знаний в значительной мере способствовали буддийские монахи, совершавшие частые поездки в Китай и Японию и даже паломничества в Индию.

Поэзия в Объединенном Силла была представлена главным образом жанром *каё*. Она находилась под сильным влиянием буддизма. Авторами многих песен (*хянга*) были хвараны и буддийские монахи. В 888 г. была составлена антология корейской поэзии, включавшая более тысячи произведений. Выдающимся писателем и ученым был Чхве Чхивон, чье поэтическое наследие оказало большое влияние на поэзию последующего периода. Значительным было воздействие буддизма на музыку и изобразительное искусство.

В период Объединенного Силла строились грандиозные монастыри, храмы и пагоды, создавались великолепные каменные и бронзовые скульптуры божеств буддийского пантеона. Наиболее известны монастыри Сачхонванса, Пульгукса, Мирыкса, Ёнмёса, Хваннёнса, Ёнхынса, Пондокса, а также пещерный храм Соккурам с более чем 40 каменными изваяниями и рельефами. Получило распространение изготовление бронзовых художественных колоколов для буддийских монастырей, диаметром в несколько метров и весом в десятки тонн, а также других предметов буддийского ритуала. Высокими художественными достоинствами отличались изделия из драгоценных металлов, камней и керамики, изготовлявшиеся для Ванского двора.

В целом период Объединенного Силла представляет собой важнейший этап в истории Кореи, когда впервые было создано единое централизованное государство на всей территории страны. Принципы его социальной и административной организации, земельной системы в огромной степени определили всю последующую историю страны.

ЯПОНИЯ В VII—X вв.

В VII в. в Японии установилось централизованное государство. В этом важную роль сыграл политический переворот 645 г., известный в истории как «переворот Тайка» (букв. «Великие перемены», по девизу годов правления), когда группа аристократов во главе с принцем Наканооэ и Накатоми Камако (впоследствии Фудзивара Каматари) ликвидировала влиятельный при императорском дворе род Сога. Этот переворот и последующие реформы («реформы Тайка») были вызваны кризисным состоянием общества, когда правители Ямато, древние могущественные роды и возникшая в VI — первой половине VII в. новая знать вели борьбу за частное обладание зависимыми людьми и землей, за господство над свободными общинниками. Осуществлять эксплуатацию народа было уже невозможно средствами прежних управленческих структур, сохранявших многие черты родового устройства.

Реформы вызывались и внешним фактором — усилением китайской империи Тан и ее стремлением захватить Корейский полуостров, что расценивалось как угроза самой Японии.

Уже в 645 г. начались преобразования правительственного аппарата: создание должностей левого и правого министров, советника императора *утицуоми* (ее занял Накатоми Камако), политических советников *кунихакасэ* (ими стали вернувшиеся из Китая монахи Накамуко-но Гэнри, Мин), — а также изменения на местном уровне: в восточных провинциях был проведен обмер земель, составлены подворные списки, население обложено регулярным налогом, назначены губернаторы провинций и начальники уездов. Была установлена новая система подачи судебных прошений, оглашен закон о статусе свободных и несвободных, введены девизы годов правления. Столицей было избрано поселение Нанива на берегу Внутреннего моря (ныне Осака).

Смысл реформ, как это видно из указа правительства от 646 г., заключался в следующем: 1) отмене частных земельных владений и ликвидации категории зависимых людей императорской семьи и аристократии (второе было проведено не полностью), объявлении земель и людей государственными. Аристократия сохранила свое положение эксплуататорского класса, получив компенсацию в виде ранговых, должностных и прочих наделов, выплат из казны, права на налог и отработки крестьянских дворов, выделяемых в «кормление» (*дзикифу*); 2) были созданы центральные органы управления, введено территориальное административное деление; 3) было предписано составление земельных реестров, проведение подворных переписей, каждый получал земельный надел; 4) вводилась новая унифицированная налоговая система. Эти реформы были направлены на создание централизованного государства.

Реформы имели продолжение. В 647 г. была введена новая система из 13 рангов, в 649 г. — из 19 рангов, в 664 г. — из 26 рангов. В 664 г. для улучшения правительственного контроля над могущественными родами были назначены клановые старшины, а также признано владение домашними рабами, зависимыми (*якабэ*, *какибэ*) со стороны кланов.

Активная внешняя политика была характерна лишь для начала рассматриваемого периода. Вмешательство в дела Кореи в 663 г. окончилось поражением от войск китайской империи и корейского государства Силла. Создалась даже опасность китайского вторжения на остров, японцы стали строить береговые укрепления, были созданы особые воинские контингенты

«береговой стражи». Столица в 667 г. была перенесена из порта Нанива в глубь страны, в район Оми. Но связи с Китаем были нужны и для предотвращения нападений, и для заимствования культурных достижений. Посольства в Китай посылались в 653, 654, 659 и 665 гг.

С появлением в 668 г. при императоре Тэндзи (бывший принц Накаюоэ) первого кодекса законов «Омирё» и проведением в 670 г. первой в масштабах страны переписи населения были заложены основы централизованного государства.

Однако после смерти императора в 671–672 гг. развернулась вооруженная борьба между принцами Отомо и Оама, охватившая всю страну. Победив, Оама стал императором Тэмму. Эта война была вызвана недовольством местной знати и части населения быстрыми темпами создания централизованного государства по китайскому образцу. Учитывая ситуацию, Тэмму, продолжая реформы, внес исправления в механизм государственного управления: в 675 г. обнародовал указ об освобождении зависимых (*какибэ*) и изъятии у кланов частных земель, в 676 г. упорядочил систему назначения губернаторов, в 678 г. установил систему продвижения чиновников в зависимости от результатов их деятельности, организуя родовую знать в качестве государственных чиновников, и одновременно усилил японский элемент в противовес китайскому в политической и религиозной сфере — придал бóльшую роль синтоистским праздникам при дворе (673–677), в 674 г. совершил паломничество и синтоистский храм Исэ. Во все синтоистские храмы были совершены подношения, были упорядочены отчисления из местных налогов в пользу синтоистских храмов.

К 80-м годам была создана база, позволявшая приступить к завершению строительства централизованного государства. В 681 г. по приказу императора Тэмму началось составление нового административно-уголовного кодекса. В 684 г. была установлена новая система родовых титулов из 8 степеней, которая унифицировала прежние разнообразные титулы в стройную систему с императором во главе. В следующем году были введены 48 рангов придворных званий, что отражало усложнившуюся структуру государственных органов. Шло совершенствование центральной и периферийной администрации, при императоре Тэмму были созданы 6 правительственных ведомств, а в 690 г. возникла система главных министров и 8 ведомств. Завершение в 689 г. кодекса «Киёмихарарё» (при императрице Дзито, назван по местности, где был расположен императорский дворец) и составление в 701 г. при императоре Момму нового кодекса «Тайхо рицурё» означало, что поставленная реформаторами цель построения централизованного государства была достигнута. С 690 г. регулярно каждые шесть лет стали проводиться переписи населения и осуществляться переделы земли. В 694 г. по образцу китайских был построен первый столичный город Фудзиваракё.

Новое общество имело следующие экономические, социальные и политические черты.

После переворота 645 г. был взят курс на объединение всего господствующего класса в централизованную бюрократическую систему по китайскому образцу, базирующуюся на рангах и государственных должностях. Последние формально не являлись наследственными. Бюрократическая система была неразрывно связана с централизованным распределением наделов и кормлений, что, кстати, сделало положение знати более устойчивым, чем до преобразований. Была введена централизованная система комплектования армии. В 684 г. было изъято оружие у частных лиц и собрано в уездных управлениях.

Однако японское государственное устройство имело существенные отличия от китайского бюрократического строя. В частности, наряду с центральным административным органом — Государственным советом (Дадзёкан) был образован Совет по делам религии (Дзингикан), ведавший синтоистскими праздниками, контролировавший синтоистские храмы по всей стране, т.е. использовавший на государственном уровне магические общинные верования. Такого органа не было в системе китайской администрации. Кроме того, отличался принцип замещения государственных постов. Низшие и высшие должности в чиновничьей иерархии были отделены некой чертой, преодолеть которую простолюдину было сложно. Детям аристократической верхушки высокие ранги автоматически присваивались по достижении ими определенного возраста, и они почти полностью монополизировали высокие посты, а затем и источники экономического дохода.

Отступлением от принципов бюрократического государственного устройства являлся также порядок назначения правителей в уездах. В отличие от провинциальных губернаторов, получавших свою должность на определенный срок, начальники уездов назначались пожизненно из числа бывших вождей родовых общин. Осуществление основных функций местного управления: составление подворных списков и реестров надельных земель, расписывание налогов, их сбор и хранение, расследование обычных преступлений — было прерогативой уездных управлений. Ясно, что функционирование централизованного государства оказалось возможным только благодаря включению этого слоя в государственную структуру.

Подобное положение существовало и в военной системе. Командиры воинских частей назначались губернаторами из числа членов семей уездных начальников или местных богатых людей. Возникла централизованная монархия, опирающаяся на прежнюю родовую аристократию, организованную в формально-бюрократическую структуру, и на слой бывших глав общин в местной администрации, использующих традиционные методы управления.

Экономическую основу общества составляло земледелие. Производительные силы в VII—X вв. характеризовались постепенным ростом, но в целом оставались на низком уровне, характерном для раннефеодального общества. Население увеличилось приблизительно с 6 млн. человек в VII в. до 10 млн. в XII в. (на X в. данных нет), обрабатываемые площади — с 600–700 тыс. тё (1 тё = около 1 га) в VII в. до около 860 тыс. тё в X в. При этом очень большую роль продолжали играть собирательство, охота, рыболовство. Хотя в VIII в. железные сельскохозяйственные орудия уже широко использовались по всей стране, а с материка активно заимствовались более совершенные орудия и прогрессивные методы обработки земли, сельское хозяйство характеризовалось безусловным преобладанием экстенсивных методов производства, низким уровнем потребления и частым разорением крестьянских хозяйств, постоянным забрасыванием полей в результате истощения. Преобладал ручной труд, рабочий скот использовался мало. В VIII в. даже в более развитом центральном районе практиковалось примитивное подсечно-огневое земледелие, широко использовался малопроизводительный метод высаживания семян риса непосредственно в почву. Искусственно орошаемых и высокоурожайных полей было еще мало, для орошения использовались естественные источники. Искусственных прудов было немного, со временем их использование расширялось.

Население страны было чрезвычайно мобильным, поскольку еще не возникли условия устойчивого воспроизводства мелких хозяйств. Тем не менее уровень развития производительных сил обеспечивал регулярное производ-

ство прибавочного продукта. Это стало предпосылкой перехода от эксплуатации неполноправных зависимых к эксплуатации всей массы бывших свободных общинников.

На раннем этапе феодализма в Японии общины, а внутри их и крестьянские хозяйства являлись автаркическими хозяйственными единицами, формирующийся класс феодалов не мог частнофеодальными методами эксплуатировать прежде свободных общинников, поэтому эксплуатация приняла централизованную государственно-феодальную форму. Государство присвоило общинные пахотные земли. Однако даже во время наиболее эффективного функционирования надельной системы, в первой половине VIII в., принцип государственной собственности на землю полностью не соблюдался. Еще с дореформенных времен в вечном владении находились земли храмов, которые можно было продавать. Земельные наделы придворной аристократии выдавались формально на время, но из-за фактически наследственного занятия должностей находились в постоянном владении семей.

Кроме того, сама надельная система узаконивала пожизненное пользование крестьян наделами, что фактически означало частное владение ими. Надел семьи определялся исходя из установленных норм: на взрослого мужчину полагалось 2 тё, на женщину — $^2/_3$ этой площади, на несовершеннолетних, стариков, рабов также выделялись участки. Если реальный участок семьи превышал узаконенный, лишняя земля должна была переходить в руки властей для наделения тех, у кого было меньше земли, чем «положено». Каждые 6 лет должна была проводиться перепись людей (сначала — подворная, а с 689 г. — подушная) и земель и землепользование приводиться в соответствие с изменениями состава семей. Хотя нет сведений о том, насколько неукоснительно проводилась в жизнь система, разработанная в законах, ее существование не вызывает сомнений. Переделу подвергались только орошаемые земли. Усадебные и садовые земли, суходольные поля находились в распоряжении владельцев, их можно было продавать, наследовать и закладывать, правда, с разрешения властей. Существовали арендные отношения. Необрабатываемые земли формально являлись государственной собственностью, но фактически находились в общинном пользовании.

Введение надельной системы означало формальное отрицание старой, родовой общины как основной экономической единицы, ею стал надельный двор, в среднем насчитывавший 20—30 человек и представлявший собой группу родственных домовых общин. Эта патронимия включала зависимых людей (не родственников). Имущественные права имели не только малые семьи, но и отдельные их члены, однако эти права были ограничены общинными или родственными отношениями. Патронимии, составлявшие одно поселение, объединялись вокруг общинного божества, от имени которого ею управлял общинный вождь. Члены общины делали божеству ежегодные подношения, которые шли на проведение общинных праздников перед совместными сельскохозяйственными работами, на оказание помощи ее членам. Во время праздников подчеркивалось равенство всех членов общины.

Установление в качестве низовой административной единицы объединения (*ри*, *сато*) из 50 дворов, не совпадающего с естественной деревней, предоставление аристократам в кормление произвольно назначаемого числа дворов, а не компактных территорий говорит об определенном разложении общинных связей. Однако община в VIII в. еще выполняла ряд важных

функций. Например, при освоении земли крупными массивами она потом распределялась на участки на основе общинных связей. Вожди самых крупных общин становились, как уже говорилось, правителями уездов и в качестве таковых имели право привлекать крестьян к трудовой повинности, собирать подношения во время общинных религиозных праздников, в их руках находилось рассмотрение большинства преступлений (кроме государственных), решение по которым принималось на основе общинных обычаев. Это говорит о том, что в VIII в. общинные порядки являлись важной основой административного управления централизованного государства.

Для VII–X вв. характерно преобладание мелкого трудового хозяйства. Это связано с особенностями поливного рисоводства, которое являлось чрезвычайно трудоемким и требовало личной заинтересованности работника в своем труде.

Поэтому не получил широкого распространения в земледелии труд рабов и других лично-зависимых земледельцев. Ни государство при надельной системе, ни феодалы в вотчине не вмешивались в организацию сельскохозяйственных процессов, они только изымали готовую продукцию. Это отражалось на форме ренты.

Существовавшие до реформ VII в. нерегулярные изъятия прибавочного продукта сменились довольно четкой триадой регулярного феодального налогообложения: зерновой налог — подать изделиями ремесла и природными продуктами — трудовая повинность. Зерновой налог составлял формально 3% от официально установленной урожайности поля (хотя реально крестьяне уплачивали значительно больше), что обусловливалось низким уровнем развития производительных сил и небольшим объемом прибавочного продукта, который можно было изъять. Очень тяжела была отработочная повинность. Ее основное содержание было направлено вне непосредственного сельскохозяйственного производства — на строительство ирригационных систем, дорог, городов. Домениальные земли чаще всего не представляли собой крупное господское хозяйство, они отдавались в обработку отдельными полями зависимым крестьянам. На протяжении периода раннего феодализма объем отработочной ренты сокращался и росла рента продуктами.

До начала VIII в. в Японии не было постоянной столицы, императорская ставка легко переносилась с места на место, что свидетельствовало об отсутствии городов как центров товарного производства.

Завершение формирования централизованного государства, увеличение объема прибавочного продукта, оказывающегося в распоряжении господствующего класса, вызывали появление крупных городов.

В 710 г. столица переводится из Фудзиваракё в Хэйдзёкё (Нара). Ведется грандиозное городское и храмовое строительство, создаются великолепные образцы ремесленных изделий. Однако города были в первую очередь административными, а не торгово-ремесленными центрами, о чем говорит запустение Фудзиваракё (полностью) и Нара после перевода столицы в 784 г. в Нагаока и в 794 г. — в Хэйанкё (Киото), хотя в то время, когда Нара была столицей, в ней насчитывалось свыше 100 тыс. жителей. В городах проживали аристократы, чиновники, монахи, их слуги, подчиненные государству ремесленники, у большинства последних ремесло сочеталось с земледелием. В тех случаях, когда ремесленник был занят только работой по специальности, он снабжался сырьем и продуктами со стороны государства. Жесткий государственный контроль препятствовал развитию новой техники.

Ремеслом занимались и крестьяне в деревне, производя изделия, необходимые для личного потребления и уплаты подати. Крестьян привлекали к работе в казенных мастерских при провинциальных управлениях, а также в столичных мастерских. Товарное производство в деревне было практически не развито, ремесло носило натуральный характер, как и в городе. Для всех видов ремесла характерным являлось внеэкономическое принуждение. В источниках VIII в. есть упоминания о наемном подрядном труде, но последний еще слабо исследован, неясно, насколько такие ремесленники владели средствами производства, насколько они были свободны.

В Нара и впоследствии в Киото были рынки, но они находились под контролем городской администрации, там в небольшом количестве продавались свободно произведенные ремесленниками и крестьянами продукты, а в основном — не использованные центральными властями излишки сельскохозяйственной и промысловой подати и налогов, столичные феодалы продавали излишки продукции со своих кормлений, провинциальные губернаторы и уездные начальники реализовали изъятую у подчиненных им крестьян продукцию. В силу натурального характера экономики на рынок выходили государственные ведомства (например, по строительству храмов), которые получали из казны или от подведомственных им земельных комплексов содержание натурой и продавали его или обменивали на рынке на необходимые материалы. В столице использовался труд так называемых *ситё*, приезжавших по разнарядке (по 2 человека от 50 дворов сроком на 3 года), однако они не были связаны с городским рынком, так как провиант для них доставлялся из той провинции, откуда их прислали. В целом связь города с деревней была слабой.

В VIII в. за пределами столицы встречались немногочисленные рынки, но дни их функционирования были ограничены, не было профессиональных рыночных торговцев. Основная часть крестьянских промысловых продуктов изымалась в виде подати. Это затрудняло общественное разделение труда, свободный обмен товаров, развитие торговли.

Денежное обращение в VIII в. было крайне ограниченным, помимо металлических монет в качестве денег использовались ткани и рис. Выпуск монет начался в Японии в 708 г. во многом по престижным соображениям одновременно с началом строительства первой постоянной столицы, но правительству приходилось принимать различные меры для их распространения: оно продвигало по ранговой лестнице тех, кто накапливал и преподносил правительству определенное количество денег, предоставляло разовые выплаты аристократии в деньгах, требовало от крестьян центральных провинций вносить подать деньгами. Деньгами часто оплачивали труд крестьян, привлекаемых на строительные работы в столице и для обработки государственных полей; это был оплачиваемый, но принудительный труд, от которого нельзя было отказаться. В целом деньги имели хождение только в столичном районе, на большей части территории страны основным мерилом стоимости являлся рис.

Наряду со столицей существовали провинциальные и уездные городки, в них находились только административные здания, жилища чиновников, склады. Их население не превышало тысячи человек. Такое различие в масштабах между столицей и местными административными пунктами явилось естественным результатом гипертрофии центральной власти.

Указанное выше сочетание заимствованных и местных структур отчетливо проявлялось и в городах. Наряду с построенными в китайском стиле правительственным комплексом в столице и административными зданиями

местных органов власти возводились частные резиденции императора и знати в традиционном стиле. Если столица по примеру Китая строилась по прямоугольной схеме, то местные административные пункты таковой не имели.

В целом общество характеризовалось двойной структурой, когда сочетались элементы централизованного бюрократического государства и традиционной структуры.

Дальнейшее развитие государства и социально-экономических отношений в нем шло как бы двумя встречными курсами: с одной стороны, происходит видимая бюрократизация и централизация государства, а с другой — бюрократическую структуру пронизывают родственные аристократические связи. С одной стороны, увеличивается регулирующая роль государства, а с другой — явственно проглядывают частно-владельческие отношения и децентрализация.

Если с последней трети VII по середину VIII в. наблюдалось автократическое правление обожествляемых императоров, то позднее при дворе усиливаются позиции занимающих посты в бюрократическом аппарате ряда аристократических родов, прежде всего Фудзивара. Во второй половине IX в. представители рода Фудзивара монополизируют наиболее важные должности и начинают фактически править страной с 858 г. в качестве регентов при малолетних императорах, а с 888 г. — в качестве канцлеров при совершеннолетних.

Та же двойственность отличает аграрную историю. В частности, издаются указы о поощрении освоения суходольных полей и разработки минеральных ресурсов (713 и 715 гг.), т.е. государство административными мерами пытается развязать частную инициативу. В 722 г. был объявлен план увеличения площади орошаемых полей на 1 млн. тё, т.е. более чем в два раза. Таким образом государство стремилось увеличить клин земель, подпадающих под непосредственный государственный контроль. Закон 723 г. разрешал тем, кто освоит целину, владеть ею в течение трех поколений, после чего эта земля должна была поступать в надельный фонд. В этом указе видны как стремление поощрить инициативу, так и попытки распространить власть государства на освоенные пустоши, ранее не подпадавшие под государственный контроль. Через 20 лет новый указ отменил это ограничение и обозначил все же победу частновладельческого начала, хотя и здесь государство преследовало цель усилить устойчивость крестьянских хозяйств, а тем самым — своей фискальной базы.

Та же тенденция видна в указах о ссудах. Традиция помощи путем предоставления риса взаймы издавна существовала в общинах. При введении надельной системы все частные ссуды были запрещены, как разоряющие крестьян, и государство пыталось монополизировать их, сделав важным источником своего дохода, но частные ссуды, конечно, продолжали практиковаться.

Постепенно ликвидируется и фактическая независимость общинных вождей, которые были в VII в. объявлены уездными начальниками (т.е. оказывались назначенными сверху). В 752 г. было велено наказывать уездных начальников, а их потомков лишать права на эту должность, если они присваивают рис, собранный в счет налога. Местные вожди пытались защищать свои прежние привилегии, организуя поджоги амбаров и приписывая это мести общинных божеств. Но узнаем мы об этом из указов (763, 773 гг.), вводящих наказание для уездных начальников, уличенных в таких действиях.

Ослабление влияния традиционных вождей вызывалось и внутренними процессами, происходившими в общине. Началось имущественное расслоение в среде крестьянства. Богатые семьи скупали земли или увеличивали свои владения путем освоения пустошей. Расширялся наем бедняков в эти хозяйства. Новые, незнатные богачи отказывались участвовать в общинных мероприятиях, совместных работах и т.п. В конце VIII в. была отменена всеобщая воинская повинность, и в провинциях стали формироваться дружины из богатых крестьян и членов семей уездной верхушки. Развернулась борьба за посты уездных начальников между прежними общинными вождями и новыми богатыми семьями. В 811 г. был издан указ о предпочтительности назначения на эти должности потомков занимавшей эти посты местной знати. Указ подчеркивал роль традиционных вождей, но в то же время отражал усиление государственного вмешательства в формирование власти на местах, в жизненно важную сферу обеспечения налоговых поступлений. В следующем году губернаторы получили право назначения на эти должности, значительно укрепив свой контроль над уездными начальниками. Это было проявлением в области местной администрации шедшего в конца VIII по конец IX в. процесса «притирания» заимствованного государственного строя к реалиям японского общества, завершением формирования с VII в. строя *рицурё* («правового строя»). Подобный процесс проходил и в структуре центральной власти. Для контроля над обеспечивающими поступление налогов губернаторами в конце VIII в. временно, а с 824 г. постоянно вводится институт инспекторов, принимающих дела у закончивших срок службы в провинции губернаторов (*кагэюси*). Испытывающие сложности с поступлением налогов централизованным путем, императорский двор и правительство стали создавать свои собственные владения, не включенные в надельный фонд. В 823 г. учреждаются собственно государственные земли, *куэйдэн*, а в 828 г. — земли императорского дома, *тёкусидэн*. Их обрабатывали крестьяне в счет отработочной повинности или арендаторы. Это был значительный шаг от надельной государственно-феодальной земельной собственности к частнофеодальной, к формированию вотчинной системы.

В начале IX в. создаются не предусмотренные законами *рицурё* личная канцелярия императора (*курододокоро*) и полицейское ведомство (*кэбииси-но тё*), которые находились вне сложных бюрократических процедур принятия решений правительством, подчинялись непосредственно императору; при императоре в узком кругу придворных проводится обсуждение государственных дел (*дзин-но садамэ*). И наоборот, от многих административных органов остались только почетные должности.

Усиление контроля над местной администрацией привело к тому, что во второй половине IX в. губернаторы провинций получили власть, позволявшую им не только подчинять себе нижестоящих вождей, но и противостоять правительству. Губернаторы стали откупать налоги со своей провинции, но требовали за это невмешательства сверху в свои дела. В провинциях возникают земельно-налоговые управления, военные, полицейские, хозяйственные органы. Местная знать ищет должностей в провинциальном аппарате, уездные управления теряют свое значение. Провинция становится основным уровнем социальной жизни. Централизованное государство, едва успев сложиться, децентрализуется, что в немалой степени определялось ослаблением внешней угрозы с материка.

Происходят важные изменения и в землевладении. Надельная система, несмотря на все усилия ее сохранить, разлагалась и к началу X в. совер-

шенно исчезла. Ей на смену постепенно, в течение нескольких веков, приходят вотчинные владения, имевшие специфический статус «пожалованных» частным лицам. Они назывались *сёэн*. Однако в данное время еще доминировали государственные земли (*кодэн*). Вместо надельных хозяйств возникла система арендаторов: провинциальные управления давали разрешение на обработку крестьянских земель независимо от их происхождения от надельных или освоения целины и объединяли их в комплексы *мё*, главы которых — *мёсю* — в качестве арендаторов были ответственны за уплату налогов. Среди японских ученых идут споры о том, являлось ли мё лишь фискальной единицей или же реальным отдельным хозяйственным комплексом. В пользу первого предположения говорит тот факт, что среди мелких крестьян были такие, что держали землю сразу в нескольких мё. Все же представляется, что мё возникало больше по экономическим причинам, чем по фискальным. Владельцы мё обеспечивали себя таким образом рабочей силой, а мелкие хозяева могли рассчитывать в случае необходимости на материальную помощь со стороны владельцев.

Юридическая принадлежность земли государству препятствовала становлению частных вотчин, их создание и существование контролировалось государством, от каждого нового губернатора необходимо было получать признание их существования. Этот процесс, начавшийся в VIII в., завершился только в XII в. Феодальные вотчины создавались, если, например, беглые крестьяне заселяли освоенную феодалом с помощью зависимых людей целину или путем захвата феодалами общинных земель, а также в результате перехода в руки частного лица наследственного права сбора налога с крестьян.

Ранние сёэн VIII — середины X в. отличались тем, что значительная часть земли находилась в пользовании самого владельца, рабочей же силы в его распоряжении было недостаточно. Довольно распространенная точка зрения, что в таких поместьях работали крепостные или даже рабы, фактического подтверждения не получила. Большинство ранних сёэн возникло на новых землях, поэтому зачастую в этих сёэн не было лично-зависимых крестьян. Обработка домена велась путем ежегодной сдачи земли в аренду крестьянам, проживающим вне пределов вотчин, или отработками крестьян, мобилизуемых государственными чиновниками в счет отработочной повинности, что напоминало методы, которыми при надельной системе обрабатывались излишки государственной земли, оставшиеся после раздачи наделов. С ослаблением государственной власти и местной администрации многие из ранних сёэн прекратили свое существование. Например, храм Тодайдзи в начале IX в. имел вотчины площадью 3480 тё, а в X в. произошло сокращение до 212 тё. Продолжали существовать в основном те сёэн, которые возникли на уже освоенных землях путем их скупки, а затем оформленные в качестве частного владения. В IX в. статус сёэн получили многие земли, принадлежавшие императорскому двору, аристократии и переданные буддистским монастырям. Это был путь феодализации «сверху», когда служилая аристократия превращалась в феодальных землевладельцев.

Сёэн нельзя было купить, они только «жаловались» государством, которое устанавливало границы этих владений и степень их налоговой иммунности и территориальной неприкосновенности, после того как представители высшей аристократии и связанные с центральной властью монастыри фактически создавали вотчины и обращались за их признанием в государственные органы. Причины того, что частная земельная собственность в средневековой Японии не получила полного развития, осталась условной и

ограниченной, заключаются, возможно, в том, что она существовала в условиях сложившегося централизованного государства. Новым частным собственникам в провинциях нужна была защита от провинциальных чиновников, и они обретали ее, оформляя свои владения в качестве сёэн столичных аристократов.

Правительство, конечно, пыталось как-то влиять на процесс приватизации земли, его ограничивать и регулировать. Так, при императоре Уда в 892 г. было запрещено частное владение водными источниками и путями, в 895 г. — предоставление ссуд знатью и монастырями, в 896 г. — ведение частных хозяйств лицам выше 5-го ранга. Хотя при императоре Дайго в 902 г. в ряде законов было строго запрещено создание сёэн без официального разрешения, после перерыва в несколько десятков лет было объявлено о переделе земель (и в ряде провинций в том году он был проведен, хотя и в последний раз), земли же, реально передававшиеся по наследству, было разрешено переводить в разряд сёэн. Однако воспрепятствовать расширению крупной земельной собственности было уже невозможно. А вскоре правительство было вынуждено отказаться от централизованного управления землей и предоставить значительную свободу провинциальным губернаторам.

Преобладание феодализации «сверху», сильный государственный аппарат замедляли рост феодалов внутри деревни, общины, т.е. феодализацию «снизу». Но, занимая посты местных чиновников, приобретая административно-судебную власть над крестьянством, деревенская верхушка в IX в. становилась мелковотчинными местными феодалами (*сиэйдэн рёсю*). Они были обязаны платить налог государству, а последнее официально признавало их право распоряжаться остальными доходами с этих земель или самими землями (продавать, завещать).

Земли местных феодалов представляли собой домениальные хозяйства, которые обрабатывались лично-зависимыми крестьянами, проживавшими в их владениях и не имевшими средств производства. Их было немного, это объясняется тем, что на раннем этапе феодализма при неустойчивом характере земледелия больше ценилась не земля, а люди, которые могли ее обрабатывать и нести повинности. Среди японских историков ведется активная дискуссия о статусе таких зависимых людей. Одни считают их патриархальными рабами, другие — переходной формой к крепостным крестьянам. Представляется, что это были не рабы, а закрепощенные крестьяне. Бóльшая же часть крестьян держала земли в сёэн и находилась в экономической зависимости от местных феодалов: получала от них займы семенами и продовольствием, привлекалась к сезонным работам. Эти крестьяне владели домами, сельскохозяйственными орудиями, для обработки своих участков использовали членов семьи и нескольких зависимых людей, т.е. сами могли обрабатывать свои земли. Хозяйства мелковотчинных феодалов распространились в IX–X вв. и исчезли в XI в. с появлением новых форм мелкого и среднего землевладения. В следующей главе этот процесс будет рассмотрен.

Эволюция земельных отношений, естественно, отразилась на формах классовой борьбы крестьянства. Если ранее борьба крестьян выражалась в том, что они скрывали факты смерти членов семьи при переписях, чтобы сохранить за собой наделы, пытались освоить и оставить за собой участки целины, не вносимые в земельные реестры, уклонялись от повинностей и бежали, уходили в частновладельческие вотчины, то теперь происходит переход к вооруженной борьбе с феодалами, к нападению на чиновников

провинциальных управлений. Эти локальные выступления были направлены против произвола чиновников и одновременно носили характер защиты разрушающихся общинных порядков, поскольку в таких выступлениях участвовали и местные вожди. С середины IX в. распространяется подача крестьянами жалоб, в основном под руководством местных вождей, на губернаторов. В ряде случаев, когда это отвечало интересам той или иной группировки внутри правящего класса или когда борьба между ними обострялась и в такой обстановке крестьянское движение начинало приобретать угрожающий характер, правительство принимало требования выступавших о смещении губернаторов.

Внешнеполитическое положение Японии всегда было уникальным. Она могла вмешиваться в дела континента, но могла также и сокращать связи с Китаем и Кореей по своему желанию. Из внутриостровных проблем имела некоторое значение лишь проблема айнов. Успешные походы против айнов были совершены в 658–660 гг. Следующая волна завоеваний на севере приходится на конец VIII в., когда внешние связи с материком были особенно слабы и вся военная мощь государства могла быть обращена на покорение и освоение новых территорий. Подчинение айнов было завершено в 70–80-х годах IX в.

В VIII в. наблюдается снижение интереса японцев к материку. Посольства в Китай почти прекращаются, хотя связи с Силла продолжают поддерживаться. В VIII в. они также затухают. Сознание опасности вторжения с материка также угасает. С этим связаны как отмена всеобщей воинской повинности в 792 г., так и ликвидация «береговой стражи». Со второй половины VIII в. в связях с Силла и Бохай все большую роль начинает играть торговля.

К середине IX в. Япония переходит к политике изоляции. Подданным было запрещено плавание в другие страны, прием иностранных судов был ограничен. Во второй половине IX в. ни одно японское посольство не выехало за пределы страны, из иностранных посольств было принято лишь одно — из государства Бохай. Видимо, правящие круги Японии сочли, что они переняли у империи Тан все достойное внимание, опасности же континентальные государства пока не представляют. Показателем этого чувства безопасности служит то, что столичные города Нара и Киото вообще не имели крепостных стен.

Сочетание японского субстрата и китайского влияния ярче всего проявилось, конечно, в культуре.

Становление бюрократического государства требовало создания официальной версии японской истории. Этой задаче отвечали «Кодзики» («Хроника древних событий», 712 г.) и «Нихон сёки» («Анналы Японии», 720 г.).

В этих сочинениях проявляется сосуществование китайских и национальных элементов как важная черта культуры этого периода. «Кодзики», написанные японизированным языком, являются сборником в основном повествовательно-биографических мифов о божественном происхождении императорской династии, в которых упор делается на обоснование традиционных принципов управления. Написанные на китаизированном языке, в хронологическом плане «Нихон сёки» копируют китайские официальные истории, только в самом начале изложения включая мифологические элементы. Но уже в этих сочинениях виден отход от механического копирования китайских образцов, поскольку в Китае упор делался на добродетель, а не на божественное происхождение императорских династий.

Точно так же и в поэзии противостояли в середине VIII в. сборники китайских стихов «Кайфусо» («Думы о ветре») и японских — «Манъёсю» («Сборник множества стихов»). Последний включал 4,5 тыс. стихов, посвященных в основном любви, очарованию природы.

Существовал огромный разрыв между культурой простого народа и культурой господствующего класса, воспринявшего все достижения китайской цивилизации. Из Китая была заимствована иероглифическая письменность (ею в повседневной практике пользовалась аристократия), активно распространявшаяся в VIII в. буддийская скульптура создавалась в китайском стиле.

Буддизм, заимствованный в VI в. и отражавший принципы централизованного иерархического строя, быстро распространялся в верхушке японского общества и в VIII в. стал государственной религией. Важной вехой в этом процессе явилось освящение крупнейшей 16-метровой статуи Будды в храме Тодайдзи в г.Нара в 752 г. В этот период из Китая было заимствовано 6 буддистских сект. Во всех провинциях строились официальные храмы и монастыри, они получали от правительства земли и зависимых людей. Помощь со стороны государства сопровождалась жестким контролем. Это были схоластические секты, не имевшие широкой популярности у простого народа.

В начале IX в. появляются новые буддистские секты — Тэндай и Сингон. Они также ставили своей целью защиту государства, но не имели прямой связи с государственными органами, их центральные монастыри строились не в столице, а в горах. Молитвы возносились не только за государство, но и за отдельных аристократов, к которым они обращались за покровительством. Эти новые секты способствовали распространению буддийской культуры на периферию, сращиванию буддизма с общинными синтоистскими культами, что отражало одну из новых черт японской культуры описываемого периода — ослабление этатистского начала и усиление аристократического. При этом буддизм был не критиком аристократического общества, а скорее его духовной опорой. Если в VIII в. заимствование китайской культуры было во многом поверхностным, то в IX в. в связи с обострением противоречий существующего строя, приобретением им зрелого характера заимствование становится сознательным, что приводит к популярности китайской литературы, буддизма и конфуцианского рационализма в ущерб японской литературе и синтоизму. Именно на китайский манер были написаны в IX в. 5 династийных историй, составленных после «Нихон сёки». В тот период были заимствованы только формы официальных китайских хроник, а не весь спектр жанров китайской исторической литературы, что вызывалось, видимо, недостатком исторического материала. Различия в политической традиции двух стран также порождали разные подходы к написанию исторических трудов. Если в Китае официальные истории составлялись по династиям, то в Японии историки были вынуждены выбирать правление одного императора или группы произвольно выбранных императоров. Следует отметить, что в Китае официальный историк являлся частью бюрократической машины государства, обладая властью и претворяя в жизнь определенные принципы, связанные с управлением; в Японии же он никогда не занимал такого положения.

Эти 5 историй составляют: «Сёку нихонги» («Продолжение Анналов Японии», 797 г.), «Нихон коки» («Последующие Анналы Японии», 840 г.), «Сёку нихон коки» (Продолжение Последующих Анналов Японии», 869 г.), «Нихон Монтоку тэнно дзицуроку» («Подлинные записи о царствовании

японского императора Монтоку», 879 г.), «Нихон сандай дзицуроку» («Подлинные записи о трех царствованиях в Японии», 901 г.).

До середины IX в. продолжала господствовать китайская литература, но в это время были изобретены японские национальные азбуки, которые дали возможность дальнейшего развития национальной литературы.

В целом созданное в результате реформ Тайка государственное устройство с ходом времени, отойдя от классического китайского образца, стало более приспособленным к японским условиям. И одновременно модернизация китайских институтов и разложение общинных и родовых отношений в центре и на местах привели к исчезновению первоначальной двойной структуры, общество стало управляться на основе унифицированных принципов.

ВЬЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В VI—IX вв.

Вьетское государство занимало территорию современного Северного и частично Центрального Вьетнама, гранича на севере с Китаем, на северо-западе — с тайским государством, на западе — с различными горными племенами, на юго-западе и на юге — с Камбуджей и государством Чампа (территория совр. Центрального Вьетнама).

В последние столетия древности и в ранее средневековье (с I в. до н.э. и до конца IX в.) страна вьетов в течение длительных промежутков времени находилась в зависимости от китайских империй. Период «северной зависимости» ознаменован постоянной и острой борьбой вьетов против господства иноземцев.

Основным аграрным районом страны была дельта Красной реки. Вьеты были земледельческим народом; они издавна выращивали рис, бобовые культуры, овощи, разводили буйволов и быков, занимались шелководством и выделывали шелковые ткани. Широкое развитие получили рыболовство и добыча жемчуга, последнее как для внутреннего потребления, так и для вывоза. Различные благовония, лекарственные травы и перья редких птиц пользовались спросом за пределами страны. В горах добывались медь, железо, олово, цинк, свинец, золото. Значительные доходы приносила торговля слоновой костью, рогом носорога, жемчугом. Ремесленники обрабатывали железо и занимались художественным литьем из бронзы. Высокоразвитыми были гончарное производство, ткачество, изготовление известных на всем Дальнем Востоке вьетских плетеных изделий. Изделия ремесла продавались не только внутри страны, велась внешняя торговля с Южной и Восточной Азией; такие города, как Лаунгбьен, Луйлоу и др., были и культурными центрами.

Имеющиеся письменные свидетельства говорят о наличии буддизма во Вьетнаме к концу II в. К этому моменту в Зяо (древнее название Северного Вьетнама, ставшее названием китайской провинции), бывшем частью империи Хань, имелись свой буддийский центр Луйлоу (совр. пров. Хабак), сангха, традиции перевода буддийских сочинений. У вьетов существовали достаточно сложные и приспособленные к нуждам государства религиозные комплексы, включавшие в себя культ предков монарха и обожествление сил природы. Буддизм вытеснял эти религиозные представления или образовывал с ними новый комплекс.

В лаквьетском обществе (лаквьеты — вьеты, населявшие территорию совр. Северного Вьетнама) конца II в. н.э. имелись определенные предпосылки, которые ускорили и облегчили распространение буддизма. В процессе почти двухвековой борьбы с ханьской ассимиляцией лаквьетское общество значительно изменяется и усложняется. (Несмотря на то что официально территория современного Северного Вьетнама со 111 г. до н.э. была включена в состав империи Хань, на деле до начала нашей эры страна лаквьетов оставалась государством, внутренние порядки в котором пребывали неизменными. И лишь с первого десятилетия нашей эры начались попытки превращения страны лаквьетов в китайскую провинцию, вызвавшие сопротивление вьетского народа.) На место подорванной экономически, отчасти истребленной физически традиционной землевладельческой аристократии выходит китаизированная служилая знать, которая берет в свои руки основную власть в Зяо. На этой основе Зяо приобретает определенную самостоятельность в рамках китайских государств.

Эта знать не обращается ни к конфуцианству, которое в этот период испытывает кризис и в самом Китае, ни к традиционным культам, носительницей которых, видимо, в большей степени была старая земельная аристократия. Ее учением стал буддизм, который в условиях зависимости от Китая подчеркивал национальную и культурную специфику вьетов. Свидетельством того, что буддизм был принят именно новой частью господствующего класса, является факт возникновения буддийского центра рядом со столицей *цыши* (китайского наместника), в то время как столица государства Аулак (лаквьетское независимое государство III в. до н.э.) находилась в другом месте.

Чрезвычайно сложным представляется вопрос о том, какого толка буддизм распространялся в этот период. Исследователи, специально занимавшиеся этой проблемой, обычно выделяют период со II по конец VI в., называя его временем распространения классического индийского буддизма, временем прямых контактов с Индией. Поздние источники сохранили нам несколько имен индийских монахов, посещавших Зяо в этот период: Марадживака и Кшудра (188 или·294 г.), Кальянаручи (255—256 гг.), Калашива (III в.) и др.

В этот период (конец II в.), как сообщают поздние источники, в Зяо было построено 20 ступ, сангха насчитывала 500 монахов, было переведено 15 сутр, имелся крупный буддийский центр Луйлоу.

Следующий этап распространения буддизма обычно связывается с появлением здесь идей *дхьяны* (вьет. *тхиен*). Существует точка зрения, что еще в V в. вьетский монах Хюэ Тханг (440–479) стал учеником индийского монаха Дхармадевы (вьет. Дат-ма-де-ба) и соответственно они являются основателями вьетского тхиена. Но обычно это событие связывается поздней вьетнамской буддийской традицией с именем индийского монаха Винитаручи, который приехал в восстановившее свою независимость вьетское государство Вансуан в 580 г. В 562 г. Винитаручи пребывал при дворе правителей Северного Чжоу в Чанъани, но когда в 574 г. при императоре У-ди на севере начались гонения на буддизм, он уезжает на юг, в государство Чэнь, где также не встречает радушного приема. По преданию, здесь он встретился с патриархом китайского чань-буддизма, который посоветовал ему ехать дальше на юг. Винитаручи последовал совету, и в 580 г. он приехал в государство Вансуан, где в пагоде Фапван в Луйлоу основал свою школу. Согласно сведениям источников, еще до Винитаручи в пагоде Фапван были вьетские монахи, проповедовавшие учение дхьяны, что заставляет серьезно

относиться к сообщениям о Хюэ Тханге. И все же вьетнамская буддийская традиция считает Винитаручи первым проповедником дхьяны и основателем первой тхиенской школы. Здесь он перевел на вэньянь ряд сутр, в том числе и ваджраянскую «Махаяна вайпулия дхарани сутру» («Дай-тхыа фыонг-куанг тонг-чи-кинь»). Учеником и последователем Винитаручи стал вьетский монах Фап Хиен. Забегая вперед, укажем, что эта школа насчитывала 19 поколений патриархов и просуществовала до начала XIII в. (последний патриарх школы, И Шон, умер в 1213 г.). То, что Винитаручи остался в Вансуане, говорит о том, что буддизм здесь не подвергался преследованиям, пользовался поддержкой государства. Об этом, в частности, свидетельствует имя последнего императора Вансуана из династии Ранних Ли — Ли Фат Ты («Ли — сын Будды»).

В IX в. у вьетов появляется новая тхиенская школа. Ее основателем стал Во Нгон Тхонг (кит. У Янь Тун), родом из полувьетского тогда Гуанчжоу, который прибыл в страну вьетов в 820 г. Центром новой школы стала пагода Киеншо (совр. пров. Хабак). Умер Во Нгон Тхонг в 826 г. Его преемником стал вьетский монах Кам Тхань. Школа насчитывала 17 поколений патриархов и просуществовала до середины XIII в. Среди патриархов школы были и императоры. Так, например, в восьмом поколении патриархом школы был император Ли Тхай Тонг (1028–1054).

VIII–IX века были периодом дальнейшего развития экономики страны. В долинах рек и у морского побережья выросли новые города. Высокого уровня достигло ремесло, особенно металлообработка и керамическое производство. Вьетские архитекторы строили многоэтажные здания и крепости, центры городов были застроены по правильному плану кирпичными и кирпично-деревянными зданиями.

В конце VIII в. возник смешанный вьето-ханьский архитектурный стиль, известный как «стиль Дайла», по названию города, где этот стиль впервые получил распространение. Для архитектуры этого стиля характерны стройные многоэтажные кирпичные башни-ступы и храмы квадратной формы. Каждый этаж имел ниши, в некоторых из них стояли статуи Будды. Характерной особенностью зданий храмов были вогнутые крыши. Творцы наиболее известных памятников вьетской каменной скульптуры, относящихся к середине IX в., испытывали значительное индийское и китайское влияние. Чрезвычайно разнообразна была и керамика «стиля Дайла»: кирпичи, черепица, поливная посуда, терракоты покрывались рельефными украшениями. В орнаменте видны как вьетские мотивы, так и следы индийского и китайского влияния.

Вьетское общество состояло из членов сельских общин крестьян-рисоводов, крупных землевладельцев и служилого слоя. В период «северной зависимости» эта структура не приблизилась существенно к китайской в силу отдаленности собственно ханьских провинций и малочисленности ханьцев в стране. Развитие шло преимущественно по своим внутренним законам, и в VI—IX вв. мы видим у вьетов раннефеодальные отношения азиатской формы, выросшие, насколько можно судить, из отношений раннеклассового типа.

На протяжении указанных столетий контроль китайских губернаторов постепенно ослабевал, усиливалась вьетская земельная аристократия, приобретая на местах и административную власть. В периоды восстановления независимости и в годы восстаний она возвращала себе и политическую власть во всей стране или части ее. После ухода китайских войск в 880 г. эта социальная группа стала править страной, но не под главенством одной

династии, а в виде ряда борющихся группировок. К этому времени ей уже принадлежала значительная часть земель, а после 880 г. ей же досталась скорее всего бóльшая часть земель бывших высших китайских чиновников. Владения вьетской аристократии состояли из общинных территорий, населенных свободными крестьянами, платившими оброк. Кроме них число лично-зависимых («гостей») могло доходить до нескольких тысяч человек. Количество присваиваемого риса было столь велико, что требовало наличия у некоторых представителей аристократии более сотни рисовых амбаров.

Важным элементом социальной организации были роды (*хо*), высшие из них считались «аристократией»; из поколения в поколение они собирали налоги с определенной группы общин. В большинстве случаев основанием для получения этих владений были не решения китайских губернаторов, а естественноисторический процесс социальной дифференциации (о некоторых «аристократах» известно, что они вышли из богатых крестьян). В число членов хо могли входить и жрецы национальной религии того времени — культа предков (*то тиен*). Этнически в подавляющем большинстве это были потомки лаквьетов (предков вьетов; «вьет» или «кинь» — этноним современных вьетнамцев) и родственных им намвьетов, приходивших из более северных вьетских государственных образований, заселявшихся ханьскими мигрантами. Часть из них была потомками чиновников китайской администрации, порой занимавших посты в стране вьетов наследственно. Многие аристократы имели собственные дружины, что и позволяло им осуществлять власть над крестьянами в пределах своих областей.

В 541 г. попытка правительства китайского государства Лян укрепить свое господство в стране вьетов вызвала общенародное восстание против китайской администрации; оно закончилось восстановлением независимости страны. Предводитель восстания, крупный чиновник Ли Бон, был провозглашен императором, положив начало династии Ранних Ли (541–603). Война, в которой участвовали все слои вьетского населения, затянулась на длительный срок, приходилось отражать и наступления китайских войск, и нападения чамов.

Укрепив внешнеполитическое положение страны, Ли Бон занялся внутренним устройством государства. В 544 г. оно было названо «Империей Вансуан» («Империя Бесчисленных весен»). После провозглашения Ли Бона императором был сформирован государственный аппарат, во главе которого поставлены ближайшие сподвижники государя. Были приняты меры по организации управления на местах, Ли Бон обзавелся пышным двором, начал строительство дворцов и храмов. Большую роль играл в это время буддизм, некоторые монархи носили, по индийским обычаям, буддийские теофорные имена и пр.

Но вскоре военные действия возобновились, Ли Бон потерпел поражение и с небольшим отрядом ушел на северо-запад, рассчитывая найти там поддержку у горных племен. Осенью 546 г. он сделал попытку начать военные действия в центральном районе страны, но позже опять отступил в горы. В дальнейшем (546–547 гг.) сражениями с лянскими армиями руководил вьетский военачальник Чиеу Куанг Фук, ставший после смерти Ли Бона (548 г.) фактическим правителем страны. В 551 г. китайские войска, потерпев новое поражение, ушли из Вансуана.

После прекращения войны среди вьетов началась междоусобная борьба, что привело в конце 50-х годов к временному разделу страны на две части. В западной правил Чиеу Куанг Фук, в восточной укрепился Ли Фат Ты,

член династии, который считался номинальным императором всей страны; члены рода Ли занимали главные посты в государстве.

В 602 г. новая китайская империя Суй начала войну против Вансуана и послала на юг значительную армию. В 603 г. вьетские войска были разбиты, Вансуан вынужден был признать власть Суй. Ли Фат Ты был увезен в качестве пленника.

После прекращения правления династии Ранних Ли была восстановлена, уже в упрощенной форме, китайская административная система; с 622 г. Вансуан стал «Аньнань ду-ху-фу» («Наместничество Умиротворенного Юга»). В наиболее важных стратегических пунктах стояли китайские гарнизоны. Однако на местах правили в основном, по-видимому, вьеты. Часты были восстания против империи Тан, их возглавляли Май Тхук Лоан, Фунг Хынг, Зыонг Тхан и др.

В середине IX в. в дельту Красной реки пытались переселиться тайские племена из государства Дали (Наньчжао). Вьеты и танские власти противодействовали переселению таи, и в 865 г. китайская армия истребила переселенцев. Победа дала возможность Танской империи укрепить свои позиции. С этой целью китайский наместник Гао Пянь провел некоторые мероприятия по упорядочению административного аппарата, были снижены налоги и разработана единая система налогообложения, что должно было «успокоить» страну. Отныне китайские войска размещались не в центральных областях, а на окраинах страны, защищая их извне; в то же время были приняты меры по укреплению столицы — г. Латханя — от нападений вьетов. С этой целью цитадель, где находились администрация и войска, окружили двойной стеной; вьетское население жило вне этих стен. Для экономических нужд были предприняты работы по расчистке рек и каналов и строительству дорог.

Но деятельность Гао Пяня не могла смягчить китайско-вьетских противоречий. Борьба вьетов за независимость не прекращалась, и к 880 г. почти 1000-летней политической власти «Севера», не повлекшей, однако, ассимиляции вьетов, был положен конец. Китайские войска покинули их страну, создались условия для возрождения вьетского государства.

ПЕРВЫЕ ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ МЬЯНМЫ (IV—XII вв.)

Заселение Бирмы (ныне — Мьянмы) гоминидами произошло, вероятно, одновременно с другими странами, расположенными на Индокитайском полуострове, не менее 1,5–2 млн. лет назад. В период неолита человеком были освоены почти все равнины и плато по берегам Иравади, Салуина, Ситауна, Чиндуина и других рек, а также морское побережье страны. На этих территориях, где естественное плодородие почв поддерживалось регулярными муссонными дождями и паводками, создавались благоприятные условия для раннего зарождения земледельческой цивилизации.

В эпоху металлов (правда, бронзовая донгшонская культура нашла незначительное отражение в археологических данных в Бирме) земледельческое, в основном рисоводческое, хозяйство возобладало над собирательством, охотой и рыболовством, распространяясь в двух основных формах: подсечно-огневого — в горных и лесных районах и пашенного с искусственным или естественным орошением — на равнинах и плоскогорьях, горных тер-

расах. По мнению специалистов, с культурой риса было знакомо уже автохтонное веддо-австралоидное население Бирмы, оттеснявшееся (и ассимилируемое) к южному морскому побережью миграционными потоками монкхмерских и несколько позднее тибето-бирманских народов из Юго-Западного Китая. По-видимому, первые волны новых насельников Бирмы появились в стране еще до эпохи бронзы. Ко II тысячелетию до н.э. в стране расселились предки всех ее современных народов; с I тысячелетия до н.э. у них начался процесс перехода к раннеклассовым обществам.

Тибето-бирманские племена, стоявшие наряду с монами у истоков рисоводства в Юго-Восточной Азии, как сейчас утверждает наука, и в Бирме создали земледельческий рисоводческий комплекс достаточно рано. Однако переход к государственности произошел в регионе значительно позже, чем, например, в долинах Хуанхэ и Инда. Некоторые историки (Д.В.Деопик) в основном связывают это отставание с невозможностью первобытных коллективов региона перейти к строительству крупномасштабной системы ирригации. По нашему мнению, следует также учитывать фактор социальной организации общества, экономика которого привязана к экологической нише с поливным рисоводством. Как родовая общинная организация, так и позднее соседская, состоявшая из нескольких семейно-родственных групп («домов»), представляли такую самодовлеющую и самообеспечивающуюся структуру, которая препятствовала активному процессу дифференциации общества. Кроме того, для Бирмы огромное влияние имел и демографический фактор — очень слабое заселение страны вплоть до начала нашей эры.

Медленная инфильтрация на территорию Бирмы из Юго-Западного Китая мигрирующих под влиянием «неолитической революции» народов продолжалась почти два тысячелетия. Древнейшие государственные образования предков бирманцев, фиксируемые в существовании государств Ба и Шу в первой половине I тысячелетия до н.э., были созданы не на территории Бирмы, а в среднем течении р. Янцзы. Лишь разгром в 316 г. до н.э. Ба и Шу царством Цинь и продолжающаяся экспансия Ханьской державы вызвали значительную миграционную волну тибето-бирманских племен, в том числе и пью, которые достигли речных долин Центральной Бирмы.

В начале нашей эры на территории Бирмы уже существовало несколько очаговых политических объединений или ранних государств, созданных наиболее крупными этнолингвистическими группами. Это государство араканцев (канран) на юго-западе страны; в среднем течении Иравади — государство пью Шрикшетра (Тарекеттая, Тарекеттара); монские города-государства Татон, Тайккала, Пегу и др., известные как Раманнадеса, Раманнадеша, — по южному морскому побережью. Переходу ряда народов Бирмы от первобытнообщинного строя к цивилизации способствовали, по нашему мнению, достижение определенного демографического оптимума в указанных экономико-географических районах и создание новой технологии орошения риса на равнинах крупных рек. То и другое позволило освоить большие территории и способствовало накоплению прибавочного продукта. Сыграло свою роль развитие международного морского торгового судоходства, позволившее, в частности, ближе познакомиться с индийской государственностью и культурой.

Географическое положение Аракана, протянувшегося узкой полосой вдоль восточного побережья Бенгальского залива и отделенного от Бирмы Чинскими горами, благоприятствовало в большей степени связям с Индией, чем с основной территорией страны. Не без влияния индийской цивилизации в Аракане появились и первые государственные образования. Традиция

относит их зарождение к столь отдаленным временам, что ни эпиграфика, ни археология не могут подтвердить ее обоснованность. В первые века нашей эры центром араканской государственности был город Диньявади в районе современного Акьяба. В 788 г. столицей стал г.Вейшали и оставался ею до конца XI в., так что и само средневековое араканское государство в историографии называют также Вейшали.

До настоящего времени сколько-нибудь целостную картину даже политической жизни государства воссоздать не удается. Правда, по находкам медалей и монет установлены имена правителей и периоды их пребывания на троне. Надписи на них сделаны шрифтом *нагари*. Названия династий в Диньявади и Вейшали были также индианизированы (в Вейшали, например, Чандра); цари обычно изображались с эмблемами Шивы. С первых веков нашей эры в Аракане распространились и индийские религии — буддизм, брахманизм.

В араканских хрониках почти не сохранилось свидетельств о взаимосвязях со Шрикшетрой, хотя и есть в них упоминание о том, что в начале IX в. внук араканского царя женился на принцессе пью, и о войнах с пью в X в. Однако к этому времени их государство уже перестало существовать, поэтому ученые считают, что скорее в хрониках нашли отражение попытки Пагана — более позднего государства на территории Бирмы — захватить Аракан. Паган сумел навязать даннические отношения лишь северной части Аракана, при этом его правители остались суверенными.

По-видимому, уже на этой исторической ступени наметился отрыв араканцев от основной части населения Бирмы, завершившийся с началом распространения в Аракане с X в. мусульманства.

Наиболее крупное из ранних государственных образований на территории Бирмы — Шрикшетра — существовало в IV–IX вв. и занимало бóльшую часть территории страны. Пью распространяли свою власть до Араканских гор на западе, границ с Наньчжао на севере, монских территорий по Ситауну на востоке. Южная граница государства доходила до современного города Таемьо.

Как установлено археологическими находками, столичным городом пью были поочередно Тарекеттая, в районе современного г.Пьи, Пейтано, Халинджи — все они располагались в долине Иравади, контролируя главную водную артерию страны и область Чаусхе, традиционный центр сельскохозяйственного производства (поливного рисоводства). Кроме того, Тарекеттая была одновременно и портом, так как находилась на самой Иравади, к тому же недалеко от ее впадения в море (в те времена — значительно ближе к морскому побережью, чем сейчас).

Интенсивность сельскохозяйственного производства в Шрикшетре основывалась на искусственном поливе полей с помощью многочисленных плотин, дамб и отводных каналов от основного русла реки в широкой долине полноводной Иравади. Пью научились использовать высокий ежегодный паводок реки, удерживать воду земляными валами и регулировать ее подачу для полива полей уже после спада наводнения. Коллективные работы общины, хотя и необходимые при рассадке риса и сборе урожая, были здесь менее необходимы, чем при строительстве крупных ирригационных сооружений в сухой зоне центра государства и в узких речных долинах севера. Домохозяйство своими силами могло справиться с поддержанием дамб и каналов.

Новая технология регулирования паводковых вод дала возможность освоения новых территорий под культуру риса, способствуя переходу к со-

седской общине и созданию государства. Ирригационные системы пью, впоследствии использованные бирманцами, создателями Пагана, были открыты археологами с помощью аэрофотосъемки.

Основной сельскохозяйственной культурой в Шрикшетре был рис, однако наряду с ним, как сообщается в китайской династийной хронике VII в., здесь выращивались просо и соя, хлопчатник и сахарный тростник («толщиной в человеческую ногу»), различные овощи.

Внимание китайских очевидцев привлекали и огромные размеры городов пью, и их овальная форма, и двойное кольцо стен, облицованных керамической плиткой, выложенные кирпичом рвы и пр. Внутри городских стен наряду с жилыми кварталами и храмами находились рисовые поля, сады, огороды, водоемы. В китайских источниках, подтверждаемых археологическими данными, говорится о широком употреблении в стране металлов: золота — для ювелирных изделий и покрытия куполов храмов, серебра (скульптура, сосуды, чеканная монета, украшения), цинка и олова (для крыш зданий), железа (скобы для скрепления деревянных конструкций), бронзы и меди. Пью были искусными резчиками и камнетесами, гончарами и ювелирами, создателями первого храмового буддийского комплекса на территории Бирмы. Некоторые храмы этого комплекса стали прототипами знаменитых храмов Пагана.

О государственном и социальном устройстве первого протобирманского государства известно немного. Китайские источники сообщают, что пью управляются царями, которые носят индийский титул *махараджа*. Найденные в Тарекеттае погребальные каменные урны царской династии, носящей тронное имя Викрама, и дешифровка выбитых на них надписей (алфавитом пью) позволили О.Благдену не только установить датировку правления представителей этой династии, но и определить причину введения так называемой бирманской эры — летосчисления, принятого в Бирме и по сей день и начинающегося в 638 г. н.э. Это был год восшествия на престол первого царя династии Викрама в Шрикшетре.

Социальная дифференциация в Шрикшетре была уже значительной, и китайские источники подчеркивают ее описанием пышности и богатства, окружающих царя и его приближенных. Царь живет во дворце, украшенном золотом, серебром, коврами, выезжает в паланкине или на слоне, обладает сокровищами и гаремом; знать окружена свитой. В отличие от простолюдинов, небольшие погребальные урны которых сделаны из глины, царей захоранивают в огромных каменных кувшинах на высоких кирпичных постаментах. Это подтверждают и археологические находки.

Возвеличивание и обожествление персоны царя — одна из причин принятия индийских религий правящим классом нарождающегося государства, в котором еще не было своих политических концепций (этому же служили индийские династийные имена местных правителей и установление родословных линий от индийских традиционных царских родов). В Шрикшетре обнаружено множество памятников культового характера: три огромные буддийские ступы вблизи городских ворот, каменные скульптуры в гуптском стиле, статуэтки, изображающие Вишну и махаянистских божеств (преимущественно Авалокитешвару), санскритские легенды на вотивных табличках, выполненные письмом нагари, надписи на языке пали.

Несмотря на широкий религиозный синкретизм, в бирманском государстве IV–IX вв. отдавалось предпочтение буддизму теравады, хотя во дворце процветали как индуистские, так и махаянистские обычаи. В китайских источниках указывается, что в Шрикшетре живут именно буддисты, что в

городе имеется сто буддистских монастырей, что в монастырских школах учатся мальчики (но в дальнейшем они могут снова вернуться к светской жизни), что население привержено буддийскому запрету на убийство всего живого. В целом, однако, земледельческое население еще слабо откликалось на мировые религии. Анимизм, вера в духов, культ предков — все это было неотъемлемой частью народной духовной традиции.

Во внешнеполитической истории государства Шрикшетра важную роль играли его связи с двумя великими соседями — Индией и Китаем, а также с государствами региона Юго-Восточной Азии. Как уже указывалось, из Индии пришли сюда мировые религии, идеи политической власти, концепции строения мира, письменность. По северной сухопутной дороге через Юньнань были установлены первые связи Китая и Бирмы; позже этот путь использовали китайские буддистские паломники в своих путешествиях в Индию.

Когда на северо-восточных границах Бирмы было создано государство Наньчжао, его правители открыли по этому пути караванную торговлю. В VIII в. Наньчжао усилилось и в 755 г. нанесло поражение Китаю. Продолжая политику расширения государства, правитель Наньчжао, Колофен, отвоевал у Шрикшетры в 757 и 763 гг. верховья р.Иравади и заставил признать свой сюзеренитет.

По-видимому, династии Викрама в Шрикшетре уже не было, да и столица была перенесена севернее, в Халинджи, вероятнее всего, ввиду давления монов с юга и набегов каренов. Именно через Халинджи и проходила торговая караванная дорога из Бирмы в Китай. В 794 г. Наньчжао отправило по этому пути в Китай посольство для установления мирных отношений, в составе которого были музыканты-пью. В 802 г. непосредственно из Шрикшетры в Китай прибыло еще одно посольство. Придворные китайские летописцы записали сведения об этом государстве со слов самих пью, среди которых было много музыкантов, получивших одобрение танского двора. Возможно, что попытки последних царей Шрикшетры вести самостоятельную политику и вызвали разгром этого государства.

В 832 г. войска Наньчжао захватили Халинджи, сровняли ее с землей, а оставшихся в живых жителей угнали в плен. Постепенно упоминания о пью исчезли из исторических материалов, но первый опыт государственности в Центральной Бирме оказал самое непосредственное воздействие на дальнейшее развитие бирманских политико-административных и социально-экономических структур.

Ранние монские государственные образования возникли на южном побережье Бирмы, как и в других ее частях, в первые века нашей эры. Бирманские хроники сообщают о восьми таких объединениях монских племен в междуречье Ситауна и Салуина, вожди которых находились в состоянии постоянной вражды друг с другом. В китайских источниках (III–IV вв.) упоминаются названия некоторых из них — Мичэнь, Куньлун, Модипо, на сюзеренитет над которыми претендовала Шрикшетра. Однако центр монской государственности и культуры, к которому тяготели и моны Бирмы, лежал за ее пределами — в долине Менама. Созданное здесь государство Дваравати не только контролировало в VII в. монские центры на бирманском побережье, но и оказывало воздействие на их государственное развитие.

Наиболее известными государствами монов были Татон, Тайккала, Пегу; в науке эти прибрежные ранние территориальные объединения, активно ведшие международную морскую торговлю, получили название *нагары*.

Изучены специалистами монские нагары очень слабо. Хотя стены некоторых портов-крепостей можно увидеть и сейчас, архитектурных памятников во влажном и жарком климате побережья практически не сохранилось, тем более что древние храмы монов были сложены из латерита — материала недолговечного.

Нагары состояли из собственно города, как правило небольшого, но хорошо укрепленного (он был одновременно портом при впадении реки в море; среди археологических находок в Татоне и Пегу — остатки кораблей, якоря, предметы импорта преимущественно религиозного характера из Индии), и небольшой сельской территории. Крестьянство в основном занималось орошаемым рисоводством (обычно на болотистых участках аллювиальной дельты, расчищенных от джунглей и осушенных с помощью разветвленной сети каналов). Широкое распространение получило и рыболовство.

Однако если в аграрной модели континентальной Шрикшетры основным источником доходов государства являлась рента-налог с крестьянства, то в прибрежных нагарах материальной базой были богатства, накопленные в результате торговли, пиратства, обложения налогами иностранного купечества, монополий на ввоз и вывоз определенных товаров. Поэтому, несомненно, главным толчком к процессу создания государственности у монов было их включение в международную морскую торговлю в Индийском океане. Естественно, при условии, что трансформация родо-племенных структур в территориальную уже началась.

Значительно большая открытость общества в нагарах, пребывание иностранцев и даже колонистов из разных частей Индии, миссионеров, смешанные браки — все это, очевидно, вело и к более динамичному усвоению индийской культуры, влияние которой моны воспринимали не только непосредственно (от Индии), но и опосредованно — через монов Дваравати, также оформивших свою государственность с помощью индийских политических идей. В нагарах во главе стоял правитель, носивший индийские титул и имя. Были восприняты и социальные нормы древней Индии — прежде всего деление на варны, что способствовало закреплению привилегированного положения правящего слоя.

Знать и простонародье в нагарах были разделены более резко, чем в «ирригационном» обществе. Здесь же большее развитие получил институт если не рабовладения, то работорговли, причем владеть рабами могла только знать. Несмотря на более высокий уровень развития товарно-денежных отношений в нагарах по сравнению с континентальным типом государства, скудость их аграрного сектора приводила к постоянной борьбе между ними за обладание человеческими и материальными ресурсами. К ней прибавлялись и войны с соседними государствами и племенами.

В VII–VIII вв. территория монских городов-государств расширялась за счет присоединения долины Ситауна и дельты Иравади. В 805 г. одно из них — Мичэнь — отправило свое посольство в Китай и получило признание императорского двора, сообщают китайские источники. По их же сведениям, в 835 г. войска Наньчжао после разгрома столицы пью Халинджи в 832 г. напали на Мичэнь и увели много пленных. Однако монским государствам удалось объединить свои силы в борьбе с Наньчжао и остановить его наступление. Это способствовало консолидации монских государств и значительному их расширению за счет продвижения к северу, на территорию бывшей Шрикшетры.

В IX–X вв. моны уже освоили долину р.Чаусхе — главную рисовую житницу страны. Это позволило им создать экономический потенциал для

объединенного государства (XI в.). Центром его стал город Татон. Однако монское государство не было столь централизованным, как аграрная Шрикшетра. Эпиграфические памятники X–XI вв. свидетельствуют о расцвете нового монского центра — Пегу, основанного в 825 г. Сведения о нем есть в описаниях арабских географов и путешественников, в монских хрониках (последние много места отводят описанию религиозных войн, смене брахманизма буддизмом). Пегу становится как бы вторым центром монского государства, сохраняя значительную долю самостоятельности. По-видимому, объединенная монская держава, которую индийцы и кхмеры называли Раманнадесой (рман-мон), представляла собой не аграрную империю с выходом на морские торговые пути, а союз городов-государств, или талассократию, в которой главной функцией была морская (прямая и транзитная) торговля на международных путях. Внутренние, сельскохозяйственные районы оставались подчас в чисто формальной или даннической зависимости, сохраняя и свои центры. Включение же нагар в состав «ирригационных» государств оказывало ускоряющее воздействие на развитие последних благодаря более высокому уровню развития товарно-денежных отношений в нагарах. Этот процесс отчетливо прослеживается на примере присоединения Татона (XI в.) к Паганской державе.

Таким образом, в становлении государственности в Бирме прослеживается дихотомия Север–Юг, основывающаяся на различных природно-географическом (долина — побережье), экономическом (земледелие — торговля), этническом (бирманцы — моны) факторах. Процесс исторического развития вел к синтезу двух типов государства и общества в Бирме.

ДВАРАВАТИ И ЧЕНЛА

Этносы монов и кхмеров складывались в процессе приспособления к ландшафтно-климатической зоне Центрального Индокитая со II тысячелетия до н.э. К началу нашей эры на этих территориях возникают первые протогосударства, уже испытывавшие воздействие индуизма. Вожди возводят на территориях общин линги как знаки своего права распоряжаться данной территорией. Протогосударства не имели устойчивого названия и именовались по главному поселению (*пура*), которое, в свою очередь, получало обычно имя вождя. Формируются новые общинные лидеры, заимствовавшие опыт извне и использовавшие местные традиции в новых условиях.

С III в. н.э. началось образование политических союзов, подчинение одних родов другими. Память об остром соперничестве между вождями, многочисленных случаях «узурпации власти» сохранили китайские источники. Однако в процессе этой борьбы местные общества вырабатывали механизм преодоления розни: им стали браки между представителями соперничающих родов. Подчинившиеся сильному роду не лишались прав на ношение оружия, но выступали как подчиненная военная сила. Могущество рода — военного гегемона, получавшего почетное наименование *кшатриев*, — определялось не количеством земли, а широтой его власти над другими родами, его социальными связями.

К V в. у монов и кхмеров возникают устойчивые общеплеменные центры: священные места паломничества, где складывается общий культ, и места межобластной торговли. Торговля распространяется и на области вне Индокитая. Археологические исследования монских поселений в долине

р.Менам показали, что наибольшее число находок вещей импортного происхождения падает на V–VI вв. Появляются ремесленные центры — крупнейшим был Утонг, — подорвавшие экономическую монополию Фунани. Развитые земледельческие общины и торгово-ремесленные центры образуют города-государства, на их основе создается региональная экономика монов. Базой экономических общемонских связей было развитие металлообрабатывающих ремесел.

Ремесленники, используя традиционные методы труда, восходившие к неолиту, владели плавкой и литьем (хотя ковка не была развита), строительным делом. Железная руда, видимо, привозилась из западных районов Индокитая.

VI веком датируется появление у монов новых городов-государств. В VII в. их насчитывалось около двадцати; они тянулись полосой по долинам небольших рек от границ нынешнего Баттамбанга (Западная Камбоджа) до северной части Малаккского полуострова.

Влияние индийских социальных и политических институтов проникало через Утонг и порты побережья Сиамского залива. Индийские институты сыграли определенную роль в складывании местной государственности, социальной структуры и местных форм религии.

Объединение монских городов-государств в VII в. происходило вокруг Пра Патома с его знаменитым храмом Пра Мен — символом горы Меру. В прошлом это был общеплеменной центр — средоточие местных уранических культов. Индуизм в обществах монов долины Менама распространялся наряду с буддизмом, который проповедовали миссии и пилигримы от разных сект из различных стран. С VII в. устанавливается господство буддийского культа и буддийской секты *сарвастивадинов*. Символом государственного суверенитета была *дхармачакра*, представлявшая колесницу Сурьи (бога Солнца).

Источники конца VII в. фиксируют существование монских пура в рамках одной политической структуры — буддийского государства Дваравати. Ранний буддизм выполнял в последнем политико-культурные функции, противопоставляя государство монов «индуистскому» государству кхмеров на востоке и Шривиджайе на юге, где господствовал культ девараджи. В буддизме, бытовавшем в Дваравати, прослеживается архаичный субстрат, вошедший в него из племенных культов: в нем слились элементы анимизма, культа предков, хтонические культы земледельцев эпохи неолита. Поклонение духам местности трансформировалось в почитание *локапалов* и *дварапалов* (хранителей двери дома). Почитание вождей вкупе с шаманским комплексом оказалось особенно жизнеспособным, трансформировавшись в почитание харизмы правителей; образ священной вершины — местонахождения божеств и душ предков — совместился с индийской концепцией горы Меру, воплотившей в себе образ общинного предка.

VII–VIII века — это время натурализации буддизма в государстве монов. Секта сарвастивадинов вела проповедь учения, используя санскритские тексты. От VII в. дошло изображение Авалокитешвары, божества буддизма махаяны. В процессе взаимодействия этой формы буддизма с индуизмом и местными культами, передачи индуистскими святилищами и местами паломничества своего авторитета буддийским ступам росла популярность учения, переходного к хинаяне. Столица Дваравати, Накхонпатом, превращается в место паломничества буддистов — единственное место такого рода в западной части Индокитая. В VII в. центром буддизма, местом его изучения стала Лопбури — восточная столица Дваравати.

Дваравати не было централизованным государством: оно не обладало ни единой оросительной системой, ни общей казной или хранилищем риса, на основании чего можно было бы сделать вывод о существовании государственного контроля над землей. Формирование аристократического правящего слоя, принявшего буддизм, шло через родство и браки.

В социально-политической структуре Дваравати доминировала столица Накхонпатом — место пребывания царского рода, центр области с наибольшей плотностью населения и обилием жизненных ресурсов; ему подчинялись автономные пура и их правители — *дева* и *деви*. О возросшем могуществе царя и царского рода говорят данные немногочисленных надписей об их дарениях буддийским святилищам скота, зависимых людей, предметов культа. Могущество царского рода объяснялось по традиции магической силой его главы.

Областные столицы имели автономные доходы и собственное имущество. В состав последнего включалось и несвободное население, как земледельческое, так и ремесленных специальностей. Сюда шли сборы с земледельческой, промысловой и ремесленной деятельности большесемейных общин. Как центры культа, главные города провинций получали доходы с религиозных сборов, продажи амулетов и иконографических изображений. Имущество предков правящего рода считалось священным.

Население в монских областях возрастало за счет пришлых, которые не становились равноправными исконному земледельческому населению общин. Подчинение своей власти пришлого населения, а также рабов было источником силы как царского рода, так и знати монов, укрепляло социальные позиции знатных родов, присваивавших привилегии на ношение золотых украшений, одежды из шелка, конного выезда, использование слонов.

Пура сохраняли свои органы власти. В них собиралось судебное собрание для решения имущественных дел. Дарения буддийским святилищам скота и предметов культа из драгоценных металлов фиксировались в надписях. Царю в столице помогали в делах управления советники, многочисленным был штат писцов.

Земледельческое производство развивалось на экстенсивной основе: рост населения в VI–VII вв. превысил критическую точку его плотности. Выход был найден в выводе части населения с юга на север, где переселенцы, руководимые правительницей Камадеви, приступили к колонизации новых земель. Здесь возникло монское государство Харипунджая.

Социальные процессы в обществе кхмеров V–VI вв. были сходны с теми, что происходили в монских областях. Военную демократию здесь сменяет военно-иерархическая структура власти. Вокруг общеплеменного сакрального центра — горы Лингапарвата (совр. Таиланд) — шло образование военного союза кхмерских вождей, направленного против Фунани и Чампы. Почитаемым эпосом военной знати стала «Махабхарата», священная территория была ассоциирована с Курукшетрой. Первые надписи, датируемые V в., выполненные южноиндийским шрифтом *паллава,* принятым в Фунани, повествуют о церемонии посвящения вождя, приносящего клятву. Военный союз кхмерских вождей сбросил иго Чампы, которая до этого взимала дань с земель кхмеров.

Раннее государство кхмеров было простым социальным организмом: правящий слой, знакомый с индийской культурой, введший почитание индуистских божеств, сосредоточивался в общинных центрах — *пура.* В этой среде и формировались новые социальные отношения. Земледельческое

население кхмерских земель объединялось в общины: домовую общину, патронимию, — *кула* и территориально-родовую общину — *пура*. Родственные связи придавали этим коллективам особую прочность. Человек входил одновременно в несколько социальных общностей. Последние также включали несвободных — *даса*, подвергавшихся эксплуатации.

По мере развития земледелия, образования у кхмеров значительных земледельческих зон росла сила внутриобщинных имущих слоев — носителей частнособственнических тенденций и социального неравенства. Надобщинная власть поддерживала имущие слои в их противостоянии рядовым общинникам, становясь соучастницей процесса развития имущественного неравенства в обществе.

Общинные верхи, используя родо-племенные обычаи, одаривали вождей, узурпируя в этих целях общинную и родовую собственность. Военные вожди принимали дары и дань от старейшин, становившихся данниками удачливых военных предводителей. Последние выступали от лица благородных родов — *кшатриев*. Имущество этих родов, называвшееся *ишвара* и заключавшееся в землях, оросительных сооружениях, деревнях даса, наследовалось по женской линии. Рабство имело ограниченный характер, а эксплуатация свободных не стала системой. Формировавшийся эксплуататорский слой был уже привилегированной частью общества, но не составлял ни замкнутого сословия, ни класса.

Объединение кхмерских земель — *пура* — военной силой кшатрийских родов началось из Бхавапуры, расположенной на р.Меконг между горами Дангрек и оз.Тонлесап. Бхававарман I (ок. 550 — ок. 600) и его брат Читрасена (после посвящения в правители — Махендраварман, правил ок. 600 — ок. 612) подчинили ряд кхмерских земель и поставили свои линги, передав им в дар часть военной добычи.

При сыне Читрасены, Ишановармане I (ок. 612–628), к югу от железорудных гор Пном Дек была воздвигнута новая столица, Ишанапура, известная по сохранившимся надписям (ок. 200), археологическим находкам и описанию в китайской династийной хронике Суй. По данным последней, население Ишанапуры состояло из двадцати тысяч семей (ок. 100 тыс. человек). В конце VII в. в составе государства было тридцать городов — *пура*, каждый имел наместника из местной знати. Область плотного заселения — военный «центр» — окружали периферийные «страны» — *виджайя*, сохранявшие значительную автономию. В них продолжали править кхмерские династии, поддерживавшие связи как с Индией, так и с Китаем. Сюда прибывали брахманы-аскеты, представители вишнуитских сект, проповедники буддизма. Воздвигались линги, статуи богов, буддийские вихары.

Ишанапура не всегда считалась главным городом. Политическая гегемония на протяжении VII в. перемещалась в разные пура, в которых правили кшатрийские семьи, принадлежавшие либо к Солнечной, либо к Лунной династиям. При правителе Бхававармане II (635—655) происходит объединение через браки Солнечной и Лунной династий; в культе утверждается почитание синкретического божества Хари-Хары (Вишну — Шивы), сосуществовавшее с почитанием женских божеств Лакшми и Умы. В новых мифических версиях, санкционировавших всзникавший социальный порядок, возводивших происхождение династии Камбуджи (Ченлы) к браку аскета Камбу Сваямбхувы с солнечной феей Меру, сохранялся образ Великой Матери, предпочтение отдавалось женским культам. Статуэткам индийских божеств придавались женские черты. Широко был распространен

культ *нагов*, связанный с почитанием матери-прародительницы, что способствовало позже в буддийских государствах XIII–XIV вв. возрождению древних общинных культов.

В VII в. при Ишановармане Ченла стала играть некоторую международную роль: правитель в 616–617 гг. направлял послов ко двору китайского императора. Древняя история Тан упоминает два посольства из Ченлы под 623 и 628 гг. О Ченле говорится в записках китайского паломника Сюань Цзана (VII в.).

В 657 г. в кхмерских землях появился новый лидер — Джаяварман I (657–681): надписи из разных районов воспевают его военные успехи, называют *чакравартином*, т.е. императором, «господином земли». Доблесть вождя импонировала воинственному населению: по данным китайских источников, оружие носил весь народ. На объединение военной силой кхмерских земель Джаяварман I потратил 20 лет, но после его смерти тотчас наступили «смутные времена».

Управление государством, созданным военной силой, осуществлялось царем военными методами. Подвластные земли платили дань — *кара* и несли воинскую повинность — *акара*. Сокровищница государства — *раджа коша* — занимала важнейшее место в системе администрации.

Эпиграфика VII в. отразила патерналистскую концепцию власти. Подобно Ману, кхмерский правитель обязан защищать свой народ, поэтому он приравнивался к Индре. Тенденция к сакрализации власти царя сказалась в добавлении к его имени в санскритских надписях термина *дева*. Сакрализована была и власть (*сиддха*) над имуществом, окруженная магическим ореолом. Постепенно власть над имуществом и над людьми сливается в одно понятие — *дхарму*, этическую норму поведения домохозяина. Законотворческая деятельность кхмерских царей была направлена на укрепление социального положения частных собственников, но при сохранении семейных и общинных ограничений в наследовании.

Увеличение числа надписей в VII в. (знакомящих в основном с двумя социальными слоями кхмерского общества — сановниками и несвободными) — это показатель роста богатства родов, из которых выходили военно-административные чиновники — *мратани*, передававшие родовым храмам часть имущества рода: несвободных — *ку* и *ва*, скот, изделия художественных ремесел, рисовые поля. Мратаням подчиняется нижний должностной слой — *пони*, связанные с общинами. Оформляется сословие служителей культа.

Особо почитаемой при Джаявармане была секта *пашупата*. Аскеты этой секты распространяли культ Шивы, имевший космическое значение. Шива, воплощение плодородия, милость которого якобы управляла законом кармы, согласно учению, делился с царем своей *шакти*, т.е. духовной и физической силой. Начался процесс аристократизации кхмерского индуизма. Из брахманов и аскетов, обслуживавших двор, выходили *гуру* — наставники и советники царей. Правитель и его советники были первыми почитателями Шивы, главного божества элиты. Шиваизм проникает и в нижние слои социальной иерархии. В эпиграфике фиксируются различные виды дарений, каждый из которых по-своему способствовал формированию структуры господствующих слоев. В качестве благочестивого дарения оформлялись назначения на государственные посты (советников, наместников), предоставлялись титулы. Фиксировались также дарения материальных предметов и всякого рода светских и религиозных привилегий.

Кхмерские правители VII в. были знакомы с дхармашастрами: при их дворах были должностные лица — знатоки дхармашастр, цитировавшие их в ходе судебных разбирательств. Придворные аскеты знакомили царей и с индийской доктриной государства. Государственная служба у кхмеров стала приравниваться к исполнению дхармы: последняя не членилась на дхармы варн, а рассматривалась как единая дхарма почитателей Шивы. В единстве дхармы было скрыто стремление поддержания единства государства, подчинения периферии «центру»: последний брал на себя функцию защиты территории периферии, взимая за это дань.

Почитание Шивы — индивидуалистическое по своим целям, как личный союз почитателя с богом, — в социальном контексте трактовалось как отношения «господина и слуги». Социальное самосознание кхмерской знати формировалось в условиях слабой социальной стратификации. Главным социальным противопоставлением было «свой» — «чужой» (*даса*). «Дарение даса» считалось престижным и часто упоминается в эпиграфике, но владение несвободными имело не столько экономическое, сколько социальное значение, поднимало престиж дарителя. Особенно престижной считалась передача несвободных храмам — как демонстрация состоятельности и благополучия, способности оказать покровительство и повлиять на карму тех, кому оно оказывалось. Источником рабства были войны, много было рабов по рождению. Существовала работорговля. Надписи упоминают надсмотрщиков над рабами, что указывает на использование труда последних в земледельческом и ремесленном производстве.

На службу новому социально-политическому строю были поставлены представления военной знати кхмеров о ее принадлежности к кшатриям: только социальная группа, наделенная особой энергией (*шакти*), могла управлять страной к ее благу, передавая подданным свою магическую силу. Государственная служба становится наследственной привилегией знатных родов.

В VII–VIII вв. появляются и незнатные роды, претендовавшие тем не менее на родство с царскими семьями. Осваивая новые земли, они создают местные династии. В конце VIII в. было шесть таких социально-политических группировок. Основой их силы была власть над свободными и зависимыми людьми.

Культ Шивы — бога разрушения и созидания, становления и изменения — отражал социальные потрясения, рождение военно-административной элиты, сплочение в господствующий класс имущих слоев, сакрализацию царской власти, развитие государственности. Формирование же кхмерского «индуизма» указывало на местные, «этнические» особенности этого процесса.

Раннеклассовое общество кхмеров, как и общество монов, было привязано к определенному типу хозяйствования — ирригационному рисоводству. Возрастание плотности населения кхмерских общин поставило земледельческое производство на грань кризиса. В поисках выхода правящий слой в кхмерских государствах вынужден был приступить к освоению трудом общин новых земель и сооружению крупной системы ирригации к югу от хребта Дангрек. Совершенствуется техника ирригации, возрастает продуктивность земледелия, но не производительность общественного труда. Использование господствующим классом больших масс живого труда, организованного по общинному принципу, сдерживало процессы феодализации. Тем не менее освоение кхмерами нового рисового района подготовило даль-

нейшее социально-политическое развитие обществ Центрального Индокитая: с конца VIII в. складывается государство Камбуджадеша (Ангкор).

КАМБУДЖАДЕША (АНГКОР) В VIII—XIII вв.

История одного из значительных феодальных государств Азии, империи Камбуджадеша, четко делится на три периода: ранний — конец VIII–X в.; период расцвета — начало XI — начало XIII в.; поздний — середина XIII — середина XIV в.

В конце VIII — начале IX в. правитель княжества Аниндитапура, Джаяварман II, повел вооруженную борьбу, объединяя разрозненные княжества. Закрепив за собой восточные области, он перешел на запад в район р.Сиемреап, где основал город (вблизи будущей столицы Яшодхарапуры, позднее названной Анг Нокор или Ангкор). Официально провозглашенный монархом в 802 г., Джаяварман II правил до 854 г. Он строил города к северу от Большого озера, где до этого не было крупных центров государственности, и вел широкую раздачу земель. В это время исчезли с социальной арены и заменились другими целые группы населения. Прослойка землевладельцев *тангов* была заменена социально близкой им, но более многочисленной и социально активной группой *вап*; это были мелкие землевладельцы, связанные с общиной, но имевшие земли и за ее пределами. Крупные землевладельцы — *мратани* — во все большей степени становятся чиновниками. Разрастается сословие чиновников — *кхлонь*.

В ранний период наряду с сохранением многих традиций VII–VIII вв. возникают явления, типичные для времен империи: расчистка леса и пожалования монархом целых общин-*сруков* светским и духовным владельцам. Начинается характерное для IX–XI вв. освоение нови по инициативе феодала. Интенсивно развивается крупное светское и духовное феодальное землевладение, чему постоянно способствует государство. Рост крупного землевладения в это время шел еще не за счет разорения мелких и средних свободных землевладельцев; на начальном этапе империи земли дарили в основном монархи. С IX в. представители деревень являются обязательными свидетелями при сделках с землей. Нет упоминаний о купле-продаже земли, редко встречается и упоминание об обменах; нечасты и сведения об операциях с малыми участками земли — *сре* (рисовое поле).

Шло освоение за счет государства новых полей, строительство каналов, водоемов и передача всего владельческого комплекса — *срука* — служилым или такая же передача, но с обязательством построить храм и содержать его из доходов, приносимых этой землей. По-видимому, использовался труд юридически свободных сельских общинников — *анаков* — для первоначальной обработки земли; они не только выплачивали государству налоги и подати, но и отбывали трудовую повинность, или государственную барщину, служили в армии. Труд зависимых-*кньомов* был важным элементом земледельческого производства.

При Джаявармане II сливались светская и духовная власть, законченный вид приобрел культ бога-царя (*девараджи*). Теперь кхмерское государство представляло собой неограниченную деспотию, всевластный монарх одновременно являлся верховным богом. Наметившееся ранее слияние служилых и неслужилых светских частных землевладельцев с духовенством было окончательно оформлено, кхмерское государство смогло создать вокруг

себя империю, по размерам и длительности существования равную величайшим империям Азии.

Культ девараджи был сочетанием аустроазиатского культа предков (в частности, предков монарха) и культа духов земли с малораспространенными в индийском мире, но оказавшимися удобными для кхмеров тантрийскими представлениями о божественной силе и мощи государя в сочетании с основными особенностями шиваизма. Торжественный обряд девараджи[1] был процедурой совмещения земной и божественной власти в лице данного монарха. Основным божеством стал Шива, а символом мощи — линга (фаллический символ). Это был эзотерический культ: не столько пропаганда учения, обучение текстам и пр., сколько демонстрация сверхъестественной силы и соучастие в обряде лежали в основе социальной функции культа Шивы. Он развивался по преимуществу в сфере «человек — общество — бог», санкционируя реальность лишь в сфере общественных отношений; сфера «человек — бог» оставалась другим культам: местным, буддийским и индуистским. Служителями культа девараджи были частью брахманы (составлявшие не замкнутую варну, как в индийских обществах, а сословие священнослужителей), частью — гражданские служащие государства.

В правление Джаявармана III (854–877) шло экономическое и социальное освоение созданного его отцом ядра империи. Оно подготовило новую полосу объединительных и завоевательных войн в правление Индравармана I (877–889) и Яшовармана I (889 — между 900 и 912). В конце IX — начале X в. начинается процесс наделения кньомов землей и превращения их в категорию зависимого крестьянства и процесс перехода части земель свободного населения к храмам. Чрезвычайно сложными становятся отношения залога, продажи, дележа доходов.

Шли процессы объединения кхмерских земель и создания полиэтнической империи. При Индравармане I династический брак включил в государство старинные земли Бапнома, области вдоль Меконга и бассейн р.Мун. Объединение земель бывшей Камбуджи (Ченлы) было завершено. Мощный государственный аппарат, наличие обширного слоя свободных землевладельцев-общинников и индивидуальных владельцев земли, политико-религиозное единство были основой укрепления государства. Индраварман I объявил себя сюзереном «Джавы» (малайское государство Шривиджайя), Чампы, расположенной восточнее, и даже Танской империи. Опираясь на значительный еще фонд свободных земель к северу от Большого озера, ведя там силами крестьян большое ирригационное строительство и прибегая к щедрой раздаче освоенных земель, он создал мощную экономическую базу для феодалов-чиновников, не подрывая в то же время крестьянского землевладения в старых землях по Меконгу. Отождествление бога и царя было в этот период реализовано в массовой пропаганде средствами архитектуры и изобразительного искусства, был воздвигнут первый из известных нам храмов королевской линги (Баконг).

Сын Индравармана I, Яшоварман I, выступил как проводник политики «закрепления достигнутого», аналогичной политике Джаявармана III; он сделал своей очередной столицей Амарендрапуру, названную Яшодхарапурой, продолжал интенсивное освоение земель на северо-западе. Организатором строительства крупных ирригационных систем выступало государство, а малые ирригационные системы и поля создавались и осваивались светскими

[1] Девараджа — не только бог-царь, но и его символика и соответствующие обряды.

и духовными владельцами и общинами. Духовенство всех религий получало необработанные земли, часто на окраинах кхмерской территории, и осваивало их руками кньомов и анаков. Одновременно росли светские феодальные владения, располагавшиеся ближе к столице. Яшодхарапура превратилась в густонаселенный и в основном распаханный район, откуда преемники Яшовармана долгое время черпали экономические и людские ресурсы. Это было достигнуто строительством гигантских искусственных озер типа Яшодхарататаки и 800 других резервуаров, а также целого ряда самотечных каналов. Столица быстро превращалась в огромный, прекрасно спланированный город; он постепенно переходил в аграрные пригороды, дальше шли владения сановников и храмов, деревни анаков. Экономическое и социальное освоение запада было к X в. завершено. В те же годы на окраинах росли храмовые города, центры экономической жизни и политического господства.

В первой половине X в. началась борьба растущего храмового землевладения и центральной власти. Сокращаются дарения монархов, рост храмового землевладения все более идет за счет земель мелких свободных владельцев (путем купли, взятия за долги и т.п.). Все владения строго определялись юридически, местные власти следили за храмовыми хозяйствами. В этой борьбе мелкие феодалы-чиновники, чье благополучие зависело от состояния казны, выступали против крупных духовных феодалов, которые скупкой земель разоряли анаков и вапов.

Джаяварман IV (921/927–948), перенесший столицу в Чхок Гаргьяр, к северо-востоку от Большого озера, видимо, пытался подавить сопротивление крупных придворных сановников и высшего духовенства усилению центральной власти. После 928 г. единственной столицей стал его новый город; перенесение столицы всегда знаменовало в Юго-Восточной Азии отказ от политики предшественников. Он ввел в практику строительство огромных храмов, образцом которых стал храм линги Трибхуванешвара. На его вершине стояла королевская линга, имевшая кхмерское название *камратенг джагат та раджа* («бог, который есть царственность»), четко отражавшая принцип девараджи. После победы над племянниками Джаяварман IV все усилия сосредоточил на укреплении центральной власти, проводя раздачи земель вокруг новой столицы империи.

Смерть Джаявармана IV почти немедленно повлекла за собой выступление против его наследника со стороны группы вельмож Яшодхарапуры, выдвинувших претендентом на престол малолетнего Раджендравармана II (944–968). К 944 г. яшодхарапурская группа одержала победу, столица вернулась в Яшодхарапуру.

Годы правления Раджендравармана II и его сына Джаявармана V (968–1001) являются временем начала расцвета империи. Резко сократилось использование в хозяйствах кньомов: их все чаще объединяют в зависимые деревни и ставят, как и закабаляемых анаков, в отношения оброчной зависимости. Центральная власть постепенно направляет развитие землевладения культовых учреждений в русло государственного храмового землевладения, ставя его под свой контроль.

Заметным становится начинающееся расслоение прослойки вапов. Эта важная для армии группа привилегированных мелких землевладельцев повышает свой правовой статус, все чаще привлекается к участию в управлении на низших постах. Но одновременно уменьшается площадь земельных владений вапов, она сокращалась в пользу духовенства. Процесс перераспределения земель шел во второй половине X в. чрезвычайно интенсивно,

что говорит, в частности, об исчерпании ресурсов удобных для обработки земель.

Внешняя политика ознаменовалась присоединением последнего независимого северного кхмерского княжества, Бхавапуры, и возобновлением имперских войн. Опекуны Раджендравармана II в 945–946 гг. совершили победоносный поход на Чампу, заняли и разграбили ее столицу, Камбуджадеша на время стала сюзереном Чампы. Внутри страны продолжалось укрепление центральной власти, в верхних звеньях которой тесно сомкнулись служилая аристократия и индуистское и буддийское духовенство. Укреплялся культ девараджи, новые храмы которого становились все более величественными; строился дворец-храм Пхимеанакас. Один из знаменитейших по своим художественным достоинствам храм того времени — Бантеай Срей.

В последние годы правления Раджендравармана II было много дарений земель, но с самого начала правления Джаявармана V их число сократилось. Феодальные владения начинают создавать не столько за счет освоения новых земель, сколько путем закабаления или разорения мелких владельцев. Расслоение вапов особенно сильно ощущается к концу X в.

Все эти процессы активизировались в следующем, XI в.; появились и новые. Прежде всего произошли заметные изменения в социальном составе трудящегося населения. Положение кньомов стало приближаться к положению анаков, начинают практиковаться дарения селений кньомов, процессы размывания слоя зажиточных земледельцев продолжались. Оказался подорванным хозяйственный потенциал свободных крестьян и мелких землевладельцев. Их более привилегированная группа пополняла ряды служащих государственного аппарата. Роль чиновников среди свободных возросла, условные владения государственных служащих проявляют тенденции к превращению в наследственные (вместе с должностью). Но в таких случаях права наследника должны были быть обязательно подтверждены монархом.

Скупка земель стала основной формой увеличения земельных массивов духовных феодалов.

Подобные крупные социально-экономические изменения сопровождались ожесточенной политической и идеологической борьбой, которой открывается начало XI в. С первых годов своего правления император Джаявираварман I и его шиваитское окружение были вынуждены вести борьбу с буддийским правителем Сурьяварманом I. В 1006 г. Сурьяварман захватил Яшодхарапуру, полное объединение страны последовало в 1011 г. Проводившаяся Сурьяварманом I политика расширения империи, в первую очередь за счет буддийского монского государства на нижней Тяо-Прайе, потребовала от него более свободной религиозной политики, чем раньше. Будучи сам буддистом, он сохранил вместе с тем культ девараджи и привилегии шиваитской знати, хотя соответствующие траты сократились; значительно усилил свое влияние при нем вишнуизм. Таким образом дополнительно к сравнительно узкому кругу высших сановников, объединенных культом девараджи, в религиозную связь с монархом (через личную присягу) были поставлены широкие круги феодальной бюрократии, столичной и местной.

Сурьяварман I вскоре после окончания междоусобной борьбы подготовил поход на запад, большая война увенчалась успехом, монское государство Лаво было покорено. В распоряжении империи на длительный период оказался район, по богатству не уступавший рисовым очагам собственно кхмерских земель.

Захват новых областей повлек за собой их немедленное социально-экономическое освоение, в монских землях было введено государственное устройство империи, появились кхмерские чиновники, гарнизоны, храмы. Кхмерская литература, письменность, архитектура, изобразительное искусство стали распространяться среди монов. Приобретение богатых областей улучшило экономическое положение империи как за счет перекладывания на монов части налогового бремени, так и за счет сооружения на средства покоренных стран новых ирригационных сооружений в кхмерских землях.

Расходы на удержание окраин в подчинении все менее компенсировались доходами от них, но в XI в. расширение владений давало экономический эффект. Значительные работы по расширению монастырских городов велись в бассейне р.Мун и рядом с ним. В центральной столичной области были созданы второй гигантский резервуар и сложная система водоемов, водопроводов и каналов — одна из самых сложных и дорогостоящих систем ирригационных сооружений в мире. Большие средства были потрачены и на дальнейшую пропаганду культа девараджи.

Преемники Сурьявармана I в основном закрепляли уже достигнутое, хотя их религиозная политика была иной. Удаядитьяварман II (1050—1067) в отличие от отца-буддиста очень много средств вложил в огромный шиваитский храм Бапхуон. Его политика укрепления позиций шиваитского духовенства и связанных с ним чиновников-священнослужителей встретила вооруженное сопротивление — вначале на окраинах, а затем на юге центральной части страны. В центре империи вспыхнуло восстание под руководством одного из главных полководцев — Камвау (1065 г.), вскоре после его подавления властями на восточной окраине поднялся другой полководец, Слуат. Одновременно шли крестьянские восстания, участники которых громили имения светских феодалов и монастыри. Главнокомандующий императорской армией Санграма подавил восстания. Новый девараджа, Харшаварман III (1067–1080), продолжал укреплять позиции шиваитской знати. При нем развернулась война на востоке с Чампой, кхмерское наступление было отбито со значительными потерями, чамы дошли до берегов Меконга. В 1080 г. началась новая война с Чампой, в битве при Сомешваре кхмеры были разбиты.

Вскоре после этого поражения правители долины р.Мун провозгласили себя независимыми и основали новую династию в своей северной столице, провозгласив своего монарха — Джаявармана VI (1082–1107).

Началась длительная вооруженная борьба за власть между центром, где сильны были традиционные правящие группы, и периферией, оказавшейся более чуткой к новым веяниям.

В XII в. империя переживала период крутой ломки в экономике и обществе. Произошли коренные изменения в аграрных отношениях, в социальной структуре и социальной политике феодального государства. Завершается превращение кньомов, занятых в сельском хозяйстве, в зависимых, посаженных на землю. Сложилась — и это было прочно связано с продолжавшимся разложением общинной организации у анаков — система государственной эксплуатации, не требовавшая личной зависимости от конкретного феодала или мелкого землевладельца. В тесной связи с этим находилось превращение вапов в объекты дарения с их землей, низведение их до социального уровня, близкого к статусу посаженных на землю кньомов. Формируется единый слой государственного и в меньшей мере частнозависимого крестьянства. Практически вмешательство в деятельность крестьянина исчезает — получателя интересует только объем налога или

оброка. Основную массу «средних слоев», по своему имущественному положению, составляли теперь чиновники-*кхлони*. На смену титулу как знаку принадлежности к определенному социальному слою и условию обладания правом на земельное владение приходит факт служения государству.

XII век ознаменовался и некоторым укреплением наследственных землевладельцев-феодалов. Что касается положения общины, то ее представители, раньше непременные свидетели земельных сделок, уже в XI в. исчезают из документов в этом качестве, во всех земельных операциях упоминаются только государственные чиновники. В это время ощущается тенденция к концентрации земель у крупных храмов, в сочетании со все более тесным их соединением с государственным хозяйством, что выражалось в уплате храмами части государственных налогов.

Усиление государства позволило одному из правителей Севера, Сурьяварману II (1113–1150), укрепиться на троне Яшодхарапуры. Вслед за тем ему удалось завоевать Чампу, но эта война была упорной и дорогостоящей. Войны с вьетским государством Дайвьет больших побед и каких-либо территориальных приращений не дали. Более перспективными были возобновленные войны с Харипунджаей и тайскими княжествами, возникавшими в то время в верховьях Тяо-Прайи. Эти сравнительно бедные районы были заняты, из них были выкачаны значительные средства, впрочем быстро истраченные. Отряды таи были включены в кхмерскую армию.

Империя при Сурьявармане II сильно разрослась и могла быть сравнима лишь с Сунской империей. На юге она занимала перешеек Кра, с запада на восток простиралась от границ бирманской империи Паган до побережья современного Южного Вьетнама. Ее населяли (кроме кхмеров) моны, чамы, таи, малайцы, многочисленные горные народности. Поддержание контроля над этими землями стоило огромных средств, но пока западный очаг (район Яшодхарапуры) мог поставлять людские кадры и был экономически силен, империя также была сильна.

Религиозная политика Сурьявармана развивала курс на сосуществование религий, сам император был вишнуитом, что облегчало действие синкретизирующих тенденций. При нем была сделана попытка шире распространить элитарный культ девараджи за счет увеличения храмового строительства. Символом этой политики было сооружение одного из величественнейших в мире храмов, известного в настоящее время как Ангкор Ват.

Опорой Сурьявармана II во многом были северные районы — бассейн р.Мун, где меньшая зависимость от крупных ирригационных систем, отсутствие постепенной латеризации почвы, начавшей подрывать экономику столичного района, делали обстановку более стабильной.

Его преемник, буддист Дхараниндраварман II (1150–1160), при котором началось усиление роли буддизма в духовной жизни страны, продолжал войны с Чампой, столица которой, Виджайя, была осаждена. Будучи буддистом, он уже не строил индуистских храмов и перестал дарить им земли.

В середине XII в. в стране началось массовое народное восстание, связанное с описанным выше разорением больших масс средних крестьян-землевладельцев и приближением их к положению зависимых; оно вошло в историю под данным ему в феодальных кругах названием «восстание Раху» (Раху в индуистской мифологии — злобное чудище). Восстание было крупным, император Яшоварман II (1160–1165) спасся лишь благодаря храбрости одного из военачальников. Вскоре после подавления восстания придворный заговор положил конец правлению и жизни Яшовармана II, вдохнови-

тель заговора стал править под именем Трибхуванадитьявармана (1165–1177). При нем социальный кризис в собственно кхмерских землях, проявившийся ранее в «восстании Раху», обострился в связи с нежеланием проводить какие-либо реформы и продолжением неудачных войн с Чампой. Чамский король в 1177 г., используя свой мощный флот, обошел морем восточные области империи, близ которых шли основные сражения, неожиданно поднялся по Меконгу, р.Сап и Большому озеру, вошел в р.Сиемреап и осадил Яшодхарапуру; город пал. В этот тяжелый момент власть взял уже принимавший участие в военной и политической деятельности кхмерской монархии Джаяварман VII (1177/1181 — ок. 1220), начавший с усиления флота. Четыре года длилась его война с чамами, и в 1181 г. морской бой решил исход войны, чамы потерпели поражение. В том же году Джаяварман VII официально короновался.

События конца 70-х годов показали необходимость проведения реформ для сохранения империи. В ходе этих событий разрушилось многое из того, что было архаическим в кхмерском обществе, расчистился путь для тех преобразований в социальной жизни, которые диктовались изменениями в экономике ее основных, кхмерских районов. Именно в это время обнаружились в полной мере упадок крупного духовного и крупного наследственного светского землевладения и расширение числа феодально-зависимых, но самостоятельно ведущих свое хозяйство крестьян за счет слияния бывших кньомов и анаков в одну группу (будущие *неактьеа*). Утрачивающее общинную организацию кхмерское крестьянство было поставлено в зависимость прежде всего от государства и от условных держателей земли — феодалов-чиновников.

Все правление Джаявармана VII до 1220 г. было временем успешных войн и ограбления завоеванных территорий. Экономическое положение государства также было прочным. Джаяварман вел широчайшее строительство, не вызвавшее внутренних трудностей.

Политическая программа Джаявармана VII была связана, с одной стороны, с унификацией огромной империи, с другой — с преобразованиями, которых требовали социально-экономические изменения в ее центральных, кхмерских областях. На первом направлении он устранил соперничество двух кхмерских династий, объединив в своем лице старую Лунно-Солнечную династию с северной династией, выдвинувшейся в 1082 г. Им же была введена система прямого управления в ряде ранее вассальных владений; продолжалось насаждение кхмерских феодалов-чиновников и духовенства на окраинных территориях.

Наиболее важной мерой применительно к обоим направлениям была религиозная реформа. Массовой религией с более «демократической» философией стал в период расцвета империи буддизм махаяны, впоследствии смененный теравадой. Характеризующийся меньшей ролью догматики, чем теравада, буддизм махаяны с его культом бодисатв («богов-людей») легко мог сочетаться и сочетался с находившимся тогда в расцвете общеимперским культом бога-царя. Изображениями бодисатвы Авалокитешвары придавались портретные черты Джаявармана VII.

Укрепление новой государственной религии, вызванное к жизни социальными сдвигами, сопровождалось небывалой строительной активностью. Помимо знаменитого Байона был построен еще ряд крупных храмов. Основное строительство шло в столице, откуда и распространялся новый культ. Создавались средние и высшие школы, где успешно готовили массо-

вые кадры образованных монахов-буддистов. Переориентировалось и изобразительное искусство, возникали новые образы, стили, архитектурные приемы. Идейно-геомантическим символом начала «новых времен» было частичное перенесение центра столицы. Символом мощи монарха стали не линги, а статуи Авалокитешвары, его храмом был центральный храм столицы — Байон. Возник культ Будды-царя, впоследствии распространившийся и на Яве. Один из сыновей Джаявармана был послан на Ланку со специальным поручением изучать тераваду.

ГЕНЕЗИС ГОСУДАРСТВЕННОСТИ У НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ ИНДОНЕЗИИ. ШРИВИДЖАЙЯ

В I тысячелетии до н.э. на островах Малайского архипелага сформировалась довольно развитая цивилизация. Предки современных западноиндонезийских народов, в первую очередь создателей мощных средневековых империй — Шривиджайи (малайцы) и Матарама (яванцы), вели орошаемое земледелие (пашенное или мотыжное), культивируя прежде всего рис, а также ямс, таро, сахарный тростник, дыни, тыквы, кокосовые, арековые, аренговые, саговые пальмы, технические культуры (кунжут, индиго) и пр., разводили крупный и мелкий рогатый скот (буйволов, использовавшихся прежде всего в качестве тягловых животных, коров, коз), свиней, домашнюю птицу, хотя и тогда, как и в настоящее время, животноводство оставалось, по-видимому, второстепенной отраслью хозяйства. Весьма развито было мореплавание: такое изобретение австронезийцев, как лодки с противовесом — прообраз современного катамарана, до сих пор не утратило своего значения; ареал распространения этих лодок, которые западноиндонезийцы принесли, в частности, в Южную Индию, в Хадрамаут, на Африканский Рог, указывает, как происходило заселение Мадагаскара. Знали западноиндонезийцы обработку металлов, ткачество и другие ремесла.

Велась интенсивная торговля, в том числе оптовая, как внутри архипелага, так и за его пределами. К рубежу нашей эры далекое Средиземноморье было знакомо не только с товарами, которые поставляли острова Индонезии (этими товарами были в первую очередь пряности и благовония), но и с самим островным миром: в грекоязычных источниках начала нашей эры содержатся сведения об уже упоминавшихся лодках с противовесом («Перипл Эритрейского моря»), санскритское название Явы (Иабадиу, т.е. Явадвипа) с точным переводом — «остров ячменя» («География» Птолемея).

Высокому уровню экономики соответствовали весьма развитые социальные отношения и культура. Основным социальным организмом была сельская община. Конфедерации общин, объединенные общим культом священных регалий, образовывали протогосударства во главе с «царями» (*хаджи*), носителями потестарных и ритуальных функций. Судя по имеющейся терминологии, существовали представления о знатности и рабстве. Создались важные предпосылки формирования государственности. Однако для реализации этих предпосылок необходимы были определенные экологические условия. Государства возникали только там, где было возможно ведение поливного земледелия. Народы, оказавшиеся в неблагоприятных для земледелия условиях (сунданцы, мадурцы, батаки), либо создали государства относительно поздно, либо вообще не достигли этой стадии самостоятельно.

Особенностью генезиса западноиндонезийских государств было восприятие индийской культуры. На этом феномене следует остановиться подробнее.

Если взглянуть на индийские лексические заимствования, имеющие отношение к социальной сфере, в индонезийских языках, бросается в глаза тот факт, что воспринималась почти исключительно санскритская лексика (заимствований из других индийских языков крайне мало), следовательно, заимствования были обусловлены не контактами, предполагающими общение на бытовом уровне, а потребностями формирующихся элитарных слоев индонезийских обществ. Не менее важна и другая особенность индийских заимствований: воспринимались не только понятия, ранее чуждые народам архипелага, но и слова, аналоги которых существовали в индонезийских языках. «Немотивированные» заимствования в социальной сфере объясняются, видимо, тем, что институты позднепервобытных, переходных к новой формации западноиндонезийских обществ были, при всей своей относительной развитости и гибкости (о которых свидетельствует их успешное функционирование в дальнейшем в развитых средневековых обществах), даже на уровне обыденного сознания связаны с традиционными родовыми и общинными. Это препятствовало становлению новой идеологии, разрыву прежних и формированию новых связей между общинами и надобщинными институтами. Иноземные же понятия не вызывали привычных ассоциаций и были однозначно связаны с новыми отношениями.

Видимо, в силу более тесных отношений с внешним миром малайцы раньше других индонезийских народов познакомились с индийской цивилизацией, что позволило им первыми в Индонезии создать свою государственность.

В конце IV — начале V в. на территории архипелага возникают первые малайские государства: держава Мулавармана в Кутее, на Восточном Калимантане, и Тарум (или Тарума) на Западной Яве. Хотя надписи правителей этих государств составлены на санскрите, сомневаться в том, что государства были созданы именно малайским этносом, не приходится. На это указывают ономастические данные: для названных районов характерна, как показали Д.В.Деопик и М.А.Членов, малайская топонимика, малайским же является и название государства — Тарум («индиго»). Однако эти государства, расположенные в районах, где возможности ведения орошаемого земледелия были ограниченны, быстро сошли с исторической арены.

По-настоящему жизнеспособной среди малайских государств оказалась Шривиджайя — талассократия, центр которой, видимо, располагался на Суматре в устье р.Муси, в районе современного г.Палембанга (тогда береговая линия была иной и средневековый город в отличие от современного стоял на берегу моря). Именно в этом районе были обнаружены древнемалайские надписи (683-686 гг.) с упоминанием Шривиджайи и сопредельных государств.

Правящая династия Шривиджайи носила санскритское имя Шайлендра («Царь гор» — одно из имен Шивы) и исповедовала буддизм (хотя среди шривиджайских памятников встречаются и индуистские). Будучи морской империей, Шривиджайя контролировала Малаккский и Зондский проливы и волоки на перешейке Кра, держа в своих руках торговые пути между Китаем и Индией. Шривиджайские посольства постоянно направлялись в Китай, а китайские пилигримы-буддисты (в том числе знаменитые Фа Сянь и И Цзин) по пути в Индию подолгу жили на Суматре. В Индии правители Шривиджайи сооружали буддийские монастыри — *вихары*. Одна из таких вихар была сооружена в середине IX в. в знаменитом буддийском центре

Наланде, другая, названная по имени правителя Шривиджайи Чудаманивармавихара, — в XI в. в Нагапаттинаме (Тамилнад). Хорошо известна была Шривиджайя и мусульманскому миру. О ее богатстве и процветании писали Масуди, Идриси и другие арабские авторы.

Ощутимое влияние Шривиджайя оказала на соседних яванцев. В древнеяванском языке имеется значительное количество заимствований из древнемалайского, обнаруженные на Центральной Яве древнемалайские надписи говорят о наличии там малайского этнического элемента, а в VIII — начале IX в. Явой наряду с представителями местной династии управляли и представители династии Шайлендра. Однако достаточно быстро яванцы стали независимы и начали угрожать могуществу Шривиджайи. В конце X — начале XI в. между Шривиджайей и яванским государством Матарам велась война за гегемонию на архипелаге, закончившаяся победой Шривиджайи и гибелью матарамского правителя Дхармавангши. Однако в середине 20-х годов XI в. Шривиджайя потерпела сокрушительное поражение от Раджендры, царя тамильского государства Чола. Шривиджайский монарх Санграма Виджайоттунгаварман был захвачен в плен, но Шривиджайя продолжала существовать, видимо, на условиях признания вассальной зависимости от тамилов. Уже в 1028 г. в Китай прибыло очередное шривиджайское посольство. С матарамским царем Аирлангтой, зятем погибшего Дхармавангши, был заключен мир. Отношения с Чолами, то враждебные, то дружественные, не прерывались. В 1090 г. чольский правитель Кулоттунга I даровал новые привилегии нагапаттинамской вихаре. Вплоть до начала XIII в. Шривиджайя оставалась властительницей проливов и хозяйкой торговли пряностями, но в середине XIII в название этого государства исчезает с исторической карты.

О социальной структуре и политическом устройстве Шривиджайи известно сравнительно мало. Из скудных данных эпиграфики можно сделать вывод о том, что империя состояла из многочисленных вассальных государств (*кадатуан*) во главе с правителями — *дату*, ниже которых стояли вожди (*хулу*). Государства, очевидно, делились на области — *деша*. Собственно Шривиджайя также могла называться *кадатуан*, а также *бануа* (слово, содержащее значения «обитаемая земля» и «община») или *хулунтухан* (государство, букв. «рабы и господа»). Монарх Шривиджайи, обладавший, видимо, и сакральной властью, именовался *дапунта хиянг* (где *хиянг* — «бог») или *хаджи*. Отметим, что из приведенных терминов санскритский всего один — *деша*, остальные — австронезийские.

Государство, очевидно, мыслилось состоящим из столичной области и окраинных земель. Представители всех областей и вассальных государств приносили присягу на верность шривиджайскому монарху, выпивая священный напиток («пили клятву» — *минум сумпах*). Нарушение присяги, по поверью, должно было погубить клятвопреступника. Тем не менее сепаратистские тенденции среди многоэтнического населения империи были сильны.

Для охраны торговой монополии и подавления мятежей содержалась постоянная профессиональная армия.

В Шривиджайе, по крайней мере в столице, существовал достаточно развитой государственный аппарат, где на высших должностях находились родственники монарха, носившие санскритские титулы *раджапутра, юварджа, раджакумара, бхупати* и пр. На них возлагалось и управление провинциями, находившимися под прямым контролем центра. На государственной службе были выделявшиеся в особые профессиональные

группы писцы, ваятели (обслуживавшие нужды управления и государственные культы), кормчие, торговцы (ввиду важности для государства заморской торговли), царские слуги (*хулун хаджи*), очевидно несшие охрану дворца, и некоторые другие.

Существовало, по крайней мере в теории, и деление на людей низкого, среднего и высокого происхождения.

Экономика Шривиджайи во многом зависела от монополии на внешнюю торговлю, но не менее важную роль играло и рисоводство. Однако на Суматре возможности ведения орошаемого земледелия ограниченны, плодородные земли расположены в основном узкими полосками по берегам рек, и практически все они в эту эпоху были уже освоены. Неблагоприятные для земледелия условия явились одним из факторов упадка Шривиджайи.

МАТАРАМ

Колыбелью яванского раннесредневекового государства стали центральные и южные районы Центральной Явы. В отличие от малайских яванские ранние государства располагались во внутренних районах острова, на плато Рату Боко. В VII — начале VIII в. там правили две династии: малайская династия Шайлендров, покровительствовавшая буддизму, и шиваитская династия потомков яванского правителя Санджайи, создавшего первое централизованное яванское государство, которое, однако, после его смерти вновь распалось на отдельные княжества. Яванская эпиграфика того времени создавалась на санскрите и пестрела индийскими понятиями, в том числе совершенно чуждыми Яве того периода, например «горожане» (*паура*). Однако, как только речь заходила о дарении земель, в санскритском тексте тут же появлялись яванские титулы налоговых чиновников. Постепенно создавалась экономическая и социальная структура собственно яванского государства. Не случайно, видимо, процесс появления эпиграфики на древнеяванском совпал с изгнанием династии Шайлендров с Явы и вытеснением малайского языка и санскрита из сферы эпиграфики и государственного делопроизводства. Продолжаются попытки объединения центральнояванских княжеств. То один, то другой правитель (*рака*) принимает царский титул *рату* (= мал. *дату*). Однако твердого порядка престолонаследия, видимо, не существовало, царем становился наиболее могущественный из князей.

Ситуация начала меняться с воцарением в начале 50-х годов IX в. рака области Кайюванги — Пу Локапалы. Раздачей земель он привлек на свою сторону и заставил признать свой сюзеренитет других правителей. В 873 г. он принял санскритский титул *махараджа*, централизовал раздачу земель и иммунитетов, ввел новую систему делопроизводства (внешне это выразилось в переходе на более массовый материал для письма — медные таблички). После смерти Локапалы в 882 г. последовал краткий период смуты, пока в 898 г. не воцарился махарджа Балитунг. С его именем связано включение Восточной Явы в состав государства. При его преемниках центр государства все более перемещается на восток, и, наконец, в 929 г. на Центральной Яве практически полностью прекращается изготовление надписей, сосредоточивающееся на Восточной Яве, а центральнояванские области «выпадают» из сферы государственного контроля и, видимо, возвращаются к традиционной форме мелких княжеств, не нуждавшихся в ведении документации.

Восточнояванское государство, первоначально также располагавшееся во внутренних земледельческих районах, постепенно осваивает долину судоходной реки Брантас, получая тем самым выход к морю, и становится одним из центров международной торговли, конкурирующим со Шривиджайей. Этой конкуренцией была вызвана война со Шривиджайей в правление Дхармавангши, о которой уже говорилось. Преемник Дхармавангши, Аирлангта, восстановил могущество Матарама. При участии государства была налажена ирригация в долинах крупных рек. Восточная Ява вновь стала притягательным местом для мореплавателей и купцов. Однако, умирая, Аирлангта разделил Матарам на два государства, оставив одному сыну западную часть — Панджалу (Кадири, которая и стала преемником Матарама), а второму — восточную, Джангталу, не оставившую в истории сколько-нибудь заметного следа.

Социальная структура Матарама основывалась на низовой территориально-административной единице, каковой была земледельческая община (*вануа*). В общине существовало наследственное владение землей больших семей с правом отчуждения с согласия общины в лице старейшин. Несколько общин, тяготеющих к одному центру, составляли следующую административную единицу, впрочем достаточно аморфную, восходившую к традиционному княжеству. Принадлежность к этой единице, границы которой постоянно менялись, определялась как подчинение (*ватак*) нескольких общин одной, наиболее влиятельной. Общинники имели оружие, и каждая община представляла собой внушительную силу. На них могла возлагаться, в частности, охрана границ. Участвовали общины и в политической борьбе во время междоусобиц.

Общины управлялись старейшинами — *рама*, которые делились на две группы: старейшин, наделенных конкретными полномочиями, и старейшин, не имеющих (видимо, в силу преклонного возраста) конкретных обязанностей, но участвующих в советах. Должность старейшины могла быть наследственной: в эпиграфике упоминаются «урожденные старейшины». Совет старейшин — *караман* — санкционировал продажу общинных земель, имел в своем коллективном пользовании землю с правом отчуждения, старейшины выступали свидетелями при раздаче иммунитетов, получая на хранение соответствующий документ.

Влияние общины этим не ограничивалось. Из среды общинников выделялась верхушка, составлявшая новые привилегированные слои, в частности так называемый слой *панджи*, окончательно, впрочем, оформившийся позже, в эпоху Маджапахита.

Особым статусом пользовались общины, посвященные храмам, — *сима* (от санскритского слова со значением «граница»). Они освобождались от уплаты части налогов и отчислений, но были обязаны отдавать часть доходов на содержание храма. Передача общины храму не влекла за собой ущемления прав ее членов, которые оставались полноправными гражданами.

В связи с определением места сельской общины в структуре древнеяванского общества представляет интерес статус общинника, именовавшегося *анак вануа* («человек [или «дитя»] общины»). Так называли помимо собственно крестьян представителей различных социальных слоев: чиновников, священнослужителей, вассальных правителей, т.е. практически это обозначение являлось общим для всех полноправных членов средневекового яванского общества — от крестьян до высшей аристократии. Каждый полноправный, кроме монарха и *мапатиха* (канцлера), независимо от титула и

должности считался членом некой конкретной общины, что имело определенное престижное значение. В дальнейшем наименование института общины могло меняться (так, в надписях времен Аирлангги община именуется *тхани*, а общинник — соответственно *анак тхани*), но суть оставалась неизменной.

Представители неземледельческих слоев населения — ремесленники, торговцы, сказители, музыканты и пр., — объединяемые в древнеяванских текстах понятием *мангилала драбья хаджи* — «сборщики монаршего», т.е. социальные группы, имевшие право на часть производимого земледельцами продукта в уплату за свою деятельность, не считались общинниками. Как и в большинстве традиционных обществ, их статус был ниже статуса земледельцев.

Таким образом, совокупность общин-*вануа*, включавших всех полноправных членов общества, гарантируя тем самым их статус, была основой государства Матарам. Одновременно каждая община оставалась общностью собственно земледельцев, определенным образом взаимодействовавшей с государственной властью. Низшие государственные чиновники, собиравшие с общин налоги, защищавшие интересы общины в переговорах с чиновниками центрального аппарата, ведавшие охраной порядка на территории общины и прилегающих путях сообщения и выполнявшие некоторые другие административные и идеологические функции (среди них упоминаются смотритель рынка, смотритель мостов, егерь, лесничий, писец, глашатай, музыкант, жрец, астролог и пр.) по обеспечению деятельности общинного механизма, назывались *раманта*. Низшими чиновниками назначались скорее всего представители общинной верхушки, что приводило к ее сращиванию с государственным аппаратом. Были у раманта и подчиненные, называемые в источниках «слугами» или «воинами».

Раманта имели собственные земли, которые могли отчуждать, а за особые заслуги получали землю в коллективное «кормление».

Конфедерация нескольких общин составляла область, границы которой, очевидно, восходили к ранее независимому княжеству. Во главе области-княжества стоял правитель, представитель традиционной княжеской династии — *рака*.

Общины, входившие в княжество, объединял общий культ священных регалий — палладиумов (чаще всего это были камни или куски дерева необычной формы или свойств), названия которых часто отражались в названиях княжеств (княжество Кайюванги — «Душистое дерево», княжество Ватукура — «Черепаший камень»). Промежуточных административных звеньев между общинами и князем могло попросту не существовать, ведь княжество состояло чаще всего из нескольких общин. Промежуточная между общиной и княжеством административная единица — *деша* — встречается в документах I тысячелетия н.э. лишь однажды, что вкупе с санскритским происхождением слова заставляет считать этот институт сравнительно поздним нововведением.

Наряду с правителями княжеств существовал и центральный чиновничий аппарат, возглавлявшийся вторым после монарха лицом в государстве — *мапатихом*, одним из правителей княжеств (также носившим титул *рака*). Мапатих мог стать и преемником монарха после смерти последнего. Аппарат централизованного государства контролировал прежде всего сбор налогов. В периоды укрепления центральной власти все иммунитеты санкционировались монархом и мапатихом. В частности, на

Восточной Яве при Аирлангге иммунитеты давались только монархом, и в первую очередь общинной верхушке.

Главными налоговыми чиновниками были *пангкур*, *таван* и *тирип*, называвшиеся также «почтенная троица» (иногда к этому словосочетанию добавлялся термин со значением «собирающая налоги»). О значении этих должностных лиц свидетельствует упоминание названий их постов в числе немногих яванских слов в санскритоязычных надписях.

В дела общин центральная власть в лице монарха, мапатиха и представителей центрального чиновничьего аппарата вмешивалась редко: в тех случаях, когда на общину возлагались какие-либо дополнительные обязанности (обеспечение постоянной переправы на реке и т.д.), в случае неуплаты налога, пересмотра ставки налога, предоставления иммунитета и т.д.

Экономика Матарама базировалась на орошаемом рисоводстве. Товарно-денежные отношения были развиты сравнительно слабо. Хотя монеты и чеканились, они предназначались, очевидно, прежде всего для внешней торговли, которая начала особенно интенсивно развиваться с переносом центра государства на Восточную Яву, но существовала и до этого. В источниках упоминаются прибывавшие на Яву сингалы, дравиды, кхмеры, моны. Яванская монета была обнаружена в Египте в слое IX в. Внутри страны в денежном выражении исчислялись стоимость земли, ставка налога и т.д., но обмен, за отсутствием мелкой разменной монеты, был, очевидно, натуральным.

Эпоха Матарама была временем наивысшего расцвета яванской архитектуры. Именно в это время создаются такие храмовые комплексы, как буддийский Боробудур и шиваитский Прамбанан. Наряду с индуизмом и отчасти буддизмом существуют культы священных регалий, обожествленных предков правителя, общинные верования. Постепенно подготавливается почва для возникновения синкретической религии, оформившейся в эпоху Маджапахита.

Глава III

АЗИЯ И СЕВЕРНАЯ АФРИКА В X—XIII вв.

РАСПАД АББАСИДСКОГО ХАЛИФАТА

Начало процессу распада Аббасидского халифата, растянувшемуся почти на полтора столетия, положило правление халифа ал-Мамуна. После победы в войне против ал-Амина (813 г.) ал-Мамун своей политикой привлечения к управлению иранских феодалов положил конец чисто арабскому централизованному государству. Стал набирать силу институт наместничества. Первоначально наместников назначал сам халиф на определенный срок. Наместник обязан был платить в халифскую казну налог, в остальном будучи фактически независимым. С начала IX в. это стало способствовать развитию центробежных тенденций. В силу отдаленности ряда наместничеств от метрополии закреплялась практика наследования поста наместника.

Ранее других сложились полунезависимые эмираты в Северной Африке (Аглабиды, 800–909), в Хорасане (Тахириды, 821–873) и Мавераннахре (Саманиды, 819–1005). Во второй половине IX в. возникло почти самостоятельное наместничество в Египте (Тулуниды, 868–905), возродилось Армянское царство (Багратиды, 886–1045). Этому процессу способствовали этническая обособленность, отсутствие развитых экономических связей между отдельными областями. Военную мощь Халифата подрывали и народные движения. Так, крестьянское восстание под предводительством Бабека, охватившее Южный Азербайджан и Западный Иран вплоть до Исфахана и Кермана, длилось 20 лет (816–837). Выступивший под идеологической оболочкой учения хуррамитов (маздакитов), Бабек не раз разбивал халифское войско. Успехи восставших подтолкнули халифа ал-Мутасима (833–842) на реорганизацию армии. Арабское ополчение, показавшее свою неспособность выполнять функции феодального войска, было заменено гвардией. Ядро ее составляли молодые рабы-*гулямы* из тюрок, славян и африканцев, воспитанные и обученные при халифском дворе. Частично в гвардию набирали и наемников, большей частью из горцев (в основном дейлемитов), из которых формировались пешие отряды.

Такая армия, чуждая коренному населению, преданная только халифу, должна была стать действенной силой, способной подавлять как народные восстания, так и мятежи непокорных вассалов. Гвардия выросла до огромных размеров (60 тыс.). Ее военачальники из рабского положения были переведены на положение клиентов (*мавали*); часто они достигали вершин власти, могущества и богатства. Менее чем за 20 лет эта армия чужаков превратилась в неуправляемую силу, пожиравшую львиную долю доходов государства. Халиф оказался игрушкой в руках гвардейцев. Ал-Мутасим перенес столицу в только что отстроенный город Самарру в тщетной надежде, что сумеет таким образом, убрав гвардию из Багдада, утихомирить багдадское население, восставшее против бесчинств гвардии. Тюрки-гулямы установили свой диктат и в течение 861–870 гг., начиная с убийства халифа ал-Мутаваккила, возвели на престол и свергли четырех аббасидских халифов (ал-Мунтасира, ал-Мустаина, ал-Мутазза и ал-Мухтади).

В 869 г. в Южном Ираке и Хузистане вспыхнуло антихалифатское восстание африканских рабов — зинджей, использовавшихся на самых тяжелых работах. К зинджам примкнуло значительное число местных крестьян и бедуинов. Восставшие объединились под знаменами сформировавшегося к тому времени религиозно-политического течения карматов, проповедовавших идеи социального равенства и справедливости в распределении благ при сохранении рабского труда. Восстание возглавлял арабский вождь Али ибн Мухаммад ал-Баркуи, приверженец секты хариджитов, политические идеалы которой были близки к карматским, а пик политической активности приходился на VIII в. Движение зинджей было подавлено с большим трудом войсками халифа лишь спустя 14 лет, в 883 г.

Вслед за этим во многих областях Халифата развернулись карматское движение и исмаилитская пропаганда. Тогда исмаилиты и карматы действовали еще единым фронтом. В 890 г. началось мощное восстание карматов в Ираке, подавленное только в 906 г. В 899 г. карматы создали государство-республику в Бахрейне со столицей в г.Лахса (ал-Ахса). Это государство представляло собой свободную общину земледельцев и ремесленников, управлявшуюся коллегиально советом из 6 старейшин и 6 их заместителей. Основной производительной силой государства был труд 30 тыс. рабов (негров и эфиопов). Общинники освобождались от всех налогов. Государственная казна пополнялась за счет военной добычи от набегов. Армия состояла из 20 тыс. ополченцев. Карматское государство просуществовало до конца XI в., но и два-три столетия спустя после его падения идеи карматизма в Бахрейне продолжали оставаться господствующими среди местного населения.

В 900 г. разразилось карматское восстание в Сирии под предводительством Зикравайха. Через два года оно было в основном подавлено, но отдельные очаги сопротивления Халифату сохранялись в этом регионе до конца X в. Часть участников восстания бежала в Магриб, где на рубеже IX–X вв. исмаилитская агитация достигла ощутимых успехов в берберской среде. Исмаилитские силы возглавил Убайдаллах, исмаилитский *даи*, один из лидеров карматского восстания в Сирии, который первоначально бежал в Египет, затем в Магриб, где руководил восстанием берберов против местной (тунисской) династии Аглабидов (909 г.). Свергнув Аглабидов, берберы провозгласили Убайдаллаха имамом-халифом и махди (мессией). От него берет начало династия фатимидских халифов; провозглашение ее привело к окончательному размежеванию между исмаилитами и карматами.

К середине 40-х годов X в. от обширной Аббасидской империи не осталось и следа. Халифат охватывал лишь небольшую часть территории Ирака — Багдад и его округу. В 945 г. войска горцев-дейлемитов под руководством шиитской династии Буидов (945—1056), сформировавшейся в 20—30-е годы X в., вступили в столицу Аббасидского халифата — Багдад.

Завоевательные интересы Буидов угасли с вступлением в Багдад. В источниках мы не находим материалов, показывающих их взаимоотношения с Фатимидами. Констатация факта, что Буиды-шииты не питали особой вражды к Фатимидам, мало что проясняет в вопросе буидско-фатимидских отношений.

Заняв Багдад, Буиды фактически не ввели каких-либо заметных изменений в социально-политическую структуру Халифата. После недолгих колебаний они решили сохранить аббасидского халифа во главе образованного ими государства, но не как светского государя, а как духовного главу, присвоив себе все права управления страной. Халиф лишился пышного двора и

гвардии. Первый буидский правитель, Муизз ад-Даула (945–967), назначил ему содержание в 2 тыс. динаров в год (во времена халифа ал-Мутадида [892–902] на содержание двора только на один день требовалось 7 тыс. динаров). Управленческий аппарат был сокращен Муиззом до минимума. Вместо многочисленных ведомств-*диванов* был создан один.

Первая же попытка халифа ал-Мустакфи проявить самостоятельность, выразившуюся в аресте одного из шиитских лидеров, стоила ему трона, а затем и жизни. Его преемник, ал-Мути (946–974), и вслед за ним ат-Таи (974–991) в государственные дела не вмешивались. Тем не менее аббасидский халиф, которому Буиды отвели роль только «первосвященника», не утратил полностью политического авторитета. Правда, при первых Буидах, Муизз ад-Дауле, Изз ад-Дауле (967–978) и Адуд ад-Дауле (978–983), он был чисто номинальной фигурой — имя халифа произносилось в хутбе, чеканилось на монетах, он давал инвеституру на правление. Однако начиная со времени правления Самсам ад-Даулы (983–987) в связи с междоусобицей в стане Буидов халиф получил реальные возможности укрепить и увеличить свой политический авторитет.

Хотя Арабский Ирак, а точнее, Багдад с его округой составлял лишь меньшую часть территории государства Буидов, значение его в мусульманском мире не было утрачено. Буиды, среди которых господствовала патримониальная концепция власти, приведшая в конечном счете к дроблению их государства, считали главным правителем в своем клане того, кто правил в Багдаде. В силу этого буидские султаны проявляли заботу о Багдаде, много строили там, вели большие восстановительные работы, поддерживали культурный статус города. Особенно много для Багдада сделал Адуд ад-Даула. В его время в Багдаде было закончено строительство знаменитого госпиталя, названного его именем, возведен «дом науки» — *дар ал-илм* — с богатым книгохранилищем, оформлен шиитский машхад ал-Казимайн.

Время господства Буидов было беспокойным периодом в истории Багдада. Завоеватели исповедовали шиизм и с первых шагов стали оказывать давление на суннитское население города, поставив в привилегированное положение шиитов, что привело к длительной войне между обоими течениями ислама. Буидские власти, опираясь на огромный контингент карательных сил, состоявший из гвардии султана — *шурты* и отрядов *мауны* (рекрутировавшихся преимущественно из багдадцев-тюрок), поначалу успешно подавляли волнения багдадцев. Однако по мере усугубления междоусобицы и ослабления реальной власти буидских правителей массовое недовольство все нарастало, на передний край вышла вооруженная группировка горожан — *аййары*, которые временами контролировали положение в городе, особенно часто — при последних буидах в первой половине XI в.

К концу правления Баха ад-Даулы (989–1012) во внешнеполитической жизни Ирака и Багдада сложилась качественно новая ситуация. Фатимиды завоевывали все более прочные позиции в ряде областей, прежде признававших сюзеренитет аббасидского халифа. Арабские династии Мазйадитов и Укайлидов, правившие в Центральном Ираке и Мосуле, — вассалы буидских султанов и аббасидских халифов — проводили политику лавирования между Фатимидами и Аббасидами. Они придерживались шиитских убеждений и возглавляли арабские племена асад (Мазйадиты) и амир (Укайлиды). Успехи фатимидской пропаганды привели к тому, что в 1010–11 г. Укайлиды прекратили чтение хутбы на имя Аббасидов, перенеся ее на фатимидского халифа ал-Хакима (996–1021). Баха ад-Даула силой заставил их вернуться под эгиду Аббасидов.

К тому времени изменилось и положение аббасидского халифа. Из пассивного «первосвященника» он превратился в активного религиозного деятеля, возглавлявшего не только суннитскую оппозицию полумиллионного Багдада (ядро которой составляли ханбалиты), но и суннитов всех территорий, признававших его авторитет: Азербайджана, Гургана, Табаристана, Хорасана, Мавераннахра, Афганистана. «Символ веры» халифа ал-Кадира (991–1031) — *ал-кадирийа* (1018 г.) — утверждал основные положения ханбализма как истинно исламские. Калам, мутазилизм и шиизм были подвергнуты осуждению, поднята на щит традиционалистская исламская доктрина (*салаф*).

С этого времени халиф начинает вмешиваться в государственную политику, принимать участие в назначении на высшие государственные посты. Он берет на себя роль арбитра в междоусобице наследников Баха ад-Даулы, умело стравливая их друг с другом и используя атрибуты инвеституры (хутба, титулатура) как главные орудия давления.

В последние десятилетия владычества Буидов Багдад выходит из-под контроля султанов и халиф, опираясь на суннитское население города, становится хозяином положения. В это время город охвачен суннито-шиитскими смутами, аййарскими выступлениями и межквартальными распрями.

Последний буидский правитель Ирака, ал-Малик ар-Рахим (1048–1055), безуспешно пытался оказать сопротивление сельджукам, вплотную придвинувшимся к границам Ирака, и в конце декабря 1055 г. войско Великого Сельджука Тугрил-бека вступило с севера в город.

МАГРИБ В IX–XI вв. АЛЬМОРАВИДЫ И АЛЬМОХАДЫ

Со времени арабского завоевания (647–703) история стран Северной Африки была неразрывно связана с историей стран Ближнего и Среднего Востока. По сути дела, эти страны составляли единый историко-культурный регион. Общность цивилизации Халифата: единые законы, аналогичный характер политических институтов, общность культурных ценностей и поведенческих установок — все это предопределяло историческое единство сирийско-средиземноморского региона. При всех внутренних различиях он составлял единую ойкумену, в рамках которой происходил оживленный культурный, торговый и технологический обмен. Страны к югу от Сахары и к северу от Пиренеев и Балкан воспринимались как дикая, варварская периферия, находившаяся за чертой человеческой цивилизации. Туда выезжали отдельные смельчаки и редкие официальные миссии. Правда, на границах ойкумены еще существовали Аксум, Византия и Рим — последние оплоты поверженного врага, в борьбе с которым возник и развивался ислам.

Как часть мусульманской ойкумены, или *дар аль-ислам* (земля ислама), страны Северной Африки пользовались всеми ее достижениями. В IX–X вв. они переживали период расцвета. Еще при Омейядах удалось преодолеть последствия длительного хозяйственного регресса. В эпоху омейядской «зеленой революции» в Магрибе начался мощный подъем сельского хозяйства. Он был связан с переворотом в земледелии, вызванным прежде всего массовым ирригационным строительством. В Ифрикийи, Марокко, Забе и районе Константины были построены сотни ирригационных сооружений: плотин, водохранилищ («малых морей» арабских поэтов), оросительных, распределительных и водоотводных каналов. Последние, как и большинство рек, были судоходны, использовались для перевозки товаров и людей. На

их берегах возвышались *нории* — водоподъемные колеса, подававшие воду на поля и в усадьбы.

Массовое развитие искусственного орошения привело к коренным изменениям в технике земледелия. Повсеместно был завершен переход от античного двухполья к новым севооборотам, допускавшим ежегодное двух-трехкратное использование земель. Одно это в несколько раз увеличило реальную посевную площадь. Помимо традиционных культур — пшеницы, ячменя, виноградной лозы, маслины, финиковой пальмы и садово-огородных растений — широкое распространение получили новые, «индийские» культуры: рис, сахарный тростник, индиго и т.п. В Ифрикийи и Марокко появились посевы льна и хлопчатника. В Кастилии (совр. Южный Тунис) занимались шелководством. Поля отличались высоким плодородием. В Ифрикийи урожайность пшеницы в 5–6 раз превышала показатели средневековой Европы. Возможно, это в какой-то степени было связано с сохранением или частичным возрождением ветвистых сортов, которыми славилась Африка во времена Плиния.

В IX–XI вв. страны Магриба представали прежде всего как общество горожан. Города были средоточием социально-политической и религиозной жизни, определяли хозяйственный облик региона. Для IX–XI вв. характерен высокий уровень урбанизации. В Ифрикийи при 8 млн. населения (X в.) около 30—50% проживало в городах. В основном это были малые и средние города, жители которых сочетали чисто городские занятия с пригородным земледелием. Как правило, города располагались на месте погибших античных поселений или рядом с ними. От античных городов они унаследовали крытые базары, бани, акведуки и каменные мостовые. Колонны древних языческих храмов, цирков и амфитеатров использовались при строительстве пятничных мечетей, дворцов и резиденций местной знати.

Ремесленное производство находилось на довольно высоком уровне, особенно изготовление тканей и ковров. Города Ифрикийи вывозили шелковые ткани, шерстяные плащи, льняную одежду, изделия из стекла, кожи, дерева и различных металлов. В Тунисе, Сусе, Махдии (с X в.) существовали крупные судостроительные верфи; изготовлялись оружие, доспехи, осадная и баллистическая техника. Добывались железо, медь, олово, свинец, ртуть, в некоторых районах серебро и даже золото (Сиджильмаса).

Тенденция к натуральному хозяйству, возобладавшая в конце III в., к VIII в. вновь уступила место товарно-денежной экономике. Земля и крупные мастерские принадлежали государству; торговля и мелкое ремесленное производство находились в частных руках. Крупного феодального хозяйства не было. Община возродилась не везде. Различные формы общинного землепользования господствовали в Марокко, в периферийных и горных районах. В Ифрикийи и близ городов по-прежнему сохранялись частнохозяйственные отношения, развивавшиеся на базе мелкотоварного производства.

Социальная структура населения отражала довольно развитые классовые отношения, которые в отечественной историографии обычно характеризуются как раннефеодальные. Господствующий класс, или *хасса*, состоял из арабской военной знати, высшей бюрократии и местных властителей, нередко сохранявших полупатриархальные черты родо-племенных вождей. Большую роль играли денежные дельцы, откупщики и купечество. Преобладали феодально-государственные формы эксплуатации, в основном через взимание налогов. *Джунди* (рыцари), *аскеры* (солдаты) и *катибы* (чиновники) получали жалованье, более крупные чины — также пенсионы (*атыйят*). Эмиры джунда (дружин) и местные властители, опиравшиеся

на рыцарские дружины, отряды наемников и родо-племенные ополчения, имели укрепленные замки, обычно являвшиеся центрами их «кормлений», или *маназиль* (букв. «квартирование», «обиталище»).

Основную массу населения составляли общинное крестьянство и плебейские слои города, или *амма*, главным образом мелкие хозяева и лица наемного труда. Значителен был удельный вес рабов (в Ифрикийи IX в. до 20-25% всего населения), привозившихся в основном с севера. Они использовались как в сфере услуг, так и в различных отраслях производства.

Начиная с VIII в. культура Северной Африки развивалась в общей духовной атмосфере Халифата. Помимо религиозных и оккультных наук широкое распространение получили естественные науки (математика, космография, инженерное дело и медицина). Высокая грамотность городского населения, размеренная деловая жизнь, всеобщее пристрастие к музыке, поэзии и красноречию, утонченность нравов и изощренный этикет знатных фамилий являлись наиболее характерными чертами эпохи. В отличие от средневековой Европы, страдавшей от голода и недородов, в Магрибе наблюдалось относительное благоденствие. Хлеба здесь хороши, писал арабский ученый аль-Бакри (XI в.), урожаи необычайно велики, продукты всегда дешевы.

Северная Африка была крайне неоднородна в языковом, этническом и религиозном отношении. Основную массу населения составляли румы («римляне» — латинизированные группы), афарика (автохтонное население Ифрикийи и приморских городов), евреи и представители различных берберских народностей (масмуда, матмата, зената, хаввара, западные и восточные санхаджа, кутама и др.), населявшие Марокко, горные районы Алжира и Северную Сахару. В Сиджильмасе было много харатинов — потомков чернокожего населения древней Сахары. Арабы и другие арабизированные пришельцы с Востока составляли не более 7–8% населения Ифрикийи, в других районах — и того меньше.

Культура Северной Африки имела восточные корни и издревле была связана с Востоком, особенно с Сирией. Поэтому процесс арабизации, начавшийся здесь примерно с середины VIII в., отнюдь не выглядел как утрата регионом своей культурной самобытности. Он представал как своего рода процесс культурного возвышения, приобщения местного населения к ценностям более высокой цивилизации. Соответственно арабский язык воспринимался прежде всего горожанами и представителями высших слоев населения. Географически арабизация раньше всего охватила Ифрикийю и приморские районы Среднего Магриба с преобладанием семитского населения, говорившего в римскую эпоху на неопуническом языке. Более медленно арабизация протекала в Марокко, Забе, Кастилии, в горных районах и других местностях с компактными группами романского и берберского населения. Здесь коренные жители, особенно в деревне, в IX–XI вв. продолжали говорить на своих языках, сохраняли свою письменность. В Ифрикийи последние надписи на латинском языке относятся к середине XI в.

Вплоть до середины XI в. страны Северной Африки представляли собой христианские страны, находившиеся под властью мусульман. Последние составляли около 10% населения в начале IX в., 50% — в середине X в. и около 80% — к концу первой четверти XI в. Если не считать правящую верхушку, то в отличие от арабизации исламизация охватывала в первую очередь социально обездоленные слои населения, прежде всего в более отсталых, периферийных районах. Основную массу мусульман составляли плебейские слои города. По некоторым подсчетам, 66% служителей мусульманского культа в IX–XI вв. являлись выходцами из торгово-ремеслен-

ного населения, далее шли лица наемного труда, учителя и т.п. Почти совсем не было выходцев из земледельческого населения и представителей интеллигентных профессий, служащих государственных канцелярий. Среди последних мусульман было около 3%.

Для эпохи Халифата было характерно чрезвычайное многообразие религиозных школ и направлений. В них в типично средневековой форме отражались социальные и политические противоречия. В наиболее развитых районах, в частности в Ифрикийи, большинство мусульман составляли сунниты, воспринявшие маликитскую школу шариата. В 849 г. верховный кадий Кайруана Сахнун ибн Саид (775–854) предпринял религиозную реформу, утвердив маликизм в качестве господствующей религиозной доктрины. В народных низах, особенно в Среднем Магрибе и Марокко, большим влиянием пользовались различные алидские течения, в частности зейдиты и исмаилиты, а также хариджиты (ибадиты, софриты, нуккариты), которые в VIII–X вв. возглавляли массовые народные движения, направленные против феодального гнета и социальной несправедливости. Значительно меньшим влиянием пользовались ханифиты, мутазилиты, захириты и представители других религиозно-мировоззренческих течений, возникавших в центре Халифата. В Марокко и Среднем Магрибе были также последователи неопределенного монотеизма, как, например, могущественная секта еретиков-*бергвата*, имевших в качестве своего писания так называемый берберский коран, в котором нашли отражение библейско-христианские, мусульманские и языческие верования. Что касается африканской христианской церкви, особенно католической, то в IX–XI вв. она переживала глубокий упадок, была ареной схизм и расколов. Повсеместно большим влиянием пользовались многочисленные и процветающие еврейские общины. Помимо раввинитов имелись караимы (караиты), которым удалось обратить в свою веру целый ряд берберских племен Марокко.

Наиболее рельефно религиозный плюрализм отражался в государственно-политической структуре Северной Африки. В эпоху Халифата ей была присуща неразвитость государственных учреждений и институтов. О какой-либо централизованной администрации, тем более едином государственном порядке говорить не приходится. Жизнь народа текла в рамках конфессиональных общин, управлявшихся своими кадиями, епископами, раввинами и другими религиозными авторитетами. Преобладали мелкие феодальные владения, своего рода города-государства, имевшие даннические отношения с окружавшими их «союзными» племенами. В ряде случаев они признавали сюзеренитет более крупных правителей, платили им дань и т.п.

Наиболее крупным государством Северной Африки был суннитский эмират Аглабидов (800–909) в Ифрикийи. Он признавал верховный сюзеренитет Аббасидов. Совместно с ними Аглабиды проводили активную политику «священной войны» на море, завоевали Сицилию и Южную Италию, в 846 г. захватили Рим, учинив погром вечного города. На западе Магриба наиболее влиятельной силой было алидское, зейдитское по своему характеру, государство Идрисидов (788–921), еще в IX в. распавшееся на ряд удельных княжеств, связанных между собой религиозно-династическими узами. Идрисиды поддерживали связи с мусульманскими правителями Испании и были крайне враждебны к Абассидскому халифату. Власть Багдада не признавали также многочисленные хариджитские государства; важнейшими из них были ибадитский имамат Ростемидов (761–911) со столицей в Тахерте в Среднем Магрибе, софритский имамат Мидраридов (757–976) в Тафилалете со столицей в Сиджильмасе и полухариджитское

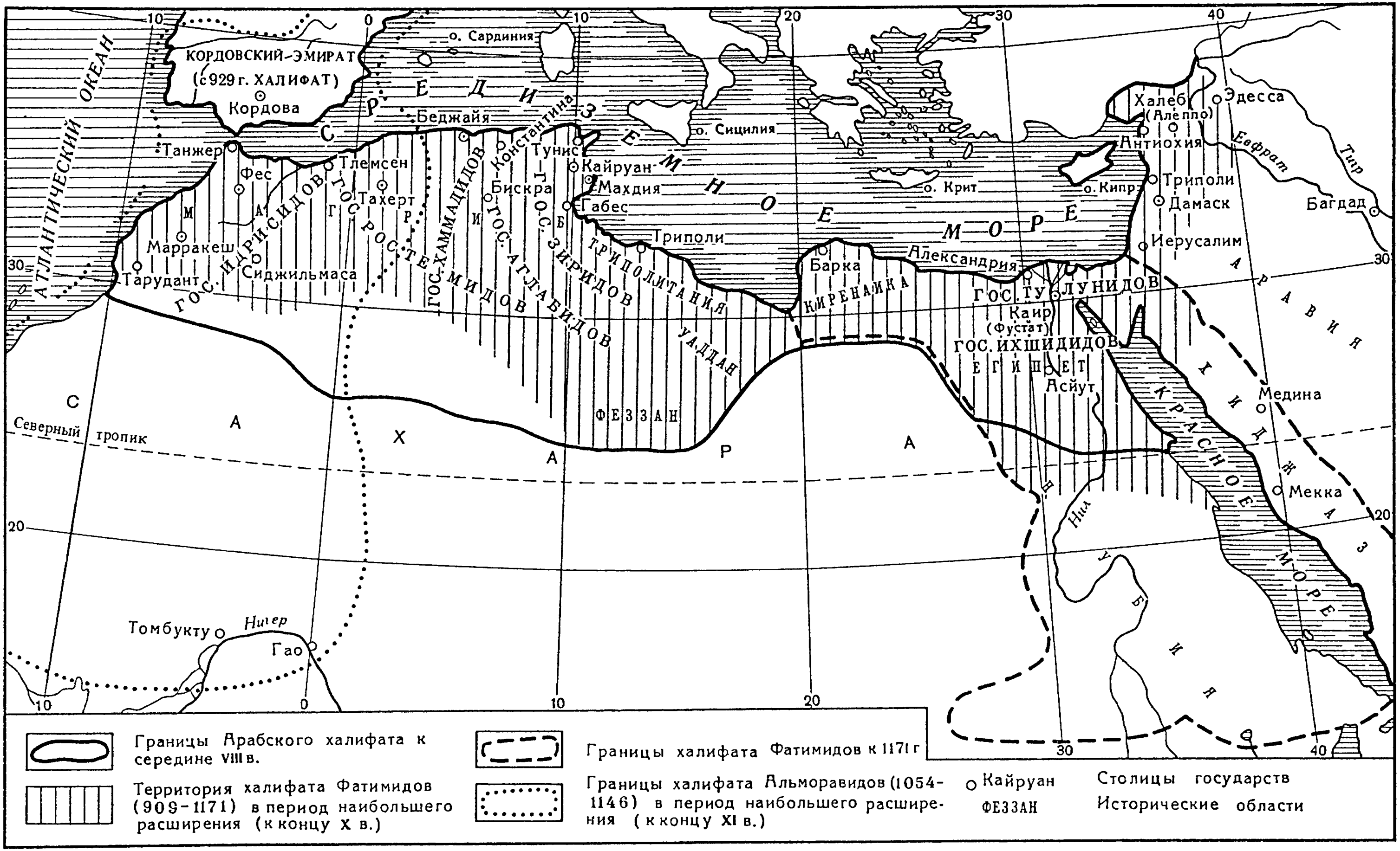


Рис. 10. Северная Африка и Египет в VIII — первой половине XII в.

государство еретиков-бергвата (744–1059) в Тамесне, на приатлантической равнине Марокко.

Стремление масс к правде и социальной справедливости явилось причиной первых успехов Фатимидов — алидской фамилии, которая в конце IX в. встала во главе движения шиитов-исмаилитов, проповедовавших эгалитаризм и мессианские идеи. Движение было поддержано берберами-кутама, жившими в горах Кабилии. В 911 г. Фатимиды с помощью кутама установили свою власть в Ифрикийи, затем в Тахерте и других районах Среднего Магриба, создав могущественный шиитский халифат. В 973 г., вскоре после завоевания Египта, они перенесли свою столицу в Каир. В Магрибе остались их наместники из династии Зиридов.

Фатимиды впервые попытались институционализировать ислам и создать единые религиозно-иерархические структуры, существовавшие наряду с централизованным аппаратом управления. Они насаждали исмаилитскую доктрину, покончили с относительной веротерпимостью, существовавшей в предшествующий период. Исмаилиты подчинили себе крестьянские общины, торговлю, ремесленное производство; начали вводить монополии на различные отрасли ремесленного и сельскохозяйственного производства.

Деспотическая власть Фатимидов вызывала всеобщее недовольство. В середине XI в. в отместку за неповиновение Зиридов, восстановивших в Ифрикийи независимое суннитское государство (1048 г.), Фатимиды направили в Магриб полчища арабских кочевых племен бану хиляль и бану сулейм. 14 апреля 1052 г. в битве при Хайдаране (близ Габеса) под палящими лучами африканского солнца бедуины разгромили закованных в железо ифрикийских рыцарей, в 1057 г. взяли и разрушили Кайруан. Орды кочевников — арабов и примкнувших к ним берберов-зената — заполонили цветущие равнины Кастилии, Ифрикийи и алжирских Высоких плато. Бедуины рубили деревья, вытаптывали поля, опустошали селения. В течение нескольких десятилетий страна была превращена в огромное пастбище. Местное население попало в зависимость от бедуинов, было поделено между кочевыми эмирами, взимавшими с него тяжелую дань.

В это же время западные районы Магриба подверглись нашествию кочевников из Западной Сахары. Во главе их стоял полуграмотный воинствующий проповедник Абдаллах ибн Ясин (ум. в 1059 г.), сочетавший прописи маликизма с призывами к «священной войне». С 1050 г. центром движения стал *рибат* (укрепленная обитель), где жили, молились и готовились к войне последователи Ибн Ясина, или *аль-мурабитун* (живущие в рибате), в испанском произношении — альморавиды. Опираясь на кочевые племена берберов-санхаджа, или *муталассимун* (носящие *лисам*, т.е. покрывало), они в 1054 г. взяли Аудагаст — столицу Западной Сахары, подчинили себе все земли вплоть до Сенегала и верховьев Нигера и двинулись на север: разгромили государство хариджитов в Тафилалете, шиитов в Сусе (1056 г.) и бергвата в Тамесне (1059 г.). В 1069 г. Альморавиды взяли Фес, завоевав всю территорию Марокко и западную часть современного Алжира. В 1086–1090 гг. они подчинили себе Андалусию (мусульманскую Испанию); дважды разгромив — при Заллаке (1086 г.) и Уклесе (1108 г.) — войска кастильского короля Альфонса VI, Альморавиды на время приостановили Реконкисту и отсрочили падение мусульманских государств Иберийского полуострова.

Суровые воины-монахи, Альморавиды повсюду насаждали принципы ортодоксальной морали. Они жестоко преследовали всякое инакомыслие, беспощадно уничтожали схизматиков и еретиков. По более поздним дан-

ным, приводимым аль-Ваззани, во время альморавидского нашествия погибло около 1 млн. человек, в том числе весь народ бергвата. Были уничтожены тысячи деревень, селений и мелких городов. Приатлантические равнины Тамесны превратились в продолжение Сахары и лишь столетие спустя были заселены арабскими кочевыми племенами.

Нашествие сахарских и аравийских кочевников роковым образом изменило судьбы Северной Африки. Под их ударами погибла земледельческая цивилизация раннего средневековья. Начался длительный период упадка Северной Африки. В середине XI в. она вступила в полосу хозяйственного и культурного регресса. Особенно тяжелый урон понесли внутренние равнинные районы. С приходом кочевников, писал арабский историк Ибн Халдун, прекратилось пение петухов на всем пространстве Высоких плато. Были полностью уничтожены сложные и разветвленные системы орошения. Исчезли плотины, водохранилища, акведуки и нории. Более того, смещение кочевого хозяйства в северные районы, ежегодные перегоны миллионных стад через лесные возвышенности и горные перевалы, распашка склонов бежавшими в горы земледельцами — все это ускорило сведение лесов и обмеление рек, многие из которых превратились в *уэды* — сухие русла с периодически возобновлявшимся водотоком.

Высыхание и опустынивание Северной Африки предопределили катастрофический упадок сельского хозяйства. Оттесненные в горы, земледельцы в большинстве случаев возвращались к примитивной, зачастую еще более архаичной, чем до Омейядов, технике земледелия. Упала урожайность; засуха и недороды поражали целые регионы. В XII–XIV вв. постепенно исчезла культура риса, хлопчатника и т.д. Миллионы гектаров некогда плодородных земель превратились в пустоши, использовавшиеся для экстенсивного скотоводства. Оставшиеся очаги земледелия были переориентированы на выращивание пшеницы и ячменя, частично фиников и садово-огородных культур.

Бедуинизация Магриба привела к исчезновению сотен городов и тысяч селений. Их названия, как свидетельствует в «Рихля» («Путешествие») средневековый арабский ученый ат-Тиджани, еще жили в памяти людей в начале XIV в., обозначая бесчисленные руины, покрывавшие просторы Северной Африки. Катастрофически падала численность населения. По некоторым оценкам, за четыре столетия, последовавшие за вторжением кочевников, оно сократилось на две трети. Синхронный процесс депопуляции, дезурбанизации и бедуинизации Северной Африки привел к тому, что сеть городов и населенных пунктов быстро редела и стягивалась к побережью, где еще продолжали светиться последние очаги арабо-мусульманской цивилизации раннего средневековья.

В XII в. началась новая эпоха в истории Северной Африки. Она неразрывно связана с возникновением военно-теократической державы Альмохадов. Ее основателем был Ибн Тумарт (1081–1130) — берберский религиозный реформатор, последователь религиозно-философского и этического учения аль-Газали (1058–1111), в основе которого лежал тезис о строгом единобожии — *таухиде.* Вследствие этого последователи Ибн Тумарта назывались *аль-муваххидун* (унитарии, единобожники), или, по-испански, альмохады.

Ибн Тумарт осуждал бесчинства Альморавидов и других правителей Магриба. Он рассматривал их как предателей и вероотступников, как грубых антропоморфистов (*мутаджассимун*), которые извратили истинное учение ислама. Он ставил их наравне с христианами и иудеями, подлежав-

шими безусловному уничтожению. Одновременно он заявил о себе как о ревнителе шариатской морали, публично разбивал амфоры с вином, ломал музыкальные инструменты и обличал свободные нравы женщин.

В 1120 г. после публичного диспута в Марракеше — столице Альморавидов — Ибн Тумарт ушел в горы и поднял восстание. Его немедленно поддержали марокканские крестьяне, в основном берберы-масмуда, составившие основной костяк альмохадских войск. В 1123 г. в горах Высокого Атласа он создал повстанческое государство — прообраз альмохадской державы, построенный по образу и подобию мединской общины Мухаммада. В 1130 г. после смерти Ибн Тумарта движение возглавил один из его ближайших сподвижников — Абд аль-Мумин. Тогда же он принял титулы *халиф* и *эмир аль-муминин* (повелитель правоверных), основав династию Муминидов, вставшую во главе государства. Восстание быстро распространялось, охватывая все новые и новые районы. В 1145 г. к нему примкнули мусульмане Испании. Наконец, в 1146 г. Абд аль-Мумин взял Марракеш и положил конец власти Альморавидов.

Во время первого (1151–1153) и второго (1159–1160) походов в Ифрикийю Альмохады распространили свою власть на всю Северную Африку. В битве при Сетифе (апрель 1153 г.) они наголову разбили ополчения бедуинских племен бану хиляль и бану сулейм. Бедуины были вынуждены признать власть Альмохадов и перейти к ним на службу в качестве вассальных махзенских (военно-служилых) племен. Одновременно Альмохады отразили натиск христиан. В 1160 г. они изгнали норманнов, которые в 1135–1148 гг. захватили большинство приморских городов Ифрикийи. В 1195 г. в сражении при Аларкосе (аль-Арак) они нанесли поражение кастильским рыцарям, попытавшимся возобновить наступление на мусульманские земли.

Объединив под своей властью всю Северную Африку и Андалусию, Альмохады создали в Магрибе могущественную мусульманскую империю. Все трепетало и гнулось под их тяжелой рукой. В их владениях воцарилась суровая дисциплина, одна вера и один закон. Альмохады беспощадно карали всех, кто придерживался других убеждений. Их политика *тимъяза* (чистки) сопровождалась массовыми казнями, репрессиями и крупными перемещениями населения. Евреям, католикам и антропоморфистам предлагалось выбирать между смертью и обращением в новую веру. В правление Альмохадов прекратили существование многочисленные иудаистские конгрегации и африканская церковь. Под страхом тяжелых наказаний населению не разрешалось петь и музицировать, женщины закрывали лицо, мужчины спешили на молитву. Из-за широко разветвленной системы шпионажа люди боялись собираться группами, ходили в одиночку и предпочитали держаться подальше от властей.

При Альмохадах сложились основные социальные и политические институты позднего средневековья. Возникли новые идеалы, моральные и культурные ценности. В значительной мере они сформировались под влиянием ирано-тюркских традиций Ближнего Востока, частично — испанского ислама. Резко возросла роль натурально-хозяйственных отношений. Верхушка Альмохадов быстро феодализировалась. Широкое распространение получили системы *икта* и *исхам* (долевого участия в поступлениях от налогов). Эти пожалования предоставлялись за службу бедуинским эмирам и альмохадским шейхам, составлявшим основную опору альмохадского режима. В городах Альмохады перешли к строгой регламентации хозяйственной жизни, нередко выступая в качестве владельца и совладельца недви-

жимых имуществ (мастерские, лавки, бани и т.п.). В сельской местности хозяевами положения по-прежнему были эмиры и шейхи кочевых племен (арабов и берберов-зената). Опираясь на собственные военные формирования, они выступали в качестве непосредственных эксплуататоров крестьян и полукочевников, заставляли их платить дань и нести другие повинности.

Фискальный гнет и произвол бедуинов в условиях экологического кризиса до предела обострили социальные противоречия. Народные массы, или «рабы *махзена*» (правительства), как они официально именовались, сочувствовали борцам за маликитское правоверие и различного рода суфийским проповедникам. Идеи Ибн аль-Араби (1165–1240), аш-Шазили (1197–1275) и других выдающихся суфиев получили широкое распространение в Андалусии и Северной Африке. Они в немалой степени способствовали разложению альмохадского режима. Военные поражения, особенно разгром альмохадских войск в битве при Лас Навас де Толосе (аль-Икаб) в 1212 г., явились началом конца, началом эпохи интриг и междоусобиц, сопровождавших развал альмохадской державы.

Разногласия в верхах привели к окончательному распаду империи. На ее развалинах образовалось три самостоятельных государства: Хафсидов (1229–1574) со столицей в Тунисе, Зайянидов (1235–1551), утвердивших свою власть в Тлемсене, и Меринидов (1269–1465), которые захватили Марракеш и положили конец династии Муминидов. Отказавшись от крайностей альмохадской доктрины, особенно в религиозном вопросе, эти правители претендовали на продолжение политики Альмохадов, сохранив их военные и социальные институты.

ГОСУДАРСТВА ФАТИМИДОВ И АЙЙУБИДОВ

Государство Фатимидов (909–1171) образовалось в Ифрикии (совр. Тунис) в результате победоносного восстания берберских племен против аббасидских наместников Аглабидов. Восстание это, в свою очередь, явилось результатом тайной пропаганды шиитско-исмаилитских эмиссаров с ее лозунгами справедливости и всеобщего равенства.

Пришедшая к власти арабская шиитская династия имамов-халифов возводила свое происхождение к Фатиме, дочери пророка Мухаммада, откуда и ее название. Однако основатель династии Убайдаллах (909–934) и его преемники не стремились к осуществлению провозглашенной ранее социальной программы и превратились в обычных феодальных правителей.

Имея конечной целью завоевание всего мира, Фатимиды к середине X в. подчинили себе почти весь Магриб и Сицилию; в 969 г. ими был завоеван Египет, где их военачальник Джаухар в том же году основал новую столицу — Каир; позже в Каир прибыл халиф ал-Муизз (953–975) с гробами своих предков. Египет стал главной частью фатимидского государства. Начав вслед за этим завоевание Сирии, Фатимиды столкнулись там с бахрейнскими карматами и Византией, но смогли им противостоять. Власть Фатимидов в Сирии достигла наибольшей силы при халифе аз-Захире (1021–1036). Со времен халифа ал-Азиза (975–996) суверенитет Фатимидов был признан в священных городах Хиджаза — Мекке и Медине, а также в Йемене.

Хозяйство Египта в первую половину правления Фатимидов процветало. Земледелие, ремесло и торговля приносили большие доходы. Главным направлением развития аграрных отношений стала трансформация земель государственного фонда. Изначально государственные земли (*васийа*, *савафи*)

сдавались на откуп. Процедура сдачи земли на откуп происходила в главной мечети Фустата, бывшей столицы Египта (постепенно сливавшейся с Каиром); соглашения заключались на срок до 6 лет при условии взноса в казну определенной суммы хараджа. Акт соглашения о сдаче на откуп носил название *кабала*; взятые на откуп земли (*икта*) могли обрабатываться членами семьи откупщика, но, по-видимому, преобладала субаренда (или трудовая аренда).

Институт *кабала* был широко известен в мусульманском мире; связанная с ним практика уходила корнями в обычаи, существовавшие до арабского завоевания. В частности, в Египте она была порождена влиянием института долгосрочной или вечнонаследственной аренды (*эмфитевсис*). Откупа, способствовавшие углублению общественного неравенства, сделались в эпоху Фатимидов одним из каналов дальнейшей феодализации Египта, благодаря которому сформировалась после вытеснения византийских патронов значительная часть класса феодалов.

В 70-х годах X в. Фатимиды поставили откупщиков под строгий государственный контроль (реформы Ибн Киллиса), сохранявшийся, как можно предположить, почти столетие. Это время наибольшего развития государственного землевладения являлось и периодом наивысшего подъема благосостояния страны.

Однако со второй половины XI в. государственная земельная собственность начинает разлагаться, что выразилось в постепенном превращении *икта*-откупов в *икта* — временные земельные пожалования, обусловленные военной службой. Основной причиной такого поворота в развитии была необходимость обеспечения военного сословия, усиление которого было характерно для всего мусульманского Востока той эпохи.

В начале XII в. поступления в казну с икта-откупов сократились, увеличились доходы эмиров, завладевших к этому времени откупами, которые они отнимали у низших военных чинов; своими доходами от откупов они не делились с казной. При халифе ал-Амире (1101–1130) срок держания икта был увеличен до 30 лет и все держания перераспределены; одновременно было запрещено требовать от откупщиков сумм бóльших, нежели обусловленные, а также до срока передавать откуп другому лицу. Однако восстановления откупной системы в ее прежнем виде не произошло. В конце правления Фатимидов военные икта, свободные (или почти свободные) от взносов в казну, составляли бóльшую часть государственных земель.

В фатимидском Египте, как и в других современных ему государствах Ближнего и Среднего Востока, издольная аренда (*музараа*) являлась типичной правовой формой мелкого наследственного крестьянского держания, а по существу — формой феодального землепользования. Представляет интерес то обстоятельство, что в арендных договорах этого периода встречается условие, согласно которому земледелец был обязан выращивать на арендованном участке определенные технические культуры, нужные для лица, сдающего землю (индиго, лен, сахарный тростник), в чем можно усматривать связь землевладения с рынком.

Какие-либо сведения относительно прикрепления крестьян к земле в источниках отсутствуют, что дает простор часто противоречивым построениям, согласно которым наличие крестьянской крепости либо утверждается (И.П.Петрушевский), либо отрицается (Р.Барави). Возможно, фактическое прикрепление крестьян к земле временами имело место или исчезало в зависимости от тех или иных экономических и политических факторов.

Феодальная собственность на землю в государстве Фатимидов выражалась прежде всего в присвоении собственником поземельного налога — *хараджа*. В случае откупа государственных земель откупщик (*мутакаббил*) вносил в казну обусловленную заранее сумму хараджа (рента-налог), тогда как сумма хараджа, которую он собирал с феллахов, была больше первой, что делало откуп государственных земель весьма выгодным.

Установление общих ставок хараджа сообразно степени орошенности земли и видам возделываемых культур приписывается фатимидскому везиру Йазури (1049–1059); они сохранялись и после Фатимидов, войдя в известный трактат египетского чиновника и литератора XII — начала XIII в. Ибн Маммати. При этом, как и в более ранние времена, в Нижнем Египте харадж взимался в основном в денежной форме, в Верхнем — натурой; при этом возможна была замена. При первых Фатимидах сумма хараджа благодаря реформам Ибн Киллиса была выше, чем во второй половине их правления (в среднем 3,5 млн. динаров в год). Затем голодные годы, внутренние распри и внешние вторжения, а главное — развитие военных икта привели к снижению хараджа (уже в середине XI в. — лишь 2,5 млн. динаров в год). Кроме хараджа феодальная рента-налог выступала в виде налогов с владельцев домашних животных, пастбищ и т.п.

Средоточием ремесел и торговли в фатимидском государстве были города, многие из которых сохранились с древних времен. Общественное разделение труда вело к росту числа ремесел и их дроблению. В египетских документах XI–XIII вв. насчитывается 265 терминов, обозначающих ремесленные специальности, тогда как для византийской эпохи их известно менее 180. Главное место среди ремесел, как это было характерно для средневековья, занимало древнее искусство изготовления тканей. Основными центрами выделки льняных тканей были Александрия, Дамиетта, Дабик, Тиннис, Шата. В Нижнем Египте выделывались и шелковые ткани из привозного (из Сицилии, Сирии, Ирана и Ирака) и местного сырья. Асйут в Верхнем Египте славился шерстяными одеждами. В ткацком деле наблюдалась большая специализация.

Далее шли обработка металлов, стекольное и гончарное дело, в которых преобладали иудейские ремесленники, обработка кожи и дерева, изготовление бумаги, вытеснившее древнее ремесло выделки папирусов и пергамента. У Фатимидов было большое хранилище книг, где находилось не менее 600 тыс. томов. Халифы нанимали переписчиков, приобретали книги и в других странах; их примеру следовали везиры и прочая знать. Развиты были изготовление мыла, сахароварение.

Богатство и международный престиж фатимидского Египта привлекали сюда ремесленников из Сирии, Византии, Магриба и других стран. Что же касается организации ремесла, то в ткацком деле главную роль играли государственные мастерские (*тираз*), централизованные и децентрализованные; продукция их шла на нужды халифского двора, а также на вывоз. Крупные мастерские имелись и в сахароварении, и в бумажном деле. Остальные ремесла были представлены мелким индивидуальным хозяйством, где ремесленники были собственниками своих мастерских и орудий. Они трудились обычно вместе с членами своих семей; целью производства было создание потребительной стоимости, поддержание «приличествующего» данному общественному слою образа жизни. Существовали объединения ремесленников по профессиональному (а одновременно иногда и локальному, религиозному или этническому) признаку; по-видимому,

исполнением фискальной обязанности перед властями, передачей профессиональных навыков и контролем за соблюдением установленных цен деятельность фатимидских корпораций и ограничивалась. Были распространены контракты между несколькими ремесленниками (товарищества), причем орудия труда становились общей собственностью, а убытки и доходы делились поровну. Целью таких объединений было установление монополии в данном виде ремесла.

В окрестностях Каира и других крупных городов имело место товарное производство продуктов земледелия. Центрами обмена между городом и деревней были регулярно действовавшие городские рынки. Крупнейшим центром как внутренней, так и внешней торговли в первой половине фатимидского периода оставалась бывшая столица Египта — Фустат, занимавший выгодное географическое положение на берегу Нила, между Верхним и Нижним Египтом. В 1168 г. Фустат в результате пожара был почти полностью разрушен и только тогда перестал играть сколько-нибудь значительную роль в экономике страны.

Утверждение Фатимидов в Египте способствовало восстановлению древних торговых связей с Востоком через Красное море, прерванных в VI в. персо-византийскими войнами. Основной поток транзитных товаров был отвлечен от Персидского залива. Восстановлению красноморской торговли способствовали действия бахрейнских карматов, затруднявших плавание купцов по Персидскому заливу. Главной же причиной перемещения сферы действия египетского и магрибского купечества в области Индийского океана был постепенный переход торгового первенства в Средиземном море к европейским державам. Во внешней торговле, как то было характерно для всего средневекового Востока, принимала участие феодальная знать (члены правящей династии и сами фатимидские халифы, военачальники, наместники, судьи и др.).

Разнообразные формы торгового сотрудничества были весьма популярны; при этом отсутствовали какие-либо этнические или религиозные ограничения. Приобретение некоторых товаров (железа, дерева, смолы) было государственной монополией; государство же являлось первым покупателем прочих иноземных товаров. Внешняя, а особенно транзитная торговля с другими странами Востока (пряностями, благовониями, тканями) приносила Фатимидам огромные доходы в виде пошлин, арендной платы за торговые помещения, прибыли от перевозки купеческих товаров или прямого участия в торговле с ее разницей цен при купле и продаже.

Переломным моментом в истории государства Фатимидов было долгое правление халифа ал-Мустансира (1036–1094), при котором хозяйству страны был нанесен большой ущерб длительным голодом (с 1064 по 1072 г.), вызванным недостаточно высоким уровнем воды в Ниле и эпидемией чумы. Одновременно обострилась борьба между различными группировками военной знати. Сопротивление подчиненных народов и ослабление центральной власти вели к уменьшению государственной территории. С 1048 г. в Ифрикии утвердилась самостоятельная династия Зиридов, порвавшая с Фатимидами и признавшая авторитет Аббасидов. Фатимиды направили в Ифрикию воинственные племена бедуинов хилал и сулайм, опустошивших ее территории, но восстановить свою власть не смогли. С середины XI в. весь Магриб был подчинен суннитами Альморавидами, которых через столетие сменила другая арабская династия — Альмохады. В Сирии местная династия Мирдасидов с помощью византийцев в 1023 г. овладела Халебом; власть фатимидского наместника Дамаска не была прочной из-за

распрей в рядах его гарнизона и традиционно враждебной позиции горожан. В последней четверти XI в. почти вся Сирия вошла в состав Сельджукского государства.

Территория халифата Фатимидов, по существу, ограничивалась одним Египтом, что создавало сложности в рекрутировании армии. В период возникновения государства его основной военной силой являлись берберы (племенной союз кутамитов), но вскоре появилось войско из рабов, преимущественно европейского происхождения, затем суданцев, тюрок, а в связи с армянской иммиграцией (как результатом сельджукского завоевания Армении) — наемников-армян. Непрерывные в X в. войны между сербами, хорватами, булгарами и византийцами сопровождались захватом большого числа пленных, становившихся предметом торговли, в основном через посредство венецианских купцов. В это время значительно возрос приток рабов в фатимидский Египет. Эти рабы пополняли фатимидскую армию. Однако образование национальных государств в Восточной Европе привело к сокращению работорговли.

Необходимо сказать, что наряду с сухопутной армией в составе фатимидских вооруженных сил был и флот, экипажи которого состояли из мусульманских наемников-добровольцев; высокое жалованье и военная добыча делали службу во флоте почетной. Но с течением времени мощь флота уменьшилась. Только при ал-Муиззе было построено 600 военных кораблей, однако к концу правления династии их насчитывалось всего 100. Этим обстоятельством отчасти объясняется и постепенный переход к XII в. господства в Средиземном море к европейским державам. Доходы Фатимидов на средиземноморских рынках резко сократились, что также явилось одной из причин дальнейшего ослабления их халифата.

В XI в. реальная власть в государстве переходит от халифов к везирам из военных. В борьбе за нее участвует и исмаилитское духовенство, особенно активное при халифах ал-Мустали (1094–1101) и ал-Амире (1101–1130). К середине XII в. в результате расколов, вызванных борьбой за наследование халифата и имамата, египетские исмаилиты оказались разделенными на три фракции. К этому времени экономический упадок и анархия в стране достигли крайней степени. Малолетние халифы аз-Зафир (1149–1154) и ал-Фаиз (1154–1160) не имели и тени самостоятельности.

Падение халифата произошло при следующих обстоятельствах. Сирийский султан, атабек Нур ад-дин Зенги (1146–1174), о котором речь будет далее, стремился к захвату Египта (что было целью и самих Сельджукидов). Одной из целей атабека было создание здесь плацдарма для нападения на Иерусалимское королевство крестоносцев с юга. Под предлогом защиты прав изгнанного фатимидского везира Шавара он развернул упорную военную и дипломатическую борьбу за Египет. Нур ад-дин трижды направлял туда отряды туркмен и курдов во главе с эмиром Ширкухом, предотвратив тем самым угрозу захвата Египта крестоносцами. Своей умелой политикой при фатимидском дворе Ширкух добился в 1168 г., после гибели Шавара, того, что последний фатимид ал-Адид (1160–1171) назначил его везиром. В следующем году, после внезапной смерти Ширкуха, везират перешел к находившемуся при нем его племяннику Салах ад-дину Йусуфу ибн Аййубу (Саладину). В 1171 г., низложив умирающего фатимидского халифа, Салах ад-дин захватил власть в Египте, став первым султаном династии Аййубидов. Сопротивление суданских отрядов и других сторонников Фатимидов было сломлено, а остатки фатимидской армии распущены. Ядром новой армии Салах ад-дин сделал отряды курдов и турк-

мен, перераспределив при этом икта. Был восстановлен и пришедший в упадок египетский военный флот.

После смерти в 1174 г. сирийского атабека Нур ад-дина Зенги Салах ад-дин под предлогом защиты прав малолетнего Махмуда Салиха, сына Нур ад-дина, с небольшими силами вышел из Египта в Сирию и, не встретив сопротивления, в том же году овладел Дамаском и другими сирийскими территориями, исключая Халеб, который он подчинил позже, в 1182 г. В 1186 г. было завершено покорение Джазиры (северной части междуречья Тигра и Евфрата), где до того держались некоторые Зенгиды, а также тюрки Артукиды.

Объединив в одно целое остатки Фатимидского халифата и государства сирийских атабеков, Салах ад-дин противопоставил своим врагам единый большой султанат, оказавшись самым могущественным правителем в мусульманском мире. Еще в 1172 г. египетская армия начала продвижение вдоль побережья Северной Африки, увенчавшееся в 1187 г. взятием Кайруана. Это уменьшило опасность наступления с запада, а также дало возможность снабжения лесом, необходимым для строительства кораблей. В 1174 г. был подчинен Йемен, где с 1037 г. правила исмаилитская династия Сулайхидов, — важнейшая область на морском пути в Индию.

Если до этого времени Салах ад-дин вел борьбу с крестоносцами эпизодически, то теперь он получил возможность борьбы решительной и непрерывной. Войны Салах ад-дина с крестоносцами будут освещены в следующем разделе. Укажем лишь, что по условиям заключенного с ними мира 1192 г. в его руках оказалась почти вся Сирия с Палестиной. Следует также сказать, что в современной историографии наблюдается отказ от чрезмерной идеализации Салах ад-дина, восходящей к сочинениям его средневековых биографов. После его смерти государство превратилось в своеобразную федерацию княжеств, возглавляемых членами правящей династии Аййубидов, под суверенитетом аййубидского султана Каира. Различные ветви Аййубидов правили в Египте до 1252 г., в Дамаске и Халебе — до 1260 г., в Джазире — до 1245 г., в Химсе — с 1178 по 1262 г. (потомки Ширкуха), в Хаме — до 1341 г., в Йемене — до 1228 г. Как будет сказано далее, все попытки крестоносцев вернуть свои владения в Сирии, потерянные при Салах ад-дине, не имели успеха.

Утверждение Аййубидов сопровождалось отказом от шиизма в качестве официальной религии и восстановлением суннизма в его более развитой в сравнении с ранним исламом форме. К началу XII в. суннитский ислам развил сложную схоластическую систему — *калам*, включил в себя культы многочисленных святых; сформировалось сословие духовенства. Египет вернулся под духовную власть аббасидских халифов, и в 1174 г. аббасидский халиф ал-Мустади даровал Салах ад-дину титул султана и санкционировал его завоевания, послав ему грамоту инвеституры и почетные одежды.

Отказ от шиизма в Египте не встретил никакого сопротивления, но в Сирии Аййубидам пришлось столкнуться с исмаилитами. Главным шейхом сирийских исмаилитов в 1169–1192 гг. был Рашид ад-дин Синан. Салах ад-дин совершил в Ливан два похода; множество исмаилитов было перебито, а на него самого было совершено два покушения. В 1176 г. Салах ад-дин заключил, вероятно, соглашение с Синаном, ибо исмаилиты никогда более не выступали против него. В 1192 г. они убили в Тире видного вождя крестоносцев маркиза Конрада Монферратского, что было, возможно, одним из результатов этого соглашения. Преемники Салах ад-дина продолжали его

политику по отношению к исмаилитам, не отказываясь от использования их тайной организации в своих политических целях.

В 1170 г. в Египте появились первые религиозные училища нового типа, *медресе*, где основой преподавания стала суннитская доктрина. В качестве учредителей выступали сам Салах ад-дин, его эмиры, богатые купцы, ученые, женщины знатных фамилий. Строительство медресе продолжалось и при преемниках Салах ад-дина.

С новым усилением влияния суннизма было связано распространение суфизма — мистико-пантеистического течения ислама в его ортодоксальной форме, выработанной знаменитым теологом ал-Газали (1058–1111). При Аййубидах в Египте появились многочисленные суфийские обители (*ханака*). Главы крупных религиозных учреждений назначались обычно самим султаном; от правительства они получали выдачи натурой и значительные денежные средства. Кроме того, они имели в качестве вакфов движимое и недвижимое городское имущество, а также земельные владения в сельской местности.

Что касается египетской экономики этого периода, то налоги с крестьян при Аййубидах несколько уменьшились. В городах на смену строгой регламентации фатимидского периода пришло более свободное развитие ремесла. Эпоха Аййубидов богата торговыми договорами с европейскими государствами.

В конце XII — начале XIII в. в армии египетских Аййубидов наемники — курды и туркмены — стали уступать свое место купленным рабам. Особенно много их было приобретено султаном Салихом (1240–1249); султан сделался игрушкой в их руках. Его преемник, Муаззам Туран-шах (1249–1250), который пытался противопоставить им свою волю, поплатился жизнью. После трехмесячного правления жены Туран-шаха, Шаджарат ад-Дурр, правлению Аййубидов в Египте пришел конец.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Успехи сельджуков в Малой Азии, угрожавшие самому существованию Византии, заставили императора Алексея Комнина обратиться за помощью к католическому Западу, на который византийцы прежде смотрели как на варварскую периферию. Эта просьба как нельзя лучше отвечала рождавшемуся в это время в Ватикане стремлению распространить свое влияние на восток христианского мира и поэтому получила быстрый и неожиданный по масштабу отклик: сразу же по прибытии посланца императора в марте 1095 г. на собор в Пьяченце папа Урбан II благословил желающих прийти на помощь Константинополю, а 27 ноября в Клермоне раздался формальный призыв к походу на Восток для освобождения единоверцев-христиан от ига «врагов веры». Всем участникам будущего похода были обещаны отпущение грехов, рай на небе и богатства Востока на земле. Многие из присутствовавших тут же нашили на свои одежды крест из ткани в знак священной миссии, которую они возлагают на себя.

Призыв нашел отклик не только среди знатных сеньоров и рыцарей, к которым он был в первую очередь обращен, но и в широких массах бедняков, крестьян и горожан, желавших вырваться из тяжелого положения и заслужить царство небесное. Бродячие проповедники разжигали религиозный энтузиазм, возбужденные люди в экстазе видели различные знамения, зо-

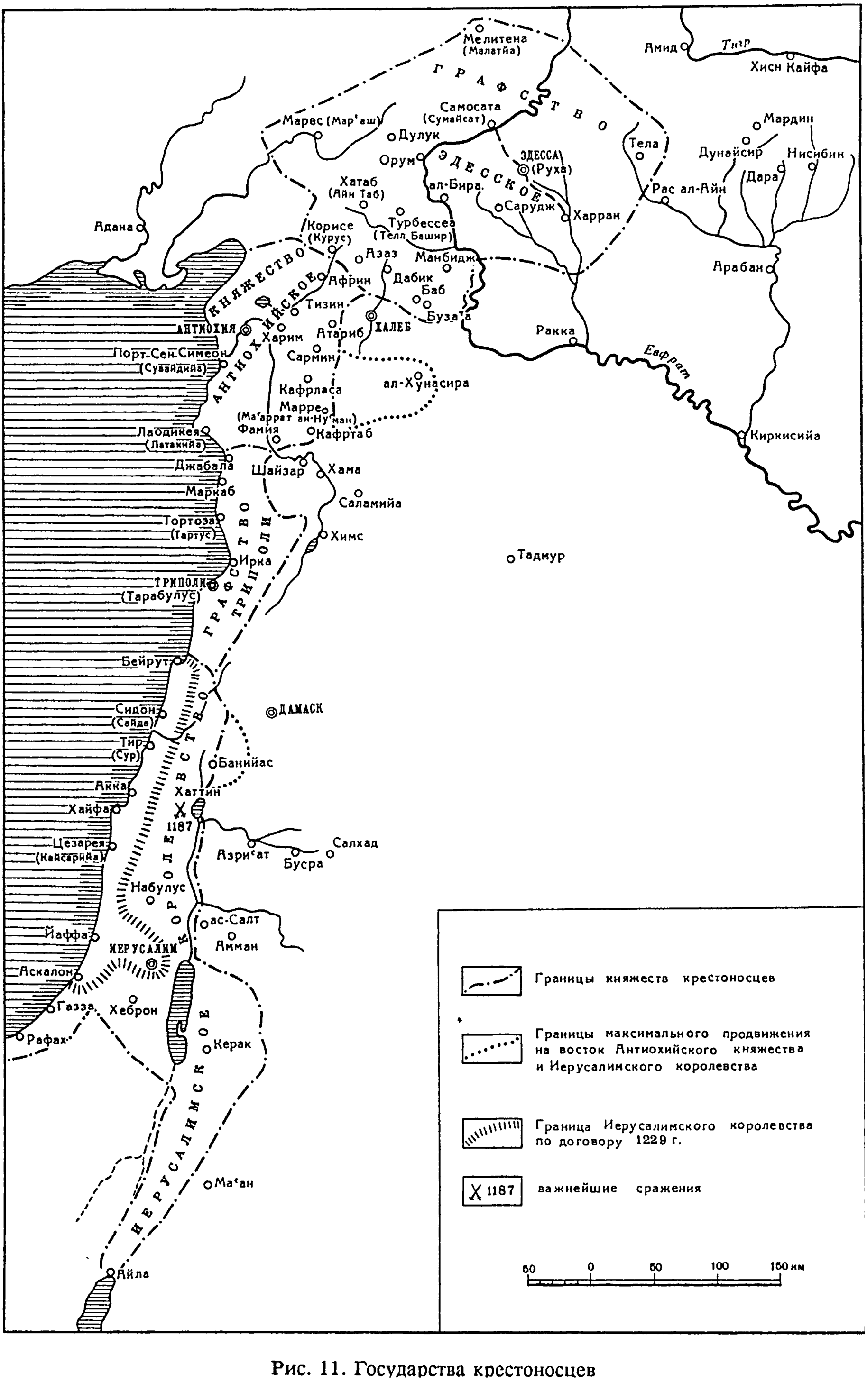


Рис. 11. Государства крестоносцев

вущие в поход и предвещающие победу. Именно эти массы бедняков, к которым присоединилось некоторое количество обедневших рыцарей, первыми выступили в поход из Северной Франции под водительством Петра Отшельника, главного пропагандиста и организатора «похода бедных». Их путь через Германию ознаменовался бесчинствами и погромами, поэтому чем дальше, тем более враждебно относилось к ним население по пути их следования. Многие мелкие отряды, оторвавшиеся от основной массы, были перебиты еще на пути к Константинополю. Прибытие таких «союзников» не обрадовало императора, и он постарался поскорее спровадить их в Малую Азию. Там в первом же серьезном столкновении с сельджуками под Никеей 21 октября они были почти полностью уничтожены.

Основные силы крестоносцев в это время были еще в пути. Лотарингских и германских рыцарей возглавлял Готфрид Бульонский, провансальских — Раймонд де Сен-Жилль, норманнских рыцарей Сицилии и Южной Италии — Боэмунд Тарентский, в недавнем прошлом воевавший с византийцами за обладание Балканами. К весне 1097 г. под Константинополем собралось несколько тысяч тяжеловооруженных рыцарей, составлявших вместе с вооруженными слугами и пехотой такую силу, которая могла не считаться с желанием императора использовать их как орудие для осуществления его планов. С большим трудом удалось ему добиться от вождей крестоносцев присяги верности.

В мае крестоносцы, сопровождаемые византийским войском, осадили хорошо укрепленную Никею. Султан Кылыч Арслан попытался деблокировать город, потерпел неудачу и отступил, после чего гарнизон предпочел сдаться, но не крестоносцам, а византийскому военачальнику, который не позволил разграбить город, возвращавшийся во владение императора. Предоставив крестоносцам двигаться дальше в глубь Малой Азии, Алексей Комнин отозвал главные силы своей армии на овладение городами Эгейского побережья. Около Дорилеи (Эскишехир) крестоносцы снова столкнулись с Кылыч Арсланом и нанесли ему поражение. Султан отказался от дальнейших попыток противостоять им.

Крестоносцы без особого труда овладели Киликией, а затем основная их масса двинулась на юг к Антиохии, а часть под предводительством Балдуина (Бодуэна), брата Готфрида Бульонского, — на восток, где он утвердился между Марашем и Евфратом и стал соправителем армянского князя Эдессы (Рухи).

Сирия в это время была разделена на несколько враждующих владений сельджукских эмиров, среди которых особенно непримиримы были два брата, правители Дамаска и Халеба, — Дукак и Ридван. Последний готов был даже стать вассалом Фатимидов, чтобы расправиться с братом. На севере Сирии не нашлось решительного полководца, который преградил бы крестоносцам путь в труднопроходимых горных проходах Тавра. Этот последний шанс был упущен, и 20 октября крестоносцы обложили Антиохию, прежде чем сын ее правителя, отправившийся в Дамаск и Хомс за помощью, успел привести подкрепления. Сильный отряд крестоносцев вышел ему навстречу и около ал-Бара нанес сокрушительное поражение.

Однако хорошо укрепленный и заранее подготовленный к обороне город оказалось трудно взять силой или измором. С наступлением зимы осаждающие оказались даже в худшем положении, чем осажденные; они несли большие потери не только от частых вылазок гарнизона, но и от голода, холода и болезней.

Балдуин оказался удачливее: в марте 1098 г. восставшие жители Эдессы убили своего правителя, и он легко стал владетелем большого княжества, графства Эдесского, первого государства крестоносцев на Востоке. Его возникновение непосредственно способствовало дальнейшим успехам крестоносцев в Сирии, так как эмир Кербуга, отправившийся из Мосула на помощь Антиохии, задержался под Эдессой, безуспешно осаждая ее две недели. Убедившись в невозможности быстро покончить с ней, он двинулся дальше. Но эта задержка решила судьбу Антиохии: на рассвете 3 июня, подкупив коменданта одной из башен, группа крестоносцев перебралась через стену и открыла ворота. Озлобленные тяготами осады, крестоносцы начали поголовное истребление мусульман, лишь в цитадели укрылось около трех тысяч человек во главе с сыном правителя. Подошедшему через три дня Кербуге пришлось не деблокировать город, а осаждать победителей.

Тем не менее крестоносцы оказались в критическом положении. Многомесячная осада ослабила их, кроме того, в городе не было запасов для длительной обороны. Спасло их только отсутствие единства в стане мусульман. В решительный момент отчаянной атаки крестоносцев Дукак увел свой отряд с поля боя. Деморализованное изменой, мусульманское войско Кербуги не выдержало натиска тяжелой рыцарской конницы и в панике бежало, неся большие потери. Но и крестоносцы больше не были способны к активным военным действиям, они согласились беспрепятственно выпустить гарнизон цитадели и на несколько месяцев прекратили дальнейшее продвижение.

Эта пауза определялась не только потребностью отдыха измотанных войск, но и борьбой вождей крестоносцев за главенство и власть над завоеванными территориями. Боэмунд, став антиохийским князем, отказался от дальнейшего участия в походе и отрекся от присяги византийскому императору. Лишь в ноябре началось дальнейшее продвижение на юг: в ноябре была взята Мааррат Нуман, в декабре — Мааррат Мисрин, в январе 1099 г. — Кафр Таб, ставший исходным пунктом похода на Иерусалим, незадолго до этого захваченный Фатимидами.

Силы крестоносцев на этом этапе были не слишком велики: главная ударная сила, тяжеловооруженная конница, не превышала тысячи воинов, а вся армия — 20 тысяч, т.е. была сопоставима с силами сельджукских правителей Сирии. Там, где находились решительные организаторы обороны, крестоносцы оказывались беспомощными даже перед небольшими городами. Так, Ирка (Арка) устояла при четырехмесячной осаде, и это отбило у крестоносцев охоту осаждать другие приморские города на пути к Иерусалиму. Однако очаги сопротивления были разрознены, и крестоносцы без особых затруднений подошли 7 июня 1099 г. к Иерусалиму.

Город оказал упорное сопротивление, осаждающие несли потери, а из Египта на выручку ему были посланы войска. Но двигалась египетская армия не торопясь, и 15 июля, когда она достигла Аскалона, Иерусалим был взят штурмом. Началось поголовное истребление мусульман и евреев. По сведениям арабских авторов, было перебито 70 тыс. человек. Цифра эта, несомненно, преувеличенна, но бойня была ужасная и потрясла даже христианских хронистов.

Через неделю Готфрид Бульонский был торжественно провозглашен главой Иерусалимского королевства с титулом «защитник гроба господня», а через неделю был избран католический иерусалимский патриарх.

12 августа крестоносцы внезапно напали на египетское войско и разгромили его, захватив лагерь со всем имуществом и знаменем. Беглецы укры-

лись за стенами Аскалона и откупились от победителей 20 тыс. динаров. Это была последняя совместная акция крестоносцев. Вскоре многие возвратились в Европу, считая свою священную миссию законченной. В распоряжении Готфрида осталось около 300 рыцарей и 2 тыс. пехотинцев. Несмотря на малочисленность войска, ему удалось расширить свои владения в Северной Палестине (Галилее) и заставить приморские города платить дань.

Менее удачливым оказался Боэмунд, который в одном из столкновений с мусульманскими владетелями попал в плен. Освобождение его стало целью очередной волны крестоносцев, прибывших через Византию в начале 1101 г. На этот раз появление их не оказалось такой неожиданностью, как прежде, и объединенные силы сельджуков Малой Азии разгромили их в нескольких сражениях. Вырвавшийся из плена Боэмунд активно включился в борьбу с Сельджукидами, но 7 мая 1104 г. потерпел жестокое поражение под Эдессой (около Харрана) и после этого навсегда покинул Ближний Восток, возобновив борьбу с Византией за обладание Балканами.

В то же самое время Иерусалимское королевство шаг за шагом расширяло свои владения на побережье Средиземного моря, в чем ему активно помогали флоты генуэзцев и пизанцев. Попытки Фатимидов воспрепятствовать этому неизменно терпели неудачу. Овладев почти всем побережьем, крестоносцы обратились на юг, расширили свои владения в Заиорданье и захватили Айлу (Эйлат), порт на Акабском заливе, получив возможность мешать регулярному морскому сообщению Египта с Аравией и торговле с Индией.

Вторжение крестоносцев, происходившее под лозунгом священной войны с «неверными», как ни странно, не вызвало ответной волны религиозного энтузиазма в защиту ислама. Беглецы из Палестины, появившиеся в Багдаде после иерусалимской резни, рассказывали на официальном приеме о постигших мусульман бедах, слушатели горько плакали, но не предприняли никаких реальных шагов для борьбы с крестоносцами. Даже аббасидский халиф, положение которого, как духовного главы суннитского мира, обязывало отреагировать на унижение, причиненное мусульманскому миру, никак не отозвался на падение Иерусалима. Кое-где, конечно, появлялись проповедники, говорившие о необходимости священной войны, но эти призывы, раздававшиеся в узком кругу слушателей, не получили широкого резонанса в обществе. Борьба с крестоносцами на этом этапе с мусульманской стороны носила исключительно политический характер.

Апогеем успехов крестоносного движения стало взятие Сура в 1124 г., завершившее овладение всем Средиземноморским побережьем от Аскалона (все еще остававшегося в руках Фатимидов) до Малой Азии, но пора неизменных успехов миновала. С одной стороны, сказывалась значительная растянутость границ при небольшой глубине территории государств крестоносцев, которые приходилось защищать небольшими силами, с другой — мешало соперничество между владетелями этих государств, и, наконец, мусульманские военачальники выработали тактические приемы ведения боя с новым противником.

С конца 20-х годов XII в. инициатива переходит к сельджукам, после того как энергичный атабек Имададдин Занги объединил в своих руках полосу от Мосула до Халеба. В 1144 г. он изгнал крестоносцев из области к востоку от Евфрата и овладел Эдессой. После его гибели в 1146 г. борьбу с крестоносцами возглавил его сын Нураддин, получивший в наследство область Халеба.

Падение Эдессы, а затем изгнание христианского населения после восстания в 1146 г. вызвали новую волну крестоносного движения. В 1146 г. папа вновь призвал к крестовому походу на Восток. Его возглавили действовавшие независимо друг от друга французский король Людовик VII и германский император Конрад III. Марш через Малую Азию сопровождался военными неудачами и потерями, так что оба они в конце концов переправились в начале 1148 г. в Палестину морем с небольшими отрядами отборных воинов.

Единственным серьезным совместным предприятием трех королей явилась безуспешная осада Дамаска, после которой Конрад, а затем и Людовик возвратились восвояси. После их ухода Балдуину удалось захватить у Фатимидов Аскалон (1153 г.), но в то же время Нураддин уничтожил остатки Эдесского графства и отвоевал у Антиохийского княжества Апамею (Афамию), а в 1154 г. его власть признал Дамаск. Теперь крестоносные государства имели перед собой одного сильного противника, который повел медленное, но неуклонное наступление.

Фатимидский Египет к этому времени утратил былое могущество. Ослабленный борьбой за власть в ближайшем окружении малолетнего халифа ал-Адида, он представлял желанную добычу как для крестоносцев, так и для Нураддина. Повод для вмешательства дал в 1164 г. изгнанный соперниками фатимидский вазир Шавар, обратившийся за помощью к Нураддину. Заняв прежний пост, он решил избавиться от отряда курдского эмира Ширкуха, посланного Нураддином, с помощью крестоносцев. Они осадили его отряд в Билбайсе, но после жестокого поражения объединенной армии антиохийского князя Боэмунда III и графа Триполи Раймонда III, взятых в плен Нураддином вместе с рядом других знатных лиц под Харимом (в 30 км восточнее Антиохии), иерусалимский король почел за благо уйти из Египта в свои владения.

В начале 1167 г. Ширкух вторгся в Египет с целью завоевания, занял Александрию и осадил Фустат; Шавар прибег к помощи крестоносцев, а затем откупился от тех и других. В конце следующего года крестоносцы беспрепятственно достигли Фустата по Нилу на 70 судах. Шавар приказал сжечь Фустат, чтобы его богатства не достались врагу, укрепился в Каире и обратился за помощью к Нураддину. Но пока Ширкух с 8000 всадников добрался до Египта, Шавар заключил с иерусалимским королем Амальрихом соглашение, по которому тот обязывался снять осаду и оставить Египет, а Шавар — выплатить ему миллион (по некоторым сведениям — два) динаров. Появление Ширкуха заставило Амальриха покинуть Египет, довольствуясь частью обещанной суммы, собранной к этому времени.

Фатимидский правитель ал-Адид встретил Ширкуха как победителя, одарил его и назначил своим вазиром вместо посаженного в тюрьму и затем казненного Шавара. После смерти Ширкуха (март 1169 г.) вазиром стал его племянник Салахаддин. Расправившись со своевольной суданской гвардией Фатимидов, он стал фактическим хозяином Египта, а 10 сентября 1171 г. оформил это идеологически, заменив имя ал-Адида в пятничном молении именем аббасидского халифа. Тяжело больной ал-Адид скончался через три дня, и с ним пресеклась династия Фатимидов. Этим актом завершилась двухвековая борьба суннитского ислама с фатимидским шиизмом. Ее успеху во многом способствовал Нураддин, подавлявший соперников не только силой оружия, но и идеологически, противопоставляя организованной фатимидской пропаганде деятельность десятков учрежденных им суннитских медресе.

С падением Фатимидов против крестоносцев образовался единый фронт от Северной Сирии до Египта, что обусловило перелом в борьбе с ними, связанный главным образом с именем Салахаддина.

Государства крестоносцев были островками западноевропейского феодализма на территории Ближнего Востока. Причем специфические условия — ничтожная численность пришельцев по сравнению с местным населением (вместе с семьями 2-3%) и условия постоянного военного противостояния, требовавшие повседневной военной готовности и организации, — способствовали тому, что иерархическая структура власти и земельной собственности, тесно связанная с военной организацией, присущая европейскому феодализму, проявилась здесь в наиболее чистом, эталонном виде. Крестоносцы были армией во вражеском окружении, а в армии всегда существует четкая иерархия подчинения. Государство, образовавшееся в результате действий этой армии, было орудием и средством дальнейшего ее существования и функционирования, поэтому естественно, что место, занимаемое человеком в таком государстве, соответствовало его положению в этой армии.

Феодальная структура трех государств крестоносцев при всей их общности имела некоторые различия. Так, в Иерусалимском королевстве, согласно ассизу 1163 г., все вассалы должны были присягать непосредственно королю и его распоряжения для вассалов всех ступеней должны были иметь приоритет перед распоряжениями непосредственных сюзеренов. В Антиохийском же княжестве королю присягали только его личные вассалы и крупные бароны, а верность их вассалов определялась фактом присяги их сеньоров.

Часть владений рыцарей была приобретена по праву завоевания, но основная часть представляла собой *фьефы*, пожалования сеньора за службу. Фьеф не считался собственностью вассала: в случае проступка или преступления его держателя он возвращался сеньору. При заявлении вассала о необходимости длительного отсутствия на службе фьеф также переходил во временное управление сеньора, а при отсутствии больше года возвращался к нему.

Реальность власти сюзерена была различной и зависела от размеров его собственного домена. Иерусалимский король непосредственно владел районом Иерусалима и Аккой (Акрой), владения четырех его крупнейших баронов были едва ли не больше королевских, к тому же эти четыре вассала обладали многими прерогативами суверенной власти: чеканили собственную монету, имели свой суд и право вести войны самостоятельно, В некоторых случаях они заключали с мусульманскими государями договоры, невыгодные для королевства в целом.

Граф Триполи непосредственно владел только самой столицей, и лишь в Антиохийском княжестве собственные владения князя превосходили фьефы самых могущественных вассалов, а все значительные города находились под его непосредственным управлением.

Низшим звеном феодальной иерархии являлись рыцари, обязанные по призыву сюзерена являться на войну в полном вооружении и при четырех конях со всей необходимой обслугой. Число рыцарей (кроме приезжавших на время из Европы) было невелико. Точные цифры для всех трех государств назвать трудно, но в Иерусалимском королевстве в момент прихода к власти Салахаддина было 675 рыцарей, из которых лишь около 200 были непосредственными вассалами короля, несколько десятков принадлежали к монашеским рыцарским орденам.

Старейшим монашеским орденом Палестины были иоанниты, или госпитальеры, обслуживавшие госпиталь для паломников, основанный в Иерусалиме около 1070 г. Материальную базу ордена составляли земельные владения в Европе и дарения в государствах крестоносцев. Лишь в последней четверти XII в. в этом ордене появляется рыцарство, с одной стороны — в виду критического положения королевства, а с другой — под влиянием примера ордена храмовников, или тамплиеров. Орден храмовников, возникший в 1118 г. и получивший название по их резиденции, находившейся в храме, переделанном из мечети ал-Акса в Иерусалиме, имел черты тайного братства: существовало несколько ступеней посвящения, открывавших определенный объем информации.

Оба ордена подчинялись непосредственно папе и рассматривались главой католической церкви как надежное орудие проведения угодной ему политики.

Благодаря многим привилегиям и участию в крупной торговле богатство этих орденов к концу XII в. значительно возросло. Кроме отдельных зданий в различных городах тамплиеры владели 18 мощными, заново отстроенными или переоборудованными крепостями, а госпитальеры — пятью. Ордены были фактически независимыми государствами в государствах крестоносцев. Более того, их владения и политическое влияние распространялись и на Западную Европу.

Большую роль в экономической жизни государств крестоносцев играли колонии итальянских купцов. Старейшей из них, восходящей еще к доарабскому времени, была колония амальфитян в Антиохии, во время крестовых походов появились их колонии в Триполи и Акке. Генуэзские, пизанские и венецианские колонии возникают также в это время. Соперничество между этими городами завершилось в конце концов возвышением Венеции, захватившей господство на Средиземном море: в 1123 г. венецианцы получили по кварталу в каждом городе Иерусалимского королевства, в Тире их квартал занимал почти треть города.

О жизни основной массы населения государств крестоносцев известно очень мало. В городах преобладало христианское население разных исповеданий, как из местных христиан, так и приезжих из Европы. Местные христиане имели свою гражданскую администрацию и сохраняли многие институты, характерные для мусульманских государств: в частности, в городе большое значение имел *мухтасиб*, сохранивший прежнее название. Горожане на свои средства выставляли определенное число воинов для королевского войска и активно участвовали в обороне городов. В 1194 г. в Антиохии была организована коммуна, игравшая значительную роль в политической жизни графства, в 1231 г. образовалась коммуна в Акке, но, по-видимому, вне их оставались значительные массы горожан: представители итальянских колоний, члены орденов и т.д. Значение городских коммун было здесь несколько иным, чем в Европе, где они возникали в процессе борьбы горожан за независимость от сеньоров.

Сельское население состояло в подавляющем большинстве из мусульман. По некоторым сведениям, часть их была прикреплена к земле, но существовали и свободные сельские землевладельцы. Налог обычно составлял $^1/_3$ урожая (кроме подарков сеньору к праздникам). Как и в Халифате, значительная часть земель находилась в безусловной частной собственности горожан, не обязанных несением службы сеньорам.

Положение мусульман-земледельцев, по-видимому, было не тяжелее, чем в мусульманских государствах, хотя они и платили подушную подать.

Арабский путешественник Ибн Джубайр, проехавший в сентябре 1184 г. через Иерусалимское королевство, писал:

«Все жители этих мест — мусульмане, они с франками в хороших отношениях, — да сохранит нас Аллах от соблазна... Сердца большинства из них пропитались соблазном из-за того, что претерпевают их собратья, жители мусульманских деревень и поместий, ведь положение последних совсем не такое благополучное и легкое, как у них. Одно из бедствий, постигших мусульман, — то, что мусульманская часть жалуется на притеснения ее своим же правителем и восхваляет поведение его противника и врага своего из франков, которого любят за его справедливость».

Возможно, в этой оценке есть элемент полемического преувеличения, но несомненно одно: ни один мусульманский автор не отмечает более тяжелого положения крестьян-мусульман под властью крестоносцев и восстаний против них в поддержку мусульманских эмиров.

Примерно через полвека после появления крестоносцев на Ближнем Востоке различия между ними и мусульманскими феодалами начали сглаживаться. Рыцари, родившиеся на Востоке во втором поколении, сближались с местным населением по образу жизни, воспринимали его привычки, пищу и одежду. Но при всем том религиозная вражда сохранялась и использовалась как надежное средство поднятия боевого духа, причем более фанатична была христианская сторона. Особенно отчетливо проявились все контрасты и противоречия в отношениях между крестоносцами и мусульманским миром при Салахаддине.

Распад единого зенгидского государства после смерти Нураддина в 1174 г. позволил Салахаддину подчинить значительную часть Сирии, кроме Халеба, где продолжал сидеть сын Нураддина (до 578/1182–83 г.). Дальнейшие притязания Салахаддина встретили сопротивление могущественного зенгидского правителя Мосула. Борьба с ним за Северную Сирию продолжалась целое десятилетие и кончилась утверждением Салахаддина в Верхней Месопотамии и признанием Мосулом сюзеренитета Салахаддина.

Одновременно шла война с крестоносцами, перемежавшаяся краткими перемириями. Наиболее воинственным противником был граф Рене де Шатийон, владения которого нависали над самым уязвимым местом государства Салахаддина — узкой прибрежной полосой у Акабы, по которой осуществлялась связь между Египтом и Сирией. В 1182 г. он предпринял набег на Тайму, а в феврале 1183 г. в разгар кампании Салахаддина в Северной Сирии осадил Айлу, перевез туда разобранные корабли, собрал их и спустил в Красное море. Захватив 16 торговых судов, они прервали торговое судоходство на Красном море, а затем напали на египетский порт Айзаб, уничтожили судно, направлявшееся в Мекку, и перебили всех паломников. Египетский флотоводец настиг их уже около мекканского побережья, уничтожил суда и их экипажи и воинов, высадившихся на берег. Очередное перемирие после контрударов Салахаддина было вновь нарушено Рене де Шатийоном, захватившим в начале 1187 г. египетский караван, направлявшийся в Сирию.

На этот раз Салахаддин, избавленный от необходимости воевать в Верхней Месопотамии, смог полностью сосредоточиться на войне с крестоносцами.

После ряда мелких столкновений армии противников сосредоточились в районе Тивериадского (Генисаретского) озера. В это время египетская армия Салахаддина насчитывала около 20 тыс. человек, не считая контингентов сирийских провинций. В походах за пределами Египта уча-

ствовало не более половины этой армии, составляя ядро, к которому присоединялись сирийские отряды.

В конце июня Салахаддин, тщательно подготовив свое войско, выступил из Сирии и 2 июля захватил Табарию, за исключением замка, в котором укрылась жена графа Триполи Раймонда III. Войско крестоносцев двинулось ей на выручку. У Салахаддина было 12 000 регулярной квалерии и по крайней мере столько же легкой кавалерии, пехоты и лучников. Крестоносцы располагали примерно такими же силами (15–20 тыс. человек, в том числе не менее 1200 рыцарей). Чтобы собрать такую армию, крестоносцам пришлось оставить города королевства без гарнизонов, но самым слабым местом было отсутствие твердого единого командования.

3 июля на равнине около Хиттина, в 10–15 км западнее Табарии, завязалось жестокое сражение. Салахаддину удалось заставить крестоносцев покинуть хорошо обеспеченный водой район Саффурии и вступить в бой в безводной местности. Это обстоятельство решило исход сражения: измученная жарой и жаждой, конница утратила боеспособность и, задыхаясь в дыму от подожженной мусульманами травы, стала искать спасения на высотах у Хиттина, где мусульмане их окружили. Предвидя исход сражения, Раймонд с двумя сотнями воинов прорвал окружение и ушел в свои владения. Остальные к исходу дня были убиты или взяты в плен. В плену оказались король, его брат, гроссмейстер тамплиеров и Рене де Шатийон. Салахаддин сам обезглавил Рене и распорядился казнить всех орденских рыцарей, кроме гроссмейстера, освобожденного за большой выкуп, заплатить выкуп пришлось и остальным знатным сеньорам.

Так в одном сражении было уничтожено почти все рыцарство королевства и его города остались без защитников. Уже 7 июля Салахаддин был под стенами Акки, и этот хорошо укрепленный город сдался без сопротивления на следующий день. Жителям было позволено покинуть город и увезти имущество. За три месяца все побережье от Аскалона до Джабалы (за исключением Сура) оказалось в руках победителя. В середине сентября он осадил Иерусалим, в котором собрались беглецы со всего королевства. Город отчаянно сопротивлялся две недели, но все же вынужден был сдаться. Горожанам была сохранена жизнь, однако предложено было в течение 40 дней внести выкуп по 10 динаров с мужчины, 5 — с женщины и по 2 (или одному) — с ребенка. Не уплатившие обращались в рабство (таких оказалось 15 или 16 тыс.). Все это касалось только европейских переселенцев, местные христиане и иудеи не подлежали выселению.

Решение Салахаддина в отношении иерусалимцев при всей его жестокости приходится признать великодушным по сравнению с резней, устроенной крестоносцами в 1099 г.

Взятие Иерусалима стало кульминацией разгрома королевства и последним успехом Салахаддина, обусловленным победой при Хиттине. Его попытки захватить Сур, а затем Триполи и Антиохию оказались безуспешными: государи последних двух имели время подготовиться к обороне, а их армии меньше пострадали при Хиттине. К тому же войска Салахаддина были утомлены длительной войной, а в Европе, где был объявлен третий крестовый поход, начали готовиться большие армии, морем прибывали добровольцы-одиночки.

Весной 1189 г. соединенные силы крестоносных государств осадили Акку. Салахаддин не мог прорвать позиции осаждающих, но город стойко держался благодаря помощи египетского флота. Весной 1190 г. в Малой Азии появились немецкие крестоносцы во главе с императором Фридрихом

Барбароссой. Это в корне могло бы изменить ситуацию под Аккой, если бы не гибель императора при переправе через реку, которая деморализовала участников похода, измотанных тяжелым маршем и нападениями туркмен. Бóльшая часть участников похода после этого вернулась на родину; сыну императора с трудом удалось довести до цели лишь тысячу человек.

Положение изменило только появление под Аккой летом следующего года большого флота, доставившего французских и английских крестоносцев, возглавляемых Филиппом II и Ричардом Львиное Сердце, — через полтора месяца город пал. Жителям была гарантирована сохранность жизни, но в отличие от Салахаддина Ричард нарушил слово и перебил часть сдавшихся.

Через две недели поосле взятия Акки Филипп II возвратился во Францию, а Ричард продолжил борьбу за Палестину. 7 сентября он нанес Салахаддину тяжелое поражение под Арсуфом (севернее Яффы) и вынудил его оставить приморскую полосу. Салахаддин распорядился разрушить укрепления оставляемых городов и отступил в Иерусалим. 1 сентября 1192 г. было заключено соглашение, по которому вся приморская полоса Иерусалимского королевства, начиная от Аскалона (укрепления которого были разрушены), оставалась за крестоносцами, а Лудд и Рамла делились между сторонами, христианским паломникам гарантировалось свободное посещение Иерусалима.

Таким образом, даже подкрепления, полученные из Европы, не помогли крестоносцам восстановить прежнее положение. Однако успехи Салахаддина дались огромной ценой. Почти непрерывные военные действия, необходимость постоянно держать в боевой готовности большую армию, строительство укреплений, разрушение городов тяжело сказались на экономике Ближнего Востока. Финансовые возможности Египта были сильно подорваны, что отразилось на количестве и качестве золотой монеты. Дальнейшее ведение войны в прежних масштабах было невозможно. К тому же после смерти Салахаддина (сентябрь 1193 г.) государство его оказалось разделенным на ряд владений между его сыновьями, которые вели между собой борьбу за верховную власть. Это вызывало в Европе надежду на возвращение Иерусалима, но четвертый крестовый поход, начатый в 1202 г., вылился в завоевание Константинополя, что устраивало римский престол не меньше, чем овладение святынями Иерусалима.

Следующий поход, нацеленный на завоевание Египта, закончился для крестоносцев плачевно. Они осадили в 1218 г. Димйат (в устье восточного рукава Нила), но смогли взять его только через полтора года, а когда в конце июля 1221 г. двинулись в глубь страны, то египтяне затопили местность и крестоносцам, утопающим в грязи и окруженным войсками султана ал-Камила, оставалось лишь думать о своем спасении.

Все же через несколько лет крестоносцам удалось овладеть Иерусалимом почти без боя, благодаря борьбе между правителями Сирии и Египта. В 1227 г. ал-Камил, опасаясь усиления своего брата, правившего Сирией, предложил германскому императору Фридриху II, направлявшемуся на завоевание Иерусалима, заключить союз и по договору 1229 г. уступил христианские святыни Иерусалима и дорогу к нему, ведущую от моря. Используя союз с крестоносцами друг против друга, внуки Салахаддина постепенно уступили им почти всю Палестину.

Ее судьба решилась разом и окончательно 17 октября 1244 г. в сражении под Газой, когда египетские войска с помощью хорезмийцев наголову разгромили объединенную армию сирийцев и крестоносцев. Для крестоносцев

это сражение стало вторым Хиттином: из 1100 орденских рыцарей спаслось от смерти и плена только 65. Иерусалим и вся Палестина, а с 1249 г. и дамасские владения вновь были присоединены к Египту.

Последним всплеском крестоносной идеи был поход Людовика IX на Египет (1248 г.), который свелся к захвату Димйата. Но и на этот раз он оказался роковым для крестоносцев: вся французская армия вместе с королем попала в плен. Людовик выкупился за огромную сумму и потратил немало средств и энергии, чтобы выкупить из плена свою армию. В 1265—1268 гг. мамлюкский султан Бейбарс, отразив нашествие монголов на Сирию, легко уничтожил остатки Иерусалимского королевства и захватил Антиохию; жалкие остатки прежних владений крестоносцев сохранялись еще два десятка лет, не играя существенной роли в жизни Ближнего Востока. Последней пала в 1291 г. Акка.

Крестовые походы, имевшие большое значение для развития экономики и культуры Европы, особенно для подъема итальянских торговых городов, тяжело сказались на экономике Ближнего Востока, сильно подорвав производительные силы региона. Города Сирии и Палестины неоднократно подвергались ограблениям и разрушениям, многие окончательно захирели: Эдесса (Руха), Кайсария, Аскалон. В 1192 г. Салахаддин, опасаясь крестоносцев, выселил все население Тинниса, третьего по величине города Египта, и вырубил все деревья. В городе остался лишь гарнизон. В 1227 г. город был окончательно разрушен и навсегда прекратил существование. Бóльшая часть приморских городов Палестины к концу XIII в. лежала в развалинах. В ходе многочисленных осад, требовавших большого количества строительного леса, были уничтожены многие леса. Торгово-ремесленное население Палестины и Ливана было переселено в Египет. Это привело к некоторому подъему производства в Египте при мамлюках, но навсегда прервало тысячелетнюю славу многих ремесленных центров Сирии и Палестины.

ГОСУДАРСТВА САМАНИДОВ И ГАЗНЕВИДОВ

На политическую историю восточной части бывшего Халифата большое влияние оказал процесс этнической консолидации иранцев. Подъем языка дари-фарси, появление на нем литературы сначала на востоке, а затем на западе — это новое явление, требующее своего осмысления, и не только в чисто культурной сфере. В представлении писателей-арабов X в., например того же ал-Масуди, персы (*ал-фурс*) были единый народ (*уммат*) с единым языком, хотя и разделенным на диалекты, с территорией, включавшей помимо областей современного Ирана также часть (восточную) Закавказья, Хорасан (куда входили и Мавераннахр, и часть современного Афганистана). Этот народ первоначально чаще называли *аджам*, букв. «неарабы», или, точнее, «говорящие на непонятном (для араба) языке» (ср. слав. «немец»). Позже, где-то с X в., на них постепенно перешло наименование тазики, таджики, как прежде называли сначала арабов (от племени тай), а потом мусульман вообще. Следовательно, есть основания говорить о формировании в IX–X вв. этнической общности («таджиков»), которая включала предков современных персов и таджиков, а также некоторое другое ираноязычное население (например, говорившее на языке азери в Азербайджане). Много позже, уже в послемонгольское время, в новых условиях эта

общность, часть которой (в Азербайджане и Мавераннахре) подверглась тюркизации, стала распадаться на две самостоятельные — персов и таджиков. Ничего подобного в IX–X, да и в XI–XIII вв. не было, и таджики той поры — общее название массы ираноязычного населения, связанного единой культурой, этническим самосознанием и языком. Формирование этой этнической общности играло большую роль в период образования на востоке Халифата полусамостоятельных и самостоятельных государств. Религией в них оставался ислам, и определенная ностальгия шуубитов по домусульманской истории иранцев за известные рамки не выходила.

Подъем экономики Ирана наблюдается уже в период Аббасидского халифата. Коснулся он и сельского хозяйства, и города. В период полунезависимых и независимых государств IX — первой половины XI в. этот процесс продолжался, хотя проходил неравномерно в разных областях, которые и прежде находились на неодинаковом уровне социально-экономического развития.

Тем не менее источники для этого времени позволяют выделить несколько экономических зон, определявшихся их географическим положением, природными условиями, связью с большими транзитными торговыми путями, игравшими важную роль в то время. Основная территория Ирана входила в пределы нескольких таких зон, включавших также ряд областей нынешнего Афганистана и Средней Азии. Это прежде всего Хорасан, Мавераннахр и Хорезм. Экономически они составляли определенное единство, которое способствовало и политическому их объединению в составе государств Тахиридов, Саффаридов и Саманидов. Другой район, прилегающий к этому и в определенной мере с ним связанный, — Сеистан с сопредельными областями. Эта историческая область, позже пришедшая в упадок, в IX–X вв. представляла экономически развитой район, благосостояние которого в гораздо большей мере, чем других иранских областей, зиждилось на искусственном орошении. Упадок оросительной системы позже повлек за собой и общее разорение экономики.

Следует выделить в качестве особой экономической зоны также Северо-Западный Иран, Азербайджан и области Центрального Ирана с городами Рей и Исфаган. Юго-Западный Иран (Фарс, Керман и тяготевший к ним Хузистан) представлял еще одну зону. Несколько обособленное положение занимали прикаспийские области (Гилян, Табаристан, Дейлем), которые в силу своего географического и исторического положения долгое время оставались в стороне даже от соседних областей. Прикаспийские области довольно поздно были покорены арабами, и в них медленнее, чем где-либо, утверждался ислам. В этих районах, особенно в горах Дейлема и Гиляна, крепки были общинные связи, феодализация проходила медленно. Недостаток земли и рост населения (в целом вообще характерный для Ирана IX–X вв.) приводили к оттоку из этих областей избыточных людских ресурсов; выходцев из этой зоны называли дейлемитами; они играли большую роль в политической жизни Халифата и Западного Ирана.

На большей части Ирана земледелие было всегда связано с орошением. В период Аббасидов, а затем и в государствах IX–X вв. оросительные работы, заботы о которых главным образом брало на себя государство, получили большое развитие. В разных областях страны, особенно в Хорасане, Сеистане, Кермане, высокого уровня достигла система подземных оросительных каналов (*кяризов* или *канатов*). Такие каналы проводились нередко на расстояние в десятки километров, глубина их достигала нескольких десятков метров. Их сооружение требовало больших производственных

навыков, формировавшихся как профессиональные из поколения в поколение.

В других районах для орошения, как и раньше, использовалась вода даже небольших рек. В качестве примера можно привести Азудову плотину на р.Кур в Фарсе, сооруженную при Буидах. На р.Карун в Хузистане использовались громадные водоподъемные колеса. Возделывались в основном традиционные культуры: ячмень, пшеница, в южных районах — рис. Земли отводились и для разведения технических культур, прежде всего хлопчатника, а в ряде районов — льна, красильных растений.

По-прежнему значительным был кочевой и полукочевой сектор экономики, в котором преобладали и для данного времени кочевники-иранцы (курды), а на юго-западе — арабы. Арабские племена, поселенные в VII-VIII вв. в разных районах Ирана (например, в Хорасане, на Мугани), в данный период заметной роли не играли.

Особое значение в хозяйственной жизни имел город. К сожалению, города собственно Ирана пока изучены гораздо хуже, чем города арабского Переднего Востока и Мавераннахра, хотя материал в источниках IX–XI вв. имеется большой. Основными жителями иранских городов той поры были иранцы (аджамы, персы, таджики источников). Городов с населением в несколько десятков тысяч жителей было много. В крупнейших же центрах (Нишапуре, Исфагане, Хамадане и др.) число жителей превышало 100 000 человек.

Город X–XI вв. являлся экономическим и политическим центром округи или (для больших городов) области. В это время сложилась знаменитая трехчленная система города (*кухендиз*, *шахристан* и *рабат*). Каждая из этих частей играла определенную социальную роль. Кухендиз, или арк (крепость), был оплотом феодала или наместника, тогда как в шахристане и особенно рабате были сосредоточены ремесленники и торговцы. Города той поры носили полуаграрный характер, и жители, в особенности рабатов, занимались не только ремеслом, но и садоводством и даже земледелием. Однако в целом город был основой и средоточием товарно-денежных отношений, которые в IX–XI вв. достигали высокого для феодализма уровня развития. Сама экономика, особенно в передовых районах, в значительной мере утратила натуральный характер. Там, где в VIII–IX вв. деньги служили средством исчисления налогов, в X–XI вв. устанавливалась денежная рента. В известном плане можно утверждать, что к X в. сложилось экономическое и политическое господство города над деревней.

В городах существовали профессиональные объединения ремесленников и торговцев, игравшие большую роль не только в экономической, но и в политической жизни. Хотя город оставался и средоточием правящего феодального слоя, главы торгово-ремесленных корпораций все больше включались в политическую жизнь, шла их борьба с феодалами, и в этой борьбе главы городских кварталов и корпораций (*раисы*) нередко приобретали большой вес, добиваясь влияния на городские дела. Полного городского самоуправления достигнуто не было, но более или менее значительные его элементы появились и проявили себя именно в X–XII вв.

В последний период Халифата все больше росло мульковое землевладение. Источники упоминают крупных землевладельцев — *маликов*, собственников *милков* (или *мульков*), земель *дийа*. Эти земли продавались и покупались. В купле-продаже земли участвовали и правители, и феодалы, и крестьяне. В X в. в ряде государств на территории Ирана все большее распространение получает институт *икта* как условного земельного владения.

Этим путем местные правители пытались ослабить дехкан и создать зависимую от себя прослойку феодалов, полностью им обязанных. Система икта получила еще большее развитие в сельджукскую эпоху.

Основной фигурой в сельском производстве был крестьянин-издольщик. Сохранялось и общинное землевладение, а также в ряде районов частное крестьянское. Недостаток земли и рост населения вели к массовому отрыву крестьян от села, притоку их в города. Эти практически деклассированные элементы (*айары*) наполняли города, из них формировались дружины разного рода искателей приключений, порой игравшие немалую роль в политической жизни и даже становившиеся основателями династий. Примеры тому — Йакуб ибн Лейс, основатель дома Саффаридов, и братья Буиды, по происхождению крестьяне из Дейлема. Как своеобразную реакцию против такого рода выдвижения «плебеев» можно признать подъем Саманидов, происходивших из знатного рода дехкан округа Балха. Борьба этих двух тенденций характеризует всю историю Ирана и Мавераннахра IX–XI вв. Эта борьба, особенно в последний период, осложнялась выдвижением на политическую авансцену командиров тюркских военных отрядов, часто из среды гулямов (рабов), претендовавших на роль правителей. Так выдвинулись Газневиды. Постепенная замена на политической арене представителей дехканства и выходцев из местных иранских низов (дейлемитов и т.д.) тюркскими кондотьерами — свидетельство упадка дехканства, с одной стороны, и определенной феодализации иранского общества — с другой, когда такие отсталые области, как Дейлем, прекратили выброс избытков населения. Таким образом, можно установить к XI в. следующие главные изменения в социально-экономической жизни Ирана. Это постепенный упадок дехканства и выдвижение служилой аристократии разного происхождения. Затем рост города, городской экономики, политической роли городов. Развитие этих противоречивых факторов привело к усилению децентрализации, тенденции к обособлению областей, районов. В этих условиях предводителям военных отрядов сравнительно легко удавалось захватывать власть в отдельных городах, областях, но столь же легко они эту власть и утрачивали. В конечном счете развитие этих процессов облегчило завоевание Ирана сельджуками в XI в.

В Арабском халифате иранский этнос с его политическими и культурными традициями занимал особое место. Если арамейцы довольно быстро подверглись арабизации, то иранцы оказались столь же восприимчивыми к исламу, но устойчивыми в этнокультурном плане. Напомним, что в период становления власти Аббасидов они поддержали последних и благодаря поддержке со стороны знати Восточного Ирана на престоле закрепился младший сын Харуна ар-Рашида, по матери иранец Мамун. Вскоре, однако, иранская знать перестала довольствоваться поддержкой выгодных ей представителей династии Аббасидов; стали проявляться тенденции к обособлению отдельных областей.

Халифат первоначально терял окраинные области, и таковыми первое время были Испания, Северная Африка. Иранские же области, сыгравшие ведущую роль в утверждении Аббасидов, вступили на стезю приобретения независимости позже. И лидировали в этом не области Западного и Центрального Ирана, а восточноиранские земли, объединенные в обширную провинцию Хорасан. Для этого были свои причины, и они состояли не в давних свободолюбивых традициях восточноиранских областей, как порой представляется в некоторых трудах по истории среднеазиатских республик, а в политических, этнических и культурных особенностях Хорасана. Начать

с того, что именно Хорасан стал в арабское время этническим и культурным центром ираноязычного населения. Здесь активно распространился язык дари-фарси, по происхождению западноиранский, вытеснивший значительную часть местных языков и наречий. Кроме того, именно в Хорасане прочнее всего в связи с деятельностью Аббасидов и их сторонников утвердился ислам, тогда как в Фарсе или Кермане еще в X в. был живуч зороастризм.

Первое в Иране полусамостоятельное политическое объединение сложилось именно в Хорасане — это государство Тахиридов (821–873). Основатель династии Тахир ибн Хусейн, представитель знатной дехканской фамилии Хорасана, командовал армией аббасидского халифа Мамуна в его борьбе с Амином, а затем был назначен наместником Хорасана. Перед смертью он пошел на необычный акт — приказал опустить имя Мамуна в пятничной молитве (821 г.), что было равнозначно отказу от признания власти халифа. Последний, однако, вынужден был назначить преемником Тахира его сына Талху, наследники которого управляли восточноиранскими областями до 873 г., когда были свергнуты Саффаридами. Талха и его преемники, из которых особенно известен Абдаллах (828–845), не последовали примеру основателя династии и, управляя на деле совершенно самостоятельно Хорасаном, формально признавали власть Аббасидов, поминая их имя в хутбе, чеканя имя халифа на первом месте на монетах и уплачивая Багдаду дань. Тахириды, проводя в целом политику, угодную иранскому дехканству, в то же время стремились несколько улучшить и положение крестьян и горожан. В их время дари-фарси впервые стал употребляться наряду с арабским как язык литературы.

Тахириды были свергнуты Саффаридами. Основатель династии Йакуб ибн Лейс был, как упоминалось, плебейского происхождения (имел профессию медника и, по словам историка Гардизи, в качестве *моздура*, поденщика, зарабатывал в месяц 15 дирхемов). Затем он оставил мирную специальность и стал искать счастья на поприще кондотьера, поступив на службу к правителю Сеистана, и постепенно захватил власть в этой области. Йакуб и его барт Амр были шииты и в качестве таковых вступили в открытую борьбу с халифом. Первоначально им сопутствовал успех, и они овладели Хорасаном, лишив последнего Тахирида власти. Наследник Йакуба, Амр, вынужден был примириться с халифом, но дани Багдаду не платил и вообще вел себя по отношению к халифу вызывающе. В отличие от Тахиридов Саффариды не заботились о благосостоянии страны и обирали как крестьян, так и дехкан. Более того, Амр вообще прославился своей скаредностью. Он повысил налоги с купцов и дорожные пошлины; как верх его корыстолюбия современники отмечают обложение им особой податью старух, занимавшихся прядением на дому. Всем этим воспользовался халиф, оказавший поддержку правителю Мавераннахра Исмаилу Саманиду. Иранское дехканство, недовольное Саффаридами, оказало поддержку последнему, и Исмаил разгромил войско Амра, который попал в плен, был отослан к халифу и казнен по приказу последнего (900 г.). Таким образом, кратковременное существование государства Саффаридов (867–900) можно скорее отнести к цепи случайностей, успешной деятельности удачливого кондотьера, не сумевшего создать себе прочную социальную опору.

Иной характер носила держава Саманидов. Основателем феодального дома Саманидов был дехканин из Балха Саман-худа, принявший ислам уже при первых Аббасидах. Один из его внуков, Ахмад, был поставлен Мамуном в 819 г. правителем Ферганы, а братья последнего управляли в других

районах Мавераннахра. Халиф Мутамид, боровшийся с Саффаридами, назначил Насра ибн Ахмада в 875 г. правителем той части провинции Хорасан, которая не подчинялась Саффаридам (Мавераннахр, Восточный Хорасан с Гератом и Балхом). Наср и его брат Исмаил вели успешную борьбу на северных границах с кочевыми тюркскими племенами, укрепили свою власть в восточноиранских областях, сделав центром своих владений Бухару. В 900 г. Исмаил разгромил Амра Саффарида и захватил его владения с благословения Багдада.

В отличие от строптивых Саффаридов, которые опирались только на военную силу, Саманиды, кровно связанные с иранским дехканством, имели достаточно широкую социальную опору. В качестве выразителей интересов иранской знати Саманиды возвели свою официальную родословную к Сасанидам, что символизировало их преемственную связь с древними доисламскими правителями Ирана. В то же время Саманиды были ортодоксальными мусульманами-суннитами, до конца дней своих признавали верховную власть халифа. Таким образом, в деятельности Саманидов прослеживается как бы два противоречивых направления. С одной стороны, они — типичные мусульманские правители, распространители ислама среди многочисленных «неверных», своих соседей. С другой — они же возрождали те доисламские традиции, которые не входили в противоречие с догматами ислама и современной им эпохой. Именно при Саманидах язык дари-фарси вышел на широкую дорогу литературы, а воспроизведение иранского эпоса и сасанидской истории сначала в новоперсидских переводах (с арабских версий) «Хвадай-намак», а затем в эпических произведениях Дакики и Фирдоуси стало своеобразным идеологическим выражением самих политических позиций иранского дехканства.

Поскольку центр державы Саманидов находился в пределах Мавераннахра со столицей в Бухаре, ряд ученых утвердили в историографии версию о таджикском государстве Саманидов. Государство это действительно можно назвать таджикским, не придавая, однако, термину «таджик» современного смысла, поскольку в ту пору таджиками, как сказано, называли всех иранцев в противоположность арабам и тюркам. Историческое же и культурное наследие эпохи Саманидов принадлежит в равной мере и современным персам и таджикам Средней Азии и Афганистана, а также в какой-то мере другим народам Средней Азии (прежде всего узбекам), сложившимся позже, при участии раннесредневекового таджикского этноса.

Государство Саманидов в X в. включало Мавераннахр, Хорезм, собственно Хорасан (западный с Нишапуром, Восточный с Гератом, Балхом и Северный с Мервом), а также Сеистан и Гурган (основную территорию современного Афганистана). Попытки Саманидов закрепиться в прикаспийских областях (прежде всего в Табаристане) в целом не удались.

Саманиды проводили активную политику на северных рубежах, где достигли значительных успехов в борьбе с тюрками-карлуками. Своеобразное положение занимал Хорезм; здесь существовали сначала два полусамостоятельных владения, в 995 г. объединенные правителем Гурганджа.

Саманидский правитель носил титул эмира, подчеркивая тем самым формальную зависимость от халифа. Столица Саманидов, Бухара, стала одним из крупнейших городов мусульманского мира. В Хорасане главным городом был Нишапур, ставший центром области еще при Тахиридах. В этом городе сидел наместник всех владений Саманидов к югу от Амударьи, и Нишапур именно в X в. надолго оттеснил на второй план прежний центр Хорасана — Мерв.

Государство Саманидов было для той поры централизованным объединением, вся власть в котором осуществлялась из Бухары. Большую роль играли вазиры, в X в., как правило, принадлежавшие к двум знатным иранским дехканским фамилиям — Джайхани и Балами. Ряд представителей этих фамилий являлись крупными учеными, которым покровительствовали и саманидские эмиры.

Политика Саманидов в отношении своей главной социальной опоры — иранского дехканства — была противоречивой. С одной стороны, эмиры должны были считаться с местными феодальными домами. С другой — опасаясь дальнейшего развития сепаратистских тенденций, носителями которой были крупные дехкане, Саманиды стремились контролировать их деятельность и по мере сил ограничивать ее. Они все больше вводили в практику раздачу земель на правах условного владения (*икта*) и, укрепляя таким путем свою власть на данный момент, по сути дела, подрывали ее социальные устои. Упадок дехканства фактически и стал главной причиной ослабления, а затем и падения государства Саманидов. Недовольные дехкане отказали династии в поддержке, и значительная их часть проявила пассивность в период выдвижения Газневидов, а затем сельджукского нашествия.

Время Саманидов оказалось периодом расцвета экономики, культуры. Описание восточноиранских областей у географов «классической школы» (ал-Истахри, Ибн Хаукаля, ал-Мукаддаси и др.) — тому яркое свидетельство. Впрочем, ту же картину мы видим в X в. и в других областях Ирана, в частности на юго-западе страны, где возникло государство Буидов. Основатели династии, три брата-дейлемита (Али, Хасан и Ахмед), сделали карьеру на службе у кондотьера же дейлемита Мердавиджа, который между 932 и 935 гг. сумел подчинить себе большую часть Западного Ирана. Мердавидж был убит своими гулямами в бане в Исфагане (935 г.), но братья Буиды закрепились в его владениях, а затем в 945 г. Ахмед взял Багдад и лишил халифа политической власти, оставив его номинальным главой мусульман. Три брата разделили свои владения между собой под главенством старшего. Под их властью оказалась обширная территория, включая Ирак Арабский, Хузистан, Фарс, Керман, а также области Исфагана, Хамадана, Рея. Наибольшего могущества достиг Буид Азуд ад-доуле, сын Хасана, наследовавший отцу в 949 г. и присоединивший владения своих дядьев в 976 г. В проявлении иранского патриотизма Буиды в ряде случаев пошли дальше Саманидов. В 60-х годах X в. Азуд ад-доуле принял древний титул шаханшаха. Как и Саманиды, Буиды с целью увеличения своих доходов стремились поднять благосостояние крестьян и горожан, заботились о сохранности и постройке оросительных систем. Столицей Азуд ад-доуле стал г.Шираз. Великолепный дворец правителя состоял из 360 помещений. Но особенно известна была библиотека, куда Азуд ад-доуле собрал всевозможные рукописи из своих владений. В самом Багдаде он построил новые здания, в том числе медицинскую школу. Любопытно, что этот правитель имел министра-христианина, который воздвигал и восстанавливал церкви и монастыри. Сами Буиды склонялись к шиизму, что не мешало им находиться в хороших отношениях и с суннитами. Государство Буидов стало приходить в упадок уже после смерти Азуд ад-доуле, сыновья которого начали междоусобную борьбу. В 1029 г. Махмуд Газневи покорил Центральный Иран, а остальное довершили сельджуки.

В X в. менее значительные политические объединения существовали в прикаспийских областях и в Азербайджане, где правили одна за другой ди-

настии Саджидов (тюркская), Саларидов (дейлемитская) и Раввадидов (арабская).

Саманиды, борясь с сепаратизмом иранских дехкан, опирались на военную гвардию из гулямов-тюрок, и командиры тюркских отрядов уже во второй половине X в. приобрели большую власть.

Один из таких гулямов, Алптегин, поссорившийся с Саманидами, бежал в 962 г. в Газну и основал там независимое княжество. Преемник его, также тюркский гулям Себуктегин, стал основателем династии Газневидов. Когда в 999 г. государство Саманидов пало под ударами северных тюрок (во главе с караханидами), наследник Себуктегина, Махмуд (998–1030), захватил владения Саманидов к югу от Амударьи, включая Хорасан, Сеистан, территорию современного Афганистана. Всю свою жизнь Махмуд провел в войнах с соседями: Караханидами, Буидами и др. С чисто грабительскими целями он совершил несколько походов в Индию, откуда вывез огромные богатства, необходимые ему прежде всего для того, чтобы расплатиться со своими воинами. Дело в том, что при Махмуде окончательно оформилась своеобразная военная организация, зачатки которой начали складываться еще в IX в. в халифате Аббасидов. Основной военной опорой Махмуда были отряды гулямов-тюрок. Купленные в молодом возрасте, эти люди становились профессиональными военными, не знавшими иного дела. И если раньше на войну призывались и дехкане с их дружинами, и ополчения из простонародья, то при Махмуде действовал принцип, согласно которому райяты должны были возделывать поля или работать в мастерских и полностью отстранялись от военной службы. Кроме гулямов Махмуд нанимал еще и добровольцев, носивших наименование *газиев* (борцов за веру).

Будучи сам потомком тюркских рабов, эмир Махмуд выдавал себя за ревностного мусульманина; грабительские походы его в Индию проходили под лозунгом священной войны за ислам. Для Махмуда иранские владения были только источником доходов, которые извлекались любыми способами. В результате в 1006 г. местная знать Хорасана призвала в свою страну мавераннахрских Караханидов; позже, при преемниках Махмуда, она же оказалась совершенно пассивной перед опасностью сельджукского завоевания. Бесчинства Махмудовой солдатни и корыстолюбие сборщиков налогов дополнялись другими бедствиями. Например, в 1011 г. распространилась чума, свирепствовал голод и дело доходило до людоедства. Завоевательные успехи Махмуда были связаны с его талантом военачальника и слабостью его соседей (индийских правителей, Буидов и т.д.). Смерть Махмуда (1030 г.) оказалась сигналом для восстаний на окраинах его эфемерной державы. Сын и наследник Махмуда, султан Масуд, потерпел поражение от сельджуков и быстро лишился большей части своих владений.

IX–X века — время усиленного внедрения ислама среди населения Ирана. В этом была велика роль и Аббасидов, и практически всех независимых династий. Медленнее всего ислам внедрялся в областях Южного Прикаспия. Еще в IX–X вв. выходившие оттуда кондотьеры были зороастрийцами, быстро исламизировавшимися (по крайней мере внешне) в условиях других стран Халифата. Местные правители Табаристана из династии Бавандидов носили иранские зороастрийские имена еще в первой половине IX в., а также титул *испахбеда* («главы войска»), но в X в. и они были мусульманами.

Однако зороастризм сохранял в X в. в Иране сильные позиции, и не только в прикаспийских областях. Особенно много зороастрийцев было в Фарсе, Кермане, некоторых районах Центрального Ирана. По данным ал-

Масуди, зороастризм в его время (X в.) был распространен в Арране (Кавказской Албании), где он успешно сопротивлялся христианству и был позже вытеснен исламом. В X же веке в Фарсе, Азербайджане функционировали древние храмы огня, сохранялись и иные зороастрийские традиции, не были уничтожены среднеперсидские рукописи. В то же время для периода IX–X вв. характерно распространение разного рода еретических учений, корнями восходящих к сасанидскому времени. Разгромленные в первой половине IX в. в Азербайджане, Арране и Южном Прикаспии, хуррамиты действовали в этих районах и в X в., особенно в Азербайджане и Джибале (Западный Иран). Резкое сокращение зороастрийских общин произошло только в XI–XII вв., после чего они уцелели преимущественно в Восточном Иране (Кермане, Йезде), а значительная часть последователей Заратуштры иммигрировала в Индию, положив здесь начало местной общине парсов.

В разных районах Ирана продолжали сохраняться и христианские общины, преимущественно несторианские. Они существовали в Хузистане, Азербайджане, Мерве. Однако их было относительно немного и они не играли такой роли, как зороастрийцы или хуррамиты. Но даже в X в. среди государственных чиновников было много христиан.

В городах Ирана сохранялись многочисленные иудейские общины. Особенно много евреев было в Хамадане, Исфагане и Ширазе, еще больше в Мавераннахре. Иудаизм, христианство и зороастризм в Халифате, а затем в большинстве государств — его наследников рассматривались как покровительствуемые религии, т.е. официально разрешенные, носители которых были объединены в общины, пользующиеся известным самоуправлением.

Основная часть населения Ирана была к XI в. исламизирована. При этом правители, оппозиционные Багдаду, могли быть шиитами или заигрывали с шиизмом (как Буиды). Население Ирана (в отличие от Ирака и даже некоторых других арабских областей) в данное время, как правило, исповедовало ислам суннитского толка. Лишь в некоторых городах (например, в Куме) шиизм занимал господствующие позиции.

Ортодоксальный (суннитский) ислам также не был однороден. Различия в нем проявлялись прежде всего в системе права. Существовали четыре главные правовые школы (ханифиты, маликиты, шафииты и ханбалиты) и большое число других, постепенно исчезнувших. В X в. между этими школами резких противоречий еще не наблюдалось и споры шли главным образом по различным догматическим вопросам.

Главный соперник суннизма — шиизм уже в IX в. стал распадаться на секты и ответвления, важнейшим из них являлся исмаилизм, на формирование которого оказало влияние учение неоплатоников и других доисламских мировоззрений. Однако до XI в. последователей исмаилизма в Иране было немного. В IX–X вв. начал распространяться суфизм, мистическое течение в исламе, заимствовавшее отдельные догмы у суннитов и шиитов. Но расцвет суфизма приходится уже на XI–XII вв.

Арабское завоевание первоначально привело к распространению арабского языка в качестве государственного (с конца VII в.) и литературного. Даже ученые-иранцы вошли в сферу арабской культуры, пользовались арабским языком и нередко (как знаменитый Ибн Мукаффа) были переводчиками на этот язык памятников среднеперсидской литературы. Роль иранцев в арабской культуре сохранялась и в IX–X вв. Достаточно назвать имена историка ат-Табари и географа ал-Истахри. Но писали они по-арабски. Более того, именно ат-Табари и его младший современник, Хамза ал-Исфагани, явились фактическими создателями мусульманской концепции

всемирной истории, предтечей которой наряду с прошлым (домусульманским) арабов и других семитов стала легендарная и реальная история иранцев, прежде всего низвергнутых арабами Сасанидов. Эта концепция истории была воспринята и учеными — арабами по происхождению и господствовала в мусульманской науке вплоть до новейшего времени.

Фактически ат-Табари и другие ученые-иранцы, писавшие по-арабски, установили связь между иранской и собственно арабской наукой, и их труды принадлежат и арабской и иранской культурам.

Среднеперсидский язык в послесасанидское время существовал как мертвый литературный язык только среди зороастрийцев. Однако его разговорные формы, утвердившиеся при Сасанидах и в восточно-иранских областях, а затем, уже в арабское время, в Мавераннахре, выжили и очень рано стали проявлять себя прежде всего в поэзии. И хотя в Иране существовали различные наречия и диалекты (а также и самостоятельные языки типа согдийского и хорезмийского), уже в VII–VIII вв. получили повсеместное распространение разговорные формы дари, т.е. языка, на котором говорили при дворе Сасанидов. Примечательно, что, как ныне выясняется, раньше всего поэзия на этом языке возникла на окраинах Ирана, и не только восточных. Древнейший бейт на дари, известный нам благодаря ат-Табари, датируется 668 г. и происходит из Балха. Но для первой половины IX в. стихи на фарси бытовали в Мараге (Азербайджан), Куме, Сеистане. Как ни парадоксально на первый взгляд, позже всего новый литературный язык утвердился в Фарсе, очевидно, из-за сохранения там благодаря стараниям местных мобедов мертвого среднеперсидского языка.

Новый язык основывался на арабском шрифте, более удобном, чем пехлевийский, и, став письменным, отбросил систему идеограмм, что сразу сделало его более доступным народу. В то же время в поэзии на дари IX в. очень сильно арабское влияние как в метрике стиха, так и в лексике. За многосотлетнюю историю языка дари в нем наблюдались разные веяния, в том числе и попытки очистить его от арабизмов (например, у Фирдоуси), но в целом дари-фарси как литературный язык сформировался под огромным влиянием арабского языка, который сам испытал воздействие иранской лексики, обнаруживаемой уже в Коране.

Настоящий расцвет литературы на дари-фарси начался в государстве Саманидов, в пределах Восточного Ирана и Мавераннахра. И первой фигурой здесь стал Рудаки (первая половина X в.). Его касыды и газели, из которых сохранились немногие, свидетельствуют об авторе как о сложившемся поэте с оригинальным мировоззрением и талантом.

Но наивысшего расцвета в период Саманидов и Газневидов достиг эпический жанр. Выходец из Туса Дакики поставил задачу обработать и изложить в стихотворной форме иранский эпос и доисламскую историю Ирана. Материал для этого имелся в арабских переработках «Хвадай-намак». Дакики не смог выполнить до конца эту задачу, и ее осуществление выпало на долю Абул-Касима Фирдоуси, также хорасанца, выходца из дехканского сословия, приходившего уже в ту пору в упадок.

Свое гигантское творение, озаглавленное «Шах-наме», Фирдоуси завершил уже при Махмуде Газневи в 1009–1010 гг. Фирдоуси, как придворный поэт, был вынужден посвятить свой труд Махмуду, который был совершенно чужд иранскому патриотизму и не оказал ожидаемого покровительства поэту. Материал, положенный в основу «Шах-наме», не был новым в литературе того времени. Он обрабатывался историками (ат-Табари), входил в комплексные труды на арабском языке (ал-Масуди и др.), но в

огромной поэме Фирдоуси прошлое Ирана предстало как широкое поэтическое полотно, показавшее на родном для иранцев языке их богатое политическое наследие и культурные традиции. В то же время Фирдоуси оставался мусульманином, и попытки некоторых современников и последующих поколений представить его как еретика и чуть ли не зороастрийца оснований не имеют. Фирдоуси, по-видимому, даже не знал среднеперсидского языка (точнее, письменности). Его поэма оказала огромное влияние на последующее развитие средневековой литературы на дари-фарси — как теперь признано, общего наследия и современных персов, и современных таджиков.

Как сказано, Махмуду Газневи был полностью чужд иранский патриотизм, хотя при его дворе сложилась школа поэтов-панегиристов (Унсури и др.), которые создали ему в глазах потомков незаслуженную славу покровителя персидской литературы.

Языком науки оставался, однако, арабский язык. Великий Бируни даже писал, что только он пригоден для ученых, и сам творил лишь на этом языке, пренебрегая и фарси, и родным хорезмийским. Научное творчество Бируни, в котором сфокусировались практически все достижения тогдашней науки, относится и к арабской, и к иранской науке. То же самое можно сказать и об Абу Али Ибн Сине (Авиценне), уроженце Бухары, для которого дари был родным языком, и многих других представителях культуры той поры.

При Саманидах возникла и проза на дари. Мухаммад Балами, вазир одного из Саманидов, переработал и переложил на персидский язык «Историю пророков и царей» ат-Табари. В его редакции много добавлений, отсутствующих в подлиннике. А в 80-х годах X в. в пределах современного Афганистана для одного из мелких феодалов области Гузганан на фарси была составлена анонимная географическая компиляция «Худуд ал-алам», автор которой скомпоновал (не всегда, правда, удачно) выдержки из многих ныне утраченных географических сочинений. Блестящим образцом прозы на фарси-дари X–XI вв. является также «История Бухары» Нершахи.

В иранских государствах X в. правители, как правило, покровительствовали науке и литературе. Даже Махмуд Газневи пытался силой заставить крупнейших ученых жить в своей столице, Газне. Не все почитали это за честь, в частности Ибн Сина, бежавший из Газны на запад Ирана. Саманиды и Буиды основали огромные для того времени уникальные библиотеки (в Бухаре и Ширазе), собирая там ценнейшие рукописи на арабском, персидском и других языках. Обучение в Иране той поры велось на арабском языке в духовных школах (*медресе*), но возникали учебные и научные учреждения высшего типа, своеобразные средневековые университеты. Чаще всего они назывались *дар ал-илм* («дом науки»). Крупнейшие авторитеты в области религии, религиозного права и т.д. читали лекции в дар ал-илм и при важнейших мечетях в Нишапуре, Бухаре, Исфагане и т.д. Число слушателей достигало иногда нескольких сотен. Богатые люди приглашали домашних учителей, которыми были порой и крупные ученые.

Из памятников архитектуры той поры сохранились преимущественно здания мечетей и медресе. Они отражают два типа архитектуры: один — в известной мере продолжающий традиции Византии и идущий из Сирии, другой — связанный с сасанидской эпохой. Первый был больше распространен в Северном Иране в VIII–X вв., второй — в разных областях страны позже, с XI в. Уцелели и некоторые образцы светской архитектуры: мавзолей Исмаила Саманида в Бухаре (X в.), башня мавзолея местного феодала

Кабуса в Гургане (начало XI в.) и др. Они по своему типу восходят к соответствующим сооружениям сасанидского времени.

Период IX — первой половины XI в. очень важен в истории Ирана. Это, по сути дела, исключительный отрезок времени после арабских завоеваний, когда на территории Ирана создаются государства с этнически иранскими династиями. Уже в конце этого периода положение меняется, и вплоть до новейшего времени династии, правившие в Иране, были этнически неиранскими. Для этого периода характерен расцвет иранской культуры, прежде всего литературы на персидском (дари-фарси) языке. Правда, эта традиция оказалась весьма устойчивой; она продолжала развиваться и в эпоху господства тюркских и монгольских династий благодаря более высокому уровню иранской культуры, оказавшей огромное воздействие на сложение и средневековых тюркских литературных языков, и литературы на этих языках.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В III–XIII вв.
(до монгольского завоевания)

История среднеазиатских земель: Хорезма, Мавераннахра, Северного Хорасана, Гургана и др. — тесно связана с историей соседних земель (Иран, Сеистан, Дешт-и Кипчак и др.). Общность исторических судеб привела к выработке сходных традиций, но не к их единообразию. Традиции домусульманской старины приспосабливались к государственным и общественным институтам, сформировавшимся на базе мусульманского мировоззрения.

В III–VII вв. южные области Средней Азии испытали на себе влияние сасанидской государственности. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные находки сасанидских монетных кладов в областях современного Южного Туркменистана. Завоевание Сасанидами Хорасана и Гургана относится ко второй половине III в. В IV в. ими предпринимались также завоевательные походы в Хорезм и заамударьинские области, не имевшие, впрочем, решительного успеха.

Средняя Азия была неселена в ту пору преимущественно ираноязычными народностями. Иранцами по языку были как обитатели земледельческих оазисов: хорезмийцы, бактрийцы, согдийцы, — так и кочевники: саки, массагеты и др. К первым векам нашей эры относится проникновение в северо-восточные области Мавераннахра и в Хорезм тюркоязычных групп. В пестрой гамме религиозных верований преобладали близкие к сасанидскому зороастризму дуалистические культы, восходящие своими корнями к древним арийским (индоевропейским) верованиям. Почитанием пользовались также небесные светила (Солнце, Луна), силы природы (огонь, вода, ветер). Значительное место занимали культ предков, вера в таинственные силы некоторых растений («хаома») и животных (собака, ёж, петух и др.), добрых и злых духов.

Власть на местах принадлежала крупным земельным собственникам — дихканам; руины их многочисленных замков-крепостей до сих пор возвышаются на равнинах Средней Азии (так называемые кешки) как память о господствовавшей здесь некогда политической раздробленности. Сасанидская административная система могла оказать влияние только на те области, которые непосредственно входили в состав империи шаханшахов.

Об устройстве других среднеазиатских областей в III–IV вв. практически ничего не известно.

В ранней истории Средней Азии исключительно велика роль кочевых племен и объединений. Нашествия «степных варваров» приносили немало бед и разрушений населению земледельческих оазисов и городов. В то же время торговые связи скотоводов-кочевников с горожанами и земледельцами носили взаимонеобходимый и взаимовыгодный характер. Происходившее время от времени полное или частичное оседание номадов на землю приводило к взаимопроникновению элементов традиционных хозяйственно-экономических укладов и этноплеменных особенностей, в результате чего формировался своеобразный тип духовной и материальной культуры.

В V в. в Средней Азии возникла могущественная держава эфталитов, представлявших собой союз ирано- и тюркоязычных племен при значительном доминировании первых как в области социальной, так и культурной. Согласно ранним китайским источникам, эфталитское государство было преимущественно кочевым, а по более поздним, греческим, — оседлым и земледельческим, что отражает, по-видимому, постепенную эволюцию этого государства на протяжении V–VI вв. Эфталиты были могущественными соперниками Ирана на международной арене. В середине V в. им удалось отвоевать у Сасанидов весь Северный Хорасан с Мервом, Несой и Серахсом, а также Дихистан и некоторые другие прикаспийские области. На протяжении целого столетия военные действия между двумя государствами протекали с переменным успехом. В царствование Пероза (456–486) и Кавада I (488–531) эфталиты нередко вмешивались во внутренние дела Ирана и брали с него дань.

Между 563–567 гг. государство эфталитов было разгромлено объединенными силами Тюркского каганата и сасанидского Ирана. При этом Хорезм и Мавераннахр вошли в состав тюркских владений, а земли к югу от Амударьи вновь перешли под контроль Сасанидов. После ослабления Западнотюркского каганата в 30-х годах VII в. в Хорезме вновь происходит усиление правившей здесь еще до эфталитского завоевания династии Афригидов, представители которой владели Хорезмом во второй половине VII — начале VIII в. как независимые правители.

Социальный строй Средней Азии в VI–VII вв. был сословным. Как и в Иране, здесь существовали сословия жрецов, воинов и земледельцев. Дихкане и торговцы составляли, по-видимому, основное население среднеазиатских городов, крупнейшими из которых были Самарканд, Бухара, Мерв, Балх. Жреческое сословие Средней Азии, родственное по происхождению иранскому, не пользовалось здесь столь же широкими правами и влиянием.

В IV–VII вв. в Средней Азии наряду с зороастризмом существовали другие религии, распространившиеся из соседних стран: христианство, буддизм, манихейство, иудаизм и др. В IV–VI вв. христиане играли большую роль в жизни Мерва и его округи. Уже в 334 г. здесь была создана самостоятельная епископия, преобразованная в 420 г. в митрополию. В V–VII вв. Мерв был одним из важнейших духовных центров Средней Азии и восточноиранских областей. Таковым он остался и в первые века арабского владычества.

Растянувшееся почти на столетие арабское завоевание Средней Азии и последующее включение ее в состав могущественной мусульманской державы — Халифата — является одной из важнейших вех в истории Среднего Востока. Арабское завоевание принесло народам завоеванных территорий новую религию и государственный язык. Мелкие независимые княжества оказались включенными в состав обширного централизованного госу-

дарства. Установление прочных культурных, экономических и политических связей привело к постепенному изменению всего облика материальной и духовной культуры, способствовало формированию не только политического, но и в значительной мере культурного единства на обширной территории от Малой Азии до Семиречья.

Первым был завоеван Хорасан. В 651 г. арабы захватили Мерв, Нишапур и другие города Хорасана, которые были обложены контрибуцией; пытавшийся сопротивляться Серахс был взят после упорной осады, а жители его большей частью истреблены или обращены в рабство. После завоевания Хорасана Мерв превратился в естественный плацдарм для дальнейших завоевательных походов арабов в глубь Средней Азии, продолжавшихся еще в течение нескольких десятков лет. В 712 г. благодаря внутренним смутам и неурядицам в Хорезме, вызванным борьбой хорезмшаха против одного из своих мятежных родственников-вассалов, войска арабского полководца Кутейбы ибн Муслима практически без сопротивления овладели Хорезмом. В 720 г. завершилось завоевание Гургана, долго и упорно противостоявшего захватчикам. К середине VIII в. завершилось покорение отдаленных северо-восточных областей Мавераннахра, находившихся под контролем тюркских каганов.

Образованная силой оружия, арабская империя включала различные племена и народности. Крупнейшими этнополитическими группировками в регионе при арабских халифах были арабская и ирано-среднеазиатская, первой из которых долгое время принадлежало юридическое и фактическое господство. В середине VIII в. регион как бы в миниатюре сконцентрировал в себе все противоречия, скопившиеся в Халифате.

Хищнический характер омейядского господства в завоеванных землях привел к росту массового недовольства. Раздоры внутри правящей группировки, этнические противоречия и религиозные разногласия привели к кризису государства. Лучше других сумели использовать сложившуюся ситуацию Аббасиды, питавшие надежды на захват верховной власти. В 747 г. их представитель Абу Муслим поднял восстание в Хорасане, в окрестностях Мерва, где наряду с исламом и арабо-мусульманской элитой сохранялось сильное влияние старой иранской землевладельческой аристократии и зороастрийского жречества, враждебного арабам и исламу. Сильны здесь были также межэтнические и социальные противоречия. Абу Муслиму удалось объединить в своих рядах всех недовольных династией и существующими порядками.

Неоднородность исходных предпосылок движения в поддержку Аббасидов предопределила и пестрый состав его участников: крупные и мелкие землевладельцы, сельское население, армейские подразделения, отряды тюрок-кочевников и т.д., представители различных исповеданий (зороастрийцы-дуалисты, шииты, сунниты, хариджиты и др.). В армии Аббасидов значительная, едва ли не ведущая роль принадлежала выходцам из среднеазиатских областей Халифата, особенно из Северного Хорасана.

После победы Аббасидов среднеазиатская (равно как и иранская) знать была уравнена в правах с арабами. Начался процесс бурного экономического, политического, культурного развития среднеазиатских областей Халифата. В 813–817 гг. даже столицей государства в период пребывания там халифа Мамуна фактически являлся среднеазиатский город Мерв.

Одновременно с этим росли и сепаратистские настроения в Средней Азии. Династия наместников — Тахиридов (821–873) — правила в Хорасане практически самостоятельно. А государство Саманидов (900–1005),

столицей которого была Бухара, было независимым и признавало авторитет халифа чисто номинально. При Саманидах сложилась система юридического разделения народа на гвардию (*хашам*) и подданных (*райят*), вызвавшая усиление влияния военного сословия в государстве. Значительное развитие получил управленческий аппарат. При Саманидах еще сохранялись вооруженные отряды крупных землевладельцев — дихкан, но значение их неуклонно падало. В системе управления сложилось деление всех ее органов на *дергах* (дворец) и *диван* (канцелярию). Управление сосредоточивалось в десяти *диванах* (министерствах). Во главе судебного ведомства стоял *казий казиев*. В государственной иерархии военные должности ставились выше гражданских. Саманиды унаследовали от Аббасидов традицию комплектовать ряды своей гвардии преимущественно из тюркских рабов. Впоследствии, став самостоятельной силой в государстве, гвардия немало способствовала ослаблению, а затем падению династии.

Установление власти Саманидов протекало в Мавераннахре в упорной борьбе с местными князьями-землевладельцами, а также купцами. Однако уже в период борьбы с Саффаридом Амром ибн Лейсом (900 г.) Исмаила Самани поддержали представители нарождающейся аристократии нового типа, которая была связана не только с земледелием, но и с торгово-ремесленной деятельностью. По-видимому, именно благодаря их поддержке было сломлено сопротивление крупных князей, правивших в своих наследственных землях практически самостоятельно.

Провинциальное устройство Саманидской державы строилось по тому же принципу, что и общегосударственное. Значительным влиянием пользовались представители высшего суннитского духовенства — *улемы*.

Несмотря на попытки властей создать централизованную государственную систему, при Саманидах практически во всей Средней Азии прочно держались элементы удельного порядка, представленного полуавтономными вассальными княжествами. Одним из таких владений был Хорезм, делившийся после арабского завоевания в административном отношении на две части по Амударье. На левобережье властвовала династия арабских наместников — Мамунидов. Столицей их владений являлся Ургенч. В правобережном Хорезме продолжали править потомки династии хорезмийских Афригидов. Центром их владений был г.Кят.

При Саманидах Хорезм не был обложен строго фиксированным налогом, но ко двору бухарских эмиров регулярно отправлялись «подарки», а в мечетях читалась хутба в их честь. По мере ослабления Саманидов владения в Хорезме постепенно обособлялись, а в 995 г. произошло их объединение под властью владетеля Ургенча Мамуна ибн Мухаммада. При нем и его преемнике, Мамуне II, начался новый подъем и расцвет Хорезма. В течение двух десятилетий (995–1017) Хорезм сохранял фактическую независимость. В Ургенче той эпохи работали и творили ученые с мировым именем: Абу Рейхан Бируни и Ибн Сина (Авиценна). В 1017 г. Хорезм был завоеван войсками газневидского эмира Махмуда (998–1030) и на два с лишним десятилетия вошел в состав основанного им государства.

В начале X в. в прикаспийских областях Средней Азии потомком древнего иранского княжеского рода Мердавиджем ибн Зияром (928–935) было основано государство Зияридов, первоначально существовавшее под номинальным сюзеренитетом багдадских халифов. Столицей этого государства стал город Гурган. В момент наивысшего расцвета в 932–935 гг. оно включало в себя кроме прикаспийских областей часть территории Западного Ирана. Мердавидж стремился захватить Багдад и восстановить традиции

Сасанидов, но в 935 г. был убит одим из своих рабов. При потомках Мердавиджа пределы государства ограничились прикаспийскими областями. Зияриды признавали себя поочередно вассалами то Саманидов, то Буидов, но в конечном счете сумели пережить падение обеих династий. Их государство было уничтожено исмаилитами во второй половине XI в.

К IX–X вв. относятся свидетельства об оживленных связях среднеазиатских земель с их северными соседями. Основываясь на сообщениях восточных авторов, можно прийти к выводу, что в конце IX — начале X в. имели место по крайней мере три похода дружин русских князей на юго-восточное побережье Каспийского моря: в 888, 909–910, 913 гг.

Во внешней торговле Средней Азии ведущая роль принадлежала в X–XI вв. Хорезму. Хорезмийские купцы славились своей предприимчивостью на всем Востоке. Они поддерживали торговые связи с Хазарией, Волжской Булгарией, Киевской Русью, Скандинавией, Китаем, Индией, Хорасаном, Гурганом и Восточной Европой. Интенсивная торговля велась также с кочевниками Приаралья, Дешт-и Кипчака и Семиречья. В X в. хорезмийские купцы захватили в свои руки практически всю среднеазиатскую торговлю. Им принадлежало много земель, строений и торговых складов в Мерве, Несе и других крупных городах Хорасана и сопредельных стран. Вывозили главным образом ткани и оружие, ввозили меха, рабов и др.

В IX–X вв. интенсивно развивались также торгово-экономические связи прикаспийских областей (Гурган, Табаристан) с Хазарией и Русью. Торговля велась главным образом через порт Абескун на юго-восточном побережье Каспийского моря (ныне Гюмюш-тепе), служивший гаванью для расположенного вверх по р.Атреку города Гурган. Свидетельством этой оживленной торговли является огромное количество саманидских и других восточных средневековых монет, находимых на территории Европейской России. О широких торгово-экономических связях Хорасана и Мавераннахра с соседними странами: Индией, Китаем, Ираном, Малой Азией и др. — свидетельствуют как средневековые письменные источники, так и сохранившиеся до наших дней памятники материальной культуры (монеты, произведения искусства, бытовые предметы).

В X–XI вв. в Средней Азии наблюдается интенсивный рост городов и ремесленного производства, связанный с дальнейшим развитием социальных и экономических отношений на Среднем Востоке. Продолжается упадок знатных аристократических родов. В XII — начале XIII в. дихканство быстро исчезает как социальный слой, хотя отдельные его представители продолжают жить в родовых замках в Хорасане и Мавераннахре вплоть до монгольского завоевания, которое окончательно уничтожило потомственное военно-землевладельческое сословие в Средней Азии. На смену ему пришла служилая знать, обязанная своим возвышением практической деятельности в государственных ведомствах в большей степени, чем происхождению и знатности.

В XI в. начинается процесс быстрой тюркизации населения Средней Азии, связанный с проникновением на территории значительных масс тюркских кочевников: огузов, карлуков, кимаков и др. В X–XI вв. в различных местностях Средней Азии происходит утверждение власти тюркских династий: Караханидов, Газневидов и Сельджукидов.

Государство Караханидов сложилось первоначально в Восточном Туркестане и Семиречье. Основой его стал союз тюркских племен, главную роль среди которых играли карлуки, чигили и ягма. Из среды последних вышла и правящая династия — Караханиды. Приняв ислам в середине X в. и ча-

стично сохранив пережитки прежних шаманистских верований и обрядов, караханиды представлялись мусульманскому населению Средней Азии варварами и иноверцами. Однако ослабевшее Саманидское государство не способно было остановить новых завоевателей. В 999 г. Богра-хан Харун захватил Бухару. В 999–1005 гг. его преемник, Наср I, стал владыкой всего Мавераннахра.

Государство Караханидов не было централизованным. Оно делилось на уделы, в которых правили представители царствующего рода — *илек-ханы* (ханы племен). Столицами их государства были Кашгар, Баласагун и позднее Узген.

После распада государства под ударами Сельджукидов в 60–80-х годах XI в., а затем кара-китаев в 30–40-х годах XII в. отдельные караханидские княжества продолжали существовать вплоть до полной их ликвидации хорезмшахом Мухаммедом в 1212 г.

Газневидская империя выросла из небольшого владения ираноязычных эмиров Газны. Узурпировавшая здесь власть тюркская династия вынуждена была опираться не только на вооруженную силу своих соотечественников, но и на местную аристократию, переняв от нее элементы государственного устройства. Основанная силой оружия и административно-государственным талантом Махмуда Газневи, империя рухнула при его сыне и преемнике Масуде, не обладавшем качествами отца, к тому же потерпевшем тяжелое поражение от сельджуков, завоевавших в исторически короткий промежуток времени громадные пространства в Иране, Ираке, Средней и Малой Азии. Первоначальная организация империи Великих Сельджуков была предельно упрощена. В государственном устройстве ощущалось сильное влияние кочевых традиций. Лишь со временем происходит эволюция теории и практики государственной жизни в сторону сближения с традициями покоренных народов, нашедшая наиболее яркое воплощение в деятельности знаменитого везира Низам аль-Мулька (1065–1092), автора известного трактата «Сиасет-наме» («Книга о политике»).

До начала завоевательных походов на Среднем Востоке кочевники-огузы жили на Сырдарье и в Приаралье родовым строем. Среди них были распространены языческие культы войны, сил природы, культ волка и др. Есть сведения о распространении среди огузов также зороастризма, манихейства и, возможно, христианства. Вместе с продвижением огузов из северных степей в культурные области Средней Азии происходит их исламизация.

В конце X — начале XI в. часть огузов, получивших по имени своего предводителя наименование сельджукской группировки, ушла через владения илек-ханов на юг и попала в Северный Хорасан. Усиление сельджуков происходило в постоянных столкновениях с эмирами Хорезма, Бухары и Газны. В 20-х годах XI в. им удалось захватить земли в предгорьях Копетдага и на Балханах. Борьба завершилась полным разгромом газневидских войск под Денданаканом в 1040 г. В 1043 г. был покорен Хорезм, а при Малик-шахе (1072–1092) — караханидские княжества в Мавераннахре.

В государствах Караханидов, Газневидов и Сельджукидов получила значительное распространение практика раздачи земель в условное держание в виде военных ленов (*икта*) взамен уплаты денежного жалованья войску. В Средней Азии иктадары имели, как и в других регионах, право на получение части денежной ренты, но не на жизнь и имущество подданных, однако новая система служебного землевладения сильно стеснила в правах рядовое земледельческое население, хотя это и не привело к установлению

крепостного права. Кроме икта продолжали существовать частновладельческие (мильковые), общинные и вакуфные земли.

В XI–XII вв. началась эпоха формирования новой культуры Средней Азии на основе синтеза иранских и тюркских элементов, причем роль последних со временем возрастала. Под властью Сельджукидов Хорасан стал центром восточных провинций империи. Резиденцией его правителей, начиная с Чагры-бека, был Мерв (1040 г.). В конце XI — начале XII в. произошел раскол Сельджукского султаната на несколько независимых и полунезависимых владений. В этой обстановке в Хорасане возвысился энергичный и предприимчивый Санджар, четвертый сын Малик-шаха, с 1098 г. — владетель Мерва, с 1118 г. — правитель Восточносельджукского султаната, в состав которого входили практически вся Средняя Азия, Иран и Газна. Расцвет этого государства был пышным, но кратковременным. При Санджаре велись большие строительные и ирригационные работы. Достигла совершенства система искусственного орошения в долине Мургаба, основой которой являлась грандиозная по тем временам плотина Султан-бенд, и на Атреке. Основными занятиями населения оазисов Средней Азии были поливное земледелие, садоводство, виноградарство и подсобное скотоводство.

Однако, созданное силой оружия, государство Санджара не имело прочной внутренней опоры. В 1141 г. вооруженные силы восточных Сельдужкидов были разгромлены киданями в битве в степи Катаван, после чего империя начинает быстро клониться к упадку. Вассалы Санджара открыто перестают повиноваться мервскому правительству. Первым из таких мятежников являлся хорезмшах Атсыз, трижды поднимавший, в 1138, 1141 и 1147 гг., бунт против Санджара. Последний удар по султанату был нанесен восстанием огузских племен в Хорасане в 1153 г.

Разгромив войска Санджара, огузы стали полными хозяевами Хорасана. Крупнейшие города региона: Мерв, Нишапур, Серахс и др. — были подвергнуты опустошению. Началась растянувшаяся почти на четыре десятилетия эпоха феодальных войн и усобиц.

Одновременно с этим происходит возвышение государства хорезмшахов, опиравшихся на Хорезм как на единое географическое и этническое целое. Основателем его можно по праву считать Атсыза (1127–1156), хотя он и оставался до конца своей жизни ленником Санджара. Именно Атсыз значительно расширил территорию своего владения, поставил в зависимость соседей-кочевников в Приаралье и Прикаспии, создал наемную тюркскую гвардию и заложил основы независимого государства. Наследовавший ему Иль-Арслан (1156–1172) смог стать уже вполне независимым правителем и продолжать политику своего предшественника.

При сыне Иль-Арслана, Текеше (1172–1200), территория государства продолжала расширяться. В 1194 г. после долгой и упорной борьбы с огузами и мятежным братом Султан-шахом хорезмшаху Текешу удалось прочно овладеть Хорасаном. Однако в этот же период сформировались основы государственного устройства, оказавшиеся впоследствии гибельными для его сына и преемника Ала ад-Дина Мухаммеда (1200–1220). Речь идет о преобладании светского правления и опоре шахов на сильное привилегированное военное сословие, всегда готовое к неповиновению, мятежам и заговорам, при одновременном открытом пренебрежении авторитетом духовенства.

В XI–XII в. хорезмийское государство добилось значительных успехов в области культуры и хозяйственного развития. Хорезм являлся, по сути дела, форпостом восточной мусульманской цивилизации в евразийских сте-

пях, связующим звеном славяно-булгаро-хазарского, тюркского кочевого и средневосточного культурных миров. К этому времени относятся строительство прекрасных шатрово-купольных мавзолеев Ургенча, расцвет ремесленного производства и художественного творчества. В Хорезме производятся славящиеся во всем тогдашнем культурном мире оружие, ткани, ювелирные изделия, художественная и бытовая керамика. В XII в. при хорезмшахах достигают наивысшего расцвета международная торговля, поливное земледелие, градостроительство и архитектура.

При последних хорезмшахах сохраняется институт *икта*, усиливается могущество военного сословия, и особенно тюркской гвардии. Государство по своему внутреннему устройству было схоже с сельджукским. Здесь бытовали те же должности: везир, казий, мустоуфи, мушриф, векиль и др. Главы диванов (ведомств), как в центре, так и в провинциях, назначались лично шахом. Внутри подведомственного аппарата каждый из них назначал чиновников сам.

В 1215 г. хорезмшаху Мухаммеду удалось сломить сопротивление своих основных внешнеполитических противников — султанов Гура. Несколькими годами ранее были ликвидированы караханидские владения в Мавераннахре. Таким образом, накануне монгольского нашествия Хорезм стоял во главе огромной империи, границы которой простирались от северных берегов Каспийского моря до Персидского залива и от Кавказа до Гиндукуша. Глава его не имел равных соперников среди владык мусульманского мира. События ближайших лет показали, однако, что это был колосс на глиняных ногах.

СЕЛЬДЖУКСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И ГОСУДАРСТВА СЕЛЬДЖУКИДОВ

В IX–X вв. в северо-западной части Средней Азии, в Южном и Западном Казахстане обитали тюркоязычные племена огузов. Основным их занятием было скотоводство и отчасти сезонное земледелие, а также рыболовство и охота. В низовьях р.Сырдарьи располагался г. Йангикент — столица огузского раннефеодального государства с сильными пережитками родоплеменного строя. Главой огузского государства был *йабгу*, но его власть была ограничена народным собранием.

Основная масса огузов кочевала в степях Приаралья и Северного Прикаспия, но отдельные их группы обитали по среднему течению Сырдарьи, доходя до Южного Прибалхашья. Часть огузов и родственных им тюрок — халаджей и карлуков — называлась туркменами. В основном так именовались этнически смешанные группы, жившие на северо-восточных границах Мавераннахра и в Западном Семиречье.

В X–XI вв. государство огузов постепенно ослабевает и вступает в полосу упадка. Стремление йабгу и родо-племенной аристократии (*беков*) закабалить простых скотоводов (*эров*) привело к народному восстанию. В эту борьбу оказались втянутыми и вожди огузских племен среднего течения Сырдарьи и предгорий Каратау. Они возглавили компактную группу племен, которые стали затем именоваться сельджуками. Свое название это объединение, состоявшее в основном из огузов и туркмен, получило по имени его предводителя Сельджука ибн Тугака. Он был выходцем из племени кынык и около середины X в. ушел с подвластной ему ордой в Нуратинские горы, а оттуда — в низовья Сырдарьи. Сельджуки поддержали

здесь восстание приаральских огузов, но вынуждены были отступить в Мавераннахр.

В конце X в. правившая в Мавераннахре династия Саманидов вела ожесточенную борьбу с наступавшими с востока племенами караханидских тюрок. Сельджуки выступили на стороне Саманидов, но это не принесло успеха. В 999 г. Бухара — столица государства Саманидов — была захвачена караханидами. Сложная обстановка, возникшая в Бухарском и Самаркандском оазисах, вынудила сельджуков уйти в правобережный Хорезм, а затем в Хорасан. Эти области входили в состав государства Газневидов с политическим центром в нынешнем Афганистане. Правителем Газни был в то время эмир Масуд ибн Махмуд (1030–1041).

В 1035 г. сельджуки под главенством братьев Дауда Чагры-бека и Мухаммада Тогрул-бека и их дяди, Мусы ибн Сельджука, ушли из Хорезма; они форсировали Амударью и расселились на территории современной Туркмении. Сельджуки, имевшие многочисленные стада верблюдов, лошадей, овец, нуждались в обширных пастбищах. Поэтому они обратились к Масуду Газневи с просьбой отвести им земли в области городов Нисы и Феравы, за что обещали нести военную службу и платить налоги. Газневидский правитель, опасаясь потерять Хорасан, двинул летом 1035 г. свое войско на пришлых кочевников. Туркмены, как все чаще стали в это время называть сельджуков, устроили засаду и разгромили султанскую армию. Муса, Тогрул и Дауд заключили с Масудом мирный договор, по которому получили упомянутые области и область Дихистан в нынешней Южной и Западной Туркмении.

В 1038 г. снова начались военные действия против туркмен под командованием полководца Сюбаши. Однако поход закончился поражением газневидской рати у ворот Серахса. Тогрул-бек вступил затем в Нишапур и был провозглашен султаном.

В начале мая 1039 г. огромное, хорошо оснащенное войско Масуда двинулось из Балха на Серахс. Недалеко от селения Дих-и Базарган, на р.Теджен, произошла кровопролитная битва. Спустя некоторое время стороны заключили перемирие, но зимой 1039 г. военные действия возобновились. В ноябре того же года Масуд вернул себе Нишапур, изгнав оттуда Тогрул-бека.

Газневидо-сельджукские войны нанесли большой урон населению Северного Хорасана, Гургана, Западного Ирана. Сопровождавшие их недород, голод и лишения привели к разорению крестьян, ремесленников, торговцев, средних и мелких феодалов-дихкан. Деспотическая власть Масуда ослабела; то здесь, то там происходили стихийные выступления народа. Газневидское правительство, стремясь поправить шаткое положение, решило мобилизовать все силы и нанести сокрушительный удар сельджукам. В апреле 1040 г. начался поход из Герата на Серахс и Мерв газневидской армии во главе с самим Масудом. В войске эмира имелись боевые слоны, закованные в тяжелые доспехи. В мае 1040 г. произошла генеральная битва у стен небольшой крепости Денданакан, расположенной на пути из Серахса в Мерв. Газневидская армия была разгромлена, а сам Масуд едва спасся бегством в Герат. Победа под стенами Денданакана ознаменовала рождение Сельджукского государства в Западной Азии.

В отличие от предшествующих государств Саманидов и Газневидов держава Сельджукидов возникла в результате крупных завоеваний, сопровождавшихся переселением больших масс кочевых племен из Средней Азии и Казахстана в страны Ближнего и Среднего Востока и Передней Азии. Глав-

ной военной и политической опорой Сельджукидов на первых порах были ополчения кочевников-туркмен, огузов и отчасти кипчаков. Однако в ходе завоеваний, уже в правление Тогрул-бека (1038–1063), происходит замена иррегулярных отрядов кочевников постоянным феодальным войском. Сельджукские правители начинают постепенно отходить от массы своих соплеменников и все больше сближаются с земледельческой и служилой аристократией покоренных народов. Выход сельджуков на мировую арену приводит к изменению баланса и расстановки политических сил, вызывает изменения в сфере экономической жизни и отражается на социальных, культурных и этнических процессах в странах Востока.

После битвы при Денданакане сельджукские вожди двинули свои ополчения на захват Южного и Западного Хорасана, Гургана, Северного Афганистана и Хорезма. Началась многолетняя эпопея военных походов, закончившаяся созданием обширной империи от берегов Амударьи и Каспийского моря до Тигра, Евфрата и Средиземноморья.

В 1040 г. Тогрул-бек двинулся в Нишапур, а Чагры-бек и Муса Байгу направились в Балх и Герат. Между сельджукскими и газневидскими силами произошел ряд крупных столкновений в Северном и Западном Афганистане. В 1060 г. Дауд заключил мирный договор с газневидским правителем Ибрахимом ибн Масудом (1059–1099). Договор определил границы обеих держав по Гиндукушскому хребту, закрепив за сельджуками области Балха, Герата и Систана. В 1043 г. Чагры-бек захватил крепость Кят — столицу Хорезма, который оказался под властью Сельджукидов. Страна перешла под управление сельджукского наместника, получившего по традиции древний титул хорезмшаха.

В 1042 г. Тогрул-бек покорил Гурган и Табаристан, где правила династия Зийаридов. Одновременно был занят г.Рей, откуда начались вторжения сельджуков в Персидский Ирак и Закавказье. В 1045 г. огузо-туркменские боевые ополчения захватили Хамадан, а в 1050 г. вступили в Исфахан. Сельджукская армия овладела вскоре почти всем Западным, Центральным и Юго-Восточным Ираном. Сын Чагры-бека эмир Кавурд покорил в 1049 г. Кирман и основал здесь полузависимое феодальное владение. В 1062 г. его армия вторглась в Фарс и заняла Шираз. Кавурдиты присоединили затем к своим владениям Оман — небольшое княжество на берегу Персидского залива.

В 1046 г. началось планомерное наступление сельджуков из области Кирманшаха, Луристана и Хузистана на Арабский Ирак. Обстановка в этом регионе была весьма тревожной и неустойчивой из-за грабительских налетов огузов и сторонников фатимидского халифа Египта. Мосул, Дийар Бакр и другие области Ирака были разорены огузами, проникшими сюда из Закавказья до сельджуков. Аббасидский халиф ал-Каим (1031–1075) вступил в переговоры с Тогрул-беком, призывая его в Багдад. В 1055 г. сельджуки заняли столицу Аббасидов и свергли власть Буидов в Арабском Ираке.

Еще в 1042 г. Тогрул-бек направил десятитысячную конницу в Восточную Анатолию, где правил феодальный род Марванидов. Набеги на области Малой Азии и Закавказья были повторены в 1046–1049 гг., когда сельджуки продвинулись до границ Византийской империи. В 1054 г. вассалами Тогрул-бека стали Раввадиды, правившие в Южном Азербайджане и Арране. Власть султана признали и Шаддадиты, столицей которых была Гянджа. Сельджукская армия прошла через Закавказье в Анатолию, осадив по пути Карс, Эрзрум и Манцикерт. В 1058 г. сельджуки захватили Карс и Малатью, а в 1063 г. в Азербайджане появился с большой армией Тогрул-бек.

Однако вскоре он ушел обратно, поручив вести «священную войну» в Закавказье своему племяннику Йакути.

Сельджукское нашествие нанесло серьезный ущерб производительным силам многих стран, особенно сильно пострадали районы активных боевых операций. Население городов и деревень подверглось насилиям, убийствам и грабежам. В ряде областей, в частности в Иране и Ираке, кочевники-завоеватели отбирали у крестьян рабочий скот, в результате чего поля не возделывались и не засевались. Во многих местах вспыхнул голод. В 1056 г. началась эпидемия чумы, охватившая громадный регион от Ирака до Мавераннахра.

В этих условиях сельджукские власти пошли на некоторые уступки, освободив подвластное население на год от уплаты налогов. Лишь постепенно начали возрождаться сельское хозяйство, города, ремесла и торговля. Образование громадной империи привело объективно к важным переменам в социально-экономической, политической и культурной жизни. Заметно возросла роль служилого феодального сословия, потеснившего старую землевладельческую аристократию. Широкое распространение получил феодальный институт *икта* — одна из форм восточного лена. Постепенно сложились новый аппарат государственного управления и имперская система гражданской и военной администрации. В основе политической структуры империи Сельджукидов оказались модели предшествующих феодальных государств мусульманского Востока.

На 60-е годы XI в. приходится новая волна сельджукских завоеваний в Центральной и Средней Азии, Передней и Малой Азии. Значительное расширение границ империи произошло при султане Алп Арслане (1063–1072). В 1064 г. сельджукская армия вторглась в Армению и Грузию. Алп Арслан захватил ряд горных крепостей, но вынужден был заключить мир с грузинским царем Багратом IV (1028–1072). Сельджукские отряды взяли штурмом, ограбили и разорили в Армении г.Ани. В 1071 г. султан Алп Арслан нанес сокрушительное поражение византийскому императору Роману IV Диогену в битве под Манцикертом. Эта победа ознаменовала конец византийского и начало сельджукского господства в Армении. Вместе с тем она открыла племенам огузов и туркмен дорогу в глубь Малой Азии. В 1077 г. сельджуки, воспользовавшись междоусобными раздорами в Византии, овладели Никеей, а затем Иконией. Никея стала политическим центром и столицей сельджукского государства в Малой Азии — Румского султаната.

В 1065 г. Алп Арслан совершил поход против кочевников, обитавших на границе с Хорезмом и Гурганом. Сельджукское войско нанесло удар жившим на п-ове Мангышлак кипчакам и туркменам, обезопасив тем самым торговый путь из Восточной Европы в Западный Казахстан и Среднюю Азию. В борьбе с кочевниками Приаралья Алп Арслан захватил в 1065 г. крепость Дженд в низовьях Сырдарьи. В 1072 г. султан начал поход на Мавераннахр, но был убит комендантом одной из крепостей на Амударье.

Своего наивысшего могущества Сельджукская империя достигла в правление сменившего Алп Арслана на троне султана Маликшаха (1072–1092). Правление нового султана началось с подавления мятежа его дяди Кавурда, который был казнен, но Кирман и Оман остались за его потомками.

Царствование Маликшаха ознаменовалось дальнейшим расширением границ империи Сельджукидов. В 1072 г. с помощью туркменских ополчений были захвачены Северная Сирия и часть Палестины. Спустя два года султанская армия двинулась на Самарканд, находившийся под властью караханида Шамс ал-Мулька. Недалеко от современного Карши ханское вой-

ско было разбито, и Сельджукиды овладели Бухарой и Самаркандом. В 1089 г. началась новая военная кампания, во время которой войско Маликшаха захватило Фергану и достигло границ Восточного Туркестана. А в 1079 г. состоялся поход в Армению и против усилившегося Грузинского царства.

Как видим, сельджукское нашествие не было единовременным актом, а осуществлялось в несколько этапов. Завоевательные войны оказали влияние на судьбы не только покоренных сельджуками стран, но и самих кочевников, участвовавших в создании нового государства. Заметные перемены в жизни огузо-туркменских племен происходили по мере расселения их в Хорасане, Иране, Ираке, Сирии, Закавказье и Малой Азии. Наблюдался переход компактных групп кочевников к полуоседлому и оседлому быту и земледельческому хозяйству. Распадались старые родо-племенные связи; новый стимул к дальнейшему развитию получили феодальные отношения, хотя еще длительное время сохранялись пережитки архаических институтов. Сельджукская знать начинает постепенно сливаться с феодальной аристократией покоренных стран. В значительной степени этому содействовала раздача племенным вождям пастбищ и земель на правах частной собственности (*мильк*) и условного держания (*икта*).

В результате сельджукских завоеваний прежние органы власти, существовавшие у огузов и туркмен, оказались непригодными для осуществления господства над покоренными странами. Появляется необходимость создания более развитого и действенного феодально-бюрократического аппарата. Складывание новой государственной системы начинается еще в 30-х годах XI в. и завершается в основном в правление Маликшаха.

Сельджукская империя управлялась с помощью ряда учреждений и ведомств, называвшихся *диванами*. Большую роль после султана играл везир, стоявший во главе всего государственного аппарата. Огромным влиянием в правление Алп Арслана и Маликшаха пользовался талантливый государственный деятель везир Низам ал-Мульк, автор известного трактата об управлении «Сийасат-наме».

Везир осуществлял руководство и контролировал деятельность верховного государственного дивана (*диван-и ала*). В последний входил ряд правительственных учреждений: государственная канцелярия (*диван-и инша*), высший финансовый орган (*диван-и истифа*), контрольно-инспекционное (*диван-и ишраф*), армейское (*диван-и джайш*) и другие ведомства. Существовал также верховный султанский диван (*диван-и хасс*), который одновременно заведовал всем коронным имуществом, в том числе землями.

Низам ал-Мульк выступил инициатором реформы, имевшей целью усиление государственного контроля и упорядочение системы аграрных отношений. Реформа положила начало массовой раздаче воинам земельных наделов в качестве икта. Сущность ее заключалась в том, что взамен жалованья, которое государство выплачивало из казны армейским контингентам, стали предоставлять им земли. Икта получали и различные слои гражданской бюрократии, и члены правящей династии Сельджукидов. *Мукта* (так называли держателей икта) получали право на взимание части доходов с пожалованных земель. Тем самым происходило сокращение государственных расходов на содержание штата чиновников, в том числе сборщиков налогов. Кроме того, мукта ставились в непосредственную зависимость от султана — верховного собственника всего земельного фонда империи. Однако развитие института икта привело в дальнейшем к росту экономической мощи и политического влияния феодалов. Пользуясь всяческим

удобным поводом, они постепенно становились пожизненными и даже наследственными земельными собственниками.

В конце XI — начале XII в. Сельджукская империя вступила в полосу феодальных междоусобиц и раздоров. Данный процесс особенно усилился после гибели Низам ал-Мулька и внезапной смерти Маликшаха в 1092 г. Таркан-хатун, жена покойного султана, подкупила многих военачальников и добилась провозглашения своего четырехлетнего сына Махмуда верховным правителем государства. Однако против нее выступил сын Маликшаха от другого брака — Беркйарук, которого поддержали сторонники Низам ал-Мулька. Беркйарук ушел в Рей, где был объявлен султаном. В истории Сельджукской державы впервые появилось два соправителя: Махмуд — в Исфахане и Беркйарук — в Рее. Имена обоих братьев упоминались на равных в хутбе и были отчеканены на монетах. Однако мирный период двоевластия продолжался относительно недолго. В 1094 г. произошло военное столкновение между сторонниками Махмуда и Беркйаруком, который одержал полную победу. Беркйарук был признан халифом ал-Мустазхиром в качестве верховного правителя Сельджукской империи.

Беркйаруку пришлось отстаивать свои права на трон в ожесточенной борьбе с другими представителями династии. Наиболее сильным его противником был его дядя Тутуш — властитель Сирии и части Палестины. В 1093–1094 гг. он захватил почти все западные области империи и двинулся на ее столицу — Исфахан. Решающая битва произошла недалеко от Рея и закончилась разгромом армии Тутуша.

В 1099 г. против Беркйарука восстал его брат, Мухаммад, — правитель Азербайджана и Аррана. Он занял Рей и был провозглашен багдадским халифом верховным султаном Сельджукской империи. Несмотря на это, борьба за трон не была окончена. В 1104 г. после ряда сражений с переменным успехом между Беркйаруком и Мухаммадом было заключено мирное соглашение. Беркйарук сохранил бо́льшую часть Западного и Центрального Ирана, Персидского и Арабского Ирака. Мухаммад прибавил к своим владениям северо-западные области Ирана, Мосул, Сирию. Согласно договору верховным султаном был объявлен Беркйарук, а наследником его власти — Мухаммад.

В 1092 г. против Беркйарука восстал его дядя Арслан Аргун, предъявивший свои претензии на Хорасан. Он сравнительно легко овладел Мервом, Серахсом, Балхом и Термезом. В 1095 г. Беркйарук направил в Хорасан свое войско, но оно было разбито Арсланом Аргуном. Однако вскоре Арслан Аргун был убит собственным рабом, а Хорасан перешел под власть Санджара ибн Маликшаха (1118–1153).

Смутная пора конца XI — начала XII в. сопровождалась распадом единой Сельджукидской державы на ряд феодальных владений и государств. В 70-х годах XI в. в Малой Азии от империи отделяется Румский султанат. Сельджукиды отодвинули рубежи Византийского государства далеко на запад. Никея — первая столица малоазиатских сельджуков — находилась всего в сотне километров от Константинополя. Однако в 1097 г. она была захвачена крестоносцами, хлынувшими из Западной Европы в Малую Азию. Румский султанат потерял бо́льшую часть своей территории, но сохранился как самостоятельное государство. В 1176 г. султан Клыч Арслан разгромил византийскую армию в битве при Мариокефалии. Победа усилила Румский султанат и способствовала расширению его границ в Малой Азии. Румские султаны подчинили своей власти ряд местных туркменских династов, наиболее сильными из которых были Данишменды.

В освещаемый период фактически независимыми стали также кавурдитские правители Кирмана со столицей в Бардсире. Заметного подъема Кирман достиг в относительно мирный период правления Мухий ал-Ислама Арслан-шаха (1101–1142). Однако во второй половине XII в. Кирманское владение было охвачено феодальными мятежами и раздорами. Политическую власть в стране захватывают тюркские атабеки-временщики. В 1186 г. Бардсиром овладел Малик Динар — один из вождей огузов Хорасана, положивший конец Кирманскому владению.

В XII в. образуется ряд новых феодальных княжеств в Западном Иране, Сирии, Ираке и Палестине. Наиболее значительными из них были основанные туркменскими вождями Фарсское атабекство, эмираты Мосула, Дамаска, Антиохии, Триполи. В них правили военачальники, положившие начало самостоятельным династиям Артукидов, Зангидов, Салгуридов и др. Они вели упорную борьбу с крестоносцами, основавшими Эдесское и Триполийское графства, Антиохийское княжество и Иерусалимское королевство. В 70–80-х годах XII в. большинство областей Сирии и Месопотамии перешло под власть усилившегося Египетского султаната Аййубидов. Некогда обширная Сельджукская держава распалась на три крупные части: Хорасанский (Восточносельджукский), Иракский (Западносельджукский) и Румский (Малоазиатский) султанаты.

В 1118 г. умер Мухаммад, считавшийся верховным правителем всей Сельджукской державы. Наследником трона стал его сын Махмуд, претендовавший на титул «великого» султана. Однако против него выступил Санджар, захвативший восточные области Сельджукской империи. Основным ядром основанного им Восточносельджукского государства стал Хорасан. В его руках оказались также Балх, Хорезм и Гурган — богатая провинция на юго-восточном побережье Каспийского моря.

Границы Восточносельджукского государства быстро расширялись за счет областей Средней Азии, Афганистана и Ирана. В 1117 г. Санджару удалось подчинить своей власти Газневидов, которые стали уплачивать ежегодную дань. В августе 1118 г. он разбил иракское войско Махмуда ибн Мухаммада в битве у г.Саве. Между Санджаром и Махмудом в результате переговоров был заключен мирный договор. Санджар присоединил к своим владениям Мазандаран, Табаристан, Демавенд, Кумис, Дамган и Рей. Махмуд был признан султаном Ирака, в состав его владений помимо Азербайджана вошли Сирия, Хузистан, Исфахан и некоторые другие области Ирака и Ирана. Санджар был провозглашен верховным сельджукским правителем («величайший султан, великий шаханшах, царь Востока и Запада»); его имя стало упоминаться в хутбе почти всех областей и стран, входивших в состав империи Сельджукидов времени ее расцвета. Однако его реальная власть распространялась лишь на Хорасан, Гурган, Мазандаран, Табаристан и Рей. В вассальной зависимости от Восточносельджукского султаната оказались Хорезм, Гур, Систан и Газнийский султанат. Санджар пытался также установить контроль над западной частью сельджукских владений. Он активно вмешивался в назначение кандидатов на высшие государственные должности, в первую очередь на пост везира, в Иракском султанате. В тех же целях «величайший султан» укрепил брачными узами хорасанскую и иракскую ветви династии, выдав свою дочь за Махмуда ибн Мухаммада.

В правление султана Махмуда, по выражению одного из историков XII в., «утратилось единство и распались звенья». Основной причиной было дальнейшее развитие феодальных институтов, особенно так называемого

военного икта (*икта ал-аскари*). Система деления на уделы способствовала экономическому и политическому усилению крупных военачальников.

Иракский султанат фактически оказался раздробленным на несколько владений, находившихся в руках ближайших родственников султана. Аве, Саве, Занджан были отданы в икта Тогрулу, брату Махмуда. Другой его брат, Масуд, правил в Мосуле, ал-Джазире, Азербайджане. Масуд в 1120 г. попытался сбросить власть Махмуда, но был разбит под Асадабадом. В 1130 г. он снова выступил против султана, но в результате заключения мира получил в икта г.Гянджу. Махмуду пришлось бороться и с Тогрулом, который поднял в 1125 г. мятеж, опираясь на помощь Мазйадитов — династии арабских эмиров Ирака, а также султана Санджара.

Политическая раздробленность и ослабление Западносельджукского государства стимулировали активизацию внешней политики окрепшего Грузинского царства. Давид IV Строитель (1089–1125) привлек на военную службу кочевые племена кипчаков и прекратил выплату дани Иракскому султанату. В 1121 г. Махмуд ибн Мухаммад двинулся в поход на Грузию, но потерпел крупное поражение. Давид Строитель захватил в 1122 г. Тифлис, а затем богатый торгово-ремесленный город Ани. Однако дальнейшие события изменили политическую карту в этом регионе Кавказа.

После смерти в 1131 г. султана Махмуда Западносельджукское государство вступило в новую полосу феодальных междоусобиц и раздоров. Дауду — сыну и наследнику покойного султана — не удалось закрепиться на престоле.

В дела Иракского султаната вмешался Санджар, который содействовал приходу к власти Тогрула ибн Мухаммада. Несмотря на это, борьба за трон продолжалась вплоть до смерти Тогрула в 1134 г., когда султаном Западносельджукского государства стал его брат, Масуд. В правление Масуда ибн Мухаммада (1134–1152) продолжается дальнейший распад Иракского султаната. Основная часть государственных и коронных земель оказалась в руках эмиров, владевших ими в качестве икта. Все это углубило начавшийся ранее процесс феодальной раздробленности Западносельджукского государства. Иракские Сельджукиды оказались, по сути дела, полувассалами Санджара, но они всячески стремились освободиться от сюзеренитета Хорасанского султаната. Тенденция к полной самостоятельности особенно сильно проявилась в царствование султана Масуда, при преемниках которого еще больше ослабевает влияние Восточносельджукского государства на Западносельджукский султанат.

В первой половине XII в. главой сельджукидской династии и всех завоеванных ею стран считался Санджар ибн Маликшах (1118–1153). Однако единая империя давно уже была призраком, и он фактически был правителем Восточносельджукского государства, политическим центром (*дар ал-мульк*) которого являлся Хорасан.

В начале своего правления Санджар повел ожесточенную борьбу с исмаилитами, захватившими ряд областей Северного Хорасана и Западного Ирана. Исмаилиты, которые именовались также батинитами, выражали интересы определенных общественных слоев. Хотя вопрос о классовой основе этого движения недостаточно исследован, имеются сведения о тесной связи исмаилитов, особенно их карматской ветви, с крестьянами, ремесленниками, низами городского населения. В ряде источников сообщается о приверженцах секты из числа «неотесанных горцев», «мужиков», «шорников», «трепальщиков шерсти». Очевидно, в движении участвовали также некоторые слои феодального класса.

Секта исмаилитов была одним из крупнейших подразделений шиитского ислама. В основе исмаилитских социальных доктрин лежали уравнительные общинные идеи, мессианское учение о пришествии имама (махди) и установлении «царства справедливости». Исмаилиты разделились в конце XI в. на два течения: *мусталитов* — приверженцев фатимидских халифов Египта и *низаритов* — сторонников Хасана ас-Саббаха. Развернув активную деятельность в качестве исмаилитского функционера и проповедника (*даи*), ас-Саббах выступил с лозунгами «нового призыва» (*ад-дава ал-джадида*). Своим социальным и политическим острием они были направлены против засилья и гнета сельджукских властей и их опоры — суннитского духовенства. Низариты для осуществления своих целей применяли методы насилия и террора; террористические акты они совершали в состоянии наркотического опьянения, достигая его благодаря гашишу (*хашиш*), и были прозваны европейцами «ассасинами» (от араб. *хашшашун*); со временем это слово получило в европейских языках второе, искаженное значение — «убийцы».

В августе 1090 г. Хасан ас-Саббах овладел Аламутом — горной твердыней в горах Альбурса, расположенной недалеко от Казвина. Аламут стал религиозным и политическим центром Низаритского государства, просуществовавшего вплоть до его взятия в 1256 г. монгольским войском Хулагу-хана. В 1092 г. исмаилиты подняли восстание и захватили в Кухистане горную крепость в окрестностях Каина, а потом заняли Хур, Заузан, Тун и некоторые другие города Западного Ирана. Султан Маликшах послал туда свою армию под командованием Кизыл Сарыга, но внезапная кончина султана прервала карательную операцию.

В конце XI — начале XII вв., в смутный период истории Сельджукской империи, исмаилиты развили активную деятельность в Рее, Хузистане, Фарсе, Систане. Выступление низаритов произошло в обстановке резкого обострения классовых противоречий. Феодальная эксплуатация трудовых масс создала объективные условия для стихийных народных волнений. В 1093 г. одно из таких выступлений произошло в округе Байхак, но местные феодалы подавили это восстание с помощью вооруженных слуг и регулярных воинских частей.

Особая активизация исмаилитского движения имела место в 1101–1104 гг. в период борьбы за власть между Беркйаруком и Мухаммадом ибн Маликшахом. Низариты захватили ряд областей, участились их террористические акты против сельджукских правителей и сановников.

В начале XII в. исмаилиты расширили ареал своих действий в Северном Хорасане, овладели новыми крепостями и небольшими городами. Центрами низаритского движения становятся горные твердыни Кухистана, откуда они нападали на соседние области. Сельджукиды вели активную борьбу с исмаилитами, которых поддерживала значительная часть крестьянства и ремесленников. Ахмад ибн Фадл, везир Санджара, объявил в 1112 г. «священную войну» против «еретиков». Сельджукские войска прибыли в Байхак, где разгромили низаритов в Туршизе, а затем напали на селение Тарз. Приверженцы исмаилитов были почти все перебиты, а их вождь Хасан ибн Самин покончил жизнь самоубийством.

В середине XII в. низариты раскололись на две крупные религиозно-политические группировки. Первая из них была демократической, а вторая представляла интересы феодализировавшейся исмаилитской верхушки. Разбогатевшая исмаилитская знать, стремившаяся закрепить за собой земли и другие богатства, пошла на сближение с ортодоксальными суннитскими фе-

одалами. В 1211 г. низаритский имам Хасан III восстановил мечети, ввел пятикратный намаз, предписания шариата и признал главенство Аббасидов.

Санджар начал свою карьеру на политической арене империи Сельджукидов еще в 1096 г., когда он был назначен своим братом Беркйаруком правителем (*вали*) Хорасана и отправлен туда для борьбы с Арсланом Аргуном. В 1097 г. Санджар и Беркйарук объединили свои войска и овладели почти всем Хорасаном. Беркйарук назначил своим наместником в Хорезме тюркского мамлюка Кутб ад-Дина Мухаммада (1097–1128). Вассальную зависимость от Сельджукидов вынуждены были признать и караханидские властители Мавераннахра.

В 1100 г. в результате ухудшения отношений Санджара с Беркйаруком между ними произошло генеральное сражение в Хорасане. Беркйарук оказался разбитым и бежал в Дамган, а Санджар овладел значительной частью Северного Ирана и юго-западных областей Средней Азии.

В 1102 г. Санджар разбил армию Кадыр-хана Джабраила — караханидского илека (правителя) Мавераннахра. Он назначил караханида Мухаммада Арслан-хана (1102–1130) правителем Самарканда, являвшегося политическим центром среднеазиатского Двуречья. Правителем Бухары был назначен влиятельный имам Абд ал-Азиз из местного знатного клана Бурхани. В 1103 и 1109 гг. Санджару пришлось вмешиваться в борьбу между караханидскими властителями Средней Азии, Семиречья и Кашгара. В 1130 г. хорасанская армия взяла приступом Самарканд, а правителем Мавераннахра был утвержден караханидский вождь Хасан ибн Али. Однако спустя два года он был заменен на племянника Санджара, Махмуда ибн Мухаммада Арслан-хана.

Санджар был провозглашен *маликом* (царем) Хорасана, Гургана и Мавераннахра в 1104 г. в результате договора, заключенного между Сельджукидами при содействии аббасидского халифа ал-Мустазхира (1094–1118).

Наивысший подъем могущества Санджара приходится на первую треть XII в. Однако рост крупного землевладения и усиление роли военного сословия вели к ослаблению верховной султанской власти. Важное значение имели также освободительные движения в вассальных окраинах, где периодически вспыхивали феодальные мятежи и восстания широких масс против сельджукского господства. Одним из сильных противников Санджара оказался преемник Кутб ад-Дина Мухаммада, его энергичный и удачливый сын Ала ад-дин Атсыз (1128–1156). Хорезм в его правление находился под сюзеренитетом Восточносельджукского султаната, но Атсыз неоднократно пытался сбросить власть Санджара. Атсыз еще при жизни своего отца захватил Мангышлак и овладел г.Джендом в низовьях Сырдарьи. Подчинив себе кочевников Приаралья и Северного Прикаспия, он содействовал восстановлению регулярной торговли Европы со странами Востока через степи Западного Казахстана. В 1138 г. Атсыз открыто взбунтовался против Санджара, но потерпел неудачу. Спустя год он победил садра Бухары, но затем вынужден был покориться главе Восточносельджукского государства.

В середине XII в. обозначались явственные признаки ослабления и выявилась тенденция к распаду Хорасанского султаната Сельджукидов. Санджару с трудом удавалось сдерживать напор феодальной знати, особенно влиятельных и могущественных тюркских эмиров. Широкая раздача в икта государственных и коронных земель военным и представителям гражданской бюрократии способствовала их усилению и постепенной децентрализации власти. Фактическая продажа официальных должностей, которые переходили по наследству, усиливала коррупцию. Чаще нарушался установив-

шийся в прошлом негласный порядок замещения вакантных гражданских должностей: наряду с тазиками, т.е. представителями местного населения, их стала занимать тюркская знать. Сильное влияние на государственный аппарат и султанский двор оказывали крупные военные предводители.

В Хорасанском султанате в XI–XII вв. функционировала довольно развитая фискально-налоговая система. Крестьяне, ремесленники, простые скотоводы, несшие различные феодальные повинности, нередко страдали от непосильных поборов. Они уплачивали множество налогов, делившихся на обычные, узаконенные шариатом, и так называемые чрезвычайные сборы (*авариз*). Основным видом поземельного налога был харадж, который взимался с массы крестьянства. Различные повинности несли кочевые племена, в частности туркмены, обитавшие по берегам рек Атрек и Горган и на восточном побережье Каспийского моря. Они уплачивали налог за пастбища (*хукук-и мараи*) и несли военную пограничную службу. Некоторые группы номадов платили особый налог со скота в пользу султана. Туркмены подчинялись наместникам областей, но над ними ставились особые чиновники (*шихна*), наблюдавшие за внутренним порядком. Вожди кочевников (*беки, сюбаши, аксакалы*) обладали правом распределения пастбищ и водных источников между подвластными им родами и племенами. Тем самым они получали возможность для удержания в повиновении и эксплуатации рядовой массы соплеменников.

В середине XII в. Хорасанский султанат испытал тяжелый удар от киданей, вторгшихся из Центральной в Среднюю Азию. Кидани, составлявшие ветвь монгольских племен, создали в X в. в Северо-Западной Маньчжурии и Северной Монголии кочевую империю Ляо. В начале XII в. это государство, исчерпав силы в борьбе с соседями, пало под напором чжурджэней — народа тунгусского происхождения. Кочевые племена киданей ушли на запад под предводительством Елюй Даши. Пройдя отроги Южного Алтая, они достигли пределов Семиречья и Восточного Туркестана. Елюй Даши включил в свои орды часть местных тюркоязычных племен, и с этой поры за западной ветвью киданей закрепилось название кара-хитай. Кидани организовали серию набегов и походов на караханидские владения в Кашгаре, Хотане, Бешбалыке. В конце 30-х годов XII в. кара-хитаи вышли к границам Мавераннахра, где столкнулись с военными силами Западнокараханидского государства. Недалеко от современного Ходжента в 1137 г. произошла битва с войском караханидского властителя Махмуда ибн Арслан-хана. Караханиды потерпели жестокое поражение от киданей, в рядах которых была и часть тюрок-карлуков Семиречья. Карлукские племена, издавна враждовавшие с Арслан-ханом, правителем Баласагуна, еще до сражения перешли на сторону кара-хитаев.

После разгрома у Ходжента Махмуд обратился за помощью к Санджару, который двинулся с огромной ратью в Мавераннахр. Битва с киданями произошла в сентябре 1141 г. в Катаванской степи, к северо-востоку от Самарканда. Сражение окончилось полным разгромом сельджукской армии, в составе которой были вассальные отряды из Систана, Гура, Газни, Мазандарана. Елюй Даши, принявший титул *гур-хана*, подчинил своей власти Самарканд и Бухару, обложил данью Хорезм.

Катаванская битва ознаменовала собой начало заката и гибели Восточносельджукского государства. Атсыз, воспользовавшись поражением Санджара, дважды нападал на Хорасан и грабил население. В 1141 г. он вторгся в Серахс, захватил государственную казну в Мерве, опустошил Нишапур. В ответ на это Санджар двинулся в 1143 г. на Хорезм и вынудил Ат-

сыза изъявить покорность. Следующий поход за Амударью состоялся в 1147 г., когда сельджукская рать захватила Хазарасп и Гургандж (Ургенч). Между верховным сюзереном и вассалом было снова заключено мирное соглашение.

Весной 1153 г. против Санджара восстали огузские племена, кочевавшие на территории нынешнего Южного Таджикистана и Северного Афганистана. Основная их масса поселилась здесь около середины XII в., откочевав из Мавераннахра в Балхскую область. После Катаванской битвы хлынувшая на юг волна кочевников вытеснила огузов с их пастбищ. Значительную роль при этом сыграли карлуки, вступившие в тесный союз с кара-китаями. Огузы, преследуемые карлуками, ушли в пределы Саганиана и Хутталана, входивших в состав области Балх.

Появление воинственных кочевников-огузов в Балхской области встревожило местного правителя эмира Кумача. Он владел этой областью, имея на нее права иктадара (мукта) и подчиняясь султану Санджару. Кумач сделал попытку изгнать пришельцев, чем воспользовался его противник Занги ибн Халифа, который пригласил огузов к себе в Тохаристан. Однако вскоре они перешли на сторону Кумача, разгромившего войско Занги. Кумач наделил огузов землями и пастбищами в Балхской области. Спустя некоторое время они переметнулись на сторону Ала ад-дина — гуридского султана в Западном Афганистане. В 1152 г. огузы ушли в лагерь Санджара во время его сражения с Ала ад-дином недалеко от Убаха. Огузы стали «личными подданными» (*раййат-и хасс*) и «сутланским войском» (*хашам*). Санджар обязал их нести военную службу и поставлять ежегодно 24 тыс. овец для дворцовой кухни. Сборщики налогов увидели в кочевниках объект для личной наживы и стали вымогать у них взятки. Произошел конфликт, в результате которого был убит султанский чиновник. Санджар, испугавшись бунта кочевников, назначил в качестве их шихны эмира Кумача. Балхские огузы категорически отказались подчиниться этому жестокому феодалу, что повлекло за собой карательный поход Кумача. В начавшейся стычке огузы разгромили и убили наместника Балхской области вместе с его сыном.

В марте 1153 г. султан Санджар с огромной ратью, подобной «взволновавшемуся морю», двинулся на мятежных огузов. Ожесточенная битва с кочевниками, происшедшая к востоку от Балха, окончилась поражением сельджукского войска. Воспользовавшись победой, добытой кровью простых номадов, огузские беки захватили почти весь Хорасан. После взятия и ограбления Мерва они разорили Шахристан, Абиверд, Серахс и другие города и селения Восточносельджукского государства.

Огузская «смута» дала толчок широкому движению обездоленного люда в Хорасане, Гургане, Дихистане. После взятия Мерва к огузам присоединились толпы «простонародной черни» и солдат из различных местностей. Огузы и примкнувшие к ним ополчения (*хашар*) взяли Нишапур. В городе начались грабежи, пожары, многие жители были убиты в соборной мечети.

Разгром балхскими огузами армии Санджара положил начало волне социальных конфликтов и выступлений также и в Западном Иране. Они принимали обычно форму религиозных столкновений между последователями различных исламских толков и сект. Классовая борьба в период огузского «мятежа» шла и в форме открытых восстаний. Одно из таких выступлений произошло в 1160 г. в округе Нишапура под руководством Ахмада, называемого в источнике «погонщиком ослов». Восстание было подавлено Муайи-

дом Айабой — бывшим мамлюкским предводителем в войске султана Санджара.

В 50-60-х годах XII в. Восточносельджукская держава распалась на ряд мелких феодальных владений. Нишапур, Тус, Байхак и Хосровджирд перешли в руки эмира Муайида Айабы. В Мерве и Серахсе утвердился огузский предводитель Динар. Область между Нисой и Абивердом досталась тюрку-мамлюку Ихтийар ад-дину Айтаку. Гурган и прилегающие территории восточного побережья Каспийского моря перешли под власть шахов Мазандарана из династии Бавандидов. В конце XII в. после многолетнего кровавого дележа землями Восточносельджукского (Хорасанского) султаната овладели Хорезмшахи*.

Отношения сельджукских султанов с халифами были достаточно сложными. Еще Тогрул-бек постарался установить взаимопонимание с халифом, взяв в жены его дочь и в то же время закрепив за халифом Бакубу и другие земли Ирака. При Алп Арслане в 1069–1070 гг. была восстановлена хутба в честь Аббасидов в Мекке и Медине.

Иракский султанат просуществовал до конца XII в. История Западносельджукского государства также наполнена ожесточенной борьбой за власть, противоборством иракских султанов с халифами Багдада.

Религиозный и политический авторитет Аббасидов и престиж Багдада постепенно возрастал, хотя и под неусыпным контролем сельджукских властей. Этот контроль, с одной стороны, способствовал сохранению порядка в Багдаде, но, с другой — вел к накоплению напряженности в социальных отношениях, которая привела к антисельджукским выступлениям и распре между суннитами и шиитами в 1088–1090 гг.

Междоусобные войны среди Сельджукидов, начавшиеся после смерти Маликшаха (1092 г.), способствовали росту значения халифа, и каждый новый султан стремился получить инвеституру от главы правоверных. Однако Багдад постоянно находился под угрозой того или иного вторжения, что создавало обстановку крайней нервозности и неустойчивости, ибо на плечи горожан тяжким бременем ложились дополнительные налоги и постой войск.

Рассматриваемый период ознаменовался значительными переменами в регионе вокруг Багдада. Кочевнические династии Укайлидов (ал-Джазира, Ирак, Северная Сирия) и Мазйадитов (Хилла, Центральный Ирак), исповедовавшие шиизм, вели политику маневрирования между Фатимидами и Сельджукидами, вступая во временные военные союзы то с сельджукскими вассалами, то против них, то признавая духовный приоритет аббасидского халифа, то вставая под знамена своих единоверцев — Фатимидов. Образование государства исмаилитов в последнем десятилетии XI в. привело к захвату ими городов и областей не только в Иране, но и в Сирии. Не признавая ничьей власти и авторитета халифа, исмаилитское государство держалось на принципах террора и насилия. Исмаилиты стали непримиримыми врагами как Сельджукидов, так и Аббасидов. С конца XI до середины XII в. жертвами исмаилитов пали десятки политических деятелей, в том числе знаменитый везир Маликшаха Низам ал-Мульк и два аббасидских халифа — ал-Мустаршид (1118–1135) и ар-Рашид (1135–1136) (в их убийстве средневековые арабские историки усматривали сговор между исмаилитами и Сельджукидами, но это вызывает определенные сомнения).

* Далее раздел написан И.Б.Михайловой.

Феодальная анархия конца XI — начала XII в. привела к раздроблению Сельджукской империи и обособлению западной ее части, которое оформилось в правление султана Мухаммада (1104–1118). Иракский султанат после смерти Мухаммада был поделен между его потомками. К середине XII в. фактически завершается процесс формирования на западных территориях Иракского султаната самостоятельных государственных образований в Закавказье, Иране, Ираке и Малой Азии в результате интенсивного развития феодальных институтов, сопровождавшегося ростом экономического и политического сепаратизма.

Халиф ал-Мустаршид вел успешную борьбу сразу по нескольким направлениям: с Мазйадитом Дубайсом, претендовавшим на получение инвеституры на управление иракскими землями, с Иракским Сельджукидом Махмудом II (1118–1131) и его преемниками, с адептами исмаилизма в Багдаде. В 1126 г. халиф отказал Махмуду II в уплате ежегодной дани и, когда султан осадил Багдад, сумел поднять население города и дать отпор султанскому войску, создав 30-тысячную армию на основе народного ополчения.

Первым самостоятельным правителем со времен Буидов можно считать халифа ал-Муктафи (1136–1160), при котором наблюдается переход от политической и экономической зависимости к независимой государственности. Багдадский халиф получает прерогативы не только духовной, но и политической власти. В это время халифские войска освободили от сельджукской администрации почти всю территорию Ирака, заняв Хиллу, Куфу и Васит. Когда Санджар в 1153 г. потерпел поражение от огузов, халиф оказался единственным реальным сюзереном, от которого зависело признание законности власти и выдача инвеституры.

Багдадский халифат обрел окончательную независимость при халифе ал-Мустади (1170–1180). Его предшественник, халиф ал-Мустанджид (1160–1170), подготовил для этого почву, уничтожив бедуинскую династию Мазйадитов, наиболее сильных союзников Сельджукидов в Ираке. Ал-Мустади сумел наладить дружественные отношения с наиболее влиятельными мусульманскими государями своего времени — Аййубидами и атабеками Азербайджана. Политическое и экономическое положение Багдадского халифата было достаточно прочным и стабильным, когда халифский престол занял ан-Насир, почти полувековое правление которого (1180–1225) составило целую эпоху в истории государства.

Опираясь на союз с Аййубидами и атабеками Азербайджана, ан-Насир расширил территорию Багдадского халифата за счет Хамадана, Рея, Хузистана и раз и навсегда покончил с сельджукским господством.

Ослаблением Сельджукидов воспользовались атабеки. Основателем этой династии был Шамс ад-Дин Иль-Дениз, один из сельджукских мамлюков. В 1160 г. он стал «великим атабеком» иракского принца Арслан-хана и фактическим правителем Западносельджукского султаната. Атабеки сыграли определенную роль в укреплении этого государства, но в конце XII в. их влияние заметно упало.

Значительным успехом внешней политики ан-Насира было установление дружеских отношений с исмаилитами в 1211–1212 гг. Иначе сложились отношения халифа с хорезмшахами, что сказалось на судьбе мусульманского мира в целом. Ан-Насир с настороженностью наблюдал за действиями хорезмшахов, их активной завоевательной политикой, их притязаниями на султанский титул. Пока шла война между ними и последним Сельджукидом Тогрулом III, халиф помогал хорезмшаху, надеясь на то, что он поделится

с ним землями в Западном Иране. Но хорезмшах не захотел поступиться ни пядью завоеванных территорий. Халиф увидел, что хорезмшахи представляют для династии не меньшую опасность, чем Сельджукиды, и порвал с ними всякие отношения.

Современники ан-Насира видели в этом его недальновидность как политика, некоторые считали, не без оснований, что вражда с хорезмшахом привела к ослаблению мусульманского мира и косвенно способствовала быстрому монгольскому завоеванию, кое-кто обвинял халифа в прямом сговоре с монголами.

Халиф действительно требовал от хорезмшаха вассального подчинения и передачи ему районов Западного Ирана. С этой целью он вступил в союз с Гуридами, пытался столкнуть последних с хорезмшахом. Хорезмшах, в свою очередь, требовал от халифа инвеституры на султанскую власть.

Попыткой консолидировать общемусульманские силы явилась *футувва* ан-Насира, представлявшая собой самостоятельную идеологическую систему, которая в преображенном виде вобрала в себя наряду с «ортодоксальными» суннитскими положениями философские, социально-политические и этические догмы умеренного шиизма, исмаилизма, суфизма. Насаждавшаяся во всех слоях мусульманского общества, эта официально санкционированная идеология привела к созданию политического союза всех мусульманских сил. В 1210 г. ан-Насир направил послов к правителям мусульманских государств с призывом «испить чашу футуввы». На этот призыв откликнулись Аййубиды Египта и Сирии, государи Малой Азии, Азербайджана, Ирана и исмаилиты Аламута.

Преемники ан-Насира, главным образом его внук ал-Мустансир (1226–1242), за два неполных десятилетия сумели почти свести на нет успехи во внутренней политике Багдадского халифата и опустошить казну, а союз мусульманских государств на основе «насировской футуввы» пришел в упадок.

В 1242 г. умер ал-Мустансир, по слухам — насильственной смертью. Его преемник, последний аббасидский халиф ал-Мустасим (1242–1258), был человеком слабым, если не слабоумным, далеким от политики и пристрастным к развлечениям. Он стал пешкой в руках придворных, разделившихся на две соперничавшие группировки. Экономика Халифата при нем окончательно развалилась, пришли в расстройство дела в политике и социальной сфере. С востока приближалась опасность, по сравнению с которой все остальные потускнели, — монголы. Они захватили Багдад 12 февраля 1258 г. В течение 40 дней город подвергался разрушениям и грабежу. Падение Багдада произвело парализующее действие на весь мусульманский мир и облегчило монголам дальнейшие завоевания. Багдаду никогда уже не было суждено вернуть себе роль центра мусульманской политической жизни и культуры.

Дольше остальных сельджукских государств просуществовал Румский султанат в Малой Азии. Крестовые походы отбросили сельджуков от западных границ Византии, но в начале XIII в. они захватили Синоп — важную гавань и порт на Черном море. В зависимость от румских султанов попало затем Трапезундское царство. Султан Ала ад-дин Кейкубад захватил в 1222 г. в Крыму богатый торговый город Судак. Румским правителям удалось также овладеть Эрзрумом и Арзинджаном, но попытка вторгнуться в Сирию и Арабский Ирак встретила отпор египетских Аййубидов. Напряженная борьба с соседними феодальными государствами и внутренние противоречия ослабили Румский султанат. В 1243 г. монголы нанесли жестокое

поражение сельджукам в битве при Кёсё Даге. Румское государство оказалось под контролем монгольских ханов, а местная ветвь династии Сельджукидов была свергнута с престола в начале XIV в.

ЮЖНАЯ АЗИЯ В XI-XII вв.

Традиции древних империй, религиозных движений «осевого времени», санскритского «золотого века» пришли к концу. На просторах Северной Индии установилось господство нескольких кланов военизированных землевладельцев, считавших себя наследниками древних кшатриев, членами «царских родов» (раджпутами), презиравшими все, кроме воинской славы и чести.

В Южной Индии слой раджпутов не сложился, но политический строй тоже в основном базировался на широких объединениях социально высоких землевладельцев. «Раджпутский» период истории Индии — последний период ее автохтонного, самодовлеющего развития, конец «индусской» Индии, как это иногда формулируют индийские историки. Позже Индия была выведена из относительной изоляции завоеваниями мусульман, получила мощный импульс извне, хотя и не слилась с мусульманским миром. Может быть, по контрасту с последующим этот период выглядит как застойный, бесперспективный, а весьма медленная эволюция — как тупиковая.

В Северной Индии в этот период не было государства, претендующего на господствующее положение. В Раджастхане и Гуджарате правили ветви раджпутского рода Чауханов (Чахаманов). Наиболее заметными из них были Чауханы из Сакамбхари. Во второй половине X в. они овладели большей частью Восточного и Центрального Раджастхана и частью Гуджарата.

В Малве Гурджара-Пратихаров сменили Парамары, достигшие своего политического расцвета во второй половине X в., когда они способствовали разгрому державы Раштракута, наводили страх своими походами на все окружающие государства. Но уже в середине XI в. государство Парамара пришло в упадок.

В Бунделкханде в конце X в. возникло государство Чанделла. Оно охватывало Восточный Доаб, Варанаси, часть Западной Бенгалии.

В Центральной Индии род Калачури был известен издавна как вассал сначала Чалукьев из Ватапи, потом — Раштракутов. С XI в. Калачури (другое имя — Хайхая) стали независимыми и сохранили свое княжество до XIII в.

В Северном Гуджарате во второй половине X в. возникло княжество Чаулукья (Соланки) из Анахилапатаки. Чалукьи из Кальяни владели большой территорией на Декане, но не унаследовали силы и влияния Раштракутов. Они в основном были заняты войнами на полуострове — со своими вассалами, с Чолами и т.п.

Когда династии Северной Индии называются «раджпутскими», имеется в виду кастовый статус, который был этими кланами в конце концов приобретен. Династии раннего средневековья довольно часто сначала выступали как безродные, и лишь затем им начинали приписывать кшатрийское происхождение. Это относится к династиям Палов, Пратихаров, Чанделлов. Сатаваханы, Вакатаки, Парамары, Чахаманы и, возможно, Гухилоты происходили из брахманов. Позднее они стали называть себя кшатриями, что, кстати, свидетельствует о том, что брахманский статус не воспринимался

как наивысший, вопреки тому, что писалось в священных книгах. Раджпутами стали также вожди дравидийских и мундаских племен Центральной Индии, если им удавалось основать свои княжества. «Парашара-смрити» обобщила эту практику завоевания кшатрийского статуса в следующих словах: «Царское достоинство — это не наследственное право. Оно не может быть также передано письменным документом. Им пользуются, когда приобретают его при помощи меча. Землей правят герои».

Завоевание кшатрийского статуса было возможно именно потому, что кастовое мировоззрение пронизывало общество. По теории кшатрий должен обладать особой субстанцией, позволяющей ему управлять страной и обеспечивать расположение богов к народу. Отсюда был естествен обратный вывод — сам факт захвата и удержания власти служил доказательством наличия такой субстанции и благорасположения богов. Имелись еще и дополнительные доказательства кшатрийского статуса — земельные дарения брахманам. В соответствии с дхармашастрами брахман мог принимать такие дарения только от настоящего кшатрия. Следовательно, факт приема дарения означал неподдельность кшатрия-дарителя. Отсюда — стремление дарить брахманам землю и широко оповещать об этом, характерное как для предыдущего, так и для данного периодов в истории Индии.

Как уже говорилось, в Южной Индии подобного же явления «кшатрианизации» местных правящих родов не произошло. Возможно, это связано с тем, что четырехварновая модель, очень живая в народных представлениях Севера, на Юге так и не укоренилась. Правители Севера имели перед глазами «кшатрийскую модель», с которой им удавалось себя идентифицировать. На Юге же, несмотря на образование группы кланов, традиционно имевших право на власть (Чолы, Пандьи, Черы, Паллавы, Кадамбы, Баны, Ганги и т.п.), кланы эти так и не возвысились над земледельческими кастами, из которых они вышли (веллалов, воккалигов и т.п.).

Династия Чолов, владевшая небольшим княжеством с центром в Урайюре, в конце IX в. по неизвестным причинам вдруг усилилась, в 898 г. нанесла поражение Паллавам и уничтожила их государство. Одновременно на крайнем Юге поднималось государство Пандья, но в 910 г. Чолы разбили также и Пандьев и объединили под своей властью почти весь Тамилнад. Впрочем, Пандьи не исчезли. Они сохранились как многочисленные мелкие вассальные правители, а в XIII в., после ослабления Чолов, снова стали самостоятельными.

Чолам помогло на первом этапе их возвышения и то, что на Декане произошла, как уже говорилось, в 973 г. смена государства Раштракута Чалукьями и натиск с севера временно ослаб.

На XI в. падает расцвет державы Чола. При Раджарадже I (985–1015) и Раджендре I (1015–1044) Чолы подчинили весь Тамилнад, часть Карнатаки, поставили в вассальную зависимость Восточных Чалукьев из Венги (в Андхре), нанесли несколько поражений Чалукьям из Кальяни и совершили поход на Север, достигнув, по преданию, р.Ганга. Кроме сухопутной армии Чолы создали большой военный флот, благодаря которому завоевали Ланку, Мальдивские острова, поставили под свой контроль Шривиджайю в Индонезии.

В 1070 г. представитель Восточных Чалукьев унаследовал по женской линии также и чольский трон, и две династии таким образом слились. К началу XII в. держава Чола была сильнейшей во всей Южной Азии. Но в течение XII в. она потерпела несколько поражений и сузилась до размеров незначительного княжества в районе Танджура.

Восстановили свои государства Пандьи. Государство Западных Чалукьев из Кальяни распалось, уступив место своим бывшим вассалам — Хойсалам из Дорасамудры, Ядавам из Девагири и Какатьям из Варангала.

Северная Индия с начала XI в. стала подвергаться регулярным набегам Махмуда Газневида (998–1030), который правил империей, включавшей части современных Ирана и Средней Азии, Афганистан, а также Пенджаб и Синд.

Эти походы, неизменно победоносные, могли бы насторожить раджпутских правителей и подать им мысль об объединении усилий, чтобы отстоять независимость. Однако объективные исторические обстоятельства были таковы, что союз династий Северной Индии был невозможен. Видимо, этап феодальной раздробленности, начавшийся еще с распада империи Гупта, не был преодолен. В конце XII в. другому завоевателю, Мухаммаду Гури, удалось поодиночке разбить войска раджпутских государств и овладеть почти всей Северной Индией.

В XI–XII вв. получают завершение те процессы феодализации общественной структуры, которые наметились ранее. Это период широкого распространения и умножения земельных дарений, окончательного оформления иммунитетов, наиболее четких представлений о системе вассалов. Однако эти представления формулируются в трактатах, посвященных совсем иным вопросам — искусству и архитектуре. Впрочем, в индийском контексте это довольно логично: традиция трактатов о политике (*артхашастра*, *нитишастра*) к этому времени совершенно прекращается, комментаторы же дхармашастр прилагают все усилия, чтобы не заметить новые явления и остаться целиком внутри сюжетов, ставших актуальными еще в глубокой древности.

В трактате по архитектуре примерно XII в. «Манасаре», между прочим, приведена классификация разного рода «царей». Их может быть 9 типов: *чакравартин*, *махараджа* (*адхираджа*), *махендра* (*нарендра*), *паршника*, *паттадхара*, *мандалеша*, *паттабхадж*, *прахарака*, *аштаграхин*. Каждому «царю» предписывается определенное количество войска и размер гарема. Аштаграхину, самому низкому из них по рангу, приличествует иметь 500 лошадей, 500 слонов, 50 000 пехотинцев, 500 служанок и одну «царицу». О том, что эти «цари» образуют лестницу вассалов, не говорится, но весьма показательно упоминание о разных доходах каждого. Чакравартин («господин всего мира») собирает в свою пользу лишь $^1/_{10}$ урожая, махараджа берет $^1/_6$, нарендра — $^1/_5$, паршника — $^1/_4$, паттадхара — $^1/_3$. Сколько берут «цари» более низкого ранга, не говорится, но по контексту — еще больше. Смысл этого установления, видимо, заключается в том, что каждый из правителей, собирая налоги в свою пользу, часть их отсылает более крупному владетелю.

Другой трактат XII в., «Апараджитаприччха», составленный, по мнению специалистов, в районе Раджастхана — Гуджарата, тоже перечисляет 9 категорий правителей, но термины для них другие: *махипати, раджа, нарадхипа, махамандалешвара, мандалика, махасаманта, саманта, лагхусаманта* («младший вассал»), *чатурамшика* («владелец четырех долей» или «... четверти»). Если махипати правит «всей землей», то чатурамшика — «только» 1000 деревень. Ниже его расположены другие владельцы, не носящие специальных названий, но имеющие по 50, 20, 3, 2, 1 деревне. Каждый из девяти владетелей имеет свой двор, который включает определенное количество вассалов более низкого ранга. Так, например, император должен иметь при себе 4 махамандалешвара, 12 мандаликов, 16 махасаман-

тов, 32 саманта, 160 лагхусамантов, 400 чатурамшиков, а также более низких вассалов, которые суммарно названы *раджапутрами* (т.е. раджпутами).

В других архитектурных трактатах каждой ступени градации землевладельцев предписан дом определенной величины.

Эти пассажи трактатов не следует, конечно, воспринимать буквально, особенно в части упоминаемых в них количеств. В них просматривается вполне определенная тенденция гигантомании. В трактате начала X в. «Упамити-бхава-прапанча-катха» высмеиваются обладатели пышных титулов, на самом деле крайне бедные. Раджпут, владеющий куском поля, называет себя махамандаликой, а уж тот, у кого 2-3 деревни, называет себя не иначе как чакравартином. Но в целом из этих описаний можно сделать вывод, что иерархическая структура власти-собственности была вполне осознанна и получила определенную теоретическую разработку.

Такая структура возникла, по-видимому, не случайным образом, в результате, скажем, многократного подчинения мелких правителей более крупными, а по определенным правилам или плану, скорее всего в результате распределения земли между подразделениями кланов и отдельными семьями.

Господствующий класс, по всей вероятности, имел феодальную структуру, основанную на определенном соответствии земельных, служебных и родственных связей. Меньше сведений о взаимоотношениях землевладельцев всех рангов с общиной и о ее структуре. Мы имеем списки налогов и поборов, которые государство передает частному лицу при дарении земли, но размеры этих поборов неизвестны.

Среди передаваемых собственнику прав иногда фигурирует *вишти* — принудительный труд. Интересно, что в ранний период становления феодализма, во II–X вв., вишти упоминается в надписях довольно часто, свидетельствуя тем самым о значительной подчиненности деревни власти землевладельца. В предыдущей главе говорилось о фактах закрепощения крестьянства в тот же период.

Однако начиная с XI в. в государствах Парамара, Чаулукья, Чахамана, Гахадавала, Чанделла вишти перестает включаться в формулы, перечисляющие права и привилегии получателя дара. Это означает, что деревня как целое обычно не обязана предоставлять неоплачиваемый труд государству. Таким образом, происходит изменение социального положения налогоплательщика, он становится свободнее.

Объясняется это тем, что изменился сам налогоплательщик — волны завоевателей высокого кастового статуса осели на землю и заменили собою шудр-земледельцев. Вишти сохранился, что известно из более поздних материалов, но уже в качестве права верхнего слоя общины на труд подчиненных ему деревенских низов. Феодализм, если можно так выразиться, «уходит в глубь» сельской общины.

Верхний слой землевладельцев в Северной Индии возник в ходе раджпутских завоеваний. Оседание на землю раджпутских кланов, как было объяснено выше, приводило также к росту землевладения брахманов. На Юге, где таких передвижений кланов не было, тем не менее также возникает влиятельная крупная община во главе с кастами, которые не стали кшатрийскими только потому, что они и так занимали в местной иерархии место сразу после брахманов.

Неясно, как сочеталась лестница феодальных владений и столь же развитая система общинных объединений.

В Северной Индии феодальные уделы, становившиеся затем территориями областных (или окружных) общин, имели более или менее единообразную структуру. Широкие общины, состоявшие из «восьмидесяти четырех» деревень (*чаураси*), делились на подразделения в 48, 24, 18, 12, 10 деревень. Впрочем, были и другие виды объединений деревень, ни в какую числовую последовательность не вписывавшиеся. В надписях Парамаров, например, встречаются территориальные единицы в 12, 17, 36, 42, 48, 64, 87 деревень.

Создается впечатление, что первоначальные подразделения территории, возникшие как наделы глав кланов или семейств, в дальнейшем, с ростом феодальных семей и их сегментацией, превращаются в коллективные, а система феодов — в систему общин. В XIX в. чаураси и его части (*беалиси, бисагама, чаугама*) представлялись явственными пережитками, хотя уже слабыми, крупных общинных (самоуправляющихся) территорий. Но конкретный процесс становления, а затем разрушения широкой общины в Северной Индии пока неизвестен.

На Декане роль коллективов в землевладении, в организации налогообложения, самоуправления, обороны была гораздо большей и лучше известна. Территории целых областей и княжеств носили названия, включавшие некий числовой индекс, обозначавший количество входящих в них деревень (конечно, мифическое): «Конкан 900» (в других случаях «Конкан 1400»), «Кавадидвипа 125 000», «Страна 16 000 деревень» — в Махараштре; Шатсахасра-джагати («Страна 600 деревень»), «Венгимандала 16 000» — в Андхре; «Ренанда 7000», «Ноламбавади 32 000», «Гангавади 96 000», «Коттур 32 000», «Банаваси 12 000» — в Карнатаке. Эти крупные территориальные единицы делились, видимо, на более мелкие: «Келавади 300», «Белвола 300», «Пуригера 300», «Панумгал 500», «Касукаду 70», «Нарейямгал 50», «Куккунур 30». Наиболее часто встречающейся мельчайшей единицей этого ряда, как и на Севере, было «12», например «Баддулатака 12». Все эти подразделения фигурируют в надписях в двух ролях — либо это просто административная единица, управляемая назначаемым из центра наместником, либо активное юридическое лицо: субъект дарения, договора, коллективный свидетель сделки и т.д.

Крупные подразделения (с индексом в несколько тысяч) сравнительно реже выступают в роли коллективного юридического лица, хотя, например, «Банаваси 12 000» явно имела орган самоуправления и свое имущество, в том числе землю. Подразделения же с индексом «300» и меньше — это явно прежде всего общины, имеющие совет, старост, имущество, в том числе землю, собирающие в свою пользу некоторые подати и т.п. Как конкретно уживались наместники и общинные старейшины, кто реально решал вопрос о дарении или договоре от имени общины — все это пока совершенно неясно. Ясно лишь, что государства Декана X–XIII вв. нельзя представлять себе регулярными административными структурами. Коллективы землевладельцев в масштабах десятков и сотен деревень обладали определенным контролем над ресурсами и пользовались самоуправлением.

В Тамилнаде числа при названиях самоуправляющихся территорий не употреблялись, но эти территории (*наду*) во главе с коллективными органами (*наттар*) пользовались не меньшей свободой. Из надписей известны названия и примерное расположение 550 наду, которые дарили землю брахманским общинам и храмам, устраивали всякого рода складчины и самообложение, строили каналы и другие ирригационные сооружения, устраивали празднества, осуществляли судопроизводство.

Наду имели сложную структуру, которая постепенно претерпевала изменения. Деревенские общины (*ур*) принадлежали в основном доминирующей земледельческой касте веллалов, и из их представителей состояли органы самоуправления местности (*наттар*). В каждой наду было по одной-две деревни, принадлежавших брахманам, и управлялись они брахманской *сабхой*. Торгово-ремесленным центром наду был небольшой город, управлявшийся коллективом его жителей, прежде всего купцов, носившим специальное название *нагарам*, *нагараттар*. Земли для брахманских общин выделялись либо местными жителями, либо центральной властью. Из этих же двух источников создавались владения индуистских храмов (джайнские тоже основывались, но их было мало). В IX–X вв. собрание наду осуществляло действенный контроль над всеми владениями и общинами, находившимися на территории широкой общины, — над сабхами, нагарамами, храмами, однако центральная власть постепенно усиливалась. При Раджарадже I была введена новая административная единица — *валанаду* («широкая наду», можно также перевести как «хорошая наду»), объединившая несколько общин и поставленная под управление назначенного из центра управителя (*надалван*). Брахманские сабхи были исключены из юрисдикции местных общин и подчинены непосредственно валанаду.

Строительство Чолами новых храмов и передача им права на сбор налогов были еще одним путем укрепления влияния центральной власти на местах. Города освобождались от подчинения наду благодаря росту своих связей с купеческими гильдиями, ведшими торговлю по всей Южной Индии, на Декане и имевшими связи с Юго-Восточной Азией и купцами с Ближнего Востока.

Если реальный коллективизм и степень автономности широких (областных) общин в этот период находятся под вопросом, то самоуправление отдельных деревень, по-видимому, было достаточно реальным во всех областях Индии. В Тамилнаде деревенское собрание называлось *ур* («деревня»), в Карнатаке оно обозначалось термином *оккалу* («семьи») в сочетании с некоторым числом, чаще всего «50», но встречались также «60», «70», «120». (Эти цифры нельзя сопоставлять с теми, которые сопровождали географические названия.) Брахманские собрания, стоявшие во главе некоторых деревень, назывались в Карнатаке *махаджаны*, в Тамилнаде — *сабха*.

Деревенские собрания имели в своем распоряжении земли, которые могли дарить и продавать. Они имели денежный фонд, составленный из рент с общих земель, а также добровольных и принудительных взносов членов общины и других жителей деревни. Деревенское собрание выступало и как сборщик пошлин, и как банкир и ростовщик, и как свидетель или гарант чужого дарения, и как судебный орган, и как организатор самообороны.

Активны были торговые корпорации, охватывавшие своей деятельностью многие города, вступавшие в соглашения с наду, сабхами, городскими общинами и т.п. Корпорации содержали значительные воинские контингенты, которые оказывали существенную помощь имперской армии во время войн.

Военные функции купеческих корпораций не могли не отразиться и на социальном статусе купцов в феодальном обществе, высоко ценившем воинскую доблесть. Некоторые купцы Юга получали привилегии пользоваться зонтиком, носилками, ездить на слонах, иметь дом в несколько этажей,

иметь при входе украшенную арку, право жечь лампу в дневное время, право ступать по ковру и т.п.

В основном сведения о корпоративной жизни и о самоуправлении относятся к Южной Индии, однако похожие сведения есть и из Северной. На нынешнем уровне наших знаний трудно сказать, является ли это лишь источниковедческим фактом (надписи на стенах храмов на Севере были в основном разрушены, на Юге же сохранились), или же эта разница в объеме сведений отражает разную роль общинных институтов на Севере и на Юге. Аморфность, лоскутность, административная слабость государств была характерна для обоих регионов.

Государства стремились создать стройную административную систему, но смогли добиться в большинстве случаев лишь дублирования своими чиновниками системы управления, ранее созданной общинами. В надписях некоторых династий (например, Палов, Чалукьев, Восточных Чалукьев) упоминается множество должностей государственных служащих, но обычно лишь в виде безымянных списков, и остаются большие сомнения в реальном существовании разветвленного аппарата. Армия в этот период в основном состоит, как уже говорилось, из феодального ополчения, а на Юге, кроме того, — ополчений торговых и ремесленных корпораций.

Социальный слой полноправных членов общины в этот период занимал довольно высокое положение. В Северной Индии они принадлежали в основном к кастам раджпутов, брахманов, а также к высоким земледельческим кастам джатов, тага, бхуинхаров и т.п. В Южной Индии брахманское землевладение (деревни *аграхара*) также было широко распространено. Остальные земли были в руках каст, шедших в местной социальной иерархии сразу после брахманов.

Общинная собственность на землю была ограничена необходимостью уплачивать налог государству или тому лицу либо учреждению (храму, монастырю, группе брахманов), которому право на сбор было подарено. Общинная собственность, в свою очередь, лишь отчасти ограничивала индивидуальную собственность членов общины. Общинник был хозяйственно независим на своей земле, мог ее отчуждать, сохранял на нее право в случае долгого отсутствия, но всеми этими индивидуальными правами он обладал как член коллектива — член касты, доминирующей в данной деревне.

Ниже слоя землевладельцев-налогоплательщиков, осуществлявших общинное самоуправление, стояли неполноправные члены общины — арендаторы, безземельные работники, ремесленники. Система *джаджмани*, т.е. система несимметричного взаимного обслуживания землевладельческих, земледельческих и служебно-ремесленных каст, возникшая в Северной Индии еще в древности, в VIII–XIII вв. распространяется на Декан и Юг.

Право на землю распадалось на два основных права, довольно четко разграниченных. Одно заключалось в праве на присвоение государственных налогов или соответствующих сумм с землевладельцев. Другое состояло в праве распоряжаться самой землей (хозяйственно использовать, наследовать, отчуждать) и присваивать ренту за вычетом упомянутого выше налога.

Но распределение этих двух прав между различными индивидами и институтами было крайне запутанным. Храм, брахманская община или светский феодал могли иметь на одни земли лишь право на налог, на другие — лишь право на ренту, а налог вынуждены были выплачивать. Оба права могли сосредоточиваться в одних руках. Храм мог платить налог фе-

одалу на одних землях и получать налог с того же лица на других землях и т.д.

В надписях государей Чолов упоминается более 400 терминов для налогов и платежей, но лишь 7 из них встречаются на территории всего государства. Налоговая система, по всей видимости, не была упорядочена, но все же можно примерно установить, что налог составлял от $^1/_5$ до $^2/_5$ урожая, рента — от $^1/_3$ до $^2/_3$. Таким образом, за вычетом налога подчиненный собственник получал от 40 до 27% совокупной феодальной ренты.

В духовной сфере это был период продолжающегося распространения индуизма. Последние очаги буддийской культуры угасали в Бенгалии и Бихаре. Джайнизм исчез на Юге и сохранился в более или менее заметном виде только в Гуджарате. В этот же период на северо-западе появилась новая для этого региона религия — ислам, — резко отличавшаяся от учений, возникших на почве Южной Азии. Появляется осознание общности всех индийских религий в смысле противостояния всех их исламу. Появляется и термин, который должен был выразить это единство и это противостояние, — *хинду*.

Индуизм принял, как говорилось в предыдущей главе, прежде всего форму шиваизма, но в период, входящий в тему данной главы, значительный импульс получил также вишнуизм, так или иначе связанный с идейным направлением бхакти. В XI в. Рамануджа дал теоретическое обоснование течению бхакти. Как философ, он сделал систему веданты более понятной народным массам. Он проповедовал веру в личного бога и равенство перед богом. Материя, время и душа, по Раманудже, действительно существуют, и бог творит мир из этих трех субстанций. Философия Рамануджи послужила основой для возникновения позже множества школ веданты, нередко эклектически сочетавших в своих воззрениях элементы учений санкхьи, ньяи, джайнизма и т.п.

Составляются поэмы и сборники рассказов, ставшие священными книгами вишнуитского бхакти, — «Бхагавата Пурана» (IX–X вв.), «Гита-говинда» Джаядевы (XII в.). Большую роль в дальнейшей популяризации бхакти сыграли Нимбарка (вторая половина XII в.) и Мадхва (начало XIII в.). Появляется цикл легендарных рассказов о Кришне, Радхе и пастушках, кришнаитское бхакти приобретает эротический характер.

Бхакти в особой форме развилось и в шиваизме, правда, лишь в Южной Индии. На Декане, в государстве Калачури, возникла секта, называвшая себя *вира-шайва*, известная также как *лингаяты*. Реальным основателем секты стал брахман Басава, министр правителя этого государства. Члены секты считали, что исполнение обрядов, следование всякого рода запретам в пище и поведении имеют второстепенное значение по сравнению с любовью к Шиве, которому следует поклоняться в облике линги.

Особенностью религиозной жизни в это время является также появление и распространение тантризма, т.е. мистических представлений, связанных с верой в символы (*мантру*, *мандалу*) и с эротической оргиастической практикой. Это течение существовало и в буддизме, и в шиваизме. Эротика стала частью ритуала и в некоторых других направлениях шиваизма, как явствует из строительства во второй половине XI в. знаменитых храмов в Кхаджурахо. Кришнаизм в форме поклонения Кришне и Радхе и поэтизации их отношений также нередко принимал эротические формы.

Период X–XII вв. был золотым веком храмового строительства. Почти все здания храмов, до сих пор вызывающие восхищение, были возведены в это время. Соответственно значительного развития достигли архитектура и

скульптура, которая рассматривалась почти исключительно как архитектурная деталь. Оформились основные черты храмового комплекса, и выделились региональные и династийные стили. Как ясно из вышеизложенного, храмы стали важными экономическими единицами, богатыми работодателями, арендодателями, кредиторами, банками и т.п. Соответственно они имели экономические средства, чтобы стать центрами культуры.

В скульптуре и особенно в живописи, которая в это время была представлена почти исключительно стенной росписью, искусствоведы отмечают появление с VIII в. «средневековых черт» — тенденцию к переходу от трехмерного к двухмерному и плоскостному видению, к линейным композициям, к резким, нервным, угловатым линиям от плавных, спокойных, характерных для древности. Эти черты в искусстве наиболее ярко проявились на западе и северо-западе — в Раджпутане, Гуджарате, Пенджабе, но позже, в XI–XII вв., они отмечаются и в центральных областях индийской цивилизации. До Восточной и Южной Индии эти эстетические явления не дошли. Вполне закономерно предположение, что новые веяния в изобразительных искусствах отражают влияние центральноазиатских кочевых народов.

Переходность данного периода не видна нигде так отчетливо, как в литературе. Творчество на санскрите выдыхается, теряет импульс, делается элитарным, уходит в эстетические изыски. Наиболее ярким проявлением превалирования формы над содержанием являются поэмы, которые имеют одновременно два или более смысла. По-разному разделив сложное санскритское слово, можно прочесть либо поэму — панегирик в честь конкретного правителя Рамапалы с упоминаниями, хотя исторически неточными, реальных событий его правления, либо переложение «Рамаяны» с описанием легендарных подвигов Рамы («Рамачарита» Сандхьякаранандина). Или же прочесть поэтизированную историю династии Чаулукьев и одновременно — трактат о правилах грамматики («Двьяшрая-махакавья» Хемачандры). Наиболее значительное санскритское произведение этого периода — уже упоминавшаяся «Гита-говинда». Отличием периода служит также литература сатирического жанра (Кшемендра).

К тому же периоду относятся многие прозаические произведения жанра так называемой обрамленной повести: «Брихаткатха» Кшемендры (XI в.), «Катхасаритсагара» Сомадевы (XI в.), «Веталапанчавимшатика» (XII в.), «Шукасаптати» и др.

Но наряду с угасанием санскритской литературы идет процесс созревания национальных языков и появления литературы на них. Кроме тамильской, существовавшей ранее, появляются бенгальская, маратхская, гуджаратская, каннада, телугу литературы.

Возникновение маратхской литературы связано с именем Мукундараджа (вторая половина XII в.) и с темами и идеологией бхакти. Авторами лирической поэзии становились горшечник Гора, цирюльник Сена, садовник Сомвата, неприкасаемый Чокха, золотых дел мастер Нарахари, маслобойщик Джога.

В Тамилнаде продолжается век алваров и найянаров. Их последние представители в XII в. — Камбан, Оттакуттан, Пугаленди, Шеккилар, Аввай II-ая и др. Особенное значение имел перевод на тамильский «Рамаяны», выполненный Камбаном.

Вообще, санскритское классическое наследие сыграло большую роль в развитии местных культур, включая языки. Перевод эпоса на язык данного народа служил этапом, знаменующим определенную зрелость языка и его

выразительных средств. Литература телугу была, по существу, создана тремя великими поэтами — Нанниямом, Тикканой и Эррапрагадой, жившими в XI–XIII вв. и наряду в переводом «Махабхараты» на телугу давшими образцы и оригинальной поэзии на этом языке.

Для гуджаратской литературы на первом этапе ее возникновения был характерен жанр так называемых *расо* — стихов к танцевальной музыке, посвященной Кришне. Впоследствии этот жанр перерастает в разновидность героической поэмы.

Литература каннада во многом обязана творчеству поэтов-проповедников из секты вира-шайвов. Они развивали совершенно уникальный жанр коротких стихотворений в одно предложение — *ваганы.*

Закончить обзор периода следует тем, что окончательно кристаллизуются системы индусского права, которые затем не подвержены изменениям до нового времени. Создаются комментарии к дхармашастрам, которые признаются сейчас наиболее авторитетными и как бы завершают их развитие. Это комментарии Виджнянешвары (XI в.) и Апарарки (начало XII в.) на «Яджнавалкья-смрити», Куллуки (XII–XIII вв.) и Говиндараджи (XI–XII вв.) — на «Манавадхармашастру». Создаются компендиумы права (*нибандхи*), охватывающие все точки зрения на любую проблему. Из них особенно знамениты труды Дхарешвары (XI в.), Деваннабхатты (начало XIII в.) и Лакшмидхары (XII в), составившего наиболее полный, 14-томный компендиум. Индусское право разделяется на две школы — северную, следующую за «Даябхагой» Джимутаваханы, и южную, источником которой служит «Митакшара» Виджнянешвары.

В целом период XI–XII вв. справедливо рассматривают как период застоя и канун упадка индусской культуры. Была достигнута та самодостаточность, которая нет-нет да и проглянет из индусской культуры даже сейчас. Известные слова К.Маркса о том, что в Индии все воевали против всех и потому она не могла избегнуть участи быть завоеванной, можно отнести не только к XVIII, но и к XII в.

ЛАНКА В XI–XIII вв.

Освобождение острова от власти Чолов, продержавшихся на Ланке в течение 75 лет, связано с именем сингальского царя Виджаябаху, венчавшегося на царство в 1073 г. Вскоре после этого сингальский двор оставил разграбленную отступающими тамильскими войсками Анурадхапуру и обосновался в Полоннаруве, ставшей в XI в. новой столицей сингальского государства. Полоннарува была расположена на северо-востоке «сухой зоны» и занимала стратегически важное положение, контролируя территорию Рухуны, оплот и убежище мятежной сингальской знати. Немаловажным обстоятельством было то, что она находилась вдали от северных границ государства, что могло обеспечить ее безопасность в случае войны с южноиндийскими правителями. Перенос столицы имел не только военно-стратегическое, но и экономическое значение. Близость к Махавели-ганге, самой крупной реке острова, а также созданная с IV по IX в. ирригационная система, вокруг гигантского водохранилища Миннери, служили надежной основой растущего экономического потенциала района. Развитие торговых отношений со странами Юго-Восточной Азии и Китаем привело к повышению значения порта Гоканна (совр. Тринкомали) на восточном побережье, который на протяжении веков являлся основным центром торговли северо-восточных областей

острова. Свидетельством экономической и политической значимости Полоннарувы начиная с VI в. было выделение ее как отдельной административной единицы, отданной в управление наследнику престола.

Став правителем Ланки, Виджаябаху I укрепил северные границы, построив линию фортификационных сооружений и усилив охрану на побережье. Он провел ряд реформ по восстановлению прежней, существовавшей до Чолов административной системы. При нем была произведена реконструкция разрушенных ирригационных сооружений, осуществлены мероприятия по поднятию продуктивности пришедшего в упадок сельского хозяйства. Большое внимание Виджаябаху I уделял возрождению буддизма на острове и реформе буддийской сангхи. Он восстановил разгромленные буддийские храмы и монастыри, наделив их земельными угодьями и богатыми дарами. Состав сангхи был существенно обновлен, и она была очищена от монахов, не соблюдавших дисциплинарный устав. Пытаясь найти в сангхе надежную опору и поддержку, Виджаябаху I всячески выказывал приверженность ее верхушке. Так, он публично расправился со своей супругой-царицей, не угодившей придворным ученым — *тхерам*, лишив ее всех владений и званий и выдворив за пределы столицы с железным ошейником на шее. В то же время Виджаябаху оказывал поддержку брахманам при дворе и субсидировал из государственной казны строительство новых индуистских храмов (при нем, в частности, был построен знаменитый Виджаяраджа Ишварам — шиваитский храм в Канталаи).

Поддержка буддийским царем индуизма объяснялась тем, что уже к XI в. на острове постоянно проживало значительное число лиц тамильского происхождения, которые представляли собой политическую и военную силу. Начиная с VIII–IX вв. упоминания тамильских имен и фиксация актов дарения земельных угодий тамилам, находящимся на службе у сингальских царей, заметно учащаются. В надписи, датируемой последним десятилетием IX в., упоминается государственное ведомство Демала-адхикари («Ведомство по делам тамилов»).

В области внешней политики деятельность Виджаябаху I была направлена на развитие связей с враждебными Чолам силами Южной Индии — государствами Пандьев и Чалукьев, с которыми в его царствование осуществлялся постоянный обмен посольствами. Виджаябаху закрепил установившиеся отношения заключением брака между своей сестрой Миттой и наследником престола Пандьев.

За период его правления (1073–1110) хрониками не зафиксировано ни одного случая нападения на остров извне. Однако внутри страны обстановка дважды осложнялась: в результате восстания 1074–1075 гг., поднятого в Рухуне, Малайе и Даккхинадесе тремя мятежными принцами, пытавшимися с помощью Чолов захватить сингальский престол, и восстания *велаиккаров* — тамильских воинов-наемников на острове, отказавшихся по приказу царя выступить в поход против Чолов, десять лет спустя.

После смерти Виджаябаху I в стране наступил смутный период. Три области, из которых традиционно состояло сингальское государство, — Раджарата, Майарата (Даккхинадеса) и Рухуна — стали управляться независимыми друг от друга правителями, каждый из которых, однако, претендовал на господство над всем островом. Власть царей Полоннарувы Джаябаху I, Викрамабаху I, Гаджабаху II была номинальной и распространялась только на Раджарату.

С 1140 г., когда правителем Даккхинадесы стал Паракрамабаху, начинается история ее возвышения. Паракрамабаху укрепил границы своего

княжества, создал хорошо обученную и организованную армию, состоящую из иноземных наемников, преимущественно выходцев из Кералы (Индия). Он произвел реорганизацию административной системы Даккхинадесы, поставив во главе ее двух высших должностных лиц, обладавших равными полномочиями: *сенапати*, управлявшего военным ведомством, и верховного чиновника по гражданским делам. Было налажено широкое ирригационное строительство, результатом которого явилось существенное расширение посевных площадей. Даккхинадеса осуществляла торговлю с иностранными державами. Главными портами княжества были Урувела, Калпитийа и Колантота (будущий Коломбо). Столицей Даккхинадесы стал г.Паракрамапура (недалеко от совр. Хеттиполы).

Усилив экономическую и военную мощь Даккхинадесы, Паракрамабаху начал боевые действия против правителя Раджараты Гаджабаху II и правителя Рухуны Манабхараны. В течение десятилетия на острове с переменным успехом для трех сторон шла кровопролитная война, из которой победителем вышел Паракрамабаху. Завершающим этапом военных действий явилось завоевание им Рухуны, где хранились атрибуты верховной власти сингальских царей — зуб и ключица Будды. Только завладев ими, Паракрамабаху мог рассчитывать на всеобщее признание его полным властелином сингальского государства. В 1153 г. он венчался на царство в Полоннаруве.

При царе Паракрамабаху I (1153–1186) сингальское государство со столицей в Полоннаруве достигло своего наивысшего расцвета. Паракрамабаху сумел подавить сепаратистские движения и установил единоличное централизованное управление всем островом. Период его правления часто называется в ланкийской историографии «золотой осенью сингальского величия». Устойчивое положение в государстве позволяло Паракрамабаху выделять значительные средства не только на расширение и украшение столицы, ставшей одним из крупнейших городов Южной и Юго-Восточной Азии, но и на возобновление беспрецедентного по своим масштабам в истории страны ирригационного строительства.

Еще Виджаябаху I после изгнания Чолов из страны восстановил крупнейший канал Алисара, ирригационную систему на базе старинных водохранилищ Миннери, Кавудулу и Канталаи, построил новое водохранилище, Буддхагунавапи, в юго-восточной части страны. После его смерти, во время междоусобных войн, длившихся 25 лет, система искусственного орошения вновь пришла в упадок. Ирригационное строительство Паракрамабаху распадается на два периода. Еще будучи правителем Даккхинадесы, он восстановил и расширил 53 водохранилища в Даккхинадесе, перекрыл тремя дамбами р.Дэдуру-ойа и соорудил водохранилище «Море Паракрамы» около своей резиденции Паракрамапуры. Став правителем всего острова, он осуществил строительство самого крупного ирригационного сооружения XII в. — второго «Моря Паракрамы» (Паракрамасамудра) в Полоннаруве. Дамба Паракрамасамудры сохранилась до настоящего времени и имеет около 13 км в длину и 12 м в ширину. Всего Паракрамабаху I было построено и восстановлено 165 дамб, 3910 каналов, 163 крупных водохранилища и 2376 мелких. Это характеризует XI–XII века как время возрождения и развития ирригационной системы на Ланке.

Централизаторская направленность политики Паракрамабаху I нашла свое отражение в проведенной им реформе буддийской общины. Он распустил сложившиеся к XII в. монашеские братства, враждовавшие между собой, и создал единую сангху, состоявшую из монахов, вновь прошедших обряд посвящения и призванных строжайше соблюдать единый для всех ка-

тегорий духовенства дисциплинарный устав. Эти меры хотя и не устранили доктринальных разногласий внутри общины, несомненно, способствовали восстановлению численности и мощи буддийской сангхи острова.

Внешняя политика Паракрамабаху I носила активный, наступательный характер.

В течение нескольких лет он вел дорогостоящую войну на юге Индии в поддержку одного из претендентов Пандьев на престол. Сингальские войска проникли далеко в глубь территории государства Пандьев, захватили и сожгли их столицу — Мадураи. Большое количество пленных было доставлено на Ланку и использовалось здесь на тяжелых строительных работах.

В 1164–1165 гг. Паракрамабаху I, в течение пяти месяцев построив военный флот, отправил морскую экспедицию в Мьянму. Поводом к этому послужило недружественное поведение государя по отношению к сингальской торговой миссии.

XII век стал временем бурного развития внешней торговли сингальского государства. Был создан специальный департамент — Антаранга-дхура — для контроля над территориями, производящими продукцию на вывоз. Предметами ланкийского экспорта были пряности, благовония, ценные породы дерева, жемчуг, драгоценные камни, изделия из золота и серебра, лекарственные травы и высококачественный шелк. Государство наряду с частными торговыми корпорациями принимало непосредственное участие в торговых операциях, скупая у иноземных купцов оптом привозимые ими товары и перепродавая их населению по собственным ценам. Так, аль-Идриси, арабский путешественник XII в., писал о том, что привозимые на остров из Ирака и Персии вина приобретались царем, а затем распродавались.

Доказательством широких торговых связей Ланки с внешним миром служат найденные на острове в результате археологических раскопок китайские, арабские, южноиндийские и персидские монеты. Иноземным торговцам, прибывавшим на остров, гарантировалось покровительство царя. Арабские, индийские и китайские купцы имели свои постоянные торговые поселения на побережье острова. На Ланке находились филиалы крупных торговых корпораций Южной Индии валанджияр и нанадеши. Проживали здесь и торговцы из стран Юго-Восточной Азии. Так, известно о существовании поселения камбоджийских купцов.

Ланка имела свой торговый флот. Хотя большинство морских судов было иноземного происхождения, они строились и на самом острове.

Деятельность Паракрамабаху I, направленная на усиление мощи сингальского государства, неизбежно вела к усилению феодальной эксплуатации ланкийского крестьянства, к повышению земельного налога и введению различных дополнительных поборов, связанных с нуждами ирригационного строительства и военными расходами. Период его пребывания у власти был отмечен двумя крупными восстаниями: в самом начале правления — в Рухуне и в 1169 г. — в северо-западной прибрежной провинции неподалеку от Махатиттхи (совр. Мантаи). Оба восстания были жестоко подавлены царскими войсками.

Период после смерти Паракрамабаху I вплоть до заката Полоннарувы в середине XIII в. называют «периодом Калингских царей». Преемник Паракрамабаху I, Виджаябаху II, был убит через год после восшествия на престол выходцем из старинного сингальского рода Кулинга, венчавшегося на царство под именем Махинды VI, которому, в свою очередь, была уготована та

же участь со стороны Китти Шри Ниншанка Маллы, принца из Калинги, захватившего сингальский трон.

Ниншанка Малла (1187–1196) продолжал активную внешнюю политику Паракрамабаху I и совершил несколько успешных военных экспедиций на континент. Ему удалось также удерживать власть над всем островом, несмотря на участившиеся случаи временного выхода отдельных районов из-под контроля центрального аппарата. Из источников известно, что Ниншанка Малла совершал ежегодные инспекционные поездки по стране в сопровождении большого войска, опасаясь выступлений вышедших из повиновения вассалов.

Ниншанка Малла на пять лет упразднил земельный налог. По истечении этого срока налог не взимался еще в течение одного года. Были отменены и все дополнительные налоги, введенные Паракрамабаху I. Хроники интерпретируют деятельность Ниншанка Маллы как благотворительную, направленную на повышение жизненного уровня подданных. Очевидно, однако, что подобные меры носили вынужденный характер. Они были вызваны крайней степенью бедности податного населения, разоренного поборами чиновников при его предшественниках на троне, которые, по словам хрониста, «выжали из крестьян все соки, подобно тому как пресс выжимает сок из сахарного тростника». Паракрамабаху I, ведший широкое и дорогостоящее ирригационное строительство, несомненно, намного превысил обычную норму налогообложения — $^{1}/_{10}$ урожая. И не случайно Ниншанка Малла в сохранившейся надписи обвиняет своего предшественника в полном разорении земледельцев. Тяжелой обязанностью была *раджакария* — повинность трудом. Виды ее зависели от кастовой принадлежности исполнявшего ее населения.

Еще царем Паракрамабаху I было упразднено деление страны на три части (Раджарату, Майарату и Рухуну) и установлено централизованное управление всем островом. Унифицированная для всей территории единая административная система предполагала непосредственное подчинение местных властей центру. Была создана эффективно действовавшая система пограничной охраны на побережье, предотвращавшая частые попытки вторжения из соседних южноиндийских государств.

Подобная централизованная система управления сохранялась недолго. В XIII в. в употребление входит наименование управляющих внутренними районами острова (*ванни*) — *ваннияры*. Они подразделялись на две категории: *махаваннияры* (их было 18) и *сириваннияры* (364). Нередко ваннияры выходили из подчинения центральному аппарату, самостоятельно управляли своей территорией и издавали свои законы.

Но уже с конца XII в., после смерти Ниншанка Маллы, на острове возобладали центробежные силы, и за 19 лет (1196–1215) на сингальском престоле сменилось 12 правителей. Многие из них удерживали власть лишь в течение нескольких недель или месяцев. В этот период, характерный отсутствием сильных царей, способных управлять государством, резко повышается статус и влияние при дворе высших государственных сановников, прежде всего сенапати, в ведении которых находилась реальная сила — войско. В сингальскую историю вошли имена нескольких военных министров, вершивших управление государством под прикрытием политически немощных царей. Так, командующий войском Китти возвел на престол царицу Лилавати (1197–1200), которой еще дважды удавалось вернуть себе власть с помощью военных министров Викканта Чамунакки (1209–1210) и Паракрамы (1211–1212). Главнокомандующий сингальским

войском Айасманта привел к власти царя Сахассамаллу (1200–1202). Традиция приписывает ему также возведение на престол царицы Кальянавати (1202–1208), сменившей на троне Сахассамаллу, и последующее отстранение ее от власти в пользу трехмесячного принца Дхармашоки. Айасманта фактически правил страной в течение 10 лет, успев за это время посадить на трон трех царей и двух лишить власти.

Междоусобицы ослабили Ланку экономически и политически. В 1212 г. остров был завоеван неким Паракрама Пандьей, а в 1215 г. на севере страны высадилось войско правителя Магхи из Калинги. Северные и северо-восточные районы — центры древней сингальской цивилизации — были разрушены и разграблены. Магха под именем Виджаябаху продержался в Полоннаруве 21 год. Его правление вошло в историю как режим террора и насилия, экономика страны была приведена в состояние полного упадка.

Во второй четверти XIII в. большинство феодальных правителей территорий юго-запада острова, не вошедших в состав созданного Магхой государства, объединились вокруг сингальской царской династии Дамбадении и под предводительством Виджаябаху III (1220–1224) сумели освободить Майарату. Позднее сингальский царь Паракрамабаху II (1236–1271) отвоевал Полоннаруву и оттеснил тамилов на п-ов Джафна. В период его правления сингальское государство испытало недолгий подъем. Дважды одерживавший крупные победы над тамильскими войсками, Паракрамабаху II на всем протяжении своего царствования осуществлял контроль над большей частью северо-восточных районов, Рухуной и центральным нагорьем.

В 1247 г. на острове высадились войска под предводительством Чандрабхану, правителя Тамбралинги, небольшого государства на Малаккском полуострове. Чандрабхану подчинил северные районы Ланки, где была сосредоточена основная часть тамильского населения острова, и двинулся в глубь страны. Его войска осадили Япахуву, одну из резиденций сингальских царей, и потребовали выдачи важнейших ланкийских царских регалий и буддийских реликвий — зуба Будды и чаши для подаяний.

Войско Чандрабхану было разбито, но сам он бежал в Джафну и сделался ее правителем. Вскоре Джафна была завоевана Пандьями, низведшими Чандрабхану до положения своего вассала. С середины XIII в. тамильское государство Джафна на севере острова стало представлять постоянную угрозу для сингальских правителей. Последний царь, правивший в Полоннаруве, — Паракрамабаху III (1278–1293) — то и дело восстанавливал город из руин после опустошительных набегов тамилов. Запустевшая и обезлюдевшая столица постепенно теряла свое былое экономическое и политическое значение. В хрониках не содержится ни одного упоминания о строительстве ирригационных сооружений в XIII в. Можно считать, что древняя цивилизация, основанная на системе искусственного орошения с центрами в Анурадхапуре и Полоннаруве, восстановленная и существенно развитая в XII в., спустя столетие перестала существовать.

Культурное единство сингалов возникло на основе синтеза автохтонной протоведдоидной и индоарийской традиций. Наиболее важным выражением его было складывание языкового единства и обретение общего этноисторического самосознания в рамках буддийской религиозной идеологии.

Буддизм оказал решающее воздействие на сингальскую культуру. Религиозные мотивы, связанные с жизнью и деяниями Будды, органично вплетены в фольклорную и литературную традиции, пронизывают большинство произведений зодчества, скульптуры, живописи, созданных в русле закрепленных каноном тем и образности. Вместе с тем определение «буддийская»

применительно к средневековой культуре Ланки не отражает все особенности ее бытования: оно одновременно и шире, так как объединяет в единое целое культуры несхожих между собой стран распространения буддизма, и у́же, так как памятники ланкийского искусства и общественной мысли не сводились только к памятникам буддийским.

Географическая близость к Индии обусловила большую степень влияния субконтинента на историю и культуру острова. С древнейших времен решающее воздействие на политическое, социально-экономическое и культурное развитие Ланки оказывали как северо-, так и южноиндийские державы: Маурьев, Сатаваханов, Гуптов, Паллавов, Пандьев, Черов, Чолов. Административно-политическое устройство Ланки, структура города и сельской общины, система землевладения, землепользования и налогообложения, многие элементы духовной культуры и социальной психологии ланкийцев имели целый ряд черт, схожих с социально-экономическим строем и культурой соседних индийских государств. Эстетические принципы изобразительного искусства и литературы, музыка, искусство танца, театр при дворах сингальских правителей во многом восходят к традициям индийской культуры. Ланкийская культура изначально впитала в себя и заимствовала на протяжении исторического развития многие элементы домашнего уклада, обрядности, представлений о мире, характерные как для дравидийских, так и для индоевропейских народов Индии. Благодаря усвоению санскритского наследия и перевода многих индийских трактатов на сингальский язык ланкийская культура обогатилась познаниями в области математики, астрономии, медицины, философии. Однако, органически включившая в себя и переработавшая достижения индийской науки, искусства и литературы, ланкийская культура не являет собой образец «отраженного» типа культуры, она самобытна и своеобразна, имеет глубокие местные корни. Оставаясь, по сути, частью общей южноазиатской цивилизации, Ланка утвердила неповторимость и специфичность своей культурной традиции. Островное положение, предполагавшее самостоятельность и обособленность существования, а также сохранение архаичных традиций, восходящих к культуре протоведдоидов, способствовали развитию автономного начала. Ведущая религия острова — буддизм — наложила отпечаток на всю его средневековую историю, во многом обусловив несхожесть с преимущественно индуистской Индией. Использование языка пали, а позднее и сингальского в литературных произведениях и исторических хрониках отрывало Ланку от общеиндийской санскритской литературной традиции.

На всем протяжении средних веков Ланка поддерживала тесные религиозные, дипломатические и культурные связи со странами Юго-Восточной Азии, элементы культуры и домашнего уклада народов которой также вошли в жизнь ланкийцев.

КИТАЙ В X–XIII вв.

(Империя Сун. Государства Ляо и Цзинь)

Политическая раздробленность — следствие ослабления и разложения централизованной власти и грандиозной, продолжительной крестьянской войны — охватывает страну еще с конца IX в. После падения династии Тан распад усугубляется. С 907 по 960 г. сменяются пять династий. Их столицей был г.Кайфэн (Дунцзин) (за исключением 923–936 гг., когда ею был Лоян), а власть распространялась лишь на северные районы бывшей империи.

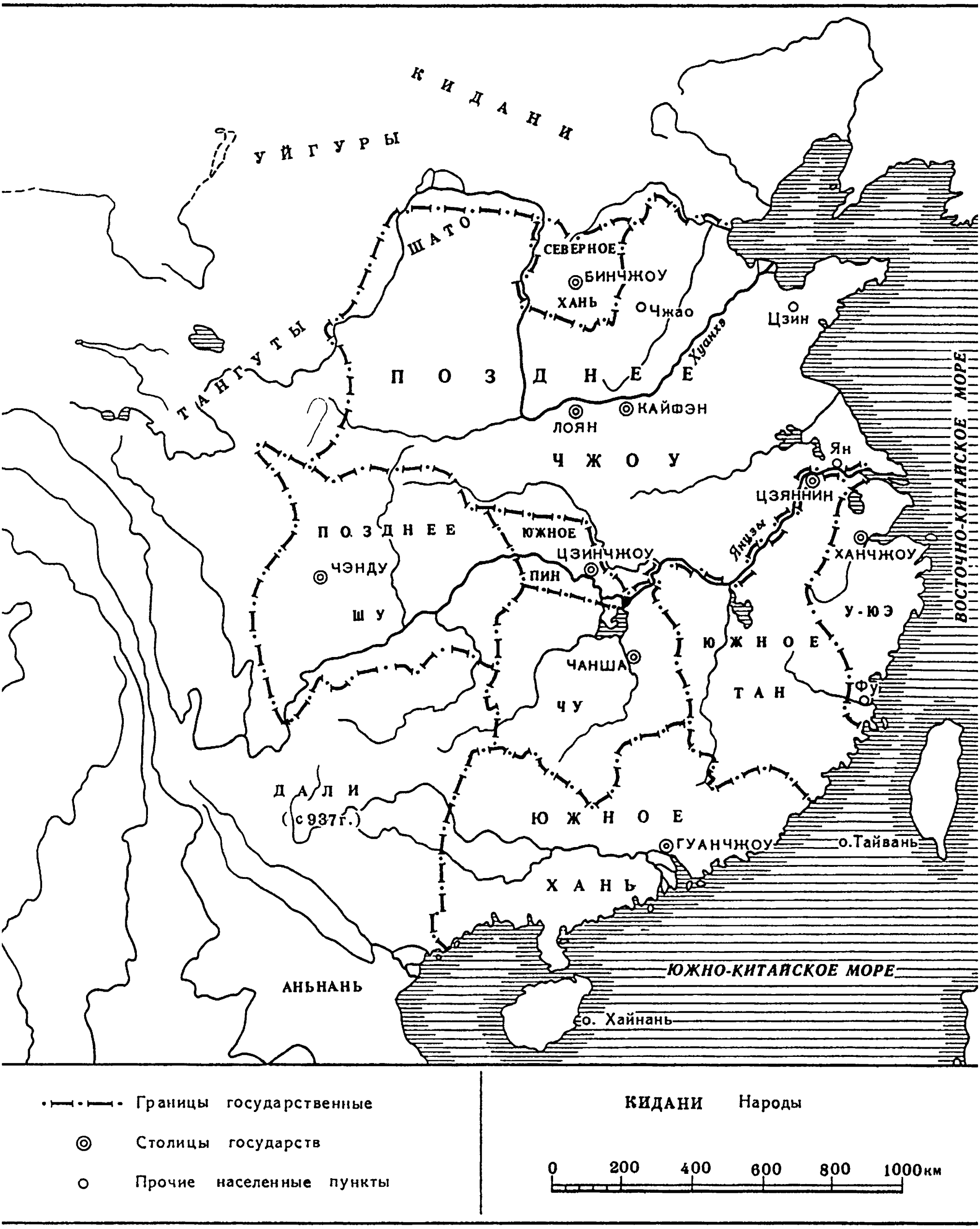


Рис. 12. Китай в X в.

Одновременно на ее территории существовало еще 8 самостоятельных государств: одно на севере (Северное Хань) и остальные на юге. Их внутренняя структура не была монолитна, и на местах оставались полновластными хозяевами несколько десятков *цзедуши* (военных губернаторов).

Политический распад сопровождался новым всплеском милитаризма, беспрерывными войнами, приводившими к смене правителей и падению царств. Цзедуши обладали всей полнотой власти. Армия становится опорой правителей, иногда выдвигает и смещает их по своему усмотрению. Вооруженными отрядами обзаводятся провинциальные чиновники, деревенские общины и даже монастыри. К концу означенного периода, вошедшего в историю как период пяти династий, все больший вес приобретает дворцовая гвардия, из среды которой выходили многие цзедуши. Возникает Совет по военным делам (Шумиюань), который параллельно с Императорским секретариатом (Чжуншушэн) становится важнейшим государственным органом. В аппарате управления $^2/_3$ составляли военные чины.

В начале X в. на северо-восточных рубежах усиливается племенной союз киданей, кочевого народа, переживавшего стадию разложения родоплеменного строя и становления государства. В 916 г. их вождь Абаоцзи (Амбагянь) провозгласил создание империи, несколько позже получившей наименование Ляо. Вмешавшись в междоусобную борьбу в Китае, кидани в 936 г. захватили 16 округов в северной части современных провинций Хэбэй и Шаньси. Их войска неоднократно вторгались в более южные районы и в 946 г. захватили Кайфэн. Основатель династии Поздняя Цзинь Ши Цзинтан признал старшинство киданьских владык и выплачивал им дань.

Однако уже в середине X в. среди хаоса войн намечается тенденция к стабилизации. Ядром объединения страны становится государство Позднее Чжоу (951–960). Здесь были проведены реформы, укрепившие хозяйственное положение и военную мощь, что позволило успешно начать воссоединение китайских земель. Довершено оно было командующим чжоуской гвардией Чжао Куаньинем, в 960 г. захватившим престол и основавшим династию Сун, а также его преемником. Однако северные 16 округов попрежнему остались в руках киданей. Столицей остался Кайфэн.

Для укрепления своей власти правительство империи Сун прежде всего должно было ослабить влияние милитаристов. Хотя должность цзедуши была сохранена, ликвидировались военные округа (*фанчжэнь*), что фактически лишало цзедуши реальной власти. С 963 г. все военные соединения были подчинены непосредственно императорскому двору. Одновременно была ограничена самостоятельность дворцовой гвардии путем смены ее командования и сокращения ее функций. У военных чинов на местах были изъяты права управлять населением, значительная часть этих чинов была заменена гражданскими служащими, назначенными из столицы. Сказывалось подчеркнутое предпочтение гражданской администрации.

Наряду с этим шло целенаправленное усиление императорской власти и централизация всей системы управления. Прерогативы монарха увеличивались параллельно с ослаблением полномочий канцлеров (*цзайсянов*). Первенствующее положение среди центральных органов власти приобрел Императорский секретариат.

Централизация управления ярко проявилась в том, что на все руководящие посты на местах назначались представители из столицы, которые не могли никем смещаться, кроме двора. Страна делилась на провинции — *лу*, подразделявшиеся на области вокруг крупных городов — *фу*, округа — *чжоу*, военные управления — *цзюнь* и промысловые управления — *цзянь*. Ниже находились уезды. Верхушку провинциального руководства составляли четыре уполномоченных: по военным делам, налогам и перевозкам, судопроизводству, государственным благотворительным зернохранилищам и

ирригации. Они непосредственно подчинялись центральному правительству и не могли самостоятельно решать важные дела. Для контроля над местной администрацией назначались специальные уполномоченные — *тунпани*. Чиновников периодически переводили на новое место службы, чтобы предупредить альянс с местной элитой.

Возникавшее дробление и дублирование служебных функций привело к росту бюрократического аппарата. Общее количество штатных служебных должностей в империи Сун составляло около 25 тыс. Чиновники исчислялись сотнями тысяч. Возросло значение системы экзаменов как канала выдвижения на службу. Число кандидатов значительно расширилось.

Централизация власти сказывалась и в военной области. Высшее командование принадлежало императору. Организация армии была довольно сложной. Костяк ее составляли «дворцовые войска» — расквартированная в столице и вокруг нее гвардия. В каждом округе стояли местные гарнизоны. Помимо них на местах формировались «сельские войска», которые выполняли роль внутренних. Гвардейские части поочередно несли службу по охране границ, а также могли посылаться для поддержания спокойствия в провинции. Наем солдат полностью вытеснил прежнюю систему воинской повинности. Лишь в случае войны могла проводиться мобилизация. Численность гвардии — наиболее боеспособной части армии — постоянно росла. К 20-м годам XI в. она насчитывала 826 тыс. человек. Общая же численность войска составляла к этому времени около 1260 тыс. Позже она возросла до 4,5 млн. Для предотвращения усиления военачальников войска не имели постоянных командиров. Их переводили с места на место.

Созданный в 963 г. кодекс уголовных законов «Сун син тун» и другие своды во многом копировали законодательство периода Тан. Но жизненные реалии во многом изменились, прежде всего в связи с крушением надельной системы землепользования и вызванными этим сдвигами. Очевидно, именно поэтому появились многочисленные сборники императорских указов (*чи*), которые использовались в юридической практике.

В целом в организации аппарата управления при Сун соблюдается стремление заимствовать достижения предшествующего периода Тан и в то же время избежать прежнего негативного опыта. Усиление централизации не переросло в режим деспотической власти правителя, оставаясь в рамках выработанных идеологической традицией норм. Это позволило сунскому правительству обеспечить устойчивость и поддерживать внутреннее единство империи в течение длительного времени. Но политико-административная система Сун имела явные недостатки. Бюрократический аппарат стал чрезмерно громоздок, инертен и неоперативен. Попытки его сокращения (например, увольнение в 1001 г. 195 тыс. чиновников) не останавливали его нового роста. Дробная военная организация, практика смены военачальников приводили к неудачам при столкновениях с соседями. Далек от совершенства был и финансово-налоговый аппарат. Нарастало сопротивление народных масс, прорывавшееся в восстаниях.

Все это побуждало наиболее дальновидных представителей господствующих слоев выступать с проектами реформ. Одним из лейтмотивов предложений, выдвинутых уже в конце 30-х — начале 40-х годов XI в., было совершенствование работы государственного аппарата. Реформаторы предлагали провести его чистку, покончить с фаворитизмом и необоснованными льготами, ужесточить контроль за выдвижением на должности, сменить «плохих чиновников». В военной области они выступали против использо-

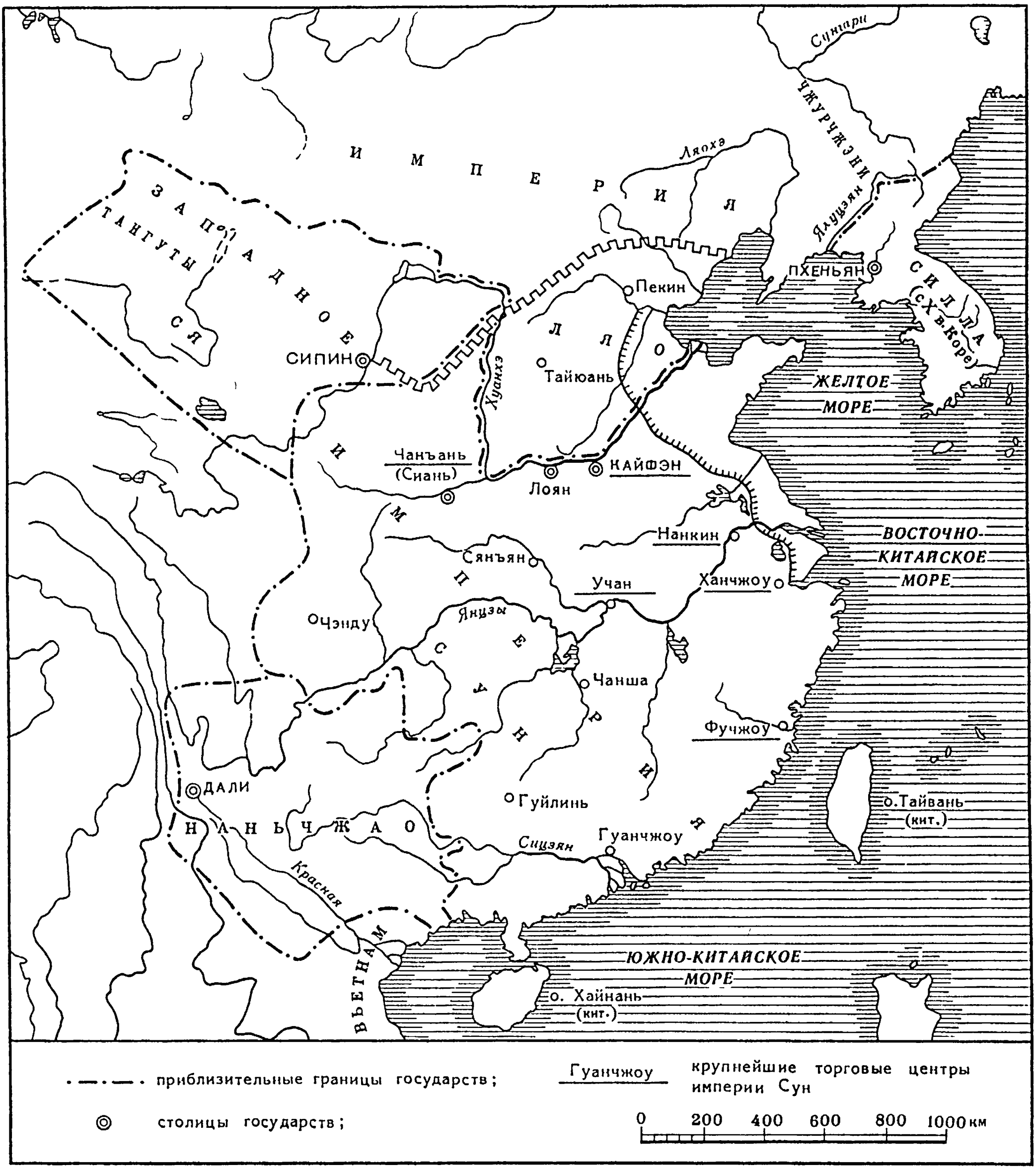


Рис. 13. Китай и сопредельные государства в XI в.

вания столичной гвардии для обороны границ и против постоянной смены командиров, призывали вместо найма солдат вновь обратиться к набору ополчения по типу танской системы *фу бин*, возродить военные поселения, улучшить воинскую подготовку «сельских войск». В 1043–1044 гг. реформаторы, получив влияние при дворе, начали осуществлять свои планы. Но их деятельность встретила ожесточенное сопротивление противников преоб-

разований и была быстро пресечена. Однако идеологическая борьба вокруг вопроса о реформах продолжалась.

В 1069 г. при дворе получает влияние наиболее известный представитель реформаторского лагеря Ван Аньши (1021–1086). Проведенные им преобразования касались главным образом экономических проблем. Но в перспективе он намеревался усовершенствовать и управленческую структуру. В армии Ван Аньши начал формировать ополчение на основе системы десятидворок (*баоцзя*), отказался от смены командующих, заботился о поставке для войск лошадей и создании арсеналов. Однако в 1076 г. противники перемен добились отставки Ван Аньши и прекращения реформ.

Целью реформаторов было и исправление внешнеполитической ситуации, которая складывалась для империи Сун весьма неблагоприятно. Войны с киданями не привели к возвращению утраченных 16 округов. В 1004 г. с Ляо был заключен договор в Шаньюани, подтверждавший прежние границы и закреплявший равенство («братские» отношения) сторон, старшинство же отдавалось старшему по возрасту правителю, т.е. могло переходить от одной стороны к другой. Договор предусматривал выплату Китаем ежегодной дани в 200 тыс. отрезов шелка и 100 тыс. лян серебра (1 лян — 37,3 г). По следующему договору 1042 г., хотя киданьский властитель признавал себя «младшим братом» императора, выплаты китайцами дани увеличивались до 300 тыс. отрезов и 200 тыс. лян.

В 1040–1044 гг. империя Сун вела войну с тангутским государством, образовавшимся на ее северо-западных рубежах и провозглашенным в 1038 г. империей Западная Ся. Война закончилась заключением договора, который закреплял существовавшие границы и определял вассальный статус тангутского властителя по отношению к сунскому двору. Но Китай обязался выплачивать тангутам ежегодные «подарки» шелком, серебром и чаем.

С середины XI в., несмотря на столкновения и отдельные территориальные уступки Китая, между Сун, Ляо и Западной Ся сохраняется примерное равенство сил. Оно было нарушено в начале XII в. с появлением нового, быстро усилившегося государства чжурчжэней (одна из ветвей тунгусских племен), сформировавшегося в районе среднего течения р.Сунгари в Маньчжурии. В 1115 г. оно было провозглашено империей Цзинь. Китай вступил с нею в союз для совместных действий против Ляо, рассчитывая вернуть 16 северных округов. К 1123 г. китайцам удалось вернуть часть этих земель, но при условии передачи чжурчжэням дани, которая прежде платилась киданям.

В 1125 г. империя Ляо окончательно пала и натиск чжурчжэней обратился на Китай. Вскоре чжурчжэни дошли до столицы Сун и в начале 1127 г. взяли ее. Император был пленен и увезен на север. Династия практически пала. Однако один из братьев бывшего императора — Чжао Гоу, находившийся вне Кайфэна, отошел на юг и был провозглашен императором. Возродившаяся династия получила название Южная Сун. Столицей империи стал г.Линьань (Ханчжоу). Ее власть распространялась лишь на южные районы страны.

В течение последующих 15 лет империя Цзинь пыталась уничтожить Южную Сун, а та — отвоевать утраченные северные районы. В 1134–1140 гг. китайским войскам под командованием Юэ Фэя удалось добиться значительных успехов. Однако при южносунском дворе возобладала придворная группировка во главе с канцлером Цинь Гуем, считавшая невозможным одержать победу над Цзинь и стремившаяся к переговорам. Сунские полководцы были отозваны, Юэ Фэй казнен, а с чжурчжэнями в

1141 г. было заключено самое тяжелое соглашение: к империи Цзинь отходили земли севернее р.Хуайшуй, сунский император признавал себя вассалом (слугой) цзиньского властелина, ежегодная дань сунского двора определялась в 250 тыс. лян серебра и 250 тыс. связок монет (1 связка — 1000 монет). Страна вновь раскололась на две части — Юг и Север (северо-западные районы по-прежнему оставались в пределах Западного Ся). Такое положение, несмотря на новые войны и договоры, сохранялось вплоть до монгольского нашествия.

Обрисованная ситуация приходила в явное противоречие с традиционной концепцией об универсальности китайской монархии, ее априорном преобладании над всеми иноземцами. Это вызывало среди некоторых китайских идеологов стремление отойти от заданной схемы и более реально оценить соседей, хотя многие другие, в том числе известный философ Чжу Си, не соглашались с этим. Власти пытались всеми путями подтвердить истинность традиционной концепции, прибегая к замалчиванию и прямому подлогу.

Что касается государств Ляо, Западного Ся и Цзинь, распространявших свою власть на северные и северо-западные районы Китая, то их политическое устройство складывалось под сильным влиянием китайских образцов. Однако вместе с тем сохранялись и некоторые специфические местные черты. В империи Ляо первоначально существовало раздельное управление киданьским и китайским населением, что можно объяснить различием хозяйственных укладов и образа жизни кочевников-киданей и земледельцев-китайцев. Киданьская высшая знать, включая императора, управляла отдельнымм территориями, или уделами; были области с китайскими и с киданьскими властями, особые военные инспекции, управления «великих вассалов» и, наконец, «дворцы» (своеобразные домены), подчиненные непосредственно императору. Большую роль в административной системе играли военные. Вместе с тем при дворе решающее влияние имели китайские советники, со временем были введены китайская система экзаменов при отборе чиновников, китайское законодательство, распространялись китайский язык, культура (император ходил в китайских одеждах) и т.д.

По прямой аналогии с китайским создавался в 1033–1039 гг. аппарат управления Западного Ся, хотя количество административных учреждений, их классификация, градация чинов и должностей несколько отличались от китайского прототипа. Ранее имевший первостепенное значение у тангутов совет старшин стал лишь совещательным органом при решении военных вопросов. В аппарате управления служили как тангуты, так и китайцы, поощрялось двуязычие. Военная система использовала китайские образцы: были введены 12 военных округов, набор ополчения, градация военных чинов, принцип поощрения и наказания за успехи и неудачи.

В империи Цзинь чжурчжэни первоначально использовали киданьский опыт отдельного управления покоренным китайским населением, прибегали и к созданию марионеточных государств в завоеванных китайских районах. Но уже в 30-х годах XII в. чжурчжэньский двор перешел к единой системе управления подвластной территорией на основе системы китайского образца — с помощью аналогичных центральных и местных органов, системы экзаменационного отбора чиновников и т.д. В то же время в высших управлениях сохранялось большое количество служащих-чжурчжэней, а на местном уровне — своеобразная военно-административная организация чжурчжэньских общин (*мэнъань* и *моукэ*), существовавшая параллельно с обычными для Китая местными властями. Чжурчжэньское ополчение про-

должало оставаться ядром армии Цзинь, хотя на время войны мобилизации подлежали и китайцы. С ходом времени в государственной системе Цзинь прослеживается усиление централизации власти.

Бурные политические события X–XIII вв. непосредственно отразились на экономической жизни страны. Междоусобицы конца IX — первой половины X в. привели к заметному запустению и разрухе. Особенно пострадал район прежних столиц — Чаньани и Лояна, что обусловило перенесение политического центра в Кайфэн, а также Центральная равнина в целом. Южные районы страны пострадали значительно меньше. Экономическое положение начинает стабилизироваться с приходом династии Поздняя Чжоу в середине X в., когда был принят ряд мер к созданию более благоприятных условий для развития сельского хозяйства: розданы в пользование отдельных хозяйств земли военных поселений и бесхозные земли, выделены ссуды зерном, даны налоговые послабления. Правительство Сун также уделяло внимание стимулированию сельского хозяйства, действуя традиционными методами: налаживало ирригацию, поощряло чиновников, обеспечивавших увеличение числа крестьянских дворов, списывало недоимки, пыталось зафиксировать налоги и сокращало их в экстренных случаях. В совокупности со стабилизацией внутреннего положения это привело к тому, что производство в деревне не только было восстановлено, но и получило возможность для интенсификации. Это проявилось как в расширении посевных площадей, увеличении числа крестьянских дворов, так и в совершенствовании методов возделывания земли, росте производительности крестьянского домохозяйства. Экономический подъем, наблюдавшийся в конце X — начале XI в., замедлился к середине XI столетия. Тем не менее можно говорить, что к началу XII в. сельское хозяйство достигло наиболее высокого уровня в сравнении с наблюдавшимся когда-либо в прошлом.

К концу X в. в Китае завершается длительный процесс распада и исчезновения надельной системы землепользования. Сунское правительство отказывается от попыток «установить земельные порядки», стремясь сохранить лишь налогообложение всех обрабатываемых земель, исключая только земли знати и чиновников. Такая позиция властей, которая отодвигала на второй план вопрос о том, кто платит налоги, способствовала развитию наметившейся еще ранее тенденции к концентрации земли. Более быстрый, чем ранее, рост крупного частного землевладения главным образом за счет «поглощения» мелкокрестьянских держаний становился характерной и наиболее значимой чертой описываемого периода.

Способы расширения земельных угодий были весьма различны: прибегали к захвату силой, составлению ложных контрактов на приобретение, насильственной скупке, регистрации владений на чужое имя, а также распашке пустошей, дарениям и т.п. Наряду с этим широкое распространение получила законная покупка земли с оформлением сделки контрактом (1 му земли — около 4,6 а — стоил в зависимости от качества от 900 до 2700 монет). Владения отдельных аристократов и чиновников доходили до 3 тыс. и даже 6,4 тыс. цин пахотной земли (1 цин — 100 му). В целом же, по приблизительной оценке, к середине 60-х годов XI в. в руках крупных и средних землевладельцев было сосредоточено $^2/_3$ всех обрабатываемых земель. Правительство делало лишь робкие попытки ограничить «поглощение» казенных земель и установить предел необлагаемых владений чиновничества, которые не имели успеха.

Многие землевладельцы имели по нескольку поместий (*чжуантянь*, *чжуаньюань*), разбросанных в разных районах. Они сдавались мелкими

участками в аренду. При приблизительным подсчетам, в начале XI в. арендаторы составляли $^1/_3$, а с середины столетия — более $^1/_2$ сельских хозяев.

Условия аренды были различны. Если арендовалась только земля, то арендная плата в зависимости от местных условий колебалась от 10 до 50% урожая (за вычетом государственных налогов и оставляемого семенного фонда). Если же хозяин предоставлял работнику семена, тягловый скот, орудия труда, жилье и хозяйственные постройки и т.п., то плата соответственно возрастала, доходя до предела в $^4/_5$ урожая. В X–XIII вв. наблюдается общая тенденция к повышению арендной платы. Помимо того, в силу традиционных нормативов арендатор становился обязанным своему хозяину как «младший» — «старшему» и выполнял в пользу последнего ряд дополнительных, неоговариваемых работ и услуг. Государство почти не вмешивалось в эти отношения.

Имперская администрация, казна сами выступали непосредственными эксплуататорами части крестьянства. Наряду с частным землевладением (*сы тянь*) и общественной землей (*гун тянь*), сохранившейся в небольшом количестве за крестьянскими общинами и крестьянами-надельниками, существовал фонд казенных земель (*гуань тянь*). Он использовался преимущественно для устройства военных и гражданских поселений (*тунь тянь*), раздачи должностных наделов чиновникам (*чжи тянь*), содержания учебных заведений (*сюэ тянь*). Наиболее тяжелым было положение поселенцев, у которых отбиралось от половины до всего урожая, за вычетом необходимого пропитания и семян. Должностные наделы составляли от 7 до 40 цин и обрабатывались местными налогоплательщиками или же вербуемыми казной работниками.

В целом фонд казенных земель был невелик: к концу XI в. он составлял около $^1/_{72}$ обрабатываемых площадей. Но, даже несмотря на практикуемую правительством распродажу его в частные руки, он не уменьшался и к концу XII в. достиг приблизительно $^1/_{15}$ обрабатываемой земли. Это происходило не только из-за сокращения территории страны во времена Южной Сун, но и благодаря поощрению распашки целины и заброшенных земель. Характерными моментами в рассматриваемый период было появление на казенных землях (особенно бывших поселенческих и заново возделываемых) все большего количества государственных поместий (*чжуантянь*), обрабатываемых вербуемыми арендаторами, а также практическое (а иногда закрепляемое и юридически) приближение должностных земель к частному владению.

Наряду с государственным фондом и крупным и средним частным землевладением существовала и мелкокрестьянская собственность. Крестьянские хозяйства сильно разнились по размерам, представляя собой участки от 1–10 до 40-50 и даже 90 му. В среднем крестьянский двор имел от 20 до 50 му. По сугубо округленным расчетам, составлявшие 90% населения крестьяне владели приблизительно 30% общих посевных площадей. Отмеченный выше процесс концентрации земли приводил к постепенному размыванию слоя крестьян-собственников и все большему переходу их в арендаторы.

Крестьяне-собственники и держатели государственных земель эксплуатировались с помощью налогов. Обложению подлежали также непривилегированные арендодатели — землевладельцы и даже чиновники, имевшие частные владения сверх установленных лимитов. Это позволяет назвать налогообложение тотальным. Но землевладельцы перекладывали тяжесть налогового пресса на арендаторов, понуждая их уплачивать ренту, превы-

шавшую налоги с той же земли. Налоговая система империи Сун была унаследована с незначительными изменениями от провозглашенной реформой 780 г. Основным объектом обложения было имущество, в первую очередь земля. Поземельный двухразовый налог (*лян шуй*) взимался летом и осенью из расчета от 1 до 3 доу (1 доу — 6,64 л) зерна с каждого му земли, в зависимости от ее плодородия, при этом летний большей частью исчислялся в деньгах и требовался в перерасчете на ткани. Это в среднем составляло около 20% урожая. Но помимо того существовал целый ряд дополнительных налогов и обязанностей. Именно они и определяли тяжесть налогового пресса. Сохранялись и отработочные повинности, раскладывавшиеся на каждого тяглого, на общинные и фискальные объединения и охватывавшие зажиточные непривилегированные слои, которые привлекались к «должностным» повинностям на деревенском и волостном уровнях администрирования. Система налогообложения не была единообразной. На местах существовали свои нормы и особые налоги. Это создавало условия для злоупотреблений со стороны местных властей.

Привилегированные и имущие слои использовали все возможности для уклонения от налогов. В результате в некоторых административных районах из-под обложения выпадало до 60-70% обрабатываемых площадей. Сокращение поступающих налогов, тяжелые войны заставляли правительство увеличивать налоговый пресс. В первую очередь это проявлялось в росте дополнительных налогов, которые к концу XII в. в несколько раз превышали основные. Но с рубежа XI–XII вв. власти начинают повышать и ставки основного двухразового налога, что делало налоговую эксплуатацию весьма жесткой и во многих случаях нетерпимой для населения.

Острая нехватка финансовых средств, усугубляемая необходимостью тяжелых военных расходов, а также возраставшая с повышением налогов опасность социального взрыва заставили правительство искать выход в реформах. Главной их целью было увеличение доходов казны и сбалансирование расходов без роста налогов. С приходом к власти Ван Аньши были учреждены государственные денежные ссуды под залог процентов с будущего урожая, заменены денежными выплатами наиболее трудоемкие повинности и эти выплаты распространены на некоторые привилегированные слои, ранее не несшие повинностей, начат новый обмер полей, сделана попытка упорядочить налоги — установить 5 ставок налога, наладить контроль за их сбором и перевозкой, поставлены специальные уполномоченные для регулирования цен при принудительных закупках.

Однако реформы не затрагивали основ сложившейся земельной системы и связанной с ней эксплуатации, усиливая при этом регулирующую роль административных властей в хозяйстве страны, что далеко не всегда отвечало интересам его развития. Отсутствие единой четкой программы, активное сопротивление противников реформы как при дворе, так и на местах привели к сравнительно быстрому прекращению политики реформаторов. В целом преобразования второй половины XI в. не приостановили отмеченных выше основных тенденций в экономическом развитии и положении в деревне.

Несколько иной, хотя и во многом схожей, была картина в районах, захваченных киданями и чжурчжэнями. В целом завоеватели восприняли существовавшую здесь систему эксплуатации китайского населения, и обрисованные выше основные тенденции — неукоснительный рост частного землевладения и арендных отношений — пробивали дорогу и тут. Но это сопровождалось привходящими факторами. Во-первых, войны и иноземное

вторжение вновь вызвали здесь известное разрушение хозяйства, отток части населения на юг. Во-вторых, произошло некоторое перераспределение земельного фонда, особенно заметное в империи Цзинь. По праву победителей многие знатные чжурчжэньские семьи захватили обширные земельные владения. За счет конфискаций и приобретения запустевших из-за войн и бегства населения земель значительно возрос фонд государственных земель. Они по преимуществу раздавались мелкими участками (от 10 до 100 му на взрослого работника в зависимости от местных условий) крестьянам, становившимся государственными арендаторами. Иногда это делалось принудительно. Наделялись землей как из казенного фонда, так и отбираемой у китайцев рядовые чжурчжэни, расселявшиеся на Центральной равнине. Перераспределение земли шло и в ходе насильственного переселения китайцев в Центральную и Южную Маньчжурию. Наконец, в-третьих, китайское население оказывалось ущемленным не только в политическом и социальном, но и в экономическом отношении. Наделы чжурчжэньских семей были больше и лучше по качеству земли, чем китайских. Чжурчжэни облагались значительно меньшими налогами. Как в Ляо, так и в Цзинь китайское население платило налоги по двухразовой системе (*лян шуй*), но основная тяжесть приходилась на разного рода дополнительные поборы и повинности.

В империи Цзинь гораздо ярче, чем в Сун, проявлялись стремление ограничить рост крупной земельной собственности и ориентация на насаждение мелкокрестьянского хозяйства. Для непривилегированных слоев был установлен предел частного землевладения — 10 цин. Запрещалось, особенно чжурчжэням, продавать полученные наделы. Но чжурчжэни, как правило, передавали свои земли китайцам в аренду. Сдержать отмеченные выше тенденции в землепользовании не удавалось. Недостаточная приспособленность чжурчжэней к занятию земледелием и приниженное экономическое и социальное положение китайского населения порождали здесь все углубляющиеся кризисные явления — продолжающееся запустение полей, разорение крестьян, бегство и т.п.

Характерной чертой экономического развития Китая в X–XIII вв. был бурный рост городов и заметное повышение их роли в жизни общества. Росли старые города, появлялись новые. Типологически среди них можно выделить административные центры, города-крепости, гавани и порты, центры ремесла, рыночные центры. Быстро росло городское население. Самыми крупными в начале правления династии Сун были Чанша и столица — Кайфэн. Но в рассматриваемый период наиболее быстро росли города в юго-восточных районах страны: Ханчжоу (столица Южной Сун), Фучжоу, Цюаньчжоу, Янчжоу, Сучжоу, Цзянлин, Гуанчжоу. В наиболее крупных из них проживало более 1 млн. жителей. Горожане составляли приблизительно 10% населения страны.

Наряду с количественным ростом в жизни китайского города в X–XIII вв. наблюдаются и существенные качественные изменения. Заметно повышается роль городов как торгово-ремесленных центров. Хотя продолжало существовать внутригородское и пригородное земледелие, большинство их населения стали составлять торгово-ремесленные слои. Крупные города обрастали расположенными вне городских стен посадами, некоторые из них по своим размерам не уступали «внутреннему» городу. Появились и быстро приобретали городской характер поселки, выраставшие на скрещении торговых путей или в местах сосредоточения промыслов. Они именовались *ши*, а чаще — *чжэнь*. Ярким примером может служить Цзиндэчжэнь,

приобретший с XI в. известность по всей стране как центр производства фарфора и керамики. Изменяется и инфраструктура города: примерно к середине XI в. прежняя система замкнутых кварталов сменяется делением на большие районы (*сян*), где преобладающее значение получают улицы и переулки. Эти артерии городской жизни первоначально также были замкнуты (отгораживались, запирались на ночь и т.п.), но к рубежу XI–XII вв. эта замкнутость исчезает.

Все отмеченное дает возможность говорить о начале в XI в. процесса урбанизации в Китае. Однако в рассматриваемый период имперская власть не только не утратила, но даже усилила всесторонний контроль над городской экономикой. Последняя не расценивалась как особая, самостоятельная сфера, втискивалась в рамки общего административного порядка, всячески ограничивалась. Это не могло не сказываться отрицательно на развитии китайского города и его социальной роли в жизни общества.

Рост городов в Китае в период Сун непосредственно связан с развитием ремесла и промыслов. Правда, продолжало существовать повсеместно характерное для китайской деревни домашнее ремесло, но оно тесно переплеталось с городским.

Как и прежде, в Китае в рассматриваемое время продолжало существовать казенное и частное ремесло. Казенное строилось на принципах, известных еще с танского времени: централизованное управление, казенное обеспечение сырьем, орудиями труда, производственными помещениями, использование принудительного труда отбывающих повинности ремесленников в сочетании с ограниченным и не носившим свободного характера наймом работников, поступление в казну всей полученной продукции и т.п. Частное, основной единицей которого оставалась мелкая семейная лавка-мастерская, также жестко контролировалось властями. Но, несмотря на неблагоприятные последствия для частного предпринимательства отмеченного контроля и мощной конкуренции казенного производства, в развитии китайского ремесла в целом в XI–XIII вв. прослеживаются значительные сдвиги.

Происходит заметный рост объема производства. Это наиболее ясно проявляется на примере металлургии. С конца X по 60-е годы XI в. появилось 70 новых мест добычи и плавки металлов (общее же их число достигло 271, из которых 122 были казенными). Наблюдается также ежегодный прирост поступавших в казну тканей, преимущественно шелка. В Гуандуне, Гуанси и Фуцзяни началась выделка хлопчатых тканей. В стране появилось более 50 центров изготовления фарфора, среди которых 14 наиболее крупных. С распространением книгопечатания росло производство бумаги.

Одновременно наблюдается совершенствование техники ремесла. В процессе плавки металлов стали применяться каменный уголь, кокс и некоторые химические реактивы, в солеварении — большие железные котлы, в книгопечатании — наборный шрифт, в шелкоткачестве появились новые виды тканей, в производстве фарфора — изделия различных сортов и назначения и т.п. Отмеченное совершенствование техники ремесла в XI–XIII вв. вело к росту разделения труда, которое, однако, еще не проникло внутрь производственных ячеек, а шло преимущественно между ними. Вследствие этого увеличилось число ремесленных профессий и стала вырисовываться территориальная специализация — известность тех или иных районов производством определенных видов товаров.

Можно заметить изменения и в структурной организации ремесла и промыслов — в появлении сравнительно больших мастерских (например,

оснащенных некоторым количеством станков и применявших наемный труд, хотя наем продолжал носить печать патриархальности и кабальности). Отразились отмеченные изменения и на характере появившихся еще во времена Тан торгово-ремесленных организаций — *хан.* С середины XI в. они и подобные им организации, именуемые *туань, ши* и *цзо,* приобретают все больше признаков корпоративной производственной ячейки, приближаясь к реальной цеховой организации. Слабеет принцип территориальной общности в их построении, они охватывают собой основную часть городского ремесла (в Кайфэне, например, к концу XI в. было 170 ханов, объединявших 6400 ремесленников, в Ханчжоу в XIII в. — 414 ханов). Однако вплоть до конца XIII в. ханы не смогли выйти из-под всесторонней опеки властей, использовавших их как фискальные организации и инструмент мелочного надзора (вплоть до регламентации одежды). В конце XI в. правительство декретировало принудительное объединение в ханы всех ремесленников и работников сферы обслуживания в городе. Все это сдерживало самодеятельность данных организаций, обусловливало их слабость и политическую бесправность. В результате налогообложение ремесленников оставалось тяжелым, они по-прежнему по очереди несли повинности в казенных мастерских (а с 1073 г. выплачивали вместо этого дополнительный денежный взнос), их собственность ничем не гарантировалась, практиковались закупки казной продукции по заниженным ценам или же просто ее изъятие, произвол чиновных властей делал их повинности и обязанности нефиксированными.

Отмеченные сдвиги свидетельствуют о заметном прогрессе китайского ремесла в XI–XIII вв. Но в целом оно не переросло рамок потребительской экономики, удовлетворяя прежде всего нужды государственных властей и господствующих слоев общества. По-прежнему сохранялась тесная связь ремесла и торговли, которые нередко находились в одних руках.

Важнейшим моментом в освещаемый период можно считать выход городской торговли за стеснявшие ее рамки официально установленных рынков. Торговая деятельность выплеснулась на улицы и переулки, что и предопределило упомянутое «раскрытие» замкнутых городских кварталов. Это была мелкая розничная торговля, обслуживавшая прежде всего горожан. Появились рынки и улицы, специализировавшиеся на продаже одного или сходных видов товара, закрепили свое существование действовавшие до рассвета «ночные рынки», продолжалась практика ярмарочных торгов, начавших расширяться еще во времена династии Тан. Все это значительно увеличило общий объем торговли, который, по приблизительным подсчетам, только с середины по конец XI в. увеличился на $^1/_3$.

Здесь учитывается и межрегиональная торговля, которая находилась в руках крупных торговцев, часто вступавших в объединения между собой. Например, в Сычуани такой союз соединял 16 крупных семейств торговцев. Эта широко поставленная оптовая торговля велась с помощью маклеров, посредников, многочисленных торговых контор.

Налоговые поступления с торговли стали ощутимой статьей доходов казны. Облагались почти все виды товаров и торговой деятельности. Общие нормативы предусматривали изъятие 2% стоимости товаров с их перевозки и 3% — с продажи. Но практически налоговые ставки в разное время и в разных районах могли колебаться.

Значительную прибыль приносила и внешняя торговля, которая велась на границах с империями Ляо, Западная Ся, Цзинь, караванными путями через Центральную Азию и морскими — с Кореей, Японией, странами

Южных морей и прибрежными районами Индии. Как и прежде, она переплеталась с дипломатическими отношениями, но в рассматриваемое время чисто торговая сторона в этом обмене заметно возросла. Государственные власти жестко контролировали эту торговлю, но уже с 80-х годов X в. часть привозных товаров так или иначе передавалась в руки частных торговцев при уплате соответствующих пошлин, колебавшихся от $^1/_{10}$ до $^4/_{10}$ стоимости. Для регулирования внешней морской торговли в пяти крупных портах были учреждены Управления морской торговли (*шибосы*), затем появились их отделения (*шибоу* и *шибочан*). Вывозились шелка и ткани из конопляной пряжи, фарфор и керамика, ювелирные изделия, драгоценные и цветные металлы, медная монета и другие изделия ремесла; ввозились с севера и северо-запада лошади и продукты скотоводства, из-за моря — благовония, лекарства, стекло, оружие, драгоценности и т.д. Несмотря на стремление властей сохранять монополию на внешнеторговые связи, они постоянно шли и «нелегальными», с официальной точки зрения, путями.

Постоянное вмешательство властей в торгово-ремесленную деятельность, мелочный надзор и контроль мешали ее нормальному развитию. Всеобъемлемость налогового обложения сочеталась с принудительными закупками части товара, его изъятиями на «экстренные» нужды, произволом и вымогательством чиновников, отсутствием каких-либо гарантий неприкосновенности личности и имущества торговцев и ремесленников. Правительство сохраняло монопольное или преимущественное право на приобретение и продажу таких товаров, как железо и цветные металлы, соль, чай, квасцы, вино, дрожжи, уксус. Сохранялся жесткий контроль государства над ханами, туанями и многими рынками, купцы должны были получать лицензии на торговлю. Действия реформаторов второй половины XI в., направленные на укрепление казенной торговли, создание более благоприятных условий для регулирования цен сверху и получение казной больших доходов, оборачивались против крупного купечества.

Развитие торговли отражало дальнейший рост товарно-денежных отношений в X–XIII вв. Увеличение добычи металлов позволило правительству Сун выпустить наибольшее за всю историю китайского средневековья количество звонкой монеты. Только за время Северной Сун было выпущено монет в 10 раз больше, чем в VIII–IX вв. Монетные дворы, монопольно принадлежавшие государству, исчислялись многими десятками. Значительно увеличилось поступление денежных доходов в казну, достигая в отдельные годы в середине XI в. 51% общих поступлений. Несмотря на строгий запрет, сунская монета в больших колических уходила в заморские страны, включаясь в местное обращение.

Невзирая на широкий выпуск монет, в стране продолжала ощущаться ее нехватка. В результате здесь впервые в истории возникают ассигнации. Появившиеся в Сычуани переводные чеки, обеспечиваемые железной монетой (*цзяо цзы*), в 1023 г. были признаны правительством платежным средством, и с середины XI в. начинается их выпуск как параллельного с монетой средства обращения. Позже ассигнации (*хуайцзяо* и *хуэйцзы*) получают широкое хождение в империи Южная Сун. Они активно насаждались и правительством империи Цзинь. Однако уже в 90-х годах XI в. сунское правительство начинает злоупотреблять эмиссией бумажных денег, результатом чего было их неуклонное обесценивание.

Девальвация ассигнаций шла параллельно с увеличением в обращении драгоценных металлов, и прежде всего серебра, употреблявшегося в слитках определенной формы (*ямбах*).

В X–XIII вв. происходят дальнейшие перемены в социальном портрете китайского общества. Они охватывают как господствующий, так и эксплуатируемый классы. Заметно падает влияние аристократических кланов. Еще с первых десятилетий IX в. перестают составляться генеалогические списки-перечни аристократических семейств. На руководящих постах, особенно в провинции, выходцев из них все больше оттесняют «незнатные» служилые. Ощутимо ослабевает сила военных кругов, и возрастают престиж и значение чиновной карьеры.

Однако ослабление позиций аристократии при Сун не означало ее полного исчезновения. Помимо императорской родни особое привилегированное положение сохраняли многие старые родовитые кланы. Кроме того, в среде чиновничества ясно очерчивается верхняя, наиболее привилегированная прослойка — *синшиху* («могущественные семьи»), *убаху* («несравнимые семьи»), *гуаньху* («сановные семьи») и т.п., — которая тяготела к замкнутости и закрепила за своими потомками права неординарного (минуя экзамены) выдвижения. Иначе говоря, происходило сращивание чиновной бюрократии с аристократией.

Времена Сун называют «золотым веком» чиновничества. Укрепляются и расширяются его привилегии. Получение чина и солидной должности позволяло не только всю жизнь «наслаждаться роскошью», но и обеспечить безбедное существование нескольким поколениям потомков.

Увеличение выходцев из незнатных семей в чиновной среде сочеталось со значительным количественным ростом чиновничества. Основным каналом проникновения в означенную среду становятся государственные экзамены, которые в известной мере утрачивают прежний замкнутый, кастовый характер. Возрастает число обладателей ученых степеней, получаемых на разных ступенях экзаменационной системы, а также учащихся — кандидатов на их получение. Они именовались *шэньши*, образовав особую, пользующуюся немалым социальным престижем прослойку общества, как бы дополнявшую чиновничество и сливавшуюся с ним. Круг шэньши расширялся за счет представителей семей средних и мелких землевладельцев, городской торгово-предпринимательской верхушки.

Вместе с тем нельзя преувеличивать «демократичность» экзаменационного канала выдвижения: он, как и прежде, в подавляющей степени служил интересам служилых и имущих прослоек. По приблизительным подсчетам, в период Сун контингент потомственных служащих составлял в среднем 25%, а вместе с выходцами из знати — более половины чиновничества. Рекрутирование чиновников происходило из среды шэньши, которые, как отмечалось, отнюдь не представляли необеспеченные слои населения. Характерное для средневекового Китая сращивание богатства и служебной карьеры, закреплявшей его и дававшей возможность наращивать, проявилось в период Сун весьма отчетливо.

Все же экзамены до некоторой степени способствовали обновлению и расширению состава господствующего класса и привели к определенному расширению социальной базы имперского порядка в конце X–XIII в.

Хотя политическая власть и богатство в основном сосредоточивались в руках одного слоя, наблюдалось известное несовпадение имущественного и социального положения на более низких ступенях социальной лестницы. Значительная часть землевладельцев, использовавших труд арендаторов и зависимых и составлявших большую долю экономически господствующего класса, юридически не имела никаких преимуществ перед остальной массой лично-свободных «простолюдинов». Отмеченная выше тенденция к росту

частного землевладения вела к количественному увеличению «простых» землевладельцев. Численность таких «высших» (имевших от 3 до 100 и более цин земли) и «средних» (от 1 до 3 цин) дворов в различных уездах в XI в. составляли от $^1/_{10}$ до $^1/_3$ податных дворов.

Эта прослойка не была отгорожена непроходимой перегородкой от чиновной карьеры. Путь к ней лежал через учение и экзамены, а также участие в местной низовой, не считавшейся чиновной администрации, численность которой в рассматриваемый период составляла около 1 млн. человек.

Характерной чертой описываемого времени является также повышение социальной роли зажиточных городских слоев, прежде всего крупных торговцев. Ярким показателем этого служит хотя бы вхождение в оборот частных кредитных чеков. Но экономическое господство этой прослойки опять-таки не давало ей никаких преимуществ при установившемся общественном порядке.

Абсолютное большинство населения страны, как и прежде, составляло крестьянство. Оно не было однородно ни в экономическом, ни в правовом отношении, что усугублялось различным положением тех или иных его категорий и прослоек в разных районах обширной империи. Официально простолюдины делились на две основные категории: *чжуху* (хозяева) и *кэху* (пришлые), т.е., в общем приближении, тех, кто вел самостоятельное хозяйство, и тех, кто арендовал землю. В разряд чжуху попадали как крупные и средние землевладельцы, так и беднейшие крестьяне, имевшие недостаточно земли для прокормления семьи. Малосостоятельные чжуху теряли свое хозяйство, попадая в разряд «неимущих подданных». Они пополняли ряды арендаторов, а уходя в чужие края, становились кэху.

Причисление кэху к арендаторам не вызывает сомнений. Однако условия держания и степень зависимости их от хозяина были различными в зависимости от места и времени. По ориентировочным подсчетам, они составляли около 35% населения (иногда приводятся и бо́льшие цифры). Не имея своего хозяйства, они часто (хотя и не повсеместно) приписывались к семьям своих хозяев (арендодателей). Не платя поземельный налог, в ряде мест они облагались подушной податью. Существовавший порядок составлять при аренде письменный договор (*циюань*) не давал, однако, кэху никаких прав. Практически они полностью зависели от произвола хозяина, утрачивая (опять-таки в разной степени) личную свободу. Арендная плата со временем росла, о чем свидетельствуют императорские указы, пытавшиеся поставить ей высшие пределы. Кабальные условия существования лишали их права на передвижение.

В связи с этим встает вопрос о степени привязанности китайского крестьянства к земле в рассматриваемый период. Он остается дискуссионным. Официальная приписка к месту жительства, указы по обнаружению и возвращению беглецов, круговая порука и т.п. говорят об определенной привязанности «хозяйских» дворов к месту. Что касается арендаторов, то они также были на практике прикреплены к земле, хотя юридически сохраняли личную свободу.

В описываемый период происходят существенные изменения в традиционной для Китая общинной организации деревни. Свободной соседской общины в прежнем виде уже не существовало. Но общинные начала, пронизывавшие все стороны жизни крестьянства, отнюдь не отмерли. В деревнях (как правило, небольших) наблюдается усиление большесемейных связей и клановой организации (*цзунцзу*). Распространяется обычай составления родословных списков членов клана, повышается роль клановой вер-

хушки, общих храмов, праздников и мистерий, закрепляется практика совместного использования общих деревенских угодий и части пахотных земель.

Государственная машина, как и прежде, использовала общинные начала в деревне для обеспечения сбора налогов, установления круговой поруки, полицейского надзора, эксплуатируя деревенскую верхушку в качестве низового звена административной власти. По-прежнему сверху насаждались принудительные объединения: сначала (с середины X в.) — в 100 дворов (*туань*), позже, на государственных землях, — в 5, 10 и 30 дворов (*чжуан*). Реформаторы в конце XI в. ввели трехступенчатые общинные объединения — в 10, 50 и 500 дворов (*баоцзя*). Насаждалась принудительная община и властями империи Цзинь.

Еще с конца VIII — начала IX в. шел процесс исчезновения лично-неполноправных сословий — *цзяньжэнь*. Сначала отмирают государственные зависимые, к концу X в. — буцюй, а к XIII в. названный процесс завершается полностью, исключая лишь реликтовые проявления рабства (в патриархальной, домашней форме), сохранявшиеся и в последующие времена. Личностные отношения зависимости постепенно заменяются связями хозяин — арендатор, что отразилось и во все большем распространении в XI–XIII вв. универсального термина, которым обозначались различные категории пользователей аренды, — *дяньху*. Однако эти связи еще несли отпечаток кабальности.

В северных районах страны после их завоевания чжурчжэнями рядовое китайское население в социальном плане было поставлено ниже чжурчжэней. Захваченное «в плен» население превращалось в подневольных — цзюйдинов, или же рабов чжурчжэньской аристократии. Китайские дворы в отличие от чжурчжэньских считались «второстепенными» (*цзаху*). Властями практиковалась насильственная раздача земли китайцам-арендаторам. Но в ходе все большего внедрения китайских порядков социальная модель империи Цзинь постепенно сближалась с сунской.

Официальная доктрина никак не выделяла город и горожан из универсальной для всей империи административной и социальной системы. Городские жители, как и деревенские, заносились в списки на предмет учета и налогообложения и делились на чжуху и кэху. Города подразделялись на районы, подчиненные имперским властям, и не имели ни малейших признаков самоуправления. Ремесленно-торговые объединения — ханы не приобрели основных черт, присущих цеховой организации. Поэтому можно сказать, что наблюдаемое в описываемое время повышение роли городских слоев в экономической и общественной жизни не получило соответствующего отражения в социальных порядках империи.

Особую прослойку китайского общества эпохи Сун, как и ранее, составляли буддийские и даосские монахи и монахини. К началу 20-х годов XI в. их насчитывалось около 460 тысяч. Значителен был и слой профессиональных солдат. В городах появляется заметный люмпенский слой: нищие, бродяги, проститутки и т.п.

Прослеживаемые в свидетельствах современников нарастание эксплуатации основной массы населения государственной казной и частными землевладельцами, жестокость этой эксплуатации в X–XIII вв. вызывали социальный протест низов. Он выражался в стремлении разными способами избежать становившихся непосильными выплат, жалобах и неподчинении властям, бегстве на иные места жительства, разбое и, наконец, восстаниях. В конце X — начале XI в. наибольшее количество волнений отмечалось в

юго-западных районах страны. Самым значительным было восстание 993–997 гг. в Сычуани под руководством Ван Сяобо, Ли Шуня и Чжан Юя. В 20–80-х годах XI в. центр народного сопротивления переместился на север. Здесь вспыхивают солдатские бунты Ван Луня и Чжан Хая, в 1047–1048 гг. в Хэбэе происходит восстание Ван Цзе, в котором активное участие приняли городские жители из Бэйчжоу. Только в 1078–1085 гг. зафиксировано 10 антиправительственных выступлений. В конце XI — начале XII в. центром сопротивления становятся юго-восточные районы. Здесь в 1120–1122 гг. происходит самое крупное восстание описываемого периода под руководством Фан Ла. Одновременно на Центральной равнине и в Шаньдуне действуют отряды повстанцев Сун Цзяна.

Все эти движения были направлены прежде всего против властей, олицетворявших угнетение и произвол. Добиваясь успеха, повстанцы пытались создать «новую» власть, но строили ее на прежних традиционных началах. Однако идеология их всключала в себя сильную эгалитаристскую струю — стремление уравнять имущество. Часто это дополнялось приверженностью к религиозно-мистическим учениям. Все эти восстания были подавлены.

В Южной Сун сколько-нибудь крупных народных выступлений не наблюдалось, что можно объяснить выдвижением на первый план борьбы за национальную самостоятельность и воссоединение страны. В империи Цзинь восстания выливались в сопротивление угнетателям-завоевателям. Только в 1161–1189 гг. отмечено 10 восстаний, а с начала XIII в. и вплоть до падения Цзинь действуют повстанческие отряды «красных курток» и «черного знамени».

Наметившийся еще в VII-VIII вв. процесс этнической консолидации китайцев, несколько затормозившийся в конце IX — первой половине X в., в рассматриваемый период вновь обретает силу и к XIII в. приводит к сложению того китайского этноса, который с незначительными изменениями сохраняется во все последующее время. Это выражается в появлении четкого этнического самосознания, выделении китайского государства (а не владений той или иной династии), противостоящего иноземным странам, распространении универсального самоназвания — «хань жэнь» (люди хань). В X–XIII вв. растет население страны. Статистические данные здесь весьма противоречивы, но позволяют говорить приблизительно о 80–110 млн. жителей.

Однако на местном, субэтническом уровне прослеживаются значительные различия в жизни отдельных групп населения. В первую очередь это относится к различиям между северянами и южанами. Они проявлялись в разнице в диалектах, обычаях, характере поселений, кухне и т.п. Они отражались и в борьбе тех и других за власть и влияние. В государствах киданей, тангутов и чжурчжэней шла не только китаизация завоевателей, но и известная «варваризация» коренного населения (чему часто способствовали и целенаправленные меры властей, ярче всего проявившиеся в «законах о перемене обычаев» в Цзинь). Это смешение культур на севере по-прежнему почти не имело места на юге.

Вместе с тем захват чжурчжэнями значительной части Центральной равнины вызвал новую мощную волну бегства из северных районов на юг. Население южной части страны стало заметно превосходить северную по численности.

Прогресс материальной культуры китайцев в X–XIII вв. прослеживается в области как сельского хозяйства, так и ремесла и промыслов. В конце

X — начале XI в. шла интенсивная распашка целинных земель. На юге страны совершенствовалось возделывание заливных, на севере — орошаемых земель, что позволяло иногда в несколько раз поднять урожайность. Практиковался квадратно-гнездовой и рядовой посев, отводились участки под пар. Все дальше на север проникало возделывание риса, а на юг — проса, пшеницы и бобовых. На лучших землях получали по 5-6 ши риса с 1 му земли (1 ши в описываемый период — 66,41 л). Совершенствовались земледельческие орудия (особенно железные), увеличивались их число и специализированность применения. Например, были плуги для вспашки целины и для перепашки. Сельскохозяйственные орудия приобретают в описываемое время тот тип, который почти без изменений сохранялся вплоть до нашего столетия. Шире практикуются при пахоте воловьи упряжки. На севере (в Цзинь) получает широкое развитие животноводство (в частности, свиноводство, овцеводство, коневодство). К XIII в. помимо водяных крупорушек появляются ветряные мельницы. Постепенно продвигались на север посевы хлопчатника.

Многократное увеличение производства металлов расширило их употребление для изготовления орудий труда, оружия, бытовых вещей, строительных и крепежных деталей и т.п., претерпевших весьма мало изменений в последующее время. Металлообработка стала более специализированной (из раскопок известно более сотни различного рода железных и стальных изделий). Мастера-металлурги знали разные виды работ по металлу: плавку, литье, сварку, ковку, штамповку, паяние, волочение и др. Они располагали для этого достаточно богатым набором инструментов. Со второй половины XI в. не только при плавке, но и в керамическом производстве и для отопления вместо древесного угля стал все шире применяться каменный. На вооружении появились мощные метательные орудия, сосуды с горючей смесью для метания, передвижные башни с таранами, катапультами и самострелами, зажигательные стрелы и первые пушки.

В градостроительстве окончательно закрепляется трехчастная композиция (дворцовый комплекс, императорский город, внешний город), строившаяся по осевой системе и имевшая регулярную планировку жилых районов и кварталов. Наблюдается взлет садово-парковой архитектуры, особенно на юге, где складывается ее особый стиль — цзяннаньский. В 1103 г. появляется трактат Ли Минчжуна «Ин цзао фа ши» («Архитектурные методы»).

О массовом производстве керамики и появлении соответствующей техники и технологии свидетельствуют находки гончарных печей, способных обжигать по 250 чашек за один раз, тянущихся друг за другом на расстоянии 5 ки. Именно в описываемое время появляются керамические и фарфоровые мастерские, создававшие свой собственный, семейный стиль изделий. Был модернизирован ткацкий станок, создан станок для очистки хлопка, многоверетенная прялка. Для шлифовки поделочного камня стал применяться вращающийся абразивный круг, для производства разных видов стекла — химические добавки. На реках и каналах вместо плотин все чаще появляются шлюзы, для перевозок строится большое количество барж и речных судов.

В быт с X в. входят устройство в домах отапливаемых лежанок (*кан*), употребление высоких столов и стульев (среди состоятельных горожан), обычай путем бинтования сдерживать рост ступней у женщин (среди горожан). К XIII в. изменяются некоторые элементы одежды (мужская наплечная одежда, конструкция шляпы), разнообразятся блюда китайской кухни.

Именно в XI–XIII вв. городской быт становится существенно отличным от деревенского. Приметами первого были бани, аптеки, меняльные конторы, пункты проката вещей, харчевни и питейные заведения, увеселительные кварталы, ночная жизнь, разнообразные зрелищные развлечения и мистерии, игорные дома и дома терпимости, а также налаженная противопожарная служба, вывоз нечистот, подметание улиц, водоснабжение (через водоносов), сточные канавы и т.п.

Рост образованности в привилегированных и зажиточных слоях населения был связан со значительно более широким, чем прежде, распространением книг и отмеченным выше повышением значения учено-служилой карьеры. Книгопечатание с досок было освоено в X–XIII вв. в широких масштабах. К 20-м годам XI в. только казенными печатнями было выпущено более 100 тыс. книг. Возросло количество областных и уездных училищ, наряду с казенными открылись многочисленные частные школы. В столицах появились специализированные училища, где преподавались правоведение, математика и астрономия, медицина, военное дело, изящная словесность, изобразительное искусство.

На базе роста образованности в описываемый период происходит дальнейшее развитие научных знаний. Опыты алхимиков привели в конце X в. к изобретению пороха. В 40-х годах XI в. Би Шэн изобрел глиняный наборный шрифт для книгопечатания (не получивший, однако, тогда широкого распространения). В начале XII в. в мореплавании стал использоваться изобретенный в Китае компас. Большое общекультурное значение имело и изобретение и применение ассигнаций. Историческая наука помимо созданных в X–XIII вв. шести официальных династийных историй обогатилась ставшими классическими сочинениями «Цзы чжи тун цзянь» («Всеобщее обозрение событий, способствующее управлению») Сыма Гуана (1019–1086), «Тун чжи» («Свод описаний») Чжэн Цяо (1103–1162), «Тун цзянь цзи ши бэнь мо» («Всеобщее обозрение записей основных и второстепенных событий») Юань Шу (1131–1205) и многими другими трудами. С XII в. появляется жанр региональных географических описаний. Одновременно создается ряд новых описаний зарубежных и заморских краев, например сочинения Чжао Жугуа и др. Составляются новые словари: «Лун кань шоуцзянь» (997 г.), «Гуан юнь» (1011 г.), «Цзи юнь» (1037 г.).

Радикальные изменения происходят и в идеологии. В первую очередь это проявилось в сложении этико-политической, философской и отчасти религиозной доктрины неоконфуцианства. В ее основу легли труды Чжоу Дуньи (1017–1073), Чжан Цзая (1020–1078), Чэн Хао (1032–1085), Чэн И (1033–1107), Чжу Си (1130–1200). В социальном плане неоконфуцианство утверждало существующие иерархию и неравенство, соотнося их с понятием личного долга. Претендуя на роль единственной ортодоксальной идеологии, неоконфуцианство рождалось как противостоящее буддизму и даосизму учение. Однако в процессе пересмотра прежних классических доктрин в него вошли многие укоренившиеся к тому времени в сознании людей буддийские и даосские положения (в частности, космогонические теории).

Начинавшиеся еще при Тан гонения на буддизм и утверждение неконфуцианства как господствующей идеологии способствовали постепенному ослаблению позиций буддийского вероучения в Китае. Правительства Поздней Чжоу и Сун также издавали указы о закрытии монастырей, роспуске монахов и т.п. Но это не значило, что буддизм окончательно утратил свое влияние. Теряя поощрение государственных верхов, буддизм оставался си-

лен в низах общества, где во многих деревнях продолжали функционировать небольшие храмы и кумирни, обслуживаемые 1-3 монахами. Не ослабевало и влияние различных буддийских сект. Наибольшей поддержкой буддизм пользовался в юго-восточных районах империи Сун. Приблизительно аналогичная картина складывалась и с даосизмом: уступая первенство неоконфуцианству, он пользовался определенной поддержкой даже при дворе (особенно в начале XII в.).

Сохранение буддизма и даосизма наряду с неоконфуцианством, их взаимовлияние уже в описываемый период привели к их переплетению, вылившемуся впоследствии в столь характерный для Китая религиозный синкретизм, в рамках которого наблюдалось и единство, и разнообразие обрядов и верований. Проникшие ранее в Китай ближневосточные религии (несторианство, зороастризм и манихейство) практически не участвовали в этом синтезе. В результате гонений они уже в X в. сошли на нет.

В поэзии развивается жанр *цы*, зародившийся к началу X в. в виде стихов песенного типа. Особую известность получило поэтическое творчество Су Ши (Су Дунпо) (1036–1101) и Синь Цицзи (1140–1207). Из распространившихся среди горожан сборников записанных рассказов устных сказителей — *хуабэнь* — в XI в. вырастает новый литературный жанр художественной прозы на разговорном языке — *сяошо*. В X–XII вв. происходит четкое отделение сугубо письменного языка (вэньянь) от разговорного, который к XII в. уже приближается к современному. На севере и на юге страны появляются два разных жанра театральных представлений — *наньцзюй* и *юаньбэнь*.

Интерес к живописи и каллиграфии охватывает просвещенные и привилегированные слои. В конце X в. в Нанкине (столице Южной Тан) открывается придворная Академия живописи. Позже она возрождается в Кайфэне, а затем перемещается в Ханчжоу. В начале XII в. при кайфэнском дворе организуется музей, где хранилось 6396 произведений живописи, а также другие художественные изделия (музей был разграблен во время вторжения чжурчжэней). С X в. развиваются и обогащаются новыми чертами и приемами такие жанры живописи, как «цветы и птицы» и лирический пейзаж, ставший в период Сун особенно одухотворенным и утонченным. С развитием книгопечатания появляется книжная гравюра. Совершенствуется роспись фарфоровых и керамических изделий.

Итак, именно в X–XIII вв. в китайском обществе приобретают законченную форму и закрепляются многие основополагающие черты, которые впоследствии претерпевали лишь частичные, не принципиальные изменения и поэтому воспринимаются как типичные для традиционного Китая. Прежде всего это относится к системе землевладения и землепользования, где на смену окончательно исчезнувшей надельной системе приходит ставшее центральным отношение частных землевладельцев и частных арендаторов. Оно сочеталось и переплеталось с государственным землевладением и мелкокрестьянской собственностью. Это переплетение могло принимать разнообразные формы, порождая характерную неразграниченность собственнических прав. Соответственно неоднозначной была и система эксплуатации, где выплата ренты землевладельцу осуществлялась на фоне тотального налогообложения обрабатываемой земли. Этот налог перекладывался на арендуемые участки, включаясь в ренту и повышая ее. В сочетании с различного рода дополнительными поборами и повинностями, налагаемыми властями, это приводило к достаточно высокой норме эксплуатации основной массы населения.

приобретает близкие к тому, что наблюдалось впоследствии, контуры и социальная структура. Здесь закрепляется частичное несовпадение политически и экономически господствующих слоев. Расширившееся количественно и увеличившее свои привилегии служилое сословие (чиновничество и шэньши) и аристократия были значительно уже, чем класс «простых» землевладельцев и состоятельных горожан, которые не получили адекватного своему положению и влиянию юридического статуса. В этих условиях обычная для эксплуататорского строя взаимосвязь привилегированного положения и богатства приобретала опосредованный, официально не признаваемый характер. Город, несмотря на свою возросшую роль в жизни общества, не занял самостоятельного положения в социальной структуре. Вместе с тем основная масса эксплуатируемого населения не утратила личной свободы (в тех пределах, которые обеспечивались тогдашним уровнем понятия свободы личности), а категория неполноправного люда сократилась до минимума (за исключением вмешательства внешних факторов). Однако юридически полноправные арендаторы фактически оказались в той или иной степени зависимости от землевладельцев. На кланово-семейном уровне сохранялись патриархальные связи. Несоответствие официально поддерживаемой шкалы социального деления реальному расслоению китайского общества приводило к характерной для Китая размытости, нечеткости социальных граней, не менявшей, однако, строго иерархических принципов строения социума.

Приближается к установившимся впоследствии образцам и политическая система империи. Именно в описываемый период вырабатывается характерная централизованная машина управления, где возросшая власть монарха не перерастет в деспотическую, а стержнем централизации становится осуществление эффективного воздействия императорского правительства на местные власти. При этом приоритетное значение закрепляется за гражданской администрацией, которая благодаря использованию экзаменационной системы отбора кадров расширяет свою социальную базу. Это не мешало сохранению аристократических начал в формировании высшего слоя управления. В низовом звене продолжается использование общинной и псевдообщинной организации.

Изменения в идеологической области сводятся к выдвижению на первый план неоконфуцианства и сложению синкретической системы верований. Консолидация общества отражается в возросшем этническом самосознании, зарождении патриотизма. Материальная культура китайцев и обыденная жизнь как деревни, так и города также существенно приближаются к характерным для последующего времени образцам.

Все это дает основание многим исследователям считать, что в X–XIII вв. Китай вступил в новый этап своего развития. Однако относительно существа данного этапа высказываются самые различные точки зрения. В отечественной историографии высказывалось мнение, что в означенный период в Китае появляются зрелые (развитые) феодальные отношения, зарождение которых относится ко второй половине VIII в. Ставился также вопрос о рассмотрении отрезка конца VIII — начала X в. как переходного периода от одной стадии феодализма к другой. В свете изложенного в предшествующей и настоящей главе по истории Китая именно такая постановка вопроса представляется предпочтительной. Исходя же из дальнейших изменений китайского общества, период конца X — середины XIII в. было бы точнее характеризовать, как это делается в отдельных работах, как начальный этап развитого феодализма. Но в силу неповторимого своеобразия склады-

вавшихся в Китае общественных и государственных порядков достигшие здесь в X–XIII вв. определенной зрелости формы нельзя адекватно соотносить с развитыми феодальными отношениями, получившими распространение в западноевропейских странах.

ТАНГУТСКОЕ ГОСУДАРСТВО СИ СЯ (982–1227)

Активное тибетско-китайское соперничество в VII–IX вв. привело к переменам в судьбах цянского и сяньбийского населения территорий современных китайских провинций Цинхай и Сычуань. Сяньбийское государство Туюйхунь, просуществовавшее почти 400 лет (285-663), было уничтожено тибетцами, а часть дансянов, тибето-бирманской по этнической принадлежности народности, проживавших в районе Сунпань (на северо-западе Сычуани), под давлением тибетцев переселилась на север и далее на территорию Ордоса. В IX в. правящий клан дансянов, более известных в европейской науке под их монгольским наименованием тангуты (самоназвание их — минья), укрепился в центре Ордоса, имея резиденцией г.Сячжоу (в западной части современного уезда Хэншань провинции Шэньси). Центр Ордоса, так называемая территория Пяти округов, в десятом веке приобрел почти полную самостоятельность. Тангутское население составляло в этом районе абсолютное большинство. Укреплению самостоятельности региона, населенного тангутами, способствовал и распад Китая на ряд государств в период правления Пяти династий и возникновение на севере мощного киданьского государства Ляо, которое поддерживало стремление правящего тангутами дома Тоба к независимости. Объединение Китая под властью династии Сун (960 г.) естественно поставило вопрос и о судьбе тангутских владений Тоба. Когда в 982 г. сунский двор сделал попытку поставить эти районы под свой контроль, один из членов правящего клана тангутов, Тоба Цзицянь, открыто выступил против Китая и, имея перед собой пример независимого киданьского государства, также начал борьбу за создание государства тангутов. Расчет его на противоречия между Ляо и Сун был верным: в 989 г. киданьский двор отдал за Цзицяня киданьскую принцессу и признал Цзицяня ваном государства Ся. В 997 г. Цзицянь добился установления своей власти над территорией Пяти округов. В 1002 г. тангуты овладели г.Линчжоу (совр. г.Линъу, Нинся-Хуэйский автономный район). Где-то на рубеже X–XI вв. (запись в истории династии Сун «Сун ши» под 1001 г.) в Китае стало употребляться для обозначения тангутского государства наименование Си Ся. Территория нового государственного образования могла расширяться только на запад и юго-запад, несмотря на то что этнически родственное дансянское (цянское) население было достаточно многочисленным в восточных по отношению к Си Ся, соседних с владениями Цзинцяня областях Китая и в соседних с Си Ся южных районах Ляо. Добиться отторжения этих территорий от Сун и Ляо силой было невозможно. Поэтому тангуты всю первую треть XI в. воевали на западе. В 1004 г. в войне с тибетцами погиб Цзицянь. Его преемник, Дэмин, понял, что без мира с Китаем успехов на западе будет достичь трудно. В 1006 г. он добился заключения мирного договора с Сун и согласился принять от них должность *цзедуши* (военного губернатора), тем самым как бы признавая себя на китайской службе, и получил титул вана Сипин (Умиротворителя запада). Однако договор 1006 г. между Си Ся и Сун был клятвенным дого-

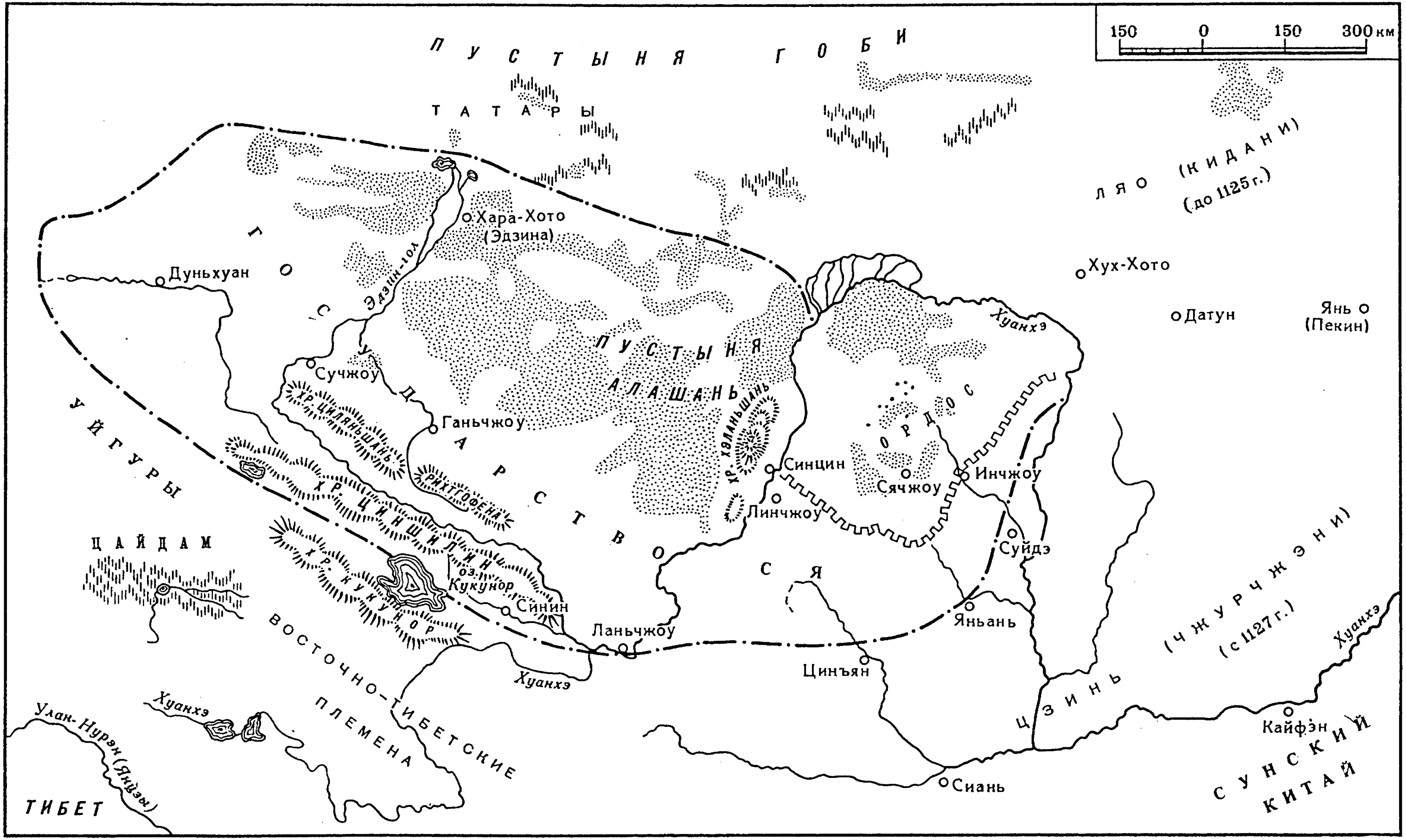


Рис. 14. Государство Ся

вором и означал фактическое признание со стороны Сун тангутского государства. Дэмин стал готовиться к официальному принятию императорского титула. В 1016 г. он посмертно объявил императором своего отца, Цзицяня, в 1028 г. своего сына провозгласил наследником императорского престола, а его мать — императрицей. Была объявлена новая столица государства, ею стал г.Синчжоу (совр. г.Иньчуань, Нинся-Хуэйский автономный район). Мир с Китаем, поддержка Ляо позволили тангутам вести успешные войны с тибетцами и уйгурами. В 1028 г. к территории Си Ся были присоединены области с городами Лянчжоу (Увэй) и Ганьчжоу (Чжанъе), современная провинция Ганьсу. В 1036 г. владения Си Ся еще дальше продвинулись на запад вплоть до современного Дуньхуана, до границ Хамийского оазиса. Территория тангутского государства включала провинцию Ганьсу в ее западной части, западные аймаки современного автономного района Внутренняя Монголия, территорию Нинся-Хуэйского автономного района, западные районы современной провинции Шэньси в Ордосе. Граница с киданями шла по южной окраине пустыни Гоби и северному рукаву Хуанхэ, там, где она образует излучину, именуемую Ордос. Западный рукав Хуанхэ был полностью во владениях Си Ся, однако к восточному рукаву Хуанхэ граница с Китаем не выходила, так как сунские войска не только не допустили тангутов к реке, но и в 1067 г. отвоевали у них г.Суйчжоу (совр. г.Суйдэ, пров. Шэньси). В 1136 г., во время чжурчжэньско-сунских войн, тангуты присоединили к своему государству район современного г.Синина (пров. Цинхай). В целом это была обширная территория, с землями, удобными для земледелия, и плодородными, хорошими пастбищами как на равнинах, так и в горных районах. В современных условиях климат этих областей континентальный, с холодной зимой, жарким летом и недостаточным количеством осадков. Но есть данные, свидетельствующие о том, что в XI–XIII вв. он был мягче и более влажным. На территории Си Ся в ряде районов произрастали рис, хлопчатник и абрикос. Основными отраслями хозяйства являлись земледелие и скотоводство. Стране хватало своего зерна, возможно, за исключением риса, а скот и продукты скотоводства шли на экспорт. Особенно ценились верблюды и кони из Си Ся. Обилие горных районов создавало надежную горнорудную базу, страна не испытывала недостатка в железе, возможно, по некоторым данным, тангутам не хватало меди. Процветала соледобыча. Соль из ордосских озер экспортировалась в Китай.

В 1031 г. Дэмин скончался, к власти пришел его сын Юаньхао. Ему, первому тангутскому императору и реформатору, принадлежит выдающаяся роль в окончательном утверждении тангутского государства в глубинах Азии. В 1032 г. Юаньхао отказался пользоваться сунскими девизами царствования, которые являлись средством летосчисления, и объявил свой девиз царствования Сянь-дао — «Ясный путь». Это было важным шагом на пути формирования императорской системы управления и первой из реформ Юаньхао, которых историки насчитывают десять. Второй реформой был указ 1033 г. о введении в стране для всех мужчин единой прически *туфа*. Это был киданьский тип мужской прически, при которой большая часть волос на голове сбривалась, оставлялась только челка спереди и косицы на висках. Это был важный политический акт. Единая прическа (как позже приказ маньчжуров, обязавший всех китайцев-мужчин носить косу) являлась символом покорности и единства всех подданных государя. Третья реформа состояла в том, что статус столичного округа был поднят до статуса *фу* (условно «департамента»), которым обладали столицы Ляо и

Сун. Город был переименован в Синцин — «Новый прилив счастья». Одновременно были введены центральные правительственные учреждения по китайскому образцу: Государственный секретариат (Чжунжу) для управления гражданскими делами, Тайный совет (Шуми) для командования армией и ведения военных дел, Цензорат (Юйшитай) — орган контрольной власти. Тангуты не ввели систему «шести министерств» (*лю бу*), принятую, например, в Ляо, но учрежденные Юаньхао министерства, или управления, покрывали нужды управления двором и делопроизводством императорского двора, экономикой, прежде всего земледелием и скотоводством, поддержания правопорядка в стране. Пятая реформа вводила форменное платье для чиновников. Эти реформы, проведенные в 1033 г., были продолжены в 1036 г. точным определением системы воинской повинности (шестая реформа), упорядочением административного деления страны на 12 военно-полицейских округов (седьмая реформа) и введением в том же, 1036 г. в употребление своей, оригинальной тангутской письменности. Тангутский язык был тональным, изобиловавшим омонимами, поэтому тангуты создали словесно-слоговое (иероглифическое) письмо. Это письмо было внешне совершенно непохоже на китайское, хотя в основе его набора средств графики была китайская иероглифика и при конструировании письменных знаков использовались установленные тогда китайской филологической наукой шесть способов образования иероглифов, среди которых центральными являлись способы идеограмм и фонограмм. Эта восьмая реформа была не только важнейшим событием культурной истории тангутского народа, но и заметной вехой в культурной истории Дальнего Востока и Центральной Азии. Если на предыдущем этапе истории культуры Дальнего Востока корейцы, японцы, вьетнамцы просто заимствовали китайское письмо, пусть даже вводя некоторое количество «своих» знаков и своих средств передачи родного языка, то X–XII века явили этап заимствования средств китайского письма киданями, тангутами и чжурчжэнями для сформирования своих оригинальных письменностей. Изобретение и введение в употребление письма имело в 1038 г. прямым следствием мероприятие, по своей громадной значимости выходящее за рамки собственно тангутской культуры: из 32 буддийских монахов была сформирована особая группа, которой было поручено перевести на тангутский язык буддийский канон. Девятая и десятая реформы также были проведены в области культуры. В 1037 г. учреждены тангутская и китайская школы; год ознаменовался и введением при дворе в качестве официальной музыки для сопровождения церемониалов тангутской музыки, исходя из установки, что «мудрый правитель должен следовать народным обычаям».

10 ноября 1038 г. Юаньхао официально объявил себя императором, своему деду Цзицяню и отцу Дэмину присвоил императорские титулы посмертно. Поскольку именно при Юаньхао тангутское государство сформировалось как построенная по китайскому образцу империя и именно Юаньхао первым открыто принял титул императора, ряд современных историков вообще датируют существование тангутского государства Си Ся или с 1032 г. — года воцарения Юаньхао, или с 1038 г. — года принятия им императорского титула. Принятие Юаньхао императорского титула создало новую обстановку на Дальнем Востоке и в Центральной Азии. Появился третий «сын Неба» наряду с императором Сун и императором Ляо. Сунский император признавал за императором Ляо императорский титул, по договору в Шаньюани от 1004 г. сунский Китай под видом «помощи»

выплачивал киданям довольно значительную контрибуцию. Однако сунский двор отказался признать за Юаньхао императорский титул. Это привело к тангутско-китайской войне 1040–1044 гг. Война показала, что рассчитывать на военный успех не может ни та, ни другая сторона. Началась торговля за титул. Требования сунского двора сводились к тому, чтобы Юаньхао титуловался любым традиционным титулом (*каган*, *шаньюй*), но не китайским императорским титулом *хуанди*. Дело осложнилось вмешательством киданей, которые в 1042 г., угрожая Сун, вынудили Китай увеличить выплаты Ляо. Получив свое от Сун, кидани стали угрожать и Си Ся. В этих условиях Си Ся и Сун заключили мир, в соответствии с которым Юаньхао отказался на международной арене в сношениях с Китаем именовать себя императором-*хуанди*, сохранив за собой в пределах Си Ся императорский титул, на тангутском языке *уцзу*. Сунский двор признавал его *чжу* — «государем» и выплачивал контрибуцию ежегодно в сумме 255 тыс. единиц шелком, серебром и чаем. Юаньхао признал себя «младшим», или, как переводят, «вассалом», *чэнь*, и получил от императора Сун печать.

Хотя государство Си Ся «сохраняло фактическую независимость», в конечном счете война кончилась в пользу Сун. Еще не заключив окончательно мира с Сун, Юаньхао был втянут в войну с Ляо. Китай, для которого киданьское государство являлось главным врагом, занял в тангутско-киданьской войне позицию, в целом более благоприятную для Си Ся. Тангуты нанесли Ляо военное поражение, и стороны заключили мир (1045 г.). В январе 1048 г. Юаньхао был убит. Наступил период в истории тангутского государства, когда в царствование тангутских государей из-за малолетства императоров власть оказывалась в руках императриц-регентш и клана Лян, из которого они были. Внутренние неурядицы в Си Ся Китай пытался использовать для уничтожения тангутского государства. Из трех крупных войн Сун и Си Ся (1069–1072; 1081–1086; 1096–1099) наиболее тяжкой для тангутского государства была война 1081–1086 гг. Армия численностью более 300 тыс. человек вторглась на территорию Си Ся. Однако общий итог войны оказался не в пользу Сун, и, как сообщает источник, «сунские войска погибли бесславно».

В 1094 г. молодой государь Цяньшунь совершил своеобразный государственный переворот и истребил клан Лян, возвратив к власти императорский клан Тоба (тангутское Вэймин или Нгвеми). С начала XII в. начался подъем экономики и культуры тангутского государства, в известной мере это объяснялось тем, что на северо-востоке обозначилась новая сила — чжурчжэни, — которая сковала активность Ляо и привлекла к себе внимание Сун, поскольку Китай рассчитывал руками чжурчжэней покончить с киданями.

Гибель Ляо (1125 г.) и затем жестокое поражение Сун в войне с чжурчжэнями, появление государства чжурчжэней Цзинь, с которым Си Ся сумело установить дружеские контакты, привели к расцвету тангутского государства в середине и второй половине XII в. Это было время правления сына Цяньшуня, императора Жэньсяо (1139–1193), полукитайца по крови. В правление Жэньсяо была окончательно решена проблема «своего пути» Си Ся. При Юаньхао понятие «своего пути» выражалось в создании идеологической платформы тангутского государства как покоящейся на двух опорах — буддизме и копировании принципов китайской государственности. Все это сопровождалось пропагандой именно собственного пути в противоположность тибетскому и китайскому. Китайское чиновно-бюрократическое

(ритуал, одежда) демонстративно отвергалось в пользу своего, тангутского. При преемниках Юаньхао императрицы-регентши и их сторонники склонялись к буддизму и ослаблению китайского влияния. В противоположность им царствующий дом, возвратив себе фактическую власть, демонстративно возвращается к китайскому. Цяньшунь устанавливает равенство буддийского и китайского в своем пути, но Жэньсяо уже отдает в сфере государственного управления предпочтение китайскому, конфуцианству. В 1146 г. в Си Ся официально вводится культ Конфуция. Во всех областях страны было приказано возвести храмы Конфуцию, при поклонении ему воздавались императорские почести, Конфуцию был пожалован титул императора Вэньсюань. Осуществляется активный перевод конфуцианских канонических книг на тангутский язык. Буддизм продолжал активно развиваться и при Жэньсяо, но он уже не мог претендовать на то, чтобы быть основой государственной доктрины, ему была отведена роль хранителя благополучия династии. В истории тибето-бирманских народов три крупных государства: Тибет, Бирма и тангутское. Два из них в качестве своей исключительной идеологической платформы избрали буддизм и развивались как теократические государства. С тангутским государством, которое имело возможность направить «свой путь» в этом направлении, такого не случилось. Главная причина заключается в соседстве Си Ся с Китаем, влияние институтов которого на тангутов оказалось подавляющим.

Тангутское государство было полиэтническим образованием. Основными народностями, населявшими Си Ся, являлись тангуты, китайцы, тибетцы и уйгуры. В сфере государственной между этими народностями не было неравноправия, в иерархической соподчиненности всегда считался старшим тот, чей чин был выше. Лишь при равенстве чинов старшим должен был считаться всегда тангут.

При Жэньсяо в 1169 г. был введен в силу кодекс тангутского государства, двадцатитомное собрание законов страны, насчитывающее 1460 статей. Этот памятник сохранился до наших дней, он свидетельствует о высоком уровне развития права в тангутском государстве. Тангутское право хотя и развивалось в русле права китайского, как право корейское, японское, вьетнамское, так же как и вышеназванные правовые системы, проявило свои определенные самобытные черты. Тангутское общество делилось на людей лично-свободных и лично-несвободных — рабов: *пхинга*, лично-несвободных мужчин, и *нини*, лично-несвободных женщин. Лично-свободные люди подразделялись на тех, кто служил, по тангутской терминологии — «имеющих ранг», и тех, кто не служил, по тангутской терминологии — «простых людей». Особое положение в обществе занимали представители правящей династии из клана Нгвеми и императорская родня. По норме китайского права, аристократия не имела прав, вытекающих из факта происхождения, но, думается, что был ряд тангутских родов (фамилий), принадлежность к которым, не давая дополнительных прав по закону, была почетной и реально обеспечивала преимущества на государственной службе. Ядро господствующего класса составляли клан императоров, его свойственники, тангутская бюрократия в своем большинстве. К ним примыкали не состоящие на государственной службе богатые «хозяева» — землевладельцы и владельцы скота. Они эксплуатировали рабов — пхинга и нини и простых крестьян, которым, видимо, сдавали землю в аренду. Тенденция к установлению арендных отношений, ярко проявлявшаяся и в соседнем сунском Китае, возможно, была господствующей. Собственники земли платили государству поземельный налог зерном, сеном и

хворостом, работали на государство по трудовой повинности. Земля, скот, прочее имущество были или в собственности частных лиц, или в собственности государя (государства). По традиции китайского права, в некоторых случаях действовали определенные ограничения на продажу земли, прежде всего в выборе покупателя. В земледелии большую роль играло орошение, служба ухода за каналами была государственной, ремонт и строительство каналов осуществлялись силами людей, привлекаемых на работу по трудовой повинности. Сроки работы зависели от количества земли, имевшейся у работника. Скотоводы платили налог скотом, шерстью, молочными продуктами. В зависимости от количества скота они шли служить в армию или с конем и воинским снаряжением, или только с воинским снаряжением. Армия делилась на регулярную и вспомогательные войска, обеспечивающие жизнедеятельность и боеспособность солдат регулярной армии. К вспомогательным, возможно, относились и инженерные войска.

XII век был веком расцвета тангутской культуры. На тангутский язык была переведена вся «Трипитака», сохранившаяся до наших дней как в материалах из мертвого города Хара-Хото (найдены в 1909 г. П.К.Козловым), так и в незначительном количестве изданий времен монгольской династии Юань. В стране развивалось книгопечатание способом ксилографии, часть изданий определенно были государственными, осуществляемыми специальным Бюро печати. Буддийская живопись хотя и развивалась под сильным китайским и тибетским влиянием, имела свое лицо. Сохранились до наших дней тангутские словари разных типов (тангуты с любовью относились к родному языку и словесности), тангутские изречения. На тангутский язык кроме буддийского канона и конфуцианской классики были переведены китайские военные трактаты, ряд сочинений нравоучительного характера. Можно предполагать достаточно высокую грамотность населения Си Ся, прежде всего чиновников и вообще людей, связанных с государственной службой, а также лиц, связанных с буддийскими общинами. Для людей грамотных, очевидно, было характерно двуязычие (знание языков тангутского и китайского); для буддистов, согласно сохранившимся сведениям. считалось необходимым знание трех языков — тангутского, тибетского и китайского. В сочинениях тангутских авторов четко ощущается патриотическая струя гордости за свою культуру и свое государство.

При преемнике Жэньсяо, Чунью (1193–1206), к северу от тангутского государства появилась новая грозная сила — держава Чингис-хана. Тангуты в конце XII в. вмешивались в борьбу монгольских улусов. Возможно, именно это, а также их очевидная слабость по сравнению с чжурчжэньским государством Цзинь явились причиной того, что Си Ся было первым государством, куда монголы совершили походы за пределы Монголии. Они опустошили западные области тангутского государства. Поражение в войне с монголами стоило Чунью престола. Его сменил Аньцюань (1206–1211). Однако зимой 1207/08 г. монголы снова напали на Си Ся, а в 1209 г. осадили столицу тангутского государства. Тангуты пытались создать военный союз против монголов, прося помощи у Цзинь, но помощи от чжурчжэней не получили. Аньцюань добился мира, признав себя вассалом Чингис-хана и отдав ему в жены свою дочь. Он спас страну, но лишился престола. Его преемник, Цзуньсян (1211–1223), в 1214 г. был втянут монголами в войну с Цзинь. Эта война, длившаяся до 1224 г., хотя и не велась активно, реально ослабила силы и того и другого государства перед лицом монгольской агрессии. В 1217 г. монголы вновь осадили столицу Белого Высокого Великого государства Ся (так пышно официально именовалось тангутское государ-

ство), но осада затянулась, и они ушли, потребовав, чтобы тангуты приняли участие в походе Чингис-хана на запад. Тангуты отказались, за что Чингис-хан пообещал расквитаться с ними после возвращения из западного похода. Весной 1226 г. основные силы монгольской армии во главе с самим Чингис-ханом обрушились на Си Ся. Осенью 1227 г. монголы приняли капитуляцию последнего государя Ся и немедленно казнили его. Дело в том, что гибель Ся совпала со смертью Чингис-хана. Поэтому население Си Ся было истреблено особенно жестоко. Погибло не только тангутское государство, погибла тангутская культура, было положено начало исчезновению тангутов как народа. На месте тангутского государства монголы создали область Тангут, а столицу Ся переименовали по-китайски в Нинся — Усмиренное Ся. Правивший областью Тангут монгольский принц в конце XIII в. был привержен исламу. Он приложил все силы к тому, чтобы обратить в ислам подчиненное ему население. Населявшие область Тангут разные народы, языком общения которых стал китайский, приняли ислам и образовали единую группу говоривших по-китайски мусульман, которая при династии Мин сложилась в ту этноконфессиональную группу мусульман северо-запада Китая, которая и ныне составляет ядро населения Нинся-Хуэйского автономного района Китая.

ГОСУДАРСТВО КОРЁ

В начале X в. территория Корейского полуострова представляла собой арену борьбы между отколовшимися от Силла независимыми властителями, наиболее крупными из которых были Кёнхвон, основавший в 892 г. государство Хубэкче, и Кунъе, также провозгласивший в 901 г. создание собственного государства (в 904 г. оно получило название Маджин, а затем, в 911 г., — Тхэбон). Среди сподвижников Кунъе выделялся Ван Гон, выходец из влиятельной семьи, выдвинувшейся в период развала государства Силла и владевшей землями в районе Сонака.

Участвуя в походах Кунъе, Ван Гон зарекомендовал себя способным военачальником и приобрел большую популярность в Тхэбоне. В 918 г. он сверг Кунъе и провозгласил создание государства Корё. У Ван Гона оставался, по существу, один противник — Хубэкче, так как ослабевшее Силла влачило жалкое существование и искало дружбы с Ван Гоном (в 920 г. между ними был заключен союз, в 931 г. Ван Гон лично нанес визит вану Силла и затем прислал посла с подарками). В 935 г. последний силлаский ван добровольно отдался под власть Ван Гона, а уже в следующем году было наконец уничтожено Хубэкче и тем самым завершено объединение страны. Столицей нового государства стал Сонак, переименованный в Кэгён (совр. Кэсон).

Несколько десятилетий ушло на то, чтобы полностью покончить с сепаратистскими тенденциями местных властителей. При подчинении их Ван Гону им оставлялись в большинстве случаев прежние владения. К 80-м годам X в. с ними было наконец покончено, и по всей стране введена единая административная система.

В это время с севера над Корё нависла серьезная угроза. В 946 г. киданьская империя Ляо завоевала Северный Китай. Покорив обитавшие в бассейне р.Амноккан племена чжурчжэней, кидани вышли к границе Корё. Правители Корё предприняли ряд мер для обороны страны, возведя несколько новых крепостей и усилив их гарнизоны. При этом они всячески

избегали давать киданям повод к войне, сохраняя позицию нейтралитета между Ляо и сунским Китаем.

Однако в 993 г. кидани перешли Амноккан и вторглись в пределы Корё. Разгромив корёские войска в районе Понсана, они вышли к р.Чхончхонган и форсировали ее, однако, продвинувшись еще дальше на юг, потерпели серьезное поражение и вынуждены были начать мирные переговоры. От захвата корёских земель киданям пришлось отказаться, но Корё обязалось разорвать отношения с враждебными киданям Сунами. В том же году кидани покинули пределы Корё, и вскоре отношения с Сунами были восстановлены; северная граница стала усиленно укрепляться.

В 1009 г. ван Мокчон был свергнут одним из военачальников. Кидани немедленно воспользовались благоприятной ситуацией и снова, в 1010 г., вторглись в Корё. После неудачной осады Хынхванджина кидани направились в глубь страны и у Тхонджу в решающем сражении разгромили корёскую армию. В 1011 г. кидани разграбили столицу — Кэгён (двор бежал в Наджу). Между тем на захваченной территории продолжалось сопротивление, и кидани, не имея возможности подавить его, стали отступать.

В 1014 г. власть в Корё захватила группа военачальников. Вскоре, в 1018 г., последовало третье киданьское нашествие. После боя у Хынхванджина они двинулись на Кэгён, но, потерпев поражение в ряде боев, вновь были вынуждены отступить. При отступлении они были наголову разбиты у Куджу. После этого кидани оставили попытки завоевать Корё и установили с ним дипломатические отношения.

Наибольшего расцвета Корё достигло в XI в., особенно при ване Мунджоне (1047–1082). Именно он создал ту административную систему, которая просуществовала почти два с половиной столетия. Это было время торжества принципов централизации и государственной собственности на землю (которая с созданием Корё была восстановлена). Однако уже в начале XII в. стали обнаруживаться признаки ослабления государства и сокращения государственного земельного фонда. Из-за непомерного роста числа чиновников встал вопрос о прекращении выдачи им служебных наделов, материальное благосостояние и статус основной массы чиновничества начали падать. В то же время много земель было передано в награду «заслуженным сановникам», пожаловано или захвачено родственниками ванов, не выполнявшими реальных функций в сфере управления. В результате чрезвычайно усилились имущественные различия между основной массой чиновничества, непосредственно занятой делами службы, и высшей знатью, что приводило к острым противоречиям в среде господствующего класса. Обострились также противоречия между военным (менее привилегированным) и гражданским чиновничеством, между столичной и провинциальной знатью. Положение усугублялось произволом крупных землевладельцев в отношении крестьян, чьи наделы они захватывали (равно как и служебные земли мелких чиновников). Усилившийся налоговый гнет (в немалой степени за счет произвольных требований собиравших налоги чиновников) и утяжелившаяся трудовая повинность приводили к разорению крестьян — держателей государственных наделов; участившееся бегство земледельцев еще более ухудшало положение оставшихся, связанных с ними круговой порукой. В конечном счете это приводило к сокращению доходов государства. Одновременно появились могущественные семьи, происходившие не из правящего рода; захватывая государственные земли вместе с сидевшими на них крестьянами, они не только сосредоточивали в своих руках большие богатства, но и получали определенный политический вес. Немало

земель принадлежало монастырям. В целом XI–XII века отмечены ростом крупного частного землевладения. Многие крупные землевладельцы содержали вооруженные отряды.

В начале XII в. Корё пришлось столкнуться с чжурчжэнями, которые усиливались по мере того, как слабела киданьская империя Ляо. В 1104 г. в бою с ними у крепости Чонпхён корёские войска потерпели поражение. В 1107 г. чжурчжэни предприняли новое нападение, но были на этот раз отбиты с большими потерями.

Корёские войска, перенеся войну на земли противника, захватили значительную территорию, однако через два года под постоянным натиском чжурчжэней были вынуждены оставить ее, а после провозглашения чжурчжэньской империи Цзинь в Китае Корё пришлось признать вассальную зависимость от нее.

В это время реальная власть в стране принадлежала Ли Джагёму (его дед, Ли Джаён, занимал выдающееся положение при ване Мунджоне). Он женил вана Инджона на двух своих дочерях и сосредоточил в своих руках управление военным министерством и министерством чинов. Ван Инджон пытался в 1126 г. отстранить его, но эта попытка кончилась тем, что сам ван фактически был лишен свободы. В следующем году благодаря поддержке группировки сановников из Согёна (совр. Пхеньян) во главе с буддийским монахом Мёчхоном Инджону удалось отстранить от власти Ли Джагёма, но это привело к росту амбиций согёнской группировки. В Согёне усилились сепаратистские настроения, вылившиеся в крупнейший мятеж 1135 г. Идеологом мятежа стал Мёчхон, доказывавший с помощью геомантических построений, что столицу государства необходимо перенести в Согён. Под властью мятежников оказались значительные территории Северо-Запада, объявленные «Государством великих свершений». Правительственные войска во главе с выдающимся государственным деятелем Ким Бусиком после многомесячной осады весной 1136 г. взяли Согён штурмом и жестоко подавили мятеж. Это была победа сторонников укрепления государства.

Однако во второй половине XII в. вновь обострились отношения противоборствующих группировок. В 1170 г. ван Ыйджон был свергнут в результате военного переворота. Военачальники во главе с Чон Джунбу возвели на престол Мёнджона (брата свергнутого вана), но реальную власть оставили в своих руках, причем роль высшего органа управления фактически выполнял коллегиальный военный орган Чунбан.

С середины XII в. в стране участились крестьянские выступления. Они происходили в 1162, 1166 гг., а в 1176 г. разразилась настоящая крестьянская война под руководством Мани, охватившая несколько южных провинций. Восставшими были государственные крепостные (*ноби*) и другие крестьяне. В общей сложности ими было захвачено более 50 городов. В 1177 г., после подавления основных очагов восстания на юге, восстание перекинулось на северо-западные районы. Окончательно подавить его удалось только к концу 1178 г. Мани после жестоких пыток был казнен. Крупное восстание происходило в 1193–1194 гг. в провинции Кёнсан под руководством Ким Сами, Хё Сима и др.

В 1196 г. реальную власть в стране захватил полководец Чхве Чхунхон, создавший как бы собственную, параллельную династию правителей. До 1258 г., т.е. до самого монгольского завоевания, страной управляли он сам и его потомки, а ваны обладали лишь номинальной властью. Чхве Чхунхон много сделал для укрепления внутриполитической стабильности и успешно

предотвращал выступления своих возможных противников, однако крестьянские восстания продолжались.

В 1198 г. в столице был раскрыт заговор ноби, в следующем году произошли крестьянские выступления на северо-востоке страны, в 1200 г. вспыхнуло восстание ноби и крестьян в провинции Кёнсан. В 1201 г. его удалось подавить, но в следующем году в этой провинции началось новое восстание, продолжавшееся до 1203 г.

В начале XIII в. Корё пришлось опять столкнуться с киданями, которые были вытеснены монголами со своих земель. В течение 1216–1218 гг. кидани трижды вторгались на полуостров, но каждый раз, терпя поражение, отступали.

Тогда же Корё впервые оказалось лицом к лицу с более опасным противником — монголами. Борьба корейского народа против захватов монголов освещена в следующей главе.

Административная система Корё сложилась, с одной стороны, на основе тхэбонской, с другой — силлаской государственной традиций. Принципиально новым в чиновной системе Корё было отсутствие в ней собственно чинов: было установлено, как в Китае, 9 рангов, каждый из которых подразделялся на две степени. Степень стала главным фактором, определявшим положение человека в обществе и системе (в соответствии с ней производилась и выдача жалованья); для каждой должности предусматривалась определенная степень.

Системой степеней в Корё были охвачены все лица, получающие установленное содержание (в том числе и те, что не являлись в полном смысле слова чиновниками): чиновники центральных (столичных) учреждений, военные, провинциальные, придворные чиновники, титулованные женщины (жены, наложницы, дочери ванов), близкие родственники вана; лица, имеющие особые звания за заслуги (*хун*), лица, имеющие почетные титулы (*чак*); гражданские чиновники без определенных функций (*мунсанге*) и военные чиновники без определенных функций (*мусанге*).

Центральный аппарат состоял из учреждений различных видов: высшие правительственные учреждения, отраслевые министерства, основные научно-учебные и другие крупные учреждения, управления (*си*), канцелярии (*со*), склады (*чхан*, *ко*), дворцовые учреждения, так называемые *тогамы* и другие учреждения, создаваемые на определенный срок для выполнения конкретных задач. Хотя на протяжении всей истории Корё в аппарате управления много раз проводились реформы и изменения, наиболее существенные были проведены в середине XI в. при ване Мунджоне (1047–1082), когда в основном и сложилась административная система. Был создан огромный чиновничий аппарат, определены и максимально унифицированы штаты всех учреждений и четко расписаны по рангам и степеням все должности в государстве. Штаты учреждений были увеличены в несколько раз за счет большого числа канцеляристов, стоявших ниже системы степеней, но тем не менее занимавших определенные должности. Совещательным органом при ване был Тобёнмаса, должности в котором занимались по совместительству высшими сановниками государства. В общей сложности в центральном аппарате Корё насчитывалось 150–170 учреждений, известно более 500 различных должностей, которые были заняты примерно 2,5 тыс. чиновников.

В административно-территориальном отношении Корё делилось на провинции (*то*), включавшие более мелкие административные единицы — населенные пункты разной величины с примыкающей территорией. Число

провинций не было постоянным; в XI–XII вв. помимо них существовали два пограничных района (Восточный и Северный), включавшие каждый по две-три провинции. Для каждой провинции и более мелких административных единиц существовал определенный управленческий штат. Особый статус (малых столиц) имели три важнейших города: Пхеньян (бывшая столица Когурё), Кёнджу (бывшая столица Силла) и Янджу (бывшая столица Пэкче), называвшиеся Согён, Тонгён и Намгён («северная», «восточная» и «южная» столицы). Для управления ими существовали специальные органы, а Согён, игравший совершенно особую роль в государстве, имел еще и административный аппарат, дублировавший столичный.

Армия Корё состояла из соединений, делившихся на отряды (*ён*). Отряды эти имели единую организацию и штаты и возглавлялись *чангунами*. Для общего руководства имелся коллегиальный орган — Чунбан, состоящий из командиров крупных соединений и их заместителей. Военных чиновников насчитывалось около 4 тысяч.

В общей сложности в Корё было около 10 тыс. чиновников. За службу они обеспечивались условными земельными наделами в соответствии с рангом. В 1076 г. было введено жалованье зерном.

Чиновничество (*янбаны*) составляло господствующий класс Корё. Никакой юридической грани между родственниками вана и остальным чиновничеством (как в Силла) не существовало, но имущественная дифференциация в среде господствующего класса была очень велика, достигая пропорции 1:100. Комплектовалось чиновничество из всех слоев общества, преимущественно путем производства в чины за заслуги и через сдачу экзаменов, восстановленных в 958 г. (в них могли участвовать и свободные крестьяне).

Как и в Объединенном Силла, главным объектом эксплуатации в Корё было свободное крестьянство (*янъины*), сидевшее на государственных наделах. Все крестьяне трудоспособного возраста были военнообязанными. Ниже их стояли *чхонины* («подлые»): ноби и люди презираемых профессий. Ремесленники были довольно немногочисленны и в основном относились к государственному сектору. Купечество было также немногочисленным и действовало в основном в сфере казенных интересов. Источником комплектования его были богатые крестьяне. Хотя занятие торговлей считалось презираемым и статус купцов был ниже, чем земледельцев, их благосостояние и жизненный уровень значительно превосходили соответствующие показатели крестьянства.

С утверждением государства Корё государственная собственность на землю была восстановлена, причем на более высоком уровне в смысле усиления условности держаний. Наделы *чонсиква*, выдаваемые за службу чиновникам, состояли в праве сбора в свою пользу государственного налога, полагавшегося с определенной территории, причем при изменении служебного положения заменялся и надел. На тех же основаниях выделялись земли для содержания государственных учреждений (*конхэджон*), пенсионные наделы для вдов и детей чиновников (*кубунджон*), для военных поселенцев (*тунджон*). Особо существовали земли самого вана (*нэджанджон*) и дворцовые (*кунвонджон*). Лицам, имевшим титулы знатности *кон, ху, пэк, нам* и *ча*, полагался *сигып* — надел от 3000 до 300 дворов, налоги с которых шли в их пользу.

Частные земли были представлены в первую очередь дарственными землями (*саджон*), переходившими в полную собственность их получателей (в основном родственников и приближенных ванов), а также наградными зем-

лями (*коньмджонси*). Частными были также земли, подаренные буддийским монастырям. Правители Корё стремились ограничить рост частного землевладения, и до тех пор, пока в государстве сохранялась внутренняя стабильность, им это удавалось. С ослаблением государства многократно увеличивались злоупотребления со стороны могущественных сановников, стремившихся навечно закрепить за собой служебные земли, и частный сектор обнаруживал тенденцию к росту.

Крестьянские земли назывались *минджон*. Они закреплялись за крестьянами, но оставались собственностью государства, которое оставляло за собой право менять наделы, отбирать и т.д. Государство стремилось уравнять размер наделов и не допускать захвата их чиновниками.

Основной формой эксплуатации крестьянства был поземельный налог. При Ван Гоне он был установлен в размере $^1/_{10}$ урожая, но уже в конце X в. повысился до четверти. Существовал и подворный налог, вносимый тканями или другими предметами (в зависимости от местных условий). Помимо налогов в Корё существовал ряд повинностей, основной из которых была трудовая, а кроме нее — воинская (каждого крестьянина, призванного на действительную службу, обеспечивали несколько других военнообязанных), извозная и др. Мобилизации в случае войны подлежали и чхонины (они служили гребцами на кораблях и использовались на тяжелых работах).

Арендная плата, которую платили крестьяне, арендующие земли у частных владельцев, превышала ставки поземельного налога и доходила до половины урожая. Довольно широко была распространена казенная ссуда, предоставлявшаяся на льготных условиях, для нужд которой государством был создан специальный зерновой фонд, образовавшийся из специальных отчислений от налоговых поступлений. Она была, как правило, 10%-ной, тогда как частные ростовщики брали до 30—60%.

Основными зерновыми культурами, возделывавшимися в период Корё, оставались рис, ячмень и просо. Из технических культур выращивались в основном лен и конопля. Профессиональное ремесло было в основном казенным и сосредоточивалось главным образом в столице, где существовал целый ряд государственных учреждений, ведавших изготовлением различных предметов, а также мастерские, обслуживающие нужды вана и двора, и в нескольких крупных городах. Предметы повседневного обихода для нужд народа производились непосредственно в крестьянских семьях (ткани, циновки, деревянные изделия, посуда и т.п.).

Внутренняя торговля строго регламентировалась государством, создавшим специальное ведомство по контролю над ней. Рынки имелись лишь в нескольких крупных городах и работали раз в пять дней. В столице Кэгёне было несколько сот лавок. Государство пользовалось правом по собственному усмотрению изменять цены. Роль денег играли зерно и ткани. Попытки ввести металлические деньги не увенчались успехом (они находились в обращении лишь некоторое время в конце XI — начале XII в.). Большим успехом пользовались серебряные бутыли, введенные в обращение в конце XI в.

Внешняя торговля шла в основном за счет купцов, сопровождающих прибывающие в Корё посольства. Таким образом, иностранные купцы посещали страну нечасто, но зато очень большими группами — до нескольких сот человек. С киданями и чжурчжэнями торговля велась в приграничной полосе, а с Японией — через г.Кымджу. Основным внешнеторговым партнером Корё был сунский Китай. Традиционный корёский импорт состоял из

драгоценных металлов, женьшеня, шелка, фарфора и бумаги; главным потребителем импорта был ванский двор. Из Китая ввозились также книги буддийского и конфуцианского содержания, художественные произведения.

В идеологической области доминировали конфуцианство и буддизм. Вся система образования и подготовки кадров чиновников всецело находилась под влиянием конфуцианства. Помимо высшей конфуцианской академии существовало некоторое число казенных и довольно много частных школ, созданных конфуцианцами по собственной инициативе.

Буддизм в период Корё достиг своего наивысшего расцвета. Буддийские монастыри получали земельные наделы на тех же основаниях, что и государственные учреждения, а высшие чины сангхи приравнивались в этом отношении к чиновникам. Буддийская церковь располагала огромными богатствами, пожертвованными ей ванами и частными лицами. В отличие от периода Силла в Корё монахи принимали активное участие в политической жизни, их вооруженные отряды участвовали в борьбе за власть. Со временем буддизм начал все больше подвергаться нападкам конфуцианцев, наиболее радикальные из них требовали не только лишить сангху материальной базы, но и полностью запретить буддийское учение.

Высокого уровня развития достигли в Корё гуманитарные науки. Имелось специальное ведомство по составлению исторических сочинений. Были созданы такие выдающиеся произведения, как «Самгук саги» («Исторические записи трех государств») Ким Бусика и «Самгук юса» («Забытые дела трех государств») Ирёна. Было издано ксилографическим способом более 6 тыс. томов Большого свода буддийских сутр («Тэджангён»); в XIII в. начал применяться металлический шрифт. Имелись достижения в медицине, астрономии и других науках.

Буддизм продолжал стимулировать развитие изобразительного искусства, особенно скульптуры. Для нужд двора и высших сановников производилось значительное количество высокохудожественных предметов роскоши. Особенно знаменит был корёский фарфор. Высокого уровня в период Корё достигла дворцовая и парковая архитектура.

Крупнейшим поэтом периода Корё был Ли Гюбо, оставивший около двух тысяч произведений (в том числе и прозаических). Известен и еще ряд поэтов, но из их сочинений мало что дошло до нашего времени. Широкое распространение имели фольклорные песни. В столице время от времени проводились массовые празднества, где исполнялись различные песни и танцы. В области музыки и хореографии наиболее значителен был вклад Чо Ёна, жившего в XI в. и создавшего немало оригинальных танцев.

ЯПОНИЯ В X—XIII вв.

В рассматриваемый период внешние условия благоприятствовали развитию страны, Китай и Корея не представляли угрозы в военном плане. Правители Японии также не стремились поддерживать с ними дипломатические отношения, сохраняли положение изоляции, которая, однако, была неполной, так как осуществлялась частная торговля.

В X—XIII вв. наблюдался дальнейший рост производительных сил. В сельском хозяйстве он проявлялся в повышении плодородия полей. Это объяснялось дальнейшим распространением железных орудий, увеличением искусственно орошаемых площадей. В хозяйствах богатых крестьян стал

использоваться рабочий скот, что не было характерно для предыдущего периода, а также органические удобрения. Это привело к увеличению урожайности, возросшей в XII–XIII вв. на 30–60% по сравнению с VIII–IX вв., в отдельных районах стали собирать по два урожая в год. Площадь обрабатываемой земли, по данным источников, увеличилась приблизительно с 860 тыс. тё в X в. до 920 тыс. тё в XII в. Рост пахотных площадей был, видимо, более значительным, так как имеющиеся данные не учитывают суходольных полей. Кроме зерновых выращивались овощи. Получили распространение технические культуры: лаковое дерево, шелковица, повсеместно начали разводить шелковичных червей. Еще в IX в. с материка был заимствован чай, в XII в. он распространился в нескольких провинциях. Преобладающим стало интенсивное земледелие, резко упало значение собирательства, охоты, рыболовства.

В X—XIII вв. произошла смена раннефеодального общества Японии развитым. Весь этот период характеризовался постепенным усилением военного сословия. Уже в первой половине X в. антиправительственные мятежи феодалов Тайра Масакадо (935—940) в восточных провинциях, где у этого дома были прочные позиции, и Фудзивара Сумитомо (939—941) на западе были первыми свидетельствами этого процесса, приведшего в XII в. к установлению особой военной власти, а до этого времени военные вожди оставались в подчиненном положении у столичной чиновной аристократии, но привлекались ею на службу. Ряд факторов вызывал появление военного сословия. Постепенное укрепление религиозных феодалов и усиление их противоречий со светскими феодалами, наличие многозвенной иерархической системы частной земельной собственности, отношения внутри которой уже нельзя было регулировать юридическими или религиозными средствами существующих государственных структур, привели к социальной неустойчивости в центре и на местах. Эти проблемы могла решать только вооруженная сила, профессиональная и использующая с X в. тяжелое вооружение и выводимых в восточных провинциях сильных лошадей. Что касается социального происхождения членов ранних воинских дружин, то если считалось, что среди них преобладали выходцы из богатых крестьян, то теперь популярен взгляд, что основу составляли специализировавшаяся в военном деле (борьба с айнами на востоке, пиратами и разбойниками и т.д.) средне- и низкоранговая аристократия, не занятые в земледелии охотники, рыбаки и т.д., хотя было достаточно выходцев и из крестьян. Становлению особого военного сословия способствовали и отмеченное выше усиление земледельческой направленности всей экономики, и распространение запрета убийства всего живого (при въезде в столицу воины совершали специальную церемонию очищения).

Первые самурайские дружины еще не имели условий для самостоятельного существования, они вступали в отношения зависимости к столичным феодалам, чиновникам провинциальных управлений.

Иерархия внутри самурайских дружин в X—XI вв. не опосредовалась земельными отношениями, носила отпечаток личных отношений. Поэтому крупные самурайские объединения легко распадались из-за взаимной вражды местных феодалов. В этом была причина неудачи мятежей Тайра Масакадо и Фудзивара Сумитомо, которые стремились установить свою территориальную власть, но не смогли сплотить вокруг себя самураев, и эти мятежи были подавлены другими самурайскими дружинами. Военное сословие смогло создать свою власть только в XII в., когда установилась ленная система.

Подъем военно-служилого сословия происходил на следующем социально-экономическом фоне. В начале X в. надельная система прекратила существование. Середину X—XI в. можно определить как второй этап развития вотчинной системы, когда ускорился рост числа сёэн и их размеров в результате пожертвований (коммендации) в пользу аристократии со стороны местных феодалов и крестьян или прямых захватов земли у крестьян. Начало процесса коммендации относится ко второй половине IX в., однако в масштабах страны он стал отчетливо виден в X в. и особенно в XI в. Коммендация владений местными феодалами имела целью защиту от вмешательства чиновников государственной администрации и освобождение от государственного налогообложения, многие вотчинники добились этого в XI в. Однако вотчинники не получили полных прав на землю и людей. Существовала разделенная феодальная собственность на землю и на людей как между феодалами, так и между феодалами и государством, когда крестьяне платили одновременно разным эксплуататорам.

С X в. формируется иерархическая лестница гражданских и военных феодальных собственников. Верхние ступени ее занимали члены императорской фамилии, высшая придворная знать, крупные монастыри и военные дома. За ними шла средняя военная знать, местные (или деревенские) феодалы.

Японское иерархическое феодальное землевладение X—XIII вв. характеризовалось тем, что гражданские и военные феодальные вассалы получали в качестве ленов не участки земли, а право на часть доходов с определенных территорий за выполнение каких-либо обязанностей. Само по себе такое явление не представляло чего-то необычного для феодального общества. Рентные фьефы нередки были во многих других странах Востока, а также в Европе. Подобные черты иерархического землевладения вызывались спецификой агрикультуры, когда существовали завершенные земельные комплексы с системой орошения, которые нельзя было произвольно делить. В Японии имелись вотчины, границы которых не менялись на протяжении всего средневековья. И только впоследствии, с XV в., когда провинциальные феодалы приобрели всеохватывающий контроль над значительными территориями, а столичные гражданские феодалы полностью лишились власти, вассальные отношения внутри класса феодалов стали опосредоваться предоставлением классических земельных ленов.

Другая особенность заключалась в том, что в рассматриваемый период существовали иерархические отношения собственности, но часто без обязательств военной службы, а лишь на условиях определенных налоговых обязательств.

Если до IX в. японское общество характеризовалось двойственной структурой, где сосуществовали заимствованные из Китая государственные институты, право, с одной стороны, и традиционные методы управления — с другой, то в X в. с разложением прежней родовой общины, введением непосредственного управления деревней чиновниками, формированием иерархической феодальной собственности, выделением религиозных и военных феодалов эта двойственная структура была разрушена, японское общество приобрело многослойный и многополюсный характер, характерный для средневековья. Или, говоря по-другому, после исчезновения внешней угрозы произошло слияние заимствованных и исконных элементов и в результате возникли структуры, отвечающие внутренним условиям японского общества.

Последние, характеризовавшиеся формированием частного крупного землевладения и могущественных феодальных домов, определяли и государственное устройство. Если ранее государство, по существу, являлось органом централизованного распределения среди господствующего класса собранных с крестьян налогов, то теперь произошла приватизация земель, доходов, должностей. Каждый феодал отстаивал прежде всего свои личные выгоды, между ними шла постоянная борьба за долю дохода. Государство и императорский двор принимают форму конгломерата отстаивающих частные интересы сил, происходят столкновения между двором и отдельными чиновниками-феодалами. Однако приватизация шла в рамках существующей организационной и правовой структуры, и борьба велась за долю выплат и жалований из государственного бюджета; это не были взаимоотношения независимых территориальных феодалов, которые полностью бы игнорировали государственные интересы. Для урегулирования интересов различных сил возникает единый сословный порядок, унифицирующий иерархические структуры буддистских и синтоистских институтов, в среде придворной аристократии и военных феодалов, в местном обществе, ликвидируется прежнее сосуществование государственных рангов и родовых титулов. Вершиной этого порядка становится император, только он мог освятить этот порядок, считаясь единственным субъектом, имеющим чудесную способность издания законов; его институциональное положение укрепляется, хотя реальное влияние уменьшается. Сам он вскоре становится марионеткой высших должностных лиц из дома Фудзивара, что дает основания современным японским ученым определять период конца IX — первой половины XI в. как «время правления регентов и канцлеров». Подобное положение сложилось потому, что император освящал сложившиеся законы и институты и не мог урегулировать противоборствующие частные интересы, это могли сделать только реально осуществлявшие администрирование бюрократы, например род Фудзивара, монополизировавший основные посты в государственном аппарате, в частности главы личной канцелярии императора. Этот род использовал матримониальные связи с императорской фамилией, так как жены императоров традиционно выбирались из этого рода. В целом японское государство X—XI вв. настолько отличалось от предыдущего — «правового государства» (*рицурё кокка*) VIII—IX вв., — что современные японские ученые используют для него особый термин — «императорское государство» (*отё кокка*), беря в качестве отличия усиление самостоятельности губернаторов в методах управления провинциями и замену надельной системы арендной.

Расцвет правления Фудзивара приходится на вторую половину X — начало XI в., при представителях этого дома Митинага и Ёримити. Однако уже восстание 1028—1031 гг. в восточных провинциях губернатора Тайра Тадацунэ, пытавшегося добиться территориальной независимости, символизировало начавшийся упадок центральной власти. Посланные двором военачальники не смогли подавить восстание, это удалось только приближенному ко двору военному феодалу Минамото Ёринобу. После этих событий дом Минамото стал укрепляться в этом регионе. Почти за столетие после предыдущих крупных мятежей воины стали уже занимать достаточно высокое социальное положение в столице, а также начали частным образом, как Минамото на востоке, организовывать значительные дружины в провинции. Об этом явлении говорит и тот факт, что сын Ёринобу, Ёриёси, спровоцировал восстание покоренных ранее айнов на северо-востоке, так называемую 9-летнюю войну (1053–1064), с целью превращения провинци-

альных воинов в своих вассалов. Так шло усиление военных вождей и всего военного сословия.

В это же время значительную самостоятельность начинают приобретать и буддистские храмы. Это проявлялось в начавшихся с 1030-х годов многолетних конфликтах между храмами, часто в виде вооруженных столкновений, в петициях императорскому двору, поддерживаемых массовыми шествиями вооруженных монахов, в борьбе храмов с губернаторами провинций.

Причины ослабления власти Фудзивара заключались в тех же факторах, которые в свое время помогли им прийти к власти. Они опирались на структуры, которые стремились выйти за пределы существующих государственно-юридических рамок. Когда этот процесс принял широкие масштабы, в частности в виде роста частного землевладения (*сёэн*), влияние правителей, опиравшихся на государственную структуру и государственные земли (у Фудзивара даже в X в. половину финансовой базы составляли ранговые и должностные земли, выплаты из казны), стало падать. Они пытались бороться с неконтролируемым ростом сёэн, указы об упорядочении вотчин издавались в 1040, 1045, 1055, 1065 гг., но без значительного эффекта, ибо реальной силы для претворения их в жизнь уже не было.

Время правления Фудзивара оставило заметный след в истории культуры. К началу X в. происходит дальнейшее ослабление китайского влияния в духовной области. Из Китая, как и раньше, заимствуются культурные формы, но в них вкладывается иное, чем в Китае, содержание. Поэтические сочинения и проза пишутся теперь на японском языке. В живописи китайские сюжеты сменяются японскими (картины стиля ямато-э). Приобретает популярность японский архитектурный стиль синдэндзукури. С X в. ослабевает значение китайских образцов при составлении официальных хроник, их написание становится частным делом отдельных аристократов. Из прежде существовавших параллельно китайской и местной культур в X—XI вв. возникает их синтез — национальная культура Японии, характеризуемая утонченностью, склонностью к самоанализу.

Одновременно происходит усиление аристократического характера культуры, связанное, в частности, с эволюцией буддизма, отделявшей его от государства. С X в. появились популярные буддистские учения, не связанные с государством, основным постулатом которых была вера в приход будды и спасение в раю. Буддизм стал говорить о спасении индивидуума, утверждалось, что каждый может стать буддой. Эти идеи были приняты аристократией, столкнувшейся с кризисом власти своего сословия, в ее среде большую популярность получили представления о грядущем конце света, но одновременно она окружила себя роскошными культовыми сооружениями и предметами, которые служили удовлетворению скорее эстетического, чем религиозного чувства. Буддизм сближается с синтоистскими верованиями, появляется теория, утверждающая, что синтоистские божества суть воплощения будд.

Происходит разграничение светской и религиозной литературы, выделяются различные жанры внутри отдельных видов искусства. В 905 г. по императорскому указу составляется первый сборник стихов, написанных японской азбукой, «Кокин вакасю». Зарождается жанр повествовательного романа, вершиной которого явилось «Сказание о Гэндзи» («Гэндзи моногатари») XI в. В XI в. создается целый ряд произведений, прославляющих дом Фудзивара. Появляются сборники эссе, наиболее известный — «Записки у изголовья» («Макура-но соси») Сэй Сёнагон, дневники — например,

«Дневник путешествия в Тоса» («Тосаникки») Ки-но Цураюки. Эта литература изображает только узкий мир хэйанского двора и придворной аристократии. Однако с X в. появляются произведения, где показывается жизнь периферийных феодалов, богатых крестьян, зависимых людей, например сборник около 1000 легенд Индии, Китая и Японии «Сборник рассказов о настоящем и прошлом» («Кондзяку моногатарисю»). В изобразительном искусстве появляются простонародные мотивы, с XI в. среди аристократов становятся популярными народные песни (*имаё*), музыка и танцы (*дэнгаку*).

Значительные изменения претерпела японская деревня. Уже в X—XI вв. в результате усиления интенсификации земледелия, освоения целины не только отдельные богатые крестьяне, но и значительное число крестьян-середняков могли вести самостоятельное хозяйство силами членов семьи и нескольких зависимых, накапливая сельскохозяйственные орудия и зерно, претендуя на право реальной собственности в отношении своих усадеб и части земли. Для поддержания существования таких хозяйств с XI в. активно стали проводиться совместные посевные и уборочные работы, строительство оросительных систем и т.д. Так формировалась средневековая сельская община. От предыдущей общины раннего средневековья, когда она являлась хозяйственным организатором и субъектом собственности, новая община отличалась тем, что повседневные работы велись отдельными хозяйствами, которые являлись субъектами собственности на землю и имущество, а община носила дополняющий характер. Если в VIII—IX вв. создание самостоятельных хозяйств крестьянами не носило массового характера, немногие разбогатевшие крестьяне становились местными землевладельцами-феодалами, подчиняя окрестных крестьян, то теперь, когда приобретение самостоятельности удавалось значительной части крестьян, они объединялись в новую общину в своих собственных интересах. Бóльшая же часть крестьян оставалась арендаторами земель у феодалов или этой верхней прослойки крестьян. Поскольку основу хозяйств верхушки составляли освоенные участки целины, то наблюдалась сильная чересполосица община не имела компактного, замкнутого характера. В этом община XI—XII вв. отличалась уже от более поздней общины XIV в.

Возникновение новой деревни, появление соседской общины нанесло удар по прежней системе землепользования, когда провинциальные управления и владельцы вотчин создавали земельные налоговые комплексы *мё*, *мёдэн* (зачастую состоявшие из разбросанных в разных местах участков), ответственность за уплату налога с которых несли местные феодалы или богатые крестьяне *мёсю*, получавшие эти комплексы в краткосрочную аренду. Теперь объединившиеся крестьяне, используя чересполосицу и вступая под защиту отдельных светских или религиозных феодалов, сопротивлялись уплате налогов провинциальным чиновникам. Поэтому с середины XI по XII в. провинциальные управления, да и владельцы вотчин стали стремиться к превращению своих владений в более легко контролируемые компактные земельные комплексы. Одновременно шло быстрое увеличение масштабов вотчин, в которые с государственных земель уходили крестьяне, недовольные как произвольным налогообложением, так и неустойчивостью своих держаний, которые могли быть отобраны меняющимися через четыре года губернаторами. В результате и в вотчинах, и на государственных землях аренда мёсю стала наследственной.

Если до X в. сёэн охватывали 10—20% земли, то с середины XII в. — около половины. Причина того, что государственные земли не

исчезли, заключается в том, что они целыми провинциями жаловались в пользование знати и храмам, являлись близкой к вотчинам формой собственности. Государственные земли (*корё*) параллельно с широким распространением сёэн в результате коммендации с XI в. стали иметь одинаковую структуру с вотчинами, в них центральное правительство играло роль патронов, губернаторы — владельцев сёэн, а провинциальные чиновники — чиновников сёэн. Таким образом, с середины XI в. государство базировалось на иерархическом крупном землевладении.

В результате изменения к X в. облика деревни: укрепления крестьянских хозяйств, большей оседлости сельского населения, формирования новой, компактной территориальной деревни — с XI в. возникает новый слой деревенских феодалов, известный как *дзайти рёсю* («местные землевладельцы»). Он формировался из прежних «владельцев частных земель», осевших в провинции низкоранговых аристократов, деревенской верхушки и имел уже средневековый характер, поскольку в их хозяйствах преобладала не отработочная, а продуктовая рента. Для укрепления господства над крестьянами они использовали свое положение должностных лиц в местной администрации и в частных вотчинах, что одновременно оставляло их под контролем провинциальных управлений и владельцев вотчин. Их усиление происходило в острой борьбе с владельцами вотчин, которые могли лишать их должностей в вотчинной администрации, и с верхушкой объединяющейся в общины деревни, поэтому дзайти рёсю все более полагались на военную силу в осуществлении своего господства над крестьянами и превращались в воинов, особенно в середине XII в. Если ранее вооруженные дружины включали в себя ограниченное число воинов-профессионалов, то теперь все местные феодалы становились воинами, что давало им возможность наиболее полной эксплуатации крестьян.

В рассматриваемый период продолжалась наметившаяся тенденция перерастания пассивных форм борьбы народных масс в активные. Они все чаще прибегали к вооруженным выступлениям против эксплуатации со стороны получивших большие права губернаторов. Если в X в. крестьяне выступали против беззакония губернаторов под руководством уездных начальников (бывших общинных вождей), то в XI в. крестьянство после полного подчинения уездных управлений губернаторам уже самостоятельно подавало петиции правительству на губернаторов, протестовало против произвольного повышения налогов, стремилось сделать свои арендные держания наследственными. В X—XI вв. происходили нападения крестьян на чиновников губернских управлений и сами эти управления, вооруженные столкновения крестьян с вотчинными чиновниками. Крестьяне участвовали в направленных против власти мятежах феодалов.

В середине XI в. вновь произошло усиление автократического правления императорской фамилии. Интересной особенностью этого периода был рост влияния в светских государственных делах экс-императоров, принимавших монашество. Видимо, они были более свободны в своих действиях, чем окруженные различными табу императоры; например, они формировали свои дружины воинов. Их социальной опорой стали: средне- и низкоранговая столичная знать, недовольная монополией Фудзивара на высшие государственные должности, выступающие против бесконтрольного роста сёэн провинциальные губернаторы. Об усилении императорской власти говорит и тот факт, что эти годы характеризовались сбором в пользу императорского двора временных унифицированных налогов с государственных и частных земель для ремонта и строительства императорских дворцов и храмов, вве-

дением единых мер веса и цен (1072 г.). Император Госандзё в 1069 г. издал указ о ликвидации сёэн, возникших после 1045 г. Отличие указа от предыдущих заключалось в том, что если ранее их осуществление поручалось провинциальным губернаторам, то теперь был создан специальный центральный орган по проверке действительности документов сёэн, т.е. впервые указ сопровождался реальными мерами; например, у храма Ивасимидзу Хатимангу было конфисковано 13 из 34 сёэн. Следующий император, Сиракава, стремился приостановить тенденцию к обособлению храмов и воинов, пытался поставить их под свой контроль. Для этого он в 1086 г. отрекся от престола, но сохранил власть и в 1096 г. принял монашество, посещал храмы, жаловал придворные ранги монахам; что касается воинов, то он не признал «3-летнюю войну» (1083–1087), которую вел видный феодал Минамото Есииэ против других феодалов на севере страны, как войну, ведущуюся от имени государственной власти и заслуживающую награды, хотя в 1081 г. только с его помощью смог прекратить сражения между монахами храмов Энрякудзи и Ондзёдзи. В 1091 г. он запретил вход дружин Минамото Ёсииэ в Киото и воспрепятствовал дальнейшему росту земельных владений последнего.

Сиракава в конце XI — начале XII в. не противопоставлял себя императорскому двору и пытался противостоять растущей феодальной вольнице, но контролировать воинов мог, только используя противоречия в их среде, например между родами Тайра и Минамото. Не мог он подчинить и влиятельные буддистские монастыри, о чем говорят приписываемые ему слова: «Мне не подчиняются только воды реки Камогава, игральные кости и монахи с горы Хиэйдзан». Сиракава неоднократно издавал указы об упорядочении сёэн, боролся с Фудзивара.

После смерти Сиракава в 1129 г. ставший экс-императором-монахом Тоба отказался от политики своего предшественника. Во-первых, отказался от борьбы с Фудзивара; во-вторых, стал активно признавать новые сёэн. Последнее было вызвано стремлением сосредоточить как можно больше земель в своих руках, что и удалось. Экс-император стал крупнейшим землевладельцем, контролируя 500–600 сёэн (дом Фудзивара имел их около четырех сотен). Однако такая политика привела к невиданному ранее бурному росту частных вотчин, именно в это время они составили половину обрабатываемых площадей. Это укрепило независимую экономическую базу феодальных домов, открыло путь к дальнейшей децентрализации власти. Особенно преуспел в собирании земельных владений дом Тайра, установивший тесные связи с экс-императорами-монахами, а влияние Минамото с начала XII в. падало. Кстати, со второй половины XI—XII в. основной социальной единицей господствующего класса стал «дом», в котором важную роль играли не кровные связи, как в предыдущей патронимии *удзи*, а брачные и имущественные. Дома базировались на частной собственности на землю и имущество, их наследовали по мужской линии, усилилась роль распоряжающегося имуществом главы семьи. Однако в семьях местных феодалов и крестьян наследование по мужской линии еще не укрепилось.

Тайра во главе с Киёмори сыграли решающую роль в междоусобной борьбе за власть в столице после смерти Тоба — в так называемых смуте годов Хогэн (1156 г.) и смуте годов Хэйдзи (1159 г.), после которых усилилось их влияние при дворе, Фудзивара отошли на второй план. Причина междоусобиц заключалась в следующем. Существование экс-императоров с собственной системой управления вызвало раскол и борьбу за власть при дворе, в которую были вовлечены все: императоры, экс-императоры, ари-

стократы и решающая сила — воины. В результате среди проигравших оказались и основные враги Тайра — Минамото. Тайра не стали создавать новой государственной структуры, они монополизировали основные государственные посты, что вместе с попытками издавать регулирующие различные стороны жизни законы (1178–1179) восстановило против них придворную аристократию, сделав начало войны против Тайра только вопросом времени. Экономическая база Тайра мало отличалась от предыдущих форм, существовавших при Фудзивара и экс-императорах, в момент наивысшего влияния ее составляли около 500 сёэн и 30 жалованных провинций. Значительные богатства Тайра приобрели благодаря поощряемой ими торговле с Китаем, которая оказала влияние на экономику и культуру вследствие ввоза монет и книг.

Война против Тайра началась в 1180 г. под руководством Минамото Ёритомо и в 1185 г. завершилась победой последнего в решающей битве при Данноура. В ходе войны на востоке страны в селении Камакура, впоследствии выросшем в город, было создано военное правительство *бакуфу*, состоявшее из Самурайского ведомства (*самурайдокоро*, 1180 г.), Административного ведомства (*кумондзё*, позднее — *мандокоро*, 1184 г.), Судебного ведомства (*монтюдзё*, 1184 г.).

Феодальный дом Минамото пошел значительно дальше по пути создания самостоятельной по отношению к императорскому двору публичной власти. В качестве столицы был избран г.Камакура. Минамото Ёритомо принял особый титул *сёгун* (1192 г.), т.е. «военный предводитель», создал собственный аппарат управления и контроля: назначил администраторов (*дзито*) в вотчины сёэн и государственные земли и военных губернаторов (*сюго*) — в провинции. Эта военно-административная система была официально признана императорским двором лишь в 1185 г. Дзито обязаны были обеспечивать поступление ренты для владельцев вотчин и губернаторов, вести обмер земель, распределять среди крестьян освободившиеся поля, осуществлять судебные и полицейские функции. Дзито владели усадьбами и положенными им за исполнение своих функций полями, налог с которых полностью шел в их распоряжение. Они облагали все земли вотчин налогами в размере $^1/_{10}$ урожая. Сюго должны были преследовать мятежников и преступников в пределах назначенных им провинций, мобилизовать вассалов на службу сёгуну, в том числе и дзито, но не имели функций непосредственного господства над крестьянами и земельными владениями.

Власть военного правительства *бакуфу* ограничивалась только военно-полицейскими функциями, не охватывала всей территории, в стране существовало большое количество мелких и средних феодалов, вотчинных чиновников, которые не являлись вассалами сёгуна или объединившихся вокруг него феодалов, подчинялись киотоским феодалам, экс-императорам и т.д., особенно в западной части страны, где находилась императорская столица. Например, были провинции, где вассалов сёгуна насчитывалось всего десяток. В первые годы существования бакуфу часто возникали мятежи могущественных вассалов, нередки были случаи, когда под давлением императорского двора военное правительство отзывало дзито, которые превышали свои полномочия. Однако остановить покушения своих воинов на вотчины аристократов оно не могло. Само военное правительство в первые десятилетия XIII в. постепенно выходило за рамки военно-полицейских функций: начало составлять земельные реестры, собирать свои собственные налоги.

Первые сёгуны проводили автократическую политику. Их окружали низкоранговые аристократы из Киото, а являвшиеся движущей силой со-

здания бакуфу вассалы — самураи с востока — к власти не были допущены.

После смерти первого сёгуна Минамото Ёримото и его преемников Ёрииэ и Санэтомо власть захватил дом его родственников Ходзё, которые стали править с титулом *сиккэн* («правитель»). При формально сохранившихся сёгунах, так же как при регентах и канцлерах Фудзивара, продолжали существовать императоры. При сиккэнах хотя и были противоречия с местными феодалами, диктатура правителя уже не была так ярко выражена, появилось подобие совещательного органа из высших вассалов. Вассалы (*гокэнин*), являвшиеся опорой режима, были наследственными, несли охранную и военную службу, регулярных налогов не платили, предоставляли разовые суммы на строительство храмов и дворцов, а также на ремонт дорог. Службы исполнялись в соответствии с размерами владений, поэтому, чтобы стать вассалом, обязательно требовалось иметь наследственные земли. Воины назначались на должность дзито не только во вновь жалуемых владениях, но и в контролировавшихся ими ранее. Все виды земельных владений самураев стали иметь условный унифицированный характер, приобрели особенности средневекового феода. Экономическую базу бакуфу составляли родовые земли дома Минамото, пожалованные ему провинции на востоке, конфискованные у Тайра вотчины. В этом отношении бакуфу не отличалось от власти Тайра и предшествующего императорского правления. Военная власть не ликвидировала императорский двор и киотоское правительство потому, что имела ту же экономическую базу в виде сёэн, без авторитета императорской власти не могла управлять всей страной. Значительно укрепилась военная власть после попытки императорского двора ликвидировать ее в 1221 г., когда 200-тысячная армия под руководством сиккэна Ходзё Ёситоки разгромила верные двору отряды. Были конфискованы принадлежавшие сторонникам двора около 3000 сёэн (эта цифра тогдашних источников преувеличена) и в них назначены дзито.

Важным этапом в становлении военно-феодальной власти явилось введение в 1232 г. юридического кодекса «Дзёэй сикимоку» («Госэйбай сикимоку»).

В нем указывались обязанности сюго и дзито, излагалось требование уважения верховной власти, соблюдения прав и интересов религиозных институтов и владельцев вотчин, однако он не вмешивался в эксплуатацию крестьян отдельными феодалами и «домашние» законы вассалов, в основном регулировал конфликты между вассалами. Так как многие аристократы стали обращаться к бакуфу по поводу земельных споров, кодекс вскоре приобрел характер национального законодательства, правда регулирующего только вопросы, связанные с самураями. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что при Минамото Ёритомо (1192–1199) конфликты между владельцами сёэн и дзито решал суд при императорском дворе, а уже при сиккэне Ходзё Ясутоки (1224–1242) все споры, где оказывались вовлеченными вассалы сёгуна или бакуфу, решало последнее. В середине столетия сиккэн Ходзё Токиёри занчительно укрепил личную власть и одновременно проводил политику защиты вассалов, совершенствовал судебную систему.

X–XIII века характеризовались в Японии относительно высоким уровнем общественного разделения труда, показателем чего явилось отделение ремесла от земледелия, возникновение феодальных городов либо преобразование на феодальных началах раннефеодальных или древних. Ослабляются функции города как административно-политического центра, возникает корпоративная собственность мелких самостоятельных производителей.

В Японии X–XIII века явились временем перехода от зависимых форм ремесла к более свободным. Если на этапе раннего средневековья ремесленники были подчинены государственным мастерским, а затем разделены между императорским двором, государственными учреждениями, аристократическими домами и храмами, то в X–XI вв. мелкие производители в городе, например в Киото, приобретают значительную самостоятельность. Ремесленники уже имели свои собственные мастерские, орудия труда, в некоторой степени занимались товарным производством на рынок в отличие от предыдущего периода, когда они работали только на хозяина, преимущественно государство.

Характерным признаком приобретения ремеслом средневекового характера явилась организация с конца XI–XII в. ремесленных цехов (*дза*). Они делились на служебные, создававшиеся для выполнения определенных служб в пользу феодалов и государственных учреждений, и производственные, целью которых были прежде всего получение привилегий и защита соответствующего ремесла и ремесленника. Со временем служебные дза сменились производственными или соответственно расширили свои функции.

Ранние цехи XII–XIII вв. были слабы, строились часто не на территориальной или производственной, а на религиозной основе, свои цеховые функции в большинстве случаев они могли выполнять, только вступая под покровительство могущественных феодальных патронов.

Киото и Нара X–XIII вв. хотя и исполняли городские торгово-ремесленные функции, находились под полным контролем феодалов, ремесленные корпорации не участвовали в городском управлении. Киото как крупнейший город страны этого периода не имел особого органа городской администрации, группы жителей или отдельные кварталы включались в сферу влияния отдельных феодальных домов. Это препятствовало формированию городской общины. Однако в X–XIII вв. уже шел процесс образования торговых и ремесленных кварталов, которые в будущем стали административными единицами города.

Камакура как центр военно-служилого сословия обладал некоторыми отличиями от Киото: наличием созданного военным правительством специального органа городского управления, более жестким контролем со стороны бакуфу, проявлявшимся в произвольном переселении горожан и переносе храмов внутри городской территории и т.д. Оба города имели и много общего: являлись центрами политической власти, местом потребления ренты и обращения товаров. Эти города сохраняли лидирующее положение и по техническому уровню ремесла. В XIII в. население Камакура превышало 100 тыс. человек, по количеству жителей он ненамного уступал Киото.

К концу рассматриваемого периода идет активный процесс зарождения провинциальных мелких феодальных городов. По происхождению их можно разделить на несколько категорий. Например, города, возникавшие в месте нахождения провинциальных управлений. Население таких городов было невелико. В их окрестностях и в самих городах располагалось много полей, которые обрабатывали зависимые от феодалов и местных чиновников крестьяне. В первой половине XIII в. эти города в пределы своей территории включали земли, предоставляемые ремесленникам, окрестные рынки, портовые сооружения. Эти города находились под сильным контролем чиновников провинциальных управлений.

Города возникают и из поселков перед храмами, поскольку массовый приток паломников являлся благоприятным условием для поселения ремесленников, а в храмах скапливалось большое количество получаемых в виде

ренты с крестьян продуктов. В города начинают превращаться ставки военных губернаторов, которые обычно устраивались отдельно от провинциальных управлений, но городские функции у ставок были выражены слабее. Сильная зависимость городов от феодалов (налогообложение, роль феодалов в поддержании порядка и даже организации производства) препятствовала установлению прямых связей между провинциальными городами, отсутствовали свободные города и их союзы. Этому этапу развития городского ремесла и городов соответствовала неразделенность ремесла и земледелия в деревне, где сельские ремесленники получали от владельцев вотчин или местных феодалов участки земли для поддержания своего существования, поскольку рынок был узок и заказов не хватало. Такая практика просуществовала до конца XIII в. Эти ремесленники совсем не обязательно становились профессиональными. Многие из них в конце концов специализировались на земледелии.

Что касается торговли, то в IX–X вв. она в основном велась доставляемыми китайскими и корейскими купцами предметами роскоши и экзотическими товарами, получаемыми у айнов, покупателями являлись двор, аристократия и храмы, а сделки осуществляли чиновники, но в середине XI–XIII в. произошли значительные изменения. Началась широкая торговля товарами повседневного спроса, которой стали заниматься уже не чиновники, а купцы, выходцы в первую очередь из ремесленников и других профессиональных групп. Заморские купцы также стали привозить не только благовония, драгоценности, высококачественные ткани, но и в больших количествах керамическую и фарфоровую посуду, книги, медные монеты (изготовление последних в Японии было прекращено в середине X в.). Вывоз монет наносил такой ущерб экономике империи Сун, что в 1155 и 1199 гг. издавались указы о запрете их вывоза в Японию и Корё. Ремесленники отправлялись в Китай для изучения производства. Например, в 1223 г. Като Кагэмаса привез из сунского Китая технологию производства фарфора и наладил его изготовление в Японии. С середины XI в. и японские торговцы стали активно вывозить товары на континент, в основном зерно, серу, мечи, рис, причем в таких масштабах, что императорское правительство в 1247 г. запретило вывоз риса из Западной Японии, а бакуфу в 1254 г. ограничило заход в японские порты сунских кораблей (пять кораблей в год).

Однако императорский двор Японии в X–XII вв. не только пассивно относился к развитию внешних торговых связей, но и временами запрещал выезд за границу. Некоторые усилия к расширению внешней торговли предприняли Тайра, но Камакура бакуфу не поддерживало ни дипломатических, ни торговых связей. Хотя сунские правители и хотели, чтобы японцы уплачивали им дань, но активно не настаивали, послания с такими требованиями отправлялись не с официальными миссиями, а с частными торговцами, на эти послания японцы часто вообще не отвечали. Государство Корё также было занято своими внутренними проблемами.

Внешняя торговля ускоряла развитие внутренней. В XII в. редко, а в XIII в. уже чаще начинают появляться вотчинные рынки, поскольку с XI–XII вв. увеличивается доля остающегося у местных феодалов и богатых крестьян прибавочного сельскохозяйственного и ремесленного продукта. Все они выходят на вотчинные рынки, создаваемые местными феодалами около своих усадеб. За контроль над этими рынками шла упорная борьба между владельцами вотчин и местными феодалами. Появление избыточного продукта в крестьянском хозяйстве, увеличение объема получаемой феодалами

ренты, развитие ремесла стимулировали рост торговли. С XIII в. городские купцы стали облагаться налогом.

Наличие местных рынков делало возможным коммутацию ренты. Владельцы сёэн все более начинают зависеть от периферийных рынков, поскольку должностные лица их вотчин закупали на этих рынках те продукты и изделия, которые не могли получить в своих вотчинах, а продавая продукцию вотчин, получали необходимые деньги. Столичный рынок был еще слишком узок, чтобы на нем можно было реализовать натуральную ренту, а денежные доходы в виде налогов на рынки и ремесленные цехи, таможенных сборов не удовлетворяли финансовых потребностей феодалов. Появляются оптовые торговцы (*тоимару*), специализировавшиеся на хранении и отправке в столицу собранных в счет налогов продуктов. Со второй половины XII в. активно действуют ростовщики, с конца XII в. появляются денежные векселя.

В первой половине XIII в. некоторые категории крестьян стремились деньгами уплачивать налоги. Кодекс «Дзёэй сикимоку» запрещал вассалам бакуфу продавать наследственные и пожалованные владения, что свидетельствовало о наличии такой практики. Активно совершали земельные сделки монастыри. На рубеже XII–XIII вв. 60% сделок по поводу земли оплачивались рисом, в середине XIII в. — уже 70% деньгами, а в конце XIII — первой трети XIV в. — 85% деньгами. Это свидетельствовало о том, что XIII век явился важным этапом в развитии денежного обращения. Оно распространилось по всей стране и на все социальные слои, что разрушало сложившийся порядок в деревне и ускоряло расслоение земледельцев, вызывало обнищание самураев — вассалов бакуфу, а это, в свою очередь, подрывало социальную базу сёгуната.

Развитием в XI–XII вв. экономических связей столицы и окраин, расширением торговли между центром и провинциями, что вызывало передвижение значительных масс людей, обусловливались распространение столичной культуры на периферию и проникновение простонародной культуры в столицу.

В XII–XIII вв. в Японии отмечается оформление популярных буддистских верований в виде необуддистских сект, проповедующих возможность спасения каждого человека, возрождения в раю после смерти, без отрешения от мирской жизни и без сложных обрядов. Основанная Хонэном секта Дзёдо-сю требовала обращения к Будде, основатель секты Нитирэн-сю, Нитирэн, призывал к поклонению Сутре Лотоса. Слепая вера в милосердие Будды удачно подходила для распространения культа верности сюзерену. Активизация буддизма определялась чувством пессимизма, охватившим общество в результате социальных катаклизмов.

Одновременно в Японию проникло учение дзэн, согласно которому сущность буддизма можно понять интуитивным самосозерцанием, приводящим к просветлению. Это учение проповедовалось несколькими сектами и было популярно среди воинского сословия. В 1252 г. в Камакура была сооружена вторая по величине статуя Будды высотой свыше 11 м.

Из-за упора необуддизма на веру, а не на ее внешние проявления он не оказал особого влияния на пространственные искусства, но в живописи вызвал усиление реалистического характера, это был период расцвета картинных свитков *эмакимоно* и время появления портретной живописи.

Если XI век являлся временем расцвета аристократической литературы, то литература XII в. отражала вкусы самураев. Составленные в первой половине XIII в. кодекс «Дзёэй сикимоку» и официальная хроника прихода

самураев к власти «Адзума кагами» («Зерцало Востока») проникнуты историческим оптимизмом сословия, находящегося на подъеме. Сами самураи еще не создавали литературных произведений, но знакомились с достижениями китайской и национальной культуры; например, сиккэн Ходзё Санэтоки создал в г.Канадзава, недалеко от Камакура, знаменитую библиотеку.

В области литературы важным элементом стали военные повести *гунки* («записки о войнах»). Самая знаменитая из них — «Повесть о доме Тайра», пронизанная буддистскими идеями упадка буддистского и императорского закона; эпиграф к ней: «Голос колокола в обители Гион звучит непрочностью всех человеческих деяний» — стал знаменитым в качестве наиболее известного выражения превалирующего чувства эпохи. Гунки писались для воинов, были наполнены самурайской моралью, отражали неписаный кодекс поведения самураев — *бусидо*. Из синто бусидо заимствовал идеи патриотизма и любви к государю, из буддизма дзэн — идею самоконтроля и медитации как средство выработки у самурая мужества, из конфуцианства — требования верности долгу, послушания господину. Главной в бусидо была идея верности господину.

Современники чувствовали наступление новой эпохи. Монах Дзиэн (выходец из дома Фудзивара) в «Записках глупца» (1219 г.) в своей пятичленной периодизации истории страны рассматривал два последних периода как «мир воинов».

Это была первая работа, которая не ограничивалась пересказыванием мифов или описанием исторических фактов, автор попытался с исторической точки зрения объяснить появление военного сословия и дать представление о законах развития истории, которые в конечном счете сводились у него к буддистским постулатам.

В целом японская культура этого периода носила многослойный характер, когда взаимодействовали ее аристократический, самурайский и народный элемены, что отражало переходный характер самого периода. Ее носители осознали свою культуру как независимую национальную, она распространялась и в социальном, и в территориальном плане, стала формироваться культурная общность японского народа.

ВЬЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В X–XIII вв.

Ослабление империи Тан и уход в 880 г. китайских войск из страны вьетов стали важным фактором укрепления независимого вьетского государства.

В 905 г. к власти пришла группа лидеров, провозгласившая монархом (*вуа*) богатого сановника Кхук Тхуа За. Средневековая вьетнамская историография не признавала его династию как официальную в связи с тем, что Кхук Тхуа За был задним числом утвержден китайским императором в должности губернатора. При Кхук Тхуа За и его преемниках в 908-917 гг. была проведена реформа системы налогообложения и повинностей, видимо ликвидировавшая остатки китайской организации налогообложения в деревне; произведена смена бюрократического аппарата. Самой крупной единицей в стране были провинции, затем уезды, в свою очередь делившиеся на общины.

Вплоть до 939 г. продолжались столкновения вьетских войск с силами ряда небольших южнокитайских государств, возникших на развалинах

империи Тан. В этом году на р.Батьданг была одержана решающая победа над флотом одного из таких государств, где правила династия Южных Хань. Победитель Нго Кюйен основал новую вьетскую династию и перенес столицу из Латханя в древний город Колоа, который был столицей государства еще в III в. до н.э. Созданный им административный аппарат состоял из вьетских чиновников, при дворе большое внимание уделялось восстановлению древних вьетских традиций.

В государстве доминировали крупные вьетские землевладельцы, представлявшие верхушку господствующего класса. Под их административным и экономическим контролем находились и общины свободных крестьян (*зан*), и поселения зависимого населения.

К середине X в. главы 12 крупнейших аристократических родов превратились в политически независимых правителей отдельных частей страны (*сы-куанов*) или их вассалов разного уровня. Имущество этих последних могли составлять уже не общины, а подаренные им сюзереном рисовые поля. Под властью отдельного сы-куана могло находиться до нескольких десятков общин (несколько современных уездов), могло быть и меньше. Власть эта была наследственной, все они имели большое число зависимых. Во главе своих дружин они вели войны между собой, с монархом, со свободными общинниками отдельных деревень; против внешних врагов они обычно выступали вместе с династией, но в своих владениях обладали всей полнотой власти.

В первой половине X в. сы-куаны боролись против централизации, и им удалось не дать центральной власти укрепиться. 965 годом датируется падение династии Нго, за которой последовала «эпоха 12-ти сы-куанов», разделивших страну на независимые владения. Феодальная раздробленность страны стала следствием могущества земельной аристократии, усилившейся вопреки стремлению вуа осуществлять на практике принцип государственной собственности на землю.

Но внутренние войны разоряли крестьянское хозяйство и вызывали волнения в деревне. Кроме того, сохранялась опасность военного вторжения с севера. В этих условиях видный военачальник Динь Бо Линь начал борьбу за объединение страны. Многочисленные победы Динь Бо Линя сделали его фактическим властителем страны, и в 968 г. он был провозглашен императором — *хоанг де*. Страна была названа Дайковьет.

Новый правитель провел ряд важных реформ, направленных на централизацию государства. При Динь Бо Лине было введено новое деление территории страны, имевшее целью уничтожить крупные владения богатых родов: территория новых административных единиц не совпадала с территорией феодальных вотчин. Эта реформа была одним из проявлений той борьбы, которую с самого начала вела династия Динь за единство государства. Она опиралась в этой борьбе на свои собственные владения, построив там укрепленные пункты. «Ее» город Хоалы, ставший столицей Дайковьета, был защищен стенами и рвом, сюда из Колоа был переведен двор. Управленческий и военный аппарат был значительно реформирован, на все важнейшие должности попали сторонники Диней.

Чтобы развязать себе руки внутри страны, император должен был как-то обеспечить спокойствие на границах с империей Сун. С этой целью он в 971 г. направил посольство к сунскому двору, а в 972 г. согласился на номинальное признание старшинства Сунов и периодическое поднесение им соответствующих даров, что отсрочило на 10 лет внешние осложнения.

Это позволило усилить борьбу с непокорными феодалами. Вместо феодальных дружин вуа организовал регулярную армию, разделенную на 10 корпусов (*зао*). Опираясь на военное превосходство, Динь Бо Линь сурово расправлялся со своими противниками: побежденных врагов вуа варили в котлах с кипящим маслом, бросали на растерзание зверям в императорском парке и т.п.

В своей политике вуа опирался на укреплявшееся чиновничество, т.е. ту часть господствующего класса, которая была заинтересована в получении доходов от государственной службы и поддерживала поэтому политику централизации. В компенсацию за службу «государевы слуги», чиновники дворца, получали деревни или группы деревень в качестве «округа жалованья» (*ан-лок-ап*). От вуа зависели также средние землевладельцы, получавшие доход всего с нескольких общин; в случаях, когда вуа санкционировал их права на это, владение также называлось *ан-лок-ап*.

Создание при Динь вьетского гражданского чиновничества и регулярной армии означало укрепление государства. Однако в ходе борьбы соперничавших групп Динь Бо Линь стал жертвой дворцового переворота.

После гибели Динь Бо Линя в стране вновь начались усобицы, чем попытались воспользоваться Суны. Необходимость организации обороны требовала твердой власти, и часть знати выступила за провозглашение главнокомандующего Ле Хоана императором. В 981 г. новый вуа, Ле Хоан (официальное имя — Ле Дай Хань), выступил против армии Сунов, двумя группами вторгшейся в Дайковьет, и разбил ее. Основанная им династия Ранних Ле правила в стране до 1009 г.

С 1054 г., уже при следующей династии, Поздних Ли (1010–1225), вьетское государство стало называться Дайвьет, «Великий Вьет»; оно превратилось в централизованное государство. Степень централизации в XI–XIII вв. была даже выше, чем, например, в XVI–XVIII вв. Верховным собственником-распорядителем земли было государство, которое олицетворял вуа. Последний помимо прав на доходы со всех земель обладал относительно небольшими собственными владениями, доходы с которых шли непосредственно, минуя фискальный аппарат, на удовлетворение его нужд. Но права отнимать общинные земли он не имел. Рядом с общинными находились частные земли, имевшиеся как у крупных землевладельцев (родственников и не родственников правителя), так и у части крестьян (помимо общинного пая). Частные земли могли отчуждаться, обложение их, по-видимому, было более легким.

С земель свободных общин налог шел или прямо в казну, или чиновнику, которому налог переуступался за службу и в основном на срок службы. Частные земли наследовались, их обрабатывали или сами владельцы — крестьяне, или зависимые, если земля принадлежала крупным владельцам. Верхушку землевладельцев по-прежнему составляли крупные наследственные владельцы, многие — не-родственники вуа.

Политически доминирующей землевладельческой группой была знать, среди которой все больше становилось служилых или родственников вуа. Она имела казенную землю в форме «кормленческого округа». Размер владения определялся в этом случае через количество «семей», а не земли; «семьи», которыми владела аристократия, естественно, жили общинами, некогда свободными (часть их попала в зависимость еще в X в.).

Землевладение средних служилых наряду с имевшимися у каждого свободного общинными полями включало частные земли. Как и крупные землевладельцы, средние служилые были объединены в роды, их частные

наследственные земли назывались «поля рода». Одна из форм их передачи по наследству в это время — превращение доли частных земель в поминальные (или культовые) земли; но сделать это можно было лишь с разрешения вуа. Частные земли средних и низших чиновников имели полные или частичные иммунитеты. Условные владения бюрократии назывались «жалованье с деревень», представляя, видимо, долю ренты-налога.

Обширные земли в вечном владении имело в это время буддийское духовенство, получавшее «поля» в десятки мау (0,36 га). «Поля» получали и храмы культа предков. Дарителями земель были крупные и средние владельцы, последние навечно передавали храмам часть принадлежавших им частных земель, располагавшихся в деревнях вперемежку с землями общины.

В XI–XIII вв. общей тенденцией следует считать дальнейшую концентрацию земли в руках светских и духовных крупных владельцев при одновременной потере частью крестьян-общинников своих владений. Земля концентрировалась главным образом благодаря скупке ее; государство защищало интересы покупщиков, о чем говорит его борьба с нормами обычного права. Свободные общины в 1137 г. были подвергнуты регламентации и поставлены под контроль специальных чиновников государства.

Община (*са*) совместно владела лесами, водоемами, лугами и пахотными угодьями; последние регулярно переделялись между «желтыми», как назывались крестьяне от 20 до 60 лет, записанные в государственные реестры. Они платили налоги, обязаны были служить в армии и выполнять трудовую повинность на строительстве, на транспорте и т.п. Община имела внутреннее самоуправление: общинный совет или общее собрание решали экономические, а отчасти юридические и религиозные вопросы.

Общинники составляли основную массу населения, собираемая с них рента-налог была главным источником существования всех категорий управленцев. В XI — начале XIII в. расслоение в общине было незначительным. Правившая Дайвьетом в эти века династия Поздних Ли (Первая и Вторая, 1010–1225 гг.) стремилась, как и ее преемники, сохранить общинную организацию как наиболее удобную форму эксплуатации крестьян в условиях, когда служилые, мелкие и средние, вели собственное хозяйство лишь внутри общин. Внутри общины налоги и повинности распределялись общинной верхушкой. Силами общинников велось крупное ирригационное и городское строительство.

Проводя политику централизации, Поздние Ли перенесли столицу во вновь построенный в историческом центре рисоводческой области (дельты Красной реки), на пересечении торговых сухопутных и речных путей, город Тханглаунг (совр. Ханой). Первые вуа этой династии, подавляя сопротивление крупных землевладельцев и небольших горных народов, прежде всего укрепили военную и административную машину. Государственный аппарат был поставлен под строгий контроль; чиновники присягали непосредственно вуа; была создана личная гвардия вуа.

Страна была разделена на 26 новых провинций вместо прежних уделов; во главе провинций стояли родственники или ближайшие соратники вуа; провинции делились на меньшие подразделения, низшими из которых по-прежнему были общины — са. Одновременно с реорганизацией чиновничьего аппарата было завершено создание дисциплинированной армии из «желтых» крестьян-общинников, заменившей отряды крупных землевладельцев. Таким образом, в основе большинства мероприятий, сопровождав-

ших оформление независимого вьетского государства, лежала общинная организация, поставленная под строгий контроль вуа, утверждавшего в каждой деревне своего чиновника — са-куана, руководящего общинным советом. Эта государственная система, базировавшаяся на общинной организации, типична для истории страны в эпоху средневековья и нового времени. Не будучи сословной монархией в европейском смысле слова, вьетское государство строго охраняло интересы господствующего класса, что нашло свое отражение в новом кодексе, принятом в 1042 г. Реформы Поздних Ли были завершены военной реформой Ли Тхиен Тонга (1054–1072), усилившей армию и сделавшей ее более маневренной; одновременно был введен новый «военный» налог.

Реформы XI в. закрепили победу центральной власти, служилых слоев и буддийской сангхи в борьбе с «удельными» феодальными владельцами.

Дайвьет в XI в. вел войны на севере против китайской империи и в то же время проводил наступательную политику на юге против Чампы. На западе Дайвьет был ограничен горами; лишь в верховьях Черной реки имелись удобные проходы в долину Меконга, но в этих горных районах, населенных воинственными племенами, вьетской колонизации препятствовали непривычный климат и трудность ведения поливного рисоводства.

Войны с Чампой, начавшиеся еще во II в. н.э., шли с переменным успехом, но в XI–XII вв. армии Дайвьета все чаще прорывались на юг, а вьеты-крестьяне постепенно заселяли северную часть современного Центрального Вьетнама, расселяясь в среде более редкого, чем в Дайвьете, населения Чампы. В середине XI в. из-за внутренних усобиц Чампа временно ослабела, и в 1043–1044 гг. вуа Дайвьета нанес поражение ее королю и захватил столицу Чампы, Виджайю. Когда в 1068 г. Чампа оправилась и сама напала на Дайвьет, нападение было отбито, а дайвьетская армия под руководством Ли Тхыонг Киета перешла в наступление и вновь разграбила Виджайю.

В 1075 г., воспользовавшись успешной борьбой тайских княжеств с Сунской империей к северу от границ Дайвьета, вьеты организовали большой поход против северных соседей. Двумя колоннами пошла на север армия под командованием знаменитого своими победами полководца Ли Тхыонг Киета. Двойной удар — по суше на среднее течение р.Сицзяна и с моря в том же направлении — заставил немногочисленное в XI в. ханьское население бассейна Сицзяна (современные провинции Гуйчжоу, Гуанси и Гуандун) укрыться в двух крупных городах: Гуанчжоу и Инчжоу. Вскоре Инчжоу был взят в результате общего штурма. Оказавшись в опасном положении, Суны послали на юг огромную армию; тогда Ли Тхыонг Киет отвел свои войска. Борьба с дайвьетской армией на ее собственной территории успехом для Сунов не увенчалась, и их полководцы ушли из Дайвьета. Общим итогом войн на севере было присоединение к Дайвьету ряда спорных территорий.

XII век был в целом временем стабилизации и укрепления феодально-бюрократического государства Дайвьет. С успехом были отражены многочисленные нападения могущественной кхмерской империи Камбуджадеша. Однако конец этого столетия отмечен экономическими трудностями и некоторым ослаблением центральной власти. В 1181 г. в стране разразился голод, умерла «почти половина населения». В 1188 г. голодные крестьяне восстали, их восстание длилось четыре года. В 1192 г. началось второе восста-

ние, в 1195 г. был «большой мор». К 1202 г., когда «народ дошел до крайней нужды», из-за голодовок и восстаний разразился политический кризис.

Дело было в том, что ослабление власти вуа на местах повлекло за собой выступление на политическую арену крупных провинциальных землевладельцев, активно формировавшихся в XII в., но еще не вошедших в состав титулованной знати или служилой верхушки. Они обладали и землями и зависимыми, а ослабление в конце XII в. аппарата государственной власти сделало для них необходимым и создание дружин для защиты своего имущества. Эти вооруженные отряды местной знати вошли в историю под описательным названием «люди из области Хонг», «люди из области Кхоай» и др. «Люди» и их вожди не стремились, как не раз делали восставшие крестьяне, захватить центральную власть, они поддерживали ту или другую группировку в столице и полноправно хозяйничали в своем уезде. Многие вожди «людей» позднее стали титулованными аристократами.

Восстания ширились; восставали и разбегались насильно согнанные на строительство крестьяне, сражались в своих местных войнах «люди», на которых государство уже не могло воздействовать. К 1205 г., по летописи, «грабителей развелось, как пчел», в 1206 г. «в стране была смута», «на дорогах стало опасно». Голод продолжался, в 1206 г. «умершие лежали грудами». С 1207 г. в Дайвьете одновременно шло по нескольку местных войн, некоторые — близ столицы. В это время вуа и санкционировал создание частных армий своих сторонников, что позволило легализоваться дружинам вождей «людей», оформить провинциальную власть нового типа.

14 лет, с 1207 по 1220 г., весь Дайвьет был ареной крестьянских восстаний и боев отрядов «людей», выступавших вначале в основном в поддержку вуа против его полководцев, а потом — в защиту своих деревень и уездов от кого бы то ни было. Но постепенно войны стали стихать за счет подавления восстаний и соглашений с «людьми» и их вождями. Значительная часть вождей «людей» влилась в государственный аппарат, получив титулы. Ополчения «людей из Хонг», «людей из Кхоай» и др. со своими командирами частично превратились в военные корпуса. Одновременно происходила консолидация сил мелких и средних владельцев, признанным лидером которых был Чан Тху До, родственник последнего монарха династии Поздних Ли.

В 1225 г. власть в Дайвьете перешла к его семье. Тем самым было положено начало правлению династии Чанов (1225–1400), сумевшей прийти к соглашению с вождями «людей».

При династии Чан (1225–1400) центральная власть особое внимание уделяла ирригационному строительству в Дельте; были обвалованы опасные участки всех крупных долинных рек Северного Вьетнама. Это привело к увеличению площадей, более устойчивыми стали урожаи; в значительной степени кризис начала XIII в. был преодолен. Этому способствовало также и некоторое уменьшение экономического гнета со стороны чиновников и землевладельцев. При Чанах появляется новый тип феодального владения — «зависимый округ» (*ап-тханг-мок*), позднее, в XIV в., — «пожалованный округ» (*тхай-ап*). Общины, включенные в состав «зависимых округов», платили основную часть поземельного налога владельцу, а подушный и $^1/_6$ поземельного — государству. Еще более способствовало экономическому подъему разрешение членам династии осваивать новые земли и создавать там большие частные наследственные владения — *диен-чанг*, чье население было не свободным, а зависимым. В деревнях — центрах диен-чангов и «зависимых округов» — часто находились

дворцы высокопоставленных владельцев, которые жили в основном там, а не в столице или других городах. Все они имели титулы, почти все — родство с династией и, как гарантию власти вдали от правительственных гарнизонов, дружину и многочисленную вооруженную челядь. XIII–XIV века — время, когда сходство вьетского феодализма с классическим было максимальным.

Большую по численности группу составляли средние служилые землевладельцы, феодальная бюрократия. Принадлежность к ранговому чиновничеству была наследственной, дети чиновников шли служить чиновниками, но они были четко отделены от титулованной знати. Соответственно рангу они получали «содержание-жалованье» (*бонг-лок*). Земли их были казенными, и наследовать их в XIII в. они не могли. В отличие от «зависимого округа» бонг-лок был связан со службой и был меньше по своим размерам.

За особые заслуги вуа выделял землю и не-родственникам династии, но предоставлял им поля, а не «округа» вместе с их населением; такие земли нередко становились частными.

Купля-продажа частных земель продолжалась, продолжалась и борьба государства с обычным правом крестьян, ограничивавшим развитие частного феодального землевладения. Борьба же с частным землевладением практически не велась, наоборот, росли число диен-чангов и их размеры.

В общинах имелись неполноправные группы: частично зависимые (*нонг-но*), сидевшие на земле, и полностью зависимые (*но-ти*), иногда тоже посаженные на землю. Полноправные общинники платили поземельный и подушный налоги.

В 30-50-х годах XIII в. шло упорядочение форм эксплуатации крестьянства в условиях освоения новых площадей. Именно тогда необычайно часты были переписи крестьян. Списки составляла общинная верхушка, а проверялись они государственными чиновниками. К общинам было приписано все население страны, включая родственников вуа, но налогами облагались только «желтые» (*хоанг-нам*).

Крупнейшими городами были либо крупные торгово-ремесленные и административные центры, как Тханглаунг, либо чисто военно-административные, как Хоалы, либо, наконец, по преимуществу внешнеторговые — порт Бандон. Чисто ремесленных крупных центров не было, не было и автономных городов; во главе каждого стоял определенный чиновник.

Вьетнамское ремесло было сосредоточено как в городских цехах (их в Тханглаунге, например, в конце XIV в. насчитывалось более 60), так и в деревнях.

В сельской местности ремесленники занимались и сельским хозяйством, хотя были цехи, сдававшие землю в аренду соседям. Цехи и их выборное руководство ведали не только производством, но и продажей изделий (сочетали признаки цехов и гильдий) и во многом были схожи с китайскими ханами. Ремесленники в городах, а также сельские ремесленники, имевшиеся в каждой общине, производили все необходимое деревне и товары для экспорта.

В XIII в. и в последующие столетия в связи с расширением внутренней торговли металлическими изделиями, солью, скотом, рисом, плетеными изделиями, тканями города быстро росли, особенно приморские и приречные. Основные торговые пути шли по рекам или по морю вдоль побережья. Внешняя торговля Дайвьета включала в себя как экспорт продуктов местного производства (лаковые изделия, предметы из металла и фарфора), так и транзитную торговлю; его порты находились на пути из Индии на восток.

Организации купцов и ремесленников, оказывавшие влияние на экономическое развитие, не играли сколько-нибудь существенной роли в общественной и политической жизни страны.

В X — начале XIII в. в стране вьетов усиливалось влияние буддизма, завоевавшего прочные позиции еще в VI в.; одна из его школ — *тхиен* — почти безраздельно господствовала среди буддистов страны. Ее основная доктрина: «человек познает в своем собственном сердце истинное сердце Будды», т.е. человек от природы чист, свободен от заблуждений, достижение им нирваны должно быть прежде всего результатом его собственных усилий. Как и в предшествующие времена, большую роль в социально-политической и культурной жизни вьетов играл культ предков. При всей самобытности общественной структуры вьетского общества и его культуры нельзя отрицать влияния китайской культуры. Важным следствием «северной зависимости» было использование, как и в Японии, Корее и ряде других государств средневекового Дальнего Востока, китайской письменности и языка в официальной переписке и в литературе, равно как и сохранение ряда норм военной и административной организации империи Тан.

В 1258–1288 гг. Дайвьет с неимоверными трудностями отбил три похода монголо-китайских войск, шедших на юг в числе нескольких сотен тысяч. Массовое партизанское движение, гений полководца Чан Хынг Дао и единство всего народа позволили в кровавых боях отстоять независимость Дайвьета. Но страна десятилетия не могла оправиться от людских потерь и разрушений.

ГОСУДАРСТВО ПАГАН

Паган стал первым государством, объединившим под своей властью территорию современной Бирмы (Мьянмы). Именно с ним связано становление бирманской письменности, зарождение литературы, архитектуры, искусства. Начиная с XI в. история страны документирована как преемственными бирманскими хрониками, так и эпиграфическими источниками. С этого периода в Бирме существует постоянная традиция буддизма тхеравадинского толка. Именно в этот период создан первый дошедший до нас свод законов.

В создании Паганского государства сыграли роль несколько важных факторов, которые лишь вкупе объясняют удивительный феномен — почти мгновенное по меркам истории возникновение сильного централизованного государства, возвестившего миру о своем существовании громадными храмами, удивительными произведениями искусства, расцветом религии и разработанной административной системой.

Этот всплеск активности бирманцев — недавних пришельцев в собственной стране — долгое время казался исследователям загадочным, ибо истоки процесса реконструировались лишь косвенным путем и ни документальные свидетельства, ни археологические раскопки не могли дать достаточно материала для воссоздания эволюции Паганского государства.

К середине IX в. в верхнем и среднем течении Иравади крупных государств не существовало. Долина была опустошена вторжениями Наньчжао, города пью разрушены, население угнано в полон. Проникновение монов на север вряд ли можно считать массовым. Для монских государств долины Средней Бирмы были далекой периферией. Вряд ли можно говорить о суще-

ствовании у монов сильной централизованной власти и умении создавать и поддерживать крупные ирригационные сооружения.

Помимо пришельцев-монов и остатков пью в долине Иравади обитали другие племена, в первую очередь тибето-бирманские, в том числе там были чинские деревни и поселения племен саков и сокро. Насколько мирным было сосуществование этих народностей в долине, сказать нельзя. Но несомненно, что объединиться против общего врага они не могли, так как были чужды друг другу.

Именно эту ситуацию застали в долине Иравади появившиеся там в середине IX в. бирманцы.

Китайцам древние бирманцы были известны под названием «западные цянь». Они населяли долину р.Тао-хе в районе современного города Ланьчжоу. В истории династии Хань о них говорится как о кочевых племенах, враждовавших с китайцами. Спасаясь от китайских набегов, западные цянь покинули долину Тао-хе и отступили в Северо-Восточный Тибет, а оттуда началась их миграция к югу. Попав в Сычуань, предки бирманцев стали вассалами Наньчжао.

В VII в. н.э. западные цянь известны как один из народов, входящих в государство Наньчжао. Самоназвание бирманцев — мьянма сохранилось в названии страны. Мьянма входили в состав армий Наньчжао, разгромивших пью и воевавших с монами. Вскоре после окончания этих войн отдельные роды мьянма начали покидать сычуаньские горы и спускаться в долину Иравади. Не исключено, что уход мьянма на юг диктовался желанием освободиться от власти Наньчжао, так как это государство не смогло установить контроль над жаркими долинами юга. Возможно также, что бирманцы первоначально оказывались в гарнизонах крепостей Наньчжао, какое-то время еще существовавших на севере Бирмы. Однако, как пишет Фань Чэо, автор хроники «Ман Шу», об этих местах: «Вся область заражена малярией. Земля плоская, как точильный камень. Чиновники Наньчжао боятся малярии и других болезней. Некоторые солдаты покидают свои посты и проживают в других местах, не являясь на службу...»

Первые поселения бирманцев в Средней Бирме располагались в долине Чаусхе. Летописи сохранили названия одиннадцати первых *каруинов*, или родовых поселений, в этой плодородной долине. Еще восемь каруинов располагалось ближе к Иравади. Бирманцы унаследовали ирригационные системы живших там ранее пью, и, вернее всего, тогда же начинается процесс ассимиляции пью бирманцами. В пользу этого предположения говорит то, что ни в эпиграфике, ни в топонимике, ни в легендах нет сведений о войнах бирманцев с пью, тогда как говорится о конфликтах с монами, саками и сокро. Само название «пью» встречается лишь в ранних бирманских надписях XI в., где употребляется наряду с бирманцами, впоследствии оно исчезает без следа. Такой процесс мог облегчаться этнической близостью пью и мьянма, а также отсутствием государственности пью в тот период. Бирманцы, как агенты Наньчжао и представители его власти на первых порах, а затем организованная сила, полагавшая себя наследницей этой власти, осуществляли сюзеренитет Наньчжао над долиной Иравади, и в первую очередь над пью.

Ассимиляция пью и унаследование бирманцами их культурных традиций, а также строительных и сельскохозяйственных навыков были процессом длительным, занявшим около полутора столетий — совершенно недокументированного периода в истории Бирмы, не оставившего к тому же в долине Иравади археологических памятников.

Основание собственно Пагана, города, которому суждено было стать столицей Паганского государства, относится летописями к 850 г., когда, по их сведениям, некий князь Пьинбу обнес этот город стеной. Судя по дате, можно предположить, что первоначально Паган был одной из крепостей, построенных Наньчжао и населенной воинами и их семьями. Не исключено, что это были бирманцы.

Если в течение первого столетия жизни бирманцев в долине Чаусхе происходит консолидация их владений и тянется период адаптации к новым хозяйственным и климатическим условиям, то с ростом демографического давления каруины становятся для бирманцев тесны. Они на долгие годы останутся родовым, традиционным центром мьянма, а также житницей государства, но стратегические интересы бирманцев толкали их к овладению долиной Иравади, главной транспортной магистралью страны.

Постепенно возрастает значение Пагана, лежавшего на берегу Иравади. Был ли он до начала XI в. бирманским либо принадлежал кому-то еще, неизвестно. Но уже в середине X в. бирманский князь Сорахан строит буддийскую молельню на горе Туран около Пагана. И титулуется он уже властителем Пагана. Причем это известно не только из летописей, но и из сохранившейся там надписи. Летописи и надписи доносят сведения о начавшейся борьбе за трон в Пагане, обладание которым становится важным для главенства над мьянма. Борьба эта связана также с укреплением буддизма, который, как видно, не сразу и не повсеместно укореняется среди бирманцев. Религиозная борьба отражала различие в политических устремлениях вождей — тех, кто опирался на родовую знать каруинов, и тех, кто стремился вырваться за пределы родовых земель. Уже сведения о первом известном из эпиграфики князе Пагана, Сорахане, доказывают остроту борьбы. Сорахан отрекся от буддизма и отметил это сооружением статуи змея-Нага. Бирманские хроники связывают свержение Сорахана в 964 г. именно с его отступничеством. Последующие десятилетия за власть в Пагане боролись две семьи, и потому наследование всегда сопровождалось дворцовыми переворотами. Перенося в прошлое память о распрях и расколах в сангхе, бирманские хроники, создававшиеся с XIII в., изображают процесс утверждения буддизма в Пагане как борьбу между «истинным», пришедшим с юга, буддизмом и еретиками-ари, однако эпиграфические данные позволяют утверждать, что буддизму противостояли на том этапе именно традиционные бирманские верования.

Общепринятая дата создания Паганского государства — 1044 г., когда, как утверждают хроники, на престол в Пагане взошел князь Анируда (Аноратха), объединивший под властью Пагана территорию нынешней Бирмы.

В действительности Анируда занял престол в Пагане в 1017 г., но первые десятилетия его правления не связаны с походами и завоеваниями и опущены хронистами. В этот период Паганское княжество округляло свои владения, пользуясь выгодным расположением в долине Иравади и контролем над крупными ирригационными системами, оставшимися от пью и восстановленными бирманцами.

Обстановка благоприятствовала Анируде, так как основные его соперники — моны — вынуждены были обороняться против кхмеров и Чолов, прочие соседи были слабы.

По мере укрепления Пагана на повестку дня встало присоединение богатых южных земель и выход к морю. Бирманские хроники задним числом изображают этот процесс как результат миссионерской деятельности Шина

Арахана, склонившего Анируду к «истинному» буддизму и убедившего князя в том, что для обращения в буддизм бирманцев насущно необходимы священные книги, хранящиеся в Татоне. Обращение за ними к правителю монов результата не принесло, и Анируда вынужден был ради обладания книгами завоевать Раманнадесу. Это произошло в 1057 г.

Источники эпиграфические и ранние хроники, не учтенные в XIX в. при составлении официального летописного свода, дают иную картину создания Паганского государства. В 20-х и 30-х годах XI в. Анируда совершил ряд походов на север и восток, присоединяя окрестные земли. Затем начались походы на юг, где в середине века Анируда вошел в контакт с монами, отобрав у них сначала те области Шрикшетры, которые были ими захвачены после падения государства пью, а затем вышел к границам собственно монских земель.

Отношения с монами не всегда были враждебными. К примеру, в 1049 г. войска бирманцев участвовали в обороне Татона от кхмеров. Но вскоре начались бирмано-монские войны, в результате которых войска Анируды захватили сначала Пегу, куда они вошли как союзники в борьбе против горных племен, но превратились в покорителей после окончания этой войны, а затем, в 1057 г., — основной центр монов Татон. В руки бирманцев перешли Южная Бирма, портовые города.

Этнический состав государства изменился. Значительную часть населения составляли теперь моны, в культурном отношении превосходившие бирманцев. Паган, бывший до того изолированным от внешнего мира княжеством, вышел на международную арену.

Возможно, уйди бирманцы после завоевания обратно в свои владения, как обычно и случалось в подобных войнах того периода, Паганское государство не смогло бы занять столь видного места в истории Юго-Восточной Азии. Но Анируда совершил в Бирме «демографическую революцию», вывезя из Татона и Пегу несколько тысяч монских семей, включая всю знать во главе с царем. В Пагане, до того уже населенном не только бирманцами, но и пью, значительная часть населения стала монской. Таким образом, Анируда сделал Паган наследником двух царств, двух культур. Это объясняет как особенности паганской культуры, представлявшей на первых порах симбиоз монских достижений в искусстве, строительстве и архитектуре и достижений государства Шрикшетра, так и стремительный взлет Пагана, уже к концу царствования Анируды ставшего одним из крупнейших центров ЮВА. Слияние культур покоренных народов, обогащенное собственно бирманскими традициями, позволило Пагану сделать внушительный рывок вперед. Ни в одном из городов, покоренных бирманцами, не создавалось ничего подобного паганским храмам, паганским фрескам, паганской литературе. Имплантация монской культуры на тибето-бирманскую почву привела к качественному скачку, давшему начало феномену, известному ныне под именем Паганское царство.

Следует учитывать также, что Паган унаследовал и международные связи монских городов, которые в тот период не исчезли, а процветали, так как бирманцы контролировали всю долину Иравади — важнейший торговый путь — и Паганское государство активно участвовало в морской торговле. Вскоре после образования Паганского государства укрепляются, в частности, отношения с Ланкой, куда Анируда посылал несколько миссий, а в начале 60-х годов царь Ланки Виджайя Ваху обращался к Пагану с просьбой о помощи против общего врага — Чолов.

Созданное в 50-х годах Паганское государство к моменту смерти Анируды в 1077 г., хоть и обладало предпосылками к консолидации, еще не успело выработать приемлемой системы управления, что позволило бы обеспечить ему существование в случае ослабления центральной власти. Последние годы правления Анируды прошли в походах, направленных на подавление восстаний на юге, и даже в возродившейся в составе Паганского государства Шрикшетре. Энергично создается система крепостей, охраняющих долины Пагана от набегов северных и восточных горцев. Но Анируда успел лишь сколотить Паганское государство, но не в его силах было обеспечить ему выживаемость.

Неудивительно, что, как только на престол в Пагане после смерти Анируды вступил Ман Лулан, по стране прокатились опасные восстания. Разумеется, первыми поднялись моны, во главе которых встал Янмакан, воспитанный, кстати, при паганском дворе. Несмотря на первые удачные походы бирманцев на юг, восстание ширилось, и в конце концов паганский царь погиб, моны захватили Паган, произошло новое «переселение» — из чуждого им Пагана повстанцы угнали население в свои города.

Однако, захватив молодую столицу бирманцев, моны не смогли или не стали захватывать долину Чаусхе — родовые каруины бирманцев, где был избран новый царь, Тилуин Ман, не имевший родственных связей с Анирудой, полководец, прославившийся в походах Анируды, владетель одного из каруинов. Опираясь на экономическую базу каруинов и набрав там войско, Тилуин Ман смог изгнать из Пагана монов, а затем в течение нескольких лет восстановить наследство Анируды.

Период правления Тилуин Мана (1084–1112) важен как эпоха истинного создания Паганского государства. Происходит интенсивная «монизация» Пагана. Чисто бирманской, вероятно, остается лишь армия — моны занимают ключевые посты в администрации страны, монский язык становится равноправным с бирманским. Тилуин Ману удается достичь в стране внутреннего мира. Единственной значительной войной, которую вел Тилуин Ман, была экспедиция против Аракана, позволившая присоединить это царство к Пагану.

Рубеж XI–XII вв. — период бурного ирригационного и храмового строительства в Паганском государстве. Там строятся гигантские храмы и пагоды. Бурно развиваются бирманский язык и литература, растет международный престиж Пагана. Формируется административная и правовая система страны. Паган к началу XII в. уже не конгломерат покоренных земель, а единое государство, хотя окончательная кристаллизация его институтов и культуры падает на XII в.

Этот процесс был связан с новыми тенденциями в Пагане. Суть их вкратце сводится к следующему.

К моменту создания Паганского государства собственно бирманцы составляли в нем меньшинство. К тому же родовая бирманская знать предпочитала оставаться в каруинах, в стороне от наиболее драматических событий, связанных тем более с утеснением старой религии. Бирманцы в глазах своих соседей были варварами и грабителями, наследниками Наньчжао. Разумеется, подобное положение не могло сохраняться долго в новом государстве. За сто лет, прошедших с прихода к власти Анируды, жизнь в государстве коренным образом изменилась. Политика Анируды и Тилуин Мана по привлечению монов к управлению страной, разумная на том этапе, стала противоречить интересам выросшей и уже образованной (в средневековом понимании этого слова) знати бирманской. Если в момент воцарения

Тилуин Мана каруины оставались еще реальным центром бирманского этноса, то к концу его царствования они превратились в глухую провинцию. Анируда был князем Пагана, Тилуин Ман — князем каруинов. Придя к власти, он не только дал высокие места в государстве монам, но и открыл дорогу к власти новой бирманской знати, для которой дележ ее с покоренными иноязычными монами был нежелателен. Очевидно, в какой-то степени обостряющийся конфликт отразился в известной по летописям церковной схизме, в которой ари пользовались поддержкой бирманской знати, тогда как моны и царский двор поддерживали «чистую» сангху, тесно связанную с Ланкой.

Толчком к радикальным переменам в Пагане стали смерть миротворца Тилуин Мана и последовавшие затем мятежи на юге, в монских землях, судя по всему разрозненные, не представлявшие опасности для государства, но давшие предлог новому царю, Кансу I (1113–1167), очевидно выразителю интересов бирманской знати, резко сократить влияние монов на жизнь государства. Свидетельства тому — эпиграфические памятники Пагана. С первой половины XII в. монские надписи практически исчезают, как исчезают и имена монов из числа дарителей земель монастырям и участников судебных процессов (именно эти события чаще всего фиксировались на камнях). К тому времени уже складывается бирманский стиль в архитектуре и искусстве, можно говорить о формировании бирманского литературного языка. Отныне моны — не равноправные союзники, а подчиненный народ. Этот естественный для эволюции многонациональной империи процесс пагубно скажется на судьбе Паганского государства в эпоху его упадка, однако на протяжении ста с лишним лет господство бирманцев будет неоспоримым.

К середине XII в. наблюдаются также упорядочение и стабилизация экономической и социальной структуры Паганского государства. Это подтверждается выработкой и фиксацией законов, системы мер и весов, разработкой административной системы. Тем не менее в структуре Паганского государства вплоть до его падения прослеживается определенная двойственность, проистекавшая от наложения правовых и социальных систем, унаследованных от монов и пью и разработанных в Пагане (имевших, как правило, истоком индийские образцы), на пережитки родо-племенного строя, сохранявшегося в каруинах.

Эта двойственность иллюстрируется кажущейся нелогичностью административного деления государства. Формально центром государства считались каруины, которые в налоговом и социальном отношении имели ряд привилегий. Паган же в число каруинов не входил. В концентрической модели государства, центром которой были каруины, Паган был центром одной из провинций (*клий*). Провинции, делившиеся на *туики*, окружали со всех сторон каруины. Это были земли, присоединенные к Пагану в X–XI вв. Кстати, Паган не считался даже столицей страны. Формально этот титул носил город Пьи, наследник Тарекеттары, чем, очевидно, подчеркивалась преемственность Пагана от Шрикшетры. Внешний круг Паганского государства образовывали *нуиннам* — завоеванные земли. К ним относились монские города, Аракан и долины, населенные каренами и чинами. По периферии государства тянулись цепочки крепостей, которые должны были держать в вассальной зависимости горные племена и охранять долины от их набегов.

Самой мелкой территориальной единицей в Пагане были деревни. В надписях встречаются названия ста пятидесяти деревень. В городах на-

именьшей административной единицей был *арап*, или квартал. Кварталы чаще всего различались по производственному принципу, объединяя ремесленников.

На вершине пирамиды власти стоял царь Пагана, являвшийся воплощением Будды, вольный распоряжаться жизнью и смертью любого подданного. В действительности власть его была ограничена обычным правом.

Непосредственно за царем стояли *аматы* — «министры». К концу XII в. относится упоминание о совете, состоявшем из пяти аматов. Одновременно «министры» были наместниками провинций, с которых они кормились. Надписи оставили многочисленные упоминания о различного рода чиновниках. Система управления в Пагане была исключительно бюрократизирована, причем чиновничий аппарат находился не только в Пагане, но и в других городах. Существовали десятки судейских, налоговых, финансовых, межевых и прочих должностей, однако, к сожалению, сегодня реконструировать эту систему невозможно, так как, погибнув с падением Пагана, она уже не возродилась в последующих царствах, а значение многих упоминаемых в эпиграфике должностей не поддается расшифровке.

В социальном отношении население Паганского государства делилось на свободных и зависимых. В число зависимых, или *чван*, входили как пагодные и домашние рабы, так и монастырские крестьяне, платившие оброк. Большинство же крестьян в Пагане оставались свободными земледельцами — *асан*. Закрепостить бирманского крестьянина при избытке свободных земель было невозможно. Община асанов, как свидетельствует эпиграфика, выступала как равноправный участник сделок и судебных процессов против монастырей либо царских чиновников.

Соответственно земли делились на государственные, частные и монастырские. В течение XIII в. по мере ослабления центральной власти, усиления торговцев и ростовщиков, роста монастырского землевладения проявляется отчетливая тенденция сокращения фонда государственных земель (которые уже нельзя было пополнить в ходе завоевательных войн) в результате расширения земель частных и особенно монастырских.

Начиная со второй половины XII в. наблюдается постепенный упадок Паганского государства. Причины тому были внутренние — противоречие между централизованным бюрократическим характером многонационального государства и процессом его феодализации, укрепления местных бирманских правителей, превращение монастырей в основных держателей земель и в противников центральной власти, а также внешние — усиление соседей, начало активной миграции шанских племен на востоке Бирмы, стремление монов и Аракана вернуть независимость. Уже в конце 60-х годов XII в. Паган потерпел поражение в войне с Ланкой. Ланкийские армии временно оккупировали южные порты и, возможно, Паган.

Угроза вторжений горцев, которых уже не могли сдержать пограничные крепости, привела к тому, что бирманские цари стали привлекать шанов на службу. При дворе появляются и все более обретают власть племенные вожди горцев.

Поздние бирманские хроники характеризуют паганских царей XIII в. как ничтожества, которые не смогли защитить государство от гибели. По утверждению хроник, цари пренебрегали религиозным строительством, проводили время в разврате, не стремились к завоеваниям. Однако обращение к эпиграфике говорит об ином: государство клонилось к упадку не потому, что во главе его стояли ничтожные цари, а потому, что эти цари были бессильны противостоять объективному историческому процессу.

Ни о какой экспансии и речи быть не могло. Уже в начале своей истории Паганское государство достигло естественных границ, за пределы которых не могло выйти хотя бы в силу уникального географического положения страны, отделенной от соседей труднопроходимыми горами. Обращение к позднейшей истории показывает, что, когда в XVI–XVII вв., движимые императорскими амбициями, бирманские государи совершали походы в Сиам и Лаос, результаты походов, даже при подавляющем военном преимуществе бирманцев, были плачевны: армии, оторванные от баз, в конце концов неизбежно терпели поражения.

В течение XIII в. Паганское государство все время сокращалось. В первую очередь под ударами шанов и каренов, которые постепенно проникли даже в долину Иравади. Очевидно, к концу XIII в. власть над монскими городами была не более чем номинальной. В то же время государство находилось в постоянном финансовом кризисе ввиду того, что его лучшие земли были разобраны светскими и духовными феодалами, не желавшими делиться доходами с Паганом.

Возможно, Паганское государство просуществовало бы и далее, продолжая деградировать, если бы не наступление с севера. Монгольские властители Китая во второй половине XIII в. предприняли ряд походов на южные страны, стараясь присоединить их к своей империи. Первое крупное поражение бирманцы потерпели в 1277 г. от отрядов наместника Юньнани. Вслед за этим отложились моны и Аракан. Шанские племена перестали посылать дань. В 1283 г. новое китайское войско вторглось в Бирму и, разгромив бирманскую армию под Каунсином, двинулось вниз по Иравади. Последний паганский царь, Кансу III, бежал на юг и был убит одним из своих вельмож. Китайцы, захватив Паган, посадили на престол марионетку и покинули Бирму, оставив там гарнизоны. Вскоре шанские князья изгнали китайцев из долины Иравади, но Паганское царство уже не возродилось. Правда, в течение многих лет формально паганский престол еще существовал и его последовательно занимали князья из ближайших владений, на которые распалась Бирма. К 1369 г. относится последнее эпиграфическое упоминание о паганском царе. Постепенно, с перемещением центров бирманской государственности южнее и восточнее, Паган был покинут жителями.

Паган — средоточие замечательных памятников архитектуры и раннего бирманского искусства — остался для бирманцев символом их великой и древней истории.

ГОСУДАРСТВА КАДИРИ И СИНГХАСАРИ

Умирая, Аирлангга разделил Матарам на два царства, оставив одному из преемников-сыновей государство Джанггалу, а второму — Панджалу (Кадири). Крайне малое количество аутентичных документов не дает возможности установить, какие именно районы отошли к тому или иному государству. Более поздние литературные памятники следуют двум различным традициям: «Нагаракертагама», памятник XIV в., утверждает, что граница между двумя царствами шла с запада на восток, т.е. царство Джанггала находилось севернее, а Панджалу — южнее. В то же время, согласно, например, такому памятнику, как «Чалон Аранг», Джанггала была восточным, а Панджалу — западным царством (в пользу этого как будто говорит и тот факт, что в западной части Восточной Явы находилось и цар-

ство — преемник Панджалу — Кадири, а находившееся восточнее царство Даха, по некоторым данным, можно отождествлять, хотя и без твердой уверенности, с Джангалой). Возможно, что центры государств перемещались и соответственно изменялись границы, но сказать что-либо определенное трудно. До недавнего времени подвергался сомнению и факт раздела Матарама, но индонезийскому ученому Бухари удалось на основании текстов вновь обнаруженных надписей и некоторых косвенных данных подтвердить сведения яванской традиции об этом разделе. Удается установить и имена первых правителей двух царств (правда, дошли они до нас в передаче не аутентичных источников, а копий и, возможно, искажены). Первого царя Джанггалы звали, насколько можно судить, Шри махараджа мапанджи Гарасакан, а первым царем Панджалу есть основания считать упоминающегося в документах Самаравиджайю. Положение, впрочем, осложняется тем, что на престоле Джанггалы за короткое время сменилось, очевидно, три правителя. Помимо уже упоминавшегося мапанджи Гарасакана это были Шри махараджа мапанджи Ланджунг Ахьес, который, очевидно, сверг своего предшественника в 1052 г. — в соответствующей надписи говорится, что он силой отвоевал царство. В 1059 г. упоминается новый правитель: Шри махараджа рака [княжества] Халу Пу Джуру Самаротсаха (длинные тронные имена приведены в сокращении).

Враждебными были и отношения между двумя царствами: мапанджи Гарасакан вел войну с царем (*хаджи*) Панджалу. Постепенно Панджалу одержало верх в борьбе за гегемонию на Яве и, приняв имя Кадири (совр. Кедири), объединило под своей властью Восточную Яву. Произошло это, согласно традиции, при царе Бамешваре (иногда его имя читали как Камешвара), впервые упомянутом в надписи 1117 г.

Государство Кадири-Панджалу, однако, и после этого времени вынуждено было подавлять сепаратистские выступления. Прочный мир был установлен при царе Джайябхайе, правившем в 30-60-х годах XII в. (не исключено, что созданное в годы его правления яванское переложение «Махабхараты», получившее название «Бхаратаюддха», т.е. «Война Бхаратов», иносказательно воспевало победу Кадири). Государство, не ведшее активной внешней и внутренней политики, но покровительствовавшее искусствам, прежде всего поэзии, без особых треволнений просуществовало до 1222 г., когда оно пало в результате восстания Кен Ангрока, бывшего, по преданию, сыном крестьянки и бога (Шивы или Брахмы, согласно различным хроникам). Кен Ангрок вначале захватил власть в княжестве Тумапель, а затем, разбив армию Кадири в битве при Гантере, объединил под своей властью всю Восточную Яву. Столица вновь основанного государства была в 1254 г. перенесена в Кутараджу, переименованную в Сингхасари, откуда и пошло его название (до того времени столицей, видимо, был Тумапель).

Хотя история воцарения Кен Ангрока подробнейшим образом описана в средневековой яванской хронике «Параратон», мы мало что можем сказать о природе возглавленного им движения. Попытки представить его, ввиду низкого происхождения Кен Ангрока, крестьянским восстанием несостоятельны. Так, на основании того, что двое участников заговора Кен Ангрока, Палот и Гандринг, первый из которых был ювелиром, а второй — кузнецом-оружейником, упоминаются в «Параратоне» с прибавлением к имени почетной частицы *мпу*, утверждается, что в движении принимали участие деклассированные дворяне, вынужденные заниматься ремесленным трудом. Между тем отмеченное обстоятельство свидетельствует

лишь о том, что ко времени составления «Параратона» (или, скорее, дошедшего до нас списка) социальный статус высших, наиболее близких ко двору категорий ремесленников (ювелиры, оружейники) изменился и они из неполноправных стали «благородными», получив право именоваться *мпу*. Более того, они не только сохранили это наименование до настоящего времени, но и монополизировали его, так что в современном языке *мпу* означает «мастер», «кузнец». Иными словами, в «Параратоне» отражена ситуация, нормализованная в соответствии с более поздним словоупотреблением. Столь же неубедительна попытка объявить причиной восстания строительство храмов, якобы ложившееся тяжелым бременем на плечи крестьян: именно в эпоху Кадири крупных храмов практически не строили.

При нынешнем уровне знаний, видимо, разумнее всего считать, что произошло обычное для Явы и вообще Юго-Восточной Азии перемещение центра государства (в данном случае из Кадири в Сингхасари), которое могло быть мирным (как при перенесении центра яванского государства с Центральной на Восточную Яву), а могло сопровождаться вооруженной борьбой за гегемонию.

На престоле вновь образованного государства сменяли друг друга потомки Кен Ангрока, принявшего тронное имя Рангтах Раджаса, и потомки убитого им князя Тумапеля, которого «Параратон» именует Тунггул Аметунгом. Кен Ангрок был убит в 1227 г., и престол занял его пасынок Анушанатха (1227–1248), который был, в свою очередь, убит сыном Кен Ангрока, Тохджайей. Тохджайя (1248–1250) был свергнут и погиб в результате заговора двух принцев, один из которых, принявший имя Джайя Вишнувардхана, был потомком правителей Кадири, а второй, Нарасингха, — потомком Кен Ангрока. Дуумвирам (1250–1268) наследовал сын Вишнувардханы, Кертанагара, официально объявленный соправителем еще в 1254 г. Кертанагара повел активную внешнюю политику, подчинив помимо Явы Мадуру, Бали, Малайю на Суматре, куда в 1275 г. была направлена военная экспедиция, и, видимо, некоторые другие острова архипелага. Внутри страны, однако, время от времени вспыхивали восстания, и в 1292 г. восстал царь Кадири Джайякатванг (кадирийская династия не была уничтожена после 1222 г.). Армия Кертанагары под командованием его зятя, Нарарьи Санграма Виджайи (внука царя Нарасингхи и будущего основателя Маджапахита), успешно сражалась с кадирийскими войсками, обошедшими Сингхасари с севера, но основные силы Джайякатванга, зайдя с юга, захватили столицу. Кертанагара был убит, кадирийские войска, объединив силы, нанесли поражение Виджайе, который с дюжиной соратников нашел приют в общине Кудаду, а затем бежал на Мадуру. Царем стал Джайякатванг.

Социальная структура общества Кадири и Сингхасари была типична для Восточной Явы, во многом напоминая Матарам времени Аирлангги. Как и для того периода, в источниках практически нет упоминаний о крупных светских землевладельцах или местных правителях. Все иммунитеты санкционируются центральной властью и даруются общинам (в ранний нестабильный период, изобиловавший междоусобицами, прежде всего за вооруженную борьбу на стороне монарха-дарителя). Это обстоятельство подчеркивает роль общины как реальной политической силы, а также отсутствие или слабость иных социальных землевладельческих групп. Однако в это время продолжается процесс расслоения общины, начавшийся еще в конце Матарама и впоследствии проявившийся в полную силу в Маджапахите. Новым явлением было то, что внутри слоя старейшин общин — *рама* —

формировались новые категории: *буюты* (букв. «праотцы») и *кабаяны* (букв. «первородные»). Именно рама пополняли ряды воинского сословия — *панджи* (подробнее см. в гл. 5 в разделе о Маджапахите).

Возникают новые наименования общин — *духан* или *дуван*, *самья*, хотя употребляются и исконное *вануа*, и восточнояванское *тхани*. Возможно, это свидетельствует о формировании различий в статусе общин, хотя содержание документов как будто не дает оснований для таких выводов. Скорее, можно думать, что внутри крупных общин возникали более мелкие подразделения — имеются упоминания о «пяти дуванах внутри тхани» и т.п. Обычно для обозначения общин употреблялось слово *самья*, применявшееся как к общинам, так и к лично-свободным общинникам (ранее именовавшимся только *анак вануа* или *анак тхани*). Общины, которым даровались привилегии, могли именоваться «царскими общинами» — *самья хаджи* или *варга хаджи*.

Центральный государственный аппарат принимает в Кадири тот вид, который он сохранил в основном до конца Маджапахита. Ближе всех к монарху, как бы вне административной иерархии, стояли «великие министры» (*махамантри*) — ракерьяны Халу, Хино, Сирикан (в Матараме носители этих титулов нередко были наследниками престола, и на этом основании их можно было бы считать родственниками монарха, но в Маджапахите, о котором нам известно больше, члены царской семьи этих титулов не имели). Далее шли члены «думы» (*пакиракиран*, от *кира* — «думать»), органа, сформировавшегося, видимо, именно в эпоху Кадири.

От эпохи Кадири до нас, как уже отмечалось, дошло очень мало по сравнению с иными, как более ранними, так и более поздними периодами деловых документов, и политическую и экономическую историю Кадири мы знаем довольно плохо. Крупных архитектурных сооружений в это время также не строили. Тем не менее это не период упадка. При дворе Кадири создавались замечательные литературные произведения («Арджунавиваха» Пу Панулуха, «Бхаратаюддха» Пу Панулуха и Пу Седаха и др.). В литературной традиции Кадири уделяется значительное место. Некоторые произведения, созданные в Маджапахите, традиция относит ко времени Кадири. Один из традиционных яванских стихотворных размеров называется *кедири*, еще один — Данданг Гула по одному из имен последнего царя Кадири. Постоянным персонажем яванских народных сказаний является и кадирийский царь Джайябхайя. Напрашивается аналогия с хэйанской эпохой в Японии, когда двор также занимался в основном созданием литературных произведений. Сходным был и конец обеих эпох: власть захватили воины, неискушенные в изящной словесности.

В Кадири оформляется синкретизм шиваизма и буддизма, хотя обе религии сохраняли свою самостоятельность. Уже в ранних кадирийских надписях встречается сложное слово для обозначения священнослужителей обеих религий — *шайвасогата*. Показательно, что и первые образцы синкретизма в изобразительном искусстве также относятся к XI–XIII вв. Еще более укрепляются эти тенденции в Сингхасари.

Глава IV

МОНГОЛЫ И МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

МОНГОЛИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XII в.

Вступление монголов на историческую арену оказало огромное влияние на судьбы многих народов. Свидетельства китайских источников позволяют проследить историю монголов в глубь веков. Прямое родство их с гуннами, о котором нередко пишут, не может на нынешнем уровне знаний считаться научно доказанным.

Первые упоминания о собственно монголах под наименованиями мэнъу, мэнва относятся к эпохе Тан (VII–IX вв.). По исследованиям одних специалистов, монголы жили по южному берегу р.Амур, западнее впадения в Амур р.Сунгари и восточнее хребта Малый Хинган, по мнению других, местом обитания их было нижнее течение рек Шилка и Аргунь и верховья Амура. Согласно китайским хроникам, монголы входили в состав племен шивэй, говоривших в массе своей на монгольских языках. В тексте «Старой истории династии Тан» («Цзю Тан шу») сказано: «Шивэй — особый род киданей. Живут по северным [берегам] реки Яоюехэ. Их государство находится на северо-востоке от столицы на расстоянии свыше семи тысяч ли. На востоке оно простирается до хэйшуй мохэ, на западе до тюрок, на юге сопредельно с киданями, а на севере доходит до моря. В этом государстве нет государя и старших начальников, а есть семнадцать правителей, которые зовутся *мохэфу* и наследственно правят ими, хотя и зависят от тюрок. В качестве боевого оружия они имеют луки из рога и стрелы из дерева *ху* (тальника? — *Е.К.*) и стреляют очень метко... Временами собираются на охоту с легкими метательными копьями, а когда дело закончится, расходятся. Эти люди обрабатывают землю, но не платят поземельного налога. В селениях своих строят небольшие дома, покрывая их сверху шкурами. Объединяются в группы и живут, иногда числом до нескольких десятков или сотен семей. Заостряют деревья и делают сохи, не насаживая на них металлических наконечников. Соху тянет человек, и производится посев. Не разрешается использовать [для пахоты] быков... В качестве домашних животных там водятся собаки и свиньи. Их откармливают и поедают, а шкуры используют для изготовления кож. И мужчины, и женщины [из этих кож] шьют одежды. Волосы у них растрепанны, одежды застегивают на левую сторону. Богатые выделяют себя тем, что делают украшения из разнообразного пятицветного жемчуга. Законы, регулирующие вступление в брак, [таковы]: жених прежде входит в дом невесты и работает там три года. По этой причине он может лично близко общаться с этой женщиной. Когда срок отработки кончится, то семья невесты выделяет им их долю имущества, муж и жена садятся в одну телегу и нагружают ее. С барабанным боем и плясками они вместе возвращаются [в дом мужа]... Говорят, что при нашей династии Тан есть девять племен шивэй...» Одним из них и были мэнъу шивэй, т.е. шивэй-монголы.

В «Новой истории династии Тан« («Синь Тан шу») имеются дополнения о похоронных обрядах шивэй. Каждая группа шивэй строила большие навесы, на которые сверху клались трупы умерших. По умершим носили трехлетний траур. Если умирал правитель, то его преемником и наследником становился его сын, лишь в случае отсутствия у правителя сына на место умершего ставили сильного и решительного человека.

Ездили шивэй на телегах, запряженных быками. Жилища строили, сплетая стены из кустарника и небольших деревьев и сверху покрывая их шкурами. Или сгибали деревья и сверху покрывали плетенками. Для переправ через реки делали плоты и кожаные лодки. Лошадей — их было мало — пускали пастись стреноженными; овец не держали. Сказано также, что было 20 с лишним племен шивэй, а не 9, как в «Цзю Тан шу».

Всех шивэй тюрки называли татарами. Последний этноним впервые встречается в древнетюркской надписи в честь Кюль-Тегина в 731–732 гг., затем — в китайских текстах IX в.

История собственно монгольских племен X–XI вв. — это история постепенного продвижения их на запад, начавшегося, видимо, еще в середине VIII в. Оно сопровождалось вытеснением с территории Халхи тюркоязычных народов, которые на протяжении нескольких сот лет господствовали здесь.

Причиной продвижения монголов на запад могли стать нападения на них извне или междоусобные войны.

Согласно одному из монгольских преданий, излагаемых Рашид ад-дином, «над монголами одержали верх другие племена и учинили такое избиение среди них, что в живых осталось не более двух мужчин и двух женщин. Эти две семьи в страхе перед врагом бежали в недоступную местность, кругом которой были лишь горы и леса и к которой ни с одной стороны не было дороги... Среди тех гор была обильная трава и здоровая [по климату] степь. Название этой местности — Эргунэ-Кун. Значение слова *кун* — „косогор", а *эргунэ* — „крутой", иначе говоря, „крутой хребет"». Далее предание рассказывает, что в Эргунэ-Кун монголы размножились и стали мастерами выплавки железа и кузнечного дела. По легенде, именно искусство плавления железа помогло им выбраться из горных теснин на простор нынешних монгольских степей, к голубому Керулену, золотому Онону. «И вот они нашли одно место, бывшее месторождением железной руды, где постоянно плавили железо. Собравшись все вместе, они заготовили в лесу много дров и уголь... зарезали семьдесят голов быков и лошадей, содрали с них целиком шкуры и сделали из них кузнечные мехи. Затем заложили дрова и уголь у подножья того косогора и так оборудовали то место, что разом этими семьюдесятью мехами стали раздувать [огонь под дровами и углем] до тех пор, пока тот горный склон не расплавился».

Прародительница Чингис-хана, Алан-Гоа, родила пятерых сыновей. Двое из них родились от ее супруга Добун-Мергена, а трое — после его смерти.

Объясняя их появление на свет, Алан-Гоа утверждала, что родила их от светлорусого человека, который проникал к ней ночами через дымник юрты. Эти три сына, таким образом, были «отмечены печатью небесного происхождения». Род Чингис-хана происходил от младшего сына Алан-Гоа, Бодончара, истинным отцом которого был, видимо, Ма-алих Баяудец, тюрк (киргиз), единственный мужчина, кроме сыновей Алан-Гоа, который был в ее доме. Рашид ад-дин полагал, что Алан-Гоа жила за 300 лет до того, как он писал свой труд, т.е. на рубеже X–XI вв. По данным анонимной «Алтан

Тобчи», сын Алан-Гоа, Бодончар, родился в 970 г. Потомки Бодончара отличались рыжими волосами и светлыми глазами.

В результате переселений монголы вступили в прямой и более тесный, чем ранее, контакт с тюрками. В степной и лесостепной зоне они перешли полностью к кочевому скотоводству. Л.Р.Кызласов указывает, что у монголов имеются свои термины только для обозначения собаки, лошади и свиньи, т.е. как раз тех животных, которые были известны у шивэй. Весь скотоводческий лексикон и названия для овец, быков, верблюдов, мулов монголы заимствовали у тюрок. В свою очередь, монголы принесли с собой из Маньчжурии тип оседлого жилища — квадратного, без фундамента дома с каркасными стенами и П-образными канами для отопления. Очевидно, в X–XI вв. происходил процесс ассимиляции оставшегося в Халхе тюркского населения монголами.

Кидани, создав свою империю, империю Ляо, в X в., поставили население долины Халхи под свой контроль. В 1004 г. было учреждено «Управление по подчинению пограничных жителей Северо-западной области», центром которой стал город, по-китайски именовавшийся Чжэньчжоу, по-тюркски — Хатун (Кэдунь). Он размещался к югу от нижнего течения р.Халхи. В целом татаро-монголы были лояльны к Ляо, династии этнически родственной, хотя некоторые монгольские племена, например джаджираты и меркиты, вели с киданями изнурительные войны и к 1094 г. были сильно обескровлены киданями и их союзниками.

После гибели Ляо и утверждения чжурчжэньской династии пограничные с Цзинь племена управлялись своими предводителями. Если таковые признавали верховенство Цзинь и пригоняли скот для продажи на границе или в дар цзиньскому двору, то считалось, что они состоят на службе династии и охраняют границы империи. За это цзиньские власти платили зерном, шелком, деньгами.

К середине XII в. относится появление первого монгольского государства — Хамаг монгол улуса («Государства всех монголов»). Еще при династии Ляо часть монгольской знати получила от киданей должности и титулы знатности, такие, как *линвэнь* или *сяовэнь*, военачальников пограничных войск, именовавшихся цзю. После гибели Ляо татаро-монголы поддержали Елюй Даши, представителя утратившей свое государство династии, оказали ему помощь, в том числе и войсками, выставив для него более чем десятитысячную армию. Эта поддержка татаро-монголами Елюй Даши, который хотя и не смог вернуть власть дому Елюй и ушел на запад, в Семиречье, но представлял для чжурчжэней постоянную угрозу, привела к конфликту между татаро-монголами и чжурчжэнями. С 1135 по 1147 г. монголы ведут войну с Цзинь. Поводом для войны помимо общей напряженности отношений с 1125 г. послужила попытка чжурчжэней погубить правителя монголов Хабул-хана. К Хабул-хану прибыли одно за другим два посольства Цзинь, требуя его приезда ко двору. Хабул-хан членов второго посольства перебил, что и привело к войне Цзинь с монголами. Чжурчжэни в это время успешно добивали сунский Китай, к войне с монголами относились без должного внимания, и эта война была успешной для монголов. В 1147 г. между Цзинь и монголами был заключен мир. Цзиньские власти уступили монголам 17 укреплений к северу от р.Сининхэ, которая стала пограничной.

К этому времени относится чрезвычайно важное сообщение китайского источника о том, что монгольский хан Аоло боцзиле (Олунь бэйлэ) был признан чжурчжэнями государем государства Монголов (Мэнфуго чжу).

Однако Аоло, как это нередко бывало, в пределах своих владений не довольствовался титулом государя (*чжу*) и принял императорский титул *цзуюань хуанди*. Он объявил свой девиз царствования — Тянь-син, или «Расцвет, дарованный Небом». Принятие своего девиза правления означало оповещение о независимом правлении. На предложение цзиньского двора довольствоваться титулом *го ван*, или «князь государства», Аоло ответил отказом.

Большинство исследователей отождествляют Аоло боцзиле с Хабул-ханом. В «Тайной истории» о Хабул-хане сказано: «Всеми монголами ведал Хабул-хаган. После Хабул-хагана... стал ведать Амбагай-хаган». Амбагай-хаган имел титул «всенародного кагана и государя улуса». Монгольское *улусун эджен*, «государь улуса», если и не соответствовало китайскому хуанди, «император», то уж наверняка могло иметь своим абсолютным эквивалентом титул *го чжу* («государь государства»). Рашид ад-дин именует Хабул-хагана «монгольским ханом», «государем и правителем своих племен и подчиненных». Древние монгольские правители носили сяньбийско-жуаньжуаньско-тюркский титул *каган* (*хаган*). Титул *хан*, равнозначный титулу *хаган*, появился позже.

Хабул-хан был сыном Хайду. У Хайду был второй сын, Бай-Шинкор Докшин. Линия (*урук*) Бай-Шинкор Докшина является линией Чингис-хана. От Бай-Шинкор Докшина вел свое происхождение род Кият, в котором родился Чингис-хан. Был у Хайду и третий сын, Чаракай-линку, от которого происходили тайчиуты, сыгравшие столь большую роль в судьбе Чингис-хана. Все вместе это были «природные» монгольские ханы, или хаганы.

В Хамаг монгол улусе после смерти Хабул-хагана власть перешла не к его сыновьям, а к Амбагай-хагану, внуку Хайду и двоюродному брату прапрадеда Темучжина — Чингис-хана Тумбинай-сечена.

Амбагай-хаган если и правил всем Хамаг монгол улусом, то недолго. Он был пленен татарами и выдан ими чжурчжэням, которые его казнили. Около 1160 г. Хамаг монгол улус окончательно распался, вероятно, из-за соперничества и борьбы за власть членов ханского дома.

После распада Хамаг монгол улуса монголы жили в долинах рек Онон и Керулен, по р.Тола. Северо-восточные области Монголии и Забайкалье заселяли урянхаты. Брачными партнерами клана, из которого происходил Чингис-хан, были хунгираты, они жили в Юго-Восточной Монголии. Тайчиуты, одна из сильнейших групп монголов, выделившаяся из Хамаг монгол улуса, обитали по р.Онон. В районе озер Буир-Нор и Далай-Нор жили татары. В нижнем течении р.Орхон и по Селенге расселялись меркиты. Все это были монголоязычные народы. Кереиты кочевали в предгорьях Хангая, по рекам Керулен, Орхон и Тола. Есть мнения, что кереиты одними из первых ушли на запад. Несколько столетий они жили по соседству с тюрками и смешались с ними или подверглись сильному тюркскому влиянию. Есть и иные мнения. П.Рачневский считает, что кереиты были исконно тюрками, первоначально они жили на Иртыше и Алтае и были оттеснены на восток найманами. Здесь они в значительной степени оказались монголизированными. Кереиты были христианами несторианского толка.

Западные области современной Монголии занимали найманы. Относительно этнической принадлежности найманов в науке также нет единства. Одни считают их монголами, другие — тюрками. Как и кереиты, найманы были христианами-несторианами. Между Ангарой и Енисеем в таежной зоне обитали ойраты, «люди лесов».

Население Монголии в XII в. по образу жизни подразделялось на лесных и степных. Лесные народы жили в таежной и притаежной зоне и занимались охотой и рыболовством. Основная часть населения Монголии кочевала и вела кочевое скотоводческое хозяйство. Монголы были невысоки ростом, но отличались большой физической силой и выносливостью. Мужчины носили широко распространенную в Северном Китае прическу *туфа*, о которой уже говорилось. Жили монголы в юртах, разборных или установленных на телегах. Повозку с установленной на ней юртой перевозили быки. На стоянках монголы располагались куренями (кольцом). Они разводили коней, коров и быков, овец и коз, в меньшем количестве — верблюдов. Обычно на одну лошадь приходилось шесть-семь овец и коз. Владелец клеймил скот своей личной тамгой. Монголы-кочевники охотились и в ограниченной степени занимались земледелием, сеяли в основном черное клейкое просо. Молоко, мясо, рыба, жидкая каша из проса, дикорастущие коренья, растения и плоды составляли основной пищевой рацион монголов. Поклонялись монголы Небу, Земле и духам, например духу огня Ут.

Нет в науке единства и в оценке уровня развития татаро-монгольских племен в XII в. Но постепенно верх берет точка зрения тех ученых, которые отказываются считать монгольское общество XII в. родо-племенным, обществом «военной демократии» и т.п. Это было общество классовое, разделенное прежде всего на лично-свободных и рабов (*богол* — рабы-мужчины, *индже* — рабыни). Источниками рабства являлись пленение и покупка людей. Известно, что чжурчжэни пригоняли на границу большие партии рабов и обменивали их у татаро-монголов на лошадей. Монголы объединяли рабов в пары для получения потомства. Рабы трудились в семье хозяина в услужении, они делали и основную работу — пасли скот и ухаживали за ним. Рабы предка Чингис-хана, Бодончара, «пасли его коней», рабы Тоорил-хагана кереитского «пасли верблюдов и овец». Как и во многих обществах мира, рабы у монголов приравнивались к скоту. От раба требовали верно и преданно служить хозяину. «Если раб не предан хозяину, — поучал Чингис-хан, — убить его».

Среди людей лично-свободных были люди богатые — *баян* и бедные — *ядагу хувун*. Они делились на людей своего урука — потомков по мужской линии от одного предка и чужаков, не сородичей — *джат*. Наконец, лично-свободные люди делились на благородных — *сайн хувун* и простолюдинов — *карачу*. Среди благородных выделялись «золотые роды», природные хаганы, *тус хаган*. В отличие от простых скотоводов — *аратов* богатые и знатные люди составляли сословие *нойонов*. Со времени Ляо хаганы и нойоны имели китайские и смешанные, как говорят, «китайско-алтайские», титулы, которые они получали от киданей и чжурчжэней. Темучжин — Чингис-хан имел чин *чаутхури*, сотника. Наряду с заимствованными и полученными из Ляо или Цзинь у монгольской знати были свои титулы: *мерген* («отличный стрелок из лука»), *сечен* («мудрый»), *баатур* («богатырь»), *бука* («силач»), *бильге* («мудрый») и т.п. Это были не просто характеристики личных качеств человека, а именно звания, титулы, которые определяли место лица, носившего это звание, в обществе, в системе управления государством, улусами татаро-монголов.

«Улус» как государственное образование означал, как писал Б.Я.Владимирцов, «народ, образующий государство-владение», и ту территорию, на которой кочевал этот народ, его пастбища, *нунтуки*. В кочевом государстве, улусе, люди в известном смысле были значимее территории, и

поэтому увод, уход, гибель людей означали развал, гибель улуса. Поэтому столь большое значение имело понятие «собрать улус». Во главе улуса, как правило, стоял хаган. Его опорой были его урук, сородичи, происходившие от общего мужского предка (свойственники, родня по бракам составляли другую группу — *худа*), и *нукеры*, дружина хагана (*нукер* — букв. «друг»), его гвардия. Нукеры управляли ставкой хагана (позже — *орда*), его сородичами — уруком, командовали гвардией хагана и его воинскими формированиями. Воинами руководили так называемые лучники и носители сабель. Из числа нукеров назначались управляющие хозяйством, стадами овец, конскими табунами и т.п., люди, которые управляли перекочевками. При хагане имелись конюшие, кравчие, *черби* (люди, ведавшие прислугой и домашними людьми хагана). Источники позволяют выделить в улусе XII в. три группы должностных лиц: тех, кто управлял ставкой хагана, тех, кто командовал его вооруженными силами, и тех, кто ведал хозяйством как самого хагана, так и всего улуса.

МОНГОЛИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII — НАЧАЛЕ XIII в. ВОЗВЫШЕНИЕ ЧИНГИС-ХАНА И СОЗДАНИЕ ЕДИНОГО МОНГОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА

Общепринятая хронология основных событий в Монголии во второй половине XII в. отсутствует. Нет точных сведений и о дате рождения Темучжина, будущего Чингис-хана. Очевидно лишь, что это была пора развала первого государства монголов Хамаг монгол улуса в 50–60-х годах XII в. Его отец, Есугай-баатур, был отравлен татарами, с которыми родня Темучжина враждовала. Девятилетний Темучжин остался с матерью, Оэлун-фучжин, покинутой людьми, подчинявшимися ранее Есугаю-баатуру, среди которых самыми сильными были тайчиуты, создавшие свой улус. Юношей Темучжин на почве соперничества вместе со своим младшим братом, Хасаром, убил их сводного брата Бектера. За это он был подвергнут правителем тайчиутов Торгутай-Кирилтухом «законному наказанию»: забит в шейную деревянную колодку, *кангу*, — и содержался у тайчиутов как заключенный. Возможно, этот факт породил имеющиеся в некоторых источниках сведения о том, что в юные годы Темучжин был в плену и рабстве. Бежав от тайчиутов, Темучжин постепенно обзавелся нукерами и в 70-80-х годах XII в. сделал первые шаги в сложной политической борьбе. Он обратился за помощью к Тоорил-хагану, правителю кереитов. Тоорил-хаган был побратимом (*анда*) отца Темучжина, он пообещал Темучжину «собрать его разрозненный улус». Нападение на ставку Темучжина меркитов, пленивших жену Темучжина, Борте, дало повод Тоорил-хагану выступить в поход против меркитов при условии, что в нем примет также участие молодой представитель монгольского ханского рода Чжамуха. В детские годы Чжамуха и Темучжин были побратимами. В момент конфликта бóльшая часть монголов шла за Чжамухой, признававшим старшинство Тоорил-хагана в рамках традиционной дипломатии тех мест и тех лет и считавшего его старшим братом, а себя — младшим. Чжамуха принял участие в походе на меркитов, которые были разбиты. Темучжин возвратил жену, союзники получили добычу и рабов. Рашид ад-дин указывает точную дату похода на меркитов — 1177–1178 гг. Темучжин уже в этом походе проявил свой характер, постановив, чтобы и впредь в войнах с меркитами «никого из меркитов не

оставляли в живых, а всех убивали» (Рашид ад-дин). После меркитского похода Чжамуха и Темучжин стали совместно править монголами. Однако позднее, к 1180 г., если верить Рашид ад-дину, Темучжин отделился от Чжамухи, будучи уже обладателем собственного улуса. Часть монгольской знати, в том числе представители природных монгольских ханов, пошли за Темучжином. Этой знатью Темучжин был провозглашен ханом, избранником «Вечного синего Неба». Именно в это время Темучжин получил свой титул Чингис-хан, смысл которого не имеет общепринятого объяснения. Многие сходятся на том, что это тюркское тенгис, «океан», и титул означал «хан-океан», «хан, власть которого безбрежна, как океан». Расхождения в датировке этого события, важнейшего и в жизни Монголии, и в личной карьере Чингис-хана, достигают десяти лет. Мы уже упоминали, что Рашид ад-дин указывает 1180 г., монгольский историк Ш.Сандаг и китайский историк Хань Жулинь — 1189 г., Л.Гамбис — 1190 г.

Чингис-хан, видимо, искренне верил в свою избранность высшими силами, в свое предназначение объединить всю Монголию, да и не только Монголию, а весь доступный мир. Эта вера подогревалась его ближайшим сподвижником — шаманом Кокочу (Теб-Тенгрием). Устраивая свой улус, организуя аппарат управления, Чингис-хан поставил высшими администраторами своих сподвижников и сторонников. Управлять всеми должностными лицами, а также гвардией и нукерами были поставлены Боорчу и Чжелме. Во главе армии встал младший брат Чингис-хана, Хасар. Командование передовыми частями армии было поручено Субетай-баатуру, которого Чингис-хан называл «своей опорой и щитом».

История Монголии последних двух десятилетий XII в. — это история борьбы Чингис-хана и его соперников за власть над монголами и Монголией. В этой борьбе Чингис-хан пользовался поддержкой Тоорил-хана; главным его соперником был Чжамуха. Желание видеть в них носителей двух различных путей развития монголов (Чжамуха — «демократ», Темучжин — «степной аристократ», по В.В.Бартольду и Б.Я.Владимирцову; Чжамуха — «консерватор», борец за «племенное состояние монголов», Темучжин — «борец против племенной иерархии, племенного порядка», по П.Рачневскому, и т.п.) вряд ли имеет основание. Социальные силы, стоявшие на стороне как Чжамухи, так и Темучжина, были одного порядка. Представители ханского правящего монгольского клана, нойоны, нукеры принимали сторону той или другой личности, а не боролись за ту или иную идею. Идея была одна — объединение всех монголов, реставрация Хамаг монгол улуса под властью одного хана и, как логическое развитие такого объединения, усиление — объединение под властью монгольского хана всей кочевой ойкумены. Объединение и сильная централизованная власть были выгодны скотоводам-кочевникам, особенно после периода разброда, обеспечивая им порядок и относительную безопасность от взаимных грабежей.

Около 1187 г. или несколько позже произошло первое крупное военное столкновение Чжамухи и Чингис-хана в Далан-Балчжутах, в верховьях р.Онон. Источники противоречиво сообщают об его исходе. Большинство исследователей доверяют «Тайной истории» и склонны считать, что свое первое большое сражение Чингис-хан проиграл, хотя силы соперников были примерно равны — по 30 тыс. воинов с той и с другой стороны. Чжамуха заживо сварил 70 военачальников Чингис-хана, попавших в плен.

После поражения при Далан-Балчжутах Чингис-хан почти на десятилетие выключается из активной борьбы. П.Рачневский высказывается за то, что эти годы Чингис-хан провел или на территории чжурчжэньской импе-

рии Цзинь, или возле ее границ. С середины XII в. цзиньские императоры проводили в сопредельных монгольских степях политику «сокращения совершеннолетних». Раз в каждые три года экспедиционный корпус Цзинь вторгался в пределы Восточной Монголии и истреблял местное мужское население или угонял его в рабство в Цзинь. В ответ кочевники столь же регулярно разоряли пограничные области империи чжурчжэней. Много хлопот империи причиняли своими набегами татары.

В 1196 г. в поход против татар выступила армия под командованием Ваньянь Сяна. Татары были разбиты у р.Керулен и бежали по р.Ульдза. Их преследовал цзиньский корпус под командованием Ван Аньго, который предложил Тоорилу и Чингис-хану выступить против татар. Кереиты и монголы Чингис-хана разгромили татар у оз.Торей. За эту помощь Чингисхан и получил от цзиньских властей упоминавшийся выше чин *чаутхури*. Тоорил-хаган получил титул *вана* (князя) и впредь стал именоваться Ван-хан (Онг-хан). Получение чина от чжурчжэней способствовало укреплению положения Чингис-хана.

В 1198 г. армии Цзинь совершили новый поход в Восточную Монголию против хунгиратов и других татаро-монгольских племен. Однако в результате внутренних неурядиц внешнеполитическая активность чжурчжэньского государства стала ослабевать. Это создало Чингис-хану благоприятные условия для закрепления в Восточной Монголии. Произошли перемены и на западе Монголии, где найманский улус распался на два во главе с Таян-ханом и Буюрук-ханом. В 1198–1199 гг. кереитский Ван-хан, Чжамуха и Чингис-хан с молчаливого одобрения Таян-хана нанесли поражение Буюрук-хану. Однако перед решающим сражением Ван-хан и Чжамуха тайно ночью покинули Чингис-хана в надежде, что найманы расправятся с ним. Но найманы вместо этого всеми силами обрушились на кереитов, и Чингисхану самому пришлось идти выручать своего «хана-отца». Вероятно, в 1200 г. Чингис-хан совершил поход против тайчиутов. Столь велика была его ненависть к тайчиутам, что сражение с ними — единственное, про которое точно известно, что Чингис-хан участвовал в нем лично. В бою он был ранен.

В 1201 г. сторонники Чжамухи провозгласили его *гурханом*. За Чжамухой шли не только монголы, но и представители многих других племен и народностей Монголии (татары, найманы, меркиты, ойраты, тайчиуты). Обряд возведения Чжамухи в гурханы был совершен у впадения в Аргунь р.Ган. Силы, объединившиеся вокруг него, открыто объявили своими врагами Ван-хана и Чингис-хана. Таким образом, к началу XIII в. произошло четкое размежевание сил, боровшихся за власть в Монголии. Реально союз Ван-хана и Чингис-хана был непрочным, в принципе каждый из ханов-соперников стоял сам за себя. Желая прочно укрепиться в Юго-Восточной Монголии, Чингис-хан в 1202 г. обрушился на татар. Если не считать войны с сородичами-тайчиутами, то это был первый поход Чингис-хана в одиночку против одной из сильнейших татаро-монгольских народностей. Неподалеку от оз. Буир-Нор, в местности Далан-Нумерген, татары потерпели поражение. По выражению Рашид ад-дина, Чингис-хан сделал татар «кормом для своего меча», истребив всех взрослых мужчин и подростков, оказавшихся ростом выше тележной оси. Победа Чингис-хана наметила изменение баланса сил в Монголии в его сторону. Возможно, в это время Чингис-хан имел ставку у оз. Бальчжуна в Северо-Восточной Монголии. Именно здесь его посетили мусульманские купцы Джафар-ходжа, Хасан и Данишменд-хаджиб. Как полагают, именно от них Чингис-хан получил по-

дробную информацию о положении в Восточном Туркестане и Мавераннахре.

Ван-хан предложил Чингис-хану породниться и обещал выдать свою дочь за старшего сына Чингис-хана, Чжочи. Чингис-хан поехал на сговор в ставку кереитов с небольшим эскортом. Однако по дороге Чингис-хана отговорил от поездки один из старых и преданных его сторонников — Мунлик. Чингис решил вернуться, и как раз в это время поступило сообщение, что войска кереитов выступили против него. Кереитов поддержал Чжамуха.

Во время сражения Чжамуха отказался от решительной поддержки кереитов. В бою был ранен сын Ван-хана, Сангум Илха, его жизнь оказалась под угрозой, и кереиты покинули поле сражения. Это, вероятно, спасло Чингис-хана от крупного поражения, если не полного разгрома. Он отступил к оз. Бальчжуна с небольшим отрядом. Те, кто остался с ним и пришел к озеру, в знак клятвы верности пили мутную воду из заболоченного озера. Позже все они получили особые права и привилегии за свою преданность хану в трудную для него минуту. Чингис-хан вынужден был вступить в переговоры с Ван-ханом, во время которых он проявил незаурядные качества дипломата. Он величает Ван-хана «ханом-отцом», полагая тем самым себя «подданным и сыном».

Но уже в следующем, 1203 г. Чингис-хан, отбросив недавнее смирение, даже не делая ночных остановок, двинулся с войсками к ставке Ван-хана. Нападение было неожиданным. После трех суток сражения кереиты были наголову разбиты. Ван-хан и его сын, Сангум, бежали на запад, к границам найманского улуса. В пути они наткнулись на найманский караул. Ван-хан был убит, а его голова доставлена найманскому Таян-хану. Сангум бежал. Чингис-хан, судя по имеющимся сведениям, не истребил кереитов, а расселил их, с тем чтобы они не жили монолитно, и много кереитов раздарил своим близким и воинам, приказал «кереитский народ... раздать во все концы», «всех вдоволь оделил он кереитскими пленниками».

Победа над кереитами осенью 1203 г. — второй крупный успех Чингисхана после разгрома татар. Был уничтожен крупнейший улус Монголии.

Чжамуха в борьбе с Чингис-ханом мог теперь иметь в союзниках только найманов. Если верить «Тайной истории», то найманский хан решил не дожидаться нападения и самому начать войну с Чингис-ханом. Он решил заполучить в союзники онгутов, народ, живший по границе с Цзинь у Великой Китайской стены, и прислал послов. Через послов он просил хана онгутов Алахуша «стать его правой рукой» в борьбе с Чингис-ханом. Алахуш не только отказался быть «правой рукой найманов» в предстоящей войне против Чингис-хана, но и поспешил известить Чингис-хана о намерениях найманов.

В 1204 г., имея ставку на р.Халхе в урочище Орноуйн кельтей хада, Чингис-хан провел в своем улусе ряд реформ. Он поделил всех своих подданных на десятки, сотни и тысячи (на группы людей, способных в случае нужды выставить десять, сто, тысячу воинов с оружием, доспехами и конем), поставив во главе этих единиц администраторов-командиров: десятников, сотников и тысячников. Эта реформа наносила удар по этнической и племенной разобщенности его улуса. Были введены должности управителей — *черби*. Черби ведали людьми и хозяйством улуса, ханской ставкой и гвардией хана. Служба гвардии была заново регламентирована. Реформы привели в порядок сильно подорванный войной с кереитами улус Чингисхана. Если предположить, что Чжамуха в это время жался к найманам, то

улус Чингис-хана уже охватывал практически всю Восточную и Центральную Монголию.

Летом 1204 г. войска Чингис-хана подступили к границам остававшегося независимым найманского улуса. Противники сошлись у горы Наху-гун в Монгольском Алтае. Найманы потерпели полное поражение. Сам Таян-хан пал в бою. С оставшимися в живых и не попавшими в плен ушел на запад лишь сын Таян-хана, Кучлук. Так не стало еще одного сильного улуса в западных пределах Монголии.

В том же, 1204 г. Чингис-хан совершил поход на меркитов. Проведя зиму 1204/05 г. на южных склонах Алтая, Чингис-хан весной 1205 г. перевалил Алтай и на западных его склонах атаковал бежавших туда правителя меркитов Тохтоа-беки и Кучлука. Тохтоа-беки пал в бою. Кучлук в сопровождении многих недовольных воцарением Чингис-хана в Монголии ушел к кара-китаям на р. Чу.

Вслед за этим большинство сторонников Чжамухи перешли к Чингисхану. Чжамуха остался лишь с небольшой группой людей, которые скоро предали его. Он был схвачен сопровождавшими его воинами и доставлен к Чингису, который и приказал казнить его (1205 или 1207 г.).

Таким образом, к 1206 г. завершилось смутное для Монголии время, когда, по словам одного из приближенных Чингис-хана, «все друг друга грабили», «всесветная брань шла». Это была борьба ханов и борьба этносов — монгольского, кереитского, найманского, татарского, меркитского — за преобладание в Монголии. Одновременно шел процесс сложения нового этноса — одной монгольской народности, вытеснения из Монголии тюркских этносов и монголизации страны. Необъятные просторы оказались под властью монголов и уже убеленного сединами Чингис-хана. Отныне эта земля постепенно получит имя победителей и станет Монголией, а населявшие ее этносы станут забывать свои самоназвания и именоваться монголами. Для части внешнего мира в память о былом могуществе татар они останутся монголо-татарами и татарами.

Оформил объединение *курултай*, или собрание представителей ханского рода и кочевой знати, который собрался весной 1206 г. у истоков р. Онон. В «Тайной истории» читаем: «Когда он (Чингис-хан. — *Е.К.*) направил на истинный путь народы, живущие за войлочными стенами, то в год барса (1206) состоялся курултай, и собрались у истоков реки Онон. Здесь воздвигли девятибунчужное белое знамя и нарекли ханом Чингис-хана». Интронизация Чингис-хана сопровождалась шаманскими обрядами, которыми руководил придворный шаман Теб-Тенгрий.

Следуя давней центральноазиатской традиции, Чингис-хан разделил улус на центр и правое и левое крыло, во главе которых были поставлены темники. Вся Монголия была поделена на 95 военно-административных районов — «тысяч», которые были обязаны выставлять примерно по тысяче конных воинов, во главе с нойонами-тысячниками. Тысячи делились на сотни. Нойоны-тысячники получали от хана *хуби* (вознаграждение за службу, *хуби* означало и удел). Должности темников, тысячников и сотников являлись наследственными. Основной корпус тысячников составили сородичи Чингис-хана и те люди, которые оказали ему помощь в борьбе за власть. По подсчетам некоторых исследователей, население улуса Чингисхана на начало XIII в. составляло 1 млн. человек.

Согласно «Ясе», или своду законов нового монгольского государства, люди в «тысячах» были прикреплены к месту своего проживания. Ата Малик Джувейни сообщает: «А еще яса такая: чтобы никто из тысяч, сотен

или десятков, к которым он приписан, не смел уходить в другое место или укрываться у других, и никто того человека не должен к себе допускать, а если кто-либо поступит вопреки этому приказу, то того, кто перебежит, убьют всенародно, а того, кто его укрыл, ввергнут в оковы и накажут». «Яса», возможно, была введена еще в 1203 г. К сожалению, текст «Ясы» известен лишь в пересказах разных авторов. Очевидно, что это был свод уголовного, гражданского и военного, а также административного права.

Были усовершенствованы службы хозяйственная, двора, военно-полицейская. Был организован своеобразный секретариат, в который назначены составители распоряжений и ханских указов, писцы и переводчики. Делопроизводство велось уйгурским письмом, приспособленным для монгольского языка. По сведениям «Тайной истории» и «Юань ши» («История династии Юань»), употреблению письма монголов обучил уйгур-чиновник на найманской службе Тататунга, хранитель ханской печати. Чингис-хан приказал ему учить читать и писать молодых членов своей семьи и молодых нукеров и нойонов.

Была расширена служба гвардии. В гвардию набирали «сыновей и младших братьев» тысячников и сотников. Служа при дворе хана, они одновременно становились и заложниками, привязывая прочнее своих старших братьев и отцов к хану. Из числа гвардейцев-*кешиктенов* набирали чиновников в аппарат управления.

Темники, тысячники, сотники, десятники выполняли различные функции по управлению. Тысячник, в частности, управлял вверенным ему населением, распределял пастбища, руководил перекочевками, организовывал труд пленных ремесленников и земледельцев, собирал налоги хану, следил за состоянием боевых коней, изготовлением оружия и доспехов, отбирал людей на службу и войну, сам мог возглавить отряд от своей тысячи. Наконец, тысячник или сотник обеспечивали работы почтовой службы. Возможно, что они являлись и судьями на местах.

Члены урука Чингис-хана получили *хуби* — уделы, с числом юрт от 1500 до 10 000. Ко всем родственникам для наблюдения за ними были приставлены нойоны — люди, преданные хану. Уделы были пожалованы и некоторым заслуженным нукерам хана. Право на удел закреплялось ханским указом (*ярлыком*) и особым символом — *дщицей гереге*. Особо заслуженные люди жаловались также *дархатством* — освобождением от повинностей в пользу хана. Повинности обычно состояли из поставок скота (квоты поставок были уточнены при Огодое), кумыса, а также службы кровью, необходимости в указанное время явиться на воинскую службу с оружием, конем и доспехами. По всему улусу была учреждена ямская почтовая служба, заимствованная из Китая. Из Китая же были позаимствованы символы делегирования власти, наделения управителей особыми полномочиями, — верительные бирки, *пайцзы* из золота и серебра.

Официально государство Чингис-хана именовалось Ехе Монгол улус — «Великое монгольское государство». По некоторым данным, так именоваться оно стало с 1211 г.

В сознании хана и его окружения, в полном соответствии с идеологией региона и эпохи, власть была дарована хану высшим божеством — Небом. Хан обладал двумя видами благодати: силой — *кючю* и особой харизмой — *су*. Власть хана полагалась универсальной, универсализм ее состоял в том, что не существовало разницы между властью над реальными подданными его государства и подданными потенциальными. Хан был представителем Неба на земле. Отказ любого правителя, любого народа признать его

власть рассматривался как мятеж, подлежащий подавлению силой. Эта выработанная на основании центральноазиатских и китайских представлений о природе власти кагана (императора) концепция, в общем нереалистическая в обычной практике международных отношений, проводилась силой оружия не один десяток лет в ходе монгольских завоеваний. Внутри страны концепция универсальности власти хана была ограничена правом сородичей и знати на утверждение хана в должности на курултае.

Монгольская и отечественная наука связывают появление единого монгольского государства и реформы Чингис-хана с переходом Монголии к феодализму. Часть современных китайских авторов считают государство Чингис-хана рабовладельческим. В том и другом случае следует признать развитость государства, наличие в нем зрелых классовых отношений.

ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ВОЙНЫ ЧИНГИС-ХАНА

«Великое монгольское государство» — Ехе Монгол улус было создано путем войны. «Инерция войны», отмечал Б.Я.Владимирцов, с его созданием не только не ослабла, напротив — нарастала. Чингис-хан, закалившийся сам в горниле войны, культивировал — и это хорошо видно из его поучений-*биликов* — идеал воина-завоевателя, смысл жизни которого в том, чтобы вооруженной рукой добиться славы, власти и благополучия, насладиться гибелью и позором врага, надругаться над его женами и детьми. Успешные войны с соседями являлись цементирующим фактором существования монгольского государства.

Завоевательная политика Чингис-хана имела свое идеологическое обоснование. Оправданием ее служила идея об избранности Вечным Небом Чингис-хана как хана всех народов. «Неупорядоченные и безрассудные народы, — писал Рашид ад-дин, — подлежали подчинению силой оружия и управлению ими с помощью „Ясы“». Род хана должен был получить «затканные золотом одежды» и «вкусные и жирные яства», а воины помимо вкусной еды и богатых одежд — хорошие травянистые пастбища. Высшим наслаждением воина почиталось «подавить возмутившегося и победить врага», заставить его женщин «рыдать и обливаться слезами». Немалую роль играло возведение в ранг политики чувства мести: во внутренней борьбе, по меньшей мере, в отношении к тайчиутам, татарам, меркитам, вне Монголии — к правящему чжурчжэньскому дому государства Цзинь, за обиды, причиненные предкам Чингис-хана, к тангутам — за то, что они отказались участвовать в походе на запад, на государство хорезмшаха, и т.д.

Первые удары одного из самых сильных в тогдашнем мире войск Чингис-хана — превосходной конницы, сплоченной железной дисциплиной и жаждой добычи, — обрушились на южных соседей Монголии — тангутское государство Си Ся и империю Цзинь.

В конце 1205 г. монголы в первый раз напали на западные районы Си Ся и разорили ряд небольших тангутских городов и крепостей. Это была удачная для Чингис хана проба сил. Набег показал слабость врага и принес богатую добычу, качественно иную, чем та, которую монголы захватывали у кочевников. Возможно, удар не случайно был нанесен именно по западным районам Си Ся. Слабость и Си Ся, и Цзинь в известной мере определялась полиэтническим составом населения этих государств.

Осенью 1207 г. Чингис-хан начал уже настоящую войну с Си Ся, он участвовал в этом походе лично и поставил перед своими войсками задачу уничтожения тангутского государства. В Си Ся монголы могли отработать тактику взятия больших городов, ознакомиться с военной инженерной техникой и создать свои военно-инженерные части. Монголы, двигаясь прямо на юг по территории Си Ся, достигли гор Хэланьшань и здесь были блокированы тангутскими войсками. Всю зиму 1207/08 г. они грабили окрестности, но добиться значительного военного успеха не смогли. В это же время, в 1207 г., старший сын Чингис-хана, Чжочи, был отправлен с экспедиционным корпусом на северо-западные границы Монголии для покорения «лесных народов». Под власть Чингис-хана в результате похода Чжочи попали киргизы верховьев Енисея, ойраты, тумэты и ряд других народов Южной Сибири.

В 1208 г. Чингис-хан предпринимает меры для укрепления своего юго-западного и южного флангов. Его войска вновь атаковали найманского Кучлука с целью добить оставшихся найманов и меркитов. Кучлук бежал к кара-китаям. Этот поход, как и походы на Си Ся, побудил уйгуров, давно враждовавших с тангутами и страдавших от засилья кара-китаев, принять сторону Чингис-хана. *Идикут* (правитель) уйгуров Барчук, приняв такое решение, в 1211 г. прибыл в Монголию на берега Керулена, где получил аудиенцию у Чингис-хана. Его акция была весьма важной для монголов, под контроль которых без войны переходил богатый и стратегически важный регион. Идикут был обласкан. Его объявили «пятым сыном» Чингис-хана, ему отдали в жены дочь Чингис-хана, Ал-Атуну. Подчинение уйгуров было очевидным и крупным внешнеполитическим успехом Чингис-хана. В своих владениях уйгурские идикуты сохраняли самостоятельность, но они помогли монголам в завоевании тангутского государства, а позже участвовали в войнах против хорезмшаха.

В том же, 1211 г. Чингис-хану также добровольно подчинились тюрки-карлуки, кочевавшие по рекам Или и Чу, у оз. Балхаш. Отряд монголов, который разгромил Кучлука, двигался к владениям карлуков. Правитель карлуков, Арслан-хан, принял решение подчиниться добровольно. В том же году, что и уйгурский идикут (1211 г.), карлукский Арслан-хан приехал в Монголию, его подчинение было принято. Как и уйгуры, карлуки оказывали монголам содействие в их завоеваниях.

Весной 1209 г. Чингис-хан в третий раз повел свои войска против тангутов. Из первых двух больших сражений одно закончилось победой монголов, второе — победой тангутов. Победив, тангуты не проявили решимости закрепить и развить успех. Поэтому в октябре 1209 г. монголы впервые появились под стенами столицы Си Ся г. Чжунсин (совр. Иньчуань, Нинся-Хуэйский автономный район КНР). Началась длительная осада города. Тангутский государь обратился за помощью к чжурчжэням. Чжурчжэни до этого три года воевали с китайским государством Южная Сун и только в 1208 г. заключили с ним мир. По этой или еще по каким-то другим причинам правительство Цзинь в грубой форме отказало в помощи Си Ся, лишившись тем самым и своего будущего союзника, когда они вскоре стали нуждаться в нем. Кажется, лишь случай спас в 1209 г. Си Ся от гибели. Были согнаны огромные массы людей, река запружена, положение осложнялось обильными дождями, вода прибывала на глазах и грозила поглотить город. Но прежде чем это произошло, плотина прорвалась, и вместо столицы Си Ся затопленным оказался лагерь осаждавших монголов. Начались переговоры о мире. По тангутско-монгольскому договору от 1210 г. Тангут-

ский государь признавал свою зависимость от монголов (государь Си Ся признал себя *чэнь*, т.е. своего рода «вассалом»). Он обещал быть «правой рукой» Чингис-хана, т.е. участвовать в его войнах и походах. Тангутская принцесса Чахэ была отдана в жены Чингис-хану.

Таким образом, обеспечив свои юго-западные и южные фланги, Чингисхан готовился к войне со своим главным противником в Восточной Азии — государством Цзинь. Чингис-хан разорвал отношения с династией, которой некогда выплачивал дань и у которой состоял сотником на службе. Поводом послужил приход к власти в государстве Цзинь нового правителя Вэй вана Юнь Цзи, которому Чингис-хан отказался повиноваться, так как считал его «слабым и заурядным человеком».

Цзинь и монгольскую степь разделяли ров длиной в полторы тысячи километров и система инженерных оборонительных сооружений. Монголы готовились к штурму цзиньских границ. Делали щиты и иные приспособления для штурма, ковали наконечники стрел и копий. По донесениям цзиньских пограничных военачальников, монголы так берегли коней, что в их лагерях солдаты сами впрягались в телеги.

Во второй луне (15 февраля — 11 марта) 1211 г. монгольские армии, предводительствуемые лично Чингис-ханом, прорвали пограничную оборону Цзинь и начали продвижение по территории чжурчжэньского государства на юг — юго-восток. Первый период войны с Цзинь охватывает 1211–1216 гг. Все эти годы война велась при личном участии Чингис-хана. У хребта Ехулин (в совр. пров. Хэбэй) была сосредоточена 300-тысячная армия Цзинь. В решающем сражении она была разбита. По словам «Тайной истории», «пошло такое истребление, что кости трещали, словно сухие сучья», а убитых было столько, что «все равнины стали издавать зловоние». Цзиньские армии не смогли сдержать монголов и у Великой Китайской стены. К осени 1211 г. монголы вышли к заставе Цзюйюнгуань неподалеку от Средней столицы Цзинь (г.Пекин). «Дороги были завалены грудами трупов, как гнилыми деревьями». В конце осени 1211 г. монголы на короткое время осадили Пекин. Зимой 1211/12 г. на территории Маньчжурии восстал цзиньский тысячник, кидань Елюй Люгэ, и вся территория Маньчжурии была утрачена для Цзинь.

Зиму 1211/12 г. Чингис-хан провел в Монголии, а весной 1212 г. его войска тремя колоннами снова вторглись в Цзинь. Была взята Западная столица Цзинь (г.Датун, пров. Шаньси). Пала Восточная столица (г.Ляонин, пров. Ляодун), но монголы не стали удерживать ее: в первые годы войны они вообще практически не закреплялись на завоеванных территориях. В 1213 г. была завоевана вся территория Цзинь, расположенная к северу от р. Хуанхэ и г. Пекина. На огромном пространстве «почти все жители были перебиты», «золото и шелковые ткани, сыновья и дочери, волы и кони — все, подобно циновке, свернуто и увезено. Дома и хижины сожжены, городские стены превращены в развалины». К концу лета 1213 г. ненавистный Чингис-хану император Цзинь Вэй ван Юнь Цзи был убит, на трон взошел Хулаху, бывший правитель Западной столицы. Это послужило поводом к началу переговоров о мире. Был заключен не мир, а перемирие. Чингису отдали в жены дочь убитого императора Цзинь принцессу Чжию и выплатили огромный выкуп. Новый правитель Цзинь лично провожал Чингис-хана от Пекина до заставы Цзюйюнгуань. Как только монголы перевалили через Великую Китайскую стену, Чингис отдал приказ собрать несколько сот тысяч молодых мужчин и женщин из числа населения Цзинь и вырезал их, дабы уничтожить потенциальных врагов — тех, которые име-

лись, и тех, которые могли родиться. Эта жестокая акция преследовала и цель устрашения. Горы трупов оставляла за собой армия Чингис-хана, покидая пределы Цзинь. Новый император Цзинь, пользуясь перемирием, покинул Пекин и перенес свою резиденцию на юг государства, в Южную его столицу (г. Кайфын, пров. Хэнань). При переезде императора на юг восстала часть цзиньской армии, в основном кидани. Они вступили в контакт с монголами. В итоге перемирие длилось лишь месяц. Придя на помощь восставшим, монголы снова ринулись на Пекин, и после почти годичной осады город был взят (1215 г.). Зимой 1214/15 г. монголы овладели Северной столицей Цзинь (г. Даличэн, пров. Гирин). На осень 1215 г., по данным «Юань ши», монголы взяли 862 обнесенных стенами городов Цзинь. В конце 1215 г. монголы предложили чжурчжэням мир на двух условиях: 1) император Цзинь отказывается от всех своих владений к северу от р. Хуанхэ; 2) он отказывается от титула императора и принимает титул вана, становится вассалом (*чэнь*) Чингис-хана и в этом качестве признается монголами правителем оставшихся у него южных областей Цзинь. Чжурчжэни отвергли эти условия.

В 1216 г. Чингис-хан возвратился в Монголию, оставив для продолжения войны с Цзинь своего сподвижника Мухали. Было ясно, что война приобрела затяжной характер и, как ни были сильны монголы, с ходу одной военной силой им Цзинь не одолеть. Мухали получил титул *го ван* («князь государства»), золотую печать и право управлять всеми завоеванными территориями Цзинь. Было объявлено, что, «отдавая приказ, Мухали ставит это [девятихвостое] знамя, а это равносильно тому, что прибыл лично я сам (Чингис-хан)».

Поняв, что с наскоку Цзинь не победить, монголы в 1214 г. вынудили тангутов объявить войну Цзинь. Имея Си Ся в вассалах и принудив его правителя к войне с Цзинь, Чингис-хан тем не менее зимой 1217/18 г. предпринял очередную попытку покончить с Си Ся. Второй раз столица тангутского государства оказалась осажденной монголами. Император Цзунь-сян покинул ее и перенес свою резиденцию в г.Силян (совр. Увэй, пров. Ганьсу). Столицу остался оборонять наследник престола. Тангуты оборонялись успешно, осада затянулась. Начались переговоры о мире. Чингис-хан выдвинул одно условие — тангуты пошлют свои войска для участия в намеченном им походе против хорезмшаха. Тангуты отказались. Переговоры были прерваны. Чингис-хан, пообещав расправиться с тангутами после возвращения из западного похода, отвел свои войска с территории Си Ся.

15 лет войн монголов в Северном Китае перед походом на запад научили их вести осаду и использовать камнеметную технику, брать хорошо укрепленные города. В ряды монгольской армии к этому времени уже влились тысячи, если не десятки тысяч киданей, бохайцев, китайцев, чжурчжэней, тангутов, тибетцев, уйгуров, умевших пользоваться этой техникой, принявших сторону новой силы и жаждавших добычи и славы. За годы войны с Си Ся и Цзинь была отработана тактика выманивания гарнизонов осажденных городов за их стены мнимыми отступлениями, а на штурм городов монголы беспощадно сгоняли всех окрестных жителей и военнопленных. Их заставляли засыпать рвы, разбирать инженерные оборонительные сооружения, за их спинами укрывались идущие на штурм осажденного города воины. Годы войны выявили слабость полиэтнических государств, каковыми являлись Си Ся и Цзинь. Мы мало знаем о Си Ся, но война с Цзинь сопровождалась массовым предательством и переходом на сторону монголов прежде всего нечжурчжэньских подданных императора Цзинь —

киданей, бохайцев, китайцев. По подсчетам Л.Гамбиса, из принявших сторону монголов подданных Цзинь было сформировано 46 воинских соединений, именно в Северном Китае армия Чингис-хана стала превращаться во многоязычное объединение завоевателей и грабителей.

На западных границах Монголии было два больших государства — каракитаев и хорезмшахов. В те годы, когда Чингис-хан объединял Монголию, хорезмшах Мухаммед вел войны с кара-китаями и местными владетелями Средней Азии. В 1207 г. он овладел Бухарой, в 1208 г. — городами Хорезм и Герат. В 1209 г. хорезмшах нанес поражение кара-китаям в Иламышской степи, а в 1212 г. взял г.Самарканд.

В 1211 г. бежавший в Западное Ляо к кара-китаям найманский принц Кучлук лишил власти кара-китайского *гурхана* и стал фактически управлять его государством. Сам ренегат, сменивший ранее в угоду гурхану христианскую веру на буддийскую, Кучлук в своих владениях жестоко преследовал мусульман, чем вызвал к себе ненависть значительной части своих подданных. В 1218 г. против Кучлука выступил монгольский корпус под командованием Чжебе. Превосходно осведомленный о ситуации во владениях Кучлука от союзных уйгуров, Чжебе объявил, «чтобы каждый человек придерживался своей веры и хранил бы в религии путь своих предков». Мусульманское население во владениях Кучлука восстало. Кучлук бежал в Бадахшан, где был схвачен и выдан преследовавшим его монголам. В итоге весь бассейн р.Тарим и Семиречье до Таласа оказались в подчинении у монголов.

Если Чингис-хан от своих подданных — мусульманских купцов — знал о богатствах «Запада», то и хорезмшах был осведомлен о несметных сокровищах стран к востоку от его собственных владений. Историк Джузджани (XIII в.) свидетельствует, что хорезмшах имел намерение совершить поход в Китай и Монголию. Узнав, что Чингис-хан «завоевал» Китай, он послал к нему посольство. Чингис-хан предложил посланцам хорезмшаха начать торговлю, а также признать его, Чингис-хана, владетелем «Востока», а хорезмшаха — владетелем «Запада».

Вслед за тем в Бухару прибыло посольство от Чингис-хана. Он предлагал заключить договор о мире и выразил пожелание признать хорезмшаха «наравне с самым дорогим из своих сыновей». Это означало, что себя Чингис-хан предлагал рассматривать отцом и, следовательно, старшим. Хорезмшах не мог согласиться на роль младшего. Вскоре к границам государства хорезмшаха прибыл торговый караван от Чингис-хана. 450 купцов на 500 верблюдах везли сокровища, награбленные монголами в государствах тангутов и чжурчжэней. С посольством прибыл и посол Чингис-хана Ухуна. Ухуна вез послание, в котором, в частности, говорилось: «Мы приказали, чтобы отныне между всеми странами на земле установился мир, чтобы купцы направлялись во все края». Возможно, что слова «мы приказали» были восприняты как прямое покушение на шахский суверенитет. Неизвестно, имелся или нет приказ лично хорезмшаха уничтожить этот караван или Гайдар-хан Инал, наместник г.Отрара, куда прибыл этот караван, действовал только по своей воле, но купцы и посол были убиты, а караван захвачен. Лишь одному человеку из каравана удалось спастись, или его намеренно оставили в живых. Он вернулся и доложил Чингис-хану о случившемся.

Чингис-хан потребовал выдачи наместника. Сын хорезмшаха, Джелал-ад-дин, советовал сделать это, чтобы на время оттянуть начало войны. Но хорезмшах приказал убить посла Чингис-хана — Ибн Кафраджа Богра, а

его сопровождающим отрезать бороды и отправить их с таким посланием: «Я иду на тебя, хотя бы ты был на краю света, чтобы отомстить».

Чингис-хан, в свою очередь, все случившееся оценил как неповиновение, как посягательство на его права на власть, стремление порвать его «золотые поводья», которыми он уже всерьез задумал взнуздать мир. Есть свидетельства и того, что Чингис-хана на войну с хорезмшахом подбивали арабы, халиф Багдада ан-Насир.

В 1219 г. Чингис со своими войсками, оцениваемымии в 150-200 тыс. человек, выступил в поход против «владыки Запада». Заодно с монголами были уйгуры и тюрки-карлуки. Армию хорезмшаха оценивают в 400 тыс. человек. Лето 1219 г. монголы провели на Иртыше, а осенью вторглись во владения хорезмшаха Мухаммеда. Хорезмшах избрал не лучшую тактику ведения войны. Он решился допустить монголов в глубь страны, не давать генерального сражения, а оборонять крупные города, полагаясь на крепость их стен и мужество гарнизонов. Сам он имел резиденцию в г. Балх, но его придворные предлагали ему уехать еще дальше, в Ирак. Наследный принц Джелал-ад-дин протестовал против такого плана ведения войны и отъезда шаха в Ирак, просил у отца армию для встречи монголов на границе государства. Хорезмшах в Ирак не поехал, но и армию сыну не дал. Государство хорезмшаха было, кроме того, ослаблено изнутри враждой между кочевой частью его населения и оседлой, между ираноязычным и тюркоязычным населением.

Вступив в пределы владений хорезмшаха, войска монголов разделились на четыре группы: часть их под командованием Чагатая и Огодоя (Угедея) осадила г. Отрар. Другая, под командованием Чжочи, двинулась на г. Дженд, третья, под командованием Улак-нойона и Сюкетю-черби, наступала на Ходжент и Бенакет. Четвертая группа войск, которой руководил лично Чингис-хан и его полководцы Чжебе и Субетай-баатур, повела наступление на города Бухара и Самарканд. Город Отрар пал в феврале 1220 г. Гайдар-хан Инал был пленен и жестоко казнен. Город разрушен, большинство его жителей истреблено. 10 февраля 1220 г. пала Бухара. Жители были выдворены из города, женщин монголы поделили между собой, а мужчин погнали на осаду Самарканда. Как записал историк Ибн-аль-Асир, «наутро Бухара оказалась разрушенною до основания, как будто ее вчера и не было». Группа войск Чагатая и Огодоя, взяв г. Отрар, присоединилась к армии Чингис-хана, и эти объединенные силы в марте 1220 г. подошли к г. Самарканду. 17 марта город был сдан. Участью горожан стали гибель одних и позорный плен других. 30 тысяч ремесленников были розданы сородичам Чингис-хана. Чжочи взял г. Сыгнак. По словам Рашид ад-дина, «заперев ворота прощения и снисходительности, монголы убили всех». 21 апреля был сдан г. Дженд, жители его не сопротивлялись. Монголы выгнали всех их из города и девять дней держали за его стенами, пока не разграбили город окончательно. Вскоре пал и г. Бенакет.

Как и в Китае, в войне в Средней Азии монголы широко использовали местное население при осаде городов. Есть, например, сведения, что при осаде г. Ходжента монгольских солдат было 20 тыс., а согнанных для осады окрестных жителей — 50 тыс.

Государство хорезмшаха гибло на глазах. Чингис-хан приказал Чжебе и Субетай-баатуру пленить хорезмшаха. Хорезмшах бежал в Хорасан. В Хорасане монголы взяли г. Наса, 70 тыс. человек было убито. Та же участь постигла Нишапур (в первый раз монголы подошли к городу в ноябре 1220 г., но взяли его в апреле 1221 г.). Разрушить город заставили плен-

ных; им было приказано сровнять город с землей так, чтобы земля «стала здесь ровной, без комьев и камней». Преследуемый, хорезмшах вышел к южному берегу Каспийского моря, где укрылся на о-ве Ашур-Ада. Здесь в декабре 1220 г. он скончался. Для бывшего «владыки Запада» не оказалось даже савана. Джелал-ад-дин перевез позже прах отца в крепость Ардахан. Уже после смерти Чингис-хана, в правление Огодоя, монголы, взяв эту крепость, вырыли останки хорезмшаха, привезли их в Монголию и там сожгли.

Чингис-хан провел лето 1220 г. в районе г. Несефа. Осенью он подошел к г. Термезу. Жителям было предложено город сдать и самим разрушить цитадель внутри города — известно, что взятие внутригородских укреплений во многих городах стоило монголам большой крови. Термез держался одиннадцать дней. Когда он пал, монголы, по свидетельству источника, «по своему обыкновению, разделив людей между войском, всех перебили».

Зиму 1220/21 г. Чингис-хан провел на берегах Амударьи. В это время монголы штурмовали г. Ургенч (Гургандж), где укрывалась мать хорезмшаха, Теркен-хатун. Она покинула Ургенч, пыталась скрыться, но в крепости Илал попала в плен. С ней были дети и жены хорезмшаха. Дети хорезмшаха были перебиты, жены розданы близким Чингис-хана людям. Теркен-хатун привезли в ставку Чингис-хана.

Ургенч продержался семь месяцев. Когда город пал, из города, бывшей столицы государства хорезмшаха, и его окрестностей в Монголию было угнано сто тысяч ремесленников. Всех остальных жителей Ургенча монголы перебили. Они открыли плотину на Амударье и затопили город. «И превратилось все в груды и волны» (Ибн-аль-Асир). Летом и осенью 1221 г. пали Балх, Заузан, Мерв, Герат. Борьбу с монголами возглавил Джелал-ад-дин, человек смелый, решительный, искусный воин. Он нанес монголам поражение у крепости Валиян, а у г. Первана уничтожил армию Шиги-Хутухту, насчитывавшую три тьмы — 30 тыс. человек. Весть об этой победе вызвала ликование в стане мусульман и восстания в ряде покоренных городов. Чингис-хан лично выступил против Джелал-ад-дина. Осенью 1221 г. его войска заняли г. Газну, который служил опорой Джелал-ад-дину. 23 ноября 1221 г. в решающем сражении в верховьях р. Инд войска Джелал-ад-дина были разгромлены монголами. Сам Джелал-ад-дин, утопив в реке весь свой гарем, с четырьмя тысячами воинов переплыл Инд и ушел в Северо-Западную Индию. Монголы преследовали его до. г. Мултана, но из-за сильной жары возвратились обратно.

В 1222 г., имея ставку к югу от Гиндукуша, Чингис-хан принял решение возвратиться на родину. Причиной среди прочих явилось и получение известия о том, что, воспользовавшись его отсутствием, заволновались тангуты. Монголией в отсутствие Чингис-хана правил его младший барт, Темуге. Чингис вернулся в Самарканд, оставил там наместником старшего своего сына, Чжочи, а сам через долины рек Иртыш и Эмиль весной 1225 г. вернулся в Монголию.

Джелал-ад-дин из Индии попал в Иран и жил и воевал в Северо-Западном Иране и на Кавказе. Когда монголы в 1230–1231 гг. вторглись в Азербайджан, он пытался организовать сопротивление, но был разбит, во многом потому, что за эти годы войн с местными правителями утратил их доверие. В августе 1231 г. он был убит.

Корпус Чжебе и Субетая, который преследовал хорезмшаха, в 1221–1222 гг. прошел через Азербайджан и Грузию. Из Грузии монголы двинулись на Шемаху, овладели ею, миновали г. Дербент и вышли в предгорья Северного

Кавказа. Здесь они разбили союзные войска половцев и асов (осетин). Преследуя половцев, Чжебе и Субетай-баатур причерноморскими степями дошли до Крыма, где взяли и разграбили г. Судак. Половецкий князь Юрий Кончакович обратился за помощью против монголов к русским князьям. Часть русских князей откликнулась на его призыв. 31 мая 1223 г. войска Чжебе и Субетай-баатура в сражении на р. Калке разгромили объединенные силы половцев и русских князей. Оттуда монголы пошли вверх по Днепру, но, не дойдя до г. Переяслава, повернули на восток и через степи Казахстана возвратились в Монголию.

Пока Чингис-хан находился в западном походе, его наместник в Северном Китае го ван Мухали продолжал войну с Цзинь. Монголы широко использовали воинские формирования из населения Цзиньской империи. На этом этапе войны они стали не только разорять и грабить страну, но и заниматься освоением завоеванной территории, прежде всего силами перебежчиков. Появились «походные провинциальные управления» (*син шэн*). Военные действия в эти годы происходили в основном на территориях современного Шаньдуна и провинций Шаньси и Шэньси. В 1222 г. были взяты города Тайюань и Чанъань (совр. Сиань). Полуостров Шаньдун был полностью завоеван к 1227 г. Велись войны за Иран и Ирак.

На 1225 г. Чингис-хан, властвуя объединенной Монголией, подчинил «лесные народы» к северу от нее, сокрушил государство хорезмшаха и завоевал северную половину чжурчжэньского государства Цзинь. Ему подчинялись уйгуры и тюрки-карлуки, бывшие владения кара-китайского гурхана. С целью эксплуатации завоеванного населения монголы стали назначать наместников — *дарухачи*. Дарухачи вели учет населения, взимали налоги, набирали войска из местных жителей, ведали доставкой дани в ставку хана, обеспечивали работу почтово-ямской службы. Реальную опасность для монголов представляло теперь только государство тангутов, тем более что его правитель в отсутствие Чингис-хана пытался найти себе союзников в самой Монголии, что больше всего обеспокоило Чингис-хана. В 1224 г. государь Си Ся Дэ-ван заключил мир с чжурчжэнями, что тоже не могло понравиться монголам. Возвратившись в Монголию, Чингис-хан потребовал от императора Си Ся в заложники его сына, но получил отказ.

Весной 1226 г. Чингис-хан лично возглавил армию, выступившую на покорение Си Ся. Был взят г. Хэйшуй в низовьях р. Эдзин-гол. Двигаясь по Эдзин-голу, монголы надвое рассекли территорию Си Ся, выйдя к его южным границам в предгорья Наньшаня. В течение 1226 г. были взяты города Ганьчжоу, Сучжоу и Силян (все в западной части современной провинции Ганьсу). Наиболее крупное сражение произошло у г. Линчжоу (совр. Линъу, Нинся-Хуэйский автономный район). Тангутская армия была разгромлена, и монголы двинулись на столицу Си Ся. Зимой 1226/27 г. началась третья по счету и затянувшаяся осада г.Чжунсина. Пока город осаждали, отдельные отряды монголов подчинили и разграбили все оставшиеся еще не тронутыми области Си Ся. Во время осады Чжунсина заболел Чингис-хан. Неизвестно точно, перед смертью Чингис-хана или уже после нее последний государь Си Ся решил сдаться на милость победителей. Он был убит. Тангутское государство погибло безвозвратно.

После смерти Чингис-хана власть над завоеванными землями была поделена между его сыновьями. Тулуй получил Монголию, Огодой — Западную Монголию, Тарбагатай и, видимо, Алтай. Чагатаю достались территории от Южного Алтая до Амударьи и от границ уйгурских владений до Самарканда и Бухары. В состав его владений вошли также Балх и

Хорезм. Наследники скончавшегося к этому времени Чжочи получили земли на запад от Иртыша, от Каялыка и Хорезма до Булгар и вообще до тех пределов на запад, которых только достигнут копыта монгольских коней. Главой Чжочиева улуса позже стал внук Чингис-хана, Бату-хан.

В 1229 г. преемником Чингис-хана на великоханском престоле был объявлен третий сын Чингис-хана — Огодой (Угедей).

Успехи монгольского оружия, безусловно, в первую очередь должны быть объяснены силой монгольской армии. Эта сила определялась мощью кавалерии, отличной боевой выучкой воинов, своеобразным тактическим мастерством монгольских полководцев. Армия была спаяна железной дисциплиной, фанатичной верой в победу своего оружия, единым стремлением одержать верх над противником, ограбить его, утвердить господство своего хана.

Монголы очень быстро освоили инженерную технику оседлых народов, они сумели привлечь на службу людей, умевших эксплуатировать эту технику. Войны велись исключительно жестокими методами. Террор был сознательно поставлен Чингис-ханом на службу его целям достижения мирового господства.

Причины успехов монгольского оружия крылись и в объективных слабостях его противников, в политической ситуации, которая сложилась в Азии на начало XIII в. Цзинь и Южная Сун — крупнейшие государства Восточной Азии — враждовали между собой. Накануне монгольского вторжения между ними имела место война 1206–1208 гг. С 1217 г. Южная Сун начала новую войну с Цзинь. Си Ся также к концу XII в. оказалось во враждебных отношениях с Цзинь, а с 1214 по 1224 г. по наущению монголов воевало с Цзинь. Три вышеупомянутых государства Восточной Азии не смогли разглядеть общую опасность, объединить свои усилия против своего смертельного врага. Кроме того, в этих государствах было немало перебежчиков на сторону монголов. Речь идет, в частности, о киданях, этнически родственных монголам. Они помнили свою былую славу и думали о восстановлении своего государства Ляо, уничтоженного Цзинь в 1125 г. Еще до объединения Монголии на службу к Чингис-хану перешли киданьские вожди Елюй Ахай и Елюй Тухуа, отпрыски бывшей правящей династии Ляо. После 1211 г. переход киданей на сторону монголов стал массовым. Монголы формировали целые армии из подчинившихся им китайцев и киданей.

Государство кара-китаев ко времени экспансии монголов за пределы Монголии доживало свои последние дни. Узурпация власти Кучлуком и антимусульманская политика последнего ускорили гибель этого государства, до этого ослабленного войнами с хорезмшахом. Не было стабильным и государство хорезмшаха. Многие области его лишь за несколько лет до монгольского нашествия были включены в состав этого государства, например Мавераннахр — с 1210 г., а Афганистан — с 1215 г. Перебежчики были и в государстве хорезмшаха. Известно, что на сторону монголов перешли правители Кундуза и Балха. Видный сановник Бадр-ад-дин, перешедший на службу к Чингис-хану, советовал ему разжечь рознь между нетюрками и тюрками во владениях хорезмшаха. Из тюрок монголы формировали воинские соединения. Объединение Монголии и создание единого монгольского государства было явлением прогрессивным. Его границами были Хинганский хребет на востоке, Алтайские горы на западе; на севере оно простиралось до верховьев р. Селенги, а на юг — до Великой Китайской стены. Положив предел родо-племенным междоусобицам, образование монгольского

государства создавало условия для развития экономики страны, складывания монгольской народности и ее самобытной культуры.

Агрессивные и разрушительные «великие войны» Чингис-хана нанесли значительный ущерб культуре и экономике завоеванных стран, поглотили огромное и по нынешним временам число человеческих жизней. Например, тангутский народ после гибели государства Си Ся исчез полностью, а культура его погибла. Погибла и культура чжурчжэней, хотя чжурчжэньский этнос и возродился потом в маньчжурском. Чингис-хан вошел в историю человечества не только как объединитель Монголии, не только как «объединитель страны», но и как кровавый завоеватель, принесший неисчислимые бедствия народам многих стран. От завоевательной политики Чингис-хана выиграла лишь монгольская знать. Уделом рядовых кочевников нередко были лишения и бедность. Не случайно на курултае 1229 г., избравшем преемником Чингис-хана Угедея, собравшаяся знать, видимо учитывая недовольство простых монголов, была вынуждена задуматься над тем, как «вспомоществовать бедным».

МОНГОЛЬСКОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО В КИТАЕ

(Династия Юань)

Монгольское завоевание территории современного Китая растянулось почти на семь десятилетий. В ходе его были разгромлены и уничтожены несколько государств — тангутское Западное Ся, чжурчжэньское Цзинь, образованное местными народностями «черными мань» на юго-западе страны Дали (прежнее Наньчжао), и, наконец, собственно китайское Южное Сун.

Успехи монголов на первом этапе завоевания Китая, который можно датировать 1209–1220 гг. и в ходе которого в 1215 г. был взят Пекин, были связаны с тем, что чжурчжэньская держава была построена на национальном угнетении и внутренне непрочна.

Правительство Южной Сун рассчитывало приобрести в лице монголов союзника для разгрома Цзинь. Это проявилось на втором этапе монгольского завоевания. Он начался окончательным разгромом Си Ся в 1227 г. и закреплением в том же году монгольской власти в Шаньдуне. В 1230–1233 гг. ей полностью подчиняется Ляодун. В 1233 г. монгольские войска переправляются через Хуанхэ и осаждают Кайфэн. Правительство Цзинь успело переехать в Цайчжоу (Жунань). Но в следующем году эта последняя столица была взята совместными усилиями монголов и южнокитайских войск. Государство Цзинь прекратило свое существование. Однако попытка Южной Сун присоединить его земли к югу от Хуанхэ встретила отпор бывших союзников. В конце 1235 г. начались регулярные военные действия между монголами и империей Сун.

Этим открывается третий этап монгольского завоевания. В 1236–1237 гг. армии захватчиков врываются в районы южной части Шэньси, Сычуань, Хубэй, южную Хэнань, Аньхуэй. Однако в 40-х годах XIII в. набеги становятся реже, хотя иногда достигают территории Цзянсу. Это сравнительное затишье можно объяснить заботой об укреплении своих тылов новым великим ханом — Мункэ. Подготавливая новый удар, монгольские войска в 1252–1253 гг. разгромили государство Дали и в 1257 г. вторглись в северную часть Вьетнама. После этого в 1258 г. было начато наступление против Сун. Многие китайские города и армии оказывали упорное сопротивление.

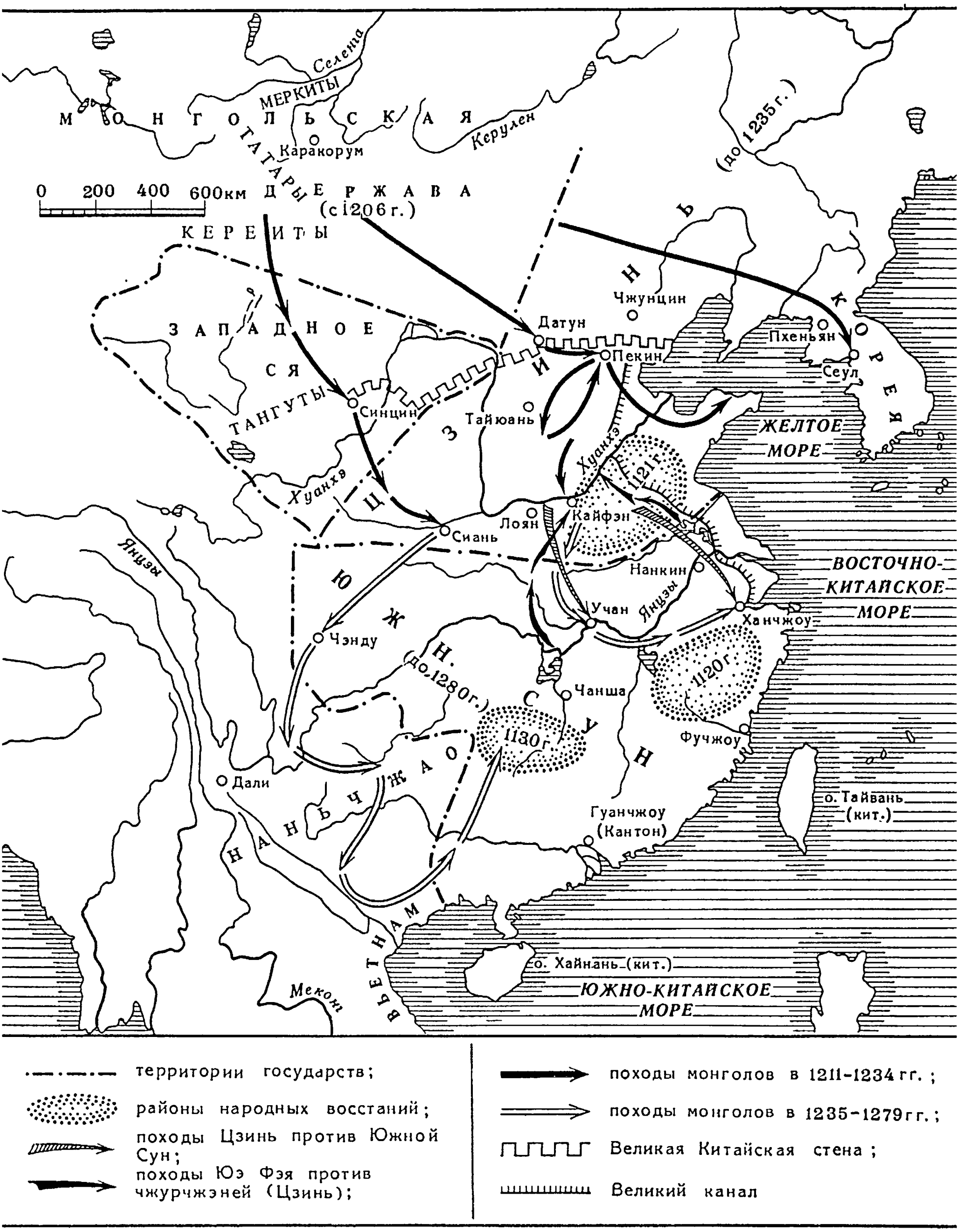


Рис. 15. Кигай в XII—XIII вв.

Южной колонне монголов так и не удалось взять Таньчжоу, северной — Эчжоу, а в августе 1259 г. умер командовавший колонной в Сычуани Мункэ. В монгольской верхушке началась борьба за власть, и они предпочли уйти из Южного Китая, заключив с ним мир на условиях получения дани.

В 1260 г. на великоханском престоле закрепляется Хубилай, который в 1264 г. перенес столицу своего государства в Даду (Пекин). Вслед за тем начинается новый этап завоевания Китая. В 1267 г. монгольские войска выступили в поход, но значительные их силы оказались скованными почти пятилетней осадой героически оборонявшихся городов Сянъяна и Фаньчэна. В 1273 г. обе крепости пали. Отсюда монголы двинулись к столице Сун. В 1275 г. был взят и уничтожен г. Чанжоу (в Цзянсу), осажден Янчжоу. 19 марта того же года в решающем сражении у Динцзячжоу сунская армия была разбита.

Вслед за тем завоеватели почти без сопротивления овладели значительной частью Центрально-Южного Китая и в феврале 1276 г. захватили столицу Сун — г. Линьань (Ханчжоу). Император попал в плен. Патриотически настроенные круги пытались продолжить сопротивление и позже, провозгласив нового императора, но потерпели поражение. В 1279 г. была разгромлена последняя база сопротивления в районе Яйшань (в Гуандуне). Династия Сун окончательно пала, вся страна оказалась во власти завоевателей и их пособников.

Система административного управления завоеванными китайскими территориями налаживалась в течение длительного времени. Первоначально монголы передавали захваченные города и области в распоряжение тех военачальников-монголов, которые их захватили, или в руки киданей и китайцев, которые сдали их без боя. В результате до конца 20-х годов XIII в. значительная часть подчиненного монголам Северного Китая представляла собой полунезависимые владения, великоханская власть над которыми была довольно слаба. Однако уже тогда эти местные правители могли получать титулы и должности китайского образца, заимствованные из номенклатуры империи Цзинь.

Великоханская власть в Северном Китае была представлена наместником, которым в 1217–1223 гг. являлся полководец Мухали. При нем имелся некоторый штат доверенных лиц, ведавших делами управления, также носивших чиновные звания китайского образца. В 1224–1225 гг. одной из главных фигур в Северном Китае становится уйгурский вельможа Джафар, получивший должность *даругачи* — уполномоченного ханской ставки для контроля над сановниками, поставленными в завоеванных районах. Однако присутствие этих представителей верховной власти не мешало мелким властителям оставаться хозяевами положения на местах.

Создание имевшего установленные полномочия государственного аппарата в покоренных китайских землях началось после вступления на великоханский престол Угэдэя в 1229 г. Он предпринял шаги к упорядочению и усилению своей власти, используя китайский опыт администрирования в его чжурчжэньско-китайском преломлении. В 1230 г. советник хана, кидань по происхождению и китайский сановник по духу Елюй Чуцай подал ставке проект организации системы управления в Северном Китае. Проект был направлен на создание отдельной от управления кочевниками администрации для оседлого населения по китайскому образцу. Смысл заключался в сокращении удельной системы и в конечном счете в усилении великоханской власти. Определенная часть монгольской феодальной знати резко выступила против этого, считая, что можно и далее практиковать хищническую эксплуатацию завоеванных земель. Выдвигались даже предложения искоренить китайское население, а освободившиеся земли превратить в пастбища для скота. Перевесила, однако, более прагматическая «китайская» партия.

Рис. 16. Империя Юань

В 1230 г. территория Северного Китая была разделена на 10 лу — нечто вроде провинций. Во главе их должны были стоять *чжанли* («старшие чиновники»), которые руководили налоговыми управлениями (*кэшуйсо*) и по рангу приравнивались к темникам (командирам 10-тысячних отрядов) в районах с монгольским населением. В 1231 г. был создан высший гражданский административный орган — *чжуншушэн* («Дворцовый секретариат») — во главе с Елюй Чуцаем. Начальнику секретариата подчинялись традиционные для Китая Шесть Ведомств (чинов, налогов, ритуалов, судебное, общественных работ и военное). В провинциях — *лу* — учреждались местные секретариаты — *син-чжуншушэн*. В 1237 г. Елюй Чуцай узаконил привлечение к службе 4030 китайских сановников и восстановил экзаменационную систему для их отбора на должности.

Однако эти шаги не привели к быстрой и полной перестройке управления на китайский лад. На многих постах во главе администрации оказались крупные монгольские и чжурчжэньские вельможи. Они по-прежнему творили произвол, обирали население. Административный хаос увеличился в связи с расширением завоеванной территории в середине 30-х годов.

Кроме того, в 1236 г. под давлением монгольской знати, упиравшей на сохранение традиций, Угэдэй роздал значительную часть территории и населения Северного Китая в уделы (*фэнь ди*) своим родичам и военной верхушке. Попытка Елюй Чуцая избежать этого не увенчалась успехом. Он добился лишь учреждения в уделах даругачи, которые должны были ограничивать права владельцев в сборе налогов. Но последние практически оставались полными хозяевами своих уделов. Со смертью Угэдэя в 1241 г. Елюй Чуцай был отстранен от двора и позиции прокитайской группировки еще более ослабли.

Построение административной системы управления было продолжено после вступления в 1260 г. на престол Хубилая и перенесения им великоханской ставки непосредственно в Китай — в Пекин — в 1264 г. В 1271 г. все владения великого хана были объявлены по китайскому образцу империей, получившей наименование Юань. В основу ее административной системы были положены китайские образцы, частично введенные при Угэдэе. Но сохранялись и особенности, отражавшие специфику тогдашнего политического положения. Наряду с Пекином (Даду) равноправными столицами считались Каракорум и Шанду (Ханбалчасун, позже — Кайпин). Высшим правительственным органом оставался чжуншушэн вместо трех правительственных палат, существовавших в Китае с VII в., пост начальника секретариата стал прерогативой наследника престола. Но так как наследнику полагалось жить в Каракоруме и управлять собственно Монголией, то этот пост оставался вакантным, а фактическое руководство секретариатом осуществлял «старший канцлер» (*ю-чэнсян*). При императоре учреждались «Военный совет» (*шумиюань*) и «Цензорат» (*юйшитай*), контролировавший работу чиновников. Секретариату по-прежнему подчинялись Шесть Ведомств. Существовали также управы (*цзюй*), ведавшие различными видами казенных ремесел.

Территория страны была разделена на 11 провинций, управляемых местными секретариатами (*син-чжуншушэн*). Были там и местные Военные советы.

Постепенная китаизация административной системы империи Юань сказывалась в привлечении все большего числа китайских чиновников, подтверждении Хубилаем порядка экзаменационного отбора кандидатов на должности (1264 г.), юридической отмене в 1265 г. практики наследования должностей, четком разделении в 1278 г. функций военных и гражданских властей, применении китайского законодательства наряду с «Великой ясой» — кодексом, утвержденным Чингис-ханом. В 1325 г. представители китайского господствующего класса получили возможность покупать чиновные ранги. Однако в целом административная система оставалась не столь стройной, как это может показаться. Не говоря уже о том, что она была различной для входивших в нее Китая и Монголии, в некоторых районах страны существовали своего рода наместничества — *сюаньвэйсы*. Китайские национальные меньшинства управлялись своими предводителями — *тусы* — и облагались лишь данью. Часть территорий в Шаньдуне, Шаньси, Хэбэе и других местах не входила в провинции, а подчинялась непосредственно Дворцовому секретариату, составляя своеобразный велико-

ханский домен. Наконец, существовали упоминавшиеся выше уделы монгольской знати, практически выпадавшие из-под контроля центральной и местной администрации. Есть данные, что в уделы было передано около половины всех учтенных в Северном Китае хозяйств налогоплательщиков.

Стремясь сохранить и закрепить свое превосходство над китайцами, монголы, как правило, занимали ключевые руководящие посты как в центральном, так и провинциальном аппарате. Доверяли они и выходцам из стран Центральной и Передней Азии, китайцев же предпочитали держать на должностях «помощников» начальников. Система экзаменов начала действовать лишь в 1314 г., функционировала нерегулярно и предоставляла преимущества монголам и выходцам из мусульманских стран. Многие чиновные посты доставались выходцам из ханской гвардии.

Господство империи Юань в значительной мере основывалось на мощи армии. Основной ее силой оставались монгольские войска, не претерпевшие каких-либо существенных структурных изменений со времен Чингис-хана. В Пекине стояла ханская гвардия из 12 тыс. человек. Крупные силы были сосредоточены в районе Каракорума. Монгольские и китайские отряды стояли гарнизонами во всех значительных городах империи. Марко Поло свидетельствовал: «В каждом городе по меньшей мере 1000 человек [воинов], а иной город сторожат 10 тысяч, а в другом 20, а то и 30 тысяч».

В своих отношениях с иноземными странами монгольские властители использовали традиционную китайскую доктрину предопределенного сюзеренитета (универсальной монархии). Однако, устанавливая посольский обмен, монголы стали требовать не номинальных, а реальных проявлений зависимости (приезда в ставку хана местных владык, присылки заложников, оказания помощи войсками и т.п.). Это встретило сопротивление во многих странах, которые вскоре стали объектом завоевательных походов юаньского двора. В 70-90-х годах XIII в. были предприняты попытки вторжения в Японию, походы в Бирму, Тямпу, Вьетнам и на Яву. Однако эти походы не привели к подчинению указанных стран; дипломатические и торговые связи с заморскими странами вошли в русло традиционного посольского обмена.

В состав империи после 1254 г. входил Тибет. Для его управления был создан особый орган, который возглавлялся ламой, имевшим большое влияние при монгольском дворе. Уйгурские города в Центральной Азии стали на долгие годы объектом соперничества между Хубилаем и боровшимся с ним Хайду. Империя Юань так и не смогла добиться контроля над этими районами. В реальной вассальной зависимости от юаньского двора находилось Корё (Корея), где было учреждено монгольское наместничество.

Во время монгольского владычества в Китае сюда совершили поездки ряд европейских миссионеров и купцов: Марко Поло, Джовани Монтекорвино (вместе с Пьетро ди Лукалонго и Николо из Пистойи), Арнольд из Кёльна, Одорико Порденоне, Джовани Мариньолли. В этом отразились возросшая заинтересованность в торговле с Востоком и боязнь новых завоевательных походов монголов в Европу. Сведения, оставленные многими из этих путешественников, легли в основу первых реальных знаний средневековой Европы о Китае.

Несмотря на свою военную мощь, монгольская империя не отличалась внутренней прочностью. С самого начала обширную монгольскую державу подрывали междоусобицы, вызывавшиеся раздорами в правящем доме и относительной самостоятельностью крупной военно-феодальной монгольской знати. Начавшаяся в 1260 г. борьба за власть между Хубилаем и Ариг-

Бугой переросла затем в длившуюся почти 40 лет междоусобицу. В результате ко времени образования империи Юань обширные владения монгольских завоевателей распались на ряд самостоятельных государств, неподвластных великому хану. Борьба за престол при юаньском дворе вновь обострилась в 10-х — начале 30-х годов XIV в. Внутренние раздоры продолжались и при последнем императоре династии Юань — Тогон Тимуре (1333–1367). Все это сопровождалось разложением правящей юаньской верхушки: ослаблением власти императора, нарушением установленных государственных порядков, усилением произвола придворных и сановников. Попытки Баяна, ставшего канцлером, укрепить центральную власть и поднять утерянную боеспособность войск оказались тщетными.

Не оставалось покорным и угнетенное китайское население. В отдельные годы в конце XIII в. завоевателям приходилось усмирять от 200 до 400 мелких разрозненных вспышек сопротивления. В середине 30-х годов XIV в. народные движения против юаньских властей стали приобретать массовый характер. В 1351 г. началось восстание, поднятое буддийской сектой «Белый лотос» в округе Инчжоу (пров. Аньхуэй). Воины созданных ею отрядов носили красные повязки на голове, и эти формирования стали называть «красными войсками». Во главе восстания стояли Хань Шаньтун (который вскоре погиб) и Лю Футун. Возникали новые очаги восстаний со своими предводителями. В 1352 г. началось восстание под руководством Го Цзысина в Хаочжоу (Фэньяне, пров. Аньхуэй). Позже его возглавил Чжу Юаньчжан, который прочно обосновался в районе Цзицина (Нанкина) и успешно продолжил борьбу после разгрома монголами «красных войск» в начале 60-х годов. Укрепив и расширив свою базу в борьбе с соперниками за власть и влияние в Центрально-Южном Китае, Чжу Юаньчжан послал войска на север, в январе 1368 г. взял юаньскую столицу Пекин и провозгласил себя императором новой династии — Мин. Юаньский двор бежал в Монголию и вскоре полностью потерял свои оставшиеся владения в Китае.

Монгольское завоевание в Китае сопровождалось массовой гибелью людей и разрушением хозяйства. Особенно пострадали подвергшиеся первым волнам завоевания районы Северного Китая и Центральной равнины. Например, в 1213–1214 гг. здесь было разрушено и разграблено 90 городов, уничтожено несколько сотен тысяч мирных жителей, превращены в безлюдные пространства районы вдоль Хуанхэ на десятки и сотни километров. Население покоренных районов и сдавшихся городов считалось «захваченным в плен» и массами угонялось. Жители сопротивлявшихся городов часто полностью истреблялись, как это предписывалось традицией, культивировавшейся Чингис-ханом. Официальная статистика к концу XIII в. отразила резкое уменьшение населения Северного Китая.

Население Китая продолжало подвергаться нещадному обиранию и после прекращения военных действий из-за воцарившегося беззакония и произвола закрепившихся на местах монгольских военачальников и их ставленников. Однако часть монгольской знати и перешедшие на службу к монголам киданьско-чжурчжэньские и китайские сановники и феодалы были заинтересованы в налаживании определенной системы эксплуатации покоренных районов. В связи с этим многие крупные города в Северном и Центральном Китае уже на первых этапах монгольского завоевания избежали участи полного разрушения и уничтожения даже при оказании упорного сопротивления захватчикам. Примером служит сохранение Пекина в 1215 г. и Кайфэна в 1233 г. В этом плане характерно, что во время похода 1258–1259 гг. Хубилай стал бороться с грабежами и убийствами мирных

жителей. В целом Центрально-Южный Китай пострадал от непосредственного завоевания гораздо меньше, чем Северный, так как ко второй половине XIII в. монгольские властители стали все больше перенимать существовавшие в Китае до этого методы эксплуатации населения.

Начало было положено в 1230 г., когда Елюй Чуцай и его сподвижники попытались наряду с налаживанием административного управления навести порядок в налогообложении. Им удалось склонить ханскую ставку к введению системы налогообложения китайского образца. Этот порядок предусматривал централизацию сбора налогов и тем самым изъятие их из рук монгольских ставленников на местах. С этой целью в 1233 г. начались частичная, а в следующем году — всеобщая перепись населения и составление налоговых реестров. По окончании переписи в 1236 г. были установлены подушный, поземельный и подворный налоги. Подушный составлял от 1 до 0,5 ши зерна (1 ши тогда — около 95 л) с совершеннолетнего мужчины. Поземельный налог исчислялся с каждого му земли в зависимости от ее качества и колебался от 0,05 до 0,02 ши зерна. Подворные брали шелком и серебром. В 1267 г. ввели еще один подворный налог — на жалованье чиновникам.

Помимо того существовали, как и прежде в Китае, различные дополнительные поборы и отработочные повинности (строительная, извозная, снабженческая и т.п.). Особенно тягостной для населения стала обязанность снабжать проезжавших через его территорию монгольских посланцев, полководцев и ханских родичей, передвигавшихся весьма часто и обычно с большим числом сопровождающих.

Эта система действовала в Северном Китае. Однако единообразия в обложении здесь не было. Например, при внесении подворных налогов существовало 7 категорий и 10 разрядов дворов, плативших различные суммы, не существовало единообразия и в пересчете собираемых шелком ставок на деньги. Существовала практика передачи части сбора налогов на откуп купцам (чаще мусульманского происхождения). В 1239 г. Абд-ар-Рахман получил на откуп весь налог в Северном Китае, внеся в казну сумму, превышавшую установленные налоговые нормы.

В Южном Китае была сохранена практиковавшаяся при Южной Сун система «двух налогов» (*лян шуй*). В целом налоговое бремя в Южном Китае было заметно легче, чем в Северном.

Сбор налогов сопровождался всегдашним произволом чиновников и насилием со стороны местных монгольских ставленников. Это побуждало крестьян к бегству и уходу «под покровительство» крупных землевладельцев. Уже к концу 30-х годов XIII в. среди зарегистрированных хозяйств насчитывалось 350 тыс. беглых. Многие бежали на юг: это побудило монгольские власти ввести жесткую круговую поруку. Утяжеление бремени налогов в конечном счете вызвало массовые народные волнения начиная с конца 30-х годов XIV в.

Наряду с централизованной налоговой эксплуатацией в попавшем под монгольскую власть Китае продолжала, как и прежде, существовать частнособственническая эксплуатация значительной части крестьянства. Специфика заключалась лишь в некотором перераспределении крупных земельных владений, главным образом в Северном Китае. Монгольские завоеватели и их приспешники захватывали обширные владения из бывших казенных земельных фондов империй Цзинь и Сун, конфисковали земли сопротивлявшихся сановников и феодалов. Обширные владения были розданы монгольской знати и сотрудничавшим с завоевателями сановникам и воена-

чальникам в виде дара. Значительные земельные угодья получили пользовавшиеся покровительством юаньского двора буддийские монастыри. В Южном же Китае местные землевладельцы сохранили основную часть своей собственности. Действующие законоустановления четко отделяли эти частные земли (*сы тянь, минь тянь*) от казенных (*гуань тянь*), до земель общего пользования (*гун тянь*) и выделенных в уделы (*фэнь ди*).

Угодья, превращенные поначалу монгольской знатью в пастбища, со второй половины XIII в. возвращаются в полеводство и начинают обрабатываться, как и раньше, трудом мелких арендаторов и неполноправных работников. В центрально-южных районах страны система арендной эксплуатации на землях крупных и средних собственников осталась почти без изменений. В связи с этим в сельском хозяйстве Китая конца XIII — первой половины XIV в. наблюдается тенденция, обозначившаяся еще в X — начале XIII в., — постепенное увеличение частных земельных владений и расширение арендных отношений. Способы увеличения частновладельческих угодий оставались прежними — открытый или завуалированный захват казенных и крестьянских участков, вынуждение крестьян идти «под покровительство» к «богатым и знатным», скупка земли, достаточно свободно практиковавшаяся в описываемый период.

У крупных землевладельцев могли быть тысячи и десятки тысяч арендаторов. Арендная плата (рента) исчислялась либо с меры земли, либо из доли урожая. В среднем она колебалась от 1,3 до 2,6 ши зерна с му. В долевом исчислении рента могла достигать половины урожая. Центральное правительство неоднократно и безуспешно пыталось поставить пределы арендной платы. Вместе с тем оно стремилось отобрать часть ренты в свою пользу, предписывая южнокитайским землевладельцам помимо уплаты налогов отчислять в казну от $^1/_3$ до $^2/_3$ ренты.

Землевладельцы всеми способами (утайкой, подлогами, подкупом чиновников) пытались уменьшить выплату причитавшихся с их земли налогов или же вообще избежать их (не облагались лишь дарственные земли, удельные облагались частично). В 1295 г. была устроена проверка дворов с целью выявления скрываемых «под покровительством» богачей. В 1314–1315 гг. началась всеобъемлющая ревизия земельного фонда на предмет выявления утаенных от налогов площадей. Но довести это дело до конца не удалось.

В Северном Китае в хозяйствах монгольской знати, военачальников и их киданьских, китайских и прочих пособников широко практиковался подневольный, практически рабский труд захваченных при завоевании и порабощенных военнопленных и мирного населения — *цюйкоу* (вар.: *цюйдин*). Налоги за рабов назначались в половинном от ставки свободного простолюдина размере и уплачивались их хозяевами.

Немало цюйкоу было приписано к государственным землям. Они обрабатывали поля воинов в военных поселениях, насаждаемых монголами еще в 1252 г.

Казенные земли могли также обрабатываться государственными арендаторами. Их арендная плата была выше обычного налога, но ниже ренты на частных землях. Из казенных фондов выделялись также служебные земли для чиновников. В зависимости от ранга северокитайские чиновники получали от 2 до 16 цин земли, а южнокитайские — от 1 до 8 цин. К этим землям приписывались арендаторы в установленном количестве от 30 до более чем 700 человек. Взимаемая с них в пользу чиновника-хозяина арендная плата приблизительно совпадала с рентой на частновладельческих полях.

Широкое распространение в империи Юань получило храмовое землевладение. Буддийские и в меньшей степени даосские монастыри помимо упомянутого получения земель в дар пополняли свои владения путем покупки и захвата полей. Собственность многих монастырей исчислялась тысячами цин земли. Их угодья считались вечным владением и обрабатывались не только братией, но и приписанными или же переходившими под покровительство монастырей арендаторами.

Во время завоевательных походов монголов в Китай наибольшему разорению подвергались города. Это не могло не сказаться отрицательно на развитии в стране ремесла и торговли. Не способствовало прогрессу городской экономики и наличие в китайских городах монгольских гарнизонов. Но города Южного, особенно Юго-Восточного, Китая пострадали значительно меньше, чем на Севере и Центральной равнине. К концу XIII в., по свидетельству Марко Поло, городская жизнь возродилась. Из его описания следует, что китайские города того времени были многолюдны, благоустроенны и красивы. Взгляд европейца подметил здесь четкое имущественное и сословное расслоение, оживленную торговлю, наличие многих ремесел и определенную промысловую специализацию (в Сучжоу — шелк, в Дэхуа — фарфор, в Сиани — шелк, парча, военное снаряжение и т.д.).

Монгольские завоеватели ценили ремесло и нередко сохраняли жизнь ремесленникам в разоряемых городах. Захваченные ремесленники считались пленниками и распределялись между центральным двором (казной) и отдельными ханскими родичами, военачальниками и сановниками. В 1279 г. в реестровых списках числилось 420 тыс. различных мастеров. Казенные ремесленники работали в государственных мастерских, под присмотром старшин, получали сырье и довольствие от властей и сдавали им всю свою продукцию. В частном городском ремесле сохранялась профессиональная кооперация предшествующего времени — ханы, туани и т.д. Каких-либо структурных изменений в этих организациях не прослеживается. Интерес представляют сведения Марко Поло о ремесленных мастерских в Ханчжоу, насчитывающих от 10 до 40 работников, где хозяева и мастера сами не работают, а лишь получают доходы.

Юаньское правительство, понимая выгоды, которые приносит казне торговая деятельность, в целом сохранило в этой сфере порядки, установленные в империи Сун. По-прежнему казна оставляла за собой монопольное право распоряжения добычей и перепродажей таких товаров, как соль, железо, драгоценные и цветные металлы, чай, вино и уксус, получая при этом (даже при передаче какой-то части этих товаров в частные руки) большие доходы. Был установлен торговый налог в $^1/_{30}$ стоимости товара, существовало множество таможен, за соблюдением установленных правил торговли следили представители власти, практиковались принудительные закупки товаров по пониженным ценам. Правительство проявляло заботу о торговых путях и даже пыталось бороться с ограблением купцов путем требования возмещения их убытков местным населением. Особенным покровительством властей пользовались купцы, приезжавшие в Китай из стран Центральной и Передней Азии.

Заморская торговля в портовых городах юго-восточного побережья по-прежнему велась под контролем Управлений морской торговли (*шибосы*). После изъятия положенной доли в казну импортные вещи пускались в продажу. Выход частных китайских торговцев в море, и до этого ограниченный всевозможной регистрацией и контролем, в 1284 г. был вообще запрещен. Власти попытались наладить торговлю с помощью казенных кораблей. Но

запрет, хотя и был подтвержден в 1315 г., оставался недейственным. В 1316 г. частную заморскую торговлю вновь разрешили на прежних условиях. Однако параллельно продолжилась практика снаряжения казенных торговых судов.

Ситуация с торговлей в стране осложнялась финансовым положением. Еще со времен Угэдэя основным платежным средством становятся ассигнации. В 1260 г. были выпущены купюры девяти разных номиналов. Первоначально они обеспечивались драгоценными металлами. Но вскоре казна в погоне за прибылью стала выпускать ассигнации в неумеренном количестве. Ежегодный их выпуск в 1286 г. превысил уровень 1260 г. более чем в 27 раз. Бумажные деньги быстро обесценились. Это привело к тому, что в торговле стали предпочитать товарообмен. Одновременно возросла роль драгоценных металлов как средства платежа. Широкое распространение в период Юань получило ростовщичество.

Монгольское завоевание внесло существенные коррективы в сложившуюся в империи Сун социальную структуру, дополнив ее элементами национального неравенства. Население страны было разделено на 4 категории: монголов, пользовавшихся наибольшими привилегиями и правами; выходцев из западных стран (*сэмужэнь*), служивших монголам и также занимавших высокое положение; китайцев, киданей и чжурчжэней, населявших бывшую империю Цзинь, а также территорию провинции Сычуань (*ханьжэнь*), которые имели более низкий социальный статус по сравнению с первыми двумя категориями; жителей бывшей империи Сун (*наньжэнь*), занимавших самую нижнюю социальную ступень. Это отразилось в первую очередь на положении в господствующих слоях общества. Монгольская знать и сэмужэнь оттеснили китайскую элиту не только от руководства армией и военными делами, но в значительной мере и от командных высот в административном управлении. Представители двух первых прослоек получали больше всего уделов, дарений земли, щедрых выдач из казны. Если северокитайские чиновники могли иногда достигать довольно высокого положения, то в некоторых районах на юге многие «знатные и богатые» были реально приравнены к положению простолюдинов. Нерегулярность и неэгалитарность экзаменационной системы при Юань также сужали возможность к выдвижению представителей господствовавшей прежде элиты. Лишь в середине 20-х годов XIV в. можно проследить некоторое улучшение отношения юаньских властей к традиционно господствовавшим в Китае слоям, что, однако, не изменило общей ситуации.

Среди эксплуатируемых классов и сословий самой заметной чертой описываемого времени было резкое увеличение неполноправного населения. Прежде всего это были упоминавшиеся выше захваченные «в плен», т.е. порабощенные во время завоевания цюйкоу (цюйдины). Их положение мало отличалось от рабского: они могли продаваться хозяином, не смели на него жаловаться, подвергались более жестоким, чем обычные простолюдины, наказаниям, не имели права вступать в брак со свободными, их дети наследовали статус родителей. Кодексы законов приравнивали их к имуществу хозяина. Правда, во время переписи 1234–1236 гг. было приказано тех цюйкоу, которые проживают отдельно от хозяина и ведут собственное хозяйство, считать обычными крестьянами, платящими налоги государству. Однако патронаж хозяина над ними не мог исчезнуть бесследно и в какой-то мере должен был сохраняться.

Помимо того существовали домашние рабы — *цзяну* (число которых у отдельных монгольских сановников достигало нескольких десятков тысяч),

военные рабы — *цзюньну*, используемые в армии, казенные и храмовые рабы и зависимые. На начальных этапах завоевания в рабство попадали и люди учено-служилого сословия (*шэньши*). Были и случаи обращения завоевателями покоренного населения в *буцюй* — категорию неполноправных работников, распространенную в Китае в III-VIII вв. При Хубилае запретили захватывать и обращать в рабство полноправный люд. Но пополнение слоя рабов продолжалось путем самопродажи и продажи членов семей разорявшимися крестьянами, что приняло во времена Юань широкие размеры. Существовали даже специальные рынки работорговли.

Особенностью описываемого периода было не просто количественное увеличение неполноправных слоев населения, но и более широкое их использование в земледелии и скотоводстве; в неполноправное положение попала также большая часть ремесленников. Труд государственных ремесленников был принудительным, профессия в обязательном порядке наследовалась их потомками, браки ограничивались, казна держала их на установленном рационе пищи и наборе одежды.

Что касается положения полноправного (свободного) крестьянства — *миньху*, то оно по-прежнему не отделялось официальной социальной гранью от нетитулованных, «простых» землевладельцев, живших эксплуатацией чужого труда. Его положение в целом оставалось приблизительно таким же, как и в X–XII вв. (если не считать возросшего произвола властей). Но количественно эта категория крестьянства несколько уменьшилась за счет увеличения неполноправных слоёв и арендаторов. В некоторых районах Центрально-Южного Китая в целях контроля над населением принудительно насаждались общины (*лицзя*) из 20 дворов. В 1271 г. было предписано создавать общины из 50 дворов.

В процессе завоевания много монголов-воинов со своими семьями и имуществом переселилось в Китай, особенно в северные и центральные районы. Их социальный статус, даже в том случае, если они не становились надзирателями лицзя, был выше, чем рядового китайского населения. Но отмечались случаи их разорения и даже продажи ими в рабство членов своих семей, несмотря на старания правительства оказывать им материальную помощь.

Определенными привилегиями и покровительством правительства пользовались буддийские (особенно ламаистские) и даосские монахи. Строго запрещалось оскорблять их действием или поносить словами. Юридически монахи должны были платить поземельный и торговый налоги, если они занимались земледелием и торговлей. Но фактически специальные указы и послабления освобождали их от этого. Доходы же монастырей от прихожан и особенно от обширных земельных владений и различных вкладов были весьма велики. Привилегии, особенно в торгово-ростовщической и управленческой сфере деятельности, получали (по крайней мере до 1312 г.) проникавшие в Китай с запада мусульманские общины. Служители конфуцианского культа, хотя и могли получать освобождение от налогов, явным покровительством властей, подобно буддистам и даосам, не пользовались.

Этническая ситуация в Китае в XIII — середине XIV в. характеризовалась двумя основными моментами: национальным угнетением со стороны монголов и узаконенным противопоставлением северных и южных китайцев. И то и другое ярко проявлялось в упомянутом выше делении населения на четыре категории. Национальный гнет, помимо прямого порабощения части населения, произвола и грабежей монгольской знати и военачальников, выражался в юридической пораженности в правах китайцев по

отношению к монголам (разное наказание за аналогичные преступления, клеймение осужденных китайцев и т.п.), оттеснении китайцев с высших управленческих постов, всевозможных унизительных запретах — не иметь оружия (китайские воинские соединения сдавали его в мирное время), не обучаться воинскому делу, иностранным языкам, не устраивать массовых сборищ, не появляться на улице в темное время суток, не держать лошадей и т.п. Этот гнет стал одним из главных факторов, приведших к падению монгольского владычества в Китае.

Имевшиеся различия между северными и южными китайцами были закреплены и использованы монгольскими завоевателями. Однако, несмотря на юридические преимущества северных китайцев, именно на них легло самое тяжелое бремя в период завоевания. Поэтому в XIII в. отмечается новая волна массового переселения жителей северных районов и Центральной равнины на юг и юго-восток.

Период господства монголов в масштабах всего Китая охватывает всего лишь 70 с небольшим лет (к середине 50-х годов XIV в. центрально-южные районы практически отложились). Поэтому ожидать заметных сдвигов материальной культуры за столь короткий срок не приходится. Тем не менее, согласно появившемуся в начале XIV в. трактату о сельском хозяйстве «Нун шу», можно обнаружить новые виды орошения полей: с помощью бамбуковых водопроводов и водяного колеса с ведрами-черпаками. Начинает распространяться такая сельскохозяйственная культура, как сорго (гаолян).

В конце XIII в. появляется принципиально новая прялка — с ножным приводом. Усовершенствовался шелкоткацкий станок. В быт входят некоторые элементы монгольской одежды, конструкции седла, заимствованные от кочевых народов смычковые инструменты. Астроном Го Шоуцзин с большей, чем ранее, точностью вычислил календарный год. В 40-х годах были подготовлены три новые династийные истории.

Идеологическая обстановка в рассматриваемый период отличалась своеобразием. С середины XIII в. официальной религией монгольского двора становится ламаизм — тибетская интерпретация буддизма. Влияние Управления тибетскими делами и ламаистской церкви — *сюаньчжэнъюань* — при дворе не уступало прочим центральным правительственным органам. Попытка даосов потеснить буддийское влияние при дворе закончилась неудачей. Характерной чертой развития буддийского и даосского вероучения XIII–XIV вв. становится появление многочисленных сект, которые, подобно упоминавшемуся «Белому лотосу», приобретали иногда большое влияние в стране. Одни из них власти признавали и терпели, другие подвергали преследованию. Все больше проникало в Китай мусульманство, пользовавшееся покровительством монгольского двора. Значительные общины мусульман появились тогда на Центральной равнине и в Юньнани. Хороший прием встречали и первые христианские миссионеры.

Однако было бы неверно думать, что возобладавшее в предшествующий период в Китае конфуцианство было совершенно оттеснено. Само принятие Хубилаем имперской формы управления подразумевало неминуемое восприятие основополагающих постулатов этого сросшегося с государством учения. Свидетельством тому служат введение (хоть и в ограниченном виде) экзаменационной системы отбора чиновников и открытие в 1287 г. Академии сынов отечества (*гоцзысюэ*) — кузницы высших конфуцианских кадров. Тем не менее прежнее приоритетное положение конфуцианства при Юань так и не было восстановлено.

На уровне сознания широких народных слоев в описываемый период получают распространение народные верования, строившиеся на основе религиозного синкретизма и принимавшие форму разнообразнейших местных культов.

Наиболее яркой страницей в литературной жизни XIII — середины XIV в. стала драматургия. В XIII в. на юге страны появляются писаные тексты пьес бытовавшего здесь жанра *цзацзюй*. Всего за период Юань было написано около 600 пьес (до настоящего времени дошло 170). Наиболее известны «Западный флигель» Ван Шифу (Ван Дэсиня) и «Обида Доу Э» Гуань Ханьцина. В пьесах отразились не только быт и психология людей того времени, но и многие социальные явления. Драматургия XIII–XIV вв. определила сложившийся впоследствии китайский театральный канон; ее можно назвать родоначальницей сохраняющегося по сей день китайского классического театра.

В стихах Ян Хундао (род. ок. 1250 г.), Сюйцзюнь Баоцзи (род. ок. 1276 г.) и других поэтов нашли выражение ужасы монгольского завоевания, в стихах Ма Цзучана (1279–1344), Чжан Чжу (1286–1368), Лю Цзи (1311–1375) — бедственное положение простого народа. Наряду с этим в поэзии сохранялись и классические мотивы — любование природой, томление души, винопитие и т.п.

Среди в какой-то мере близких ко двору художников возобладал стиль, подражающий искусству VII–IX вв. Примером служат работы Чжао Мэнфу (1254–1327) и Ван Чжэньпэна (ум. ок. 1321 г.). Но ряд пейзажистов — Ни Цзань (1301–1374), Хуан Гунван и др. — продолжали развивать академические традиции сунской школы живописи. Выразительны сохранившиеся портреты юаньских императоров. В скульптуре и отчасти архитектуре усилилось индийское и тибетское влияние.

Попытка монгольского двора ввести в качестве официального алфавитное письмо, составленное на основе тибетского алфавита Пакба-ламой к 1269 г. (так называемое квадратное письмо), в конечном счете не удалась, уступив дальнейшему развитию китайской иероглифической традиции, обогатившейся в 20-х — начале 50-х годов XIV в. рядом новых фонетических словарей.

В целом тот факт, что монгольское завоевание сопровождалось значительным разрушением производительных сил Китая, а господство завоевателей принесло национальное угнетение и ухудшение социального положения значительных слоев китайского общества, не вызывает сомнений. Что же касается экономического положения империи Юань, и в первую очередь состояния ремесла и торговли, то здесь высказывались противоречивые оценки. Ряд китайских исследователей полагают, что уровень развития сельского хозяйства и ремесла, несмотря на некоторые помехи, продолжал повышаться, а к середине XIV в. в ткачестве появляются мастерские капиталистического типа. Однако здесь следует учитывать разницу между Северным и Южным Китаем. Достаточно сказать, что северные районы после завоевания оказались не в состоянии прокормить себя и стоявшие там монгольские войска. Положение на юге было, несомненно, легче, но и здесь сказывалось легшее на страну дополнительное бремя. Можно полагать, что там если и не произошло заметного регресса, то нормальный ход развития производительных сил и социальных отношений был нарушен. Без привнесенного фактора иноземного владычества этот естественный ход мог бы дать иные, более прогрессивные формы. Причем речь идет о формах развитых феодальных отношений в их китайском варианте, а не об элементах капи-

тализма, зачатки которых даже их сторонники среди китайских ученых в подавляющем большинстве относят к гораздо более позднему, нежели описываемое, время.

БОРЬБА НАРОДОВ КОРЕИ, ВЬЕТНАМА, БИРМЫ И ИНДОНЕЗИИ ПРОТИВ МОНГОЛЬСКИХ ЗАХВАТОВ

Потрясения XIII в. на разных этапах монгольских вторжений с трагической неизбежностью отражались на исторических судьбах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. В первой половине XIII в. монголы использовали по преимуществу военные методы, осуществляя вторжения в земли соседей с целью грабежа, слабо закрепляясь там.

В 1218 г., преследуя киданей, монгольские войска вторглись на территорию государства Корё. Ван Корё вынужден был установить «дружественные отношения» с монголами, что означало признание вассальной зависимости. В этот период подобные «вассальные отношения» еще легко разрывались, и в 1225 г. после убийства одного из монгольских послов ко двору Корё вассалитет был сброшен, но ненадолго. В 1231 г. монгольские отряды, начав рейды против китайского государства, появились и на корейских границах. Под предводительством Саритая монгольские войска летом того же года перешли р. Амноккан, взяли Хамчинсон (совр. Ыйджу), и одна часть монгольских отрядов осадила Куджу (совр. Анджу). Осада Куджу продолжалась месяц. Монголы пытались подвести подкоп под стены крепости, использовали осадные башни. Но крепость выстояла, и осада была снята. В конце 1231 г. монголы неоднократно штурмовали Куджу, но всякий раз бывали отбиты.

Вторая часть вторгшейся в Корё монгольской армии с лета 1231 г. развивала наступление на юг. Корёские войска отстояли Согён, а в провинции Сохэ нанесли поражение монголам. Но в генеральном сражении у крепости Анбук корёская армия была полностью разгромлена. В конце 1231 г. монголы осадили столицу Корё, и корёское правительство начало переговоры о мире. Монголы разоряли окрестные территории. «Не осталось ни одного места, которое не было бы разрушено», — сообщает корейская хроника «Корёса». В начале 1232 г. был заключен мир на условиях выплаты огромной дани, и монголы покинули страну, оставив несколько десятков наместников в крупных городах.

Через несколько месяцев корёское правительство решило порвать мирный договор. Монгольские наместники были перебиты, а двор спешно перебрался на о-в Канхвадо. Летом 1232 г. последовало ответное монгольское вторжение, закончившееся провалом. Монголам, несмотря на длительную осаду, не удалось захватить столицу страны — Кэгён. В конце года при осаде крепости Чхоинсон был убит Саритай, и монголы ушли из страны.

На великом курултае монгольских ханов 1235 г. было принято решение о походах на Запад, в Центральную Азию, одобрен план покорения Китая династии Южной Сун и государства Корё. В соответствии с этим решением в 1236 г. в Корё вновь вторглись монгольские войска, предводительствуемые Тангу. До 1239 г. продолжались военные действия, причем сводились они к осадам крепостей и мелким стычкам, так как корёские войска избегали генерального сражения, бóльшая их часть так и осталась на о-ве Канхвадо.

Весной 1239 г. монголы вновь предложили мир на условиях вассалитета Корё. Мир был заключен, но условия его корёское правительство выполнять не собиралось; нужно было добиться ухода из страны монгольских войск и выиграть таким образом время для укрепления обороны.

В 1247 г. монголы во главе с Амуганем в четвертый раз вторглись в Корё. Своей опорной базой они сделали район Кэгёна. Посылаемые отсюда в различных направлениях отряды повсеместно встречали сопротивление корёского населения.

С лета 1251 г. — после провозглашения великим ханом Менгу (Мункэ) — одной из важнейших внешнеполитических задач монгольского государства стало покорение Южносунской империи. Грабительские набеги в соседние страны сменяются тактикой превращения их территорий в плацдармы наступления на Китай. Исходя из этой тактики, монголы предложили правящим кругам Корё мир, который был принят. Однако монгольские войска не ушли из страны. Получив подкрепления, они перешли к более активным действиям. Но добиться решительных успехов им не удалось. Осаждаемые корёские крепости оказывали упорное сопротивление завоевателям. Более двух месяцев героически оборонялась крепость Чхунджу, которую монголам так и не удалось покорить.

Продолжая наступательную тактику против государства Корё, монголы, во главе которых теперь стоял Чэлодай, в 1254 г. перенесли военные действия в южные провинции Кореи, прежде не затронутые войной. Встречая неизменно упорное сопротивление, они разорили эти провинции. Это тяжело сказалось на снабжении продовольствием о-ва Канхвадо: двор, армия и множество чиновников получали продовольствие именно оттуда. В 1257 г. монголы стали сосредоточивать крупные силы на побережье напротив острова, создав реальную угрозу правительству Корё.

Все это вызвало пораженческие настроения в придворной среде, усугублявшиеся внутриполитической борьбой: многие сановники были недовольны засильем семейства Чхве. В 1258 г. в результате заговора фактический правитель страны Чхве Ый был убит, а весной следующего года наследник престола отправился ко двору Хубилая. Монголы несколько смягчили требования, и мир на основе признания Корё своего вассалитета был заключен. Новый ван, Вонджон, безоговорочно признал господство монголов и опирался на них в борьбе с придворной оппозицией.

В 1260 г. Хубилай объявил себя великим ханом. Его столицей стал Пекин (1264 г.), а материальной базой военных походов — людские ресурсы Китая, китайские армия и флот. Опираясь на военную силу, монгольская правящая аристократия в Китае использует также и выработанные китайскими правящими кругами традиционные приемы дипломатического и политического давления на соседние страны. Область влияния Китая при монголах расширяется: монголо-китайские войска, дипломаты и администраторы появляются в странах Юго-Восточной Азии, пытаясь вводить в них новые политические порядки. Тактика монголов натолкнулась на противодействие правящих кругов в странах Юго-Восточной Азии, хотя на первых порах оно не везде было действенным.

Стремясь создать для наступления в глубокий тыл китайской империи плацдарм на территории Северного Вьетнама, монгольская армия под командованием Урянхатая в конце 1257 г. вторглась в Дайвьет. Однако это нападение окончилось поражением в 1258 г.; оно сопровождалось и дипломатической неудачей: прибывшие к вьетскому императору с предложением «покориться» послы Хубилая были с позором отосланы обратно.

Вскоре после провозглашения в 1271 г. империи Юань в сфере ее дипломатии оказался и Паган. Хубилай через вана Юньнани направил к правителю Наратихапате послов, потребовавших включения Пагана в состав владений империи Юань. Правитель Пагана должен был с дарами прибыть лично в Пекин. Аналогичное требование было предъявлено правителю Дайвьета. Правители обоих государств в 1271 г. уклонились от визита в Пекин, вызвав негодование правящих кругов империи. В 1273 г. в Паган прибыла миссия из Пекина: она привезла письмо Хубилая паганскому правителю с напоминанием о подчинении императору и угрозой войны в случае отказа. Правитель Пагана, как утверждают бирманские источники и китайская династийная хроника «Юань ши», казнил послов.

В 1273–1275 гг. усилилось дипломатическое давление со стороны монгольского правительства в Пекине на Дайвьет: в столицу последнего «управляющим» был послан китаец.

В 1276 г. пала китайская империя Южная Сун, что освободило для военных действий большие массы монгольских войск. Военное и дипломатическое давление со стороны Пекина на страны Юго-Восточной Азии активизировалось. Весной 1277 г. войска империи Юань под командованием наместника Юньнани Хуту вторглись в пределы Пагана. В этом походе принял участие Марко Поло. Шестидесятитысячная армия бирманцев встретилась с конницей монголов и отрядом вооруженной луками гвардии в битве при Нгазаунджане, красочно описанной знаменитым венецианцем (со слов очевидца). Слоновая кавалерия — главная ударная сила бирманской армии — попала в ловушку, сражение было проиграно. В конце 1277 г. монголы предприняли из Юньнани под предлогом помощи одному из горных племен новый поход на Паган. Сильная крепость на его северо-восточной границе — Каунсин, а также Бамо были захвачены. Разграбив этот центр бирмано-китайской караванной торговли, монголы вскоре ушли на территорию Юньнани.

В 1277–1278 гг. в столицы государств Юго-Восточной Азии из Пекина были направлены послы с известием о падении Южносунской империи. Посланные в 1278 г. в Чампу послы вернулись в Пекин с традиционным, но формальным «согласием подчиниться», что было истолковано в столице империи Юань как признание этим государством вассальной зависимости от монгольских правителей Китая. Правитель же империи Камбуджадеша заключил послов Хубилая под стражу. В 1279 г. империя Юань через своих послов вновь потребовала от правителя Чампы, а также от правителя Сингасари (о-ва Ява) личного изъявления покорности Хубилаю, т.е. прибытия в Пекин. Но правитель Чампы вместо себя направил в Пекин в 1280 г. послов со словесным выражением покорности, обойдя молчанием вопрос о собственном приезде. Отказался прибыть в Пекин и правитель Сингасари Кертанагара. Последний предпринял попытки к объединению вокруг Явы ряда земель архипелага.

Используя политико-культурную разобщенность государств Юго-Восточной Азии, империя Юань пыталась — и не без определенного успеха — найти опору в среде вассальных правителей, зависевших от империй Сингасари или Камбуджадеша. Так, были найдены временные «союзники» в среде вассальных правителей на Западной Суматре, в Малайе, тайских вождей на территории нынешнего Таиланда и подчиненных Ангкору монских правителей.

В 1281 г. на Суматру, где большим влиянием пользовались мусульманские купцы, прибыли в качестве послов империи Юань китайские мусуль-

мане Сулейман и Шамс уд-дин. Султан Самудры (Пасе) Малик Ас-Салех оказал китайским послам, своим единоверцам, самый дружеский прием. В том же году Пекин посетило посольство из Малайи, где правил вассал Сингасари.

Осуществляемая монгольскими правителями Пекина политика дипломатической интриги и политического раскола в отдаленных районах Южных морей сочеталась с методами прямого военного давления. В 1281 г. Хубилай провозгласил Дайвьет «самоуправляющимся инородческим округом» и назначил туда «управляющим» Баян Тимура. В 1282 г. воинские гарнизоны, размещенные на юго-западе империи Юань, получили приказ вступить в Паган. Протоpенным путем через Каунсин они прошли огнем и мечом северные районы Мьянмы, создав из них в 1283 г. провинцию Чиньмянь с центром в Тагаунге. В Пекин была направлена карта Пагана, что символизировало его включение в состав империи Юань.

Упорное противодействие юаньской экспансии оказало государство Чампа, где правительство Пекина в 1282 г. вознамерилось ввести свою систему управления. Правящие круги Чампы попытались установить союзнические отношения с Дайвьетом. Совет родовой знати и высших чиновников Дайвьета, собравшись во второй половине 1282 г., с тревогой обсуждал вопрос о возможности вторжения в пределы страны монгольских войск, собранных в Гуандуне под командованием Сагату. В Чампе были задержаны юаньские послы, направлявшиеся с дипломатическими целями в государства Центрального Индокитая и Южной Индии. Эти действия были использованы империей Юань как предлог для начала военных действий.

Получив от Дайвьета отказ в проходе на юг через его территорию, 200-тысячная монголо-китайская армия Сагату в конце 1282 г. переправилась через Гуандун к берегам Чампы на 350 больших морских кораблях. Вместе с войсками были направлены и китайские чиновники, которым Хубилай поручил приступить к управлению страной после ее завоевания.

Высадившись на берег недалеко от столицы, армия Сагату приступила к осаде г. Мучэн, который защищали чамские войска, возглавляемые Индраварманом V. На крепостных стенах было размещено около сотни пушек арабо-персидского производства. После того как монгольское командование семь раз получило отказ на предложение о сдаче города, Сагату начал штурм Мучэна с трех сторон: флотом с моря и двумя группами на суше. Нападение флота было неудачным. Из-за отсутствия опыта морских боев монголы не сумели войти в реку и подойти к берегу. Зато на суше они добились успеха, и Мучэн был взят. Понеся большие потери, правитель Чампы с остатками войска скрылся в горах. Вскоре армия Сагату захватила столицу Виджайю и начала занимать другие города и крепости Чампы.

Чамы перешли к партизанской борьбе, которую возглавил наследный принц Хариджит. После введения на захваченной территории системы управления непосредственно китайскими чиновниками эта борьба приняла всенародный характер, и армия патриотов стала стремительно расти. Сагату запросил подкрепление из Южного Китая и обратился за военной поддержкой к Сингасари на Яве и к Камбуджадеше. Однако войска из Южного Китая опаздывали, а те государства, к которым адресовался монгольский полководец, сочувствовали Чампе.

Тогда Сагату решил действовать самостоятельно и весной 1283 г. отправил в горы против Индравармана V отряд под командованием Чжан Юна. Разгром попавших в ловушку в горном ущелье монголов стал переломным моментом всей кампании: Сагату начал отводить войска к Мучэну, перешел

к обороне и более не помышлял о продвижении в глубь страны. В середине 1284 г. в Мучэн прибыло морем 20 тыс. солдат монголо-китайской армии во главе с Хутухту.

Не решившись воевать против Индравармана V, Хутухту заключил с ним мир, выговорив при этом в качестве условия визит внука чамского короля в Пекин. Героическая борьба чамского народа против монгольских завоевателей закончилась победой патриотов. Ослабла угроза монгольского вторжения в Камбуджадешу и другие страны Южных морей.

Провалу планов захвата монголами Чампы способствовали как решительная позиция Дайвьета, отказавшегося пропустить в 1282 г. экспедиционный корпус через вьетскую территорию, так и отсутствие у Юаней опыта переброски войск по морю.

По-видимому, мир с Индраварманом V не был бы заключен так быстро и на таких благоприятных для Чампы условиях, если бы Хубилаю срочно не требовались войска для войны с Дайвьетом, который в 1283–1284 гг. активно готовился к отпору интервентам. По всей стране шли боевые учения: регулярные части и боевые дружины землевладельцев совершенствовались в военном искусстве на суше и на воде. Душой сопротивления интервентам стал талантливый военачальник Чан Хынг Дао, распространявший горячие патриотические воззвания, призывавшие к отпору завоевателям и обличавшие тех представителей знати, которые готовы были идти на соглашение с Юанями. Поскольку по традиции участие в войне было одной из обязанностей, выполнявшихся общинниками, в конце 1284 г. во дворец Зиенкхонг в столице со всех концов страны были созваны общинные старейшины, обеспечившие поддержку общинами государства в отпоре интервентам. Создавались народные ополчения. Многие татуировали у себя на руках иероглифы «смерть татарам».

В начале 1285 г. сухопутная полумиллионная монголо-китайская армия под командованием сына Хубилая, Тугана, двумя путями вторглась из Гуанси в Лангшон. Одновременно из Юньнани двинулись в Дайвьет войска Наср ад-Дина. Впервые к активным боевым действиям против вьетов перешел флот под командованием Омара. Используя численное превосходство, Туган разгромил войска Чан Хынг Дао. Флот Омара приступил к захвату дельты Красной реки.

Отступившая вьетская армия попыталась укрепиться в округе Тхиенчыонг в Нижнем Шоннаме, но с юга угрожали войска Сагату, вторгшиеся из Чампы в южные районы Дайвьета и захватившие территорию Нгеана и Тханьхоа. Над вьетской армией нависла угроза окружения.

В этой чрезвычайно опасной ситуации, чреватой потерей Дайвьетом независимости, Чан Хынг Дао принял решение оставить дельту Красной реки, вывести войска к побережью, а оттуда морем перебросить их на юг, в Тханьхоа, для удара в тыл армии Сагату. Этот проект был блестяще осуществлен, и монгольский план окружения дайвьетской армии рухнул.

Военная инициатива стала переходить к вьетам. В захваченных монголо-китайскими войсками районах Дельты партизаны нападали на оставленные Туганом гарнизоны, а в начале лета 1285 г. Чан Хынг Дао сам перешел в наступление и, стремясь отрезать армию Сагату от основных сил Тугана, атаковал противника в крепости Ало и на р. Каушонг. Потерпев сокрушительное поражение, Сагату отступил в Тханьхоа и, посадив свои войска на корабли, присланные Омаром, переправил их к дельте Красной реки. Но когда флотилия Сагату поднялась по одному из рукавов Дельты, она была атакована патриотами и отброшена к морю.

Главные силы Чан Хынг Дао в результате кровопролитных боев захватили укрепления главного лагеря интервентов. Туган бежал из столицы. Переправившись через р. Ло, он построил укрепления на ее северном берегу.

Сагату и Омар повторили попытку пробиться к Тугану, но были разгромлены у переправы Тайкет. Сагату погиб, а Омару удалось бежать через один из рукавов дельты Красной реки. Вьеты захватили много пленных и богатые трофеи.

Последним военным эпизодом этой кампании был стремительный рывок основных сил вьетской армии во главе с Чан Хынг Дао вверх по Красной реке к лагерю Тугана. Сын Хубилая, не вступая в бой, отступил; его войско было настигнуто у р. Кау в Ванкиепе (Киньбак) и полностью разгромлено. Сам Туган едва спасся, от его армии осталась десятая часть. Во время преследования погибли два видных полководца. Войска Наср ад-Дина вернулись в Юньнань также весьма потрепанными.

Хубилай справедливо расценил результат кампании 1285 г. как позорное поражение и начал собирать силы для нового наступления на Дайвьет. В связи с этим в 1286 г. была приостановлена подготовка очередного вторжения в Японию, а в 1287 г. правительство Юань в Пекине не дало разрешения на войну с Паганом. Юньнаньские власти вынуждены были вести военные действия против Пагана на свой страх и риск. Есу Тимуру удалось взять столицу бирманского государства, оккупировав страну до Прома. Паган с его храмами и монастырями, пагодами и дворцами был разрушен и предан огню. На территории, захваченной монголами, была создана еще одна административная единица — Мяньчжун с центром в Пагане, — вскоре преобразованная в зависимое от Китая государство. На трон в Пагане в 1289 г. был посажен вассальный правитель Чосва, отпрыск паганской династии, и установлен размер ежегодной дани Китаю.

Развивая успех, монголы подчинили тайские земли — Сипсонгпанна — по левобережью р. Меконг. В Пекине была создана администрация для управления южными странами.

Главным объектом дальнейших экспансионистских устремлений правителей Юань оставался Дайвьет. Зимой 1287 г. 300-тысячное монгольское войско, усиленное китайскими отрядами, под командованием Тугана снова по двум дорогам двинулось из Гуанси в Лангшон. Тесня отступающее вьетское войско, монголо-китайская армия приблизилась к Ванкиепу, где получила помощь военного флота, который привел из Гуандуна Омар, оторвавшийся во время следования к устью р. Батьданг от грузового транспорта Чжан Вэньху и оставивший его без защиты. Подойдя к устью р. Батьданг, Омар устремился вверх по ее течению на соединение с Туганом. В самом конце 1287 г. монголо-китайская армия захватила Ванкиеп. Тем временем вьетский военный флот напал на плывшие без прикрытия транспортные корабли Чжан Вэньху, частично потопил их, частично захватил вместе с оружием, продовольствием, фуражом и пленными. Самому Чжан Вэньху удалось бежать в Китай на одном из немногих спасшихся кораблей.

Стремясь деморализовать противника, вьетское командование освободило пленных моряков Чжан Вэньху и отправило их в лагерь Тугана. Однако результат этой операции был прямо противоположным тому, на который рассчитывали вьеты: сын Хубилая решил быстрее окончить кампанию и отдал приказ перейти Красную реку и взять столицу. В штурме Тханглаунга ему помогала пришедшая с боями из Юньнани армия военачальника Абачи, проявившая отличные воинские качества.

Захват в начале 1288 г. столицы Дайвьета улучшил положение интервентов. Однако перед уходом из Тханглаунга вьеты уничтожили продовольственные запасы. Поэтому вскоре захватчики стали испытывать недостаток в провианте и фураже. В связи с этим Туган отправил Омара с флотом к побережью, надеясь, что тому удастся выйти в море и встретить новый грузовой транспорт из Китая. Сам же Туган, не сумев уничтожить главные силы вьетской армии, вынужден был оставить территорию в низовьях Красной реки и укрепиться в Тханглаунге.

Экспедиция Омара закончилась неудачей: так и не встретив транспорта в заливе Бакбо, он вынужден был с «пустыми судами» вернуться к Тугану. К моменту его возвращения сын Хубилая уже вывел войска из голодающей столицы (предварительно предав ее огню) и попытался обосноваться в Ванкиепе, ставшем боевой и «кормовой» базой интервентов.

Голод и боевые операции патриотов сокращали численность монголо-китайских войск. Опасаясь начала эпидемий в период сезона дождей, военачальники обратились к Тугану с предложением вернуться в Китай. В конце весны 1288 г. он отдал приказ об отступлении, которое скорее походило на бегство.

Флот во главе с Омаром и Фань Цзи двинулся из Ванкиепа к р. Батьданг. Применяя тактику борьбы с судами захватчиков, выработанную на той же реке еще за четверть тысячелетия до описываемых событий, в период противоборства с силами южноханьского государства, вьетское командование, блокировав все, кроме одного, притоки Батьданга, сумело «вывести» флот Омара точно к месту засады, а затем, используя время отлива, «посадило» корабли интервентов на предварительно вкопанные в дно реки заостренные стволы деревьев. Флот забросали горящими факелами и стрелами. В разгроме интервентов участвовали войска Чан Хынг Дао, а также императорский резерв, вступивший в сражение на его последнем этапе. В итоге вьеты захватили 400 боевых кораблей, пленили Омара, Фань Цзи, Си Лецзи и других вражеских военачальников. Множество моряков утонуло в водах р. Батьданг.

Отход основной части сухопутной монголо-китайской армии, предводительствуемой самим Туганом, в Гуанси через Лангшон сопровождался огромными людскими потерями: весь путь «домой» был усеян трупами интервентов. Захватчики гибли в ямах-ловушках, попадали в засады в узких ущельях, вынуждены были уходить неудобными дорогами, так как основные пути были заняты силами вьетской армии. Абачи, получивший приказ отступать в Юньнань, как и многие монгольские военачальники, был убит.

Пленные вражеские полководцы, в том числе Омар и Фань Цзи, были отправлены морем в Китай, но везший их корабль был затоплен.

В течение последующих шести лет Хубилай продолжал держать на границе с Дайвьетом мощную армию, постоянно угрожая новым вторжением. Однако, наученный горьким опытом, он так и не решился на новую интервенцию.

Поражение войск империи Юань во Вьетнаме сказалось на всей ситуации в странах Юго-Восточной Азии. Посольство из Пекина во главе с китайцем Мэн Ци ко двору Кертанагары с требованием прибыть к Хубилаю встретило суровый прием. На лицо Мэн Ци было поставлено клеймо, и он был отправлен обратно в Пекин.

В 1209 г. была ликвидирована провинция Мяньчжун в Бирме; в 1303 г. все монголо-китайские оккупационные войска были вынуждены покинуть пределы страны. В 1294 г. — после смерти основателя династии Юань —

второй император, Олджейту-Тимур, распустил войска, стоявшие на границе с Дайвьетом. К этому времени относится последняя военная экспедиция империи Юань, ее целью было покорение островных стран Южных морей. Подготовка к походу началась еще во время правления Хубилая. Была снаряжена 1 тысяча кораблей. В южных приморских провинциях Китая были навербованы моряки, а также снаряжена 20-тысячная армия во главе с китайскими генералами Ши Би и Гао Син. Военная экспедиция отбыла из портов Южного Китая в конце 1292 г., а в феврале 1293 г. ею был захвачен о-в Белитунг в проливе между Суматрой и Калимантаном. Дань Хубилаю принес правитель о-ва Бали. Юаньские полководцы приняли план захвата Явы и в начале марта 1293 г. высадили войска близ г. Тубан — крупнейшего торгового порта государства Сингасари. Гарнизон Тубана пытался оказать сопротивление, но оно было подавлено. Город был разграблен и сожжен.

На Яве произошла смена правления: Кертанагара был убит, трон в Сингасари узурпировал принц из Кедири, он был свергнут зятем Кертанагары, принцем Виджайей. Последний воспользовался для достижения власти помощью монголо-китайских войск, пообещав при этом признать себя вассалом Юаней.

Оккупация Явы продолжалась недолго. Разбитые на мелкие посты и гарнизоны, монголо-китайские экспедиционные силы вскоре были разгромлены армией Виджайи, возглавившего борьбу яванского народа против захватчиков. Остатки монгольских войск были вынуждены бесславно покинуть архипелаг и отплыть в Китай 31 мая 1293 г.

В течение нескольких десятилетий монгольский экспансионизм нарушал нормальное экономическое и культурное развитие Юго-Восточной Азии и Кореи. Разрушения, голод, гибель людей сопровождали эти захватнические войны. После 1293 г. правящие круги империи Юань не предпринимали военных экспедиций против стран Южных морей, но сама империя продолжала оставаться фактором огромного значения, влияющим на исторические судьбы сопредельных государств. Империя Юань с ее огромными человеческими ресурсами создавала постоянную угрозу вторжения в близлежащие страны, которые соответственно старались усовершенствовать военное дело. В социальной структуре соседних с Китаем стран неизменно усиливались позиции военной знати, расширялись ее административные права, совершенствовался внутренний аппарат принуждения, разрабатывалась государственная идеология, направленная на сплочение земледельческого населения вокруг правящей элиты.

ЧИНГИС-ХАН И ЧИНГИСИДЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

После громких побед, одержанных в Центральной Азии, монгольская знать устремила свои помыслы на завоевание Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана. Монгольское государство отделяло от империи Хорезмшахов буферное владение, во главе которого стоял Кучлук-хан. Он был вождем найманов, бежавших на запад в результате поражения в 1204 г. от войска Темучина. Кучлук ушел в долину Иртыша, где объединился с меркитским ханом Тохтоа-беки. Однако после очередного разгрома в 1205 г. Кучлук с остатками найманов и кереитов бежал в долину р. Чу. В итоге длительной борьбы с местными тюркскими

племенами и кара-хитаями он утвердился в Восточном Туркестане и Южном Семиречье. Однако в 1218 г. огромная монгольская армия под командованием Джебе-нойона разгромила отряды Кучлук-хана. Чингисхан, покорив Восточный Туркестан и Южное Семиречье, вплотную приблизился к границам державы Хорезмшахов, в которую входили Средняя Азия и бо́льшая часть Ирана.

После захвата монголами значительной территории империи Цзинь хорезмшах Мухаммад II (1200–1220) отправил своих послов ко двору Чингисхана. Главной целью этой дипломатической миссии было получение сведений о вооруженных силах и дальнейших военных планах монголов. Чингисхан принял благосклонно посланцев из Хорезма, выразив надежду на установление интенсивных торговых связей с мусульманским Востоком. Он велел передать султану Мухаммаду, что считает его владыкой Запада, а себя — повелителем Азии. Вслед за тем он направил ответное посольство в Ургенч — столицу государства Хорезмшахов. Грозный воитель предложил через своих послов заключить договор о мире и торговле между двумя мировыми державами.

В 1218 г. монголы снарядили в Среднюю Азию крупный торговый караван, везший много дорогих товаров и даров. Однако по прибытии в пограничный город Отрар караван был разграблен и перебит. Это стало удобным предлогом для организации грандиозного похода монгольской рати. Осенью 1219 г. Чингис-хан двинул свое войско с берегов Иртыша на запад. В том же году оно вторглось в Мавераннахр.

Весть об этом встревожила султанский двор в Ургенче. Экстренно собранный высший государственный совет не смог выработать разумный план военных действий. Шихаб ад-дин Хиваки, ближайший сподвижник Мухаммада II, предложил собрать народное ополчение и всеми боевыми силами встретить врага на берегах Сырдарьи. Предлагались и другие планы военных операций, но султан избрал тактику пассивной обороны. Хорезмшах и поддержавшие его сановники и полководцы, недооценивая осадное искусство монголов, полагались на крепость городов Мавераннахра. Султан принял решение сосредоточить основные силы на Амударье, подкрепив их ополченцами из соседних областей. Мухаммад и его военачальники, засев в крепостях, рассчитывали напасть на монголов после того, как они рассеятся по стране в поисках добычи. Однако этот стратегический план не оправдался, что привело к гибели тысячные массы сельского и городского населения Казахстана, Средней Азии, Ирана и Афганистана.

Громадная рать Чингис-хана достигла осенью 1219 г. Отрара и после пятимесячной осады захватила его (1220 г.). Отсюда монголы двинулись вперед по трем направлениям. Один из отрядов под командованием Джучихана отправился для захвата городов в низовьях Сырдарьи. Второй отряд двинулся на покорение Ходжента, Бенакета и других пунктов Мавераннахра. Главные силы монголов под водительством самого Чингис-хана и его младшего сына, Тулуя, направились к Бухаре.

Монгольское войско словно огненный смерч обрушилось на города и селения Казахстана и Средней Азии. Повсюду они встречали отпор со стороны простых крестьян, ремесленников, пастухов. Героическое сопротивление чужеземцам оказало население Ходжента во главе с эмиром Тимур Маликом.

В начале 1220 г. после непродолжительной осады Чингис-хан взял, разрушил и сжег Бухару. Большинство горожан, за исключением перешедшей на сторону завоевателей местной знати и части взятых в плен ремесленни-

ков, было перебито. Случайно уцелевшие от резни жители были мобилизованы в ополчения для ведения осадных работ.

В марте 1220 г. орды Чингис-хана появились у Самарканда, где был сосредоточен сильный гарнизон хорезмшаха. Однако город был взят, разрушен и дочиста ограблен.

Защитники Самарканда были перебиты; лишь часть искусных ремесленников избежала этой участи, но была угнана в рабство. Вскоре весь Мавераннахр оказался под властью монголов.

Создавшаяся критическая ситуация требовала срочных и решительных мер, но безвольный султан и его ближайшие сподвижники ничего не предпринимали для организации отпора врагу. Обезумев от страха, они сеяли панику, рассылая повсюду указы о невмешательстве мирного населения в военные действия. Хорезмшах принял решение спасаться бегством в Ирак. Чингис-хан послал отряд монгольской армии для преследования Мухаммада, ушедшего в Нишапур, а оттуда — в Казвин. Монгольская конница стремительно двинулась по следам хорезмшаха в Северный Хорасан. Отряды Джебе, Субедая и Тогучар-нойона овладели в 1220 г. Нисой и другими городами и крепостями Хорасана и Ирана. Спасаясь от преследования монголов, хорезмшах переправился на пустынный остров на Каспии, где и умер в декабре 1220 г.

В конце 1220 — начале 1221 г. Чингис-хан направил своих полководцев на завоевание Хорезма. Здесь в это время сосредоточились остатки султанской армии, состоявшие в основном из кипчаков. В Хорезме находились сыновья хорезмшаха Мухаммада, Ак-султан и Озлаг-султан, не желавшие уступать власть своему старшему брату, Джалал ад-дину. Силы хорезмийцев разделились на два лагеря, что облегчило монголам захват страны. В результате острых разногласий с братьями Джалал ад-дин был вынужден покинуть Хорезм, он пересек Каракумы и ушел в Иран, а оттуда — в Афганистан. Находясь в Герате, а затем в Газни, он начал собирать боеспособные антимонгольские силы.

В начале 1221 г. армия Чингис-хана под командованием царевичей Джучи, Угедея и Чагатая овладела почти всей левобережной частью низовьев Амударьи. Монгольские отряды приступили к осаде Ургенча, взятию которого придавалось особое значение Чингис-ханом. Блокада города в течение шести месяцев не дала никаких результатов. Только после штурма Ургенч был захвачен, разрушен, а его остатки затоплены водами Амударьи (апрель 1221 г.).

Джалал ад-дин, собравший большую рать, оказывал монголам ожесточенное сопротивление. Летом 1221 г. он разбил тридцатитысячное войско монголов в бою в Перванской степи. Чингис-хан, обеспокоенный успехами Джалал ад-дина и повстанцев в Хорасане, лично выступил против него. Джалал ад-дин был разбит в сражении на берегу р. Инд и ушел в глубь Индии, где, однако, не получил поддержки местных феодальных владетелей, в частности делийского султана Шамс ад-дина Илтутмыша. Монгольские отряды тем временем подавили народные восстания и снова овладели Северным Хорасаном.

В октябре 1224 г. основной контингент армии Чингис-хана переправился через Амударью и двинулся в Монголию. Одной из важных причин ее ухода в Центральную Азию было восстание жителей Тангута. Чингис-хан передал дела управления (прежде всего налогового) Средней Азией хорезмийскому купцу Махмуду Яловачу (его наследники выполняли эти функции до начала XIV в.). Завоеватели поставили в покоренных областях

края своих представителей власти, или главных управителей (*даруга*); в городах и крепостях содержали воинские гарнизоны.

Воспользовавшись уходом Чингис-хана в Монголию, Джалал ад-дин возвратился из Индии в Иран. Власть его была признана местными правителями – Фарса, Кермáна и Персидского Ирака. В 1225 г. он взял Тавриз и объявил о восстановлении державы Хорезмшахов. При поддержке городского ополчения Джалал ад-дин одержал в 1227 г. победу над монголами под Исфаханом, хотя и понес сам тяжелые потери. Одновременно, в течение ряда лет, он совершал походы против местных феодальных владетелей Закавказья и Передней Азии. Джалал ад-дин был храбрым полководцем, но не обладал гибкостью политического деятеля. Своим амбициозным поведением, грабительскими нападениями он восстановил против себя многих представителей местной знати и широкие слои населения. В 1231 г., не выдержав засилья хорезмийцев, поднялись ремесленники и городская беднота Гянджи. Джалал ад-дин подавил восстание, но против него образовалась коалиция правителей Грузии, Румского султаната, Ахлатского эмирата.

После смерти Чингис-хана (1227 г.) на курултае 1229 г. на престол Монгольской империи был возведен его сын Угедей (1229–1241). Продолжая завоевательную политику отца, великий хан (каан) приказал двинуть огромное войско в Хорасан и Иран. Монгольская армия под командованием нойона Чормагуна выступила против Джалал ад-дина. Опустошив Хорасан, она вошла в пределы Ирана. Под натиском монголов Джалал ад-дин отступил в Южный Курдистан вместе с остатками своих войск. В 1231 г. он был убит около Диярбакыра. Гибель Джалал ад-дина открыла путь монголам в глубь стран Ближнего и Среднего Востока.

В 1243 г. Хорасан и захваченные Чормагуном области Ирана по распоряжению Угедей-каана были переданы эмиру Аргуну. Он был назначен управителем (баскаком) в почти начисто опустошенном монголами крае. Аргун сделал попытку наладить экономическую жизнь и восстановить сельские поселения и города Хорасана. Однако такая политика встречала сопротивление привыкшей к грабежам монгольской степной знати.

Монгольское завоевание нанесло страшный удар развитию производительных сил покоренных стран. Огромные массы людей были истреблены, а оставленные в живых — превращены в рабов. «Татары, — писал историк XIII в. Ибн ал-Асир, — ни над кем не сжалились, а избивали женщин, младенцев, распарывали утробы беременным и умерщвляли зародышей». Сельские поселения и города стали руинами, и некоторые из них лежали в развалинах еще в начале XIV в. Земледельческие оазисы большинства регионов были превращены в кочевые пастбища и стоянки. Пострадали от завоевателей и местные скотоводческие племена. Плано Карпини писал в 40-х годах XIII в., что их «также истребили татары и живут в их земле, а те, кто остался, обращены в рабство». Рост удельного веса рабства при монголах привел к социальному регрессу покоренных стран. Натурализация хозяйства, усиление роли скотоводства за счет земледелия, сокращение внутренней и международной торговли привели к всеобщему упадку.

Страны и народы, завоеванные монголами, были поделены между отпрысками Чингис-хана. Каждому из них был выделен улус (удел) с определенным количеством войска и зависимыми людьми. Тулуй, младший сын Чингис-хана, согласно обычаю, получил в удел Монголию — коренное владение (юрт) отца. Ему была отдана в подчинение 101 тыс. воинов из 129 тыс. человек регулярной армии. Угедею, третьему сыну Чингис-хана, был выделен улус в Западной Монголии с центром на верхнем Иртыше и

Тарбагатае. После возведения на трон в 1229 г. он поселился в Каракоруме — столице Монгольской империи. Наследникам Джучи, старшего сына Чингис-хана, отдали земли, расположенные к западу от Иртыша и «от границ Каялыка (в Семиречье) и Хорезма до мест Саксин и Булгар (на Волге), вплоть до тех пределов, куда доходили копыта татарских коней». Другими словами, в этот удел вошли северная часть Семиречья и Восточный Дашти Кипчак, включая Нижнее Поволжье. Границы Джучиева улуса были расширены при Бату-хане, совершившем поход в Камскую Булгарию, на Русь и в Центральную Европу. После образования Золотой Орды центром улуса Джучидов стало Нижнее Поволжье.

Чагатай, второй сын Чингис-хана, получил от отца 4 «тьмы» (или тумена, монг. «10 000», а также «бесчисленное множество»), включавшие территории племен барлас и кунграт, и земли от Южного Алтая и р. Или до Амударьи. Его владения охватывали Восточный Туркестан, значительную часть Семиречья и Мавераннахр. Основная территория его улуса называлась Иль-Аларгу, центром которой был г.Алмалык.

В состав владений Чагатая вошла, таким образом, значительная часть Средней Азии и Восточного Казахстана. Однако его власть распространялась непосредственно на кочевых монголов и покоренные ими степные тюркоязычные племена. Фактическое управление в западных областях Чагатайского улуса осуществлялось согласно приказу Чингис-хана Махмудом Яловачем. Избрав своей резиденцией Ходжент, он правил в крае с помощью военных контингентов монгольских баскаков и даругачи (или даруга).

Положение оседлого населения Мавераннахра после нашествия Чингисхана было весьма тяжелым. Господство чужеземцев сопровождалось актами грубого насилия, вымогательства и ограбления мирных жителей. В этом монгольской аристократии помогала среднеазиатская знать, перешедшая на сторону завоевателей. Засилье пришлых и местных феодалов привело к восстанию народных масс Бухары. В 1238 г. поднялись на борьбу сельские жители Тараба — одного из селений в окрестностях Бухары. Повстанцев возглавил мастер по выделке сит Махмуд Тараби. Собрав крестьянские отряды, он вступил в Бухару и занял дворец управлявшей городом династии садров. Однако вскоре повстанцы были разгромлены, в сражении с монгольской армией погиб Махмуд Тараби. После этого Махмуд Яловач был отозван в Каракорум и смещен с поста. Вместо него был назначен его сын Масуд-бек.

В конце 40-х — начале 50-х годов XIII в. начались ожесточенные усобицы и борьба за власть между потомками Чингис-хана. Располагая значительными военными силами и экономическим могуществом, они всячески стремились к независимости. В основе этого процесса лежало также дальнейшее развитие удельной феодальной системы в Монгольской империи. Отсутствие прочных хозяйственных, политических и культурных связей, разноплеменный характер империи, борьба покоренных народов против своих поработителей вели к распаду на самостоятельные государства обширной Монгольской державы.

Чагатай, будучи старшим в чингисидском роду, пользовался большим авторитетом и влиянием, и хан Угедей не принимал без его согласия важных решений.

Чагатай назначил своим наследником Кара Хулагу — сына своего брата, Матугэна. После смерти в 1241 г. Угедея, а затем Чагатая в результате острого противоборства в 1246 г. великим ханом стал Гуюк (1246–1248). Правителем Чагатайского улуса был провозглашен Есу Мункэ. Кара Хулагу

был отстранен от власти объединившимися наследниками улусов Чагатая и Угедея. Однако после смерти Гуюка вспыхнуло пламя новой междоусобной смуты. В ходе ожесточенной борьбы между потомками Угедея и Тулуя к власти пришел Мункэ (1251–1259), старший сын Тулуя. Многие царевичи из кланов Чагатая и Угедея были казнены. Правительницей Чагатайского улуса стала Оркына, вдова Кара Хулагу (ум. в 1252 г.).

Монгольская империя в середине XIII в. была фактически разделена между наследниками Тулуя и Джучи. Пограничные рубежи владений Бату, сына Джучи, и великого хана Мункэ проходили по р. Чу и Таласу. Семиречье оказалось под властью Мункэ, а Мавераннахр на время попал в руки Джучидов.

В 1259 г., после смерти Мункэ, произошел новый виток феодальных усобиц в Монгольском государстве, завершившийся провозглашением Хубилая, брата Мункэ, верховным правителем Монгольской империи (1260 г.).

Чингисидская держава рассматривалась как собственность правящей династии, ее многочисленных представителей. Великий каан имел широкие прерогативы, сочетая в одном лице военную, законодательную и административно-судебную власть. В политической структуре Монгольской державы сохранился *курултай* — совет кочевой знати под эгидой Чингисидов. Формально курултай считался высшим органом власти, на котором избирался верховный хан. Курултай решал вопросы мира и войны, внутренней политики, рассматривал важные споры и тяжбы. Он собирался, однако, фактически лишь для утверждения решений, заранее подготовленных кааном и его ближайшим окружением. Советы монгольской знати собирались вплоть до 1259 г. и прекратились лишь со смертью Мункэ-хана.

Монгольская империя, несмотря на существование верховной ханской власти, состояла реально из ряда самостоятельных и полузависимых владений, или уделов (улусов). Улусные правители — Чингисиды — получали доходы и подати со своих уделов, содержали собственный двор, войска, гражданскую администрацию. Однако им обычно не разрешалось вмешиваться в дела управления земледельческих областей, на которыми верховные ханы назначали специальных чиновников.

Правящий слой монгольских улусов состоял из высшей знати во главе с прямой и боковыми ветвями чингисидской династии. Гражданское управление в уделах осуществлялось над оседлым населением с помощью старой местной бюрократии. В государстве Чагатаидов при Масуд-беке была проведена денежная реформа, сыгравшая важную роль в подъеме экономики Средней Азии.

В отдельных случаях гражданское управление в государстве Чагатаидов осуществлялось с помощью старых династов, носивших титул «малик». Такие правители имелись в ряде крупных областей и городов Мавераннахра, в частности в Ходженте, Фергане, Отраре. В завоеванные области и города Средней Азии и Восточного Туркестана назначались и собственно монгольские власти — *даруга*. Первоначально их власть ограничивалась исполнением военной функции на местах, но с течением времени их прерогативы значительно расширились. Даруга стали выполнять обязанности по переписи населения, рекрутированию войск, устройству почтовой службы, взиманию и доставке налогов в ханскую орду.

Основная масса кочевого и оседлого населения Чагатайского улуса находилась на различных стадиях феодального строя. Наиболее развитыми феодальные отношения были в земледельческих областях, сохранивших прежние социально-экономические институты. Кочевое население, состоявшее из

собственно монгольских и покоренных тюркоязычных племен, находилось на раннефеодальной стадии развития с сильными пережитками родо-племенного строя. Номады были обязаны нести военную службу, выполняли различные повинности и уплачивали налоги в пользу своих господ. Кочевники разделялись на десятки, сотни, тысячи и «тьмы», к которым были прикреплены. Согласно уложениям Чингис-хана, они не имели права на переход от одного владетеля или начальника к другому. Самовольный переход либо бегство карались смертью.

Монгольские араты уплачивали налоги в пользу своей знати и верховного ханского двора. В правление Мункэ с них собирали так называемый *купчур* в размере: 1 голова скота со 100 голов животных. Купчур уплачивался и крестьянами, а также ремесленниками и горожанами. Кроме того, земледельческое население вносило поземельный налог — харадж и другие подати и сборы. Сельские жители уплачивали, в частности, особый натуральный сбор (*тагар*) на содержание монгольского войска. Они должны были также нести повинность по содержанию почтовых станций (*ямов*). Взимание многочисленных налогов отягощалось хищнической откупной системой, разорявшей массу земледельцев и скотоводов.

В начале XIV в. значение рода Чагатаидов в Средней Азии и Семиречье быстро возрастало. Чагатаидские правители стремились к централизации власти и к дальнейшему сближению с оседлой знатью Мавераннахра. Кебек-хан (1318–1326) старался восстановить городскую жизнь, наладить земледельческое хозяйство и торговлю. Он провел денежную реформу, которая копировала аналогичную реформу хулагуидского правителя Ирана Газан-хана. Введенная им в 1321 г. в обращение серебряная монета стала известна как «кебеки». В нарушение древних традиций кочевых монголов Кебек-хан отстроил в долине р. Кашкадарьи дворец (монг. *карши*), вокруг которого вырос город Карши. Эти нововведения встречали упорное сопротивление со стороны отсталых патриархальных слоев монгольской аристократии. Поэтому реформы Кебек-хана имели в целом ограниченный характер.

При брате и преемнике Кебек-хана, Тармаширине (1326–1334), был сделан следующий шаг к сближению с местной знатью — провозглашение ислама официальной религией. Тармаширин пал жертвой кочевых монголов, державшихся патриархальных традиций и языческих верований.

В конце 40-х — 50-х годах XIV в. Чагатайский улус распался на ряд самостоятельных феодальных владений. Западные области государства были поделены между вождями тюрко-монгольских племен (барласов, джелаиров, арлатов, каучинов). Северо-восточные территории Чагатайского улуса обособились в 40-х годах XIV в. в самостоятельное государство Могулистан. В его состав вошли земли Восточного Туркестана, степи Прииртышья и Прибалхашья. На западе рубежи этого государства достигали среднего течения Сырдарьи и Ташкентского оазиса, на юге — Ферганской долины, а на востоке — Кашгара и Турфана.

Основное население Могулистана состояло из скотоводческого населения — потомков смешанных тюрко-монгольских племен. Среди них были канглы, кереиты, арлаты, барласы, дуглаты, из среды которых происходил местный ханский род. В 1348 г. знать восточных областей Чагатайского улуса избрала в качестве верховного хана Тоглук-Тимура. Опираясь на верхушку дуглатов и другие кланы, он подчинил Семиречье и часть Восточного Туркестана. Тоглук-Тимур принял ислам, заручился поддержкой мусульманского духовенства и начал борьбу за обладание Мавераннахром. В 1360 г. он вторгся из Семиречья в долину Сырдарьи, но разногласия

между военачальниками прервали его дальнейшее продвижение в глубь среднеазиатского Двуречья. Ранней весной следующего года Тоглук-Тимур снова выступил в поход на Мавераннахр, где на сторону монголов перешел Тимур, получивший ранее от Тоглук-Тимура в удел г. Кеш (Шахрисабз). Могулистанская армия заняла Самарканд и продвинулась на юге до горных хребтов Гиндукуша. Однако власть Тоглук-Тимура в Мавераннахре оказалась непродолжительной. Вскоре он возвратился в Могулистан, что было использовано местными кочевыми вождями для свержения его сына, Ильяс-Ходжи, оставленного в крае в качестве наместника. Против него выступил и Тимур в союзе с чагатаидом, правителем Балха эмиром Хусейном. Ильяс-Ходжа бежал в Могулистан, где началась смута после смерти Тоглук-Тимура.

В 1365 г. Ильяс-Ходжа напал на Мавераннахр и одержал победу над Хусейном и его союзником Тимуром в битве на берегу Сырдарьи. Ограбив города и селения Ташкентского и других оазисов, могулистанская армия направилась к Самарканду. Ильяс-Ходжа не смог овладеть городом, его оборону организовали сами жители, во главе которых были и сербедары. Ильяс-Ходжа был вынужден уйти обратно в Семиречье.

ДЕРЖАВА ХУЛАГУИДОВ

В 1220 г. началось монгольское нашествие на Иран. Именно тогда орды Чингис-хана, преследуя хорезмшаха, подвергли первому погрому города и области Хорасана. Сильнее всего пострадал Нишапур, являвшийся главным и одним из самых процветавших городов Хорасана в XI–XII вв. Под этим городом был убит стрелой зять монгольского кагана. Наказание было страшным: все жители, исключая 400 лучших ремесленников, были вырезаны, город разрушен до основания и место его распахано. В 1221–1222 гг. через северные иранские области и города в погоне за наследником хорезмшаха Джелал ад-дином прошли из Хорасана в Азербайджан и Грузию тумены Чжебе и Субетая. В 1230–1231 гг. монголы вновь через иранские земли вторглись в Азербайджан.

В 30–40-х годах XIII в. монгольские отряды покоряли отдельные иранские области, так что на всем пространстве этой страны независимыми от наследников «миропокорителя» Чингис-хана остались лишь исмаилиты Аламута да багдадский халиф, которому принадлежали некоторые западные районы Ирана.

В 1243 г. монголы нанесли поражение сельджукскому султану Гийас ад-дину Кейкубаду II в пределах восточной Малой Азии. Ярый враг сельджуков, царь Малой (Киликийской) Армении Хетум стал союзником монголов и позже ездил с поклоном в столицу великого хана — Каракорум.

Но вот в 1251 г. в этом городе, возведенном руками тысяч людей, насильно пригнанных в Монголию из многих стран, состоялся очередной курултай монгольской знати. Было решено организовать новый большой поход на запад, базируясь на уже захваченных иранских областях. Во главе похода был поставлен один из братьев тогдашнего кагана Менгу, Хулагу-хан, которому, по словам Рашид ад-дина (1247–1318), были определены в качестве улуса «западные области иранской земли, Сирия, Миср (Египет), Рум (Малая Азия) и Армения (очевидно, все Закавказье)». Значительную часть этих земель Хулагу еще должен был покорить.

Положение в Иране и сопредельных странах было тяжелейшим. Бесчинства монгольских отрядов дополнились естественным бедствием. В 1251–

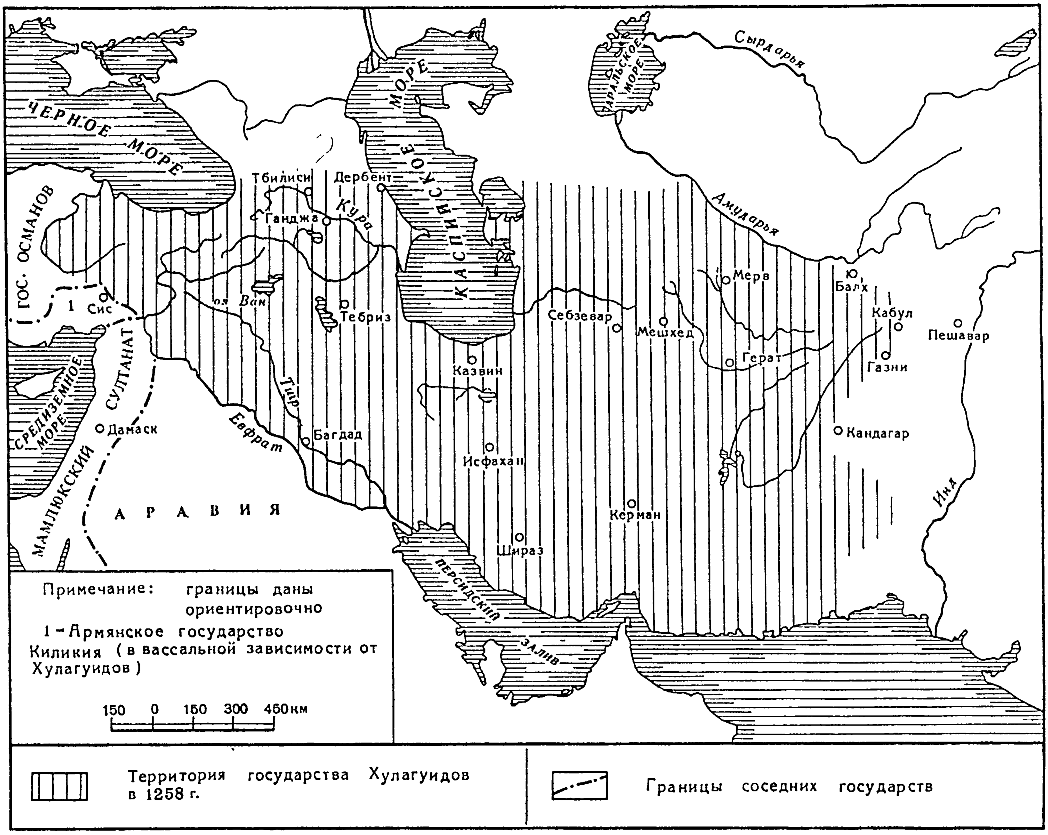


Рис. 17. Государство Хулагуидов в 1258 г.

1252 гг., как свидетельствует армянский историк Киракос Гандзакеци, по всему Ирану и Закавказью прошла саранча, лишившая людей почти всех посевов. Вдобавок Менгу и истинный владыка Монгольской империи Бату-хан повелели произвести всеобщую перепись по всей империи. Это невиданное в странах Ближнего Востока мероприятие осуществлялось по китайскому образцу и преследовало чисто фискальные цели. Вслед за переписчиками в покоренные страны хлынули тысячи сборщиков налогов (*баскаков*), которые не щадили никого. Исключение делались для высшего духовенства и богатейших торговцев (*уртаков*). Как бы в подкрепление этой армии мытарей в пределы Ирана в 1256 г. вступило войско Хулагу-хана. Первой целью его стал Северо-Западный Иран, где господствовали исмаилиты. Как уже говорилось, резиденцией их вождя, «старца гор», была крепость Аламут, недалеко от Казвина. Но в распоряжении исмаилитов было немало и других твердынь. Несмотря на внешнюю силу и складывавшийся на протяжении столетий страх перед исмаилитами, положение их оказалось крайне тяжелым. Почти все феодальные владетели Ирана спешили признать власть Хулагу. Да и среди ближайшего окружения тогдашнего «старца гор» Рукн ад-дина было немало людей, установивших связи с монголами, в частности Насир ад-дин Туси, знаменитый ученый того времени, дед будущего мон-

гольского вазира Рашид ад-дина. Под их влиянием Рукн ад-дин сдался Хулагу. Последний использовал главу исмаилитов для овладения неприступным Аламутом, но затем отправил его в Каракорум, где тот был убит. Прочие крепости исмаилитов были взяты и разрушены. Государство исмаилитов пало.

Наступил черед Багдадского халифата. В феврале 1258 г. Багдад был взят монголами, и государство, олицетворявшее в течение многих столетий ортодоксальный ислам, перестало существовать. Последний халиф выдал Хулагу огромные сокровища, хранившиеся в государственных тайниках, после чего был казнен. Халифат был формально восстановлен правителем Египта. Именно эта страна, объявленная еще на курултае 1251 г. владением Хулагу, оказала монголам упорное сопротивление, и, разбив монголов в Сирии, египтяне, по существу, остановили дальнейшее продвижение их на запад. Это было тем более важно, что в Малой Азии ослабевшие сельджукские правители фактически признали власть монголов. Иран же, Закавказье, часть западных арабских земель прочно вошли в состав державы Хулагуидов, или *ильханов* (т.е. «владык народа или племени»), как они себя именовали.

Территория государства Хулагуидов не была стабильной, и ее пределы менялись, особенно на севере и востоке, где ильханы очень рано стали враждовать со своими родичами — властителями Джучидского улуса (Золотой Орды) и Чагатайского государства. В отличие от них, особенно от первого, в государстве Хулагуидов роль оседлого, земледельческого сектора в экономике оставалась определяющей, хотя, разумеется, и скотоводство (по большей части в сочетании с земледелием) занимало немалое место.

В плане этническом основная часть населения государства ильханов относилась к иранцам (не только к персам, но также к курдам, лурам, иранцам современного Южного Азербайджана, которые в ту пору еще не были полностью тюркизированы, и т.д.). Кроме того, значительный процент населения, прежде всего на западе державы, составляли арабы, а в городах было немало евреев.

Тюркский этнический элемент, непрерывно возраставший, особенно в Северо-Западном Иране, уже в XI–XII вв., значительно вырос при Хулагуидах, как за счет части их воинства — тюркских кочевников, которых было здесь, как и в Золотой Орде, большинство, так и за счет дальнейшей тюркизации иранцев.

Напряженными оказались отношения Хулагуидов с повелителями Золотой Орды. Здесь споры возникали не только в отношении Закавказья, но и Северного Кавказа и Южного Азербайджана. Можно сказать, что одной из причин принятия ислама ордынским ханом Берке, братом и наследником Бату-хана, была его вражда с Хулагуидами и союз с противниками последних — египетскими султанами. Наоборот, как это ни странно на первый взгляд, ильханы долго не принимали ислам, т.е. религию, которую исповедовало большинство их подданных. Сам Хулагу вообще покровительствовал христианам, и его старшая любимая жена (кереитка), как сообщает Рашид ад-дин, была христианкой. Но то же самое делали и прочие Чингисиды, пока Монгольская империя не стала клониться к распаду. Пока шли упорные войны Джучидов и Хулагуидов (60–80-е годы XIII в.), ильханы оставались язычниками, и их основной опорой были кочевые племенные ополчения, пришедшие в Иран еще с Хулагу.

Столицами державы Хулагуидов были города Тебриз и Султание, расположенные у северных пределов державы, поблизости от удобных кочевий.

Отношения с Чингисидами-Чагатаидами были также сложными, хотя и менее конфликтными, нежели с Золотой Ордой.

Борясь с Египтом, Хулагуиды стремились установить союзные отношения с рядом христианских европейских стран (Римом, Генуей, Францией и др.). Однако реальных серьезных последствий их политика здесь не имела.

Монгольское завоевание Ирана привело к значительному увеличению кочевого (привилегированного, поскольку из него формировалась армия) населения. Кочевая знать вплоть до конца века полностью господствовала в государстве. В то же время в большинстве районов Ирана сохранялись местные феодальные властители, занимавшие по сравнению со знатью племен подчиненное положение, хотя, по сути дела, они остались господами в своих владениях. Среди них были и крупные феодальные государи (в Закавказье, Фарсе, Луристане и других районах). Они платили дань, собиравшуюся баскаками в пользу центра.

Формально весь земельный фонд делился на четыре части: государственные земли (*дивани*), земли правящей фамилии (*хассе* или *инджу*), церковные владения и частновладельческие земли. При завоевании Ирана монголами особенно увеличились две первые категории земель за счет конфискации владений местной знати, оказавшей сопротивление или казавшейся ненадежной. Из государственных земель ильханы отдавали огромные земельные фонды кочевой знати на правах икта. Икта давались и простым воинам монгольских ополчений.

Используя местный, в основном иранский, аппарат чиновников, Хулагуиды не могли препятствовать и приобретению последними частных земельных владений. Особенно усилился этот процесс после знаменитых реформ Газан-хана (1295–1304). Реформы Газан-хана, а точнее, его министра Рашид ад-дина были вызваны, в частности, политическими мотивами. Оставаясь язычниками, Хулагуиды были чужды большинству населения государства (мусульманам), в то время как их противники были мусульманские государства, ибо даже золотоордынские владыки еще в 50–60-х годах XIII в. стали последователями Мухаммеда.

Инициатор реформ Рашид ад-дин происходил из ученой еврейской семьи Хамадана, принявшей ислам. Убедив своего повелителя сделать то же самое, вазир тем самым расширил социальную опору монгольского правителя Ирана. Тяжелое экономическое положение, вызванное завоеванием и хищнической налоговой политикой монгольских властей, вынудило Газан-хана согласиться на принятие некоторых мер, направленных на ограждение райатов от произвола сборщиков-баскаков. Но зато был утвержден и закон о прикреплении крестьян к земле и о 30-летнем сыске беглых. Введение такого невиданного в мусульманском мире постановления объяснялось тем, что в условиях безудержной и неограниченной эксплуатации со стороны монгольских феодалов крестьяне массами покидали землю, сократилась рождаемость.

Одновременно были урегулированы размеры налогов (а их было много), установлена единая система мер и весов, в основу которой были положены меры в столице — Тебризе и т.д.

Монгольское завоевание Ирана, как и всюду, сопровождалось разорением городов, сокращением ремесла и другими негативными явлениями. Выше приводился пример Нишапура. Пострадали Исфаган, Рей и другие крупные города. Понимая необходимость возрождения ремесленного производства (для нужд войска и двора), первые Хулагуиды пошли по своеобразному пути: они создавали государственные мастерские — *кархане*, в кото-

рых использовался рабский труд. После реформ Газан-хана и Рашид ад-дина такие рабы стали переводиться на положение полузависимых работников, получавших плату натурой. Реформы Газан-хана временно укрепили державу, но привели к еще большему росту налогов и дальнейшему разорению непосредственных производителей.

Одновременно усилилась военно-кочевая знать — главная опора государства.

Один из указов ильхана от 1303 г. закрепил право монголов (и тюрок), несших военную службу, получать икта из государственных и ханских фондов. Такие икта на практике становились наследственными, а их владельцы получали еще и права налогового иммунитета. Сокращение фонда государственных и ханских земель вело к уменьшению доходов и, следовательно, ослаблению государства.

Сам Рашид ад-дин превратился в крупнейшего землевладельца, не брезговавшего ростовщичеством и другими незаконными операциями. Его возвышением и неограниченным влиянием была недовольна кочевая знать. При ильхане Абу Саиде (1316-1335) им удалось отстранить вазира от власти. Над недавно всесильным сановником был учинен суд, и в 1318 г. он был казнен — его разрубили мечом пополам, а его огромное имущество было конфисковано.

Кочевая знать торжествовала победу, не видя, что эта «победа» приближает конец самой лоскутной державы Хулагуидов. Неудачные войны с Золотой Ордой, Чагатаидами, Египтом сочетались с мятежами местных эмиров, усилением их самоуправства, грабежами населения и т.д. Начали отпадать окраинные вассальные государства. Объявил себя самостоятельным царь Грузии Георгий V Блистательный (1314-1346). Вскоре после смерти ильхана Абу Саида в недавнем центре его державы, Азербайджане, фактическим правителем стал эмир Чобан, основавший новую династию Чобанидов, которая, однако, уже в 50-х годах с помощью Золотой Орды была сменена Джелаиридами, первоначально закрепившимися в Ираке Арабском. В Хорасане правили Курты, в Южном и Центральном Иране — Музаффариды и т.д. Государство ильханов прекратило свое существование, и главными претендентами на их наследство оказались правители Золотой Орды и Мавераннахра.

Монгольское завоевание, конечно, нанесло немалый ущерб культуре Ирана. В процессе его погибло немало материальных ценностей, памятников архитектурного и строительного искусства. Погибла знаменитая Мервская библиотека. Однако богатое книгохранилище в Ширазе уцелело. А во время взятия Аламута Хулагу-хан, правда по просьбе иранских вельмож и ученых, перешедших на его сторону, приказал разобрать богатую библиотеку исмаилитов и сохранить из нее наиболее ценное.

Особое покровительство ильханы оказывали точным наукам — математике, астрономии, медицине. Знаменитый ученый Насир ад-дин Туси построил и возглавил крупнейшую для того времени обсерваторию в Мараге. Для ее постройки средств не пожалели, и работали там не только мусульманские, но и китайские астрономы. Сам Туси был разносторонним ученым и имел труды по математике, астрономии и другим наукам. Его астрономические таблицы, известные как «аз-Зидж ал-ильхани», имели широчайшее распространение не только на Ближнем, но и на Дальнем Востоке.

Вообще сотрудничество передневосточных и дальневосточных ученых получило немалое развитие в монгольское время и было несомненным, хотя

и преходящим достижением той сложной эпохи. Его следы видны не только в астрономии, но также и в географии и истории. Два крупных ученых, уроженцы иранского города Казвина, творили в эту эпоху. Один из них, Захарийа ал-Казвини (1203–1283), жил и творил вне пределов Ирана (в Сирии), куда бежал от монголов. Его космографический и исторический труды в общем продолжают предыдущую арабо-персидскую традицию. Оба эти труда стали популярны в мусульманском мире. Известны они были даже в Московском государстве в XVI–XVII вв.

Другой Казвини — Хамдуллах — известен как географ и историк. Законченное им около 1340 г. географическое сочинение «Нузхат ал-кулуб» («Услада сердец») содержит уникальное описание державы Хулагуидов, с подробными сведениями об экономике, занятиях населения, налоговой системе и т.д.

Историография периода Хулагуидов весьма богата и оригинальна. Труды Джувейни, Вассафа и особенно Рашид ад-дина составили эпоху не только в персидской, но и в мировой науке.

Особенно показательно сочинение Рашид ад-дина «Джами ат-таварих» («Всемирная история»). Это воистину первый в мировой историографии труд такого содержания. Рашид ад-дин писал его не один, но в сотрудничестве с большой группой ученых, среди которых были и европейцы и китайцы. Поэтому в составе «Джами ат-таварих» есть разделы не только о прошлом персов, арабов и вообще мусульман, но также о государствах Европы, Индии, Китая. Разумеется, не все разделы равноценны по содержанию, но само их сочетание в рамках единой «Всемирной истории» как бы разбивало древнюю идею о народах «исторических» и «варварских». Ведь даже корифеи исторической науки классической эпохи ислама (ат-Табари, Ибн ал-Асир и др.) для периода после возникновения ислама истории немусульманских народов специально не касались.

К персидской поэзии монгольские владыки относились равнодушно, хотя некоторые ильханы (например, Газан-хан) знали персидский язык. Но поэзия процветала вопреки чужеземным владыкам. Именно в ту пору творил великий Саади (1184–1291), автор ряда поэтических сборников («Бустан», «Гюлистан» и др.). Можно назвать еще Салмана Саведжи, Убейда Закани и др. Последний известен своими сатирами, в которых весьма откровенно изображены нравы и мораль тогдашней знати. Ряд персидских поэтов творили в то время вне Ирана, в их числе Джелал ад-дин Руми (1207–1273), живший в Малой Азии и сыгравший немалую роль не только в персидской поэзии, но и в зарождавшихся западнотюркских (турецкой и азербайджанской) литературах.

Как и любые властители, Хулагуиды заботились о возведении дворцов, мечетей, мавзолеев, прежде всего в городах, своих резиденциях (Тебризе, Султание и др.). Из уцелевших до наших дней построек, пожалуй, наиболее яркая — мечеть-мавзолей Олджайду-хана, брата и наследника Газан-хана (в Султание). Погибли во время войн между Ираном и Турцией в XVI–XVII вв. великолепные строения в Тебризе и его окрестностях. Архитектура периода Хулагуидов в целом является продолжением предшествующих мусульманских традиций: это доказывает, что в Иране было достаточно высококвалифицированных мастеров, которых не сумели угнать в Монголию, и они-то и возводили пышные строения во славу хулагуидских владык.

Таким образом, эпоха ильханов в истории Ирана должна оцениваться не однозначно. Монгольское нашествие, несомненно, нанесло серьезный

урон стране, но народ Ирана сумел сохранить свое место в истории и культурную самостоятельность.

ДЕЛИЙСКИЙ СУЛТАНАТ В XIII в.

Эпизодические набеги монгольских орд на Северную Индию не привели к завоеванию страны. Однако установление власти кочевых ханов в Средней Азии, а позднее и в ряде сопредельных стран и постоянная угроза нашествий на Индию сыграли немалую роль в деле консолидации образовавшегося здесь в начале XIII в., еще до появления монголов, государства — Делийского султаната, правящая верхушка в котором была представлена главным образом тюркской военно-феодальной знатью, завоевателями и мигрантами из Средней Азии, Ирана, Афганистана.

Еще в начале XI в. Северная Индия стала объектом разорительных, грабительских набегов эмира Газни — Махмуда Газневи (998–1030). Многие города Синда и Пенджаба, Кашмира, Раджастхана, Гуджарата были захвачены и разграблены им. Но власть Махмуда была реальной лишь в областях городов Мултан и Лахор, которые управлялись назначаемыми им наместниками. В период начавшихся после смерти Махмуда усобиц между его преемниками и усиления угрозы со стороны тюрок-сельджуков столица Газневидского государства была перенесена из Газни в Лахор, который стал известен как «центр индийского ислама». В 70-х годах XII в., воспользовавшись борьбой Газневидов с сельджуками, значительно усилились правители небольшого княжества Гур, расположенного между Газни и Гератом и завоеванного некогда Махмудом Газневи. В 1173 г. войска правителя Гура Гийяс уд-дин Мухаммада Гури заняли Газни, а в 1186 г. они овладели Лахором. Правлению Газневидов был положен конец.

В 1175 г. брат правителя Гура, Муиз уд-дин Мухаммад, известный в истории Индии как Мухаммад Гури, захватил Мултан и учинил расправу над местными исмаилитами. Вскоре он овладел известным в те времена городом Уч в Синде; правитель Нижнего Синда признал себя вассалом Гуридов. Главным противником их после падения Газневидов был могущественный правитель Аджмера и Дели, князь Чахаманов из Сакамбхари Притхвирадж III (1179–1192), герой преданий об упорном сопротивлении индийцев завоевателям-мусульманам (Раи Питхора — в персоязычных хрониках). Выиграв сражение у Тараина, Мухаммад Гури овладел сначала городами Ханси, Самана, Кухрам, затем двинулся к Аджмеру. Он захватил и разграбил столичный город Аджмер, построил здесь мечети и медресе, «провозгласил и установил заповеди ислама и обычаи шариата», но сохранил власть за сыном Притхвираджа III.

Захваченные в Индии земли Мухаммад Гури передал своему тюркскому рабу-гуляму и военачальнику Кутб уд-дину Айбеку, который продолжил завоевательную политику патрона. В 1192 г. он овладел Дели, где правили Томары, вассалы Чахаманов. Город стал резиденцией Кутб уд-дина. Последующие походы Мухаммада Гури и Кутб уд-дина значительно расширили владения Гуридов в Северной Индии, включавшие к началу XIII в. Лахор, Мултан, Уч, Систан (Сахвана), Саману, двуречье Ганга и Джамны, земли между Гангом и Гогрой, Каланджар, наконец, Аджмер. Одновременно тюркский военачальник Мухаммад Бахтияр Хилджи осуществил завоевание Бихара и Бенгалии.

В 1206 г. Мухаммад Гури был убит на берегу р. Инд то ли племенем гакхаров, восстание которых он подавил незадолго до этого вместе с Кутб уд-дином, то ли мстившими ему за расправы исмаилитами. 24 июня 1206 г. Кутб уд-дин Айбек объявил себя султаном значительной части индийских владений Гуридов. «У меня много сыновей — тюркских рабов, — говорил Мухаммад Гури, — они наследуют мои земли и продолжают хутбу (молитва с упоминанием имени правителя) на мое имя». Одним из таких рабов-гулямов Мухаммада Гури был Кутб уд-дин. Являясь специфической (но не единственной) формой феодальной зависимости, зависимость раба-вассала от феодального патрона свидетельствовала об определенной устойчивости норм патриархального рабства. Однако она не была препятствием к продвижению по службе, к приобретению земельных владений и превращению в феодала.

Став султаном, Кутб уд-дин положил начало примерно столетнему правлению в Дели тюркских рабов и их отпрысков, условно объединяемых в «династию» гулямов.

Деспотическая власть новоявленных правителей Индии устанавливалась и поддерживалась методами жестокого подавления. Им принадлежало право решения всех важных государственных дел. Они произвольно смещали с должностей и предавали казни своих высокопоставленных подданных, конфисковали их имущество. Но сами, будучи ставленниками тех или иных группировок пришлой знати, обретали или теряли престол и власть в зависимости от исхода борьбы этих группировок.

Своей столицей Кутб уд-дин сделал Дели. Еще будучи наместником индийских владений Гуридов, он начал крупные строительные работы по укреплению бывшей здесь раджпутской крепости — Лал Кот («Красная крепость»).

Примерно тогда же была построена грандиозная пятничная мечеть, которая должна была символизировать победу ислама над «язычеством». Позднее она стала известна как Кувват ул-ислам («Мощь ислама»). Это самое раннее архитектурное сооружение в стиле индо-мусульманского строительного искусства. Просторный прямоугольный двор — неотъемлемая часть мусульманской мечети — был окружен аркадами, украшенными резными колоннами и прочими архитектурными деталями, взятыми от двадцати семи разрушенных индуистских и джайнских храмов. В непосредственном соседстве с мечетью был заложен знаменитый Кутб-минар, никогда, впрочем, не служивший минаретом и являвшийся, по существу, победной колонной.

Политическая обстановка благоприятствовала стабилизации власти правителя Дели. Враждовавшие между собой и оспаривавшие друг у друга землю и славу, раджпутские князья Северной Индии были слишком разобщены, чтобы воспрепятствовать этому. В самом же государстве Гуридов в Средней Азии и Афганистане в начале XIII в. обострилась борьба между феодальными группировками, решающей силой в которой была тюркская военная знать, опиравшаяся на ополчения воинственных соплеменников. В эту борьбу вступил и Кутб уд-дин. Он совершил поход на Газни и взял этот город, но удержать не сумел. Ему пришлось отступить, когда восставшие горожане, недовольные бесчинствами, которые творили его солдаты, пригласили в Газни соперника Кутб уд-дина, бывшего, как и он, военачальника Мухаммада Гури Тадж уд-дина Йалдуза. Кутб уд-дин ушел в Индию и более не пытался оспаривать влияние и власть у рабов своего патрона как за пределами Индии, так и в самой этой стране.

Главной опорой Кутб уд-дина было его войско. По словам историка XIII в. Фахр-и Мудаббира, оно состояло из «тюрок, гуров, хорасанцев, хильджей». Последних историческая традиция относит к афганским племенам и противопоставляет тюркам, но эта традиция вряд ли справедлива. По данным того же историка, в войсках основателя Султаната были также отряды, набранные из индийцев. Однако наиболее влиятельная и привилегированная верхушка, «малики и слуги султанского двора, были все тюрками чистой крови и таджиками знатного происхождения». Их покорности султан добивался щедрыми дарами, за что получил прозвище Лакх-бахш, что значит «дарящий лакхи» (*лакх* — сто тысяч).

Официальной религией Султаната стал ислам. Он начал проникать в Индию, видимо, во второй половине VII в. Его первыми носителями были поселявшиеся в Индии торговцы-мусульмане из различных стран Ближнего и Среднего Востока. Согласно традиции, общины *натиа* (или *навааиты*) в Конкане и *мопла* (или *мапилла*) на Малабаре были арабскими и персидскими поселенцами, обосновавшимися здесь и смешавшимися с индийцами.

Завоевание Синда сначала войсками Мухаммада ибн-Касима, военачальника Омейядов (VIII в.), а позднее исмаилитами не могло не способствовать заметному распространению ислама в Индии. Этому благоприятствовали и завоевания Махмуда Газневи, и включение в состав его государства Пенджаба. С XI в. начинается весьма активная деятельность проповедников ислама и исламских сект. К XII в. в центральной части Северной Индии в мусульманские общины уже входили как мигранты, так и принявшие ислам индийцы. Дарственные надписи на медных табличках раджей Гахадавалов в Канаудже и Варанаси в числе налогов упоминают *туруска данда*, т.е., возможно, сборы с мусульман, проживавших на территории индусских раджей.

Число мусульман в Северной Индии значительно выросло в XII — начале XIII в., в период завоеваний Мухаммада Гури и в особенности после создания здесь Делийского султаната.

Согласно религиозным предписаниям, обязанностью мусульманских правителей считалось преобразование «обители войны» (*дар ул-харб*), т.е. немусульманского мира, в «обитель мира» (*дар ул-ислам*), или мусульманский мир. Только христианам и иудеям, «людям [священного] Писания» (*ахл ул-китаб*), разрешалось сохранять свою веру на условии признания себя подданными, выплачивающими *харадж* и *джизью* (подушный налог) мусульманским правителям. Что же касается «язычников», идолопоклонников и многобожников (в частности, индусов), то они в соответствии с установлениями ислама подлежали истреблению, если не отрекались от веры отцов.

Захватив в Синде г. Дебал, Мухаммад ибн-Касим предложил всем брахманам принять ислам. Узнав об их отказе, он приказал предать смерти всех мужчин старше 17 лет, а женщин и детей обратить в рабство. Храм индуистов в Дебале был разграблен, и «воителям за веру» досталась большая добыча.

«Тысячу храмов» разрушил Кутб уд-дин Айбек; на их месте были сооружены мечети.

Однако религиозный экстремизм отступал перед политическим расчетом мусульманских правителей Индии, вынужденных считаться с малочисленностью в стране «правоверных» и нуждающихся в расширении социальной базы. Не случайно из четырех правоверных суннитских мазхабов, сложившихся на Арабском Востоке в VIII–IX вв., наибольшее число приверженцев

в Индии завоевал ханифитский мазхаб, отличавшийся относительной терпимостью.

Насильственные методы обращения в ислам применялись, но, как правило, лишь к местным феодалам. Принятие ими религии завоевателей служило символом признания своего зависимого статуса. Вместе с тем оно открывало местным феодалам путь к почетным чинам и прибыльным должностям в войске и административном аппарате. Неудивительно, что часто племена и мелкие народности сохраняли религию предков, в то время как их вожди и правители оказывались обращенными в мусульманство.

Однако ислам проникал и распространялся также и в неэлитарных слоях общества. С принятием ислама, объявлявшего всех своих последователей равноправными членами общины верующих, представители низших индийских каст связывали наивные мечты об избавлении от сословно-кастового угнетения и приниженности. Именно среди них ислам находил своих добровольных и страстных последователей. В широких массах населения ислам распространялся не только в ортодоксальной форме, но и в форме религиозного сектантства и мусульманского мистицизма — суфизма.

Исмаилиты (или карматы), представлявшие крайнюю шиитскую секту, объявились в Синде в конце первой половины IX в. Это были, видимо, переселенцы из Ирака и Египта, покинувшие родные края в связи с преследованиями, которым они подвергались со стороны властей. Часть исмаилитов из ал-Аша (Бахрейн) обосновалась в Мултане. Карматы были достаточно многочисленны, чтобы осуществлять господство над Синдом. В свое время Махмуд Газневи изгнал карматского правителя и передал управление Мултаном обращенному в мусульманство индусу Сукхпалу, «сыну одного из раджей Индостана». Однако карматы, видимо, вернулись здесь к власти. Во всяком случае, в 1175 г. именно они сопротивлялись Мухаммаду Гури в Мултане. Многие карматы при этом были убиты. В начале XIII в. общины их существовали во многих городах Северной Индии, включая Дели.

Большое распространение в Индии получил суфизм. Проповедь суфиями добровольной бедности, отказа от активной деятельности, воспринимавшаяся в народе как осуждение имущественного неравенства и существующего социального правопорядка, и осуждение ими богатства привлекали к суфизму многочисленных последователей.

В числе первых проповедников суфизма в Индии был Дата Гандж Бахш, пришедший в Лахор с армией эмира Газни Масуда (1030–1041). Усиленное проникновение суфизма начинается в XII–XIII вв. В это время развернули в стране свою деятельность несколько суфийских орденов. Некоторые из них, в частности орден сухравардие, были связаны преимущественно с аристократической средой. Главе ордена Беха уд-дину Захариа Мултани приписываются слова о том, что ему «нет дела до простого народа», а его ханека в Мултане могли посещать лишь избранные.

Орден чиштие, напротив, пользовался поддержкой преимущественно в демократической среде. Первым проповедником суфизма из этого ордена был Ходжа Муин уд-дин Систани; он прибыл в Индию с войском тюркских завоевателей в 1192 г. и обосновался в Дели, но затем переселился в Аджмер, где и умер в 1236 г.

В Делийском султанате официальным языком становится фарси (персидский язык), как это было во многих государствах Средней Азии, Афганистана и Ирана, откуда шла в Индию в XII–XIII вв. основная масса мигрантов и завоевателей. Фарси был не только языком делопроизводства, но и языком историографии и придворной поэзии. Одним из наиболее ран-

них образцов персоязычной историографии Индии можно считать «Тарих-и Фахр уд-дин Мубарак-шах», написанную в 1206 г. Ее автор — Фахр уд-дин Мубарак-шах (известный как Фахр-и Мудаббир), как установил индийский ученый Ага Абдус-Саттар Хан, был сыном главы имамов городов Лахора и Газни, двух столиц Газневидов. После взятия в плен в 1187 г. Мухаммадом Гури последнего Газневида, Малика Хосроу, историк был представлен завоевателю. В дни правления Кутб уд-дина Айбека Фахр уд-дин Мубарак-шах жил попеременно в Дели и Лахоре. Времени правления этого султана посвящена бóльшая часть сочинения.

Из труда Фахр уд-дина мы узнаем, что султан Кутб уд-дин Айбек счел противоречащим закону обложение мусульман — маликов Пенджаба — хараджем; упразднив харадж, который собирали с *амлаков* (мн.ч. от *милк*) «вопреки предписанному богом шариату в размере пятой части урожая», султан, «как повелевает шариат, назначил где ушр, где пол-ушра», т.е. одну десятую или половину того.

Позднее, по мере распространения ислама и роста числа его последователей, разница в обложении поземельным налогом мусульман и немусульман исчезла и универсальным поземельным налогом становится харадж.

В 1210 г. Кутб уд-дин умер, упав с коня во время игры в конное поло (*чоуган*). Тюркская знать посадила на престол его раба-гуляма, правителя области Бадаун Шамс уд-дина Илтутмыша (1210–1236). История правления его и нескольких его преемников известна нам по сочинению типа всеобщей истории — «Табакат-и Насири». Знаменитый автор его, Минхадж ибн Сирадж уд-дин Джузджани, уроженец иранской области Гурган, подобно многим другим представителям феодальной знати и интеллигенции Ирана и Средней Азии, бежал в 20-х годах XIII в. в Индию со своими домочадцами в страхе перед террором монгольских завоевателей. Он пользовался попеременно покровительством многих правителей и представителей феодальной знати. Его сочинение, в части, относящейся к Делийскому султанату, едва ли не единственный источник по истории этого государства с начала и до 80-х годов XIII в. Сообщенные им сведения относятся в основном к политической истории и лишь немногие проливают свет на некоторые явления экономической и социальной жизни.

Как засвидетельствовал Джузджани, многолетние войны Шамс уд-дина привели к расширению пределов Султаната. В состав его вошли города и области Лахор, Уч, Мултан, находившиеся при Кутб уд-дине во владении бывшего военачальника Мухаммада Гури Насир уд-дина Кубачи. Илтутмыш оспаривал у тюрок-хильджей власть в Бихаре и Бенгалии. В 1225 г. войска его вторглись в Лакхнаути, столицу хильджийского правителя Бенгалии, вынужденного согласиться на уплату дани. В Лакхнаути была прочтена хутба и отчеканена монета с именем делийского султана.

В 1232 г. Шамс уд-дин Илтутмыш захватил Гвалиур, а спустя два года Бхилсу и Удджаин. В последнем он разорил храм Махакалы и доставил каменного идола в Дели; идол и многие другие статуи богов и местных правителей были зарыты у ворот пятничной мечети, дабы, по словам историка Джузджани, все правоверные, направляясь на молитву, могли попирать их ногами. Ряд походов был предпринят в последующие годы против раджпутских правителей Рантхамбхора, Мевара, Джалора, несколько раджпутских крепостей оказались покоренными.

Военные предприятия Шамс уд-дина привели к некоторой консолидации феодальной знати и к относительному усилению султанской власти. Этому способствовала и политическая обстановка, связанная с угрозой монголов,

появившихся в Индии впервые в 1221 г. Преследуя бежавшего из Хорезма принца Джелал уд-дина, они разграбили Западный Пенджаб, Синд и Северный Гуджарат. Находясь недалеко от Лахора, Джелал уд-дин обратился к Шамс уд-дину, прося помочь ему вернуть утраченные владения. Султан отклонил эту просьбу. Послав беглому принцу подарки, он передал через своих гонцов, что «климат этих мест не подходит высокорожденному принцу», каковым является Джелал уд-дин. Вскоре Илтутмыш выступил с большой армией против наследника хорезмшаха, который был вынужден отступить к Синду и Сахване.

Как писал историк Барани, страх, порожденный кровопролитиями Чингис-хана, заставил многих эмиров и маликов, знатных вазиров сплотиться вокруг трона Илтутмыша. Непосредственную опору его представляли тюрки из племен ильбари, кипчаков, а также каракитаи. Число его приближенных быстро росло благодаря усилившейся миграции из Средней Азии, Ирана, Афганистана в результате монгольского нашествия.

Слава Дели вышла далеко за пределы Индии. В 1229 г. султан Дели получил инвеституру — признание в качестве такового от багдадского халифа. На монетах Илтутмыша появилось имя халифа. Оно красовалось на монетах делийских султанов и после того, как в 1258 г. Багдад был взят монголами, а халиф — низложен. Так продолжалось вплоть до первой половины XVI в. Халиф «правоверных» (обычно без упоминания имени) фигурировал и в хутбе, которая читалась в мечетях Дели.

Заметно увеличилось население города. Возможно, уже тогда стали заселяться земли близ Лал Кота, где оставалась резиденция правителя, отстраиваемая и украшаемая им. При Шамс уд-дине было завершено строительство Кутб-минара — этого грандиозного сооружения, высота которого превышает 70 м, а диаметр у основания равен 14,3 м. В строительных работах были заняты и местные каменщики, и мастера из Гура и Ирана. Кутб-минар, получивший название по имени духовного наставника Кутб уд-дина Айбека, суфийского шейха Кутб уд-дина Бахтияра Каки, — самая высокая в мире колонна, воздвигнутая людьми эпохи древности и средневековья. Пять убывающих кверху ярусов Кутб-минара, в форме усеченных конусов, не повторяют друг друга по своему декору. Ажурные каменные балконы со свисающими сталактитами, поддерживаемые кронштейнами, опоясывают места соприкосновения ярусов. При Шамс уд-дине была расширена едва ли не вдвое территория мечети Кувват ул-ислам. Колоннада и зал для молений были вынесены за пределы первоначальной ограды, благодаря чему Кутб-минар оказался включенным в комплекс мечети.

К западу от него был сооружен большой искусственный водоем с павильоном из красного камня вокруг. Водоем получил название Хауз-и Шамс («Водоем Шамса») по имени его строителя.

К северо-западу от мечети Кувват ул-ислам в 1235 г., еще при жизни Илтутмыша, была построена его усыпальница, прекрасный образец мусульманской архитектуры. Внутренние стены сооружения, облицованные красным тесаным песчаником, украшены декоративной резьбой, воспроизводящей тексты из Корана и геометрические орнаменты в традициях искусства стран мусульманского Востока.

После смерти Илтутмыша начались раздоры между его приближенными и военачальниками-гулямами, известными как малики шамси. По свидетельству историка, все они, имея войско, чины, земли, подчинили себе страну, разделили между собой богатства и власть. Новоявленные ханы называли себя *чихильгани* (перс., букв. «сорок», «четыре десятка»). Из-за их

постоянного соперничества в государстве воцарилась анархия: в течение десяти лет, последовавших за смертью Шамс уд-дина, делийский престол занимали четыре его преемника. Трое из них, в том числе его дочь Разийя (1236–1240), стали жертвами заговоров. В годы ее правления карматство выступает как заметное религиозно-политическое течение. Гонения на карматов в XIII в. и их враждебность к делийским султанам превратили карматство в знамя городских выступлений. Как передает историк Джузджани, крупное выступление карматов, поддержанное «простым людом» и «чернью» Дели, произошло в 1236 г. Подстрекаемые неким «мудрецом» по имени Нур-и Турк, карматы собрались в столицу из разных частей Индостана — двуречья Ганга и Джамны, Гурджарата, Синда, — замышляя недоброе против «мусульман». Нур-и Турк поносил суннитских улемов, называя их *насиби* («враги Алия») и «подстрекая простой люд к вражде против порядков улемов толка Абу Ханифы и Шафи». По призыву карматского проповедника «вокруг него собралась чернь». Около тысячи вооруженных «еретиков и карматов» ворвались в Пятничную мечеть Дели и напали на находившихся здесь людей, многие из которых погибли от мечей или были растоптаны. Находившиеся в городе военачальники Разийи во главе своих отрядов, на конях, вооруженные мечами, в латах и стальных шлемах обрушились на «еретиков и карматов», поддержанных простым людом, и учинили страшную расправу. В городе был восстановлен порядок.

Положение в государстве осложнялось набегами монголов. В 1241 г. монгольские отряды во главе с Бахадуром Таиром, одним из военачальников Хулагу-хана, захватили Лахор. Городские стены были сровнены с землей, многие жители убиты. В 1246 г. монгольский военачальник Мангутах занял Мултан и осадил Уч. Правитель Дели восстановил свою власть в Пенджабе и Синде, но положение дел оставалось тревожным. В те же годы сбросили бремя вассальной зависимости некоторые местные князья.

В 1246 г. на султанский трон в Дели одной из могущественных группировок тюркской знати был возведен Насир уд-дин Махмуд, младший сын Илтутмыша. Секрет его долгого правления, продолжавшегося до 1265 г., заключался в том, что султан довольствовался номинальной властью, реальная же принадлежала его регенту, одному из гулямов и самых влиятельных эмиров шамси, Гийас уд-дину Балбану, имевшему титул Улуг-хан.

Время правления Насир уд-дина было очень тревожным. Монголы неоднократно опустошали Пенджаб, в 50-х годах Лахор вновь оказался под их властью. Тогда же султанский наместник Уча и Мултана Кашлу-хан вышел из повиновения и признал себя вассалом монгольского правителя Ирана Хулагу-хана. Бенгалия и Бихар были фактически независимы от Дели. И даже в близких от столицы областях султанские наместники проявляли своеволие и строптивость. Многие из князей-индусов в Доабе, Гвалиуре и других местах пытались восстановить утраченные влияние и самостоятельность. «Страх перед властью, который есть основа всякого хорошего управления и источник славы и величия государства, покинул сердца людей, и страна оказалась в ужасном состоянии», — писал об этом времени историк первой половины XIV в. Зия уд-дин Барани. Улуг-хан совершил много походов против непокорных феодалов, что послужило росту его влияния и авторитета, закрепленного браком с дочерью Насир уд-дина Махмуда. Смерть султана в 1265 г. принесла корону его влиятельному временщику.

Период регентства и правления Гийас уд-дина Балбана (1265–1287) прошел в борьбе за укрепление султанской власти и подчинение могуще-

ственных тюркских феодалов, в частности непокорных правителей Северо-Западной Индии и Ауда, в борьбе против независимых племен двуречья Ганга и Джамны, Мевата и Верхнего Пенджаба.

Немало хлопот было с Бенгалией, мусульманские правители которой, номинально признавая свою зависимость от Дели, чеканили свое имя на монетах, на собственный страх и риск совершали грабительские набеги в Ауд, Тирхут (в Бихаре), Камарупу и лишь время от времени отправляли султану дань. По словам Барани, все правители Лакхнаути, пользуясь отдаленностью от столицы, восставали; проявлял непокорность и народ этой области. Поэтому Лакхнаути называли Булгакпур («Мятежный город»). Гийас уд-дину удалось сместить мятежного наместника Бенгалии Туграл-хана и назначить на его место своего сына Бугра-хана, ставшего тоже независимым правителем, по-видимому, еще при жизни отца.

Свою внутреннюю и внешнюю политику Гийас уд-дин Балбан в значительной мере подчинил борьбе с монголами. Постоянная угроза их набегов не позволяла султану вести войны за приобретение новых земель и богатств, в чем нередко попрекали его малики шамси. На это Гийас уд-дин отвечал им неизменно, что монголы, которые находятся в Мавераннахре, Термезе, Газни, Иране, мечтают о богатствах Индии и «не бывает года», чтобы они не совершили набега сюда, и ждут только его ухода из столицы, чтобы захватить Дели.

Гийас уд-дин уделял много внимания укреплению северо-западной границы Султаната. В течение ряда лет важные области городов Мултан и Дибалпур находились под управлением опытного воина, двоюродного брата Балбана Шер-хана Сункара, а затем, после смерти последнего, — старшего сына султана, Мухаммад-хана. Им не раз удавалось отразить набеги на Пенджаб многочисленных монгольских войск. Трагедия разыгралась в 1286 г. — монголы захватили Мултан. Во время этого набега был из засады убит Мухаммад-хан. Несмотря на все усилия султана укрепить свою власть на северо-западе Султаната, граница его не простиралась на запад далее р. Биас.

Вступив на престол, Гийас уд-дин Балбан видел свою задачу в обуздании тюркской военной знати, и в первую очередь маликов шамси из числа «сорока». Установление при дворе чопорного и довольно пышного на иранский манер церемониала должно было поднять престиж султана, покончить с непомерными притязаниями тюркских маликов и создать новую традицию во взаимоотношениях султана и его могущественных военачальников. Пышность двора подчеркивалась присутствием здесь поэтов, артистов, ученых, богословов, с которыми султан любил беседовать и которым покровительствовал и оказывал всяческие знаки внимания.

Претендуя на происхождение от мифического тюркского героя Афрасиаба, Балбан был близок к тому, чтобы требовать от своих подданных обожествления его персоны и беспрекословного повиновения, диктуемого благоговейным страхом. Он тщательно оберегал феодальную корпоративность, препятствуя проникновению ко двору представителей торговых слоев. Рассказывают, что один богатый человек, бывший в течение многих лет *раисом* (начальником) базара, имел желание поднести в дар султану много товаров и денег, если тот согласится сказать ему хотя бы несколько слов, сидя на троне. Узнав об этом, Балбан отказался от даров, заявив, что разговор с «раисом и эмиром базара» унизит достоинство султана.

Практикуемая при нем служба осведомления должна была доставлять информацию о помыслах знати и выявлять факты чинимых ею своеволия,

неповиновения и произвола. Многие малики и ханы подвергались по приказу султана суровому наказанию за эти проступки — побоям, лишению чинов, казням. Бдительный контроль был установлен над самими осведомителями. Известны случаи казни доносчиков, скрывших от султана преступления знати.

Дели в годы регентства и правления Гийас уд-дина значительно разросся. Еще в 50-х годах, до вступления на трон Балбана, к северо-востоку от Лал Кота, города Томаров, Чауханов и первых султанов, появилась его резиденция. Джузджани, труд которого обрывается 1260 годом, упоминает ее как Килукхари или Гийаспур; противопоставляя эту резиденцию «Старому» Дели — Лал Коту, историк называет ее «Новым городом». В пригородах его поселились со своей челядью и домочадцами многие знатные лица, чиновники и военные, бежавшие от монголов из Мавераннахра, Хорасана, Ирана, Азербайджана и т.д. В результате появилось сразу 15 новых городских кварталов (*махалла*), которые назывались по имени их основателей. В самом конце XIII в. в Гийаспуре поселились монголы, военачальники разбитых до этого султанским войском отрядов, и Гийаспур стали называть также и Моголпуром. Дворец султана в Гийаспуре должен был затмить славу Лал Кота. Он был высок, писал знаменитый поэт Амир Хосроу Дехлеви, словно небо, и был подобен земному раю. Кирпичи, из которых был построен дворец, казались прозрачными под блестевшей под лучами солнца побелкой; верхняя часть дворца была отделана мрамором.

Своим наследником Балбан назвал внука Кей-Хосроу, сына старшего принца Мухаммада. Однако его приближенные распорядились по-своему и после смерти Балбана в 1287 г. короновали султаном Кейкубада (1287–1290), сына принца Бугра-хана, объявившего себя в Бенгалии независимым правителем под именем Насир уд-дин Мухаммад Бугра-шах. Как и при предшественниках Кейкубада, главную опасность для власти тюркских феодалов в Северной Индии представляли монголы, вновь опустошившие под командованием Тимур-хана Пенджаб. Султанскому военачальнику малику Мухаммаду Бакбаку удалось разбить их войско. Пленные монголы были приведены в Дели, где их подвергли жестокой казни. Не прошло и года после вступления на престол молодого султана, как против него двинул свои отряды его отец Бугра-шах (1288 г.). Войско его дошло до Айодхьи. Но военного столкновения не произошло. Бугра-шах, получив фактическое признание своей независимости в качестве властелина Бенгалии, покинул владения сына. В целях укрепления своей власти Кейкубад отстранил одного из своих могущественных приближенных, Низам уд-дина, по существу вершителя всех государственных дел. Низам уд-дин был отравлен по приказу султана. Вскоре умер и сам Кейкубад. Знать посадила на трон его малолетнего сына (март 1290 г.), убитого вскоре по приказу захватившего власть в Делийском султанате мукта Барана (в двуречье Ганга и Джамны), престарелого Джалал уд-дина (1290–1296) из тюркского племени хильджи. Это событие положило конец правлению в Делийском султанате «династии» тюркских рабов-гулямов.

Установление в Северной Индии в XIII в. власти пришлой мусульманской военно-феодальной знати имело результатом определенные изменения в структуре господствующего феодального класса. Верхний эшелон его, представленный военной знатью, завоевателями и мигрантами, противостоял местному населению и этнически, и в религиозном отношении. Эта знать не столько вытеснила местную элиту, сколько подчинила ее своему влиянию. В процессе завоеваний часть местных феодалов-индусов, оказав-

ших сопротивление Газневидам, Гуридам и первым султанам Дели, была истреблена или потеряла свои владения. Часть земель местных индийских правителей перешла к завоевателям. Однако подавляющая часть земель оставалась за прежними владельцами при условии выплаты дани и несения службы. Еще Мухаммад Гури, согласно источникам, утвердил права на землю за старшиной-*чаудхри* г. Барана, который со своей свитой и последователями обратился в мусульманство и оказал Гуриду содействие в его военных предприятиях. Видимо, уже в ранний период истории Султаната часть феодалов-индусов оказалась включенной в систему феодальной службы под эгидой султанов. Принятие некоторыми индусскими феодалами ислама было символом признания своей вассальной зависимости от новоявленных правителей. И все же местные феодалы и феодализирующиеся элементы проявляли естественное упорство в стремлении отстоять свою независимость. Автор «Табакат-и Насири» упоминает о частых походах султанов против «мятежников» (*меваcов*) с целью ограбления их владений и изъятия дани.

Бóльшая часть захваченных мусульманскими военачальниками территорий в Северной Индии поступила в фонд земель *халиса*, которыми распоряжался, согласно шариату, верховный правитель — султан. Львиная доля этих земель оказалась во владении ханов, маликов, эмиров, получавших от султана *икта* — обусловленное службой пожалование. Владельцы икта были известны как *мукта* (араб. форма) или *иктадары* (перс. форма), что буквально означает «имеющий икта».

В соответствии с официальной доктриной, а часто и на практике мукта получал пожалованную территорию на время, нередко на весьма короткий срок. Хотя в икта жаловалась сама земля — населенные деревни, доли деревень, небольшие города, равно как и целые округа и даже области, — владелец его не имел права распоряжения ею. Его прерогативы ограничивались правом присвоения в свою пользу части налагаемого государством поземельного налога — хараджа. Поступая в пользу пожалованного лица, эта часть налога имела тенденцию превратиться в частную феодальную ренту. В источниках начала XIV в. упоминается «доля мукта» (*хиссе-йе мукта*), которая противопоставлялась «доле казны» (*хиссе-йе диван*), или «доходу казны» (*махсул-и диван*). «Доля казны» называлась иногда *фавазил* («излишки»), т.е. как бы оставшееся после отчисления доли владельца икта.

Формально икта не был наследственным владением. Держатели его, как узнаем из источников, часто смещались, получали новые пожалования. Однако между официальной доктриной и практикой держания существовал определенный разрыв, так как мукта пытались превратить свои держания в наследственные и не обусловленные службой земельные владения, известные как *милк* (арабо-перс., букв. «собственность, владение») и *инам* (арабо-перс., букв. «дар»). С этой тенденцией пытался бороться Гийас уд-дин Балбан. По рассказу Зия уд-дина Барани (ум. в 1356 г.), султан однажды обнаружил, что деревни в двуречье Ганга и Джамны, которые были розданы еще султаном Шамс уд-дином Илтутмышем в икта двум тысячам всадников, унаследованы их сыновьями. Сами иктадары либо уже умерли, либо состарились и в большинстве своем не несли военной службы. Некоторые вместо себя снаряжали для службы рабов-гулямов, и лишь немногие, да и те кое-как, исполняли свои обязанности. «Те иктадары и их дети, — пишет Барани, — воображали себя маликами (собственниками. — *К.А.*) и владельцами инамов и утверждали: „Султан Шамс уд-дин дал нам эти де-

ревни в инам"». Познакомившись со списками иктадаров, Гийас уд-дин Балбан распорядился предоставить пенсии (*идрар*) старым и немощным служилым, определенное довольствие — вдовам и малолетним сиротам, а икта их изъять. Деревни следовало утвердить лишь за теми, кто нес службу, соответствующую пожалованию. Распоряжение султана вызвало недовольство старых иктадаров и их потомков. Многие из них, находившиеся в Дели, явились к градоначальнику-*котвалу* и просили заступничества; отстаивая свои права, они ссылались на то, что со времени пожалования им икта прошло много времени — более 50 лет. Гийас уд-дин был вынужден отменить свой приказ и возвратить деревни престарелым иктадарам и их детям, которые, таким образом, с успехом оспорили у султана его декларируемое шариатом право собственности на все земли государства.

Источники, которыми располагает современный историк, фактически не дают сведений об экономической жизни и социальном строе Делийского султаната в XIII в. Некоторые данные позволяют говорить о том, что торговля и городская жизнь продолжали развиваться, несмотря на частые войны и мятежи.

Показателем оживленных товарно-денежных отношений была частично коммутированная, согласно мнению английского ученого У.Морланда, форма ренты (по крайней мере в центральных районах Северной Индии, двуречье Ганга и Джамны).

Дели и другие города были немаловажными центрами культуры. Многие представители ее — поэты, философы и историки, ученые, архитекторы и художники — были мигрантами из Средней Азии и Ирана или их ближайшими потомками. Благодаря их деятельности были заложены основы индомусульманской культуры, которая продолжала процветать и позднее.

Не исключено, что на протяжении XIII в. расширилась площадь возделываемых земель. Это было вызвано частично политическими мотивами, стремлением султанов подчинить независимые племена, населяющие джунгли даже в непосредственной близости от столицы. Во всяком случае, известно, что Гийас уд-дин Балбан «дал приказ вырубить леса (в двуречье Ганга и Джамны) и превратить их в поля и посевы». Можно полагать, что, несмотря на войны и мятежи, сельская экономика в XIII в. функционировала достаточно успешно, чтобы создаваемый в рамках ее прибавочный продукт удовлетворял потребности численно возросшей в Султанате с мусульманским завоеванием феодальной знати.

Видимо, политические катаклизмы XIII в. не коснулись достаточно замкнутого мира индийской сельской общины, о которой персоязычные историки по истории XIII в. хранят полное молчание, хотя и логично было бы предположить «сверхъобложение», т.е. усиление налогового гнета, связанное с численным ростом эксплуататорской верхушки и потому влекущее за собой рост социальной напряженности в самих общинах.

С большой степенью уверенности можно утверждать, что образование в Северной Индии нового государства не означало создания новых общественных отношений, вопреки мнению М.М.Ковалевского, считавшего, что история феодальных отношений в Индии начинается с приходом к власти мусульманских династий. «Государственный феодализм», утвердившийся здесь в условиях, когда феодальная верхушка была представлена иноэтническими и иноконфессиональными по отношению к местному населению элементами, и характеризуемый значительной ролью государства в распределении прибавочного продукта и слабым развитием частных прав феода-

лов, не уничтожил господствовавшего в стране до XIII в. вотчинного типа феодальных отношений, а оказался лишь «надстроенным» над ним. Такая сложная структура феодальных форм существовала как преобладающая в Северной Индии и в ряде других частей страны, где верхушку феодального класса составляли завоеватели и мигранты, на протяжении нескольких последующих столетий.

Глава V

МЕЖДУ МОНГОЛАМИ И ПОРТУГАЛЬЦАМИ
(Азия и Северная Африка в XIV — XV вв.)

Эта глава посвящена периоду, который многие рассматривают как время наивысшего экономического и культурного развития средневекового Востока. Конечно, Восток крайне разнообразен и говорить о единых этапах его развития можно только на высоком уровне абстракции, только при глобальном подходе к истории, а о некоем «уровне развития» применительно ко всему Востоку вообще трудно думать. Так, из усредненного «уровня» уже в это время выбивалась Япония, которая продолжала неуклонное, хотя и не быстрое по европейским меркам, продвижение к товарным отношениям и промышленному развитию. Юго-Восточная Азия, Южная Азия, Ближний Восток, по-видимому, продолжили поступательное развитие еще некоторое время после рубежа XV — XVI вв. Напротив, Средний Восток после монголов и после Тимура уже не смог оправиться, и его упадок начался, может быть, раньше, чем упомянутый выше рубеж.

Наиболее четко пик развития в XIV–XV вв. показывает Китай, что, собственно, и позволяет размышлять в терминах подъема и упадка применительно ко всему Востоку. Империя Мин — это вершина имперского совершенствования, конфуцианской всепроникающей мудрости, экономического достатка, политической значимости Китая. Именно в XV в. Китай, казалось бы, получил возможность переплавить все свои огромные культурно-исторические и технические достижения в военно-политическое доминирование в Азии, «обогнать» португальцев в «открытии» Индийского океана, установить «единый фронт» и по суше, и по морю с Османской империей, повернуть ход последующей мировой истории с востока на запад.

Однако эта возможность была иллюзорной. Организация восточных обществ, видимо, ставила развитию материальной культуры и личности препятствия, непреодолимые в отпущенные для этого исторические сроки, делала эти общества замкнутыми сами на себя. Маньчжурское завоевание Китая и нисходящая линия его развития после этого — не историческая случайность, а закономерность, которая потом будет подтверждена историей других восточных стран, за исключением, правда, Японии.

Японское исключение из правила важно не только как исторический феномен. Оно подчеркивает разницу между чисто теоретическим и историческим подходами. В теоретическом плане Япония доказала, что в истории нет тупиков, и «если бы не Европа», то человечество все равно нашло бы свой путь к капитализму. Конкретно же исторически та же исключительность японского пути показывает, что другие страны Востока не имели времени выпутаться из «упорядоченности» восточного общества.

Построение главы, как и предыдущих, продиктовано стремлением подчеркнуть определенную логику исторического процесса, а чисто практически — избежать повторений.

В XIV в. наиболее важным государственным образованием было государство Тимура. Как в XIII в. центром Азии была Монголия, так в XIV в. столицей стал Самарканд. Поэтому с Тимура и начинается глава. Следом идут параграфы об истории регионов, составлявших периферию державы Тимура, они испытали его удары, но имели и собственную логику развития. Это Южная Азия, Ближний Восток и Центральная Азия.

Ближневосточный блок материалов дает возможность показать рост новой силы, ставшей главной в последующий период, — Османской империи, а центральноазиатский материал служит переходом к цивилизациям Дальнего Востока.

Наконец, мы доходим до сравнительно молодых образований Юго-Восточной Азии, которые, в свою очередь, образуют несколько культурных ареалов.

Взаимовлияние восточных цивилизаций в этот период усиливается, но в то же время возрастает число самостоятельных культур. Это создает свои трудности при изложении истории данного периода и при ознакомлении с ней.

ИРАН В XIV — НАЧАЛЕ XV в.

После распада державы Хулагуидов на территории Ирана в разных его частях образовалось несколько самостоятельных или полусамостоятельных государств. Некоторые из них контролировались тюркско-монгольской знатью и, следовательно, были непосредственным продуктом распада улуса Хулагуидов, другие представляли собой местные княжества, ранее зависимые от монголов, а теперь сумевшие стать самостоятельными.

Из числа первых надо назвать государства Чобанидов (до 1356 г.) и Джелаиридов (1340–1410 гг. с перерывом в период нашествия Тимура) в Северном Иране и прилегающих областях. Примерами вторых являются государство Музаффаридов (1313–1393) в Южном и Центральном Иране и Куртов (1245–1389) в Восточном Хорасане (центр — Герат). Чобаниды пали в соперничестве с Джелаиридами, Музаффариды и Курты были сокрушены Тимуром.

Однако наиболее интересные и важные события протекали в Западном Хорасане, где возникло сначала движение *сербедаров*, а затем одноименное государство. Основателем сербедарского движения принято считать дервиша шейха Халифе, выходца из Мазандерана, избравшего местом своих проповедей и деятельности хорасанский город Себзевар. Учение, которое проповедовал Халифе, представляло из себя довольно причудливую смесь шиизма, элементов зороастризма и хуррамитских идей, хотя официально его и в то время, и затем в историографии именовали шиитом. Халифе выступал против монгольско-тюркских феодалов и их местных сторонников, чем вызвал к себе симпатии со стороны основной массы коренного иранского населения Хорасана. Эта область в XIII–XIV вв., будучи в основном населена иранцами, в то же время оказалась под прямой угрозой тюркизации, шедшей из Средней Азии. Разумеется, дело было не столько в этнических различиях, сколько в том, что кочевники-тюрки стали вытеснять иранское земледельческое население с наиболее удобных земель. Это приводило и к упадку оросительной (кяризной) системы, создававшейся в Хорасане веками, и к общему запустению области. Не случайно во второй

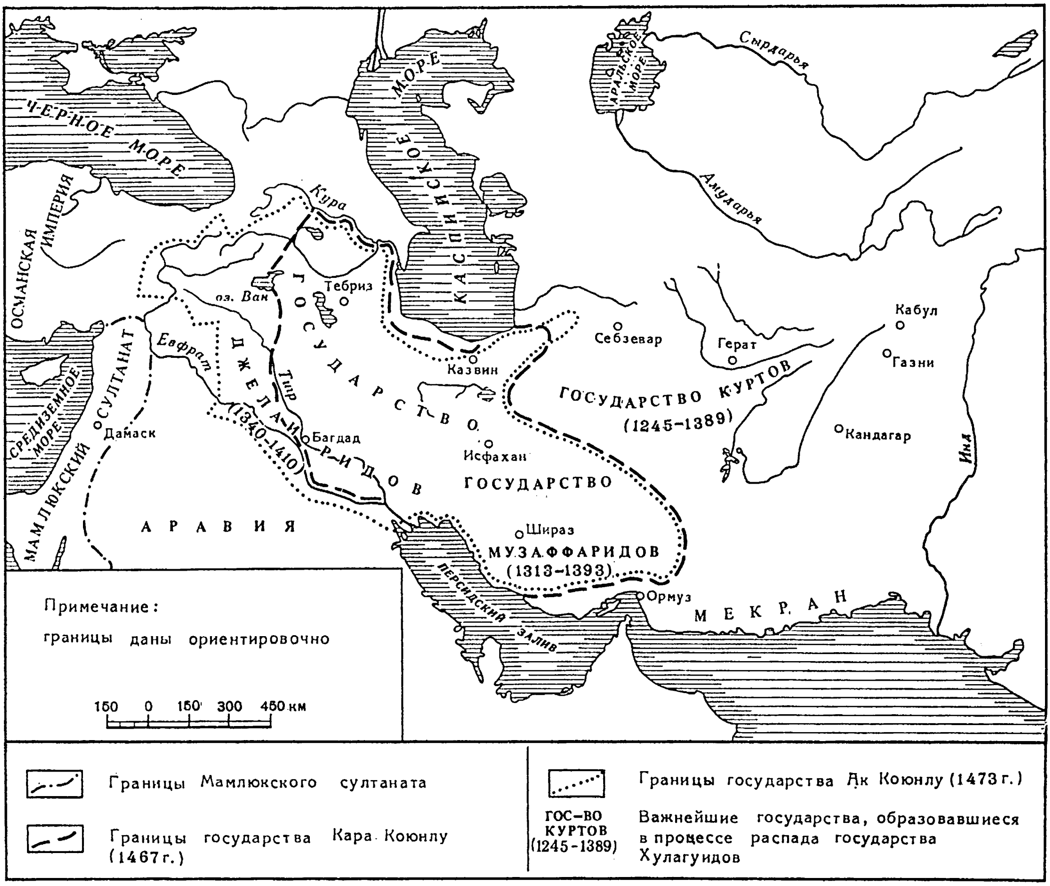


Рис. 18. Иран в XIV—XV вв.

половине XIV в., уже после возникновения сербедарского государства, его руководители выдвинули лозунг: добиться, «чтобы впредь ни один тюрк (кочевник. — *А.Н.*) до самого Дня суда не смел разбивать шатра в Иране».

Обосновавшись в Себзеваре, Халифе и его последователи (*мюриды*) вступили в борьбу с местной промонгольской знатью и суннитским духовенством, ее поддерживавшим. В 1335 г. Халифе был тайно убит, но его сторонники продолжали борьбу, которая вылилась в массовое восстание, итогом чего явилась победа последователей Халифе, принявших название *сербедары* (букв. «готовые на виселицу ради своего дела»). В течение 1337–1338 гг. практически весь Западный Хорасан был освобожден от наследников Хулагуидов. Однако в результате, как и во времена Бабека и хуррамитов, произошла лишь смена правящей верхушки. Глава сербедаров Веджих ад-дин Масуд в 1338 г. принял титул султана. Среди самих сербедаров началась скрытая борьба за власть, хотя в своих действиях против монгольско-тюркской знати и ее сторонников среди иранских феодалов сербедары выступали единым фронтом, что обеспечило им ряд серьезных успехов. В то же время возникла сербедарская знать (*бузурган-е сербедар*), а во время похода на Герат, по-видимому по тайному приказу Веджих ад-дина Масуда, был убит идеолог сербедаров, преемник Халифе

шейх Хасан Джури. Впрочем, и сам Веджих ад-дин вскоре (1344 г.) погиб во время похода в Мазандеран с большей частью своего войска. Это войско представляло из себя по преимуществу крестьянские ополчения. Сербедарская знать получила земли, отобранные у монгольских феодалов и их сторонников, так что уже это, по сути дела, означало лишь известные перемены в составе господствующего класса. Преемники Веджих ад-дина пошли в этом отношении еще дальше, полностью переложив на плечи райатов содержание войска, численность которого достигла 22 000 человек и которое постепенно стало превращаться в регулярную армию (она была необходима для борьбы с наследниками Хулагуидов и их родичами в Средней Азии). Процесс перерождения народного движения в новое феодальное государство заметно ускорился.

На внешнем фронте довольно долго у сербедаров были значительные успехи: в 1353 г. они ликвидировали власть последнего ильхана в Астрабаде. Правда, за этим последовала борьба среди самих сербедаров, точнее, выделившегося радикального крыла движения с пришедшей к власти сербедарской верхушкой. Разгром радикального крыла привел к отходу широких народных масс от сербедарского движения. Произошло это тогда, когда рядом, в Мавераннахре, пришел к власти Тимур.

Тимур (род. в 1336 г.) происходил из знати отюреченного монгольского племени барлас, обосновавшегося в Мавераннахре в XIII в. Его отец Тарагай не был богатым человеком, но сохранял немалое влияние в своем племени, что унаследовал и его сын, которому, однако, пришлось в своей карьере рассчитывать преимущественно на личные способности. А они были немалые. Тимур до конца жизни не знал грамоты, но владел тюркским и персидским языками, был весьма любознательным человеком, с цепкой памятью и развитым мышлением, которое, хотя и укладывалось в типичные для кочевого феодала той поры рамки, было способно в необходимых случаях выходить за эти традиционные и ограниченные пределы. Словом, Тимур во многом напоминал своего кумира Чингис-хана, которого он всегда ставил себе в пример.

Государство Чагатаидов в Средней Азии в XIV в. также пришло в упадок. Под властью потомков Чагатая были не только территории земледельческого Мавераннахра, но и обширные пространства, где основное население составляли кочевники (тюрки и монголы). Эти области, находившиеся на восточной стороне Чагатайского улуса, именовались Моголистан («Страна монголов»). Различия между Мавераннахром и Моголистаном особенно резко проявились во второй половине XIV в. В то время как в Моголистане была крепка власть кочевой знати, в Мавераннахре власть Чагатаидов быстро шла на убыль. В 60-х годах здесь глубокие корни пустило движение сербедаров. Центром среднеазиатских сербедаров стал Самарканд и его округа. Именно сербедары изгнали из Мавераннахра моголистанского хана Туглук-Тимура, захватившего было Самарканд в 1361 г.

Делая свою политическую карьеру, Тимур не брезговал ничем. Начал он, кажется, предводителем обычной шайки разбойников и именно в этом качестве получил ранение в ногу, сделавшее его на всю жизнь хромым (отсюда Тимурланг — европ. Тамерлан, букв. «Хромой Тимур»). Затем он в течение нескольких лет служил разным местным феодалам, одно время перешел на сторону Туглук-Тимура, но затем, видя шаткость положения последнего в Мавераннахре, покинул эту службу и сдружился с правителем Балха эмиром Хусейном. Союзникам удалось сначала отвоевать

Мавераннахр у моголистанского правителя, но затем они (в 1365 г.) потерпели страшное поражение и бежали за Амударью, оставив Мавераннахр на произвол судьбы.

Защиту родины от нового нашествия кочевников взяли на себя сербедары, отразившие моголистанцев, но в конечном счете плодами победы воспользовалась местная знать, которая испугалась активности народных масс и вошла в сношения с Тимуром и Хусейном. Среди изменников оказался и руководитель самаркандских сербедаров Маулана-заде, которому Тимур и Хусейн в благодарность за содействие после взятия Самарканда даровали жизнь, тогда как остальные сербедары подверглись жестоким репрессиям, главным инициатором которых был, по-видимому, Тимур. Последний вскоре поссорился с Хусейном, убил его (1370 г.) и захватил власть в Самарканде. Как известно, Тимур, с величайшим почтением относившийся к памяти Чингис-хана, не принял титул хана, а именовался эмиром, держа при себе марионеточных ханов, как правило людей слабых и безвольных, из числа потомков Чагатая. Тимура активно поддержала не только кочевая знать Мавераннахра, но и бо́льшая часть оседлой знати, напуганной сербедарами. К тому же начатая Тимуром внешняя экспансия оказалась заманчивой как для местных феодалов, так и для городских верхов, которые справедливо видели в ней немалые выгоды для себя, поскольку Тимур сразу же поставил Мавераннахр в положение своего личного улуса, на который распространялись его заботы и даруемые им привилегии. В последующие годы, в период дальних и ближних походов Тимур приводил в Мавераннахр огромное число пленных, прежде всего ремесленников и строителей, стараниями которых и были воздвигнуты знаменитые постройки его столицы Самарканда. Как писал испанский посол ко двору Тимура Гонсалес де Клавихо, на границе Мавераннахра и Хорасана были поставлены вооруженные охранники, которые следили, чтобы никто из насильственно пригнанных умельцев не мог покинуть центр державы нового «миропокорителя». А Тимур с самого начала выдвинул программу не только восстановления Монгольской империи, но и более широких завоеваний. Не случайно ему приписывалась фраза о том, что «все пространство населенной части мира не заслуживает того, чтобы иметь больше одного царя». Утвердив «порядок» в Мавераннахре и разграбив в первый раз Хорезм, который не вошел в центральный улус его империи, Тимур обратил свой взор на Иран. Предлог для вмешательства в тамошние дела нашелся легко — к Тимуру обратился за помощью свергнутый глава сербедарского государства в Хорасане Али Муайад (1381 г.).

В государстве сербедаров Хорасана период поступательного развития окончился в первой половине 70-х годов XIV в., когда сербедарам удалось утвердиться в соседней области Керман. После этого началась волна распрей, в итоге которых свергнутый соперниками Али Муайад и обратился к новому среднеазиатскому владыке. Последнему только и нужен был предлог для активного вмешательства в дела сербедаров, которых он люто ненавидел. В 1381 г. орды Тимура перешли Амударью и обрушились на Хорасан. Первый его поход завершился покорением этой области, номинальными правителями которой на правах вассалов Тимура были назначены Али Муайад и Гийас ад-дин Курт гератский. Однако Тимур, не доверяя им, держал их при себе, а позже казнил.

Но сербедары Хорасана Тимуру не покорились. В 1383 г. началось их восстание, подавленное с крайней жестокостью: 2000 сербедаров были замурованы живыми в воздвигнутых по приказу завоевателя башнях

(людей сваливали друг на друга, перекладывая кирпичами и глиной). В течение 1383–1385 гг. Тимур подчинил себе весь Восточный Иран. Покорение Западного Ирана было несколько осложнено тем, что на него претендовал золотоордынский хан Тохтамыш. Утвердившийся в улусе Джучиевом с помощью и, по сути дела, по воле Тимура, этот Джучид проявил неблагодарность к своему благодетелю и, помятуя традиционную политику золотоордынских владык, начал претендовать на Закавказье и (Южный) Азербайджан. Поход Тохтамыша на Тебриз в 1385 г. мало чем отличался от нашествий Тимура: ордынцы увели до 90 000 пленников. Погром довершили войска Тимура, в свою очередь взявшего и разграбившего Тебриз. Султан Ахмед Джелаирид бежал. Затем последовало нашествие Тимура на владения Музаффаридов (Южный и Центральный Иран). Грабительские действия его войск вызвали восстание населения Исфагана, подавленное самым жестоким путем: 70 000 голов жителей этого города были сложены в минареты для устрашения живых.

В последующие годы не менее жестоко были подавлены возмущения в иранских областях Гурган и Мазандеран.

Завоевание Ирана Тимуром было завершено к 1393 г. Страна была подвергнута страшному разорению, десятки тысяч опытнейших ремесленников уведены в Мавераннахр. Был нанесен немалый ущерб и сельской экономике наиболее развитых областей Ирана (Хорасана, Азербайджана [Южного], Исфагана). Вся страна была разделена на два наместничества, во главе которых Тимур поставил своих сыновей — Шахруха (Восточный Иран) и Миран-шаха (Западный Иран).

Нельзя не отметить и некоторые другие последствия завоевания Тимуром Ирана. В целях упрочения своей власти он поселил в разных областях страны, прежде всего в Азербайджане, кочевые племена, в основном из тюрок кыпчакской языковой группы, тогда как до этого в Иране селились преимущественно туркменские племена. Это дало новый импульс к дальнейшей тюркизации населения Южного Азербайджана. По-видимому, на XIV–XV вв. и приходится в основных чертах завершение тюркизации ираноязычного населения этой исторической области.

Тимур произвел, как и другие завоеватели до него, известное перераспределение земельной собственности в Иране. Отнятые у противников земли он жаловал своим сторонникам из числа местной и пришлой знати на правах *союргала*, который в ту пору представлял обеленное в налоговом отношении земельное (и иное) пожалование на условиях несения военной службы. Первоначальные союргалы не были наследственными и лишь позже, в XV в., стали таковыми.

Погром разных областей Ирана Тимуром был столь внушительным, что страна как бы затаилась в страхе перед возможными новыми репрессиями завоевателя. Десятки тысяч людей были угнаны на чужбину или, взятые в ополчения Тимура, вынуждены были принимать участие в его далеких походах — в Малую Азию, Индию, на Золотую Орду и Русь. Поэтому, когда в Иран пришла весть о смерти Тимура, который умер во время начатого им похода в Китай (1405 г.), страна вздохнула с облегчением. Немедленно начались восстания против наследников умершего владыки. В 1408 г. в охваченном восстаниями Западном Иране погиб сын Тимура, Миран-шах, потерпевший поражение в борьбе с новым политическим объединением, возглавляемым племенной знатью Кара Коюнлу («Черные бараны»). Правда, другой сын Тимура, Шахрух, несколько сгладил последствия этого поражения, заставив правителя «Черных баранов»

Джехан-шаха признать хотя и номинальную власть Тимуридов над Кара Коюнлу (1435 г.), но Шахруху приходилось больше думать о своих среднеазиатских владениях, которым угрожали кочевники Золотой Орды с севера, а также о сохранении реальной власти над Восточным Ираном, что ему и его преемникам удалось.

XIV век в истории культуры Ирана отмечен относительным упадком, вызванным завоеваниями и репрессиями Тимура, переселением множества умельцев в Мавераннахр. Определенные культурные достижения периода были преимущественно локальными. Из архитектурных памятников этой поры наиболее известны медресе при Пятничной мечети в Исфагане, а также некоторые сооружения Кума, Шираза и ряда других городов.

В области художественной литературы XIV век дал ряд крупных имен. Среди них прежде всего надо назвать великого Хафиза (первая четверть XIV в. — 1389 г.), уроженца Шираза, которого справедливо считают самым крупным мастером персидской газели. На его долю выпала трудная и полная опасностей жизнь. Одно время он пользовался покровительством правителей из династии Музаффаридов, но затем вынужден был переселиться в Исфаган, а потом в Йезд. Уже в глубокой старости Хафиз вернулся в родной Шираз, где и умер в нищете. Легенда рассказывает о его встрече с Тимуром, который слушал его стихи. В одном из них Хафиз, выражая свою любовь к турчанке, заявил, что готов за нее отдать лучшие города, в том числе и Самарканд. В ответ на гневное восклицание Тимура: «Как ты смеешь так просто раздавать мои города!» — поэт будто бы, поклонившись, ответил, что из-за такого расточительства он-де и дошел до нищенского состояния.

Титул (*нисба*) Хафиз буквально означает «тот, кто знает Коран наизусть», и поэт, вероятно, действительно обладал таким даром — он известен и как автор ряда теологических сочинений на арабском языке. Но свою славу Хафиз получил не как знаток Священной книги, а как поэт-лирик, воспевавший любовь, дружбу, вино. В этом плане у него есть некоторое сходство с Омаром Хайамом, но в отличие от последнего на умонастроение и творчество Хафиза оказали влияние странствующие дервиши-*каландары*, которые выступали против строгостей шариата, за дозволенность мирских удовольствий. Именно у суфиев он заимствовал образ ринда (кстати, с этим словом связано русское «рында») — своеобразного гуляки, повесы, который проповедовал культ вина. Впрочем, известно, что и сам Хафиз охотно употреблял этот запретный для мусульман напиток. Исследователи пытаются за этим у Хафиза (как и у Омара Хайама) найти какие-то социальные мотивы, хотя такой вывод вряд ли правомерен. Скорее всего так проявился довольно распространенный в ту пору протест против строгостей официального ислама, возможно не без влияния рецидивов доисламских культов Ирана.

Еще дальше в разоблачении ханжества правящих классов, в том числе и мусульманского духовенства, пошел Убейд Закани (ум. в 1370 г.). Описание нравов высших слоев общества у этого поэта столь натуралистично, что издание его трудов в мусульманских странах долго запрещалось, а если и удавалось, то подвергалось преследованию. В то же время в творчестве Закани весьма явственно виден и протест социальных низов против феодальной эксплуатации.

Наряду с этим в персидской поэзии той поры встречаются и имена продолжателей классической традиции X–XII вв., воспевавших реальных и полулегендарных героев иранской древности. Таким был Салман Саведжи

(1300–1376), поэт-панегирист Джелаиридов. Ему принадлежит очередная обработка сказания о Хосрове и Ширин, но он же стал, пожалуй впервые в персидской поэзии, воспевать Али, четвертого «праведного халифа», кумира шиитов.

Собственно XIV век не дал сколько-нибудь крупных имен иранских историков, но начало XV в. ознаменовано деятельностью целой школы историков-панегиристов Тимура. Из них самые крупные — уроженец предместья Тебриза Низам ад-дин Шами, написавший труд «Зафар-наме» в 1404 г., Шереф ад-дин Йазди, завершивший сочинение под тем же названием в 1424 г., Муин ад-дин Натанзи, родом из Фарса, автор «Анонима Искандера» (труда по всеобщей истории с особым вниманием к деяниям того же Тимура, закончен ок. 1414 г.), и, наконец, хорасанец Хафиз-и Абру, автор большого сочинения в стиле всеобщей истории («Маджма ат-таварих»), в котором подробно описаны походы Тимура. Как уже сказано, все эти авторы творили либо при самом Тимуре, либо при его преемниках, и потому их труды, содержащие огромный материал об этом завоевателе, должны восприниматься с определенным критицизмом и там, где возможно, дополняться и уточняться по другим источникам (прежде всего по трудам арабского историка Ибн Арабшаха, армянских, грузинских, европейских авторов). Любопытно, что все эти историки происходили из разных областей Ирана, а не из Мавераннахра.

ИРАН В XV в.

В начале XV в. на территории Ирана существовало несколько более или менее значительных политических образований. В Западном Иране правили султаны Кара Коюнлу, установившие здесь свою власть в результате победы над сыном Тимура, Миран-шахом (1408 г.). Восточный Иран был под властью другого сына Тимура — Шахруха. Султан Джехан-шах Кара Коюнлу (1436–1467) до смерти Шахруха признавал себя номинально его вассалом. Кроме того, в XV в. фактически стали самостоятельными некоторые мелкие владетели на территории Ирана, прежде всего правители Мазандерана и Гиляна. Не всегда подчинялись Кара Коюнлу некоторые вожди курдских и других племен Западного Ирана. Наконец, в округе Ардебиля набирало силу небольшое княжество Сефевидов, речь о котором пойдет в третьем томе.

После смерти Шахруха (1447 г.), во времена его преемников, имевшая при нем место определенная консолидация сменилась углублением феодальной раздробленности. С конца 60-х годов XV в. практически существовали два тимуридских государства — среднеазиатское и хорасанское. В последнем правил Хусейн Байкара (1469–1506) — известный покровитель поэзии и друг Алишера Навои. Навои занимал при дворе важные государственные должности (он одно время ведал финансами, а затем стал вазиром султана). Именно под влиянием Алишера Навои Хусейн Байкара проводил значительные работы по восстановлению и совершенствованию оросительной системы Хорасана, строил караван-сараи, бани, мосты, медресе и т.д. Правительству Байкары приходилось опасаться и его среднеазиатских родичей, и западных соседей.

Западный Иран оказался, как отмечено, под властью правителей кочевого объединения Кара Коюнлу. Это объединение возглавлялось группой туркменских по происхождению племен, отступивших на запад в

период походов Тимура. В состав державы Кара Коюнлу входили и добрая половина Малой Азии, и некоторые арабские области. Следовательно, нет никаких оснований рассматривать ее как иранское государство, но столь же неверно считать государство Кара Коюнлу азербайджанским, как это делают некоторые современные азербайджанские авторы. Племена Кара Коюнлу могут рассматриваться в качестве предков и турок и азербайджанцев, а некоторые их остатки в арабских странах (Ираке, Сирии) до сих пор сохранили этническую обособленность и именуются туркменами.

Самый крупный правитель Кара Коюнлу Джехан-шах пытался соперничать с Тимуридами на востоке. В 1458 г. он даже занял на короткое время Хорасан (включая восточную часть этой исторической области с Гератом), он был вытеснен оттуда тимуридом Абу Саидом. Между двумя правителями был заключен договор, по которому границей между их владениями была признана пустыня Дашт-е Кавир. Противоречивые личные качества Джехан-шаха (он был неплохим политиком, но в то же время пьяницей и развратником) также оказали влияние на судьбу самого султана и его государства.

Восстание возглавила знать других туркменских племен, входивших в объединение Ак Коюнлу («Белые бараны»). В свое время они были союзниками Тимура, а затем закрепились в верховьях Тигра. Правитель Ак Коюнлу Хасан, прозванный за свою долговязость Узун Хасан («Длинный Хасан»), в 1467 г. разгромил ополчения Кара Коюнлу. В сражении погибли и Джехан-шах, и его сын. Голова первого была послана турецкому султану, а второго — тимуриду Абу Саиду.

Своей столицей Узун Хасан сделал Тебриз, что и послужило одним из оснований для современных азербайджанских историков объявить государство Ак Коюнлу азербайджанским. На самом деле отношение племен Ак Коюнлу к азербайджанцам (и туркам) такое же, как и их предшественников Кара Коюнлу. Но эти кочевники были чужды и Ирану, значительная часть которого вошла в состав их державы. Под власть Длинного Хасана и его преемников попали и часть Малой Азии, и некоторые арабские области. Попытка Абу Саида вытеснить «белобаранных» из Западного Ирана окончилась неудачей. Сам Абу Саид попал в плен и был казнен. С этого времени главным противником Ак Коюнлу стала Османская империя.

Еще в 1402 г. Тимур предпринял поход в Малую Азию. Разгром войск султана Байазида I при Анкаре несколько ослабил набиравшую силы Османскую империю, но уже через некоторое время последняя оправилась от этого удара и возобновила экспансию на западе и на востоке. В 1453 г. турками был взят Константинополь, и Византийская империя перестала существовать. Единственным реликтом ее оставалась так называемая Трапезундская империя, небольшое государство на юго-восточном побережье Черного моря. Успехи османов вызвали тревогу у их восточных соседей, а также у европейских государств. Инициативу создания антиосманской коалиции взял на себя Длинный Хасан, который завязал дипломатические отношения не только с Трапезундской империей, Грузией, Ширваном и итальянскими государствами, но даже с далеким Московским государством, послы которого прибыли в Тебриз. Иван III пытался склонить Узун Хасана к союзу против Золотой Орды, но «белобаранному» владыке важнее были союзники против Османской империи. Формально антитурецкая лига была образована, но на деле Узун Хасан мог полагаться

только на слабую Трапезундскую империю. Однако османы определили Длинного Хасана: их войска в 1461 г. заняли Трапезунд и ликвидировали Трапезундскую империю. Правитель Ак Коюнлу вполне обоснованно боялся турок и их вооруженной артиллерией армии. Со своей стороны, он рассчитывал на помощь в этом отношении от Венеции, но пушки, посланные итальянской республикой, попали в руки османов (или курдов). В конце концов при Терджане (верховья Евфрата) ополчения Ак Коюнлу были разгромлены османами в 1473 г. и бо́льшая часть малоазиатских владений «белобаранных» была ими утрачена.

Причин поражения Узун Хасана было много, и их нельзя сводить только к особенностям организации войска и степени его оснащенности новейшей для того времени военной техникой.

Прежде всего сыграло роль то обстоятельство, что само государство Ак Коюнлу, опорой которого являлась группа туркменских племен, было оторвано от основной массы коренного оседлого населения Ирана, арабских стран, восточной Малой Азии. Иго завоевателей — правителей «белобаранного» объединения, как ранее «чернобаранного», — приходилось терпеть, но при первой же возможности его надо было сбросить.

Кроме того, политические образования типа Ак Коюнлу были эфемерными объединениями, не имевшими глубоких социальных основ. Союргальное землевладение, внедрявшееся в Иране со времен Тимура, постепенно меняло свою сущность, превращаясь из пожалований, обусловленных военной службой, практически в земельную собственность, права феодала на которую обеспечивались так называемыми *моафи*, т.е. налоговым иммунитетом. А поскольку число союргалов росло (так как и Тимуриды, и туркменские владыки постоянно раздавали не только земли своих противников, но и государственный земельный фонд), то уже во времена Узун Хасана стало ясно, что центральная власть должна как-то воспрепятствовать этому процессу. Наследник Длинного Хасана, Йакуб, пытался, опираясь на иранскую бюрократию, изменить ситуацию. Во-первых, он прекратил пожалование новых союргалов и вознамерился отнять права моафи у владельцев старых. Во-вторых, по его приказу чиновники стали описывать все земли государства для обложения их налогом. Феодалы (и не только кочевые) воспротивились этому. Смерть Йакуба (1490 г.) прервала попытки реформы, что привело, естественно, к еще большему ослаблению государства, усилению феодальных распрей, как между отдельными вождями племен Ак Коюнлу, так и между оседлыми и кочевыми феодалами.

Один из последних правителей Ак Коюнлу, султан Ахмед, в 1497 г. сделал новую попытку реформ. Правитель кочевого объединения в своей борьбе против единоплеменников решил опереться опять-таки на иранскую гражданскую бюрократию и оседлую знать. Это была далеко не первая попытка такого рода в истории Ирана. Почти за два столетия до Ахмеда аналогичную политику проводил Газан-хан Хулагуид, и она обеспечила на несколько десятилетий сохранение власти монгольских владык в Иране. Через сто лет шах Аббас I Сефевид достигнет сходной политикой еще более ощутимых результатов. Но Ахмед Ак Коюнлу в ней не преуспел, хотя пытался действовать весьма решительно: он отнимал у кочевой знати союргалы, казнил особенно строптивых их владельцев. В итоге произошло восстание, и в сражении с мятежниками султан-реформатор был убит после семи месяцев правления. Государство Ак Коюнлу распалось на две части: султан Альвенд захватил власть над Северо-Западным Ираном, а

Мурад — над Центральным и Южным Ираном, а также Ираком (Арабским). Случилось это в 1500 г. Совершенно самостоятельными стали правители двух прикаспийских областей — Гиляна и Мазандерана, а в непосредственном соседстве с центром владений Альвенда, в округе Ардебиля, собирали силы шейхи Сефевиды, на чьей стороне оказалась и часть туркменских племен, главы которых разочаровались в правителях Ак Коюнлу.

Экономика Ирана в XV в. развивалась весьма неравномерно. Залечивались раны, нанесенные нашествиями орд Тимура. Наследники последнего в Хорасане изменили политику в отношении этой области, ставшей центром их владений, способствовали росту городов, развитию торговли, даже культуры. Сходную политику в Северо-Западном Иране проводили «белобаранные» владыки, которые оказывали покровительство центральной части своей державы — Азербайджану (Южному). Их столица Тебриз превратилась в центр Западного Ирана, выросло число жителей этого города. Султаны Ак Коюнлу, как, впрочем, и большинство других государей Передней Азии той поры, покровительствовали транзитной торговле, особенно шелком, который вывозился из Ширвана и Гиляна. По свидетельству источников, в XV–XVI вв. купеческие караваны беспрепятственно ходили даже в период военных действий между Османской империей и ее восточными соседями. На сбыте шелка обогатели правители соответствующих областей, прежде всего Ширвана и Гиляна. Ширваншах Фаррух-ясар дружил с соседней Грузией и посылал послов в Москву. Правители Бийе-пас и Бийе-пиш в Гиляне сумели в своих горных твердынях отстоять независимость. Утрата контроля над этими богатыми областями была тяжелым ударом по богатству и мощи правителей Ак Коюнлу, однако сил для восстановления своей власти у них уже не было.

Но если правители Ирана в ту пору были чужими его народу, то в области культуры, безусловно, превалировал иранский этнический элемент и поэты, ученые, художники разных исторических областей Ирана продолжали и развивали тысячелетние традиции его культуры.

XV век дал Ирану плеяду крупных поэтов. Центром поэзии на персидском языке стали восточные области Ирана, прежде всего Хорасан. Но для того же времени характерно формирование в значительной части именно на территории Ирана и современного Афганистана (Восточный Хорасан) молодых литератур на разветвившихся тюркских языках и наречиях (прежде всего староузбекском — чагатайском и тюркском — азербайджанском). Возникли эти литературы еще в XIV в., причем и тогда их основоположники зачастую жили и творили вдали от основного места обитания соответствующего этноса (например, поэт Несими, живший в арабских странах и казненный в Дамаске). Но по-настоящему эти молодые литераторы проявили себя именно в XV–XVI вв. А поскольку деятельность ряда их представителей протекала на территории Ирана и Афганистана, где и поныне проживает значительная часть азербайджанцев и узбеков, то игнорировать полностью представителей этих литератур XV в., изучая историю Ирана, нельзя. К тому же нельзя забывать, что, например, Алишер Навои, основоположник и классик староузбекской литературы, писал и на персидском языке и в этой части своего творчества вошел в персидскую (персидско-таджикскую) литературу. Наконец, необходимо иметь в виду, что XV век может считаться последним столетием единой персидско-таджикской литературы. В последующем персидская и таджикская словесности стали постепенно обособляться, что было связано с

окончательным отделением ряда восточно-иранских областей от западно-иранских уже в XVIII в.

Крупнейшим поэтом XV в., писавшим на персидском языке, был Абдуррахман Джами (1414–1492), живший и творивший в Герате одновременно с Навои, другом которого он был. Джами был весьма многогранным автором — его перу принадлежат лирические стихотворения, поэмы разного содержания с определенным мистическим оттенком («Хафт ауранг» — «Семь престолов», «Лайла и Маджнун», «Хираднаме-йе Искандари» — «Книга о мудрости Александра» и др.). Но истинную славу снискала Джами его поэма «Юсуф и Зулейха», основанная на библейском сюжете об Иосифе и жене Потифара. Сюжет этот, однако, был основательно переработан Джами: у него вся история заканчивается тем, что Юсуф женится на Зулейхе, в поисках которой он преодолевает все преграды.

Джами испытал огромное влияние своих предшественников, прежде всего Низами и Хафиза. Оказала на него воздействие и суфийская поэзия. Однако в основе Джами оригинален, и его варианты легенды о Лайле и Маджнуне и особенно указанная поэма «Юсуф и Зулейха» представляют гимн любви, верности, поискам обычного человеческого счастья. В этом сила творчества Джами, который наряду с Фирдоуси, Омаром Хайамом, Низами, Саади и Хафизом вошел в первые ряды персидских поэтов классической школы.

XV век дал и ряд поэтов-панегиристов, славивших тех или иных правителей. Например, Бадриддин Хилали создал эпическую поэму о Тимуре; он же начал поэму о первом Сефевиде шахе Исмаиле, которую не успел окончить: поэт был казнен в 1529 г.

В Тебризе творил Баба Фигани (ум. в 1519 г.), которого современники называли «малым Хафизом». Фигани после взятия Тебриза османами переселился сначала в Абивард, где стал постоянным посетителем кабаков, а перед смертью прибыл в Мешхед, где перед гробницей имама Резы покаялся в грехах.

XV век богат историческими трудами на персидском языке. После указанных в предыдущей главе историков Тимура, писавших в начале столетия, можно назвать Абд ар-Раззака Самарканди (1413–1482), автора огромного труда «Матла ас-саадайн ва маджма ал-бахрайн» («Место восхождения двух светил и место слияния двух морей»), который в первой части основан на сочинении Хафиз-и Абру, а во второй является его продолжением (изложение событий доведено до 1470 г.). Но наибольшей известностью (не вполне заслуженной) из историков XV в. в последующие времена пользовался Мирхонд (1433–1498), живший и творивший в Герате при дворе Хусейна Байкары. Его перу принадлежит огромная компиляция «Раузат ас-сафа» («Сад чистоты») типа всеобщей истории. Лишь последние части этого сочинения представляют относительный самостоятельный интерес.

Написанный изысканным, даже вычурным языком, труд Мирхонда был очень популярен в Иране, Индии, Средней Азии, дошел в большом числе списков, а с появлением книгопечатания выдержал ряд литографированных изданий. Очень рано он стал известен и в Европе (в извлечениях). Внук Мирхонда, Хондемир (1475–1536), продолжил традицию деда, создав четырехтомный свод по всеобщей истории «Хабиб ас-сийар» («Друг жизнеописаний»), в котором наиболее интересные разделы относятся уже к первому Сефевиду — Исмаилу I.

Живший в Герате Доулетшах составил сборник биографий персидских поэтов «Тазкират аш-шуара», источник ценный для изучения и поэзии, как таковой, и различных сфер жизни иранского общества XV в.

Нельзя обойти и локальную историографию. В Иране она появилась уже в X–XI вв., и одним из ее первых образцов была «Тарих-и Кум» («История Кума»), составленная на персидском языке, но с большим числом арабизмов. В XIII в. написал свою «Тарих-и Табаристан» («История Табаристана») Ибн Исфендийар. Его продолжателем в XV в. стал Захир ад-дин Мар'аши, автор «Тарих-и Табаристан ва Руйан ва Мазандеран», доведенной до 1476 г. Местные исторические труды создавались и в других исторических областях Ирана, но наибольшее их число сохранилось именно по южноприкаспийским областям. Любопытно, что в XII — XIV вв. делались попытки сделать литературным мазандеранский язык, а также гилянский и язык азери (иранский в Южном Азербайджане). На последнем писал предок Сефевидов, шейх Сефи ад-дин (ум. в 1334 г.). Но большого развития эти языки не получили, и большинство авторов, выходцев из соответствующих областей, использовали персидский язык.

Большого расцвета в XV в. получило персидское искусство миниатюры. Своими корнями оно явно уходит в домусульманские традиции, поскольку ислам, как известно, запрещал изображение живых существ и тем более человека. В настоящее время известны образцы персидской миниатюры XII и последующих веков. Миниатюра послемонгольского времени, в том числе и эпохи Тимуридов, испытала на себе влияние и китайской миниатюры. Это видно и по особенности исполнения, и по типам людей, изображенных на миниатюрах. Но наибольшего расцвета исскуство миниатюры в Иране достигло в XV–XVII вв. Одним из величайших его мастеров считался Бехзад (ум. в 1533 или 1536 г.). Сохранилось довольно много его миниатюр в рукописях XV–XVI вв., в том числе и в наших (петербургских) хранилищах (в рукописи «Лайла и Маджнун» Амира Хосроу Дехлеви, в 1829 г. привезенной в Петербург в составе знаменитой библиотеки Сефевидов при гробнице в Ардебиле). Любопытно, что Бехзад в своем творчестве не только пытался использовать традиции иранской миниатюры, но и обращался к европейским художникам эпохи Возрождения. Сохранилось несколько копий Бехзада с картин Джентиле Беллини. В XV в. существовали две школы иранской миниатюры — в Герате и в Тебризе. Гератская школа начала свою деятельность при Шахрухе, когда вокруг его сына Байсункара объединился научно-художественный кружок, ставивший целью, в частности, и сохранение культурного наследия Ирана. Именно с Байсункаром связана попытка отредактировать «Шахнаме» Фирдоуси, которую, однако, нельзя во всем признать удачной; Байсункарова редакция этого произведения постепенно почти вытеснила из рукописной традиции прочие его списки.

Архитектурных памятников XV в. довольно много, лучшие их них — в бывших столицах Тимуридов и Кара Коюнлу и Ак Коюнлу (Герате, Тебризе), а также в некоторых других крупных городах Хорасана и Центрального Ирана. Соборная мечеть в Мешхеде, носящая имя жены Шахруха, Гаухар-шад, построена в 1418 г. архитектором Кавам ад-дином Ширази и является одним из наиболее прекрасных памятников средневековой иранской архитектуры. При Джехан-шахе в Тебризе была воздвигнута Синяя мечеть, облицовка которой (сама мечеть в полном виде не сохранилась), выполненная голубым и синим фаянсом, поражала красотой и современников, и представителей более поздних поколений.

Великолепные постройки XV в. сохранились в Исфагане, Куме и других городах Ирана.

ТИМУР И ТИМУРИДЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В 1365 г. правитель Балха эмир Хусейн и Тимур на берегу р. Чирчик близ Ташкента потерпели серьезное поражение от войска *джетэ* («разбойники»), как именовали в богатом земледельческом Мавераннахре кочевых монголов. Последние во главе с ханом Моголистана осадили Самарканд.

Сербедары Самарканда, взявшие власть в городе в свои руки, во главе со студентом медресе Маулана-задэ, старостой квартала трепальщиков хлопка Абу-Бекром и Мауланой Хурдук-и Бухари (именуемым «лучником» и «храбрым человеком знатного происхождения») организовали оборону города. Монгольское войско отступило. В самом Самарканде обострились противоречия среди сербедаров, наиболее радикальные элементы которых осуществляли, видимо, насильственные экспроприации имущества состоятельных горожан.

Не решаясь напасть на Самарканд, находившийся во власти «мятежников», эмир Хусейн и Тимур учинили расправу сначала над их главарями, зазвав в свой лагерь якобы для вручения грамот, подтверждающих их права как законных правителей. Подчиненный затем Самарканд стал, согласно договоренности между союзниками, владением эмира Хусейна наряду с Балхом. Тимур повелевал Кешем (позднее известен как Шахрисабз). Спустя, однако, несколько лет (апрель 1370 г.) войска Тимура овладели Балхом (крепость его была отстроена эмиром Хусейном, к неудовольствию Тимура). Сам эмир был схвачен и убит по приказу Тимура, крепость разграблена, а город отдан на разграбление победителям. На курултае, или собрании военачальников и знати племен, созванном здесь же, в Балхе, Тимур принял титул «Эмир сахиб-кирана» («Эмира, обладающего счастливым сочетанием звезд»). В соответствии с почитаемой Тимуром монгольской традицией ханом (номинально) был провозглашен Союргатмыш, чингисид и потомок Угедея. Следующим номинальным ханом после смерти последнего в 1388 г. стал его сын Махмуд, умерший в 1402 г. Преемником его Тимур никого не назначил, но продолжал чеканить монету с именем султана Махмуда; имя его как правителя упоминалось также в хутбе (пятничной молитве), а подпись ставилась под издававшимися ярлыками и жалованными грамотами.

Своей столицей Тимур сделал Самарканд и, как сообщает историк Гийяс уд-дин Али, «ввел в сферу своей власти весь Мавераннахр», «привел в порядок дела» этой области, так что здесь «не осталось места смятениям».

Основную социальную опору Тимура представляла знать племен и сами племена, освобожденные от всех повинностей, кроме «налога кровью», т.е. военной службы. Для расширения базы своей власти он привлекал на свою сторону всякого рода пожалованиями и льготами местных крупных землевладельцев, мусульманское духовенство, богатых купцов. За приверженность исламу и шариату в ущерб «Закону» («Ясе») Чингис-хана он обрел славу ревностного поборника религии. Правда, в самом государстве его далеко еще не были изжиты ни язычество, ни многие обычаи монголов. Сохранялся кочевой — или полукочевой — быт, воины

Тимура носили по старинке косы, а при дворе самого правителя, вопреки мусульманским канонам, устраивались пиры, на которых присутствовали также дочери и жены правителя; на стенах дворцов изображались батальные сцены, героями которых были его сыновья и внуки. Языком историографии, делопроизводства, дипломатической переписки был фарси. Но прочно сохраняли свои позиции и тюркский и монгольский языки. По свидетельству посла кастильского короля Руис Гонсалеса де Клавихо, Тимур всегда держал при себе также «несколько писцов, которые читают и умеют писать письменами могали».

Заинтересованная в завоевании новых земель, племенная военная аристократия, ставленником которой был Тимур, поддерживала его экспансионистскую политику.

Непрерывные войны, неизменно сопровождавшиеся разорениями областей и городов, жестокими кровопролитиями и массовыми убийствами мирных жителей, стали главным средством укрепления вновь образованного полукочевого государства. «Все пространство населенной части мира не стоит того, чтобы иметь двух повелителей» — слова, которые приписываются «повелителю мира».

В огромном войске, инструменте войны (оно насчитывало 100 или 200 тыс. воинов), главную силу представляла конница, набиравшаяся из племен. Воины были вооружены луками, мечами, кривыми саблями, метательными копьями, палицами; снаряжение их включало также щит, латы, шлем. При осаде городов использовались камнеметные, стенобитные и другие орудия, обслуживаемые главным образом представителями оседлых народов, таджиков, служивших в пехотных частях. Войско имело фланги, центр (здесь, как правило, находилась войсковая ставка — *боргах*), авангард, перед которым выстраивалось сторожевое охранение — *канбул*, нередко завязывавшее сражение. Различные соединения имели одежду разного цвета. Разведка доставляла сведения о передвижении противника. Огромный обоз сопровождал войско. Здесь были *юртчи* (устанавливавшие юрты), повара, ремесленники, торговцы, банщики, располагавшиеся на определенных «улицах». Согласно кочевой традиции, в обозе находились семьи воинов вместе с их имуществом и скотом. Судя по некоторым смутным показаниям источников, Тимур ввел некие новшества и в саму тактику ведения боя, хотя в целом он продолжал традиции монгольского военного искусства.

Первый завоевательный поход за пределы Мавераннахра был предпринят Тимуром в 1381 г. в Хорасан. Поводом послужило обращение к нему правителя хорасанского государства сербедаров, опасавшегося народных масс и искавшего защиты от своих врагов. Тимур назначил своего наместника в Себзеваре, столице хорасанских сербедаров. Спустя два года здесь началось новое их восстание, но теперь уже против Тимура. Появившись у города, Тимур разрушил крепость и жестоко расправился с «мятежниками»: две тысячи человек были заживо замурованы в стенах выстроенных им новых башен. Примерно тогда же были подчинены Герат, Систан, Кандагар. К середине 80-х годов был покорен также Северный Иран. В 1386 г. жертвой его стал и Тебриз, незадолго до того разграбленный ханом Золотой Орды Тохтамышем. Огнем и мечом прошли воины Тимура по Закавказью, после чего в 1387 г. он повел их на юг Ирана, где была занята столица Музаффаридов — Исфахан. К 1393 г. фактически весь Иран, после подавления ряда народных восстаний, оказался во власти Тимура.

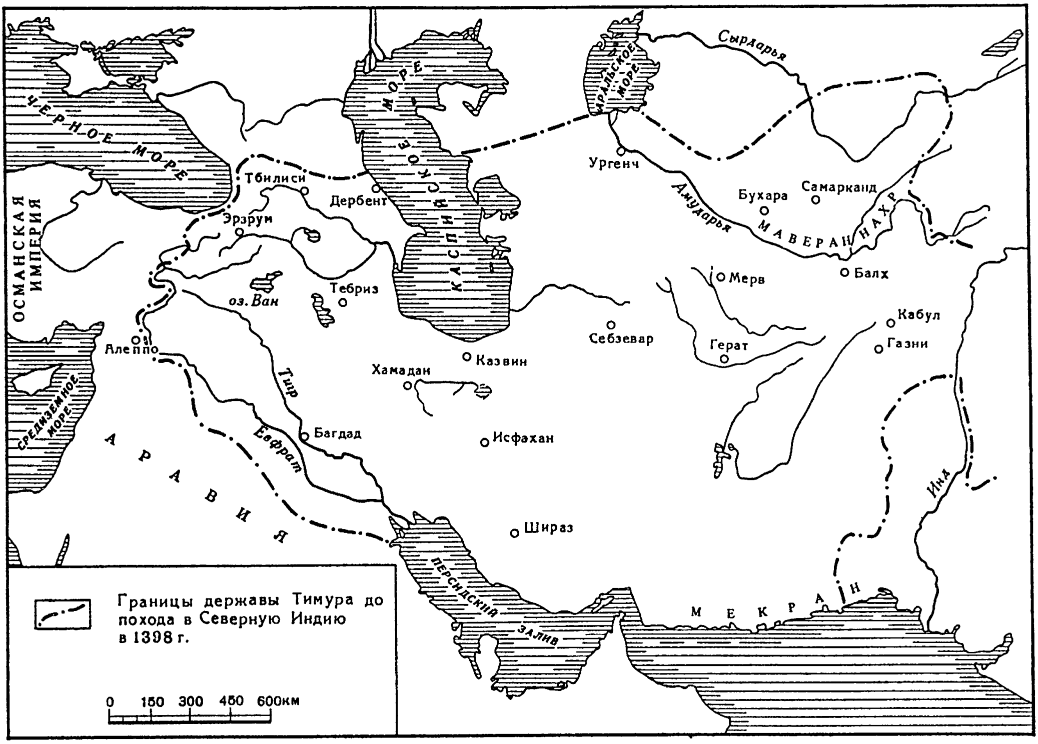


Рис. 19. Держава Тимура в конце XIV в.

Завоеванию Ирана предшествовал ряд походов в Туркестан. Упорной и кровопролитной была борьба между Тимуром и Тохтамышем, который, воспользовавшись разгромом Мамая в Куликовском сражении (1380 г.), с помощью Тимура овладел Золотой Ордой. Тимур нанес крупные поражения Тохтамышу в 1391 и 1395 гг., приведшие к его низложению. Еще в 1393 г. Тимуровы орды овладели Багдадом. В конце 1398 — начале 1399 г. был предпринят индийский поход, завершившийся захватом Северной Индии вместе с г. Дели. В 1401 г. была подчинена часть Сирии. Все это не могло не привести к противостоянию Тимура турецкому султану, претендовавшему на доминирование в странах и областях к северу и западу от Ирана. В 1402 г. произошла битва при Анкаре, где Тимур наголову разбил войска султана Баязида Ансари, взятого им в плен.

Огромная империя Тимура представляла конгломерат стран и племенных территорий. Развитые феодальные отношения сосуществовали с разлагавшимися родо-племенными; традиции многовековой таджико-персидской государственности — с находившимися в процессе становления тюрко-монгольскими раннефеодальными, «варварскими» структурами; области древней земледельческой культуры — рядом со степью, где кочевой быт и формы хозяйствования сохраняли большую устойчивость. Как писал Руис Гонсалес де Клавихо, «у этих людей, которые живут в палатках и других жилищах, нет ничего, кроме палаток, и они зимою и летом ходят по полям.

Летом они идут в те места, где есть вода, и сеют хлеба, хлопок... И царь со всем своим войском тоже ходит по полям летом и зимою».

Отсутствие цивилизационного единства и экономических связей исключало возможность создания централизованного государства со сколько-нибудь четкой системой административно-налогового управления. Часть завоеванных земель оставалась во владении прежних более или менее крупных феодалов, согласившихся служить покорителю. Другая передавалась его приспешникам, военачальникам. Чрезвычайная аморфность государства была важной причиной появления института *союргал* (монг. «пожалование»). Как земельное владение (а в союргал могли передаваться деньги, одежда, оружие) союргал был аналогом позднего иранского икта, или, по существу, военным леном. Пожалованное им лицо пользовалось правами налогового и административного иммунитета. Документально это устанавливается лишь для более позднего времени, для эпохи Тимуридов, когда этот институт получил максимальное развитие и широкое распространение. Нет оснований, однако, сомневаться, что и земельные пожалования Тимура — «вечные союргалы», предоставлявшие *тарханство* (в частности, налоговый иммунитет), — были аналогами союргала эпохи его многочисленных преемников. Часть земли оставалась в распоряжении государства (*заминха-и мамлака*); это могли быть отдельные округа и даже земельные участки, вкрапленные в общинные владения. Распространенной категорией землевладения был *милк* (*мульк*), частное владение (или собственность), не обусловленное службой, передаваемое по наследству, являющееся объектом купли-продажи. Собственниками-владельцами их могли быть как феодалы, так и крестьяне, а также купцы и другие горожане. Много земли принадлежало мечетям, медресе, усыпальницам-мазарам в качестве инама (дара) или вакфа. Вакфы представляли собой земли и прочее имущество, передаваемое частными лицами в «вечное владение», но без права продажи. Такие пожалования стали особенно многочисленными в годы нестабильности, анархии и усобиц, как это было в XV в. Лица, пожаловавшие вакф, и их потомки часто оставались его управителями (*мутавалли*) и получали свою долю дохода. Благотворительные вакфы находились в ведении назначаемого государством садра, имевшего в своем распоряжении штат чиновников.

Доходы всех категорий феодальных собственников проистекали от ренты, взимаемой с крестьян. Последние были представлены как мелкими общинными владельцами земли (общины-*джамаат* упоминаются, в частности, в вакфной грамоте от 1383 г., единственном дошедшем до нас от времени Тимура документе), так и издольщиками. Издольная аренда имела место главным образом на мульковых землях (феодалов и общинников) и землях мусульманских религиозных учреждений; общинное владение сохранялось преимущественно на доменных землях государя и землях союргальных и других условных пожалований. В сельском хозяйстве использовался также труд рабов (главным образом пленников), положение которых, по существу, было положением крепостных. Число их при Тимуре благодаря его непрерывным войнам значительно возросло как в Мавераннахре, так и в других частях его империи. Так, историк XV в. Доулат-шах писал, что после похода Тимура в Индию Хорасан был в такой степени «насыщен» индийскими рабами, что стал «вторым Индостаном».

Крестьяне кроме ренты (*мал*, *харадж*) или ренты от аренды (*харадж с иджара*) были обременены большим числом «незаконных», но общепринятых повинностей и сборов в пользу чиновников. Тяжелым бременем был

постой иностранных послов и гонцов, направляемых властями из одного конца империи в другой, с изъятием продовольствия и всего, «что было им необходимо». По словам Клавихо, едва завидев «царских слуг», жители деревень и городов «бежали, точно дьявол гнался за ними».

Сбором налогов было занято специальное ведомство (диван), главой («эмиром») которого Тимур назначил одного из своих сподвижников — эмира Давуда. Практика назначения представителя военной знати главой административно-налогового аппарата была явлением обычным в средневековых государствах Востока, поскольку этот аппарат носил репрессивный характер. Власть главы дивана распространялась прежде всего на Мавераннахр. Правители же завоеванных Тимуром областей, им и назначенные, имели часто собственный штат чиновников, с помощью которого изымали назначенные к уплате суммы, по существу — дань, размер которой определялся довольно произвольно.

Стекавшиеся в казну огромные налоги, более или менее регулярно поступавшая дань, контрибуции, налагаемые на покоренное население различных стран, позволили Тимуру и некоторым из его приспешников тратить большие средства на благоустройство городов Мавераннахра. В Самарканде была сооружена крепость, проложена большая торговая улица, утопавшая в садах, строились дворцы и мечети. Отстраивавшийся некрополь Шах-и Зинда — комплекс мавзолеев феодальной знати и членов семьи Тимура — должен был стать местом паломничества. Величие столицы были призваны подчеркнуть располагавшиеся вокруг селения, названные как крупнейшие города Востока — Багдад, Дамаск, Мисր (Каир), Шираз, Султанийа. В Самарканд стекались не только материальные ценности. Сюда депортировались из завоеванных стран архитекторы и живописцы, ученые, поэты, ремесленники. «Какие страны он ни покорял, — писал Клавихо, — отовсюду приводил людей, чтобы они населяли город и окрестную землю».

Пленники-ремесленники работали главным образом на дворцовых стройках и в мастерских. Около тысячи пленных мастеров, по словам Клавихо, в дворцовых оружейных мастерских «делали латы, шлемы, луки и стрелы и круглый год работали на него (Тимура)».

За счет ограбленных народов осуществлялось в Мавераннахре и благоустройство сельской местности, в частности проведение оросительных каналов. Историк и географ XV в. Хафиз-и Абру приводит названия 20 каналов, 9 из которых носили имена военачальников и сановников Тимура. Богатая земледельческая округа Самарканда снабжала город не только продовольствием, но и сырьем (прежде всего хлопком) для ремесленного производства.

Самарканд, Шахрисабз и другие города Мавераннахра богатели также и на транзитной торговле. Через них проходили важнейшие торговые магистрали — из Китая и Индии в страны Ближнего Востока и Европы. В развитии этих связей были заинтересованы не только торговцы, но и знать тюрко-монгольских кочевых и полукочевых племен и представители местной землевладельческой знати. Участвуя в прибыльной торговле, владея в городах землей, базарами, караван-сараями, феодальная знать здесь господствовала безраздельно. Ремесленники — свободные мелкотоварные производители — и купцы, облагаемые высокими налогами и повинностями в пользу казны или отдельных феодалов, были бесправны. Представительные учреждения горожан и городское право, известные по истории средневекового европейского города, в Средней Азии, как и

повсюду на Востоке, полностью отсутствовали. Города, как и деревни, вместе с их доходами передавались государем в качестве пожалования царевичам и военачальникам.

Завоевательные войны Тимура привлекали к нему внимание европейских государей, видевших в нем возможный противовес растущей мощи турок, которые в 1389 г., одержав победу на Косовом поле в Сербии, захватили эту страну и Болгарию, угрожали Венгрии и Константинополю. С призывом о помощи против турок к Тимуру обращались регент Византии и генуэзский правитель Галаты (предместье Константинополя). Со своей стороны, Тимур отправил посольства с подарками в Геную и Византию, а в письмах к французскому королю Карлу VI Валуа и английскому королю Генриху IV, написанных после победы при Анкаре в 1402 г., извещал об этом событии европейских венценосцев. В письмах содержались также слова о пользе развития торговых связей. В ответном письме (сохранившемся в архивах Франции) Карл VI выражал удовлетворение по поводу победы над турками и надежду на установление более тесных торговых связей.

Два посольства, в 1402 и 1403/04 гг., были отправлены ко двору Тимура королем Кастилии Генрихом III; последнее — во главе с Руисом Гонсалесом де Клавихо, оставившим дневник своего путешествия.

После победы над султаном Баязидом Тимур устремил взор на Восток, на Китай, с правителями которого из династии Мин сложились у него недружелюбные отношения. В историях, писавшихся при жизни Тимура и по его заданию, минского императора насмешливо величали «тонгуз-хан», т.е. «царь-свинья». Минский император, считая себя преемником чингисидов Юаней, требовал от Тимура оказания ему всяческого уважения и выплаты дани. Последняя (как это было, например, в 1387 г., когда были отосланы в Китай 15 лошадей и 2 верблюда) была символической. В 1404 г. Клавихо писал, что уже семь лет, как дань императору не отсылается. Поздней осенью того же года огромное войско Тимура выступило с целью «истребления идолопоклонников» на китайской земле. Холодная зима 1404/05 г. решила участь этого похода и стала роковой для самого «покорителя мира». Прибыв в местечко Оттар, Тимур умер в феврале 1405 г.

После его смерти началась борьба за власть между членами его дома, владельцами уделов и правителями областей, которые не признали Пир-Мухаммада, внука Тимура, назначенного им своим преемником. Империя, созданная ценой кровопролитных войн и террора, быстро распадалась. Хорасан, Герат, Кандагар и Кабул в междоусобной борьбе достались сыну Тимура, Шахруху, который сделал своей столицей Герат и правил в 1405–1447 гг., подавляя время от времени восстания афганцев. Самарканд стал яблоком раздора между ним и внуком Тимура, Халил-Султаном. Одержав победу над ним, Шахрух назначил правителем Самарканда своего сына Улугбека; другого сына, Ибрахим-Султана, сделал правителем Балха. Уделы в Мавераннахре от Шахруха получили и другие царевичи тимуриды, которые время от времени проявляли неповиновение Улугбеку, оспаривали друг у друга земли и титулы. В Азербайджане и Западном Иране, где при Тимуре правил его сын Миран-шах (убит в сражении в 1408 г.), утвердились сначала Джелаириды, затем огузы Кара-Коюнлу («Черные бараны»), которые распространяли свою власть также и на Армению и Арабский Ирак. В 1435 г. Шахрух нанес крупные поражения Джехан-шаху Кара-Коюнлу, признавшему себя его вассалом.

Шахрух стремился к укреплению своих позиций и в Мавераннахре и время от времени вмешивался в происходившие там события, в частности в борьбу с кочевыми узбеками, государство которых возникло на осколках Золотой и Белой Орды. Захватив часть Хорезма и распространив свою власть до берегов Сырдарьи, они совершали набеги на Мавераннахр и Северный Иран.

В стремлении укрепить свою власть Шахрух опирался преимущественно на таджико-персидскую землевладельческую знать, в частности на гражданскую бюрократию. Тесные узы связывали его с мусульманским духовенством, например шейхами суфийского ордена накшбендие. Это снискало ему славу идеального мусульманского государя. Обычаи и нормы, предписываемые монгольской Ясой, в его правление были преданы забвению.

Герат, столица Шахруха, стал важным культурным центром. Здесь жили художники, ученые, историки. Им покровительствовал сын и фактически соправитель Шахруха Байсункар, который основал гератскую Китаб-хана («Библиотека»), где работали философы, каллиграфы, миниатюристы. Памятники архитектуры Герата этого времени отличают черты влияния архитектуры Самарканда времен Тимура.

Герат поддерживал торговые связи с Самаркандом и другими городами Средней Азии. Его правитель прилагал усилия для укрепления связей с Китаем, с которым обменивался посольствами. В 1441–1442 гг. состоялось, согласно повелению Шахруха, посольство в Индию Абдарразака Самарканди, описавшего свое путешествие из Ормуза в Виджаянагар, откуда было отправлено ответное посольство.

Славой культурного центра пользовался далеко за пределами Мавераннахра его главный город Самарканд. Наукам и искусствам покровительствовал Улугбек. Он не был ни крупным государственным деятелем, ни удачливым и талантливым военачальником. Известно, что в 1427 г. он потерпел сокрушительное поражение от узбеков. Положение спас прибывший на помощь Шахрух. В последующие 20 лет своей жизни Улугбек не предпринимал крупных военных операций. Действия отрядов, которые он время от времени посылал против узбеков или монголов из Моголистана, не были успешными.

Но Улугбек как крупнейший ученый-астроном и математик и основатель самаркандской обсерватории опередил свое время и остался в веках. Великий поэт и государственный деятель Алишер Навои писал: «Все сородичи Улугбека ушли в небытие. Кто о них вспоминает в нашей время? Но Улугбек протянул руку к наукам и добился многого».

В основе астрономических работ Улугбека, в частности его астрономических таблиц («Зидж Улугбека»), как и ряда представителей его школы, лежит геоцентрическая система мира. Заслугой его является открытие решения алгебраических уравнений третьей степени. Большое значение для развития науки и культуры имело основанное им в Самарканде медресе, ставшее рассадником знаний. В медресе и обсерватории работали известные математики Кази-задэ Руми, Гийяс уд-дин Джемшид и др. Слушать лекции Улугбека и других прославленных мудрецов в медресе приезжали ученые и поэты из многих городов Востока. Одним из них был выдающийся поэт Абдуррахман Джами (1414–1492). Свои познания в астрономии, географии, поэтике и истории совершенствовал здесь и Алишер Навои. Славой научных центров пользовались также медресе в Бухаре и Гиджуване.

При Улугбеке продолжал застраиваться в Самарканде Шах-и Зинда, завершались работы по сооружению одной из монументальных мечетей Востока — Биби-Ханым, начатой еще при Тимуре. При дворе Улугбека находили покровительство писавшие на фарси и староузбекском языках историки (Лутфулла Хафиз-и Абру, Али ибн Мухаммад Джурджани), известный медик Нафис, мастер поэтического жанра касиды Саккаки и другие поэты.

В 1447 г. умер Шахрух. Его смерть обострила во владениях Тимуридов борьбу различных групп. В ней принимал участие и Улугбек. Одолев претендентов на наследие Шахруха, Улугбек, узнав о новом набеге узбеков, дошедших до ворот Самарканда и грабивших селения его области и области Бухары, устремил свой взор на собственные владения и с большим трудом отвоевал Мавераннахр.

Однако против него зрело недовольство знати — военачальников, мечтавших о легких победах и богатой добыче, фанатичного суннитского духовенства, вступивших в сговор с сыном Улугбека, Абдуллатифом. Конфликт дошел до вооруженного столкновения: осенью 1449 г. у селения Димшик близ Самарканда Улугбек потерпел поражение, сдался на милость собственного сына и вернулся в город. Совет самаркандской знати с благословления и при активной позиции духовенства вынес решение о том, что Улугбек должен отправиться в паломничество к святым местам в Мекке. Покинув Самарканд, Улугбек достиг берега р. Аб-и Сабух, где и был предательски убит заговорщиками (25 октября 1449 г.), а обсерватория его в городе — разгромлена.

Во второй половине XV в. происходила ожесточенная борьба между тимуридскими султанами и принцами-мирзами. Большей стабильностью отличалась власть султана Хусейна Байкары в Герате. Он покровительствовал художникам, поэтам, ученым. Его везиром был Алишер Навои. Связи между Гератом и Самаркандом значительно ослабели. Правители их были заняты раскрытием придворных заговоров и расправами, защитой престола от посягательств многочисленных претендентов. Борьба тимуридов осложнялась все растущей опасностью со стороны кочевых узбеков. Присырдарьинские города оказались под властью их предводителя Мухаммада Шейбани-хана. К его помощи решил прибегнуть самаркандский правитель Байсункар-мирза для защиты Самарканда от посягательств других тимуридов — владельца Бухары султана Али-мирза, брата Байсункара, и правителя Ферганы Захируддина Мухаммада Бабура, которые осадили Самарканд. Взвесив обстоятельства, Мухаммад Шейбани-хан ушел в Туркестан. В конце 1497 г. Бабур, ставленник андижанских беков, занял Самарканд, но лишь на 100 дней. Не чувствуя свое положение здесь прочным, он покинул Самарканд, ставший опять яблоком раздора враждующих партий. Воспользовавшись этим, Мухаммад Шейбани-хан в 1500 г. почти без боя овладел Самаркандом и учинил расправу над многими тимуридами. В конце того же года у стен самаркандской крепости вновь появился Бабур, взявший город во второй раз. Но уже весной следующего, 1501 г. его войско потерпело сокрушительное поражение от Шейбани-хана на берегу р. Зеравшан. Самарканд после четырехмесячной осады был вновь взят узбеками. Еще одна удавшаяся попытка Бабура покорить Самарканд была предпринята после гибели Мухаммада Шейбани-хана (1510 г.) при поддержке иранского шаха, основателя династии Сефевидов Исмаила I (1502–1524). Однако, поняв, что ему не удастся здесь удержаться, Бабур отступил в Хисар, а после поражения иранского войска под

Гиджуваном навсегда покинул Мавераннахр. Теснимый врагами, он направился в Кабул, а оттуда двинулся в Северную Индию, где им была основана династия Моголов, известная в Европе как династия Великих Моголов. Таким образом, лоскутная империя Тимура, центром которой был Мавераннахр, оказалась эфемерной и фактически не пережила ее создателя. В Мавераннахре утвердились узбеки Шейбаниды.

ДЕЛИЙСКИЙ СУЛТАНАТ В XIV в.

К концу XIII в. борьба тюркских маликов *шамси* и *балбани* за преобладание в Делийском султанате подорвала их могущество. На политическую арену вышла новая группировка военно-феодальной знати, возглавляемая тюрками-хильджи. Стоявший во главе этой группировки Джалал уд-дин, человек преклонного возраста, в 1290 г. короновался султаном Дели, положив начало правлению династии Хильджи. В 1292 г. ему удалось нанести поражение монгольскому отряду во главе с внуком ильхана Хулагу Абдуллой. Опасаясь, однако, новых нашествий монголов, Джалал уд-дин не решался встать на путь завоевания новых земель. Его единственное крупное военное предприятие — поход на раджпутскую крепость Рантхамбхор — не было удачным и вызвало недовольство военачальников. Против него был организован заговор, во главе которого стоял племянник и зять Джалал уд-дина — Ала уд-дин Хильджи.

Предательски убив в 1296 г. султана, он надел корону на собственную голову. В стремлении сплотить своевольных эмиров он осуществлял завоевательную политику. В 1297 г. были отправлены войска в Гуджарат; богатый торговый город и порт Камбей и столичный город Анхильвара были взяты и разграблены; в руки завоевателей попали сокровища известного индуистского храма в Сомнатхе.

Правитель Гуджарата из династии Чаулукьев бежал в Девагири. В последующие годы не прекращались набеги на раджпутские княжества и крепости.

В конце XIII — начале XIV в. участились набеги монголов. В 1297–1298 гг. в область Лахора вторглось 100-тысячное их войско. В следующем году двести тысяч монголов, перейдя р. Инд, приблизились к столице. Жители окрестных деревень укрылись за городскими стенами, заполнили улицы, рынки, мечети. Ала уд-дин вышел из Дели и дал бой монголам в его предместьях. Они отступили, но уже в 1303 г. монгольские отряды вновь появились под стенами города. Султан не рассчитывал на войско, только недавно вернувшееся из похода, и предпочел отсиживаться в Дели в ожидании подкрепления. После нескольких месяцев грабежей и разбоя кочевники сами покинули Индию. Набеги повторились в 1306 и 1308 гг., но были отражены войсками султана и его военачальников.

В процессе борьбы с монголами Ала уд-дин предпринял меры, направленные на укрепление боеспособности армии. Это позволило Ала уд-дину значительно расширить свои владения за счет территорий к югу от гор Виндхья. В 1307 г. его военачальник Малик Кафур, обращенный в ислам индус, захватил Девагири, правитель которого стал данником Ала уд-дина. В 1309 г. тот же Малик Кафур захватил столицу Какатьев г.Варангал (в Телингане) и обложил раджу данью. Среди вывезенных им сокровищ был знаменитый бриллиант Кох-и нур. В 1311 г. неутомимый Малик Кафур

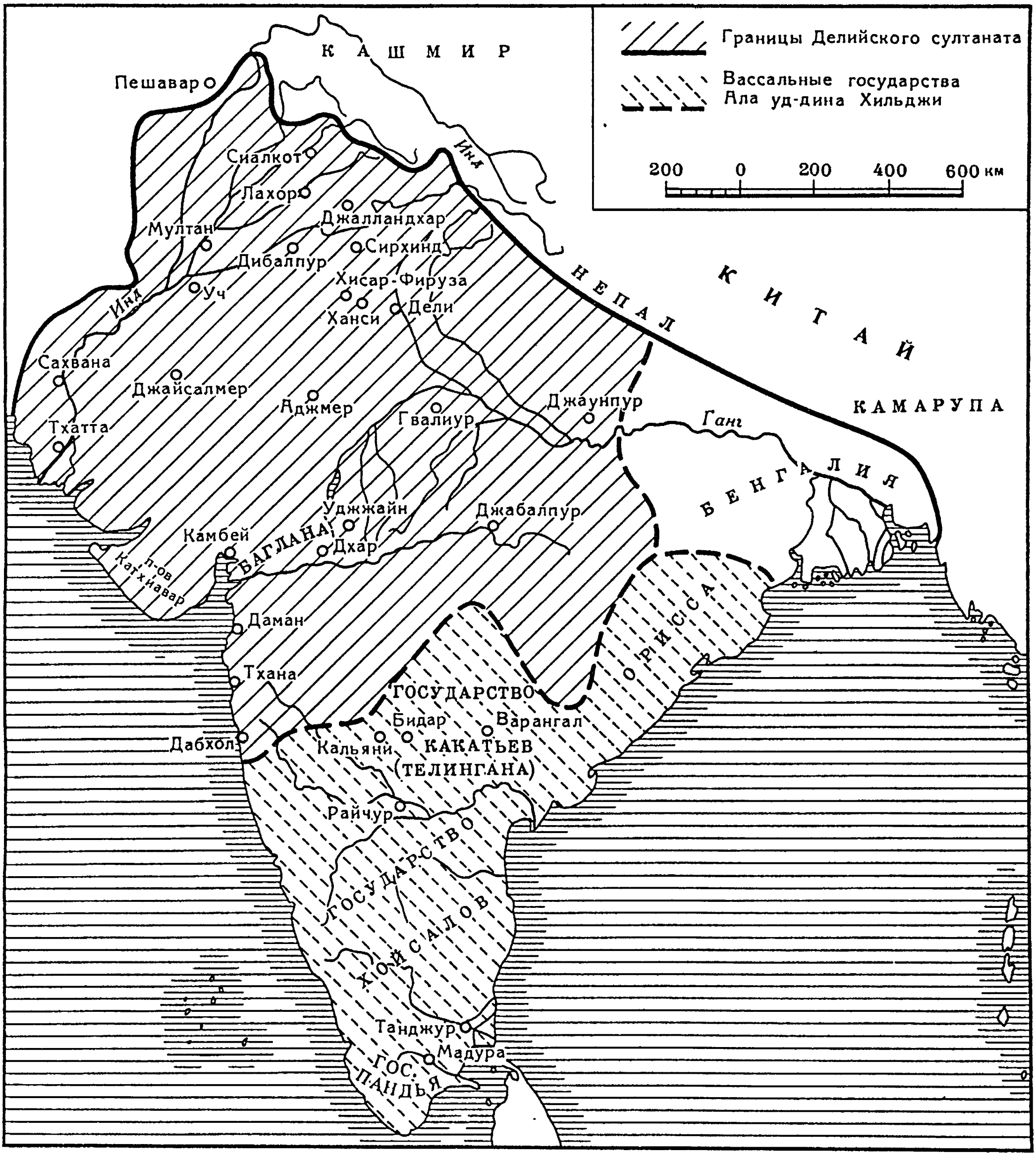


Рис. 20. Индия в 1315 г.

появился у столицы Хойсалов — Дварасамудры, а спустя еще некоторое время двинул войска далее на юг и напал на владения Пандьев на крайней оконечности п-ова Индостан. На монетах Ала уд-дина было отчеканено имя султана, провозглашавшегося «Александром Вторым».

Однако под непосредственным контролем султана была только бо́льшая часть Северной Индии, включая территории современных Синда, Пенджаба, Уттар Прадеша и Гуджарата. Инд служил западной границей Султаната, за пределами которой лежали земли независимых племен. На

восток владения Ала уд-дина простирались не далее Варанаси. Бенгалия управлялась независимыми владетелями. Раджастхан никогда не был полностью завоеван; некоторые раджпутские князья были лишь данниками султанов. На Декане только Девагири управлялся ставленниками султана. Земли, захваченные Маликом Кафуром в Южной Индии, платили более или менее регулярную дань.

Ала уд-дин (1296–1316) в целях укрепления государства с его многообразным в этноконфессиональном отношении населением, как свидетельствует историк Барани, имел намерение создать некую общую для мусульман и индусов религию, сам же претендовал на миссию пророка и основателя новой веры, которая, по словам историка, была призвана облегчить ему покорение мира. Возможно, что именно в правление Ала уд-дина правящей в Султанате верхушке удалось наладить регулярное поступление поземельного налога — хараджа. Размер его на землях короны — *халиса* — был определен в половину урожая. Согласно предписанию, в области Дели и Доабе харадж следовало платить натурой. Это, видимо, вносило изменение в существовавшую до этого практику, когда налог взимался в деньгах или в смешанной форме. Над чиновниками фиска был установлен строгий контроль. Укрывательство собранных средств и хищения строго карались: чиновников подвергали побоям, годами держали в заключении. Своим приближенным султан запретил устраивать пиры, пить вино, навещать друг друга, заключать по своему выбору браки, дабы воспрепятствовать заговорам и мятежам. Город и область наводнили шпионы, обязанные сообщать о настроении подданных, о замышлявшихся покушениях на власть и беспорядках.

Важной мерой, преследующей укрепление центральной власти, была задуманная Ала уд-дином реформа — замена икта денежным жалованьем. Для перевода воинов на денежное содержание было необходимо обеспечить стабильные и невысокие рыночные цены на необходимые им товары. С этой целью была проведена регламентация цен на пшеницу, ячмень, сахар, масло, ткани, также на лошадей и рабов. Специальный чиновник — контролер рынка — со свитой всадников объезжал базары столицы и следил за тем, чтобы никто не продавал товары по ценам, превышавшим установленные. Осведомители должны были выявлять всех, занимающихся «спекуляцией».

Проведение реформы предполагало накопление в султанских амбарах больших запасов зерна для того, чтобы выбросить его в годы недорода на городские рынки, равно как и насытить их в нормальные годы. Ответственность за доставку в столицу полученной в качестве налога натуры была возложена на купцов-*каравани*, которые вместе с семьями были поселены в деревнях по берегу р. Джамны. За их деятельностью должны были наблюдать специальные чиновники. Земледельцам (*райатам*) разрешалось продавать тем же купцам зерно, остававшееся после уплаты хараджа. Последовательное осуществление реформы Ала уд-дина было невозможно в условиях господства натурального земледельческого хозяйства и плохих коммуникаций.

Тирания и жестокость султана восстановили против него различные социальные слои, и Ала уд-дину пришлось пережить крушение собственной политики и честолюбивых замыслов. Его сын, Кутб уд-дин Мубарак-шах (1316–1320), начал правление с отмены всех реформ отца. Он возвратил конфискованные в халиса деревни и земли улемов (мусульманских богословов) и других земельных собственников — маликов. Люди, по

словам историка Барани, были избавлены от суровости Ала уд-дина; никто не боялся более услышать: «Делайте это и не делайте того, говорите так, а не эдак, это прячьте, а это нет, ешьте то и не ешьте это, продавайте это, но это не продавайте».

Правление Мубарак-шаха было непродолжительным. Он был убит своим военачальником Хосроу-ханом. Как и Малик Кафур, последний был обращенным в ислам индусом и повторил некоторые из его крупных военных предприятий в Южной Индии. Захватив власть, Хосроу-хан не сумел удержать ее. Группировка тюркской военно-феодальной знати во главе с мукта Дибалпура Маликом Гази разбила его войско; Хосроу-хан был схвачен и обезглавлен. Его победитель вступил на престол под именем Гийас уд-дина (1320–1325), положив начало правлению династии Туглаков; одиннадцать представителей ее находились у власти до начала XV в.

Административные реформы, задуманные и, возможно, осуществлявшиеся Гийас уд-дином, имели целью упорядочение сбора налогов, фиксацию прав мукта, а также чиновников и считавшихся таковыми представителей общинной верхушки и мелких феодалов-индусов. Свои войска султан посылал в Бенгалию, Ориссу, Варангал. В 1325 г. его сын Джауна-хан устроил близ Дели пышный прием отцу, возвращавшемуся из похода в Бенгалию. Во время церемониального марша слонов рухнул непрочно сработанный деревянный павильон, под обломками которого оказался погребенным Гийас уд-дин. Многие, видимо, считали тогда, что смерть была уготована султану его сыном, лично руководившим всеми приготовлениями к торжественной встрече. Именно эту версию излагает арабский путешественник Ибн Баттута, проживший несколько лет в Дели в дни правления Джауна-хана, короновавшегося под именем Мухаммад-шаха Туглака (1325–1351).

Он получил в наследство огромное государство. Султанские наместники правили в городах и областях, удаленных от Дели на многие сотни и даже тысячи километров. Видимо, стремлением укрепить свою власть на Декане было продиктовано перенесение Мухаммад-шахом в 1328 г. столицы из Дели в Девагири, переименованный в Доулатабад, город, бывший ключом к богатым княжествам и городам Юга. Спустя некоторое время, в 1337 г., султанский двор вновь обосновался в Дели.

Мухаммад-шах продолжал завоевательную политику своих предшественников, для чего он собрал огромную армию. Это потребовало введения дополнительных к хараджу сборов-*абваб* (букв. «статьи»), резко ухудшивших положение земледельцев, бросавших земли и укрывавшихся в лесах.

Некоторые крупные военные предприятия султана — в область Нагаркота (Пенджаб) и Караджал (предгорья Гималаев) — не принесли ему успеха. Особенно крупная неудача постигла его в Караджале (1341 г.). Хотя местный правитель согласился на выплату дани, отход стотысячной султанской армии обернулся ее гибелью. Горные племена, заняв проходы, захватили войсковой обоз; обрушив на султанских воинов град камней и отравленных стрел, они перебили их. Оставшиеся в живых долго скитались в горах. В столицу вернулось лишь несколько человек.

В 30–40-х годах от Султаната отложились Бенгалия и Варангал. Девагири и многие другие отдаленные от Дели территории были охвачены мятежами. Они подавлялись с большой жестокостью, и султан получил прозвище Хуни («Кровавый»).

Не доверяя многим из эмиров, Мухаммад-шах предпринял попытку создать новую знать, обязанную целиком ему своим возвышением. На ответственные должности были назначены «низкорожденные» индусы — цирюльник, садовник, сын ткача и т.д., что еще более ожесточило тюркских эмиров.

Последние годы жизни Мухаммад-шах провел в Тхатте (Нижний Синд) в тщетной попытке усмирить мятеж местного правителя-индуса. В 1351 г. он умер от приступа лихорадки. И тогда знать возвела в войсковом лагере на престол его пожилого родственника (дядю) под именем Фируз-шаха (1351–1388). Он начал свое правление с решительных расправ над многочисленными руководителями и последователями религиозных сект, учение которых находило отклик среди демократических слоев. Одновременно были снижены или упразднены многочисленные налоги. По свидетельству историка Афифа, Фируз-шах «отменил все поборы, не дозволенные шариатом, а те, что были предусмотрены, уменьшил».

Новый султан попытался вернуть некоторые из утраченных территорий. Поход в Ориссу и длительная осада Нагаркота (1361 г.) вынудили владетелей этих земель признать себя вассалами султана. Ценой огромных расходов и больших потерь удалось подчинить Тхатту; правда, едва султанское войско оставило ее пределы, как вновь восстал один из местных владетелей. Не имели успеха походы Фируз-шаха в Бенгалию. Эта богатая область оставалась во власти тюркских военачальников и мелких местных феодалов.

В течение своего долгого правления султан был фактически марионеткой в руках военачальников и приближенных. Уступки, на которые он шел, привели к значительному росту их привилегий и влияния, что, видимо, и было важной причиной усиления в конце его правления центробежных тенденций. То в одной, то в другой области вспыхивали мятежи; при дворе не прекращались интриги и заговоры.

Своим наследником и соправителем Фируз-шах назначил сына, Мухаммад-хана. Однако могущественная группировка среди тюркской знати провозгласила наследником внука Фируз-шаха, Гийас уд-дина. В 1388 г. умер Фируз-шах, а вскоре был убит и Гийас уд-дин. Началась острая борьба за власть. На троне Дели быстро сменяли друг друга отпрыски династии Туглаков, поддерживаемые той или иной группировкой. Последним из Туглаков на престол вступил Насир уд-дин Махмуд-шах, один из внуков Фируз-шаха. При нем начался подлинный распад государства. В 1394 г. от Дели отпали земли по среднему течению Ганга: в Джаунпуре объявил себя независимым правителем евнух Малик Сарвар, присвоивший себе титул «Султан уш-шарк» («Султан Востока»). Основанная им династия правила до 1479 г. Из-под контроля Дели вышел и Гуджарат, где независимым правителем стал наместник области, Музаффар-хан, положивший начало династии Танк, или Ахмад-шахи.

Усиление центробежных тенденций имело в основе своей рост могущества феодалов-мукта, наблюдаемый на протяжении всего XIV века, за счет увеличения их личной доли в прибавочном продукте переданных в икта деревень в ущерб доле государства, поступавшей в виде налога или шедшей на содержание войска мукта. Согласно установлениям Гийас уд-дина Туглака, доля мукта, считавшаяся его личным жалованьем, должна была составлять примерно $^1/_{20}$ — $^1/_{10}$ объема налога. Однако из контекста источника следует, что мукта, эмиры и правители областей-*вилайетов*

присваивали произвольно средства, предназначавшиеся на содержание воинов. Это могло вызывать определенные санкции со стороны фиска.

Наблюдаемая в XIV в. тенденция к росту экономического благосостояния мукта стала особенно выраженной при Фируз-шахе. Учитывая «большие расходы мукта», писал Афиф, султан освободил их от *хидмета* (букв. «служба»), т.е. обязательного прежде подношения султану (помимо уплаты со своих икта *махсула* — налога) дорогих коней и оружия, слонов, верблюдов, украшений из золота и серебра.

Самый принцип отчетности мукта нередко нарушался ими, и чиновники дивана, опасаясь могущественных представителей знати, «допускали упущения в проверке счетов икта», не вызывали в диван их делопроизводителей. Нарушения и злоупотребления со стороны мукта оставались безнаказанными. При Ала уд-дине средством контроля над доходами и расходами мукта была инспекция их войска; важным элементом ее считалось клеймение лошадей проходивших инспекцию воинов. Благодаря этому ограничивалась возможность всякого рода комбинаций, бóльшая часть которых сводилась к тому, что мукта содержали меньшее число всадников, чем это полагалось на доходы предоставленных им икта. При Фируз-шахе инспекция войска производилась крайне нерегулярно из-за неявки мукта, что не вызывало, однако, никаких санкций. De facto или с одобрения верховного правителя многие икта при Фируз-шахе превратились в обеленные (иммунитетные) в налоговом отношении владения. Служебные земельные владения, свободные от обложения в пользу государства и жалуемые представителю феодальной знати, назывались *инамом* (дар), по аналогии с иммунитетными владениями религиозных учреждений и представителей духовного сословия.

Рост экономического могущества мукта был связан также и с усилением лежавшего на податном сословии, и прежде всего общинном крестьянстве, налогового бремени. Мы не знаем точно, какую долю крестьянского урожая изымали в качестве хараджа. Известно лишь, что введение Ала уд-дином налога в размере половины урожая было мерой чрезвычайной и разорительной. Побои, тюремное заключение и прочие жестокости, пишет Барани, применялись, чтобы заставить «индусов и мусульман платить налоги». Преемник Ала уд-дина, Мубарак-шах, «избавил народ от тяжелых налогов и жестоких поборов, а насилия, истязания, заключение в кандалы и темницы, побои были устранены из практики диван-и везарета... а установления и приказы Ала уд-дина упразднены».

Налоговая политика Гийас уд-дина Туглака была также достаточно умеренной. Особым указом от запретил взимать харадж, «превышающий десятую, одиннадцатую часть урожая». Большим облегчением для налогоплательщиков было соблюдение правила, согласно которому чиновники учитывали потери в урожае и в соответствии с этим уменьшали размер налога. В интересах налогоплательщиков было султанское предписание не допускать «в дела, касающиеся областей, барышников (*муваффиран*) и откупщиков (*мукатаа гиран*)».

Нужда в средствах для ведения крупномасштабных войн заставила следующего правителя, Мухаммад-шаха Туглака, резко увеличить налоговое бремя, что коснулось прежде всего столичной области и Ганго-Джамнского двуречья, где были введены абвабы. Высокие налоги стали причиной того, что области оскудели, возделывание земли полностью прекратилось: «Крестьяне (раийаты) отдаленных областей, прослышав о разорении крестьян Доаба, из страха, что с ними может приключиться то

же самое... бежали в джунгли. Из-за сокращения посевов в Доабе, разорения крестьян, уменьшения числа приходящих караванов начался страшный голод. Цены на зерно поднялись». В довершение всего в течение нескольких лет стояла засуха, и «от голода погибли тысячи тысяч людей».

Обстоятельства вынудили Мухаммад-шаха декларировать, как свидетельствует Ибн Баттута, некоторые налоговые послабления. Однако бремя налогов, видимо, оставалось тяжелым. Неудивительно, что преемник Мухаммад-шаха, Фируз-шах, как уже говорилось, начал свое правление с отмены многих налогов.

Организованному феодальному разбою противостояла община как форма организации земледельческого населения.

Сведения об общине в Делийском султанате, как и позднее, при Моголах, практически отсутствуют. Только на основании некоторых более ранних источников и главным образом позднейших данных, учитывая консервативный характер общины, можно воссоздать ее структуру в так называемый мусульманский период, в частности в XIV в.

Можно предполагать, что в Индии в XIV в. существовали различные типы общин — от родовой до сельской. Труднодоступные горные долины и земледельческие оазисы в джунглях населяли племена и кланы, находившиеся на различных стадиях разложения родо-племенных отношений. Это — тхатты в Синде, хохары, мина, бхати в Пенджабе, меры в Двуречье и Мальве и т.д. Однако, по всей видимости, преобладающим типом была кастовая община как модификация сельской. Верхний слой ее был представлен высокими и средними землевладельческими кастами (раджпуты, джаты, кунби и др.), а низшие слои — неприкасаемыми. Как можно судить по некоторым данным источников, пахотная земля находилась в индивидуальном владении отдельных семей, а луга и другие угодья — в коллективном. Землевладельцы в своеобразном своде законов «Фикх-и Фируз-шахи», составленном во второй половине XIV в., рассматриваются как собственники земли, которая может переходить от одного налогоплательщика к другому путем купли-продажи. Существовало значительное неравенство земельных участков и имущественное расслоение среди землевладельцев-налогоплательщиков.

Община включала различные не только имущественные, но и социальные группы. К социальным низам относились *балахары*, которых Барани противопоставляет общинным верхам (*хута*). По мнению ряда исследователей, балахары были неприкасаемыми. Однако факт уплаты ими хараджа свидетельствует, видимо, о том, что они могли приобретать статус налогоплательщика. *Хута* упоминаются в «Истории» Барани в одном ряду с *мукаддамами* и *чаудхри* в контексте налоговых реформ правителей. Очевидно, что это были представители феодализирующейся общинной администрации, старшины деревень или округов, выступавшие посредниками между общинными землевладельцами и государством или мукта. Хута, мукаддамы, чаудхри имели в своем распоряжении освобожденные от налогов земли. Кроме того, они облагали в свою пользу других общинников. Налоговые установления Ала уд-дина об уплате хараджа в размере половины урожая были распространены и на представителей этой элиты, в результате чего «хута из привилегии хути не осталось ничего». Гийас уд-дин Туглак проводил более умеренную политику в отношении общинной верхушки. Его наказ чиновникам предписывал строго следить за тем, чтобы «хута и мукаддамы не облагали райятов в свою пользу, сверх хараджа султану. С посевов и пастбищ хута

и мукаддамов налоги не взимаются. Надо, чтобы их право тем и ограничивалось...»

Думается, однако, что все попытки ограничения прав общинной верхушки не могли приостановить процесса ее феодализации, превращения в низшее звено феодального класса и феодальной государственной администрации. Однако процесс этот не был завершен в XIV в., поэтому общины оставались очагами сопротивления феодалам, хотя кастовая и социальная стратификация общины, естественно, снижала ее антифеодальные потенции.

Расправы не снимали социальной напряженности. Это вынуждало феодальные власти маневрировать, идти на уступки — снижать одни, упразднять другие налоги, что обеспечило относительно благоприятные условия для хозяйственной деятельности.

Источники XIV в. позволяют составить некоторое представление об экономике Делийского султаната, прежде всего — Северной Индии. Широкое распространение имело неполивное, богарное земледелие, зависящее от муссонных дождей. Интенсивно возделывались заливные земли по берегам больших рек. Во многих местах земледелие зависело от искусственного орошения. Широко применялся полив садов и пашен из принадлежащих частным лицам колодцев и резервуаров (*танк*), служивших также источниками питьевой воды. Значительные массивы земель были обводнены благодаря каналам, построенным при Фируз-шахе. Имея протяженность 80–90 косов (180–200 км), они шли от рек Сатледж–Джамна, Кали (Калини) к Хисар-Фируза (совр. Хисар), Ханси, Фирузабаду, окрестностям Дели.

На строительстве каналов использовался подневольный труд. Для сооружения одного из них, по данным историка второй половины XVI — начала XVII в. Бадауни, было согнано 50 тыс. человек.

Для подачи воды из источников орошения использовалось водяное колесо. Известная еще в древней Индии аргхатта была усовершенствована в средние века: приданное ей осевое приспособление позволяло для приведения в действие деревянного колеса с керамическими кувшинами использовать рабочий скот. Описанное Бабуром водяное колесо появилось, видимо, уже в предшествующий период и не было новинкой в начале XVI в.

Неполивные земли — а нередко и поливные вследствие несовершенства ирригационных сооружений, которые обеспечивали посевы водой лишь в течение нескольких месяцев в году, — страдали от засух, приносивших недород и голод.

Богатые почвы и теплый климат благоприятствовали выращиванию почти повсеместно двух-трех урожаев зерновых. Основной зерновой культурой был рис. Согласно сообщениям арабских путешественников XIV в., в Индии выращивался 21 сорт риса. Ячмень, пшеница, джовар, грэм также были широко распространены. Много земли находилось под бобовыми — горохом, машем, мотхом, фасолью и т.д. Повсеместно культивировались всевозможные овощи (морковь, свекла, лук, спаржа, огурцы) и бахчевые (тыквы, дыни, арбузы). Источники дают длинные перечни также и выращиваемых фруктов — бананы, манго, абрикосы, гранат, мандарины, лимоны. Виноград «всех сортов», по свидетельству Афифа, выращивали при Фируз-шахе в окрестностях Дели; историк называет семь из них: черный, белый финиковый, пурпурный, читорский и др. Важной тенденцией развития земледелия в XIV в. было некоторое расширение производства технических культур — хлопчатника и сахарного

тростника. Обширные площади земли находились под пастбищами и выгонами (*харак*), что позволяло жителям деревень и городов держать в большом количестве крупный рогатый скот, овец и коз.

Важной отраслью хозяйства было ремесло, которым занимались как в деревне, где оно было преимущественно натуральным и обслуживало общину, так и в городе. Здесь ремесленники работали в собственных мастерских (или на дому), пользуясь собственным сырьем и инструментами. Они обслуживали местный рынок или выполняли индивидуальные заказы.

Другую категорию городских производителей составляли работники в принадлежавших государству мастерских-*кархана*. Создаваемая в этих мастерских, возглавляемых чиновниками, продукция поступала в распоряжение казны и шла на удовлетворение нужд двора и придворной знати. За свой труд из казны работники получали довольствие. Число таких работников, возможно, и уступало числу мелких городских товаропроизводителей, тем не менее было довольно внушительным. В одних только ткацких кархана Мухаммад-шаха Туглака работали 4 тыс. ткачей и вышивальщиков, производивших парчу и другие ткани. В кархана Ала уд-дина насчитывалось до 17 тыс. человек, в том числе 7 тыс. строителей, землекопов, глинобитчиков. Среди работников кархана были также люди и несвободного состояния.

В XIV в. увеличился объем создаваемой ремесленной продукции, расширился ассортимент тканей — грубых (их носили «бедные и дервиши») и тонких. Среди последних, которые в цене значительно превышали первые и приобретались только знатью и богатыми людьми, были известные *ширинбафт* (муслин, в XV в. этими тканями особенно славилась Бенгалия), *салахати* (ткань из Силхета), муслины из Девагири; в Дели и Коила выделывали шелковую ткань *джуз*. Золотым и серебряным шитьем славились ткачи Гуджарата. Задолго до XIV–XV вв. стали знаменитыми шерстяные ткани Кашмира. В Гуджарате, Ауде и многих других частях государства производились всевозможные хлопчатобумажные ткани и одежда.

Как устанавливает индийский исследователь И.Хабиб, прогресс в ткацком производстве XIII–XIV вв. обеспечивался внедрением прядильного колеса — *чаркха*. Известное в Иране по крайней мере с XII в., оно распространилось в Индии лишь в «мусульманский период». Впервые оно упоминается поэтом Ишами в 1350 г. Производительность прядильного колеса в 6 раз превосходила производительность веретена. Введение его должно было резко увеличить массу необходимого для ткачества сырья. Еще одним важным усовершенствованием было введение *панджана* — приспособления для расчесывания хлопка, заменившего собой простую палку. В Индии оно появляется накануне гурийских завоеваний. Сведения о нем в иранской поэзии относятся к XI в.; в Европу это приспособление проникает лишь в XIV в. О самом ткацком станке *каргах* XIV–XV вв. мало что известно. Возможно, что он мало отличался от горизонтального станка, изображаемого на могольских миниатюрах XVII–XVIII вв. Известно, что он был снабжен педалями, введенными значительно раньше, судя по санскритской лексике периода раннего средневековья.

Прогресс в производительных силах проявлял себя в становлении новой отрасли — производства бумаги. В Китае оно было известно уже на рубеже I–II вв., однако технология изготовления бумаги распространялась чрезвычайно медленно. В Бухаре и Самарканде начало выделки бумаги

можно отнести к VIII в. Видимо, именно из Средней Азии это производство было занесено в Индию где-то в XIII в. Первые индийские рукописи на бумаге были выполнены в Гуджарате в 20-х годах XIII в. О быстром распространении ее в Индии в XIV в. можно судить по рассказу Барани о том, что в конце XIII в. при султане Гийас уд-дине Балбане с бумаги смывали написанное для повторного ее использования, а в середине XIV в. в исписанную бумагу продавцы сластей заворачивали свой товар. С распространением бумаги связано появление профессиональных переписчиков книг. Впрочем, занятие их оставалось недешевым предприятием, учитывая относительную дороговизну и бумаги и чернил.

Нововведения в строительной технике, привнесенные из стран «мусульманского Востока», в частности использование в качестве цементирующего средства известкового раствора, немало способствовали изменению облика индийских городов. Важными архитектурными деталями стали арки правильной формы и купола. В качестве строительного материала широкое распространение получает кирпич. Кирпич и камень использовались при строительстве домов знати и богатых людей. В одном из таких домов в середине XIX в. во время антианглийского восстания проживал со своей семьей очевидец событий 1857 г. Мунши Дживан Лал. «Дом был построен еще в дни правления Фируз-шаха, — писал Мунши. — Он был из твердого камня и таким крепким, словно крепость». Преобладали, однако, глинобитные, крытые тростником или соломой хижины простолюдинов.

С развитием ремесла связан быстрый рост городов, что дало повод некоторым ученым говорить о «городской революции», объясняя, впрочем, этот феномен «урбанизационной политикой» тюркских и других мусульманских правителей, основавших, согласно с «традициями ислама» и в интересах управления завоеванными землями, множество крепостей. При всем значении политического фактора в градообразовании решающую роль в процессе превращения крепостей, селений, перевалочных пунктов на торговых путях и т.д. в города играла концентрация в этих различных местах ремесла, частично отделяющегося от земледелия. Встречающееся в источниках противопоставление понятий «городской» (*шахри*) и «сельский» (*рустами*) отражало представление о городе и деревне как о различных социально-экономических организмах, хотя многие города оставались полуаграрными поселениями, имевшими административные функции. Растущие города предъявляли спрос прежде всего на продовольствие, что стимулировало развитие рынков сельскохозяйственной продукции.

В городах существовали специализированные рынки — рынок тканей, зеленной рынок, манди, или рынок зерна, рынок, где продавали лошадей, рабов и скот. Нередко рынок представлял попросту торговую улицу, где находились дома и лавки ремесленников и торговцев. Сельскохозяйственная продукция попадала в город главным образом в качестве ренты-налога и только здесь превращалась в товар благодаря деятельности торгового капитала. В ходу были ассигновки на получение натурального содержания с той или иной области, которые получали, а затем продавали воины султанской армии. Часть зерна, привозимого в города, приобреталась купцами за деньги у крестьян после выплаты ими налога. Так было, во всяком случае, в начале XIV в. при Ала уд-дине Хильджи, издавшем соответствующий указ. Но султанский указ допускал доставку в Дели зерна для продажи также и самими крестьянами после уплаты ими налога на их собственных повозках ради «их (крестьян. — *К.А.*) пользы и выгоды». Это свидетельствует о существовании, пусть в ограниченных масштабах, в

сельских местностях близ больших городов крестьянских хозяйств, вывозящих свою продукцию для продажи на городские базары.

Зависимость городов от снабжения их продовольствием из деревни была столь сильной, что перебои из-за войн и мятежей в подвозе зерна и других продуктов сразу вызывали нехватку и даже голод. В годы недорода продовольственные товары становились объектом спекуляции.

Помимо рынка земледельческих товаров в XIV в. в городах сложился рынок ремесленных товаров. На рынках столицы и других городов бойко торговали тканями, керамической и металлической утварью, веревками, мылом, красителями, в частности индиго, и т.д.

Показателем развития оптовой и розничной торговли в XIV в. были рост массы и диверсификация имевших хождение монет. Симптоматично появление мелких денежных знаков. Во второй половине XIV в. Фируз-шах в дополнение к курсировавшим до того золотому танка и серебряному джиталу (примерно 50 джиталов = 1 танка) выпустил медную монету «во имя интересов простых и бедных покупателей рыночных товаров».

По свидетельству историка Фериштьі, в результате мер, принятых Ала уд-дином Хильджи против разбоев, дороги стали относительно безопасными. Индия была связана торговыми отношениями с различными странами Азии и Африки, откуда ее товары попадали в Европу. Сухопутные дороги, пришедшие в некоторый упадок в XIII в. из-за частых набегов монголов, в XIV в. вновь стали оживленными артериями, связывающими страну с внешним миром. Благодаря сухопутной торговле процветали многие города Северной и Северо-Западной Индии.

Морская торговля в XIV в. приобрела большое значение благодаря развитию техники мореходства как у индийцев, так и у их торговых партнеров — арабов, китайцев и др. Большую роль в морской торговле играли портовые города Гуджарата, Малабара и Коромнделя, где проживали как местные, так и иностранные купцы. Торговля шла лошадьми, оружием, дорогими тканями, фарфором, металлической утварью и другими предметами роскоши и быта феодальной элиты. Несколько расширился вывоз из Индии зерна (в первую очередь риса), а также хлопка, сахарного тростника и дешевых сортов тканей.

Несмотря на существование среди торгово-ремесленного населения города различных имущественных, кастово-профессиональных и конфессиональных групп, оно в феодальном обществе представляло некую социально-экономическую общность. Это определялось тем, что ремесленники и торговцы были носителями товарно-денежных отношений, и те и другие имели относительно феодалов низкий социальный статус, политически были бесправны.

Преобладающее значение в средневековом городе торговли по сравнению с ремеслом, а также накопление многими купцами, нередко занимавшимися одновременно ростовщичеством, больших денежных средств и разного рода недвижимости обусловили относительно высокий кастовый статус купцов. Уважением пользовались, в частности, купцы-мултани, банья (или баккалы), торговцы дорогими тканями — *баззазы*, менялы-*саррафы*. Верхние слои купечества нередко были приобщены к феодальной эксплуатации: имели в собственности землю и брали на откуп налоги.

Тенденция к феодализации части купечества несколько ограничивала, но не исключала антифеодальных потенций этого социального слоя. Последние обнаружили себя в учениях бхакти, ставших идеологией городской торгово-ремесленной оппозиции в XV — середине XVI в.

Кастовый статус ремесленников в XIV в. был значительно ниже, чем торговцев. Существенное ухудшение его произошло уже в период поздней древности и особенно в раннее средневековье и было связано с развитием системы «общинных услуг» и упадком древних городов. Именно в указанный период вырисовывается тенденция вывести ремесленников за пределы системы варн и числить их неприкасаемыми-*антьяджа*. Она нашла отражение в таких памятниках раннесредневековой санскритоязычной письменности, как «Медхатитхи», «Критьякалпатару» Лакшмидхары и др. Эта же тенденция представлена в сочинениях арабских и арабоязычных географов и ученых XI–XII вв. — Бируни, Идриси и др. Неприкасаемые-антьяджа, по Бируни, — это «представители профессий, не причисляемые ни к какой варне, а объединяемые только по ремеслу».

Примерно с XI–XII вв. зарождается тенденция к повышению кастового статуса ряда ремесленных каст, связанная, видимо, с ростом городов как центров ремесла, отрывом определенных ремесленных специальностей и части ремесленников от общины, превращением их из «общинных слуг» в самостоятельных мелких товаропроизводителей. Начиная с X–XII вв. многие источники большую часть ремесленных каст не называют неприкасаемыми. Едва ли не первыми повысили свой статус ювелиры, занимавшиеся скупкой и продажей драгоценных металлов, медники, привлекавшиеся феодальными правителями, знатью, храмами для гравировки текстов указов или дарственных записей на медных табличках. Повысился, возможно, и статус ткачей. Однако занятие многих ремесленных каст продолжало считаться ритуально грязным. Кузнецы, гончары, дубильщики, шорники, сапожники занимали низшие ступени в иерархии ремесленных каст вместе с городскими уборщиками нечистот, грузчиками, прачками и другими неприкасаемыми.

Особенностью города являлась многочисленность непроизводительного населения. Это было связано, в частности, с «абсентеизмом» феодалов в деревне. В столице и центрах областей и округов они проживали вместе со своими наемными отрядами, многочисленными домочадцами, челядью, включая рабов.

Город, как и деревня, испытывал на себе гнет феодала. Кроме «законного» налога с торговцев и ремесленников — закята, равнявшегося 2,5% стоимости продаваемого товара, чиновники в Делийском султанате облагали их большим числом налогов и повинностей. Так, все товары, привозимые в Дели, после изъятия в караван-сараях города закята доставлялись на казенные склады, где с них брали дополнительный сбор *дангана*. Этот «незаконный» сбор взимался как с местных, так и с иностранных купцов и, по свидетельству Афифа, приносил казне значительные доходы. Специальные сборы взимались с продажи на государственных рынках гончарных изделий, веревок, рыбы, овощей, листьев бетеля. Сбор с базарных маклеров был известен как *даллалат-и базари*. *Чунги-йе галла* представлял пошлину с ввозимого на городские рынки зерна. С каждой зарезанной коровы мясники платили 12 джиталов в качестве специального сбора *джазари*. Производители индиго должны были выплачивать *нильгари*, чесальщики хлопка — *наддафи*. Известны также сборы *роугангари* с маслобойщиков, *сабунгари* с мыловаров, *китаби* с переписчиков рукописей.

Известна и своеобразная подводная повинность — *рузи*, практиковавшаяся в Дели в начале правления Фируз-шаха. Прибывавшие со своим товаром в Дели купцы обязаны были предоставить на один день

(перс. *руз*, отсюда *рузи*) свой вьючный скот и подводы для перевозки в застраивавшийся султаном Фирузабад камней из разрушенных старых крепостей Старого Дели. По словам Афифа, ни один купец не мог избежать этой повинности, в результате чего торговцы все менее охотно стали посещать Дели, отчего цены на зерно и соль повысились.

С городского населения собирался также и *мустагал* — налог с земли под постройками. Обложение им основывалось на доктрине о государственной собственности на землю. Этим налогом, по словам Афифа, облагались даже вдовы и бедняки, не имеющие средств к существованию.

На городском населении лежало также бремя «подкармливания» чиновников государственно-феодальной администрации. С горожан взимали *котвали* в пользу градоначальника — *котвала*, *ихтисаби* в пользу цензора — *мухтасиба*, следившего за соблюдением законов шариата во всех сферах общественной жизни, судебные пошлины (*дад-беги*); налоги платили и представители «свободных профессий» — музыканты, танцоры, борцы, сказители, выступавшие на городских базарах, в домах знати и при дворе.

Функционирование торгового капитала ограничивалось регламентацией цен и феодальными монополиями.

Среди городского населения в XIV в. распространение получило сектантство как скрытая форма социального протеста. Еще Ала уд-дин в начале столетия учинил расправу над «еретиками» (*мулхид*), называвшими себя *ибахати* (бхакты?). Новые репрессии были обрушены на них в середине XIV в. при Фируз-шахе. Судя по сообщаемым источниками деталям, это была индусская секта, в которую вступали и мусульмане. Мусульманскими сектами, пользовавшимися влиянием среди торгово-ремесленного населения, были исмаилизм и махдизм. В начале правления Фируз-шаха некий Рукн объявил себя в Дели «последним Махди (мессией), посланцем бога». Он был сурово «наказан», отмечает в собственном панегирическом сочинении «Победы Фируз-шаха» («Футухат-и Фируз-шахи») августейший автор, дабы препятствовать отречению людей от ислама. Смертный приговор он вынес жителю Дели Ахмаду Бихари. Этот «одержимый безумием человек», отрицавший святость пророка Мухаммада, выступал с проповедью *дахрийа*, известного в Индии философского учения, которое утверждало идею извечности и несотворенности мира. Особенно популярны в городах были учения суфийских орденов — *тарикатов*, и прежде всего ордена чиштие, известного своими демократическими традициями. Успех теософии суфиев среди простого народа определяли проповедовавшиеся ими идеалы — человеколюбие, отрицание богатства, равенство людей перед богом, преломлявшееся в религиозном сознании как идеал общественного равенства. Последователями тарикатов становились как мусульмане, так и индусы. Тесные связи суфийские ордены имели и с представителями феодальной элиты, что было важным источником богатства многих суфийских обителей — *ханека*. Нередко шейхи орденов оказывались втянутыми в политические интриги, поддерживая те или другие феодальные группировки.

В городах происходили также открытые восстания, активными участниками которых становились низшие слои городского населения. Так было в 1301 г. в Дели, когда они поддержали тюркских эмиров во главе с Хаджи-Моула, составивших заговор против Ала уд-дина и пытавшихся возвести на трон своего ставленника. Войска, вошедшие в город для подавления восставших, имели здесь сражения с «башмачниками».

Частые городские волнения происходили при Мухаммад-шахе Туглаке. Султанские военачальники сурово расправлялись с ними. Один из карателей, подавлявший восстание в Лахоре, получил клички «дракон» и «собака султана». Сам же султан, как свидетельствует Ибн Баттута, величал его «Львом рынков».

В XIV в. в Делийском султанате продолжалось развитие индо-мусульманской культуры, основы которой были заложены в конце XII–XIII в.

Выдающимися представителями ее в жанре персоязычной историографии были историки Зия уд-дин Барани и Шамс Сирадж Афиф, авторы одинаково названных хроник «Тарих-и Фируз-шахи». Посвящая свой труд этому султану, Барани развивал свои взгляды на сущность власти и обязанности государя. Находясь под влиянием мистического учения чиштие, историк развивает идеал справедливого и заботящегося о благе народа правителя. Афиф, живя в пору распада Делийского султаната, последовавшего за индийским походом Тимура (1398 г.), в пору непрерывных переворотов и мятежей, идеализирует время правления Фируз-шаха: в каждой строке историка — тоска по утраченному порядку.

На языке фарси в XIV в. создавалась богатая поэтическая литература. В плеяде поэтов самым выдающимся был Амир Хосроу Дехлеви («Делийский») (1253–1325), один из ярких представителей культуры восточного средневековья, перу которого принадлежит огромное количество высокохудожественных произведений в стихах и прозе. Поэт известен и как композитор, положивший многие свои стихи на музыку. Одним из первых Амир Хосроу обратился к разговорному кхари-боли, который он называл хиндави или дехлави. В ранний период своего творчества поэт находился под влиянием Низами Гянджеви, в подражение «Пятерицы» которого он написал свои пять поэм, аналогичных по названию и сюжетной линии поэмам Гянджеви. Поэтический гений Амира Хосроу раскрылся сильнее в лирических произведениях — касыдах, газелях, китаа, рубайатах. Славу не только поэта, но и историка принесли Амиру Хосроу его исторические поэмы — *масневи*. Интерес представляет его прозаическое произведение «Хазаин ул-футух» («Сокровища побед»), по существу — хвалебная история правления Ала уд-дина, его военных предприятий и реформ. Подобно многим другим представителям феодальной интеллигенции своего времени, Амир Хосроу находился под сильным влиянием суфийских идей. В произведениях поэта нашли отражение многие суфийские идеалы, в частности принципы суфийской этики — идеи о необходимости любви к людям и творения добра.

Известными пероязычными поэтами XIV в. были Хасан Дехлеви, современник Амира Хосроу, и деканец Ишами, многие произведения которого являются первоклассными источниками по истории Султаната во второй четверти XIV в.

Наряду с литературой, исторической и художественной, на фарси в XIV в. продолжалось развитие зародившейся в конце I — начале II тысячелетия литературной традиции на новоиндийских языках (кроме тамилоязычной, история которой уходит в древность, и урдуязычной, лишь начавшей складываться после XIV в. под сильным влиянием фарси). Литература на новоиндийских языках не сразу вытеснила литературу на санскрите. На последнем продолжали писать многие авторы, известные одновременно как сочинители произведений на новоиндийских языках (например, известный поэт Видьяпати Тхакур). Известны блестящие образцы литературы на санскрите, такие, как созданная в Бенгалии в XII в.

и оказавшая влияние на развитие литературы на ряде новоиндийских языков «Гита-говинда» Джаядевы, в основе которой лежат взятые, видимо, из «Бхагавата Пураны» легенды о боге Вишну, явившемся на землю в образе Кришны. В XIV в. на санскрите была записана также «Повесть о плутах» Харабхадры.

В архитектуре городов возобладал индо-мусульманский, или делийский, стиль. Для развития монументального искусства, в частности дворцово-крепостного зодчества, большое значение имело освоение новых для Индии конструктивных методов перекрытия пространства между стенами. Едва ли не самая характерная деталь мусульманской культовой архитектуры (воспринятая также и гражданской) — обширный купол на барабане цилиндрической формы, который устанавливался на квадратное в плане здание (радиус окружности основания цилиндра определялся размерами восьми- или шестнадцатиугольника, вписанного в квадрат), — была заимствована из строительной практики мусульманского Востока. Заимствована была и веерообразная кладка кирпичей и камней, с помощью которой достигался изгиб, что делало возможным сооружение арок и сводов, пришедших на смену плоским оконным и дверным перемычкам в сооружениях более раннего времени.

Запрет ислама на изображение человека и животных в культовых сооружениях был распространен и на гражданские. Результатом этого было вытеснение скульптуры, столь характерной для индусской архитектуры, из монументального строительного искусства «мусульманского» периода.

Строгим архитектурным строениям индо-мусульманского стиля придавали нарядность сталактиты и балконы, укреплявшиеся на консолях, но главным образом — резьба по камню. И здесь на смену богатому цветочному орнаменту индусского зодчества пришли формализованные изображения растений, строгий геометрический орнамент, стилизованная вязь арабских канонических надписей. Однако в витиеватой резьбе по камню угадывается рука индусских художников и резчиков. Завитки цветков, вьющиеся листья, свисающие кисти, круг — мотивы, столь характерные для индусского орнаментального искусства, — не оставляют сомнения в том, что создателями многих шедевров индо-мусульманского стиля были индусы.

В XIV в. в Дели поблизости от Лал Кота, резиденции первых султанов, и Килукхари, где был дворец Гийас уд-дина Балбана и его внука Кейкубада, появились дворец и крепостной ансамбль Сири Ала уд-дина Хильджи, затем Туглакабад — город-крепость Гийас уд-дина Туглака, Джеханпаннах — дворец Мухаммад-шаха, наконец, крепость Фируз-шах Котла. Близ этой крепости по сей день сохраняется двухъярусный семипролетный акведук с водонапорными башнями для подачи воды. Замечательными памятниками архитектуры славятся многие другие города Индии. К числу их следует отнести крепость в Гульбарге, сооруженную в 40-х годах XIV в.

В 1398 г. на берегах Инда появились полчища Тимура. Еще до создания в Средней Азии своего государства в 1370 г., когда Тимур объявил себя эмиром улуса Джагатая (Чагатая), он стал известен как жестокий усмиритель народных восстаний, в частности мощного движения сербедаров в Мавераннахре. Расправляясь с антифеодальными и освободительными антимонгольскими выступлениями, Тимур сплотил вокруг себя наиболее реакционные элементы феодального класса Средней Азии. В целях упрочения своей власти он стремился примирить интересы кочевой монгольской и оседлой таджикской знати путем организации завоева-

тельных и грабительских войн широкого масштаба. Огнем и мечом прошли войска Тимура по городам и селениям Туркестана, Афганистана, Ирана, Закавказья, Южной России, Месопотамии, Сирии.

«Индийский поход» авторы хвалебных историй Тимура изображали, как и другие его походы, священной войной — *газават*. Этому походу предшествовало появление передового отряда под командованием принца Пир-Мухаммада у стен Мултана и взятие этого города. Судьбу Мултана разделили Таламба и некоторые другие города. В 1398 г., объединив свои силы, Тимур и Пир-Мухаммад захватили Аджудхан и Дибалпур и подошли к крепости Бхатнаир; они подвели к ее стенам осадные машины, сделали подкопы. Жители оказали упорное сопротивление. «Гебры-язычники», т.е. индусы, предали огню своих жен, детей, имущество, «люди же, считавшие себя мусульманами, отрезали головы женам и детям, словно баранам». «И обе эти группы объединились и соединились, приготовились к отчаянной битве». 11 ноября 1398 г., несмотря на упорство горожан, крепость была взята. Дворец, укрепления, городские строения были сожжены и сровнены с землей, «так что от них не осталось и следа. Ты сказал бы, что в этой стране вовсе не было живой души и не было никакого [человеческого] приюта и убежища».

Превращая в «кучи золы и мусора» города и крепости, Тимур прокладывал путь к Дели. 17 декабря на берегу Джамны между его войском и силами Насир уд-дина Махмуд-шаха произошло сражение. Султан укрылся за городскими стенами, а ночью бежал из Дели в Гуджарат, где нашел приют у своего бывшего мятежного наместника, впоследствии — Музаффар-шаха. Султанский вазир скрылся в г. Баране. И тогда «сайиды, великие люди, судьи и знать [Дели], собравшись, вышли из города и пришли в лагерь Тимура, прося, чтобы он пощадил жителей». И «Тимур пощадил жителей». 18 декабря в городе была прочтена хутба с упоминанием имени Пир-Мухаммада. Но спустя 10 дней вошедшие в Дели войсковые отряды учинили «повальный грабеж». Солдаты брали в плен жителей города. У многих было до 150 пленных, «даже самый последний солдат имел 20 пленников». Все, кто оказывал сопротивление, были перебиты, кровавые расправы происходили в разных частях города. «Сделанные из голов индусов башни достигали предельной высоты, а тела их стали пищею для диких зверей и птиц». В течение нескольких дней через городские ворота выводили пленных, в том числе камнетесов и других мастеров-ремесленников. К ним особый интерес проявлял сам Тимур, имевший намерение использовать их для строительства мечети в Самарканде.

Оставаться в разграбленном и опустошенном городе не имело смысла. 1 января 1399 г. войско начало движение в северном направлении. В Дели же в течение двух последующих месяцев после ухода Тимура, по словам историка, «даже птица не пошевелила крылом». Его войска заняли и разграбили еще несколько областей и городов в Северо-Западной Индии, в том числе Мирут, Кангру, Джамму. В марте 1399 г. Тимур перешел р. Инд и вскоре покинул пределы Индии, оставив после себя горы трупов и пепелища.

Нашествие Тимура на Индию нанесло роковой удар власти правителей Дели из династии Туглаков и привело к торжеству феодальной раздробленности и анархии.

ДЕЛИЙСКИЙ, БАХМАНИДСКИЙ И ГУДЖАРАТСКИЙ СУЛТАНАТЫ В XV в.

Политическая карта Северной Индии и Декана в XV в. отличалась чрезвычайной пестротой. В Дели после ухода из города орд Тимура возобновилась борьба за власть между отпрысками династии Туглаков. Вернувшийся сюда из Гуджарата Насир уд-дин Махмуд-шах не пользовался реальной властью. В 1413 г. он умер, не оставив, по-видимому, наследников. Его приближенные возвели на престол одного из придворных — Доулат-хана. Но уже в следующем году Дели был осажден Хизр-ханом. Потерявший еще в 90-х годах свои владения, Хизр-хан, скитаясь в поисках удачи, в 1399 г. присоединился к отходившим из Индии войскам Тимура и сопровождал его до пределов Кашмира. И тогда занятые Тимуром Мултан и Лахор были отданы Хизр-хану, назначенному Тимуром своим наместником. В 1414 г. он предпринял успешный поход на Дели, положив начало правлению династии Сайидов, хотя сам Хизр-хан официально не короновался султаном. Его власть распространялась на область Дели, двуречье Ганга и Джамны и Пенджаб. Походы против «неверных» раджей укрепили власть Хизр-хана в означенном регионе.

Его сын Мубарак-шах в течение ряда лет также не принимал титула султана, не чеканил монеты на свое имя и продолжал платить вассальную дань тимуридскому правителю Кабула. В 20-х годах XV в. Мубарак-шах предпринял несколько походов против феодалов-индусов Двуречья и некоторых других близлежащих к столице областей. Напряженную борьбу он вел с племенем хохаров в Пенджабе, с правителями Мевата, объявившими себя династией Ханзада, с феодальными владетелями Бианы и Гвалиура.

В результате заговора мусульманской знати Мубарак-шах был убит (1434 г.). При посаженном знатью на трон Мухаммад-шахе выдвинулся Бахлул-хан Лоди, один из военачальников-афганцев на службе Сайидов. По свидетельству историка Ахмада Ядгара, он подарил последнему Сайиду, Ала уд-дину Шах-Аламу, 30 округов, с тем чтобы тот назначил вазиром его креатуру. Беспомощный султан, о котором в насмешку говорили: «Власть Шаха Алама («Повелителя мира») — от Дели до Палама» (Палам — местечко в нескольких километрах от Дели), стал жертвой еще одного заговора, принесшего корону Бахлул-хану (1451 г.).

Еще в XIII–XIV вв. афганские военачальники, возглавлявшие отряды своих соплеменников — всадников и пехотинцев, служили при дворе делийских султанов и их наместников, пользовались почетом, занимали высокие посты. Афганцы-лоди расселялись главным образом в Южном, Центральном и Восточном Пенджабе, а также в округах Уттар-Прадеша.

Бахлул-шах (1451–1489), придя к власти, чтил многие патриархально-демократические обычаи своего племени. Он был прост в обхождении, не терпел пышности при дворе, во время аудиенций не садился на трон, а спускался на ковер и сидел в окружении приближенных. Считаясь с притязаниями афганской знати и других мусульманских военачальников, он раздавал им щедрые земельные пожалования. Время его правления прошло в войнах за расширение пределов Султаната. В 1479 г. он захватил столицу мусульманской династии Шарки — Джаунпур, или «Индийский Шираз», как называли город, известный своими поэтами и учеными. Многие раджи и мятежные эмиры выразили Бахлулу свое повиновение.

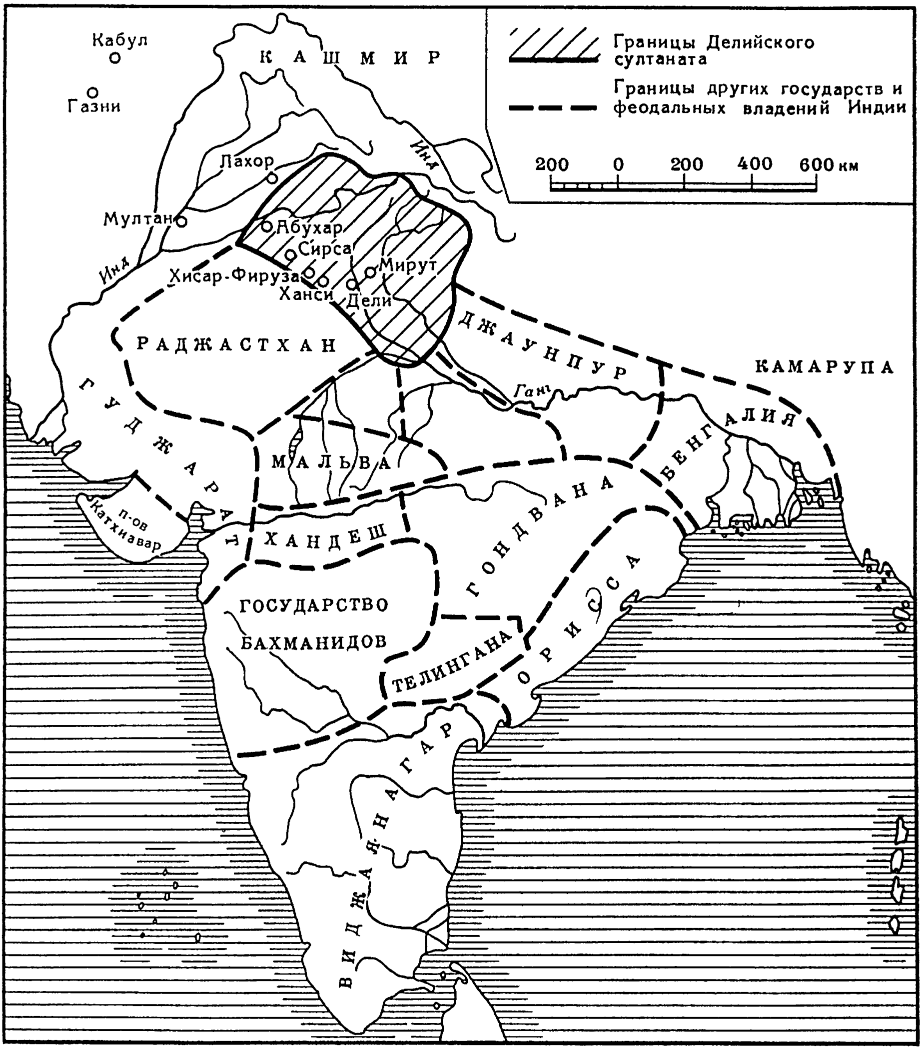


Рис. 21. Индия в начале XV в.

Его сын Сикандар-шах Лоди (1489–1517) пошел на дальнейшие уступки феодалам, освободив их от опеки государственного фиска и, по существу, отказавшись от доходов государства на пожалованных в лен территориях. Одновременно он пытался держать в подчинении наместников и вассальных князей, создал довольно четко действовавшую службу информации. В 1504 г. Агра, небольшое поселение на берегу Джамны, имевшее крепостцу, стало наряду с Дели резиденцией султана и одновременно удобной стратегической базой для военных предприятий против непокорных феодалов двуречья Ганга и Джамны.

Большим влиянием при Сикандаре пользовались афганские военачальники. Их притязания пытался обуздать наследник Сикандара Ибрахим-шах Лоди (1517–1526), провозгласивший, что у падишаха нет родичей, а

только подданные и слуги. Афганские эмиры, которым некогда разрешалось сидеть на ковре в присутствии султана, теперь должны были стоять у трона со скрещенными на груди руками. Многие могущественные эмиры Сикандара потеряли при Ибрахим-шахе земельные владения и влияние.

Крупным военным предприятием султана были его походы против князей Гвалиура и Мевара. Индусский правитель Гвалиура Викрамадитья, который в течение многих лет оказывал сопротивление правителям Дели, Гуджарата и Малвы, был вынужден признать себя вассалом Ибрахим-шаха. Богатая добыча была захвачена султанскими войсками в Меваре, раджпутскому князю которого также было нанесено серьезное поражение.

Ни победы султана, ни жестокие расправы его с непокорными не способствовали прекращению мятежей феодалов. В своей ненависти к тирании Ибрахим-шаха некоторые из них даже установили связи с правившим в Кабуле тимуридом Захир уд-дином Мухаммадом Бабуром, убеждая его прийти в Индию и суля ему здесь легкую победу. В 1526 г. Ибрахим-шах был разбит в битве при Панипате Бабуром, ставшим в Индии основателем новой династии — Моголов.

Власть делийских султанов на Декане южнее гор Виндхья не была долговечной. Уже в 40-х годах XIV в., т.е. спустя три-четыре десятилетия после, казалось, блистательных походов военачальников Ала уд-дина Хильджи к богатствам Юга, Декан был охвачен мятежами. Мухаммад-шах Туглак потратил немало средств и сил, чтобы привести к покорности деканских эмиров. Казалось, это ему удалось. Но, едва покинув Декан, он узнал о том, что один из бывших военачальников провозглашен мятежными эмирами суверенным правителем под именем Абу Музаффара Ала уд-дина Бахмана (1347 г.).

Первоначально его владения ограничивались собственным икта — Мубаракабадом и несколькими округами. Вскоре ему удалось подчинить ряд областей и городов, принадлежавших князьям-индусам и мусульманам-мукта, бывшим ленникам делийских султанов. Среди захваченных земель были Аккалкот (переименованный в Сайидабад), крепость Кальяни (Фатхабад), Бидар. Своей столицей основатель династии Бахманидов сделал Гульбаргу, переименовав ее в Ахсанабад. Северной границей его обширного государства стала река Тапти, южной — река Кришна; с запада на восток государство простиралось от побережья Индийского океана до пределов Ориссы.

Мусульманская знать в султанате Бахманидов была малочисленна. Это определило политику правящей верхушки, которая учитывала земельные и другие притязания местной индусской знати. В соответствии с этой политикой индусское население было освобождено от взимавшегося ранее подушного налога *джизии*. Дабы удовлетворить честолюбие поддерживавших его эмиров, Ала уд-дин Бахман разделил государство на четыре наместничества (*тараф*), поставив во главе каждого из них влиятельного своего военачальника.

При преемнике Ала уд-дина, Мухаммад-шахе I Бахмане (1358–1375), была проведена административная реформа, вдохновителем которой выступил главный министр и тесть султана Сейф уд-дин Гури, автор трактата, излагавшего взгляды феодально-чиновной знати на обязанности верховного правителя, привилегии различных групп господствующего класса. Созданная система управления оставалась почти неизменной до последних дней Бахманидского султаната.

Столичный *тараф* — Гульбарга (с включением Биджапура) — был под управлением наиболее приближенного к султану вельможи, получавшего титул *малик-и наиб* (наместник правителя, государя). В крупные города назначались градоначальники — *котвалы*; огромная армия чиновников во главе с *вазир-и кулл* (главным министром) и *амир-и джумла* (заведующим финансами) ведала налогами; главный судья и распорядитель имуществом духовных учреждений был известен как *садр-и джахан*.

На протяжении всей своей истории Бахманидский султанат вел войны с соседним южноиндийским государством Виджаянагар. Яблоком раздора было богатое двуречье Кришны и Тунгабхадры. В бахманидской армии уже появилось огнестрельное оружие — мушкеты и артиллерия, завезенные служившими при бахманидском дворе европейскими наемниками. Это произошло на 80 лет раньше, чем в Виджаянагаре, и на 40 лет ранее, чем в Бенгалии.

Однако это обстоятельство еще не сообщило бахманидской армии решающего перевеса, и борьба велась с переменным успехом. В 1422 и 1435 гг. войско Виджаянагара дважды перешло границы Бахманидского султаната. Бахманидская армия в 1422 г. во главе с султаном Шихаб уд-дином Ахмадом (1422–1436) отогнала противника и перенесла действия на его территорию. В 1435 г. реорганизованная армия Виджаянагара вновь вторглась в пределы Султаната и дошла до Биджапура и Сагара, но в конце концов была вынуждена отступить.

Борьба с Виджаянагаром осложнялась для Бахманидов внутренними неурядицами, вызванными соперничеством двух феодальных группировок мусульманской знати — *декани*, или потомков давнишних поселенцев-мусульман на Декане, и *афаки* (букв. «чужеземцы»), которые были недавними поселенцами. Противоборство декани и афаки приняло форму религиозной вражды, поскольку последние были главным образом шиитами, а декани — суннитами. Декани были обеспокоены растущим влиянием афаки, к числу которых принадлежал могущественный *вакил-и салтанат* Махмуд Гаван, некогда купец, прибывший в Индию из Ирана по торговым делам и поступивший на службу к султану Хумаюну (1457–1461), отдававшему предпочтение афаки. Влияние Махмуда Гавана усилилось при двух малолетних преемниках Хумаюна. Блеск и пышность двора вакил-и салтаната впечатлила прибывшего в Бидар в 1470 г. русского путешественника Афанасия Никитина. «А у Меликтучара (*малик ат-туджжар*, или „князь купцов“, — другой титул Махмуда Гавана. — *К.А.*) каждый день за стол садится по 500 человек. И с ним за его трапезой садится три везира, а с везиром по 50 человек, да 100 человек присяжных бояр. У Меликтучара на конюшне две тысячи коней, да тысяча оседланных стоят готовыми день и ночь, да на конюшне же сто слонов. Каждую ночь двор его стерегут сто человек в доспехах, двадцать трубников и десять литаврщиков, да по два человека бьют в десять больших бубнов». Человек образованный, Махмуд Гаван был меценатом. Он покровительствовал ученым и поэтам. Незаурядные способности администратора, политического деятеля и дипломата сочетались в нем с талантом полководца. Во главе бахманидского войска он вторгся в Виджаянагар и разграбил знаменитый своим богатством старинный город Канчи. В 1467 г. он нанес поражение еще одному грозному противнику Бахманидов — Малве, правитель которой, Махмуд I, действовал в союзе с князьями Ориссы и Телинганы. Крупной победой было взятие Махмудом Гаваном главного порта Виджаянагара Гоа (1472 г.).

Менее успешны были его административные реформы, послужившие немало обострению борьбы между различными группировками. Оклеветанный врагами, обвинившими его в заговоре против султана, Махмуд Гаван был убит на глазах придворных по приказу пьяного султана (1481 г.).

Последние десятилетия XV и начало XVI в. — время территориального распада Бахманидского султаната. Еще в 1430 г. от Бахманидов отложились Биджапур, где к власти пришла династия Адил-шахи, и Берар во главе с правителями Имад-шахи. В 1490 г. независимым правителем Ахмаднагара объявил себя Ахмад Низам-шах, положив начало правлению династии Ахмад-шахи, а в 1512 г. отпала Голконда. Под властью Бахманидов оставался только Бидар. В 1525 г. последний бахманидский султан, не обладавший уже никакой властью, бежал в Биджапур, а его могущественный временщик Касим Барид провозгласил себя государем Бидара.

Относительно сильным государством в XV — начале XVI в. был Гуджаратский султанат. Наместник Гуджарата, входившего в XIV в. в состав Делийского султаната, Зафар-хан, обращенный в ислам индус, стал фактически независимым правителем, когда Тимур нанес смертельный удар Султанату в 1398 г. В 1407 г. Зафар-хан короновался под именем Музаффар-шаха I (1407–1411). Основанная им династия Танк (по названию этнокастовой группы, к которой он принадлежал) известна также как Ахмад-шахи, по имени его внука и преемника Ахмад-шаха (1411–1442), одного из известных представителей династии. Его правление проходило главным образом в борьбе с местными феодальными владетелями. Вторгшись в «страну Соратх» — сердце раджпутских владений на п-ове Катхиавар, Ахмад-шах вынудил многих местных князей признать его сюзеренитет. В результате походов Ахмад-шаха в Идар раджпутский князь из клана ратхор стал платить ему дань. Часть наследственных владений князей-раджпутов в различных частях Гуджарата была отобрана в халиса, а затем роздана военачальникам и воинам в качестве служебных держаний.

Войны, которые вел Ахмад-шах с двумя соседними государствами — Малвой и Бахманидским султанатом, не привели к существенному изменению границ воюющих сторон, за исключением того, что у Бахманидов удалось отнять Тхану, важный торговый город в Северном Конкане, и о-в Махим. Попытки бахманидского полководца Махмуда Гавана отвоевать их не имели успеха.

В 1411 г., едва вступив на трон, Ахмад-шах основал возле древнего города Асвал новый город, названный его именем. Ахмадабад стал столицей Гуджарата и превратился в один из самых значительных городов Индии. Он славился своими ремеслами, в частности ткачеством; особенно известны были производившиеся здесь шитые золотом и серебром ткани. Восхищение современников вызывал облик города, его дворцово-крепостной ансамбль и другие строения. Али Мухаммад-хан Бахадур, автор «Мират-и Ахмади», называл Ахмадабад «Красой городов» и «Невестой царства».

Видимо, наибольшего своего могущества Гуджаратский султанат достиг при внуке Ахмад-шаха, Махмуд-шахе Бегара (1458–1511). В результате борьбы с независимыми феодальными владетелями в Гуджарате власть султана существенно укрепилась. Большое значение имела одержанная им победа в борьбе с раджпутским правителем Джунагарха и Гирнара, которому принадлежала бóльшая часть п-ова Катхиавар, края торгового и богатого портовыми городками и удобными бухтами. В завоеванные города Махмуд Бегара направил мухтасибов и казиев, назначил *тханадаров*, или начальников крепостей. Князь Джунагарха принял ислам и получил

придворный титул, а сын его получил часть бывших родовых владений отца в *джагир*. Крупной победой было завоевание знаменитой крепости Чампанир, переименованной в Махмудабад и превращенной в новую султанскую резиденцию.

Историки описывают период правления Махмуда Бегара как время «беспримерного процветания». Историк Сикандар бин-Мухаммад утверждает, что при этом султане выросли доходы от деревень в два-три раза, а кое-где в десять раз по сравнению с предшествующими временами, что было установлено обследованием, проведенным чиновниками фиска. В городах процветали торговля и ремесла. Хорошее состояние хозяйства историк объяснял заботой султана, который всячески поощрял возделывание земли, разбивку садов, рытье колодцев, не скупился выделять средства на восстановление разрушенных домов или пустующих лавок.

Столь восторженное описание правления Махмуда Бегара историком Сикандаром объясняется, возможно, тем, что и тот и другой, хотя их разделяло почти столетие, были горячими последователями тариката сухравардие, шейхи которого немало способствовали приходу к власти Махмуда Бегара.

Нашествие Тимура и феодальные войны в конце XIV — начале XV в. сопровождались разорением деревень и городов. Видимо, именно в это время были запущены и перестали функционировать проведенные Фируз-шахом каналы. Завоеватели разрушили великолепный водоем Хауз-хас Ала уд-дина Хильджи, не действовавший более как оросительное сооружение.

Позднее, однако, жизнь постепенно вошла в свое русло, и XV век, несмотря на эпизодически происходившие войны и мятежи, был временем дальнейшего развития хозяйства.

На Декане в это время заметно расширились ирригационные работы. Множество подземных каналов — кяризов и монументальное ирригационное сооружение в Камтхана позволили оросить каменистые и неплодородные почвы, в частности в районе Бидара (и превратили его, по словам хронистов, в цветущий сад).

Повсюду собирались обильные урожаи традиционных продовольственных культур. Расширялись угодья под техническими и коммерческими культурами — сахарным тростником и хлопчатником. В Гуджарате и Кашмире стали разводить плантации тутовника, с которого здесь снимали по три урожая листьев в год. Тутовыми деревьями была особенно богата Бенгалия. Здесь, по свидетельству китайского паломника Ма Хуаня, посетившего страну в XV в., шелкопрядение было едва ли не главным занятием крестьян.

Расширение производства хлопчатника, индиго, сахарного тростника и других технических культур было необходимым условием дальнейшего развития ремесел и городов. На карте страны появляются новые города. Среди них — Ахмадабад. Основанная Ахмад-шахом I в начале XV в. ставка-столица Гуджаратского султаната, обнесенная стеной из скрепленных известью кирпичей, с башнями и бойницами, постепенно обрастала предместьями-пура, в которые превращались близлежащие деревни и другие поселения. К середине XVI в. вокруг Ахмадабада насчитывалось более 300 пура. Некоторые из них были резиденциями эмиров, другие, по существу, торгово-ремесленными кварталами.

Выгодные географические условия способствовали возвышению многих прибрежных городов. Вдоль западного побережья процветали знаменитые

гуджаратские города Броч, Сурат, Гогха, Диу, связанные с морской и каботажной торговлей.

Наиболее значительным из портов XV в. продолжал оставаться, как и в XIII и XIV вв., Камбей, слава которого в XVI в. перешла к Сурату. Камбейские купцы, по свидетельству Т. Пиреша, посылали свои корабли в различные части света — в Аден и Ормуз, на Цейлон и в Бенгалию, Пегу, Малакку.

Крупные порты Дабхол и Чаул принадлежали Бахманидам и служили промежуточными гаванями на торговом пути между Аденом и Малаккой, а также для каботажной торговли Северо-Западной Индии с Югом. В Чаул в 1469 г. прибыл купец из Твери Афанасий Никитин, который описал не только придворный быт Бахманидов и бахманидской знати, но и будни многолюдных городов с их бедностью и богатством, шумными улицами и невольничьими рынками, пестрой и многолюдной толпой.

На торговле выросли многочисленные города Бенгалии. Несколько больших кораблей и джонки, груженные тканями, засахаренными фруктами, сталью и прочими товарами, отправлялись ежегодно из бенгальских портов на восток, в Малакку и Пасе (на Суматре). Сюда же приезжали купцы со своими товарами из разных стран Азии и из других частей Индии, в частности из Гуджарата и Малабара.

В XV — начале XVI в. расширилось ремесленное производство в городах. Изготовление тканей все более становилось его ведущей отраслью. Ими славились и Декан, и Бенгалия, и центральная Северная Индия, и Гуджарат. В последнем, «как во Фландрии», писал португалец Д.Барбоша в начале XVI в., горожане искусны во многих видах ремесла, в частности в ткачестве. «Здесь есть белые хлопчатобумажные ткани, тонкие и грубые, шелка и цветной бархат низкого качества, бархатные сатины и тафта, а также толстые ковры».

Именно ремесленное производство, в частности ткачество, представляло базу развития средневековых городов, хотя они оставались многофункциональными образованиями, сочетая функции ремесленного центра с функциями административными, религиозными и др. О богатстве индийских городов XV в., изобилии в них товаров, оживленной торговле, скоплении больших людских масс, искусности ремесленников, богатстве купцов писали итальянец Николо Конти и многие другие западноевропейские путешественники, зачастившие в Индию, страну несметных сокровищ и чудес.

Значительная часть богатств, созданных трудом земледельцев и ремесленников, а также дохода от торговли концентрировалась в руках многочисленных представителей феодального класса. Основой их власти, всей феодальной политической структуры оставалась феодальная земельная собственность. Характерной чертой ее развития в XV в. была «приватизация» земельной собственности при одновременном резком сокращении фондов доменных земель халиса. Известно, например, что Бахлул-шах Лоди в бытность военачальником султанов Сайидов, владевший десятками округов-*паргана*, став султаном Дели, раздал все имевшиеся у него земли, включая вновь приобретенные, своим приближенным и воинам, «ничего не оставив себе». Сходную картину можно наблюдать в Гуджаратском султанате. Здесь при Махмуде Бегара все государственные земли, по свидетельству историка Сикандара, были определены в жалованье войску. В течение нескольких лет в халиса «не было ни одной деревни», а расходы

султана и двора покрывались средствами из казны, собранной прежними правителями.

Служебные земельные держания историк Сирхинди, труд которого «Тариф-и Мубарак-шахи» («История Мубарак-шаха») написан в 30-х годах XV в., называет термином *икта*. Это, пожалуй, единственная известная нам аутентичная хроника рассматриваемого периода. Все прочие дошедшие до нас и повествующие об истории XV — начала XVI в. хроники были написаны не ранее середины XVI в., а в основном — в начале XVII в. и позднее. В этих сочинениях исчезает термин *икта*; для обозначения служебных пожалований используются термины *паргана* (округ, территориальная единица), *саркар* (несколько паргана), наконец, *джагир* (букв. «место, откуда поступает [поземельный налог, доход]». — *К.А.*); последний термин, несомненно, более позднего, не ранее XVI в., происхождения.

Обнаружившая себя ещё во второй половине XIV в. тенденция к превращению икта в долгосрочное, а нередко пожизненное и наследственное владение продолжала развиваться в XV в. Долгосрочные и наследственные икта в Делийском султанате, видимо, преобладали во второй половине XV в.

В Гуджарате принцип наследования феодальных пожалований зафиксирован в указах местных султанов.

В XV в. многие служебные пожалования становятся владениями, пользующимися правом налогового иммунитета. Во всяком случае, доход с пожалованной территории целиком шел его владельцу, без каких-либо существенных отчислений в казну.

Владельцы икта назначали в пожалованные им территории своих уполномоченных и управляющих, передавали часть своего владения в держание собственным слугам и подчиненным.

Аналогичные процессы происходили и на Декане, в частности в Бахманидском султанате. Известно, что в XV в. держатель земли сам определял численность своих наемных отрядов, т.е., по существу, самолично распоряжался доходом со своего земельного владения. Согласно административной реформе, задуманной главным вазиром Махмудом Гаваном, регулярные инспекции должны были выявлять несоответствие между численностью войска ленников и доходами последних, с тем чтобы привести их в полное соответствие. Реформа предусматривала вычеты из доходов мукта в случае, если он произвольно сокращал войсковой контингент, который был обязан содержать. Нововведения эти были чрезвычайно непопулярны среди держателей-феодалов. Реформа Махмуда Гавана вызвала волну недовольства и стоила ему жизни.

В XV в. значительная часть местных индусских феодалов-вотчинников, именуемых в средневековых источниках *заминдарами* («владельцы земли»), оказалась включенной в систему феодального вассалитета под эгидой султанов. Это относится, в частности, к гуджаратским *грасиа*, или владельцам *граса* (букв. «глоток, доля»), которые владели более или менее крупными вотчинами (именуемыми в персоязычных хрониках *ватанами*) по праву принадлежности к данному раджпутскому клану. Как свидетельствует историк Али Мухаммад-хан Бахадур, автор «Мират-и Ахмади», раджпуты после длительной борьбы покорились гуджаратскому султану Ахмад-шаху I, согласились нести военную службу и платить дань. На этих условиях «четвертую часть их вотчин (*ватанов*) и деревень, с которых они кормились, по-гуджаратски *бантха*, оставили им, а три четверти, называемые *талпад*, утвердили за падишахским саркаром».

Дальнейший шаг на пути подчинения грасиа был сделан в начале XVI в. Махмудом III. Он отобрал земли грасиев Идара, Сирохи, Раджпиплы, назначил туда тханадаров (начальников крепостей) и чиновников для взимания налогов. По утверждению Сикандара бин-Мухаммада, в стране вовсе не оставалось раджпутов и коли (этнокастовая группа), за исключением тех, которые сами занимались земледелием и платили налог; все вотчины-*ватаны* были обложены налогами. Недовольные Махмудом III феодалы-заговорщики убили его.

Особенностью служебных владений, выросших из раджпутских вотчин, было то, что они являлись, безусловно, наследственными владениями. Так, тхаккуры (князья) Раджпиплы из раджпутского рода гохил, утвержденные во владении Раджпиплой Ахмад-шахом в начале XV в., сохраняли ее за собой на протяжении нескольких последующих столетий. Старшая ветвь вагхелов с того же времени и вплоть до 20-х годов XVIII в. владела Кулолом, а младшая ветвь — до XIX в. Санундом.

Таким образом, в результате политики султанов Гуджарата, стремившихся к превращению местных вотчинников в служилую знать, часть землевладельцев лишилась вотчин, другие сохраняли земли, однако уже в качестве держания, хотя и наследственного, но обусловленного службой монарху. Тем не менее, видно, немалое число вотчинников продолжало владеть своими наследственными землями, не признавая зависимости от правивших султанов. Немногим отличалось положение дел в Делийском и Бахманидском султанатах, где под верхушечным слоем владевших областями и округами мусульманских мукта сохранялись более или менее крупные, более или менее зависимые вотчинники-*заминдары*.

Кроме владельцев икта и грасов в XV в., как и ранее, существовали различные категории феодальных владений, стоявшие формально вне иерархической структуры служебного землевладения. Это земли храмов и мечетей, суфийских ханека, земли отдельных представителей индусского жречества и мусульманского духовенства, придворных поэтов и историков, наконец, купцов и других горожан и даже сельских старшин. Эти земли были известны как *милк* («собственность, владение»), *мадад-и мааш* («средства к пропитанию») и др. В отличие от икта они не были обусловлены службой, передавались по наследству и отчуждались путем продажи.

Источником собственнических прав на земли милк и им подобные могли быть, в частности, августейшее пожалование, но преимущественно — возделывание нови путем обводнения пустующей земли, а также наследование или купля уже ранее существовавшего милка. Размеры милковых владений уступали икта, а удельный вес их по сравнению с земельной собственностью, ограниченной иерархическими отношениями личной зависимости, был невелик.

Все категории феодальной собственности характеризовались тем, что земля не принадлежала исключительно отдельным лицам. Иерархические отношения личного господства и подчинения как между самими феодалами, так и между ними и непосредственными производителями составляли характерную черту отношений феодальной собственности, над которой надстраивалась социальная и политическая структура общества.

В источниках XV — начала XVI в. нет почти сведений о положении крестьян. Можно предполагать, что в начале XV в. преобладала натуральная или смешанная рента. Во всяком случае, даже в Гуджарате, области относительно высокого развития денежных отношений, при Ахмад-

шахе служилые получали со своих владений натуральное довольствие; дополнительно к нему султан выплачивал им, имея в виду их потребности, жалованье в деньгах. Однако уже в начале XVI в. в Делийском султанате, охватывавшем менее «урбанизированную» центральную часть Северной Индии, видимо, стали преобладать денежные платежи, так что султану Ибрахим-шаху Лоди пришлось запрещать сбор налога в деньгах. Показательно, что результаты этого постановления отрицательно отразились на состоянии экономики: «Зерно сильно упало в цене (на городских базарах. — *К.А.*), а имевшегося в обращении золота и серебра стало мало».

Неземледельческие доходы феодалов росли неуклонно по мере развития городов — центров ремесла и торговли. В первой половине XVI в. гуджаратский город Ахмадабад до присоединения Гуджарата к Могольской империи (судя по документальным данным, приводимым Али Мухаммад-ханом Бахадуром) выплачивал в государственную казну в качестве налога с городских и квартальных ворот, с рыночного оборота, ремесел, судебных пошлин и других многочисленных сборов 1,55 млн. рупий. Всего лишь 50 тыс. рупий, или 3,23% общей суммы, составлял налог с городского земледелия (*бабат-и зераат*), что свидетельствует об относительно невысоком удельном весе этой отрасли хозяйства в крупном городе. Городские ремесленники и низы торгового населения были задавлены феодальным гнетом, страдали от нужды, произвола и сословно-кастовой дискриминации.

XV — начало XVI в. отмечены заметным усилением социальной напряженности. Мощное аграрное движение охватило Пенджаб в 1419 г. Некий Саренг, объявившийся в горах Баджвара, собрал вокруг себя «невежественных, недалеких и темных людей». Мукта Сирхинда Малик Султан-шах Лоди выслал против «мятежников» вооруженные отряды. Узнав об этом, Саренг «с селянами и всем деревенским ополчением» спустился с гор и вместе с присоединившимися к нему жителями (*халк*) селения Арубер двинулся к крупному городу Сирхинду. Неподалеку от него он принял бой с войсками местных феодалов, но потерпел поражение и вынужден был отступить. Однако восстание не было подавлено. Отряды феодальных владетелей Пенджаба и присланные султаном Дели для борьбы с Саренгом войска навязали ему еще несколько сражений, в результате которых силы «мятежников» были разгромлены. Сам Саренг был схвачен в одном из сражений и казнен.

Однако сведения об открытых волнениях в источниках единичны. Гораздо чаще встречаются упоминания о пассивных формах протеста — бегствах из деревень крестьян, разбоях на дорогах. Против разбойников-*тхагов* власти принимали чрезвычайные меры. Один из правителей Бахманидов предписал своим наместникам и другим чиновникам строго карать их. По словам историка Феришты, только за шесть месяцев было поймано и казнено 20 тыс. тхагов — видимо, бывших крестьян.

Широкое распространение среди населения получили сектантские учения, покушавшиеся на авторитет ортодоксальной религии, а следовательно, и на существовавший общественный порядок.

Большое число приверженцев имело учение махдистов. В XV — начале XVI в. центром пропаганды их стал Гуджарат. Проповедником мессианского учения махдистов был Мир Сайид Мухаммад (1443–1505) из Джаунпура, провозгласивший себя Махди в Ахмадабаде. Изгнанный улемами, он ушел в Патан, в течение девяти лет скитался по стране, наконец покинул пределы Индии и объявился в Белуджистане. Его сторонниками были в основном

люди из народа. Именно среди них находили отклик его эгалитаристские идеи, призыв к имущественному равенству, возврату к принципам раннего ислама. Поддерживали «Мессию» и отдельные представители феодальной знати в целях использования махдистского движения в своих политических целях. Деятельность махдистских общин активизировалась в первой четверти XVI в. Они существовали не только в Гуджарате, но и в Хандеше, Агре, Дели и даже на юге — в Ахмаднагаре и других местах. Преемники Мир Сайида Мухаммада, возглавлявшего эти общины, проповедовали на местных индийских диалектах, привлекая к своему учению как мусульман, так и индусов. Власти преследовали махдистов, многие из которых были казнены.

В Гуджарате, Синде и Мултане в конце XV — начале XVI в. значительное распространение получила секта *сатпантх* («истинный путь»), или *имам-шахи*. Учение ее представляло своеобразный синтез исмаилизма и религиозных верований индусов. Большинство песнопений (*гарби*) и коротких поэм (*гнан*) сатпантхов было создано на языках Северо-Западной Индии (панджаби, каччхи, синдхи, гуджарати) и фарси. Главы секты — *пиры* — проповедовали веру в единого бога, но в то же время не отвергали индуистский пантеон — Вишну и Брахму, учили уважать пураны и веды и даже объявляли Коран последней из вед. Следование по «истинному пути» должно было избавить верующих от колеса перерождений, освободить от проступков, совершенных в прежних жизнях. Сатпантхи осуждали тунеядство, богатство и роскошь, прославляли личный труд. В пренебрежении к кастовым установлениям (последователем секты мог стать каждый, независимо от положения в обществе), в идее равенства людей перед богом проявлялось недовольство существующим правопорядком. Среди последователей секты были как торгово-ремесленные городские элементы, так и общинное крестьянство, представленное, в частности, землевладельческими-земледельческими кастами (кунби, лева и др.). Одна из заповедей сатпантхов — «никогда не оценивай (т.е. „не покупай и не продавай") землю, она твоя мать» — свидетельствует о популярности их учения среди общинного крестьянства, страдавшего от лихоимства ростовщиков, авансировавших крестьян под залог их земли.

Укрепление городов и городского торгово-ремесленного сословия имело результатом усиление его оппозиционности, а также зарождение тенденции к преодолению конфессиональной и кастово-корпоративной ограниченности, выражавшей все более осознаваемую социальную солидарность городских элементов. Антифеодальные настроения горожан в XV — начале XVI в. обнаружили себя в многочисленных религиозно-мистических учениях *бхакти* (санскр., букв. «любовь к богу»). В бхактийских учениях нашли наиболее полное свое воплощение социальные, этические и эстетические идеалы торгово-ремесленного населения городов. Подхватив выдвигавшуюся в древней религиозно-философской и этической литературе Индии мистическую идею о возможности изменения кармы путем бхакти, средневековые проповедники-поэты, творившие в отличие от древних философов-мистиков на живых языках Индии, придали ей новую социальную направленность. Если бхакти древности, зародившись в кшатрийской среде, было узкоаристократическим течением и отражало противоборство военно-землевладельческой аристократии теократическим тенденциям брахманства, средневековое бхакти, отрицая кастовую иерархию, стало идеологией социального протеста городских слоев против сословно-кастовых привилегий социальной элиты, против самих феодальных порядков. Важным отличием

было и то, что проповедниками бхакти в средние века выступали представители не доминировавших, а главным образом торговых и ремесленных каст.

Бхактийские учения появились в различных частях страны независимо друг от друга. Но, рождаясь в аналогичных общественно-экономических условиях, они обладали рядом общих черт, позволяющих характеризовать эти течения как проявление одного и того же социального процесса — формирования антифеодальной торгово-ремесленной оппозиции. Религиозной нетерпимости и формализму официального индуизма и ислама бхакты противопоставляли идею единого бога, вера в которого в равной мере доступна каждому, вне зависимости от религиозной принадлежности и кастового статуса. В провозглашенном бхактами равенстве людей перед богом отразился в отвлеченно-религиозной форме идеал социального равенства, протест против феодальных порядков, освящаемых ортодоксальной религией, феодального гнета и кастовой неполноправности миллионов.

Понятны широким массам были не только идеи проповедников бхакти, но и живой язык, на котором они обращались к людям, поэтические формы и образы, близкие поэзии народа и навеянные его жизнью. Большую роль в формировании догматики бхактийских течений сыграл ислам, главным образом суфизм и мусульманское сектантство, которые переплетались в учениях проповедников бхакти с чисто индуистскими верованиями и представлениями. Сочетав в себе отдельные элементы ислама и индуизма, бхакти как бы воплотило в себе процесс сближения местного и привнесенных в Индию мусульманами культурных слоев, стало частью единой индо-мусульманской культуры. Следовательно, бхактийские учения отражали не только определенный уровень социального развития, связанный с укреплением городов, но и эволюцию религиозно-философской мысли индийцев в процессе взаимовлияния и взаимодействия на индийской почве различных культурных и религиозных традиций — индуизма и ислама.

Отмеченная тенденция к преодолению конфессиональной и корпоративно-кастовой обособленности отдельных групп среди торгово-ремесленного населения нашла свое воплощение в проповедуемой бхактами идее единобожия. С ней выступил ткач и поэт, писавший на брадже, Кабир (1440–1518). Кабир выступил против притязаний брахманов и мулл на роль посредников в общении человека с богом, отверг культовую обрядность религии, отрицал подвижничество и аскетизм как средства познания бога.

Учение Кабира оказало большое влияние на взгляды выдающегося поэта и представителя маратхского бхакти Намдева (XV в.). Сын «низкородного» портного, Намдев провозгласил равенство людей перед богом и выступил против кастового гнета. Среди его последователей были люди из народа — садовники и горшечники, дубильщики-*чамары* и мусорщики.

Под непосредственным влиянием идей Кабира сложился и ранний сикхизм. Не случайно гимны Кабира были включены в священную книгу сикхов (букв. «ученики») «Ади Грантх». Как и другие течения бхакти, сикхизм утверждал мысль о равенстве всех перед богом, отрицал извечность всякого рода различий в социальном положении людей. Секта-община сикхов, руководимая учителем-гуру Нанаком (1469–1539), выходцем из торговой касты кхатри, возникла в Пенджабе. В сикхскую общину в начальный период ее истории, охватывающий время жизни Нанака, входили главным образом торговцы, ремесленники, представители непре-

стижных в феодальном обществе профессий, отчасти — крестьяне из касты джатов. Гуру сикхов, категорически осуждая отрешенность от мирских дел, призывал к активной деятельности на благо человека. Настоящий последователь сикхизма, учил он, — это глава семьи, домохозяин, занятый торговлей, ремеслом или земледелием, который трудится на благо свое и других людей. Восстав против ортодоксального индуизма с его иерархией каст, сикхи отрицали также и некоторые варварские обычаи, санкционируемые этой религией, — самосожжение вдов, умерщвление новорожденных девочек. Как и другие течения бхакти, сикхизм отказался от сложной обрядности и вообще поклонения каким-либо внешним атрибутам божества, а заодно и от признания посреднических функций священнослужителей. Сикхи посягнули и на один из самых важных принципов индуизма и ислама, возводивших знание священных книг в единственно возможное средство общения с богом и постижения его.

Представитель бенгальского бхакти XV в. Чайтанья, брахман по касте, объявил, что чандала-пария выше брахмана, если предан своему богу. Последователями Чайтаньи были городские ткачи, мусорщики, парфюмеры, продавцы бетеля и изделий из ракушек. Верным сподвижником учителя был кузнец Говинда.

Рассматривая бхакти как идеологию антифеодальной торгово-ремесленной и плебейской оппозиции феодальным порядкам, следует отметить несостоятельность отождествления, как нам представляется, этого культурно-исторического феномена с Возрождением в Западной Европе при всех внешних сходствах: апелляция к некоторым элементам древней культуры, отрицание обрядности и т.д. Возрождение в Европе было универсальным переворотом в экономической, социальной, политической и культурной сферах, связанным с разложением феодальных и зарождением раннекапиталистических отношений. Бхактийские же учения средневековья, при всех заложенных в них антифеодальных потенциях, были проявлением глубоких социальных антагонизмов, свойственных развитому феодальному обществу, не вступившему, однако, в Индии XV — начала XVI в. в период, который можно было бы характеризовать как время кризиса феодализма и генезиса новых социально-экономических форм.

Бхакти как общественное явление отразило еще одну весьма характерную особенность исторического развития Индии указанного времени — ее лингвистическое и этнокультурное многообразие. Бхактийские учения возникали и существовали как элемент религиозно-культурной традиции какой-то одной этнокультурной общности практически изолированно, почти не взаимодействуя, оказывая лишь очень ограниченное влияние друг на друга.

В условиях ослабления «имперской» власти делийских султанов, имевшего место в XV — начале XVI в., развитие бхактийских течений отражало и в то же время стимулировало начавшийся (прогрессивный для своего времени) процесс областной централизации, в основе которого было развитие городов как экономических и культурных центров. Сложившаяся ранее синкретическая индо-мусульманская культура получила благодаря поэзии и философии бхактов свое дальнейшее развитие, хотя роль местного культурного субстрата заметно возросла.

Обострение социальных противоречий, в условиях которого происходил процесс областной централизации, порождал, однако, среди феодалов определенные тенденции к преодолению политической раздробленности, к усилению центральной власти и созданию сильного государства, к стаби-

лизации и объединению разрозненных и враждовавших между собой государственных образований Северной Индии и Декана. Эти тенденции нашли свое воплощение значительно позднее — в середине — второй половине XVI в., когда на политической арене Индии важной, если не решающей силой стали Моголы. Одновременно появились новые факторы исторического процесса в Индии и на всем Востоке, связанные с начавшейся торгово-колониальной экспансией Запада.

ВИДЖАЯНАГАР

К 1325 г. частями Делийского султаната стали бывшие государства Ядава из Девагири, Какатья из Варангала и бóльшая часть государства Пандья вместе с их традиционной столицей Мадураи. Отстояли свою независимость Хойсалы (примерно на территории современного штата Карнатака) и Пандьи (на крайнем юге, около мыса Коморин). Однако сразу же по уходе основной части султанских войск началась борьба за раздел территории к югу от гор Виндхья между наместниками делийского султана и возникшими вновь индусскими государствами.

На Декане, т.е. между горами Виндхья и р. Кришной, в 1347 г. возникло государство Бахмани, о котором уже рассказано. Еще раньше, в 1333/34 г., в далеком Мадураи сайид Джалалуддин Ахсан Шах провозгласил собственный султанат. Примерно в это же время поднялось восстание под руководством Капая-наяка в Андхре. Во многих районах возникли мелкие княжества, начавшие борьбу между собой за преобладание. Одним из таких княжеств было Анегонди на р. Тунгабхадре, на самой границе территорий, населенных каннада и телугу.

Дальнейшие события окутаны легендами. Ясно, что в районе Анегонди появились два брата — Харихара и Букка, посланные Мухаммадом Туглаком для восстановления власти делийского султана. Братьев было пятеро, но трое младших сыграли меньшую роль в истории. Они были сыновьями Сангамы, который и дал имя новой династии. Происхождение семьи Сангама неясно. По одной версии, они были телугу и служили ранее Какатьям из Варангала, были взяты в плен, отвезены в Дели, где были обращены в ислам. По другой версии, они были каннада, служили Хойсалам из Дварасамудры и оставались внутренне верными последним, даже когда номинально устанавливали власть мусульман на Тунгабхадре.

Впрочем, пленение, обращение в ислам, установление реальной власти братьев по Тунгабхадре и среднему течению Кришны и возвращение в лоно индуизма — эти элементы их биографий совпадают в обеих легендах. Сходятся летописцы и в том, что братья встретили в лесах у Тунгабхадры мудреца-аскета Видьяранью, который указал им благоприятное место для возведения столицы и стал главным советником (министром) трех первых правителей — Харихары I (1336–1356), Букки I (1356–1377), сына Букки Харихары II (1377–1404). Столица, г. Виджаянагар, которая дала название всей империи, строилась семь лет на южном берегу Тунгабхадры на холмах, окружающих храм Вирупакши, одной из ипостасей бога Шивы. Вирупакша считался истинным правителем государства, а императоры — лишь его наместниками. Первоначально столица называлась двояко — Видьянагара («Город знаний», в честь Видьяраньи) и Виджаянагар («Город победы»). Второе название потом осталось единственным.

Княжество стало быстро расширяться. В 1340 г. Букка захватил Пенугонду, крепость, ставшую опорой в дальнейших войнах с Хойсалами. В 1345 г. братья присоединили Тулу (побережье Карнатаки). Государство Хойсала окончательно исчезло с политической карты в 1346 г., причем многие военачальники Хойсалов перешли на сторону Виджаянагара без боя. Сын Букки, Кампанна II, в 1360-х годах совершил поход на юг и подчинил Шамбувараев, правивших в Канчипураме, а в 1365–1370 гг. разгромил Мадурайский султанат. В руки правителей Виджаянагара попала почти вся Южная Индия «от моря до моря».

Важным исключением был Малабарский берег, который оставался независимым от материковых империй практически на протяжении всей истории до второй половины XVIII в. Каждый порт на побережье представлял собой мелкое государство, а все они вместе играли большую роль в торговых связях Индии с Ближним Востоком, Восточной Африкой, а с начала XVI в. — и с Европой.

Другим исключением был крайний Юг, где сохранялось несколько мелких княжеств Пандьев. Они признавали сюзеренитет Виджаянагара, но непосредственно из центра не управлялись. Лишь дважды Пандьи пытались сбросить зависимость: около 1470 г. — от Империи, в 1583 г. — от наместников Империи, наяков Мадураи и Танджура. Лишь после этого упоминания о князьях Пандьях совершенно исчезают.

Уже в 1358 г. начинаются войны между Виджаянагаром и Бахманидами, которые длятся почти беспрерывно до распада Бахманидского государства, позднее Виджаянагар воюет с султанатами, возникшими на развалинах Бахманидского султаната. Третьим участником конфликтов почти неизменно выступало государство, занимавшее Северную Андхру и Южную Ориссу. Сначала это было государство Редди из Кондавиду (1325–1427), а затем — Гаджапати из Ориссы (1434–1540). Трехсторонняя борьба велась за междуречье Кришны и Тунгабхадры с крепостями Райчур и Мудгал (что могло обеспечить господство над западными портами Гоа, Чаул и Дабул) и за территорию по восточному побережью к северу от Кришны (область Кондавиду, в XVIII в. получившая название Северные сиркары). Эти две территории постоянно переходили из рук в руки, но история этих войн довольно запутанна. Каждая из сторон приписывает себе почти беспрерывные победы. Виджаянагар часто терпел поражения, столица подвергалась многим осадам, но осаждавшие уходили ни с чем, и нередко их истребляли на обратном пути.

В целом представляется, что первые десятилетия своего существования Виджаянагар был на подъеме и удерживал междуречье. В начале XV в., когда разразилась борьба за престол между сыновьями Харихары II, Виджаянагар большей частью терпел поражения. В правление Девараи II (1422–1446) он снова стал сильнее Бахманидов, подчинил себе всю Андхру и спорное западное побережье. Конец правления Девараи II был омрачен второй войной за трон, и в 1447–1485 гг. все завоевания периода Девараи II были потеряны. Виджаянагар находился на грани распада. Губернатор Нарасимха из рода Салува, объединив под своей властью три западные провинции (Чандрагири, Удаягири, Кондавиду) и заручившись поддержкой других наместников, в 1486 г. двинулся на столицу, занял ее и, не встретив сопротивления, сверг последнего представителя династии Сангама и короновался сам. Он правил недолго (1486–1490), его малолетние сыновья практически не правили, находясь под властью своего опекуна Нарасынаяка из рода Тулува, однако этот период оставил след в исторической

памяти народов Индии. Виджаянагар стал бесспорным гегемоном Юга (государство Бахманидов к этому времени распалось). Слава Нарасимхи, видимо, так прогремела по Южной Индии, что его имя на столетия затмило название государства, которым он правил. Империю стали называть Нарсинга, и в таком виде она появилась в европейских источниках XVI–XVII вв.

Нараса-наяк передал регентские функции своему сыну, Вира Нарасимхе, который в 1505 г. короновался, основав третью династию — Тулува. Его брат Кришнадеварая (1509–1529) снова превратил Виджаянагар в могущественное государство. Он огнем и мечом подчинил своевольных вассалов, раздвинул границы империи до максимальных, достигавшихся ранее, активно вмешивался в распри деканских султанов. Его двор стал центром наук и искусств. От его времени осталось много красивых построек. Союз Виджаянагара с португальцами, захватившими в 1510 г. Гоа, давал Кришнадеварае значительные торговые и политические выгоды. Португальцы направляли коней для кавалерии ему, а не в султанаты.

После смерти Кришнадеварай титул императора перешел к его брату Ачьютарае, а фактическая власть — к Рамарадже из рода Аравиду. Рамараджа казался еще более могущественным правителем, чем все предыдущие. Он сажал на престол шахов Бидара, разрешал споры между султанатами не без выгоды для себя. Однако Биджапур, Бидар, Берар и Голконда объединили свои войска и 23 января 1565 г. в битве при Таликоте (которую называют также битвой на Кришне или битвой при Ракасджи и Тангаджи) нанесли Виджаянагару сокрушительное поражение. Рамараджа пал в битве. Его брат, Тирумала, бежал в Виджаянагар, забрал казну (для перевозки которой потребовалось 550 слонов) и отступил в Пенугонду. Он стал основателем четвертой и последней династии, Аравиду.

Мусульмане с ходу заняли город Виджаянагар, разграбили его, разрушили довольно основательно и ушли. Тирумала занял город вновь без труда, но не сумел или не захотел его восстанавливать. Столица была перенесена в Пенугонду, затем еще южнее — в Чандрагири. Империя еще боролась. При Венкате II (1586–1614) она охватывала почти ту же территорию, что и в период расцвета, но потом началась междоусобица, в результате которой правители некогда блестящей империи стали марионетками в политической игре государств, возникших на ее обломках. В Тамилнаде это были государства бывших наместников (*наяков*) в Джинджи, Танджуре и Мадураи. В Карнатаке возникли новые государства со столицами в Майсуре и Иккери (Беднуре). Районы Андхры были поделены между Голкондой и Биджапуром.

Борьба Виджаянагара с Бахманидами, а затем с султанатами нередко осознавалась как противостояние индуизма и ислама. Этот аспект столкновений, конечно, никак нельзя сбрасывать со счетов. Обе стороны использовали религию как консолидирующий фактор. Но нельзя и переносить религиозную нетерпимость XX в. на период, который здесь рассматривается. Еще Букка I издал указ о том, что все вероучения имеют равные права и достойны покровительства со стороны властей. Дуарте Барбоша, португальский путешественник начала XVI в., счел необходимым специально отметить религиозную терпимость, царившую в Виджаянагаре. Конечно, это не значит, что двор не имел своих религиозных предпочтений. Как уже говорилось, первые императоры были истовыми шиваитами. Салувы и Тулувы были вишнуитами, но продолжали покровительствовать шиваитским храмам и общинам брахманов.

Определенная терпимость проявлялась, в частности, в том, что противостоящие армии не были конфессионально однородными. Еще Деварая I понял значение кавалерии и стал создавать кавалерийские части, комплектовавшиеся большей частью мусульманами. Он же начал приглашать турецких лучников. Деварая II имел, по словам современников, 10 тыс. лучников из Турции. В то же время индусские вассалы играли важную роль в управлении государства Бахманидов и составляли значительную часть военачальников.

Впервые война против Виджаянагара была объявлена религиозной (*джихадом*) со стороны мусульманских государств лишь в 1502 г., т.е. спустя полтора столетия после начала этих войн. Второй джихад был объявлен в 1509 г., третий — в 1565 г., тем не менее в битве при Таликоте среди 56 высших военачальников, сражавшихся на стороне «мусульман» и павших на поле боя, было 27 индусов. На стороне Виджаянагара погибло 4 военачальника-мусульманина. Государства Редди и Гаджапати нередко выступали на стороне мусульман против индусской империи Виджаянагар. Таким образом, государственные интересы явно превалировали над религиозными пристрастиями.

Некоторые современные индийские историки видят в этом недальновидность правителей-индусов и недостаток патриотизма с их стороны. В этих обвинениях много справедливого, но такова была историческая реальность: мусульмане не рассматривались как «общий враг», как заведомо враждебная сила.

Военное поражение и последующая дезинтеграция были подготовлены ростом самостоятельности наместников и военачальников-землевладельцев. Однако это не был просто процесс феодализации, приведший к государственной раздробленности. В течение трех веков Виджаянагар как государство и аграрные отношения на его территории проделали довольно длительный путь развития.

Виджаянагар возник первоначально как весьма примитивное по структуре государство. Управление строилось по семейному принципу. Младшие братья Харихары и Букки укрепились на захваченных ими территориях и передали их затем своим сыновьям. Букка I, став единоличным правителем, сменил племянников собственными сыновьями. Затем подобную же замену произвел Харихара II.

Постепенно сложились провинции и обычай назначения в них временных губернаторов — *данданаяков*. Они занимали свои должности от нескольких месяцев до нескольких лет. Провинции (*учавади*, *раджья*) Виджаянагара: Кондавиду (когда она входила в состав империи), Удаягири, Пенугонда, Чандрагири, Арага, Тулу (которая могла делиться на две — Баракуру и Мангалуру), Мулавая, Падайвиду, Важудиламбатту, Тиручирапалли. В подчинении у данданаяков находились более мелкие военачальники, распоряжавшиеся на местах; в их функции входило поддержание порядка и взимание довольно бессистемных налогов.

Перу императора Кришнадеварайи приписывается дидактическая поэма «Амуктамальяда», которая отражает представление о государстве скорее XIV–XV вв., чем XVI. Судя по этой поэме, государство создавалось для самого себя и как источник доходов для государя. Расширять территорию государства и развивать ирригацию нужно для повышения доходов. Для этого же надо покровительствовать купцам и заботиться о развитии торговли. Последняя также полезна потому, что дает коней и слонов (для армии) и золото и драгоценные камни (для казны). Надо удерживать

налоги на низком уровне, потому что в этом случае общие поступления от налога увеличиваются. Собранные средства надо тратить следующим образом: половину — на содержание армии, четверть — на милостыню и благотворительность (сюда входили, видимо, дарения храмам и брахманам), оставшуюся четверть рекомендуется откладывать. К последнему совету виджаянагарские правители отнеслись вполне серьезно: в царском дворце в Виджаянагаре имелось много комнат, заполненных до потолка золотом и драгоценностями и запечатанных. Каждый император считал своим долгом прибавить к этим комнатам хотя бы еще одну. Современный исследователь называет эту политику «экономикой складирования».

Важнейшей политической проблемой была проблема сепаратизма. Кришнадеварая во избежание мятежей советует, во-первых, назначать на все посты брахманов. Во-вторых, «не преступать границ умеренности» при раздаче слугам земель. Нужно всегда помнить, что лица, используемые для сбора налогов и других поручений, — это «и друзья и враги царя попеременно», а внутренний враг гораздо опаснее внешнего.

К началу XVI в. государственный строй Виджаянагара значительно изменился.

Провинции потеряли прежнее значение, как и их аппарат и чиновники на более низком уровне. Основной фигурой в администрации стали военачальники, владеющие землями на условиях *амарам*, или *наякаттана*. Это было условное, но довольно постоянное владение. Не имея формального права наследования, наяки нередко передавали наякаттаны сыновьям. Название местности (имения) нередко добавлялось к имени наяка как его наследственный титул. Наяк был обязан заботиться о развитии сельского хозяйства, ремесла и торговли в пределах имения, поддерживать порядок, содержать воинский контингент, отдавать в казну примерно $^1/_3$ налоговых поступлений. Со временем наяки становились более самостоятельными. Интересно, что в XVI в. в южных районах империи, в Тамилнаде, резко сокращается количество царских дарений храмам и совершенно исчезают дарения от министров центрального правительства. Основными дарителями выступают наяки. Наяки выделяют также земли в наследственное владение своим военачальникам и должностным лицам.

Таким образом, наякаттану можно сопоставить с другими формами военного лена, известными по истории Делийского султаната, государства Сельджукидов и других государств Ближнего и Среднего Востока, но она отличалась от икта, тиула и т.п. своей большей прочностью. Интересно, что укрепление наяков в качестве собственников в первой половине XVI в. не является следствием ослабления центральной власти. Наоборот, империя никогда не была так сильна, как в это время. Она была сильна, пока сильные наяки поддерживали императора. Но стоило имперской армии потерпеть поражение в 1565 г., как наяки занялись своими делами и империя стала постепенно сокращаться, как шагреневая кожа.

Как и раньше, крупными землевладельцами были храмы. Они входили в феодальную иерархию, принимая покровительство крупных наяков и имея собственных вассалов, обязанных с оружием в руках защищать храм в случае нападения вражеских войск или разбойников. Храмы играли также роль центров, притягивавших торгово-ремесленное население.

На уровне налогоплательщиков также произошли значительные изменения. Крупная община, охватывавшая сотни деревень, исчезает в районах Андхры и Карнатаки. В Тамилнаде *наду* сохраняется, но во многих

случаях раздробляется на более мелкие общины, носящие название *патру*. Коллективный орган самоуправления общины носит прежнее название *наттар* («жители наду»), но теперь он уже состоит из нескольких крупных землевладельцев (*каниялар*) — брахманов, веллала, палли и шри-гопалов по касте. Наттары в Тамилнаде продолжают патронировать храмы, улаживать споры, бороться против усиления налогообложения, но их авторитет, по-видимому, падает, так как обостряются отношения между ними и более низкими слоями деревни — мелкими землевладельцами, арендаторами (*куди*), безземельными работниками (*кадаяр* — «последние»), торговцами, ремесленниками.

Заметную роль в сельской местности начинают играть торгово-ремесленные слои. Растут центры промышленного производства (ткачество, маслобойный, кузнечный и гончарный промыслы), которые получают особое название — *паттадай* (букв. «мастерская»). Сеть таких поселений и рынков покрывает всю страну. Оценить тяжесть налогов для этого периода трудно, но известно, что налоги брались в деньгах со всех культур, кроме риса, и доля податей с ремесленников и пошлин с торговцев была велика в государственном бюджете.

Конфликт, который разразился в 1429 г. в местности, расположенной по р. Веллар и нижнему течению Кавери, достоин подробного изложения, так как он характеризует как систему налогообложения, так и социальные отношения в деревне. Начало событий относится к 1426 г., когда в одной из деревень дельты Кавери появилась надпись, сообщавшая, что царские люди угнетают народ, вводя подушную подать (чего раньше не было) и продавая право на сбор налога с аукциона, в результате чего сумма первоначальных налогов возрастает в 10 раз. Некий Чиккадевараяр установил предельные ставки всех налогов, чтобы защитить население от угнетения.

От 1427 и 1428 гг. в разных частях Тамилнада есть шесть надписей, тоже говорящих об угнетении, введении новых налогов, сдаче сбора налога на откуп. Каждая из таких надписей заканчивается сообщением, что получен царский указ, ограничивающий гнет.

Однако эти указы, видимо, игнорировались на местах, и в 1429 г. в один день в четырех деревнях, а в течение года — еще в пяти были выбиты практически идентичные надписи, содержавшие своего рода манифест восставшего народа: «Мы, принадлежащие к 98 кастам левой руки и 98 кастам правой руки в Важудиламбатту-учавади, собрались в этом храме все вместе и порешили, что нижеследующее пусть будет выгравировано на стене этого храма». То, как называют себя авторы надписи, весьма интересно. Причина деления каст Тамилнада на две группы — «левой руки» и «правой руки» — пока не выяснена, нам важно в данном случае то, что авторы стремятся подчеркнуть, что в акции участвуют все без исключения касты, включая ремесленные и торговые, и неприкасаемые. Кроме того, они подчеркивают, что не выступают от имени только своей деревни, а представляют жителей всей провинции. Надпись фиксирует, что население страдало от угнетения со стороны губернатора, военачальников, других царских слуг. Оно же угнеталось «помещиками» (*каниялар*) из каст брахманов и веллалов. Собрание решило сопротивляться новым налогам, введению нового шеста для обмера полей (видимо, невыгодного для земледельцев), бойкотировать деятельность всех чиновников (не снабжать их какими-либо документами и данными), если они не согласятся с теми ставками налогов, которые установил в 1426 г. Чиккадевараяр. Список «справедливых» ставок налогов тут же приводится. Если же кто-то из

жителей нарушит соглашение и будет сотрудничать с чиновниками, он будет наказан изгнанием из касты.

Конечно, мы не знаем ничего о конкретных событиях: как росло брожение в народе, как шли «ходоки» из деревни в деревню (беспрецедентным в социальной истории Индии является то, что делалось это вопреки неодобрению эксплуататорской верхушки общины, против которой низы деревни выступили), как реагировали власти. Мы можем судить о событиях по этим манифестам да еще по результату. Видимо, это организованное ненасильственное выступление увенчалось успехом. Отдельные разрозненные сообщения об угнетении встречаются в 1464 и 1482 гг., но в XVI в. они окончательно исчезают. Со второй половины XV в. нет сведений о серьезных конфликтах, бегстве населения из деревень, — напротив, отмечается расширение запашки, предоставление земледельцам и ремесленникам (последним — главным образом со стороны храмов) различных льгот, чтобы побудить их поселиться в данном месте, и т.п. Видимо, к середине XV в. налоговая система Виджаянагара устоялась и вновь установилось некоторое согласие между низшими слоями деревни, крупными землевладельцами и казной (которая в это время была представлена в основном наяками).

Вторая половина XV — XVI в. выглядят как время процветания Южной Индии. Иностранные путешественники — Абд-ар-Раззак из Средней Азии и европейцы Н.Конти, Д.Барбоша, Л.Вартема — пишут о Виджаянагаре с восхищением, говорят о большой плотности населения, многочисленных деревнях и городах, о богатстве рынков. Особенно поражала иностранцев столица, прежде всего своими укреплениями — город уже приобрел репутацию совершенно неприступного, — а также богатством, бесчисленными толпами народа, лавками и базарами. После 1565 г. город был разрушен, но и сейчас его развалины производят величественное впечатление.

Империя Виджаянагар сыграла большую роль в развитии культуры дравидийских народов Южной Индии, прежде всего каннада и телугу. Косвенно существование империи и связанный с этим экономический подъем всего региона способствовали расцвету культуры также в Тамилнаде и Керале.

В литературе телугу середина XIV — XV век — это «век Шринатхи», великого поэта, который жил сначала при дворе Редди из Кондавиду, а затем переехал в Виджаянагар и получил высшие почести при дворе Девараи II. Шринатха перевел на телугу много классических произведений с санскрита и с пракритов. В своих оригинальных стихах он воспевал родную Андхру. Для литературы на каннада событием стал перевод «Махабхараты», начало которого было выполнено Кумарой Вьясой, а закончен перевод был Тимманной при дворе Кришнадевараи. В тамильской литературе продолжается традиция алваров и найянаров. На тамильском писал Виллипуттурар, который жил при дворе одного из керальских князей. Он, в частности, переложил «Махабхарату» тамильским стихом.

От периода Виджаянагара сохранилось много храмовых зданий, отличающихся специфическим величественным архитектурным стилем. При дворе трудились брахманские ученые, религиозные философы, наиболее известными из которых были Видьяранья (Мадхавачарья) и его брат Саяначарья. В целом период Виджаянагара представляется одним из наиболее ярких в истории Южной Индии.

ЛАНКА В XIV–XV вв.

На рубеже XIII–XIV вв. центр сингальского государства был перенесен в Дамбадению, а затем перемещался в юго-западном направлении — в Япахуву, затем Курунегалу, Гамполу и Райигаму под натиском крепнущего и раздвигающего свои границы к югу государства Джафна.

XIII век, период наиболее массовых миграций населения из северо-западных и северо-восточных районов, колыбели сингальской цивилизации «сухой зоны», и освоения «влажной зоны» юго-запада, явился поворотным в экономической жизни острова. Какие факторы обусловили отток населения из обжитых центров с отлаженной веками системой высокопродуктивного сельского хозяйства в новые, менее пригодные для традиционного рисоводства области? Ожесточенные междоусобные войны за обладание верховной властью и опустошительные нашествия южноиндийских армий нанесли удар былому могуществу сингальского государства, привели к упадку сложной, веками создававшейся системы искусственного орошения. Многие водохранилища и каналы, разрушенные в ходе войн, вскоре оказались заболоченными и стали рассадниками тропической малярии. Спасаясь от набегов чужеземных войск, от голода, охватившего северо-западные районы, сингалы стали покидать насиженные места. Процесс перемещения населения в юго-западном направлении был медленным и происходил неодновременно в различных областях «сухой зоны». Земледельцы, как правило, до последнего держались за свои наделы, а с прекращением в результате разрушения ирригационной системы притока воды на поля переходили в соседние поселки, на другие земли, которые осваивали. На возделываемые прежде земли наступали джунгли. Все большее количество крестьян стало переходить к подсечно-огневому земледелию. Правителям Ланки в период после освобождения от власти южноиндийских правителей и установления в стране относительного внутреннего порядка оказалось все же не под силу восстановление разрушенной оросительной системы. Основной центр сельскохозяйственного производства постепенно переместился в прибрежные юго-западные и центральные части «влажной зоны».

В осваиваемых районах основным занятием населения оставалось сельское хозяйство, и население острова, как явствует из источников, продолжало само обеспечивать себя продуктами питания. Сингальские цари были крупнейшими землевладельцами в стране; царские деревни давали значительную часть поступлений в казну. Однако в новых природно-климатических условиях «влажной зоны» доминирующий тип хозяйственной деятельности стал иным. В гористых районах с пересеченным рельефом требовалось создание террас, без которых невозможно было удержать воду на рисовых полях. Густые тропические леса покрывали пригодные для земледелия низменности: возделывание их было связано с затратой огромных усилий по корчеванию деревьев и осушению многочисленных заболоченных участков. Возможности возделывания риса в юго-западном районе оказались ограниченными, несмотря на избыток влаги.

Трудности сельскохозяйственного освоения большей части земель юго-запада приводили к тому, что рисоводство переставало играть некогда неоспоримо ведущую роль в хозяйстве страны. Все возрастающее значение стало приобретать производство таких культур, как арековая и кокосовая пальма, позднее — коричное дерево. Эти культуры пользовались спросом

одновременно на внутреннем и на внешнем рынке, и для их выращивания во «влажной зоне» имелись большие природные возможности. К началу XVI в. они стали служить основным источником доходов ланкийского крестьянства.

Вплоть до XIV в. земельный налог взимался с валовой зерновой продукции. В период Дамбадении он был упразднен и введена иная система, согласно которой царь или феодал получал не долю урожая со всех земель, а полный урожай со специально отведенного участка — *муттетту*, обязательная обработка которого вменялась крестьянам в повинность. Размер муттетту определялся таким образом, чтобы количество получаемого с него зерна соответствовало традиционно взимавшейся доле с валовой продукции. Участки муттетту составляли примерно $^1/_3$ всех обрабатываемых земель и, как правило, были самыми плодородными.

Подобная система налогообложения значительно сокращала непомерно разросшийся штат налогосборщиков и упрощала структуру аппарата местного управления.

Укрепление в XIV в. царской власти выразилось в постепенном сокращении безусловных наследственных владений памуну. Владельцы их, представители феодально-чиновной знати, были, как и прежде, освобождены от налога. Однако они должны были дважды в год (на Новый год в апреле и в день полнолуния в октябре—ноябре) делать богатые подношения царю. К XV в. термин *памуну* исчезает из сингальской эпиграфики. Вместо него появляется термин *правени* (или *павени*), который также обозначает наследственное, передаваемое из поколения в поколение земельное владение. Однако обладатель его в отличие от владельца памуну не пользовался правом отчуждения. Продолжавший юридически считаться полной собственностью владельца, павени фактически таковой не был. Получаемый изначально за службу, он передавался по наследству лишь при условии несения той же службы наследниками владельца.

Со временем существовавшая на протяжении веков практика дарения огромных земельных владений буддийской сангхе (*вихарагам*) и индуистским храмам (*девалагам*) заменяется богатыми денежными пожалованиями из казны. Входит в употребление система денёжных выплат придворным за несение службы. Однако она не носит еще регулярного характера, и вид условного земельного пожалования *дивела* сохраняется довольно долго. Известно несколько типов держаний, объединенных под общим названием *дивела*: служебное пожалование *бадаведилла* предоставлялось за административную службу, *ниндагам* — за военную и др. В XIV–XV вв. дивелой назывался не только надел мелких арендаторов и чиновников, но и владения довольно крупных собственников. В случае покупки такой земли новый ее владелец обязан был не только уплатить за нее деньги в казну, но и впредь нести ту службу, которую нес ее прежний владелец.

Появляется новая терминология и для обозначения земель, находящихся в государственном фонде: необрабатываемые земли — *ратмахара*, обрабатываемые казенные территории — *габадагам*, личные домениальные земли правителя — *ратнинда*.

В XIV в. владения Джафны, находившейся под властью сильной династии Ария Чакраварти, доходили уже до Путталама и провинции Хатара Кopaле. Описание Ланки Ибн Батутой, посетившим остров в 1344 г., подтверждает тот факт, что в середине XIV в. доминирующее

положение в стране занимало государство Джафна. Арабский путешественник отмечал наличие у Джафны сильного флота, совершавшего частые рейды в сторону сингальских территорий вплоть до Панадуры на южном побережье. Хроники указывают на то, что цари Гамполы ежегодно выплачивали дань правителям Джафны. Известен случай, когда за неподчинение царя Виджаябаху III, казнившего прибывших из Джафны сборщиков дани, в сингальское государство были посланы две карательные экспедиции — морская и сухопутная.

Являясь доминирующей политической силой на острове вплоть до начала XV в., государство Арья Чакраварти не было, однако, самостоятельным и находилось сначала под контролем державы Пандьев вплоть до ее распада в 1311 г., затем признало сюзеренитет империи Виджаянагар и ее права на ежегодный сбор дани.

Буферной зоной между двумя крупнейшими государственными образованиями на острове были так называемые ванни — многочисленные автономные феодальные вотчины, появление которых было неизбежным результатом прекращения существования единого централизованного государства на Ланке. Управляя практически бесконтрольно подвластными им территориями, местные феодалы — ваннияры — находились, однако, в вассальной зависимости либо от государства Джафна, либо от сингальских царских династий. Ваннияры пребывали в состоянии непрекращающейся вражды друг с другом, постоянно перекраивая границы своих владений.

В XIV в. процесс децентрализации охватил сингальское государство. О нарушении принципа единой царской власти в этот период свидетельствует установившаяся практика одновременного управления государством несколькими правителями.

Слабость и шаткость верховной власти привели к повышению статуса царских министров, которые нередко становились ведущими политическими фигурами при дворе, оттесняя царей на второй план.

Примечательна в этой связи история возвышения семейства Алагокканаров, южноиндийских торговцев, переселившихся на Ланку и принявших буддизм. К середине XIV в. эта семья стала одной из самых влиятельных при дворе и породнилась с сингальской царской династией Гамполы. В правление Бхуванаикабаху V (1372–1408) выходец из этой семьи Алакешвара сосредоточил всю фактическую власть в государстве в своих руках, а после смерти царя наследовал престол.

Ланка вошла в орбиту китайского влияния в результате знаменитых плаваний флотоводца и дипломата Чжэн Хэ. В 1405 г. во время первой экспедиции Чжэн Хэ потребовал передачи китайскому императору священных буддийских реликвий Ланки — зуба Будды, волоса Будды и чаши для подаяний, — являвшихся важнейшими атрибутами власти сингальских царей. Получив отказ, Чжэн Хэ в 1411 г. вновь вернулся на остров в сопровождении военного отряда в 3000 человек, ворвался в столицу, захватил в плен царя Вира Алакешвару, членов его семьи и приближенных, доставил их на корабль и увез в Китай. В 1414 г. пленники были возвращены на остров, но Вира Алакешвара не мог уже рассчитывать на возвращение трона. В 1432 г. Чжэн Хэ в третий раз высадился на Ланке, вернувшись затем в Китай с богатыми дарами. Китайские источники содержат сведения о том, что сингальские царские послы неоднократно доставляли ко двору китайского императора дары. Сопоставительный анализ сингальских и китайских хроник дает основание предполагать, что в первой половине XV в. Ланка признавала право императоров Мин на сбор

дани. В хрониках, однако, не встречается ни одного свидетельства того, что китайская сторона контролировала остров и имела своих постоянных представителей на нем. Возможно, что выплата дани китайскому императору объяснялась тем, что Паракрамабаху VI (1412–1467) сумел прийти к власти с помощью Чжэн Хэ, устранившего его предшественника — Вира Алакешвару.

Царь Паракрамабаху VI, начав свое правление в Райигаме, в 1415 г. перенес столицу сингальского государства в Котте, ставший новым политическим и экономическим центром страны на юго-западном побережье. К середине XV в. Котте, основной район произрастания коричного дерева, становится также важнейшим торговым центром острова.

В прибрежных районах юго-запада еще со времен Анурадхапуры существовали небольшие торговые поселения, на протяжении веков привлекавшие определенную часть населения из основных земледельческих районов в центре «сухой зоны». С ростом политической нестабильности эти периферийные торговые поселки стали пунктами сосредоточения разорявшегося сельскохозяйственного населения, покидавшего места первоначального проживания в поисках иных возможностей приложения своего труда. Возраставший интерес со стороны индийских и арабских, а позднее и европейских купцов к продуктам экспорта из Ланки привел к росту объема торговых операций и к быстрому развитию городов-портов Салвата, Путталама, Калпитийи, Каммалы, Негомбо, Калутары, Берувалы, Галле, Мигамувы, Колантоты (будущего Коломбо) на юго-западном побережье. В источниках содержатся сведения, что на остров прибывали корабли из 18 стран.

Большое развитие на острове получили различные виды ремесел. В XII в. крупнейшим центром ремесла и торговли была столица сингальского государства Полоннарува. После гибели цивилизации «сухой зоны», основанной на системе искусственного орошения, Полоннарува потеряла свое экономическое значение и центр городского строительства и ремесленного производства переместился в новые районы расселения сингалов — юго-западные, где в XIII–XV вв. расцвели такие города, как Япахува, Курунегала, Гампола, Райигама, Дамбадения — резиденции сингальских царей, в разное время становившиеся столицами Ланки. В хрониках «Чулавамса» и «Пуджавалия» перечисляются многочисленные профессии ремесленников: кузнецы, плотники, каменщики, штукатуры, маляры, гончары, золотых и серебряных дел мастера, чеканщики по бронзе, ювелиры и др. Ремесленники составляли значительную по численности прослойку феодального цейлонского общества. Различные городские и сельские ремесленники принадлежали к определенным подкастам в рамках единой ремесленной касты *наванданна*. Многие группы ремесленников являлись потомками переселенцев из Южной Индии.

Основной формой организации ремесла как в городе, так и в деревне было индивидуальное хозяйство ремесленника. Ремесленники обязаны были участвовать в работах в пользу государства, связанных с выполнением феодальной повинности — *раджакарии*: они отрабатывали в царских мастерских ежегодно 15 дней, не получая платы за свой труд. Самые различные источники свидетельствуют о широком привлечении ремесленников к строительным работам. При этом ремесленники в средневековой Ланке обладали относительно высоким статусом. Это подтверждается эпиграфическими свидетельствами о предоставлении им земельных участков по

типу как дивелы, так и памуну, которые они либо обрабатывали сами, либо сдавали в аренду. Наиболее высоким был статус кузнецов.

Наряду с ремесленным производством существовал целый ряд промыслов. Наиболее распространенными были: ловля жемчуга, отлов и приручение слонов, добыча и обработка драгоценных камней, солеварение, заготовка ценной древесины. Судя по данным ланкийской эпиграфики, все перечисленные промыслы считались царской монополией.

В XII–XV вв. происходило дальнейшее оформление сингальской кастовой системы, включившей в себя более 20 каст, дробящихся, в свою очередь, на множество подкаст. Высшая, земледельческая каста *гоигама* являлась самой многочисленной. Далее в строгой иерархической последовательности следовали *карава* (рыбаки), *салагама* (сборщики корицы), *дурава* (сборщики пальмового сока), *наванданна* (ремесленники), *хена* (прачки), *бадахела* (гончары), *берава* (музыканты), *оли* (танцоры) и, наконец, *родии* (ланкийские неприкасаемые). Таковы лишь наиболее крупные сингальские касты. Следует отметить, что члены каст не только занимались своими традиционными занятиями, отраженными в их названиях, но и участвовали в других видах хозяйственной деятельности: сельском хозяйстве, торговле. Сферы их возможной активности, однако, были разграничены.

Высшая каста гоигама была социально неоднородна. Она состояла из 9 подкаст, наиболее высоким статусом обладали подкасты *радала*, которая включала представителей феодальной аристократии, и *мудали*, которую составляла привилегированная верхушка служилой знати. Впервые о радала и мудали упоминается в X в. В XV в. они составили правящую элиту сингальского государства Котте.

Каста предписывала не только профессиональные обязанности, но и нормы поведения, включая правила ношения одежды, равно как и ее виды, и строительства жилых домов. Предписание каждой касте определенной *раджакарии* и контроль за ее выполнением были возложены на соответствующее государственное ведомство. Царь не только обладал правом менять род занятий той или иной касты, но мог также понизить или повысить ее социальный статус. Примером первого может служить каста салагама, члены которой, бывшие ткачами, с XV в. по приказу сингальского царя начали заниматься сбором коры коричного дерева; примером второго — *ведды*, которых кандийские правители приравняли к касте гоигама за их воинские заслуги.

В XII–XV вв. существовала сложная система межкастовых услуг и обязанностей.

Межкастовые тяжбы, связанные с невыполнением какой-либо повинности одной кастой в пользу другой, были нередким явлением в практике средневековых сингальских судов.

Правивший страной в течение 55 лет Паракрамабаху VI сумел возродить единое централизованное сингальское государство. Он явился первым сингальским царем со времен наивысшего могущества Полоннарувы в XII в. и одновременно последним, объединившим под своей властью весь остров. Он ликвидировал угрозу нападения со стороны империи Виджаянагар с континента, подчинил себе ванниаров и двинул сингальские войска на Джафну. Первый военный поход окончился неудачей, второй — принес победу его армии. Правитель Джафны, Ария Чакраварти, бежал в Южную Индию, и в середине XV в. (1450 г.) Джафна была включена в состав сингальского государства. Наместником ее был назначен приемный сын Паракрамабаху VI — Самупал Кумарая.

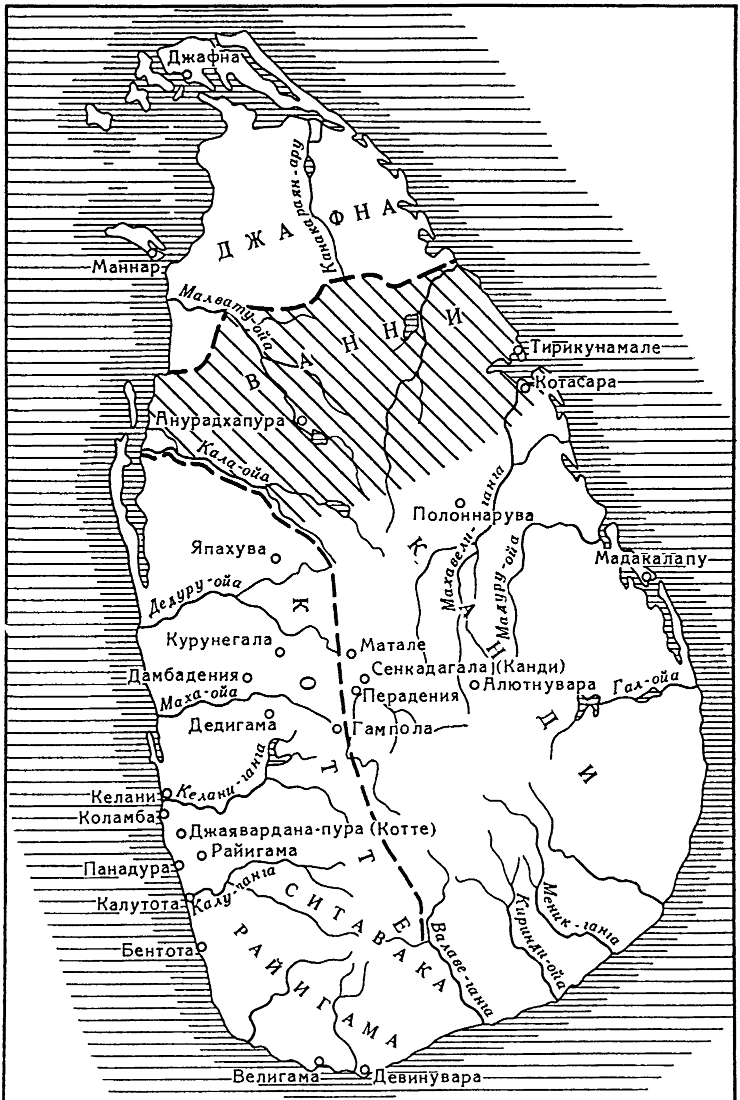


Рис. 22. Шри-Ланка накануне португальского завоевания

Паракрамабаху VI не стал создавать (подобно Паракрамабаху I в XII в.) единый административный аппарат для всего острова, он сохранил в завоеванных районах прежнюю систему управления, а нередко оставлял и прежних правителей в случае их согласия признать его сюзеренитет.

После смерти Паракрамабаху VI ему наследовал его внук, который был вскоре убит Самупалом Кумараей, захватившим власть и венчавшимся на царство под именем Бхуванаикабаху VI. Борьба за власть в центре привела к ослаблению контроля над территориями, входящими в состав сингальского

государства. Вновь после 17-летнего правления Самупала Кумараи обрела независимость Джафна. Могущество Котте подтачивалось на протяжении полувека не только постоянными попытками со стороны тамилов выйти из-под контроля сингальских царей, но и сепаратистскими устремлениями феодальной знати центральных горных районов. Крупный мятеж кандийской знати под руководством Джотии Ситаны против верховной власти Котте произошел в правление Паракрамабаху VI и был жестоко подавлен. В последней четверти XV в. непрекращавшаяся борьба кандийцев завершилась образованием в центральных районах острова независимого Кандийского государства.

После смерти Бхуванаикабаху в 1477 г. власть царей Котте распространялась только на юго-западные районы острова. Огромный район «сухой зоны», известный в средневековых источниках как Ванни, состоял из большого числа мелких феодальных образований, каждое из которых управлялось местным правителем. На юге страны независимость вновь получила Рухуна. Все крупные морские порты острова фактически находились в руках мавров и южноиндийских торговых корпораций.

Политическая раздробленность и экономическая слабость Ланки облегчали проникновение европейцев, первыми из которых оказались португальцы. В 1505 г. они впервые посетили остров. Убедившись в доходности местной экспортной торговли, португальские власти Гоа взяли курс на строительство торговых факторий на побережье, которые постепенно должны были стать опорными пунктами для военного захвата острова.

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В XIV–XV вв.

В средневековой истории Турции можно выделить два периода — сельджукский и османский, соединенные переходным периодом, который получил название «эпоха бейликов» (эмиратов, княжеств) (вторая половина XIII — начало XV в.).

«Эпоха бейликов» заключает в себе важные политические и этнические перемены, которые были вызваны монгольским нашествием и связанной с ним второй волной тюркской миграции в Анатолию. Поражение, нанесенное монголами малоазийским Сельджукидам в 1243 г., привело в конечном счете к расчленению основанного ими государства на две части. Территория Анатолии к востоку от р. Кызыл-Ырмак была включена во владения Хулагуидов (Ильханов). Здесь утвердились порядки, привнесенные монгольскими завоевателями. После распада державы Ильханов эти земли еще более века оставались под контролем различных туркменских предводителей, боровшихся за власть в Иране. Малоазийские Сельджукиды, признав свою вассальную зависимость от монгольских ханов, формально сохранили за собой власть над большей частью Западной и Центральной Анатолии. Однако на деле их владения быстро распались на целый ряд небольших эмиратов (*бейликов*), фактически независимых и от монголов, и от правителей Коньи. Этот процесс складывания новых политических объединений прежде всего обозначился в пограничных областях (*удж*), где сосредоточилась основная масса кочевых и полукочевых племен, недавно переселившихся в Малую Азию.

У племен, живших на границах, сложился своеобразный военно-кочевой быт: часть кочевников несла воинскую службу, другие пасли скот, занимались хозяйством. Все жители уджа были вооружены — постоянные стычки с соседями, набеги с целью грабежа и захвата новых земель составляли неотъемлемую часть их каждодневной жизни. Большим влиянием на пограничное население пользовались религиозные проповедники — шейхи (*баба*), странствующие дервиши, являвшиеся активными проповедниками войны с «неверными» (*газавата*).

Во второй половине XIII — первой половине XIV в. на территории Западной и Центральной Анатолии возникло около 20 княжеств. Некоторые из них просуществовали недолго и быстро распались. Другие оставили заметный след в турецкой истории. К числу последних следует отнести Караманский бейлик, сложившийся в 60-х годах XIII в. в горных районах Тавра к западу от Киликийского Армянского царства. Его правители проявляли большую активность не только в набегах на армянские земли, но и в борьбе против монголов и их послушных вассалов Сельджукидов. В начале XIV в., значительно расширив территорию своего государства и завладев Коньей, Караманиды открыто заявили о своих претензиях стать преемниками сельджукских султанов.

Основным соперником Караманского бейлика первоначально было княжество Гермиян со столицей в Кютахье. Успеху его правителей в немалой степени способствовали успешные походы гермиянских военачальников на византийские земли. Это создало благоприятные условия для расширения границ княжества вплоть до Анкары.

В 20–30-х годах XIV в. славу Гермияна начали затмевать новые бейлики, возникавшие на побережье Эгейского моря. Отрезав владения гермиянских эмиров от территорий, населенных «неверными», они взяли на себя важнейшую функцию пограничных уджей, заключавшуюся в ведении «священной» войны. Именно этим княжествам (бейликам Ментеше, Айдын, Сарухан и Кареси) с того времени доставалась и бóльшая часть награбленных богатств «неверных», сюда же устремился и основной поток пришельцев из внутренних районов Анатолии, желавших влиться в ряды «борцов за веру» — *газиев*. Вскоре почти вся западная часть Малой Азии оказалась в руках тюркских беев. Важнейшей особенностью жизни приморских бейликов вскоре стали пиратство и работорговля, наносившие большой вред средиземноморской торговле и населению Балкан и островов Эгейского моря. Ущерб, который терпели европейские страны из-за активности тюркских пиратов, заставил их выступить с совместными ответными акциями. В 1343–1344 гг. был предпринят крестовый поход с целью захвата Смирны (Измира) — крупнейшего порта на Эгейском побережье Малой Азии, установлена блокада приморских бейликов. В результате решительных действий европейских союзников военный и экономический потенциал Эгейских эмиратов был существенно подорван, заметно снизилась внешнеполитическая активность их правителей.

Иначе сложилась судьба еще одного пограничного бейлика, располагавшегося в Вифинии (северо-западной части Малой Азии) и известного по имени первого независимого правителя этого княжества — бея Османа (1288–1324).

Османский бейлик образовался на базе находившегося в районе Эскишехира небольшого уджа, владельцем которого был отец Османа, Эртогрул, утвердившийся здесь в первой половине XIII в. После монгольского нашествия зависимость правителей бейлика от сельджукского

правительства стала чисто номинальной. Принято считать, что около 1300 г. Осман окончательно освободился от подчинения Сельджукидам и стал проводить самостоятельную политику, нацеленную на расширение своих владений.

Бейлик Османа уступал другим княжествам и по размерам своей территории, и по уровню социально-экономического развития. Однако как географическое положение, так и политическая ситуация, сложившаяся в Малой Азии к началу XIV в., благоприятствовали его быстрому расширению. Район, ставший первоначальным ядром будущего Османского государства, был весьма отдален от тех областей, где господствовали монголы, и потому правители бейлика, признавая себя вассалами монгольских ханов, были фактически самостоятельны в своей политике. Соседние княжества не придали большого значения начальным успехам османцев.

Важным фактором, способствовавшим росту Османского княжества, было его соседство с Византией. Военные действия, которые направили вожди бейлика против последних владений слабеющей империи в Малой Азии, позволили им существенно расширить его границы и вместе с тем обеспечили постоянный приток новых сил из других тюркских княжеств Анатолии, прибывавших для участия в «священной войне» против «неверных».

В результате ряда походов, осуществленных еще при жизни Османа, была захвачена территория вокруг хорошо укрепленной крепости Бруса (Бурса), взять которую удалось сыну Османа — Орхану (1324–1362). Она стала столицей княжества. Затем пали и другие крупные византийские города — Никея (Изник) и Никомедия (Измит). К началу 50-х годов XIV в. турки-османы оказались перед черноморскими проливами. Преодолеть их и захватить столицу Византии они не смогли. В этих условиях основным объектом новых захватнических планов стали земли, лежавшие за Босфором и Дарданеллами.

Внутреннее управление Османского бейлика на первых порах было крайне примитивным. Осман и Орхан утверждались в звании бея на совете племенной знати. Бей выступал прежде всего как военачальник, а основной его функцией являлась организация военного дела для осуществления грабительских походов против соседей. В качестве ближайших сподвижников бея выступали его родственники — сыновья, братья, которых он назначал правителями захваченных городов и крепостей.

По мере расширения Османского бейлика усложнялась система его управления. При Орхане появились первые везиры, вместо прежних уделов начало вводиться административно-территориальное деление завоеванных земель, стала чеканиться собственная монета — *акче*[1]. Менялась и военная организация. Были созданы отдельные отряды пехоты (*яя* или *пияде*) и конницы (*мюселлем*). Во время походов воины, входившие в эти отряды, получали жалованье в размере 1 акче ежедневно. В мирной обстановке они обрабатывали земли, выделенные им для личного пользования центральной властью и освобожденные от налогов. Так был сделан первый шаг на пути перехода от племенного ополчения к феодальной армии. Хотя созданное в первой половине XIV в. войско состояло в основном из пеших и конных общинников-ополченцев (соответственно *азапов* и *акынджи*), военные

[1] *Акче* — европ. *аспра*, мелкая серебряная монета весом 1,15 г, содержавшая первоначально до 90% серебра.

преобразования в Османском бейлике свидетельствовали о далеко идущих планах его правителей. Новое войско должно было обеспечить объединение Малой Азии под их властью.

Осуществление этих планов растянулось на многие десятилетия, хотя ситуация, сложившаяся во второй половине XIV в., несомненно, благоприятствовала складыванию единого тюркского государства в Анатолии.

При всех своих различиях малоазийские эмираты, в том числе и Османский бейлик, были однотипными государственными образованиями. Об этом свидетельствует практически одновременное появление в них практики раздачи условных земельных пожалований — *тимаров*. При всей спорности вопроса о происхождении тимаров нельзя не признать, что в них отразились как аграрные порядки, существовавшие в мусульманских странах Ближнего и Среднего Востока (в частности, институт *икта*), так и византийские формы феодального землевладения (*прония*).

В бейликах складывались схожие формы государственного устройства, чему в немалой степени способствовал приток мусульманского духовенства из разных стран исламского мира. Привлечение ученых-богословов (*улемов*) к административному управлению существенно укрепляло тенденцию к усилению централизованной власти. Благодаря усилиям улемов суннитский толк ислама приобрел господствующее влияние.

Во всех княжествах активно шли процессы исламизации и языковой ассимиляции местного греческого и армянского населения. Одновременно наблюдался рост этнического самосознания самих турок, отразившийся в создании многочисленных литературных и научных произведений на старотурецком (анатолийском тюркском) языке. Он же стал употребляться и в делопроизводстве вместо ранее использовавшегося персидского языка. Историки связывают с этими переменами зарождение турецкой культуры, важнейшего компонента в процессе этногенеза турок.

Политическая ситуация сложилась таким образом, что именно османским правителям удалось утвердить свою ведущую роль среди малоазийских беев.

Этому в большой степени способствовала их завоевательная политика в Юго-Восточной Европе. Свои первые захваты турки-османы совершили в 1352–1357 гг., выступая в качестве союзников различных претендентов на византийский престол. Используя сложную политическую обстановку на Балканах, они сумели в течение последующих 30 лет овладеть значительной частью полуострова. Свою столицу они перенесли из Малой Азии на Балканы — в Адрианополь (Эдирне). Оставив Константинополь в тылу, турецкие войска двинулись на север против Сербии. Решительная битва произошла на Косовом поле в 1389 г., когда собранное сербским деспотом Лазарем ополчение из сербов и босняков потерпело поражение. Эта неудача решила судьбу сербского государства, потерявшего свою независимость.

В 1393 г. турки-османы овладели столицей Болгарии — г. Тырнов, а в 1396 г. они столкнулись под стенами Никополя, что к югу от Дуная, с объединенными силами венгров, валахов, болгар и европейских рыцарей-крестоносцев, насчитывавшими около 60 тыс. человек, и в кровопролитном сражении разгромили их.

Османская экспансия на Балканах вызвала экономический упадок балканских стран. Завоеватели разрушали местные очаги культуры,

пытались отделить Балканы искусственным барьером от соседних стран Европы.

По существу, установление османского господства в Юго-Восточной Европе привело к несомненной приостановке естественно-исторического развития балканских народов.

Иным было влияние военных экспедиций на самих завоевателей. Если вначале их действия носили характер грабительских набегов, то в дальнейшем все большее значение приобретает захват земель с целью взимания дани с покоренных народов и наложения на них разного рода повинностей. В короткий срок небольшой пограничный бейлик превратился в обширное государство. Быстро изменялась и его внутренняя организация. Прежние вольница кочевников-газиев и удельная форма правления захваченными областями уступали место сильной центральной власти. Эта тенденция, обозначившаяся еще при Орхане, стала особенно заметной при его преемниках — Мураде I (1362–1389) и Баязиде I (1389–1402). Стремясь подчеркнуть могущество правящей династии, Мурад незадолго до смерти принял титул султана.

Османская экспансия на Балканах привела к включению в состав государства народов, которые резко отличались от самих завоевателей как по уровню социально-экономического и культурного развития, так и по этноконфессиональной принадлежности. Отсутствие прочных экономических и социальных связей между подданными султана заставляло правящую верхушку уделять особое внимание не только военной силе, но и исламу, как важнейшему фактору духовного единения. Поэтому первостепенное значение придавалось распространению мусульманской религии на вновь завоеванных территориях в Юго-Восточной Европе как за счет насильственной исламизации населения, так и путем создания многочисленных религиозно-культурных центров на базе вакуфной собственности.

Усиление могущества Османского султаната позволило его правителям подчинить своей власти и малоазийские бейлики. Действуя с помощью подкупов, династийных браков и прямых военных захватов, они утвердились на значительной части Анатолии вплоть до городов Сиваса, Кайсери и верхнего течения Евфрата.

Сын погибшего в битве на Косовом поле Мурада I, Баязид, прозванный за свои быстрые военные успехи на Балканах и в Малой Азии Йылдырым («Молниеносный»), стремился к превращению османского государства в империю. Он задумал завоевание Константинополя и приступил к строительству большого флота для осады этой первоклассной крепости. Однако в 1402 г. в Малую Азию вторглись войска Тимура.

Баязид встретил неприятельские войска у Анкары. Исход сражения решила измена малоазийских беев, перешедших со своими отрядами на сторону Тимура. Армия Баязида была разгромлена, а сам султан и два его сына попали в плен.

Нашествие Тимура опустошило Малую Азию. Под угрозой оказалось будущее Османского султаната, поскольку Тимур восстановил Караман и другие бейлики и резко сократившиеся османские владения в Анатолии разделил между сыновьями Баязида. В 1404 г. грозный завоеватель вернулся в Среднюю Азию. После ухода его войск началась ожесточенная борьба между сыновьями Баязида, каждый из которых пытался занять престол умершего в плену отца. Спустя несколько лет из всех братьев в живых осталось лишь двое — Муса и Мехмед. В 1413 г. в решающем бою Муса потерпел поражение, а затем был схвачен и обезглавлен. Мехмед

(1413–1421) стал единовластным хозяином османских владений в Европе и Малой Азии.

Укрепив свое положение в государстве, османская правящая верхушка вновь начала завоевательные походы на Балканах и в Анатолии. Вторичным подчинением большинства малоазийских эмиратов в 1425 г. завершается переходная «эпоха бейликов». В рамках этого периода происходит и становление Османского государства, проделавшего эволюцию от «варварского» княжества до обширного султаната, но сохранившего свою ориентацию на внешнюю экспансию, захват и ограбление соседних стран.

К середине XV в. четко определяются основные черты османского общественно-политического строя. Одним из важнейших его компонентов стала тимарная система. Первые пожалования, как правило, представляли лишь право сбора какой-то доли податей с завоеванных земель. Получатели тимаров — *сипахи* — держали их при условии обязательного выполнения определенной, чаще всего военной службы. Постепенно пожалования превратились в ненаследственные земельные держания, различавшиеся прежде всего по величине поступлений с них. Собственно тимарами считались владения, приносившие от 3 до 20 тыс. акче в год. Получавшие их сипахи стали называться *тимариотами*. Более крупные земельные пожалования — *зеаметы* — обеспечивали их держателям (*заимам*) доход от 20 до 100 тыс. акче. Самыми значительными условными владениями были хассы с поступлениями свыше 100 тыс. акче. Их получали лица, занимавшие высшие государственные посты, на время своей службы.

Тимарная система должна была обеспечить воспроизводство основной массы сипахи — наиболее многочисленной прослойки складывающегося господствующего класса. Авторы XV–XVI вв. относили их к категории «мужей меча», поскольку сипахи были обязаны не только нести военную службу в рядах конного ополчения, но и отвечать за поддержание порядка на местах и исправное выполнение зависимым крестьянством повинностей перед государством. Само возникновение этой системы стало возможным в результате расширения османских владений за счет Византии и балканских государств. В свою очередь, увеличение численности владельцев тимаров означало значительное повышение военного потенциала Османского государства, а следовательно, и возможности продолжения и расширения масштабов агрессивной внешней политики. Вместе с тем широкая раздача завоеванных земель в качестве условных пожалований свидетельствовала и о расширении социальной базы султанской власти.

В немалой степени усилению османского могущества способствовало создание первых частей постоянного войска, состоявшего на казенном содержании. Они получили название *янычары*[2]. Первый такой отряд пехоты был сформирован еще при Орхане и насчитывал всего тысячу человек. Специфика янычарского корпуса определялась тем, что формировали его за счет лиц рабского статуса — военнопленных, купленных невольников. Вырванные из своей культурно-религиозной среды, лишенные родственных связей, отданные в обучение представителям мусульманской религиозной организации (дервишскому ордену бекташей) и обязанные соблюдать устав бекташей, в том числе обет безбрачия, янычары превратились в замкнутую военную корпорацию — султанскую гвардию. В первой половине XV в. части, состоявшие на жалованье у султана, дифференцировались: наряду с янычарской пехотой появились отряды

[2] От тур. *ени чери* — «Новое войско».

конной гвардии и корпус артиллеристов. Убедившись в эффективности нового, огнестрельного оружия, османские правители в первой половине XV в. стали активно оснащать свою армию пушками и пищалями.

К середине XV в. турецкая армия по своей организации и боевым качествам не уступала европейским ополчениям и наемным войскам, к тому же, как правило, турки имели заметное численное превосходство над армиями других стран. Последнее обстоятельство часто решало исход сражений.

В постоянном войске османская верхушка видела важнейший инструмент укрепления сильной центральной власти и единства государства. При его помощи султаны могли ограничивать своеволие сипахи и держать в повиновении население завоеванных стран.

Со времени Баязида I в широких масштабах стала развиваться система *капыкулу* («государевых рабов») — использования лиц рабского статуса не только в войсках, но и на государственной службе. Поскольку прежние источники пополнения не обеспечивали потребностей расширявшегося административного аппарата, начался систематический набор детей и юношей из подчиненного христианского населения Балкан, прежде всего из славян и албанцев, в порядке принудительной разверстки или своеобразного «живого налога» — *девширме*. Рекруты подвергались насильственному отуречиванию и исламизации, для чего их обычно направляли в турецкие, преимущественно сельские, семьи в Малой Азии. Здесь они использовались на различных работах, главным образом в сельском хозяйстве. После нескольких лет пребывания в Анатолии будущих «государевых рабов» возвращали в янычарские казармы, где из них отбирали кандидатов для службы при дворе, в янычарском корпусе или в различных султанских мастерских.

К первой половине XV в. относятся и первые попытки кодификации османского феодального права в виде сводов законодательных положений (*канун-наме*) по отдельным провинциям государства. В них обобщались положения по административным, финансовым и уголовным делам, устанавливались принципы налогообложения различных групп податного населения, регулировались вопросы поземельных отношений с учетом практики, сложившейся в данных районах к моменту их включения в Османское государство. С точки зрения мусульманского права подобные кодексы представляли новшество, умалявшее роль шариата. Составлявшие их законоположения базировались в основном на нормах обычного права и регламентах, действовавших до османского завоевания, и потому иногда существенно расходились с шариатскими догмами, которыми обычно руководствовались мусульманские судьи — *кадии*. Позже, в годы правления султана Мехмеда II Фатиха (1451–1481), на их основе были составлены общие канун-наме, ставшие обязательными руководствами при решении государственных дел и в практике шариатских судов.

Кодексы представляют значительный интерес для исследования уровня социально-экономического развития османского общества в середине XV в. и особенно важны для характеристики аграрных отношений.

Земельные владения господствующего класса в Османском государстве не ограничивались различными видами условных пожалований. Существовали также земли в частном владении — мюльки и находившиеся в ведении мусульманского духовенства вакуфные земли. Бóльшая часть мюльков появилась в начальный период завоеваний в Юго-Восточной Европе и во время присоединения анатолийских бейликов. Они принадлежали

представителям влиятельных феодальных родов на Балканах и в Малой Азии.

Поскольку на средневековом мусульманском Востоке частная собственность выступала как ограниченная и не защищенная от произвола представителей центральной власти, многие собственники пытались использовать институт *вакфа*, освобожденный от контроля государства, для получения определенных гарантий хозяйственной самостоятельности, а также сохранения целостности накопленного состояния. Выражением этой тенденции в Османском государстве стало появление наряду с так называемыми истинными вакфами большого числа «неистинных», или «семейных». В отличие от первых, созданных исключительно в религиозных или благотворительных целях, последние представляли собой земли и другое имущество, завещанные владельцем в пользу своих потомков без права передачи управления ими другим лицам и при условии отчисления части доходов в пользу того или иного религиозного учреждения. На практике «неистинные» вакфы выступали как своеобразная (скрытая) форма частной собственности. Близость между ними и мюльками подчеркивается также тем обстоятельством, что в вакф могло быть обращено лишь имущество, которое находилось в частной собственности.

В отличие от мюльков и вакфов тимары, зеаметы и хассы основывались на государственных землях. Класс османских «мужей меча» был неоднороден по своему составу. Держатели тех или иных категорий условных пожалований различались не только по величине получаемых доходов, но и по объему прав и привилегий. Хассы и зеаметы относились к категории «свободных держаний». Их владельцы пользовались судебным и административным иммунитетами и собирали в свою пользу почти все налоги и сборы с крестьян. Тимары же считались «несвободными», их владельцы не располагали подобными правами и получали лишь часть сборов со своей реайи[3].

Таким образом, с утверждением тимарной системы в османском правящем классе оформились две основные группировки. Основная часть сипахи представляла собой низшую массовую прослойку господствующего класса, располагавшую незначительной частью феодальной ренты и ограниченными правами в отношении приписанных крестьян. Тимариотам противостояла небольшая по численности, но сильная своим влиянием и богатством правящая элита, состоявшая в основном из держателей зеаметов и хассов. Именно им принадлежала и основная масса частных земельных владений.

Сипахи не занимались хозяйственной эксплуатацией земельных угодий и заботились не об улучшении техники земледелия или увеличении урожайности, а лишь о своевременном получении ренты. Всю землю обрабатывали зависимые крестьяне — райяты, которые за пользование ею отдавали определенную часть урожая феодалам.

Отражая утверждение публично-правовых начал в аграрных отношениях, канун-наме определяли и повинности крестьян в отношении сипахи. Последний имел право на взимание поземельного налога (*ресм-и чифта*) в соответствии с величиной обрабатываемого надела и десятины (*ушра*), собиравшейся с различных продуктов сельского хозяйства. Крестьяне платили также владельцам земли мельничный сбор, налог со скота,

---

3 *Реайя* (ед.ч. *райят*) — общий для мусульманского Востока термин для обозначения податного населения; в переводе с арабского букв. «стадо», «пасомые».

брачный налог, сбор за составление документа о наследственном пользовании землей (*тапу*) и всевозможные штрафы. Кроме того, они должны были выполнять различные повинности — участвовали в феодальном ополчении, сооружали и ремонтировали крепости, дороги, мосты и т.п. Положение немусульман — греков, армян, болгар, сербов и других — было еще более тяжелым, поскольку с них взимали дополнительную подушную подать (*джизью*), которая формально представляла собой плату за освобождение от военной службы.

Феодальная рента выступала в денежной, продуктовой и отработочной формах. Преобладание издольной системы определило господство продуктовой ренты. Барщина не имела значительного распространения. (Рассматривавший вопросы земельного права кодекс Фатиха ограничивал ее семью днями в году, при этом предусматривалась возможность откупа.)

Преобладание издольщины и продуктовой ренты оказало существенное влияние и на формы внеэкономического принуждения крестьянина. В канун-наме содержались определенные положения, которые устанавливали личную зависимость сельских жителей от сипахи, но в целом османский райят пользовался относительной личной свободой. Это обстоятельство тесно связано с правами, которыми райяты располагали в отношении своих земельных участков. Крестьянин мог потерять свой участок лишь в том случае, если он его не обрабатывает. Земли крестьян переходили по наследству от отца к сыну. Интересно отметить, что в свод законов Мехмеда II не было включено положение о принудительном возвращении крестьян на землю.

Утверждение феодальных порядков в османском обществе не могло пройти безболезненно и стало причиной острого социально-классового конфликта в стране.

Его основой стал протест земледельцев и скотоводов, превращавшихся в феодально-зависимое население — реайю. Особенно остро ощущалось недовольство в массе тюркских кочевников, которые составляли ударную силу на начальном этапе османских завоеваний на Балканах и одновременно являлись средой распространения шиитских — еретических, с точки зрения правителей страны, — религиозных идей. Поскольку их роль в военных экспедициях постепенно уменьшалась, султанские власти все более настойчиво стремились ограничить их свободу и низвести до уровня обычного податного населения. Недовольство этих «бездельников и бродяг» — как называли их османские придворные хронисты, — несомненно, передавалось и другим группам сельских жителей, чье экономическое положение резко ухудшилось в начале XV в. из-за разрушений, произведенных нашествием Тимура и длительной борьбой сыновей Баязида за власть.

Обострение классовых противоречий дополнялось и осложнялось конфликтом в самом господствующем классе. Представители племенной верхушки, располагавшие значительной властью в османских пограничных владениях на Балканах, открыто демонстрировали свои оппозиционные настроения, поскольку их самостоятельность и влияние при султанском дворе быстро уменьшались из-за осуществления курса на создание сильного централизованного государства. Соединение антифеодального протеста крестьянства с борьбой внутри высших слоев османского общества создало обстановку острого социально-политического кризиса. Отчасти он нашел свое выражение в междоусобной войне за османский престол, но высшей точки достиг в ходе восстания 1416 г. под руководством выдающегося

мыслителя и общественно-политического деятеля средневекового мусульманского Востока шейха Бедреддина Симави (1358–1416). Сложный путь идейных споров, нравственного совершенствования и религиозно-философских исканий привел этого ученого-теолога к еретическим идеям пантеизма (отождествления бога с окружающим миром), к проповеди братства людей вне зависимости от их вероисповедания, порицанию социального и имущественного неравенства.

Проповеди шейха и его аскетический образ жизни принесли ему большую популярность задолго до восстания. Один из претендентов на султанский престол, Муса, зная, что народ почитает Бедреддина за святого человека, назначил его своим *кадиаскéром* (военным судьей). После поражения Мусы шейх был отправлен в ссылку в Изник. В ссылке Бедреддин Симави приходит к выводу о необходимости осуществления идей социального и имущественного равенства наиболее радикальным путем — через народное восстание. В начале 1415 г., зная о накалившейся обстановке в стране, он решил действовать и направил ряд своих послушников — *мюридов* — в районы Западной Анатолии, где недовольство было особенно сильным. Весной того же года два его ученика — Мустафа Берклюдже и Торлак Кемаль — подняли восстание в районах Измира и Манисы.

Социальная программа восставших выражалась лозунгом всеобщего равенства.

Мустафа Берклюдже проповедовал среди крестьян идеи общего пользования и владения продуктами труда (съестными припасами, одеждой и пр.), а также землей и рабочим скотом. Ему приписывают изречение: «Я такой же хозяин в твоем доме, как ты, а ты в моем — как в своем, за исключением женской половины». Программа Берклюдже носила явно антифеодальный характер и привлекла к нему немало сторонников — крестьян, начавших вооруженную борьбу против султана. Проповедуемые учениками Бедреддина идеи равенства религий также имели большой успех, особенно среди немусульманского населения.

Узнав о начавшемся восстании в районе Измира, шейх Бедреддин бежал в Валахию. Затем он переправился через Дунай и обосновался в лесах Дели Ормана. Отсюда во главе своих приверженцев шейх двинулся к г. Стара Загора, с тем чтобы начать наступление на Эдирне. Бедреддин принял имя Махди (мессия), который, по догматам шиитского ислама, должен явиться на землю, чтобы избавить людей от страданий и притеснений. Политика шейха была несколько отлична от действий его учеников. Если последние обращались за поддержкой лишь к простому народу, то Бедреддин искал сторонников и в среде османской знати, обещая земельные пожалования и высокие должности. Среди участников его похода было немало лиц, ранее выступавших в поддержку Мусы и потерявших впоследствии свои земли и звания.

Момент для начала активных действий оказался неудачным. Восстание в Малой Азии было уже подавлено, и султан смог перебросить свои войска на Балканский полуостров. В ходе сражения сторонники Бедреддина потерпели поражение. Сам шейх был выдан предателями султану и казнен в декабре 1416 г.

Предпринимавшиеся султанской властью меры по распространению тимарной системы и укреплению централизованного аппарата управления позволили преодолеть острый социально-политический кризис в османском

обществе и обрести силы для достижения главной цели «священной» войны — взятия Константинополя.

Упадок и разложение Византийской империи облегчили задачу османских завоевателей. Среди господствующего класса шла ожесточенная борьба сторонников сближения с итальянскими государствами, пошедших даже на унию с католической церковью и признание религиозного главенства папы римского, и защитников греческой самобытности и православной религии.

Турки тщательно готовились к походу, обратив особое внимание на создание тяжелой осадной артиллерии и большого флота, что должно было решить судьбу византийской столицы. Весной 1453 г. султан Мехмед II сосредоточил против Константинополя свои отборные войска общей численностью до 100 тыс. человек. Защитников города было чуть ли не в десять раз меньше. Среди осажденных находилось около 4 тыс. итальянцев, специально прибывших на помощь городу. Несмотря на явное превосходство, туркам пришлось осаждать город в течение пятидесяти дней.

Падение Константинополя было ускорено предательством. При помощи венецианцев и генуэзцев, живших в пригороде столицы — Галате, осаждающие сумели волоком перетащить свои легкие суда из Мраморного моря в бухту Золотой Рог, отделяющую Константинополь от Галаты. Городские укрепления со стороны бухты были наиболее ветхими, что и использовали турки. Захватив гавань, они навели плавучий мост через верхнюю часть Золотого Рога и получили возможность действовать и с этой стороны, отвлекая силы обороняющихся от направления основного удара.

29 мая 1453 г. столица Византии пала. Император был убит. Мехмед II переименовал город в Стамбул и перенес сюда свою резиденцию. Завоеватели увели в неволю бóльшую часть уцелевших жителей города. Это была богатая добыча — османские воины имели право продать пленных в рабство или отпустить за выкуп. Что касается генуэзской Галаты, то она сохранилась и после завоевания Константинополя и жители ее получили от Мехмеда II право торговли и личной неприкосновенности.

Взятие Константинополя значительно увеличило могущество Османского государства и резко ухудшило положение тех балканских народов, которые еще сохраняли свою независимость или некоторую автономию. Вначале были ликвидированы все остатки византийских владений. Затем наступила очередь Сербии, Мореи, Боснии, Албании. Правители Молдавии и Валахии также были вынуждены пойти на существенные уступки Мехмеду II, в частности на уплату большой ежегодной дани, чтобы сохранить государственную и территориальную целостность своих стран. Тем самым начался процесс подчинения этих княжеств османской власти.

Окончательно утвердившись на Балканах, Мехмед II приступил к новым завоеваниям в Малой Азии и к вытеснению генуэзцев и венецианцев из Черного моря.

Прежде всего турки овладели Трапезундом (Трабзоном), являвшимся центром Трапезундской империи, существовавшей с начала XIII в. Жители Трапезунда в течение 28 дней стойко оборонялись против султанских войск, но затем греческая знать во главе с императором Давидом Комнином предательски сдала город (26 октября 1461 г.). В 1473 г. Мехмед II разгромил войска союзников Комнина — правителя обширного государства Ак-Коюнлу Узун Хасана и караманского бея. Благодаря этим победам было в основном завершено завоевание Малой Азии: Караман потерял свою

независимость, а вскоре после этого владения Узун Хасана в Малой Азии также вошли в состав Османского государства.

Параллельно со сражениями на Балканах и в Малой Азии Мехмед II развернул военные действия против Венеции и Генуи, пытавшихся отстоять свое господствующее положение в бассейне Черного моря и в восточной части Средиземноморья.

После упорной борьбы на суше и на море в 60–70-х годах Венецианская республика все же не смогла удержать острова Архипелага в Эгейском море, сохранив за собой лишь о-в Крит и Ионические острова. Генуя также потерпела ряд поражений, потеряла острова Хиос и Лесбос. Однако наиболее чувствительным ударом для Генуи было завоевание османскими войсками ее колоний в Крыму (1475 г.), главной из которых был г. Кафа (Феодосия). Стремясь окончательно подорвать могущество итальянских республик, Мехмед II даже попытался перенести военные действия на Апеннинский полуостров, где туркам удалось захватить небольшой городок Отранто. Однако со смертью султана эта операция была приостановлена.

К титулам Мехмеда II турки прибавили слово Фатих (Завоеватель). За три десятилетия его правления Османское государство значительно расширило свои границы и превратилось в могущественную империю, наводившую страх на всех ее соседей.

В турецкой истории Мехмед II известен не только как завоеватель, но и как крупный государственный деятель, осуществивший важные преобразования во внутренней жизни страны.

Значительные военные успехи турок и установление их полной гегемонии в Малой Азии и на Балканах позволили Мехмеду II в широких масштабах проводить мероприятия, направленные на дальнейшее развитие тимарной системы и расширение сферы султанской власти.

Опасность усиления сепаратистских тенденций среди феодалов и потребность в постоянном увеличении доходов для содержания армии вынудили Мехмеда II предпринять ряд мер, направленных против собственников мюльков и создателей «неистинных» вакфов. Кульминационным моментом борьбы явились указы султана о конфискации части мюльков и вакуфных земель с целью превращения их в тимары.

Указы Мехмеда II нанесли удар по остаткам феодальной аристократии из малоазийских бейликов, ликвидировав материальную базу их былой самостоятельности. Вместе с тем он попытался ослабить формирующуюся внутри самой империи феодальную верхушку, которую уже не удовлетворяли ограниченные условия служебного землевладения.

Важнейшим итогом турецкой истории XIV–XV вв. можно считать появление новой могущественной державы — Османской империи. Ее возвышение определялось сочетанием многих факторов. Среди них особо следует отметить то обстоятельство, что центром нового государства стали области, которые на протяжении уже многих веков отличались особой интенсивностью общественной жизни. Долгий опыт сосуществования византийских и сельджукских феодальных порядков, напряженной политической борьбы, острых социальных конфликтов стал, образно говоря, той исторической почвой, на которой за сравнительно короткое время смогла утвердиться османская общественно-политическая система.

Едва ли не с самого начала вновь создававшееся общество отличалось гетерогенностью, поскольку под властью воинственных наследников бея Османа оказались народы, неоднородные по уровню своего социально-экономического развития, разные по своей этноконфессиональной принад-

лежности и традициям своего бытия. Возникшая держава выступала прежде всего как политическая общность, единство которой поддерживалось главным образом благодаря военной силе, активной деятельности административного аппарата, состоящего преимущественно из «государевых рабов», и широкому использованию на государственной службе мусульманского духовенства. Османским правителям удалось создать внутри господствующего класса определенный баланс сил: «государевы рабы» уравновешивали центробежные тенденции провинциальных сипахи, а улемы, осуществлявшие надзор за соблюдением норм шариата и султанских законов, ограничивали произвол капыкулу. Существование подобного баланса было необходимым условием эффективной работы государственного механизма и способствовало утверждению автократических начал османского политического режима.

Усилия османской правящей верхушки, направленные на создание мощной армии, позволили осуществить широкие экспансионистские планы в Европе и Азии. Возникшая во второй половине XV в. новая империя оказалась в состоянии не только бороться за роль ведущей державы на мусульманском Востоке, но и бросить вызов христианскому Западу. Оказавшись перед лицом турецкой угрозы, европейские монархи не смогли объединиться для борьбы против «нечестивцев» и вынуждены были признать новую расстановку сил на международной арене.

УПАДОК ВИЗАНТИИ В XIII–XV вв.

После взятия крестоносцами Константинополя в апреле 1204 г. начался распад Византийской империи, подготовленный всем ходом ее социально-экономического и политического развития. На ее развалинах возникли три греческих государства — Никейская империя, Трапезундская империя и Эпирское царство. Крестоносцы образовали Латинскую империю с центром в Константинополе. Но завоеватели мечтали о создании огромного государства, куда бы вошла не только вся Византия, но и земли балканских славян. Адрианопольская битва 14 апреля 1205 г. разрушила эти планы. Однако крестоносцы овладели значительной частью Греции, районами Македонии и Фракии, островами Эгейского моря и северо-западной частью Малой Азии.

Латинская империя являла собой непрочное объединение феодальных владений западноевропейских баронов, находящихся в вассальной зависимости от императора Романии — так империя именовалась на Западе. Крупнейшими из ее вассальных владений были Фессалоникийское королевство, Ахайское княжество на Пелопоннесе, Афино-Фиванское герцогство в Средней Греции. Значительные византийские торговые центры захватила Венеция: Адрианополь, Редесто, Галлиполи, Корон и Модон, о-в Крит и др. В таких тяжелых условиях греческие государства начали борьбу с завоевателями.

Эпирский правитель Феодор Ангел (1215–1230) в 1225 г. захватил Фессалонику и на месте королевства создал империю. В течение нескольких лет территория империи за счет завоевания Южной Македонии и Фракии, принадлежавших Болгарии и латинянам, увеличилась более чем вдвое, приблизившись к самому Константинополю. Лишь поражение в 1230 г. от войск одного из выдающихся царей Второго Болгарского царства, Ивана II

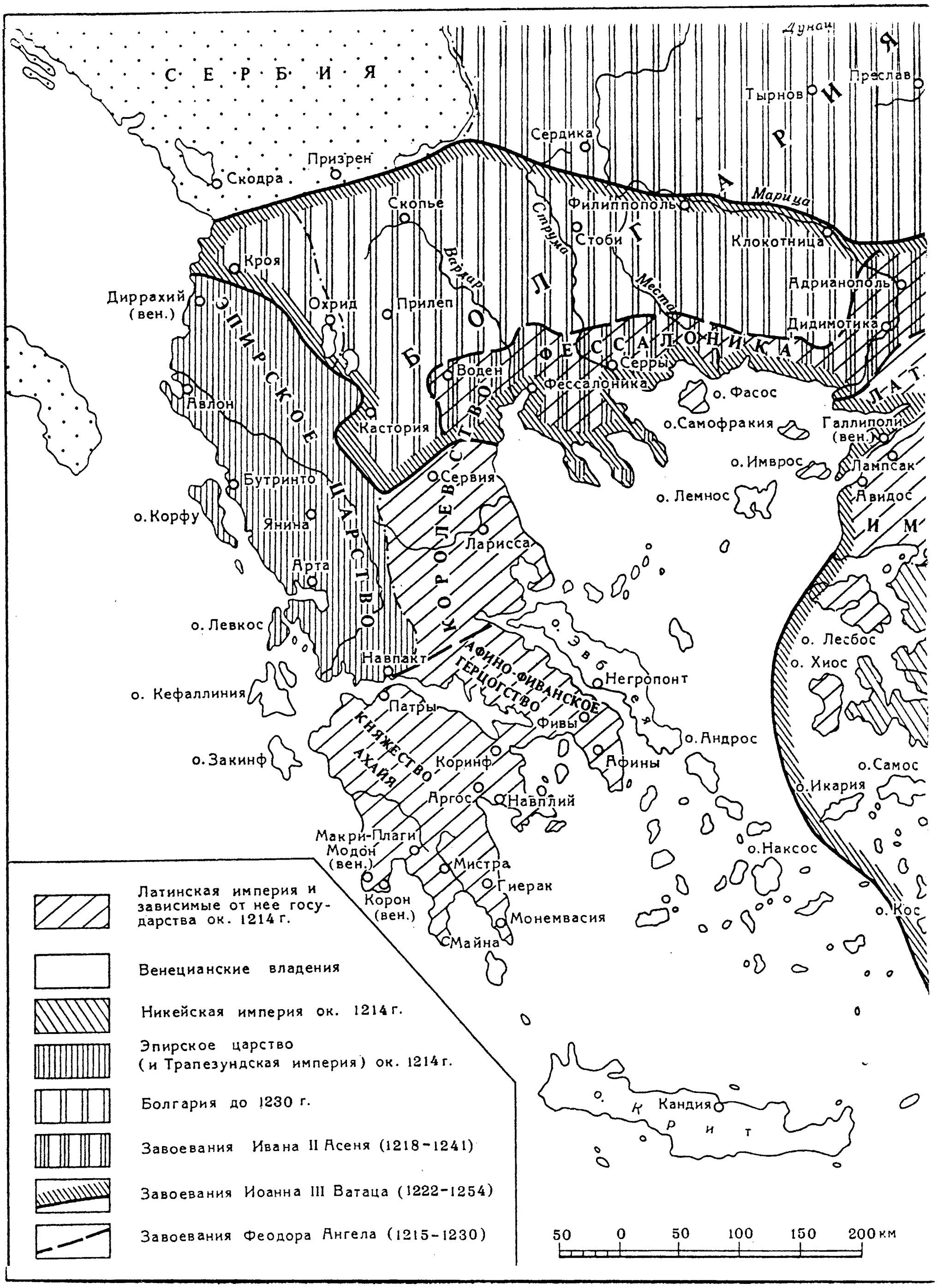
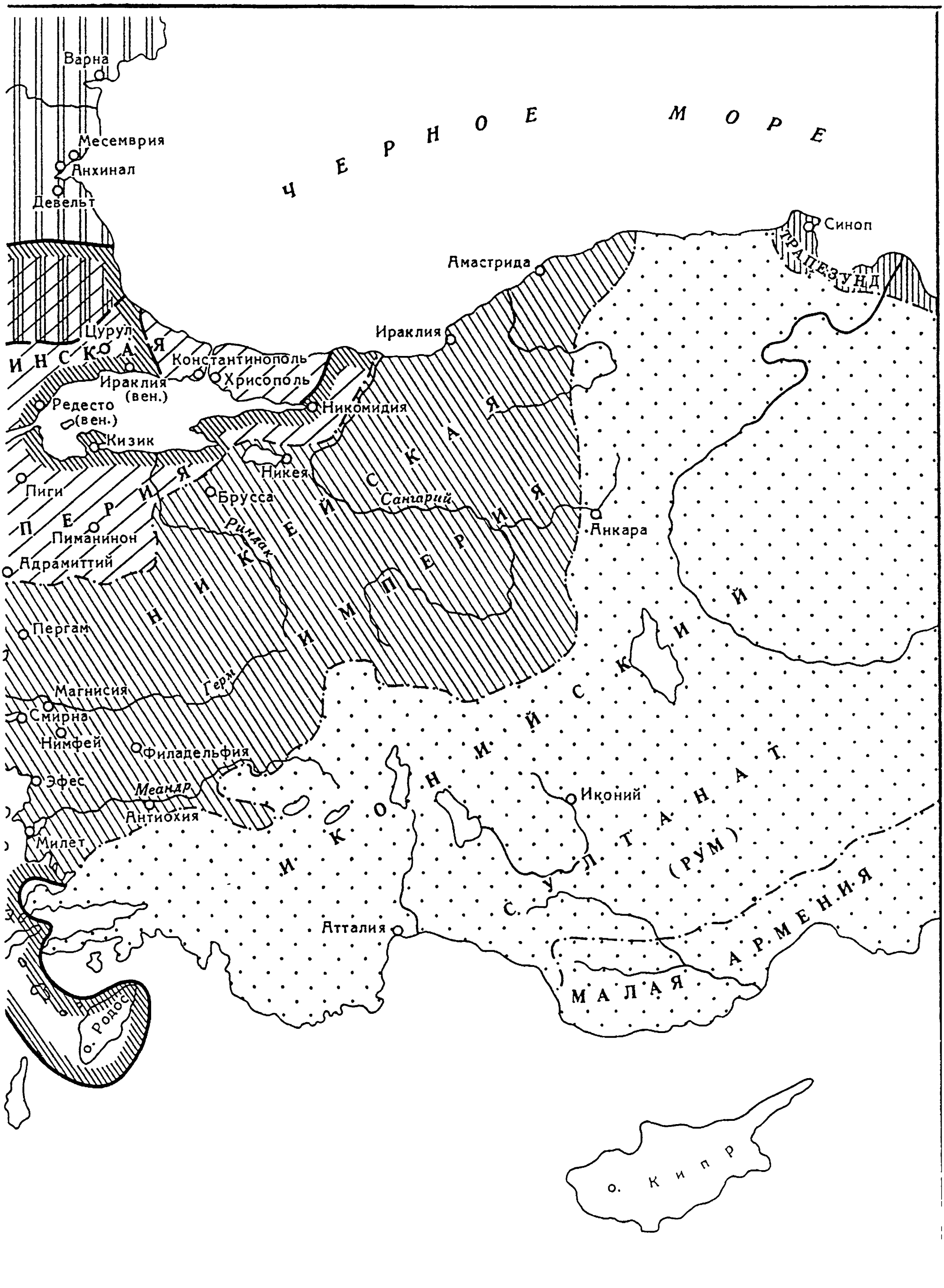


Рис. 23. Упадок



Византии в XIII в.

Асеня (1218–1241), лишило всех надежд честолюбивого Феодора Ангела. Однако и Болгария, превратившаяся в 1230-е годы в одно из крупнейших государств на Балканском полуострове, не смогла ликвидировать Латинскую империю.

Успех в изгнании латинян из Константинополя выпал на долю Никейской империи. В течение 57 лет своего существования она сумела, как наиболее военно-экономически сильная, устойчивая и централизованная, вытеснить латинян из Малой Азии, Фракии и Македонии, победить и оттеснить своих соперников (Трапезунд, Болгарию, Эпир) в борьбе за константинопольский трон. Своего могущества Никея достигла при императоре Иоанне III Ватаце (1222–1254), когда границы империи простирались от Меандра в Малой Азии до Адриатического побережья на Балканах. И 25 июня 1261 г., уже при основателе новой династии Михаиле VIII Палеологе (1259–1282), древняя столица Византии вновь оказалась в руках греков.

Восстановленная Византийская империя значительно уступала по своим размерам государству, существовавшему до 1204 г. Теперь она включала только северо-запад Малой Азии, часть Фракии и Македонии, ряд городов на Пелопоннесе. Трапезундская империя и Эпирское царство сохраняли самостоятельность. Пришедшей к власти последней византийской династии Палеологов с первых же шагов пришлось сдерживать со всех сторон врагов: с востока — турок, с севера — болгар и сербов, с запада — латинских рыцарей, венецианцев и Сицилийское королевство. На западе сложилась антивизантийская коалиция. Чтобы ее разрушить и обезопасить государство, император Михаил VIII Палеолог пошел в 1274 г. на унию с Римом. Папа получал супрематию над всей христианской церковью, в Константинополь отправлялся кардинал-легат, руководивший от его имени византийской церковью. Принятие унии не принесло примирения между Западом и Византией. В самой империи уния большинством населения не была принята. Византийское общество было расколото. Андроник II (1282–1328), придя к власти, встал на сторону православной партии, и, по существу, уния была отвергнута.

В конце XIII в. Иконийский султанат распался на эмираты. В одном из них быстро росло могущество тюркского племени огузов за счет присоединения малоазийских территорий Византии. При Османе I (1258–1326) почти все эти территории были потеряны империей. В 1331 г. пала и Никея. С середины XIV в. турки-османы перенесли военные действия в Европу. После взятия Адрианополя (1363 г.) султан Мурад I сделал его своей столицей.

Разгром сербов на Косовом поле (1389 г.) и подчинение Болгарии (1393 г.) лишали Византию последних союзников в борьбе с турками. К концу XIV в. территория Византийской империи ограничивалась столицей с несколькими небольшими восточнофракийскими городами, Фессалоникой и Пелопоннесом. Она стала вассалом османов и платила большую дань. Гибель ее была предрешена.

Однако поражение турок под Анкарой от войск Тимура отсрочило падение империи еще на полстолетия, на протяжении которого Византия продолжала испытывать натиск османов. В 1430 г. турки овладели крупнейшим городом империи — Фессалоникой. В данной ситуации Византия, надеясь на помощь Запада, заключила в 1439 г. на Ферраро-Флорентийском церковном соборе унию с католической церковью на условии признания главенства папы. Однако, как и после Лионской унии 1274 г.,

никакой реальной помощи империя не получила. Более того, это событие вызвало недовольство большинства народа, обострение политической борьбы в государстве в тот момент, когда необходимо было единство.

После взятия в 1446 г. Мореи турки приступили к подготовке захвата Константинополя, который был помехой в объединении азиатских и европейских владений османской державы. В начале апреля 1453 г. Константинополь был окружен многотысячной армией султана Мехмеда II Завоевателя (1451–1481). Турки имели артиллерию, и их флот (400 кораблей) блокировал город с моря. В Константинополе было всего 7 тыс. воинов и 25 судов. На каждого защитника приходилось более 20 осаждающих. Треть защитников города составляли наемники (генуэзцы, испанцы, французы). Правительство не доверяло народу. Генуэзская колония Галата, находившаяся на северном берегу бухты Золотой Рог, с целью сохранения своих торговых привилегий договорилась с турками и тайно оказывала им помощь во время штурма. Несмотря на упорное сопротивление защитников, 29 мая 1453 г. Константинополь пал и был подвергнут трехдневному грабежу. Византийская империя перестала существовать. В сражении был убит последний византийский император — Константин XI Палеолог (1449–1453). Погибла или была обращена в рабство бóльшая часть жителей. Храмы и дворцы разграблены. Вслед за Константинополем турки захватили последние византийские области на Пелопоннесе. В 1461 г. был взят и Трапезунд.

Гибель Византии была обусловлена не только внешними факторами (сокращение территории, малочисленность — в основном наемной — армии, политика Запада, оставившего Византию без помощи), но и внутренними причинами; экономический упадок государства, и прежде всего города, бедственное положение народных масс, обострение классовых противоречий, борьба внутри господствующего класса и феодальные усобицы — вот далеко не полный их перечень.

Последние века существования империи — время господства феодальных отношений. Свободное крестьянство сократилось до минимума. Оно сохранилось только в горных районах Малой Азии, Пелопоннеса и Эпира. Парикам запрещается переход от одного феодала к другому. Беглые возвращаются к прежнему хозяину. Владения, переданные в пронию, превращались в наследственные вотчины, подобные западноевропейским ленам. Расширение налогового и судебного иммунитета вело к зависимости не только отдельных крестьян, но и целых общин. Поздневизантийская община, как правило, — крепостная община.

Формы зависимости крестьян в этот период были разные. Основную массу зависимых крестьян составляли парики — наследственные держатели земли феодала. Они платили феодальную ренту, состоявшую из поземельной подати, размеры которой зависели от количества и качества земли, подати с упряжки и дома. Бóльшая часть ренты уплачивалась деньгами, меньшая — натурой (хлеб, вино). Парик среднего уровня зажиточности владел наделом около 24 модиев (1 модий равнялся приблизительно 0,09 га) и платил налог в 1 номисму. Парики отбывали барщину, но она была невелика: 12 дней в году. Впрочем, иногда она достигала одного дня в неделю. Рост феодальной ренты в этот период происходил в основном за счет введения дополнительных платежей: десятины со скота, платы за пользование пастбищами, мельницей, судебных и рыночных пошлин и т.д.

Вторую группу поземельно-зависимых крестьян составляли *ксены* («неизвестные казне») и *димосиарии*, т.е. свободные крестьяне, покинувшие

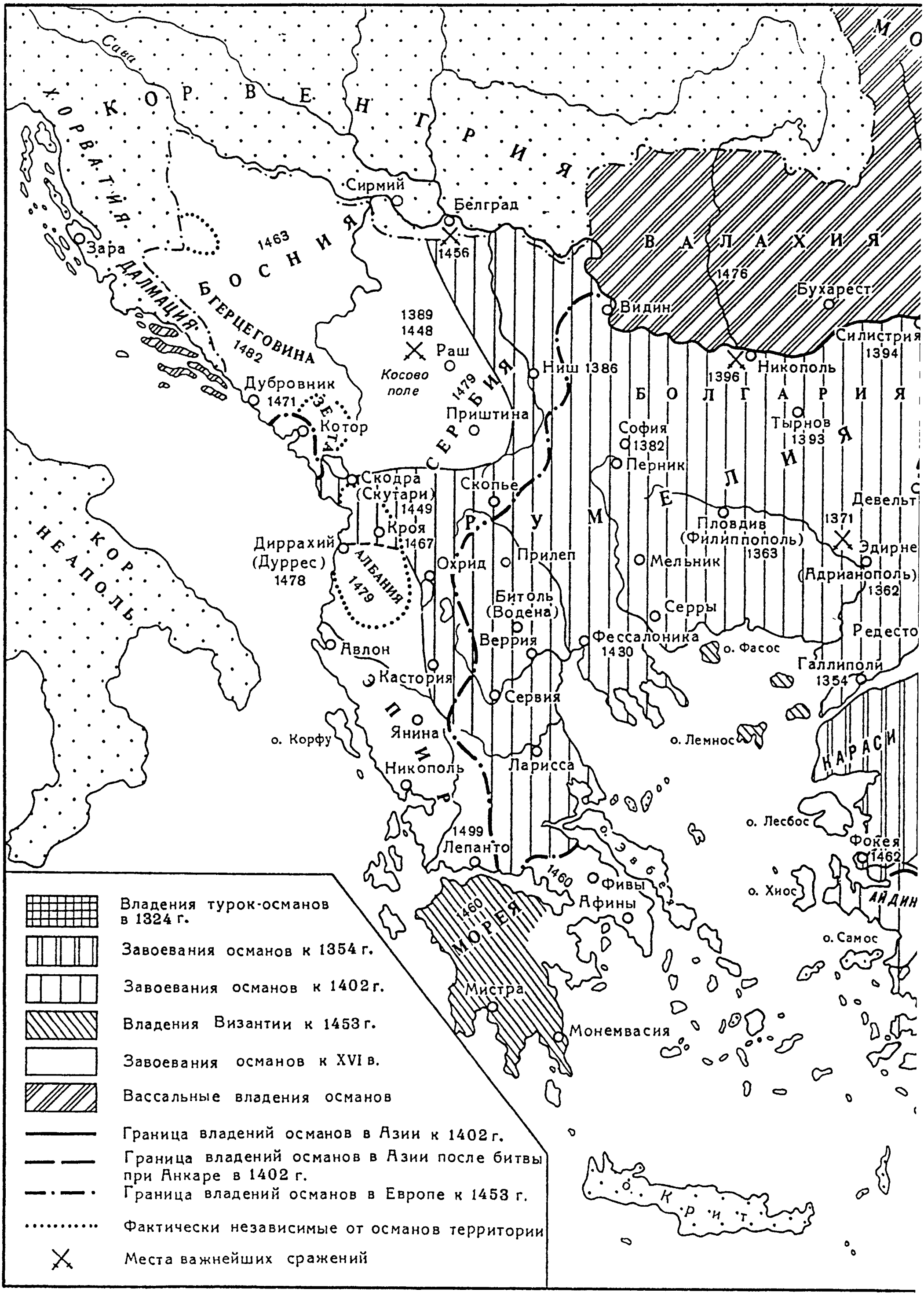
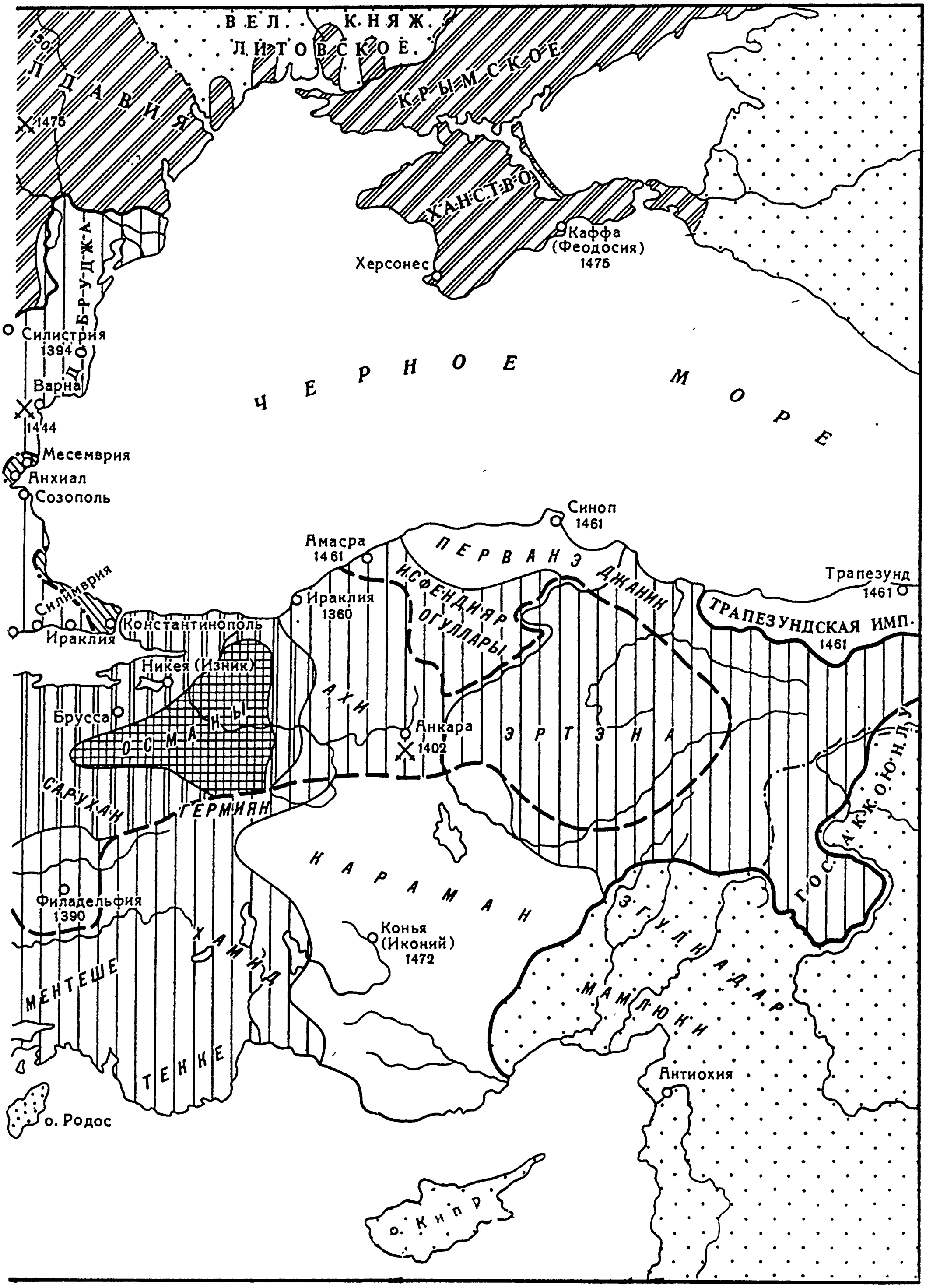


Рис. 24. Завоевани



османов в XIV—XV вв.

свои земли. Они наряду с беглыми париками селились во владениях крупных собственников (феодалы часто нарушали законодательство), получали пахотный надел или пустующую, заброшенную землю в аренду и со временем превращались в париков. В особую группу входили *мистии* — наемные работники, живущие в усадьбе феодала или в монастыре. Они не имели собственных наделов и выполняли сельскохозяйственные работы на домениальной земле поместья либо работали в самой усадьбе и ее мастерских.

Во владениях земельных собственников сложилась вотчинная организация, состоящая из управляющих, старост, вотчинного суда. В XIV–XV вв. значительная часть домениальной земли сдавалась в аренду. Барщина, труд дворовых и мистиев играл уже незначительную роль в домениальном хозяйстве. Эволюция в сторону свободной аренды меняла сущность парикии и вела к изменению структуры налога, в котором возрастает доля капникона. В XV в. появилась и предпринимательская аренда.

Поздневизантийская зависимая деревня переживала рост имущественной дифференциации крестьянства. Прежде всего значительно увеличилось число малоимущих и неимущих (*актимонов*), держателей доли надела или виноградника. Одна часть их превращалась в мистиев, а другая — в париков-ремесленников. В деревне XIV в. развились многие из ремесел, которые конкурировали с ремеслами близлежащих городов. Многие города теряли свое значение ремесленного центра, превращались в укрепленные пункты с аграрным населением. А последнее оказывалось со временем в зависимости от феодала. Так город становился укрепленным феодальным поместьем. Упадок ремесленного производства в городе и развитие его в деревне, превращение городов в укрепленные феодальные поместья были одной из характерных особенностей истории поздней Византии.

Ремесленное производство в городах подрывал и ввоз итальянскими купцами товаров массового спроса, с которыми ни по качеству, ни по стоимости не выдерживали конкуренции изделия византийских ремесленников. Подъем переживали лишь города, ставшие центрами торговли зерном: Фессалоника, Редесто, Монемвасия. Производство зерна и других продуктов на рынок свидетельствовало о росте товарно-денежных и торговых отношений в феодальной экономике государства. Но монопольное положение в торговле, как внешней, так и внутренней, к середине XIV в. приобрели итальянские купцы. Снабжение Константинополя зависело от генуэзцев. Торговые фактории Венеции (в Фессалонике, на Пелопоннесе, Крите, Кипре) и Генуи (на берегах Босфора и Черного моря), как щупальца, проникли во все сферы византийской экономики: торговлю, добычу минерального сырья; производство товаров. Византийский купцы не выдерживали конкуренции с освобожденными от торговых пошлин итальянскими купцами и разорялись либо становились посредниками. Доходы государства от торговли были незначительны, в обращении находилась неполноценная монета. В целом экономика империи переживала кризис, хотя отдельные ее отрасли (например, домениальное хозяйство) находились на подъеме.

Феодальная эксплуатация в деревне, порождающая обездоливание и имущественное расслоение, упадок ремесленного производства вызывали в поздней Византии народные движения. В этот период они приобретают новые черты: крестьяне и горожане часто объединяются против феодалов и правительства. Таким народным движением было восстание в 40-х годах

XIV в. во Фракии и Македонии. Оно началось в момент ожесточенной борьбы за власть двух феодальных групп, во главе которых соответственно стояли император Иоанн V Палеолог и Иоанн Кантакузин. Против последнего, как ставленника провинциальной знати, и выступили восставшие в Адрианополе в 1341 г. Ремесленники и окрестные крестьяне совместно расправлялись с феодалами.

В следующем (1342) году движение охватило Фессалонику. Возглавившие восстание *зилоты* («ревнители») захватили власть. Первоначально к восставшим присоединились торгово-ремесленная верхушка и мелкие феодалы. Однако радикализм движения испугал их, и они пошли на сговор с феодальной знатью. Но заговор в 1345 г. был раскрыт и подавлен. Вся полнота власти перешла к зилотам, опиравшимся на плебейские массы города и крестьян окрестных деревень. Феодалы были перебиты либо бежали из города. Зилоты провели ряд радикальных реформ: в городе и округе были конфискованы земли монастырей, церкви и светских феодалов и розданы крестьянству и городскому плебсу; отменены все долги ростовщикам; крестьяне освобождены от крепостной зависимости; церковь была лишена судебных функций; все городское население могло участвовать в народных собраниях и избирать должностных лиц. Радикализм реформ испугал феодалов империи и заставил их объединиться. Несмотря на героическое сопротивление восставших, в 1349 г. Фессалоника пала. В стране восторжествовала феодальная реакция.

Восстание в Адрианополе и Фессалонике было первым в истории Византии союзом города и деревни против правительства и феодальной аристократии. На Западе такой союз уже сложился в XI в. Этот союз свидетельствовал о господстве феодалов в городе и усилившейся связи города и деревни.

Гибели Византии способствовала и политико-идеологическая борьба между различными группами феодалов в условиях смертельной турецкой опасности. В империи существовало три основных течения: латинофильское, ортодоксально-православное и туркофильское. Первое отражало интересы той части феодалов, которая была связана экономически и политически с Западом. Возможность спасти империю оно видело в союзе с католичеством и уступках ему. Но это было нереально, так как Запад не стремился спасать гибнущую Византию. Православное течение, опорой которого было монашество, не имело четкой программы и тоже не могло сплотить народ. Возглавлявшие это течение церковные иерархи и часть придворной знати сосредоточили все внимание на исихатских спорах (см. ниже) и защите своих материальных интересов. Туркофильское течение не имело опоры в народе и поддерживалось группой феодалов и частью купечества. Все три течения так и не смогли подняться над своими материальными, вероисповедными и политическими интересами и объединиться против турок.

До самого падения Византийская империя была крупнейшим центром культуры и образованности в средневековой Европе. Сюда приезжали люди из многих стран Европы, чтобы приобщиться к сохраненному античному наследию и созданной на его основе своеобразной византийской культуре. Трагедия 1204 г. дала толчок к возрождению уже в Никейской империи греческого патриотизма, центров культуры и образованности, углубленного изучения античной философии. В Никее были заложены основы «энциклопедизма», столь характерного для последующей поздневизантийской культурной элиты. Познания, идеи и работы византийских философов, богословов, риторов (Георгий Гемист Плифон, Дмитрий Кидонис, Виссарион

Никейский) вызывали восхищение итальянских гуманистов, с которыми в XV в. установилось тесное идейное общение. Многие итальянские гуманисты — ученики византийских ученых, познакомивших своих западных единомышленников с античной философией и литературой. В самой поздневизантийской литературе, как отмечает советский исследователь И.П.Медведев, заметны гуманистические черты — интерес к человеческой личности, природе, окружающему миру. Возникают новые историко-философские теории, вершиной которых была философско-религиозная система государственного устройства Плифона. Несмотря на утопичность, она оказала влияние на развитие западноевропейской политической мысли.

Одновременно с зарождением гуманистических идей в Византии широкий размах приобрел мистицизм, выразившийся в исихазме (Григорий Палама). Согласно учению исихастов, человек мог достигнуть душевного спасения путем полного отрешения от мира, дарующего мистическое слияние с божеством и озарение фаворским (божественным) светом. Социальной основой учения было монашество. Благодаря поддержке церкви исихазм одержал победу, во многом роковую для византийской культуры и государства: он душил ростки гуманизма и ослаблял волю народа к сопротивлению. Таким образом, в общественной и культурной жизни поздней Византии четко прослеживались два основных течения: прогрессивное, гуманистическое, и реакционное, мистическое.

Несмотря на ряд достижений в области культуры, история поздней Византии в целом характеризовалась тенденцией к упадку. Это проявилось и в военно-политической эволюции государства, и в его экономике: в снижении хозяйственной активности городов как центров ремесла и торговли. Социальная эволюция общества шла вспять. В феодальном строе империи уже появились элементы разложения и застоя. Развитие товарно-денежных связей и углубление имущественной дифференциации могли в будущем привести к появлению ростков предкапиталистических отношений, но этому не суждено было сбыться. Гибель Византии явилась закономерным историческим актом.

ЗАКАВКАЗЬЕ В XI–XV вв.

Нашествие сельджуков сопровождалось страшными опустошениями и разрушением многих закавказских городов. Оно имело огромные последствия для исторических судеб Закавказья. Впервые сюда пришла большая волна тюркского населения. Отдельные группы тюрок проникали в регион и прежде, преимущественно с севера (хазары, булгары и т.д.), но они не изменили этнический состав населения закавказских стран. Иное дело сельджуки. Их племена прежде всего обосновались на превосходных пастбищах Южного Азербайджана (собственно Азербайджана) и Мугани, а затем Арана. Предгорная часть Арана особенно интенсивно заселялась тюркскими кочевниками на протяжении XII–XV вв., и постепенно древнее название Аран заменилось на Карабах (тюркско-иранское Черный сад). В то же время горные районы усиленно сопротивлялись тюркизации и стали прибежищем христианского населения, к тому времени арменизированного.

Проникновение тюрок в Восточное Закавказье постепенно привело к тюркизации значительной части местного населения, что положило именно в XI–XIII вв. начало формированию тюркоязычной азербайджанской

народности. Однако отделять тюрок Азербайджана и Восточного Закавказья от малоазиатских до XV–XVI вв. вряд ли правомерно, хотя уже к XIV в. восточнотюркские наречия этого малоазиатско-западноиранско-закавказского региона выделились как самостоятельные. Знаменитый поэт Несими, живший в арабских странах, считается одним из ранних азербайджанских писателей.

Окончательное размежевание малоазиатских тюрок (современных турок) и кавказско-иранских (нынешних азербайджанцев) случилось не ранее XV–XVI вв. и связано с историей Османской империи, с одной стороны, и государствами Ак Коюнлу и Сефевидов — с другой.

Современная наука относит завершение сложения турецкой народности к концу XV в. Очевидно, так же следует датировать и сложение азербайджанского этноса.

Разумеется, дело не ограничивалось собственно сельджукским периодом (XI–XIII вв.). Массы тюркского населения прибывали в Закавказье и позже, с монголами и Тимуром. В основном это были огузы или родственные им племена, на основе наречий которых и сложились турецкий и азербайджанский языки.

В описаниях современников сельджукское нашествие предстает как бедствие для стран Закавказья. Сельджуки быстрее всего утвердились в южных армянских землях, откуда армянское население вынуждено было эмигрировать в пределы Византии. Так возникло Киликийское Армянское царство, просуществовавшее до конца XIV в. На Армянском нагорье начался многовековой процесс оттеснения армянского и курдского населения пришлым тюркским. То же самое имело место и в пределах Закавказья. Здесь, однако, вплоть до XIII в. общее положение было иным. Грабительские походы сельджуков заставили закавказские государства сплотиться перед лицом завоевателей. Возглавило борьбу самое сильное из них — Грузия. Уход «союзников»-византийцев из Западного Закавказья, с одной стороны, облегчил положение Грузии, до того стесняемой империей. С другой же стороны, Грузия осталась почти один на один с ордами тюрок. Последние во второй половине XI в. захватили часть Южной Грузии, как обычно вытесняя оттуда грузинское население и обращая культивированные земли в пастбища.

Это заставило грузинских феодалов сплотиться вокруг царской власти. Но лишь распад империи Великих Сельджуков в 90-х годах XI в. привел к существенным изменениям в ходе борьбы Грузии с завоевателями. В истории Грузии это приходится на правление Давида IV Строителя (1089–1125). Проведя ряд реформ, направленных на укрепление центральной власти, в том числе и военную, Давид сумел организовать отпор сельджукам. К концу его правления Грузия была вполне самостоятельна и древняя ее столица Тбилиси освобождена от власти мусульман.

Однако Давид и его преемники отлично осознавали всю сложность политической ситуации в Закавказье, а потому проводили вполне лояльную политику по отношению к закавказским мусульманам и монофизитам-армянам. В XII в. сложился своеобразный союз стран Закавказья, во главе которого стояла Грузия, в борьбе против сельджуков. Но союзниками (а порой и вассалами) Грузии были не только христиане-армяне, но и мусульманские княжества Аран и Ширван.

Очень умело грузинские цари использовали против сельджуков и их северокавказских соплеменников — половцев. После разгрома половецких

орд Владимиром Мономахом и его союзниками часть половцев ушла по приглашению Давида IV в Грузию и составила костяк войска грузинских царей. Выходцы из половецкой знати занимали крупные посты при грузинском дворе XII в. Какая-то часть кыпчаков обосновалась и в Ширване.

Вопрос о Грузинском царстве XII — начала XIII в., несмотря на огромную литературу, не во всех аспектах ясен. По-видимому, некоторые современные грузинские историки преувеличивают степень его централизации. Цари опирались на мелких и средних феодалов, церковь и города. Но в стране по-прежнему существовала феодальная раздробленность, и крупные феодалы — *дидибулы* — нередко выступали против центральной власти, используя самые различные обстоятельства. Характерна история с первым мужем царицы Тамар Юрием (Георгием). Сын владимиро-суздальского князя Андрея Боголюбского, он был лишен наследства своим дядей Всеволодом и долгое время жил в половецких кочевьях. Именно оттуда послы группировки грузинской знати половецкого происхождения доставили Юрия в Грузию, женив на юной дочери Георгия III. Брак оказался неудачным. У супругов не было детей. Но, пожалуй, главное — он поддался влиянию сильной группировки преимущественно западногрузинских феодалов, тогда как вокруг его жены сплотились дидибулы Восточной Грузии и подвластной грузинским царям Северной Армении. В итоге Юрий был лишен и престола и жены. Он несколько раз пытался вернуть трон, выступая на стороне той или иной феодальной группировки, но в конечном счете исчез в пределах Византии.

На фоне международных отношений второй половины XII — начала XIII в. Грузинское государство выглядело весьма внушительно. Его полководцы совершали походы в глубь Ирана, а при поддержке Тамар возникла буферная Трапезундская империя. Однако, по существу, это было политическое образование, только пытавшееся выйти за рамки феодальной раздробленности. Фактическая слабость Грузии выявилась уже при первом походе монголов на Закавказье. В 1221–1222 гг., преследуя хорезмшаха, два монгольских отряда (тумена) появились в Закавказье. Выступившее им навстречу грузинское войско было разбито, а сын Тамар, Лаша Георгий, смертельно ранен в сражении. На сей раз монголы не вошли в Грузию: у них были иные задачи. Но в 30–40-х годах Грузия вынуждена была признать власть наследников Чингис-хана, и прежде всего сильнейшего из них в ту пору — Батыя.

Весь XIII век прошел в погромах и нашествиях. Золотоордынские Джучиды воевали со своими родичами Хулагуидами, утвердившимися в Иране, а ареной войн чаще всего являлось Закавказье. Правда, Грузия, а также Ширван сохранили в отличие от армянских земель частичную независимость.

Распад государства Хулагуидов, казалось бы, создал предпосылки для возрождения независимых государств в Закавказье, прежде всего Грузии. Царю Георгию V Блистательному (1314–1346) удалось объединить грузинские (и часть армянских) земли, но это объединение не было прочным.

В последней четверти XIV в. в Средней Азии на арену истории вышел Тимур, поставивший себе целью воссоздать империю Чингис-хана. Новый «покоритель вселенной» несколько раз огнем и мечом прошел Закавказье. Например, в Грузию он совершил восемь походов.

Не отставали от него и золотоордынские правители. Так, хан Тохтамыш во время похода в Закавказье разорил Ширван и Аран, а после взятия Тебриза увел в плен бо́льшую часть его обитателей.

С Тимуром связана новая волна тюркских племен, нахлынувших в Закавказье. Особенно пострадали земли Армении, все большее число которых отнималось у местного населения и заселялось пришлыми кочевниками. Этот процесс продолжался и в XV столетии.

Смерть Тимура привела к мгновенному распаду его империи. Страны Закавказья оказались под властью или в сфере влияния сначала державы Кара Коюнлу («Черные бараны»), а затем Ак Коюнлу («Белые бараны»). И в той и в другой господствовала знать кочевых тюркских племен, в основном так называемых туркмен, т.е. огузского происхождения. В XIV–XV вв. население Южного Азербайджана было почти полностью тюркизировано. Та же судьба постигла и равнинный Карабах. На протяжении XV в. самостоятельность сохраняли грузинские государства, а также Ширван. Грузия распадалась в XV в. на отдельные части. Хотя формально такой распад был узаконен лишь решением *дарбази* (высшего совета) в 1491 г., на деле Картли, Кахети и Имерети стали самостоятельными раньше. Из грузинских царств XV в. самым богатым и сильным оказалось Кахетинское. Расположенное относительно далеко и от Кара Коюнлу и от Ак Коюнлу, богатое шелком, Кахети во второй половине XV в. резко выделялось из прочих грузинских земель. Богат был и Ширван, а также небольшое княжество Шеки на северо-западе от Ширвана. На остальной территории Закавказья безраздельно хозяйничали тюркские орды сначала Кара Коюнлу, а потом Ак Коюнлу. Однако правители Ак Коюнлу, закрепившись в Западном Иране, восточной Малой Азии и Южном Закавказье, быстро поняли угрозу со стороны набиравшей силу Османской империи.

Были сделаны попытки создать антиосманскую коалицию, в которую входили бы грузинские царства, Трапезундская империя и даже некоторые европейские государства. До активного содружества дело, однако, не дошло. Османы действовали решительно и быстро. В 1461 г. они ликвидировали Трапезундскую империю, а в 1473 г. при Терджане разгромили «белобаранного» правителя Узун Хасана. На сей раз турки, правда, дальше на восток не пошли, но угроза этого возникла.

Правители Кахетии и Ширвана пытались найти новых союзников, даже в далекой Москве, только что сбросившей золотоордынское иго. Но на практике это мало что давало небольшим закавказским государствам.

XI–XV века были временем интенсивного развития культуры народов Закавказья. Однако, являясь логическим продолжением предыдущей эпохи, это культурное развитие имело и свои особенности.

XII–XIII века стали периодом необычайного расцвета закавказской словесности. Творения великого Руставели в Грузии, а также Низами и Хакани в Ширване вошли в золотой фонд мировой культуры. Несмотря на то что эти поэты писали на разных языках (два последних на персидском), общая идейная направленность их творчества была сходной. Они воспевали дружбу народов, простые человеческие отношения, романтизм любви.

Для армянской культуры этой поры характерно перемещение ее центра на северо-восток, в области исторической Албании, где существовал (прежде всего в горных районах и в городах) массив армянского населения. Здесь развивались и литература (хотя существовали и иные ее очаги, прежде всего в Киликии) и наука. Крупнейшим представителем последней

был Мхитар Гош. Ученый-юрист и писатель, он создал Судебник, который надолго стал эталоном для юриспруденции не только в Армении, но и в ряде других стран.

Эти же два центра армянской культуры функционировали в XIV в. Но как раз в конце XIV в. прекратило существование Киликийское Армянское царство, а на землях Центральной Армении шел процесс вытеснения армянского этноса тюркскими кочесниками. Армяне спасались от них в горах, в частности в ущельях горного Карабаха, который надолго стал одним из центров армянской общественной и политической жизни.

В XIV–XV вв. с началом формирования азербайджанского тюркоязычного этноса возникает и его культура. Первоначально она не имела своих стабильных центров (вспомним, что один из ее ранних представителей, Несими, погиб в Сирии), и ее довольно трудно для данного времени отделить от османской (турецкой) культуры. Даже этническая граница между турками и азербайджанцами установилась только в XVI в., да и тогда она еще окончательно не определилась. Тем не менее в XV в. формируются два центра азербайджанской культуры — Южный Азербайджан и Карабах (равнинный). Окончательно они сложились уже позже, в XVI–XVIII вв.

Говоря о возникновении азербайджанской культуры именно в XIV–XV вв., следует иметь в виду прежде всего литературу и другие части культуры, органически связанные с языком. Что касается материальной культуры, то она оставалась традиционной и после тюркизации местного населения. Впрочем, наличие мощного пласта иранцев, принявших участие в формировании азербайджанского этноса, наложило свой отпечаток прежде всего на лексику азербайджанского языка, в котором огромное число иранских и арабских слов. Последние вошли и в азербайджанский, и в турецкий язык главным образом через иранское посредство. Став самостоятельной, азербайджанская культура сохранила тесные связи с иранской и арабской. Они скреплялись и общей религией, и общими культурно-историческими традициями.

ГОСУДАРСТВО МАМЛЮКОВ В ЕГИПТЕ

Государство Мамлюков (так называли в Египте белых рабов) — наиболее значительное политическое образование (1250–1517) на Ближнем Востоке в эпоху развитого феодализма. К середине XIII в. мамлюки составляли большинство египетской армии. Захватив власть в Египте в 1250 г. в результате убийства последнего Аййубида, Туран-шаха, они образовали две династии: Бахри, или тюркскую (1250–1390), и Бурджи, или черкесскую (1390–1517).

Название первой из них связано с тем, что султаны этой династии по происхождению относились к тюркской народности половцев, кочевавших в причерноморских степях, входивших в то время в Золотую Орду; монголы захватывали их в плен и продавали в рабство итальянским купцам, а те вывозили их морем (араб. *бахр*) и сбывали египетским султанам. Обезлюдение со временем половецкой степи вследствие войн побудило монголов к обращению в рабство жителей Северо-Западного Кавказа, откуда и происходит название второй династии — Бурджи (от араб. *бурдж* — «крепость»; известно, что первый полк из кавказских мамлюков,

созданный еще султаном Калауном, был размещен им в башнях каирской крепости).

Из ранних мамлюкских султанов наиболее известны Кутуз (1259–1260), разбивший вторгшееся глубоко в Сирию монгольское войско при Айн Джалуте (1260 г.), и Бейбарс Бундукдари (1260–1277), который вел также успешную борьбу с крестоносцами. Под суверенитетом мамлюкского Египта находились Сирия, Барка, Нубия, Йемен, Хиджаз, а с 1375 г. — Киликия.

Социальные отношения Египта при Бахри характеризуются дальнейшим развитием института военных икта, ставших преобладающей формой феодального землевладения. Естественно, что на египетскую военную и, следовательно, земельную иерархию большое влияние оказали монгольские порядки. Структура постоянной египетской армии, численность которой сравнительно с эпохой Салах ад-дина возросла вдвое, стала более четкой, появились эмиры 5, 10, 40 и 100 мамлюков; на содержание им предназначалось $^{2}/_{3}$ доходов с икта их эмира, тогда как ранее число мамлюков, находящихся на службе эмира, и их обеспечение целиком зависели от произвола эмиров.

Все земли, облагавшиеся хараджем, делились в Египте в ту эпоху на 24 доли (*кират*). Из них до 1298 г. 20 киратов составляли икта (по 10 киратов принадлежало свободным наемникам-гвардейцам *халка* и эмирам с их мамлюками), а 4 кирата предназначались на содержание личных мамлюков и двора султана. Продажа и передача икта по наследству не разрешались.

О стремлении ранних мамлюкских султанов к увеличению домена, или собственно государственных (или султанских, что в источниках неразличимо) земель, свидетельствуют происходившие при них земельные переделы (*равк*): в начале 1298 г. («равк Хусами») и в конце 1315 – начале 1316 г. («равк Насири»). Султан Хусам ад-дин Ладжин (1296–1299) опасался как выступлений своих свергнутых предшественников, так и нового вторжения монголов в союзе с правителями Киликии и стремился создать новую армию из мамлюков, для которой выделил 9 киратов самых лучших земель. Личные владения султана остались в прежних пределах, а икта халка и эмиров с их мамлюками уменьшились с 20 до 11 киратов, причем у эмиров были отняты захваченные ими икта халка. Однако эмиры составили против султана заговор, убили его и присоединили к своим владениям земли выделенных 9 киратов. Таким образом, цель передела достигнута не была.

Второй передел был произведен султаном Насиром Мухаммадом во время его третьего правления (1310–1341). Из 24 египетских киратов султан выделил в свое владение 10 (вместо прежних четырех), возвратив себе, в частности, земли, некогда проданные казной; остальные 14 киратов отошли к «эмирам, халка и прочим». Султанские 10 киратов впоследствии также были розданы в икта (в 1340–1341 гг. — султанским мамлюкам), так что реального увеличения домена, видимо, не произошло.

Развитие землевладения со второй половины XIV до конца XV в. можно проследить по сохранившемуся египетскому кадастру Ибн ал-Джиана — редкому для арабского средневековья документальному источнику. Кадастр показывает, что в течение этого периода султанские земли значительно увеличились за счет икта, конфискованных у опальных мамлюков, а также в случае непригодности мамлюка к военной службе или его смерти. Однако, по сообщениям хроник, возвращенные султанами земли использовались ими для новых раздач.

Кадастр зафиксировал также большой рост вакуфных земель благодаря пожалованиям, особенно сделанным черкесскими султанами Барсбеем (1422–1438), Иналом (1453–1461) и Каитбеем (1468–1496), а также держателями икта. Обращение икта в вакф давало реальную возможность сохранять доходы с них за потомками дарителей.

Важной чертой развития феодального землевладения с XIV в. становится превращение икта в объект купли-продажи. Купленные икта превращались в безусловную земельную собственность типа *мульк*. В качестве основных покупателей выступало торгово-ремесленное городское население: видимо, приобретение земель в ту эпоху было наиболее реальной формой вложения накоплений горожан. Общая площадь икта к концу правления Мамлюков уменьшилась почти вдвое.

Крестьянство, эксплуатируемое чуждыми ему этнически и по языку мамлюками, было в этот период прикреплено к земельным наделам и лишено права их покидать. Как и в предшествующие века, наряду с общинным существовало и индивидуальное крестьянское землепользование в виде аренды, испольной или денежной. Арендные отношения были особенно развиты на вакуфных землях. Однако основная масса крестьян, как и прежде, эксплуатировалась путем изъятия хараджа, натурального или денежного. Бóльшая часть его доставалась держателям икта. Немусульманское население уплачивало сверх этого подушную подать. Крестьяне несли повинности по возведению и сохранению в исправности ирригационных сооружений, собственниками которых были султан или мамлюки. Личная зависимость феллахов выражалась, в частности, в снабжении продовольствием мамлюка и его приближенных во время поездки по вверенному ему икта. При черкесских Мамлюках крепостная зависимость стала особенно жестокой. Египетский историк и географ ал-Макризи во второй четверти XV в. писал, что в его время «земледелец, живущий в деревне, называется прикрепленным к земле (*фаллах карари*) и он является рабом владельца икта, которому принадлежит эта область. И он не может надеяться, что будет когда-нибудь продан или освобожден; напротив, он навсегда осужден оставаться рабом, так же как и его дети». Крестьяне, самовольно покинувшие свой участок, подлежали принудительному возвращению и наказанию.

Египетский город XIV–XV вв. — оживленный центр ремесла и торговли. Уже при тюркской династии Мамлюков наблюдался рост столицы — Каира, где сосредоточивалось большинство мамлюков. Расширению столицы к северу и югу способствовали значительные ирригационные работы, которые велись в дельте Нила. Торговая жизнь Каира производила сильное впечатление на иноземцев даже в середине XV в., когда она намного сократилась по сравнению с предшествующим временем. Русский купец Василий, прошедший через Египет и Сирию в 1465–1466 гг., писал о Каире: «Египет град вельми велик, а в нем четырнадцать тысящь улиц... да в иных улицах до 18 тысяч дворов, да во всякой улице по торгу по великому».

Султан и мамлюкские эмиры, владевшие огромными икта, жили в столице, играя значительную роль в городском землевладении и домовладении.

Большинство городского населения составляли торговцы и ремесленники самых разнообразных профессий. У того же аль-Макризи упоминаются специализированные рынки, располагавшиеся в Каире в его время, но возникшие, по-видимому, ранее: рынки решетников, башмачников, парфюмеров, кузнецов, замочников, изготовителей шпор, изготовителей уздечек,

игольщиков, оружейников, книжный, свечников, седельников, белильщиков, стекольщиков, котельников, сундучников, кожевников, суконщиков, шапочников, горшечников, меховщиков, не считая многих рынков, где продавались продукты питания, включая готовые блюда.

Простое товарное производство городских ремесленников было рассчитано главным образом на столицу и провинциальные центры — места пребывания султана и мамлюков — и, в меньшей степени, на внешний рынок.

Социальное положение ремесленников не было одинаковым. Одни из них работали в мастерских, принадлежавших султану, религиозным учреждениям и, возможно, военным (*халка*); другие являлись собственниками орудий производства. Трудовое городское население не было ограждено от произвола султанской администрации, которая по своему желанию могла перемещать ремесленников из одного квартала или города в другие, определять вид продукции, принуждать к строительным работам. При султане Баркуке (1382–1389), например, сапожники из квартала стекольщиков в Каире были переведены на новое место, при султане Калауне для сооружения канала в Булаке (предместье Каира) были вызваны землемеры из Дамаска, Халеба и даже из иракских городов; Каитбей в 1481 г. направил каменщиков, плотников и облицовщиков мрамором для перестройки мекканской мечети. Использование наемного труда основывалось на внеэкономическом принуждении и носило феодальный характер.

Сколько-нибудь значительных организаций ремесленного населения, сходных с западноевропейскими цехами, которые играли бы определенную политическую роль, давая трудящимся средство сопротивления, в мамлюкском Египте, как и в предшествующий период, обнаружить не удается. Имелись лишь простейшие объединения ремесленников по месту жительства во главе со старостами (*ариф*), исключавшие какую-либо регламентацию производственной деятельности и ограничивавшиеся фискальными функциями. Представителем государства, осуществлявшим контроль над городским ремеслом и торговлей (и, в частности, назначавшим старост), являлся *мухтасиб* со своими помощниками; эта должность имелась во всех крупных городах.

Заметной фигурой в мамлюкском городе был иноземный купец: Египет оставался важным центром торгового обмена между Азией, Африкой и Европой. Из него вывозили сахар, зерно, шелковые ткани; из Сирии, кроме того, хлопок-сырец, вино, поташ. Мамлюки поддерживали торговые сношения с Генуей, Венецией, испанскими государствами, Францией, Византией. Из Западной Европы ввозили серебро, медь, свинец и другие металлы, дерево, сукна, бархат, причем ткани иногда шли через Египет далее — в страны Центральной и Южной Азии и Африки. Торговые связи с Московским государством осуществлялись через венецианских и генуэзских купцов. Эти же купцы ежегодно ввозили в Египет большие партии юных мамлюков для пополнения армии.

Из Магриба и Центральной Африки ввозили шерсть, слоновую кость, черных рабов (использовавшихся обычно в качестве слуг в богатых домах), из Китая — шелк, мускус, фарфор. Самой главной статьей импорта оставались перец и другие индийские пряности, доставлявшиеся в Египет либо по Красному морю, либо сухим путем через Йемен.

С конца XII в. транзитная торговля пряностями на участке от Адена до Каира находилась в руках наследственной корпорации мусульманских

купцов, называемых *каремитами*. Важным местом их деятельности был также Кус в Верхнем Египте. В распоряжении каремитов был большой флот. Обладая большими средствами, они занимались и банковскими операциями. Торгово-ростовщическая деятельность каремитов являлась надежным источником доходов для правительства. Узаконенный размер обложения купцов всех наций составлял 10% стоимости их товара.

В течение XV в. государство Мамлюков постепенно ослабевает. Усиление эксплуатации крестьян ведет к ухудшению их положения и соответственно уменьшению доходов держателей икта и казны, а также к обострению борьбы за икта между мамлюкскими группировками. Особенно агрессивны стали вновь прибывшие мамлюки — *джалаб*, а также мамлюки *муаййадийа*, *иналийа* и *барсбаййа* (называвшие себя по имени султанов Муаййада, Инала и Барсбея, сторонниками которых были). Одновременно уменьшается численно и теряет боеспособность мамлюкская армия. «Они покидали цитадель, женившись на женщинах из города (Каира), и, пристрастившись к легкой жизни, забывали прежние обычаи», — писал ал-Макризи о воинах халка времени правления первого черкесского султана Захира Баркука. Процесс ассимиляции воинов и утери ими всякой связи со своими икта продолжался и позже.

Если при тюркских султанах какая-то часть доходов с икта отходила к государству, при черкесской династии держатели икта (*мукта*) распоряжались своими поместьями (и, следовательно, их доходами) как хотели. Армия черкесских мамлюков оказалась неспособной к крупным военным кампаниям. Единственным заметным их предприятием было завоевание в 1426 г. о-ва Кипр.

Усилившееся самоуправство наместников провинций сочеталось с небрежением к делам орошения. Падение поступлений от земледелия привело к тому, что основным источником государственных доходов стал город. Уже во времена ал-Макризи, т.е. в первой половине XV в., было трудно найти какой-либо городской объект, не подлежавший обложению. К концу столетия положение городских слоев еще более ухудшилось. Растущая опасность турецкого вторжения делала нужду государства в деньгах особенно острой; поборы с горожан увеличивались и учащались, примеров чему в исторических сочинениях мамлюкской эпохи можно найти множество.

Усилились устремления мамлюкских султанов к подчинению себе, по фатимидскому образцу, основных статей внешней и внутренней торговли. Неудачная попытка ограничить свободную торговлю сахаром была сделана еще при Насире Мухаммаде (1293–1294, 1299–1302). В 1423 г. Барсбей провозгласил монополию султана на возделывание сахарного тростника и продажу сахара. Протест мамлюков — владельцев плантаций — заставил его в 1427 г. отказаться от этого, но в 1429 г. монополия была вновь введена в Египте и Сирии и просуществовала до конца правления черкесской династии.

Одновременно была монополизирована торговля пряностями; это подорвало могущество каремитов, потерявших возможность непосредственного их сбыта европейским купцам. Действия египетского правительства вызвали ряд демонстраций венецианского флота вблизи Александрии и испанского — у сирийских берегов. Однако торговля пряностями стала осуществляться лишь через султанов, получавших при этом большую прибыль. Султан Инал (1453–1461) продавал, например, тюк перца за 100 дукатов, его преемник, Ахмад (1461 г.), — за 85, Каитбей (1468–1496) —

за 100 дукатов при прежней рыночной цене примерно в 50. Европейских купцов, отказывавшихся покупать пряности по установленным властями монопольным ценам, бросали в тюрьмы или не выпускали из их жилищ, пока они не соглашались на предложенные условия. С европейских купцов, как и с каремитов, взимались чрезмерные пошлины. Со времени открытия морского пути вокруг Африки венецианцы — главные покупатели пряностей — стали обращаться за ними в Лисабон и с каждым годом посылали в Египет все меньше кораблей.

Все это привело к упадку Джидды, Александрии, Дамиетты и других портовых городов. Перечисленные обстоятельства наряду с порчей монеты, вызывавшей повышение цен, обусловили обострение социальных противоречий в городах, где происходили частые столкновения низших слоев с султанской администрацией. Голод и эпидемии чумы намного уменьшали число городских жителей: если в конце XIV в. в Александрии было 14 тыс. ткачей, то в 1434 г. их стало не более 800; в Кусе в одном только 1403 году погибло 17 тыс. человек.

Народное недовольство за пределами городов проявлялось в бегстве крестьян из их селений, нападениях на хранилища зерна, схватках с мамлюками, стремившимися овладеть крестьянским имуществом. В XV в. имело место и крупное крестьянское движение с характерной для той эпохи религиозной (шиитской) окраской. Оно началось в мамлюкской Сирии в 1454 г., а затем перебросилось на Ирак. Вождь повстанцев, «Мушаша, сын феллаха», в источниках именуется также *махди*, что в народном представлении означало мусульманского мессию, избавителя ото всякого гнета, призванного восстановить чистоту «истинного ислама». Восстание было настолько сильным, что для его подавления султану Иналу пришлось искать поддержки у туркменских эмиров Ак-Коюнлы и Кара-Коюнлы, владевших тогда Ираком. В 1457 г. восставшие потерпели поражение от соединенных сил трех правителей, но движение не прекратилось. Последние сведения о нем датируются 1513 г.

В 1462 г. происходило восстание в самом Египте, в одном из селений вблизи Каира. Источники называют повстанцев «еретиками» и указывают, что некоторые из них выдавали себя за пророков и «множество черни обратилось в их веру». В 1486 г. в связи с неурожаем и бесчинствами мамлюков, отбиравших у населения рабочий скот, вновь наблюдались волнения среди бедноты Нижнего Египта.

В государстве Мамлюков, как и на всем средневековом Арабском Востоке, сохранялось домашнее рабство. Мамлюкские султаны и эмиры — бывшие белые рабы — обычно использовали черных рабов в качестве слуг, а также на плантациях сахарного тростника. В 1445 г. произошло крупное восстание черных рабов в Гизе, занятых, вероятно, на султанской плантации. Рабы отказались повиноваться властям; их движение носило организованный характер, но было подавлено отрядом султанских мамлюков.

На протяжении всего XV столетия не прекращались волнения бедуинов, притесняемых султанскими чиновниками, насильственно переводившими их на оседлость с целью увеличения численности податного населения.

Уже с середины XV в. мамлюкская армия вела на северных сирийских границах постоянную борьбу с местными туркменскими династиями, ставленниками Порты, успешно продолжавшей в то время территориальные захваты. Каитбей, желая предотвратить столкновение с Турцией, заключил с ней в 1491 г. мирный договор, однако угроза не исчезла. Султан Кансух

Гури (1501—1516), стремясь сохранить преобладание Египта на Красном море, начал морскую войну с португальцами, окончившуюся разгромом в 1509 г. египетского флота при Диу.

В 1516 г. в обстановке хозяйственного упадка и непрекращающихся народных волнений армия османской Турции перешла сирийскую границу. Решающая битва при Мардж Дабике (1516 г.) окончилась поражением мамлюкского войска и гибелью султана Кансуха Гури. Сирия была захвачена, и турецкая армия вошла в пределы Египта. Упорная оборона Каира, возглавленная последним черкесским султаном, Туманбеем, не могла спасти положения, и весной 1517 г. Египет стал одной из провинций Османской империи.

ГОСУДАРСТВО ДАЯН-ХАНА В МОНГОЛИИ

Крушение монгольского владычества в Китае в 1368 г. ознаменовало начало нового этапа в истории Монголии. Если во времена династии Юань Монголия была лишь одной из окраинных территорий империи, то теперь она вновь стала местопребыванием монгольских ханов и центром монгольской истории. Юаньские императоры (почти ничего не сделавшие для развития производительных сил Монголии), вернувшись на родину, столкнулись с примитивным хозяйством и сопротивлением местных феодалов. Страна оказалась даже в большей изоляции, чем в дочингисхановскую эпоху.

В XIV–XV вв. монголы проживали на огромной территории — от предгорьев Хингана на востоке до Тянь-Шаня на западе, от верховьев Иртыша и Енисея на севере до Великой Китайской стены на юге. Между отдельными монгольскими княжествами, разделенными естественными преградами, отсутствовали прочные экономические связи. Изучение истории фактически независимых политических образований с 1368 г. и до маньчжурского завоевания в XVII в. затрудняется отсутствием достаточного количества надежных источников. Эти приблизительно 300 лет монгольской истории можно условно разделить на четыре периода.

Первый период начинается с ухода монголов из Китая и заканчивается приблизительно 20-ми годами XV в. Он характеризуется непрерывными междоусобицами среди монгольских феодалов и активными военными действиями минского Китая против монголов. С 1388 по 1400 г. на монгольском престоле сменилось пять ханов, все они умерли насильственной смертью. Власть великого монгольского хана стала номинальной, делами государства вершили такие крупные феодалы, как Нагачу и Аругтай. Потомки Хубилая неоднократно теряли власть, которая оказывалась в руках потомков Ариг-буги и Угэдэя. Минские императоры Хун-у (1368–1398) и Юн-лэ (1403–1424) вели успешные войны против монголов, причем на территории собственно Монголии. Часть восточных монголов признала сюзеренитет Китая. Они составили три округа Урянха. С конца XIV в. резко усиливаются западные монголы — ойраты.

Второй период начинается со смерти императора Юн-лэ в 1424 г. Он продолжался до 70-х годов XV в. и характеризовался практически полной военной и политической гегемонией ойратов как в Западной, так и в Восточной Монголии. В XIV — начале XV в. у ойратов быстро шел процесс феодализации, который начался у них позже, чем у других монгольских

народов. Ойратские правители (*тайши*), избавившись от зависимости от монгольского хана, сами перешли к активным действиям. Тогон-тайши (ум. в 1439 г.) одержал в 1434 г. крупную победу над восточными монголами и даже пытался провозгласить себя великим монгольским ханом. Его сын Эсэн-тайши (ум. в 1455 г.) стал фактическим правителем всей Монголии. Он поддерживал постоянные отношения с минским двором, ежегодно отправляя посольства в Пекин. В 1449 г. Эсэн разгромил полумиллионную китайскую армию и взял в плен императора Чжэн-туна. Восточномонгольские феодалы во главе с Дайсун-ханом сделали попытку избавиться от ойратского владычества. Однако в 1452 г. Эсэн одержал решительную победу над восточными монголами, а в 1454 г. провозгласил себя великим монгольским ханом. Это было вопиющим нарушением монгольских законов, так как только потомок Чингис-хана имел право занимать монгольский престол. Достигнутое Эсэном объединение всей Монголии было весьма непродолжительным, и уже в 1455 г. он пал жертвой междоусобиц.

Третий период начинается в 70-х годах XV в. и заканчивается смертью Даян-хана около 1530 г. Его главной особенностью было объединение страны под властью хана-чингисида. Подробнее об этом периоде речь пойдет ниже.

Четвертый период начинается после смерти Даян-хана и заканчивается маньчжурским завоеванием Внутренней и Внешней Монголии в XVII в. Страна снова распалась на ряд фактически независимых друг от друга княжеств, правителями которых были представители монгольского ханского рода Борджигид. Последний великий монгольский хан Лигдан (годы правления — 1604–1634) безуспешно боролся в течение 30 лет за объединение страны перед лицом маньчжурской агрессии.

Даян-хан сыграл выдающуюся роль в средневековой монгольской истории. Ему удалось добиться объединения страны и восстановить авторитет власти великого монгольского хана. К сожалению, сведения, содержащиеся о нем как в монгольских, так и в китайских источниках, крайне противоречивы. Невозможно даже установить точные даты его жизни: одна группа монгольских источников называет годом его смерти 1543-й, другая — 1504-й. Исследователи датируют смерть Даян-хана 1517, 1524, 1532 гг. Дата его рождения также точно неизвестна (в источниках и исследованиях называются годы от 1463 до 1474).

Даян-хан был правнуком Агбарджи-джинонга, который, в свою очередь, был младшим братом Дайсун-хана, убитого Эсэном. Сыном Агбарджи-джинонга был Харгуцаг-тайджи, женой которого была дочь Эсэна. От этого брака родился Баян-Мунхэ-Болху-джинонг, который был великим монгольским ханом приблизительно в 1468–1472 гг. Его сменил на престоле его дядя Мандугул-хан, который был убит в 1479 г. Мандухай-хатун, его вдова, возглавила борьбу за восстановление власти чингисидов. Она повезла семилетнего сына Баян-Мунхэ-Болху-джинонга, Бату-Мунхэ, к так называемым Восьми белым юртам, где хранились реликвии Чингис-хана. Там Бату-Мунхэ был провозглашен великим монгольским ханом и стал называться Даян-хан. Этот титул означает «великий юаньский хан». Мандухай-хатун, несмотря на значительную разницу в возрасте, стала женой Даян-хана. Она лично возглавила военный поход против ойратов. Одержанная над ойратами победа покончила с их притязаниями на господство во всей Монголии. Значительные усилия Даян-хан прилагал для преодоления сепаратизма монгольских феодалов, не желавших признавать

власть монгольского хана. В начале 80-х годов XV в. он перенес свою ставку в Северную Монголию, на р. Керулен. Затем он провел успешную военную кампанию против племени монголджин. После этого были совершены успешные походы против уйгурского Исмал-тайши и ойратского Бэгэрсэн-тайши. В результате этих войн вся Монголия оказалась под властью Даян-хана. Страна делилась на два крыла. В состав восточного крыла входили Чахар (район р. Силингол), Урянха (к северу от Ляодунского полуострова) и Халха (к северо-западу от р. Халхин-Гол). Это крыло находилось под непосредственным управлением великого хана. В состав западного крыла входили территории, подчиненные Даян-ханом: Ордос (кит. Хэтао, в излучине р. Хуанхэ), Тумэт, Уланчаб и Юншебу. Наместником этого крыла (*джинонгом*) в 1510 г. Даян-хан назначил своего сына Улус-Болода. Однако местные правители Ибрагим и Мандулай-Агулху отказались признать ханского наместника и убили Улус-Болода. Вновь Даян-хану пришлось утверждать свою власть военной силой. Титул Джинонга стал наследственным, но его носители были правителями только Ордоса, а не всего западного крыла Монголии.

Согласно монгольской традиции, во времена династии Юань монгольское войско составляло 40 тумэнов, а после ее падения в Монголию вернулось только 6 тумэнов. Поэтому монгольские источники сообщают о шести монгольских тумэнах Даян-хана, три из которых составляли восточное крыло, три других — западное. Однако в это время термин *тумэн* стал обозначать также большие владения — *улусы*, безотносительно к количеству выставляемого ими войска. Каждый улус распадался на группы *айлов* (кочевий), объединенных между собой общностью территории, — *отоки*. Ополчение, выставляемое отоком, называлось *хошун*. Однако термины *оток* и *хошун* в монгольских источниках часто взаимозаменяемы.

Важное место во внешней политике Даян-хана занимали отношения с Китаем. Поскольку после падения династии Юань поселения ремесленников и земледельцев, существовавшие на территории Монголии, исчезли, а торговые пути, связывавшие Китай, Монголию и государства Средней Азии, заглохли, торговля монголов с соседними земледельческими государствами совершенно прекратилась. Между тем монголы испытывали необходимость в зерне, хлопчатобумажных и шелковых тканях, металлических изделиях. Все эти предметы производил Китай. Монгольские князья пытались решить проблему товарообмена с Китаем двумя способами: путем организации приграничных меновых рынков и путем военных набегов на приграничные же области Китая.

В 1488 г. Даян-хан направил китайскому двору письмо, в котором просил согласия принять от него дань. Такое согласие было им получено. Надо отметить, что система даннических отношений монголов с китайским двором бесперебойно функционировала на протяжении всего XV века, даже во времена крупных военных конфликтов (например, во время пребывания в плену у монголов императора Чжэн-туна). Посольства с данью, отправлявшиеся в Китай, были одновременно и торговыми миссиями, а китайский двор на дань всегда отвечал дарами, об ассортименте которых монгольские правители часто высказывали пожелания или даже требования. Даян-хану удалось договориться об открытии меновых рынков в пограничных областях. Эти рынки функционировали три раза в год. Основными товарами, которые предлагали монголы, были лошади, верблюды, пушнина, конский волос. Однако уже в 1495 г. монголы начали военные действия против Китая, и в 1500 г. Даян-хан перенес свою ставку

в завоеванный Ордос. В 1504 г. Даян-хан вновь обратился к китайскому двору с просьбой принять от него дань. Несмотря на согласие китайского двора, в том же году монголы совершили опустошительное нападение на Датун и другие пограничные области Китая. Таким образом, мирная торговля с Китаем полностью прекратилась к 1500 г. и возобновилась лишь в 1571 г. по инициативе тумэтского Алтан-хана. Ни одно монгольское посольство с данью не прибыло в Китай за эти 70 лет (кроме представителей трех округов Урянха). Даян-хан вел постоянные войны с Китаем, которые обогащали монгольскую феодальную верхушку. С 1514 по 1526 г. войска Даян-хана почти каждый год совершали нападения на северные области Китая, причем неоднократно доходили до окрестностей Пекина. Военные успехи монголов объясняются наличием у них хорошо обученной и подвижной конницы. По сообщению китайских источников, действовавшие против Китая монгольские войска насчитывали до 50 тыс. конников.

Основой хозяйства Монголии во времена Даян-хана, как и в предшествующие века, было экстенсивное кочевое скотоводство. Существенную роль играла охота. Земледелие было распространено у монголов крайне слабо, в основном в полосе, прилегающей к Китаю (например, в трех округах Урянха). В стране господствовало натуральное хозяйство, поскольку монголами производились лишь те предметы, которые были необходимы в повседневной кочевой жизни скотоводов.

В монгольском обществе XV–XVI вв. четко различались два антагонистических класса — господствующий класс феодалов и угнетенный класс крепостных аратов-скотоводов. К классу феодалов принадлежали потомки Чингис-хана и его младших братьев: сам хан и царевичи (*тайджи*). Крупные феодалы имели свои наследственные владения. По требованию великого монгольского хана феодалы обязаны были выставлять определенное количество воинов в полном вооружении. Однако в действительности зависимость феодалов от великого хана была чисто номинальной (за исключением кратких периодов объединения Монголии Эсэном и Даян-ханом). Араты-скотоводы находились в феодальной зависимости от своих владык-князей. Личная зависимость арата от своего феодала была основана прежде всего на том, что собственностью последнего являлись все основные средства производства. Пастбищные территории (*нутуг*) были собственностью класса феодалов. Арат нес по отношению к своему феодалу следующие повинности (*алба*): натуральная повинность скотом и продуктами скотоводческого хозяйства; служба при ставке феодала, заключавшаяся в обслуживании личных потребностей последнего; служба в феодальном ополчении и участие в облавных охотах; уртонная (подводная) повинность для обеспечения почтовой связи в стране. Аратская масса не была имущественно однородной, в ее среде были и зажиточные и неимущие семьи. На самой низшей ступени социальной лестницы стояли рабы (*богол*). Рабы выполняли главным образом функции слуг.

Даян-хан выделил уделы всем своим сыновьям (которых у него было 11). Старшие сыновья стали князьями во Внутренней Монголии, младший сын, Гэрэсэндзе, получил в удел Халху. Все князья-чингисиды Внешней (до 1921 г.) и Внутренней Монголии (до 1949 г.) были потомками Даян-хана. Объединение Монголии, достигнутое Даян-ханом, было непродолжительным. Первый междоусобный конфликт разгорелся вскоре после его смерти. Монгольский престол узурпировал третий сын Даян-хана, и права законного наследника Боди-Алага были восстановлены войском восточного

крыла. В XVI в. Монголия вновь распалась на ряд княжеств, которые уже не объединились в единое независимое государство. Объединению страны препятствовали неразвитость производительных сил, отсутствие городов как центров оседлости и ремесла. Феодальный сепаратизм усилился настолько, что в начале XVII в. многие монгольские князья охотнее становились вассалами маньчжурского хана, чем монгольского.

КИТАЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV–XV в. (Империя Мин)

23 января 1368 г. руководитель боровшейся с монгольским владычеством в низовье р. Янцзы повстанческой группировки Чжу Юаньчжан был объявлен в Интяне (Нанкине) императором новой империи — Мин. В сентябре того же года его войска овладели столицей страны при монголах — г. Даду (Пекином). Монгольский двор бежал на север, империя Юань пала. В течение последующих трех лет минские войска очистили от юаньских властей почти всю территорию Китая и завершили объединение страны присоединением Юньнани (1382 г.) и Ляодуна (1387 г.).

Аппарат управления империи Мин начал складываться еще до ее провозглашения, в повстанческом лагере Чжу Юаньчжана. История становления новой власти показывает, что народное движение, основную силу которого составляло крестьянство и которому поэтому наряду с антимонгольской направленностью были присущи черты социального протеста, уже на ранней стадии оказалось под контролем верхушки вождей, стремившихся закрепить свое лидирующее положение в традиционных формах китайской государственности. Еще в 1356 г. в Нанкине создаются местные Секретариат (*син-чжуншушэн*) и Военный Совет (*син-шумиюань*), а также Шесть Ведомств — высшие исполнительные органы, существовавшие только в центральном правительственном аппарате. Для контроля над сельским хозяйством подчиненных Чжу Юаньчжану районов учреждается специальное Управление (интяньсы).

В ставке Чжу Юаньчжана большую роль играли еще раньше помогавшие ему и воевавшие вместе с ним соратники и сподвижники — Ли Шаньчан, Сюй Да, Тан Хэ, Сун Лянь и др. Но наряду с ними Чжу Юаньчжан стал привлекать в создаваемый управленческий аппарат прежних, служивших Юань чиновников и военачальников.

В 1361 г. руководство «красных войск» пожаловало Чжу Юаньчжану титул *гун* — один из высших в иерархии знатности, в 1367 г. он провозгласил себя *ваном* — правителем, на ступень уступающим императору. Путь к престолу оформлялся в рамках традиционных понятий.

В первые годы после провозглашения империи Мин ее административный аппарат копировал танско-сунские образцы VII–XII вв., а также некоторые юаньские порядки. Однако эта структура, несколько отстранявшая от власти самого императора, не устраивала Чжу Юаньчжана, получившего престол в длительной борьбе с соперниками и не доверявшего даже своему ближайшему окружению. Поэтому он вскоре приступает к радикальным преобразованиям управленческого аппарата, основная цель которых сводилась ко всемерному усилению централизации и личной власти государя.

Первой была реформирована местная администрация. В 1376 г. вместо местных секретариатов были созданы Провинциальные правления (*бучжэнсы*). Помимо того, в каждой провинции учреждались Управление проверки (*аньчасы*), исполнявшее судебные и контрольные функции, и местное Военное командование (*дучжихуйсы*). Все эти три органа (*сань сы*) были независимы друг от друга и подчинялись непосредственно центральному правительству. Тем самым власть на местах была раздроблена и в большей, чем прежде, степени подчинена центру. Нижние этажи местной администрации остались прежними: провинции делились на области (*фу*), округа (*чжоу*) и уезды (*сянь*).

Основным среди реформ было преобразование центрального управления. В 1380 г., обвинив канцлера Ху Вэйюна в заговоре и измене, Чжу Юаньчжан ликвидировал посты канцлеров и весь подчинявшийся им Дворцовый секретариат. Специальным указом было запрещено восстанавливать их когда-либо. Тем самым пресекалась более чем тысячелетняя традиция существования при дворе официальных лиц, в какой-то мере разделявших с императорами их руководящие функции. Шесть Ведомств стали непосредственно подчиняться императору, а их начальники оказались на вершине административной лестницы.

В 1380 г. была проведена и реформа высшего военного командования. Вместо одного Главного военного управления было создано пять Региональных управлений. Их командные функции были разделены с Военным ведомством, и все они опять-таки были подчинены непосредственно самому императору. В 1382 г. была реформирована Палата цензоров. Им предписывалось служить «ушами и глазами» императора.

Помимо того, Чжу Юаньчжан пытался создать своеобразную альтернативу традиционному административному аппарату в лице удельных властителей, которыми становились многочисленные сыновья императора. Они получали ставку (дворец) в одном из крупных городов страны, определенный штат собственных чиновников, подчинявшиеся им войска, различные привилегии, щедрое обеспечение и, главное, самые широкие, но четко не обозначенные полномочия на местах, определяемые личными распоряжениями императора. В лице наделенных властью кровных родичей Чжу Юаньчжан рассчитывал создать опору своей личной власти на местах, еще больше укрепить контроль над местной администрацией.

В результате описанных реформ все основные нити управления страной сосредоточились непосредственно в руках императора. Однако он один не мог справиться с потоком поступавших ко двору и требовавших решения бумаг, число которых в отдельные недели превышало тысячу. Для их рассмотрения в 1382 г. были назначены несколько специальных секретарей — *дасюэши*. Первоначально они лишь реферировали содержание дел не первостепенной важности. Но постепенно они получали все большие полномочия: готовили решения, проекты указов и распоряжений и т.п. В начале XV в. они были объединены во Внутридворцовый секретариат (*нэйгэ*). Со временем новый Секретариат все больше подменял собой императора и становился фактически высшим административным органом, аналогичным прежнему Дворцовому секретариату, возглавлявшемуся канцлерами. Единовластие императора, достигшее своего апогея в конце XIV в., постепенно снова вошло в рамки тех юридически не оформлявшихся ограничений, которые были выработаны китайской политической традицией. Царствование Чжу Юаньчжана на этом фоне выглядит скорее

исключением, чем правилом. Его особенности были порождены остротой сложившейся ситуации.

Не имея наследственных прав на престол, завоевав его в ожесточенной борьбе со многими претендентами и постоянно опасаясь нового взрыва народного движения, основатель династии Мин отличался крайней подозрительностью и жестокостью. Одно из средств укрепления своей власти он видел в терроре. Гонения обрушились на чиновничий аппарат, титулованную знать, старые военные кадры. Они проводились кампаниями, в каждой из которых подвергались репрессиям десятки тысяч человек.

Для суда и расправы в 1382 г. при дворе было создано специальное военизированное подразделение — Цзиньи-вэй (Парчовые халаты). Оно подчинялось только императору. В 1386 г. был обнародован указ, поощрявший всеобщую слежку друг за другом и доносительство. Строгий полицейский контроль был установлен на всех дорогах.

Созданная в конце XIV в. атмосфера террора наложила определенный отпечаток на всю последующую внутриполитическую жизнь страны в период Мин с ее сохраняющимися тайными службами, беспорядочностью наказаний и казней, произволом отдельных императоров. В 1420 г. было создано еще одно карательно-сыскное учреждение — Дунгуан, а в 1477 г. третье — Сигуан. Все это отразилось на политической культуре Китая в позднесредневековое время.

После смерти Чжу Юаньчжана в 1398 г. ближайшие советники нового императора, Чжу Юньвэня, начали проводить контрреформы. Наиболее существенной среди них была попытка упразднить розданные основателем уделы. Сопротивление удельных властителей вылилось в вооруженное выступление одного из них — Чжу Ди — против правительства. Кровопролитная и разрушительная война длилась почти 3 года (1399–1402) и закончилась свержением правившего монарха и воцарением Чжу Ди. Последовали новые репрессии и перестановки в правящих верхах. В 1421 г., а практически еще раньше столица была перенесена в Пекин (Бэйцзин) — центр прежнего удела Чжу Ди. Нанкин остался на положении второй столицы, но фактически все управление сосредоточилось на севере — в Пекине.

Не желая мириться с нараставшим сепаратизмом удельных властителей, правительство Чжу Ди (1402–1424) предприняло ряд шагов для обуздания их силы: у них постепенно отобрали войска, а частично и подчиненных им чиновников, отдельные властители были лишены уделов. Политическая сила уделов была окончательно сломлена после подавления новой попытки переворота — мятежа Хань-вана в 1426 г. Однако удельная система, утратив свой первоначальный смысл — служить опорой трона в провинции, — продолжала сохраняться до конца династии Мин.

Острые коллизии возникают в связи с пленением императора Чжу Цичжэня (Ин-цзуна) ойратами в битве при Туму в 1449 г. и отстранением от престола его прямого наследника одним из удельных властителей — Чжу Циюем (Цзин-цзуном). В 1456 г. возвратившемуся из плена Чжу Цичжэню удается вернуть себе престол. Однако каких-либо изменений в установившемся к тому времени порядке административного управления страной эти события не вызвали.

Что же касается традиционного бюрократического аппарата, то гонения конца XIV в. не изменили ни общего характера его деятельности, ни положения в обществе и методов комплектования чиновничества. Существовало 9 чиновных рангов, каждый из которых был двух разрядов —

основного (старшего) и приравненного (младшего). Определенные служебные посты могли занимать лишь чиновники соответствующего этому посту ранга. В первые годы империи Мин широко практиковалось выдвижение в чиновники без экзаменов. Но со временем при отборе на чиновные должности все большее применение находит система экзаменов. В период Мин окончательно складывается ее трехступенчатая структура: последовательные испытания на уровне уездов и областей, провинций, а затем в столице.

Минуя экзамены, на чиновные должности могли выдвигаться выпускники привилегированных училищ, в частности столичного училища Гоцзыцзянь.

В основу организации регулярной армии была положена система гарнизонов (*вэй*) и караулов (*со*), введенная в 1368 г. В гарнизоне полагалось быть 5600 солдатам и командирам. Он делился на 5 тысячных караулов (по 1120 человек), состоявших из сотенных караулов (по 112 человек). Предполагалось, что тысячные караулы должны стоять в каждой области. Такая система распределения войск показывает, что назначение армии виделось не только в отражении нападений извне, но и в поддержании внутреннего спокойствия. Практически же численность гарнизонов могла быть больше или меньше установленной цифры, а размещение караулов в каждой области также пунктуально не выдерживалось. Общая численность войск составляла от 1–1,2 млн. до 2 млн. человек.

Учрежденные в 1375 г. местные Военные командования в провинциях распоряжались расквартированными там гарнизонами. Над местными Военными командованиями стояли пять Региональных военных управлений. Военное ведомство руководило комплектованием армии и назначением офицеров, Ведомство общественных работ — поставкой оружия, Ведомство налогов — снабжением. Во время военных действий командование войсками поручалось специально назначенным императором полководцам. Они подчинялись только самому императору. По окончании войны они сдавали свои полномочия. Такая система была нацелена на сохранение основных нитей военного командования в руках императора.

Первоначально армия состояла из подчиненных Чжу Юаньчжану со времен восстания солдат, а также из набранных по разверстке среди населения рекрутов. Вербовались в солдаты и подлежавшие наказанию правонарушители. В дальнейшем военный статус был сделан для солдат наследственным. Они вместе со своими семьями были приписаны к особому военному сословию (*цзюнь ху*). По смерти «основного воина» его должен был заменить один из его сыновей, а если сына не было — один из бывших односельчан.

Продовольствием и одеждой солдаты снабжались из казны. Для сокращения расходов на снабжение армии с самого начала империи Мин широко практиковалась система военных поселений с наделением солдат землей. Охранную службу несло лишь 0,2-0,3% военных поселенцев, а остальные занимались земледелием.

Составление свода законов новой империи, получившего название «Да Мин люй», началось еще до ее провозглашения — в 1367 г. Затем он неоднократно переделывался и дополнялся. За основу законодательства были взяты нормы, установленные в VII–VIII вв. в империи Тан. В дальнейшем свод обрастал дополнениями. Наряду с «Да Мин люй» обладавшие законодательной силой нормативы были изложены в подготовленных при непосредственном участии Чжу Юаньчжана «Высочайше

составленных великих распоряжениях» («Юй чжи да гао») и «Заветах Царственного предка» («Цзу сюнь лу»). Форму законоустановлений носили, как и прежде, многие указы и манифесты минских императоров.

Во внешней политике основной задачей империи Мин было предотвратить возможность нового монгольского завоевания страны. Достаточно успешные бои с монголами шли почти беспрерывно вплоть до 1374 г., затем в 1378–1381 и 1387–1388 гг. В начале XV в. монгольские набеги вновь усилились, и начиная с 1409 г. Чжу Ди предпринимает целый ряд походов в Монголию с целью разгрома противника, но не рассчитывая захватить его территорию. Первый поход окончился неудачей. Зато в 1410 г. китайцам удалось разгромить основные монгольские силы. В последующих походах, продолжавшихся до 1424 г., Китай использовал междоусобную борьбу среди монгольских феодалов, выступая на стороне одних из них против других. В 1449 г. ойратский (западномонгольский) хан Эсэн, объединив значительную часть Монголии, наголову разбил китайскую армию, захватил в плен ведшего ее императора и осадил Пекин. Однако осажденные под руководством полководца Юй Цяня отразили натиск. После нового объединения Монголии в конце XV в. с ней был заключен мир в 1488 г. Однако с 1500 г. вновь начались монгольские набеги.

Центральноазиатская часть Великого шелкового пути оставалась вне контроля империи Мин. Отсюда в конце XIV — начале XV в. ей угрожала держава Тимура, отношения с которой обострились. Но во время начавшегося в 1405 г. похода на Китай Тимур умер, и его войска повернули обратно.

С начала XV в. Китай предпринимает активные действия на южном направлении. В 1406 г. он вмешивается во внутреннюю борьбу во Вьетнаме и оккупирует его. Но все более нараставшее сопротивление народа заставило китайские войска в 1427 г. покинуть страну. В 1413 г. китайцы окончательно подчиняют народности, обитавшие на территории нынешней провинции Гуйчжоу. В 40-х годах XV в. китайские войска захватывают некоторые районы в Северной Бирме. Начиная с 1405 и по 1433 г. в страны Южных морей и далее в Индию, Аравию и Африку направляются 7 грандиозных экспедиций китайского флота под руководством Чжэн Хэ. В разных походах он вел от 48 до 62 больших кораблей (не считая мелких судов). На борту эскадры находилось от 27 до 30 тыс. солдат и матросов, мастеров-ремесленников, купцов, письмоводителей и т.д. Основной целью этих плаваний было установление дипломатических, а заодно и торговых связей с заморскими странами в форме регулярного обмена посольскими миссиями.

Империя Мин полностью восприняла традиционную китайскую концепцию об универсальности власти императора и предопределенном вассалитете всех зарубежных стран. Прибытие иноземных посольств, интерпретировавшееся в Китае как проявление подобного вассалитета, всячески стимулировалось первыми правителями империи Мин, родившейся в борьбе с иноплеменным владычеством и нуждавшейся в укреплении своего авторитета. Пик активности стимулирования посольств падает на начало XV в. Но уже с 40-х годов XV в. императорский двор, после борьбы различных мнений о рациональности подобной политики, отказывается от активных усилий в данном направлении. Посольский обмен начинает неуклонно уменьшаться.

Экспедиции Чжэн Хэ способствовали появлению и расширению поселений китайских колонистов в странах Южных морей. Однако они не изменили общего характера отношений Китая с заморскими странами: их

вассалитет оставался чисто номинальным и в значительной мере искусственно создаваемым китайской стороной путем ритуального камуфляжа.

Поскольку повстанцы Чжу Юаньчжана строили свой управленческий аппарат на традиционных основах, то их экономическая и ее ключевое звено — аграрная политика с самого начала базировалась на прежних, сложившихся задолго до описываемого времени принципах. Это не значит, что в ней не прослеживается никаких новаций. Но в целом повстанческая власть Чжу Юаньчжана не изменила основ сложившейся ранее ситуации в землевладении и землепользовании на подконтрольной территории.

Первоначально нужды армии и руководящей верхушки обеспечивались путем сбора так называемого лагерного продовольствия (*чжай лян*). Он не был регулярным и был тяжел для населения. После создания в 1356 г. Управления пахотными полями (*интяньсы*) началось составление реестровых списков налогоплательщиков. Около 1360 г. были отменены сборы «лагерного продовольствия», и нужды армии и управленческих верхов стали обеспечиваться поступавшими налогами.

Еще в период борьбы за власть Чжу Юаньчжан начал практиковать организацию военных поселений для самообеспечения армии, стимулирование обработки заброшенных и целинных земель, раздачу земельных владений военной знати и служебных держаний чиновникам. Эти начинания в более широких масштабах получили продолжение и после 1368 г.

К концу XIV в. в стране было учтено 8 507 623 цин обрабатываемых земель (цин — 100 му, му — приблизительно 4,6 а). Вся земля в империи Мин делилась на две основные категории — казенную, или государственную (*гуань тянь*), и частную (*минь тянь*). Фонд государственных земель в начале ее существования значительно расширился благодаря тому, что к доставшемуся от прежних времен были добавлены отписанные в казну земли, конфискованные у противников нового режима и оставшиеся бесхозными в результате войн и разрухи. Площадь их соотносилась с частновладельческими как 1:7, т.е. составляла $^1/_8$ общего обрабатываемого фонда, что превышало 1 млн. цин. На государственных землях размещались владения аристократов и чиновников, выделяемые им из казны, поля, приписанные к учебным заведениям, садовые и пастбищные угодья и т.д. Но основной массив их был занят военными и гражданскими поселениями (*цзюньтунь*, *миньтунь*).

Поселенцы обрабатывали свыше 890 тыс. цин пахотной земли, что составило более 10% всей обрабатываемой площади в стране. Средний надел военнопоселенца составлял 50 му земли, но в зависимости от ее наличия и качества мог колебаться от 20 до 100 му. Казна обеспечивала их семенами, инвентарем, рабочим скотом. Продукция их изымалась поразному: либо в виде налога в 0,1 ши с каждого му, либо весь урожай шел в общие амбары, а оттуда выплачивалось содержание в 0,5 ши зерна (1 ши при Мин — 107,37 л) на человека в месяц, либо отделялась определенная доля на «несущих службу», а остальное делилось между работниками. Наделы военных поселенцев юридически не были наследственными. Но практически система замены воина членом его же семьи приводила к частым случаям наследования выделенного участка.

Гражданские поселения организовывались из безземельных или малоземельных крестьян, переселяемых в районы, где имелся избыточный

земельный фонд, а также из вербуемых для подъема целинных земель в окраинных и малоудобных местах и из ссыльных преступников. Поселения составлялись из 80–100 домохозяйств. Налог с них составлял либо 0,1 ши с 1 му земли, либо десятую часть урожая. Правительство Чжу Юаньчжана в условиях послевоенной разрухи и связанного с ней сокращения посевных площадей вело активную деятельность по освоению заброшенных и целинных земель, стремясь расширить круг налогоплательщиков и тем самым пополнить ресурсы казны. Только в районе Пекина было создано 254 гражданских поселения.

Определенное количество государственных земель находилось в пользовании крестьян, не организованных в поселения. Часть их вместе с землей передавалась в распоряжение представителей царствующего семейства, знати и чиновничества. В 70-х годах XIV в. знать и чиновники получали от двора земли как в постоянное владение, так и в держание взамен жалованья. Эти держания исчислялись не площадью полей, а размерами приносимых доходов. Однако в 1392 г. все должностные земли чиновников и часть держаний титулованной знати были отобраны обратно в казну и заменены выплатами жалованья, что было продиктовано стремлением не допустить превращения их в частновладельческие.

Однако основная масса частных владений состояла не из пожалований двора. Крупное и среднее землевладение, базировавшееся на эксплуатации труда арендатора, к моменту создания империи Мин существовало многие сотни лет. И новая власть не изменила сложившегося положения, оставляя взаимоотношения арендаторов и арендодателей вне своей компетенции. Некоторое перераспределение земли произошло в середине XIV в. не только по воле властей, конфисковавших ее у своих противников, но и стихийно, в процессе охватившего страну широкого повстанческого движения. В 1368 г. правительство Мин признало собственнические права «сильных домов», т.е. землевладельцев, на захваченные ими во времена восстания земли. Отмеченное частичное перераспределение земли произошло главным образом в северных районах страны.

Не поощряя рост крупного частного землевладения и борясь против незаконных способов увеличения земельной собственности, приводивших к сокращению числа налогоплательщиков и площадей государственных земель (захвата земли силой, подлога и утаивания при учете обрабатываемой площади и т.п.), минское правительство в то же время само создавало возможности для такого роста. Указом 1368 г. разрешалось возделывать заброшенные земли и в течение трех лет не платить с них налоги. В 1380 г. в пяти северных провинциях и ряде областей было позволено на тех же условиях поднимать новь. Наконец, в 1391 г. и знати и простолюдинам было разрешено в любом количестве занимать на правах собственности необработанные земли, которые они смогут возделать. Естественно, отмеченными указами могли воспользоваться как землевладельцы, так и крестьяне. Но преимущественные возможности получали наиболее крепкие и располагавшие нужными для этого средствами и влиянием хозяйства, т.е. прежде всего привилегированные слои и землевладельцы.

Основным каналом перераспределения земли и роста крупной земельной собственности в конце XIV–XV в. оставалась ее скупка у разоряющихся или побуждаемых к тому иными обстоятельствами хозяев. Государственные власти настаивали на обязательной регистрации каждой сделки, но возможность купли-продажи земли не пресекали.

Минское правительство уделяло пристальное внимание строжайшему учету населения и его имущества на предмет обложения налогами. В общегосударственном масштабе такая перепись была проведена в 1370 г. Но наиболее полный реестр был составлен в 1381 г. — так называемый Желтый реестр. В дополнение в 1387 г. провели всеобщий обмер земель и составили подробный земельный кадастр со схемами-чертежами полей — так называемый Рыбьечешуйчатый. Деревенские старосты должны были ежегодно сообщать об изменениях, которые необходимо вносить в реестры. Общий же их пересмотр предписывалось проводить раз в 10 лет.

В основу налоговых сборов была положена прежняя система «двух налогов» (*лян шуй*) — летнего и осеннего. Уплачивались они натурой — теми видами продукции, которые выращивались в данной местности, и преимущественно зерном. С каждого му государственной земли полагалось около 5,9 л зерна, частной земли — 3,5 л. Однако на практике эти налоговые ставки колебались в зависимости от местных условий. На государственных землях они имели 11, на частных — 10 градаций. Эти ставки также менялись со временем. В 1430 г. на государственных землях они составляли уже от 10,7 до 107,3 л с каждого му.

С 1376 г. было разрешено платить налоги в пересчете на серебро, медную монету и ассигнации. Но в конце XIV в. доля ненатуральных налоговых поступлений была еще очень мала — менее 2% общей суммы. Такое положение начинает меняться с 30-х годов XV в., когда в отдельных районах Центрально-Южного Китая возрастает доля серебра в уплате налогов.

Для удобства сбора налогов в 1371 г. вводится система налоговых старост (*лянчжан*). Каждый из них отвечал за своевременный сбор и доставку к месту назначения налогов с района, которому полагалось уплачивать 10 тыс. ши зерна. Старосты назначались из зажиточных местных жителей. В подчинение им давался 1 счетовод, 20 развесчиков и 1000 перевозчиков. Перевозчиками служили поочередно отбывавшие эту повинность крестьяне.

Кроме налогов крестьяне и не входившие в учено-служилое сословие землевладельцы обязаны были нести, как и в прежние времена, трудовые повинности. Они разделялись на подворные, подушные и дополнительные (разные). Число выделяемых каждым двором работников зависело от его имущественного состояния и количества тяглых.

В результате всех перечисленных мер в XIV в. была создана достаточно стройная система эксплуатации подавляющего большинства населения, охватывающая как государственные, так и частновладельческие земли. При этом владельцы частной земли платили несколько меньшие налоги, чем работники на государственных землях.

Устремления правительства Чжу Юаньчжана сводились к укреплению довольно упрощенной схемы: всевластный монарх через послушный и не обладающий самостоятельностью чиновничий аппарат обеспечивает сбор налогов с как можно большего количества налогоплательщиков — преимущественно самостоятельных мелких хозяев, — а налоговые средства позволяют содержать армию, чиновников, приносят доходы правящей верхушке, идут на прочие государственные нужды. При этом подразумевалось, что налоговые ставки должны быть относительно умеренными. Этот идеал был традиционен для китайской общественно-политической мысли в древности и средневековье. Но он не оставлял места для развития и поэтому не мог быть выдержан на практике. Если при Чжу Юаньчжане благодаря отмеченному увеличению государственных земель и

мелкокрестьянской собственности, а также жестким мерам правительства его удавалось в какой-то, хотя и очень далекой от совершенства, форме поддерживать, то с начала XV в. наблюдается все больший и больший отход от принятых за идеал норм. Основной причиной этого, как и прежде, был неуклонно развивавшийся процесс концентрации земли в руках землевладельцев и размывания мелкокрестьянского хозяйства и государственного земельного фонда, сопряженный с уменьшением числа налогоплательщиков и увеличением частной эксплуатации посредством аренды.

Площадь облагаемых налогами обрабатываемых земель с 8,5 млн. цин в 1393 г. сократилась к 1502 г. до 6,2 млн. цин (а по некоторым данным — до 4,2 млн. цин). В то же время число податных дворов (с 1393 по 1491 г.) сократилось на 1,5 млн., а налогоплательщиков — приблизительно на 7 млн. Отмеченное сокращение происходило не из-за деградации хозяйства и убыли населения, чего в XV в. не наблюдалось, а в силу роста арендных отношений в рамках частного землевладения, которое находило всевозможные легальные и нелегальные способы для уклонения от налогов.

К присвоению частных владений активно приобщается правящая верхушка империи. В источниках отмечается, что с середины XV в. удельные властители, родичи императора по женской линии и дворцовые евнухи «повсеместно захватывали казенные и частные пахотные поля». Попытки правительства бороться с этими запретительными указами имели малый эффект. Борясь с самовольными захватами земли, императорский двор с 1425 г. начал сам раздавать аристократическим верхам так называемые усадебные поля (*чжуан тянь*), исчислявшиеся сотнями, а позже тысячами цин. Со второй половины 60-х годов XV в. такого рода владения закрепляют за собой и сами императоры; именовались они «императорскими усадьбами» (*хуан чжуан*). К 1489 г. было пять таких усадеб общей площадью 12,8 тыс. цин.

Разлагалась постепенно и система военных поселений. Их земли захватывались военным начальством и евнухами, чья власть и влияние при дворе заметно усилились с конца XV в. К этому времени суммарные поступления в казну от военных поселений составляли лишь десятую часть первоначально даваемых ими доходов.

Со второй четверти XV в. становятся все более сумбурными и запутанными реестровые списки налогоплательщиков, утяжеляется налоговое бремя, усиливается процесс перехода крестьян «под покровительство» знати и крупных землевладельцев, бегства крестьян с земли. Сообщения о значительном числе бежавших появляются уже с первых лет XV в. Попытки властей посадить беглых обратно на землю давали лишь ограниченный эффект. Вспыхивали и отдельные народные восстания.

Однако отмеченный процесс постепенного отхода от установленных в конце XIV в. порядков не привел сельское хозяйство страны к сколько-нибудь серьезной кризисной ситуации вплоть до конца XV в.

В силу описанных в предшествующих главах исторических обстоятельств наиболее развитыми в экономическом отношении вообще и промышленно-торговом в частности были центрально-южные районы страны. Из 30 с лишним городов, являвшихся крупными центрами ремесла и торговли, лишь $^1/_4$ находилась на севере, а $^1/_3$ была сосредоточена на территории провинций Чжэцзян и Цзянсу. В отмеченном наиболее развитом районе возникало больше, чем в других частях империи, торгово-промысловых поселений, быстро превращавшихся в города, — *чжэней* и *ши*. В одном

лишь уезде Уцзян во второй половине XV в. насчитывалось 3 ши и 4 чжэня. Причем ремесленное ядро таких центров разрасталось все больше.

Население крупных городов по-прежнему исчислялось сотнями тысяч человек. Например, в Сучжоу в 1379 г. проживало 245 112 человек. После перенесения столицы в 1421 г. быстро растет Пекин. К рубежу XV–XVI вв. население его составляло около 600 тыс. человек. Смещение политического центра страны на север вызвало рост городов в прилегающей округе. Но вместе с тем это перемещение неизбежно, хотя и не непосредственно, ослабило возможности дальнейшего социально-экономического развития наиболее в этом отношении перспективных юго-восточных районов, утративших так много значившую в условиях имперского порядка близость к столице.

В конце XIV–XV в. четче, чем раньше, обозначается хозяйственная специализация отдельных районов страны. Нанкин, Ханчжоу, Сучжоу и Хучжоу славились шелкоткачеством, Сучжоу и Сунцзян — хлопкоткачеством, Цзиндэчжэнь — фарфором, Исин — керамикой, Гуандун и Сычуань — сладостями, Шаньдун — лаком, Цзянси — ювелирным делом, Фуцзянь и Сычуань — посудой, Цзянси, Чжэцзян и Фуцзянь — бумагой, Юньнань — медью и свинцом, Фошань — железом и т.д. Именно на рубеже XIV–XV вв. широкое распространение получили возделывание хлопчатника и выработка хлопчатых тканей. Производство железа держалось на уровне приблизительно 4,7 тыс. т в год. По-прежнему на высоком для своего времени уровне, как по количеству, так и по качеству, держалось производство шелка, фарфора, ювелирное дело. Успехи кораблестроения могут проиллюстрировать корабли эскадры Чжэн Хэ: они были трех-, четырехмачтовыми, длиной около 40–50 м, несли от 50 до 360 т полезного груза и 600 человек, имели внутренние водонепроницаемые переборки, пропитку и обмазку корпуса специальными составами, означенную ватерлинию и т.п. Из добывающих промыслов широкое развитие получила добыча соли. Только в районе Лянхуай (в Цзянсу) было 29 мест соледобычи.

Способствуя развитию мелкокрестьянского хозяйства, правительство Мин в начальные годы взяло курс на укрепление и расширение казенного ремесла и промыслов. О размахе казенного производства можно судить, например, по тому, что в Пекине ежегодно трудилось 18 тыс. ремесленников, отбывавших повинность. В начале XV в. в Цзуньхуа были построены казенные железоплавильные печи, которые обслуживали 2500 работников. В Цзиндэчжэне в конце XIV в. было 20 казенных печей для обжига фарфора, а во второй половине XV в. — 50 печей.

Организацией казенного производства и руководством им было занято Ведомство общественных работ (*гун бу*), частично Ведомство налогов (*ху бу*), специальное дворцовое ремесленное управление (*нэйфу уцзяньцзюй*), а также военные и местные власти. Основную его рабочую силу составляли выделенные в отдельное сословие ремесленники, обязанные повинностями. В реестровые списки ремесленников, составленные к 1385 г., входило 232 089 дворов (в XV в. их насчитывалось около 300 тыс.). Основная их часть поочередно — 1 раз в 3 года на 3 месяца — привлекалась на работы в столицу, другие крупные города, на строительные и промысловые объекты. Вскоре сроки стали варьироваться от 1 года до 5 лет, а позже — от 2 до 4 лет. Их снабжение и обеспечение сырьем и прочими средствами производства брало на себя государство. Дорогу же к месту работ они оплачивали сами.

С начала XV в. некоторая часть ремесленников (около 27 тыс.) была переведена на отработку повинностей по месту жительства (*чжу цзо*). Они трудились на казну от 10 до 20 дней в месяц, что было тяжелее, чем нормы поочередных отработок, но не требовало отрыва от своей мастерской и затрат на дорогу.

В 1485 г. было дано разрешение откупаться от повинностей серебром. Это стало практиковаться прежде всего в шелкоткачестве и свидетельствовало о невыгодности и постепенном вытеснении принудительного подневольного труда в казенном ремесле. Но сдвиги здесь шли еще медленно.

Существовало небольшое количество (приблизительно 3 тыс.) военных ремесленников, т.е. дворов мастеровых, числившихся в военном сословии.

Основной производственной единицей в китайском ремесле конца XIV–XV в. продолжала оставаться лавка-мастерская, где трудились хозяин и члены его семьи. Эти мелкие мастерские, как и прежде, объединялись в профессиональные цеховые объединения (*хан*, *туань*). Отработав или уплатив повинности, ремесленник выступал как частный производитель, реализуя свою продукцию самостоятельно или через посредников-скупщиков. Таким образом, казенное и частное ремесло оказывались непосредственно связанными. Параллельное существование крупного казенного производства мешало нормальному развитию частного ремесла, сужая спрос на изделия, привнося жесткие управленческие методы в организацию производства, отрывая работников от их дела для несения повинностей и т.п.

В отмеченный период, особенно с XV в., появляются сведения о существовании отдельных крупных мастерских, организуемых частными хозяевами (*даху*). Это прежде всего относится к ткацкому производству. Однако подобных мастерских было еще мало даже в наиболее развитых в экономическом отношении районах, а наемный труд здесь не утратил кабального характера.

Отмечавшийся выше прогресс в специализации отдельных районов страны на преимущественном производстве какой-либо продукции способствовал дальнейшему развитию торговли. Все большее значение в этой межрегиональной торговле приобретают скупщики, маклеры, образовавшие посреднические конторы (*якуай*, *яхан*, *ядянь*). В конце XV в. доходы подобных контор стали настолько значительны, что правительство неоднократно пыталось поставить их под свой строгий контроль и использовать в своих корыстных целях. Наряду с этой купеческой торговлей в больших и малых городах продолжала процветать мелкая торговля лавочников-ремесленников и торговля вразнос. Некоторые поселения городского типа складывались прежде всего как торговые центры (*ши*), и торговля в них преобладала над ремеслом. Вместе с тем в мелкой торговле разделения между нею и ремеслом все еще не произошло. Ремесленники, в Пекине например, заносились в реестровые списки как «лавочники» (*пуху*).

В первые годы империи Мин взимание торгового налога было упорядочено: сокращено число таможен и установлена единая ставка в $^{1}/_{30}$ часть стоимости товара. Однако уже в конце 20-х годов XV в. торговый налог с провоза товаров по воде взимался различными способами: в зависимости либо от количества грузов и расстояния их перевозки, либо от размера лодки или корабля.

Политика государства в отношении торговли не была последовательна. С одной стороны, торговая деятельность признавалась как один из легальных видов занятий. Государство извлекало из нее пользу с помощью налогов, строило склады и торговые помещения, передавая их торговцам в аренду. С другой — эта деятельность продолжала официально считаться недостойной уважения, делались попытки ограничить частную торговлю и держать ее под постоянным контролем. Казна делала принудительные закупки товаров по низким ценам, принудительно распределяла некоторые продукты казенного промысла (например, соль), сохраняла систему монопольных товаров (соль, железо, чай, вино). С помощью обмена монопольной соли на зерно и продажи лицензий на торговлю ею удавалось содержать многие военные гарнизоны, стоявшие в окраинных и неплодородных районах. Конкурируя с частником, казна содержала так называемые императорские лавки и насаждала государственные «торговые поселения» (*шантунь*).

Строгий запрет с первых же лет правления династии Мин был объявлен на частную внешнеторговую деятельность. Всю заморскую торговлю власти пытались свести к обмену данью и дарами с зарубежными посольствами. Правда, с этими посольствами всегда приходили иноземные купцы. Но их товары регистрировались и в значительной мере приобретались казной. Лишь оставшееся разрешалось пускать в продажу в строго ограниченные сроки и отведенном месте. Экспедиции китайского флота в начале XV в. способствовали оживлению морской торговли страны в целом. Запрет на выход частных кораблей в море постоянно нарушался, о чем свидетельствует его периодическое повторение. В странах Южных морей с начала XV в. начинают расти поселения китайских колонистов, занимающихся прежде всего торговлей. Но их связи с Китаем оставались, с точки зрения китайских властей, нелегальными. На северо-западных границах по казенным каналам осуществлялся обмен чая на лошадей. Караванная торговля опять-таки приобретала характер посольских миссий.

В конце XIV–XV в. в качестве основы денежной системы правительство пыталось сохранить ассигнации, но основой расчетов ниже порога в 100 вэней оставались медные монеты (медная монета в 1 вэнь весила 3,73 г). В целях стимулирования хождения ассигнаций использование драгоценных металлов в торговле было запрещено. В тех же целях после 1375 г. несколько ограничивалась и отливка медной монеты, осуществлявшаяся в те времена только государственными монетными дворами, которых насчитывалось 325.

Однако необеспеченность ассигнаций реальным содержанием в драгоценных металлах и старая болезнь — их неумеренный выпуск неизбежно вели к постепенному обесцениванию бумажных денег. Уже в 1394 г. за 1 гуань ассигнациями (номиналом в 1000 монет) давали лишь 160 медных вэней, а 1448 г. — около 10 вэней, а в 1488 г. — 1 вэнь. Обесцениваясь, ассигнации вытеснялись из оборота. К 30-м годам XV в. они уже употреблялись очень ограниченно, уступив место расчетам в драгоценных металлах. После 1436 г. запрет на использование золота и серебра в торговле был ослаблен. Серебро ходило в весовых слитках, и использование его в качестве средства платежа и обращения к концу XV в. неуклонно возрастало. Но, несмотря на это, вплоть до конца столетия правительство продолжало попытки поддерживать бумажное обращение и отливать медные монеты лишь в небольших количествах.

Социальная структура китайского общества в конце XIV–XV в. в целом была схожа с той, которая существовала до монгольского завоевания. Было

покончено с привилегированным положением оставшихся в Китае выходцев из Монголии и других центральноазиатских стран, с неравным положением северных и южных китайцев. Из полурабского состояния были освобождены считавшиеся пленниками *цюйдины*, а также попавшие в полурабскую зависимость некоторые категории ремесленников. Однако победа повстанческой группировки Чжу Юаньчжана привела лишь к возвышению сравнительно небольшой когорты руководителей движения и сподвижников нового императора, оставив без изменения основные контуры традиционной социальной организации страны. По-прежнему официальная схема социального деления исходила из разделения всех на чиновников и народ, среди которого выделялись имевшие престижное положение и некоторые привилегии ученые (ши) — кандидаты в чиновники, земледельцы (под которыми подразумевались и землевладельцы и крестьяне), ремесленники и торговцы (что также подразумевало и богатых купцов и предпринимателей, и мелких торговцев, и рядовых ремесленников). Но все же в организации общества в отмеченный период можно проследить черты, не присущие предшествующему времени.

Наряду со значительным усилением единодержавия императора характерной чертой было укрепление самостоятельных позиций чисто аристократических прослоек. Прежде всего это относится к императорским родичам по мужской линии, сосредоточенным в уделах. Если к моменту смерти Чжу Юаньчжана было всего 58 титулованных родичей, то в начале XV в. — 127, в первой половине того же столетия — 419, а к концу — более 2 тыс. человек. Все они имели определенное содержание из казны, судебный иммунитет и пользовались четко не установленными, но весьма широкими привилегиями, связанными исключительно с их титулами и положением. С середины XV в. в их руках начинают скапливаться значительные земельные владения.

Другой аристократической прослойкой были «заслуженные сановники» (*гун чэнь*) — наделенные «богатством и знатностью» и наследственными привилегиями сподвижники Чжу Юаньчжана по борьбе за престол.

Чиновничество в начале Мин не пользовалось таким почетом, как это имело место в XI–XIII вв. в империи Сун. Их казнили и ссылали во время репрессивных кампаний, подвергали унизительным наказаниям. Но если в отношении к вышестоящим — монарху и аристократии — их положение стало более уязвимым, то в отношениях с нижестоящими — простонародьем — они продолжали пользоваться прежними привилегиями и непререкаемым социальным престижем. Именно в период Мин была проведена резкая грань, отделявшая чиновников от служивших в государственных учреждениях письмоводителей — подчиновников (*ли*). Для них закрывались возможности стать чиновниками, хотя они и относились к «смешанной», т.е. промежуточной, категории населения. Выходцы же из чиновной среды по-прежнему имели преимущественные шансы на государственных экзаменах, при поступлении в столичное училище Гоцзыцзянь, получении служебных должностей.

«Богатые дворы» в деревне, т.е. прежде всего землевладельцы, раздававшие свои земли в аренду, как и раньше, не имели никаких официально предоставляемых привилегий по сравнению с остальным лично-полноправным крестьянством. Правда, из них формировалась верхушка насаждаемой властями в деревне фискальной общинной организации. Создание таких общин — *ли* (стодворок) и *цзя* (десятидворок) — было декретировано в 1381 г. при составлении всеобъемлющих реестровых

списков. Из наиболее богатых «простолюдинов» назначались и налоговые старосты (*лянчжан*) более крупных районов. С одной стороны, это закрепляло верховенство зажиточных землевладельческих слоев над рядовым крестьянством. С другой — ставило эти слои в положение непосредственного подчинения управленческому аппарату с повышенной ответственностью перед властями, ибо они несли наказания за все неполадки в своих общинах (недоплату налогов, уклонение от них, бегство крестьян с земли и т.п.).

Крестьяне, работавшие на государственных землях, равно как и на полях «гражданских поселений» (*миньтунь*), рассматривались как держатели этой земли, т.е. фактически как государственные арендаторы. Налоги, взимаемые с них, были, как отмечалось, выше, чем с владетелей собственной земли. Специальные законодательные статьи предусматривали телесные наказания за необработку зарегистрированной в реестровых списках земли, за уклонение от налогов, за бегство со своего участка. Такая фиксировавшая неподвижность крестьянского двора система фактически прикрепляла работников к земле. Труд военнопоселенцев, всецело зависевших от властей, носил еще более кабальный характер. Крестьяне на государственных землях, передаваемых в держание аристократам и чиновникам, фактически попадали к ним в личную зависимость. Налоговое бремя, усугубляемое произволом чиновников и власть имущих, скрупулезный реестровый учет и наказание за необработку земли тяготели и над крестьянами — собственниками своих участков, и над мелкими и средними землевладельцами. Правда, у последних было больше возможностей различными легальными и нелегальными, но принятыми в обыденной жизни путями (взятки, подделка юридических документов, выдвижение своих представителей в категорию ученых (*ши*) и т.п.) смягчить это жесткое давление.

Весьма значительную часть китайского крестьянства описываемого времени составляли арендаторы, полностью лишенные собственной земли или же приарендовывавшие ее вдобавок к своим недостаточным для прокормления владениям. Положение их могло быть весьма различным в зависимости от того, какую часть земли они приарендовывали, от условий аренды и просто от местных традиций в области арендных отношений в том или ином районе огромной страны.

Наиболее тяжелым было положение арендаторов «в услужении» (*дяньпу*). Чаще всего это были люди, из поколения в поколение находившиеся в личной зависимости от семейства хозяина. Их обязанности заключались не только в обработке земли за получение средств к существованию, но и в выполнении самых разнообразных повинностей и работ в пользу господина.

Несколько свободнее было положение арендаторов, обязанных отдавать хозяину земли определенную часть урожая. В среднем она составляла половину его, но могла быть и ниже и выше, доходя в экстремальных условиях до 0,8 урожая. Еще предпочтительнее были условия жизни тех, кто арендовал землю за установленную фиксированную ежегодную выплату натурой или деньгами. Но эта форма аренды вплоть до конца XV в. еще не получила сколько-нибудь широкого распространения.

Однако и эти категории арендаторов в связи с самим фактом аренды попадали в обусловленную традицией, а не законом определенную зависимость от владельца земли. Степень этой зависимости определялась во многом произволом хозяина.

Хотя положение ремесленников при Мин стало легче, чем при монгольских властях, их личная свобода и производственная деятельность оставались во многом ограниченными. Строжайший учет фактически привязывал каждого работника к его мастерской, наследственно закрепляя его профессию, обязывал нести в пользу государства тяжелые повинности — в форме отработок и государственных закупок по низким ценам. Мелочному надзору подвергалась и его повседневная жизнь. В целом положение рядовых ремесленников (которые одновременно выступали и мелкими торговцами) мало отличалось от условий, в которых находилось эксплуатируемое крестьянство.

Вместе с тем в социальной организации городского ремесла в конце XIV–XV в. прослеживаются определенные сдвиги. Именно в отмеченный период существовавшие прежде объединения — *ханы*, *туани* и др. — начинают приобретать характер цеховой организации, в чем-то приближающейся к известным западноевропейским образцам. Это сказывалось в появлении первых письменных уставов таких объединений, что свидетельствует о некотором ослаблении их зависимости от государственной администрации. Внутри их наблюдается социальное расслоение — появление зажиточной верхушки. Правда, в конце XIV–XV в. можно говорить лишь о самом начале подобного процесса.

Несомненно, что в описываемое время существовала зажиточная прослойка непривилегированных горожан, связанных с торговлей, предпринимательством, кредитными отношениями, ростовщичеством и т.п. Однако судить о ней и ее роли в обществе крайне трудно из-за отсутствия сколько-нибудь систематических данных источников на этот счет. Последнее можно считать косвенным подтверждением ее слабости и неоформленности как обособленной социальной страты.

Нижний слой китайского общества составляли рабы. Однако в XIV–XV вв. он был невелик и носил печать патриархальности, не играя заметной роли в экономических отношениях. Минское правительство пыталось ограничить рабовладение. В 1373 г. последовал приказ об освобождении тех, кто «был вынужден» стать рабом при монгольской власти. Государство начало практиковать выкуп рабов на свободу за казенные средства. Всем «простолюдинам» было запрещено иметь рабов.

Китайское общество описываемого времени оставалось, как и прежде, жестко иерархичным и стратифицированным. Разрыв между его верхушкой и низами был огромен. На деревенском уровне можно отметить также некоторое укрепление клановой структуры, которая не разлагалась со временем.

В конце XIV в. в империи насчитывалось приблизительно 60 млн. жителей. За последующее столетие заметного роста населения не наблюдается. В описываемый период границы империи не выходили за пределы собственно Китая — районов, издавна населенных или колонизированных китайцами. Это способствовало дальнейшей консолидации китайского этноса. При определенной поддержке правительства начинает, хотя и медленно, стираться установившееся в прошлом различие между северными и южными китайцами.

Говоря о материальной культуре последней трети XIV–XV в., можно отметить, что сельскохозяйственные орудия оставались приблизительно такими же, как во времена империи Сун (XI–XIII вв.). Правда, с конца XIV в. наблюдается создание местных разновидностей плуга, в целом повторявших общий его тип, но приспособленных к конкретным полевым

условиям. Более широкое, чем раньше, распространение получают прялки с ножным приводом. В ремесле новой отраслью явилось хлопкоткачество. Прогресс строительного дела проявлялся помимо дворцового строительства в обновлении значительных участков Великой Китайской стены, создании под Нанкином и Пекином грандиозных погребальных комплексов для первых минских императоров, сооружении ансамбля Храма Неба, городской застройке Пекина, оказавшей непосредственное влияние на градостроительство последующих веков. На рубеже XIV–XV вв. зафиксировано уже не единичное применение пушек в военных действиях.

В быту получает распространение ряд вещей, характерных для предмонгольского периода (например, паланкины, некоторые типы головных уборов и т.д.). Привнесенные монголами обычаи, одежда и т.п. демонстративно искореняются правительством. В церемонии чаепития для заварки чая начинает употребляться чайник. Появляется новый тип мебели, ориентированный на широкое распространение стульев, кресел и высоких столов.

С самого становления империи Мин приоритетное, господствующее положение в области идеологии и религии занимает ортодоксальное конфуцианство в его чжусианской (неоконфуцианской) версии. Оно приобретает характер в полном смысле слова государственного, официального культа. Однако этот культ впитал в себя и некоторые черты других традиционных для Китая религиозно-этических систем, и в первую очередь буддизма, что вполне согласуется с издавна существовавшей в стране тенденцией к религиозному синкретизму.

Буддизм и даосизм отнюдь не были запрещены и не подвергались явным гонениям. Продолжалось укрепление позиций ламаистской версии буддизма, занесенной монголами и поддерживаемой позже регулярными связями с Тибетом. Отдельные буддийские монахи пользовались покровительством императоров. Даосизм также удерживал определенные позиции в верхах общества. Но сосуществование этих вероучений с официальной ортодоксией было как бы непризнанным. В конце XIV в. прослеживается стремление властей поставить им (особенно буддизму) определенные ограничения. В 1373 г. в каждой административной области империи было разрешено иметь по одному буддийскому и даосскому храму. Самовольная, без санкции властей организация монастырей строго каралась специальной статьей в кодексе законов. В целях сокращения числа монахов были установлены возрастные ограничения и введены испытания на предмет выявления их посвященности в суть исповедуемого учения. Не прекращались и нападки на буддизм отдельных высокопоставленных сановников (как, например, Лю Цзяня в конце XV в.), по-прежнему считавших его «варварским» учением.

Описанное положение буддизма и даосизма в сочетании со стихийным стремлением отдельных лиц и слоев противопоставить себя сковывающему господству официальной ортодоксии служили питательной средой для укрепления и расширения возникавшего еще в предшествующие века религиозного сектантства. Многие из таких сект рассматривались властями как еретические и подвергались гонениям, примером чему могут служить преследования последователей учения «Белого лотоса» в конце XV в.

Довольно терпимым было отношение властей к мусульманам, общины которых в описываемое время увеличиваются в числе. Наблюдается китаизация местных мусульман (китайский язык, одежда, архитектура мечетей и т.д.).

Характерным явлением в религиозной жизни той эпохи можно считать существование наряду с официальным государственным вероучением местных, локальных культов, охватывавших самые широкие народные слои. Именно в этих культах с их обширным пантеоном и специфической обрядностью в полной мере проявлялся тот религиозный синкретизм, который был характерен для духовной культуры китайцев еще с далеких времен.

В начале Мин расширяется, по сравнению с периодом монгольского господства, система образования, служившая подготовке чиновной администрации. В обеих столицах — Пекине и Нанкине — функционировали высшие Государственные школы (*гоцзыцзянь*). До середины XV в., помимо того, существовало Высшее училище (*тайсюэ*). В особых высших школах обучали военным наукам, медицине и даже магии. Восстанавливались и учреждались местные школы-академии (*шуюань*). Однако в целом система высшего и специального образования в начале Мин не достигла размаха, существовавшего в империи Сун в XI–XIII вв.

Правительство прилагало усилия к развитию начального образования. Помимо областных, окружных и уездных училищ указом 1375 г. предписывалось создавать на местах начальные деревенские (общинные) школы. Продолжали существовать и частные школы. Имперская администрация пыталась полностью контролировать учебный процесс, предписывая, какие книги изучать, как проводить экзамены, чего на них требовать и т.д.

Прогресс научных знаний ярче всего отразился в составленном в начале XV в. грандиозном энциклопедическом труде «Юн-лэ да дянь» («Великий свод годов правления Юн-лэ»). Он состоял из 11 095 томов, включавших 22 877 *цзюаней* (глав), и содержал разделы по истории, каноническим и философским трудам, астрономии, географии, медицине, техническим знаниям и искусству. Была составлена «История династии Юань» («Юань ши»). В начале XV в. появляется новый тип исторической хроники — «Записи о свершившемся» («Ши лу»). Расширению географического кругозора способствовали описания далеких краев, составленные участниками экспедиций Чжэн Хэ — Ма Хуанем, Фэй Синем и Гун Чжэнем, равно как сделанные во время этих экспедиций подробные «Карты морских плаваний Чжэн Хэ» («Чжэн Хэ хан хай ту»). Неоконфуцианскую философскую школу развивали мыслители У Юйби (1391–1469), Лоу Лян (1422–1492), Чэнь Сяньчжан (1428–1500).

Знаменательным событием в литературе было появление в конце XIV в. пользовавшихся впоследствии огромной популярностью романов на исторические сюжеты «Троецарствие» Ло Гуаньчжуна и «Речные заводи» Ши Найаня (изданы они были значительно позднее, но до издания широко передавались изустно). В драматургии с XIV в. на первенствующие позиции выходит так называемая южная драма — *чуаньци*, в которой можно проследить приближение к вкусам простого народа. В поэзии описываемого периода не было выдающихся имен, но давняя традиция стихотворства не умирала. Известность получили стихи Фан Сяожу, Лань Жаня, Ли Дунъяна, Тан Иня.

Тенденция к подражанию древним образцам становится характерной с конца XIV — начала XV в. для литературного и публицистического творчества целого направления — «приверженцев древней литературы» (*гу вэнь пай*), к которым относили себя Сун Лянь, Лю Цзи, Ян Шици и многие другие ученые и политические деятели.

При Чжу Юаньчжане наблюдаются некоторые шаги, которые можно назвать своего рода литературной инквизицией. Было запрещено употреблять в именах и речи целый ряд иероглифов. Нарушителей казнили или в лучшем случае высылали. По указанию императора исключили многие пассажи из классического философского труда «Мэн-цзы». Казни и преследования «неугодных» литераторов продолжались с 1384 по 1396 г. Указ 1398 г. предписывал разрешать ставить лишь пьесы, выдержанные в духе благонамеренности. Был введен строгий стандарт для составления бумаг на высочайшее имя. В экзаменационных сочинениях в XV в. закрепляется схематичная «восьмичленная» форма (*ба гу*), сковывавшая творческое развитие мысли.

Подражательный стиль, ориентация на прежние, главным образом сунские, образцы были характерны и для ранней минской живописи. В возрожденной на рубеже 20–30-х годов XV в. придворной Академии живописи преобладал жанр «цветов и птиц». Наиболее прославленными мастерами здесь были Бянь Вэньцзинь (начало XV в.) и Линь Лян (конец XV в.). В жанре пейзажной живописи, характерном для независимых от двора художников, пользовались известностью школа У во главе с ее основателем Шэнь Чжоу (1427–1509) и школа Чжэ, наиболее ярким представителем которой был Дай Цзинь (род. ок. 1430 г.). С XV в. распространяются делавшиеся обычно после смерти и имевшие ритуальное назначение «погребальные портреты», которые отличала реалистичность в передаче индивидуальных черт модели.

В раннеминской скульптуре наибольший интерес представляют монументальные каменные изваяния животных и людей на пути к императорским гробницам (близ Пекина и Нанкина). Храмовая же скульптура — из дерева, металла и камня — в большинстве оставалась в рамках подражания прежним образцам, порой упрощая и огрубляя их.

В стране и за рубежом высоко ценились фарфоровые изделия с синей (кобальтовой) подглазурной росписью, широко выпускавшиеся с середины XV в. Многослойные лаки получают применение в архитектуре и при изготовлении мебели. Входят в употребление изделия из перегородчатой эмали.

В целом описанный выше период трудно оценивать однозначно. В конце XIV в. были ликвидированы наиболее одиозные порядки, существовавшие при монгольском господстве, и заложены принципиальные основы политической и хозяйственной системы, во многом отвечавшей традиционным китайским представлениям об идеальной государственной организации. Для поддержания этой системы были применены довольно жесткие и далеко не всегда традиционные методы. Однако уже к концу столетия выявилась невозможность поддержания избранного курса. Коллизии и корректировка курса рубежа XIV–XV вв. несколько выравнивали внутреннее положение, что привело к достижению в первой трети XV в. своего рода расцвета и пика могущества империи Мин. Затем происходит постепенное ослабление императорской власти, усиливается процесс концентрации земли в руках крупных и средних землевладельцев, обостряется финансовое положение, растут налоги. Однако исподволь нараставшие к концу XV в. негативные процессы не привели к сколько-нибудь явному кризису империи. В то же время нельзя говорить и о какой-либо длительной стагнации положения. Медленно набиравшие силу импульсы внутреннего развития еще во многом не исчерпавшей себя

традиционной системы хозяйственной, политической и социальной организации подготовили ряд существенных перемен в дальнейшем.

КОРЕЯ В XIV–XV вв.

К началу XIV в. государство Корё не оправилось от монгольских нашествий, последовавшего затем принудительного участия в юаньских завоевательных походах в Японию. В стране уменьшилось население, сократились посевные площади и ирригационная система, пришли в упадок ремесленное производство и торговля. Почти ежегодно различные провинции постигали голод, эпидемии, стихийные бедствия.

Несмотря на крайне тяжелое положение народа, феодальная эксплуатация продолжала усиливаться. Сокращение численности налогоплательщиков возмещалось увеличением размера налогов. Вводились новые налоги и подати. Участились экстренные сборы средств на нужды ванского двора, отправки дани и подарков юаньскому императору и т.д. Сборщики налогов и податей не придерживались установленных норм, нередко заставляли крестьян платить за необрабатываемые ими земли, в течение года по 4-5 раз облагали один и тот же надел. Еще более тяжкой стала трудовая повинность (строительство дворцов и храмов, добыча для государства железной руды, соли, топлива, доставка грузов, перевозка почты и пр.). Соответственно росла эксплуатация на частных землях. Процветало ростовщичество, лишавшее должников земли и имущества, вынуждавшее их продавать в крепостное рабство детей, жен и самих себя.

Следствием всего пережитого Корё на протяжении XIII в. стало дальнейшее обострение противоречий в феодальном обществе. Родовитая аристократия в большинстве своем утратила власть, лишилась многих владений. Ее оттеснила новая знать, выдвинувшаяся благодаря родственным связям с Юаньской династией или купившая должности. Низшие слои чиновничества страдали от ее поборов и произвола. К тому же в 30–40-х годах XIV в. из-за нехватки средств ввели высокий должностной налог на провинциальных чиновников, что ухудшило их и без того пошатнувшееся положение в государстве.

В результате непомерной эксплуатации возросло обезземеливание крестьянства. Многие продавали или бросали свои наделы и уходили в труднодоступные места страны и даже за ее пределы. Разорение лично-свободных крестьян сопровождалось увеличением численности крепостных-ноби, по преимуществу частных. Вызванное этим сокращение податного населения пытались приостановить в 1300 г. находившиеся тогда в Корё юаньские чиновники, предписавшие вернуть свободу тем, кто лишь недавно попал в разряд ноби. Однако это вызвало протест корёских феодалов, ревизию ноби пришлось отменить, а освобожденных вернуть прежним хозяевам.

Политическая нестабильность Корё усугублялась вмешательством в его внутренние дела Юаньской династии. Не прекращалось соперничество феодальных клик. Власть при дворе захватывали временщики, обладавшие поддержкой в окружении императора. Постепенно оживлялась борьба народных масс против угнетателей. Наиболее крупным было выступление в 1318 г. жителей о-ва Чеджудо. В 1334 г. происходили волнения в пяти провинциях, в 1361 г. — в ряде уездов на северо-западе страны.

Поднявшееся в Китае в середине XIV в. антиюаньское освободительное движение нашло отклик в Корё. Вступивший на престол в 1351 г. ван Конмин отменил некоторые навязанные завоевателями правила, должности и звания. В 1356 г. удалось ликвидировать группировку наиболее ярых сторонников Юаней. Тогда же корёские войска разгромили на китайском берегу пограничной реки Амноккан восемь юаньских крепостей, угрожавших безопасности Корё, восстановили суверенитет над корёскими территориями, взятыми некогда монголами под свое управление. Власти Корё не решались окончательно порвать с Юаньской империей. Это явилось поводом для нападения антиюаньских повстанческих сил Северо-Восточного Китая (в Корё их называли «красноголовыми»).

Впервые они вторглись в Корё осенью 1359 г., дошли до Согёна. В нескольких сражениях корёская армия разгромила «красноголовых» и изгнала с большими для них потерями. Новое крупное нашествие произошло осенью 1361 г., и «красноголовым» удалось даже овладеть столицей Корё. Сопротивление созданных населением отрядов и гарнизонов окрестных крепостей позволило восстановить и укрепить армию, которая под руководством Чхве Ёна и других полководцев в начале 1362 г. освободила Кэгён и окончательно изгнала «красноголовых» из Корё.

Ван Конмин в 1365 г. сделал первым министром буддистского деятеля Синдона, который повел линию на усиление центральной власти и противодействие произволу «влиятельных домов». Он уволил и наказал некоторых известных злоупотреблениями чиновников, назначал на должности способных людей, независимо от их происхождения. Главное же — Синдон начал возвращать владельцам отнятые у них земли, предоставлять свободу незаконно обращенным в ноби крестьянам, раздавать в обработку пустующие участки. С воцарением в Китае Минской династии Корё установило с ней традиционные отношения, т.е. признало свою зависимость.

Проводимая Синдоном политика привлекла к нему симпатии простого народа, но вызвала ненависть знати. В 1371 г. с помощью клеветы ей удалось добиться его устранения. Захватившая власть группировка («клика Лима–Ёма») возвратила «пострадавшей» знати конфискованные у нее земли и ноби, расправилась с пытавшимся сопротивляться Конмином, возведя на престол своего ставленника. Одновременно были прерваны отношения с минским Китаем и взят курс на восстановление сюзеренитета монгольских ханов («Северных Юаней»).

В 70–80-х годах XIV в. феодальные противоречия в Корё перерастали во всеобщий кризис. Новые правители сами обогащались, раздаривали земли и казенные средства многочисленным приближенным. Взяточничество, коррупция, произвол приняли невиданные размеры. Насильственный захват «влиятельными домами» государственных и частных земель стал обычным явлением. Крупнейшие землевладельцы заводили собственные вооруженные отряды. Государственный аппарат бездействовал. Многие средние и мелкие чиновники не только утратили служебные наделы, но и перестали получать зерновое жалованье. Значительно ослабла оборона страны. Южные уезды все чаще подвергались ограблению японскими пиратами, нападавшими большими флотилиями.

Эксплуатация крестьянства превзошла допустимые пределы. Нередко налоги и подати взимали на несколько лет вперед. Массовый характер приобрело обезземеливание крестьян. Нарастало ответное сопротивление крестьян и городской бедноты.

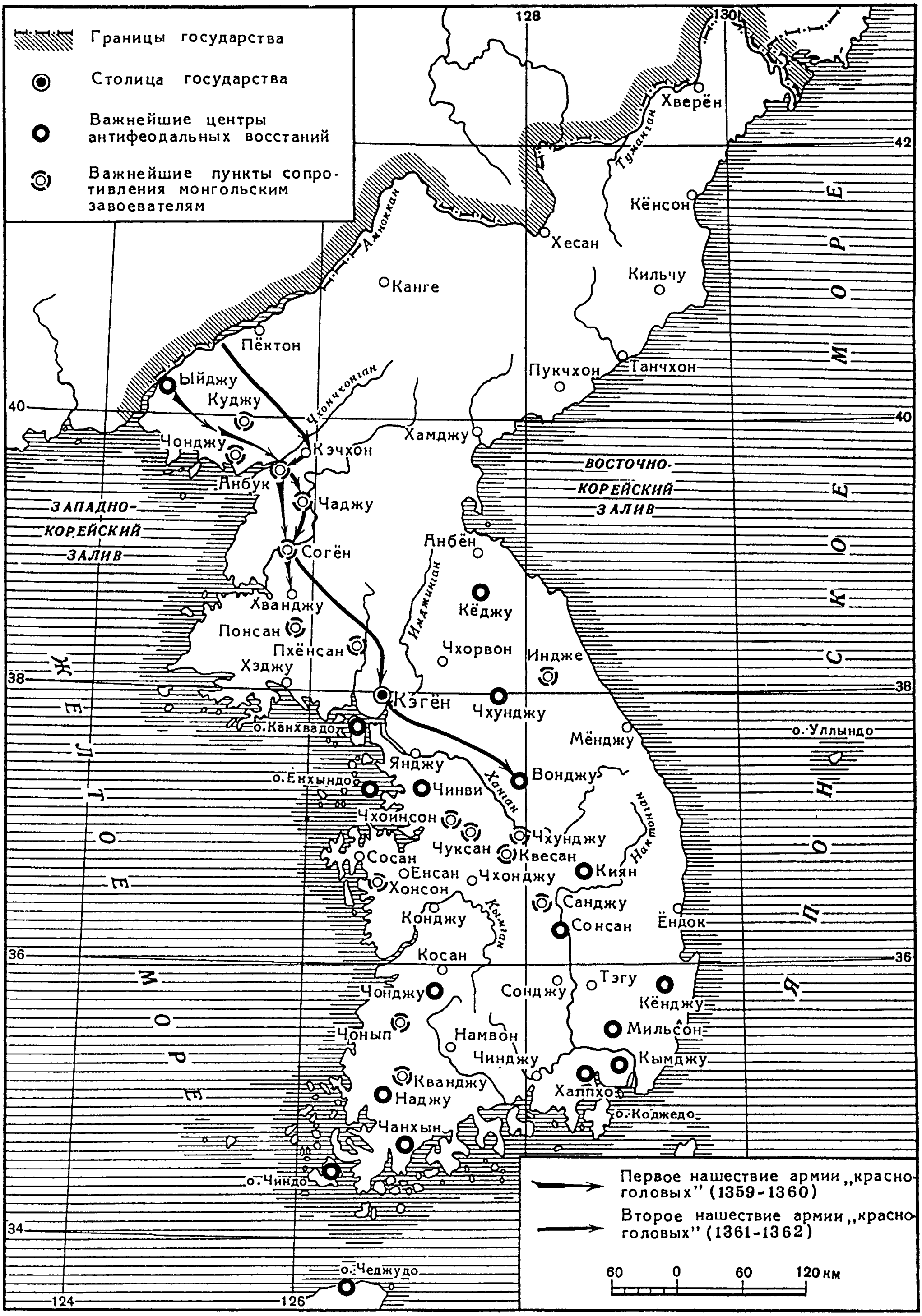


Рис. 25. Корея в XIII—XIV вв.

Грозившая опасными потрясениями ситуация в стране вызвала появление сильной оппозиции правящей группировке. Ее социальной опорой явились средние и мелкие чиновники, выступавшие против засилья знати и ухудшения своего положения, и старая родовитая аристократия, не смирившаяся с утратой власти и привилегий. «Партию реформ», как называли оппозиционное течение, возглавили известный полководец Ли Сонге, видные чиновники и конфуцианские деятели Чо Джун, Чон Доджон, Чон Монджу и др.

В 1388 г. «партия реформ» организовала кампанию подачи вану петиций, в которых описывалось бедственное положение страны. В этих петициях (наиболее содержательная написана Чо Джуном) изложены основные требования оппозиции: укрепление центральной власти, резкое ограничение частного землевладения и восстановление государственной собственности на землю, возврат к прежней системе выдачи наделов за службу, решительная борьба со злоупотреблениями. Это была программа возрождения централизованного феодального государства, удовлетворения потребностей основной части господствующего класса, но до некоторой степени и чаяний трудящихся масс.

Рост оппозиционных сил позволил свергнуть в начале 1388 г. «клику Лима–Ёма», что укрепило позиции «партии реформ». В это время в центре политической борьбы оказались взаимоотношения Корё с минским Китаем. Под давлением оппозиции дипломатические отношения с ним были восстановлены в 1386 г. Вскоре минские правители, считая себя наследниками Юаней, предъявили претензии на корёские земли, некогда отторгнутые монголами, и даже пытались взять их под свое управление. Руководители «партии реформ» выступали за мирное решение конфликта. Однако победили сторонники военного отпора Китаю.

Весной 1388 г. 50-тысячная корёская армия выступила в поход. При переправе через Амноккан один из командиров, Ли Сонге, принадлежавший к «партии реформ», поднял мятеж и повернул войска обратно. Вступив в столицу, они свергли вана и на его место посадили малолетнего наследника. С минским Китаем начались переговоры об урегулировании спора.

По мере усиления своего влияния «партия реформ» постепенно осуществляла программу возрождения централизованного государства и его основы — государственной собственности на землю. В середине 1388 г. правящему дому возвратили находившиеся в 360 местах участки, некогда пожалованные буддистской церкви. Одновременно к казне перешли частные земли, возникшие там, где это запрещалось законом (в пограничных районах на северо-западе и северо-востоке страны). Самое главное — началось составление земельного кадастра с соответствующей проверкой владельческих прав. Это вызвало новое обострение внутриполитической борьбы, в ходе которой еще более укрепились позиции «партии реформ» и самого Ли Сонге: он возвел на престол нового вана, став при нем первым министром.

Работа по измерению посевных площадей и их переписи завершилась в 1390 г. Составленный тогда кадастр оказался очень неполным, и в конце XIV — начале XV в. его пришлось составлять заново. Однако основные площади все же были взяты на учет.

Осенью 1390 г. старые документы торжественно сожгли на улицах столицы, ознаменовав тем самым ликвидацию прежней земельной системы. Новая была оформлена в 1391 г. Законом о *кваджон* (ранговых наделах). Главное в нем — стремление обеспечить контроль государства над

земельным фондом страны и использовать его в общих интересах господствующего класса. Указанной цели должны были служить нормы и правила пользования основными категориями владения, обязательные составление и проверка властями необходимой документации, строгие наказания за злоупотребления, особенно за посягательства на чужую собственность (казенную и частную), установление размеров и порядка налогообложения и т.д. Восстанавливались дворцовые (на содержание ванского двора) и различные категории ведомственных земель. Огромные площади выделялись на обеспечение жалованьем чиновничества и содержание армии.

Многие статьи закона посвящены кваджон (ранговым наделам), предназначенным в вознаграждение за службу государству. Как и прежде, все чиновничество (включая членов семьи вана) делилось на 9 рангов и 18 степеней, в зависимости от которых устанавливались определенные размеры наделов. Ушедший в отставку сохранял надел до конца жизни. Все ранговые наделы следовало выдавать только в столичной провинции Кёнги, для чего значительно увеличили ее территорию. Выделенный для ранговых наделов земельный фонд считался неприкосновенным. Как и прежде, чиновникам в зависимости от ранга выплачивалось также жалованье (зерном, тканями и пр.).

Новый закон был направлен против частных земель в их тогдашнем толковании (возникших посредством присвоения чужих владений), но не против частной собственности вообще, которая, напротив, получила юридическое утверждение. Сохранились основные ее крупные категории (личная собственность вана и его семьи, наградные земли, владения буддистской церкви), вводились правила, охранявшие от захватов частные земли наравне с казенными. Разрешалась передача владений по наследству (купля-продажа некоторое время запрещалась). Наследование ранговых наделов не предусматривалось, но закон оставлял для этого некоторые возможности (наследование должности отца вместе с его наделом, право поменять свой надел на оставшийся от отца и т.д.).

Закон о кваджон не коснулся прямо крестьянского землевладения, подразумевая восстановление надельной системы. Упоминались лишь те, кому не разрешалось выдавать землю (казенные и частные чхонины, ремесленники, торговцы и др.). Но некоторые правила защищали крестьян от произвола владельцев на ранговых наделах, арендаторов — на частных землях; разрешили использовать пустующие участки. Вместе с тем проведенная в 1388–1390 гг. перепись вновь прикрепляла крестьян к земле.

Для казенных и частных земель устанавливалась единая норма земельного налога — 30 ту риса с каждого кёль, который шел либо в казну, либо обладателю рангового надела. Кроме того, был введен номинальный налог на ранговые и другие условные земельные держания от государства (за исключением дворцовых, ведомственных, наградных и некоторых других), смысл которого состоял в подчеркивании верховных прав государства на все земли.

Восстанавливая в общих чертах аграрную структуру начального периода Корё, Закон о кваджон пошел дальше в юридической защите государственной собственности на землю. Но наряду с этим он не только сохранил частную феодальную собственность, но и оставил возможности для ее последующего роста. Относительно нее Закон о кваджон оказался менее решительным, чем предшествовавшие его принятию петиции

деятелей «партии реформ». Их авторы за короткий срок сами стали крупными землевладельцами, что заметно убавило их радикализм.

Реализация Закона о кваджон приблизила решение вопроса о власти в стране. В 1392 г. Ли Сонге провозгласил себя ваном, положив начало династии, правившей Кореей более 500 лет. Его вступление на престол сопровождалось жестокой расправой не только с остатками враждебной группировки, но и с некоторыми видными сподвижниками. Междоусобная борьба, доходившая до вооруженных столкновений, завершилась в 1400 г. Правление занявшего тогда престол Тхэджона (1401–1418) и его преемника Седжона (1419–1450) стало временем активного воссоздания централизованного феодального государства, получившего наименование Чосон[1]. Столицей в 1394 г. сделали Сеул, построенный на месте городка Ханян на р.Ханган.

К началу XV в. завершилась реорганизация центрального и местного государственного аппарата, состоявшая главным образом в уточнении его структуры и функций. Высшим правительственным органом являлся Ыйджонбу (Государственный совет). Ему подчинялись 6 центральных отраслевых органов: Иджо (Палата чинов), Ходжо (Подворная палата), Йеджо (Палата церемоний), Пёнджо (Военная палата), Хёнджо (Палата наказаний), Конджо (Палата общественных работ) — и еще около 80 больших и малых ведомств.

Страну поделили на 8 провинций, в них входило около 350 уездов, подразделявшихся на ряд категорий (в зависимости от численности населения, исторического значения данной местности и т.д.). Все губернаторы, начальники уездов присылались из столицы и подлежали периодической замене. Контроль за их деятельностью осуществляли направляемые ваном тайные ревизоры.

На вершине централизованной бюрократической системы находился ван. Его указами оформлялись законы, правительственные распоряжения, производились перемещения чиновников, вознаграждения за службу и т.д. Однако всевластие монарха не было безграничным. Утвержденные им указы поступали в контрольные ведомства, обязанностью которых был надзор за соответствием этих и других документов существующим законам, обычаям и конфуцианским традициям.

К 1401 г. удалось ликвидировать вооруженные отряды «влиятельных домов». Одновременно восстанавливалась правительственная армия. В середине XV в. она выглядела следующим образом: в столице размещались 5 отборных корпусов (*ви*) численностью около 50 тыс. человек; примерно 100 тыс. несли службу в провинциях и 50 тыс. — на флоте. Для управления местными войсками в каждой провинции создавались от одного до трех военных округов.

К традиционным различиям в господствующем классе (между высшими, средними и низшими прослойками, между столичными и провинциальными, гражданскими и военными чиновниками) добавились новые. Так, в борьбе против сепаратизма был ограничен доступ к высоким столичным должностям выходцам из окраинных провинций. Ради укрепления сословной замкнутости к занятию чиновных должностей не допускались дети янбанских вдов, вторично вышедших замуж, и незаконнорожденные

[1] Далее употребляется не это самоназвание страны, а ее общепринятое наименование — Корея (производное от Корё).

дети янбанов. Все это расширяло сферу внутренних противоречий в господствующем классе.

Буддистская церковь, являвшаяся оплотом свергнутой династии, подвергалась за это яростным нападкам «партии реформ». В 1388 г. у нее отобрали дарованные прежними ванами владения. Закон о кваджон запретил крестьянам жертвовать наделы монастырям и молельням. С начала XV в. у буддистской церкви конфисковали в пользу государства основную часть владений и ноби. Ряд монастырей закрыли, остальным установили строго ограниченные квоты монахов. Существовавшие тогда 12 буддистских сект в 1424 г. были слиты в две: *кёджон* (секта последователей канона) и *сонджон* (секта созерцателей, «Дзэн»). Каждой из них оставили по 18 крупных («базовых») монастырей, которым разрешалось иметь определенное количество земли, всем прочим (около 200) это запрещалось. Перечисленные меры свели к минимуму удельный вес буддистской церкви в экономике и политике.

Для увеличения численности свободного крестьянства (*янъинов*), от которого в основном зависело экономическое и оборонное могущество государства, в 1395 г. учредили «Управление по пересмотру ноби». В течение ряда лет оно рассматривало заявление тех, кто относительно недавно по каким-то причинам попал в «подлое» сословие. В результате многие тысячи людей освободились от крепостной зависимости. Был перекрыт еще один канал размывания свободного крестьянства: уход в монахи. С 1392 г. желающие сделать это должны были получить официальное разрешение, внеся государству высокую плату.

Прикреплению свободного крестьянства к земле служили периодические переписи населения. Неоднократно вводилось также обязательное ношение мужчинами из всех слоев общества именных табличек, удостоверяющих личность, но из-за множества связанных с их изготовлением и проверкой трудностей в 1469 г. от них отказались. Внедрение круговой поруки обеспечивалось созданием с начала XV в. «соседских объединений» (от 3–4 до 10 дворов), которые к концу 20-х годов трансформировались в пятидворки, возглавляемые старостами, подчинявшимися местной администрации. Сурово каралось бегство крестьян.

Кроме упомянутого выше отпуска на свободу части ноби, остальные меры свелись к перераспределению их в пользу государства. Как уже отмечалось, конфисковали ноби у буддистской церкви (ок. 80 тыс. человек). В 1401 г. родственникам свергнутой династии и высшим сановникам разрешили иметь лишь от 10 до 20 ноби, остальных (а это многие тысячи) также отобрали в казну. Стремясь впредь не допустить концентрации ноби в частных руках, в 1392 г. запретили всем отдавать своих ноби «влиятельным домам» и монастырям, затем резко ограничили их куплю-продажу.

Начатое Законом о кваджон урегулирование феодальной эксплуатации требовало более обстоятельного и разностороннего продолжения. Напомним, что закон в этом отношении коснулся только земельного налога. Наспех и произвольно назначенный размер налога, устаревшие градации качества земли не отвечали реальным условиям страны. Учет воздействия неурожаев и стихийных бедствий был сопряжен с бесчисленными проверками, злоупотреблениями чиновников и требовал от крестьян расходов, зачастую превышавших размеры потерь.

Крупный шаг к устранению этих недостатков был сделан введением в 1444 г. Податного закона. Землю поделили на шесть категорий качества

(вместо прежних трех), для каждой уточнили размеры кёль. Установили 9 разрядов урожайности с соответствующими различиями в ставке налога (самый высший разряд — 20 ту, самый низший — 4 ту).

Осуществление нового закона растянулось на несколько десятилетий, так как потребовалось заново перемерить все посевные площади, установить категорию земли и т.д. При определении категории земли, разряда урожайности господствовал субъективизм местных чиновников, практически осталась без изменений многоступенчатая система проверок при стихийных бедствиях, выявились и другие недостатки нового закона, которые довольно быстро свели на нет его значение.

В меньшей степени подверглась преобразованиям податная система. В 1392 г. власти учредили государственный податной реестр, содержавший перечень основных поставок в казну. Однако при этом не вводилось никакого нормирования: исходя из распоряжений ванского двора и столичных ведомств, уездное начальство по своему усмотрению распределяло поставки среди населения.

Взимались продукты земледелия и садоводства, технические культуры, скот и птица, изделия домашнего ремесла, полезные ископаемые, продукция рыбного, лесного, охотничьего промыслов и т.д. Все большее значение вновь приобретали экстренные поставки и «подношения государю» (*чинсан*), также состоявшие преимущественно из местной продукции.

Последняя из традиционной «триады повинностей», трудовая, также претерпела регламентацию. Первоначально все население поделили на большие (10 и более душ), средние (5 и более душ) и малые дворы (менее четырех душ обитателей), с тем чтобы для несения повинностей одного работника выделяли один большой, два средних или три малых двора. В XV в. в связи с упорядочением земельной системы при распределении трудовой повинности за основу приняли размеры пахотной площади: с каждых 8 кёль выделялся один работник; продолжительность повинности не должна была превышать 6 дней в году, к ней привлекались мужчины в возрасте от 20 до 60 лет (освобождались находившиеся на государственной службе, тяжелобольные и инвалиды, сыновья престарелых родителей, монахи). С конца XIV в. велись большое строительство, интенсивная добыча полезных ископаемых, строительных материалов и их перевозка, много людей сгоняли на обработку казенных земель и т.д. При таком объеме работ чиновники мало считались с официальными нормами.

Среди повинностей одной из обременительных по-прежнему оставалась воинская. Правило ее несения к середине XV в. утвердилось следующее: в обычных войсках одного служившего содержали 2 «помогающих» (*понджок*), в привилегированных столичных их полагалось 3-4, в пограничных — 5. Каждый обязан был ежегодно сдать казне до 20 м хлопчатобумажной ткани. Поскольку иногда в семье оказывалось несколько «помогающих», это оборачивалось для нее большими расходами.

Первые правители из династии Ли возродили политику «поощрения земледелия», которая обязывала администрацию всех уровней не допускать запустения земель, обеспечивать их своевременную обработку, помогать крестьянам, не возлагать на них тяжелых повинностей и поборов, поощрять тех, кто прилежно трудится, ставить в пример другим, распространять их опыт и т.д.

Сравнительно быстро увеличивалось население Кореи: в середине XV в. числилось 855,7 тыс., а к 1516 г. — 3,7 млн. человек. Примерно $^2/_3$ проживали в столичной и трех южных провинциях — главном земледельче-

ском районе страны. Отсюда тысячи крестьян переселяли в крайние северные уезды, освоению которых уделялось большое внимание. Поощряемые властями распашка заброшенных земель, подъем целины привели к тому, что в середине XV в. пахотный фонд страны более чем вдвое превышал уровень конца XIV в. Почти $^1/_3$ его составляли поливные земли, поэтому много усилий прилагалось к расширению ирригационной системы. К середине XV в. имелось около 3 тыс. оросительных сооружений (водохранилищ, дамб и т.д.). Техника полива осталась прежней — рытье каналов, отводных канав. Распространенное на Востоке водоподъемное колесо не нашло в Корее широкого применения.

В истории корейского земледелия XV век знаменателен двумя событиями: заменой на поливных землях высева семян высадкой рисовой рассады, что способствовало росту урожайности, и переходом в южных провинциях к сбору двух урожаев в год. Помимо зерна (рис, чумиза, ячмень, просо и т.д.), огородных растений (капуста, лук, тыква, чеснок, перец и пр.) все большее значение приобретали технические культуры: тутовник, конопля, рами (китайская крапива), лаковое и бумажное дерево, бамбук. Со второй половины XIV в. началось выращивание хлопчатника, который в XV в. получил широкое распространение в южных провинциях; делались попытки его акклиматизации и на севере страны. Принимались меры к развитию садоводства, высадке лесов (преимущественно сосновых) и т.д. Уделялось внимание и животноводству (выращивание крупного рогатого скота и лошадей, неудачные попытки разведения овец), но эта отрасль по-прежнему оставалась отсталой, что, в частности, сказывалось на слабой обеспеченности крестьянских хозяйств рабочим скотом.

Потребности основной массы населения в промышленной продукции удовлетворялись главным образом домашними промыслами, изделия которых шли также в уплату податей (разнообразные ткани, циновки, посуда, хозяйственная утварь и пр.). Наряду с ними существовало профессиональное ремесло, которым, как правило, занимались принадлежавшие государству ноби. В XV в. к 30 столичным ведомствам было приписано около 3 тыс. ремесленников, в провинциях их насчитывалось свыше 3,5 тыс. Наиболее развитым было столичное ремесло: там трудились мастера 130 специальностей, тогда как в провинциях — всего 27. Ведущие отрасли производства: изготовление высших сортов тканей, фарфора, изделий из металла и дерева, бумаги, оружия, орудий труда и т.д. В 1422 г. запретили добычу золота и серебра (поскольку прекратили их поставку Китаю), и это, отразилось на ювелирном производстве. Государство регламентировало процесс изготовления многих изделий. Закон обязывал ремесленников через год отрабатывать по полгода на государственное ведомство, остальное время — платить казне налог. Можно полагать, что в свободный от повинности период они работали по частным заказам. Заметным с XV в. явлением стали *ке* — объединения ремесленников, близкие по характеру к средневековым цехам (они также обладали некоторым самоуправлением, но сильнее европейских зависели от государства).

Торговля считалась наименее уважаемым занятием, но и она пережила в XV в. существенный подъем. В Сеуле в 1412 г. построили торговые ряды площадью 2 тыс. кв. м. Среди находившихся там *сиджон* (торговых заведений) шесть самых крупных обслуживали ванский двор, аристократию и пользовались монопольными правами на продажу ряда товаров. Вскоре подобные сиджон появились в других городах. Каждое из них объединяло

группу лавок и соответствующую мастерскую, также имело определенное самоуправление и напоминало купеческую гильдию. Большое количество «сидячих» торговцев в городах и бродячих торговцев, разносивших на своих плечах или переправлявших по рекам на лодках мелкие ходовые товары, обеспечивали розничную торговлю. Им запрещался доступ только в пограничные провинции. Власти контролировали бродячих торговцев через выдачу подорожных и сбор налога. Из их среды вырастали богатые «частные купцы», конкурировавшие с сиджон. Расширение торговых связей породило местные рынки, которые первоначально имелись только в Сеуле, Кэсоне[2] и Пхеньяне[3], а к концу XV в. появились в ряде уездов южных провинций. Средствами обмена по-прежнему являлись зерно и холст. В XV в. вновь была сделана неудачная попытка внедрить металлические монеты; ввели также бумажные деньги, не нашедшие применения.

Длительная напряженность во взаимоотношениях с Китаем завершилась в 1401 г., когда минский император утвердил Тхэджона «чосонским ваном». С этого времени отношения с Китаем приняли традиционный характер формального вассалитета, который не затрагивал прерогатив властей Кореи во внутренней и внешней политике и сводился к некоторым внешним проявлениям «старшинства» минского императора (обращение к нему за инвеститурой, принятие китайского календаря, наряду с которым употреблялся корейский, отправка ежегодно нескольких посольств в Пекин с дарами и данью, извещение императора о важнейших событиях в стране и т.д.).

Направляемые Кореей и ответные из Китая посольства обычно сопровождались торговыми караванами. Многодневные торги устраивались возле специально построенных в Сеуле и Пекине подворий. В Китай отправляли лошадей, крупный рогатый скот, женьшень, меха и шкуры, фарфор и керамику, изделия с перламутровой инкрустацией, ткани, циновки, другую продукцию корейских мастеров. В Корею ввозили высшие сорта шелковых и других тканей, парадную одежду, лекарства, дорогие украшения, музыкальные инструменты, письменные принадлежности, книги и пр.

С конца XIV в. велась решительная борьба с японскими пиратами. В 1389 г. был нанесен удар по островам Цусима — главной их базе. Было потоплено около 300 их судов, но покончить с ними тогда не удалось. В 1419 г. на Цусиму была направлена еще более мощная экспедиция, нанесшая им окончательное поражение. Для торговли с японцами в Корее открыли три южных порта: Пусан, Нэипхо и Ёмпхо. Японским купцам разрешалось временно селиться в открытых портах, но многие незаконно оставались на постоянное жительство. Их бесцеремонное поведение вынудило выслать часть из них и привело во второй половине XV в. к ограничению доступа японцев в Корею. Из Японии поступали медь, олово и другие металлы, сера, оружие, пряности и сахар, лекарства, красители и т.д. Вывозились из Кореи зерно, хлопчатобумажные и прочие ткани, фарфор, изделия из перламутра, женьшень, меха, буддийские книги.

В отношениях Кореи с племенами чжурчжэней, обитавшими вдоль рек Амноккан и Туманган, мирные периоды сменялись периодами напряженности, разорительных набегов племен на окраинные корейские земли. В 40-х годах XV в. Корея основала на крайнем северо-востоке шесть

---

[2] Так именовалась после 1394 г. бывшая столица Кэгён.

[3] С 1369 г. Согён вновь стал Пхеньяном.

крепостей. К середине XV в. в состав Кореи вошли почти все земли к югу от Тумангана. Примерно в это же время в верхнем и среднем течении Амноккана были созданы четыре новых корейских округа. Но удержать их тогда не хватило сил.

Изложенные выше крупные разноплановые меры первых правителей династии Ли позволили Корее выйти из кризисной ситуации, экономически и политически окрепнуть. Однако некоторые из принятых мер содержали внутренние противоречия, что со временем должно было сказаться.

Очень скоро выявились слабости Закона о кваджон 1391 г. Рост служилого сословия, легальные возможности сделать наследственными ранговые наделы привели к тому, что отведенный на эти цели земельный фонд был быстро исчерпан. Уже в 1394 г. пришлось сократить размеры выдаваемых наделов; в 1417 г. было решено перевести $^1/_3$ ранговых наделов и дарственных земель в южные провинции, чтобы несколько уменьшить трудности с земельным фондом столичной провинции. Постепенно ослаб контроль за соблюдением Закона о кваджон. К середине XV в. государство практически лишилось возможности по прежним правилам наделять землей продолжавший увеличиваться бюрократический аппарат.

В 1466 г. систему служебного землевладения изменили: вместо ранговых ввели должностные наделы (*чикчон*). Их главное отличие в том, что с выходом в отставку чиновник должен был вернуть землю казне. В очередной раз и еще более основательно сократили размеры наделов. В 1470 г. пересмотрели порядок поступления ренты-налога с наделов: крестьян теперь обязывали сдавать причитающееся с них казне, а та выдавала средства владельцам.

Замена кваджон на чикчон не устранила трудностей. В 1475 г. властям пришлось даже пойти на крайнюю меру: отобрать часть пожалованных владений, на которые не оказалось соответствующих документов, но это не спасло положения. Ничего не дали также изменения в порядке сбора налогов: у владельцев осталось немало лазеек для дополнительных поборов с крестьян. Все очевиднее становилось, что система служебного землевладения изживала себя, и не случайно с 80-х годов XV в. неоднократно выдвигались предложения упразднить чикчон.

Как уже отмечалось, законодательство конца XIV в. лишь ограничило частную феодальную земельную собственность, сохранив возможности ее легального роста. Господствующий класс со временем вернулся к осужденным прежде методам (присвоение должностных наделов, захват ведомственных земель и чужих владений). Дополнительные условия создала отмена в 1424 г. запрета на куплю-продажу земли. Все это способствовало концентрации земли в руках правящей верхушки. Крупнейшим собственником вновь стал царствующий дом. В конце XIV и XV в. «заслуженные сановники» из ближайшего окружения вана получили обширные жалованные земли. Менее знатным гражданским и военным чиновникам выдавали «особо дарованные земли», другие подобные награды. Буддистская церковь во второй половине XV в. снова обрела покровительство высших властей: увеличилось количество монастырей и монахов, отпал запрет на пожертвование им земель. Средние и низшие слои господствующего класса особенно болезненно ощутили упадок служебного землевладения; сравнительно немногим удавалось удержать имевшиеся у них наделы.

Со второй половины XV в. постепенно увеличивались налоги, подати, трудовая повинность, разнообразные «подношения государю» и незаконные

поборы местных чиновников. Это стимулировало новый расцвет ростовщичества, в котором ведущую роль играло само государство. Созданные повсюду казенные ссудные конторы, а также многие ведомства, имевшие свои склады продовольствия, выдавали под проценты «возвратное зерно». Задолженность населения принимала массовые размеры, особенно в неурожайные годы, и становилась нескончаемой кабалой. Неуклонно расширялось также частное ростовщичество: в нем участвовали царствующий дом (дворцовое ведомство имело свыше 500 ссудных контор), крупные землевладельцы, монастыри, богатые торговцы. В конце XV в. безуспешно пытались запретить наращивание процентов по ссуде выше суммы основного долга.

Активизировалось обезземеливание крестьян. Во второй половине XV в. все большее их число либо лишалось наделов, либо (что случалось чаще) оставалось на них в положении арендаторов-испольщиков. Не выдержав притеснений и поборов чиновников, свободные крестьяне отдавались под «покровительство» местных «влиятельных домов» и фактически переходили на положение ноби. Нередко их силой принуждали к этому. К концу XV в. числилось свыше 350 тыс. казенных ноби — почти втрое больше, чем в начале века. Примерно так же росло количество частных ноби, приобретение которых не ограничивалось. Их положение было несколько легче, чем у казенных ноби, поэтому последние тоже стремились попасть под «покровительство» «влиятельных домов», и прежде всего ванской семьи.

Негативные явления в сфере землевладения и социальных отношений отразились на экономике страны, главным образом на сельском хозяйстве. Постепенно сокращались пахотные площади. Недостаток средств и безответственность местных властей породили расстройство оросительной системы. Не помогли даже создание в 1459 г. специального ведомства, в задачу которого входили сооружение и ремонт оросительных сооружений, и карательные меры против нерадивых уездных начальников.

Корейское крестьянство сопротивлялось растущему гнету доступными ему средствами. В Сеуле, где согнанные из разных провинций десятки тысяч людей в тяжелых условиях строили новую столицу, группа «заговорщиков» (в их числе ноби, простолюдины, мелкие служащие) устроила в 1426 г. пожар, уничтоживший свыше 2 тыс. домов состоятельных жителей. Наиболее распространенной формой протеста было бегство, при строгих традициях и запретах требовавшее немало мужества. Ближе к середине XV в. начали вспыхивать мелкие восстания в отдельных провинциях. Недовольством народа иногда пользовались некоторые группировки господствующего класса, боровшиеся с правящей верхушкой за власть.

Одним из самых значительных в истории феодальной Кореи было восстание 1467 г. в провинции Хамгён. В нем слились протест крестьян против непомерных налогов, дополнительных поборов, трудовой повинности и недовольство местных феодалов тем, что центральные власти решили заменить тамошних чиновников присланными из столицы. Во главе восстания оказался бывший уездный начальник Ли Сиэ. 30-тысячному правительственному войску понадобилось два месяца, чтобы разгромить восставших. Ли Сиэ бежал на север, рассчитывая на помощь чжурчжэней, но был схвачен и казнен. Чтобы успокоить население Хамгён, власти несколько уменьшили поборы.

К 70-м годам повстанческое движение переместилось в центральные и южные провинции. В 1469–1470 гг. укрывшийся в горах Чирисан отряд Чан Ёнъги многократно нападал на правительственные учреждения, дома

чиновников и богачей в провинциях Кёнсан и Чолла и с трудом был разбит. В течение восьми лет оставался неуловимым отряд Ким Мактона (иногда его называли Ким Ильдон) в провинции Хванхэ, и лишь в 1490 г. его разгромили правительственные войска. В последующие годы восстания продолжались, причем отдельные повстанческие отряды даже подступали к Сеулу.

В истории Кореи конец XIV–XV в. — время расцвета феодальной культуры. Потребности экономики вызвали изобретение дождемеров (1448 г.), приспособлений для измерения глубины рек (1441 г.) и расстояния на местности (1467 г.). Еще во второй половине XIV в. Чхве Мусон наладил выработку пороха, а затем его сын Чхве Хэсан — изготовление огнестрельного оружия, которое в XV в. получило распространение, хотя и не вытеснило лук и стрелы. В судостроении, книгопечатании, других отраслях производства появились новшества, свидетельствовавшие о развитии научно-технической мысли. Создавались крупные для своего времени труды по сельскому хозяйству, астрономии, медицине, географии, обобщавшие накопленные в стране опыт и знания. Среди них следует отметить «Нонса чиксоль» («Все о земледелии») (1430 г.), «Ыйбан ючхви» («Собрание способов лечения») (1445 г.), «Тонгук ёджи сыннам» («Описание корейской земли и ее достопримечательностей») (1481 г.).

Усилилось внимание к истории Кореи. Группа ученых во главе с Чон Нинджи подготовила многотомную «Корё са» («История Корё», 1451 г.). Началось составление хроник правителей династии Ли, продолжавшееся весь период ее царствования и объединенное в «Лиджо силлок» («Хроники династии Ли»).

Выдающимся событием явилось создание национальной письменности, опубликованной в концу 1443 г. под названием «Хунмин чоным» («Наставление народу о правильных звуках»). Образованная часть феодального общества, предпочитавшая китайскую иероглифику, нарекла национальную письменность «вульгарной» и препятствовала ее употреблению. Борьба за ее распространение на длительный период стала важной составной частью роста в Корее национального самосознания.

Существовавшая в XV в. система просвещения состояла из конфуцианской академии Сонгюнгван, размещавшейся сначала в Кэсоне, а затем в Сеуле, и казенных школ в столице, провинциальных и уездных центрах. Наряду с ними по традиции возникали частные школы, устраиваемые местными конфуцианскими деятелями. Их число постоянно увеличивалось, и к концу XV в. они преобладали в стране. С конца XIV в. господствующее положение в сфере идеологии заняло конфуцианство чжусианского толка, привлекавшее прежде всего своими морально-этическими нормами, требованиями к правителям заботиться о благе государства и подданных. Буддизм был сильно потеснен, хотя во второй половине XV в. несколько восстановил свои позиции. Еще менее заметную роль играл даосизм, который также подвергался гонениям.

К концу XV в. конфуцианство двух его разновидностей стало идейной платформой междоусобной борьбы в среде господствующего класса. Группировка, отражавшая недовольство провинциального чиновничества, выступала против правящей верхушки с позиций неоконфуцианства, а столичная знать отстаивала свою власть и привилегии под флагом защиты ортодоксального учения. В этих условиях конфуцианство утрачивало рациональное зерно, скатываясь к бесполезной схоластике.

В XV в. возник еще один фронт идейной борьбы: между материализмом и идеализмом. Основоположником материалистического течения философской мысли Кореи явился Ким Сисып (1435–1493).

В корейской поэзии появились новые жанры: *каса* — крупные стихотворные произведения о знаменательных событиях прошлого, достопримечательностях страны, жизни народа Кореи и его соседей и *сиджо* — лирические и философские трехстишия. Крупнейшими поэтами были Чон Гыгин (1401–1481), Сон Саммун (1418–1456), Мэн Сасон (1359–1438) и др. В этот же период родилась в Корее художественная проза. Ее первый жанр — *пхэсоль* (небольшая новелла), создатель которой — упоминавшийся выше Ким Сисып, выпустивший сборник «Новеллы из Кымо». Автор отказался от принятых ранее заимствований китайских сюжетов и отобразил конкретные реалии Кореи.

Примерно с конца XIV в. в Корее возникли театр масок и театр марионеток, для которых безымянные авторы создавали произведения преимущественно сатирического характера, исполнявшиеся бродячими актерами. Крупнейшим музыкальным деятелем был Пак Ён (1378–1458), расширивший круг исполнявшихся произведений за счет народных мелодий Кореи и ее соседей и усовершенствовавший национальную систему нотной записи. В 1493 г. в Корее появилась своеобразная музыкальная энциклопедия «Акхак квебом» («Основы науки о музыке»).

Развивались основные жанры живописи: декоративная, анималистическая живопись, пейзаж, портрет, а также каллиграфия, выделившаяся в самостоятельный вид искусства. Положительное воздействие оказало создание при дворе в 1392 г. Тохвасо (Академия живописи), в которой трудились на казенном содержании многие видные мастера. Наиболее известными художниками XV в. были Ан Гён, Кан Хиан. В отличие от живописи скульптура с XV в. пришла в упадок, что связано с падением роли буддизма. Гражданская архитектура существенно потеснила культовую, ее крупнейшими образцами в XV в. были Кёнбоккун и другие ванские дворцы, ворота Намдэмун в Сеуле и др. Среди культовых сооружений выделялась многоярусная мраморная пагода в столичном храме Вонгакса.

Мастера художественных промыслов расширили производство высококачественной керамической и бронзовой посуды, разного рода оружия, вышивок по шелку, перламутровых и лаковых поделок, орнаментированных плетеных изделий и т.д. Но изготовление знаменитого корёского фарфора малахитового цвета пришло в упадок, его сменил более примитивный белый фарфор. Во второй половине XV в. корейские мастера наладили производство керамических изделий с подглазурной росписью кобальтом, прежде ввозившихся из Китая.

ЯПОНИЯ В XIII–XV вв.

Японцы стали одним из немногих народов Востока, которым в правление сиккэна Ходзё Токимунэ удалось избежать порабощения монголами. После отказа Японии уплачивать дань в 1274 г. монголо-корейский флот численностью 37 тыс. человек успел высадить часть войск на о-ве Кюсю, но тайфун нанес ему большие потери, и остатки флота ушли в Корею. В 1275 г. японцы планировали высадку своих войск в Корее, но план не осуществился. В 1281 г. гораздо более мощный флот, всего 140 тыс.

человек, подошел к Японским островам, но в результате сопротивления японских войск в течение двух месяцев не мог высадиться на японской территории, после чего шторм уничтожил его, а успевшие высадиться монгольские войска были истреблены или взяты в плен. Третьей попытке помешало сопротивление народов Кореи, Южного Китая и Вьетнама.

Для военного правительства последствия отражения этой угрозы были неоднозначными. Оно усилило свою власть, получив от императорского двора право мобилизации людей, не являющихся вассалами бакуфу, а также реквизиции продовольствия из полностью иммунных владений, многие представители рода сиккэнов Ходзё получили должности военных губернаторов (*сюго*) и вотчинных администраторов (*дзито*) в западных провинциях, где влияние бакуфу было еще недостаточным. И одновременно необходимость борьбы с иностранным вторжением ухудшила положение крестьянства, на которое легли огромные расходы на оборону. Были подорваны и финансы бакуфу. Намного тяжелее стало финансовое положение самурайского дворянства. Много лет на Кюсю осуществлялась охранная служба, строились оборонительные сооружения. Вассалы бакуфу продавали и закладывали землю ростовщикам. С целью борьбы с этим явлением, подрывавшим экономическую и социальную базу бакуфу, последнее с 1279 г. запретило самураям продажу земли, а когда эта мера не помогла, в 1297 г. издало указ о признании всех сделок самурайства по продаже и закладу земли недействительными. Указ эффекта не имел и в следующем году был отменен. Трудности самурайства и крестьянства свидетельствовали о том, что наступил кризис старых форм организации производства и общества. Многие слои испытывали недовольство режимом Ходзё: прежде всего императорский двор, стремившийся вернуть власть, мелкие феодалы юго-западной и центральной части страны, торговую деятельность которых ограничивала система вотчин сёэн, крупные феодальные семьи, оттесненные домом Ходзё от реального управления страной и мечтавшие сами стать феодальными правителями, превратившие в своих вассалов многих обедневших самураев. Были недовольны и находившиеся под тяжелым налоговым прессом широкие массы крестьянства. Символом единения в борьбе с сёгунатом для всех этих различных социальных групп стал император Годайго.

В 1333 г. сёгунат был свергнут. На короткий срок установилась императорская власть. Император Годайго стремился управлять единолично, отменил институты бакуфу, экс-императоров-монахов, регентов, но не смог ликвидировать противоречий между аристократами и воинами, ущемлял интересы последних, потребовав подтверждения всех земельных владений только императорскими указами, и через два года, в 1335 г., один из крупнейших феодалов, Асикага Такаудзи, поднял мятеж, который привел к образованию второго сёгуната — Асикага, или Муромати, по названию квартала в Киото, где располагалось военное правительство. Он просуществовал свыше двух с половиной столетий — с 1336 по 1573 г. С переходом власти в руки Асикага начались междоусобные войны, продолжавшиеся почти до конца столетия. Император Годайго бежал в горы, основав в местечке Ёсино Южный двор, а Асикага посадил в Киото на трон императора Комё, который возглавил Северный двор. Двоецарствие существовало до 1392 г., когда обе династии объединились и столицей вновь стал Киото. Гражданская война продолжалась долго, так как не только боролись два лагеря феодалов, но и шла борьба за перераспределение земель в масштабах всей страны.

При сёгунате Асикага хотя и существовал центральный государственный аппарат, но правительство находилось чаще всего под контролем могущественных феодалов — Сиба, Хосокава, Хатакэяма и др. За время существования сёгуната Асикага происходят большие изменения в характере власти. Вторая половина XIV в. характеризовалась слабой центральной властью сёгуната, менее устойчивой по сравнению с сёгунатом Минамото–Ходзё. Полное ослабление органов императорского правления ликвидировало диархию, когда административно-распорядительную власть делили между собой императорский двор и сёгунат. В XIV в. военные губернаторы (*сюго*) полностью захватили функции гражданских губернаторов, устанавливали прямые вассальные связи с деревенскими феодалами. Сёгуны Асикага могли контролировать самурайство лишь с помощью вооруженной силы, перемещая сюго из одной провинции в другую, препятствуя созданию ими устойчивой базы.

К началу XV в. сёгунам удалось укрепить позиции центральной власти, разгромив или ослабив наиболее сильных феодалов, занимавших посты военных губернаторов. В начале XV в. третий сёгун династии Асикага — Ёсимицу — и его наследники были уже близки к положению полновластных хозяев страны. Они стремились не допустить самостоятельности сюго. В большинстве областей, которые военные губернаторы получали под свое управление, они, как правило, имели мало земель в своем личном владении и их вассальные связи с местными самураями были слабы. Поэтому для осуществления контроля над этими провинциями сюго были вынуждены полагаться на власть сёгуна. Сёгуны препятствовали усилению контроля губернаторов над провинциями, устанавливали, минуя сюго, прямые вассальные связи с местными мелкими и средними феодалами. Кроме того, в первой половине XV в. сюго западной и центральной частей страны были обязаны проживать в Киото, а сюго восточной — в Камакура. В отсутствие губернаторов их дела в провинциях вели заместители. Однако контроль сёгунов над крупными феодалами был недолгим. К середине XV в. вновь усиливается борьба между феодалами, приведшая к ослаблению власти сёгуната, об этом говорит, в частности, факт убийства сёгуна Асикага Ёсинори в 1441 г. одним из феодалов, начинается междоусобная война 1467–1477 гг. После этой войны сёгунат потерял свое влияние, хотя и просуществовал еще около ста лет. Наступил период полной феодальной раздробленности. В 1485 г. местные феодалы и крестьянская верхушка изгнали из провинции Ямасиро войска сражавшихся между собой двух ветвей дома Хатакэяма и на восемь лет установили свой контроль; с 1488 г. адепты секты Икко целое столетие управляли провинцией Кага.

Производительные силы страны характеризовались постоянным ростом. Население увеличилось с 10 млн. в XII в. до 16–17 млн. человек в XVI в. Площадь обрабатываемых земель составила в XII в. приблизительно 920 тыс. тё, в XIV в. — 940 тыс., в конце XVI в. — 1600 тыс. тё. Эти цифры отражают как реальный прирост обрабатываемых земель, так и возрастающую способность властей после объединения страны взять все их на учет (так, можно полагать, что данные на конец XVI в. — наиболее полные). С XV в. резко увеличивается площадь земель, искусственно орошаемых с помощью ножного водяного колеса из построенных населением водохранилищ. Земли осваивали и феодалы, и деревенская верхушка, и крестьяне-бедняки. С отдельных полей стали собирать три урожая. За сбор листьев с общинных угодий для приготовления из них

органического удобрения в некоторых случаях община требовала со своих членов особую плату. Увеличилось число сортов риса, широко распространились новые культуры: табак, сахарный тростник, хлопчатник, лен, развивалось животноводство. В целом можно утверждать, что интенсивность хозяйства выросла.

В формах ренты, уплачиваемой владельцам вотчин — столичным и местным феодалам, — явных изменений не произошло. Как и ранее, преобладала натуральная рента, но с XIII в. идет постепенный процесс ее коммутации (хотя крестьяне платили налог натурой, дзито и вотчинные чиновники превращали его в деньги на рынках). По некоторым данным, в XIII в. налог уплачивали деньгами в 38 сёэн, в начале XIV в. — в 126 (из более 4 тыс., насчитывавшихся в стране), в XIV и XV вв. этот процесс принимал все большие масштабы. В XV в., когда распространилась практика сдачи сбора рисового налога на откуп военным губернаторам и местным феодалам, налог во многих случаях отправлялся в столицу деньгами или даже векселями богатых купцов, скупавших рис. Это стало возможным благодаря активному развитию рынков на периферии. Наблюдавшийся в XIV–XV вв. рост мелких самостоятельных крестьянских хозяйств не везде происходил равномерно. На окраинах страны и в XV в. широко использовался труд лично-зависимых *гэнин*, оставались они и в развитых районах, но мелкие самостоятельные хозяйства крестьян становились основной хозяйственной формой в земледелии.

С XIV в. начинается распад разбросанных по стране вотчин сёэн и участков государственных земель, формируются компактные территориальные владения крупных феодалов — княжества. Тем самым происходит переход от мелкого и среднего феодального землевладения к крупному. Система *сёэн — корё* (вотчин и государственных земель) пришла в упадок из-за развития производительных сил и торгово-экономических связей, разрушавших замкнутые границы вотчинного натурального хозяйства в результате появления рынков, выходивших в своей деятельности за рамки отдельных вотчин.

До возникновения княжеств можно выделить несколько видов феодальной собственности: 1. Собственность должностной столичной аристократии (вотчинная). Она возникла в результате раздела государственной земельной собственности между столичными могущественными домами и существовала под защитой государственных органов. Крестьяне таких вотчин считались наследственными лично-свободными держателями земли. 2. Собственность мелкой и средней феодальной знати. Она имела такой же феодальный характер, но возникла не сверху, а снизу в результате прямого захвата, скупки, отчуждения за долги участков крестьян. К подобным земельным владениям обычно были прикреплены лично-зависимые крестьяне (*гэнин*, *сёдзю*). 3. Не гарантируемая феодальным правом земельная собственность незнатных владельцев, возникшая путем скупки у крестьян освоенной ими пустоши, — *дзинуситэки сёю* («землевладельческая собственность»). Ее особенность заключалась в том, что формально отсутствовали отношения прямого личного подчинения крестьянина землевладельцу. Эксплуатация крестьян производилась в форме сдачи земли в аренду, землевладелец же сам рассматривался как зависимый крестьянин и уплачивал ренту феодалу. Арендная плата, шедшая дзинуси, конечно, обычно превышала ренту, которую он должен был платить за ту же землю. Этот вид собственности уходил корнями еще к закону 743 г. о наследственном владении освоенной пустошью, а в

XIV–XV вв. его распространение ускорялось в ходе распада крупных хозяйств мёсю и обособления находившихся в патриархальных отношениях с ними мелких крестьянских хозяйств. Эта собственность не носила феодально-сословного характера, ею владели феодалы, монахи, горожане, крестьяне. Конечно, в условиях феодализма эта собственность не была абсолютной, требовала признания со стороны феодалов и общины.

В основе формирования новых феодальных владений на местном уровне в XIII–XIV вв. лежал процесс складывания территориально компактной деревни под главенством феодализирующейся деревенской верхушки (ранее крестьяне были очень мобильны, существовала сильная чересполосица участков, принадлежавших многим верховным владельцам), усиления в сельских поселениях общинной организации. В XIII в. сельская община была еще слаба, но в XIV в. в связи с распространением мелких самостоятельных крестьянских хозяйств происходит укрепление соседской общины (*со*, *ёриаи*).

В XV–XVI вв. наблюдается расцвет сельской общины, основную массу членов которой и составили крестьяне-середняки. Под главенством богатого крестьянства и мелких феодалов она получила значительные права самоуправления. Эта община активно сопротивлялась владельцам вотчин и вотчинным начальникам, добивалась ослабления налогообложения и отмены трудовой повинности, брала на себя обязательства по уплате определенной суммы налога, получая взамен право полного управления своими внутренними делами (с середины XIII в.), а также распоряжения известной частью избыточного продукта. Подобные общины составляли базу массового крестьянского движения XV–XVI вв.

Общее собрание общины решало такие вопросы, как распределение воды через оросительные сооружения, использование хозяйственных угодий, раскладка трудовой повинности и налогов. Право голоса, которым ранее обладали только богатые крестьяне, получают все крестьяне, если они имеют землю. Начинают создаваться общинные правила, регламентирующие пользование угодьями, принадлежащими общине в целом полями, пребывание в общине посторонних лиц, запрещающие азартные игры и т.д. Общинные объединения создавались на разных уровнях — в деревнях внутри сёэн, в рамках всего сёэн, в случае необходимости возникали территориальные союзы крестьянских объединений различных владений.

Контроль над новой компактной деревней, имеющей характер сельской общины, был жизненно важен для существования местных феодалов (*дзайти рёсю*), а прежняя система их владения имуществом и социальной организации, существовавшая с XI в., не соответствовала новым условиям. При ней глава дома, рода, являясь вассалом сёгуна, наследовал основную часть владения, представлял дом во внешних отношениях, например с сёгуном, а остальные члены дома в основном получали в наследство от прежнего главы участки внутри владений дома. При этом боковые семьи сохраняли значительную степень свободы от главы дома. В условиях возникновения новой компактной деревни боковые семьи без непосредственного контроля над крестьянами на месте не могли обеспечить обладание землей и людьми. В условиях разбросанности вотчин оседание родственников на землю, часто далеко от основного родового владения, неизбежно усиливало их независимость в отношении патриархального господства главы дома. Соответственно усиливается стремление главы дома перейти от раздельного к единоличному наследованию. Для боковых ветвей

оставалось только два пути: бороться за полную независимость или становиться вассалами главы дома. Так начинается процесс отказа местных деревенских феодалов от обладания должностями и источниками доходов (что до этого и считалось основной формой владения) в разбросанных по стране сёэн и перехода к созданию единых территориально-земельных комплексов, во многих случаях — на территории прежних сёэн.

Местные деревенские феодалы, используя должности вотчинных начальников, со второй половины XIII в. усиливают также господство над вотчинами, например путем получения полного права распоряжения в сёэн и обложения налогом его жителей в обмен на обязательство ежегодно поставлять владельцу обусловленное количество риса или денег или же путем территориального раздела сёэн, когда местный феодал становился полным обладателем одной половины сёэн, а вторая оставалась прежнему владельцу вотчины. Естественно, что местные феодалы не выполняли своих обязательств, с XIV в. усиливалась их независимость как от владельцев сёэн, так и от бакуфу. Функции контроля над сёэн полностью переходят в их руки, владельцам вотчин доставляется только небольшая сумма налога, которая с ходом времени все уменьшается. Асикага бакуфу в отличие от военного правительства в Камакура юридически признавало владения местных деревенских феодалов.

В начале XIV в. тенденция к сосредоточению прав и дохода с земли в руках одного собственника проявляется и во владениях храмов, провинциальных управлений, где не было вотчинных администраторов дзито из числа местных феодалов.

С XIV в. местные деревенские феодалы стали называться *кокудзин* («провинциальные феодалы») в отличие от феодальных лордов (*рёсю*). Кокудзин самостоятельно проводили кадастр полей, выявляя те, что не попали в провинциальный кадастр, и назначали с них подати в свою пользу. Укрепляя политические связи с такими же феодалами, кокудзин нередко формировали самоуправляемые союзы (*кокудзин икки, куни икки*), заключая соглашения о поддержании контроля над рынками совместного пользования, водворении на место бежавших крестьян, отпоре внешним врагам. Они были носителями принципов нового территориального господства, не случайно из их среды вышло большинство владельцев княжеств XVI в. Процесс формирования территориальных владений шел и на уровне провинции. Военные губернаторы сюго, назначенные Асикага бакуфу, имели более обширные права, чем в период Камакура. В частности, они получали право изымать на военные нужды половину налогов с вотчин и государственных земель, которые раздавали местным феодалам. Таким путем сёгуны пытались поставить под контроль стремившихся к независимости местных деревенских феодалов. Но в результате только открывалась дорога к формированию военными губернаторами собственных владений, включавших значительные территории. Феодалы такого ранга еще не ликвидировали полностью сёэн и государственные земли, но использовали их как единицу налогообложения в свою пользу, в обмен на обещание гарантировать поставку налога получали права управлять вотчинами, превращали местных феодалов в своих вассалов, и вопрос окончательной ликвидации вотчинной системы оставался только делом времени. Однако владения военных губернаторов (*сюго рёкоку*) XIV–XV вв. были менее централизованными по сравнению с территориальными княжествами XVI в. Это проявилось, во-первых, в области ленных отношений и структуре власти. Во владениях военных

губернаторов все категории местных феодалов уплачивали своим военным сюзеренам или гражданским патронам ренту, объем и структура которой складывались исторически и имели значительные региональные отличия, а в территориальных княжествах XVI в. существовали система определения размеров ленов в денежных единицах и пропорциональная военная служба вассалов. В XIV–XV вв. ленная система только формировалась путем использования военными губернаторами своих полномочий на пожалование местным феодалам права обложения налогом в свою пользу отдельных территорий, предоставление им конфискованных земель и т.д. Незавершенность ленных связей проявлялась в том, что в пределах владений сюго немало местных деревенских феодалов являлись прямыми вассалами сёгуна и не подчинялись военным губернаторам, а то и вовсе были самостоятельны. На подвластных военным губернаторам территориях существовали и другие виды феодальной собственности — вотчинная, храмовая и т.д.

Во-вторых, в отличие от владельцев княжеств, проживавших в своих владениях и непосредственно контролировавших землю и крестьян, что проявлялось в составлении ими для себя земельных реестров, строительстве ирригационных сооружений, законодательной деятельности в отношении крестьянства, военные губернаторы бóльшую часть времени проживали в столицах, еще не устанавливали непосредственного господства над крестьянством.

В-третьих, если владельцы княжеств активно совершенствовали структуру своих владений: создавали сферу товарного обращения, транспортные пути, почтовые станции и прочее, — то во владениях военных губернаторов такая структура была крайне незрелой.

В данный период получил дальнейшее развитие процесс отделения ремесла от земледелия. В области ремесленной технологии серьезные изменения произошли в более позднее время — в XVI в., а в XIV–XV вв. шло распространение вширь прежних технических достижений — глиняных горнов для выплавки железа вместо ям в земле, пил для продольной распилки и др. Росло количество ремесленных цехов, которые охватывали все новые виды ремесла, возникали не только в столичном регионе, но и на периферии. Как и прежде, они вступали в патронатные отношения с киотоской аристократией, членами императорской фамилии и монастырями. Однако если в предыдущий период служба или производство для патрона являлись основным, а наемный труд или производство на рынок побочными, то теперь наоборот. И если ранее патронат заключался в предоставлении полей для поддержания существования, то теперь покровительство могущественных домов включало гарантии особых, монопольных прав при занятии определенным видом производственной деятельности, а цехи, в свою очередь, были обязаны выплачивать определенные денежные суммы. Цехи становятся важным финансовым источником поддержания императорского двора и придворной аристократии, важной их опорой в социальном плане. С XIV в. цехи иногда уже представляли собой вооруженные формирования.

Сельские ремесленники переходят от бродячего образа жизни к оседлому, возникают сельские районы, жители которых специализируются на одном из видов ремесла. Ремесленники могли сохранять прежний формальный статус зависимых людей храма или другого патрона, но фактически их ремесленные организации являлись независимыми. Возникали городские и сельские центры по производству шелковых тканей,

бумаги, фарфоровой посуды, гончарных изделий. В Киото развилось специализированное производство сакэ (в XV в. его производили в 342 домах), в г. Оямадзаки — производство растительного масла. Так, цеху маслобойщиков, имевшему статус клиента храма Хатимангу, бакуфу гарантировало особые права на закупку сырья и продажу товара по всей центральной части страны. В окрестностях столицы, например, существовали многочисленные деревенские цехи, занимавшиеся переработкой продуктов сельского хозяйства. Ремесленники концентрировались и в ставках военных губернаторов, в усадьбах провинциальных феодалов.

Развитие ремесла вызывало активизацию торговли. С начала XIV в. наблюдается расширение ее масштабов. Если в предшествующий период ремесленные цехи одновременно занимались и торговой деятельностью, то теперь возникают специализированные торговые гильдии. В то же время торговлей продолжали заниматься и ремесленные цехи. Стала процветать деятельность ростовщиков, которые часто одновременно занимались производством сакэ, бакуфу использовало склады таких ростовщиков в качестве хранилищ поступавшего в счет налога риса. Пользуясь затруднениями владельцев сёэн при сборе налога, ростовщики брали последний на откуп, внося заранее сумму предполагаемого налога, а затем с помощью военных губернаторов и местных феодалов выбивали налоги с крестьян. Тем самым ростовщики активно включались в систему эксплуатации крестьянства, и не случайно с XV в. многие восстания крестьян в пригородах столицы были направлены против ростовщиков. Для военного правительства уплачиваемый ростовщиками налог на их деятельность имел исключительное значение, являясь важным источником денежных поступлений. Специализировавшиеся на перевозке продуктов, уплачиваемых в счет налогов, торговцы *тоимару* значительно расширяют сферу своей деятельности, постепенно превращаясь в торговцев-посредников, занимающихся продажей и перевозкой различных товаров, ростовщической деятельностью. Базой их операций становятся расположенные на побережье города, совмещавшие функции территориальных рынков и перевалочных пунктов, т.е. выполнявшие роль посредников между центром и периферией.

Наряду с укреплением экономических связей между столичным районом и провинциями активно развивались и периферийные рынки, чаще всего возникавшие в местах нахождения гаваней, переправ, почтовых станций, застав и т.д., на границах между сёэн. Иногда на территории одного сёэн находилось 2–3 рынка. Если до XIV в. рынки являлись местами временного сбора торговцев, то в XIV–XV вв. купцы уже жили на территории рынков в постоянных домах-лавках. Владельцы таких лавок вели свое происхождение от оседавших странствующих торговцев, ремесленников и возчиков, ранее проживавших при провинциальных управлениях и в сёэн, крестьян.

В ходе формирования владений военных губернаторов и провинциальных феодалов под их контроль подпадали рынки при губернаторских управлениях и внутри вотчин. В XIV в. было много деревенских рынков, обслуживающих территорию радиусом 2–3 км, впоследствии появляются крупные, которые в XVI в. становятся центрами торговых зон радиусом 4–6 км. Учащаются дни их функционирования (от трех до шести дней в месяц). Кроме того, в отдельных княжествах из таких рынков возникают торговые сферы, когда, например, пять рынков открываются по очереди, тем самым торговля не прекращается в районе ни на день. Рынки обслуживали иногда обширные территории — например, рынок в г. Обама

служил экономическим центром всей северной части побережья Японского моря.

Развитие торговли оказало большое влияние и на внешние связи Японии. В XIII — первой половине XIV в. в Японию часто приезжали буддистские монахи для участия в широко развернувшемся в стране строительстве буддистских храмов, многие японские монахи секты Дзэн ездили учиться в Китай. О масштабах частной торговли говорит тот факт, что с направлявшегося в Японию и затонувшего в 1323 г. судна в наше время было поднято свыше 20 тыс. экземпляров керамической посуды и около 27 т медных монет.

После монгольских нашествий 1274 и 1281 гг. гражданские и военные правители поняли невозможность сохранения дипломатической изоляции и необходимость установления связей с другими странами региона, в первой половине XIV в. давали разрешения на отправку в Китай торговых кораблей, груженных товарами, прибыль от продажи которых шла на строительство буддистских храмов. Во время двоецарствия XIV в. Южный двор неоднократно отправлял послов в Китай, в 1380 г. сёгун Асикага Ёсимицу направил миссию в минский Китай с целью установления дипломатических отношений, но получил отказ. В конце XIV в. бакуфу, приняв меры против нападавших на территорию Китая и Кореи японских пиратов, способствовало восстановлению в 1401 г. дипломатических и торговых отношений с Китаем, прерванных в X в.

Сёгуны Асикага монополизировали с начала XV в. торговлю с Китаем, проводившуюся на основе выдававшихся китайским правительством лицензий для захода японских торговых судов в китайские порты. С середины XV в. торговля между двумя странами стала активно идти уже под эгидой отдельных феодалов, однако реально она находилась в руках крупных купцов. Ассортимент товаров существенно не изменился по сравнению с предыдущим периодом, когда из Китая ввозились шелк, парча, благовония, парфюмерия, сандаловое дерево, фарфор, медные монеты, а вывозились золото, сера, веера, лакированная посуда, ширмы, мечи, древесина. Например, в 1483 г. японцы отправили в Китай 37 тыс. мечей. Торговля с Китаем была настолько выгодна, что Асикага Ёсимицу даже согласился на присвоение ему титула «короля Японии» (Нихон кокуо) (титул «король» обычно давался правителям зависимых от Китая стран).

Торговые отношения были установлены с Кореей и странами Южных морей. В XV в. развивались торговые отношения с Рюкю, где в 1429 г. было создано объединенное государство. На Хоккайдо в 1457 г. было подавлено большое восстание айнов, после чего возникли предпосылки полного подчинения коренного населения острова.

Исключая Киото, Нара и Камакура, города XIV–XV вв. по условиям возникновения можно разделить на три группы. Во-первых, появившиеся еще с XII в. и связанные с развитием торговли города, выросшие из почтовых станций, портов, таможенных застав, рынков. Во-вторых, прихрамовые. В-третьих, рыночные поселения при замках военных губернаторов и ставках провинциальных губернаторов. Если до XIV в. города первой группы были связаны с вотчинной системой и являлись ареной деятельности вотчинных чиновников, занимавшихся перевозкой натуральных продуктов, то в XIV–XV вв. на основе развития внутренней торговли и торговли с Китаем, Кореей и Рюкю этих чиновников сменяют занимающиеся морскими перевозками оптовые торговцы, специализирующиеся на операциях с товарами. С развитием производительных сил был

связан и рост прихрамовых городов, наблюдавшийся особенно в XIV в. Возникновение призамковых городов, которые нередко создавались по воле феодалов, шло особенно активно с XV в. Этот тип городов имел наименее зрелые городские черты.

Первые два типа городов имели определенное самоуправление, третий находился под полным контролем феодалов.

Если в XII–XIV вв. в Японии появилось 40 городов, то в XV в. — 45, в последующем этот процесс принял еще бо́льшие масштабы. Характерная черта японских городов рассматриваемого периода заключалась в многослойном переплетении здесь связей территориальных общин, религиозных организаций, цеховых и гильдейских корпораций, объединенных производственными принципами.

Социальная структура в XIII–XIV вв. не претерпела принципиальных изменений. Придворная аристократия, военное дворянство и верхушка духовенства составляли господствующий класс. Им противостоял простой народ — крестьяне, ремесленники и торговцы. Последние две группы фактически составляли два отдельных сословия, но не признавались в качестве таковых феодальными властями.

До XV в. сословные взаимоотношения зиждились на принципах, основанных на землевладении. В последующем все большее воздействие стало оказывать наличие денежного капитала, богатства, независимых от владения землей и от принадлежности к сословию феодалов.

В XIV–XVI вв. значительное распространение получил принцип общинного, корпоративного самоуправления. Кроме упоминавшегося самоуправления сельских общин и союзов самураев существовали самоуправляющиеся территориальные общины в городах, общинную организацию имели цехи, даже нищие и отверженные формировали организации типа общинных. Высшим проявлением самоуправляющейся общины явились вольные города и самоуправление целых провинций, как это было при восстании крестьян и самураев провинции Ямасиро в конце XV в.

Длительное существование промежуточных слоев, сочетавших в себе черты эксплуататора и эксплуатируемого, говорит о том, что классы феодалов и крестьян полностью еще не сформировались. Только после исчезновения категории мёсю к XVI в. четко установились классы-сословия феодалов и крестьян. В Японии в течение всего периода развитого феодализма границы между дворянством и простым народом оставались открытыми. Со второй половины XIII в. наблюдается процесс социального расслоения мёсю, когда часть верхнего слоя превращалась в самураев. С другой стороны, часть слоя мёсю переходила в ряды крестьянства, в разряд крестьян-середняков, обрабатывающих свои участки трудом своей семьи. К этому слою в XIV–XV вв. принадлежало подавляющее большинство крестьян — 80—85%, 5% приходилось на мёсю и 5–10% — на личнозависимых крестьян.

Установление в стране сильной военной власти, которая могла иметь в своем распоряжении многочисленные самурайские отряды, имело следствием то, что в XIII–XIV вв. основными формами борьбы крестьян являлись петиции, побеги и прочие мирные формы борьбы, не исключающие, конечно, отдельных боевых выступлений. Верхушка деревни активно участвовала в междоусобной борьбе феодалов XIV в., которая в силу этого затянулась на шесть десятилетий, но и дала богатому крестьянству возможность достичь своих целей — подняться в ряды

феодального класса и укрепить позиции в отношении других слоев крестьян. По мере разрушения системы сёэн и государственных земель и формирования крупной феодальной собственности — княжеств — в XV–XVI вв. поднимается волна крестьянских восстаний (*до икки*, *цути икки*, *токусэй икки*, в последних, где основным требованием являлась ликвидация задолженности, активно участвовали и горожане), направленных на укрепление крестьянского самоуправления (фактически за оставление доли прибавочного продукта в деревне), против новых форм феодальной эксплуатации со стороны ростовщиков и торговцев. 80% крестьянских восстаний проходили в наиболее развитых экономически центральных районах страны. Подъему крестьянской борьбы способствовало наступление феодальной раздробленности, когда отдельные феодалы стали сильнее, но в целом класс феодалов ослабел. Объединение Японии в конце XVI в. было вызвано наряду с другими причинами и страхом феодалов перед выступлениями народных масс.

В то время эксплуатируемый класс состоял из различных слоев, он был разделен в силу специфических средневековых особенностей — наличия кровнородственных союзов, территориальных общинных объединений на различных уровнях, наличия многочисленных сословных и внутрисословных градаций, многообразных связей подчинения низших высшим. Поэтому закономерно, что часто классовая борьба принимала сложный характер. Она шла в нескольких направлениях. Во-первых, борьба за свою самостоятельность лично-зависимых крестьян внутри больших патриархальных хозяйств и бедных крестьян, ведших небольшое, экономически неустойчивое собственное хозяйство. Борьба, особенно первых, не принимала форму массовых восстаний или побегов (как, например, у рабов), они боролись за право создания своей семьи и увеличение размеров земли, которую они держат или обрабатывают, за укрепление прав на эту землю. Эта форма борьбы чаще носила разобщенный, индивидуальный и повседневный характер. Даже добившись определенной экономической самостоятельности, зависимые крестьяне не могли в тех экономических условиях полностью освободиться от подчинения главам больших патриархальных семей, на протяжении всего периода развитого феодализма постоянно воспроизводился цикл: полунезависимость – падение (разорение) – зависимость – полузависимость. Со второй половины периода развитого феодализма, в XIV–XVI вв., постепенно росло число самостоятельных мелких хозяйств.

Во-вторых, антиналоговая борьба всего сословия крестьян. Это был самый массовый вид классовой борьбы. В ней крестьянство в целом имело общие интересы, не во всем, однако, совпадавшие для различных его слоев. Например, главы крупных патриархальных хозяйств — мёсю — собирали подать у мелких крестьян для феодалов, и, естественно, их интересы отличались от интересов мелких крестьян. Поскольку мёсю отвечали за сбор податей, то сокращение налогов означало, что увеличивается остающаяся в их руках доля прибавочного продукта. Тот факт, что к концу периода развитого феодализма остававшаяся в их руках земельная рента превышала ренту, уплачиваемую феодалу, нельзя объяснить только ростом производительных сил, это был и результат борьбы против налогов.

В-третьих, борьба против личной зависимости от чиновников в сёэн и других местных феодалов, которые объявляли крестьянские земли своими, налагали дополнительные повинности, арестовывали крестьян и их семьи, что препятствовало действию формально существовавшего в XIII–XIV вв. права крестьян после уплаты феодалу всех податей и повинностей уйти в

другое место. Пока проявлялись противоречия между центральными и местными феодалами, крестьяне могли использовать их взаимную борьбу, и имело значение то обстоятельство, в зависимости от кого из них крестьяне находились. С усилением власти местных феодалов и установлением ими компактных территориальных владений их власть распространялась на всех крестьян на определенной территории, различия в положении земледельцев по отношению к феодалам стирались.

Во второй половине XIII в. усиливается популярность буддистских сект Хоккё, Риндзай, Сото, провозглашавших упрощенный буддистский ритуал и свободу вероисповедания, независимость от государства. Секта Хоккё привлекала многих торговцев и ремесленников, а секта Риндзай, проповедовавшая учение дзэн, получила распространение среди аристократии и самурайства. В конце XIV — начале XV в. необуддистские секты, пустив корни в широких народных массах, стали играть важную роль и в политической жизни — например, секта Дзёдо в XV–XVI вв. организовала массовые крестьянские восстания под религиозными лозунгами, так называемые *икко икки*. В условиях феодальной раздробленности ей удавалось на протяжении многих лет контролировать обширные территории. С этого же времени в буддизме стали усиливаться светские элементы. Наряду с необуддизмом идеологической опорой военного сословия служили местные синтоистские храмы предков, в которых освящались все важнейшие события жизни самураев. Такие храмы являлись духовной опорой общинно-деревенской солидарности крестьян.

Культура киотоских придворных замкнулась в узком мирке составления поэтических антологий и комментариев к традиционной литературе, хотя появлялись отдельные шедевры, такие, как «Записки о правильном наследовании божественной линии императоров» («Дзинно сётоки») Китабатакэ Тикафуса, который отвергал господствовавшие в аристократической среде идеи конца света и с позиций конфуцианской идеологии соответствия деяний и судьбы правителя рассмотрел историю Японии.

Самурайская литература пополнилась популярными «Записками о великом мире» («Тайхэйки»), где правдиво описаны действия и идеология всех классов, участвовавших в феодальных войнах. В целом самурайская культура все более сближалась с аристократической. В то же время народная культура получала все большее развитие. Это проявилось, в частности, в распространении среди господствующего класса театра Но, ведшего происхождение от деревенских представлений, фарсов *кёгэн*, чайной церемонии, первой формой которой были коллективные чаепития крестьян, искусства аранжировки цветов *икэбана*. Рождались новые формы в живописи (например, монохромная живопись *суйбокуга*), поэзии, музыке. Если ранее художественные произведения создавались только в среде аристократии, то теперь простой народ, периферийные феодалы являются не только действующими лицами произведений искусства, но и их авторами.

Из синтеза материковой и традиционной культуры, столичной и периферийной, аристократической и периферийной формировалась национальная культура.

Культуру рубежа XIV–XV вв. символизирует построенный Асикага Ёсимицу «Золотой павильон» («Кинкакудзи»), сочетавший традиционный стиль синдэндзукури и архитектурный стиль секты Дзэн, а для культуры конца XV в. характерен воздвигнутый при восьмом сёгуне Асикага Ёсимаса

«Серебряный павильон» («Гинкакудзи»), с присущей секте Дзэн простотой форм.

ДАЙВЬЕТ В XIV–XV вв.

Длительное и упорное сопротивление вьетов монгольским завоевателям вынудило монгольскую династию Юань заключить в 1289 г. мир с Дайвьетом. Хотя Юани признавались номинально «старшими», но фактически Дайвьет сохранял свою независимость, выстраданную в ходе принявших общенародный характер войн.

Войны второй половины XIII в. опустошили страну, сельское хозяйство и ирригация находились в упадке, много крестьян погибло во время военных действий. В 1290 г. начался массовый голод, крестьяне бросали свои земли или продавали их (а часто и своих родственников) владельцам частных земель. Раздача хлебных запасов не помогала, так как ресурсы государства были истощены войной.

Тем не менее вуа Чан Ань Тонг продолжал борьбу за расширение территории Дайвьета на юге. В 1307 г. по договору с Чампой он получил как подарок от зятя — чамского короля — области О и Ри (район совр. г. Хюе). В уступленных областях немедленно начались восстания «подаренного» населения. В 1311 г. разразилась война с Чампой, повторившаяся в 1318 и 1326 гг.

В 30-х годах XIV в. шли войны с горными народами и с лаосцами. Выступив в поддержку восставших горных народностей, лаосцы вторглись в Дайвьет, разорили его южные области и нанесли ряд поражений полководцам Дайвьета.

Одновременно возобновились нападения чамов, стремившихся вернуть утраченные провинции. Войска чамского короля Тебоннга неоднократно опустошали южные провинции Дайвьета и доходили до столицы — Тханглаунга. В 1369 г. чамы захватили и разграбили столицу. Армия вуа к этому времени была ослаблена вследствие общего упадка центральной власти, крупные владельцы не поддержали вуа в войне, казна была пуста. Но чамы не могли освоить и заселить захваченные районы, где уже имелось многочисленное вьетское население, этнически и экономически связанное с Дайвьетом.

В том же году по всему Дайвьету крестьяне сражались с крупными феодалами. 1300–1380-е годы — время затяжного аграрного кризиса, приведшего к открытым формам борьбы — крестьянским восстаниям. Начало 40-х годов отмечено неурожаем и голодом, вызвавшим восстание Нго Бе, длившееся целых 17 лет. В 1354 г. началось восстание под руководством крестьянина Те, объявившего себя родственником Чанов.

Важные процессы происходили в сфере аграрных отношений. Еще в ходе антимонгольских войн, когда стала ясна важная роль собираемых крупными провинциальными землевладельцами, родственниками вуа, на свои средства дружин, эта группа вьетских феодалов существенно укрепила свое положение. В 1266 г. получила юридическое оформление передача крупных владений по наследству без уменьшения «вотчины» (*чанг*). Феодальным владельцам было разрешено создавать на целинных землях вотчины-чанги, что объяснялось нехваткой казенных земель для наделения знати. Чанги быстро распространялись, исчерпывая фонд еще не возделанных земель. Говоря о XIII–XIV вв., автор начала XV в. писал: «Население густое,

обрабатываемой земли не хватает». Колонизация целинных земель позволила титулованной знати «сохранить мир с населением» — не прибегать к отнятию земель у крестьян в больших масштабах. При создании чангов в принудительном порядке сгонялись безземельные — «бродяги». Барской запашки в чангах не было. За счет чангов был реализован последний земельный резерв в дельте Красной реки; в дальнейшем можно было лишь идти на восток вслед за медленно растущей в этом направлении из-за ежегодных наносов Дельтой или покидать Дельту. Для растущего населения реальным все больше становился второй выход — переселение на юг, так как в горах на севере и западе не было условий для вьетского поливного рисоводства, а на востоке простиралось море. Значительную роль в освоении юга играли крупные владельцы, которые перевозили сюда крестьян («освобожденные семьи»), оторванных от своих общин полностью, т.е. не внесенных в общинные списки. Они зарабатывали «в чужих краях», поставляя вотчинам рабочую силу.

В конце XIII–XIV вв. продолжался, благодаря дарениям, рост землевладения буддийских храмов, монастырей и отдельных монахов. Они имели тысячи мау земли и тысячи зависимых (*но-ти*); «там, где живут люди, — непременно храм Будды», «духи-предки и Будды были повсюду». Однако положение средних служилых владельцев несколько ухудшилось в результате сокращения доходов от государственной эксплуатации крестьян из-за обнищания многих налогоплательщиков. Упало к середине XIV в. и влияние этой части управленцев, в итоге ослабла и власть вуа.

С 1371 г. главой администрации Дайвьета постепенно становится Хо Кюи Ли, возглавлявший сторонников централизации. Опираясь на мелких и средних служилых, он начал борьбу с крупными светскими и духовными феодалами.

Борьба двух главных группировок — титулованной частновладельческой знати и служилых — протекала на фоне все усиливавшихся крестьянских восстаний, что, видимо, ускорило принятие реформ. Хо Кюи Ли пресек заговоры при дворе и сместил многих чиновников; обновленный государственный аппарат стал надежным орудием Хо Кюи Ли (с 1400 г. — императора) в проведении широкой программы социальных реформ.

Первый удар был нанесен по землевладению буддийского духовенства: в начале XV в. оно перестало быть крупным землевладельцем, тем более что в годы реформ буддизм, потесненный неоконфуцианством, утратил функции государственной религии. Тогда же металлические деньги были заменены бумажными, что укрепило финансовое положение государства. За этим последовал отказ от мелочного контроля государства за внутренними делами общины. Была введена практика раздачи полей для содержания школ и учителей, начал складываться постоянный фонд земель, выделяемых внутри общин на нужды государства.

Самый главный удар по крупному частному землевладению был нанесен в 1397 г., когда все частные земли, в том числе чанги (кроме чангов старших принцев и принцесс), были превращены в казенные земли. Целью реформы была объявлена «помощь бедным и слабым». Площадь казенных земель резко увеличилась. Проведенная перепись показала, что число зависимых от частных владельцев достигало до реформы одной трети трудоспособного населения страны. Реформа привела к резкому сокращению их числа.

На земли средних и мелких владельцев и на частные земли крестьян реформаторы не посягали, реформы проводились для служилых и их руками. Крестьян затронула лишь часть программы Хо Кюи Ли, касавшаяся ослабления малоземелья в Дельте за счет переселения части безземельных в южные районы.

Но полоса реформ была прервана захватом страны войсками династии Мин в 1407–1427 гг. Лишь после их изгнания реформы были продолжены. В целом они привели к укреплению служебного землевладения и значительному распространению отношений, основанных на публично-правовых началах.

Ле Лой, вождь победоносной войны с захватчиками, стал основателем новой династии Ле (Поздние Ле, 1428–1788). Перед ним и его ближайшими преемниками стояла задача восстановления экономики, и прежде всего общинного хозяйства, разоренного войной. Крупные землевладельцы, уже ослабленные реформами Хо Кюи Ли, не смогли за годы войны восстановить свое могущество. Сам Ле Лой располагал сильной армией, его авторитет полководца был очень высок, в его окружении было немало бывших чиновников — носителей реформаторских традиций (например, Нгуен Чай).

Человек больших дарований, обладавший огромным авторитетом, Ле Лой предпринял попытку аграрных преобразований, по масштабам равных реформам Хо. Поскольку многие крупные феодалы были скомпрометированы фактом своего сотрудничества с захватчиками, то их владения были объявлены казенными. Так как основной силой армии Ле Лоя было крестьянство, сразу же после победы был произведен всеобщий учет и передел казенных земель в соответствии с числом крестьян. Все пустующие казенные, находившиеся в пользовании общин земли были переданы тем, кто не имел земли, в том числе переселенным крестьянам из других общин. Запрещались продажа и захват упомянутых казенных земель (захват казенных земель карался строже, чем частных). Свободно можно было занимать только невозделываемые земли. Были отменены налоги на два года вперед, что не могло не способствовать улучшению экономического положения разоренной войнами страны.

Уже в первые годы реформ практиковалось выделение земли в общинах для чиновников в соответствии с их рангом. Было также установлено, что основой для налоговых привилегий чиновников является не только ранг или титул, но сам факт выполнения чиновных обязанностей. Существовало право «наследственно сменять отца и деда» на чиновничьем посту и соответственно пользоваться плодами труда крестьян-общинников. Однако запрещалось продавать или дарить земли, полученные за службу в условное владение, или объявлять «своими» крестьян, сидящих на таких землях.

Власти активно побуждали крестьян к обработке новых земель, казенных и частных, при условии уплаты налогов. Но не все крестьяне в разоренной стране могли наладить собственное хозяйство; документы того времени часто упоминают арендаторов казенных и частных земель. Некоторые бедняки готовы были идти и в зависимые, но это строго запрещалось из фискальных соображений, так как государство теряло в их лице налогоплательщиков. Одновременно государство боролось с распространением чангов, где сосредоточивались зависимые.

Последующие указы, уже Ле Нян Тона (1442–1454), были посвящены защите частного землевладения малых семей от распыления внутри большой семьи и от распродажи таких земель в интересах неблизких

родственников. При передачах земельного имущества строго требовали составления официального документа, что ограничивало действие обычного права. Тогда же было подтверждено право чиновников на получение земельного пая в общине; наряду с установленным ежегодным ранговым денежным жалованьем он составлял основу дохода чиновника.

В целом к концу 50-х годов XV в. в Дайвьете, и прежде всего в дельте Красной реки, землевладение стабилизировалось. Преобладали казенные, а также средние и мелкие частные земельные владения. Были зафиксированы налоги: поземельный и подушный.

Реформы Ле были дополнены и отчасти закреплены созданием кодекса эры «Хонг-дык» (1470–1497), отразившего попытку создания централизованной монархии с господством феодальной бюрократии, а также те изменения, которые произошли в аграрных отношениях к середине XV в. Армия и государственный аппарат получили более стройную организацию; была проведена новая административная реформа, унифицировавшая административное деление страны, сложилась система учебных заведений и конкурсных экзаменов, при помощи которых комплектовались гражданские чины. Не менее важны были денежная реформа и налоговые преобразования, которые укрепили экономическое положение центральной власти.

В конце XV в. при переписи впервые в общинах стали отдельно учитывать «коренные» и «гостевые» (т.е. чужие) семьи, а внутри тех и других появились категории «наемных» и «бедных».

После уточнения «табели о рангах» власти упорядочили ранговое жалованье чиновникам. Тогда же были систематизированы титулы и установлен порядок их уменьшения для не служащих наследников.

Был принят также «закон о предоставлении полей чиновникам». Больше всего феодалы-чиновники имели частных служебных полей, которые не должны были переходить по наследству. У титулованных и ранговых чиновников имелись и «поминальные» земли. Некоторое число зависимых имелось у двух высших групп титулованных. Прочим титулованным «людей» для обработки дозволенных площадей земли не хватало. Эти земли, видимо, обрабатывали арендаторы. Указ был призван ограничить размеры владений титулованных и ранговых чиновников, в нем указывался максимум землевладения, подчеркивалось также, что каждое наследование рассматривалось специально. Частные земли ранга или титула считались принадлежащими государству в отличие от частных земель, приобретенных обработкой, покупкой или полученных не служащим владельцем по наследству. Эта система ограничений была призвана укрепить условное землевладение на всех уровнях, но действие ее было возможно лишь при сильной центральной власти.

Закон 1481 г. регулировал выдачу средним и мелким чиновникам паев в общинах. Владельцы таких земель платили налоги, но небольшие; обрабатывали владения арендаторы, в основном, по-видимому, из «коренных» безземельных общинников и «гостевых» семей. При увольнении чиновника и отсутствии у него потомков-преемников эти земли отбирали. Это была публично-правовая система введения чиновника внутрь общины, но с определенными гарантиями недопущения превращения пая в частную землю. Государство стремилось расширить фонд казенных земель, объявив своей монополией освоение новых наносных земель в приморских провинциях; эти земли объявлялись казенными, тогда как ранее их часто осваивали феодалы, создавая чанги.

Трудности, связанные с растущим малоземельем, усугублялись, резко поднялись цены на рис, увеличилось число недоимщиков. В конце XV в. правители стали экономить на содержании аппарата; спешно строили рисовые склады и создавали запасы, одновременно активизировали переселенческую политику, что расширяло площадь казенных земель на юге; прекратили выдачу земель неслужилым группам, из деревень стали брать на военную службу только безземельных. Однако положение в сельском хозяйстве продолжало ухудшаться.

Дайвьет вел успешные внешние войны, в результате которых в 1448 г. правитель княжества Бонман и племена лоло признали сюзеренитет Дайвьета; тогда же были установлены регулярные контакты с лаосским государством Лангсанг.

В 1471 г. был предпринят тщательно подготовленный поход против Чампы, он завершился захватом части чамских территорий. Аналогичным был поход на Лангсанг в 1479–1480 гг., в результате которого Лангсанг на некоторое время попал в вассальную зависимость от Дайвьета, а его восточные области вошли в состав вьетского государства. Одновременно все племена, жившие в горах к западу от вьетских долин, стали данниками Дайвьета, а издавна контролируемые ими горные районы на севере получили статус провинций; в них уже было значительное вьетское население, хотя население новых областей еще не слилось полностью с вьетами.

XIV–XV века были временем культурного подъема. Важной приметой его стало окончательное оформление национальной письменности. Многочисленные литературные произведения отражали быт и обычаи различных слоев общества. Национальная поэзия обогатилась многими прекрасными образцами. На вьетнамском языке творил поэт Нгуен Чай. На вьетнамском же языке и вьетнамским письмом были написаны труды по различным отраслям знания. Именно в это время были составлены первые труды по истории, положившие начало средневековой национальной историографии. В архитектурном «стиле Поздних Ле» созданы многие другие шедевры вьетнамского средневекового зодчества.

Искусствам, науке и литературе покровительствовал один из самых образованных вуа Дайвьета — Ле Тхань Тон. При нем большие средства тратились на образование и учебные заведения.

Местный толк буддизма — *тхиен*, господствовавший в X–XIII вв., к концу XIV в. уже не был государственной религией. Среди последователей буддизма, ставшего более массовой религией, чем прежде, активно распространялось новое его течение — амидаистское, представлявшее особый толк махаяны. Вместе с ростом бюрократического аппарата, усилением влияния чиновничества значительные позиции приобрело в Дайвьете неоконфуцианство, превращавшееся постепенно в официальную философию чиновничества и двора.

Не утратили своего значения и местные верования, связанные с верховным божеством — Небом.

ИМПЕРИЯ КАМБУДЖАДЕША В XIII–XV вв.

Второй четвертью XIII в. датируется начало позднего периода в истории империи Камбуджадеша. При Индравармане II (1220–1243), сыне и преемнике Джаявармана VII, процветание империи, казалось, продолжалось.

Государственные налоги с крестьян-*анаков* были основной формой их эксплуатации. И все же имело место некоторое сокращение удельного веса публично-правовых отношений. В 1223 г. на восстановленный с согласия империи в Чампе трон был посажен чамский принц.

Нельзя не заметить, что уже к середине XIII в. процесс социальной эволюции шел на фоне экономического кризиса, связанного с истощением почв и водных ресурсов столичной области. Интенсивный полив водами, содержащими мало органических веществ, засорение каналов, часто проложенных по насыпным руслам, и регулярная распашка богатых окислами железа почв привели здесь к латеризации почвы и резкому падению урожайности. Одновременно понизился уровень воды в главной артерии района — р. Сиемреап. Латеризация почвы вызвала упадок сельского хозяйства, и начался постепенный уход крестьян-анаков из района столицы, где стал иссякать важнейший источник доходов и людских ресурсов.

При Джаявармане VIII (1243–1295) наблюдается усиление шиваитов, восстановление культа линги; буддизм как религия верхних слоев общества временно отошел на второй план, хотя в столице и в провинциях продолжалось распространение теравадского буддизма. Возврат к культу линги не повлек за собой в то время разграбления и закрытия крупнейших буддийских храмов. Но сам факт религиозной борьбы и противопоставления политики двора общим массовым тенденциям привел к ослаблению империи. Положение в верхах было неспокойным. Насколько можно судить, Джаяварман VIII пришел на трон (как и ушел с него) путем переворота; страна погрузилась в пучину религиозной борьбы, ослаблявшей империю.

Немалую роль в наметившемся упадке империи сыграло и то, что военные силы ее в 80-х годах были оттянуты на восток для отражения монгольского нашествия. Усилились центробежные тенденции на некхмерских окраинах, сначала в тайских княжествах на верхней Тяо-Прайе. Здесь внутреннее равновесие с середины 50-х годов XIII в. было нарушено прибытием с севера князей с их дружинами и значительных групп населения из района империи Дали (в Юньнани), особенно после ее окончательного захвата монголами в 1253 г. Началось вытеснение кхмерских гарнизонов из городов средней Тяо-Прайи, где возникло тайское государство Сукхотаи. Когда же во время борьбы с монголами в 1283–1287 гг. восстановило свою независимость монское государство Лаво, начавшийся распад империи стал очевиден. Серьезным оказалось вооруженное столкновение с объединением тайских князей в начале 90-х годов; хотя война была неудачной для таи, большого напряжения она потребовала и от империи. Тем не менее ее блеск по-прежнему поражал современников, и только прогрессирующее обеднение западного рисового очага подрывало экономику. К концу XIII в. кхмерское общество завершило свою идеологическую реконструкцию, буддизм теравады распространялся все шире, оказывая влияние на тайские и лаосские княжества. Массы теравадских монахов вряд ли обходились дешевле пышных, но немногочисленных храмов X–XIII вв., зато первые более эффективно выполняли те же задачи.

Процессы упадка империй шли в это время в Пагане, Шривиджайе, век спустя — в яванской империи Маджапахит. Повсюду в Юго-Восточной Азии на месте полиэтнических империй в XIV–XV вв. возникли меньшие по размерам, но более высокоразвитые по своей социальной организации моноэтнические феодальные государства. Одним из них и становится

кхмерский центр империи Камбуджадеша, с конца XIII в. уже называвшийся своим современным названием — Камбоджа.

Она была богатым и процветающим государством. Жители столицы имели в услужении по нескольку «рабов». Власть монарха по-прежнему была сильной, а престиж его — высоким. Население страны исповедовало в основном буддизм; везде стояли изображения Будды, причем храмы были уже теравадскими. Образование также полностью находилось в руках буддийских монахов-теравадинов. Но традиции XII — начала XIII в. продолжали проявляться в самых разных областях общественной жизни. Об этом говорят и наличие буддийских монахов-чиновников (традиция сращения служилых и духовенства, впоследствии изжитая), и культовый характер ряда государственных церемоний, и наличие храмов-мавзолеев. По-прежнему храм Байон был центром не только планировки, но и духовной жизни столицы. Сохранились и имперский династический миф, и культ девараджи в его буддийском варианте.

Начало 90-х годов XIII в. было временем отказа правящей верхушки от чреватых внутренними конфликтами реакционных экспериментов с реставрацией шиваизма, тем более что все развитие общества обусловливало дальнейшее распространение буддизма теравады, и двор не мог длительное время идти против течения. Монарх-шиваит Джаяварман VIII был свергнут своим зятем, главнокомандующим, правившим под именем Шри Индравармана III (этот последний претендовал на родство со старой династией). Буддизм теравады стал господствовать в стране, сам Шри Индраварман III был буддистом-теравадином; индуизм сохранился в качестве одного из придворных культов. При Индравармане III официальным языком стал язык теравадского буддизма — пали, сменивший санскрит. При нем продолжалось развитие экономики и культуры, спокойным было внутреннее положсние.

Но шиваитским кругам трудно было отказаться от вековой привычки властвовать. Когда в 1308 г. Шри Индраварман III ушел в монастырь, власть перешла при неясных обстоятельствах к Индраджаяварману (1308–1327), который предпринял последнюю попытку восстановить шиваизм как государственную религию. Он начал с разрушения буддийских храмов и преследования буддистов. Попытка продолжения этой политики Джаяварманом IX (1327–1336) привела к открытому возмущению. Джаяварман IX был свергнут и, судя по некоторым свидетельствам, убит. Политический центр империи был необратимо ослаблен этой борьбой, и вскоре империя Камбуджадеша начала распадаться.

На троне, после периода безвластия в 30-х годах XIV в., оказался человек «из низов», к власти в 1336 г. (дата приблизительная) пришел Чай (1336–1340). Он стал основателем новой династии.

В XIV в. динамичнее развивались восточные районы между Меконгом и Большим озером. Перенос «центра тяжести» с запада был длительным и затянулся на 100 лет; кхмерское государство все более ощущало необходимость иметь столицу в экономическом центре, в треугольнике Ловек — Удонг — Пномпень, к востоку от Большого озера. При первых королях новой династии, занятых внутренней борьбой и сменой центрального аппарата, отпали последние имперские владения на Тяо-Прайе и оставшиеся тайские и лаосские вассальные княжества. Завершилась и внутренняя борьба, сопровождавшая изменения в кхмерском обществе. Экономическое же положение собственно кхмерских земель не изменилось; автор середины XIV в. сообщает о «богатой Камбодже». Это

время отмечено определенной «демократизацией» монархической власти, которая стала «ближе» не только к средним и мелким феодалам-чиновникам, но и к народу. Вместе с этим почти исчез культ недосягаемого бога-царя. Полностью закрепился теравадский буддизм, санскритская литература была частично вытеснена палийской. Новые храмы были меньше по своим размерам, но они широко распространились по всей стране.

В начале 50-х годов разразились длительные войны на территории кхмеров. В 1351 г. две тайские армии начали большое наступление. После того как они были отбиты, король Лампон (1346–1352) по каким-то соображениям распустил армию по домам и отменил уже проводившуюся мобилизацию. В это время новая тайская армия присоединилась к двум отброшенным, и началась осада Яшодхарапуры; кхмерские войска были вытеснены из города в 1353 г. Но в 1357 г. кхмерская армия уничтожила тайский гарнизон в Яшодхарапуре, тайские походы окончились ничем.

В 1393 г., почти полвека спустя после первого нападения, войска Аютии повторили рейд на Яшодхарапуру. Сильная своим первым ударом, тайская армия добилась первоначальных успехов, но несколько месяцев спустя кхмерская армия под командованием короля Тяо Понья (1394–1404) окружила и уничтожила часть тайского гарнизона города; вскоре король Понья Ят (1405–1467) полностью очистил страну от остатков тайских войск. Эта победа на длительный период привела к мирным отношениям между странами. Но военная победа не могла «оживить» западный район, где к экономическому упадку добавились разрушения от длительных военных действий и где латеризация почв привела к уменьшению числа сельских жителей, уходивших в другие области. В 1434 г. Понья Ят обосновался в Тядомуке (близ совр. Пномпеня). Сильно укрепленная Яшодхарапура (с этого времени — Ангкор, «Королевский город») стала основной крепостью страны на западе и осталась религиозным центром государства.

В новом районе велись раздачи земли. Камбоджа вышла из кхмеро-тайских войн, закрепив границы и утвердив у себя новый тип социальной и государственной организации. Государственная власть становилась все более военно-светской; упрощался государственный аппарат. В начале 70-х годов обострилась борьба за власть, связанная, как это часто бывало в Камбодже, с отсутствием утвердившегося принципа наследования. Определением кандидатуры следующего монарха (среди родственников предыдущего) занималась верхушка двора; это гарантировало страну от случайностей, неизбежных при майорате, но в то же время давало простор для дворцовых заговоров. Против короля Рамы Тхуфдея (1472–1473) выступил его племянник. Поскольку войны с таи окончились уже давно и неудачно для них, он позволил себе призвать на помощь войска Аютии. Помощи таи ему особой не оказали, но их войска разграбили западные области: Чантабун, Корат, Ангкор.

СУКХОТАИ И АЮТИЯ

С возникновением в конце XIII в. в районе Центрального Индокитая буддийских государств народов таи и лао, мигрировавших из Юньнани под давлением монголов, устная историческая традиция связывала «освобождение от тирании» империи Камбуджадеша местных народов. В период

империи развитие земледельческого производства шло за счет совершенствования его технологии — создания во исполнение религиозного долга мощных ирригационных систем, сооружавшихся руками огромного числа людей, подчиненных деспотической власти, распространения этих систем из кхмерских в монские районы. Начавшийся с конца XII в. кризис воспроизводственного механизма империи породил настроения деморализации и апатии у широких масс, мессианские ожидания.

Деспотизму империи с ее идеологией, рассматривавшей человека как «пыль на священных ногах правителя», противостоял патриархальный строй таи и лао. В борьбе свободных общинников, расселявшихся в пределах империи, с деспотическими принципами ее организации рождалась новая идеология — местная форма буддизма тхеравады.

Буддизм тхеравады на местной почве формировался на основе учения секты «лесных монахов» (*аранника*), которая, не развивая учение Будды о нирване, сосредоточила внимание на социальной стороне — доступной широким массам идее накопления религиозной заслуги как пути к спасению, формируя тем самым буддийский образ жизни. Накопление религиозной заслуги в этой жизни, согласно учению тхеравады, сказывалось на карме человека, на его будущих перерождениях. Учение о карме не было эгалитарным. Положение в обществе людей не уравнивалось, как в христианстве, перед лицом бога, а закреплялось в системе учитель — ученик, старший — младший как реальное социальное положение, находившее отражение на шкале религиозно-нравственных ценностей. Люди, согласно учению тхеравады, не могут быть равны по рождению в силу различия в карме. Но буддизм помогал индивиду (а не группе) приспособиться к существующему социальному порядку. Для формировавшейся элиты таи и лао в учении аранника была привлекательной проповедь равенства племен и народов, выступавшая антитезой имперской идеологии превосходства цивилизованных обществ. Широким же массам импонировала аскетическая харизма этой секты.

Борьба с монголами и наступление на монские государства и империю Камбуджадеша упрочили социально-экономические позиции тайских вождей.

Сотенная организация таи и лао приняла на себя не только военные, но и административно-хозяйственные и финансово-налоговые функции. «Отцы народа» (*чао*) — главы «земель» (*мыангов*) — и сотенная администрация — *кун, мун, пан* (десятские, сотские, тысяцкие) — составляли правящий слой на основе лояльной службы вождю и родства с ним. Однако чао мыангов не стали королями «варварских» государств: эти главы «земель» оставались харизматическими лидерами «народа». Архаичные институты существовали не в виде пережитков, а как активно действующие феномены общественного устройства, способствующие созданию новых традиций. Военные дружины местных вождей формировались не на основе майората, а из родственников чао мыанга и рабов. Основой общественного строя было сочетание горизонтальных и вертикальных связей. Первые проявили себя в обычае побратимства. Вертикальные же привязывали военных вождей к своим социальным коллективам — «землям» и домовой общине — *рыан*.

Результатом указанных социально-политических и идеологических процессов было возникновение к концу XIII в. буддийских государств народа лао — Чиенгмая, Лангсанга в северной части Центрального Индокитая, Сукхотаи, бывшего наместничеством кхмеров в монских землях, а в 1238 г. захваченного тайскими вождями, — на р. Пинг, притоке

Менама. К 1350 г. источники относят основание южного государства таи — Аютии. 1336 год считается годом торжества буддизма тхеравады в Камбодже.

Лао и таи переняли у монов и кхмеров многие производственные достижения, что способствовало развитию производительных сил новых государств. Вместе с тем таи и лао принесли свою производственную организацию. Ее основой была деревня кровных родственников — *бан*, состоявшая из «домов» (*рыан*). Родственные коллективы объединялись в рамках небольшой «земли» территориальными связями. «Земля» была автономной хозяйственной единицей; мелкомасштабная оросительная сеть сооружалась силами одной-двух деревень. Земледельческое хозяйство на заливном поле (*на*) с культурой риса дополнялось земледелием на суходольных полях (*рай*), где высаживались клейкие сорта риса, пальмы, бетель, табак. Многие работы — расчистка суходольного поля, посадка и уборка риса на заливном — совершались на основе взаимопомощи. Автаркия «земель» исключала возможность централизации. К децентрализации приводила и практиковавшаяся правителями новых государств передача буддийским святилищам земли, рабочих рук, инвентаря.

С приходом таи и лао в местном обществе возникает новая оценка земледельческого труда. Так, надпись Рамы Камхенга, правителя Сукхотаи (1275–1317), датируемая 1292 г., отдавая должное чао мыанга как харизматическому лидеру за то, что на полях есть рис, а в реках — рыба, восторженно воспевает и землю — источник процветания и изобилия. В государстве Чиенгмай законами правителя Менграя (1261–1317) был введен запрет на отторжение земли у сельского населения. Этим признавалась важность земледельческого труда как истинного источника богатства.

В первых буддийских государствах, снявших налоговый гнет империи, большую независимость получили домохозяйство и его глава, расширяется практика частного «превращения леса в рисовое поле» (*там па хай пен на*). В интересах глав домовых общин надпись 1292 г. устанавливала порядок наследования имущества «дома» детьми умершего «отца рода», вводила моральный запрет на претензии чао мыанга. Последний лишался права самовольно присваивать рис или богатства другого человека: «Если он — чао мыанга — увидит рис другого, он не позарится на рис, если он видит богатства другого, они не возбудят в нем зависти». Правитель обязан был сохранять жизнь военнопленным: домовые общины получали дополнительную рабочую силу. С конца XIII в. стало возрастать число деревенских общин.

В XIII — первой половине XIV в. в центральном и северном районах Индокитая появляются крепостные замки — *чиенги* и *вьенги*. В них правители крупных мыангов селили семьи ремесленников разных специальностей; их выводили из областей, входивших в состав монских государств и империи. Это были ремесленники строительных специальностей, мастера-литейщики, работавшие с бронзой. В Сукхотаи и городе буддийской сангхи Сри Сачаналае (Саванкалок) правитель Рама Камхенг поселил мастеров по изготовлению фарфора. Известность «фарфора Саванкалока» вышла за пределы Сукхотаи и достигла Японии, Филиппин, Индонезии, Индии, Персии, Египта.

С возникновением буддийских государств связана некоторая товаризация хозяйства мелкого производителя. Передвижение по дорогам Сукхотаи было освобождено от взимания налогов. «Кто хочет вести торговлю буйволами, лошадьми, слонами, серебром, свободно продает и покупает их», —

сообщает надпись 1292 г. Рамы Камхенга. Торговля велась и продуктами лесного промысла. Вдоль торговых путей возникали земледельческие селения, жители которых обслуживали и торговлю. Развитие торговли, рост городов (слово *пура* стало использоваться для обозначения «предместья») были следствием развития земледелия, промыслов и ремесел, возрастания численности населения.

Сукхотаи в конце XIII — начале XIV в. — богатое торговое государство, на что указывает обилие предметов искусства и монументальных памятников. Контроль над торговыми путями, наличие в Сукхотаи богатой мусульманской колонии были источниками богатства правящего слоя, привязывали его к столице, а не к деревне и земледелию. Рост богатства столичной элиты — важнейший фактор политики патронажа: переселявшиеся на территорию Сукхотаи патронимии лао и таи во главе с чао получали от государства материальные ресурсы, скот и несвободных, чтобы начать производство.

В буддийских обществах подняли свой социальный статус различные группы зависимых, существовавших в империи: они влились в состав земледельческих общин, увеличив их число. Использованием рабочей силы этих общин, основанных на государственной земле, мобилизацией в войско земледельцев распоряжалось государство через общинную администрацию — *пху бан*. Отношения земледельцев с пху бан были отношениями господства—подчинения. Пху бан контролировали социальные связи, накапливая не землю, а зависимых людей, часть которых они выставляли на воинскую службу и для работ на государство.

Государство, используя неоплачиваемый труд общинников, сооружало каналы, снабжавшие водой г.Сукхотаи, дамбы, по которым проходили дороги, связывавшие основные города страны.

Для управления ирригационными системами, чиенгами и вьенгами, мыангами была введена система «кормлений» — *кын мыанг*. «Кормления» передавались родственникам правителя. Доход исполнявшего административную службу «кормленщика» представлял ренту с земли данной территории. Между «кормленщиками» и правителем устанавливались, по существу, вассальные отношения. Они возникали также и между правителем Сукхотаи и главами отдельных мыангов, делавших ему подношения за патронаж и защиту их территории. Эти отношения не были формализованы, они строились на моральных обязательствах. Их расторжение, согласно общественным представлениям, влекло ухудшение кармы.

На такой двуединой основе и сложилась держава Рамы Камхенга, которая к концу XIII в. достигла на востоке берегов Меконга и побережья Андаманского моря — на западе. Власть правителя Сукхотаи была сильна в центре государства, слабее по мере удаления от него. После гибели в 1317 г. Рамы Камхенга его «держава» распалась. Преемники Рамы Камхенга сохранили власть в центральном земледельческом районе по р. Пинг.

В буддийском государстве Сукхотаи правителя не почитали как девараджу, не обожествляли. Считалось, однако, что он воплощал в себе общинную этику и справедливость. Правители, в свою очередь, проявляли уважение к буддийской монашеской общине, заботились о ее процветании. Об этом свидетельствует, в частности, надпись Рамы Камхенга об основании им монастыря секты аранника и передаче его в дар сангхе. В монастырь из южного буддийского государства Накхонсритхаммарат прибыл

знаток канона «Трипитаки», ставший во главе сангхи. Последняя заняла важное место в обществе: она помогала правящему слою в оформлении его правосознания, идеологических и политических концепций. Рама Камхенг, согласно надписи 1292 г., соединил в себе величайшего знатока *тхаммы* (религиозный долг) и носителя *бун* — благочестия. Один из правителей Сукхотаи, Лю Тай (1347–1370), известен под титулом Махадхармарачатирача — Великого знатока тхаммы.

В конце XIII — начале XIV в., когда быстро возросло богатство предводителей мыангов за счет как военного грабежа, так и участия в торговле, когда не аристократизм, а богатство стало основой социального статуса, буддийская община поддержала аскетическую харизму правителей. С Лю Тая в обычай входит удаление правителей в монастырь на период дождей, символизировавшее отказ от мирских благ, наглядно воплощавшее традиционный общинный принцип поравнения, «разделенной бедности».

Из идеи патернализма, идеализированного «союза» правителя и народа, исходило новое правосознание: надпись 1292 г. зафиксировала право каждого свободного члена мыанга обратиться к правителю. Проситель мог ударить в колокол, подвешенный в воротах, и сообщить о своем деле. Рама Камхенг разбирал тяжбы при всем народе; мастерами-каменотесами был вытесан из глыбы латерита трон — *манангсилапатра*. Подобно вождям прошлого, восседавшим при разборе племенных дел на мегалитах, Рама Камхенг вершил суд в Сукхотаи, сидя на каменном троне.

Выступая с позиций крестьянско-общинной идеологии, используя в политических целях буддизм, новый правящий слой не смог отказаться полностью от господствовавших в империи индуистских концепций. В его состав вошла монская аристократия, хранительница политических традиций, которые были использованы правящим слоем в процессе создания новой политической культуры. Одной из таких традиций было брахманское толкование столицы как магического центра государства, средоточия системы распределения. Столица отождествлялась с горой Меру — центром вселенной, а государство — с общим космическим порядком.

Для освящения власти правителя использовался древний обряд *шри абхишека*, включавший обливание водой, собранной из главных рек государства. Шри абхишека символизировала «передачу» земель под верховное управление государя. Последний был хозяином земли, хозяином жизни подданных. Правителю вручали священный меч и белый зонт — символы защитника страны.

Вырабатывая общественную этику, правящий слой исходил из необходимости нейтрализовать социальное недовольство, проявлявшееся все сильнее по мере углубления имущественного неравенства и роста злоупотреблений со стороны «больших людей» (*пху яй*) в отношении «маленького человека» (*пху ной*). Буддийское учение тхеравады включило в себя и социальную утопию, отразившую реально существовавшие настроения в среде земледельцев-общинников. В «Трайпхум», космологическом трактате (1346 г.), приписываемом Лю Таю, был включен миф о «стране счастья» — Утаракуру, где растет дерево Кинлапа, удовлетворяющее все желания. Через утопические доктрины совершался переход от племенных культов, основанных на почитании духов гор, к буддийской религии. Как труженик и вместе с тем хозяйствующий на земле член общины, крестьянин субъективно стремился к свободному хозяйствованию на земле, т.е. к утопии — обществу свободных мелких хозяев-тружеников. Отсюда гипнотизирующее воздействие на крестьянство религиозных идей, шедших

от общинных представлений, которые правящий слой буддийских государств использовал в своих интересах как инструмент внеэкономического воздействия.

Ко времени возникновения буддийских государств Индокитая следует отнести появление буддийских летописей — *тамнан*, составлявшихся на пали и отразивших представления о политической истории после утверждения буддизма. Важнейшим явлением культуры было составление тайского алфавита и появление тайского письма. Грамотность, видимо, не вышла за круг монашества и светской элиты, обучавшейся в монастырях.

Государство Аютия, развивавшееся из небольшого политического образования в долине Менама, было буддийским, хотя его администрация и форма власти унаследовали индуистско-махаянистский прототип: правители не были, как в других буддийских государствах Индокитая, «отцами народа», они были *девараджами*, а администрация и структура господствующего класса — бюрократическими.

Появление тайских мыангов в этом районе источниками фиксируется с XI–XII вв. Земля была плодородна, урожаи риса высоки, и существовавшие монские города-государства (такие, как центр буддийской культуры Лопбури или крепость Супанбури) вели торговлю рисом. Рис закупался Сукхотаи и шел на экспорт в Китай. Лопбури, как и Сукхотаи, поддерживало на протяжении XIII в. даннические и посольские отношения с китайским двором, что было необходимо в интересах внешней торговли. Историки предполагают наличие значительных китайских торговых колоний в Лопбури и в портах по берегам Сиамского залива. В торговые отношения постепенно втягивался и тот район, где в середине XIV в. тайским вождем Утонгом был основан вьенг, ставший столицей государства Аютия. К этому времени города-государства Лопбури, Супанбури, крупнейшие тайские мыанги, возможно, и китайские общины были объединены брачными связями, что немало способствовало развитию торговли. Население в этом районе быстро возрастало и превзошло население Сукхотаи.

Появление тайских мыангов в долине Менама не вызывало противодействия правящего слоя монов: экономика речных долин с культурой риса и орошением полей за счет паводков рек требовала активного прироста населения, его плотности не ниже 200 человек на 1 кв. км. Приток поселенцев с севера способствовал расцвету рисовой экономики и торговли, закладывая экономическую основу государства Аютия. Его выход на морские коммуникации обеспечивали китайские мореходы.

В новых районах расселения земледельческих коллективов таи высокой социальной престижностью обладали отшельники — *риши*, но не брахманы и не монахи буддийских святилищ: отшельники пользовались уважением у населения за индуистскую образованность, знания в астрологии и местной земледельческой практике. Под их руководством тайские переселенцы основывали поселения. Отшельники становились старейшинами — их знания оценивались выше богатства и обеспечивали им власть над земледельческим коллективом. Благодаря риши были внесены уточнения в календарь, достигнуто соотнесение его с разливами реки и началом земледельческих работ в новой системе поливного земледелия, принятого таи в долине Менама.

Деревни-общины состояли из матрилинейных больших семей, служивших основными производственными и социальными ячейками. Глава семьи пользовался властью над всем кругом родственников. Усиливались экономические позиции малой семьи и ее домохозяйства, но последнее не стало совершенно свободным: оно нуждалось во взаимопомощи, имущество переходило по наследству внутри большой семьи по материнской линии и т.п.

В XIV в. формируется система землевладения господствующего класса как совокупности эксплуататоров, организованных государством в должностную иерархию. Закон 1360 г. правителя Утонга — тронное имя Рама Тибоди (1350–1369) — объявил «всю землю в Аютии принадлежащей правителю. Народу разрешается жить на ней, но земледельцы не могут быть ее собственниками». Налог с земли устанавливался в размере десятой доли урожая.

В условиях экстенсивного рисоводства правители Аютии использовали традиционную государственную практику освоения земли — раздачу невозделанной земли святилищам: это экономически усиливало государство. Основание буддийских монастырей вокруг столицы Аютии сопровождалось передачей им земли, на которой селилось как минимум 25 семей *кха пхра* — храмовых рабов. На земли монастырей приходили и свободные земледельцы, превращавшие поселения вокруг них в общину. В силу такой практики район вокруг Аютии сравнительно быстро превратился в зону плотного заселения, центр государства был обеспечен значительной по численности рабочей силой.

Экономический потенциал государства стал измеряться тем, насколько эффективно оно сумеет сохранить и расширить свою базу, т.е. числом рабочих рук, которыми оно могло распоряжаться; источником пополнения фонда живого труда стали войны, сопровождавшиеся выводом населения в Аютию. Закон об умыкании 1355 г. ввел в практику суровое наказание за кражу рабов или увод расселенных на территории государства свободных земледельцев; не менее суровое наказание предусматривалось и в отношении беглых. И тем не менее в ранний период Аютии (1350–1569) государство не сумело выработать эффективных мер контроля за рабочей силой. Земледельцы, спасаясь от эксплуатации государства, стремились переселиться в северные тайские мыанги — Сукхотаи, Саванкалок, Питсанулок, Кампенгпет, где царили патриархальные порядки. Высеченное на камне постановление правителя Аютии Рамарачи, датируемое 1397 г., обязывало правителя Сукхотаи — в то время подчиненного Аютии — возвращать беглых, укрывшихся в мыанге, на их старое место жительства.

Составленные в середине XIV в. в Аютии законы поставили на службу новому государству ряд «варварских» институтов таи, в том числе сотенную систему мобилизации населения на государственные работы, в которые включалось и военное дело. Закон 1376 г. ввел деление земледельческого населения на правых (военнообязанных) и левых (гражданских). Молодежь проходила профессиональную подготовку по военной или строительной специальности в одном из *му* — отрядов. Последние объединялись в батальоны (*конг*) и полки (*кром*). Набор мужского населения в му и конги шел с учетом кровного родства: первый, третий (и т.д.) сыновья приписывались к му со стороны матери, второй, четвертый (и т.д.) – к му со стороны отца. Фискальной единицей, с которой шел набор на государственные работы и в войска, было усредненное рисовое поле — *на*. Регулируя распределения трудовых ресурсов, что было главной функцией

правителя и его аппарата, эти социальные силы формировали новую общественную структуру в оптимальном для данной производственной системы варианте. Основой последней была эксплуатация земледельцев через государственные работы. Но сохранялись и частные формы эксплуатации.

Принадлежность людей к той или иной социальной категории в государстве Аютия определялась не законодательно закрепленной принадлежностью к сословию, а «разрешением», которое они получали от правителя на исполнение «работы». Такое «разрешение» было сопряжено с владением. «Свободный», как член этносоциальной общности таи, мог занять землю, правитель санкционировал этот акт. В случае, если земледелец не мог выполнить свою «работу», земля возвращалась государству. Не были объектом частной собственности ни земля, ни должность, ни должностное владение: утративший должность утрачивал и право на участие в системе распределения прибавочного продукта. О свободе выбора «работы» не могло быть и речи. Нечеткость в определении социального статуса того или иного лица буддизм объяснял невозможностью точно определить его карму, а также возможностью достижения индивидом более высокого социального положения за счет использования магических средств.

В правление Боромотрайлоканата (1448–1488) семь законов о гражданской и военной иерархии оформили социально-политическую структуру Аютии. Законы 1454 г. установили, что положение индивида в иерархии определяется числом рангов — достоинств, а вся система получила название *сактина*. Высшие ранги по сактина получали члены семьи правителя, за ними шла служилая знать — *куннанг*. Простолюдины (*прай*) имели в системе рангов сактина от 10 до 350 *рай*[1]. Ниже 10 рай, но выше вьючных животных были рабы (*тхат*). Прай обязаны были выполнять неоплачиваемые работы на государство.

В системе сактина присутствуют черты, характерные для земельной ренты: 1) установление прав собственности на землю государства как представителя совокупного земельного собственника — господствующего класса; 2) регулярный характер привлечения общинников к выполнению государственных работ; 3) наличие фиксированной площади — *на*, с которой шел набор на их выполнение; 4) применение к общинникам средств внеэкономического принуждения — считалось, что невыполнение работ на государство могло ухудшить карму земледельца.

Контроль за выполнением работ осуществлялся государством через систему патронажа: житель деревни, обязанный выполнением государственных работ, выбирал себе патрона из должностных лиц. Отношения подчинения между господствующим классом и земледельческим населением не были формализованы; нижестоящий на социальной лестнице оказывал услуги и приносил дары вышестоящему в силу личных обязательств ради привилегий и безопасности, которые эти отношения гарантировали.

Господствующий класс как совокупность эксплуататоров включал правящий слой и эксплуататорские слои, неоднородные с точки зрения отношения к средствам производства, по своему месту в производственном процессе и по размерам присваиваемого богатства. Помимо наследственной аристократии — многочисленной семьи правителя — господствующий класс включал столичную знать — *тракун*, обширный слой служилой знати — *куннанг*, а также крестьянский, по своему положению — верхний

---

[1] *Рай* — мера площади, равная 0,16 га.

слой деревни. Знать выделялась в общественной структуре по своей управленческо-административной роли, функциональное разделение в XV в. знати на военную и гражданскую (правую и левую) на практике не действовало. Важной частью господствующего класса была провинциальная знать, включенная в бюрократическую структуру, но не порвавшая связей и с местным обществом; именно с ней устанавливали отношения патронажа старейшины деревень и главы семей. Единственным источником власти в Аютии считался правитель, как бы распределявший ее среди должностных лиц путем раздачи рангов по системе сактина, что означало также наделение долей в совокупной ренте. Но это не исключало и частных доходов.

Относительно высокое социальное положение занимало земледельческое население — *прай*, оно сохраняло дееспособность, хотя право на ношение оружия ушло из деревень-общин. Члены одной и той же семьи могли иметь разный социальный и правовой статус. «Свобода» высоко ценилась, а государство законодательными мерами стремилось сохранить численность прай, гарантируя освобождение земледельца из долговой кабалы. Защищало оно «свободу» прай и от действий должностных лиц, и от притязаний деревенской верхушки. Положение последней было крестьянским: старейшины деревень не освобождались от работ на государство, но, используя право выставить вместо себя замену, принуждали зависимых членов семьи (например, мужа дочери) отбывать службу в войске или государственные работы.

Лица, проданные за полную стоимость, которая определялась законами 1359 г. «о рабах» (*даса*), считались одушевленным имуществом — *тхат*; они были в полной власти хозяина. Что касается социально-экономического положения монастырских рабов (*кха, пхра*), то эта проблема остается пока не разработанной в науке.

Аютия унаследовала традиционную для этого района организацию государственной власти, уходившую корнями во времена Дваравати, и прежде всего пространственную интеграцию земель, расположенных по четырем сторонам света, их ориентацию на столицу — «центр» системы. Но в отличие от традиционной структуры последний выступает не только как политическое, но и как экономическое и военное ядро, удерживающее силой ближайшие земли: Лопбури — на севере, Супанбури — на западе, Пра Патом — на юге, Након Найок — на востоке, а также земли ближней и дальней периферии, где сохранялись правящие вассальные династии.

Новым явлением в политической жизни государств Индокитая в XIV в. была та поддержка, которую в косвенной форме оказывали правящим семьям Лопбури и Супанбури, соперничавшим за трон в Аютии, и самой династии Утонга китайские торговые общины.

В послемонгольский период Аютия выступает важным торговым, политическим и дипломатическим посредником китайского двора в его сношениях с государствами Западной и Южной Азии. Признание со стороны Пекина было важным фактором в процессе утверждения политической гегемонии Аютии. На ее политическую и экономическую значимость в районе Юго-Восточной и Южной Азии указывают данные китайских источников: даннические миссии прибывали в Пекин из многих государств Индокитая, но по номенклатуре даров — до 44 наименований — с Аютией не могли сравниться ни они, ни государства п-ова Малакка (26 наименований), ни Бенгалия (24), ни Цейлон (17).

Являясь новым типом теократического бюрократического государства, ранняя Аютия опиралась в идеологическом обосновании политической власти на древние традиции индуизма-брахманизма и новые тенденции, принесенные буддизмом тхеравады. Старые и новые политические и идеологические системы были использованы правящим слоем Аютии для укрепления буддийского государства как символа единства этносоциальной общности «свободных» — таи; общность осознавалась через морально-этические и политические мотивы, создавая гомогенный этносоциальный «центр». Последний в XV в. повел наступление на периферийные государства. В 1438 г. Сукхотаи из вассального государства стало частью государства Аютия, было включено в его состав как мыанг. Перед правящим слоем Аютии встала задача унификации государственной структуры, что было осуществлено в правление Боромотрайлоканата, выходца по клану матери из знати Сукхотаи, хорошо знакомого как с обычаями северных тайских мыангов, так и индийскими доктринами организации государства. Для легитимации власти правителя использовались брахманские ритуалы, однако это не означало возврата к деспотизму Ангкора: власть правителя была ограничена девятью буддийскими установлениями — моральными запретами. В их число вошли знакомые нам по надписи Рамы Камхенга запреты, установленные в интересах верхов общин.

Господствующий класс, организованный по принципу служилой иерархии, стабилизирует свой состав и свою примерную численность, выступая как особая общественная группа, служащая обожествленному государю.

Политическая дальновидность Боромотрайлоканата сказалась в той роли, которая при нем была отведена в государственной структуре буддийской сангхе. Последняя от лица правителя устанавливает моральный контроль над трудовым населением деревень. Религиозная деятельность буддийских монастырей — *ватов* — в среде земледельческого населения создала для господствующего класса «готовую к употреблению» массу *прай луанг* — подданных правителя, обязанных выполнением безвозмездных работ на государство сроком в шесть месяцев.

Проводя политику объединения северных и южных земель, Боромотрайлоканат на 25 лет перенес столицу в Питсанулок (1463–1488), откуда он вел борьбу и с северным государством Чиенгмай. Большая задача в процессе интеграции ставилась перед буддийской сангхой: в обиход вводятся обычаи северных земель, в частности уход правителя на сезон дождей в ват. Впервые правитель Аютии ушел в ват в 1465 г., что подняло его популярность в северных мыангах и соседних буддийских государствах. Важным актом было составление местной версии «Махаджатаки» — «Махачат кхамлуанг»: Боромотрайлоканата стали воспринимать как преемника Махадхармарачи, составителя «Трайпхума». Политические действия правителя Аютии буддийская сангха оправдывала моральной целесообразностью, тем, что северные земли вошли в одно обширное буддийское государство. Тенденции сепаратизма со стороны знати Сукхотаи были подавлены.

Общество и государство ранней Аютии строились на двуединой — экономической и моральной — основе. Наделяя земледельца землей, государство сохраняет и отношение к земле как естественному продолжению социального коллектива. Социальная иерархия, оформленная через систему рангов — сактина, также строилась на противоречивых

принципах родства и индивидуализма. Государственная власть отныне будет использовать два принципа управления — бюрократический и патерналистский. Для целей государственного управления были созданы шесть *кромов* — приказов; их главной задачей были учет земледельческого населения, его привлечение на государственные работы, функции управления были второстепенными.

Господствовали в обществе публично-правовые отношения, сферой частноправовых отношений была семья, глава которой пользовался властью над широким кругом родственников и зависимых. Складывается светский правопорядок: на основе предписаний брахманского кодекса Индии и правил буддийской морали создается право, имевшее универсальный характер.

В XIV–XV вв. определились различия в социально-политическом строе южных и северных государств Центрального Индокитая. В северных государствах управление было патриархальным, привязанным к территории, которую занимал господствующий клан. Знать была четко отделена от простолюдинов в силу рождения, но не было четкой грани между простонародьем и рабами. Отношения в среде господствующего класса строились на лояльности, простолюдин был связан с господином-*чао* личными узами верности в силу традиции. Вооруженные силы в северных государствах были невелики и находились под началом *сён* и *мун*.

Индианизированное южное государство Аютия сохраняло архаические черты экстерриториальности, нисходящую социальную мобильность как механизм регулирования численности господствующего класса. Система управления строилась на принципах патернализма — покровительства вышестоящего нижестоящему. Господствовала обезличенность в отношениях между правящей бюрократией и подданными. Резкая социальная грань отделяла всех «свободных» от рабов. Южное государство Аютия было политически активно, постепенно поглощая северные государства, но и в его составе северные мыанги сохраняли характерные черты традиционной социально-политической структуры. Изменения социально-политического строя обществ Центрального Индокитая в XIV–XV вв. проходили в традиционных рамках. Миграция тайского населения из Юньнани в пределы Индокитая не повела «к смене одного типа феодализма другим», как это утверждается в некоторых отечественных работах по истории стран Юго-Восточной Азии. В обществах Индокитая этого периода не наблюдалось ни натурализации хозяйства, ни дезурбанизации, ни других признаков перехода к иному типу социально-экономического развития.

ГОСУДАРСТВО МАДЖАПАХИТ

Империя Маджапахит, основанная в 1293–1294 гг. Виджайей, принявшим имя Кертараджаса Джайявардхана, была названа по уделу, полученному Виджайей в свое время от узурпатора Джайякатванга. Удел, в свою очередь, был, очевидно, обязан названием, как и многие яванские средневековые княжества, священной реликвии (о реликвиях-палладиумах княжеств было сказано в гл. II в разделе «Генезис государственности у народов Западной Индонезии»), которой в этом случае был плод дерева маджа, откуда — Маджапахит: «Горький [плод] Маджа», или его санскритский эквивалент Вилва Тикта.

Начало правления новой династии было неспокойным. В конце XIII — начале XIV в., при Кертараджасе Джайявардхане и его сыне и преемнике, Джайянагаре, в стране одно за другим бушевали восстания. Бунтовали бывшие соратники Виджайи: Рангга Лаве, Намби, Сора. Восстания подавлялись, но тут же вспыхивали новые. Наконец, в 1319 г. при подавлении восстания Кути, когда восставшие заняли столицу и положение было критическим, выдвинулся дотоле безвестный офицер по имени Гаджах Мада. В 1328 г., устранив Джайянагару, он приобрел в правление его преемницы, дочери Кертанагары Гайятри, а затем ее дочери Трибхуваны огромную власть. В 1330 г. он был назначен высшим сановником — *мапатихом* — и вплоть до смерти в 1364 г. был фактическим руководителем имперской политики сначала при Трибхуване (1329–1351), а затем и в первые годы правления сына последней, Хайям Вурука (1351–1389). Именно при Гаджах Маде в стране установилось спокойствие, и стало возможным проведение политики территориальной экспансии. В это время было сформулировано понятие «Нушантара», т.е. «Внешние (по отношению к Яве) острова»[1], и основной целью государственной политики стало объединение Нушантары под властью Явы. Постепенно помимо давнего вассала Мадуры (еще Виджайя завоевал престол в основном руками «мадурцев, искусных в обращении с оружием», как пишет об этом яванская хроника «Параратон») были подчинены отпавший было Бали (1343 г.), Сумбава, центральные и южные районы Суматры, где воцарился яванский ставленник Адитьяварман, некоторые области Калимантана, Сулавеси, Малаккского полуострова и пр. Теми из островов Нушантары, которые в силу географического положения могли прочно контролироваться, управляли яванские наместники, носившие санскритский титул *адипати* (так, наместником Бали был князь области Венгкер, Виджайя Раджаса, дядя Хайям Вурука), остальные, видимо, признавали сюзеренитет Маджапахита.

Маджапахит поддерживал в это время отношения с государствами Северной и Южной Индии, Сиамом, Камбоджей, минским Китаем, Дайвьетом. Любопытно, что вьетнамцев яванцы по примеру индийцев именовали санскритским словом *явана* (букв. «греки», «ионийцы», т.е. «варвары»).

Империя продолжала процветать и при преемниках Хайям Вурука: его племяннике Викрамавардхане (1389–1427), вдове последнего, Кусумавардхани (1427–1429), и дочери Сухите (1429–1447), но центробежные тенденции постоянно усиливались и в Нушантаре, и на самой Яве. Самой грозной опасностью стали для Маджапахита мусульманские государства северного побережья Явы (Демак, Гресик, Сурабайя), связанные экономическими и религиозными узами с Малаккским султанатом. Долгое время военные действия между Маджапахитом и коалицией мусульманских государств шли с переменным успехом, но в 30-х годах XVI в. ослабевший Маджапахит стал добычей своих противников. С Маджапахитом кончилась эпоха «индианизированных» государств, хотя остатки их продолжали существовать на восточной оконечности Явы, в Баламбангане, и на Бали.

Эпоха Маджапахита была ознаменована ощутимыми изменениями в экономике, социальной структуре, государственном устройстве. Прежде

---

[1] В настоящее время слово «Нушантара» (совр. «Нусантара») употребляется как поэтический синоним слова «Индонезия», без противопоставления ее Яве.

всего изменилась основная административная и хозяйственная единица — община.

Еще в конце XIII в. община сохраняла и свое исконное имя — *вануа*, — и свою роль в политической жизни: община Кудаду не побоялась оказать гостеприимство будущему монарху Виджайе, разбитому в бою и пробиравшемуся с дюжиной спутников на Мадуру. Дурную службу, однако, оказала общинам именно их социальная активность. С образованием империи, видимо в определенной степени из-за постоянных войн, еще интенсивнее пошел процесс выделения из общины ее верхнего слоя, тех, кто носил почетное прозвище (*касир-касир*), представлявшее собой название животного с каким-либо эпитетом (Крепкий Олень, Лучший Бык и т.п.), и составлял костяк яванского войска. Отличившись в боях, эти былые общинники пополняли привилегированный слой *панджи* (слово *панджи* и означало первоначально некие воинские знаки отличия). Рост авторитета панджи привел к тому, что почетные прозвища распространились и на самый верх социальной иерархии: упоминавшиеся выше имена маджапахитских политических деятелей Хайям Вурук (Молодой Петух) и Гаджах Мада (Распаленный Слон) суть не что иное, как *касир-касир*. В лице панджи формируется по преимуществу военное привилегированное сословие. Панджи начинают получать «в кормление» земли и постепенно узурпировать права общин. С массовым выходом из общины наиболее социально активных ее членов падает статус общинника, бывший ранее основным показателем социального престижа, исчезает понятие *анак вануа*, объединявшее когда-то всех полноправных членов общества. Расслоение общины, очевидно, выразилось и в том, что полноправные общинники стали именоваться *рама* (старейшины): видимо, только представители общинной верхушки в какой-то степени сохранили прежний высокий социальный статус. Утрата статуса была связана и с обнищанием части общинников, в том числе из-за нехватки земли (в источниках содержатся запреты отчуждать общинную землю, новопоселенцам рекомендуется осваивать пустоши), и с переходом их в разряд зависимых, который тем самым обретает официальный статус. Представления о знатности и рабстве существовали и прежде, но к конкретным лицам практически не применялись, тем более что рабов, зависимых (*хулун*) было мало, а знатные сами считались общинниками.

В маджапахитскую же эпоху формируются достаточно массовые и уже не пересекающиеся социальные слои: 1) привилегированные светские землевладельцы — *ханден* («благородные», «знатные») и *акуву* (букв. «владельцы замков»); и те и другие могли также считаться панджи; 2) рядовые крестьяне-общинники — *рама, тхани, саме* и пр.; 3) зависимые (*кавула, бхертья*), которые могли вести свое хозяйство, нанимать работников и т.п.

В документах начинают упоминаться родовые земли светских землевладельцев. Эти последние все в большей степени ущемляют права общин, монополизируя в той или иной местности определенные промыслы (солеварение и т.д.). Центральная власть редко вмешивается в отношения землевладельцев с общинами и обычно лишь санкционирует сложившееся положение. Тем же землевладельцам государство может переуступать право на сбор отчислений с ремесленников. Статус ремесленников и в Маджапахите оставался низким, но к концу рассматриваемой эпохи представители наиболее важных и близких ко двору ремесел получили

право прибавлять к личному имени почетную частицу *мпу* и сохранили эту привилегию буквально до нашего времени.

В какой-то мере процессам социального расслоения могло способствовать развитие товарно-денежных отношений. В это время на Яву начали завозить значительное количество китайских медных монет, что сразу изменило характер обмена: в стране появилось в полном смысле слова денежное обращение.

Реформируется и государственный аппарат, возможно, по образцу китайского. Высшие сановники начинают получать фиксированное денежное содержание (хотя одновременно им даются и общины в кормление). Устанавливается соответствующая атрибутика, регламентируется цвет зонтика, паланкина и т.п. Впрочем, эта бюрократическая регламентация охватывала лишь верхушку должностных лиц и не касалась ни правителей крупных княжеств (Венгкер, Кахурипан и др.), как правило родственников монарха, ни чиновников на местах, где управление, очевидно, было более патриархальным.

Создавались сборники законов. При дворе формировался этикет, регламентировавший церемонии и развлечения.

При маджапахитском дворе создаются изысканные литературные произведения: «Нагаракертагама» Прапанчи, «Арджунавиджайя» Тантулара и другие светские и религиозные тексты.

Религией Маджапахита был индуистско-буддийский симбиоз. Правда, шиваитские и буддийские священнослужители и храмы существовали независимо друг от друга, но официальная доктрина провозглашала, что Шива и Будда «хотя различны, но едины» (сейчас это изречение, осмысляемое применительно к многочисленным островам и народам Индонезии, украшает государственный герб республики).

МЬЯНМА В XIV–XV вв.

С конца XIII — начала XIV в. Мьянма вступает в новый период исторического развития, характерными чертами которого были политическая и этническая дезинтеграция, раздробленность и попытки ее преодоления в борьбе за создание новой государственности, за власть над всей Бирмой.

Историческую традицию самостоятельного суверенного развития на территории страны продолжили араканцы и моны, которые отделились от распадавшегося Пагана и создали свои моноэтнические государства. Появились молодые варварские государственные структуры шанов — нового этноса, расселившегося в Бирме во второй половине XIII столетия. Шаны (подобно таи и лао), завершив свое миграционное передвижение из Юго-Западного Китая на п-ов Индокитай, селились в северо-восточных и северо-западных горных районах Мьянмы, охватывая полукругом равнины верховьев рек Иравади, Салуин и Ситаун, или собственно Мьянму. Еще в паганский период они создали свои протогосударственные варварские объединения во главе с *собуа* (князьями) и стали совершать регулярные набеги на центральные районы страны, а также постепенно мигрировать к югу. Государственные образования шанов появились и в Центральной Мьянме. К 1260 г. относится упоминание о поселении шанов около Мьинсайна, т.е. в традиционном родовом доме самих бирманцев — каруинах долины р. Чаусхе. Особенно активное продвижение шанов из своих

феодализирующихся княжеств по периферии страны в бирманские районы произошло с началом монголо-китайского вторжения (1277 г.), когда паганские цари не смогли противостоять внутренним конфликтам и сразу двум внешним силам.

В 90-х годах XIII в. существовали наиболее известные шанские княжества Мьинсайн, Пинле, Меккая. Их возглавляли так называемые шанские братья — три могущественных феодальных правителя, которые обладали в Центральной Мьянме реальной силой в отличие от последних правителей Пагана. «Шанские братья» контролировали рисовую житницу страны — долину Чаусхе, опираясь на военную силу дружин, которую поставляли их единоплеменники с севера.

«Шанские братья», первоначально принятые на военную службу паганскими царями, стали занимать высокие государственные должности при дворе. Здесь они и их семьи, породнившись с бирманской знатью, вошли в правящую элиту Пагана, одновременно переняв традиции бирманской государственности, культуры и буддийскую религию. По-видимому, именно влияние и усвоение более высокой бирманской цивилизации позволило ша́нам достаточно быстро перейти к государственности и создать свои собственные шанские или шано-бирманские династии в Центральной Мьянме. Их утверждение проходило без сильного сопротивления бирманской элиты, тем более что с превращением страны в китайскую провинцию власть «шанских братьев» настолько усилилась, что они вмешивались в дела престолонаследия в Пагане, не оглядываясь на сюзерена в Пекине. Более того, шанские феодалы стали союзниками бирманских в совместной борьбе против монголо-китайской оккупации, что сыграло решающую роль в изгнании захватчиков из Мьянмы (1303 г.).

В отличие от северных шанских княжеств в Центральной Мьянме основное население было бирманским, так как шанам не удалось его ассимилировать, хотя бирманский правящий слой претерпел значительные этнические изменения.

Таким образом, в самом начале XIV в. Мьянма оказалась раздробленной на различные по этническому составу и уровню развития государства. Крупнейшим из них было государство монов на юге страны. Араканцы также отделились от Пагана одновременно с монами. Центральная и Северная Мьянма представляла конгломерат государственных структур шанов. В составе Пагана осталась лишь небольшая территория, доходившая до Чаусхе на западе, на юге — до Прома (Пьи). Последние паганские цари из династии, основанной Аноратхой, — Сохни (1298–1325) и Узана (1325–1369) — были признаны пекинским двором, однако не обладали никакой властью в стране, оставаясь реликтом былой империи. Население разбежалось, да и сам город, пострадавший во время монголо-китайских нашествий и шанских набегов, пришел в упадок. Тем не менее он сохранялся еще как культурный центр, религиозные сооружения которого привлекали паломников, о чем сообщается в эпиграфике.

Власть в Центральной Мьянме находилась в руках шанских феодалов из одной правящей семьи, некогда породнившейся с бирманской элитой. Было несколько феодальных владений с центрами сначала в Мьинсайне (1289–1312), а позднее в Пинье (1312–1362) и одновременно в Сагайне (1315–1364). Их правители использовали бирманскую царскую титулатуру, исповедовали буддизм, строили пагоды. Однако это были неустойчивые феодализирующиеся структуры, с частыми сменами на троне, интригами, заговорами, убийствами. На захват Пагана шанские правители не посягали;

в своей междоусобной борьбе они прибегали к помощи северных соотечественников, стоявших на более низкой ступени развития, которые время от времени совершали набеги, опустошая долину Чаусхе. Государственные структуры шанов Центральной Мьянмы в конечном счете были сметены шанской вольницей. В 1359 г. шанам удалось захватить и разграбить Пинью, экономический центр на Иравади, и даже удерживать его в 1362–1368 гг. Однако создать свою государственность в Центральной Мьянме этой волне северных шанов не удалось. В 1368 г. Пинья исчезла с исторической арены; Сагайн был уничтожен еще ранее, в 1364 г. Этой высокой ценой Сагайн и Пинья задержали проникновение шанов к югу во второй половине XIV в.

В этот период проявились признаки новой консолидации бирманцев. Один из центров сосредоточения бирманского населения возник еще в 1280 г. в Таунгу — укрепленном поселении на вершине холма на берегу Ситауна. Сюда стекались бирманские беженцы из Пагана, спасавшиеся от монголо-китайских, а затем и шанских набегов. Таунгу расширялся. Укрепление власти его правителей, бирманских по происхождению, ознаменовалось принятием в 1347 г. царского титула Тхинкабой (1347–1368) и сооружением дворца в традиционном бирманском стиле. Его сын Пьянчи (1368–1377) построил в Таунгу несколько пагод и монастырей и совершил паломничество в Паган, где у пагоды Шуэзигон оставил надпись, в которой сообщается, как правитель и его жена устраивали в городе и окрестностях бирманских беженцев после разгрома шанами Сагайна и Пиньи. Таунгу и позже оставался убежищем для бирманских жителей всех рангов, спасавшихся от феодальных войн и усобиц, постепенно расширяясь в сторону долины Чаусхе, где урожай риса можно было снимать три раза в год.

Однако прочной власти в Таунгу в этот период не было, она зависела в значительной степени от политической борьбы между монами и бирманцами (из другого их центра — Авы). В 1377 г. Таунгу даже потерял на некоторое время независимость. Тем не менее экономическое благосостояние Таунгу, постоянный приток бирманского населения, религиозная политика правителей создали здесь благоприятную почву для зарождения национальной бирманской литературы.

Основанный в 1364 г. город Ава (искаженное бирм. Ин-ва) на р. Мьинге, притоке Иравади, стал еще одним центром государственности бирманцев. Удобное расположение вблизи долины Чаусхе, рисового эмпориума страны, и стабилизация политической власти позволили Аве несколько веков оставаться столицей одноименного государства, наиболее важным политическим центром всех бирманцев.

Основателей Авы был Тадоминбья (1364–1368), бежавший из Сагайна вместе с семьей его правителя после шанского разгрома. Будучи одновременно потомком паганского царя Наратихапате и одного из «шанских братьев», Тадоминбья стремился сделать Аву подлинным центром бирманцев. Поэтому правитель придавал большое значение архитектуре Авы, застраивая ее в лучших традициях бирманского архитектурного стиля, образцом которого служил Паган. Все надписи в его правление были составлены также на бирманском языке. Тадоминбья, претендуя на славу справедливого буддийского монарха, заботился о процветании подданных и религии: строил монастыри и пагоды в Аве и вокруг нее, сооружал дамбы и каналы в долине Чаусхе. Главная же цель его политики заключалась в изгнании шанов из Центральной Мьянмы, оттеснении их в горные районы

севера и северо-востока страны. Он отвоевал у шанов разоренные ими Сагайн, Пинью, Мьинсайн и присоединил их к Аве.

Политику собирания земель, некогда входивших в состав Пагана, продолжил и Минджи Свасоке (1368–1401), подчеркивавший также свое генеалогическое родство с паганской династией. Ему удалось в значительной мере объединить Центральную Мьянму, особенно с захватом в 1377 г. Таунгу. С монским государством Минджи Свасоке провел разграничение владений (1371 г.) и обменялся подарками с его правителем Бинья У.

Препятствием для политики централизации, проводимой Авой, были активизация шанских миграций по территории Мьянмы и создание шанами своих государств на территории соседнего Сиама. Особого накала достигла борьба Авы с шанскими набегами в 1373–1383 гг. Минджи Свасоке в 1383 г. был вынужден отправить посольство в Китай, чтобы, признав сюзеренитет императора недавно утвердившейся династии Мин, до некоторой степени обезопасить себя от шанских вторжений.

При Минджи Свасоке началась затяжная война Авы с Пегу. Бирманцы и моны претендовали на власть над всей Мьянмой, однако шанские миграции и связанная с ними раздробленность феодальных владений, особенно в Центральной Мьянме, не позволяли монам продвинуться к северу. Ава вела войну против Пегу в союзе с шанами, часто пропуская их войска через свою территорию.

Война монов и Авы проходила с переменным успехом. В соперничество двух основных центров втягивались Аракан и другие независимые владения. В 1374 г. Минджи Свасоке посадил на араканский трон сначала своего дядю, а потом сына. Вмешательство монского царя Разадари вскоре позволило араканцам добиться независимости от авского двора, но ненадолго.

Война Авы и Пегу продолжалась и при Минкхауне (1402–1422). По-видимому, наибольшего успеха бирманцы достигли в 1415 г. (они заняли почти всю западную часть дельты Иравади, кроме Пегу и Мартабана), однако он был недолговечен, так как на Аву напали объединенные силы шанских князей. Достигнув столицы, шаны осадили город. Это было результатом маневра Разадари, которому удалось подкупом разрушить дружеские отношения авского двора с северными шанскими княжествами.

Хотя война, продолжавшаяся 40 лет, закончилась со смертью Минкхауна, соперничество Авы и Пегу не прекратилось.

В правление Мохньинтадо (1427–1440) относительное единство собственно Мьянмы под властью Авы начинает разрушаться. В 1430 г. полностью отделился Аракан. В некоторые периоды власть правителя не распространялась далее долины Чаусхе. Все большей независимостью от центра начинают обладать члены правящей семьи, которым раздавались в «кормление» (право на получение части доходов) те или иные территории страны, города и населенные пункты.

Самые крупные из них, владельцы ряда земель, особенно Таунгу, считали правителя Авы лишь первым среди равных. В надписях, относящихся к правлению Нарапати (1443–1469), феодалы используют даже царские титулы; свои владения они стараются превратить в наследственные, строят в них укрепления, набирают личную дружину.

Процессам децентрализации в Аве способствовали также постоянные войны с шанами, противоборство с Пегу; в середине XV в. начались нашествия китайских войск. В 1446 г. они подошли к стенам самой Авы, и Нарапати пришлось признать себя данником пекинского императора.

Правление Нарапати было последним периодом относительно спокойного развития Авы. В 1455 г. были достигнуты соглашения о нормализации отношений с Араканом и демаркации границы между двумя государствами. Велась активная торговля с Китаем (через Юньнань и далее на юг к Индийскому океану). Поддерживались культурные и религиозные связи со Шри-Ланкой. В 1456 г. богатые дары правитель Авы послал с миссией в Канди к святыне буддистов — храму Зуба Будды. В 1435 г. до Авы добрался первый европейский путешественник — Николо ди Конти.

Религиозная политика правителей Авы была направлена на поддержку буддийских монастырей секты «лесных братьев», поскольку централизованная сангха, существовавшая в Пагане, практически исчезла в период XIV–XV вв., когда империя распалась на ряд владений. Бесконечные войны и усобицы, разорение монастырей заставляли монашество скрываться в лесах и там организовывать свои общины. Монахи поднимали заброшенные земли и расчищали новые. К ним приходили крестьяне ближних деревень. Интересы царей и «лесных братьев» совпадали, когда последние возвращали к жизни некогда плодородные земли Центральной Мьянмы, зараставшие джунглями. Из среды монахов лесной секты правители Авы выбирали царского наставника, который одновременно был и *сангхараджей*. В начале XV в. главой «лесных братьев» был Тири Дхаммасенапати. В одной из надписей говорится, что этот сангхараджа построил семь больших монастырей и девять пагод. Однако деградация самого авского государства привела к распаду «лесной секты» в конце XV в.

К периоду Авы относятся и первые памятники национальной бирманской поэзии, наиболее известным из которых является поэма «Тола» Шина Уттамачжо.

С распадом Пагана стал полностью независимым и Аракан (южная часть Аракана и при Пагане была суверенной). Как и в предыдущий период, содержание политической истории государства араканцев определялось взаимоотношениями с государствами собственно Мьянмы и мусульманскими правителями Бенгалии, неоднократно пытавшимися поставить Аракан под свой контроль.

От набегов шанов Аракан был отчасти избавлен не только тем, что был отделен горами от центральной равнины, но и благодаря вовлеченности шанов в борьбу с государствами Пинья, Сагайн и Ава.

В правление араканского царя Минтхи (1279–1374) произошло морское нападение бенгальского флота на Аракан. Вражеские суда, перегородившие устье р. Хинья около Читтагонга, араканцам удалось потопить, забросав их камнями и спустив на них по реке горящие плоты, как сообщают источники.

В 1374–1430 гг. Аракан подвергся наибольшему нажиму со стороны основных сил, соперничавших за власть в Мьянме, — государства Ава и Пегу. По-видимому, соперники боролись, во-первых, за араканский престол, а во-вторых, за контроль над Араканом как важным пунктом на главном торговом морском пути Восток—Запад, что было особенно важно для Авы, не имевшей выхода к морскому побережью.

В 1374 г. часть араканских правящих слоев обратилась к авскому царю Минджи Свасоке назначить на освободившийся араканский трон своего ставленника, что тот и сделал. В 1381 г. он провозгласил царем Аракана своего сына, которого араканцы, однако, вскоре свергли (1385 г.).

В 1404 г. на араканском троне утвердился царь Нарамейхла (Минсоман), но бирманские войска через два года снова посадили здесь своего

ставленника. Нарамейхла бежал в Бенгалию, связи с которой у Аракана стали более тесными после того, как часть его населения перешла в ислам. Помощь бенгальцев позволила Нарамейхле в 1430 г. провозгласить независимость Аракана. В 1433 г. он основал новую столицу — Мрохаун. Расположенный на холме среди рисовых полей, пересеченных каналами, которые одновременно служили улицами города, Мрохаун был также морским портом; Мрохаун оставался столицей государства еще целых четыре столетия.

Со времени освобождения от зависимости от бирманцев Аракан стал, однако, вассалом Бенгалии и посылал туда дань. Правители Аракана начали с этого времени строить мечети, использовать в своей титулатуре арабские термины, на их печатях появилась калима (символ мусульманской веры), выполненная в арабской графике, причем если сначала эти печати вывозили из Бенгалии, то к середине XV в. их стали производить на месте.

Аракан к середине XV в. заметно расширился и к северу, и к югу. Али Хан (1434–1459) захватил Сандовей и Раму, Басопьи, или Калима Шах (1459–1482), – Читтагонг. Политические успехи были связаны с расцветом культуры при араканском дворе. Известно, что в этот период создавал свои произведения поэт Адуминньо.

О социально-экономической структуре араканского государства этого периода почти ничего не известно. Правитель Минтха, по-видимому, предпринял разработку новых положений в законодательстве, касающемся ответственности за уголовные преступления. Так, мужья должны были нести наказания за проступки детей и жен, учителя — за учеников, хозяева — за слуг (в основном домашних рабов). Наибольший интерес представляет изменение кодекса в отношении царских слуг и рабов, которые ранее пользовались судебной неприкосновенностью даже при совершении уголовных преступлений.

Еще до полного распада Пагана добились независимости моны, восстановив, таким образом, историческую традицию своей отдельной государственности. Развитие Пегу в XIV–XV вв., по-видимому, можно считать образцом наиболее полного раскрытия потенциала модели моноэтнического государства в условиях незначительной зависимости от внешних воздействий. Китайско-монгольское нашествие и миграции шанов, прервавшие поступательные социально-экономические и политические процессы в собственно Мьянме, почти не повлияли на район Пегу.

Создание единого монского государства связано с деятельностью правителя Вареру (1287–1296), шана по происхождению. Вслед за изгнанием бирманских войск и чиновничества Вареру удалось объединить отдельные монские княжества — Татон, Мартабан и Пегу. Столицей был выбран город Татон, который оставался ею до 1363 г. В значительной мере власть Вареру держалась за счет сюзеренитета и реальной помощи от тайских правителей Сукхотаи. Для придания ей большей стабильности Вареру признал сюзеренитет и юаньского императора Китая, чем обезопасил себя от монголо-китайских нашествий.

Имя Вареру носит наиболее ранний из известных в Мьянме кодекс законов (*дхаммата*), основывающийся на индуистской законоведческой традиции, восходящей к Ману. Со смертью Вареру в Пегу началась борьба за власть, престол переходил из рук в руки.

Лишь с восшествием на престол Бинья У (1353–1385) генеалогическая линия, начатая Вареру, не прерывалась в Пегу до середины XVI в. Энергия этого правителя была направлена на отражение нападения на Тенассерим

со стороны созданного в 1350 г. сиамского государства Аютия, разрешение конфликтов в царской семье, строительство и восстановление буддийских святынь. В 1369 г. Бинья У перенес столицу государства в г. Пегу, так как часть тенассеримского побережья (Моулмейн и сам Мартабан) перешла во владение Аютии в 1363 г.

Однако главную угрозу для Пегу представляла Ава, концентрировавшая энергию бирманского этноса и олицетворявшая его историческое стремление к выходу на морское побережье. Борьба Пегу и Авы, бирманцев и монов, за гегемонию в Мьянме, проходящая красной нитью через всю историю страны, на этот раз длилась 40 лет. Она началась при сыне и преемнике Бинья У — правителе Разадари (1385–1423). Его деяния, военные кампании, дипломатическую изворотливость прославили монские хроники так же щедро, как и его авских врагов Минджи Свасоке и Минкхауна — бирманские. Хроники с восторгом описывают незаурядную силу правителя, неоднократно побеждавшего в единоборстве на слонах, практиковавшемся в тот период в войнах в странах Индокитайского полуострова.

Война велась с переменным успехом и только в сухой сезон. Бирманцам на первой стадии войны удалось захватить у монов важный центр на средней Иравади — г. Пром (Пьи), который с этого времени, как правило, находился под властью Авы. И если вначале бирманские войска вели военные действия в дельте Иравади, т.е. на основной территории Пегу, то после смерти Минджи Свасоке Разадари, сумев привлечь на свою сторону шанов (бывших ранее союзниками Авы в этой войне), начал рейды в глубь бирманской территории. В 1406 г. его флот поднялся вверх по Иравади до самого Сагайна (рядом с Авой).

В 1407 г. был заключен мирный договор, стороны обменялись пленными, обозначили границу, а Разадари получил в жены сестру Минкхауна. Но тем не менее война продолжалась. Еще в 1408 г. бирманцы нарушили мир и напали на Пегу из-за придворных интриг, а в 1415 г. войска авского наследного принца завоевали значительную часть монского государства. Лишь к 1417 г. дельта Иравади была освобождена от бирманских войск, а со смертью авского правителя война практически не возобновлялась. Таким образом, политическая ситуация в Мьянме не изменилась, ибо ни одна из сторон не получила перевеса в борьбе за власть над всей страной.

С точки зрения экономического потенциала несомненный приоритет получило монское государство, тесно связанное с морской международной торговлей. Период мирного развития с первой четверти XV до середины XVI в. вывел Пегу в ряд наиболее экономически и культурно развитых стран Юго-Восточной Азии.

Основными портами внешней торговли были Бассейн (для Индии), Дагон (совр. Рангун), где строили морские суда из бирманского тика для сбыта на Яве, и Мартабан, через который велась торговля с Малаккой.

В этот же период в Пегу появились первые европейские купцы и путешественники, высоко оценивающие торговые возможности монского государства. В 1435 г. в Пегу провел несколько месяцев венецианец Николо ди Конти; к 1470 г. относится упоминание о торговле в Пегу Афанасия Никитина; в 1496 г. здесь побывали генуэзцы Иеронимо ди Сан Стефано и Иеронимо Адорио.

Основной статьей вывоза из Пегу был рис, а также драгоценные камни (особенно рубины) и металлы, воск, тик, бензойная смола. Широко была известна в Юго-Восточной Азии керамическая посуда из Пегу. В Южной Бирме произрастали и пряные растения, но в очень небольшом количестве.

Монские порты служили транзитными пунктами на путях торговли через Индийский океан. Из Китая через Пегу везли фарфор и шелк, из Индии — хлопчатобумажные ткани, ртуть, киноварь, с Борнео — камфару, а также некоторые европейские товары и опиум из Мекки и Камбея. Особо значительную роль играл Пегу в торговле пряностями, которые везли с Малайского архипелага (в частности, перец из Аче на Суматре).

Крупные поступления в казну от внешней торговли позволили монским правителям поддерживать буддийскую общину — сангху, вести широкое культовое строительство. В Пегу была построена известная пагода Шуэмодо, удлинили шпиль Шуэдагона (высота храма достигла 90 м).

Во второй половине XV в., когда среди потомков Разадари не осталось родственников-мужчин, престол в Пегу заняла царица Шинсобу (1453–1472), прославившаяся своей мудростью. В хрониках ей уделяется много внимания, может быть, в связи с тем, что это был единственный случай в истории бирманской государственности, когда престол принадлежал женщине. Шинсобу выбрала преемником монаха Дхаммазеди (1472–1492), предусмотрительно выдав за него свою дочь, чтобы в какой-то мере избежать недовольства членов правящей семьи.

При Дхаммазеди монское государство достигло зенита своего расцвета, стало центром духовной и культурной жизни всей Мьянмы, генератором новых идей в буддизме. Собственно, Южная Мьянма всегда была воротами для их проникновения из Индии. С именем Дхаммазеди связана религиозная реформа, победа в Бирме хинаянской формы буддизма.

В 1475 г. Дхаммазеди отправил с богатыми дарами на Ланку миссию из 22 монахов, чтобы они ознакомились там с деятельностью секты Махавихара при одноименном древнейшем буддийском монастыре. По возвращении монские монахи основали в Пегу монастырь Кальяни тхейн и начали проводить массовые церемонии посвящения по сингальскому образцу, одновременно распустив сангху. Разбитая на множество сект, такая сангха не могла служить централизации государства. Несомненно, что введение реформированного буддизма еще более укрепило монское государство, тем более что посвящение в монастыре Кальяни поспешили получить и монахи из Авы.

Реформы в сангхе провели и другие государства на п-ове Индокитай (Ава, Аютия, Чиенгмай, Лаос), поскольку новая форма буддизма более соответствовала тенденциям централизации и консолидации государств, проявившимся к концу XV в.

Рассматривая историческое развитие Мьянмы после падения Пагана, нельзя не отметить, что процессы «бирманизации», доминирования бирманских государств над государственными структурами других народов и этносов на протяжении XIV–XV вв. практически не проявлялись. Потеря Пегу и Аракана оторвала бирманцев от морских побережий страны, изолировала от внешнего мира. Бирманцы были «вынуждены» развиваться в модели континентальной аграрной структуры. Шанские миграции и вторжения оказались в значительной мере более катастрофичными для экономики страны, основывающейся на поливном рисоводстве (так как ирригационные системы нельзя было привести быстро в действующее состояние после ежегодных разрушений), чем для политических структур и даже религии и культуры. Шанские правители были ориентированы на восприятие бирманских норм государственности, ее институтов, буддийской религии. Они не только апеллировали к паганской династии в попытках подтвердить генеалогическую легитимность своих династий, но и

породнились с ней путем браков с женщинами из паганской царской семьи (что было обычной нормой в странах Индокитайского полуострова). Появление национальной бирманской литературы и процветание буддизма подтверждают концепцию исторической преемственности государств, существовавших на территории Бирмы в XIV–XV вв., и Пагана.

Глава VI

ВОСТОК В МИРОВОЙ ТИПОЛОГИИ ФЕОДАЛИЗМА. ВОСТОЧНЫЙ ФЕОДАЛИЗМ

Применение к Востоку теории формаций, впрочем как и любой другой теории истории, признающей прогрессивную смену эпох, всегда встречало трудности, связанные, безусловно, со слабой выраженностью этой смены.

Отечественные медиевисты-восточники уже ряд десятилетий применяют концепцию «восточного феодализма», которая удобна тем, что подчеркивает как сущностное единство этапа развития Запада и Востока в средние века, так и наличие на базе этого единства определенной специфики. Однако концепцию эту нельзя считать разработанной, поскольку не определено, что же является общефеодальным, а что специфически восточным. Среди сторонников формулировки «восточный феодализм» нет единства в понимании существа этого строя.

В востоковедной литературе сохраняются две противоположные тенденции, старые, как само востоковедение. Ряд специалистов стремятся придать особенностям Востока решающее значение, оторвать Восток от европейского хода истории и с этой целью использовать концепцию «азиатского способа производства» и «азиатской формации». Другие же стремятся отрицать сколько-нибудь серьезную специфику Востока и найти там все западноевропейские институты соответствующих эпох.

Сторонники первой тенденции используют в основном два пути рассуждений. Одни, опираясь на многие высказывания К.Маркса, относят Азию как древности, так и средневековья к первой классовой формации, предшествовавшей рабовладению. Другие ставят Азию на ту же основную ступень развития, что и европейские рабовладельческие и феодальные общества, но пытаются обосновать идею о параллельном развитии двух или большего числа цивилизаций на протяжении периода чуть больше двух тысяч лет.

Вторая тенденция выражается в попытках найти везде, где только можно, частную собственность и отрицать или умалять значение государственной собственности на землю (объявив ее разновидностью частной); найти на Востоке рабовладение в античной форме, крепостное право, сословия, цехи, городское самоуправление, товарно-денежные отношения и зарождение капиталистических отношений. Даже выделение Востока как общности, с точки зрения ряда специалистов, неправомерно.

Оба эти подхода имеют существенные недостатки. Первый, по существу, не объясняет особенности Востока, а констатирует их, называет иначе и дает им законный статус под именем «азиатского общества». Кроме того, некоторые результаты такого подхода сложно согласовать с мировоззренческим постулатом о единстве всемирно-исторического процесса.

Второй, напротив, в интересах целостности мировоззрения жертвует особенностями, т.е. реальностью, и заводит в тупик, потому что приводит к неразрешимой проблеме: если Восток был так подобен Западу, то почему

же он так сильно отстал и оказался периферией следующей, капиталистической формации?

Последовательные сторонники сближения Запада и Востока склонны отрицать даже сам факт отставания к началу нового времени. Они считают, что приписывать народам Востока замедленность развития, застойность, отсталость оскорбительно для этих народов.

Неудачным способом выхода из затруднения является упор на прежние достижения Востока, на то, что до определенного времени Восток был более развит и культура его была на более высоком уровне. Эту идею любят муссировать националисты зарубежных стран Востока. Но она обоюдоостра. Чем выше был уровень Востока по сравнению с Западом в X или в XIII в., тем застойнее, следовательно, он был в течение последующих трех-четырех веков, когда позволил Западу догнать и перегнать себя и в техническом, и в культурном отношении.

Теория формаций возникла как часть марксистского учения на материале истории Западной Европы в период с античности до нового времени под непосредственным впечатлением о переходе этого региона от феодализма к капитализму. Соответственно в ней отражен и обобщен именно европейский исторический материал и сделан упор на самостоятельный, первичный переход общества с этапа на этап. Эта теория не предназначалась для параллельного изучения Европы и Азии, потому что в то время идея о параллельном развитии этих регионов не стояла, полностью вытесненная идеей отставания Азии от Европы.

Вообще, для понимания того, как нам на нынешнем уровне знаний следует (или не следует) применять теорию формаций, в каких отношениях она нуждается в дополнениях или пересмотре, если мы хотим применять ее как теорию всемирной истории, необходимо до конца уяснить себе исторические взгляды К.Маркса и Ф.Энгельса и тот смысл, который они вкладывали в свою собственную теорию.

Для К.Маркса и Ф.Энгельса казалось несомненным, что лишь народы Западной Европы прошли несколько стадий в своем развитии, прочие же, даже славянские народы Восточной Европы, являются «неисторическими».

Конечно, еще более неисторическими, застывшими представлялись им народы Азии. С этих позиций надо трактовать выдвинутую К.Марксом идею о существовании в истории особого, «азиатского способа производства». Она была использована К.Марксом не для подчеркивания параллельности развития Востока, а для условного обозначения первого в истории человечества этапа, того, который затем получил название «первобытнообщинного строя». Об этом недвусмысленно, хотя и не буквально, сказано уже во «Введении к критике политической экономии», где «азиатский» способ производства поставлен на первое место[1]. Видимо, К.Маркс уже тогда считал, что античный полис должен вырастать из «восточной общины». В «Капитале» К.Маркс дважды указывает, что, по его мнению, европейская история начиналась с «азиатского» этапа: «Более тщательное изучение азиатских, особенно индийских, форм общинной собственности показало бы, как из различных форм первобытной общинной собственности вытекают различные формы ее разложения»[2]. «Как мелкое крестьянское хозяйство, так и независимое ремесленное производство... образуют экономическую основу классического общества в наиболее

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т.13, с.7—8.

[2] Там же, с. 23, с.88.

цветущую пору его существования, после того как первоначальная восточная общая собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени»[3]. Эти выводы не случайны, а составляют часть тогдашней исторической концепции К.Маркса, и он придавал им большое значение. Через несколько месяцев после сдачи в типографию корректуры первого тома «Капитала» К.Маркс читает «Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского строя и общественной власти» Г.Л.Маурера и делится с Ф.Энгельсом впечатлениями: «Выдвинутая мной точка зрения о том, что азиатские или индийские формы собственности повсюду в Европе были первоначальными формами, получает здесь (хотя Маурер ничего об этом не знает) новое подтверждение»[4].

При описании или перечислении докапиталистических форм общества у Маркса и Энгельса всегда фигурирует триада — три формации, три основных вида собственности, три способа производства, хотя в разных формулировках они носят разные названия: племенная, общинная и феодальная собственность; патриархальный, античный и феодальный строй; рабство, крепостничество, отношения политической зависимости; «первобытное состояние и общественные отношения, основанные на рабстве и крепостничестве»; рабовладельческие отношения, крепостнические отношения, отношения дани[5]. Перечисленные выше формулировки даны в хронологическом порядке их появления. Идентичность различных определений для двух из трех членов триады бесспорна. Нам понятно, что «античный» и «рабовладельческий» в данных контекстах синонимы, понятно также и называние тех же отношений «общинной собственностью» — Маркс имеет в виду собственность античного полиса. Также ясна идентичность в тех же контекстах «феодализма» «крепостничеству». Гораздо сложнее нам понять, что различные определения третьего члена триады также не представлялись Марксу противоречивыми или противоположными. Однако понять это придется, если мы прочтем Маркса непредвзято и если мы полагаем, что в его размышлениях есть логика. Следует признать, что в тот период, к которому относятся данные формулировки, К.Маркс считал, что выражения «племенная собственность», «патриархальный строй», «азиатский способ производства», «отношения политической зависимости», «первобытное состояние», «отношения дани» с разных сторон характеризуют один и тот же этап в развитии человечества.

Нам сейчас трудно себе представить, как непротиворечиво сочетать указанные определения, в частности первобытность и эксплуатацию. Кажется невероятным, что великие цивилизации Востока Маркс считал в основе первобытными. В оправдание Маркса можно лишь напомнить, что в период, о котором идет речь, еще не был открыт Г.Л.Морганом родовой строй и представления о первобытности в европейской науке были крайне расплывчатыми.

Экскурс в историю размышлений К.Маркса об «азиатском способе производства» показывает, что эти идеи нельзя сейчас использовать ни для анализа древнего Востока, ни для обоснования особого строя в странах Азии в средние века.

Встает вопрос о том, какова же теоретическая база, на которой можно было бы анализировать общественный строй средневековых обществ Азии.

---

[3] Там же, с.346, примеч.24.
[4] Там же, т.32, с.36.
[5] Там же, т.3, с.22; т.46, ч.1, с.101; т.26, ч.3, с.415; т.25, ч.1, с.194, 358.

Приложение формационной теории к неевропейской истории в свое время было произведено чисто механически: марксистские историки стали искать на Востоке этапы, полностью соответствующие этапам развития Западной Европы.

Стремление утвердить марксистскую теорию формаций как всемирно-историческую почти полностью подавило конкретно-историческую задачу изучения обществ Востока как таковых. Это с самого начала сделало концепцию «восточного феодализма» идеологически окрашенной, тенденциозной, направленной как бы не на интерпретацию истории, а на подчинение истории теории. И до сих пор «восточный феодализм» воспринимается многими подозрительно, как попытка «обойти» вопрос о специфике исторического развития стран Востока.

Между тем эту концепцию следует рассматривать как попытку увязать два разных уровня осмысления материала — глобальный и локально-цивилизационный. Есть теоретические задачи понимания человеческой истории в целом. На этом уровне не может быть несопоставимых обществ. Любая специфика должна вписываться в некие общие параметры, аналитически описываться при помощи понятия «уровень развития» — производительных сил, общественных отношений, политических структур, духовного мира, одним словом — человека. И есть практические задачи изучения и понимания локальных (и исторически преходящих) цивилизаций, задачи, концентрирующиеся вокруг проблемы «путь развития». И здесь вопросы темпа и ритма развития, отставания, параллельности, несводимости одной цивилизации к другой выступают на передний край.

Проблема «восточного феодализма» есть проблема о б щ е г о, характерного для всех обществ, прошедших стадию очаговых цивилизаций, но не достигших капитализма, и с п е ц и ф и ч е с к о г о, характерного для обществ, которые задержались в этом состоянии и не сумели в исторически отпущенные сроки перейти самостоятельно к капитализму. Забегая вперед, следует оговориться, что вопрос о том, «могли ли» страны неевропейские самостоятельно преодолеть этот рубеж, является не историческим, а сугубо мировоззренческим. Историческим может быть лишь вопрос о том, накапливались ли в них элементы, несистемные с точки зрения гомеостаза. На этот вопрос различные исследователи отвечают по-разному, главным образом потому, что в их распоряжении нет четких источниковых данных, отчего над ними тяготеют все те же мировоззренческие постулаты. Пожалуй, лишь японская средневековая история дает на этот вопрос недвусмысленный ответ: да, накапливались. Но можно ли этот факт трактовать расширительно, как показатель процесса, шедшего, может быть, не столь ярко, и в других странах, — здесь тоже существуют сомнения.

В принципе теория формаций построена на идее прогресса и на признании его неслучайности. С этой точки зрения переход к капитализму неизбежен. Но теоретически не невозможны и тупиковые варианты эволюции отдельных цивилизаций, и если исторические факты могут быть интерпретированы как свидетельствующие скорее об инволюции, чем об эволюции, отдельных этносоциальных организмов, это также не должно подрывать теорию, если дополнить ее учением о сочетании первичных, вторичных и третичных путей перехода к новой формации.

Итак, какие подходы дадут нам представления о сходстве и отличиях азиатских средневековых структур по сравнению с европейскими?

Определений феодализма как института или системы институтов существует множество. Чаще всего за основу таких определений берутся либо крепостничество, либо система вассальных отношений. Такие определения в данном случае не следует принимать во внимание. Нас интересует этап развития человечества, который получил в историографии наименование «феодализм».

Логично было бы в этой связи обратиться к основоположнику теории формаций, с тем чтобы выяснить, что он имел в виду, когда выделял стадию развития, промежуточную между античностью и капитализмом.

Обращение к взглядам основоположника теории подразумевает, что мы попытаемся очистить понятие феодализма от наслоений позднейших марксистских мыслителей, которые схематизировали содержание этого понятия и во многих случаях переставили акценты. Например, решающее значение для понимания системы, в соответствии с общим направлением марксистской мысли, придавалось классовым конфликтам и эксплуатации в ущерб сотрудничеству и взаимонеобходимости классов. Первичная роль социально-экономических отношений под пером марксистских историков нередко превращалась в их абсолютное доминирование в ущерб значению обратных связей и взаимодействия всех сфер жизни общества. В соответствии с тенденцией придавать решающее значение форме собственности (крупная, мелкая; частная, государственная) стали преимущественно изучать систему прав на землю. В этом искажении марксизма особенно непосредственно проявилась примитивность мышления И.В.Сталина, который уже в тексте, ставшем основополагающим для всего обучения марксизму, определил, что «состояние производственных отношений отвечает... на... вопрос: в чьем владении находятся средства производства... в чьем распоряжении находятся средства производства...»[6]. Позже, в «Экономических проблемах социализма в СССР», он поставил «отношения собственности» на первое место при перечислении сфер, составляющих производственные отношения, а затем и конкретизировал это свое понимание применительно к феодализму, припечатав, что основой феодализма служит феодальная земельная собственность[7].

Эта формулировка наряду с отмеченными выше тенденциями подчеркивать отношения эксплуатации исказила понимание феодализма в том смысле, что сделало его аналогом капитализма, экономизировало все понимание этого строя. Развернулась дискуссия об «основном экономическом законе» феодальной формации, который, несмотря на детали позиции ее участников, в большинстве случаев сводился к погоне за рентой по аналогии с погоней за прибылью при капитализме.

Однако возвращение к истокам теории предпринимается не для того, чтобы остаться у истоков. Как и в вопросе об «азиатском способе производства», выяснение взглядов К.Маркса на феодализм не предрешает современного подхода к данному понятию, а лишь дает исходную позицию для дальнейших размышлений о том, как это понятие следует развить, с тем чтобы оно отвечало назначению — служить названием предкапиталистической стадии развития народов.

Представляется, что наиболее фундаментальную черту феодального общества К.Маркс видел в натуральности производства[8]. Однако «феодальную натуральность» еще следует специально определить.

---

[6] *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1939, с.554.

[7] *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952, с.41.

[8] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т.24, с.544; т.46, ч.1, с.102.

Это не просто слабое развитие обмена. Особенности «феодальной натуральности» вытекают из особенностей труда. При феодализме «труд был фиксирован во всех своих моментах: по получаемому им доходу, по своему содержанию, по месту выполнения, по своему объему и т.д. Таким образом, наемный труд (при капитализме. — *Л.А.*) выступает как отрицание постоянства труда и его вознаграждения»[9]. «Базис средневековья образует труд, сам являющийся привилегией, труд, имеющий значение еще в своей обособленности»[10], сращенный с индивидом[11]. Необезличенность производителя, отсутствие «труда вообще» определяют и особенность, неповторимость, натуральность продукта труда[12]. Эта особая «феодальная натуральность» составляет единую систему с другими чертами феодализма, о которых пойдет речь ниже, — потребительной стоимостью как целью производства, всеобщей связанностью, «общностью», господством личностных отношений.

Экономические связи типично феодального типа — это обычно· связи продуктообменные, нередко получающие форму взаимного дара, дарообмена. Дарообмен возникает на первобытной стадии развития и вскоре становится универсальной формой общения. Но в отличие от товарообмена дарообмен имеет тенденцию приводить к возникновению личной зависимости между обменивающимися. Чтобы из состояния первобытности, когда все зависят от всех, возник феодализм, надо, чтобы изменились имущественные, властные или статусные отношения, чтобы один мог дарить существенно больше, чем другой, чтобы возникла необходимость и возможность такой «личной услуги», как «покровительство» или «защита», чтобы повысилась «цена» «отпущению грехов», чтобы объектом дарения стало все — земля, должности, свобода, человек.

Здесь возможна аналогия с политэкономически понятым процессом генезиса капитализма.

Подобно тому как капитализм логически вытекает из развития простого товарного отношения, однако, чтобы победить, нуждается в насильственных методах первоначального накопления, феодализм, логически вытекая из движения примитивного натурального хозяйства, исторически нередко возникает при помощи того или иного вида насилия, чаще всего завоевания. О роли варварских или кочевых завоеваний в становлении феодализма во всей Евразии говорилось во вступлении к главе I. У товарного производства есть свой потолок — строй, который получил название «капитализм». У натурального производства тоже есть свой потолок — феодализм. Полное развитие экономических и социальных отношений первобытного строя, приводящее к изменению его сущности, к перерождению равноправных отношений в эксплуататорские, есть логический путь развития феодализма, подобно тому как полное развитие товарных отношений есть логический путь развития капитализма.

К.Маркс не сформулировал положения о значении дара — отдара, потому что сама эта форма социальных связей была открыта и проанализирована значительно позднее, М.Моссом. Но в разделе о товарном фетишизме Маркс делает яркие замечания, свидетельствующие, что интуитивно он подходил к мысли о продуктообмене и дарении как основе средневековой социальности. Аналогией товарооборота в средние века он

9 Там же, т.46, ч.1, с.13.
10 Там же, с.192.
11 Там же, с.41.
12 Там же, т.23, с.87.

считал «кругооборот... натуральных служб и натуральных повинностей»: «...перенесемся в мрачное европейское средневековье. Вместо нашего независимого человека мы находим здесь людей, которые все зависимы — крепостные и феодалы, вассалы и сюзерены, миряне и попы. Личная зависимость характеризует тут как общественные отношения материального производства, так и основанные на нем сферы жизни. Но именно потому, что отношения личной зависимости составляют основу данного общества, труду и продуктам не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму. Они входят в общественный кругооборот в качестве натуральных служб и натуральных повинностей. Непосредственно общественной формой труда является здесь его натуральная форма, его особенность, а не его всеобщность, как в обществе, покоящемся на основе товарного производства»[13].

Итак, личная зависимость является основой феодализма в том же смысле, в каком товарная, безличная связь является основой капитализма. Это значит, что, во-первых, феодализм возникает из отношений всеобщей зависимости, как капитализм — из отношений всеобщей отчужденности. Во-вторых, для успешного функционирования феодализма нужно, чтобы сохранялась форма «взаимности» услуг, подобно тому как для капитализма нужно, чтобы работала формула «каждый за себя». В-третьих, мистика, окружающая отношения классов при феодализме (понятия «долга», «верности», отечески-сыновняя фразеология), функционально соответствует тому фетишизму, который облекает рыночные отношения людей.

Из натуральности как основы хозяйствования вытекает вторая основная черта феодализма — его ориентация на деревню, маргинальность города и городских отношений. Под «феодальным городом» чаще всего понимается та конкретная форма, которую город приобрел в ряде стран Западной Европы в некий ограниченный период средних веков, город-коммуна. Слов нет, город-коммуна несет на себе глубокую печать феодальности — статусность и корпоративность организации социальной и экономической жизни. Но, во-первых, такого города не было в других странах, признаваемых ныне бесспорно феодальными, а во-вторых, город-коммуна не вписывается в теоретическую модель даже западноевропейского феодализма, поскольку, например, он не включен в систему рентных отношений.

Город-коммуна — это специфика «перезревшего» западноевропейского феодализма, явление, двойственное по природе. С одной стороны, производство цехового мастера — в основе не феодально[14], ремесло как отрасль — более высокий уровень производства, чем индивидуально-крестьянское сельское хозяйство[15]. Горожане западноевропейского города — это «класс», оторвавшийся «от феодальных связей», противостоящий «существующим отношениям»[16]. «Отделение города от деревни» в средневековой Западной Европе «можно рассматривать... как начало независимого от земельной собственности существования и развития капитала»[17], а «городской труд средневековья... является подготовительной школой для капиталистического способа производства»[18]. С другой стороны,

---

[13] Там же.
[14] Там же, т.25, ч.1, с.194; т.46, ч.1, с.100.
[15] Там же, т.46, ч.1, с.490.
[16] Там же, т.3, с.53.
[17] Там же, с.50.
[18] Там же, т.26, ч.3, с.451.

само существование «класса горожан» было обусловлено феодализмом[19], средневековая буржуазия имела «феодальный способ существования»[20], «капитал в этих городах был естественно сложившимся капиталом... сословным капиталом... в цехах между подмастерьями и мастером существовали патриархальные отношения»[21].

По логике чисто феодальная организация ремесла заключалась бы в прикреплении ремесленника к профессии и к заказчику, в личной зависимости ремесленника, аналогичной личной зависимости крестьянина. Но в Западной Европе некоторые факторы помешали формированию ремесла полностью по феодальному образу и подобию. Маркс выразил это так: осуществляемое мануфактурой «превращение частичного труда в жизненное призвание одного человека соответствует стремлению прежних обществ сделать ремесла наследственными, придать им окаменевшие формы каст или — в том случае, когда определенные исторические условия порождают изменчивость индивидуумов, не совместимую с существованием каст, — форму цехов»[22]. Эта мысль К.Маркса раскрывает не только его понимание цехов, но и инитуитивно нащупываемое им расхождение между феодализмом как исторической схемой, моделью, с одной стороны, и западноевропейской средневековой реальностью — с другой. Вопреки тому, что наука в то время не знала никакого иного феодализма, кроме западноевропейского, К.Маркс здесь отделяет «феодализм вообще» от западноевропейской его специфической разновидности. Повторим эту мысль: «прежние общества» стремились сделать ремесла наследственными, придать им «окаменевшие формы», но не всем «прежним обществам» это удалось. В Западной Европе «определенные исторические условия» породили такую «изменчивость индивидуумов», что обществу удалось придать ремеслам форму не кастовой системы, а лишь форму цехов, которая отвечала идеалу «прежнего общества» не в полной мере. Упрощая и огрубляя эту мысль, мы можем заключить, что цехи — это полуфеодальная организация ремесла.

Из изложенного вытекает следующая важнейшая черта предкапиталистического общества, которой К.Маркс посвятил много внимания, — «всеобщея связанность», «личная зависимость», «общность» (Gemeinwesen) как форма общественной структуры. Та или иная форма «общности» — либо родовая (племенная), либо классовая связь типа господства-подчинения — характерна для всех докапиталистических обществ. Феодальная «общность» имеет свои особенности. У Маркса иногда она служит синонимом корпоративности, общинности[23]. Этим термином, например, обозначается класс феодалов, нередко имевший, как известно, корпоративное или общинное строение[24].

Однако тот же термин «общность» применяется и к комплексу отношений, связывающих и феодалов и крестьян, как синоним «всеобщей зависимости». Например: «Господство собственника над несобственником может опираться на личные отношения, на тот или иной вид общности

---

[19] Там же, т.10, с.431.
[20] Там же, т.4, с.328.
[21] Там же, т.3, с.56.
[22] Там же, т.23, с.352. В одной из ранних работ К.Маркс непосредственно приравнивает «примитивный феодализм» к «кастовому строю» (там же, т.1, с.125–126).
[23] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т.46, ч.1, с.17, 18, 106, 107
[24] Там же, т.3, с.22; см. также с. 35, 62, 63, 66.

(Gemeinwesen)»[25]. В известном смысле не только крестьянин зависит от феодала, но и феодал от крестьянина. Земля принадлежит феодалу. Но и феодал принадлежит земле[26].

«Всеобщая зависимость» — это и есть специфически феодальная форма «общности». Для феодализма характерны большое количество и дробность статусов, отсутствие резких граней, разрывов социальной ткани, размытость классовых границ, хотя в то же время степень дифференцированности верха и низа социальной лестницы бывает огромна. Этими чертами феодализм, видимо, отличается от рабовладельческого общества с его резким распадением общества по крайней мере на два полюса: свободных и рабов, или граждан и неграждан. В рабовладельческом обществе (если взять классический образец Афин) все люди равны, но рабы — не люди. В феодальном же обществе все люди — люди, но все они не равны.

Феодальная «общность», конечно, обычно вполне исторична, а не непосредственно унаследована от первобытности; искусственная, а не естественная; социальная, а не племенная. Хотя вновь возникшая феодальная «общность» через несколько поколений приобретает облик извечности и естественности, она все же обычно отличима от племенной, в частности способна к перестройкам в зависимости от конкретно-исторических событий.

«Общность» феодальная может быть также расшифрована как нерасчлененность социальных функций. Землевладелец — он же и управитель, он же и судья. Крестьянин — он же и работник в чужом хозяйстве, он же и ополченец и т.д. Господствующий класс непосредственно в лице своих представителей составляет государство, армию и судебную систему[27]. Лишь с генезисом капитализма, «благодаря высвобождению частной собственности из общности (Gemeinwesen), государство приобрело самостоятельное существование наряду с гражданским обществом и вне его»[28].

Основой феодализма служит собственность на землю. Этот тезис принадлежит К.Марксу[29], однако с тех пор, как уже говорилось, он был предельно извращен. Понимание этого тезиса представляет трудность в связи с тем, что Маркс употреблял слово «собственность» в нескольких смыслах: 1) производственные отношения в целом; 2) право собственности, в юридическом смысле; 3) имущество, материальные объекты; 4) синоним феодального господствующего класса (как «капитал» он употреблял иногда в качестве синонима класса капиталистов, а «труд» — в качестве синонима рабочего класса). Эта многозначность уже хорошо исследована в марксоведческой литературе, поэтому здесь аргументацию мы можем опустить. Важно лишь не смешивать эти разные значения, в частности не подставлять юридическое понимание собственности в формулировки, где она имеет экономическое значение. Между тем такая подстановка постоянно происходит, например в формулировках типа «собственность — основа производственных отношений». Здесь собственность отделяется от производственных отношений в качестве «основы» последних. Но отдельная категория собственности существует лишь в праве, а не в экономике. Маркс предостерегал, что попытка

[25] Там же, т.3, с.65.
[26] Там же, т.42, с.81.
[27] Там же, т.23, с.344.
[28] Там же, т.3, с.62.
[29] Там же, т.6, с.258; т.47, ч.1, с.199.

определить собственность как «независимое отношение» ведет к «метафизической и юридической иллюзии»[30].

Юридический подход к собственности проявляется тогда, когда хотят отделить «феодальную земельную собственность» от «феодальной собственности на работника производства» и от «собственности работников на средства производства» помимо земли. Маркс прекрасно знал о роли феодальной личной зависимости, более того, как мы видели, иногда даже ставил (неправомерно) знак равенства между «крепостничеством» и «феодализмом». Он также неоднократно подчеркивал права эксплуатируемого класса не только на хозяйство, но и на землю. Однако он ни разу не «дополнил» феодальную собственность на землю собственностью на личность производителя и правами этой личности. Для него понятие «феодальная земельная собственность» обнимало все отношения феодала и крестьянина, включая все виды личной зависимости, а также «свобод», имевшихся у производителей. Для него эти составные части настолько сливались, что он не видел противоречия между формулировками о земельной собственности как основе феодализма, с одной стороны, и о том, что феодализм и рабовладение «покоятся на... непосредственных отношениях господства и подчинения»[31]. Распоряжение землей феодалом и личная зависимость крестьянина составляли, с его точки зрения, нерасторжимый комплекс. Напротив, юридически мыслящему уму выражение «собственность на землю» говорит только о земле.

Юридический подход к проблеме собственности, незримо преобладающий в исторических исследованиях, не столь уж вреден, когда изучаются общества, в которых право более или менее адекватно отражает экономические отношения. Однако в других случаях, когда юридические нормы расходятся с экономическими отношениями, юридический подход может приводить к ошибкам. Это относится ко многим раннефеодальным обществам Европы и к древнему и средневековому Востоку, когда эксплуатация мелких собственников осуществлялась в форме даней или налогов. Юридический собственник средств производства не играл роли собственника в экономических отношениях. Выводы, основанные на анализе права в таких обществах, окажутся неправильными.

Собственность в экономическом понимании — это производственное отношение, т.е. «отношение индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда»[32]. «Феодальная земельная собственность» — это не собственность феодалов. Это совокупность отношений по поводу земли и продукта земледелия между двумя основными классами. Однако организация общества в целом накладывает часто отпечаток и на юридическое оформление собственности. Так, даже развитое (в рамках феодализма) право частной собственности представляется с точки зрения отношений товарного хозяйства «неразвитой, половинчатой частной собственностью»[33]. Оно ограничено сверху — регулированием или просто властью господствующего класса в целом (государства) и обязанностью по отношению к нему[34]. Оно ограничено также и снизу — со стороны вассалов и крестьян, которые имели обычно-

[30] Там же, т.4, с. 168, 318; т.16, с.26; т.27, ч.406; т.42, с.106.
[31] Там же, т.23, с.89, 157.
[32] Там же, т.3, с.20.
[33] Там же, т.42, с.106.
[34] Там же, с.62; т.23, с.734.

правовые гарантии существования[35]. С другой стороны, вопреки всем этим ограничениям, права феодала на землю были гораздо шире, чем права иного, «полного» и «абсолютного», но нефеодального земельного собственника. Он был не только агентом производства и получателем прибавочного продукта, но и государем, господином. Важнейшим показателем феодального характера земельных отношений является наличие у собственника известной власти над жителями его имения или феода[36].

Та же двуединая разница характеризует юридическое положение крестьян как агентов производственных отношений, если их сравнивать с капиталистическими наемными рабочими. Рабочий свободен в двух смыслах — от личной зависимости и от владения средствами производства. Феодальный крестьянин в тех же двух смыслах зависим. С одной стороны, «в условиях крепостной зависимости работник является моментом самой земельной собственности, наравне с рабочим скотом является придатком к земле»[37]. С другой стороны, для феодализма необходимо, чтобы работник владел своими условиями производства (в качестве ли собственника, арендатора или наследственного владельца надела и т.д.)[38].

Таким образом, выражение «феодальная собственность на землю» требует для своего адекватного понимания определенных усилий, отказа от стереотипного понимания слов. Под собственностью на землю имеется в виду здесь также власть (именно типа государственной) над населением и распоряжение (в той или иной степени) работником на земле. А под землей в данном случае нередко не имеется в виду земля как объект хозяйства. Право же включает в себя непременно и обязанности.

Подчеркивание комплексности объекта и содержания феодального права собственности имеет в виду критику прежде всего широко распространенного бесхитростного буквального понимания собственности на землю как отношения по поводу конкретного участка. Спор о том, что является основой феодализма — собственность на землю или внеэкономическое принуждение, однажды уже, как упоминалось, «окончательно» решенный И.В.Сталиным, но потом разгоревшийся с новой силой, был бы беспредметен, если бы сторонники «собственности на землю» понимали под ней рентные отношения. Однако практически в ходе спора под «собственностью на землю» стали понимать право распоряжения материальным объектом. При таком понимании от феодализма как специфической формации ничего не оставалось, большинство феодальных стран становились «недоразвитыми» в феодальном отношении и сторонники «личностных отношений» оказывались, несмотря на неточность применявшейся ими терминологии, более близкими как к исторической реальности, так и к теории формаций.

Экономическим содержанием собственности является рента. Если мы понимаем феодальную собственность как экономические отношения двух классов, значит, она синонимична рентным отношениям[39]. Всякое иное понимание собственности приводит к юридической ее трактовке.

---

[35] Там же, т.11, с.140; т.9, с.222; т.46, ч.1, с.490—493; т.49, с.105.
[36] Там же, т.23, с.344; т.42, с.81.
[37] Там же, т.46, ч.1, с.454.
[38] Там же, т.26, ч.3, с.438.
[39] Там же, т.4, с.170; т.26, ч.2, с.170, 327; т.26, ч.3, с.415.

Марксистская формулировка о господстве при феодализме земельной собственности (в отличие от похожей формулировки, встречавшейся и ранее) возникла именно из осмысления того факта, что в распределении господствует земельная рента. Таким образом, базис феодализма определяется через анализ размеров, формы, способа производства и способа взимания земельной ренты.

По величине феодальная земельная рента определяется как доля, охватывающая весь прибавочный продукт[40]. Однако ряд объективных факторов ограничивает ее размер более узкими пределами. Например, таким ограничителем является специфическая для феодализма цель производства. Постоянная цель деятельности человека — повышение своего социального статуса — при феодализме не достигается автоматически с помощью накопления материальных средств. «Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство»[41]. Эта широко известная цитата должна быть по достоинству оценена. Из нее вытекает, что К.Маркс резко возразил бы против тезиса об извлечении феодальной ренты как «основном законе» феодальной формации и цели феодального производства. Привлечение крестьян на свои земли, а не стремление выжать из каждого из них как можно больше доминирует в намерениях феодала, как они формируются соответствующим социальным строем.

Кроме того, цель производства формируется господством натурального хозяйства. Отсюда вытекает акцент на производство не меновых, а потребительных стоимостей[42], «обеспечение существования отдельного собственника и его семьи, а также и всей общины»[43], отсутствие «безграничной потребности в прибавочном продукте»[44].

Еще один фактор, также сдерживавший рост ренты, — это стремление господствующего класса представить данные эксплуататорские отношения как существующие «от века», непреходящие, необходимость опоры на традицию[45]. Материальный выигрыш, полученный от повышения, скажем, ставок ренты, в долгосрочном плане не компенсирует социальных потерь — разрушения представления о неизменности и священности социальных отношений и всего сущего. «Феодальный землевладелец не стремится извлекать из своего земельного владения максимально возможную выгоду», и именно эта патриархальность отношений окружает «хозяина земли некоторым романтическим ореолом»[46].

Если при капитализме воспроизводство рабочих необходимо вообще, как класса, безотносительно к судьбе конкретных его представителей, то воспроизводство крепостных крестьян интересует каждого феодала конкретно — ему нужно, чтобы конкретные лица, являющиеся его подданными, были воспроизведены в их взрослых детях.

Представления о безудержности феодальной эксплуатации «без чувства, без закона» настолько распространены в советской историографии, настолько часто повторяется, что крестьяне отдавали «не только

40 Там же, т.25, ч.2, с. 264, 346, 356, 357, 362; т.26, ч.3, с.415.
41 Там же, т.23, с.729.
42 Там же, т.46, ч.1, с.472.
43 Там же, с.462.
44 Там же, т.23, с.247.
45 Там же, т.25, ч.2, с.356.
46 Там же, т.42, с.81—82.

необходимый, но и часть прибавочного продукта», что приходится еще раз оговориться: речь сейчас идет о политэкономической категории ренты. Практические повинности и платежи, оброки, барщины и т.п. могут отклоняться от политэкономически законных размеров в обе стороны. Эти отклонения могут быть общими для страны — в одни периоды положение крестьянства в целом ухудшается, в другие — улучшается. Кроме того, бесконечны градации различных феодальных плат и при синхронном срезе.

Вторая черта, характеризующая феодальную земельную ренту, помимо ее размера, — это специфика принуждения к прибавочному труду. При капитализме принуждение к прибавочному труду в основном экономическое, при докапиталистических антагонистических формациях в основном внеэкономическое. Не следует только расшифровывать последнее как «насилие». Как правило, внеэкономическое принуждение, как и экономическое, было косвенным — нравственно-моральным, религиозным, правовым и т.п. Разумеется, в конечном счете решала военная сила или возможность физического принуждения, однако применение этой силы не в одинаковой мере характерно для всех феодальных обществ и может служить одним из критериев их типологизации.

Наконец — о наиболее типичной для феодализма форме ренты из числа трех докапиталистических: отработочной, продуктовой и денежной. Прежде всего следует поставить особняком денежную ренту. Она, по мысли К.Маркса, знаменует переход уже к совершенно иной экономике. Не всякий перевод платежей в денежную форму есть появление «денежной ренты» в этом смысле. Только если «характер всего способа производства более или менее меняется», в состав издержек производства «входят в большей или меньшей мере денежные затраты», появляются развитая торговля, городская промышленность, товарное производство, денежное обращение, начинает действовать закон стоимости — появляется рыночная цена товаров, примерно соответствующая их стоимости, — лишь при этих условиях ренту можно считать «денежной». Иными словами, это не просто «последняя форма», но вместе с тем «форма разложения» докапиталистической ренты[47]. Эти разъяснения нужны для понимания рентных отношений на Востоке, где сравнительно рано многие платежи, прежде всего налоговые, были переведены в денежную форму, однако хозяйство оставалось в основе натуральным: на рынок выбрасывалось ровно столько продуктов, сколько было нужно, чтобы получить монеты для их взноса в казну, денежные затраты, как правило, не входили в издержки производства. Это, согласно Марксу, не денежная рента.

Из двух оставшихся формационно ярче и типичнее продуктовая рента. Именно она предполагает наибольшее число «крестьян, ведущих самостоятельные хозяйства». Отработочная же рента появляется в двух случаях, прямо противоположных по их месту в истории феодализма. Либо хозяйственные связи настолько неразвиты, что нет еще не только рынка товаров, но и кругооборота продуктов, служб и обязанностей и феодалу приходится самостоятельно обеспечивать себя продуктами потребления, — это ситуация, когда еще нет «нормального феодального» рынка или продуктообмена. Либо феодал стремится к интенсификации производства, к экономической выгоде за счет политического веса — ситуация тоже специфическая, появляющаяся при возникновении где-то рядом «первичного» капитализма. Довольно популярный в свое время тезис

---

[47] Там же, т.25, ч.2, с.361-362.

о том, что восточный феодализм отличался от западного тем, что на Востоке не было барского хозяйства и крепостного права, основан на недоразумении. Барское хозяйство ни в теории, ни в практике Западной Европы в средние века не играет роли существенного экономического института, не относится к числу «классически феодальных» феноменов.

Выше изложены черты той модели феодализма, которую имел в виду К.Маркс, выдвигая формационную теорию. Эта модель изложена целиком по тем замечаниям, которые делал К.Маркс по поводу феодализма, когда противопоставлял его капитализму (иногда вместе с рабовладением и первобытностью, иногда в отличие также и от них). Сделаны лишь два добавления, которые как будто бы логически вытекают из всего им сказанного, однако не были в то время сформулированы, — о значении отношений дарения как элементарной клеточки, из которой развиваются феодальные отношения, и о специфике феодальной «общности» как непрерывности социальной ткани. Оба эти добавления, как бы они ни были важны с точки зрения теории феодализма, не меняют того факта, что Марксова модель феодального общества существенно отличается от западноевропейской реальности, даже от той, которая была известна в его время, не говоря уже о том, что стало известно позднее. Совершенно очевидно, что Маркс не относит к феодально-системным элементам частносеньориальную эксплуатацию, иерархическую структуру землевладения, господство военного сословия, цеховую организацию ремесла и город-коммуну, т.е. многие из тех сторон облика западноевропейского средневекового общества, без которых оно немыслимо и о важности которых для данного общества К.Маркс не мог не знать. Следовательно, он опустил их намеренно, так как они, будучи системными для данного общества, не были системными, по его мнению, для «эталонного феодализма».

В характеристиках, данных К.Марксом, отражено то в средневековой Европе, что принципиально противостояло появившемуся там капитализму: натуральность производства и всех других социальных отношений; господство конкретного труда; потребление, поддержание существования как цель производства; установление «всеобщей связанности» через систему взаимных дарений и служб; «общность» в смысле непрерывности социальной ткани общества; «общность» также в смысле нерасчлененности управленческих, военных и эксплуататорских функций; господство отношений земельной собственности, т.е. рентных отношений, характеризуемых господством—подчинением, патриархальностью, «личностным» оформлением, стабильностью, «взаимностью» прав. Нам представляется, что этот эталон можно взять за основу для дальнейших рассуждений о «формационных регионах», для выделения особого западного и особого восточного феодализма, а внутри их — довольно большого количества локальных форм. Мы считаем так не потому, что эта модель принадлежит Марксу и уже потому заведомо правильная, а потому, что она, по существу, всеобща, не европоцентрична и в этом качестве годится для дальнейшего анализа в глобальных масштабах.

Напротив, отнесение К.Марксом азиатских обществ к первому, первобытному этапу развития человечества не может быть принято и должно быть отвергнуто. Причем не только потому, что эта мысль приходит в явное противоречие с ролью азиатских цивилизаций в мировой истории, но еще и потому, что сам К.Маркс не дал такой модели «азиатского общества», которая бы принципиально отличалась от его же феодальной модели.

Конечно, К.Маркс указывает, что Восток отличался господством государственной собственности на землю и рентой-налогом. Тезис о государственной собственности на землю будет рассмотрен по существу ниже. Сейчас следует обратить внимание на другую сторону дела. Как показано ранее, собственность на землю как базисная категория, по Марксу, есть рентное отношение. Следовательно, указания на принадлежность земли индивиду, общине или государству недостаточно для определения способа производства. Требуется еще установить тип использования этой земли, характер ведущегося на ней хозяйства. Но именно при рассмотрении докапиталистической ренты, упоминая несколько раз Восток или Азию, Маркс не дает никакого ключа к пониманию разницы рентных отношений при феодализме и при «азиатском способе производства». Отработочная и продуктовая формы докапиталистической ренты рассматриваются им как институты, одинаково встречающиеся и на Западе, и на Востоке[48]. До денежной же ренты Восток, по Марксу, не дошел. Не только форма, но и содержание докапиталистической ренты на Западе и Востоке были одинаковыми: она выступала как «всеобщая форма прибавочного труда» и предполагала «личную зависимость»[49].

Считая «городской труд средневековья» в Европе «шагом вперед» к капиталистическим отношениям, Маркс противопоставлял ему «азиатскую форму труда и западную форму деревенского труда»[50], которые тем самым попадали в единый этап развития труда.

Наконец, саму организацию общества в виде «общности» (Gemeinwesen) он относит и к Западу, и к Востоку. Именно в значении «общности» как нерасчлененности управленческих, военных и эксплуататорских функций К.Маркс применяет этот термин к Востоку, когда говорит, что там собственником было лицо, «являющееся представителем общины» (Gemeinwesen)[51]. Следовательно, и по этому важнейшему параметру Восток, в формулировках самого К.Маркса, скорее похож на Запад, чем отличен от него. Таким образом, взгляды К.Маркса на Восток противоречивы и мы не можем основываться на них, анализируя средневековые общества Азии.

Итак, возьмем за основу дальнейших рассуждений модель феодализма, выделенную К.Марксом на западноевропейском материале. Такого «эталонного феодализма», как и положено идеальной модели, нигде и никогда не существовало. Европа в любой из периодов средних веков отличалась от этой модели бóльшим развитием частной собственности и рыночных отношений, большей ролью частновладельческой эксплуатации. Что и определило, по всей вероятности, ее более быстрое развитие, успешное преодоление ею феодальной системы и генезис в Западной Европе первичного капитализма.

Отличался от модели и феодализм в странах Востока, но отличия эти не столь значительны, чтобы поставить под сомнение общее соответствие модели.

Субстратом однотипности всех средневековых обществ служит крестьянское хозяйство, на котором строится вся социальная и экономическая структура. Роль сельской общины на Востоке, возможно, была большей, чем на средневековом Западе, однако роль эта проявлялась в социальной структуре, в системе управления, но не в организации

---

48 Там же, с.183–184, 354, 358, 389—390.
49 Там же, с.354; т.26, ч.3, с.451.
50 Там же, т.26, ч.3, с.451.
51 Там же, т.25, ч.2, с.183—184.

хозяйства. Рассуждения на тему о том, что в Европе субъектом экономических отношений был индивидуальный крестьянин и его хозяйство, а на Востоке — община и общинное хозяйство, не основаны на реальном историческом материале и сохраняются лишь по инерции, подобно другим нашим представлениям, уходящим корнями в состояние европейской науки в середине XIX в.

Крестьянское хозяйство, т.е. хозяйство, где одно и то же лицо принимает хозяйственные решения и исполняет их, доминировало повсюду на Востоке в средние века. Правда, нельзя ставить знак равенства между крестьянином и общинником, или налогоплательщиком. Крупные землевладельцы — непривилегированные налогоплательщики — были весьма важной социальной прослойкой во многих странах, и, может быть, именно в этом отличие восточного сельского хозяйства, а не в его большей «общинности».

Преобладание крестьянского хозяйства давало ту степень натуральности, которая характерна для феодализма. Здесь опять нужно сделать оговорку, связанную с распространенным мнением о значительном развитии торговли и товарно-денежных отношений на Востоке, будто бы превосходящем товарность хозяйства в средневековой Европе. Такого рода выводы базируются на сравнении фактов о торговле и денежном обращении на Востоке с априорным представлением о натуральности хозяйства при феодализме. Конечно, трансконтинентальная торговля — очень яркая черта средневекового Востока. Наличие процветающих крупных городов также не подлежит сомнению и также свидетельствует о большой роли товарных отношений. Но эта роль недостаточно изучена в сравнительном плане. Нет никаких данных, которые свидетельствовали бы о том, что воспроизводство крестьянского хозяйства на Востоке было опосредовано рынком в большей степени, чем в Европе. С другой стороны, исследования последних лет показали, что товарность хозяйства в средневековой Европе ранее недооценивалась. Во всяком случае несомненно, что такие характеристики, как фиксированность труда по доходу, содержанию, объему, месту выполнения, постоянство труда и его вознаграждения, сращенность труда с индивидом, к Востоку относятся в большей мере, чем к Западу.

Город на Востоке гораздо более тесно увязан во всю систему феодальных отношений, чем город-коммуна в Западной Европе. Его никак нельзя считать «полуфеодальным», он не представлял собой шага в направлении освобождения капитала от власти земельной собственности, труд городского ремесленника на Востоке нельзя счесть подготовительной школой для капиталистического способа производства.

Конечно, кастовоорганизованное ремесло, делающее вид труда качеством индивида, сращивающее индивида с профессией, следует признать типично феодальным институтом. Это особенность южноазиатской, или индийской, цивилизации, но и в других азиатских цивилизациях можно обнаружить некоторые черты той же сращенности.

Город был вписан в систему рентных отношений. Земля под домами принадлежала, как правило, тем же землевладельцам, что и земля сел, за нее надо было платить такую же ренту, только более высокую. Ремесленники либо были прикреплены к государственным управлениям, либо находились под наблюдением старейшин, поставленных властями. «Цехи», как некоторые исследователи называют *аснафы*, реально были не формой самоуправления, а формой контроля и управления сверху.

«Общность», «всеобщая связанность» в восточных условиях выглядела не так, как в Европе. Она проявлялась прежде всего во всеобщей службе государству. Обработка поля считалась обязанностью его хозяина, его государственным долгом. За пренебрежение этой обязанностью нередко полагались суровые, в том числе телесные, наказания, как минимум — конфискация участка и передача его другому. Еще более «святой» была обязанность платить налог. Отказ от исполнения этой обязанности наказывался как угодно жестоко и довольно единообразно во всех странах Востока. Понятно, на службе государства находились военные (в том числе военные администраторы — в странах Ближнего и Среднего Востока) и гражданские чиновники (главным образом в странах Дальнего Востока). Сам государь нередко рассматривался как слуга государства. В Китае эта его функция была подробно идеологически разработана. Мыслители мусульманского мира нередко называли получаемые государем налоги его жалованьем за то, что он защищает народ. Можно было бы привести и другие примеры, показывающие, что государственные отношения понимались как отношения взаимных обязательств, взаимозависимости.

Однако нельзя все социальные отношения сводить к государственным, как это иногда делается. Государственно ориентированная система на Востоке не могла существовать без «допущения» отношений личной взаимозависимости. Узы личной службы и личной верности скрепляли отношения гулямов-военачальников и их патрона. Огромную роль играли племенные, этнические, земляческие, конфессиональные (в многоконфессиональных государствах) связи, на основе которых формировались патронатные, по сути вассально-сеньориальные структуры. Они были непременной составляющей того социально-политического строя, который обычно называется государственным.

Еще большее значение имели клановые и общинные, тоже в принципе патронатные связи в жизни средних и низших слоев — городских и сельских. Эти связи уже не только не укладываются в обычное понимание государственных, но и прямо противостоят последним. Связи между налогоплательщиками по горизонтали, а также кастовые или клановые связи между населением и представителями господствующего слоя — по вертикали поддерживались именно с целью ограничить безличный и бездушный государственный гнет. Некоторые восточные деспоты, именно те, кто вполне отвечал такому определению, пытались сокрушить эту пассивную, но могучую силу, однако в конечном счете ничего сделать не могли. Устанавливалось определенное модус вивенди между возможностями власти и круговой порукой «безгласных» подданных.

Здесь мы снова обратимся к сельской общине. Если ее роль в производстве обычно переоценивается, то ее значение в социальной организации сельского населения во многих средневековых странах Востока, кроме Индии, недооценивается. Это связано с тем, что она не являлась государственным учреждением и слабо отражена в источниках. Но именно распространенность государственной эксплуатации, слабое развитие крупного частного землевладения приводили к тому, что сельская община на Востоке чаще была самостоятельно возникшей формой организации жизни и самоуправления, чем на Западе, где она нередко формировалась сеньором, вотчинником или помещиком.

Наконец, отношения, вполне идентичные феодальным отношениям вотчинника и зависимого крестьянина, возникали (и со временем,

возможно, развивались) на землях крупных налогоплательщиков. *Дехкане* в средневековом Иране и в Средней Азии; слой, получивший с XVI в. название *заминдаров* или *мирасдаров*, в Индии; «крупные и средние дворы» в Китае; *тхохо* в Корее; *мёсю*, а затем *дзинуси* в Японии нередко являлись эксплуататорами бесспорно феодального типа. Они были «господами» и «отцами» так называемых арендаторов, а по существу — феодально-зависимых крестьян. И их «общность» с более низкими слоями деревенского населения чаще всего и представляет собой то, что называется сельской общиной на Востоке.

«Общность» как нерасчлененность функций политических, экономических и судебных также прослеживается на Востоке, хотя и с исключениями. Государство-феодал, совпадение системы землевладения с системой управления, — эта черта феодализма гораздо ярче проявляется в так называемой военно-ленной системе мусульманских государств, чем даже в системе феодальной раздробленности в Европе.

Л.С.Васильев, обосновывая коренное отличие Востока от Западной Европы, придает большое значение институту «власти-собственности», который будто бы характеризует именно восточную систему эксплуатации. Однако термин «власть-собственность» появился в советской литературе впервые в работах А.Я.Гуревича, который подобным образом определил именно феодальную собственность в раннесредневековой Европе. Власть присуща любой феодальной собственности. Что касается конкретно Западной Европы и России, то институты ленов без земли и «кормлений» суть яркие примеры того, что и в этих обществах были феодальные отношения, базирующиеся на власти, а уже во вторую очередь — на собственности. Впрочем, нельзя отрицать, что «власть-собственность», или верховная собственность, или собственность на территорию с подвластным населением, или собственность на продукт земли или на иной доход, — этот институт, носящий в литературе разные наименования, играл в социально-экономической структуре средневековых государств Востока значительно большую роль, чем в примерно синхронных им обществах Европы.

С другой стороны, следует отметить по крайней мере два серьезных отклонения от типично феодальной нерасчлененности функций, характерных для некоторых стран Востока. Так, в мусульманских странах и в Южной Азии, где господствовало религиозное право, судебные функции отделялись от административных, эксплуататорских и военных и находились в руках профессиональных судей (*кади*) или общинных органов (*панчаятов*). В обществах Дальнего Востока военные и административные функции были разграничены и соответственно военная и гражданская власти находились в руках разных лиц.

Самое же главное отклонение Востока от модели феодализма заключалось в расчленении функций землевладения, расчленении отношений собственности на две сферы — верховную и податную.

Тот комплекс отношений, который часто осмысляется как «государственная собственность на землю», по мнению многих, составляет специфику Востока. Между тем понимают под этим выражением не одно и то же. Для одних государственная собственность означает право государства на землю и взимание налога (ренты) по данному праву. С этим пониманием связано особое внимание к юридическому оформлению, к наличию или отсутствию юридического акта, объявляющего всю землю государственной. Для других основным критерием государственной собственно-

сти служит сам факт взимания налога, и они видят свою задачу в доказательстве того, что налог действительно являлся феодальной рентой, т.е. охватывал весь прибавочный продукт, служил нормальной формой прибавочного продукта. Наконец, под господством государственной собственности нередко понимают сочетание государственных и частных земель и определенное доминирование государственных властей над частными хозяйствами (владениями). Реальное различие экономических и правовых ситуаций в разных странах в разные периоды, а также различное понимание предмета дискуссии часто делают несопоставимыми взгляды, высказываемые специалистами.

Формулировка о государственной собственности на землю на Востоке восходит к К.Марксу, однако она заимствуется и повторяется в марксистской литературе, вырванная из контекста общих представлений К.Маркса о Востоке. Как уже говорилось, К.Маркс считал, что на современном ему Востоке доживают свой век пережитки первой в истории человечества формации, которая впоследствии получила название первобытнообщинной. Подавляющее большинство востоковедов с этим сейчас не согласятся. Но это совершенно иной вопрос. Важно отдавать себе отчет в том, что Марксова «государственная собственность на землю» — это, по существу, принявшая иной облик общинная собственность, это собственность даже и не государства, а «связующего единства», это состояние «отсутствия собственности». Если мы хотим употреблять категорию «государственная собственность», мы должны наполнить ее содержанием, а здесь надо идти от реалий, а не от теоретических положений, выхваченных из системы взглядов, которую мы сейчас не разделяем.

В соответствии с общей направленностью на протяжении многих лет советской востоковедной литературы как можно более сблизить Восток с «классическим» Западом наибольшие усилия прилагались к тому, чтобы отрицать государственную собственность или же умалить ее значение, обосновать процесс ее «разложения» и тем самым приближения «нетипичного» восточного феодализма к «типичному» западному.

Концепция процесса разложения, разделения государственной собственности легла в основу учебников по истории средневекового Востока, подготовленных в МГУ и ЛГУ.

Государственную собственность на землю часто вообще отрицают на том основании, что в источниках зафиксирована индивидуальная, а налог в пользу государства являлся обязанностью подданного-собственника. Кроме того, зафиксированы покупки земли государем у частных лиц. Сторонники такого юридического подхода к проблеме собственности называют права государства на землю просто государственным суверенитетом.

Все же особая роль государства в экономике восточных стран — реальность, и дело заключается лишь в том, чтобы эту роль наиболее адекватно терминологически выразить.

Наличие в восточных странах частного землевладения бесспорно (мнение Ф.Энгельса, что в восточных языках нет слова «землевладелец», оказалось неверным). Речь идет о землевладельце-налогоплательщике, а не о временном держателе права на сбор налога. Вопрос заключается в том, каково было положение этого землевладельца по отношению к государству. Он должен был платить налог (отдельные случаи освобождения от налога не меняют дела), составлявший от $^1/_{10}$ до $^1/_4$ урожая, он должен был так или иначе считаться с распоряжениями государственных чиновников о выращивании определенных культур или даже о сроках полевых работ, он

не имел права оставить землю без обработки. Да, он имел право свою землю продать, в том числе и государю, но никакой конституционной нормы или закона, который хотя бы на бумаге обеспечивал неприкосновенность его прав, не было. Земля могла быть отобрана за недоимку, за необработку и просто так, по «государственной необходимости». Характерно, что «воля царя» во многих древних и средневековых индийских источниках приравнивалась к «воле судьбы» и к погодным и климатическим явлениям.

Называть все эти прерогативы центральной власти «суверенитетом» можно, только сознательно недооценивая данные источников. «Суверенитет» и исторически и цивилизационно имеет весьма различное содержание. Отнюдь не всегда в него входит право на сбор налога, не говоря уже о других перечисленных выше правах, делающих «суверенитет» восточного государства почти безграничным. В этих условиях «государственный суверенитет», или «государственное верховенство над всей территорией государства», — и «верховная собственность государства на землю» практически неразличимы.

Конечно, при этом следует учитывать, что государственная собственность, как правило, не имела юридического оформления, а если имела, то ее могущество выходило далеко за пределы соответствующих законов. Власть государя на землю на Востоке не нуждалась в правовом оформлении, так как была выше права, имела мистическое обоснование, не требовала ни доказательств, ни уточнений.

Главным фактором являлась реальная власть, которая ограничивала частную собственность в такой степени, что выступала в качестве сособственности. Возникала в л а с т ь-с о б с т в е н н о с т ь, которая уже упоминалась, — институт, сочетавший характеристики управления и эксплуатации, в котором ведущая роль принадлежала первому элементу — в л а с т и.

Эту власть следует рассматривать как разновидность собственности потому, что она выступала как имущество, как объект вещного права: права государя на сбор налога и на управление регулярно раздавались военачальникам (как правило, на время) или духовным лицам, религиозным учреждениям («навсегда», «пока существуют земля, солнце и звезды»), передавались, иногда продавались.

Приоритет «власти» в институте «власть-собственность» заставляет поставить вопрос и о несвободе налогообязанного населения по отношению к государству. Это обстоятельство в востоковедной литературе почти не отмечается. Только в исследованиях по Османской империи обращается внимание на прикрепление райятов к получателю налога и к земле. На территории Ирана прикрепление налогоплательщиков к земле отмечается как эпизод лишь в XIII в. Индологи и китаисты уделяют реальной зависимости сельского населения от власти (в лице чиновника или держателя ассигновки на налог) явно недостаточное внимание. Объясняется это тем же, чем объясняется недооценка государственной собственности, — отсутствием юридического оформления. Налогоплательщик-собственник выступает чаще всего как «свободный», тем более что наряду с ним, в его же хозяйстве, имеются зависимые и рабы.

На протяжении же большей части письменной истории наблюдалось отдельное существование частной ренты и налога и соответственно частной ограниченной собственности и верховной государственной власти-собственности. Объекты этих двух собственностей были разными, хотя и тот

и другой можно назвать «землей». Налогоплательщик владел землей как объектом хозяйства и имел на нее собственнические права, ограниченные необходимостью уплаты налога и выполнения распоряжения властей, в том числе и агрономических. Государство обладало собственностью на землю как обрабатываемую территорию вместе с обрабатывающим ее населением. Эту верховную собственность иногда понимали в соответствующих обществах и понимают современные исследователи как право на продукт земли или на налог. Такое понимание также вполне закономерно — оно никак не противоречит тому, что это важный экономический институт, часть производственных отношений.

Что касается попыток представить процесс разложения государственной собственности как приобретение собственнических прав временными держателями права на сбор налогов, то эти попытки не были убедительными. Процесс разложения того или иного государственного механизма, конечно, имел место, и много раз, но на месте распавшегося государства возникало новое, где процесс повторялся. Трудно сказать, накапливались ли элементы частной собственности в руках сменявшихся групп вассалов сменявшихся режимов. Важнее другое — реальное размывание государственной собственности произошло как в колониальных, так и в полуколониальных странах в XIX — начале XX в. не этим путем, а путем постепенного уменьшения государственной и производной от нее эксплуатации (относительного уменьшения налогов), отмены джагиров, тиулей, тимаров и т.п. и приобретения именно податной собственностью статуса единственной собственности.

В соответствии с «двухэтажной» системой собственности на землю рента в странах Востока нередко разделялась на две части — частную ренту и централизованную (или налог). Соотношение между ними установить довольно сложно, есть разные оценки — от деления в пропорции 1:1 до 1:9 в пользу ренты-налога. Официально размер и налога, и доли продукта, остающейся податному собственнику, определялся сверху, тем или иным указом государя. Однако размер феодальной ренты в целом, как и ее двух основных составных частей, на самом деле определялся экономическими законами формации, осуществлявшимися в ходе постоянной борьбы классов и социальных групп.

Преобладание на Востоке государственных форм эксплуатации и осуществление ее временщиками-чиновниками или «военными ленниками», не имевшими личностных связей с населением, по-иному ставят вопрос об ограничениях феодальной ренты, обычно заложенных в феодальном хозяйстве.

Ограничения, действовавшие в хозяйствах податных помещиков, не отличались от типично феодальных: необходимость обеспечить жизненный минимум работникам, сохранить традиционность и патриархальность отношений. Иное дело в отношении налога. Его размер представлялся более произвольным, и история Востока знает немало случаев, когда налоговая эксплуатация была хищнической, подрывала хозяйство.

Однако эти же факты свидетельствуют о неотменимости экономических законов.

Длительное время извлекать из крестьянского хозяйства «не только необходимый, но и часть прибавочного продукта», как это формулируется нередко в сочинениях по восточному средневековью, было невозможно. Экономическая основа государств в таких случаях подрывалась, и государство или по крайней мере господствующая в этом государстве

правящая группа терпели поражение и сменялись другими, которые начинали свое правление обычно с упорядочения налогов.

Стремление к упорядочению, борьба с незаконными поборами, защита налогоплательщика от чиновника были постоянными чертами политики государства. Эта политика в конечном счете оказывалась всегда неэффективной, рано или поздно сборщик налогов, государственный служащий, побеждал государство. Отсюда и постоянные крушения государств, и застойность в экономике, замедлявшая всякое иное развитие. Однако политика ограничения налога, политика постоянной слежки за чиновниками, политика опеки над налогоплательщиком так же неизменно возобновлялась, что свидетельствует об объективности причин самой этой политики, о том, что политэкономические законы существования восточной экономики были в основе такими же, как и законы функционирования феодальной системы. Отсюда распространенные на Востоке царистские настроения, движения не столько против государственной эксплуатации, сколько против лихоимства чиновников, не против налогов, а за «справедливые» налоги, отношение к государю как к «отцу» подданных, подобно тому как помещик в иных системах воспринимался как «отец» крепостных.

Характерная для восточных государств политика привлечения работников на землю, распределения пустующих участков, предоставления льгот новым поселенцам, освобождения их от налогов на срок до трех лет, снижения налогов в случае стихийных бедствий свидетельствует о том, что восточные правители прекрасно понимали, что их могущество зависит от «числа их подданных... ведущих самостоятельное хозяйство».

Таким образом, восточная система рентных отношений (куда в данном случае включаются налоговые) отличалась тем, что была неблагоприятна для развития и для ее преодоления на неких новых путях, но существо ее было таким же, как и в классической модели феодализма.

Для более четкого понимания «восточного феодализма» следует обсудить вопрос о роли в нем внеэкономического принуждения. Уже упоминалось о тезисе об отсутствии на Востоке крепостного права. В ряде работ утверждается, что производитель на Востоке был «свободен», что, естественно, ставит его вне любого феодализма. Отчасти эта проблема затрагивалась выше, но она нуждается в более детальном освещении.

Идея о «свободном крестьянине» возникает, во-первых, из сравнения реалий Востока с умозрительными построениями феодализма, которому будто бы свойственны барское хозяйство и крепостное право. Между тем российскую социально-экономическую систему XVII–XIX вв. нет никаких оснований считать эталонно феодальной. Во-вторых, исследователь часто убежден в «свободе» налогоплательщика-крестьянина потому, что его в этом убеждают источники: это они называют налогоплательщика свободным, сравнивая его с действительно несвободными рабами и крепостными, находящимися на самом дне общества. Да, налогоплательщик свободен, но обязан: 1) обрабатывать землю, 2) платить налог, 3) подчиниться любому распоряжению властей. Вот эта неограниченность власти правом и означала присвоение индивида властью и его гораздо большую несвободу, чем в типично феодальном обществе, где привилегии всех слоев общества зафиксированы если не в законе, так в обычае.

Форма ренты, в том числе и ренты-налога, существенно не отличалась от типично феодальной: абсолютно господствовала натуральная форма. Трудовые повинности, соответствующие в модели феодализма отработочной

ренте, либо не играли большой роли, либо составляли важную, но все же второстепенную часть совокупной ренты. Денежные же платежи, как о том уже говорилось, были по существу своему натуральными, потому что не возникали снизу в результате развития товарности, а декретировались сверху для удобства властей.

Обзор сопоставимости модели феодализма и восточных средневековых обществ подводит, как представляется, к выводу, что модель эта вполне применима. Реальность, как и полагается, была богаче любой модели. Кое-какие отличия от типично феодальных отношений Восток в целом также демонстрирует. Но неоднократно отмечалось, что и Западная Европа не полностью соответствовала модели феодализма (что и позволило ей, как можно предположить, преодолеть эту систему в исторически кратчайшие сроки).

Теперь все же надо сформулировать те черты социального строя восточных стран, которые составляют их особенность.

1. Права индивида существовали и охранялись только по отношению к другому индивиду. Права индивида по отношению к государству отсутствовали. Власть непосредственно присваивала индивида вместе с его возможностями и способностями, а в конечном счете — и с собственностью.

2. Собственность на землю была разделена на две части, каждая из которых была представлена своим классом или социальным слоем и своей системой отношений. Собственность на землю как территорию с подвластным населением, или собственность на налог, находилась в руках правящего слоя, который одновременно составлял административный аппарат. Власть здесь была ведущим фактором, обеспечивающим другие прерогативы собственности. Поэтому кажется вполне правомерным называть эти отношения властью-собственностью.

Собственность же на землю как на объект хозяйства находилась в руках другого слоя, не составлявшего единства с правящим, более того, находившегося с ним в конфронтации. Слой землевладельцев-налогоплательщиков был экономически дифференцирован, состоял как из крестьян, так и из крупных помещиков, но, как правило, сплоченно выступал (конечно, обычно не в масштабах страны, а в локальном, общинном масштабе) за ограничение налога. Противоречия, связанные со сбором налогов, были наиболее острыми противоречиями общества и почти абсолютно затушевывали собственно классовые противоречия, например между крестьянами и безземельными, с одной стороны, и крупными землевладельцами — с другой. Такое состояние основных противоречий в обществе затрудняло выявление классовых интересов и замедлило социальную эволюцию.

3. Специфичный социально-классовый строй с двумя экономически господствующими классами (или, при другой классификации, двумя прослойками господствующего класса), находившимися в отношениях экономической, а нередко политической, т.е. просто вооруженной, борьбы, вызвал к жизни специфическое государство, которое иногда называют восточнодеспотическим. Это определение многих не устраивает, возможно, главным образом по соображениям дипломатическим. Наименование великих цивилизованных государств деспотиями кажется обидным для современных народов, живущих на тех же территориях или являющихся их непосредственными потомками. Многие не приемлют термин «деспотия», потому что придают ему весьма узкое значение. Им кажется, что они

опровергли тезис о деспотии, если доказали, что деспот не был полностью свободен в своих действиях.

Между тем дело, конечно, не в терминах. В случае необходимости можно придать термину соответствующее значение. Дело в том, что восточные государства по своей структуре отличались как от эфемерных европейских государств эпохи феодальной раздробленности, так и от сословных монархий, не говоря уже об абсолютных монархиях. И эта специфика требует терминологического выделения.

Смысл этого отличия уже выражен выше. Индивид был поставлен в бесправное положение по отношению к государству. Да, за сохранение статус-кво стоял обычай, религиозные нормы ограничивали совсем уж безграничный произвол, но статус индивида не был закреплен в точных формулировках права. Более того, бесправие человека возрастало по мере его возвышения по социально-административной лестнице и расширения масштабов его личной власти, а опасность лишиться всего, в том числе и жизни, росла по мере обогащения.

Этот специфический политический строй, видимо, связан с тем обстоятельством, что государственная власть (вместе с властью-собственностью и вместе с большей частью прибавочного продукта страны) находилась в руках узкой прослойки (примерно 10% всех рентополучателей), которая могла рассчитывать только на централизацию, дисциплину и вооруженную силу. Не случайно эта верхняя прослойка нередко оказывалась даже инонациональной или иноконфессиональной по сравнению с массами населения [турки-османы на большей части территории Османской империи, монгольские и тюркские династии в Иране, мусульмане (тюрко- и персоязычные завоеватели) в Индии, чжурчжэни, монголы, а впоследствии маньчжуры в Китае и т.п.]. Государство-класс, или государство как аппарат, оказывалось не выразителем интересов класса феодалов (рентополучателей в целом), а, напротив, структурой, надстроенной над основными классами.

Остальные отличия Востока, и прежде всего медленный темп его развития, как представляется, вытекают из отмеченных выше. Конечно, остается основной вопрос: как возникли эти различия? Ответить на него пока никому не удавалось. Во всяком случае, исходный пункт расхождения Запада и Востока лежит в древности и, следовательно, выходит за пределы тематики этого тома. Мы видели свою задачу лишь в том, чтобы зафиксировать структурное отличие «восточного феодализма», а не прослеживать его генетические корни.

Конечно, «восточный феодализм» — тоже абстракция. Это только обобщение реальных социальных структур, господствовавших в разных «странах» или культурных ареалах. «Восточный феодализм» имеет свою типологию. Можно говорить о ближневосточном типе, или — для данного периода — мусульманском, который имеет свои подтипы в виде османского и мусульманско-индийского. Отличаются от этого типа южноазиатский-индусский и дальневосточный. Последний также внутренне довольно разнообразен, в частности, он имеет такой подтип, как японский, который демонстрирует большую специфику, несомненно сыгравшую свою роль в дальнейшей судьбе Японии в новое и новейшее время. Среди обществ Юго-Восточной Азии также наблюдалось большое количество разнообразных типов. Понять конкретные различия этих типов можно, рассматривая их под углом зрения выраженности в них той или иной феодальной или «восточной» черты, параметра.

Возьмем, например, такой параметр, как глубина государственных прав на землю, т.е. объем отношений верховной собственности, или власти-собственности. В странах Дальнего Востока на определенных, а именно ранних, этапах феодального развития вмешательство в землевладение принимало крайнюю форму надельной системы — формирования государством всей системы землепользования. По крайней мере на бумаге надельная система господствовала в Китае с III по VIII в., в Корее — с VII по X в., во Вьетнаме — в XIII–XV вв. Типологически сюда же можно отнести систему *сактина* в Таиланде XVI–XVII вв.

История классового общества в Японии также началась с надельной системы (VII в.). Однако здесь она в отличие от других стран Дальнего Востока исчезла не только быстро, но и без видимого следа. Аграрные отношения в Японии X–XV вв. уникальны, видимо, не только для Дальнего, но и для Востока в целом. Это время господства частновладельческого феодализма практически без вмешательства государства в землепользование, землевладение и в производство. Усиление государственного регулирования в Японии относится уже к эпохе Токугава, которая рассматривается в следующем томе.

Роль государства в регулировании землевладения на Ближнем и Среднем Востоке также была заметной, но, если можно так выразиться, на порядок меньше. От периода Сасанидов и Халифата сохранились неясные сведения о переписях населения и полей. Позже государства не раз проводили «упорядочения» землевладения, выражавшиеся в конфискации мюльков и вакфов, но регулярно ни в землевладение, ни тем более в землепользование не вмешивались. В Османской империи райяты подвергались переписи вместе с их участками. В этом смысле их землевладение находилось под государственным контролем. Иллюзию упорядоченности землепользования создавала классификация участков на полные *чифты* (*джуфты*, *федданы*), *получифты* и т.п., но реально землепользование не ограничивалось. Ничего близкого к надельной системе Ближний и Средний Восток не знал.

История же Индии представляет пример почти полного невмешательства государства в землепользование и землевладение. Переписей населения и кадастра земель не проводилось, поэтому налог исчисляли не с площади, а с урожая.

Если вычесть те сравнительно краткие периоды и небольшие в масштабах Азии территории, где и когда вводилась надельная система, вообще для средневекового Востока было характерно сочетание трех форм землевладения — двух, в которых выражалась власть-собственность (собственно казенное и основанное на пожаловании государственных прав на землю), и частного или общинного податного. Соотношение этих трех форм было, конечно, неодинаковым.

Частное землевладение, основанное на пожаловании, было наиболее неустойчивым и подвижным. Оно могло быть временным или более постоянным (например, пожизненным или даже наследственным); условным (обычно при условии военной или гражданской службы) или безусловным; более или менее огражденным налоговым и иными иммунитетами. Оно находилось в обратной пропорции с размером казенных земель и силой государства. В мусульманских государствах эта форма землевладения принимала характерную форму, получившую в литературе наименование военно-ленной системы. На Дальнем Востоке система держаний за военную службу и вообще система служебного землевладения не получила такого развития.

Права податных землевладельцев были более постоянными. Они нередко назывались «собственниками» (*малик*, *арбаб*, *заминдар*), и их права практически составляли собственность, хотя и ограниченную необходимостью уплачивать высокий налог и подчиняться аппарату, о чем уже говорилось.

В качестве другого параметра типологизации можно взять социально-статусную систему, или степень сословности общества. Принято считать, что в средние века социальное деление имело форму сословий и более или менее отражало классовую структуру. Это неверно, так как четкое деление европейских обществ на классы-сословия произошло лишь в конце средних веков. Более универсальным и в этом смысле более «типичным» для феодальных обществ следует признать сам принцип сословности, статусности, неравноправия людей, который может иметь разные воплощения.

В Иране и Индии в древности и на заре средневековья существовала простая и четкая сословная система из трех-четырех каст (варн, пиштр), которая, по существу, оформляла классовый состав этих обществ. Но в дальнейшем в обоих регионах эта система стала разлагаться. Появлялись все новые статусные различия в среде как господствующих, так и эксплуатируемых классов. Деление на военную и духовную прослойки осложнялось этническими или этноконфессиональными различиями в среде правящего слоя. В Индии получила уникальное развитие кастовая система с ее сотнями статусов и запутанной иерархией.

Османская империя начинала также с четкого социального деления на привилегированные и податные сословия, но затем многонациональность государства, разложение военно-ленной системы, экономическое расслоение в среде как *сипахи*, так и *райятов* вызвали появление сложной системы социальных статусов.

В мусульманских обществах провозглашавшееся исламом равенство всех правоверных вместе с равным бесправием всех подданных перед лицом государства создавали значительную социальную мобильность. Все это нередко воспринимается исследователями как отсутствие сословности и как нефеодальный принцип построения общества. Однако, как ясно из изложенного выше, статусность была присуща и этим обществам. Конечно, отсутствие наследственности в передаче статусов, титулов являлось существенной особенностью именно мусульманского феодализма.

В Китае принцип наследования статуса все же существовал, хотя и в ослабленном виде. Он в полной мере относился к наследственной титулованной знати, которая регулярно возникала в каждой новой китайской империи, и время от времени применялся и в отношении служилого слоя, «ученых», которые в принципе имели лишь личный статус. Если не считать наследственность обязательным признаком сословия, китайское общество окажется одним из наиболее статусно ориентированных. Степени, чины, связанные с ними привилегии, градации свободы-несвободы непривилегированных сословий — все это создавало крепкую социальную ткань, из которой невозможно было выпутаться.

Видимо, наиболее типичной для феодального социального строя следует признать индийскую кастовую систему.

Если делать какой-то общий вывод о ходе развития обществ Востока в этом отношении, то напрашивается такой — эволюция шла ко все большей зрелости и рафинированию феодального способа организации общества, а не к его преодолению.

Япония и в этом отношении выглядит исключением. Различие статусов внутри господствующего и эксплуатируемого классов, существование промежуточных между ними социальных прослоек в XVI в. были в значительной мере преодолены. Была проведена резкая грань между благородными (самураями) и неблагородными. Все население было разбито на четыре сословия. И их разложение уже стало выводить Японию на пути генезиса капитализма.

Опыт типологии феодальных стран Азии, предпринятый несколько лет назад на основе анкетного опроса специалистов[52], показал, что регион Ближнего и Среднего Востока отличался значительным уровнем развитости (товарно-денежные отношения и промышленное развитие) и шел в целом близко к типично феодальной модели. Регион Китая, также демонстрирующий значительную развитость, в то же время отклоняется от «типично феодальных» форм. Индию характеризуют средний уровень развития и довольно явная выраженность феодальных черт. Страны Юго-Восточной Азии были «слаборазвитыми» даже по азиатским меркам, но в целом близки к феодальной модели. Особенно это относится к бирманско-таиландскому региону, который по большинству показателей ближе к «феодальной модели», чем любой другой регион Востока. К этому надо добавить, что Япония, если бы она была исследована тем же методом, видимо, дала бы наивысшие показатели как «развитости», так и «феодальности». Ясно, что использование феодальной модели для анализа и типологии обществ Азии вполне эффективно и задача заключается в развертывании этой работы всеми имеющимися в распоряжении методами.

---

[52] *Алаев Л.Б.* Опыт типологии средневековых обществ Азии. — Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.

Глава VII

ИТОГИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА НА СРЕДНЕВЕКОВОМ ВОСТОКЕ К КОНЦУ XV в.

(Вместо заключения)

Средние века в истории Востока были по отношению к эпохе древности временем дальнейшего прогресса в различных сферах хозяйственной, общественной и культурной жизни. В это время оказались реализованными некоторые наметившиеся в предшествующий период тенденции, происходили модификация древних институтов и норм, рождение и развитие новых форм социально-экономического бытия; на исторической арене появились и громко заявили о себе безвестные дотоле народы, эволюционировали древние и рождались новые религии и возникавшие на их основе цивилизации.

Становление средневековых обществ происходило асинхронно. Относительно рано этот процесс завершился в Китае, Иране, Индии, Византии, несколько позднее в Корее, Японии, Аравии и еще позднее в Юго-Восточной Азии и Шри-Ланке. Во многих восточных государствах и на их периферии долго сохранялись племенные структуры.

Переход к средневековым формам протекал в одних случаях в рамках существовавших еще в эпоху поздней древности политических образований (Византия, государство Сасанидов в Иране, государство Гупта в Индии). В других случаях он сопровождался политическими потрясениями, катаклизмами, как это было, например, в Китае. В большинстве случаев в этом процессе принимали участие или даже были катализатором «варварские» кочевые племена.

В средние века народы Азии и Северной Африки вступали между собой в экономические, политические и культурные контакты, имевшие результатом обмен опытом производственной деятельности, достижениями технической и научной мысли, идеями.

История Востока была тесно связана также с Европой. Это относится прежде всего к странам Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки, где влияние греко-римской культуры было особенно велико не только в древности, но и в средние века благодаря главным образом существованию Византийской империи, носительницы традиций этой культуры. Арабское завоевание Испании и походы крестоносцев на Восток, основавших здесь свои государства, способствовали взаимодействию культур, хотя контакты между двумя мирами — Западом и Востоком — устанавливались не всегда в результате мирных сношений.

Более систематическими отношения между европейскими и восточными странами становятся с XVI в. Однако именно тогда они начинают приобретать характер отношений неравноправных, отношений между вырвавшейся вперед в своем развитии Европой и эволюционировавшим в русле «традиционализма» Востоком. Торговая экспансия и колониальные

захваты становятся важнейшим фактором и европейской и афро-азиатской истории.

Становление средневековых обществ происходило в различных условиях. Однако общей чертой следует считать рост производительных сил. Он находил выражение в широком распространении и освоении железных орудий, диверсификации орудий труда, в том числе сельскохозяйственного инвентаря, расширении искусственного орошения и совершенствовании ирригационной техники (в частности, во введении во многих местах в эксплуатацию водяного — «египетского», «персидского» — колеса, приводимого в действие энергией животных). Результатом этого были «аграрная экспансия», или значительное расширение культурного ареала за счет невозделываемых прежде земель, появление многочисленных поселений аграрного типа, расширение ассортимента выращиваемых земледельческих культур, в том числе технических. Наличие больших массивов неосвоенных земель и в более позднее время во многих восточных странах (исключая Японию и некоторые другие страны) было причиной преимущественно экстенсивного развития земледелия, что не способствовало быстрому, динамичному развитию производительных сил общества.

Одновременно во многих регионах Востока отмечается упадок древних городов. На судьбе многих из них, обязанных своим процветанием сухопутной или морской торговле с Римом, тяжело отразилось крушение могущественной империи Запада.

Торговля с Византией, наследницей Рима на Востоке, лишь частично компенсировала нанесенный ущерб. На рубеже древности и средневековья исчезли с лица земли многие восточные города. Сохранявшиеся от эпохи древности города были таковыми часто лишь по названию: территория и население их сократились, как и производство и торговля; но и в унаследованных от древности городах рушились характерные для этой эпохи формы собственности и социально-экономической организации производственной деятельности, происходила их сущностная «переплавка», притом что эти города сохраняли преемственность городской жизни.

Упадок многих древних городов был связан непосредственно также и с кризисом древних политических образований, центрами которых они были.

Генезис и развитие феодальных отношений составляли на Востоке, как и в Европе, суть исторического процесса в эпоху средневековья. В этом следует видеть одно из проявлений наиболее общих закономерностей эволюции и единства мирового исторического процесса. Однако неодинаковые итоги развития Востока и Западной Европы к рубежу средневековья и нового времени (XVI–XVIII вв.), а именно разложение феодализма и генезис капитализма на Западе и продолжение медленной эволюции средневековых форм и отношений на Востоке, свидетельствуют о большом своеобразии исторической эволюции западных и восточных обществ. В рамках общей, генеральной модели феодализма со всей очевидностью просматриваются две макрорегиональные (западная и восточная) модели. Правда, говоря о Востоке как особом по отношению к Европе формационном регионе, нельзя упускать из виду существования ряда специфических субрегиональных и локальных вариантов развития в рамках обеих макрорегиональных моделей. Эти варианты развития формировались в результате сложного сочетания и взаимодействия внутренних и внешних исторических факторов. Важным фактором многовариантности развития Востока было огромное разнообразие природных

условий, более или менее благоприятных для развития аграрной экономики, скотоводства или других сфер хозяйственной деятельности человека — торговли, ремесла. Дискретность природной среды — мощные системы гор, пустыни и полупустыни, континентальный характер всего азиатского пространства — затрудняла общение между восточными странами и народами, хотя и не исключала «диффузии» ни общественных форм, ни форм средневекового сознания.

При всем многообразии внутри типологической вариантности «восточного феодализма» этой модели в целом были присущи относительно медленные темпы развития. Можно утверждать, что генезис феодализма в ряде крупнейших стран Востока — Китае, Индии, Иране и Византии — при всей его асинхронности начался раньше, чем в Западной Римской империи, и значительно раньше, чем у народов Центральной, Восточной, Юго-Восточной и Северной Европы. Элементы феодальных форм прослеживаются еще в древневосточных структурах. Весьма протяженным во времени был период становления раннефеодальных обществ Востока, где переход к развитым феодальным отношениям одних народов произошел значительно позднее, чем в Европе, в то время как другие восточные народы не достигли этого уровня вплоть до конца средневековья.

Какие же черты общественной структуры, позволяющие говорить о «восточном феодализме» как особом формационнном регионе, определяли более медленные темпы развития восточных стран, каковы были факторы, внутренние и внешние по отношению к данному обществу, этого явления?

Уместно отметить прежде всего, что генетической подсистемой феодализма на Востоке были первобытнообщинные, патриархальные структуры, хотя они, возможно, постепенно разлагались. Как известно, существование на Востоке в древности рабовладельческой формации является предметом научных дискуссий. Бесспорно, однако, то, что рабовладельческий уклад существовал практически во всех древневосточных цивилизациях. Последнее обстоятельство не могло не оказать влияние на генезис феодальных отношений на Востоке, где элементы разлагавшихся рабовладельческих отношений играли часто не менее значительную роль, чем элементы разлагавшихся первобытнообщинных отношений. Участие элементов разлагавшихся рабовладельческих форм в генезисе феодализма было более значительно в Северной Африке, Иране, Индии, Китае. Значительно меньшую роль они играли в Аравии, в странах Юго-Восточной Азии.

В целом именно преобладание элементов разлагавшихся патриархальных структур в генезисе феодализма придавало этому процессу затяжные формы.

Характерной особенностью общественного строя Востока (хотя и в разной степени для различных стран и народов) была устойчивость общины, преобладающим типом которой во многих странах Востока уже в эпоху древности была сельская община с характерной для нее индивидуальной собственностью (владением) малой семьи на пахотный участок и коллективной — на пустоши и выгоны.

Устойчивость общины была в определенной мере связана с естественными условиямси земледелия: трудоемкость возделываемых культур, зависимость от искусственного орошения, необходимость строительства защитных от наводнений дамб, строительство, ремонт, эксплуатация каналов и других средств ирригации, равно как расчистка джунглей и пр.,

ограничивали индивидуализацию труда, требовали кооперации усилий земледельцев, опосредовали господство коллективных форм их социальной организации и бытия.

Важным фактором устойчивости и «питания» общинных структур была сохранявшаяся на протяжении всего средневековья первобытнообщинная периферия феодальных обществ — внутренняя, представленная оседлыми автохтонными племенами, и внешняя, или кочевая. Длительный, затянувшийся на столетия процесс разложения первобытных общин приводил к появлению новых, переходных к соседской большесемейных общин и патронимических структур.

Устойчивость общинных структур и институционализация общинных норм сдерживали процесс имущественной и социальной дифференциации крестьянства, препятствовали высвобождению индивидуальных прав из оков общинности (коллективизма), в конечном счете придавали известную застойность восточному феодализму. В XVI–XVIII вв. во многих странах Востока могут быть обнаружены лишь элементы разложения общинного землевладения (потеря небольшой частью общинников владельческих прав на землю, переход их земель в руки сельских богатеев, торговцев, ростовщиков и пр.). Ранее всего этот процесс обнаружил себя, видимо, в Японии, где еще в XII–XVI вв. произошел распад надельных общин на государственных землях. Что касается общин, создававшихся на частновладельческих землях, то они пользовались большим самоуправлением, а обложение крестьян было менее тяжелым. Это обстоятельство сыграло, видимо, немаловажную роль в становлении в Японии частной крестьянской собственности, важной предпосылки и показателя кризиса феодальной аграрной системы.

Естественно, что при всех различиях в степени прочности пережитков патриархальных отношений и развития индивидуальных прав последние до конца средневековья в основном оставались в той или иной мере ограниченными коллективными правами общины: в частности, нередко требовалась санкция коллектива на отчуждение путем продажи индивидуального крестьянского владения, за членами общины сохранялось преимущественное право его покупки; сами права индивидуума на землю воспринимались как права члена коллектива.

Автономизм самоуправляющихся соседских общин превращал их в своеобразный инструмент социального сопротивления крестьян феодализирующимся элементам, отдельным, мелким и средним, феодалам. В этих условиях изъятие прибавочного продукта земледельческого хозяйства могло быть обеспечено наиболее эффективно благодаря сильной централизованной государственной военно-административной власти. Государство, в свою очередь, используя общину как фискальную единицу, было немало заинтересовано в сохранении общинного строя и общинных институтов и нередко активно способствовало укреплению общинных норм.

Едва ли не универсальным параметром восточной модели феодализма, опосредованным устойчивостью общинных структур, было и преобладание государственной собственности над частным, или вотчинным, землевладением.

Государство являлось коллективным собственником-эксплуататором: присваивая основную часть прибавочного продукта, производимого в сельском хозяйстве, ремесле, оно в централизованном порядке распределяло его среди представителей правящего класса.

Государственная собственность на Востоке наиболее ярко была выражена в Китае, сначала в рамках надельной системы, затем в форме пожалований за службу; значительную часть господствующего класса представляла бюрократия — государственные чиновники, не обладавшие даже элементами частноправовой власти и получавшие свою долю феодальной ренты в виде жалованья.

Сильными были позиции государственной собственности на Ближнем Востоке, в частности в Османской империи, где государство в определенные периоды выступало в роли огранизатора производства, осуществляло повседневное регулирование земледелия, так же как и ремесла и торговли.

На другом «полюсе» находится Япония, во многих отношениях «выпадающая» из восточной модели. Здесь земли, розданные в условные служебные держания в период раннего средневековья (VII–XI вв.), позднее превратились в наследственные владения. По мнению исследователей, преобладающим типом собственности и эксплуатации в Японии был, как и в Западной Европе, вотчинный (частнособственнический) тип.

Считая государственную собственность универсальным признаком восточной модели общественного строя Востока, историки, однако, расходятся во мнениях о характере, социальной природе ее. Представление о феодализме как отношениях, покоящихся исключительно на частнособственнических началах, приводит ряд исследователей к выводу о нефеодальном характере средневековых афро-азиатских обществ; для дефиниции их используется понятие «государственного способа производства», «азиатского способа производства».

Согласно мнению многих других исследователей, государственная собственность в средневековых обществах Востока была феодальной по своей сути, поскольку реализовалась (как и вотчинная, или частная, собственность) через присвоение прибавочного продукта, изымаемого путем внеэкономического принуждения у наделенных средствами производства (прежде всего землей) и неполноправных в социальном отношении крестьян. Формой реализации государственной собственности была рента-налог, которую следует рассматривать не просто как феодальную модификацию государственных налогов, но как особый вариант феодальной ренты в условиях преобладания государственной собственности. Следовательно, отношения, базирующиеся на частноправовых началах и на государственных началах, — два типа феодальных отношений. Как полагал Л.В.Черепнин, первый тип отношений доминировал в Западной Европе, второй тип отношений (именуемый иногда государственным феодализмом) преобладал на Востоке, а сочетание их было характерно для Руси.

Преобладая на Востоке, государственная собственность не исключала частнофеодальной собственности (типа *милка* во всех странах Ближнего и Среднего Востока, в Средней Азии, Индии, Северной Африке, собственности «сильных домов» в Китае и пр.). Ее существование на протяжении всего средневековья подтверждается источниками, в том числе документами о наследовании, купле-продаже и прочих видах отчуждения.

Становление государственной собственности как коллективной собственности господствующего класса, находившей свое воплощение не в домениальной собственности государя, а в системе служебного землевладения под эгидой государства (военно-ленной системе — держания типа *икта*, *тимар*, *тиул*, *джагир* и др.), было в значительной степени связано с развитием феодализма «снизу», т.е. развитием поначалу частной собственности мелких и средних наследственных феодалов-вотчинников,

родовой аристократии и феодализировавшейся общинной верхушки и т.д. Для упрочения своего статуса и присваиваемых социальных привилегий они нуждались в консолидации и поддержке государства. По мере развития феодализационных процессов эти элементы включались частично в систему феодального служебного землевладения (частично оставаясь за пределами ее), тем самым способствуя конструированию государственной собственности, относительно слабой на заре феодализации, в раннее средневековье, и более выраженной на последующих стадиях развития этой формации. Частично инкорпорировавшиеся в систему феодального серважа, вотчинники (например, *азаты-дахики* в Иране, *ватандары* и некоторые другие категории местных феодальных владетелей – заминдаров – в Делийском султанате и Могольской Индии) служили в войсках, использовались государством для сбора ренты-налога. Как получатели доли в государственной ренте-налоге, исполняющие административные и военные функции, они рассматривались в качестве должностных лиц и одновременно наследственных держателей своих же вотчинных земель.

Учитывая это, можно говорить о том, что государственные права надстраивались над правами частных владетелей, заинтересованных в покровительстве государства или вынужденных подчиниться ему.

Нельзя не учитывать и то, что и сами лица, получавшие служебные держания от государства, проявляли время от времени стремление к приватизации земли, к завоеванию частных прав в отношении населявших ее крестьян (стремление превратить свои держания в наследственные владения, отказ от уплаты государственного налога и исполнения службы). Это в ряде стран Ближнего и Среднего Востока и в Южной Азии проявилось особенно отчетливо в конце XIV–XV в. Весьма симптоматично было само появление под титулом государственной собственности de jure и de facto наследственных, обеленных в налоговом отношении (свободных от государственного налога) служебных держаний (*союргал* в Иране и Средней Азии, *инам* в Делийском султанате и т.д.). Тенденция к приватизации служебных держаний сопровождалась захватом крестьянских земель и развитием (хотя и в ограниченных масштабах) собственного хозяйства владельцев союргалов и проч.

Некоторое развитие частных прав феодальных держателей земли, права и обязанности которых были в ряде отношений сходны с таковыми европейских ленников, не привело, однако, к разложению государственной собственности на Востоке ни к началу XVI в., ни в доколониальный период вообще.

С преобладанием государственной феодальной собственности была связана и специфическая структура господствующего класса. Верхние звенья его были представлены служилой знатью — «чиновничеством», «меритократией». Потомственная аристократия не обладала той же мерой социальной престижности, если не была инкорпорирована в разряд служилой знати.

Важнейшим фактором устойчивости государственной собственности следует, видимо, считать также сохранение как в древности, так и на протяжении всего средневековья специфической структуры (организации) власти — восточной деспотии. Постоянное воспроизводство последней во многом определялось самой историей возникновения огромного большинства восточных империй и государств (пожалуй, кроме Японии), создаваемых усилиями иноэтнической знати (арабами, тюрками, монголами, маньчжурами и т.д.). Чуждая в этнолингвистическом отношении коренному населе-

нию, она только с помощью деспотической государственной структуры могла реализовать завоеванные политические и социальные позиции. Неотъемлемой частью политики, направленной на создание сильных, централизованных деспотий, была политика укрепления государственной и ограничения частной собственности и частных прав феодалов.

Государственная собственность наряду с присвоенными восточным государством функциями регулирования различных сторон экономики, социальной и культурной жизни и, как результат, слабое развитие отношений, основанных на частноправовых началах, обусловили невыраженность процесса индивидуализации личности, важного показателя зрелости и необходимого элемента сложного и многопланового процесса разложения феодального общества.

Слабость интегрирующих и преобразующих потенций феодализма, имевшая на Востоке своим дополнительным фактором отмеченную дискретность природно-географической среды, обусловила определенную «автономию» или изолированность племенного мира от основного потока развития общества. Близкое соседство его с развитыми цивилизациями делало, однако, неизбежным контакты периферии с центром в экономической, социальной и политической сферах. Результаты этих контактов были различными и зависели от многообразных условий времени и места. В одних случаях эти контакты ускоряли процесс социальной стратификации и развития имущественного неравенства у племен, способствовали их политической консолидации и созданию протогосударственных образований с сильным влиянием в их структуре родовых связей; в других случаях установление контроля племен над земледельцами, изъятие у них прибавочного продукта, напротив, консервировали патриархальные отношения в племенных структурах, тормозили социальное расслоение.

Испытывая влияние центра, кочевая периферия, в свою очередь, оказывала мощное воздействие на процессы в феодальном обществе, на саму внутреннюю среду феодальной формации. Племенной милитаризм и экспансионизм определялись особенностями кочевого хозяйства: его заинтересованностью в продуктах земледелия и ремесла, отсутствием (или мизерностью) прибавочного продукта, избыточностью рабочей силы. Миграции и завоевания кочевников на Востоке происходили не только в древний и раннесредневековый периоды (гунны, эфталиты и пр.), как это было в Европе, но и на протяжении всего средневековья и даже нового времени. Мощные волны переселенческих процессов обрушивались на многие страны Востока в XI в. (тюрки-сельджуки) и в XIII в. (монголы). Эти и последующие племенные миграции и завоевания (монголов, туркмен, узбеков, тюрок-османов и др.) кочевников, имевших эффективную, восходящую к родо-племенной структуре военную организацию, приводили непосредственно к разрушению производительных сил в культурных центрах. Практически повсеместно они способствовали сокращению ареалов поливного земледелия, утрате навыков полеводства и культуры пахоты, проникновению скотоводческих систем в традиционно земледельческие районы и их пасторализации. Результатом кочевых нашествий начиная с XI в. был демографический спад во многих азиатских и североафриканских странах.

На протяжении всего средневековья в подавляющем большинстве восточных стран племенные группы представляли решающую силу в создании империй и других более или менее крупных государственных

образований. В социально-политической иерархии этих государств клановая знать занимала доминирующее положение. Опираясь на военную силу племенных ополчений, она присваивала престижные должности в военно-административной системе управления и представляла верхний эшелон власти. Источником богатства этой знати была эксплуатация земледельческого и городского населения путем изъятия ренты-налога и городских налогов на базе военно-ленной системы.

Этнически чуждая местному населению, кочевая знать нуждалась в сугубо деспотическом характере власти и усилении централизации. Известно, например, что при Юанях и маньчжурах в Китае резко усилилась власть императора. Аналогичное явление имело место и в других странах Востока, в частности при монголах Хулагуидах в Иране, при делийских султанах и могольских падишахах в Индии, при Османах в ряде стран Ближнего Востока и т.д. В условиях периодически происходившего укрепления деспотической централизованной власти тенденция к разложению системы служебных держаний под эгидой государства оказывалась неустойчивой, приобретала циклический характер. Феодальная анархия и раздробленность XV в., как результат усиления частного феодального землевладения, в начале XVI в. сменились новым витком централизации, способствовавшей стабилизации феодального общества.

В большом числе восточных государств, созданных силой племен и племенной знати, имело место определенное усиление отношений дофеодального типа. Повторяясь многократно и сопровождаясь перераспределением земельного фонда, племенные завоевания вели к возникновению форм землевладения, являвшихся продуктом синтеза более развитых местных форм с менее развитыми, патриархальными или патриархально-феодальными, существовавшими у пришлых кочевых и полукочевых племен. В течение нескольких веков после монгольского нашествия, видимо самого масштабного и самого разрушительного всплеска кочевого экспансионизма, экономика ряда завоеванных монголами стран не могла подняться над уровнем, достигнутым в X–XII вв. Хозяйство юаньского Китая к 90-м годам XIII в. едва подошло к уровню его в танский период, а Иран достиг домонгольского уровня только в XVI в.

Происходившее на Востоке на протяжении всего средневековья взаимодействие «варварского» и феодального начал стало основным фактором консервации общественных отношений; как отмечал Л.И.Рейснер, восточному феодализму приходилось «тащить» огромный груз полуфеодальной и полупатриархальной «варварской» традиционности, тратить огромные усилия на освоение своей периферии, что резко отличало развитие средневековых обществ на Востоке и в Западной Европе, где несистемные формы практически отсутствовали или не играли той же роли.

Однако миграции и завоевания затрагивали восточные общества в разной степени. Они не коснулись совершенно Японии, что, возможно, в немалой степени определило ее особый по сравнению с другими азиатскими и североафриканскими странами путь развития. Неодинакова была историческая роль этих миграций и завоеваний и во времени. Если в эпоху поздней древности и генезиса феодализма племенные завоевания, установление власти кочевников над земледельческими этносами могли стимулировать, как правило, автохтонные феодализационные процессы, то более поздние волны племенных завоеваний обществ, уже продвинутых в своем феодальном развитии, напротив, придавали этому развитию затяж-

ной характер, способствуя возрождению дофеодальных и раннефеодальных норм и институтов.

Рабство на Востоке в средние века сохранялось как в своих феодальных модификациях, так и в виде особого уклада. Роль его была весьма значительна, хотя и не всегда получала адекватное отражение в источниках, в частности в официальных документах и хрониках. Особенно значительна роль рабовладельческого уклада в раннее средневековье. В Иране при Сасанидах и Халифате (до X в.) рабы находили применение в крупных имениях государства и частных лиц, а также в храмовых хозяйствах. В Японии в VIII–XI вв. число рабов достигало 10–15% всего населения. Формы рабской зависимости возникали также и в условиях кочевого хозяйства. И хотя рабство здесь оставалось патриархальным и архаичным, не выходило за пределы домашнего рабства, жизнедеятельность общества была немало опосредована эксплуатацией рабов.

Рабовладельческий уклад не теряет своего значения на Востоке и в развитых феодальных обществах. Рабов использовали в сельском хозяйстве, на оросительных работах, в ремесле; они пасли казенные и личные стада, добывали на государственных рудниках железо и обрабатывали его, служили в гвардиях феодальных правителей. Основной тенденцией в средние века на Востоке было сокращение применения рабского труда в сельском хозяйстве и ремесленном производстве и одновременно возрастание степени использования его в сфере обслуживания.

Одним из факторов устойчивости рабства были непрерывные крупномасштабные завоевания, и прежде всего те, которые осуществлялись теми или иными племенами и сопровождались захватом в плен и депортацией десятков и сотен тысяч людей. По мнению исследователей, арабское завоевание Ирана и ряда других стран укрепило на известное время терявший свое значение рабовладельческий уклад. В хулагуидском Иране оказались возрожденными, в полном соответствии с «Ясой» Чингисхана, рабско-крепостнические формы эксплуатации в казенных мастерских. Рост числа рабов и ухудшение их положения имели место в Китае при Юанях и позднее при маньчжурах.

Сохранение в средневековых обществах Востока рабства и характерное правовое осмысление этого явления (деление на лично-свободных и лично-несвободных, в дальневосточном праве — *лянжэнь* и *цзяньжэнь*) препятствовали становлению «чистых» классовых категорий феодального общества и развитию присущих ему социальных антагонизмов, в целом тормозили прогрессивную социально-экономическую эволюцию феодальных обществ Востока.

Функциональным элементом феодального общества Востока был средневековый город, фокусировавший в себе основные типологические черты этого общества. Как и европейский город, город на Востоке был связан с определенным уровнем развития производительных сил и феодальных социально-экономических отношений, был индикатором их зрелости. Рост численности городов на Востоке особенно заметен в X–XII вв., когда определенный спад городской жизни периода раннего средневековья сменился бурным ростом промышленной деятельности и расцветом средневековой культуры. Огромные объемы прибавочного продукта от сельского хозяйства создавали благоприятные условия для развития ремесла и других несельскохозяйственных занятий и сосредоточения в городах несельскохозяйственных групп населения.

Как и в Европе, город на средневековом Востоке был местом концентрации частично отделявшегося от земледелия ремесла, торговли и населения. По степени концентрации населения города на Востоке превосходили западные. По современным подсчетам, к концу XVIII в. в них проживало 10–25% населения (в Европе в городах с населением более 10 тыс. человек — всего от 1 до 7%). Восточный город отличали высокий уровень развития ремесла (как по объему и ассортименту изделий, так и по качеству производимой продукции), солидные накопления купеческого капитала. Можно согласиться с тем, что восточный город был даже менее аграрен, чем западный. Мелкотоварное ремесло (хотя оно было не единственной формой социальной организации городской промышленности и существовало параллельно с натуральным производством в правительственных и частных феодальных мастерских, а также с работой по заказу) и товарно-денежные отношения составляли экономическую базу города, являвшегося одновременно местом концентрации и перераспределения феодальной ренты.

Основной фигурой в промышленности средневекового восточного города был ремесленник — самостоятельный в хозяйственном отношении мелкотоварный производитель, собственник орудий, средств производства и изготовленной продукции, а не зависимый работник феодальных мастерских. В связи с концентрацией в городе товарно-денежных отношений именно здесь получали более полное развитие отношения частной собственности, в том числе земельной. Мелкотоварное ремесло и товарно-денежные отношения «не выводили», однако, город за пределы феодальности. Города, даже в средневековом обществе периода его расцвета (или в развитом феодальном обществе), были составным элементом феодальной экономики и социальной структуры (хотя в определенном смысле представляли альтернативу деревне с ее в основном натуральной экономикой). В этом отношении средневековый город мало отличался от европейского.

Однако существует также альтернативная точка зрения, согласно которой средневековый город (и западный и восточный) не являлся элементом феодальной структуры. Сторонники ее исходят из положения об исключительно натуральной основе феодализма, а мелкотоварное ремесло и товарно-денежные отношения трактуются ими как примета разложения феодального общества и зародыш новых, буржуазных отношений. Естественно, что будущие исследователи обратят внимание на необходимость как дальнейших теоретических изысканий, так и конкретных исследований городской тематики, одной из ключевых проблем истории феодализма и генезиса капитализма.

При всем том общем, что можно обнаружить в характере восточного и европейского городов, между ними существовали и немаловажные различия. Отличительной чертой восточного города следует считать высокую степень концентрации здесь феодалов и феодальной власти. Это было следствием преобладания на Востоке сильных централизованных государственных структур и, как результат, того типа аграрных отношений, который характеризуется явлением «абсентеизма» в деревне крупных и средних феодалов, не имевших, как правило, личного хозяйства и проживавших вместе с семьями, челядью и воинскими отрядами в городах.

Являясь, как и европейский город, многофункциональным образованием, восточный город отличался гипертрофированностью одной из его функций, а именно военно-административной. В городах, в зависимости от того,

центром какой административной единицы они были, сосредоточивалась имперская, областная или окружная администрация. Размещавшиеся в городах различные звенья военно-административного аппарата были нацелены главным образом на изъятие у непосредственных производителей — крестьян — ренты-налога, а также городских налогов и на распределение их между государством и должностными лицами. Последние были наделены военно-административной, судебной и полицейской властью, распространявшейся как на город, так и на сельскую округу. Некоторые города вместе с их округами жаловались государством знати и должностным лицам в качестве служебных держаний; городские налоги составляли значительную долю доходов государства и должностных лиц, которым они предоставлялись в жалованье.

Политическое преобладание феодалов в восточном городе усиливалось их экономическими позициями в городе; концентрировавшаяся здесь феодальная земельная рента расходовалась частично на приобретение недвижимости в городе.

В условиях деспотических восточных государств со свойственной им государственной системой бюрократии и преобладания государственной земельной собственности сложился тип восточного города, не знавшего городских вольностей, свобод, коммун. Феодальная централизация, превратив город в цитадель феодализма, привела к утрате остатков внутренней автономии, свойственной многим городам древности. Исключение составляют, пожалуй, немногие города, в частности некоторые североафриканские, пользовавшиеся даже при централизованной власти Фатемидов относительно широкой хозяйственной и политической автономией; деспотизм восточного образца существовал здесь параллельно или в сочетании с патрицианскими республиками и средневековым городским партикуляризмом; определенную автономию в средние века имели немногие японские города (Сакаи, Хаката).

Городские торговые и ремесленные корпорации-цехи и касты в средневековом городе пользовались некоторым самоуправлением. Однако государство осуществляло контроль над рядом сторон их деятельности путем всевозможных регламентаций и монополий, нередко утверждало или назначало глав этих корпораций. Безраздельная власть феодалов в городе препятствовала консолидации сословия горожан.

Лишенный самоуправления, особого политического статуса, собственных финансов и военной основы, город в политико-правовом аспекте был продолжением сельской округи и не противостоял деревне. Статус горожанина и крестьянина не различался кардинально, так как оба были бесправны перед властью деспота.

Все это ослабляло или парализовало антифеодальные потенции восточных городов, исключало возможность превращения их в центры антифеодальной оппозиции. Это было одной из причин того, что восточный город не смог выполнить своей основной исторической миссии — «повести» за собой деревню, и прежде всего втянуть ее в сферу господствовавших в городе товарно-денежных отношений, как это имело место в Европе.

Была, однако, и другая, не менее важная причина этого, а именно высокая норма эксплуатации крестьян, которая обеспечивалась восточно-деспотическим государством с его мощным аппаратом принуждения. Доходившая до $^1/_2$ и превышавшая этот уровень рента-налог и другие многочисленные поборы в сумме охватывали весь прибавочный продукт и временами часть необходимого, затрудняя или исключая расширенное

земледельческое воспроизводство. Такая норма эксплуатации была возможна лишь в специфических природных условиях юга, которые, обеспечивая большую отдачу от вложений труда, допускали мизерность необходимых расходов на поддержание человеческой жизни, т.е. низкий уровень необходимого продукта.

Крайняя бедность крестьян при высоком уровне сельскохозяйственного производства была, видимо, основной причиной того, что крестьяне на Востоке в массе не входили в рыночные отношения в отличие от Запада, где, как отмечал М.А.Барг, в условиях пониженных рент, подолгу застывавших на одном уровне, значительная часть прибавочного продукта присваивалась земледельцем в виде рыночных доходов, не улавливавшихся феодальной рентой. Именно этим в Европе был открыт путь к развитию парцеллярной крестьянской собственности, к социальной и имущественной дифференциации крестьянской деревни, к разложению феодальных отношений собственности.

Существование в восточных городах довольно развитых рынков продовольственных товаров лишь ограниченно стимулировало товарность крестьянского хозяйства, так как основная масса производимой им продукции попадала на рынок не непосредственно из него, а по каналам феодальной ренты-налога. Высокая норма феодальной эксплуатации являлась дополнительным источником силы и власти феодалов над крестьянами, обстоятельством, способствовавшим сохранению феодальной эксплуатации и затруднявшим переход к отношениям капиталистического порядка.

Таким образом, всесильная власть феодального государства и феодалов над городом, с одной стороны, и высокая норма феодальной эксплуатации — с другой, имевшие место в условиях восточного феодализма, чрезвычайно затрудняли втягивание крестьянского хозяйства в сферу товарно-денежных отношений, способствовали сохранению деревни в основном как экономически замкнутого, самодовлеющего организма, покоящегося на внутриобщинном разделении труда между ремеслом и земледелием.

Таковы были факторы относительно медленных темпов развития феодальных структур на Востоке. Тем не менее и здесь, как и в Европе, можно различить два основных периода их развития. Первые века нашей эры были переходным периодом, когда происходил процесс генезиса феодализма. С VII по IX–X вв. восточные общества переживали период раннефеодальных отношений, для которых были характерны натурализация экономики и упадок древних городов (как неизбежный результат прогрессивного процесса «аграрной экспансии»). Этим явлением экономической жизни вполне соответствовала распространявшаяся практика «кормлений», предоставляемых еще не окрепшим, аморфным государством должностным лицам, среди которых — многие представители феодализировавшейся родовой знати и общинных верхов. Преобладающей формой феодального землевладения была мелкая частная феодальная собственность типа европейского манора, основанная на эксплуатации сажаемых на землю безземельных работников и лишь частично — эксплуатации общинного крестьянства. Этот тип собственности возникал, в частности, в процессе так называемой феодализации снизу.

Началом периода расцвета феодализма считается обычно домонгольский период X(XI) — XII вв. К этому времени основным производителем феодальной ренты становятся платящие натуральную ренту общинные

крестьяне и арендаторы, утратившие свою землю в силу тех или иных обстоятельств. Отработочная рента, имевшая распространение в предшествующий период, сохраняется весьма ограниченно; ее модификацией становятся принудительные работы на государство (постройка и ремонт крепостей, дорог и пр., охотничьи и другие повинности). Усиливается централизованное феодальное государство, под эгидой которого складывается военно-ленная система как основная форма феодального землевладения периода развитых феодальных отношений. Иерархически конструировавшаяся собственность, не знавшая на Востоке, как правило, субинфеодации, становится важным условием консолидации различных слоев феодального класса и роста их привилегий и власти над крестьянством. Важнейшим показателем зрелости феодального общества было развитие городов — с их общинно (кастово)-корпоративной структурой, характерной для феодального общества. Огромные достижения в области средневековой культуры позволяют говорить о том, что она достигла своих высот. Развитие ее, как и многих экономических и социальных элементов зрелого феодального общества, было прервано монгольским завоеванием (XIII в.), обусловившим попятные движения и регресс. Спустя десятилетия восстанавливается, но лишь частично, нить общественного прогресса. Однако именно в послемонгольский период, в XIV–XV вв., в условиях непрекращающихся, хотя и менее масштабных, проявлений племенного экспансионизма в подавляющем большинстве восточных стран, становятся особенно заметными замедление общественного развития, появление симптомов консервации и застоя. Это выразилось, в частности, в континууме деспотической формы власти в странах Востока, не знавших и в период расцвета феодальных отношений ни сословно-представительных монархий, ни тем более монархий абсолютистского типа, что являлось отражением незрелости и аморфности социальных групп, не оформившихся в феодальные сословия. Это относится в той или иной степени не только к феодалам, но и к другим социальным группам — крестьянам и городскому торгово-ремесленному населению.

Сохранение наряду с системообразующим феодальным укладом крайне медленно распадавшихся первобытнообщинных (патриархальных) структур, рабовладельческого уклада (оказывавших тормозящее воздействие на развитие экономических, социальных, политических и других форм бытия этих обществ), устойчивость общинных структур и институционализация общинных норм (сдерживавшие процессы имущественной и социальной дифференциации, высвобождения индивидуальных прав из оков общинности, развития парцеллярной крестьянской собственности), преобладание государственной собственности и публично-правовой власти над частным землевладением и частной властью феодалов, безраздельная политическая власть феодалов над городом, ослаблявшая или парализовавшая антифеодальные потенции средневекового города, которому не суждено было выполнить свою историческую миссию, а именно «повести» за собой деревню, обусловили определенное «запаздывание» восточных обществ в их развитии задолго до начала торговой и колониальной экспансии европейцев, открывшей новый этап в судьбах народов Востока, в отношениях Восток—Запад и новую эпоху в мировой истории.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ — Византийский временник. Л., М.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВИ — Вопросы истории. М.
КСИВ — Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. М.
НАА — Народы Азии и Африки. История, экономика, культура, М.
ПВ — Проблемы востоковедения. М.
ППС — Православный палестинский сборник. СПб.
ПС — Палестинский сборник. М.–Л.
СВ — Советское востоковедение. М.
ABORI — Annals of the Bhantarkar of Oriental Research Institute. Poona.
AnOr — Analecta Orientalia. Roma.
AOH — Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae. Budapest.
BBHS — Bulletin of the Burman Historical Society. Rangoon.
BEFEO — Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient. Hanoï.
BSO(A)S — Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies, London Institution (University of London).
DI — Der Islām. Strassburg-Berlin, B.
IC — Islamic Culture. Hyderabad.
IHR — Indian Historical Revue. Madras.
JA — Journal asiatique. P.
JBRS — Journal of the Burma Research Society. Rangoon.
JESHO — Journal of the Economic and Social History of Orient. Leiden.
JIH — The Journal of Indian History. Calcutta.
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. L.
JSS — Journal of the Siam Society. Bangkok.
REI — Revue des études islamiques. P.
WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩИЕ РАБОТЫ

Алаев Л.Б. К типологии феодализма на Востоке. — НАА. 1977, № 4.

Алаев Л.Б. Формационные черты феодализма и Восток. — НАА. 1987, № 3.

Бартольд В.В. Сочинения. В 9-ти т. М., 1963–1977.

Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия в XIII—XVI веках. М., 1982.

Ближний и Средний Восток: Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980.

Бокщанин А.А. Китай и страны Южных морей в XIV–XVI вв. М., 1968.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

Босворт К.Э. Мусульманские династии: Справочник по хронологии и генеалогии. Пер. с англ. и примеч. П.А.Грязневича. М., 1971.

Буддизм и средневековая культура народов Центральной Азии. Новосибирск, 1980.

Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века. М., 1982.

Васильев Л.С. История религий Востока. М., 1988.

Васильев Л.С. Курс лекций по средневековому Востоку (Ближний, Средний, Дальний Восток и Юго-Восточная Азия). М., 1987.

Васильев Л.С. Что такое «азиатский» способ производства? — НАА. 1988, № 3.

Гордон А.В. Крестьянство Востока: Исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989.

Город на традиционном Востоке. Научная конференция, 1988, Москва: Тезисы. М., 1988.

Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987.

Додихудоев Х. Философия крестьянского бунта: О роли средневекового исмаилизма в развитии свободомыслия на мусульманском Востоке. Душ., 1987.

Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985.

Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980.

Ильин Г.Ф. Древность и средневековье: Проблема уровней развития производительных сил. — НАА. 1976, № 6.

Илюшечкин В.П. Проблемы формационной характеристики сословно-классовых обществ. М., 1986.

Ислам: Религия, общество, государство. М., 1984.

Ислам в истории народов Востока. М., 1981.

Историография стран Востока: Проблемы феодализма. М., 1977.

Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. М., 1987.

История Дальнего Востока СССР: От эпохи первобытнообщинных отношений до наших дней. Владивосток, 1980.

История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986.

История стран Азии и Африки в средние века: Учебник для вузов. В 2-х ч. М., 1987.

Качановский Ю.В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? Спор об общественном строе древнего и средневекового Востока, доколониальной Африки и доколумбовой Америки. М., 1971.

Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: Проблемы социальной мобильности. М., 1986.

Ковалевский М.М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. Ч.1. М., 1879.

Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1966.

Конрад Н.И. Избранные труды: История. М., 1974.

Лэн-Пуль С. Мусульманские династии: Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. Пер. с англ. с примеч. и доп. В.Бартольд. СПб., 1899.

Маркс К. Британское владычество в Индии. — Т.9*.
Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии. — Т. 9.
Маркс К. Конспект книги М.Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», часть первая. Москва, 1879. — Т. 45.
Маркс К. Конспект книги Дж. Фира «Арийская деревня в Индии и на Цейлоне». — НАА. 1964, № 1; 1965, № 1; 1966, № 5.
Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. — Т. 46, ч.1.
Машкина И.Н. Китай и Вьетнам в III–XIII вв. М., 1978.
Можейко И.В. 1185 год (Восток — Запад). М., 1989.
Мусульманский мир: 950–1150. М., 1981.
Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1975.
Новосельцев А.П. Страны закавказского и среднеазиатского регионов. — *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972.
Общее и особенное в историческом развитии стран Востока: Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (Азиатский способ производства). М., 1966.
Общественные движения и их идеология в добуржуазных обществах Азии. М., 1988.
Павлов В.И. К стадиально-формационной характеристике восточных обществ в новое время. — *Жуков Е.М.* и др. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979.
Памятники истории и литературы Востока: Период феодализма. М., 1986.
Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий (проблемы исторических контактов). М., 1978.
Петров А.М. Внешняя торговля древней и средневековой Азии в отечественном востоковедении (обзор литературы и попытка нового подхода к исследованию проблемы). — Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока. М., 1986.
Петров А.М. Сухопутная и морская межазиатская внешняя торговля в I–XVII вв. (к вопросу о соотношении). — Вопросы экономики, политики и идеологии стран Азии и Африки. М., 1978.
Пигулевская Н.В. Ближний Восток, Византия, славяне. Л., 1976.
Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Ч.1. М., 1983.
Плетнева С.А. Кочевники средневековья: Поиски закономерностей. М., 1982.
Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М., 1968.
Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологические исследования. М., 1975.
Проблемы социальной истории крестьянства Азии. Вып. 1, 2. М., 1986, 1988.
Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986.
Рейснер Л.И. Восточное средневековое общество в канун колониальной экспансии европейских стран (сравнительно-типологические наблюдения). — Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1986.
Средневековый Восток: История, культура, источниковедение. М., 1980.
Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.
Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1976.
Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1979.
Фурсов А.И. Восточный феодализм и история Запада: критика одной интерпретации. — НАА. 1987, № 4.
The Age of Partnership: Europeans in Asia before Dominion. Honolulu, 1979.
Ashtor E. Histoire des prix et des salaires dans l'Orient médiéval. P., 1969.
Ashtor E. A Social and Economic History of the Near East in the Middle Ages. L., 1976.
Beckingham C.F. Between Islam and Christendom: Travellers, Facts and Legends in the Middle Ages and the Renaissance. L., 1983.
Bingham Woodbridge A.O. A History of Asia. Vol. 1. Formation of Civilizations from Antiquity to 1600. Boston, 1974.

* Работы К.Маркса и Ф.Энгельса в гл. VI и в разделе «Библиография» даны по 2-му изданию их Сочинений.

The Cambridge History of Islam. Vol. 2. Cambridge, 1970.
Chaudhuri K.N. Trade and Civilization in the Indian Ocean: An Economic History from the Rise of Islam to 1750. Cambridge, 1985.
The Encyclopaedia of Islam. New ed. Vol. 1—... Leiden — L., 1960—...
Heyd W. Histoire du Commerce du Levant au moyen âge. Lpz., 1923.
Hodgson Marshall G.S. The Venture of Islam: Conscience and History in a World Civilization. Vol. 1–2. Chicago — L., 1974.
Hourani G. Arab Seafaring in the Indian Ocean. Princeton, 1951.
The Islamic City. Ed. A.H. Hourani and S.M.Stern. Oxf., 1970.
The Islamic City: Selected Papers from the Colloquium Held at the Middle East Centre, Faculty of Oriental Studies, Cambridge, UK, from 19 to 23 July 1976. P., 1980.
Medieval Historical Writing in the Christian and Islamic Worlds. L., 1982.
Moreland W.H. The Ships of the Arabian Sea about A.D. 1500. — JRAS, 1939.
Patterns of Kingship and Authority in Traditional Asia. L., 1985.
Setton K.M. The Papacy and the Levant (1204–1571). Vol. 1. Philadelphia, 1976.
Simkin C.G.F. The Traditional Trade of Asia. L., 1968.
War, Technology and Science in the Middle East. Ed. V.J.Parry and M.E.Yapp. Oxf., 1975.
Wittfogel K.A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957.

РАБОТЫ ПО ОТДЕЛЬНЫМ РЕГИОНАМ

Византия

Источники

Агафий. О царствовании Юстиниана. Пер., ст. и примеч. М.В.Левченко. М.–Л., 1950.
Анна Комнина. Алексиада. Вступит. ст., пер., коммент. Я.Н.Любарского. М., 1965.
Византийская книга Эпарха. Вступит. ст., пер., коммент. М.Я.Сюзюмова. М., 1962.
Византийский земледельческий закон. Текст, исслед., коммент. подготовили Е.С.Липшиц, И.П.Медведев, Е.К.Пиотровская. Л., 1984.
Геопоника. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. Пер. и коммент. Е.С.Липшиц. М., 1956.
Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты в пер. и с примеч. И.С.Перетерского. М., 1984.
Лев Диакон. История. Пер. М.М.Копыленко. Ст. М.Я.Сюзюмова. Коммент. М.Я.Сюзюмова и С.А.Иванова. М., 1988.
Памятники византийской литературы IV–XI веков. М., 1968.
Памятники византийской литературы IX–XIV веков. М., 1969.
Прокопий из Кесарии. Война с готами. Пер. С.П.Кондратьева. М., 1950.
Пселл Михаил. Хронография. Пер. и примеч. Я.Н.Любарского. М., 1978.
Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951.
Critobul din Imbros. Din domnia lui Mahomed all II-lea anii 1451–1467. Bucureşti, 1963.
Ducas. Istoria turco-bizantina. Bucureşti, 1958.
Georges Pachymerems. Relations historiques. Ed., introd. et notes par A.Failler. Vol. 1–2. P., 1984.
Georgii Acropolitae Opera. Rec. A.Heisenberg. Vol. 1–2. Lipsiae, 1903.
Laonici Chalcocondylae Historiarum demostrationes. Rec. E.Darkó. Vol. 1–2. Budapestini, 1922–1927.
Libanii Opera. Rec. B.Foerster. Vol. 1–11. Lipsiae, 1903–1922.
Nicephori Gregorae Byzantina historia. Vol. 1–2. Bonnae, 1829–1830.
Procopii Caesariensis. Opera Omnia. Rec. J.Haury, G.Wirth. Vol. 1–4. Lipsiae, 1962–1964.

Литература

Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
Ангелов Д. Богомилството в България. София, 1971 (на болг. яз.).
Античность и Византия. М., 1975.
Вернер Э. Византийский город в эпоху феодализма: Типология и специфика. — ВВ. 1976, 37.
Византийский временник. В 48-ми т. М., 1947–1987.
Византия и Восток. Л., 1971 [ПС, вып. 23 (86)].
Горянов Б.Т. Поздневизантийский феодализм. М., 1962.

История Византии. В 3-х т. М., 1967–1976.
Каждан А.П. Аграрные отношения в Византии: XIII–XIV вв. М., 1952.
Каждан А.П. Византийская культура: X–XII вв. М., 1968.
Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974.
Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1980.
Культура Византии: IV — первая половина VI в. М., 1984.
Культура Византии: VII–XII вв. М., 1989.
Курбатов Г.Л. История Византии: От античности к феодализму. М., 1984.
Курбатов Г.Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. Л., 1971.
Лебедева Г.Е. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980.
Липшиц Е.Э. Очерки истории византийского общества и культуры VII — первой половины IX в. М.–Л., 1961.
Липшиц Е.Е. Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976.
Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X–XI вв.: Проблемы истории одного столетия: 976–1081 гг. М., 1977.
Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. М., 1974.
Пигулевская Н.В. Византия на путях в Индию: Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв. М.–Л., 1951.
Удальцова З.В. Идейно-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). М., 1974.
Хвостова К.В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии. XIV–XV вв.: Историко-социологический очерк. М., 1968.
Чекалова А.А. Константинополь в VI веке: Восстание Ника. М., 1986.
Ahrweiler H. Études sur les structures administratives et sociales de Byzance. L., 1971.
Ahrweiler H.L. L'idéologie politique de l'empire byzantin. P., 1975.
Ensslin W. The Emperor and the Imperial Administration in Byzantium. Oxf., 1961.
Karayannopulos J. Finanzwessen des frühbyzantinischen Staates. München, 1958.
Köpstein H. Zur Sklaverei im ausgehenden Byzanz. B., 1966.
Laiou-Thomadakis A.E. Peasant Society in the Later Byzantine Empire: A Social and Demographic Study. Princeton, 1977.
Vacalopulos A. The Origin of Greek Nation: The Byzantine Period 1204–1461. New Brunswick, 1970.

Арабы, ислам, Арабский халифат

Источники

Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани. Книга песен. Пер. с араб. А.Б.Халидова, Б.Я.Шидфар. Предисл. А.Б.Халидова. М., 1980.
Ибн Абд ал-Хакам Абд ар-Рахман. Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса. Пер. с араб., предисл. и примеч. С.Б.Певзнера. М., 1986.
Ибн Джубайр. Путешествие. Пер. с араб. Л.А.Семеновой. М., 1984.
Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Н.Велихановой. Баку, 1986.
Насир-и Хусрау. Сафар-намэ. Пер. и примеч. Е.Э.Бертельса. М.–Л., 1933.
Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII века (1113–1115). Под ред. А.С.Норова. СПб., 1894.
ат-Табари Мухаммад. «История» ат-Табари. Избранные отрывки. Пер. с араб., предисл. В.И.Беляева. Таш., 1987.
Усама ибн Мункыз. Книга назидания. Пер. с араб. М.А.Салье. М., 1958.
Хилал ас-Саби. Установления и обычаи двора халифов (Русум дар ал-хилафа). Пер. с араб., предисл. и примеч. И.Б.Михайловой. М., 1983.
Хожение гостя Василия (1465–1466 гг.). — ППС. 1884, т.3, вып. 3.
аш-Шахрастани Мухаммад ибн Абд ал-Карим. Книга о религиях и сектах. Ч. 1. Пер. с араб., введ. и коммент. С.М.Прозорова. М., 1984.
Абу Йусуф. Китаб ал-харадж ли-л-Кади Аби Йусуф Йа'куб ибн Ибрахим сахиб ал-имам Аби Ханифа. Ал-Кахира, 1326/1908 (на араб. яз.).
Баха ад-дин ибн Шаддад. Китаб сират Салах ад-дин. Ал-Кахира, 1317/1899–1900 (на араб. яз.).

Ибн Ийас ал-Ханафи. Китаб тарих Миср ал-машхур би бадаи аз-зухур. Т.1–3. Булак, 1311–1312/1894–1895 (на араб. яз.).

Камал ад-дин ибн ал-Адим. Зубдат ал-халаб фи тарих ал-Халаб. Т.1–3. Димашк, 1951–1968 (на араб. яз.).

ал-Макризи. Ал-Маваиз ва-л-итибар фи зикр ал-хитат ва-л-асар. Т.1–2. Булак, 1270/1853 (на араб. яз.).

Ahmad ibn Ali al-Makrizi. Chronicle Entitled Kitab al-Suluk li-marifat duwal al-muluk. Vol. 1–2. Cairo, 1934–1942.

Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum alliis ed. M.J. de Goeje. Ser. I-III. Lugduni Batavorum, 1879–1901.

Die Chronic des Ibn ad-Dawadari. T.9. Der Bericht über den Sultan al-Malik an-Nasir Muhammad Ibn Qalaun. Hrsg. von H.R.Roemer. Kairo, 1960.

Hilal al-Sabi. Rusum dar al-khilafah. The Rules and Regulations of the Abbasid Court. Transl. from the Arabic with Introduction and Notes by E.A.Salem. Beirut, 1977.

Ibn Iyas al-Hanafi. Journal d'un bourgeois du Caire. Trad. et annoté par G.Wiet. T.1-2. P., 1955–1960.

Ibn Muyassar. Annales d'Egypte. Les khalifes Fatimides. Ed. par H.Masse. Le Caire, 1919.

Ibn al-Qalanisi. The Damascus Chronicle of the Crusades. Extracted and transl. by H.A.R.Gibb. L., 1932.

Ibn al-Qalanisi. History of Damascus 363–555 a.d., being a Continuation of the History of Hilal as-Sabi. Leide, 1908.

Ibn Sasra. A Chronicle of Damascus 1389–1397 by Muhammad ibn Muhammad ibn Sasra. The Unique Bodleian Library Manuscript of al-Durra al-Mudi'a fi l'Dawla al-Zahiriya. Transl., ed. and annot. by W.M. Brinner. Vol. 1–2. Berkeley–Los Angeles, 1963.

Imad ed-din el-Katib el-Isfahani. Conquête de la Syrie et de la Palestine par Salah ed-din. Leyde, 1888.

Kamal ad-Din. Histoire d'Alep. Trad. avec des notes historiques et géographiques par E.Blochet. P., 1900.

Das Leben Muhammed's nach Muhammed ibn Ishāk bearb. von Abd el-Malik Ibn Hischām... Hrsg. von F.Wüstenfeld. Bd. 1–2. Göttingen, 1858–1860.

Liber expugnationis regionum, auctore Imámo Ahmed ibn Jahja ibn Djábir al-Beládsori... Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1866.

al-Maqrizi. A History of the Ayyubid Sultans of Egypt. Transl. from the Arabic by R.J.C.Broadhurst. Boston, 1980.

Stern S.M. Fatimid Decrees: Original Documents from the Fatimid Chancery. L., 1964.

Литература

Али-заде Эльмира Элмар кызы. Восстание зинджей в Аббасидском халифате (869–883). Баку, 1986.

Амин ал-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М., 1962.

Беляев Е.А. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965.

Большаков О.Г. История Халифата. 1. Ислам в Аравии (570–633). М., 1989.

Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII в. М., 1984.

Гольдциэр И. Ислам. Пер. И.Крачковского. СПб., 1911.

Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980.

Заходер Б.Н. История восточного средневековья (Халифат и Ближний Восток). М., 1944.

Жюльен Ш.-А. История Северной Африки: Тунис, Алжир, Марокко. От арабского завоевания до 1830 года. М., 1961.

История и культура Ближнего Востока древнего и раннесредневекового времени. Л., 1986 [ПС, вып.28 (91)].

Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. — Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. В 6-ти т. Т.4. М., 1957.

Медников Н.А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. 1. Исследование; 2. Приложения. СПб., 1897, 1903 [ППС, т.17, вып. 2 (1)–4].

Мец А. Мусульманский Ренессанс. Пер. с нем. и предисл. Д.Е.Бертельса. М., 1973.

Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М., 1982.

Певзнер С.Б. Икта в Египте в конце XIII–XIV в. — Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского: Сборник статей. Л., 1958.

Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV века. Л., 1966.

Пиотровский М.Б. Южная Аравия в раннее средневековье: Становление средневекового общества. М., 1985.
Проблемы арабской культуры. Памяти академика И.Ю.Крачковского. М., 1987.
Прозоров С.М. Арабская историческая литература в Ираке, Иране и Средней Азии в VII — середине X в.: Шиитская историография. М., 1980.
Семенова Л.А. Из истории фатимидского Египта. М., 1984.
Семенова Л.А. Салах ад-дин и мамлюки в Египте. М., 1966.
Шумовский Т.А. У моря арабистики. М., 1975.
Уотт У.М. Влияние ислама на средневековую Европу. Пер. с англ. С.А.Шуйского, авт. предисл. А.В.Сагадеев. М., 1976.
Учок Бахрие.' Женщины-правительницы в мусульманских государствах. Пер. с тур. З.М.Буниятова. Авт. послесл. М.С.Мейер. М., 1982.
Ahsan M.M. Social Life under the Abbasids. 170–289 AH, 786–902 AD. L. — N.Y., 1979.
Ainouz A. Les frontières de l'Empire musulman de 740 au début du X siècle. T. 1–2. Toulouse, 1984.
Ayalon D. Studies on the Mamluks of Egypt (1250–1517). L., 1977.
Bishai W.B. Islamic History of Middle East: Backgrounds, Development, and Fall of the Arab Empire. Boston, 1968.
Burlot J. La civilisation islamique. P., 1982.
Busse H. Chalif und Grosskönig: Die Buyiden im Iraq (945–1055). Beirut, 1969.
Cahen C. Mouvements populaires et autonomisme urbain dans l'Asie musulmane du Moyen Âge. — Arabica. Leiden, 1958, 5; 1959, 6.
Cahen C. Les peuples musulmans dans l'histoire médiévale. Damas, 1977.
Canard M. Byzance et les musulmans du Proche Orient. P., 1973.
Crone P. Slaves on Horses: The Evolution of the Islamic Polity. Cambridge, 1980.
Crone P., Hinds M. God's Caliph: Religious Authority in the First Centuries of Islam. Cambridge, 1986.
Dennett D.C. Conversion and the Poll-tax in Early Islam. Cambridge, 1950.
Dixon 'Abd al-Ameer 'Abd. The Umayyad Caliphate 65–86 (684–705): A Political Study. L., 1971.
Donner F.M. The Early Islamic Conquests. Princeton, 1981.
Ducellier A. Le Proche Orient médiéval: Des barbars aux Ottomans. P., 1978.
Ehrenkreutz A.S. Saladin. N.Y., 1972.
Franzius E. History of the Order of Assassins. N.Y., 1969.
Gabrieli F. Mahomet et les grandes conquêtes arabes. P., 1967.
Gaudefroy-Demombynes M. Mahomet. P., 1969.
Glubb J. The Empire of the Arabs. Englewood Cliffs (N.J.), Prentice-Hall, 1963.
Glubb J. Haroon al Rasheed and the Great Abbasids. L., 1976.
Glubb J. The Lost Centuries: From the Muslim Empires to Renaissance of Europe 1145–1453. L., 1967.
Glubb J. Soldiers of Fortune: The Story of the Mamlukes. N.Y., 1973.
Goitein S.D. Studies in Islamic History and Institutions. Leiden, 1966.
Hamidullah M. Le prophète de l'Islam. Vol. 1. Sa vie. Vol. 2. Son oeuvre. P., 1959.
Hawting G.R. The First Dynasty of Islam: The Umayyad Caliphate AD 661–750. L. — Sydney, 1986.
Hitti P.K. History of the Arabs: From the Earliest Times to the Present. L., 1964.
Holt P.M. The Age of the Crusades: The Near East from the Eleventh Century to 1517. L. — N.Y., 1986.
Holt P.M. The Position and Power of the Mamluk Sultan. — BSOAS. 1975, vol. 38, pt 2.
Humphreys B.S. From Saladin to the Mongols: the Ayyubids of Damascus 1193–1260. Albany, 1977.
Ilisch L. Geschichte der Artuqidenherrschaft von Mardin zwischen Mamluken und Mongolen, 1260–1410 AD. Münster, 1984.
Kennedy H. The Prophet and the Age of the Caliphates: The Islamic Near East from the Sixth to the Eleventh Century. L. — N.Y., 1986.
Konzelmann G. Die grossen Kalifen: Das Goldene Zeitalter Arabiens. München, 1977.
Lapidus I.M. Muslim Cities in the Later Middle Ages. Cambridge, 1984.
Lassner J. The Shaping of 'Abbasid Rule. Princeton, 1980.
Løkkegaard G. Islamic Taxation in the Classic Period. With Special Reference to Circumstances in Iraq. Copenhagen, 1950.
Madelung W. Fatimiden und Bahrainkarmaten. — DI. 1959, Bd. 39.
Mansfield P. The Arab World: A Comprehensive History. N.Y., 1976.
Mantran R. L'expansion musulmane (VII-e — XI-e siècles). P., 1969.

Miquel A. L'Islam et sa civilisation. VII-e — XX-e siècles. P., 1968.
Mohy-Ud-Din A. Abu Bakr. Delhi, 1968.
Mottahedeh R.P. Loyalty and Leadership in an Early Islamic Society. Princeton, 1980.
Newby P.H. Saladin in his Time. L., 1989.
Saunders J. A History of Medieval Islam. L., 1965.
Setton K.M., Baldwin M.W. A History of the Crusades. Vol. 1–2. Madison — L., 1969.
Shaban M.A. The 'Abbasid Revolution. Cambridge, 1970.
Shaban M.A. Islamic History: A New Interpretation. AD 600–750. Cambridge, 1971.
Sourdel D. Histoire des Arabes. 3-ème éd. P., 1985.
Sourdel D., Sourdel J. La civilisation de l'Islam classique. P., 1968.
Stewart D. Early Islam. N.Y., 1967.
Studies on the First Century of Islamic Society. Illinois, 1982.
Wellhausen J. The Arab Kingdom and its Fall. L., 1973.

Иран

Источники

Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда (1030–1041). Пер. с перс., введ., коммент. и прил. А.К.Арендса. М., 1969.
Книга деяний Ардашира сына Папака. Транскрипция текста, пер. со среднеперс., введ., коммент. и глоссарий О.М.Чунаковой. М., 1987.
Сасанидский судебник. Пер. и коммент. А.Г.Периханян. Ер., 1973.
Себеос. История императора Иракла. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII века. Пер. с арм. СПб., 1862.
Тарих-и Систан (История Систана). Пер., введ. и коммент. Л.П.Смирновой. М., 1974.
Гардизи. Зайн ал-ахбар. Берлин, 1928 (на перс. яз.).
Ибн Исфендийар. Тарих-е Табаристан. Тегеран, 1940–1941 (на перс. яз.).
Ибн Хаукаль. Китаб сурат ал-ард. Т.1–2. Лейден, 1938–1939 (на араб. яз.).
ал-Истахри. Китаб ал-масалик ва-л-мамалик. Лейден, 1870 (на араб. яз.).
Куми Хасан б. Мухаммед. Китаб-е тарих-е Кум. Тегеран, 1934 (на перс. яз.).
ал-Мукаддаси. Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акалим. Лейден, 1877 (на араб. яз.).
ал-Мас'уди. Китаб ат-танбих. Лейден, 1894 (на араб. яз.).
ал-Мас'уди. Муруддж аз-захаб. Т.1–9. Париж, 1861 (на араб. яз.).
Хамза ал-Исфагани. Китаб тарих синин мулук ал-ард. Берлин, 1921 (на араб. яз.).
Ammianus Marcellinus. Romische Geschichte. Lateinish und Deutsch und mit einem Komment. versehen von W.Seyfarth. Bd. 1–4. B., 1968–1971.
Markwart J. A Catalogue of the Provincial Capitals of Eraneshahr. — AnOr. 1931, № 3.
Procopii Caesariensis. Opera Omnia. Rec. J.Haury, G.Wirth. Vol. 1–4. Lipsiae, 1962–1964.

Литература

Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. Ер., 1971.
Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. Ч.2. М., 1966.
Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII в. М., 1984.
Брагинский И.С. Иранское литературное наследие. М., 1984.
Гафуров Б.Г. Таджики. М., 1972.
Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958.
История Ирана. М., 1977.
Колесников А.И. Завоевание Ирана арабами (Иран при «праведных» халифах). М., 1982.
Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т.4. М.—Л., 1957.
Крымский А. История Персии, ее литературы и дервишеской теософии. Т. 1–3. М., 1914–1917.
Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран. М., 1987.
Луконин В.Г. Иран в III в.: Новые материалы и опыт исторической реконструкции. М., 1979.
Луконин В.Г. Культура Сасанидского Ирана. М., 1969.
Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья. М., 1980.
Периханян А.Г. Общество и право в парфянский и сасанидский период. М., 1983.
Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. М.–Л., 1960.
Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. М.–Л., 1964.

Пигулевская Н.В. Города Ирана в раннем средневековье. М.–Л., 1956.
Рипка Я. История персидской и таджикской литературы. М., 1970.
Солодухо Ю.А. Концентрация земли и обезземеление мелких землевладельцев в Ираке во II–V вв. — ВДИ. 1947, № 2.
Стори Ч.А. Персидская литература: Био-библиографический обзор. Ч.1–3. М., 1972.
Строева Л.В. Государство исмаилитов в Иране в XI–XIII вв. М., 1978.
Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.
Bulliet R.W. The Patricians of Nishapur: A Study in Medieval Islamic Social History. Cambridge, 1972.
The Cambridge History of Iran. Vol. 3–6. L., 1968–1986.
Christensen A. l'Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1944.
Frye R.N. The Golden Age of Persia: The Arabs and the East. N.Y., 1975.
Frye R.N. Islamic Iran and Central Asia (7th — 12th centuries). L., 1979.
Ghirshman R. l'Iran: des origines à l'Islam. P., 1976.
Henning W.B. The Great Inscription of Sapur I. — BSOAS. 1939, vol. 9, pt 4.
Herzfeld E. Paikuli. Vol. 1-2. B., 1924.
Khan M.S. Studies in Miskawayh's Contemporary History (340–369 A.H.). Ann Arbor (Michigan), 1980.
Lambton A.K.S. Theory and Practice in Medieval Persian Government. L., 1980.
Løkkegaard G. Islamic Taxation in the Classic Period. With Special Reference to Circumstances in Iraq. Copenhagen, 1950.
Maricq A. Res gestae Divi Saporis. — Syria. Damascus, 1958, t. 35, fasc. 3–4.
Minorsky V. Iranica. Tehran, 1964.
Minorsky V. Medieval Iran and Its Neighbours. L., 1982.
Rabino M. Les dynasties du Mazandaran de l'an 50 avant l'hégire à l'an 1066 de l'hégire (572 à 1597–1598), d'après les chroniques locales. — JA. 1936, t. 228, Juillet–Septembre.
Schwarz P. Iran im Mittelalter nach den arabischen Geographen. Bd. 1–9. Lpz., 1896–1936.
Sprengling M. Third Century Iran: Sapor and Kartir. Chicago, 1953.
Spuler B. Iran in früh-islamischer Zeit. Wiesbaden, 1952.
Vielle P. La féodalité et l'état en Iran. P., 1975.

Государства Сельджукидов

Источники

Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда (1030–1041). Пер. с перс., введ., коммент. и прил. А.К.Арендса. М., 1969.
Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-мулька. Пер. с перс. Б.Н.Заходера. М.–Л., 1949.
ал-Хусайни Садр ад-Дин 'Али. Ахбар ад-даулат ас-Селджукиййа. Сообщение о Сельджукском государстве. Изд. текста, пер., введ., примеч. и прил. З.М.Буниятова. М., 1980.
Абу-л-Фазл Мухаммад ибн Хусайн Байхаки. Тарих-и Байхаки. Тегеран, 1324 (на перс. яз.).
Захир ад-Дин Нишапури. Селджук-наме. Тегеран, 1332 (на перс. яз.).
Histoire des Seldjoucides de l'Irâq par al-Bondârî d'après Imâd ad-dîn al-Kâtib al-Isfahânî. Texte arabe. Leide, 1889.
Ibn-el-Athiri Cronicon quod perfectissimum inscribitur. Vol. 1–14. Lugduni Batavorum, 1851–1876.
Sibt ibnül Cevzi. Mir'atu'z-zaman fi Tarihi'l-a'yan. Ankara, 1969 (на араб. яз.).

Литература

Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии в IX–XIII вв. Аш., 1969.
Агаджанов С.Г. Сельджукиды и Туркмения в XI–XII вв. Аш., 1973.
Борназян С.В. Армения и Сельджуки в XI–XII вв. Ер., 1980 (на арм. яз.).
Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.–Л., 1941.
Ходжаниязов Т. Денежное обращение в государстве Великих Сельджуков (по данным нумизматики). Аш., 1977.
Шенгелия Н.Н. Сельджуки и Грузия в XI в. Тб., 1968 (на груз. яз.).
Bosworth C.E. The Ghaznevids: Their Empire in Afghanistan and Eastern Iran. Edinburgh, 1963.
Cahen C. Pre-Ottoman Turkey: A General Survey of the Material and Spiritual Culture and History c. 1071–1330. L., 1968.
Klausner C.L. The Seljuk Vezirate: A Study of Civil Administration 1055–1194. Cambridge, 1973.

Sanaullah M.F. The Decline of the Seljuqid Empire. Calcutta, 1938.

Османская империя

Источники

Византийские историки Дука и Франдизи о падении Константинополя. Пер. и предисл. А.С.Степанова. — ВВ. 1953, 7.

Рашид ад-Дин Фазлуллах. Джӑми-ат-таварих (Сборник летописей). Т.3. Пер. с перс. А.К.Арендса. Баку, 1957.

Халкокондил Лаоник. История (из книги VIII). Пер. и предисл. Е.В.Веселого. — ВВ. 1953, 7.

Хюсейн. Беда'и ул века'и (Удивительные события). Ч.1–2. Изд. текста, введ. и общ. ред. А.С.Тверитиновой. М., 1961.

Литература

Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М., 1983.

Георгиева Ц. Йеничерският корпус как социален феномен в Османската империя. — Военно-исторически сборник. София, 1980, т.49, № 4 (на болг. яз.).

Еремеев Д.Е. Этногенез турок. М., 1971.

Жуков К.А. Османские хроники XV–XVII вв. о создании войск «яя ве мюселлем». — Turcologica. 1986. К восьмидесятилетию академика А.Н.Кононова. Л., 1986.

Жуков К.А. Проблема происхождения тимара в современной историографии. — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XVI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1982.

Жуков К.А. Эгейские эмираты XIV–XV вв. М., 1988.

Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981.

Красавина С.К. Византийский историк Дука о восстании Берклюдже Мустафы. — Общество и государство на Балканах в средние века. Калинин, 1980.

Крымский А.Е. История Турции и ее литературы. М., 1916.

Мейер М.С. К вопросу о происхождении тимара. — Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1979.

Мейер М.С. К периодизации истории Турции эпохи феодализма. — Тюркологический сборник. 1976. М., 1978.

Новичев А.Д. История Турции. Л., 1963.

Новичев А.Д. К истории народного восстания в Турции под руководством шейха Бедреддина Симави (к историографии движения). — Общество и государство на Балканах в средние века. Калинин, 1980.

Новичев А.Д. К истории рабства в Османской империи: Система девширме. — Тюркологический сборник. 1976. М., 1978.

Османская империя и страны Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв.: Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1984.

Петросян Ю.А. Древний город на берегах Босфора. М., 1986.

Тверитинова А.С. Фальсификация истории Турции в кемалистской историографии. — ВВ. 1953, 7.

Цветкова Б. Основни проблеми от историята на Европейския Юго-исток през период на османского проникване (края на XIV — първата половина на XV в.). — Исторически преглед. София, 1974 (на болг. яз.).

Шамсутдинов А.М. К вопросу об образовании Османского княжества. — Труды Московского института востоковедения. Сб. 5. М., 1947.

Babinger F. Fatih Sultan Mehmet ve Italya. — Belleten. Ankara, 1953, cilt 17, № 65.

Babinger F. Das Grabmal des Scheijch's Bedr ed-Din zu Serres. — DI. 1928, Bd. 17.

Barkan Ö.L. Caractère religieux et caractère séculier des institutions ottomans. — Contributions à l'histoire économique et sociale de l'Empire ottoman: Études de O.L.Barkan, etc. Publiées et présentées par I.-L. Bacqué-Grammont, P.Dumont. P., 1983.

Beldiceanu N. À propos du code coutumier de Mehmed II et l'oeuvre juridique d'Ahmed Hersekzade. — REI. 1970, vol. 38, № 1.

Beldiceanu N. Bajazet Ier. — Les hommes d'État célèbres. 3. P., 1970.

Beldiceanu N. Recherches sur la réforme foncière de Mehmet II. — Acte historica. Munich, 1965.

Cahen C. Pre-Ottoman Turkey. L., 1968.

Dalleggio A.E. Trattato tra i Genovesi di Galata e Maometto II. — Veltro. Roma, 1979, anne 23, № 2–4.

Filipović N. Princ Musa e sejh Bedreddin. Sarajevo, 1971.
Hadzibegic H. Glavarina u Osmanskoj drzavi. Sarajevo, 1966.
Inalcik H. The Emergence of the Ottomans. — The Cambridge History of Islam. Vol. 1. Cambridge, 1970.
Inalcik H. Osmanlilarda ateşli silahlar. — Belletin. Ankara, 1957, cilt 21, № 83.
Inalcik H. Osmanlilarda raiyyet rüsumu. — Belleten. Ankara, 1959, cilt 23, № 92.
Inalcik H. Tursun-beg, Historian of Mehmed the Conqueror's Time. — WZKM. 1977, Bd. 69.
Moutafcieva V. De la politique intérieure de Mehmed II le Conquérant. — Acta et Studia Orientalia. Bucureşt, 1967, t. 5–6.
Moutafcieva V. Le vakif — un aspect de la structure socio-économique de l'Empire Ottoman (XVe — XVIIIe s.). Sofia, 1981.
Shaw S. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. 1. Empire of the Gaziz: the Rise and Decline of the Ottoman Empire. 1280–1808. Cambridge, 1976.
Sugar P. South-Eastern Europe under Ottoman Rule. 1354–1804. Seattle — L., 1977.
Turan O. Anatolia in the Period of the Seljuks and the Beyliks. — The Cambridge History of Islam. Vol. 1. Cambridge, 1970.
Turcologica. 1986. К восьмидесятилетию академика А.Н.Кононова. Л., 1986.
Varlık M.C. Germiyan-oğulları tarihi (1300–1429). Ankara, 1974.
Vryonis S. The Byzantine Legacy and Ottoman Forms. — Dumbarton Oaks Papers. Wash., 1969–1970, vol. 23–24.
Werner E. Die Geburt einer Grossmacht. — Die Osmanen. B., 1978.
Wittek P. The Earliest References to the Use of Fire-arms by the Ottomans. — Ayalon D. Gunpowder and Fire-arms in the Mamluk Kingdom. L., 1956.
Wittek P. The Ottoman Turks — from an Emirate of March Warriors to an Empire. — The Islamic World and the West. A.D. 622–1492. N.Y., 1970.

Индия

Источники

Бабур-намэ. Записки Бабура. Пер. М.Салье. Таш., 1958.
Бируни Абу Рейхан. Избранные произведения. Т.2. Индия. Таш., 1963.
Гийасаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию. Пер. с перс. А.А.Семенова. М., 1958.
Законы Ману. Пер. С.Д.Эльмановича, проверенный и исправленный Г.Ф.Ильиным. М., 1960.
История жизни Гиуэн-Тсанга и его странствований по Индии между 629 и 645 гг. нашего летосчисления. Пер. с франц. В.И.Классовского. — Вестник Географического общества. СПб., 1852, кн.1, ч.4, отд.3.
Каутилья. Артхашастра, или Наука политики. Пер. с санскр. М.–Л., 1959.
Книга Марко Поло. Пер. И.П.Минаева. М., 1955.
Никитин А. Хожение за три моря Афанасия Никитина (1466–1472). М.–Л., 1958.
Повесть о браслете (Шилаппадикарам). Пер. с тамильского, предисл. и примеч. Ю.Я.Глазова. М., 1966.
Тирукурал, книга о добродетели, о политике и о любви. Пер. с тамильского Ю.Я.Глазова и А.Кришнамурти. М., 1963.
[*Уринбоев А.*] Абдураззак Самаркандийнинг Хиндустан сафарномаси. Текст на перс. и узб. яз. Таш., 1960.
Абдаллах. Тарих-и Давуди. Алигарх, 1954 (на перс. яз.).
Али Мухаммад-хан Бахадур. Мират-и Ахмади. Т.1. Калькутта, 1928 (на перс. яз.).
Афиф Шамс Сирадж. Тарих-и Фируз-шахи. Калькутта, 1891 (на перс. яз.).
Барани Зия уд-дин. Тарих-и Фируз-шахи. Калькутта, 1861 (на перс. яз.).
Минхадж Сирадж ал-Джузджани. Табакат-и Насири. Калькутта, 1864 (на перс. яз.).
Сирхинди Яхья бин Ахмад Абдуллах. Тарих-и Мубарак-шахи. Калькутта, 1931 (на перс. яз.).
Aiyangar S.K. Sources of Vijayanagara History. Selected and Ed. for the University. Madras, 1919.
Ali Muhammad Khan. Mirat-i Ahmadi. Supplement. Transl. from the Persian by S.N.Ali and Ch.N.Seddon. Baroda, 1928.
Amir Khusrau. I'jaz-i Khusravi. Lucknow, 1876.
Arthasastra of Kautilya. Vol. 1–2. Lahore, 1923–1924.
Beal S. Chinese Account of India. Transl. from the Chinese of Hiuen Tsiang. Vol. 1–2. Calcutta, 1957–1958.
Beal S. Travels of Fa-hian and Sung Sun. L., 1869.

Bird J. The Political and Statistical History of Gujarat. Transl. from the Persian of A.M.Khan. L., 1935.
Brihaspati Sutra or the Science of Politics According to the School of Brihaspati. Ed. with Introduction and English Translation by F.W.Thomas. Lahore, 1921.
Conti Nicolo, de. Viaggi in Persia, India e Giava. Milan, 1929.
Cunningham A. Coins of Medieval India from the 7th Century down to the Muhammadan Conquest. L., 1894.
Elliot H.M., Dowson J. The History of India, as Told by Its Own Historians. Vol. 1–4. L., 1867–1872.
Epigraphia Indica. Vol. 1–37. Calcutta, 1892–1965.
Epigraphia Indo-Moslemica. Calcutta, 1907–1940.
Fa-Hsien. A Record of the Buddhist Countries. Transl. from the Chinese by Li Yung-hsi. Peking, 1957.
Firuz-shah. The Victories of Sultan Firuz-shah of Tughluq Dynasty. English Transl. of «Futuhat-i Firuz-shahi» by N.B.Ray. — IC. 1941, № 4.
Forbes A.K. Ras Mala, Hindoo Annals of the Province of Goozerat in Western India. Vol. 1. L., 1856.
Harṣa-caritā of Bāṇa. Transl. by E.B.Cowell and F.W.Thomas. L., 1929.
Harṣacharita of Bāṇabhaṭṭa with the Commentary of Çankara. Ed. by K.B.Parab. Bombay, 1937.
Ibn Battuta. Travels in Asia and Africa, 1325–1354. Transl. and Selected by H.A.R.Gibb. L., 1929.
The Institutes of Narada Together with Copious Extracts from the Naradabhashya of Asahāya and other Standard Commentaries. Ed. by J.Jolly. Calcutta, 1885.
The Institutes of Vishnu. Transl. by J.Jolly. Oxf., 1880.
The Jataka, or the Buddha's Former Birth. Ed. by E.B.Cowell. Vol. 1–6, Index. Cambridge, 1900.
Kādambari of Bāṇa with the Commentary by M.R.Kale. Bombay, 1928.
Kalhana. Rajatarangini of Kalhana. Transl. by M.A.Stein. Westminster, 1900.
Kātyāyana Smṛti on Vyavahāra (Law and Procedure). Ed. with reconstituted text, transl., notes and introduction by P.V.Kane. Bombay, 1933.
Lekhapaddhati. Ed. by Ch.D. Dalal and G.K.Shrigondekar. Baroda, 1925.
Major B.H. India in the Fifteenth Century. Being a Collection of Narratives of Voyages to India in the Century Preceding the Portugese Discovery of the Cape of Good Hope, from Latin, Persian, Russian and Italian Sources, now First Translated into English. L., 1857.
The Nitisara of Kamandaka. With Commentary of «Ayamangala of Sankarachatya». Ed. by T.Ganapati Sastri. Trivandrum, 1912.
Nuniz F. Chronicle of Fernano Nuniz. — *Sewell R.* A Forgotten Empire (Vijayanagar). L., 1924.
Paes D. Narrative of Domingo Paes of the Things which I Saw and Contrived to Learn Concerning the Kingdom of Narasimga. — *Sewell R.* A Forgotten Empire (Vijayanagar). L., 1924.
Pires Tome. The Suma Oriental of Tome Pires (1512–1515). Vol. 1–2. Ed. and transl. by A.Cortesao. L., 1944.
Phillips G. Mahuan's Account of Cochin, Calicut and Aden. — JRAS, 1896.
[*Phillips G.*] Mahuan's Account of the Kingdom of Bengala (Bengal). — JRAS, 1895.
Prabadhacintāmaṇi of Merutuṅga. Ed. by J.Muni. Santiniketan, 1933.
Ramayana of Valmiki. Pt 1–2. Bombay, 1888.
[*Sastri K.A.N.*] Sources of Indian History with Special Reference to South India. Bombay, 1964.
Selections from the Sacred Writings of the Sikhs. Introd. by S.Radhakrishnan. L., 1960.
Sikandar Bin-Muhammad. Mirat-i Sikandari. English transl. by E.C.Bayley (Local Muhammadan Dynasties). Gujarat–L., 1886.
Yājnavalkyasmṛti, or the Institutes of Yājñavalkya with the Commentary Mitākṣara of Vijñaneshvara. Bombay, 1892.

Литература

Азимджанова С.А. Государство Бабура в Кабуле и Индии. М., 1977.
Алаев Л.Б. Развитие индийского ткачества (до появления в Индии европейцев). — СВ. 1957, № 3.
Алаев Л.Б. Сельская община в Северной Индии: Основные этапы эволюции. М., 1981.
Алаев Л.Б. Южная Индия: Социально-экономическая история XIV–XVIII вв. М., 1964.
Антонова К.А. К вопросу о развитии феодализма в Индии (по данным эпиграфики). — КСИВ. 1952, т.3.
Ашрафян К.З. Аграрный строй Северной Индии (XIII — середина XVIII в.). М., 1965.

Ашрафян К.З. Делийский султанат: К истории экономического строя и общественных отношений (XIII–XIV вв.). М., 1960.
Ашрафян К.З. Средневековый город Индии XIII — середины XVIII века: Проблемы экономической и социальной истории. М., 1983.
Ашрафян К.З. Феодализм в Индии: особенности и этапы развития. М., 1977.
Баден-Пауэлл. Происхождение и развитие деревенских общин в Индии. Пер. Е.Essentially Кончевской. М., 1900.
Бэшем А.Л. Чудо, которым была Индия. М., 1977.
История Индии в средние века. М., 1968.
Ковалевский М.М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. Ч.1. М., 1879.
Луния Б.Н. История индийской культуры с древних веков до наших дней. М., 1960.
Медведев Е.М. К вопросу о формах землевладения в Северной Индии в VI–VII вв. (по данным эпиграфики). — ПВ. 1959, № 1.
Медведев Е.М. Опыт исследования древнеиндийской общины по данным топонимики. — Индия в древности. М., 1964.
Медведев Е.М. Очерки истории Индии до XIII века. М., 1990.
Медведев Е.М. Karmakara и bhrtaka: К проблеме формирования низших каст. — Касты в Индии. М., 1965.
Минаев И.П. Старая Индия: Заметки на «Хожение за три моря Афанасия Никитина». СПб., 1881.
Неру Дж. Открытие Индии. М., 1955.
Осипов А.М. Краткий очерк истории Индии до X века. М., 1948.
Панникар К.М. Очерк истории Индии. М., 1961.
Синха Н.К., Банерджи А.Ч. История Индии. М., 1954.
Тревер К.В. Эфталитское государство. — История Узбекской ССР. Т.1. Кн.1. Таш., 1955.
Харт Г. Морской путь в Индию. М., 1954.
Шарма Р.Ш. Древнеиндийское общество. М., 1987.
Ahmad M. Political History and Institutions of the Early Turkish Empire of Delhi (1206–1290). Lahore, 1949.
Aiyangar S.K. A Little Known Chapter of Vijayanagar History. Madras, 1916.
Aiyangar S.K. South India and her Muhammadan Invaders. Oxford–Madras, 1921.
Aiyar S.S. Economic Life in Malabar Village. Bangalore, 1925.
Altekar A.S. A History of Village Communities in Western India. Bombay, 1927.
Ancient Cities of the Indus. Delhi, 1979.
Ashraf K.M. Life and Conditions of the People of Hindustan (1200–1550). Delhi, [б.г.].
Basham A.L. Studies in Indian History and Culture. Calcutta, 1964.
Bose A. Social and Rural Economy of Northern India (cir. 600 B.C. — 200 A.D.). Vol. 1–2. Calcutta, 1942–1945.
Cambridge Economic History of India. Vol. 1. Cambridge, 1982.
The Cambridge History of India. Vol. 1–6. Cambridge, 1922–1937.
The Cambridge Shorter History of India. Cambridge, 1943.
Chakraborti H. India as Reflected in the Inscriptions of the Gupta Period. Delhi, 1978.
Chandra S. Some Aspects of Urbanization in Medieval India. Amritsar, 1980.
Commissariat M.S. A History of Gujarat. Vol. 1. Bombay, 1938.
Derret J.D.M. The Hoysalas: A Medieval Indian Royal Family. L., 1957.
Dikshit G.S. Local Self-Government in Medieval Karnataka. Dharwar, 1964.
Dikshitar V.R.R. The Gupta Polity. Madras, 1952.
Dikshitar V.R.R. Hindu Administrative Institutions. Madras, 1929.
The Early History of the Deccan. Vol. 1, pt 1–6; vol.2, pt 7–11. L., 1960.
Essays in Indian Art, Religion and Society. Delhi, 1987.
Essays on Gupta Culture. Columbia (Mo.), 1983.
Feudal Social Formation in Early India. Delhi, 1987.
Ghoshal U.N. Contributions to the History of the Hindu Revenue System. Calcutta, 1929.
Gillion K.L. Ahmedabad: A Study in Indian Urban History. University of California Press, 1968.
Gopal L. Economic Life of Northern India (c. A.D. 700–1200). Banaras, 1965.
Gupta K.M. The Land System in South India between c. 800 A.D. and 1200 A.D. (in the Light of the Epigraphic and Literary Evidence). L., 1933.
Gupta P.L. The Imperial Guptas. Vol. 1–2. Varanasi, 1974–1980.
Habib I. Economy of the Delhi Sultanate. — IHR. 1978, vol. 4, pt 2.
Heras H. Beginnings of Vijayanagara History. Bombay, 1929.

The History and Culture of the Indian People. Vol. 3. The Classical Age. Bombay, 1954; vol. 4. The Age of Imperial Kanauj. Bombay, 1955; vol. 5. The Struggle for Empire. Bombay, 1957; vol. 6. The Delhi Sultanate. Bombay, 1960.

Husaini S.A.Q. The Economic History of India. Vol. 1. Calcutta, 1962.

Hutton J.H. Caste in India: Its Nature, Function and Origins. 3d ed. Oxf., 1961.

Karashima N. South Indian History and Society: Studies from Inscriptions A.D. 850–1800. Delhi, 1984.

Kosambi D.D. An Introduction to the Study of Indian History. Bombay, 1956.

Kosambi D.D. On the Development of Feudalism in India. — ABORI. 1956, vol. 36.

Kosambi D.D. Origin of Feudalism in Kashmir. — Sardhasafadhi Commemoration Volume, 1804–1954. Bombay, 1954.

Mahalingam T.V. Administration and Social Life under Vijayanagar. Madras, 1940.

Mahalingam T.V. Economic Life in the Vijayanagar Empire. Madras, 1951.

Mahalingam T.V. South Indian Polity. Madras, 1955.

Maity S.K. Economic Life of Northern India in the Gupta Period (cir. A.D. 300–550). Calcutta, 1957.

Mazumdar B.P. The Socio-Economic History of Northern India (11th and 12th Centuries). (1030–1194 A.D.). Calcutta, 1960.

Nilakanta S.K.A. A History of South India. Madras, 1958.

Nizami Kh.A. Studies in Medieval Indian History. Aligarh, 1956.

Narayanan M.G.S. Reinterpretation in South Indian History. Travandrum, 1977.

Niyogi P. Contributions to the Economic History of Northern India from the Tenth to the Twelfth Century A.D. Calcutta, 1962.

Njammasch M. Untersuchung zur Genesis des Feudalismus in Indien. B., 1984.

Pandeya B.K. Temple Economy under the Colas. New Delhi, 1984.

Prasad I. History of Medieval India from 647 A.D. to the Mughal Conquest. [1928]. Allahabad, 1950.

Prasad K. Cities, Crafts and Commerce under the Kuṣānas. Delhi, 1984.

Qureshi I.H. The Administration of the Sultanate of Delhi. 2nd ed. Lahore, 1944.

Ramanayya N.V. Studies in the History of the Third Dynasty of Vijayanagara. Madras, 1935.

Ray H.C. Dynastic History of Northern India. Vol. 1–2. Calcutta, 1931–1936.

Reddi M.P.R. Thoughts on Indian Feudalism. — JIH. 1960, № 1.

Saletore B.A. Social and Political Life in the Vijayanagara Empire (A.D. 1346 — A.D. 1646). Vol. 1–2. Madras, 1934.

Saletore R.N. Life in the Gupta Age. Bombay, 1943.

Sarkar H.B. Cultural Relations between India and South-East Asian Countries. Delhi, 1985.

Sastri K.A.N. The Colas. Vol. 1–2. Madras, 1955.

Sastri K.A.N. A History of South India from Prehistoric Times to the Fall of Vijayanagar. 2nd ed. Oxford–Madras, 1958.

Sewell R. A Forgotten Empire (Vijayanagar): A Contribution to the History of India. 2nd ed. L., 1924.

Sharma R.S. Indian Feudalism (c. 300–1200 A.D.). Calcutta, 1965.

Sharma R.S. Social Changes in Early Medieval India (c. A.D. 500–1200). Delhi, 1969.

Sharma R.S. Studies in Medieval Indian History. Sholapur, 1956.

Sharma R.S. Urban Decay in India (c. 300–1000). New Delhi, 1987.

Sharma T.R. Personal and Geographical Names in the Gupta Inscriptions. Delhi, 1978.

Sherwani H.K. The Bahmanis of Deccan. Hyderabad, 1953.

Shrimali K.M. Agrarian Structure in Central India and the Northern Deccan (c. A.D. 300–500). New Delhi, 1987.

Singh T., Singh G. A Short History of the Sikhs. Vol. 1 (1469–1765). Bombay, 1950.

Smith V.A. The Oxford History of India. [1919]. Oxf., 1951.

Social, Cultural and Economic History of India: Medieval Age. Surjeet, 1988.

Srivastava A.L. The Sultanate of Delhi (Including the Arab Invasion on Sindh), 711–1526 A.D. [1950]. Agra, 1953.

Stein B. Peasant State and Society in Medieval South India. Delhi, 1980.

Titus M.T. Indian Islam (The Religious Quest of India). L., 1930.

Tripathi R.P. Some Aspects of Muslim Administration. Allahabad, 1959.

Wright H.N. The Sultans of Delhi, Their Coinage and Metrology. Delhi, 1936.

Wright N. Catalogue of Coins in Indian Museum, Calcutta. Oxf., 1907.

Yadava B.N.S. Society and Culture in Northern India in the Twelfth Century. Allahabad, 1973.

Шри-Ланка

Источники

Cūlavamsa: Being the More Recent Part of the Mahāvamsa. Transl. by W.Geiger. And from German into English by C.M.Rickmers. Pt 1–2. Colombo, 1953.
The Mahāvamsa, or the Great Chronicle of Ceylon. Transl. into English by W.Geiger. L., 1964.
Rajavaliwa. Colombo, 1954.

Литература

Кочнев В.И. Шри Ланка: Этническая история и социально-экономические отношения до начала XX в. М., 1976.
Краснодембская Н.Г. Традиционное мировоззрение сингалов. М., 1982.
Сафронова А.Л. История Шри Ланки в древности и средние века. М., 1987.
Семека Е.С. История буддизма на Цейлоне: Сангха в древности и средние века. М., 1969.
Талмуд Э.Д. Исторический очерк. — Современный Цейлон: Справочник. М., 1965.
Топоров В.Н., Елизаренкова Т.Я. Язык пали. М., 1965.
Тюляев С.И., Бонгард-Левин Г.М. Искусство Шри Ланки: древний и средневековый период. М., 1974.
Ariyapala M.B. Society in Medieval Ceylon (The State of Society in Ceylon as Depicted in the Saddharma-ratnavaliya and other Literature of the Thirteenth Century). Colombo-Kandy, 1956.
De Silva Ch.R. Sri Lanka: A History. New Delhi, 1987.
De Silva K.M. A History of Sri Lanka. L., 1981.
Ellawala H. Social History of Early Ceylon. Colombo, 1969.
History of Ceylon. Vol. 1. Pt 1–2. Colombo, 1959–1960.
Hulugalle H.A.J. Ceylon of the Early Travellers. Colombo, 1980.
Lanerolle N., de. A Reign of Ten Kings: Sri Lanka — The World (500 B.C. — 1200 A.D.). Colombo, 1986.
Liyanagamage A. The Decline of Polonnaruwa and the Rise of Dambadeniya (circa 1180–1270 A.D.). Colombo, 1968.
Perera F. Early Buddhist Historiography of Ceylon. Hettingen, 1979.
The Polonnaruva Period. Colombo, 1973.
Sri Lanka: A Survey. Honolulu, 1977.

Страны Юго-Восточной Азии

Источники

Мьянма (Бирма)

Cūlavamsa: Being the More Recent Part of the Mahāvamsa. Transl. by W.Geiger. And from German into English by C.M.Rickmers. Pt 1–2. Colombo, 1953.
Epigraphica Birmanica, Being the Lithic and Other Inscriptions of Burma. Vol. 1–2. Rangoon, 1920.
The Glass Palace Chronicle of the Kings of Burma. Transl. by Pe Maung Tin and G.H.Luce. 2nd ed. Rangoon, 1960.
Inscriptions of Burma. Vol. 1–5. Rangoon, 1933–1956.
Luce G.H., Pe Maung Tin. Inscriptions of Burma. Vol. 1–3. L., 1933–1939.
Man Shu (Book of the Southern Barbarians). Transl. by G.H.Luce. Ithaca — N.Y., 1961.
The Maniyadanabon of Shin Sandalinka. Transl. by L.E.Bagshawe. Ithaca — N.Y., 1981.

Таиланд, Лаос, Камбоджа

Annales de Laos (Luang Probang, Vientiane, Tran Ninh et Bassac). Hanoi, 1926.
Annales de Siam. Trad. de C.Notton. Vol. 1–3. P., 1926–1932; vol. 4. Bangkok, 1939.
Beal S. Chinese Account of India. Transl. from the Chinese of Hiuen Tsiang. Vol. 1–2. Calcutta, 1957–1958.
Coedès G. Documents sur l'histoire politique et religieuse du Laos Occidentale. — BEFEO. 1925, t. 25, № 1–2.

Coedès G. Recueil des Inscriptions du Siam. 1. Inscriptions de Sukhodaya. Bangkok, 1924; 2. Inscriptions de Dvāravatī, de Crīvījaya et de Lavo. Bangkok, 1930.
Frankfurter O. Events in Ayuddhya from Chulasakaraj 686–966. — JSS. 1908–1909, vol. 6.
Gama Vasco, da. A Journey of the First Voyage of Vasco da Gama, 1497–1499. L., 1898.
Griswold A.B., Prasert na Nagara. The Epigraphy of Mahādharmarāja I of Sukhodaya (Epigraphic and Historical Studies. № 11). — JSS. 1973, vol. 61, pt 1.
Griswold A.B., Prasert na Nagara. The Inscription of King Rama Gamheng of Sukhodaya (1291 A.D.) (Epigraphic and Historical Studies. № 9). — JSS. 1971, vol. 59, pt 2.
Griswold A.B., Prasert na Nagara. King Lodaiya of Sukhodaya and His Contemporaries. — JSS. 1972, vol. 60, pt 1.
Ibn Batuta. The Travels of Ibn Batuta in Asia and Africa, 1324–1325. Transl. by S.Lee. L., 1829.
Inscriptions du Cambodge. Ed. et trad. par G. Coedès. Vol. 1–8. Hanoi–Paris, 1937–1966.
Inscriptions Sanscrites du Cambodge et du Campa. P., 1885–1893.
Leclère A. Les codes Cambodgiens. T. 1–2. P., 1898.
Three Worlds According to King Ruang: A Thai Buddhist Cosmology. Transl. with Introd. and Notes by F.E.Reynolds and M.B.Reynolds. Berkeley (Col.), 1982.

Вьетнам

Краткая история Вьета (Вьет шы лыок). Пер. с вэньяня, вступит. ст. и коммент. А.Б.Полякова. М., 1980.
Brébion A. Bibliographie des voyages dans l'Indochine Française du IXe au XIXe siècle. Saigon, 1910.
Nguyen Hoai Nhân. Viêt Nam through Ancient Texts and Pictures. Vol. 1–6. [Б.м.], 1986.
Tuyên tập vǎn bia Hànội. Bản hán nôm. Hà-nội, 1978 (на вьет. яз.).

Индонезия

Brandes J.L.A. Oud-Javaansche oorkonden, nagelaten transscripties van wijlen Dr. J.L.A. Brandes uitgegeven door N.J.Krom. Batavia, 1913.
Casparis J.G., de. Prasasti Indonesia I: Inscripties uit de Çailendra — Tijd. Bandung, 1950.
Casparis J.G., de. Prasasti Indonesia II: Selected Inscriptions from the 7th to the 9th Century A.D. Bandung, 1956.
Pararaton, The Book of the Kings of Tumapel and Majapahit. Batavia, 1920.
Pigeaud Th.G.Th. Java in the Fourteenth Century: A Study in Cultural History. Vol. 1–5. The Hague, 1960–1963.
Sarkar H.B. Corpus of the Inscriptions of Java (Corpus inscriptionum javanicarum) (up to 928 A.D.). Vol. 1–2. Calcutta, 1971–1972.

Литература

Бандиленко Г.Г. Культура и идеология средневековых государств Явы: Очерк истории VIII–XV вв. М., 1984.
Всеволодов И.В. Бирма. Религия и политика: Буддийская сангха и государство. М., 1978.
Деопик Д.В. Социально-экономическая структура государства Тямпа в III–XV вв. и ее эволюция по данным количественного анализа видов надписей и их пространственно-временного распределения. — Количественные методы в изучении истории стран Востока. М., 1986.
Деопик Д.В. Субстратные сходства и связи времен формирования ЮВА как исторического региона в эпоху становления государственности и полиэтнических империй. — Становление региона: Интеграционные процессы в Юго-Восточной Азии. Тезисы научной конференции. М., 1989.
Деопик Д.В. Типы социальной терминологии кхмеров (VI–XIII вв.). — Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
Деопик Д.В. Эпиграфика и карта. — Карта, схема и число в этнической географии. М., 1976.
История Кампучии: Краткий очерк. М., 1981.
Козлова М.Г., Ребрикова Н.В. Особенности формирования правящего слоя в буддийских обществах Индокитая. – Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: Проблемы социальной мобильности. М., 1986.

Козлова М.Г., Седов Л.А., Тюрин В.А. Типы раннеклассовых государств в Юго-Восточной Азии. – Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М., 1968.
Корнев В.И. Тайский буддизм. М., 1973.
Машкина И.Н. Вьетнам и Китай III–XIII вв. М., 1978.
Можейко И. 5000 храмов на берегу Иравади (Паганское царство). М., 1967.
Можейко И.В., Узянов А.Н. История Бирмы (Краткий очерк). М., 1973.
Нгуен Фи Хоань. Искусство Вьетнама: Очерки истории изобразительного искусства. М., 1982.
Никитин А.В., Федорин А.Л. О роли феодальных родов в истории Вьетнама (к постановке проблемы). — Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч.2. М., 1985.
Познер П.В. Древний Вьетнам: Проблема летописания. М., 1980.
Ребрикова Н.В. Государство, община, класс в буддистских обществах Центрального Индокитая (V–XV вв). — Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987.
Ребрикова Н.В. Источники по истории сиамского общества в средние века. — Источниковедение и историография стран Юго-Восточной Азии. М., 1971.
Ребрикова Н.В. Социальные движения в обществах Центрального Индокитая в раннее и развитое средневековье (V–XVI вв.). — Общественные движения и их идеология в добуржуазных обществах Азии. М., 1988.
Ребрикова Н.В. Таиланд: Социально-экономическая история (XIII–XVIII вв.). М., 1977.
Рыбакова Н.И. Искусство Камбоджи. М., 1977.
Седов Л.А. Ангкорская империя. М., 1967.
Федорин А.Л. Особенности развития гражданской и военной должностной системы во Вьетнаме в XVI в. — Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч.2. М., 1985.
Федорин А.Л. Политическая история военно-феодальной группировки Нгуенов—Чиней из Тханьхоа и ее роль в истории Вьетнама в XVI в. — Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч.2. М., 1985.
Холл Д. Дж. История Юго-Восточной Азии. М., 1958.
Чеснов Я.В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.
Юго-Восточная Азия в мировой истории. М., 1977.
Aung Thaw. Historical Sites of Burma. Rangoon, 1972.
Aung-Twin M. Pagan: The Origins of Modern Burma. Honolulu, 1985.
Bennett P.J. Conference under the Tamarind Tree: Three Essays in Burmese History. New Haven, 1971.
Buchari. Ŝri Maharaja Mapanji Garasakan: A New Evidence on the Problem of Airlangga's Partition of His Kingdom. — Madjalah Ilmu-Ilmu Sastra Indonesia. Djakarta, 1968, vol. 4, № 1–2.
Casparis J.G., de. Indonesian Chronology. Leiden — Koln, 1978.
Casparis J.G., de. Indonesian Palaeography: A History of Writing in Indonesia from the Beginnings to c. A.D. 1500. Leiden — Köln, 1975.
Casparis J.G., de. Pour une histoire sociale de l'ancienne Java principalement au Xème s. — Archipel. P., 1981, 21.
Coedès G. Les états hindouisés d'Indochine et d'Indonésie. P., 1964.
Coedès G. The Indianized States of Southeast Asia. Honolulu—Canberra, 1968.
Coedès G. The Making of Southeast Asia. L., 1970.
Coedès G. Les peuples de la péninsule Indochinoise: Histoire et civilization. P., 1962.
Dhida Saraya. Rice Cultivation and Politics in the Sukhothai State. — East Asian Cultural Studies. Tokyo, 1985, vol. 24, № 1–4.
Dhida Saraya. The Social History of the Sukhothai Kingdom. — A Paper Prepared for the Seventh Conference of International Association of Historians of Asia. Bangkok, 22–26 August, 1977.
Early South East Asia: Essays in Archaeology, History and Historical Geography. N.Y. — Kuala Lumpur, 1979.
Essays on Vietnamese Civilization. Hanoi, 1985.
Exploration in Early Southeast Asian History. Ann Arbor, 1976.
Gonda J. Sanskrit in Indonesia. Nagpur, 1952.
Groslier B.P. Angkor: Hommes et pierres. P., 1956.
Harvey G.E. History of Burma. L., 1967.
Heine-Geldern R. Conception of State and Kingship in South East Asia. Ithaca, 1963.
Htin Aung Maung. Burmese History before 1287: A Defence of the Chronicles. Oxf., 1970.
Htin Aung Maung. A History of Burma. N.Y. — L., 1967.
Introduction to Indonesian Historiography. Ed. A.O.Soedjatmoko a.o. N.Y., 1965.
Jacobs N. Modernization without Development: Thailand, and Asian Case Study. N.Y., 1971.
Jones A.M.B. Early Tenth Century Java from the Inscriptions: A Study of Economic, Social and Administrative Conditions in the First Quarter of the Century. Dordrecht, 1984.

Lingat R. L'esclavage privé dans le vieux droit siamois. P., 1931.
Luce G.H. Ancient Pyu. — JBRS. 1934, vol. 27, pt 3.
Luce G.H. Fu-kan-tu-lu. — JBRS. 1924, vol 14, pt 2.
Luce G.H. Old Burma — Early Pagan. Vol. 1–3. Amsterdam, 1970.
Luce G.H. Old Kyaukse and the Coming of the Burmans. — JBRS. 1959, vol. 42, pt 1.
Luce G.H., Pe Maung Tin. Burma Down to the Fall of Pagan, an Outline. — JBRS. 1939, vol. 29.
Malleret L. L'archéologie du Delta du Mékong. Vol. 1–4. P., 1959–1963.
Maspéro G. Le Royaume de Champa. P., 1928.
Naerssen F.H., van, Jongh R.C., de. The Economic and Administrative History of Early Indonesia. Leiden — Köln, 1977.
Parker E.H. Burma with Special Reference to Her Relations with China. Rangoon, 1893.
Pe Maung Tin. Buddhism in the Inscriptions of Pagan. — JBRS. 1936, vol. 26.
Pelliot P. Le Four-nan. — BEFEO. 1903, vol. 3, № 3.
Rong Syamananda. A History of Thailand. Bangkok, 1981.
Sahai Sachchidanand. Les institutions politiques et l'organisation administrative du Cambodge ancien (VIe — XIIIe siècles). P., 1970.
Schweisguth P. Étude sur la littérature siamoise. P., 1951.
Setten van Meer N.C., van der. Sawah cultivation in Ancient Java: Aspects of Development during the Indo-Javanese Period, 5th to 15th Century. Canberra, 1979.
Solheim II W.G. Early Bronze in Northern Thailand. — Current Anthropology. Chicago, 1969, vol. 9, № 1.
Taw Sein Ko. Selection from the Records of Hlutdow. Rangoon, 1889.
Than Tun. History of Burma, 1300–1400. — JBRS. 1959, vol. 42, pt 2.
Than Tun. History of Burma, 1000–1300. — BBHS. 1960, vol. 1, pt 1.
Wales H.G. Quaritch. Ancient Siamese Government and Administration. N.Y., 1965.
Wales H.G. Quaritch. Dvāravatī. L., 1969.
Wales H.G. Quaritch. Early Burma — Old Siam: A Comparative Commentary. L., 1973.
Wales H.G. Quaritch. The Indianization of China and of South East Asia. L., 1967.
Wales H.G. Quaritch. The Making of Greater India. L., 1951.
Wales H.G. Quaritch. Siamese State Ceremonies: Their History and Function. L., 1931.
Wheatley P. The Golden Khersonese: Studies in the Historical Geography of the Malay Peninsula before A.D. 1500. Kuala-Lumpur, 1961.
Wicks R.S. Monetary Development in Java between the Ninth and Sixteenth Centuries: A Numismatic Perspective. — Indonesia. Djakarta, 1986, № 42.
Wool W.A.R. A History of Siam from the Earliest Times to the Year A.D. 1781. Bangkok, 1959.

Тюркский и Уйгурский каганаты

Источники

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах Средней Азии в древние времена. Т.1–3. М.–Л., 1950–1953.
Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.–Л., 1951.
Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.–Л., 1957.

Литература

Бартольд В.В. Тюрки (Историко-этнографический очерк). — Сочинения. Т.5. М., 1968.
Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков: Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М., 1946.
Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала: Опыт систематизации. М., 1983.
Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.
Кляшторный С.Г. Древнетюркские памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
Klyashtorny S.G. The Terkhin Inscription. — AOH. 1982, t. 36, fasc. 1–3.
Klyashtorny S.G. The Tes Inscription of the Uighur Bögü Qaghan. — AOH. 1985, t. 39, fasc. 1.
Klyashtorny S.G., Livšic V.A. The Sogdian Inscription of Bugut Revised. — AOH. 1972, t. 26, fasc. 1.

Тангутское государство

Источники

Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169). Изд. текста, пер. с тангутского, исслед. и примеч. Е.И.Кычанова. В 4-х кн. Кн.1. М., 1988.

Дай Сичжан. Си Ся цзи (Записки о Си Ся). Пекин, 1924 (на кит. яз.).

У Гуанчэн. Си Ся шу ши (Хроника основных событий истории Си Ся). Пекин, 1934 (на кит. яз.).

Литература

Кычанов Е.И. Звучат лишь письмена. М., 1965.

Кычанов Е.И. Очерк истории тангутского государства. М., 1986.

Ван Чжун. Лунь Си Ся-ды синци (О возникновении Си Ся). — Лиши янь-цзю. 1962, № 5 (на кит. яз.).

Си Ся ши луньвэньцзи. Иньчуань, 1984 (на кит. яз.).

Сися шу ши. В 4-х т. Тайбэй, 1968 (на кит. яз.).

Сун ши. Шанхай, 1936 (на кит. яз.).

Чжун Кань, У Фэньюнь, Ли Фаньвэнь. Си Ся цзянь ши. Иньчуань, 1979 (на кит. яз.).

Ши Цзиньбо. Си Ся вэнь «Го цюй чжуан янь це цянь фо мин цзин» фа юань вэнь. — Си Ся ши луньвэньцзи. Иньчуань, 1984 (на кит. яз.).

Монголия

Источники

Бичурин Н.Я. (Иакинф). История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829.

Ибн-аль-Асир. Ал-Камиль-фи-т-тарих. — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т.1. М.–Л., 1941.

Карпини П. История монголов. *Рубрук Г.* Путешествие в восточные страны (Пер. с лат. А.И.Малеина. Ред., вступит. ст. и примеч. Н.П.Шастиной). М., 1957.

Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник (Предисл. Н.Поппе). Т.1. М.–Л., 1941.

Монгольские источники о Даян-хане (Введ., вступит. ст., коммент. Г.С.Гороховой). М., 1986.

Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965.

Мэн-да-бэй-лу (Полное описание монголо-татар). Пер. Н.Ц.Мункуева. М., 1960.

Путевые заметки китайца Чжан Дэ-хоя во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII столетия. Пер. П.Кафарова. — Записки Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Иркутск, 1867, кн. 9, 10.

Пэн Да-я, Сюй Тин. Краткие сведения о черных татарах (Публикация Линь Кюн и Н.Ц.Мункуева). — ПВ. 1960, № 5.

Рашид ад-дин Ф. Сборник летописей. Пер. с перс. Т.1–3. М.–Л., 1946–1952, 1968.

Си юй цзи, или Описание путешествия на Запад. Пер. П.Кафарова. — Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. СПб., 1866, т.4.

Юань чао ши. Ч. 1–2. Пекин, 1986 (на кит. яз.).

Юань ши. Шанхай, 1935 (на кит. яз.).

Hambis L. Documents sur l'histoire des Mongoles à l'époque des Ming. P., 1969.

Pelliot P., Hambis L. Histoire des Campagnes de Gengis Khan (Cheng-Wou Ts'in-tscheng lou). Leiden, 1951.

Литература

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. В 9-ти т. Т.1. М., 1963.

Буниятов З.М. Государство хорезмшахов-Ануштегинидов. 1097–1231. М., 1986.

Викторова Л.Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.

Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Владимирцов Б.Я. Чингис-хан. Петербург — Москва — Берлин, 1922.

Восточная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1986 (История и культура востока Азии).
Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.
Далай Чулууны. Монголия в XIII–XIV веках. М., 1983.
Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980 (История и культура востока Азии).
Дальний Восток и Центральная Азия. М., 1985.
Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.
История Монгольской Народной Республики. М., 1983.
Капица М.С. Еще раз о роли Чингис-хана в истории. — ВИ. 1988, № 7.
Кара Дьердь. Книги монгольских кочевников: Семь веков монгольской письменности. М., 1972.
Mongolica: Памяти акад. Б.Я.Владимирцова, 1884–1931. М., 1986.
Покотилов Д. История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 (по китайским источникам). СПб., 1893.
Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
Hambis L. Gengis-Khan. P., 1973.
Rachewiltz I., de. Personnel and Personalities in North China in the Early Mongol Period. — JESHO. 1966, vol. 9.
Комаи Ёсиаки. Моко си дзёсэцу. Киото, 1961 (на яп. яз.).

Китай

Источники

Е Лун-ли. История государства киданей. Пер. с кит. В.С.Таскина. М., 1979.
Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье. Пер. с кит. А.А.Бокщанина и Лин Кюнъи. М., 1980.
Установления о соли и чае. Пер. с кит. Н.П.Свистуновой. М., 1975.
Бэй ши. Т.1–10. Пекин, 1974 (на кит. яз.).
Вэй шу. Т.1–8. Пекин, 1974 (на кит. яз.).
Вэнь Маочжао. Да Цзинь го чжи. Т.1–4. [Б.м.], 1978 (на кит. яз.).
Ли Ютан. Цзинь ши цзишу бэньмо. Т.1–7. [Б.м.], 1904 (на кит. яз.).
Ляо ши. Т.1–5. Пекин, 1972 (на кит. яз.).
Ляо ши цзиши бэньмо. Т.1–6. [Б.м.], 1903 (на кит. яз.).
Нань ши. Т.1–5. Пекин, 1902 (на кит. яз.).
Оуян Сю. Синь Удай ши. Т.1–8. [Б.м.], 1872 (на кит. яз.).
Оуян Сю, Сун Ци. Синь Тан шу. Т.1–20. Пекин, 1975 (на кит. яз.).
Сань го чжи. Т.1–5. Пекин, 1973 (на кит. яз.).
Суй шу. Т.1–6. Пекин, 1973 (на кит. яз.).
Сун ши. Т.1–100. Ханчжоу, 1875 (на кит. яз.).
Сун шу. Т.1–16. Нанкин, 1872 (на кит. яз.).
Сун Юань цзиши бэньмо. Т.1–20. [Б.м., б.г.] (на кит. яз.).
Сыма Гуан. Цзычжи тунцзянь. Пекин, 1957 (на кит. яз.).
Сюй Сун. Сун хуйяо цзичао. Т.1–8. Пекин, 1957 (на кит. яз.).
Цзинь шу. Т.1–10. Пекин, 1974 (на кит. яз.).
Цзю Тан шу. Т.1–16. Пекин, 1975 (на кит. яз.).
Цзянь Шишэн. Нань Сун шу. Т.1–10. [Б.м.], 1817 (на кит. яз.).
Эр ши сы ши. Шанхай, 1958 (на кит. яз.).

Литература

Бокщанин А.А. Императорский Китай в начале XV века. М., 1976.
Бокщанин А.А. Китай и страны Южных морей в XIV–XVI вв. М., 1968.
Бокщанин А.А. Удельная система в позднесредневековом Китае. М., 1986.
Боровкова Л.А. Восстание «Красных войск» в Китае. М., 1971.
Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). М., 1975.
Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун, 1127–1142. М., 1986.
Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. М., 1974.

Илюшечкин В.П. Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа). М., 1986.

История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.

Итс Р.Ф., Смолин Г.Я. Очерки истории Китая. Л., 1961.

Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970.

Кобзев А.И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М., 1983.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М., 1984.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979.

Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права. М., 1986.

Лапина З.Г. Политическая борьба в средневековом Китае. М., 1970.

Лапина З.Г. Учение об управлении государством в средневековом Китае. М., 1985.

Малявин В.В. Гибель древней империи. М., 1982.

Очерки истории Китая. Под ред. Шан Юэ. М., 1959.

Свистунова Н.П. Аграрная политика династии Мин. XIV век. М., 1966.

Смолин Г.Я. Антифеодальные восстания в Китае второй половины X — первой четверти XII в. М., 1974.

Стужина Э.П. Китайский город XI–XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. М., 1979.

Тюрин А.Ю. Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае в III–VIII вв. М., 1980.

У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. Пер. с кит. М., 1980.

Balazs E. Chinese Civilization and Bureaucracy. New Haven, 1964.

Balazs E. Political Theory and Administrative Reality in Traditional China. L., 1965.

Boodde D. Feudalism in China. — Feudalism in History. Princeton, 1956.

Boodde D., Morris C. Law in Imperial China. Cambridge, 1967.

Ch'u T'ung-tsu. Law and Society in Traditional China. P., 1965.

Cordier H. Histoire generale de la Chine. Vol. 1–4. P., 1920–1922.

Eberhard W. Conquerors and Rulers: Social Forces in Medieval China. Leiden, 1965.

Eberhard W. Social Mobility in Traditional China. Leiden, 1962.

Eisenstadt S.N. The Political System of Empires: The Rise and Fall of the Historical Bureaucratic Societies. Glencoe, 1963.

Fairbank J., Reishauer E. East Asia: The Great Tradition. Boston, 1960.

Grimm T. Erziehung und Politik im Konfuzianischen China der Ming zeit. Hamburg, 1960.

Ho Ping-ti. The Ladder of Success in Imperial China. N.Y.–L., 1962.

Hucker Ch.O. The Traditional Chinese State in Ming Times (1368–1644). Tucson, 1961.

Johnson D.G. The Medieval Chinese Oligarchy. Boulder, 1977.

Kirby E. Introduction to the Economic History of China. L., 1954.

Lee M.P.H. The Economic History of China with Special Reference to Agriculture. N.Y., 1921.

Liu T.C.J. Reform in Sung China: Wan An-shih (1021–1086) and His New Policies. Cambridge (Mass.), 1959.

Ma L.J.C. Commercial Development and Urban Change in Sung China. Ann Arbor, 1971.

Needham J. Science and Civilization in China. Vol. 1–4. Cambridge, 1954–1971.

Schurmann H.F. The Economic Structure of the Yuan Dynasty. Cambridge (Mass.), 1956.

Twitchett D. Financial Administration under the T'ang Dynasty. Cambridge, 1963.

Twitchett D. Land Tenure and Social Order in T'ang and Sung China. L., 1962.

Wan Gungwu. The Structure of Power in Northern China during the Five Dynasties. Kuala Lumpur, 1963.

Wiethoff B. Die chinesische Seeverbotspolitic und der private Uberseehandel von 1368 dis 1567. Hamburg, 1963.

Yang Lien-sheng. Studies in Chinese Institutional History. Harvard, 1961.

Ван Дэчжао. Мин цзи чжи чжэнчжи юй шэхуэй. Шанхай, 1942 (на кит. яз.).

Ван Ханьчан, Линь Дайчжао. Чжунго гудай чжэнчжи чжиду шилюэ. Пекин, 1985 (на кит. яз.).

Ван Чжунло. Вэй Цзинь Наньбэй чао Суй чу Тан ши. Шанхай, 1961 (на кит. яз.).

Дэн Гуанмин. Ван Аньши Чжунго и ши шицзи дэ гайгэцзя. Пекин, 1975 (на кит. яз.).

Ли Цзяньнун. Вэй, Цзинь, Нань-Бэй чао, Суй, Тан цзинцзи шигао. Пекин, 1959 (на кит. яз.).

Ли Цзяньнун. Сун Юань Мин цзинцзи шигао. Пекин, 1957 (на кит. яз.).

Мэн Сымин. Юань дай шэхуэй цзецзи чжиду. Сянган, 1967 (на кит. яз.).

Сунь Цзоминь. Чжунго нунминь чжаньчжэн вэньти таньсо. Шанхай, 1956 (на кит. яз.).

У Фэн. Суй, Тан, У дай ши. Пекин, 1958 (на кит. яз.).

Фан Хао. Сун ши. Т.1–2. Тайбэй, 1975 (на кит. яз.).
Фу Илин. Мин дай Цзяннань шиминь цзинцзи шитань. Шанхай, 1957 (на кит. яз.).
Хан Гопань. Суй Тан У-дай шиган. Пекин, 1962 (на кит. яз.).
Ци Ся. Ван Аньши бяньфа. Шанхай, 1959 (на кит. яз.).
Цюань Ханшэн. Чжунго ханхуэй чжиду ши. Шанхай, 1934 (на кит. яз.).
Чжунго нунминь ции лунь цзи. Пекин, 1955 (на кит. яз.).
Чжунго нунминь ции лунь цзи. Пекин, 1958 (на кит. яз.).
Чжунго сысян тун ши. Т.1–4. Пекин, 1957–1959 (на кит. яз.).
Чжэн Сюэмэн, Цзян Чжаочэн, Чжан Вэньци. Цзянмин Чжунго цзинцзи тунши. Харбин, 1984 (на кит. яз.).
Шу Шичэн. Чжунго дэ фэнцзянь шэхуэй цзи ци фэньци. Шанхай, 1957 (на кит. яз.).
Като Сигэси. Сина кэйдзайси косё. Т.1–2. Токио, 1953 (на яп. яз.).
Ниида Нобору. То-Со бунсё-но кэнкю. Токио, 1937 (на яп. яз.).
Ниида Нобору. Тюгоку хосэй си кэнкю. Т.1–4. Токио, 1959–1964 (на яп. яз.).
Окудзаки Х. Тюгоку кёсин дзинуси-но кэнкю. Токио, 1978 (на яп. яз.).
Симидзу Тайдзи. Мин дай тоти сэйдо си кэнкю. Токио, 1978 (на яп. яз.).
Судо Ё. То-Со сякай кэйдзай си кэнкю. Токио, 1965 (на яп. яз.).
Тамура Дзицудзо. Тюгоку сэйфуку отё-но кэнкю. Т.1–3. Киото, 1974 (на яп. яз.).
Яно Т. Момбацу сякай си. Нагасаки, 1965 (на яп. яз.).

Корея

Источники

Ким Бусик. Самкук саги. Изд. текста, пер., вступ. ст. и коммент. М.Н.Пака. М., 1959 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия).
[*Кюнер Н.В.*] Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
[*Пак М.Н.*] Описание корейских племен начала нашей эры (по «Саньго чжи»). — ПВ. 1961, № 1.
Корё са. Т.2. Пхеньян, 1957 (на кор. яз.).
Самгук саги. Т.1–2. Пхеньян, 1958–1959 (на кор. яз.).
Самгук юса. Пхеньян, 1960 (на кор. яз.).
Тэджон хвэтхон. Пхеньян, 1960 (на кор. яз.).
Чынбо мунхон пиго. Т.2. Сеул, 1959 (на кор. яз.).

Литература

Бутин Ю.В. От Древнего Чосона к Трем государствам. Новосибирск, 1984.
Ванин Ю.В. Аграрный строй феодальной Кореи XV–XVI вв. М., 1981.
Ванин Ю.В. Феодальная Корея в XIII–XIV веках. М., 1962.
Волков С.В. Ранняя история буддизма в Корее. М., 1985.
Волков С.В. Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М., 1987.
Джарылгасинова Р.Ш. Древние когурёсцы. М., 1972.
Джарылгасинова Р.Ш. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики. М., 1979.
История Кореи. Пер. с кор. Ким Дю Бона и др. Ред. и предисл. М.Пака. Т.1. М., 1960.
История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т.1. М., 1974.
Пак М.Н. Очерки ранней истории Кореи. М., 1979.
Рю Хакку. Проблемы ранней истории Кореи в японской историографии. М., 1975.
Ким Сокхён. Чосон понгон сидэ нонминый кегып кусон. Пхеньян, 1957 (на кор. яз.).
Ли Бёндо. Хангук кодэса ёнгу. Сеул, 1976 (на кор. яз.).
Пак Сихён. Чосон тходжи чедоса. Т.1–2. Пхеньян, 1960–1961 (на кор. яз.).
Хангук са. Т.1–25. Сеул. 1984 (на кор. яз.).
Чосон тхонса. Т.1. Пхеньян, 1987 (на кор. яз.).
Чосон чонса. Т.7, 8. Пхеньян, 1979 (на кор. яз.).
Фудзита Рёсаку. Тёсэн но рэкиси. Токио, 1953 (на яп. яз.).
Фукуда Ёсиносукэ. Сидаги си. Киото, 1913 (на яп. яз.).
Хатада Такаси. Тёсэн си. Токио, 1951 (на яп. яз.).

Япония

Источники

Древние фудоки. Пер., предисл. и коммент. К.А.Попова. М., 1969.
Идзумо фудоки. Пер., предисл. и коммент. К.А.Попова. М., 1966.
Попов К.А. Законодательные акты средневековой Японии. Пер. с яп. Вступит. ст., коммент. М., 1984.
Свод законов «Тайхорё». Вступит. ст., пер. и коммент. К.А.Попова. Ч.1–2. М., 1985.
Delmer R. Brown and Ichiro Ishida. The Future and the Past: A Translation and Study of the Gukanshō, and Interpretive History of Japan Written in 1219. Berkeley–Los Angeles — L., 1979.
Engi-shiki: Procedures of the Engi Era. Transl. by F.Bak. Tokyo, 1970.
Kogoshui: Gleanings from Ancient Stories. By Genchi Kato and Hiroshiro Hoshino. Tokyo, 1926.
Kojiki. Transl. with an Introd. and Notes by D.L. Philippi. Tokyo, 1968.
Nihongi: Chronicles of Japan from the Earliest Times to A.D. 697. Transl. by W.C.Aston. L., 1956.
Okadami. The Great Mirror: Fujiwara Michinaga (966–1027) and His Times. A Study and Transl. by H.C.McCullough. Tokyo, 1980.
The Okayami. A Japanese Historical Tale Translated by J.K.Yamagiwa. Tokyo, 1966.
The Taiheiki: A Chronicle of Medieval Japan (Transl. with an Introd. and Notes by H.C.McCullough). N.Y., 1959.
A Tale of Flowering Fortunes: Annales of Japanese Aristocratic Life in the Heian Period. Transl. with Introd. and Notes by W.H. and H.C.McCullough. Standford, 1980.
Гукансё. Токио, 1967 (Нихон котэн бунгаку тайкэй. Т.86) (на яп. яз.).
Кодай сэйдзи, сякай сисо. Токио, 1979 (Нихон сисо тайкэй. Т.8) (на яп. яз.).
Нихон коки. Токио, 1982 (Кокуси тайкэй) (на яп. яз.).
Нихон Монтоку тэнно дзицуроку. Токио, 1979 (Кокуси тайкэй) (на яп. яз.).
Нихон сандай дзицуроку. Токио, 1978–1979 (Кокуси тайкэй) (на яп. яз.).
Сёку Нихон коки. Токио, 1980 (Кокуси тайкэй) (на яп. яз.).
Сёку Нихонги. Токио, 1975 (Кокуси тайкэй) (на яп. яз.).

Литература

Воробьев М.В. Древняя Япония (Историко-археологический очерк). М., 1958.
Воробьев М.В. Япония в III-VII вв.: Этнос, общество, культура и окружающий мир. М., 1980.
Жуков Е.М. История Японии: Краткий очерк. М., 1939.
Игнатович А.Н. Буддизм в Японии. М., 1987.
Иофан Н.А. Культура древней Японии. М., 1974.
Искандеров А.А. Феодальный город Японии XVI столетия. М., 1961.
Иэнага Сабуро. История японской культуры. Пер. с яп. М., 1972.
Конрад Н.И. Избранные труды: История. М., 1974.
Конрад Н.И. Очерки истории культуры средневековой Японии. М., 1980.
Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сырицын И.М. История Японии. М., 1988.
Мещеряков А.Н. Древняя Япония: Буддизм и синтоизм. Проблема синкретизма. М., 1987.
Мещеряков А.Н. Из истории политической мысли Японии: концепция «национальной исключительности» К.Тикафуса. — История политической мысли и современность. М., 1988.
Пасков С.С. Япония в раннее средневековье VII–XII вв. М., 1987.
Попов К. Япония: Очерки развития национальной культуры и географической мысли. М., 1964.
Спеваковский А.Б. Самураи — военное сословие Японии. М., 1981.
Хани Горо. История японского народа. Пер. с яп. А.А.Искандерова и И.Н.Киселева. М., 1957.
Ханин З.Я. Социальные группы японских париев. М., 1973.
Эйдус Х.Т. История Японии с древнейших времен до наших дней. М., 1968.
Charlier M. Das Dairi-shiki: Eine Studies zu seiner Entstehung und Wirkung. Wiesbaden, 1975.
Duus P. Feudalism in Japan. N.Y., 1976.
Japan in the Chinese Dynastic Histories: Later Han Through Ming Dynasties. Transl. Ryusaki Tsunoda. South Pasadena, 1951.
Masayoshi Sugimoto, Daniel L. Swain. Science and Culture in Traditional Japan. A.D. 600–1854. Cambridge, 1978.
Sansoeu G. A History of Japan to 1334. Standford, 1958.

Windows on the Japanese Past: Studies in Archaeology and Prehistory. The University of Michigan, 1986.

Вакита Харуко. Нихон тюсэй тоси рон. Токио, 1981 (на яп. яз.).

Гидзюцу-но сякай си. Т.1. Кодай, тюсэй-но гидзюцу то сякай. Токио, 1982 (на яп. яз.).

Ёсиэ Акио. Нихон цуси. Т.1. Рэкиси-но акэбоно-кара дэнто сякай-но сэйдзюку-э. Токио, 1986 (на яп. яз.).

Иванами кодза нихон рэкиси. Т.2–8. Токио, 1962–1963; 2-е изд. Токио, 1975–1976 (на яп. яз.).

Иноуэ Киёси. Нихон-но рэкиси. Т.1. Токио, 1966 (на яп. яз.).

Кодза нихон рэкиси. Т.1–4. Токио, 1984–1985 (на яп. яз.).

Кодза нихон си. Т.2–4. Токио, 1970 (на яп. яз.).

Минэгиси Сумио-хэнсю. Тайкэй Нихон кокка си. Т.2. Токио, 1975 (на яп. яз.).

Нагахара Кэйдзи, Нуки Тацуто, Ясуда Мотохисахэн. Тюсэй си хандобукку. Токио, 1973 (на яп. яз.).

Нихон рэкиси тайкэй. Т.1–2. Токио, 1984–1985 (на яп. яз.).

СПИСОК КАРТ

Рис. 1. Позднеримская империя
Рис. 2. Шри-Ланка в период раннего средневековья
Рис. 3. Первый Тюркский каганат
Рис. 4. Троецарствие (ок. 250 г.)
Рис. 5. Противостояние Сун и Северного Вэй
Рис. 6. Корея в VII в.
Рис. 7. Аравия в начале VII в.
Рис. 8. Халифат в VIII–IX вв.
Рис. 9. Империя Тан около 750 г.
Рис. 10. Северная Африка и Египет в VIII — первой половине XII в.
Рис. 11. Государства крестоносцев
Рис. 12. Китай в X в.
Рис. 13. Китай и сопредельные государства в XI в.
Рис. 14. Государство Ся
Рис. 15. Китай в XII–XIII вв.
Рис. 16. Империя Юань
Рис. 17. Государство Хулагуидов в 1258 г.
Рис. 18. Иран в XIV–XV вв.
Рис. 19. Держава Тимура в конце XIV в.
Рис. 20. Индия в 1315 г.
Рис. 21. Индия в начале XV в.
Рис. 22. Шри-Ланка накануне португальского завоевания
Рис. 23. Упадок Византии в XIII в.
Рис. 24. Завоевания османов в XIV–XV вв.
Рис. 25. Корея в XIII–XIV вв.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абаоцзи (Амбагянь) 300
ал-Аббас (Аббас) 109, 124
Аббас I Сефевид 439
Аббасиды 38, 124—128, 130, 224, 228, 236, 251, 253, 254, 257, 263, 264, 270, 277, 280
Абачи 403, 404
Абд ал-Азиз (Бурхани) 277
Абд ал-Малик 122, 123
Абд аль-Мумин 232
Абдаллах (сын Абу Бакра) 118
Абдаллах (сын аз-Зубайра) 120—122
Абдаллах (Тахирид) 254
Абдаллах ибн Мухаммад 124
Абдаллах ибн Ясин (Ибн Ясин) 230
Абд ар-Раззак Самарканди (Абдарразак, Абд-ар-Раззак) 441, 449 486
Абд-ар-Рахман 391
Абдулла 451
Абдуллатиф (сын Улугбека) 450
Абу Бакр 106, 112—115, 118
Абу-Бекр (сербедар) 443
Абу Музаффар Ала уд-дин Бахман 469
Абу Муслим 124—126, 263
Абу Саид 416
Абу Саид (Тимурид) 438
Абу Суфйан 107, 109, 112, 119
Абу Талиб 106
Абу Убайда 115
Абу Ханифа 424
Абхайя 59
Абхала 113
Авалокитешвара 199, 203, 214, 215
Аввай II-ая 291
Авиценна см. Ибн Сина
Авраам см. Ибрахим
Аврелиан 30
Ага Абдус-Саттар Хан 422
Агбарджи-джинонг 525
Аггабодхи I 54, 147
Аггабодхи II 54
Аггабодхи III 146
Аггабодхи V 146
Аггабодхи VI 147
Аглабиды 222, 223, 228, 233
Агни 101
Адам 109
Аджагэ 176
ал-Адид 237, 244
Адил-шахи 471
Адитьяварман 589
Адуд ад-Даула (Азуд ад-доуле) 224, 256
Адуминньо 596
Ажо 157
ал-Азиз 233
ал-Азрак 122
Азуд ад-доуле см. Адуд ад-Даула
Аирлангга 217, 219—221, 360, 362
Аиша 118
Айасманта 297
Аййубиды 237—239, 281, 282
Ак Коюнлу (Ак-Коюнлы) 438—440, 442, 517, 523
Ак-султан 407
Ал-Атуна 376
Ала ад-дин (Гурид) 279
Ала ад-дин Атсыз 267, 277—279
Ала ад-дин Кейкубад 282
Ала ад-Дин Мухаммед 266—268, 379, 380, 406, 407
Ала уд-дин Хильджи 451—454, 456, 457, 459—461, 463—465, 469, 472
Ала уд-дин Шах-Алам 467
Алагокканары 489
Алакешвара (Вира Алакешвара) 489, 490
Алан-Гоа 365, 366
Алахуш 372
Алексей I Комнин 131, 239, 241
Али (Буид) 256
Али (двоюродный брат Мухаммеда) 37, 112, 113, 117—120, 124, 126, 128—130, 424, 437
Али ибн Иса 128
Али ибн Муса (ар-Рида, Риза, Реза) 128, 129, 441
Али ибн Мухаммад ал-Баркуи 130, 223
Али-мирза 450
Али Муайад 434
Али Хан 596
Алиды 119, 126,129
Алишер Навои 437, 440, 441, 449, 450
Аллах 103, 105, 107—109, 112, 124, 247
Алп Арслан 271, 272, 280
Алп Кутлуг («Яглакар») 157
Алп Кутлуг-бильге-каган (Тон бага-таркан) 156

Алптегин 257
Алтан-хан 527
Альвенд 439, 440
Альморавиды 10, 225, 230--232, 236
Альмохады 10, 225, 232, 233, 236
Альфонс VI 230
Амальрих 244
Амарасинха 52
Аматэрасу 92
Амбагай-хаган 367
Амбагянь см. Абаоцзи
ал-Амин (Амин) 128, 222, 254
ал-Амир 234, 237
Амир Хосроу Дехлеви 426, 442, 464
Амитабха 80
Амр ибн ал-Ас 116, 117
Амр ибн Лейс (Амр Саффарид) 254, 255, 264
Амугань 399
Ан Гён 559
Анахуань 60
Ангелы (династия) 132
Андрей Боголюбский 516
Андроник II 508
Анируда (Аноратха) 355—358, 592
Ансын 174
Анушанатха 362
Ань Лушань 156, 161
Аньцюань 326
Аоло боцзиле (Олунь бэйлэ) 366, 367
Апарарка 292
Аравиду 482
Аргун (эмир) 408
Арджуна 143
Ариг-Буга (Ариг-буга) 389—390, 524
Ария Чакраварти (династия) 488, 489
Ария Чакраварти (правитель Джафны) 491
Аркадий 30
Арнольд из Кёльна 389
Арслан Аргун 273, 277
Арслан-хан (Арслан-хан Мухаммад) 277, 278
Арслан-хан (иракский принц) 281
Арслан-хан (правитель карлуков) 376
Артабан V 24
Арташир I (Артаксеркс) 24, 32
Артукиды 238, 274
Аруггай 524
Аршакиды 24, 25, 32, 34
Аршакуни 35
Арьябхата 52
Асикага (Муромати) 561, 564, 567
Асикага Ёсимаса 570
Асикага Ёсимицу см. Ёсимицу
Асикага Ёсинори 561
Асикага Такаудзи 560
Атсыз см. Ала ад-дин Атсыз
Аттхадатта 146
Ауликары 45
Афанасий Никитин 470, 473, 597
Афиф Шамс Сирадж 455, 456, 458, 462—464
Афрасиаб 425
Афригиды 262, 264
Афучжило 155
Ахемениды 23, 27, 32
Ахмад (Мамлюк) 522
Ахмад («погонщик ослов») 279
Ахмад (сын Самана) 129, 254
Ахмад Бихари 463
Ахмад ибн Тулун 130
Ахмад ибн Фадл 276
Ахмад Низам-шах 471
Ахмад-шах I 471, 472, 474—476
Ахмад-шахи (Ахмаднагар) 471
Ахмад-шахи см. Танк
Ахмед (Ак Коюнлу) 439
Ахмед (Буид) 256
Ахмед (Джелаирид) 435
Ахура Мазда 34
Ачьюта 42
Ачьютарая 482
Ашина 64, 151, 154
Ашина Хэлу см. Нивар Ышбара-ябгу-каган
Ашока 53, 141
Ашот Багратуни 40

Бабек (Бабак, Папак) 39, 129, 130, 222, 432
Бабур Захир уд-дин (Захируддин) Мухаммад 450, 458, 469
Бавандиды 257, 280
Баграт IV 271
Багратиды 38, 40, 222
Бадауни 458
Бадр-ад-дин 383
Бай-Шинкор Докшин 367
Байазид I см. Баязид I
Байсункар 442, 449, 450
аль-Бакри 227
Балами Мухаммад 256, 260
Балбан см. Гийас уд-дин Балбан
Балдуин I (Бодуэн) 241, 242, 244
Балибходжака 55
Балитунг 218
Бамдад 28
Бамешвара (Камешвара) 361
Бана 145
Баны 284
Бапном 100
Барави Р. 234
Барани Зия уд-дин 423—425, 427, 454, 457, 460, 464
Барбоша Дуарте 473, 482, 486
Барбуд 33
Барг М.А. 638
Баркук (Захир Баркук) 521, 522
ал-Барм см. Юсуф ал-Барм
Бармак 125
Бармакиды 125, 127
Барсбей 520, 522
Бартольд В.В. 370
Барчук 376

Басава 290
Басопьи (Калима Шах) 596
Бату-Мунхэ см. Даян-хан
Бату-хан (Батый) 383, 409, 410, 413, 414, 516
Баха ад-Даула 224
Бахадур Али Мухаммад-хан 471, 474, 476
Бахадур Таир 424
Бахлул-хан Лоди 467, 473
Бахманиды 469—471, 473, 476, 481, 482
Бахрам V Гур 30
Бахрам Чубин (Чобин) 29, 31, 32, 65, 66
Бахри 518, 519
Баязид I (Баязид Ансари) 438, 445, 448, 497, 499, 501
Баян 64
Баян (канцлер) 390
Баян-Мунхэ-Болху-джинонг 525
Баян Тимур 401
Бейбарс Бундукдари 250, 519
Бектер 369
Беллини Джентиле 442
Берке 414
Беркйарук 273, 276, 277
Беха уд-дин Захариа Мултани 421
Бехзад 442
Бёгю-каган 156
Би Шэн 317
Бийе-пас 440
Бийе-пиш 440
Бильге-каган 153, 154
Бинья У 594, 596, 597
Бируни Абу Рейхан 260, 264, 462
Благден О. 199
Бо Цзюйи 172
Богра-хан Харун 266
Боди-Алаг 527
Бодончар 365, 366, 368
Бодуэн см. Балдуин I
Боорчу 370
Борджигид 525
Боромотрайлоканат 585, 587
Борте 369
Боэмунд III (антиохийский князь) 244
Боэмунд Тарентский 241—243
Брахма 142, 361, 477
Брахмагупта 145
Брахман 144, 145
Буга Старший 40
Бугра-хан (Насир уд-дин Мухаммад Бугра-шах) 425, 426
Будда 51, 59, 95, 96, 142, 143, 148, 191, 194, 214, 294, 297, 345, 353, 359, 489, 572, 577, 579, 591, 595
Буддхагупта (судовладелец) 96
Будхагупта 44
Буиды 223—225, 252, 253, 256—258, 260, 265, 270, 281
Букка (I) 480—483
Буку Чин 157
Бумын-каган 60, 63
Бурджи 518, 523
Бурхани 277
Бухари 361
Буюрук-хан 371
Бхавабхути 145
Бхававарман I 205
Бхававарман II 205
Бхавари 145
Бхатика Абхайя 59
Бхуванаикабаху V 489
Бхуванаикабаху VI (Самупал Кумарая) 491—493
Бэгэрсэн-тайши 526
Бянь Вэньцзинь 545

аль-Ваззани 231
Вайньягупта 45
Вакатаки 41, 44, 283
Вакпати 145
Валабхи см. Майтраки
Валериан 30, 34
ал-Валид I 122, 124
Ван Аньго 371
Ван Аньши 303, 307
Ван Вэй 172, 173
Ван Гон 176, 327, 332
Ван Лунь 315
Ван Саньчжи 162
Ван Сяобо 315
Ван-хан (Онг-хан) см. Тоорил-хаган
Ван Цзе 315
Ван Чжэньпэн 397
Ван Шифу (Ван Дэсинь) 397
Ваньянь Сан 371
Варахамихира 52, 145
Вареру 596
Вартема Л. 486
Варуна 42
Васабха 53, 56
Василий II 40, 131
Василий (глава богомилов) 136
Василий Медная Рука 136
Василий (купец) 520
Васильев Л.С. 617
Вассаф 417
Васубандху 52
Васудева I 41
Ватсараджа Гурджара-Пратихара 140
Ватсьяяна 52
Вахтанг 30
Вачаган III 36
Веджих ад-дин Масуд 432, 433
Венката II 482
Виджайя (Нарарья Сангграм Виджайя, Кертараджаса Джайявардхана) 362, 405, 588—590
Виджайя Раджаса 589
Виджаябаху см. Магха

Виджаябаху I (Виджайа Ваху) 147, 148, 292—294, 356
Виджаябаху II 295
Виджаябаху III 297, 489
Виджнянешвара 292
Видьяпати Тхакур 464
Видьяранья (Мадхавачарья) 480, 486
Викканта Чамунакки 296
Викрама (династия) 199, 200
Викрамабаху I 293
Викрамавардхана 589
Викрамадитья см. Чандрагупта II
Викрамадитья (правитель Гвалиура) 469
Виллипуттурар 486
Винитаручи 193, 194
Вира Нарасимха 482
Вирупакша 480; см. также Шива
Виссарион Никейский 513—514
Вишну 52, 53, 99, 101, 142, 143, 148, 199, 205, 465, 477
Вишнувардхана см. Джайя Вишнувардхана
Вишнугупта 45
Владимир Мономах 516
Владимирцов Б.Я. 368, 370, 375
Во Нгон Тхонг (кит. У Янь Тун) 194
Вонджон 399
Вонсон 175
Восточная Цзинь 80
Всеволод 516
Вэй ван Юнь Цзи 377
Вэймин см. Тоба
Вэньсюань см. Конфуций
Вэньху см. Чжан Вэньху

Гагик Арцруни 40
Гаджабаху II 293, 294
Гаджах Мада 589, 590
ал-Газали 231, 239
Газан-хан 411, 415—417, 439
Газневиды 253, 256, 257, 259, 265, 274, 418, 422, 427
Гайдар-хан Инал 379, 380
Гайятри 589
Галерий 30
Гамбис Л. 370, 379
Ганапати (Нага) 42
Ганапати 52; см. также Ганеша
Ганги 284
Гандзакеци Киракос 413
Гандринг 361
Ганеша 52, 143; см. также Ганапати
Гао Цянь 196
Гао Син 405
Гао Сяньчжи 161
Гарасакан (Шри махараджа мапанджи Гарасакан) 361
Гардизи 254
Гатифар 64
Гаудапада 144
Гаухар-шад 442
Гахадавалы 420
Генрих III 448
Генрих IV 448
Георгий III 516
Георгий V Блистательный 416, 516
Георгий Гемист Плифон 513
Георгий Лаша 516
Гийас уд-дин (внук Фируз-шаха) 455
Гийас уд-дин Балбан (Улуг-хан) 424—428, 460, 465
Гийас ад-дин Кейкубад II 412
Гийас ад-дин Курт гератский 434
Гийас уд-дин (Туглак) см. Малик Гази
Гийяс уд-дин Али 443
Гийяс уд-дин Джемшид 449
Го Пу 80
Го Цзысин 390
Го Шоуцзин 396
Говинда III 140
Говинда (кузнец) 479
Говиндараджа 292
Годайго 560
Гора 291
Госандзё 340
Готфрид Бульонский 241—243
Григорий Палама 514
Гу Кайчжи 81
Гуань Ханьцин 397
Гун Чжэнь 544
Гунаварман 100
Гупта (Шри Гупта) 41
Гупты 12, 41, 43—47, 50, 52, 53, 96, 298
Гурджара-Пратихары 139, 140, 283
Гуревич А.Я. 617
Гуриды 282, 418, 419, 427
Гухилоты 283
Гуюк 409, 410
Гхатоткача 41
Гхатоткача Гупта 44
Гэ Хун 80
Гэрэсэндзе 527

Давид 38
Давид (правитель Тао-Кларджети) 40
Давид Комнин 39, 503
Давид IV Строитель 275, 515, 516
Давуд, эмир 447
Дай Цзинь 545
Дайго 189
Дайсун-хан 525
Дакики 255, 259
Данданг Гула 363
Дандин 145
Данишменд-хаджиб 371
Данишменды 273
Дао-ань 80
Дата Гандж Бахш 421
Дат-ма-де-ба (Дхармадева) 193
Датхопатисса 146
Дауд (Сельджукид, сын Махмуда) 275

Дауд Чагры-бек 267, 269, 270
Даян-хан 525—527
Де Тхань Тон 576
Деванампиятисса 53
Деваннабхатта 292
Деварая I 483
Деварая II 481, 483, 486
Деопик Д.В. 197, 216
Джайхани 256
Джайя Вишнувардхана 362
Джайябхайя 361, 363
Джайякатванг 362, 588
Джайянагара 589
Джалал ад-дин см. Джелал-ад-дин
Джалал уд-дин (Делийский султанат) 426, 451
Джалалуддин Ахсан Шах 480
Джами Абдуррахман 441, 449
Джауна-хан см. Мухаммад-шах Туглак
Джаухар 233
Джафар 386
Джафар (двоюродный брат Мухаммада) 109
Джафар-ходжа 371
Джаябаху I 293
Джаяварман 101
Джаяварман I 206
Джаяварман II 208
Джаяварман III 209
Джаяварман IV 210
Джаяварман V 210, 211
Джаяварман VI 212
Джаяварман VII 214, 215, 575
Джаяварман VIII 576, 577
Джаяварман IX 577
Джаявираварман I 211
Джаядева 290, 465
Джебе-нойон см. Чжебе
Джеваншир 37
Джелаириды 416, 431, 437, 448
Джелал-ад-дин (Джалал ад-дин, Джелал ад-дин, Джелал уд-дин) 379, 380, 381, 407, 408, 423
Джехан-шах (Кара Коюнлу) 436—438, 442, 448
Джимутавахана 292
Джовани Монтекорвино 389
Джовани Мариньоли 389
Джога 291
Джотия Ситана 493
Джувейни Ата Малик 373, 417
Джузджани Минхадж ибн Сирадж уд-дин 379, 422, 424, 426
Джурджани Али ибн Мухаммад 450
Джучи-хан см. Чжочи
Джучиды 414, 516
Дзито 181
Дзиэн 346
Дизавул см. Истеми
Динар см. Малик Динар
Динь 347, 348
Динь Бо Линь 347, 348
Диоклетиан 35
Дмитрий Кидонис 513
Добун-Мерген 365
Доулат-хан 467
Доулетшах (Доулат-шах) 442, 446
Ду Фу 172
Ду Ю 172
Дубайс (Мазйадит) 281
Дукак 241, 242
Дурга 52, 101
Дхаммазеди 598
Дхараниндраварман II 213
Дхарешвара 292
Дхармавангша 217, 219
Дхармадева см. Дат-ма-де-ба
Дхармапала 140
Дхармашока 297
Дхатусена 53, 54, 147
Дхрува Раштракута 140
Дхрувадэви 43
Дэ-ван 382
Дэмин (Сипин) 320, 322, 323

Евдокия 66
Елюй (дом) 366
Елюй Ахай 383
Елюй Даши 278, 366
Елюй Люгэ 377
Елюй Тухуа 383
Елюй Чуцай 386—388, 391
Есу Мункэ 409
Есу Тимур 403
Есугай-баатур 369

Ём 547, 549
Ён Кэсомун 89
Ёриёси 336
Ёрииэ 342
Ёримити 336
Ёринобу см. Минамото Ёринобу
Ёсимицу 561, 567, 570

Жуань Цзи 81
Жэньсяо 324—326

Зайд ибн Хариса 109
Закани Убейд 417, 436
Занги ибн Халифа 279
Зангиды см. Зенгиды
Западные кшатрапы 42, 43
Заратуштра 258
Зафар-хан см. Музаффар-хан
аз-Зафир 237
аз-Захир 233
Захир Баркук см. Баркук
Земарх 31, 65
Зенгиды (Зангиды) 238, 274
Зикравайх 223
Зириды 230, 236

Зияриды (Зийариды) 265, 270
аз-Зубайр 118, 120
Зыонг Тхан 196

И-цзин (И Цзин) 172, 216
И Шон 194
Ибн Абул-саджа 41
Ибн аль-Араби 233
Ибн Арабшах 437
Ибн-аль-Асир (Ибн ал-Асир) 380, 381, 408, 417
Ибн Баттута (Ибн Батута) 454, 457, 464, 488
Ибн ал-Джиан 519
Ибн Джубайр 247
Ибн аз-Зубайр см. Абдаллах (сын аз-Зубайра)
Ибн Исфендийар 442
Ибн Кафрадж Богра 379
Ибн Киллис 234, 235
Ибн Маммати 235
Ибн Мукаффа 32, 258
Ибн Сина Абу Али (Авиценна) 260, 264
Ибн Тумарт 231, 232
Ибн Халдун 231
Ибн Хаукаль 256
Ибн Ясин см. Абдаллах ибн Ясин
Ибрагим 526
Ибрахим (Авраам) 105, 108
Ибрахим ибн Аглаб 128
Ибрахим ибн Масуд 270
Ибрахим ибн ал-Махди 128
Ибрахим ибн Мухаммад 124
Ибрахим-Султан 448
Ибрахим-шах Лоди 468, 469, 476
Иван II Асень 505—508
Иван III 438
Идрис 128
Идриси (аль-Идриси) 217, 295, 462
Идрисиды 128, 228
Иеронимо Адорио 597
Иеронимо ди Сан Стефано 597
Изз ад-Даула 224
Иисус см. Иса
Илах см. Аллах
Илйас 129
Илтутмыш см. Шамс ад-дин Илтутмыш
Иль-Арслан 267
Ильтериш-каган (Кутлуг-чор) 151, 153
Ильяс-Ходжа 412
Имададдин Занги 243
Имад-шахи 471
Инал 520, 522, 523
Инань-каган 153
Инджон 329
Индра 42, 101, 206
Индра III 140
Индраварман I 209
Индраварман II 575
Индраварман V 401, 402
Индраджаяварман 577
Иоанн II 132
Иоанн III Ватац 508
Иоанн Кантакузин 513
Иоанн V Палеолог 513
Иосиф 441
Ираклий 31, 36, 66, 115
Ирён 333
Иса (Иисус) 105, 112
Исаврийская династия 135
Исмаил ибн Джафар 126
Исмаил Саманид (Исмаил Самани) 254, 255, 260, 264
Исмаил Сефевид (Исмаил I) 441, 450
Исмал-тайши 526
ал-Истахри 256, 258
Истеми (Дизавул, Сильзибул, Синджибу) 64, 65
Ихтийар ад-дин Айтак 280
Ишами 459, 464
Ишановарман I 205, 206

Йазди Шереф ад-дин 437
Йаздигерд I 30
Йаздигерд II 30
Йазид (сын Муавии) 112, 119—121
Йазид II 123
Йазури 235
Йакуб (Ак Коюнлу) 439
Йакуб ибн Лейс ас-Саффар 131, 253, 254
Йакути 271
Йахйа 129
Йездигерд III 117
Йыпар Кутлуг-каган 155

Кабир 478
Кабус 261
Кавад I см. Кобад
Кавурд 270, 271
Кавурдиты 270
Кадамбы 284
ал-Кадир 225
Кадыр-хан Джабраил 277
ал-Казвини Захарийа 417
Казвини Хамдуллах 417
ал-Каим 270
Каитбей 520, 522, 523
Кайаниды 32
Какатьи из Варангала 285, 451, 480
Калаун 519, 521
Калачури (Хайхая) 283
Калашива 193
Кали 143
Калидаса 52, 146
Калки 45, 142
Кальянавати 297
Кальянаручи 193
Кам Тхань 194
Камадеви 204
Камандака 144
Камбан 291

Камбу Сваямбхува 205
Камвау 212
ал-Камил 249
Кампанна II 481
Кан Хиан 559
Кансу I 358
Кансу III 360
Кансух Гури 523—524
Капаган-каган 153, 154
Капая-наяк 480
Кара-каган 60
Кара Коюнлу (Кара-Коюнлы) 435—438, 442, 448, 523
Кара Хулагу 409—410
Караманиды 494
Караханиды 257, 265
Карены 24
Карл VI Валуа 448
Карл Великий 21
Карл Мартелл 122
Карр 30
Картикея 52, 143
Касим Барид 471
Кассапа 54, 146
Кассапа III 146
Като Кагэмаса 344
Каудинья II 101
Кашлу-хан 424
Квангэтхо 85
Кебек-хан 411
Кей-Хосроу 426
Кейкубад 426, 465
Кен Ангрок, Рангтах Раджаса 361—362
Кербуга 242
Кертанагара 362, 400, 404, 405, 589
Кертараджаса Джайявардхана см. Виджайя
Кёндок 177
Кёнмун 175
Кёнсун 176
Кёнхвон 176, 327
Ки-но Цураюки 337
Киёмори 340
Кизыл Сарыг 276
Ким 88, 174—176
Ким Бусик 329, 333
Ким Мактон (Ким Ильдон) 558
Ким Сами 329
Ким Сисып 559
Ким Тэмун 179
Ким Юсин 174, 175
Ки-но Цураюки 338
Кинда (род) 114
Кир (ал-Мукаукис) 117
Китабатакэ Тикафуса 570
Китти 296
Китти Шри Нишшанка Малла см. Нишшанка Малла
Киттисена 54
Кият (род) 367
Клавихо, Гонсалес Руис де 434, 444, 445, 447, 448
Клыч Арслан см. Кылыч Арслан
Кобад (Кавад I) 28, 31
Кобад Шируйе 31
Ковалевский М.М. 428
Козлов П.К. 326
Кокочу (Теб-Тенгрий) 370, 373
Колофен 200
Комё 560
Конмин 547
Конрад III 244
Конрад Монферратский 238
Константин I 15, 35
Константин V 131, 135
Константин XI Палеолог 509
Конти, Николо (ди) 473, 486, 595, 597
Конфуций (Вэньсюань) 325
Коу Цяньчжи 80
Кришна 142—144, 290, 292, 465
Кришна II 140
Кришнадеварая 482—484, 486
Кубера 42
Кудда Паринда 148
Кули-чор (Курсуль) 154
Кулинга 55, 295
Куллука 292
Кулоттунга I 217
Кумара 52
Кумара Вьяса 486
Кумарагупта I 43, 44
Кумарагупта II 45
Кумарагупта III 45
Кумарадэви 41
Кумарадхатусена 54, 147
Кумач 279
Кун Инда 172
Кунъе 176, 327
Куньлун 200
Курсуль см. Кули-чор
Курты 416, 431
Кусумавардхани 589
Кутб уд-дин Айбек 418—420, 422
Кутб уд-дин Бахтияр Каки 423
Кутб уд-дин Мубарак-шах 453, 454, 456
Кутб ад-дин Мухаммад 277
Кутейба ибн Муслим 263
Кути 589
Кутлуг-чор см. Ильтериш-каган
Кутлуг-ябгу 154
Кутуз 519
Кучлук (Кучлук-хан) 373, 376, 379, 383, 405, 406
Кушаны 11, 13, 30, 44
Кхук Тхуа За 346
Кшемендра 291
Кшудра 193
Кызласов Л.Р. 366
Кылыч Арслан (Клыч Арслан) 241, 273

Кюль-багатур 66
Кюль-тегин (Кюль-Тегин) 153, 365
Кюлюг бага-таркан 157

Ладжин Хусам ад-дин 519
Лазарь 496
Лакшмана 142
Лакшми 44, 52, 205
Лакшмидхара 292, 462
Лалитадитья 139
Ламбакарна 53—55
Лампон 578
Ланджунг Ахьес (Шри махараджа мапанджи Ланджунг Ахьес) 361
Лань Жань 544
Лао-цзы 172
ал-Лат 103
Ле (Поздние Ле) 573—575
Ле Дай Хань см. Ле Хоан
Ле Лой 573
Ле Нян Тон 573
Ле Тхань Тон 575
Ле Хоан (Ле Дай Нань) 348
Лев III 131
Ли см. Хо Кюи Ли
Ли (род) 196
Ли (династия, осн. Ли Сонге) 553, 556, 558
Ли Бо 172
Ли Бон 195
Ли Гюбо 333
Ли Даоюань 79
Ли Джагём 329
Ли Джаён 329
Ли Дунъян 544
Ли Линьфу 164
Ли Минчжун 316
Ли Сиэ 557
Ли Сонге 549, 551
Ли Сысюнь 173
Ли Тхай Тонг 194
Ли Тхиен Тонг 350
Ли Тхыонг Киет 350
Ли Фат Ты 194—186
Ли Чуньфэн 171
Ли Шаньчан 528
Ли Шидао 175
Ли Шиминь 158
Ли Шунь 315
Ли Юань 158
Лигдан 525
Лилавати 296
Лим 547, 549
Линь Лян 545
Ло Гуаньчжун 544
Локапала см. Пу Локапала
Лот 105
Лоу Лян 544
Лу Таньвэнь 81
Лу Фань 172
Лу Цзи 79
Лю Тай 582, 587
Лю Футун 390
Лю Цзи 397, 544
Лю Цзунюань 172
Лю Цзянь 543
Лю Юань 69
Лю Юй 69
Людовик VII 244
Людовик IX 250
Лян 324
Ляо 366, 383

Ма Хуань 472, 544
Ма Цзучан 397
Ма-алих Баяудец 365
Маврикий 31
Магха (Виджаябаху) 297
Мадхва 290
Маздак 28, 30, 32
Мазйадиты 224, 275, 280, 281
Май Тхух Лоан 196
Майтраки (Валабхи) 45, 143
Майтрейя 80
Македонская династия 40, 133, 136
ал-Макризи 520, 522
Малик Ас-Салех 401
Малик Гази (Гийас уд-дин Туглак) 454—457
Малик Динар 274, 280
Малик Кафур 451, 453, 454
ал-Малик ар-Рахим 225
Малик Сарвар 455
Малик Султан-шах Лоди 476
Малик Хосроу 422
Малик-шах (Маликшах) 266, 267, 271—273, 276, 280
Мамай 445
Мамиконяны 38
ал-Мамун (Мамун) 128—130, 222, 253, 254, 263
Мамун II 264
Мамун ибн Мухаммад 264
Мамуниды 264
Ман Лулан 357
Манабхарана 294
Манавамма 146
Манат 103
Мангутах 424
Мандугул-хан 525
Мандулай-Агулху 526
Мандухай-хатун 525
Мани 32, 156
Мани (XII в.) 329
Маниах 65
ал-Мансур 125, 127
Ману 206, 596
Мануил I 132
Марадживака 193
Мар'аши Захир ад-дин 442
Марван II (Мерван ибн Мухаммед) 37, 124, 125

Марван ибн ал-Хакам 122
Марваниды 270
Марко Поло 389, 393, 400
Маркс К. 6, 292, 600—602, 604, 605, 607—609, 611—614, 618
Маслама 122
Масуд-бек 409, 410
Масуд Газневи (Масуд ибн Махмуд) 257, 266, 269, 421
Масуд ибн Мухаммад 275
ал-Масуди (Масуди) 31, 217, 250, 257—259
Матридаса 45
Матугэн 409
Маукхари из Канауджа 45, 139
Маулана-заде (Маулана-задэ) 434, 443
Маулана Хурдук-и Бухари 443
Маурер Г.Л. 602
Маурьи 298
Махавира 143
Махадхармарачатирача (Махадхармарача) см. Лю Тай
Махакала 422
Маханама 53, 147
Махасена 53, 56, 58, 147
Махендра 44
Махендраварман см. Читрасена
Махендраварман Паллава 143
Махинда 53, 59
Махинда I 146
Махинда II 147, 148
Махинда IV 146
Махинда VI 295
Махмуд I (правитель Мальвы) 470
Махмуд III 475
Махмуд (сын Маликшаха) 273
Махмуд (сын Союргатмыша) 443
Махмуд Гаван (Меликтучар) 470, 471, 474
Махмуд Газневи 256, 257, 259, 260, 264, 266, 285, 418, 420, 421
Махмуд ибн Мухаммад (Махмуд II) 274, 281
Махмуд ибн Мухаммад Арслан-хан 277, 278
Махмуд Салих 238
Махмуд Тараби 409
Махмуд Ялован 407, 409
Махмуд-шах Бегара 471—473
Мегасфен 59
Мегхаварна 42
Медведев И.П. 514
Менандр 65
Менглик-каган (Панле-тегин Яглакар) 157
Менграй 580
Менгу см. Мункэ
Мерван ибн Мухаммед см. Марван II
Мердавидж ибн Зияр 256, 264, 265
Меру 205
«Мессия, сын Марии» см. Иса
Месроп Маштоц 36
Мехмед (сын Баязида) 497
Мехмед II Фатих (Завоеватель) 499, 501, 503, 504, 509
Мёнджон 329
Мёчхон 329
Мин 327, 390, 448, 489, 530, 533, 539, 542, 547, 573, 594
Мин (монах) 180
Минамото 336, 340—342, 561
Минамото Ёринобу 336
Минамото Ёритомо 341, 342
Минамото Ёсииэ 340
Минджи Свасоке 594, 595, 597
Минкхаун 594, 597
Минтха 595, 596
Мир Сайид Мухаммад 476, 477
Миран-шах 435, 437, 448
Мирдасиды 236
Мириан 35
Мирхонд 441
Митинага 336
Митта 293
Михаил V 136
Михаил VIII Палеолог 508
Михиракула 45, 143
Михраниды 24
Мичэнь 200
Мовсес Хоренаци 33
Моггаллана I 54, 146, 147
Моггаллана II 54
Моггаллана III 147
Моголы (Великие Моголы) 451, 457, 469, 480
Модипо 200
Моисей см. Муса
Момму 181
Морган Г.Л. 602
Морланд У. 428
Мокчон 328
Мория 53—55
Мосс М. 605
Мохньинтадо 594
Муавия 112, 118, 119, 122, 129
Муаззам Туран-шах 239, 518
Муайид Айаба 279—280
Муаййад 522
Мубарак-шах см. Кутб уд-дин Мубарак-шах
Мубарак-шах (сын Хизр-хана) 467
Муган-каган 60, 61
Музаффариды 416, 431, 435, 436, 444
Музаффар-хан (позд. Музаффар-шах I) 455, 466, 471
ал-Муизз 233, 237
Муизз ад-Даула 224
ал-Мукаддаси 256
Муканна (Хашим ибн Хаким) 126, 129
ал-Мукаукис см. Кир
ал-Муктафи 281
Мукундарадж 291
Муминиды 232, 233
Мунджон 328—330

Мункэ (Менгу) 384, 385, 399, 410—413
Мунлик 372
Мунму 174, 175
ал-Мунтасир 223
Мунши Дживан Лал 460
Мурад 440
Мурад I 497, 508
Муса (Моисей) 105
Муса (сын Баязида) 497, 502
Муса ибн Нусайр 122
Муса ибн Сельджук (Муса Байгу) 269, 270
Мусайлима 114
ал-Мустади 238, 281
ал-Мустазхир 273, 277
ал-Мустаин 222
ал-Мустакфи 224
ал-Мустали 237
ал-Мустанджид 281
ал-Мустансир 282
ал-Мустансир (Фатимид) 236
ал-Мустаршид 280, 281
ал-Мустасим 282
Мустафа Берклюдже 502
ал-Мутаваккил 222
ал-Мутадид 130, 224
ал-Мутазз 222
Мутамид 255
ал-Мутасим (ал-Му'тасим) 129, 130, 222, 282
ал-Мути 224
Мухали 378, 382, 386
Мухаммад (Мухаммед) 37, 104—109, 112—119, 124, 126, 129, 232, 233, 415, 463
Мухаммад (ибн Али) 124
Мухаммад (сын Маликшаха) 273, 274, 276, 281
Мухаммад (Тахирид) 131
Мухаммад II (хорезмшах) см. Ала ад-дин Мухаммед
Мухаммад Арслан-хан см. Арслан-хан
Мухаммад Бакбак 426
Мухаммад Бахтияр Хилджи 418
Мухаммад Гури Гийяс уд-дин 418, 422
Мухаммад Гури Муиз уд-дин 285, 418—421, 427
Мухаммад ибн Исмаил 126
Мухаммад-хан (сын Балбана) 425, 426
Мухаммад-хан (сын Фируз-шаха) 455
Мухаммад-шах (XV в.) 467
Мухаммад-шах I Бахман 469
Мухаммад-шах Туглак 454—457, 459, 464, 465, 469, 480
Мухаммед (хорезмшах) см. Ала ад-дин Мухаммед
Мухаммед бин Касим (Мухаммад ибн-Касим) 140, 420
Мухий ал-Ислам Арслан-шах 274
ал-Мухтади 222
ал-Мухтар 121
«Мушаша, сын феллаха» 523
Муюны 85
Мхитар Гош 518
Мэн Сасон 559
Мэн Хаожань 172
Мэн Ци 404

Нагабхата II Гурджара-Пратихара 140
Нагасена 42
Нагачу 524
Наги 41, 43, 46
Накамуко-но Гэнри 180
Наканооэ 180; см. также Тэндзи
Накатоми Камако (позд. Фудзивара Каматари) 180
Намби 589
Намдев 478
Нанак 478
Нанниям 292
Нарамейхла (Минсоман) 595, 596
Нарапати 594, 595
Нарарья Сангграм Виджайя см. Виджайя
Нараса-наяк 481, 482
Нарасимха Салува 481
Нарасимхаварман I 139
Нарасингха 362
Нарасинхагупта 44
Наратихапате 400, 593
Нарахари 291
ан-Насир 281, 282, 380
Насир Мухаммад 519, 522
Насир уд-дин Кубача 422
Насир уд-дин Махмуд 424
Насир уд-дин Махмуд-шах 455, 466, 467
Насир уд-дин Мухаммад Бугра-шах см. Бугра-хан
Наср I 266
Наср ад-Дин (поход на Дайвьет) 402, 403
Наср ибн Ахмад 255
Наср ибн Саййар 124, 128
Натанзи Муин ад-дин 437
Натараджа 143
Нафис 450
Нгвеми см. Тоба
Нго 347
Нго Бе 571
Нго Кюйен 347
Нгуен Чай 573, 575
Нерсе 35
Нершахи 260
Несими 440, 441, 515, 518
Нестор 31
Ни Цзань 397
Нивар Ышбара-ябгу-каган 67
Низам аль-Мульк (Низам ал-Мулк) 266, 272, 273, 280
Низам уд-дин 426
Низами Гянджеви 441, 464, 517
Николо из Пистойи 389
Нимбарка 290

Нинтоку 93
Нишшанка Малла 296
Нитирэн 345
ан-Нуман 103
Нур ад-дин Зенги (Нураддин) 237, 238, 243, 244, 247
Нур-и Турк 424
Нух 129

Оама 181; см. также Тэмму
Огодой (Угедей, Угэдэй) 374, 380—384, 386, 388, 394, 407—410, 443, 524
Оденат 30
Одорико Порденоне 389
Озлаг-султан 407
Олджайду-хан 417
Олжейту-Тимур 405
Омар (поход на Дайвьет) 402—404
Омар II 123
Омар ибн ал-Хаттаб 113, 115—117
Омар Хайам 436, 441
Омейады (Омейяды, Умайяды) 37, 38, 119, 122, 124, 125, 225, 231, 420
Оркына 410
Орхан 495, 497, 498
Осман 494, 495, 504, 508
Османы 634
Отомо 181
Оттакуттан 291
Оэлун-фучжин 369

Пак 88
Пак Ён 559
Пакба-лама 397
Палеологи 508
Паллавы 41, 42, 139, 146, 284, 298
Палот 361
Палы 140, 141, 144, 283, 289
Пандьи 146, 147, 284, 285, 293, 295, 297, 298, 452, 480, 481, 489
Панле-тегин Яглакар см. Менглик-каган
Пап 35
Папак 24, 32
Папак см. Бабак
Паракрама 296
Паракрама Пандья 297
Паракрамабаху I 147, 293—296, 492
Паракрамабаху II 297
Паракрамабаху III 297
Паракрамабаху VI 490—493
Парамары 139, 283, 287
Парвати 143, 148
Паривраджаки 45
Пашупати 143
Периханян А.Г. 27
Пероз 30, 262
Петр Делян 136
Петр Отшельник 241
Петрушевский И.П. 234
Пир Мухаммад (Пир-Мухаммад) 448, 466
Пиреш Т. 473
Пишдадиды 32
Плано Карпини 408
Плиний 226
Плифон см. Георгий Гемист Плифон
Поджан 89
Поздние Ли 348—351
Поздняя Цзинь 300
Поздняя Чжоу 305
Понья Ят 578
Попхын 89
Потифар 441
Праварасена I Вакатака 41
Прапанча 591
Пратихары 139, 140, 283
Притхвирадж III (Раи Питхора) 418
Прокопий Кесарийский 30
Птолемей 98, 215
Пу см. Кёнсун
Пу Локапала (Локапала) 218
Пу Панулух 363
Пу Седах 363
Пугаленди 291
Пуё Юн 87
Пулакешин I 139
Пулакешин II 139
Пуругупта 44
Пушпабхути из Стханешвара 139
Пьетро ди Лукалонго 389
Пьинбу 355
Пьянчи 593
Пэй Сю 79

Раввадиды 257, 270
Раджараджа I 284, 288
Раджендра I 217, 284
Раджендраварман II 210, 211
Радха 290
Разадари 594, 597, 598
Разийя 424
Раи Питхора см. Притхвирадж III
Раймонд III 244, 248
Раймонд де Сен-Жилль 241
Рама 142, 143, 291
Рама Камхенг 580—582, 587
Рама Тибоди см. Утонг
Рама Тхуфдей 578
Рамагупта 43
Рамануджа 290
Рамапала 291
Рамараджа Аравиду 482
Рамарача 584
Рангта Лаве 589
Рангтах Раджаса см. Кен Ангрок
Ранние Ле 348
Ранние Ли 194—196
Рафи ибн Лайс 128, 129
ар-Рахман 104, 113, 114; см. также Аллах
Раху 214
Рачневский П. 367, 370

ар-Рашид см. Харун ар-Рашид
Рашид ад-дин 365, 367, 369—371, 375, 380, 412, 414—417
Рашид ад-дин Синан 238
Раштракуты 140, 283
Редди из Кондавиду 486
Рейснер Л.И. 634
Рене де Шатийон 247, 248
ар-Рида (Риза, Реза) см. Али ибн Муса
Ридван 241
Ричард I Львиное Сердце 249
Роман IV Диоген 40, 271
Рудаки 259
Рудра 143
Рукн («Махди») 463
Рукн ад-дин 413, 414
Руми Джелал ад-дин 417
Руми Кази-задэ 449
Руставели 517
Рустам 33
Рштуни Теодорос 37

Саад ибн Абу Ваккас 116
Саади 417, 441
ас-Саббах см. Хасан ас-Саббах
Саведжи Салман 417, 436
Савэ (Шаба) 65
Сагату 401—403
Саджиды 257
Сайиды 467, 473
Сакал-каган 154
Саккаки 450
Салах ад-дин Йусуф ибн Аййуб (Салах-аддин, Саладин) 237—239, 244, 245, 247—250, 519
Салариды 257
Салгуриды 274
Салих 239
Салува (Салувы) 481, 482
Саман (Саман-худа) 129, 254
Саманиды 222, 253—257, 259, 260, 263—265, 269
Самаравиджайя 361
Самсам ад-Даула 224
Самудрагупта 41—44, 46
Самупал Кумарая см. Бхуванаикабаху VI
Сангама (отец Харихары и Букки) 480
Сангама (семья, династия) 480, 481
Санграма 212
Санграма Виджайоттунгаварман 217
Сангум Илха 372
Сандаг Ш. 370
Санджайя 218
Санджар (ибн Маликшах) 267, 273—281
Сандхьякаранандин 291
Санэтомо 342
Саренг 476
Саритай 398
Саркаш 33
Сасан 24
Сасаниды 24—27, 29—34, 45, 66, 102, 103, 116, 255, 259, 261, 262, 265, 624, 635
Сатаваханы 283, 298
Саффариды 253—255
Сахассамалла 297
Сахнун ибн Саид 228
Саяначарья 486
Святослав 40
Се Линъюань 81
Се Хэ 81
Себуктегин 257
«Северные Юани» 547
Седес Ж. 95
Седжон 551
Сейф уд-дин Гури 469
Сельджук ибн Тугак 268
Сельджукиды 9, 10, 237, 243, 265—268, 270, 272, 273, 276, 277, 280—283
Иракские 275
Сена (цирюльник) 291
Сена I 147
Сена II 146—148
Сена III 147
Сена V 146
Сефи ад-дин 442
Сефевиды 440, 442, 450
Си Лецзи 404
Сиба 561
Сикандар бин-Мухаммад 472, 473, 475
Сикандар-шах Лоди 468, 469
Силакала 147
Силамегхаванна 147
Сильзибул см. Истеми
Симави Бедреддин 502
Синан см. Рашид ад-дин Синан
Сиджибу см. Истеми
Синдон 547
Синмун 175
Синь Цицзи 318
Сипин см. Дэмин
Сиракава 340
Сиримегхаванна 147
Сирхинди 474
Сита 142
Сканда 52
Скандагупта 44, 45
Слуат 212
Смбат Багратуни (иранский полководец) 66
Смбат I Багратуни 40
Сога 92, 180
Сок 88
Соланки см. Чаулукьи из Анахилапатаки
Соломон 38
Соль Чхон 179
Сомавамса 101
Сомадева 291
Сомвата 291
Сон Саммун 559
Сора 589

Сорахан 355
Сохни 592
Союргатмыш 443
Сталин И.В. 604, 610
Страбон 23
Су Ши (Су Дунпо) 318
Субетай-баатур (Субедай) 370, 380—382, 407, 412
Суй 61, 63, 92, 158, 165, 205
Сукхпал 421
Сулайхиды 238
Сулейман (посол) 401
Султан-шах 267
Сулук (Чабыш-чор Сулук, Сулук Чабыш-чор-каган) 123, 153, 154
Сун 300, 301, 305, 312, 320, 328, 347, 348, 350, 386
Сун (Южная Сун) 70
Сун Лянь 528, 544
Сун Цзян 315
Сунь Юн (Сун-юнь) 45, 80
Сурены 24
Сурья 203
Сурьявамса 99
Сурьяварман I 211, 212
Сурьяварман II 213
Сухита 589
Сушрута 52
Сыма (род) 68
Сыма Гуан 317
Сыма Янь 68
Сэй Сёнагон 337
Сюань Цзан (Сюань-цзан) 45, 171, 172, 206
Сюаньцзун 153, 156
Сюбаши 269
Сюй Да 528
Сюйцзюнь Баоцзи 397
Сюкетю-черби 380
Сяо Даочэн 70

ат-Табари (Табари) 32, 258—260, 417
Тадж уд-дин Йалдуз 419
Тадоминбья 593
ат-Таи 224
Тайра 340—342, 344
Тайра Масакадо 334
Тайра Тадацунэ 336
Тайцзун 151
Талха 118
Талха (сын Тахира ибн Хусейна) 254
Тамар 516
Тан 63, 92, 158, 159, 162, 165, 174, 206, 298, 310, 317, 364
Тан Инь 544
Тан Хэ 528
Тангу 398
Танк (Ахмад-шахи) 455, 471
Тансар 31
Тантулар 591
Тао Хунцзин 80
Тао Юаньмин 81
Тарагай 433
Тарачча 55
Тарду-шад 66
Таркан-хатун (жена Маликшаха) 273
Тармаширин 411
Таспар-каган 61
Тататунга 374
Тахир ибн Хусайн (Тахир ибн Хусейн) 129, 254
Тахириды 129, 131, 222, 255, 263
Таян-хан 371—373
Те 571
Теб-Тенгрий см. Кокочу
Тебоннг 571
Текеш 267
Темуге 381
Темучжин (Темучин) см. Чингис-хан
Тенгри-каган 153, 154
Теркен-хатун 381
ат-Тиджани 231
Тиккана 292
Тилуин Ман 357, 358
Тимманна 486
Тимур (Тамерлан, Тимурланг) 10, 412, 430, 431, 433—441, 443—451, 464—467, 471, 472, 497, 501, 508, 515, 516, 532
Тимур Малик 406
Тимур-хан 426
Тимуриды 10, 436, 438, 439, 442, 443, 446, 450
Тири Дхаммасенапати 595
Тируваллувар 145
Тирумала 482
Тоба 71, 81
Тоба (Вэймин, Нгвеми) 320, 324, 325
Тоба (японский император) 340
Тоба Цзицянь см. Цзицянь
Тоглук-Тимур (Туглук-Тимур) 411, 412, 433
Тогон-тайши 525
Тогон Тимур 390
Тогрул III 281
Тогрул-бек (Тугрил-бек) Мухаммад 225, 269, 270 280
Тогрул ибн Мухаммад 275
Тогучар-нойон 407
Токугава 624
Томары 418, 426
Тон бага-таркан см. Алп Кутлуг-бильге-каган
Тон-ябгу 66
Тоньюкук 153
Тоорил-хаган (Тоорил-хан) 368—372
Торамана 45
Торлак Кемаль 502
Тортугай-Кирилтух 369
Тохджайя 362
Тохтамыш 435, 444, 445, 517
Тохтоа-беки 373, 405
Трдат III 30, 35

Трибхувана 589
Трибхуванадитьяварман 214
Туган 402—404
Туглаки 455, 466, 467
Туглук-Тимур см. Тоглук-Тимур
Туграл-хан 425
Тугрил-бек см. Тогрул-бек Мухаммад
Тудун Ямтар 153
Тулайха 113, 114
Тулува (Тулувы) 481, 482
Тулуй 382, 406, 408, 410
Тулуниды 130, 222
Туманбей 524
Тумбинай-сечен 367
Тумиду 155
Тунгтул Аметунг 362
Туран-шах см. Муаззам Туран-шах
Туси Насир ад-дин 413, 416
Тутуш 273
Тухварсен Кут-чор-каган 154
Тхинкаба 593
Тхэджон 551, 555
Тхэджон-Мурёль 174, 175
Тэмму 181; см. также Оама
Тэндзи 181; см. также Наканооэ
Тяо Понья 578

У Даоцзы 173
У-ди 193
У Юйби 544
У Янь Тун см. Во Нгон Тхонг
Убайдаллах 223, 233
Угедей (Угэдэй) см. Огодой
Уда 189
Удайа II 147
Удаядитьяварман II 212
Узана 592
ал-Узза 103
Узун Хасан 438, 439, 503, 504, 517
Укайлиды 224, 280
Улак-нойон 380
Улуг-хан см. Гийас уд-дин Балбан
Улугбек 448—450
Улус-Болод 526
Ума 143, 148, 205
Умаййа (род) 107; см. также Омейады
Умайяды см. Омейады
Унсури 260
Упатисса II 54
Урбан II 239
Урнайр 35, 36
Урянхатай 399
Усман ибн Аффан 117, 118
Ут 368
Утонг (Рама Тибоди) 583, 584, 586
Ухуна 379
Уч-элиг 154

Фа Сянь (Фа-сянь) 51, 52, 80, 216
Фа-юнь 80
ал-Фаиз 237
Фан Ла 315
Фан Сяожу 544
Фанман 100
Фань Цзи 404
Фань Чэо 354
Фап Хиен 194
Фаррух-ясар 440
Фатима 119, 233
Фатимиды (Фатемиды) 223, 224, 230, 233—237, 241—245, 280, 637
Фахр уд-дин Мубарак-шах (Фахр-и Мудаббир) 420, 422
Феодор Ангел 505, 508
Феришта 461, 476
Фигани Баба 441
Филипп II 249
Фирдоуси Абул-Касим 28, 32, 33, 255, 259, 260, 441, 442
Фируз-шах 455—458, 460—464, 472
Фока 31
Фома Славянин 135
Фридрих Барбаросса 248—249
Фридрих II 249
Фудзивара 186, 336, 337, 339—342, 346
Фудзивара Каматари см. Накатоми Камако
Фудзивара Сумитомо 334
Фунг Хынг 196
Фэй Синь 544

Хабиб И. 459
Хабул-хан (хаган) 366, 367
ал-Хаджжадж 122
Хаджи-Моула 463
Хадиджа 106
Хайдар 129
Хайду 367, 389
Хайхая см. Калачури
Хайям Вурук 589, 590
Хакани 517
ал-Хаким 224
Халид ибн ал-Валид 107, 109, 114, 115
Халил-Султан 448
Халифе 431, 432
Халу Пу Джуру Самаротсаха (Шри махараджа рака Халу Пу Джуру Самаротсаха) 361
Хамза ал-Исфагани 32, 258
Ханзада 467
Хануман 142
Хань 13, 67, 80, 85, 354
Хань-ван 530
Хань Жулинь 370
Хань Шаньтун 390
Хань Юй 172
Харабхадра 465
Харгуцаг-тайджи 525
Хари-Хара 205
Хариджит 401
Харихара (I) 480, 483

Харихара II 480, 481, 483
Харсама 128
Харун ар-Рашид 127—129, 253, 280
Харша см. Харшавардхана Пушпабхути
Харшавардхана (Харша) Пушпабхути 139, 141, 143
Харшаварман III 212
Хасан (Буид) 256
Хасан (купец) 371
Хасан III 277
Хасан Дехлеви 464
Хасан Джури 433
Хасан (сын Али) 118
Хасан ибн Али (Караханид) 277
Хасан ибн Самин 276
Хасан ас-Саббах 276
Хасар 369, 370
Хатакэяма 561
Хафиз 436, 441
Хафиз-и Абру Лутфулла 437, 441, 447, 450
Хашим 105
Хашим ибн Хаким см. Муканна
Хашимиты (род) 105, 106
Хегон 175
Хемачандра 291
Хетум 412
Хё Сим 329
Хизр-хан 467
Хилали Бадриддин 441
Хильджи 451
Хишам 124, 125
Хо Кюи Ли 572, 573
Ходжа Муин уд-дин Систани 421
Ходзё 342, 560, 561
Ходзё Ёситоки 342
Ходзё Санэтоки 346
Ходзё Токиёри 342
Ходзё Токимунэ 559
Ходзё Ясутоки 342
Хойсалы из Дорасамудры (Двасамудры) 285, 452, 480, 481
Хондемир 441
Хонэн 345
Хорезмшахи 280
Хормизд 64
Хосокава 561
Хосров 437
Хосров I 27—29, 31, 33, 64, 65
Хосров II Парвиз 29, 31, 36
Хосров Бёри-шад 154
Хосроу-хан 454
Ху Вэйюн 529
Хуан Гунван 397
Хуан Чао 162
Хубилай 386, 388—390, 395, 396, 399—405, 410, 524
Хулагу-хан 276, 412—414, 416, 424, 451
Хулагуиды (Ильханы) 414, 415, 417, 432, 433, 493, 516, 634
Хулаху (имп. Цзинь) 277
Хумаюн 470
Хун-у 524
Хусейн (сын Али) 119, 120
Хусейн (правитель Балха) 412, 433, 434, 443
Хусейн Байкара 437, 441, 450
Хуту (Хутухту) 400, 402
Хуэй-юань 80
Хюэ Тханг 193, 194

Цао Пи 79
Цао Чжи 81
Цзинь 85
Цзицянь 320, 322, 323
Цзу Чунчжи 79
Цзун Бин 81
Цзуньсян (Цзунь-сян) 326, 378
Цзя Дань 171
Цзя Сысе 79
Цинь Гуй 303
Цяньшунь 324, 325

Чабыш-чор Сулук см. Сулук
Чагатаиды 411, 415, 416
Чагатай 380, 382, 407, 409, 410, 433, 434
Чагры-бек см. Дауд Чагры-бек
Чай 577
Чайтанья 479
Чалукьи из Ватапи 139, 140, 283
Чалукьи Восточные из Венги 284, 289
Чалукьи из Кальяни 283, 284, 289, 293
Чан 351, 571
Чан Ань Тонг 571
Чан Ёнъги 557
Чан Тху До 351
Чан Хынг Дао 353, 402—404
Чанделлы 283
Чандра 198
Чандра (царь) 43
Чандрабхану 297
Чандрагупта I 41
Чандрагупта II 43, 44, 51, 52
Чаракай-линку 367
Чаулукьи (Соланки) из Анхильвады (Анахилапатаки) 138—140, 451
Чауханы (Чахаманы) из Сакамбхари 283, 418, 426
Чахаманы (Чауханы) 139, 283
Чахэ 377
Черепнин Л.В. 631
Черкесская династия см. Бурджи
Черы 284, 298
Чжамуха 369—373
Чжан Вэньху 403
Чжан Хай 315
Чжан Цзай 317
Чжан Чжу 397
Чжан Юй 315
Чжан Юн 401
Чжао Гоу 303

Чжао Жугуа 317
Чжао Куаньинь 300
Чжао Мэнфу 397
Чжебе (Джебе-нойон) 379—382, 406, 407, 412
Чжелме 370
Чжи-мэн 80
Чжия 377
Чжоу Дуньи 317
Чжочи (Джучи-хан) 372, 376, 380, 381, 406, 407, 409, 410
Чжу Вэнь 162
Чжу Ди 530, 532
Чжу Си 304, 317
Чжу Цичжэнь (Ин-цзун, Чжэн-тун) 525, 526, 530
Чжу Циюй (Цзин-цзун) 530
Чжу Юаньчжан 390, 528—531, 533—535, 540, 545
Чжу Юньвэнь 530
Чжэн-тун см. Чжу Цичжэнь
Чжэн Хэ 489, 490, 532, 537, 544
Чжэн Цяо 317
Чиеу Куанг Фук 195
Чиккадевараяр 485
Чингис-хан 9, 10, 326, 327, 365, 367—384, 388—390, 405—409, 411, 412, 423, 433, 434, 443, 516, 525, 527, 635
Чингисиды 9, 405, 410, 414, 415
Чинсон 175
Читрасена (позд. Махендраварман) 205
Членов М.А. 216
Чо Джун 549
Чо Ён 333
Чобан 416
Чобаниды 416, 431
Чокха 291
Чолы 140, 147, 148, 217, 283, 284, 288, 290, 292—294, 298, 356
Чон Гыгин 559
Чон Джунбу 329
Чон Доджон 549
Чон Монджу 549
Чон Нинджи 558
Чормагун 408
Чосва 403
Чудаманивармавихара 217
Чунью 326
Чхве (род) 399
Чхве Ён 547
Чхве Мусон 558
Чхве Хэсан 558
Чхве Чхивон 179
Чхве Чхунхон 329
Чхве Ый 399
Чэлодай 399
Чэн И 317
Чэн Хао 317
Чэнь Сяньчжан 544
Шаба см. Савэ
Шавар 237, 244
Шаддадиты 270
Шаджарат ад-Дурр 239
аш-Шазили 233
Шайлендра 216—218
Шакти 143
Шамбувараи 481
Шами Низам ад-дин 437
Шамс ад-дин (Шамс уд-дин) Илтутмыш 407, 422—424, 427
Шамс ад-Дин Иль-Дениз 281
Шамс уд-дин (посол) 401
Шамс ал-Мульк (Караханид) 271
Шанкарачарья (Шанкара) 143, 144
Шапур I 24, 25, 30, 32, 34
Шапур II 25, 26, 30
Шарвы 44
Шарки 467
Шарма Р.Ш. 137
Шафи 424
Шахрух 435—437, 442, 448—450
Шашанка 139
Шегуй 66
Шейбани-хан Мухаммад 450
Шейбаниды 451
Шеккилар 291
Шер-хан Сункар 425
Шеро 37
Ши Би 405
Ши Найань 544
Ши Сы-Мин 156
Ши Цзинтан 300
Шиби-каган 63
Шива 52, 101, 142, 143, 146, 148, 198, 205—207, 209, 216, 290, 361, 480, 591
Шиги-Хутухту 381
Шин Арахан 355—356
Шин Уттамачжо 595
Шинсобу 598
Ширази Кавам ад-дин 442
Ширин 437
Ширкух 237, 238, 244
Шихаб ад-дин Хиваки 406
Шихаб уд-дин Ахмад 470
Шри Гупта см. Гупта
Шри Индраварман 101
Шри Индраварман III 577
Шри махараджа мапанджи Гарасакан см. Гарасакан
Шри махараджа мапанджи Ланджунг Ахьес см. Ланджунг Ахьес
Шри махараджа рака Халу Пу Джуру Самаротсаха см. Халу Пу Джуру Самаротсаха
Шринатха 486
Шудрака 51, 146
Шэнь Чжоу 545
Шэнь Юэ 79

Ыйджон 329
Ышбара Эльтериш Шир-каган 66

Эль-каган 63, 64
Энгельс Ф. 601, 602, 618
Эррапрагада 292
Эртогрул 494
Эсэн-тайши 525, 527

Юань 326, 384, 390, 394—396, 402, 405, 448, 524, 526, 528, 546, 547, 549, 571, 634, 635
Юань (фамилия императора) 71
Юань Шу 317
Юаньхао 322—325
Южная Сун (XII—XIII вв.) 303, 391, 398, 399
Южные Хань 347
Юй Цянь 532
Юн-лэ 524
Юрий (Георгий) (муж царицы Тамар) 516
Юрий Кончакович 382
Юряку 93
Юстиниан 18, 21—23, 64
Юсуф ал-Барм 126
Юсуф ибн Абул-садж 40

Ягдар Ахмад 467
Яглакары 156
Ядавы из Девагири 285
Яма 42
Ян Гуан 157
Ян Хундао 397
Ян Цзянь 71, 157, 158
Ян Шици 544
Ян Янь 164
Янгиль 176
Янмакан 357
Янь Шигу 172
Яшоварман I 209, 210
Яшоварман II 213
Яшоварман из Канауджа 139, 145
Яшодхарман из династии Ауликаров 45
Яшодхарман Чанделла из Малвы 139

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аб-и Сабух, р. 450
Аббасидов халифат (Аббасидский халифат) 10, 113, 126, 130, 131, 222, 223, 228, 251, 257
Абескун (Гюмюш-тепе) 265
Абиверд (Абивард) 279, 280, 441
Абхазия 36, 38
Абхазское государство 38, 40
Ава 594, 595, 597, 598
Ава (Ин-ва), г. 593, 594, 597
Аве 275
Аглабидов эмират 228
Агра 468, 477
Аден 103, 473, 521
Аджмер 418, 421
Аджнадайн 115
Аджанта 146
Аджудхан 466
Адрианополь (Эдирне) 134, 496, 505, 508, 513
Адриатическое побережье 132, 508
Азербайджан 26, 34, 39, 40, 129, 225, 250, 251, 256, 258, 259, 270, 273—275, 281, 282, 381, 412, 416, 426, 435, 448, 514, 515
  Южный 222, 270, 414, 435, 440, 442, 514, 517, 518
Азия 5, 8, 9, 11—13, 15, 33, 34, 97, 208, 209, 222, 322, 383, 406, 430, 431, 461, 473, 505, 521, 600—602, 614, 624, 626, 627
  Восточная 11—13, 192, 377, 383
  Западная 102, 269, 586
  Малая 15, 18, 19, 31, 41, 128, 131, 132, 135, 136, 239, 241, 243, 244, 248, 263, 265, 266, 270—273, 281, 282, 412, 414, 417, 435, 438, 439, 493—500, 502—505, 508, 509, 517
  Передняя 31, 59, 61, 98, 102, 161, 269, 271, 389, 393, 408, 440
  Средняя 5, 9—11, 30, 32, 40, 60, 61, 63—66, 81, 124—127, 154, 161, 251, 255, 261, 262, 263—269, 271, 274, 277, 278, 285, 379, 380, 405—407, 409—411, 418, 419, 421—423, 428, 431, 433, 441, 443, 447, 449, 460, 465, 486, 497, 516, 526, 617, 631, 632
  Центральная 12—14, 32, 45, 60, 61, 63, 80, 155, 156, 161, 171, 271, 278, 310,323, 389, 393, 398, 405, 407, 431, 521
  Юго-Восточная 8, 10, 13, 15, 42, 51, 59, 79, 93—98, 197, 200, 210, 288, 292, 294, 295, 298, 356, 362, 398—400, 404, 405, 430, 431, 576, 586, 588, 597, 599, 623, 626, 627, 629
  Южная 9—13, 140, 192, 283, 284, 290, 294, 430, 431, 521, 586, 617, 632
Айдын 494
Айзаб 247
Аййубидов государство 10, 233, 274
Айла (Эйлат) 243, 247
Айн Джалут 519
Айодхья 426
Ак-Бешим см. Суяб
Ак Коюнлу государство 438, 439, 503, 515, 517
Акаба 247
Акабский залив 243
Акка (Акра) 245, 246, 248—250
Аккалкот см. Сайидабад
Аксум 225
Акьяб 198
Аламут 276, 282, 412—414, 416
Аларкос (аль-Арак) 232
Албания 503
Албания (Кавказская) 30, 35—39, 258, 517; см. также Арран
Албанское царство 34, 36, 39
Александрия 20, 22, 98, 116, 117, 235, 244, 522, 523
Алжир 227, 230
Алисара 56, 294
Аллахабад 42, 140
Алмалык 409
Ало 402
Алтай 31, 60, 61, 66, 153, 367, 373, 382, 383
  Монгольский 373
  Южный 278, 383, 409
Альбурс 276
Альмохадов держава 231
Амаравати 95, 96
Амарендрапура 209; см. также Яшодхарапура
Амноккан 327, 328, 398, 547, 549, 555, 556
Амударья 25, 51, 61, 64, 66, 117, 119, 122, 255, 257, 262, 264, 269—271, 279, 381, 382, 406, 407, 409, 434

Амур 364
Ан-Иран 24
Анатолия 270, 493—499
Восточная 270
Западная 493, 494, 502
Центральная 493, 494
Анахилапатака см. Анхильвада
Анбук 398
Анг Нокор см. Ангкор
Ангара 367
Ангкор, г. 208, 578
Ангкор 207, 208, 400, 587; см. также Камбуджадеша
Андалусия 125, 230, 232, 233
Андаманское море 98, 581
Анджу см. Куджу
Андхра 41, 139, 284, 287, 480, 482, 484, 486
Северная 481
Анегонди 480
Ани 40, 271, 275
Анийское царство 40
Аниндитапура 208
Анкара 438, 445, 448, 494, 497, 508
Антиохии эмират 274
Антиохийское княжество 244, 245, 274
Антиохия 20, 22, 241, 242, 244, 246, 248, 250
Анурадхапура 54, 56, 58, 59, 146—148, 292, 297, 490
Анхильвада (Анхильвара, Анахилапатака) 138, 283, 451
«Аньнань ду-ху-фу» см. Вансуан
Аньхуэй 75, 384, 390
Апамея (Афамия) 244
Апеннинский полуостров 504
Апток 85
Арабский халифат см. Халифат
Аравийский полуостров 36
Аравийское море 43
Аравия 11, 18, 59, 102—104, 112—117, 119, 122, 126, 243, 532, 627, 629
Западная 103, 112, 122
Северная 103, 112, 130, 131
Центральная 103, 112—114
Южная 18, 102
Арага 483
аль-Арак см. Аларкос
Аракан 197, 198, 357—360, 594—596, 598
Араканские горы 198
Аракс 129
Арафат 103
Аргунь 364, 371
Ардахан 381
Ардебиль 437, 440, 442
Арзинджан 282
Арикамеду 58
Арийя Чакраварти государство 489
Арка см. Ирка
Армения 11, 15, 18, 24, 30, 34—40, 131, 135, 237, 271, 272, 412, 448, 517, 518
Западная 35
Северная 516
Центральная 518
Арминия 38
Армянское нагорье 515
Армянское царство 30, 34, 35, 38, 40, 222
Арран (Аран) 38—40, 258, 270, 273, 514, 515, 517; см. также Албания (Кавказская)
Арсуф 249
Арубер 476
Арьяварта 42, 46
Асадабад 275
Асвал 471
Асйут 235
Аскалон 242—244, 248—250
Ассам см. Камарупа
Астрабад 433
Астурия 122
Асука 92, 93
Атлантический океан 15, 102
Атрек 265, 267, 278
Атурпатакан 30
Ауд 425, 459
Аудагаст 230
Аулак 193
Аустразия см. Азия Юго-Восточная
Афамия см. Апамея
Афганистан 25, 140, 225, 250, 251, 257, 260, 269, 274, 285, 383, 406, 407, 418, 419, 421, 423, 440, 466
Западный 270, 279
Северный 270, 279
Юго-Западный 131
Афино-Фиванское герцогство 505
Афины 608
Африка 15, 94, 226, 461, 521, 523, 532
Восточная 130, 481
Северная 5, 8, 11, 18, 19, 102, 119, 123, 127, 222, 225, 227, 228, 231—233, 238, 253, 430, 627, 629, 631
Тропическая 127
Центральная 521
Африка, пров. 117, 128; см. также Ифрикийа
Африканский Рог 215
Ахайское княжество 505
Ахваз 122
Ахмадабад 471, 472, 476
Ахмаднагар 471, 477
Ахиччхатра 42
Ахлатский эмират 408
ал-Ахса см. Лахса
Ахсанабад см. Гульбарга
Аче 598
ал-Аш 421
Ашур-Ада 381
Аютия 10, 578, 580, 583—588, 597, 598

Ба 197
Бабилйун 116, 117

Багдад 26, 125, 127—129, 171, 222—225, 228, 243, 254—256, 258, 264, 270, 280—282, 380, 414, 423, 445, 447
Багдадский халифат 281, 282, 414; см. также Аббасидский халифат
Бадаун 422
Бадахшан 379
Баджвар 476
Бадр 107
Базз 129
Байкал 153
Байхак 276, 280
Бакбо 404
Бактрия 43
Бакуба 280
Баламбанган 589
Баласагун 266, 278
Бали 51, 362, 405, 589
Балканский полуостров (Балканы) 11, 15, 18, 131, 132, 136, 225, 241, 243, 494, 496—504, 508
Балх 43, 51, 64, 123, 125, 253—255, 259, 262, 269, 270, 273, 274, 279, 380—383, 412, 433, 443, 448
Балханы 266
Балхаш 376
Балхская область 279
Бальчжуна 371, 372
Бамо 400
Бандон 352
Бапном 93, 97, 99, 209; см. также Фунань
Бапном (холмы) 100
ал-Бар 241
Баракуру 483
Баран 426, 427, 466
Бардсир 274
Барка 519
Барселона 20
Басра 117, 118, 123, 128, 130
Бассейн 597
Баттамбанг 203
Батьданг 347, 403, 404
Бахмани см. Бахманидский султанат
Бахманидский султанат 10, 467, 469—471, 474, 475, 481—483
Бахрейн 112, 114, 122, 131, 223, 421
Беднур см. Иккери
Белая Орда 449
Белитунг 405
Белуджистан 122, 476
Бенакет 380, 406
Бенгалия 41, 139, 140, 290, 418, 422, 424—426, 453—455, 459, 464, 470, 472, 473, 586, 595, 596
  Восточная 43
  Западная 283
Бенгальский залив 43, 98, 197
Берар 471, 482
Бердаа (Партав) 36, 38, 39
Берувала 490
Бешбалык 156, 157, 278
Биана 467
Биас 425
Бидар 469—472, 482
Биджапур 470, 471, 482
Билбайс 244
Бирма 10, 196—200, 202, 325, 353—356, 359, 360, 389, 398, 404, 591, 598, 599; см. также Мьянма
  Северная 532
  Средняя 353, 354
  Центральная 197, 200
  Южная 95, 356, 597
Бихар 41, 290, 418, 422, 424, 425
Бодх-Гая 42
Болгария 131, 132, 448, 496, 505, 508
Болучу, р. 154
Большое озеро 208—210, 214, 577
Большой Заб 124
Бонман 575
Борнео 99, 598; см. также Калимантан
Босния 503
Боспор Киммерийский (Керченский пролив) 61, 65
Босфор 16, 495, 512
Бохай 175, 190
Брантас 219
Брахмапутра 45
Британия 20
Броч 140, 473
Бруса (Бурса) 495
Буддхагунавапи 294
Буир-Нор 367, 371
Булак 521
Булгакпур см. Лакхнаути
Булгар 383, 409
Булгария Волжская (Камская) 265, 409
Бунделькханд (Бунделкханд) 45, 283
Бусра 115
Бухара 64, 128, 154, 255, 256, 260, 262, 264, 266, 269, 272, 277, 278, 379, 380, 382, 406, 409, 449, 450, 459
Бухарский оазис 269
Бхавапура 205, 211
Бхатик 59
Бхатнаир 466
Бхилса 422
Бхитари 44
Бэйцзин см. Пекин
Бэйчжоу 315
Бяньлян 165; см. также Кайфэн

Важудиламбатту 483, 485
Вайшали 41
Валабхи (Валлабхи) 53, 138
Валахия 502, 503
Валиян 381
Ван 40
вандалов государство 18

Ванкиеп (Киньбак) 403, 404
Ванни 493
Вансан 176
Вансуан («Империя Вансуан», «Аньнань духу-фу») 193—196
Варанаси 45, 140, 283, 420, 453
Варангал 285, 451, 454, 480
Васит 123, 281
Васпуракан 40
Ватапи 139, 283
Ватукура 220
Вейшали см. Аракан
Вейшали, г. 198
Великий канал 167, 171
Веллар 485
Венги 284
Венгкер 589, 591
Венгрия 132, 448
Венеция (Венецианская республика) 132, 135, 246, 439, 504, 505, 512, 521
Вех-Арташир см. Селевкия, Ктезифон
Виджайя 213, 350, 401
Виджаянагар 10, 449, 470, 480—484, 486, 489, 491
Виджаянагар (Видьянагара), г. 480
Видиша 42, 43, 46
Византий 15
Византия (Византийская империя) 5, 8, 10—13, 15, 18—23, 25, 29—32, 36—38, 40, 51, 61, 65, 66, 102, 103, 112, 115, 119, 131, 132, 134, 136, 137, 172, 225, 233, 235, 239, 243, 260, 270, 271, 273, 282, 438, 448, 495, 503, 505, 508, 509, 513—516, 521, 627—629
Виндхья (горы) 41, 44, 139, 451, 469, 480
Вифиния 494
Внутреннее море 180
Вокань 95
Волга 37, 64, 65, 409
Восток 5—11, 14, 15, 18, 21, 22, 33, 134, 157, 173, 227, 234, 236, 239, 242, 244, 247, 265, 270, 271, 277, 335, 389, 430, 447—450, 480, 554, 559, 595, 600—603, 609, 612—636, 638, 639
  Арабский 420, 523
  Ближний 5, 8, 10—12, 93, 94, 100, 123, 127, 143, 225, 232, 234, 239, 243, 245, 247, 249, 250, 269, 288, 408, 413, 416, 420, 430, 431, 447, 481, 484, 496, 518, 616, 624, 626, 627, 631, 632, 634
  Дальний 59, 61, 90, 93, 127, 192, 323, 353, 398, 416, 431, 616, 617, 624
  Передний 40, 101, 252
  Средний 5, 8, 12, 94, 143, 225, 234, 262, 265, 266, 269, 408, 420, 430, 484, 496, 616, 624, 626, 627, 631, 632
Восток (префектура Византии) 21
Восточная Вэй 71
Восточная Цзинь 69, 73, 85
Восточное Е 83
Восточное Окчо 83, 84
Восточное Притяньшанье 157
Восточносельджукский султанат 267, 274, 275, 277—280
Восточнотюркский каганат (Восточный тюркский каганат) 63, 64, 151, 160
Восточных Чалукьев государство 140
Второе Болгарское царство 505
Высокие плато 230, 231
Высокий Атлас 232
Вьетнам 10, 13, 192, 384, 389, 398, 404, 532, 560, 624
  Северный 94, 159, 192, 193, 351, 399; см. также Зяо
  Центральный 192, 350
  Южный 213
Вьядхапура 100
Вэй (Цао Вэй) 67, 68, 72, 85

Габес 230
Гаджапати из Ориссы государство 481, 483
Газа 249
Газна (Газни) 257, 260, 266, 267, 269, 278, 381, 407, 418, 419, 421, 422, 425
Газневидов государство 10, 250, 266, 269, 418
Газнийский султанат 274
Галата 448, 503, 509
Галилея см. Палестина Северная
Галисия 122
Галле 490
Галлиполи 505
Гампола 487, 489, 490
Ган 371
Ганг 41, 44, 46, 137, 139, 284, 418, 424—428, 455, 467, 468
Ганго-Джамнское двуречье (Джамна-Гангское двуречье) 140, 456, 457, 467; см. также Доаб
Гандхара 43—45, 51, 52
Гантер 361
Ганьсу 67, 155, 322, 378, 382
Ганьчжоу (Чжанъе) 155, 322, 382
Гассанидов государство 25
Гауда (в Бенгалии) 139
Гахадавала 286
Гвалиур 42, 45, 422, 424, 467, 469
Генуя 135, 415, 448, 504, 512, 521
Герат 65, 129, 255, 269, 270, 379, 381, 407, 418, 431, 432, 438, 441, 442, 444, 448—450
Германия 241
Германская империя 132
Гермиян 494
Гиджуван 449, 451
Гиза 523
Гийаспур (Килукхари, Моголпур) 426, 465
Гилян 39, 251, 437, 440
Гималаи 45, 454
Гиндукуш 11, 66, 268, 270, 381, 412

Гирин 378
Гирнар 471
Гоа 470, 481, 482, 493
Гоби 151, 322
Гогра 418
Гогха 473
Гоканна (совр. Тринкомали) 148, 292
Голконда 471, 482
Гоморра 105
Горган 278
Гресик 589
Греция 18, 19, 505
  Средняя 505
  Южная 132
Грузинское царство 272, 275, 516
Грузия 11, 34—40, 271, 381, 408, 412, 416, 438, 440, 515—517
  Восточная 34, 38, 516
  Западная 31, 38
  Южная 515
Гуандун 309, 350, 386, 401, 403, 537
Гуанси 67, 78, 309, 350, 402—404
Гуанчжоу (Наньхай) 165, 167, 171, 194, 308, 350
Гуджарат 43—45, 51, 138—140, 283, 285, 290, 291, 418, 424, 451, 452, 455, 459—461, 466, 467, 469, 471—477
  Северный 139, 283, 423
Гуджаратский султанат 10, 467, 471—473
Гузганан 260
Гуйчжоу 67, 78, 350, 532
Гульбарга (Ахсанабад) 465, 469, 470
Гундешапур 33
Гупта (Гуптская держава) 8, 11, 12, 42, 43, 45—47, 137, 138, 285, 627
Гур 268, 274, 278, 418, 423
Гурган (г. и обл.) 65, 225, 255, 261, 263—265, 269—271, 274, 277, 279, 280, 422, 435
Гургандж (Ургенч) 255, 264, 268, 279, 381, 406, 407
Гурджара-Пратихара, империя 140
Гухилот 140
Гюмюш-тепе см. Абескун
Гянджа 270, 275, 408

Дабик 235
Дабул см. Дабхол
Дабхол 473, 481
Дагестан 34, 37
Дагон (совр. Рангун) 597
Даду см. Пекин
Дайвьет 96, 213, 348—353, 399—405, 571, 572, 574, 575, 589
Дайковьет 347, 348
Дайла 194
Дайфан 85
Даккхинадеса 293, 294; см. также Майарата
Дакшинапатха см. Декан
Далай-Нор 367
Далан-Балчжутах 370
Далан-Нумерген 371
Дали 196, 384, 576; см. также Наньчжао
Даличэн 378
Далмация 19, 132
Дамаск 37, 115, 116, 119, 122, 123, 125, 236, 238, 241, 244, 440, 447, 521
Дамаска эмират 274
Дамбадения 297, 487, 488, 490
Дамган 274, 277
Дамиетта 235, 523
Дангрек 205, 207
Данноура 341
Даньян 165; см. также Нанкин
Дарданеллы 119, 495
Дарьяльский проход 30
Датун 377, 527
Даха 361
Дашапура (Мандасор) 45, 51
Дашт-е Кавир 438
Дашти Кипчак см. Дешт-и Кипчак
Даян-хана государство 10, 524
Дварасамудра (Дорасамудра) 285, 452, 480
Дваравати 10, 200—204, 586
Двин 38
Двуречье (среднеазиатское) 277, 412
Дебал 140, 420
Девагири (позд. Доулатабад) 285, 451, 453, 454, 459, 480
Дейлем 251, 253
Декан (Дакшинапатха) 42, 139, 140, 283, 284, 287—290, 453, 454, 467, 469, 470, 472—474, 480
  Восточный 140
  Западный 41
Дели 42, 43, 51, 418, 419, 421—428, 445, 451, 453—455, 458—460, 462, 463, 465—469, 473, 476, 477, 480
Дели Орман 502
Делийский султанат 10, 418, 420—422, 425—428, 451—454, 457, 462, 464, 467, 471, 474—476, 480, 484, 632
Дельта (Красной реки) 351, 402, 572, 573
Демавенд 274
Демак 589
Денданакан 266, 269, 270
Дербент 34, 37—39, 66, 117, 381
Дербентский проход 30
Дешт-и Кипчак 261, 265
  Восточный 409
Джабала 248
«Джава» см. Шривиджайя
Джагатая (Чагатая) улус см. Чагатайский улус
Джазира (ал-Джазира) 238, 275, 280; см. также Месопотамия Верхняя, Месопотамия Северная
Джайпур 41
Джалор 422

Джамма 466
Джамна 418, 424—428, 453, 458, 466—468
Джанггала 219, 360, 361
Джаунпур 455, 467, 476
Джафна (п-ов и гос-во) 297, 487—489, 491, 493
Джелаиридов государство 431
Дженд 271, 277, 380
Джибал 258
Джидда 523
Джинджи 482
Джунагарх 471
Джунгария 60, 63, 154, 156
Джучиев улус (Джучидов улус, Джучидский улус) 383, 409, 414, 435; см. также Золотая Орда
Дибалпур 425, 454, 466
Диджла см. Тигр
Дийар Бакр (Диярбакыр) 270, 408
Димйат 249, 250
Димшик 450
Динцзячжоу 386
Диньявади 198
Диу 473, 524
Дих-и Базарган 269
Дихистан 262, 269, 279
Днепр 382
Доаб (территория Джамна-Гангского двуречья) 140, 424, 453, 456, 457
Восточный 283
Донгзыонг 95
Дорасамудра см. Дварасамудра
Дорилея (Эскишехир) 241
Доулатабад см. Девагири
Дунай 61, 131, 496, 502
Дунцзин см. Кайфэн
Дуньхуан 67, 69, 81, 173, 322
Дэдуру-ойа 294
Дэхуа 383

Е 75, 79
Е см. Восточное Е
Евразия 14, 38, 137, 605
Западная 37
Европа 5, 8, 15, 33, 37, 93, 143, 226, 227, 243, 245, 246, 248—250, 277, 335, 389, 417, 430, 441, 447, 459, 461, 479, 481, 497, 498, 505, 508, 513, 521, 601, 602, 609, 613—617, 627—629, 633, 636—638
Восточная 25, 30, 128, 237, 265, 271, 601, 629
Западная 22, 23, 246, 273, 479, 521, 601, 603, 606, 607, 613—615, 617, 622, 628, 631, 634
Северная 127, 629
Центральная 61, 409, 629
Юго-Восточная 61, 64, 155, 496, 497, 499, 629
Южная 127
Евфрат 15, 25, 26, 103, 104, 112, 117, 130, 238, 241, 243, 270, 439, 497
Египет 10, 15, 19, 31, 36, 65, 98, 102, 116, 117, 119, 122, 123, 125, 130, 221—223, 230, 233—239, 242—245, 247, 249, 250, 270, 276, 282, 412, 414—416, 421, 518—524, 580
Верхний 235, 236, 522
Нижний 235, 236, 523
Ематай см. Яматай
Енисей 61, 367, 376, 524
Еподи 96
Ехе Монгол улус 374, 375
Ехулин 377

Ёмпхо 555
Ёнджу 176
Ённобу 84
Ёсино 560

Жунань см. Цайчжоу
Жяоти 101

Заб 225, 227
Забайкалье 367
Заиорданье 109, 115, 243
Зайянидов государство 233
Закавказье 5, 10, 11, 24, 25, 30, 31, 34—40, 66, 117, 127, 130, 250, 270—272, 281, 408, 412—415, 435, 444, 466, 514—517
Восточное 34, 36, 40, 514, 515
Западное 515
Южное 517
Заллак 230
Замзам 103
Занджан 275
Запад 5, 6, 8, 11, 18, 20, 22, 134, 136, 239, 480, 505, 508, 509, 513, 595, 600, 601, 614—616, 618, 623, 627, 628, 638, 639
Западная Вэй 71
Западная Ся 303, 304, 310; см. также Си Ся
Западное Ляо 379
Западнокараханидское государство 278
Западносельджукский султанат см. Иракский султанат
Западнотюркский каганат (Западный тюркский каганат) 63, 64, 66, 161, 262
«Западный океан» 45
Западных Чалукьев из Кальяни государство 285
Заузан 276, 381
Зеравшан 450
Зияридов государство 264
Золотая Орда 409, 414—416, 435, 436, 438, 444, 445, 449, 518
Золотой Рог 503, 509
Зондский пролив 216
Зяо 94, 192, 193

Ибадиу см. Ява

Иберийский полуостров см. Пиренейский полуостров
Идар 471, 475
Идрисидов государство 228
Иерусалим 22, 108, 116, 123, 242, 243, 245, 246, 248—250
Иерусалимское королевство 237, 242, 243, 245—247, 249, 250, 274
Измир 494, 502; см. также Смирна
Измит см. Никомедия
Изник 495,502; см. также Никея
аль-Икаб см. Лас Навас де Толос
Иккери (беднур) 482
Иконийский султанат см. Конийский султанат
Икония 271
Иламышская степь 379
Илал 381
Или 66, 154, 376, 409
Иллирик (префектура Византии) 21
Иль-Аларгу 409; см. также Чагатайский улус
Имерети 517
Инд 11, 37, 41, 43, 140, 197, 381, 407, 419, 451, 452, 465, 466
Индийский океан 58, 59, 201, 236, 430, 469, 595, 598
Индия 5, 8—14, 20, 33, 41, 45, 46, 48, 50—53, 55, 58, 59, 64, 80, 93, 96, 98, 100, 102, 119, 127, 137—141, 143—145, 147, 171, 172, 179, 193, 197, 200, 201, 205, 216, 238, 243, 257, 258, 265, 283, 284, 288, 292, 294, 295, 298, 311, 338, 352, 381, 407, 408, 417—423, 425, 428, 435, 441, 446, 447, 449, 451, 457—461, 463, 465—467, 469—471, 473, 476—482, 486, 532, 580, 588, 597, 598, 616, 617, 623—627, 629, 631, 634
  Восточная 44, 49, 291
  Западная 52
  Северная 14, 41, 42, 45, 49, 52, 53, 81, 101, 139, 140, 144, 283, 285—287, 289, 418—421, 426—429, 445, 451, 452, 458, 461, 467, 473, 476, 480, 589
  Северо-Западная 381, 425, 461, 466, 473, 477
  Центральная 49, 139, 283, 284
  Южная 11, 13—14, 49, 53, 54, 98, 99, 143, 144, 147, 149, 215, 283, 284, 287, 289—291, 293, 295, 401, 453, 454, 481, 482, 486, 490, 491, 589
Индо-Гангская равнина 49
Индокитай (Индокитайский полуостров) 10, 93—101, 159, 196, 202, 203, 580, 583, 586, 588, 591, 597—599
  Центральный 202, 208, 401, 578, 579, 588
Индонезия 10, 52, 94, 215, 216, 284, 398, 580, 589, 591
  Западная 10, 215, 588
Индостан 42, 49, 58, 96, 421, 424, 452
  Южный 94, 95
Интянь 528; см. также Нанкин
Инчжоу 350
Инчжоу, округ 390
Иньчуань см. Синчжоу
Иньшань 151
Ионические острова 504
Иордания 115, 122
Иравади 196—198, 200, 201, 353—356, 360, 591, 593, 594, 597
Ирак 26, 39, 117—119, 121—124, 127, 130, 131, 223—225, 235, 258, 266, 270—272, 274, 275, 280, 281, 295, 380, 382, 407, 421, 438, 523
  Арабский 224, 256, 270, 273, 282, 416, 440, 448
  Персидский 270, 273, 408
  Центральный 224, 280
  Южный 130, 223
Иракский (Западносельджукский) султанат 274, 275, 280, 281
Иран 10—13, 18, 21, 24—36, 40, 51, 61, 64—66, 81, 102, 112, 115, 117, 125, 126, 235, 250—262, 265—267, 271—274, 280—282, 285, 381, 382, 406—408, 411—418, 421—426, 428, 431, 432, 434—445, 459, 466, 470, 493, 516, 617, 619, 623, 625, 627, 629, 632, 634, 635
  Восточный 30, 253, 258, 259, 435—437
  Западный 117, 131, 222, 251, 253, 256, 258, 264, 269, 270, 273—276, 279, 282, 435, 437, 438, 440, 448, 517
  Северный 260, 277, 431, 444, 449
  Северо-Западный 39, 251, 381, 413, 414, 439, 440
  Центральный 251, 253, 256, 257, 270, 273, 416, 431, 435, 440, 442
  Юго-Восточный 131, 270
  Юго-Западный 117, 130, 251
  Южный 26, 131, 416, 431, 435, 440
Ирка (Арка) 242
Иртыш 367, 380, 381, 383, 405, 406, 409, 524
Исин 537
Испания 18, 19, 228, 230, 232, 253, 627
Истрия 19
Исфаган (Исфахан) 24—25, 222, 251, 252, 256, 258, 260, 270, 273, 274, 408, 415, 435, 436, 443, 444
Италия 18, 19
  Южная 19, 228, 241
Ифрикийа 128, 225—228, 230, 232, 233, 236; см. также Африка, пров.
Ишанапура 205

Йамама 112, 114, 115
Йангикент 268
Йармук 37, 115
Йасриб 106, 107; см. также Медина
Йезд 258, 436

Йемен 31, 102, 103, 112, 114, 124, 130, 233, 238, 519, 521
Северный 112, 113

Кабилия 230
Кабул 51, 448, 451, 467, 469
Кабулистан 128
Кавери, р. 41, 485
Каверипаттинам 59
Кавказ 15, 20, 29, 30, 37, 65, 268, 275, 381
Северный 60, 64, 65, 155, 381—382, 414
Северо-Западный 518
Кавудулу 294
Кага 561
Кадири (Кедири) (Панджалу, совр. Кедири) 10, 219, 360—363, 405
Кадисия 37, 116
Казахстан 269, 382, 405, 406
Восточный 409
Западный 268, 271, 277
Южный 268
Казвин 276, 407, 413, 417
Каин 276
Каир 166, 230, 233, 234, 236, 238, 244, 447, 520—524
Кайласа 143
Кайруван (Кайруан) 123, 228, 230, 238
Кайсария 250
Кайсери 497
Кайфэн (Бяньлян, Дунцзин, совр. Кайфын) 165, 298, 300, 303, 305, 308, 310, 318, 378, 384, 390
Кайюванги 218, 220
Какатья из Варангала государство 480
Кала-ойа 54, 56
Каланджар 418
Калачури государство 140, 290
Кали (Калини) 458
Калимантан 405, 589; см. также Борнео
Восточный 216
Калинга 44, 147, 297
Калка 382
Калпитийа 294, 490
Калутара 490
Кальса 84
Кальяни (Фатхабад) 140, 283, 285, 469
Камакура 341, 343, 345, 346, 561, 564, 567
Камарупа (Ассам) 42, 425
Камбей 451, 473, 598
Камбоджа 100, 577, 578, 580, 589
Западная 203
Камбуджа (Ченла) 192, 205, 209
Камбуджадеша (Ангкор) 208, 211, 350, 400, 401, 402, 575, 577—579
Каммала 490
Каммун 85
Камогава 340
Кампенгпет 584
Камтхана 472
Канадзава 346
Канаудж 139, 140, 420
Кангра 466
Кандагар 51, 444, 448
Кандийское государство (Канди) 493, 595
Канталаи 148, 293, 294
Канто (равнина) 90
Кантон см. Панюй
Канхвадо 398, 399
Канчипурам (Канчи) 42, 143, 470, 481
Кара Коюнлу государство 438, 517
Карабах 514, 517, 518; см. также Арран
Караджал 454
Каракорум 388, 389, 409, 412, 414
Каракумы 407
Караманский бейлик (Караман) 494, 497, 503
Каратау 268
Караханидов государство 265, 266
Кареси 494
Карнатака 139, 284, 287, 288, 480—482, 484
Карс 270
Картли 34, 35, 517
Карун 252
Карфаген 117
Карши 271, 411
Каспийское море 265, 268, 270, 274, 278, 280, 381, 407
Кастилия 226, 227, 230, 448
Катаван, степь 267, 278
Каттаха 93
Катхиавар 43, 471
Кау 403
Каунсин 360, 400, 401
Каушамби 45, 51
Каушонг 402
Кафа (Феодосия) 504
Кафр Таб 242
Кахети 517
Кахурипан 591
Кашгар 266, 277, 278, 411
Кашкадарья 411
Кашмир 45, 96, 139, 418, 459, 467, 472
Кая 84, 85, 87, 90, 92
Каялык 409
Кедири см. Кадири
Керала 294, 486
Кербела 119
Керман (Кирман) 26, 122, 222, 251, 254, 256—258, 270, 271, 274, 408, 434
Керубу 84
Керулен 153, 365, 367, 371, 376, 526
Кеш (совр. Шахрисабз) 126, 412, 443
Кёнги 550
Кёнджу (Тонгён) см. Кымсон
Кёнсан 329, 330, 558
Кёсё Даг 283
Киевская Русь 265
Киликия 241, 517, 519
Килукхари см. Гийаспур

Киньбак см. Ванкисп
Киото 184, 185, 190, 340, 341, 343, 560, 561, 566, 567; см. также Хэйанкё
Кипр 131, 132, 512, 522
Кирман см. Керман
Кирманское владение 274
Кирманшах 270
Китай 5, 8, 10—14, 20, 51, 52, 61, 63, 65, 67, 69, 74—82, 84, 85, 87, 89, 90, 92, 98, 153, 157—159, 165, 167, 170, 172—175, 179—181, 186, 190—193, 200, 201, 205, 216, 217, 265, 292, 298, 300, 303—305, 308, 309, 313, 317—320, 322—325, 327—330, 332, 333, 335, 337, 338, 341, 344, 360, 366, 374, 379, 380, 384, 386—400, 403—405, 417, 430, 435, 447, 448, 449, 459, 489, 521, 524, 526—528, 530, 532, 539, 540, 542, 543, 547, 549, 554, 555, 559, 567, 583, 589, 594—596, 598, 616, 617, 623—627, 629, 631, 634, 635
  Внутренний 156
  Западный 71
  Северный 60, 67, 71, 153, 327, 368, 378, 379, 382, 386—392, 397
  Северо-Восточный 547
  Северо-Западный 60
  Центрально-Южный 162, 386, 390, 391, 395, 535
  Центральный 390
  Юго-Восточный 393
  Юго-Западный 197, 591
  Южный 70, 78, 385, 391—393, 397, 401, 405, 560
Клермон 239
КНР 376
Когурё 83—85, 87—90, 159, 160, 174, 331
Коила 459
Колантота (позд. Коломбо) 294, 490
Колоа 347
Коломбо 294, 490; см. также Колантота
Колхидское царство см. Лазика
Коморин 480
Кондавиду (Северные сиркары) 481, 483, 486
Конийский султанат 132, 508; см. также Румский султанат
Конкан 420
  Северный 471
Константина 225
Константинополь 15, 20—22, 31, 36, 64, 65, 119, 122, 132, 134—136, 239, 241, 249, 273, 438, 448, 496, 497, 503, 505, 508, 509, 512
Конья 493, 494
Копетдаг 266
Корат 578
Корейский полуостров 13, 83—85, 87, 89, 90—92, 160, 174, 175, 180, 327
Корея 8, 10, 15, 60, 83, 89, 161, 176, 178—180, 190, 310, 333, 353, 389, 398, 399, 405, 546, 551, 553—560, 567, 617, 624, 627
Корё 176, 327—333, 344, 389, 398, 399, 546, 547, 549—551
Коромандельский берег (Коромандель) 41, 461
Корон 505
Косово поле 448, 496, 497, 508
Кота 42
Котте 491, 493
Котте, г. 490
Кочо 157
Кошала Южная 45
Кра 213, 216
Красная река 95, 192, 196, 349, 402—404, 572, 574; см. также Хонгха
Красное море 102, 236, 247, 521, 524
Крит 19, 131, 504, 505, 512
Кришна, р. 469, 470, 480—482
Крым 15, 18, 65, 282, 382, 504
Ктезифон (Ктесифон) 26, 31, 33, 116, 117; см. также Тизбон, ал-Мадаин
Куда 84
Кудаду 362, 590
Куджу (совр. Анджу) 328, 398
Кулол 475
Кум 258, 259, 436, 443
Кумис 274
Кундуз 66, 383
Куньлун 201
Кур, р. 252
Кура 35, 39
Курдистан Южный 408
Куртов государство 431
Курукшетра 204
Курунегала 487, 490
Кус 522, 523
Кутаиси 38
Кутараджа см. Сингхасари, г.
Кутей 216
Куфа 117, 119, 123, 128, 131, 281
Кухистан 276
Кухрам 418
Куча 154
Кучар 161
Кушанов держава (Кушанская империя) 14, 25, 29, 30, 41, 100, 137
Кхаджурахо 290
Кхоай 351
Кызыл-Ырмак 493
Кымджу 332
Кымсон (совр. Кёнджу) 88, 176, 331
Кыргызстан 66
Кэгён (совр. Кэсон) 327, 328, 398, 399, 547, 555, 558
Кэма 84
Кэсон см. Кэгён
Кюнгют 154
Кюсю 90, 559, 560

Северный 90
Кютахья 494
Кят 264, 270

Лаво 211, 576
Лазика 18, 34
Лакхнаути 422, 425
Лал Кот 419, 423, 426, 463, 465
Лангкасука 93
Лангсанг 575, 579
Лангшон 402—404
Ланка 10, 42, 51, 53, 58, 59, 96, 146—149, 151, 215, 284, 292—295, 297, 298, 356, 358, 359, 487—490, 493, 595, 598, 627
Ланьчжоу 155, 354
Лаос 360, 598
Лас Навас де Толоса (аль-Икаб) 233
Лата 139
Латинская империя (Романия) 505, 508
Латхань 196, 347
Лаунгбьен 192
Лахмидов государство 25, 103
Лахор 418, 421—424, 451, 464, 467
Лахса (ал-Ахса) 223
Лесбос 504
Ливан 238, 250
Ливия 33
Лингапарвата 204
Линчжоу (совр. Линъу) 320, 382
Линьань (Ханчжоу) 303, 386
Линьи см. Чампа
Лисабон 523
Ло 403
Ловек 577
Лопбури 203, 583, 586
Лоян 71, 75, 79, 156, 161, 165, 298, 305
Лудд 249
Луйлоу 95, 192, 193
Лунмэн 172
Луристан 270, 415
Лян 70, 80, 195
Лянхуай 537
Лянчжоу (Увэй) 322
Ляо 278, 298, 300, 303, 304, 308, 310, 320, 322—324, 327—329, 366, 368, 383
Ляодун (Ляодунский полуостров) 67, 85, 377, 384, 526, 528
Ляонин 377
Ляохэ, р. 84

Мааррат Мисрин 242
Мааррат Нуман 242
Мавераннахр 25, 123, 128, 129, 222, 225, 250—255, 258, 259, 261—266, 268, 269, 271, 277—279, 372, 383, 406, 407, 409—412, 416, 425, 426, 433—437, 443, 444, 446—451, 465
Магадха 45, 52
Магриб 10, 223, 225—228, 230—233, 235, 236, 521
Средний 227, 228, 230
Мадагаскар 215
ал-Мадаин 26, 116; см. также Ктезифон
Маджапахит (Вилва Тикта) 10, 219, 221, 362, 363, 576, 588—591
Маджин (позд. Тхэбон) 176, 327
Мадура 362, 589, 590
Мадураи 146, 295, 480—482
Мадурайский султанат 481
Мадхья-Прадеш 45
Мазандеран (Мазандаран, Мазендеран) 39, 274, 278, 280, 431, 433, 435, 437, 440
Майарата 54, 293, 296, 297; см. также Даккхинадеса
Майсур 482
Майтрака из Валлабхи государство 138
Македония 19, 131, 505, 508, 513
Южная 505
Макран 140
Малабар 420, 461, 473
Малабарский берег 481
Малайский архипелаг 215, 598
Малайя 293
Малайя (на Суматре) 362, 400, 401
Малакка (Малаккский полуостров) 95—98, 100, 101, 203, 297, 473, 586, 589, 597
Малаккский пролив 216
Малаккский султанат 589
Малатья 270
Малая (Киликийская) Армения (Киликийское Армянское царство) 412, 494, 515, 518
Малва (Мальва) 43, 139, 283, 457, 469—471
Восточная 44
Малвату-ойа 54, 56
Мальдивские острова 284
Мамлюков государство 10, 518, 522, 523
Мангалуру 483
Мангышлак 271, 277
Маниса 502
Мантаи см. Махатиттха
Манцикерт (Маназкерт) 40, 131, 270, 271
Маньчжурия 61, 303, 366, 377
Северо-Западная 278
Центральная 308
Юго-Западная 61
Южная 308
Марага 259, 416
Мараш 241
Мардж Дабик 524
Мариокефал (Мариокефалия) 132, 273
Марокко 128, 225—228, 230
Марракеш 232, 233
Мартабан 594, 596, 597
Матарам 10, 215, 217—221, 360—363
Матхура 42, 52, 144
Маукхари государство 139
Махабалипурам 146
Махавели-ганга 56, 147, 292

Махагама 56, 58
Махан 83—85
Махараштра 41, 139, 287
Махатиттха (совр. Мантаи) 58, 148, 295
Махдия 226
Махим 471
Махмудабад см. Чампанир
Меандр 508
Мевар 422, 469
Меват 425, 467
Медина 106—108, 112—115, 117—119, 121, 123, 124, 128, 233, 280
Techинский оазис 119
Мезия 19
Мекка 103—107, 109, 113, 114, 119—124, 128, 131, 233, 247, 280, 450, 598
Меккая 592
Меконг 95, 100, 205, 209, 212, 214, 350, 403, 577, 581
Менам 200, 203, 580, 583
Ментеше 494
Мерв 25, 117, 124, 255, 258, 262, 263, 267, 269, 273, 278—280, 381
Мервский оазис 124
Меринидов государство 233
Меру 203, 582
Месопотамия 11, 15, 24, 30, 32, 102, 116, 130, 274, 466
Верхняя 19, 131, 247
Нижняя 102
Северная 119, 124
Мешхед 441, 442
Мигамува 490
Мидия 26, 32
Мидраридов имамат 228
Мимана см. Кая
Мин 430, 528, 531—534, 537, 538, 540, 543—545
Мина (долина) 103
Миннери 56, 292, 294
Мирут 466
Миср см. Египет
Миср см. Каир
Мичэнь 201
Моголистан (Могулистан) 411, 412, 433, 443, 449
Моголпур см. Гийаспур
Могольская империя (Могольская Индия) 476, 632
Модипо 201
Модон 505
Молдавия 503
Монголия 10, 63, 155—157, 326, 364, 367—374, 376—379, 381—384, 388, 407, 408, 412, 417, 431, 524—528, 532, 540
Внешняя 525, 527
Внутренняя 322, 525, 527
Восточная 371, 373, 524
Западная 382, 408, 524
Северная 60, 151, 155, 278, 526
Северо-Восточная 371
Центральная 151, 373
Юго-Восточная 367, 371
Монголов государство (Мэнфуго чжу) 366
Монгольская империя 408—410, 413, 414, 434
Монемвасия 512
«Море Паракрамы» 294
Морея 503, 509
Москва 440, 517
Московское государство 417, 438, 521
Мосул 224, 242, 243, 247, 270, 273, 275
Мосула эмират 274
Моулмейн 597
Мраморное море 503
Мрохаун 596
Мубаракабад 469
Мугань 39, 252, 514
Мудгал 481
Муджу 176
Музаффаридов государство 431
Мулавармана держава 216
Мулавая 483
Мултан 381, 418, 421, 422, 424, 425, 466, 467, 477
Мун 208, 212, 213
Мургаб 267
Муси 216
Мусульманский халифат см. Халифат
Мута 216
Мучэн 401, 402
Муюнов государство 85
Мьинге 593
Мьинсайн 591, 592, 594
Мьянма 10, 196, 295, 353, 401, 591—598; см. также Бирма
Северная 592
Центральная 591—595
Южная 598
Мяньчжун 403, 404

Нагаока 184
Нагапаттинам 217
Нагаркот 454, 455
Наджран 112
Наджу 328
Након Найок 586
Накхонпатом 203, 204
Накхонситхаммарат 581
Наланда 144, 217
Намгён 331
Нанива (совр. Осака) 93, 180
Нанкин (Даньян, Цзицин, Интянь) 165, 318, 390, 528, 530, 537, 543—545
Наньхай 165; см. также Гуанчжоу
Наньчжао 161, 196, 198, 200, 201, 353—355, 357, 384; см. также Дали
Наньшань 382

Нара 184, 185, 190, 191, 343, 567; см. также Хэйдзёкё
Нарбонн 122
Нармада (Нарбада) 41, 139
Нарсинга см. Виджаянагар
Наса см. Ниса
Нахичеван 37
Нахичеванский край 40
Наху-гун 373
Нгазаунджан 400
Нгеан 402
Неаполь 20
Невакет 154
Негомбо 490
Нейшапур см. Нишапур
Непал 42
Неса см. Ниса
Несеф 381
Нехавенд 37, 117, 124
Нигер 230
Нижний Шоннам 402
Низаритское государство 276
Никейская империя 505, 508, 513
Никея (Изник) 20, 131, 241, 271, 273, 495, 508, 513
Никомедия (Измит) 495
Никополь 496
Нил 236, 244, 249, 520
Нинся 327; см. также Синчжоу, Синцин
Нинся-Хуэйский автономный район 320, 322, 327, 376, 382
Ниса (Наса, Неса) 262, 265, 269, 280, 380, 407
Нисибин 35
Нишапур (Нейшапур) 26, 131, 255, 260, 263, 267, 269, 270, 278—280, 380, 407, 412, 415
Нубия 519
Нуратинские горы 268
«Нушантара» (совр. «Нусантара») 589
Нэипхо 555

О 571
Обама 566
Объединенное Силла 174—179, 190, 327, 331, 333
Окео 95, 100, 101
Окчо см. Восточное Окчо
Оман 114, 270, 271
Оми 181
Онон 365, 367, 370, 373
Опсикий 136
Ордос (Хэтао) 151, 320, 322, 526, 527
Ордубалык 156, 157
Орисса 44, 45, 139, 454, 455, 469, 470, 481
Южная 481
Ормуз 449, 473
Орноуйн кельтей хада 372
Орхон 151, 156, 367
Осака см. Нанива
Османская империя 6, 10, 12, 430, 431, 438, 440, 493, 495, 498, 500, 503, 504, 517, 523, 619, 623—625, 631
Османский бейлик (Османское княжество, Османский султанат) 494—497
Остготское королевство 18
Отранто 504
Отрар 379, 380, 406, 410, 448
Оттар 448
Отюкенские горы 151
Оямадзаки 566

Паган 10, 198, 202, 213, 353, 355—360, 400, 401, 403, 576, 591—596, 598, 599
Паган, г. 199, 355, 358, 360, 403
Падайвиду 483
Падмавати 42; см. также Гвалиур
Пайканд 65
Пакистан 25
Пала государство 140
Палам 467
Палембанг 216
Палестина 15, 18, 19, 31, 36, 115, 116, 118, 122—124, 238, 243, 244, 246, 249, 250, 271, 273, 274
Северная (Галилея) 243
Южная 115
Паллава государство 139, 140
Пальмира 30
Панадура 489
Панджалу см. Кадири
Пандья 41, 284, 480
Панипат 469
Панпан 101
Панюй (совр. Кантон) 101
Паракрамапура 294
Паракрамасамудра 294
Парамара государство 140, 283, 286
Парс (Персида) 23, 24, 32
Партав см. Бердаа
Парфия 12, 23, 24, 31, 34, 137
Пасе (Самудра) 401, 473
Патан 476
Пегу 197, 200—202, 356, 473, 594—598
Пегу, г. 597
Пейтано 95, 198
Пекин (Даду, Бэйцзин) 377, 378, 384, 386, 388—390, 399—404, 525, 527, 528, 530, 532, 534, 537, 538, 543—545, 555, 586, 592
Пелопоннес 19, 505, 508, 509, 512
Пенджаб 43, 45, 137, 285, 291, 418, 420, 422, 424—426, 452, 454, 457, 467, 476, 478
Верхний 425
Восточный 467
Западный 422
Центральный 467
Южный 467
Пенугонда 481—483
Перван 381

Перванская степь 407
Переяслав 382
Персида см. Парс
Персидский залив 102, 171, 236, 268, 270
Персия 295, 580; см. также Иран
Петербург 442
Пёнхан (Пёнджин) 83, 84
Пиджи 85
Пиза 135
Пинг 579, 581
Пинле 592
Пинчэн 71
Пинья 592—595
Пиренеи 37, 122, 225
Пиренейский полуостров 122, 230
Пирю 84
Питсанулок 584, 587
Пном Дек 205
Пномпень 577, 578
Поволжье 60, 64—66
Нижнее 60, 409
Позднее Чжоу 300, 317
Полоннарува 56, 58, 147, 292—295, 297, 490, 491
Помпариппу 58
Понгтук 95
Понсан 328
Понт 18
Порта см. Османская империя
Португалия 9
Пра Патом 203, 586
Праяга 139
Предкавказье 31
Приазовье 60
Приаралье 265—268, 271, 277
Прибалхашье 411
Южное 268
Приевфратье 115
Прииртышье 411
Прикаспие 267
Северное 268, 277
Южное 257, 258
Прикубанье 31
Приуралье 64
Пром см. Пьи
Пуатье 122
Пуё 83
Пусан 555
Путталам 488, 490
Пушпабхути государство 139
Пхеньян 87, 329, 331, 555; см. также Согён
Пхосанпхаль 85
Пьи (Пром) 95, 198, 358, 403, 592, 597
Пьяченца 239
Пэкчэ 84, 85, 87—90, 160, 174, 331

Равенна 20
Равеннский экзархат 19
Раджарата 54, 293, 294, 296
Раджастхан (Раджпутана) 41, 139, 141, 283, 285, 291, 418, 453
Восточный 283
Центральный 283
Раджпипла 475
Раджпутана см. Раджастхан
Райигама 487, 490
Райчур 481
Ракасджи 482
Ракка 118
Рама 596
Раманнадеса (Раманнадеша) (рман-мон) 197, 202, 356
Рамла 249
Рангун см. Дагон
Рантхамбхор 422, 451
Рату Боко 218
Раштракута государство 283, 284
Редди из Кондавиду государство 481, 483
Редесто 505, 512
Рей 124, 251, 256, 270, 273, 274, 276, 281, 415
Республика Азербайджан 35
Ри 571
Рим, г. 15, 228, 508
Римская империя (Рим) 5, 11, 13, 16, 18—22, 24, 25, 29, 30, 34, 35, 37, 59, 81, 98, 100, 137, 225, 415, 628
Восточная 15, 30; см. также Византия
Западная 15, 629
Романия см. Латинская империя
Россия 617
Европейская 265
Южная 466
Ростемидов имамат 228
Рум см. Азия Малая
Румский (Малоазиатский) султанат 271, 273, 274, 282, 283, 408; см. также Конийский султанат
Русь 409, 435, 631
Руха см. Эдесса
Рухуна 54, 146, 292—297, 493
Рюкю, о-ва 159, 567

Саби 174
Саболь 175
Савад 26
Саванкалок 580, 584; см. также Сри Саччаналай
Саве 274, 275
Сагайн 592—595, 597
Сагала (Сиалкот) 41, 45
Саганиан 279
Сагар 470
Сайидабад 469
Сакаи 637
Сакамбхари 418
Саксин 409
Салват 490
Салуин 196, 200, 591

Самана 418
Саманидов государство 10, 250, 251, 259, 264, 266, 269
Самарканд 126, 128, 153, 154, 262, 271, 272, 277, 278, 379—382, 407, 412, 431, 433, 434, 436, 443, 447—450, 459, 466
Самаркандский оазис 269
Самаркандский Согд 129
Самарра 130, 222
Самудра см. Пасе
Сана 103, 112, 113
Сандовей 596
Санунд 475
Сап, р. 214
Сарандиб см. Цейлон
Сарухан 494
Сасанидов (Сасанидское) государство 8, 10, 12, 23—26, 29, 31, 33, 37, 117, 627
Сатавахана 41
Сатледж 41, 458
Саудовская Аравия 114
Саураштра 44, 45, 47
Саффаридов государство 251
Саффурия 248
Сахара 37, 225, 227, 231
Западная 230
Северная 227
Сахвана см. Систан
Сахён 85
Саяны 153
Себзевар 431, 432, 444
Северная Вэй 69, 71, 73, 74, 78, 80
Северная Сун 311; см. также Сун
Северное Окчо 83, 84
Северное Хань 299
Северное Ци 61, 71, 74
Северное Чжоу 61, 71, 74, 81, 193
Северные сиркары 481; см. также Кондавиду
Сеистан см. Систан
Селевкия (Вех-Арташир) 26
Селенга 151, 367, 383
Сельджукское (Сельджукидов) государство 237, 266, 267, 269, 271, 273, 274, 276, 277, 281, 484, 515
Семиречье 64, 67, 153—156, 263, 265, 277, 278, 366, 379, 409—412
Западное 268
Южное 406
Сена государство 140
Сенегал 230
Серахс 262, 263, 267, 269, 273, 278—280
Сербия 131, 132, 448, 496, 503
Сетиф 232
Сеул 551, 554, 555, 557—559
Сефевидов государство 437, 515
Си Ся 10, 320, 322—327, 375—378, 382—384, 418, 444; см. также Западная Ся
Сиалкот см. Сагала
Сиам 360, 589, 594; см. также Таиланд
Сиамский залив 95, 98, 203, 583
Сиань см. Чаньань
Сианьпин 85
Сивас 497
Сигирия 54
Сиджильмаса 226, 227, 228
Сиелидиб см. Цейлон
Сиемреап 208, 214, 576
Силингол 527
Силла 84, 85, 87—90, 174, 180, 331
Силхет 459
Сильджик 85
Силян (совр. Увэй) 378, 382
Сингхасари (Сингасари) 10, 360, 362, 363, 400, 401, 405
Сингхасари, г. 361, 362
Синд 122, 139, 140, 285, 418, 420—422, 424, 452, 457, 477
Нижний 418, 455
Синин 322
Сининхэ 366
Синоп 282
Синхала 42; см. также Ланка
Синцин 323
Синчжоу (совр. Иньчуань) 322; см. также Синцин, Чжунсин
Сипсонгпанна 403
Сирийская пустыня 25, 123
Сирия 11, 15, 18, 19, 30, 31, 65, 107, 109, 115, 116, 118, 119, 122—125, 130, 131, 223, 227, 233, 235, 236—238, 241, 242, 247—250, 260, 272—274, 280, 282, 412, 414, 417, 438, 445, 466, 518—524
Северная 245, 247, 271, 280
Сирохи 475
Сирхинд 476
Систан (Сеистан, Сахвана) 131, 251, 254, 255, 257, 259, 261, 270, 274, 276, 278, 423
Ситаун 196, 198, 200, 201, 591, 593
Сиффин 118
Сицзян 350
Сицилийское королевство 508
Сицилия 19, 131, 228, 233, 235, 241
Скандинавия 20, 265
Смирна (Измир) 20, 494
Согд 65, 126, 154
Согён (совр. Пхеньян) 329, 331, 398, 547, 555
Содом 105
Соланки см. Чаулукья
Сомешвар 212
Сомнатх 451
Сомун 85
Сонак 327; см. такэе Кэгён
Соратх 471
Сохэ 398
Спер 38

Средиземное море 20, 119, 236, 237, 243, 246
Средиземноморское побережье 243
Средиземноморье 14, 21, 61, 65, 215, 270, 504
Восточное 15
Срединное государство 79, 80
Сри Саччаналай (Саванкалок) 580
Стамбул 503; см. также Константинополь
Стара Загора 502
«Старый» Дели см. Лал Кот
Стханешвар 139
Суваннабхуми см. Малакка
Судак 282, 382
Суй 71, 157, 159, 196
Суйдэ см. Суйчжоу
Суйчжоу (совр. Суйдэ) 322
Сукхотаи 10, 576, 578—584, 587, 596
Сукхотаи, г. 580, 581
Сулавеси 95, 589
Султангандж 51
Султание (Султанийа) 414, 417, 447
Суматра 51, 95, 216, 218, 362, 400, 405, 473, 589, 598
Западная 400
Сумбава 589
Сун 213, 298, 301, 303, 307, 308, 311, 317, 318, 322—324, 344, 347, 350, 384, 386, 391, 393, 394, 540, 542, 544
Сун (Южная Сун) 69
Сунгари 303, 364
Сунпань 320
Сунцзян 537
Супанбури 583, 586
Сур 243, 248
Сурабайя 589
Сурат 473
Сус 226, 230
Сучжоу 165, 308, 382, 393, 537
Суяб 66, 67, 155
Сыгнак 380
Сырдарья 66, 122, 125, 153, 154, 266, 268, 271, 277, 406, 411, 412, 449
Сычуань 67, 80, 162, 310, 311, 315, 320, 354, 384, 385, 394, 537
Сюаньту 85
Ся см. Си Ся
Сянъян 386
Сячжоу 320

Табаристан 128, 225, 251, 255, 257, 265, 270, 274
Табария 248
Таболь 85
Табук 112
Таватис 154
Тавр 241, 494
Тавриз см. Тебриз
Тагаунг 401
Таемьо 198
Таиланд 204, 400, 624; см. также Сиам
Таиф 106, 112
Тайвань 159
Тайкет 403
Тайккала 197, 200
Тайма 247
Тайюань 158, 165, 382
Таламба 466
Талас 155, 161, 379, 410
Таликота 482, 483
Тамбапанни см. Цейлон
Тамбралинга 297
Тамесна 230, 231
Тамилнад 140, 145, 217, 284, 287, 288, 291, 482, 484—486
Тамралипти 51, 52
Тан 151, 155—159, 161, 174, 180, 196, 209, 346, 347, 353, 531
Южная 318
Тангаджи 482
Тангут 327, 407
Танджур 140, 284, 481, 482
Танну-Ола 153
Таньчжоу 385
Тао-Кларджети 40
Тао-хе 354
Тапробан см. Цейлон
Тапти 469
Тараб 409
Тараин 418
Тарбагатай 153, 382, 409
Тарекеттая (Тарекеттара) см. Шрикшетра
Тарекеттая (Тарекеттара), г. 198, 199, 358
Тарз 276
Тарим, р. 66, 157, 379
Таримский бассейн 155—157
Тарум (Тарума) 216
Татон 197, 200—202, 356, 596
Таунгу 593, 594
Тафилалет 228, 230
Тахерт 228, 230
Тахиридов государство 251, 254
Ташкент 154, 443
Ташкентский оазис 122, 411, 412
Тбилиси 38, 39, 66, 275, 515
Тверь 473
Тебриз 408, 414, 415, 417, 435, 437, 438, 440—442, 444, 517
Теджен 269
Телингана 451, 470
Тенассерим 596
Терджан 439, 517
Термез 273, 381, 425
Тефрика 136
Тибет 154, 325, 389, 543
Северо-Восточный 354
Тивериадское (Генисаретское) озеро 247
Тигр (Диджла) 26, 112, 117, 130, 238, 270, 438
Тизбон (Ктезифон) 26; см. также ал-Мадаин

Тиннис 235, 250
Тир 238, 246
Тиручирапалли 483
Тирхут 425
Тифлис см. Тбилиси
Тлемсен 233
Токмак 66
Тола 151, 153, 155, 367
Тонгён 331; см. также Кымсон
Тонлесап 205
Торей 371
Тохаристан 64, 66, 153, 154, 279
Трапезунд (Трапезундское царство) 132, 282, 438, 439, 503, 505, 508, 516, 517
Трапезунд (Трабзон), г. 134, 503, 509
Три-Синхала см. Ланка
Триполи 246, 248
Триполи эмират 274
Триполийское графство 244, 245, 248, 274
Тубан 405
Тува 61, 153, 157
Туглакабад 465
Тулу 481, 483
Туманган 555, 556
Тумапель 361, 362
Туму 530
Тумэт 526
Тун 276
Тунгабхадра 470, 480, 481
Тунис 226, 233
  Южный 226
Тунис, г. 233
Туран 355
Туркестан 445, 450, 466
  Восточный 60, 65, 154, 156, 157, 265, 272, 278, 372, 405, 406, 409—411
Туркмения 269
  Западная 269
  Южная 261, 269
Турфан 60, 157, 411
Турфанский оазис 156
Турция 417, 483, 493, 523, 524
Туршиз 276
Тус 128, 259, 280
Туюйхунь 320
Тханглаунг (совр. Ханой) 349, 352, 403, 404, 571
Тхана 140, 471
Тханьхоа 402
Тхатта 455
Тхиенчыонг 402
Тхонджу 328
Тхэбон см. Маджин
Тырнов 496
Тэдонган, р. 174, 175
Тюркский каганат 10, 31, 60, 61, 63, 151, 153—155, 159, 262
Тядомук 578
Тямпа см. Чампа
Тянь-Шань 65, 155, 161, 524
  Западный 154
Тяо-Прайя 211, 213, 576, 577

У 67, 68, 72, 93, 153
Убах 279
Увэй см. Лянчжоу, Силян
Удаягири 481, 483
Уджаин (Уджжаин) 43, 45, 422
Удонг 577
Узген 266
Уйгурский каганат (Уйгурское государство) 10, 155—157
Уклес 230
Уланчаб 526
Ульдза 371
Умайядов халифат 10, 113
Урайюр 284
Ургенч см. Гургандж
Урувела 294
Урянха 524, 526, 527
Усрушана 128, 129
Утонг 203
Уттар-Прадеш 41, 137, 452, 467
Ухуд 107
Уцзян 537
Уч 418, 422, 424

Фаньчэн 386
Фарс 26, 33, 39, 122, 252, 254, 256—259, 270, 276, 408, 415, 437; см. также Парс
Фарсское атабекство 274
Фатамидов государство 10, 233, 235, 237, 238
Фатхабад см. Кальяни
Феодосия см. Кафа
Ферава 269
Фергана 66, 122, 129, 254, 272, 410, 450
Ферганская долина 411
Фес 230
Фессалия 131
Фессалоника 20, 134, 505, 508, 512, 513
Фессалоникийское королевство 505
Филиппины 580
Финикия 31
Фируз-шах Котла 465
Фирузабад 458, 463
Фландрия 473
Фошань 537
Фракия 18, 19, 505, 508, 513
Франция 249, 415, 448, 521
  Северная 241
Фудзиваракё 181, 184
Фунань 10, 97, 99—101, 203, 204; см. гакже Бапном
Фустат 117, 123, 234, 236, 244
Фуцзянь 78, 309, 537
Фучжоу 308
Фэньян см. Хаочжоу

Хабак 192, 194

Хадрамаут 102, 114, 215
Хазарасп 279
Хазария 265
Хайбар 108
Хайберский проход 140
Хайдаран 230
Хакасско-Минусинская котловина 61
Хаката 637
Халеб 236, 238, 241, 243, 247, 521
Халинджи 198, 200, 201
Халифат 12, 21, 36—39, 118, 119, 121, 122, 124, 125, 127—130, 222, 223, 225, 227, 228, 246, 250—253, 257, 258, 262, 263, 624, 635
Халха 365, 366, 526, 527
Халха, р. 366, 372
Халхин-Гол 526
Хама 238
Хамаг монгол улус 366, 367, 369, 370
Хамадан 252, 256, 258, 270, 281, 415
Хамгён 557
Хамийский оазис 322
Хамчинсон (совр. Ыйджу) 398
Хангай 367
Ханган, р. 83, 551
Хандеш 477
Ханси 418, 458
Ханой см. Тханглаунг
Хансон 87
Ханчжоу 165, 303, 308, 310, 318, 386, 393, 537; см. также Линьань
Хань 12, 14, 67, 71, 72, 74, 77, 93, 137, 192, 193, 197
Ханян 551
Хаочжоу (Фэньян) 390
Хара-Хото 326
Харим 244
Харипунджая 204, 213
Харран 243
Харьяна 137
Хатара Кораде 488
Хатун (Кэдунь) 366
Хафсидов государство 233
Хванхэ 558
Хеттипола 294
Хиджаз 233, 519
Хилла 280, 281
Химс (Эмесса) 115, 238
Хинган 153, 383, 524
Малый 364
Хинья 595
Хиос 504
Хира 103, 115, 116
Хисар-Фируза (совр. Хисар) 450, 458
Хиттин 248, 250
Хиэйдзан 340
Хоалы 347, 352
Ходжент 278, 380, 406, 409, 410
Хойсала 481
Хоккайдо 567
Хомс 241
Хонг 351
Хонгха 94; см. также Красная река
Хонсю 90
Хорасан 24, 26, 65, 123, 124, 126—128, 131, 222, 225, 250, 251—255, 257, 261, 263, 265, 267, 269, 272—275, 277—279, 380, 407, 408, 412, 416, 426, 431, 434, 435, 437, 438, 440, 442, 444, 446, 448
Восточный 255, 431, 440
Западный 255, 270, 431, 432
Северный 255, 261—263, 266, 269, 275, 276, 407
Южный 270
Хорасанский султанат см. Восточно-сельджукский султанат
Хорезм 65, 66, 251, 255, 261—271, 274, 277, 278, 379, 383, 406, 407, 409, 423, 434, 449
Хорезмшахов империя 405, 406, 408
Хосровджирд 280
Хотан 64, 278
Храми 37
Хуайхэ 67
Хуайшуй 304
Хуанхэ 153, 197, 322, 377, 384, 390, 526
Хубэй 384
Хубэкче («Позднее Пэкче») 176, 327
Худайбия 108
Хузистан 24, 26, 31, 223, 251, 252, 256, 258, 270, 274, 276, 281
Хулагуидов (Ильханов) держава 10, 412, 414, 417, 431, 493, 516
Хур 276
Хутталан 279
Хучжоу 537
Хынхванджин 328
Хэбэй 300, 315, 377, 388
Хэйанкё (Киото) 184
Хэйдзёкё (Нара) 184
Хэйшуй 382
Хэланьшань 376
Хэнань 75, 162, 378, 384
Хэнин 84
Хэншань 320
Хэтао см. Ордос
Хюэ 571

Цайчжоу (Жунань) 384
Цао Вэй см. Вэй
Цейлон (Сарандиб, Сиелидиб, Тамбапанни, Тапробан) 20, 473, 586; см. также Ланка
Центральная равнина 78, 305, 308, 315, 390, 393, 396
Цзилин 85
Цзиндэчжэнь 76, 308, 537
Цзинь 68, 69, 72, 73
Цзинь (чжурчжэни) 298, 303—305, 308, 310, 311, 314—316, 324, 326, 329, 366, 368,

371, 372, 375—379, 382—384, 386, 391, 406
Цзицин 390; см. также Нанкин
Цзуньхуа 537
Цзюйюнгуань 377
Цзянлин 308
Цзянси 537
Цзянсу 75, 76, 162, 384, 386, 536, 537
Цзяочжоу 159
Ци (Южное Ци) 70, 101
Цинхай 320, 322
Восточный 159
Цинь 197
Цусима 555
Цюаньчжоу 165, 308

Чагатайский улус (Чагатаидов государство) 409—411, 414, 433, 465
Чалукья на Декане (Чалукья из Ватапи) 139
Чампа 93, 95, 101, 192, 204, 209, 211—214, 350, 389, 400—402, 571, 575, 576
Чампанир (Махмудабад) 472
Чанделла 140, 283, 286
Чандрагири 481—483
Чанжоу 386
Чантабун 578
Чанчунь 83
Чанша 308
Чанъань (совр. Сиань) 75, 158, 161, 165, 169, 193, 305, 393
Чарманвати 41
Чаул 473, 481
Чаулукья (Соланки) государство 140, 283, 286
Чаусхе 198, 201, 354, 355, 357, 591—594
Чаухан (Чахамана) государство 140, 286
Чахар 526
Чач см. Ташкент
Чеджудо 546
Ченла 10, 202, 205, 206, 209; см. также Камбуджа
Черная река 350
Черное море 20, 38, 132, 282, 438, 503, 504, 512
Чжанъе см. Ганьчжоу
Чжочиев улус см. Джучиев улус
Чжунсин (совр. Иньчуань) 376, 382; см. также Синцин, Синчжоу
Чжэньчжоу см. Хатун
Чжэцзян 536, 537
Чиенгмай 579, 580, 587, 598
«Чин, государство» 84
Чиндуин 196
Чинские горы 197
Чинхан 83, 84
Чиньмянь 401
Чирисан 557
Чирчик, р. 443
Читтагонг 595, 596
Чобанидов государство 431
Чола государство 140, 217, 284
Чолла 558
Чонпхён 329
Чор см. Дербент
Чосон 84, 551
Чу, р. 66, 154, 373, 376, 405, 410
Чхоинсон 398
Чхок Гаргьяр 210
Чхонхаль 85
Чхончхонган 328
Чхунджу 399
Чэн-Хань 80
Чэнду 165
Чэнь 70, 71, 193

Шанду (Ханбалчасун, позд. Кайпин) 388
Шаньдун (п-ов и пров.) 69, 75, 315, 382, 384, 388, 537
Шаньси 64, 75, 151, 300, 377, 382, 388
Шаньюань 303, 323
Шата 235
Шахрисабз 126, 412, 443, 447; см. также Кеш
Шахристан 279
Шаш 129
Шеки 517
Шемаха 381
Шилка 364
Шираз 256, 258, 260, 270, 416, 436, 447
Ширван 39, 40, 438, 440, 515—517
Шри-Ланка см. Ланка
Шривиджайя («Джава») 10, 203, 209, 215—219, 284, 576
Шрикшетра (Тарекеттая, Тарекеттара) 197—202, 356—358
Шу 197
Шу (Шу-Хань) 67, 68
Шэньси 67, 75, 320, 322, 382, 384

Ыйджу см. Хамчинсин
Ымджипполь 85

Эгейские эмираты 494
Эгейское море 19, 132, 494, 504, 505
Эгейское побережье 241, 494
Эгриси см. Лазика
Эдесса (Руха) 241—244, 250
Эдесское графство 242, 244, 274
Эдзин-гол 382
Эдирне 496, 502; см. также Адрианополь
Эйлат см. Айла
Элам (совр. Хузистан) 24
Элефанта, о-в 146
Эллора 146
Эмесса см. Химс
Эмиль 381
Эпир 131, 509
Эпирское царство 505, 508
Эр-Рияд 114
Эраншахр см. Иран

Эргунэ-Кун 365
Эрзрум 270, 282
Эскишехир 241, 494; см. также Дорилея
Эфес 20, 134
Эфиопия 20, 29, 105
Эцзин-гол 155
Эчжоу 385

Юань 388—390, 393, 397, 400, 401, 403—405, 528, 547
Южная Сибирь 60, 61, 376
Южная Сун (XII—XIII вв.) 303, 306, 308, 311, 315, 376, 383—385, 400
Южная Сун см. Сун
Южная Тан 318
Южное Ци см. Ци
Южные моря 311, 401, 402, 405, 532, 539, 567
Южный Таджикистан 279
Юншебу 526
Юньнань 67, 200, 360, 396, 400, 402—404, 528, 537, 576, 578, 588, 595
Юньчжоу 175

Ява (Иабадиу-Явадвипа) 51, 95, 215, 217, 218, 221, 361, 362, 389, 400, 401, 405, 589, 591, 597
  Восточная 218, 219, 221, 360—362
  Западная 96, 216
  Центральная 217, 218, 362
Ядава из Девагири, государство 480
Яйшань 386
Ямасиро 561, 568
Яматай (Ематай) 91
Ямато 90, 92, 180; см. также Япония
Ямато (пров.) 92
Ямуна 41
Янджу 331; см. также Намгён
Янмэк 84
Янцзы 67, 94, 197, 528
Янчжоу 165, 308, 386
«Яоюехэ» 364
Япахува 297, 487, 490
Япония 8, 10, 13, 15, 85, 87, 90, 92, 93, 175, 176, 179, 180, 183—185, 188, 190, 191, 310, 332, 333—335, 337, 338, 342—345, 353, 363, 389, 403, 430, 546, 555, 559, 567—570, 580, 617, 623—628, 630—632, 634, 635
  Западная 344
  Юго-Западная 90
  Южная 90
Японские острова 90, 560, 567
Японское море 83
Ярмук см. Йармук
Яффа 249
Яшодхарапура 208—211, 213, 214, 578; см. также Ангкор
Яшодхарататака 210

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

абваб 454, 456
абумуслимия 126
авалагана 141
авариз 278
аватара 52, 142
агата-нуси 91
аграхара 289
адвайта-веданта 144
адипати 589
адхираджа 285; см. также махараджа
азап 495
азат 27, 35, 632
азат-дахики 632
азери 442
азим 28
азнаур 35
азракиты 122
аййары (айары) 224, 253
айл 526
аймак 71
акара 206
аксакал 278
актимон 512
акуву 590
акче 495, 498; см. также аспра
акынджи 495
алба 527
алвар 145, 291, 486
амарам 484; см. также наякаттана
аматы 359
амир-и джумла 470
амма 227
анак 208, 210—212, 214, 576
анак вануа 219, 363, 590
анак тхани 220, 363
ангарий 133
анда 369
ан-лок-ап 348
ансар 106, 112—114
Антаранга-дхура 295
антьяджа 462
аньчасы 529
апа 54
апоры 133
ап-тханг-мок 351
аранника 579, 581
арап 359
арат 368, 411, 527
арбаб 625
аргхатта 458
ардхика 48
ари 355, 358
арианство 22
ариф 521
арифмос 134
арк см. кухендиз
артха 142
артхашастра 144, 285
асан 359
аскеры 226
аснаф 615
аспра 495
атабек 237, 238, 243, 274, 281
атыйят 226
афаки 470
ахимса 142
ахл ул-китаб 420
аштаграхин 285
аюктака 45
аюрведа 145

ба 100
баатур 368
баба 494
бабат-и зераат 476
ба гу 545
бадаведилла 488
бадакарика 54
бадахела 491
баззаз 461
байсин 169
баккал 461; см. также банья
бакуфу 341—345, 560, 564, 566, 567
балахар 457
бан 580
бантха 474
бануа 217
банья 461; см. также баккал
баоцзя 303, 314
барсбаййа 522
басилевс басилеон 41
басилей 23
баскак 408, 409, 413, 415
батиниты (исмаилиты) 275
бахр 518
бахтар 33
баян 368

беалиси 287
бег (бек) 152, 268, 278, 450
бей 494, 495, 497, 503
бейлик 493—499, 504
бейт 259
бек см. бег
бекташи 498
берава 491
бергвата 228, 230, 231
билик 375
бильге 368
бинькэ 76
бисагама 287
богол 368, 527
богомильство, богомилы 136
бодун 152
бодхисатва (бодхисаттва, бодисатва) 143, 148, 214
бонг-лок 352
боргах 444
брадж 478
брахман 49, 50, 53, 55, 98, 99, 138, 142—144, 148, 149, 205, 206, 209, 283, 284, 286, 288—290, 293, 420, 478, 479, 482, 484, 485, 583
брахми 59
бу (община) 84
бу (отраслевое управление) 177
буддараджа 93; см. также девараджа
буддизм 12, 32, 51—53, 59, 60, 80, 81, 89, 92—96, 98, 101, 141, 143—145, 147, 148, 172, 178, 179, 191—195, 198, 199, 202—205, 213, 214, 216, 218, 221, 262, 290, 293, 297, 298, 317, 318, 324, 325, 333, 337, 345, 353, 355, 356, 363, 396, 489, 543, 558, 559, 570, 572, 575—580, 582, 583, 585, 587, 592, 598, 599
буддхадаса 148
бузурган-е сербедар 432
бука 368
бун 582
бурдж 518
бусидо 346
буцюй 76, 170, 395
бучжэнсы 529
буюрюк 152
буюты 363
бхакти, бхакты 142—145, 290, 291, 463, 477—479
бхакти-марга 142
бхертья 590
бхогика 138, 141
бхуинхар 289
бхукти 47
бхупати 217
бэ 91
бэмин 91

ва 206; см. также ку
ваджрапарвата 147
вазир (везир) 34, 125, 127, 235, 237, 244, 256, 260, 266, 268, 272, 274, 280, 414—416, 423, 437, 466, 467, 470, 474, 495
вазир-и кулл 470
вайшешика 144
вайшья 141
вакил-и салтанат 470
вакф 239, 446, 500, 504, 520, 624
валанаду 288
валанджияр 295
вали 277
ван 83—85, 87, 89, 174—178, 327—332, 371, 378, 399, 400, 528, 547, 549—552, 555
ваниджа 59
ванни 296, 489
ваннияр 296, 489, 491
вануа 219, 220, 363, 590
вап 208, 210—212
варга 100
варга хаджи 363
варман 98, 99
варна 27, 48, 49, 55, 93, 99, 142, 149, 201, 207, 462, 625
васийа 233
василевс 21, 132
вастриошан салар 27
ват 587
ватак 219
ватан 474, 475
ватандар 632
вачана 292
веда 143, 144, 477
веданта 143, 144, 290
ведды 491
ведизм 143
везир см. вазир
везират 237
векиль 268
велаиккары 293
веллала 284, 288, 485
велли-дурая 149
венеты 22
ветульявада, ветульявадины 147
ви 551
виджайя 205
виджнянавада 144
викарий 21
вилайет 455
вира-шайва (лингаяты) 290, 292
вихара 148, 205, 216, 217
вихарагам 488
вишаяпати 45
вишнуизм, вишнуиты 142, 143, 211, 290, 482
вишти 49, 141, 286
воккалига 284
вуа 346—352, 571, 572, 575
вузург фрамандар 125
вьенг 580, 581, 583

вэй 531
вэнь 539
вэньянь 194, 318

га 83
габадагам 488
газават 466, 494
газель 259, 436, 464
гази 131, 257, 494, 497
гансабха 56
гарби 477
гезит 29
георг 133
глехи 35
гнан 477
го ван 367, 378, 382
гоигама 491
гокэнин 342
госпитальеры (иоанниты) 246
гоцзысюэ 396
гоцзыцзянь 544
го чжу 367
грама 98
грас 474, 475
грасиа 474, 475
гуань 539
гуань тянь 163, 306, 392, 533
гуаньху 170, 312
гу вэнь пай 544
гуджарати 477
гу ли 78
гулям 130, 222, 253, 257, 419, 422—424, 426, 427, 616
гун (дань) 161
гун (ремесленники) 82, 165, 170
гун (титул) 528
гун бу 537
гун тянь 169, 306, 392
гун цзэ тянь 163
гун чэнь 540
гунки 346
гуру 206, 478, 479
гур-хан (гурхан) 278, 371, 379, 382
гэ 159
гэнин 561

дабир 29
ад-дава ал-джадида 276
дагоба 59
дад-беги 463
даи 223, 276
даллалат-и базари 462
даман 127; см. также кабала
дан 73
дангана 462
данданаяка 483
даосизм 12, 80, 89, 90, 172, 178, 317, 318, 543, 558
дапунта хиянг 217
дарбази 517
дари (дари-фарси) 24, 32, 250, 254, 255, 259—261, 421, 443, 450, 464, 477; см. также парсик, пехлеви
дар ал-илм 224, 260
дар аль-ислам (дар ул-ислам) 225, 420
дар ал-мульк 275
даруга см. дарухачи
дар ул-харб 420
дарухачи (даругачи, даруга) 382, 386, 388, 408—410
дархатство (тарханство) 374, 446
даршана 144
даса 97, 205, 207, 586
да син см. да цзя
дасюэши 529
дату 217, 218; см. также рату
дахрийа 463
даху 538
да цзя (да син, хао цзу) 74
дварапала 203
дева 204, 206
девалагам 488
девараджа (или буддараджа) 93, 99, 203, 208—213, 577, 581, 583
деви 204
девширме 499
декани 470
дервиш 431, 436, 494
дергах 264
дехкан (дехканин, дихкан) 28, 29, 129, 253, 254, 256, 257, 261, 262, 264, 269, 617
дехлави см. кхари-боли
деша 217, 220
джагир 472, 474, 620, 631
джаджмани 48, 289
джазари 462
джайнизм 53, 143, 290
джалаб 522
джамаат 446
джат (каста) 289, 457, 479
джат (чужаки) 368
джетэ 443
джизья (джизия) 112, 115, 116, 420, 469, 501
джинонг 526
джитал 461, 462
джихад 483
джняна-марга 142
джуз.459
джунд 226
джунди 226
джуфт 624; см. также чифт
дза 343
дзайти рёсю 339, 563
дзикифу 180
дзин-но садамэ 187
дзинуси 561, 617
дзинуситэки сёю 561
дзито 341, 342, 560, 561
дзэн, дзэн-буддизм 345, 346, 570

диван (ведомство) 125, 224, 264, 268, 272, 447, 456
диван (реестр воинов) 116
дивани 415
диван-и ала 272
диван-и везарет 456
диван-и джайш 272
диван-и инша 272
диван-и истифа 272
диван-и ишраф 272
диван-и хасс 272
дивела 149, 488, 491
дидибулы 516
дидянь 166
диен-чанг 351, 352
дийа 252
дим 22
димосий 133
димосиарий 133, 509
динар 41, 44, 117, 130, 224, 235, 243, 244, 248
динат 133
диоцез 21, 132
дирхем 116, 127, 254
дихкан см. дехкан
до икки 569
доу 307
драхма 122
дуван см. духан
дукат 522, 523
дурава 491
духан (дуван) 363
дучжихуйсы 529
дхаммата 596
дханикам 101
дхарма 52, 60, 99, 142, 206, 207
дхармачакра 203
дхармашастра 12, 99, 144, 207, 284, 285, 292
дхьяна (тхиен) 94, 96, 193, 194, 353, 575
дщица гереге 374
дэнгаку 338
дянькэ 76, 77
дяньпу 541
дяньху 314

ени чери см. янычар

ён 331
ёнго 83
ёриаи 563

заим 498
закат (закят) 113, 126, 462
заминдар 474, 475, 617, 625, 632
заминха-и мамлака 446
зан 347
зао 348
захириты 228
зеамет 498, 500
зейдиты 228
зилоты 513
зинджи 130, 131, 223
зороастризм, зороастрийцы 24, 31, 32, 36, 39, 99, 125, 172, 254, 257—263, 266, 318, 431

ибадиты 228
ибахати (бхакты?) 463
иджара 446
идикут 376
идрар 428
иду 179
икко икки 570
икос 133
икта 232, 234, 235, 238, 252, 253, 256, 266—268, 271, 272, 275, 277, 415, 416, 427, 428, 446, 453, 455, 456, 469, 474, 475, 484, 496, 519, 520, 522, 631
икта ал-аскари 275
иктадар 266, 279, 427, 428
икэбана 570 илек см. илек-хан
илек-хан 266, 277
ильхан 414—417, 433, 451
имаё338
имам 113, 123, 124, 128, 130, 223, 233, 276, 277, 422, 441
имамат 126, 237
имам-шахи 477; см. также сатпантх
иналийа 522
инам 427, 428, 446, 456, 632
индже 368
инджу 315; см. также хассе
индуизм 12, 52, 53, 94, 95, 99, 141—143, 148, 202, 203, 206, 207, 221, 290, 293, 478—480, 482, 577, 587
интяньсы 528, 533
инь-ян цзяо 172; см. также манихейство
иоанниты см. госпитальеры
иркин 66, 152, 153, 155
исихазм 514
ислам 12, 37, 39, 40, 106—109, 112—115, 117—119, 123, 125, 126, 131, 140, 141, 224, 226, 230—232, 238, 239, 243, 244, 251, 253—255, 257, 258, 263, 265, 276, 290, 327, 411, 414, 415, 417—422, 427, 436, 442, 443, 451, 454, 460, 463, 465, 471, 476, 478—480, 482, 496, 497, 502, 523, 596, 625
исмаилизм, исмаилиты 126, 131, 223, 228, 230, 237—239, 258, 265, 275, 276, 280—282, 412—414, 416, 418—421, 463, 477
испахбед 257
исхам 232
иудаизм 32, 38, 108, 258, 262
ихтисаби 463
ишвара 205
ишикэ 76

йабгу 268

йога 144

каан см. каган
кабала 127, 234; см. также даман
кабанэ 91
кабаяны 363
кавула 590
кавья 52
каган (хаган, каан) 60—66, 123, 152—157, 324, 367—369, 375, 408, 410, 412
каганат 60, 61, 63, 64, 66
кагэюси 187
кадатуан 217
кадаяр 485
кадиаскер 502
кадий (казий, кади) 228, 268, 471, 499, 617
ал-кадирийа 225
каё 179
казий см. кадий
казий казиев 264
кайль 102
какибэ 180, 181
калам 225, 238
каландар 436
калима 596
кама 142
ками 92
кан 316
канат см. кяриз
канбул 444
канга 369
каниялар 485
каннада 486
канон 133, 134
канун-наме 499—501
капникон 133, 512
капыкулу 499, 505
кара 206
карава 149, 491
каравани 453
караван-сарай 167, 462
караимы (караиты) 228
караман 219
карачу 368
каргах 459
каремиты 522, 523
карма 99, 142, 145, 206, 207, 477, 579, 581, 585
кармакара 150
карма-марга 142
карматы 131, 223, 233, 236, 421, 424
каруины 354, 355, 357, 358
кархане (кархана) 415, 459
карши 411
каса 559
касир-касир 590
касыда (касида) 259, 450, 464
катак-хватай 23
катиб 226
католикос 36
каччхи 477
кваджон 549—552, 556
ке 554
«кебеки» 411
кедири 363
кешиктены 374
кешк 261
кёгэн 570
кёджон 552
кёль 550, 553
кира 363
кират 519
китаа 464
китаби 462
клий 358
кньом 208—212, 214
ко 330
кодэн 188
кокудзин 564
кокудзин икки 564
коли 475
колон 19—21, 133
кон 331
конг 584
конфуцианство 12, 80, 81, 89, 96, 178, 179, 193, 317—319, 325, 333, 346, 396, 543, 558, 572, 575
конхэджон 331
коныמджонси 332
корё339, 562
кос 458
котвал 428, 463, 470
котвали 463
коу тянь 162
коша 99
кришнаизм 290
кром 584, 588
ксен 509
ку 206; см. также ва
кубунджон 331
куди 485
куктхон 178
кул 152
кула 205
кулапати 99
кули 150
куликанигама 46
кумараматья 47
кумондзё (позд. мандокоро) 341
кун (десятский) 579
кун («косогор») 365
кунби 457, 477
кунвонджон 331
кину икки 564
куни-но мияцуко 91
кунихакасэ 180
куннанг 585
купчур 411
куриалы 20, 21

курододокоро 187
куропалат 40
курултай 373, 375, 384, 398, 408, 410, 412, 414, 443
курунг пном 100
куст 29
кухендиз (арк) 252
куэйдэн 187
кха 586
кха пхра 584
кхари-боли (дехлави, хиндави) 464
кхатри 478
кхлонь 208, 213
кшатрий 49, 99, 142, 149, 202, 205, 207, 283, 284
кым 177
кын мыанг 581
кэ 76
кэбииси-но тё 187
кэху 313, 314
кэшуйсо 387
кючю 374
кяриз (канат) 251, 472

лагхусаманта 285, 286
лакх 420
ламаизм 396
лева 477
легат 508
ли (община-стодворка) 540
ли (объединение в 20 дворов) 73
ли (подчиновник) 540
лин 159
линвэнь 366
линга 99, 143, 202, 205, 209, 210, 215, 290, 576
лингаяты см. вира-шайва
линь 73
лисам 230
лицзя 395
ло 79
локапала 42, 99, 203
локаятики 144
лу 300, 387
лю бу 158, 323
люй 159
лян 303, 304
лянжэнь 169, 635
лянминь 77, 169
лянчжан 535, 541
лян шуй 164, 307, 308, 391, 535

мавали (ед. ч. мавла) 119, 122, 222
магистр 22
мадад-и мааш 475
мадхъямики 144
мазар 446
маздакизм, маздакиты 28, 126, 222
мазхаб 420, 421
мал 446
«малик» 410
малик 252, 277, 420, 422, 423, 425—427, 453, 625
малики балбани 451
маликизм, маликиты 228, 230, 258
малик-и наиб 470
малики шамси 423, 425, 451
малик ат-туджжар 470
мамлюк 277, 280, 281, 518—523
маназиль 227
манангсилапатра 582
мангилала драбья хаджи 220
мандала 290
мандалеша 285
мандалика 285
манди 460
мандокоро 341
манихейство 32, 156, 172, 262, 266, 318
мантра 290
мапанджи 361
мапатих 219—221, 589
марзбан 114
марзпанство 29
масджид 106
масневи 464
матракула 98
мау 349, 572
мауна 224
махаваннияр 296
махаданданаяка 47
махаджаны 288
махале 150
махалла 426
махамандалешвара 285
махамандалика 286
махамантри 363
махапа 54
махараджа 41, 44—47, 199, 218, 285
махараджадхираджа 41
махасаманта 285, 286
махаяна 53, 94, 203, 214, 575
ал-Махди (Махди, махди) 126, 130, 223, 276, 463, 476, 502, 523
махдизм 463
махендра 285
махзен 233
махипати 285
махсул 456
махсул-и диван 427
мацури 92
машхад 224
мевас 427
медресе 239, 244, 260, 436, 437, 443, 446, 449
мекаппар 150
мерген 368
метох 133
мё 188, 338
мёдэн 338

мёсю 188, 338, 563, 568, 569, 617
милк (мильк) см. мульк
миманса 144
минджон 332
минум сумпах 217
миньтунь 533, 541
минь тянь 392, 533
миньху 395
мирасдар 617; см. также заминдар
мирза 450
мистий 133, 512
митрокомия 19
моафи 439
мобед 31, 259
мобедан мобед 27, 29
модий 509
моздур 254
мокша 142
монофизитство, монофизиты 22, 36, 116, 515
монтюдзё 341
моукэ 304
мохэфу 364
мпу 361, 362, 591
мратани 206, 208
мтавари (мтавары) 35
му (единица измерения площади) 72, 73, 162, 163, 305—308, 316, 391, 392, 533—535
му (отряды) 584
муаййадийа 522
муваффиран 456
аль-мувахидун (альмохады) 231
мудали 491
музараа 234
мукаддам 457, 458
мукатаа гиран 456
мукта 272, 279, 426, 427, 454—457, 469, 474—476, 522; см. также иктадар
мулла 478
мултани 461
мулхид 463
мульк (милк, мильк, мюльк, мн. ч. амлак) 127, 252, 272, 422, 427, 446, 475, 499, 500, 504, 520, 624, 631
мун 579, 588
мунсанге 330
аль-мурабитун (альморавиды) 230
мурид 432, 502
мусанге 330
муслимуна 105
мустагал 463
мусталиты 276
мустоуфи 268
мутавалли 446
мутаджассимун 231
мутазилизм, мутазилиты 225, 228
мутакаббил 235
муталассимун 230
муттетту 488
мухаджир 106, 107, 113, 114
мухтасиб 246, 463, 471, 521
мушриф 268
мыанг 579—584, 587, 588
мэнкэ 76
мэнсяшэн 158
мэнъань 304
мюльк см. мульк
мюрид см. мурид
мюселлем 495

на 580, 584, 585
наванданна 490, 491
наг 206
нагара 98—100, 200—202
нагарагуттика 58
нагарам (нагараттар) 288
нагари 198, 199
надалван 288
наддафи 462
наду 287, 288, 484
найянар 145, 291, 486
накшбендие 449
нам 331
намаз 277
нанадеши 295
наньжэнь 394
наньцзюй 318
нарадхипа 285
нарендра 285; см. также махендра
насиби 424
наттар 287, 288, 485
наф 27, 28
нахарары 35, 37
наяка 481, 482, 484, 486
наякаттана 484; см. также амарам
неактьеа 214
негус 109
необуддизм 345, 570
неоконфуцианство 317—319, 558, 572, 575
несторианство, несториане 22, 31, 318, 367
нибандха 292
нигама 51
низариты 276
нилапатадаршана 147
нильгари 462
нимруз 33
ниндагам 488
нини 325
нирвана 579
нисба 436
нитишастра 285
Нихон кокуо 567
ноби 89, 178, 329, 330, 546, 547, 552, 554, 557
ногып 177
нойон 368, 370, 373, 374, 408
номисма 122, 509
нонг-но 352
норито 92

нория 226, 231
но-ти 352, 572
нуби 169
нуиннам 358
нукер 369, 370, 374
нуккариты 228
нун 82
нунтуки 368
нутуг 527
ньяя 144, 290
нэджанджон 331
нэйгэ 529
нэйфу уцзяньцзюй 537

оккалу 288
оли 491
он ок бодун 64
орда («ставка») 369
остан 29
отё кокка 336
оток 526

павени см. правени
павликиане 135, 136
пайцза 374
пакиракиран 363
пали 96, 199, 298, 577, 583
паллава 204
палли 485
памсукулика 148
памуну 149, 488, 491
памуну парапуру 149
пан 579
пангкур 221
панджаби 477
панджан 459
панджи 219, 363, 590
панчаят 617
парамабхагавата 53
парахара 150
паргана 473, 474
парик 133, 134, 137, 509, 512
парикия 512
парсик 24, 32
паршника 285
пати 98
патру 485
паттадай 485
паттабхадж 285
паттадхара 285
паура 218
пашупата 206
пекулий 19, 20
пехлеви 32
пешак 27
пешак-е сардаран 27
пир 477
пиштра 625
пияде см. яя
понджок 553
пони 206
правени (павени) 488
прай 585, 586
прай луанг 587
прасины 22
прахарака 285
префект претория 21
префектура 21
прониар 134
прония 134, 496
пугок 88, 89
пуджа 143
пура 202—205, 472, 581
пурана 44, 52, 143, 477
пураскрита 46
пуху 538
пхинга 325
пхра 586
пху бан 581
пху ной 582
пху яй 582
пхэсоль 559
пэк 331

рабат 252
рават 138
раввин 112, 228
раввиниты 228
равк 519
радала 491
раджа 99, 285, 420, 421, 451, 467
раджагана 54
раджакария 296, 490, 491
раджа коша 206
раджакумара 217
раджапутра 217, 286
раджасабха 150
раджпут 139, 283, 284, 286, 289, 457, 471, 474, 475
раджья 483
раи 138
рай (единица измерения площади) 585
рай (суходольное поле) 580
райат (раийат, райят, мн. ч. реайя) 28, 257, 264, 415, 433, 453, 456, 457, 500, 501, 624, 625
райис (раис) 252, 425
раййат-и хасс 279
рака 218, 220
ракерьяны 363
рам 28, 29
рама 219, 362, 363, 590
раманта 220
рамик 35
рана 138
расо 292
ратмахара 488
ратнинда 488
рату 218
ресм-и чифт 500

рёсю 564
ри 183
рибат 230
ар-рида 124
ринд 436
рицурё 187
рицурё кокка 336
риши 583
родий 491
ротчик 35
роуганга ри 462
рубайат 464
руга 132
руз 463
рузи 462
рустами 460
рыан 579, 580

са 349
сабунгари 462
сабха 99, 288
савафи 233
садака 113, 114
саджон 331
садр 277, 409, 446
садр-и джахан 470
сайид 466, 480
сайн хувун 368
сактина 585—587, 624
са-куан 350
салагама 149, 491
салаф 225
салахати 459
саманта 47, 285, 286
саме 590
самрадж 41
самуда/самудра 59
самурай 342, 345, 346, 560, 561, 568, 570, 626
самурайдокоро 341
самья 363
самья хаджи 363
сангха 58, 59,, 147, 148, 178, 192, 193, 293—295, 333, 350, 355, 358, 488, 580—582, 587, 595, 598
сангха (поэтическая академия) 145
сангхараджа 595
сандэдын 177
санкхья 144, 290
сань сы 529
сарвастивадины 203
саркар 474
сарраф 461
сартхаваханигама 46
сато 183
сатпантх 477; см. также имам-шахи
сенапати 54, 294, 296
сербедар 412, 431—434, 443, 444, 465
сеттхи 58
сечен 368
сёгун 341, 342, 561, 563—565, 567, 570
сёгунат 345, 560, 561
сёдзю 561
сён 588
сёэн 188, 189, 335, 337—342, 345, 560, 561, 563, 564, 566, 569
си 330
сигып 331
сиддха 206
сиджо 559
сиджон 554, 555
сиккэн 342, 346, 559, 560
сикхизм, сикхи 478, 479
сима 219
синдхи 477
синдэндзукури 337
синклит 132
синто (синтоизм) 92, 191, 346
син-чжуншушэн 387, 388, 528
синшиху 312
син-шумиюань 528
син шэн 382
сипахи 498—501, 505, 625
сириваннияр 296
ситё 185
сиэйдэн рёсю 189
смрити 52
со (деревенская община) 88, 89
со (караул) 531
со (орган управления) 177, 330
со (соседская община) 563
собуа 591
согён 177
солемний 134
солид 20
сонджон 177, 552
софриты 228
союргал 435, 439, 446, 632
сре 208
срук 208
стратиг 132
стратиот 132, 133, 135
су 374
суйбокуга 570
суйшэнь 170
султан 224, 225, 237—239, 241, 257, 268—276, 278—282, 406, 412, 419, 422—428, 432, 435, 437—439, 443, 445, 448, 450—457, 460, 463—476, 479, 480, 482, 497—499, 502—504, 509, 518—524, 634
султанат 238, 480—482, 498
суннизм, сунниты 118, 129, 225, 228, 236, 238, 239, 255, 256, 258, 263, 280, 470
супрематия 408
сутра 194, 333
суфизм 239, 258, 282, 421, 478
сухравардие 421, 472
сы 166

сы-куан 347
сыкэ 76
сы тянь 163, 306, 392
сэмужэнь 394
сюаньвэйсы 388
сюаньчжэнъюань 396
сюбаши 278
сюго 341, 342, 560, 561, 564, 565
сюгю рёкоку 564
сюэ тянь 306
сян 162, 309
сянь 529
сяовэнь 366
сяошо 318

таван 221
тага 289
тагар 411
тайджи 527
тайсюэ 544
тайши 525
талпад 474
тамга 368
тамнан 583
там па хай пен на 580
тамплиеры (храмовники) 246
тан 177
танг 208
танк 458
танка 461
тантризм 96, 290
тапу 501
тараф 469, 470
тардуш 152
тарикат 463, 472
таркан 152
танханство см. дархатство
тасудж 29
таухид 231
тенгис 370
теравада см. тхеравада
тё 182, 183, 186, 188, 334, 561
тёкусидэн 187
тёлис 152
тёрю 152
тимар 496, 498, 500, 504, 620, 631
тимариот 498, 500
тимъяз 232
тираз 235
тирип 221
тиртханкара 143
тиул 484, 620, 631
то 330
тогам 330
тоимару 345, 566
токусэй икки 569
томо-бэ 91
«тонгуз-хан» 448
тонмэн 83
то тиен 195

тракун 585
ту 550, 553
туань 310, 311, 314, 393, 538, 542
тудун 66, 152
туики 358
тумен (тумэн) 409, 516, 526
тунджон 331
тункэ 76
тунпань 301
тунь 72
тунь тянь 72, 163, 306
тупхум 88
туруска данда 420
тус хаган 368
тусы 388
тутук 154
туфа 322, 368
тхаг 476
тхай-ап 351
тхаккура 138, 141, 475
тхамма 582
тханадар 471, 475
тхани 220, 363, 590
тхат 585, 586
тхеравада (теравада), тхеравадины (теравадины) 59, 93, 96, 199, 214, 215, 576, 577, 579, 580, 582, 587
тхеры 293
тхиен см. дхьяна
тхохо 617
тэнно 91
тюргеш-каган 154
тянь 172; см. также зороастризм
тянькэ 76
тяньцзы 158

убаху 312
удж 493, 494
удзи 91, 340
улемы 264, 424, 453, 476, 496, 505
улус 367—374, 383, 408—410, 412, 434, 526
улусун эджен 367
уммат 250
упанишады 144
упарика 45—47
ур 288
уртак 413
урук 367—369, 374
утицуоми 180
уцзу 324
учавади 483
ушр 126, 422, 500
уэды 231

фавазил 427
фай 116
фаллах карари 520
фанчжэнь 300
фаньху 170
фарси см. дари

феддан 624; см. также чифт
феллах 235, 523
фема 132
фу 300, 322, 529
фу бин 159, 161, 302
фулао 77
футувва 282
фьеф 245
фэй цянь 167
фэн лю 80
фэнь ди 388, 392

хаган см. каган
хаджж 103, 106, 109, 112, 113
хаджи 215, 217, 361
хакан 37; см. также каган
халиса 427, 453, 471, 473
халиф 37, 39, 40, 113, 114, 116—119, 121—131, 222—225, 232—238, 243, 244, 254—256, 263, 264, 270, 273, 276, 277, 280—282, 380, 412, 414, 423, 437
халифат 118—120, 126, 230, 237
халк 476
халка 519, 521, 522
хан (территориально-профессиональное объединение) 166, 310, 311, 314, 393, 538, 542
хан (титул) 65, 152, 155, 366, 367, 370—375, 382—384, 386, 388—390, 399, 405, 408—412, 414, 418, 423, 426, 427, 433—435, 443, 444, 493, 517, 524—528, 532, 547
ханака (ханека) 239, 421, 463, 475
ханбализм, ханбалиты 225, 258
ханден 590
ханека см. ханака
ханифиты 228, 258
«хань жэнь» (ханьжэнь) 315, 394
хао цзу см. да цзя
хараг см. харадж
харадж (хараг) 116, 126, 127, 234, 235, 278, 411, 420, 422, 427, 446, 453, 454, 456, 457, 519, 520
мисаха (муфадана) 127
мукасама 127
мукатаа 127
хараи 92
харак 459
хариджиты 118, 122, 124, 125, 223, 228, 230, 263
харистикий 134
хасс 498, 500
хасса 226
хассе 415; см. также инджу
хахо 83
хашам 264, 279
хашар 279
хашиш 276
хашшашун 276
хвараны 178, 179
хена 491
хиджра 106, 112, 123
хидмет 456
хинаяна 59, 203
хиндави см. кхари-боли
хинду 290
хира санда памуну 149
хиссе-йе диван 427
хиссе-йе мукта 427
хиянг 217
хо 195
хоанг де 347
хоанг-нам 352
хондзо 93
хорасан 33
хорбран 33
хорезмшах 263, 266—268, 270, 281, 282, 375, 376, 378—383, 406, 407, 412, 423, 516
хошун 526
храмовники см. тамплиеры
ху (мера объема) 72, 73; см. также ши
ху (титул) 83, 331
хуайцзяо 311
хуанбэнь 318
хуанди 158, 324, 367
хуан чжуан 163, 536
хуби 373, 374
ху бу 537
худа 369
ал-хузийе (хужик) 24
хукук-и мараи 278
хулу 217
хулун 590
хулунтухан 217
хулун хаджи 218
хун 330
хуррамиты (маздакиты) 39, 222, 258, 432
хута 457
хутба 224, 225, 254, 264, 273, 274, 280, 419, 422, 423, 443, 466
хуэйцзы 311
хян 88, 89
хянга 179

цзайсян 300
цзаху 170, 314
цзацзюй 397
цзедуши 161, 299, 300, 320
цзин цзяо 172
цзинь 73
цзиньши 158
цзо 310
цзунцзу 75, 313
цзуюань хуанди 367
цзю 366
цзюань 544
цзюй 388
цзюйдины 314
цзюнь 300
цзюньну 395

цзюньтунь 533
цзюнь тянь 72
цзюнь ху 531
цзя 540
цзякэ 76
цзяну 394
цзянь 300
цзяньжэнь 77, 169, 314, 635
цзяо цзы 311
цин 73, 75, 163, 305, 306, 308, 313, 392, 393, 533, 536
циюань 313
цунь 72, 79
цути икки 569
цы 318
цыши 158, 193
цюйкоу (вар. цюйдин) 392, 394, 540

ча 331
чак 330
чакравартин 206, 285, 286
чамар 478
чанг 571—574
чангун 331
чандала 149, 479
чанчжу 170
чань-буддизм 193
чао 579—581, 588
чаркха 459
чатурамшика 285, 286
чаугама 287
чаудхри 427, 457
чаураси 140, 287
чаутхури 368, 371
чван 359
черби 369, 372
чжай лян 533
чжанли 387
чжань тянь 72, 73
чжи тянь 163, 306
чжоу 158, 300, 529
чжу 324, 367
чжуан 314
чжуан тянь (чжуантянь) 305, 306, 536
чжуанъюань 305
Чжунжу 323
Чжуншушэн (чжуншушэн) 158, 300, 387, 388
чжуху 313, 314
чжу цзо 538
чжэнь 308, 536, 537
чи 301
чиенг 580, 581
чикчон 556
чинголь 88
чинсан 553
чипсасон 177
чифт 624
чихильгани 423
чиштие 421, 463, 464
чонсиква 331
чор 66, 152
чоуган 422
чу 177
чуаньци 544
Чунбан 331
чунги-йе галла 462
чунси (сиджун) 177
чхан 330
чхонин 88, 89, 331, 332, 550
чэнь 324, 377, 378

шад 37, 152
шайвасогата 363
шакамурунда 42
шакти 206, 207
шан 82
шантунь 539
Шаншушэн 158
шаньюй 69, 324
шариат 228, 277, 278, 418, 422, 427, 428, 436, 443, 455, 463, 499, 505
шафииты 258
шах 23, 25, 26, 30, 32, 34—36, 65, 115, 268, 280, 380, 439, 441, 450, 482
шаханшах 23—29, 31, 32, 34, 117, 256, 261, 274
шаханшах бандак 27
шахр 26
шахри 460
шахристан 26, 252
шах шахиншах 42
шветамбары 53
шейх 232, 233, 238, 423, 431, 433, 440, 442, 463, 472, 494, 502
ши (мера объема) 73, 74, 316, 391, 392, 533—535; см. также ху
ши (нормативные правила поведения) 159
ши (торгово-промысловые поселения) 308, 310, 536—538
ши (ученые) 82, 540, 541
шиа Али см. шииты
шибосы 311, 393
шибоу 311
шибочан 311
шиваизм, шиваиты 96, 142—144, 206, 209, 290, 363, 482, 576, 577
шиизм, шииты (шиа Али) 118, 120, 121, 124—126, 128, 129, 224, 225, 230, 238, 244, 254, 256, 258, 263, 280, 282, 431, 437, 470
шинакан 35
ширинбафт 459
шифэн 77
шихна 278, 279
шрени 51
шрештхинигама 46
шри абхишека 582
шри-гопала 485
шудра 49, 52, 141, 286

шужэнь 170
Шуми 323
Шумиюань (шумиюань) 300, 388
шура 117
шурта 224
шуубиты 251
шуюань 544
шэньши 312, 395

экскуссат 133
экскуссия 134
эль 61, 152
эльтебер 152, 155
эмакимоно 345
эмир 230, 232—234, 237, 239, 241, 242, 244, 247, 255—257, 264, 266, 269, 270, 275, 277, 279, 280, 406, 408, 416, 418, 421, 423, 427, 433, 434, 443, 447, 451, 455, 463, 465, 467, 469, 472, 494, 519, 520, 523
эмират 493, 496, 498, 508
эмир аль-муминин 232
эмиры шамси 424; см. также малики шамси
эмфитевсис 19, 234
энапограф 19
эпитропос 30
эр 152, 268
эргастерия 20
эргунэ 365
эристав 38
эристави 35

юаньбэнь 318
юводраджа 217
Юйшитай (юйшитай) 158, 323, 388
юн е тянь 162
юрт 408
юртчи 444
ю-чэнсян 388
юэ 170

ябгу 152, 155
ябгу-каган 64
ядагу хувун 368
яджня 143
ядянь 538
якабэ 180
якуай 538
ямато-э 337
ямб 311
ямы 411
янбан 331, 552
янъин 88, 331, 552
янычар 498
ярлык 374
яса 373
яхан 538
яцуко 91
яя (пияде) 495

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава I. Азия на рубеже древности и средневековья 11

Византия в IV—VII вв. 15

Государство Сасанидов 23

Закавказье в IV–XI вв. 34

Индия в гуптский период 41

Ланка в первые века нашей эры 53

Первый Тюркский каганат 60

Китай в III–VI вв. 67

Корея в период Трех государств 83

Япония в III–VI вв. 90

Распространение буддизма в Юго-Восточной Азии 93

Индокитай. Государство Фунань (Бапном) 97

Глава II. Установление феодальных отношений на Востоке 102

Ранний ислам 102

Арабские завоевания. Халифаты Умайядов и Аббасидов. Распространение ислама . . 113

Византия в VIII–XII вв. Генезис и развитие феодальных отношений 131

Раннесредневековая Индия (VII–X вв.) 137

Ланка в VII–X вв. 146

Второй Тюркский каганат 151

Уйгурский каганат 155

Китай в конце VI – начале X в. (Империи Суй и Тан) 157

Государство Объединенное Силла 174

Япония в VII–X вв. 180

Вьетское общество и государство в VI–IX вв. 192

Первые государства на территории Мьянмы (IV–XII вв.) 196

Дваравати и Ченла 202

Камбуджадеша (Ангкор) в VIII–XIII вв. 208

Генезис государственности у народов Западной Индонезии. Шривиджайя 215

Матарам 218

Глава III. Азия и Северная Африка в X–XIII вв. 222

Распад Аббасидского халифата 222

Магриб в IX–XI вв. Альморавиды и Альмохады 225

Государства Фатимидов и Аййубидов 233

Ближний Восток в эпоху крестовых походов 239

Государства Саманидов и Газневидов 250

Средняя Азия в III–XIII вв. (до монгольского завоевания) 261

Сельджукское завоевание и государства Сельджукидов 268

Южная Азия в XI–XII вв. 283

Ланка в XI–XIII вв. 292

Китай в X–XIII вв. (Империя Сун. Государства Ляо и Цзинь) 298

Тангутское государство Си Ся (982–1227) 320
Государство Корё 327
Япония в X–XIII вв. 333
Вьетское государство в X–XIII вв. 346
Государство Паган 353
Государства Кадири и Сингхасари 360
Глава IV. Монголы и монгольские завоевания 364
Монголия в первой половине XII в. 364
Монголия во второй половине XII — начале XIII в. Возвышение Чингис-хана и создание единого монгольского государства 369
Завоевательные войны Чингис-хана 375
Монгольское владычество в Китае (Династия Юань) 384
Борьба народов Кореи, Вьетнама, Бирмы и Индонезии против монгольских захватов . 398
Чингис-хан и Чингисиды в Средней Азии 405
Держава Хулагуидов 412
Делийский султанат в XIII в. 418
Глава V. Между монголами и португальцами (Азия и Северная Африка в XIV–XV вв.) 430
Иран в XIV — начале XV в. 431
Иран в XV в. 437
Тимур и Тимуриды в Средней Азии 443
Делийский султанат в XIV в. 451
Делийский, Бахманидский и Гуджаратский султанаты в XV в. 467
Виджаянагар 480
Ланка в XIV–XV вв. 487
Османская империя в XIV–XV вв. 493
Упадок Византии в XIII–XV вв. 505
Закавказье в XI–XV вв. 514
Государство Мамлюков в Египте 518
Государство Даян-хана в Монголии 524
Китай во второй половине XIV–XV в. (Империя Мин) 528
Корея в XIV–XV вв. 546
Япония в XIII–XV вв. 559
Дайвьет в XIV–XV вв. 571
Империя Камбуджадеша в XIII–XV вв. 575
Сукхотаи и Аютия 578
Государство Маджапахит 588
Мьянма в XIV–XV вв. 591
Глава VI. Восток в мировой типологии феодализма. Восточный феодализм 600
Глава VII. Итоги исторического процесса на средневековом Востоке к концу XV в. (Вместо заключения) 627
Список сокращений 640

Библиография 641
Список карт 664
Указатель имен 665
Указатель географических названий 682
Указатель терминов 701

Научное издание

ИСТОРИЯ ВОСТОКА
II
Восток в средние века

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Редактор *Л.В.Негря*. Младший редактор *И.М.Гриднева*
Художник *Э.Л.Эрман*
Художественный редактор *Б.Л.Резников*
Технический редактор *Е.А Пронина*
Корректор *И.С.Мордасова*

Изд. лиц № 020910 от 02.09.94. Сдано в набор 25.10.93
Подписано к печати 07.06.95. Формат $70 \times 100^{1}/_{16}$
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. п. л. 58,5
Усл. кр.-отт. 58,5. Уч.-изд. л. 62,5. Доп. тираж 1500 экз.
Изд. № 7369. Зак. № 52

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ДЛЯ ЗАМЕТОК